

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Абдуллина А.Ш., Лысова О.В., Нигматуллина Л.А.
Социально-культурная адаптация иностранных
студентов в поликультурном пространстве..... 9

Боцца Анна, Козимо Козимо Марко Скарчелли.
Взаимодействие сегмента роскоши и устойчивого
развития: изучение потребительских восприятий
и влияния социальных сетей..... 13

Деревянченко Ю.И. Мониторинг оценки
удовлетворенности качеством образования в вузе
на основе метрики CSAT..... 16

Епхийев О.М., Моисеев А.В. Социально-политические
факторы и условия социального благополучия
в современной России (описательное исследование) 21

Ерзылева И.А., Мамаева Ю.А. Традиционные
семейные ценности и благосостояние социума 27

Зейналлы Р.Р., Классов А.М., Бибердов Т.-А.
Влияние молодежной политики медицинского
университета на формирование культурной
идентичности будущих врачей в условиях
глобального цивилизационного и ценностного
кризиса 31

Лю Цзе. Построение механизма направления
общественного мнения о Синцзяне в эпоху
постправды 36

Магаррамов М.Д., Велиев О.В., Караев И.И.
Этическое сознание молодежи – условие
гармонизации социокультурного пространства
современной России..... 41

Мамедов А.К., Коркия Э.Д., Максимов А.А.
К вопросу об эстетике безобразного на примере
современной скульптуры в общественном
пространстве 44

Мезенцева Л.В., Ермаков М.А. Понятие «социальная
коммуникация» в профессиональном образовании 51

Демин И.С., Самсонкин М.О. Подход к анализу
сентимента новостных текстов в мессенджерах 55

Шестакова Т.А., Уварова С.В. Современные медико-
биологические методы комплексной диагностики
по управлению тренировочным процессом бегунов
среднего возраста..... 61

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистриро-
ван в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, за-
служенный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, профессор
Московского педагогического университета, академик РАСН, РАЕН, Международной
академии наук (русская секция)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор действи-
тельный член РАЕН; **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук,
профессор, почетный работник ВПО РФ; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор
педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуни-
кации и медиаобразования, член Союза журналистов России; **Волков Юрий Григо-
рьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ,
директор Института социологии и регионалистики, ЮФУ; **Иванов Виллен Николаевич** –
доктор философских наук, профессор, действительный член Академии литературы,
почетный доктор Института социологии РАН; **Капицын Владимир Михайлович** – док-
тор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой по на-
учной работе, МГУ им. М.В. Ломоносова; **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор
химических наук, профессор, главный научный сотрудник, ИСПИ РАН; **Кефели Игорь
Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой куль-
турологии и социологии Балтийского государственного технического университета;
Козлова Оксана Николаевна – доктор социологических наук, профессор, директор
Института социологии (Польша); **Кривопусков Виктор Владимирович** – доктор соци-
ологических наук, профессор Государственного университета управления; **Макаров
Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой про-
ектирования образовательных систем Республиканского института Высшей школы
(Беларусь); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор,
зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного
университета; **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профес-
сор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра
политологии и политической социологии Института социологии РАН; **Ореховская
Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, заведующий кафедрой гума-
нитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панфиро-
ва Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук,
профессор, член международной федерации журналистов, профессор Московского
педагогического государственного университета, почетный работник Высшего про-
фессионального образования РФ; **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономиче-
ских наук, профессор, Президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-
Петербургского университета; **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических
наук, профессор кафедры Корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник
ВПО; **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, за-
ведующий кафедрой сравнительной социологии факультета социологии, декан Фа-
культета социологии СПбГУ, директор Центра изучения Германии и Европы; **Хазиев
Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник
ВПО РФ, директор научно-исследовательского центра развития исламского образо-
вания БГПУ им. М. Акмуллы.

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.04.2025 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецен-
зированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от
информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

<i>Баданов А.А., Тугой И.А.</i> Миграция больших данных: необходимость и особенности	66
<i>Булаева Н.А., Махотин Д.А.</i> Цифровая трансформация как фактор развития кадрового потенциала педагогов СПО в условиях перехода к гибридному обучению	72
<i>Валюкас Н.Н.</i> Роль социальных сетей в формировании обратной связи между населением и представителями местного самоуправления в современных российских муниципалитетах	75
<i>Гостев А.Н., Сельская П.Д.</i> Современное информационное противоборство: социокультурная обусловленность	81
<i>Дун Юэцзяо.</i> Социальные механизмы материального стимулирования труда в современных организациях	87
<i>Исмаил Виссам Васим.</i> Социальное управление как фактор устойчивого развития нефтегазовых компаний в условиях ESG-трансформации	92
<i>Качаева Г.И., Лаврушина Е.В., Силаев И.В., Тамьярова М.В.</i> Совершенствование экспертизы закупочной и отчетной документации в сфере образования инструментами искусственного интеллекта	98
<i>Крганов Р.Р.</i> Субординация и автономия руководителя: PRO ET CONTRA	102
<i>Лесонен М.С., Шадрин Н.М.</i> Формирование кадрового потенциала системы СПО через образовательные кластеры: модели взаимодействия с вузами и работодателями	105
<i>Нарбут К.А.</i> Взаимодействие БРИКС и ЕАЭС	109
<i>Павлова М.П.</i> Интеграция социально-экономических процессов для сопровождения созидательной творческой деятельности	112
<i>Сухарев Е.С., Потемкина Ю.Г.</i> Государственная молодежная политика формирования культуры межнационального общения: опыт стран БРИКС и СНГ	115
<i>Сухоплюева Т.А.</i> Способы измерения социальной адаптации студентов к образовательной среде	119
<i>Федоренко Я.М., Скороходов С.Н.</i> Оценка влияния цифрового маркетинга на эффективность продвижения и позиционирования спортивного события	123
<i>Хаванова Н.В., Данилова В.А., Гасило Л.В., Вершинина О.Е.</i> Социально-экономические проблемы и потенциал развития специальных направлений туризма	127
<i>Ци Сюэ, Миняжев Т.Р.</i> Модели социального управления в университетах России и Китая: от централизованного к децентрализованному подходу	132

<i>Черникова Т.А., Шайдукова Л.Д.</i> Программа «Материнский (семейный) капитал»: сущность, механизмы реализации и перспективы развития	137
<i>Чурилов С.А.</i> Проблемы цифровой маргинализации среди молодежи России: социологическое измерение. Опыт НЦПТИ	141
<i>Шулов В.И., Челечева В.Н., Мартынова О.Ю.</i> Наставничество и цифровые треки профессионального роста как инструменты формирования кадрового потенциала молодых преподавателей СПО	144
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ	
<i>Берберова Л.Б.</i> Мифологическое восприятие кузнечного дела у древних тюрков	149
<i>Владимиров И.А.</i> Содержание профессионально-ценностных ориентаций студентов технических специальностей в системе высшего образования	152
<i>Выскребцов Р.Ю.</i> Понятие, сущность, типология и формы политического насилия	156
<i>Горскина Н.Н.</i> Лингвокоммуникативный аспект бытия общества как условие сохранения мира и устойчивого развития	160
<i>Зыщик Е.Б.</i> Технологизация как социокультурный феномен: понятие и характеристика	163
<i>Елдин М.А., Ширшов А.В., Изергина В.П., Шегулова М.А.</i> Парадигма поствизантийской духовной традиции в Евразии: социально-философский аспект	169
<i>Кучкаров З.А., Деревянко М.С.</i> Концептуальная конструкция как инструмент познания, развития и управления	174
<i>Матвеева Я.В.</i> Имперская идея и её возможности	180
<i>Наумова Т.В.</i> Наука как важный фактор цивилизационного развития современной России	185
<i>Омарова Л.Б., Музашвили Д.З.</i> Философско-исторический анализ патриотизма: духовные основания и современные вызовы	193
<i>Ореховская Н.А.</i> Социально-гуманитарные знания как ответ на большие вызовы российскому обществу ...	200
<i>Пичугин В.Г.</i> Социально-психологический механизм «культуры отмены»	203
<i>Платухина М.В., Сулимова Е.А.</i> Проблема гуманизма и культуры в период развития научно-технического прогресса	207
<i>Пхунтхасан Пхра Парон.</i> Современные направления исследований Тхеравады (2020–2024): междисциплинарный синтез доктрины, практики и социальной ангажированности	211
<i>Равочкин Н.Н., Рахинский Д.В., Жданов В.Л., Кудреватых А.В.</i> Цифровые коммуникации высшей школы: философский анализ	218

Илларионов Г.А., Кудашов В.И., Нескрябина О.Ф.,
Рахинский Д.В. Проблема отчуждаемости традиции
в контексте культурных оснований воук-идеологии
и защиты традиционных ценностей 222

Солдатов И.С., Серёгина Т.Н. Рецепция феномена
коллекционирования в работах П. Бурдые 227

Сорокин К.А. «Идея всечеловека в контексте
европейской культуры XIX–XX века»: анализ
проблемы в философии Ф.М. Достоевского
и М. Шелера 231

Сун Юйбо. Исследование теории популярной
культуры Джона Фиска 237

Суховская Д.Н., Ермакова Л.И. Формирование
креативного мышления в условиях коворкинга:
педагогическая урбанистика как инструмент
образовательной среды 242

Сяо Хуачуань. Философия и эстетика европейской
трубы в китайской академической музыке 248

Щербина И.А. Философия науки: концептуальные
основы и перспективы развития 252

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Воронкова О.А. Феноменология сети: проблемы
понимания и взаимопонимания 256

Мтвралашвили М.Э. Проблематика избытка
в травматическом опыте человека в теориях Фрейда
и Лакана 261

Таран М.Д., Гавров С.Н. Конструирование культурно-
цивилизационной дифференциации в глобальном
медиапространстве 267

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Аторин Р.Ю. Научно-просветительская деятельность
древлеправославного епископа Курского
Аполлинария (Дубинина) в зеркале канонического
права 270

Веремчук В.И., Крутилин Д.С., Григорьев Н.Ю.
Религиозность военнослужащих в условиях боевой
обстановки 273

Зверев С.П. «Духовное» и «религиозное»:
философско-религиозный смысл, дилемма
первичности 279

Пхунтхасан Пхра Парон. Винная как монашеское
право в тайском буддизме: религиоведческий
и юридический анализ 285

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Бочанов М.А., Ивакина Е.А., Салькова Д.Р.,
Толкачева И.К. Эволюция роли женщин
в политическом процессе России: ретроспективный
анализ 292

Родионов М.А., Волкова Т.А. Политические элиты
в современном мире 299

Замятин О.А. Проблема политического
продвижения «зеленой повестки» стран
Европейского союза на примере стран Центральной
и Восточной Европы 305

Зиновьев М.А. Гражданское общество
в современном политологическом дискурсе 309

Иванов П.П. Информационные и поведенческие
войны как новый политический вызов 313

Михайлов Н.В. Конструирование образа победы
в контексте боевых действий: семиотика звука
и изображения в политических видеороликах 317

Олимзода Сорбони Шамсиддин, Зазян А.М.
Преемственность исламских традиций в Российской
культуре 322

Русанов И.Д. Дилемма о консолидирующих основах
государства Израиль 327

Соловей А.А. Основные направления работы
структур гражданского общества в процессе их
взаимодействия с органами власти в современной
России 330

Чжан Янь, Печерица В.Ф. Политический курс
развития высшего образования в Китае после
реформ и открытости 333

Бельников С.С., Эйсаев М.Б. Структура российского
политологического знания о сетевом подходе
и сетевом анализе 339

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Бакшеев А.И., Турчина Ж.Е., Афанаскина Л.Н.,
Екимова Е.Ю., Фатьянова О.П. Экологический
экстремизм как угроза политике устойчивого
развития: идеологический и практический аспекты 345

Ван Ли. Взаимодействие между АСЕАН и ЕАЭС 350

Пау А.Н., Кочневский П.В., Данилова Ю.С.
Франция и европейская интеграция: концепция
«Франкофонной Европы» через призму материалов
Le Monde (1957–1992) 354

Тихонов Ю.О. Адаптация к изменению климата:
мировые практики и их применение в российском
контексте 359

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Абилова Г.В. Основные направления гуманитарного
сотрудничества стран БРИКС 363

Ван Синьюэ. Угроза международного терроризма
для нетрадиционной безопасности в Центральной
Азии 367

Гулева М.А., Калинина А.А. Обзор деятельности
Медиакорпорации Китая и ее роль
во взаимодействии с российскими СМИ 371

Джумесси Теча Франк Жиресер. Особенности
развития информационных технологий в Южной
Африке и их влияние на развитие групп БРИКС 375

<i>Кулакова Н.Н.</i> Теория и практика информационного сопровождения конфликта	381	<i>Аржанов А.А.</i> Интеграция на постсоветском пространстве: взаимоотношения Российской Федерации и частично признанных государств, возникших в условиях вооруженных конфликтов, – на примере Абхазии и Южной Осетии	451
<i>Мартыненко С.Е., Хеззехова К.Т.</i> Спортивная дипломатия королевства Саудовская Аравия и Катар... ..	385	<i>Бидарова Ф.Н., Гугкаева М.К.</i> Механизмы интеграции предметных областей фармацевтических дисциплин: горизонтальные и вертикальные подходы к качеству образовательного процесса	457
<i>Медушевский Н.А., Абрамова А.А.</i> Проблемы и перспективы развития Альянса государств Сахеля.....	391	<i>Бутенко Т.А., Лукашенко Е.С., Смирнова И.Ю.</i> Синтаксические особенности реализации каузальной цепи «Одна причина порождает несколько взаимосвязанных следствий» (на материале американских предвыборных теледебатов)	464
<i>Подберёзкин А.И., Юдин Н.О.</i> Суверенитет = самодостаточность (автаркия) – как принцип формирования нового миропорядка.....	396	<i>Деревянченко Е.А.</i> Медиация и проблемы межкультурного взаимодействия в сфере образования	468
<i>Потевский Н.А.</i> Сотрудничество Европейского союза и НАТО в сфере кибербезопасности	400	<i>Инякина А.Д.</i> Индия в международном научном сотрудничестве в Арктическом регионе	472
<i>Се Ханьтин.</i> Влияние политики дедолларизации России и Китая на структуру международных отношений в постгегемонистскую эпоху	406	<i>Косарев И.В.</i> Социокультурные адаптации и инновационные стратегии управления в банковской сфере России в условиях санкционного давления: вызовы и перспективы.....	479
<i>Флорес Агирре Хуан Фелипе, Торо Нестеренко Ярослав Себастьян.</i> Политические перспективы между Колумбией и Венесуэлой в связи со вторым сроком президентства Дональда Трампа	410	<i>Мирошниченко М.А., Петрова Т.Э.</i> Мировой опыт управления киберспортивными мероприятиями.....	484
<i>Ху Вэньсюй.</i> Формирование стратегии Чан Кайши на сближение с СССР против японской агрессии (1931–1937)	418	<i>Бутенко Т.А., Лукашенко Е.С., Смирнова И.Ю.</i> Синтаксические особенности реализации каузальной цепи «Одна причина вызывает следствие, которое становится причиной для другого следствия» в американских политических теледебатах	488
<i>Шатохин М.В., Агеев А.Э., Набатова А.М.</i> Энергетические приоритеты в системе государственной политики саудовской Аравии	423	<i>Посвятенко Ю.В.</i> Социокультурные особенности становления строительного образования в Москве в XVII – первой половине XIX вв.....	492
<i>Сюй Чанг, Шахид Ян Африди.</i> ШОС объединяется с «глобальным Югом» для укрепления нового мирового порядка.....	427	<i>Садовников Н.А.</i> Традиционные ценности как вызов аксиополитической монополии «Западного универсализма»	500
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ		<i>Данилова Е.А., Сухарев М.А.</i> Роль социогуманитарных проектов в формировании политического имиджа России в странах ЕАЭС: медиадискурс и стратегии интеграции.....	506
<i>Мамаева Ю.А., Вавилов Д.С., Гунько А.М., Диденко А.С.</i> Сравнительный анализ миграционной политики РФ для создания условий технологического лидерства.....	431	<i>Чжан Вэньци, Ревенко И.В.</i> Произведения В.П. Астафьева в переводе на китайский язык	515
<i>Кравченко А.И.</i> Метафора лоскутного одеяла.....	435	<i>Ярымова О.В.</i> Формирование новых архитектур безопасности в Азии: Россия, Китай и США в условиях геополитического противостояния в 2024–2025 годах	519
<i>Микрюков В.О., Кострюкова А.М., Рыжкова А.М., Америкянц А.Д., Кочергина У.Д.</i> Адаптация SMM-стратегии для продвижения прикладной литературы (опыт издательства «АСТ»)	440		
<i>Аль Хазими Иссам Халид Абдалла.</i> Механизмы медиативной дипломатии на Ближнем Востоке: практика, эффективность и перспективы участия третьих сторон	443		
<i>Андрющенко Ю.В., Ревва С.А.</i> Современные тенденции в развитии массового спорта	447		

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

Abdullina A.Sh., Lysova O.V., Nigmatullina L.A.
Socio-cultural adaptation of international students in
a multicultural space..... 9

Bozza A., Cosimo Marco Scarcelli. The Intersection
of Luxury and Sustainability: Exploring Consumer
Perceptions and the Influence of Social Media 13

Derevyanchenko Y.I. Monitoring of assessment
of satisfaction with the quality of education in the
university based on the CSAT metric 16

Ephiev O.M., Moiseev A.V. Socio-political factors
and conditions of social well-being in modern Russia
(descriptive study) 21

Erzyleva I.A., Mamaeva Yu.A. Traditional family values
and social well-being 27

Zeynalli R.R., Klassov A.M., Biberdov T.-A.A. The
Impact of the Medical University's Youth Policy on the
Formation of Cultural Identity Among Future Doctors in
the Context of a Global Civilizational and Value Crisis..... 31

Liu Jie. Constructing the mechanism of channeling
public opinion about Xinjiang in the post-truth era..... 36

Magarramov M.Dz., Veliev O.V., Karaev I.I. Ethical
consciousness of youth is a condition for harmonizing
the socio-cultural space of modern Russia..... 41

Mamedov A.K., Korkiya E.D., Maksimov A.A., On the
issue of the aesthetics of the ugly using the example of
contemporary sculpture in public space 44

Mezentseva L.V., Ermakov M.A., The concept of
«social communication» in vocational education 51

Demin I.S., Samsonkin M.O. Approach to sentiment
analysis of news texts in messengers..... 55

Shestakova T.A., Uvarova S.V. Modern medical and
biological methods of comprehensive diagnostics for
managing the training process of middle-aged runners 61

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Badanov A.A., Tugoi I.A. Big Data Migration: Necessity
and Specifics 66

Bulaeva N.A., Makhotin D.A. Digital Transformation
as a Factor in Developing Teaching Staff Potential in
Vocational Education During the Transition to Hybrid
Learning..... 72

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for
Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the
scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker
of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional
Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University,
Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences,
International Academy of Sciences (Russian section)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker
of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional
Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University,
Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences,
International Academy of Sciences (Russian section)

Avanesova Galina Alekseevna – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Rus-

sian Academy of Natural Sciences; **Balbeko Anatoly Mikhailovich** – Doctor of Pedagogical
Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian

Federation; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-

Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism,
Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia; **Volk-**

ov Yuri Grigorievich – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian
Federation, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal

University; **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of
the Academy of Literature, Honorary Doctor Institute of Sociology RAS; **Kapitsyn Vladimir**

Mikhailovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head of the Department
for Scientific Work, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Kara-Murza Sergey Geor-**

gievich – Doctor of Chemical Sciences, Professor, Chief Researcher, ISPI RAS; **Kefeli Igor**

Fedorovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies
and Sociology, Baltic State Technical University; **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Doctor of

Sociological Sciences, Professor, Director of the Institute of Sociology (Poland); **Kriv-**

opuskov Viktor Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor at the State
University of Management; **Makarov Anatoly Vasilievich** – Candidate of Philosophical

Sciences, Professor, Head. Department of Design of Educational Systems of the Republi-

can Institute of Higher School (Belarus); **Matyukhin Andrey Viktorovich** – Doctor of Political
Sciences, Professor, Head. Department of Philosophy and History of Moscow Financial

and Industrial University; **Mikhailenok Oleg Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences,
Professor, Head of the Department for the Study of Socio-Political Relations of the Center

for Political Science and Political Sociology of the Institute of Sociology of the Russian
Academy of Sciences; **Orekhovskaya Natalya Anatolyevna** – Doctor of Philosophy, Head of

the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian
Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilievna** – deputy editor-in-chief, candidate

of philosophical sciences, professor, member of the International Federation of Journalists,
professor of Moscow Pedagogical State University, honorary worker of Higher Professional

Education of the Russian Federation; **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich** – Doctor of Eco-

nomics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor of St. Petersburg
University; **Subochev Nikolay Sergeevich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of

the Department of Corporate Governance at RANEPa, Honorary Worker of Higher Pro-

fessional Education; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Doctor of Sociological Sciences,
Professor, Head of the Department of Comparative Sociology of the Faculty of Sociology,

Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University, Director of the Center
for the Study of Germany and Europe; **Khaziev Valery Semenovich** – Doctor of Philosophy,

Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation,
Director of the Research Center for the Development of Islamic Education of the BSPU

named after. M. Akmulla .

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–
1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge»
(since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.04.2025. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No.
436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

<i>Valyukas N.N.</i> The Role of Social Networks in Shaping Feedback between the Population and Representatives of Local Self-Government in Modern Russian Municipalities.....	75	<i>Berberova L.B.</i> Mythological perception of blacksmithing among the ancient Turks	149
<i>Gostev A.N., Selskaya P.D.</i> Modern information warfare: sociocultural conditionality	81	<i>Vladimirov I.A.</i> The structure of professional and value orientations of technical students in the higher education system.....	152
<i>Dong Yuejiao.</i> Social mechanisms of material stimulation of labor in modern organizations	87	<i>Vyskrebtssov R.Yu.</i> Concept, essence, typology and forms of political violence.....	156
<i>Ismail Wissam Wasim.</i> Social management as a factor of sustainable development of oil and gas companies under ESG-transformation conditions.....	92	<i>Gorskina N.N.</i> Linguistic and Communicative Dynamics of Society as Foundation for Peace and Sustainable Development.....	160
<i>Kachaeva G.I., Lavrushina E.V., Silaev I.V., Tamyarova M.V.</i> Improvement of Expertise in Procurement and Reporting Documentation in Education Using Artificial Intelligence Tools	98	<i>Zyshchik E.B.</i> Technologization as a sociocultural phenomenon: concept and characteristics	163
<i>Krganov R.R.</i> Subordination and autonomy of the head: PRO ET CONTRA.....	102	<i>Eldin M.A., Shirshov A.V., Izergina V.P., Shegulova M.A.</i> The paradigm of the post-byzantine spiritual tradition in Eurasia: a socio-philosophical aspect	169
<i>Lesonen M.S., Shadrina N.M.</i> Building Human Resource Potential in the System of Secondary Vocational Education through Educational Clusters: Models of Interaction with Universities and Employers	105	<i>Kuchkarov Z.A., Derevyanko M.S.</i> Conceptual design as a tool for cognition, development and management	174
<i>Narbut K.</i> Cooperation between BRICS and the EAEU.....	109	<i>Matveyeva Ya.V.</i> The imperial idea and its possibilities	180
<i>Pavlova M.P.</i> Integration of socio-economic processes to support creative activity.....	112	<i>Naumova T.V.</i> Science as an important factor in the civilizational development of modern Russia.....	185
<i>Sukharev E.S., Potemkina J.G.</i> State youth policy for forming the culture of international communication: the experience of BRICS and CIS countries	115	<i>Omarova L.B., Muzashvili D.Z.</i> Philosophical and Historical Analysis of Patriotism: Spiritual Foundations and Contemporary Challenges	193
<i>Sukhoplyueva T.A.</i> Ways to measure students' social adaptation to the educational environment.....	119	<i>Orehkovskaya N.A.</i> Social and humanitarian knowledge as a response to big challenges of russian society.....	200
<i>Fedorenko Y.M., Skorokhodov S.N.</i> Assessing the Impact of Digital Marketing on the Effectiveness of Promotion and Positioning of a Sporting Event.....	123	<i>Pichugin V.G.</i> Socio-psychological mechanism «cancel culture»	203
<i>Khavanova N.V., Danilova V.A., Gastilo L.V., Vershinina O.E.</i> Socio-economic problems and potential for development of special tourism areas	127	<i>Platukhina M.V., Sulimova E.A.</i> The problem of humanism and culture during the development of scientific and technological progress	207
<i>Qi Xue, Minyazhev T.R.</i> Models of Social Governance in Universities of Russia and China: From Centralized to Decentralized Approaches	132	<i>Phra Paron Phunthasane (Jayānando Bhikkhu).</i> Modern directions in Theravada research (2020–2024): interdisciplinary synthesis of doctrine, practice, and social engagement.....	211
<i>Chernikova T.A., Shaidukova L.D.</i> The Maternal (Family) Capital Program: the essence, implementation mechanisms and development prospects.....	137	<i>Ravochkin N.N., Rakhinskiy D.V., Zhdanov V.L., Kudrevatykh A.V.</i> Digital Communications in Higher Education: Philosophical Analysis	218
<i>Churilov S.A.</i> Problems of digital marginalization among Russian youth: the sociological dimension. The experience of NCPTI	141	<i>Illarionov G.A., Kudashov V.I., Neskryabina O.F., Rakhinsky D.V.</i> The problem of the alienation of tradition in the context of the cultural foundations of woke-ideology and the protection of traditional values.....	222
<i>Shulov V.I., Chelecheva V.N., Martynova O.Yu.</i> Mentorship and Digital Professional Growth Tracks as Tools for Developing the Human Resource Potential of Young Vocational Education Teachers	144	<i>Soldatov I.S., Seregina T.N.</i> The reception of the phenomenon of collecting in the works of P. Bourdieu	227

Sorokin K.A. «The Idea of the All-Man in the Context of European Culture of the Nineteenth-Twentieth Century»: An Analysis of the Problem in the Philosophy of F.M. Dostoevsky and M. Scheler 231

Song Yubo. The Study of John Fiske's Theory of Popular Culture 237

Sukhovskaya D.N., Ermakova L.I. Formation of creative thinking in a co-working environment 242

Xiao Huachuan. Philosophy and Aesthetics of the European Trumpet in Chinese Academic Music 248

Shcherbina I.A. Philosophy of science: conceptual foundations and development prospects 252

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

Voronkova O.A. Network Phenomenology: Problems of Understanding and Mutual Understanding 256

Mtvralashvili M.E. The Problem of Excess in Human Traumatic Experience in the Theories of Freud and Lacan ... 261

Taran M.D., Gavrov S.N. Construction of cultural and civilizational differentiation in the global media space 267

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

Atorin R.Yu. Scientific and educational activities of the ancient orthodox bishop Apollinaris (Dubini) of Kursk in the mirror of canon law 270

Veremchuk V.I., Krutinin D.S., Grigoriev N.Yu. Religiosity of military personnel in a combat environment 273

Zverev S.P. «Spiritual» and «religious»: philosophical and religious meaning, the dilemma of primacy 279

Phunthasan Phra Paron (Jayānando Bhikkhu) Vinaya as monastic law in thai buddhism: a religious and legal analysis 285

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

Bochanov M.A., Ivakina E.A., Salkova D.R., Tolkacheva I.K. The evolution of the role of women in the political process in Russia: a retrospective analysis 292

Rodionov M.A., Volkova T.A. Political elites in the modern world 299

Zamyatin O.A. The problem of political advancement of the “green agenda” of the European Union countries on the example of Central and Eastern European countries 305

Zinoviev M.A. Civil society in modern political science discourse 309

Ivanov P.P. Information and behavioral wars as a new political challenge 313

Mikhailov N.V. Constructing the image of victory in the context of military operations: semiotics of sound and image in political videos 317

Olimzoda Sorboni Shamsiddin, Zazyan A.M. The continuity of Islamic traditions in Russian culture 322

Rusanov I.D. The consolidating foundations dilemma of the state of Israel 327

Solovey A.A. The main areas of work of civil society structures in the process of their interaction with government authorities in modern Russia 330

Zhang Yan, Pecheritsa V.F. Policy Course for the Development of Higher Education in China after Reform and Opening-up 333

Belnikov S.S., Eisaev M.B. Structure of Russian political science knowledge on network approach and network analysis 339

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Baksheev A.I., Turchina Z.E., Afanaskina L.N., Ekimova E.Y., Fatyanova O.P. Environmental Extremism as a Threat to Sustainable Development Policy: Ideological and Practical Aspects 345

Wang Li. Interaction between ASEAN and the EAEU 350

Pau A.N., Kochenevsky P.V., Danilova Yu.S. France and European Integration: Tracing the Concept of 'Francophone Europe' in Le Monde (1957–1992) 354

Tikhonov Yu.O. Adaptation to climate change: global practices and their application in the Russian context 359

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

Abilova G.V. The Key Directions of Humanitarian Cooperation of the BRICS Countries 363

Wang Xinyue. The threat of international terrorism to non-traditional security in Central Asia 367

Guleva M.A., Kalinina A.A. Review of the activities of China Media Group and its role in interaction with Russian media 371

Jumessi Techa Frank Jireser. Features of the development of information technologies in South Africa and their impact on the development of the BRICS groups 375

Kulakova N.N. Theory and practice of information support of conflict 381

Martynenko S.E., Khezzekova K.T. The Sports Diplomacy of the Kingdom of Saudi Arabia and Qatar 385

<i>Medushevsky N.A., Abramova A.A.</i> Problems and Prospects for the Alliance of Sahel States Development	391	<i>Arzhanov A.A.</i> Integration in the post-Soviet space: the relationship between the Russian Federation and partially recognized States that arose in the context of armed conflicts, using the example of Abkhazia and South Ossetia.....	451
<i>Podberezkin A.I., Yudin N.O.</i> Sovereignty = self-sufficiency (autarky) – as a principle for shaping a new world order	396	<i>Bidarova F.N., Gugkaeva M.K.</i> Mechanisms of Integration of Subject Areas in Pharmaceutical Disciplines: Horizontal and Vertical Approaches to the Quality of the Educational Process	457
<i>Potevskii N.A.</i> European Union–NATO Cooperation on Cyber Security	400	<i>Butenko T.A., Lukashenko E.S., Smirnova I.Yu.</i> Syntactic features of realization of the causal chain «One cause causes several interconnected consequences» (on the material of American election TV debates).....	464
<i>Xie Hanting.</i> The impact of the de-dollarization policy of Russia and China on the structure of international relations in the post-hegemonic era	406	<i>Derevianchenko E.A.</i> Mediation and problems of intercultural interaction in the education.....	468
<i>Flores Aguirre Juan Felipe, Toro Nesterenko Yaroslav Sebastian.</i> Political Prospects Between Colombia and Venezuela in Light of Donald Trump’s Second Presidential Term	410	<i>Inyakina A.D.</i> India in international scientific cooperation in the Arctic region.....	472
<i>Hu Wenxu.</i> Formation of Chiang Kai-shek’s strategy for Rapprochement with the USSR against Japanese Aggression (1931–1937)	418	<i>Kosarev I.V.</i> Sociocultural adaptations and innovative management strategies in the Russian banking sector under sanctions pressure: challenges and prospects	479
<i>Shatokhin M.V., Ageev A.E., Nabatova A.M.</i> Energy priorities in the state policy of Saudi Arabia.....	423	<i>Miroshnichenko M., Petrova T.</i> Global experience in managing eSports events	484
<i>Xu Chang, Shahid Yan Afridi.</i> SCO joins hands with the “Global South” to Empower a New World Order	427	<i>Butenko T.A., Lukashenko E.S., Smirnova I.Yu.</i> Syntactic Features of the Realization of the Causal Chain “One Cause Causes an Effect, Which Becomes a Cause for Another Effect” in American Political TV Debates.....	488
INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH		<i>Posvyatenko Y.V.</i> Sociocultural peculiarities of the formation of construction education in Moscow in the XVII-first half of the XIX centuries	492
<i>Mamaeva Yu.A., Vavilov D.S., Gunko A.M., Didenko A.S.</i> Comparative analysis of the migration policy of the Russian Federation to create conditions for technological leadership.....	431	<i>Sadovnikov N.A.</i> Traditional Values as a Challenge to the Axiopolitical Monopoly of “Western Universalism”	500
<i>Kravchenko A.I.</i> Metaphor of a patchwork quilt	435	<i>Danilova E.A., Sukharev M.A.</i> The role of socio-humanitarian projects in the formation of Russia’s political image in the EAEU countries: media discourse and integration strategies	506
<i>Mikryukov V.O., Kostryukova A.M., Ryzhkova A.M., Ameryants A.D., Kochergina U.D.</i> Adaptation of SMM strategies for promoting applied literature (experience of the AST Publishing House).....	440	<i>Zhang Wenqi, Revenko I.V.</i> Works by V.P. Astafiev in Chinese translation	515
<i>Al Khatimi Issam Khalid Abdullah.</i> Mechanisms of mediation diplomacy in the Middle East: practice, effectiveness, and prospects for third-party participation ...	443	<i>Yarymova O.V.</i> Formation of new security architectures in Asia: Russia, China, and the USA in the context of geopolitical confrontation in 2024–2025	519
<i>Andryushchenko Yu.V., Revva S.A.</i> Modern trends of mass sports	447		

Социально-культурная адаптация иностранных студентов в поликультурном пространстве

Абдуллина Амина Шакирьяновна,

д.ф.н., доцент, профессор кафедры филологии Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий
E-mail: aminaabdullina@mail.ru

Лысова Ольга Васильевна,

к.п.н., доцент, доцент кафедры филологии Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий
E-mail: lysova_olga@inbox.ru

Нигматуллина Лейсан Андерзяновна,

к.ф.н., доцент кафедры филологии Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий
E-mail: Nigm4tullina.laysan@yandex.ru

В работе представлены основные принципы теории, методики и опыт социокультурной адаптации иностранных студентов в образовательном пространстве Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий. В статье выявляются основные проблемы и факторы, влияющие на процесс аккультурации в новой среде. Научная новизна исследования заключается в том, что выявленные проблемы и описанные факторы, способствующие аккультурации, позволяют представить конкретные предложения по социокультурной адаптации иностранных студентов в любом учебном заведении. Исходя из опыта работы, можем утверждать, что эффективность адаптации зависит от того, какая педагогическая поддержка оказывается со стороны руководства учебного заведения, преподавателей и куратора воспринимают ли представители принимающей стороны иностранного студента как полноправного субъекта образовательного процесса. Социокультурная адаптация иностранных студентов в поликультурном пространстве помогает ориентироваться в непривычных условиях в новой образовательной среде, формирует гармоничные отношения с представителями другой культуры.

Ключевые слова: социально-культурная адаптация, национальная идентичность, «культурный шок», самобытность культур, «стресс аккультурации», Республика Башкортостан, Бирский филиал.

Проблема адаптации людей к другой культурной среде в последние годы стала исключительно актуальной. Коренные изменения современного мира, большое количество миграций и перемещений стали сегодня привычными.

Исследования по социально-культурной адаптации появились еще в 50-е годы XX века. Специалистов насторожили, прежде всего, психологические проблемы, возникающие у мигрантов в незнакомой среде, был введен термин «культурный шок». Это понятие впервые было использовано К. Обергом, который выделял следующие проявления этого состояния:

- стресс;
- ощущение потерянности;
- чувство непонимания при общении с выразителями иной культуры;
- аномальное поведение
- неприятие различий между культурами;
- ощущение собственной ущербности.

Теория «культурного шока» в конце XX в. постепенно уступает место тезису «стресс аккультурации», обращая внимание не только на отрицательные состояния, но проявляющему интерес к таким аспектам как растерянность и подавленность. Основное в этой концепции – это проблемы межкультурного взаимодействия.

В теории «стресса аккультурации» выделяются пять этапов:

- воодушевление и предчувствие победы;
- разочарование, депрессия;
- часть мигрантов возвращается домой, часть – преодолевает культурные различия;
- начинается процесс интеграция в новую социально-культурную среду;
- полная «оккультурация».

Наибольший интерес в понимании механизмов «аккультурации» представляют работы канадского психолога Дж. Берри, в которых он утверждает, что выбор стратегии зависит от желания мигранта сохранить свою идентичность и способности контактировать с представителями иной культуры.

В современных концепциях образования и воспитания важная роль при работе с иностранными студентами отводится педагогической поддержке со стороны руководства факультетов, университета, преподавателей и куратора [2, 3, 4, 5]. Результаты анкетирования свидетельствуют, что содействие наставников играет ключевую роль в успешной аккультурации в учебном процессе, способствуя созданию более инклюзивной и поддерживающей образовательной среды (рис. 1).

Содействие в адаптации иностранного студента в БФ УУНиТ подразумевает несколько ключевых аспектов:

- языковая поддержка;
- интеграция в культуру страны;
- эмоциональная поддержка;
- индивидуальные консультации;
- помощь в организации учебного процесса;
- поддержка в социальной интеграции;
- предоставление информации о доступных ресурсах.

Такие меры помогают иностранным студентам чувствовать себя более комфортно в новой среде, что способствует успехам в учебе (рис. 2).

Рис. 1

Рис. 2

Результаты анкетирования свидетельствуют, что эффективность адаптации зависит от того, воспринимают ли представители принимающей стороны иностранного студента как полноправного субъекта образовательного процесса (рис. 3).

Рис. 3

Самая существенная проблема, от решения которой зависят многие аспекты образовательной, социально-культурной и психологической адаптации – это языковой барьер (рис. 4). Успешное преодоление этого препятствия во многом зависит от степени мотивации. Повысить эту интенсивность призваны представители тех служб, которые работают с иностранными студентами в организационном, воспитательном и образовательном аспектах.

Когда иностранные студенты чувствуют поддержку и заинтересованность со стороны образовательных учреждений и их служб, это значительно повышает их уверенность и желание учиться.

Одним из серьезных препятствий для иностранных студентов является языковой барьер, затрудняющий не только учебный процесс, но и общение с однокурсниками и преподавателями, а также адаптацию к новой культуре. Культурные различия также являются фактором, который может повлиять на иностранных студентов. Различия в культуре могут касаться не только обычаев и традиций, но и образовательных систем и подходов к учебе.

Рис. 4

Наибольшую трудность в процессе адаптации для иностранных студентов представляет собой образовательная деятельность, часто называемая «образовательным шоком» (рис. 5). Это связано с потребностью овладеть русским языком до уровня, позволяющего эффективно получать профессиональные знания и умения, а также применять языковые конструкции в связной речи и понимать собеседников в повседневной жизни и во время занятий в университете, включая восприятие устной речи преподавателя.

Рис. 5

Башкортостан – многонациональный регион Российской Федерации. В Бирском Филиале УУНиТ обучаются представители многих национальностей, основную часть составляют тюркоязычные народы, культура и менталитет которых близок и понятен иностранным студентам из Средней Азии. Наличие многонациональной среды в БФ УУНиТ значительно упрощает процесс адаптации иностранных студентов к новой культуре. Поэтому кураторы, преподаватели, руководство университета куратору уделяют приоритетное внимание организации быта и досуга иностранных студентов, а также разработали эффективный курс, направленный на быстрое погружение в российское поликультурное пространство.

В целом, языковой барьер нашими студентами в поликультурной среде преодолевается довольно быстро, этому способствуют следующие условия: совместное проживание и обучение с носителями языка, где русский язык является единственным средством общения; прохождение интенсивного курса русского языка как ино-

странного; активное вовлечение иностранного студента во внеучебные мероприятия. Организация экскурсий на природу, в исторические места или культурные центры, где студенты могут активно участвовать в изучении местной культуры и экологии: посещение экскурсий «Бирск исторический», «Уфа – сердце Башкортостана», этно-экскурсии «Марийское подворье Чамук». Участие в волонтерских проектах, таких как помощь местным сообществам или экологические акции, позволит студентам внести вклад в общество.

В рамках гранта «Поликультурный марафон «Открываю Россию» главы Республики Башкортостан в БФ УУ-НиТ созданы клубы, студенты могут обсуждать актуальные темы, делиться мнениями и участвовать в дебатах. Проводились образовательные семинары, гостевые лекции и мастер-классы, где студенты могут задавать вопросы и участвовать в обсуждениях (рис. 6).

Рис. 6

Участие в конкурсе «Һылыукай – 2025», арт-встрече «День марийской письменности и культуры», интерактивной развлекательно-познавательная программа «Новый год в России», посиделках «В мире русского фольклора», русских народных гуляниях «Масленица», квизе «День славянской письменности», митапе «Россия глазами иностранцев» поможет иностранным студентам стать активными участниками, развивать навыки, знакомиться с новыми людьми и углублять свои знания о культуре страны пребывания. Иностранные студенты на таких мероприятиях, как праздник весны «Навруз», месседж «День евразийской культуры», многоязычном песенно-поэтическом флэшмобе «Языков много – страна одна», посвященном Международному дню родных языков, могут делиться своими произведениями, музыкой или талантами, создавая атмосферу поддержки и творчества. Студенты могут представлять свою культуру через еду, музыку, танцы и традиции. Это создает пространство для обмена опытом и знакомства с различными культурами.

Участие в местных мероприятиях и общение с местными жителями на интерактивной площадке «Башкирская юрта» в рамках образовательного фестиваля «Река времени», национального праздника «Сабантуй – праздник плуга» способствует формированию связей и ощущению принадлежности к другой культуре. Знание местных обычаев, принятие местных привычек и образа жизни помогает избежать недопонимания и конфликтов, улучшает качество жизни и комфорт в новом окружении. Готовность принимать и уважать культурные различия способствует более гармоничному сосуществованию.

Такие внеучебные мероприятия развивают критическое мышление и навыки общения, где иностранные студенты являются не пассивными потребителями, а принимают активное участие. Эти мероприятия помогут иностранным студентам стать активными участни-

ками, развивать навыки, знакомиться с новыми людьми и углублять свои знания о культуре страны пребывания. Понимание культурных особенностей и контекста языка поможет лучше понимать разговорную речь и улучшить навыки общения (рис. 7). «Культура взаимоотношений в поликультурном пространстве зависит от желания уважать и соблюдать общечеловеческие нормы и мораль. Студенты как самая мобильная часть российского общества живо реагируют на различные социальные процессы, происходящие в нашей стране. Для формирования культуры межнациональных отношений среди молодежи ученые выдвигают следующие задачи: формирование толерантного отношения к представителям разных национальностей, стимулирование уважительного отношения к их культуре, языкам, общественным предпочтениям; нацеленность на общечеловеческие приоритеты, непримиримость к таким проявлениям как национализм, веротерпимость к религиозным убеждениям» [1, с. 239].

Рис. 7

Таким образом, социально-культурная адаптация способствует освоению культурных ценностей, норм и традиций, что позволяет эффективно интегрироваться в новый социум, культурную среду и в образовательный процесс, происходит перестройка личности в рамках включения в новую социальную роль иностранного студента.

Литература

1. Абдуллина А.Ш., Лысова О.В., Нигматуллина Л.А. Опыт этнокультурной экспедиции в профессиональном становлении педагогов // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 10. С. 239–242.
2. Антонова В.Б. Психологические особенности адаптации иностранных студентов к условиям жизни и обучения в Москве // Вестник ЦМО МГУ. 1998. № 1. С. 14–19.
3. Витковская М.И., Троцук И.В. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере РУДН). «Вестник РУДН. Серия «Социология». – М., 2003. С. 267–283.
4. Доморовская О.Г. Социально-педагогические условия адаптации студентов-мигрантов в культурно-образовательном пространстве вуза. Автореф. дисс. ... канд. пед. наук / О.Г. Доморовская. – Ростов-на-Дону, 2007.
5. Иванова М.А., Титкова Н.А. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов первого года обучения в вузе / М.А. Иванова, Н.А. Титкова. – Санкт-Петербург, 1993.

SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF INTERNATIONAL STUDENTS IN A MULTICULTURAL SPACE

Abdullina A.Sh., Lysova O.V., Nigmatullina L.A.

Birskbranch of the Ufa University of Science and Technology

The paper presents the basic principles of the theory, methods and experience of foreign students' socio-cultural adaptation in the educational space of the Birk branch of the Ufa University of Science and Technology. The article identifies the main problems and factors affecting the process of acculturation in a new environment. The scientific novelty of the research is based on the fact that the identified problems and described factors contributing to acculturation allow us to present specific proposals for international students' sociocultural adaptation in any educational institution. Based on the work experience, we can state that the effectiveness of adaptation depends on what kind of pedagogical support is provided by the management of the educational institution, teachers and supervisors and whether the representatives of the host country perceive the foreign student as a full-fledged subject of the educational process. Foreign students' sociocultural adaptation in a multicultural space helps them to orient in unfamiliar conditions in a new educational environment and forms harmonious relations with representatives of another culture.

Keywords: socio-cultural adaptation, national identity, "culture shock", identity of cultures, "acculturation stress", Republic of Bashkortostan, Birk branch.

References

1. Abdullina A.Sh., Lysova O.V., Nigmatullina L.A. Experience of ethno-cultural expedition in the professional development of teachers // Social and cultural adaptation of teachers.
2. Antonova V.B. Psychological features of adaptation of foreign students to the conditions of life and education in Moscow // Bulletin of the Central Moscow State University. 1998. № 1. C. 14–19.
3. Vitkovskaya M.I., Trotsuk I.V. Adaptation of foreign students to the conditions of life and study in Russia (on the example of PFUR). "Vestnik RUDN. Sociology Series. – M., 2003. C. 267–283.
4. Domorovskaya O.G. Socio-pedagogical conditions of adaptation of migrant students in the cultural and educational space of the university. Avtoref. diss. ... Cand. ped. nauk. / O.G. Domorovskaya. – Rostov-on-Don, 2007.
5. Ivanova, M.A.; Titkova, N.A. Socio-psychological adaptation of foreign students of the first year of study at the university / M.A. Ivanova, N.A. Titkova. – St. Petersburg, 1993.

Взаимодействие сегмента роскоши и устойчивого развития: изучение потребительских восприятий и влияния социальных сетей

Боцца Анна,
магистр университета Падуи
E-mail: alexeeva2709@gmail.com

Козимо Марко Скарчелли,
Падуанский университет

В статье рассматривается эволюция взаимодействия между индустрией роскоши и концепцией устойчивого развития, с особым акцентом на изменяющееся восприятие потребителей и значительное влияние социальных сетей на этот процесс. Роскошь, исторически ассоциирующаяся с изобилием, эксклюзивностью и статусом, всё чаще воспринимается в контексте этического производства, экологической ответственности и социальной значимости. Молодое поколение, особенно миллениалы и представители поколения Z, проявляет всё больший интерес к экологически чистым, этичным и прозрачным брендам, что побуждает представителей люксового сегмента пересматривать свои стратегии.

Цифровые платформы, такие как Instagram, TikTok и Twitter, становятся не только каналами коммуникации, но и ареной для продвижения устойчивых инициатив, разоблачения псевдоэкологических практик (greenwashing), а также местом, где формируются сообщества осознанных потребителей. В статье также раскрываются случаи, когда бренды используют устойчивую риторику лишь как маркетинговый инструмент, вводя потребителей в заблуждение без фактической реализации заявленных принципов.

На примерах известных брендов и личного опыта автора рассматриваются как успешные модели интеграции устойчивости в люксовый сегмент, так и противоречия, существующие между имиджем и реальностью. Кроме того, поднимается вопрос о необходимости баланса между сохранением ценностей эксклюзивности и необходимостью быть открытым и экологически ответственным. В итоге делается вывод, что подлинная устойчивость становится неотъемлемой частью современного образа роскоши, и бренды, способные честно и последовательно реализовывать эти ценности, будут лидировать в формировании нового стандарта на рынке.

Ключевые слова: роскошь, устойчивое развитие, социальные сети, потребительское поведение, экологическое сознание, этичная мода, гринвошинг, восприятие бренда, цифровое влияние, устойчивая роскошь, циркулярная экономика, экологическая прозрачность, медленная мода, осознанное потребление, совпадение ценностей.

The Intersection of Luxury and Sustainability: Exploring Consumer Perceptions and the Influence of Social Media

In recent years, the intersection of luxury and sustainability has become a focal point of discussion in the consumer goods sector. While luxury has traditionally been associated with exclusivity, opulence, and timelessness, a shift is occurring, with more consumers and brands seeking to reconcile high-end products with ethical and sustainable practices. This transformation is being propelled by a growing societal awareness of environmental challenges, including climate change, waste, and resource depletion. Among the key drivers of this change is social media—an influential platform shaping public opinion, sparking conversations, and ultimately influencing purchasing behaviors.

This article explores the evolving relationship between luxury and sustainability, specifically examining how social media is reshaping consumer perceptions of both concepts and whether it leads to tangible shifts in purchasing decisions.

The Emergence of Sustainable Luxury

Traditionally, luxury has been closely tied to notions of extravagance—marked by the use of rare materials, exceptional craftsmanship, and limited availability. The value of such items often stemmed from their exclusivity and high price tags. However, a growing awareness of environmental concerns, particularly among younger consumers, is prompting a reevaluation of what luxury should represent. Increasingly, buyers are seeking products that not only exude sophistication but also align with principles of sustainability, ethical sourcing, and corporate responsibility.

While luxury brands have historically been hesitant to adopt major shifts in design and marketing, the modern landscape is pushing them to evolve. A growing number of companies are now incorporating sustainability into their core strategies—utilizing responsibly sourced materials, offering repair or recycling programs, and striving toward carbon neutrality. These efforts reflect a broader movement to harmonize elegance with environmental stewardship.

Brands like Stella McCartney in the fashion world and Tesla in the automotive industry are at the forefront of this evolution, proving that environmental consciousness can coexist with premium quality. As more affluent consumers recognize the environmental implications of their spending, sustainable luxury is gaining traction and reshaping the future of the high-end market.

Social Media: A New Digital Ecosystem for Sustainability Discourse

The advent of social media has been one of the most powerful forces in shaping consumer behavior in the 21st century. Platforms like Instagram, TikTok, YouTube, and Twitter have created a new digital ecosystem in which information flows rapidly, conversations around sustainability are amplified, and influencers wield significant power over their audiences'

purchasing decisions. The ability of social media to shape perceptions of both luxury and sustainability has resulted in a paradigm shift, particularly among younger, socially conscious consumers.

The Impact of Social Media on Perceptions of Luxury and Sustainability

Spreading Knowledge and Promoting Awareness

Social media platforms have revolutionized how consumers access and engage with information, particularly regarding the environmental and ethical dimensions of the luxury industry. Through posts and content shared by sustainability advocates, eco-minded influencers, and high-profile public figures, users are increasingly informed about issues such as fast fashion, resource waste, and harmful emissions. These digital insights offer a rare glimpse into the production side of luxury goods, spotlighting companies that prioritize ethical practices. This level of openness is gradually transforming how people define luxury—shifting the focus toward eco-consciousness and corporate responsibility.

The Power of Green-Focused Influencers

In the luxury space, influencers have become key voices in encouraging more mindful consumption. Those who champion sustainable fashion, clean beauty, and environmentally friendly travel are leveraging their social media presence to spotlight brands that align with their values. By sharing personal experiences and product reviews through stories, reels, and videos, these influencers inspire their followers to adopt more sustainable buying habits. Their endorsements often resonate strongly, especially when they come from figures who seamlessly blend high-end aesthetics with a commitment to sustainability. As a result, they serve as vital connectors between ethical brands and the modern luxury audience.

Digital Movements and Hashtag Activism

Campaigns on social media using hashtags like #EcoLuxury, #ConsciousFashion, and #MindfulConsumption have become powerful tools in rallying environmentally aware consumers. These tags unite individuals around shared goals—such as holding companies accountable and pushing for ethical business models. Online movements, including initiatives like #WearYourValues and #ShopResponsibly, empower communities to question brand transparency and demand honest communication about sustainability. In this hyperconnected environment, it's far easier for consumers to uncover misleading claims and publicly call out greenwashing, placing significant pressure on luxury brands to back their words with real action.

Social Media's Influence on Luxury Purchasing Decisions

While the influence of social media on consumer behavior is undeniable, the question remains: Does it actually lead to changes in purchasing decisions, particularly in the luxury market?

Research suggests that it does—at least for a growing segment of socially-conscious luxury consumers. For example, a study conducted by McKinsey & Company revealed that 66% of consumers—especially millennials and Gen Z—are willing to pay more for products from brands that are committed to sustainability. The importance of social media in this dynamic cannot be overstated. As platforms provide

a space for brands to communicate their environmental and social impact, they also serve as a space for consumers to express their support for or dissatisfaction with those brands based on their sustainability practices.

For example, high-end fashion brands like Gucci and Prada have used Instagram to showcase their sustainability initiatives, from the use of upcycled materials to the implementation of fair labor practices. This transparent approach builds consumer trust and, in many cases, boosts brand loyalty.

However, the luxury sector remains more resistant to mass shifts in purchasing behavior. Many luxury consumers still associate exclusivity with rarity and traditional craftsmanship—values that don't always align with the principles of mass-produced sustainability. But the growing prevalence of digital platforms means that the shift toward more sustainable luxury is no longer a niche movement. It is mainstreaming, and its influence on purchasing behavior is expanding.

Challenges and Opportunities for Luxury Brands

Social media has played a role in promoting a more sustainable consumer culture, but it also presents notable challenges for luxury brands. Traditionally, the luxury sector has emphasized exclusivity and superior craftsmanship, qualities that can sometimes conflict with the large-scale sustainability efforts needed to meet modern environmental expectations. Striking the right balance between innovative sustainable practices and maintaining the exceptional quality and rarity that define luxury products remains a key challenge.

However, the potential for growth in this area is significant. Brands that can successfully merge exclusivity with ethical responsibility are likely to strengthen their market position. Transparency, traceability, and the responsible use of materials are no longer optional; they must become central to a brand's identity. For luxury consumers, the shift from skepticism about "greenwashing" to genuine sustainability efforts is increasingly influencing purchasing decisions.

True or False? A Look at Sustainability in the Luxury World

When we talk about sustainability and environmental responsibility, it's impossible not to mention the issue of **greenwashing**—where, unfortunately, sustainability often becomes nothing more than a catchy slogan rather than a real commitment. The question is: how many luxury companies genuinely care about the planet, and how many are simply crafting an illusion of responsibility for the sake of their image?

This is a deeply nuanced topic, one that can often only be understood through direct interaction with the people behind the brand—particularly the boutique consultants, the ones on the front lines.

From my personal experience, I participated in the **LVMH certification program**, where entire sections were dedicated to themes of sustainability and environmental awareness. On the surface, it all seemed impressive and forward-thinking. However, one cannot forget the not-so-distant past—like the infamous reports about **Louis Vuitton burning hundreds of unsold bags** to maintain their aura of exclusivity. Thankfully, such practices have reportedly been discontinued (or at least, are no longer publicly acknowledged).

Yet, through numerous personal conversations with boutique staff, I began to uncover a different side of the story. For example, the actual **paper and packaging waste** in stores doesn't always align with the company's official sustainability policies. There appears to be a gap between the values promoted and the reality experienced on the ground.

Despite these contradictions, there are brands in the luxury sector that stand out as **true activists**. One of the most iconic examples is, of course, **Vivienne Westwood**—a designer who built her brand around the concept of “**Climate Revolution**.” Sustainability was never just a marketing tactic for her; it was a personal mission that became embedded in the identity of the label. Her brand represents a rare instance where environmental consciousness and fashion go hand in hand with authenticity and purpose.

As consumers and researchers, it is vital that we look beyond the slogans and beautiful campaigns to examine the actual practices and values upheld within these companies. The truth behind the glamour is often more complex than it seems.

Conclusion

The intersection of luxury and sustainability is not just a passing trend—it’s a fundamental shift in consumer expectations. Social media plays an essential role in shaping how luxury consumers perceive sustainability, providing them with the information, tools, and community to make more ethical purchasing decisions. While the luxury sector has historically been slow to embrace sustainable practices, the influence of social media and the growing demand for ethical consumption are making sustainability a core consideration for both brands and consumers. For luxury brands, the challenge lies in authentically integrating sustainability into their ethos without compromising the exclusivity and craftsmanship that define them. However, those that succeed in this balance will not only meet the demands of the modern consumer but will also drive the future of luxury in a more sustainable direction.

Литература

1. Berrone, P. (2016). Green Lies: How Greenwashing Can Destroy a Company (And How to Go Green Without the Wash). CreateSpace Independent Publishing Platform.
2. Cheah, I., Shimul, A. S., Liang, J., & Phau, I. (2020). Consumers’ perceptions of luxury fashion sustainability: An integrated framework. *Journal of Fashion Marketing and Management*, 24(1), 1–21.
3. Han, Y. J., Nunes, J. C., & Drèze, X. (2010). Signaling status with luxury goods: The role of brand prominence. *Journal of Marketing*, 74(4), 15–30.
4. Kapferer, J.-N., & Michaut-Denizeau, A. (2014). Is luxury compatible with sustainability? Luxury consumers’ viewpoint. *Journal of Brand Management*, 21(1), 1–22.
5. Lifecaps, F. (2019). Vuitton: A Biography of Louis Vuitton. Lifecaps.
6. McKinsey & Company. (2020). The State of Fashion 2020. Retrieved from <https://www.mckinsey.com>
7. McManners, P. (2024). Essentials of Sustainability for Business: A Practical Approach.
8. Sætra, H. S. (2022). AI for the Sustainable Development Goals.
9. Statista. (2023). Global Luxury Market Report. Retrieved from <https://www.statista.com>
10. Tonello, M. (2009). Bringing Home the Birkin: My Life in Hot Pursuit of the World’s Most Coveted Handbag. Harper.
11. Vogue Business. (2022). Luxury’s Green Claims Under Scrutiny: How to Spot Greenwashing. Retrieved from <https://www.voguebusiness.com>
12. Forbes. (2023). Sustainability in Fashion: What the Luxury Sector Is Getting Right – and Wrong. Retrieved from <https://www.forbes.com>

THE INTERSECTION OF LUXURY AND SUSTAINABILITY: EXPLORING CONSUMER PERCEPTIONS AND THE INFLUENCE OF SOCIAL MEDIA

Bozza A., Cosimo Marco Scarcelli
University of Padua

This article explores the evolving relationship between the luxury industry and the concept of sustainability, with a particular focus on shifting consumer perceptions and the significant influence of social media in this transformation. Traditionally associated with abundance, exclusivity, and status, luxury is increasingly being redefined through the lens of ethical production, environmental responsibility, and social impact. Younger generations—especially Millennials and Gen Z—are demonstrating a growing interest in environmentally friendly, ethical, and transparent brands, prompting luxury companies to reassess their strategies.

Digital platforms such as Instagram, TikTok, and Twitter have become not only communication channels but also arenas for promoting sustainable initiatives, exposing greenwashing, and building communities of conscious consumers. The article also highlights instances where brands use sustainability rhetoric solely as a marketing tool, misleading consumers without genuinely implementing the stated values.

Through well-known brand examples and the author’s personal experiences, the article examines both successful cases of integrating sustainability into luxury and the contradictions between image and reality. Furthermore, it raises the critical issue of balancing the traditional values of exclusivity with the modern need for openness and ecological responsibility. Ultimately, the article concludes that genuine sustainability is becoming an integral part of the contemporary luxury identity. Brands that manage to authentically and consistently implement these principles are more likely to lead the market and shape the future standards of the luxury sector.

Keywords: Luxury, Sustainability, Social Media, Consumer Behavior, Eco-consciousness, Ethical Fashion, Greenwashing, Brand Perception, Digital Influence, Sustainable Luxury, Circular Economy, Eco Transparency, Slow Fashion, Conscious Consumption, Value Alignment.

References

1. Berrone, P. (2016). Green Lies: How Greenwashing Can Destroy a Company (And How to Go Green Without the Wash). CreateSpace Independent Publishing Platform.
2. Cheah, I., Shimul, A. S., Liang, J., & Phau, I. (2020). Consumers’ perceptions of luxury fashion sustainability: An integrated framework. *Journal of Fashion Marketing and Management*, 24(1), 1–21.
3. Han, Y. J., Nunes, J. C., & Drèze, X. (2010). Signaling status with luxury goods: The role of brand prominence. *Journal of Marketing*, 74(4), 15–30.
4. Kapferer, J.-N., & Michaut-Denizeau, A. (2014). Is luxury compatible with sustainability? Luxury consumers’ viewpoint. *Journal of Brand Management*, 21(1), 1–22.
5. Lifecaps, F. (2019). Vuitton: A Biography of Louis Vuitton. Lifecaps.
6. McKinsey & Company. (2020). The State of Fashion 2020. Retrieved from <https://www.mckinsey.com>
7. McManners, P. (2024). Essentials of Sustainability for Business: A Practical Approach.
8. Sætra, H. S. (2022). AI for the Sustainable Development Goals.
9. Statista. (2023). Global Luxury Market Report. Retrieved from <https://www.statista.com>
10. Tonello, M. (2009). Bringing Home the Birkin: My Life in Hot Pursuit of the World’s Most Coveted Handbag. Harper.
11. Vogue Business. (2022). Luxury’s Green Claims Under Scrutiny: How to Spot Greenwashing. Retrieved from <https://www.voguebusiness.com>
12. Forbes. (2023). Sustainability in Fashion: What the Luxury Sector Is Getting Right – and Wrong. Retrieved from <https://www.forbes.com>

Мониторинг оценки удовлетворенности качеством образования в вузе на основе метрики CSAT

Деревянченко Юрий Иванович,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского
E-mail: der@bk.ru

В статье описываются элементы системы контроля качества образования в высших учебных заведениях России и составляющие ее элементы: внешняя и внутренняя оценка качества образования. Проанализированы требования нормативных документов, определяющих процедуру оценки качества образования, и определено место мониторинга удовлетворенности процессом и результатами обучения в рамках внутренней оценки качества образования в вузе. Рассмотрены возможности применения ГОСТ Р ИСО 9001:2001 в сфере образования и использованием метрики CSAT (Customer Satisfaction Score / Индекс удовлетворенности клиентов) для расчета показателей мониторинга удовлетворенности обучающихся и обучающих качеством образования в вузе. Разработана теоретическая модель мониторинга удовлетворенности качеством образования в вузе с использованием метрики CSAT. Описана методика проведения мониторинга и анализа его результатов для оценки текущего положения в вузе его результатов в принятии управленческих решений для стратегического планирования и улучшения конкурентоспособности вуза.

Ключевые слова: модернизации российского образования, внутренняя система оценки качества образования, удовлетворенность качеством образования, CSAT.

Введение

Развитие российского высшего образования в начале XXI веков демонстрирует необходимость повышения конкурентоспособности выпускников на рынке труда, что подразумевает большую гибкость образовательной политики, реализуемой учебными заведениями и повышение их управленческой и экономической самостоятельности. Реализация новых моделей университета, таких как «университет 4.0», где ключевыми приоритетами становятся персонализация обучения, гибкость образовательных программ и ориентация на потребности рынка труда, оценка качества образования приобретает стратегическое значение [1]. Эти изменения подчеркивают необходимость разработки надежных механизмов обеспечения качества образования, особенно в условиях роста академической мобильности и увеличения числа платных образовательных программ.

Формирование нормативно-правовых и организационно-экономических механизмов привлечения и использования внебюджетных ресурсов было провозглашено одной из задач модернизации системы образования в стране [2], а в системе высшего образования способность вузов привлекать внебюджетные средства на реализацию образовательных программ, востребованных абитуриентами, стала одним из целевых показателей эффективности работы учебных заведений [3].

Эти процессы актуализируют проблему удержания студентов в учебном заведении, решение которой уже давно вошло в управленческую практику зарубежных вузов [4].

Увеличение доли внебюджетных источников финансирования в деятельности вузов существенно трансформирует культурный и образовательный контекст взаимодействия между университетами и студентами. Если ранее конкурсный отбор позволял привлекать абитуриентов, чей образовательный опыт соответствовал академическим ценностям и нормам, а процесс обучения считался зоной ответственности самих студентов, то сегодня вузы сталкиваются с необходимостью формирования институциональной среды, способствующей успешному завершению обучения для всех студентов, независимо от их изначальной подготовки [5].

Современные исследования демонстрируют, что ценность образования в глазах студентов снижается: оно воспринимается не как самоцель, а как один из множества факторов, обеспечивающих жизненный успех [6, 7, 8]. В этих условиях мотивация к обучению становится критически важным фактором повышения качества образования. Международные исследования подтверждают, что качество образования играет определяющую роль в удовлетворенности студентов процессом обучения в вузе [9, 10, 11]. Это делает качество образования центральным понятием в российских образовательных реформах, направленных на повышение привлекательности и эффективности высшего образования.

Таким образом, вузы должны не только адаптироваться к новым экономическим реалиям, но и активно развивать подходы, которые усиливают внутреннюю мотивацию студентов, создают условия для их акаде-

мического и личностного роста, а также обеспечивают соответствие образовательных программ ожиданиям и потребностям современного общества. Закономерно, что ключевым понятием в системе образовательных реформ в России становится «качество образования».

Литературный обзор

Нормативные основы оценки качества образования в России

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», формализуя понятие «качество образования» и соотнося его с Федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС), с одной стороны, и интересами участников образовательных отношений, с другой, определил его как комплексную характеристику образовательной деятельности и подготовки обучающихся, выражающую степень их соответствия ФГОС и потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе, степень достижения планируемых результатов образовательной программы.

Система контроля качества образования, определенная законом, подразумевает проведение мониторинговых мероприятий через процедуры внешней и внутренней оценки качества образования. И если процедура внешней оценки качества образования подробно описана в нормативных документах, то, устанавливая для образовательных организаций требование обеспечения функционирования внутренней системы оценки качества образования (ВСОКО), закон оставляет конкретные формы её реализации в ведении образовательных организаций.

Подобное положение дел вытекает из статьи 14, пункт 5 закона «Об образовании в Российской Федерации»: «Содержание образования в конкретном образовательном учреждении определяется образовательной программой (образовательными программами), разрабатываемой, принимаемой и реализуемой этим образовательным учреждением самостоятельно».

Исходя из закона «Об образовании в Российской Федерации» в нормативно закреплённом понятии «качество образования» можно выделить следующие составляющие:

- качество реализации ФГОС;
- результативность образовательного процесса, определяемая системой управления вузом, основанной на удовлетворении потребностей физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность.

Качество реализации ФГОС в России отслеживается при помощи процедуры комплексной оценки деятельности вузов, совмещающей процедуры лицензирования, аттестации и государственной аккредитации.

Результативность образовательного процесса, определяемого системой управления вузом, основанной на удовлетворении потребностей физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность подлежит оценке при помощи ВСОКО.

Таким образом объектом системы внутреннего мониторинга качества образования выступает эффективность образовательной политики вуза. Критерии мониторинга ВСОКО можно разделить на две группы.

1. Аккредитационные, способствующие прохождению процедур государственной оценки качества образования и внешние аудиты при подтверждении внутривузовской системы менеджмента качества.

2. Социологические, основанные на мнении потребителей образовательного процесса, на методах обратной связи. Данную группу критериев вуз формирует для проведения мониторинга удовлетворенности качеством образования, который осуществляется посредством опросов отдельных групп участников образовательного процесса, прежде всего, преподавательского состава и студентов.

Использование системы мониторинга удовлетворенности обучающихся и сотрудников качеством образования требует, с одной стороны, придания ей квалиметрического характера для оценки эффективности принимаемых управленческих решений, с другой стороны – выделения комплекса во многом субъективных факторов, связанных с деятельностью вуза. Возможным решением этой дилеммы может являться следование требованиям ГОСТ Р 52614.2–2006 и использование квалиметрических метрик удовлетворенности для расчета итоговых показателей.

Квалиметрические метрики удовлетворенности качеством образования

Одной из наиболее известных метрик измерения удовлетворенности качеством является Customer satisfaction score (CSAT)/Индекс удовлетворенности клиента. CSAT редко применяется в чистом виде как основная метрика оценки качества образовательных услуг, а чаще интегрируется в более широкие системы мониторинга качества. Это связано как с требованиями контролирующей систему образования органов, внимание которых фиксируется на выполнении объективных показателей: количества определенных категорий студентов, остротенности профессорско-преподавательского персонала, развитости материально-технической базы и др., так и чувствительностью данных замеров удовлетворенности качеством образования для конкурентных позиций, поэтому вузы могут считать их внутренней информацией.

CSAT-подобные опросы, предусматривающие ответы по шкале Лайкерта с последующим расчетом показателей удовлетворенности, включены в национальные системы оценки качества образования в Великобритании – National Student Survey (NSS), Нидерландов – Nationale Studenten Enquête (NSE), Австралии – Student Experience Survey (SES), также метрика активно используется в практике ряда зарубежных университетов и аккредитационных агентств. В отечественной системе образования применение CSAT носит эпизодический характер [11, 12, 13, 14].

Среди квалиметрических метрик в системе образования в последнее время также активно применяется модель SERVQUAL которая измеряет качество услуг через разрыв между ожиданиями клиентов и их восприятием полученных услуг [12]. В образовании SERVQUAL адаптируется для оценки качества образовательных услуг, включая учебные программы, преподавательский состав, административные процессы и инфраструктуру. Примером таких модифицированных версий SERVQUAL, являются HEdPERF (Higher Education Performance) и EduQUAL, которые учитывают специфику образовательного контекста (например, акцент на академические результаты и карьерные перспективы) [13].

Однако использование SERVQUAL в мониторинге оценки качества образования требует сложного дизайна опросов (одновременная оценка ожиданий и восприятий), анализа разрывов и интерпретации по пяти измерениям, что увеличивает затраты времени и ресурсов (табл. 1).

Таблица 1. Основные различия между CSAT и SERVQUAL

Критерий	CSAT	SERVQUAL
Основная цель	Измерение общей удовлетворённости	Оценка разрыва между ожиданиями и восприятием
Методология	Шкала 1–5, % положительных оценок	Две шкалы: ожидания vs. восприятие, GAP-анализ
Ключевые показатели	% удовлетворенных, средний балл	5 измерений: надёжность, отзывчивость и др., общий индекс SERVQUAL
Преимущества	Простота, скорость, гибкость	Детализированная диагностика, прогнозирование лояльности
Недостатки	Не выявляет причины, субъективность	Трудоемкость, сложность для респондентов

CSAT обладает рядом преимуществ перед SERVQUAL в оценке качества образования в университетах:

- Простота реализации и интерпретации, что упрощает процесс мониторинга для вузов и студентов.
- Меньшая ресурсоемкость, подходящая для регулярного мониторинга.
- Гибкость и оперативность для быстрой обратной связи.
- Меньшая нагрузка на респондентов.
- Анкеты легко интегрируются в онлайн-платформы (Яндекс Формы, Google Forms, Moodle и др.), с возможностью автоматической агрегации результатов.
- Фокусировка на удовлетворенности качеством образования, важной для удержания студентов.

Результаты и обсуждение

Предметом мониторинга является оценка удовлетворенности обучающихся и обучающихся качеством образования, демонстрирующая степень совпадения ожиданий студентов и профессорско-преподавательского состава от получения профессионального образования и основных параметров образовательной политики. Мониторинг предполагает проведение опросов удовлетворенности качеством образования среди студентов и преподавательского состава университета по максимально унифицированным анкетам, предусматривающим оценочные ответы по шкале Лайкерта. Результатом мониторинга является индекс удовлетворенности обучающихся качеством образования, который рассчитывается по метрике CSAT, определяющей процент обучающихся удовлетворенных качеством образования по формуле.

$$\text{Индекс удовлетворенности качеством образования} = (A / n) \times 100$$

где A – это количество удовлетворенных качеством образования (поставивших оценки 4 и 5);
n – это количество опрошенных.

В основе модели удовлетворенности обучения в вузе лежит подход А.С. Спасского [14], разработанный на основе идей Ф.Н. Ильасова [15] по изучению удовлетворенности трудом.

Модель включает три ключевых аспекта удовлетворенности: социальным статусом, выбранной специальностью и содержанием образовательного процесса. Использование этой модели в оценке качества образования имеет ряд преимуществ, особенно в контексте выс-

шего образования, где удовлетворенность студентов является важным индикатором эффективности вуза.

Модель не привязана к конкретной образовательной программе или типу вуза, а ее компоненты (социальный статус, образовательное направление, образовательный процесс) могут быть адаптированы под разные контексты, позволяя вузам разрабатывать индикаторы, соответствующие их специфике. Гибкость модели упрощает интеграцию с задачами образовательной политики, такими как цифровизация или взаимодействие с работодателями.

Компоненты модели легко переводятся в индикаторы CSAT: опрос с тремя блоками вопросов (социальный статус, образовательное направление, образовательный процесс), предоставляя возможность получить CSAT по каждому, что упрощает диагностику.

Также модель позволяет проводить унифицированный мониторинг удовлетворенности качеством образования обучающихся и преподавателей, существенное расхождение индексов удовлетворенности которых выступает показателем сложностей в реализации образовательной политики университета.

Структурные компоненты теоретической модели раскрываются через систему индикаторов:

1. Удовлетворенность социальным статусом:
 - Престижность учебного заведения
 - Престижность, получаемой профессиональной подготовки
2. Удовлетворенность получаемой специальностью
 - Оценка востребованности студентов на рынке труда после окончания университета
 - Наличие образовательных результатов, востребованных рынком труда
 - Желание работать по профессии
3. Удовлетворенность функциональным содержанием образовательного процесса:
 - Индикаторы формируются на основе образовательной политики вуза (рис. 1).

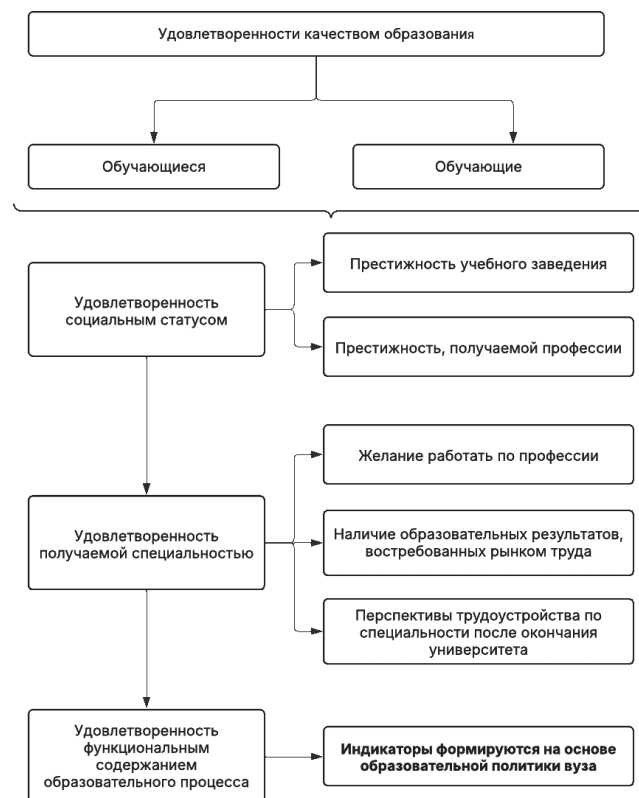

Рис. 1. Теоретическая модель мониторинга

Единых стандартов интерпретации результатов по метрике CSAT не существует – они зависят от многих факторов: отрасли, конкуренции на рынке и др. В качестве общих ориентиров можно отметить следующие показатели:

0–49% – низкая удовлетворенность (необходимость пересмотра образовательной стратегии);

50–74% – средняя удовлетворенность (необходимость локальных улучшений);

75–100% – высокая удовлетворенность (оптимизация текущих практик). [16].

Как и любой квалитетический подход CSAT чувствительна к социально-культурному контексту, например вузы с высокой репутацией могут сталкиваться с более высокими ожиданиями, чем периферийные университеты, что влияет на восприятие удовлетворенности.

Заключение

Интеграция метрики CSAT во внутреннюю систему оценки качества образования (ВСОКО) позволяет не только диагностировать текущий уровень удовлетворенности качеством образовательных услуг, но и формировать стратегическую основу для повышения конкурентоспособности вуза. Применение данного подхода способствует решению ряда ключевых задач, включая:

1. Сбор и анализ обратной связи с целью совершенствования образовательных программ.
2. Оптимизацию механизмов привлечения и удержания контингента обучающихся.
3. Повышение эффективности деятельности профессорско-преподавательского состава.
4. Развитие взаимодействия с работодателями в контексте соответствия образовательных результатов требованиям рынка труда.
5. Оценку результативности применяемых педагогических технологий и методик обучения.

Литература

1. Фадеев А. С., Змеев О.А., Газизов Т.Т. Модель университета 4.0 // Научно-педагогическое обозрение. – 2020. – № 2(30). – С. 172–178. – DOI 10.23951/2307-6127-2020-2-172-178.
2. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. URL.: <https://www.edu.ru/documents/view/1660/>
3. Приказ Министерства Образования Российской Федерации «О целевых показателях эффективности работы бюджетных образовательных учреждений, находящихся в ведении Министерства образования и науки Российской Федерации» от 08.11.2010 № 1116. URL.: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102127517>.
4. Abouchedid K., Nasser R.N. Assuring quality service in higher education: Registration and advising attitudes in a private university in Lebanon // Quality Assurance in Education. December 2002. 10(4). P. 198–206.
5. Borishade T. T., Ogunnaike O.O., Salau O., Motilewa B.D., Dirisu J.I. Assessing the relationship among service quality, student satisfaction and loyalty: the NIGERIAN higher education experience // Heliyon. July 2021. 7(4). P. 1–8.
6. Климович А.В. Образование как ценность в системе ценностных ориентаций студентов (обобщение материалов социологических исследований) // Личность и общество. Ценности в современном мире: поиск баланса: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным учас-

тием «Мокроносовские чтения-2020» (г. Екатеринбург, 25 января 2020 г.). – Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2020. – С. 157–161.

7. Реутов Е. В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Жизненный успех и шансы на его достижение в представлениях жителей российской провинции // Социологические исследования. – 2020. – № 6. – С. 61–71.
8. Рожкова Л. В., Тугускина Г.Н., Супиков В.Н., Сеидов Ш.Г. Образование как фактор жизненного и профессионального успеха россиян // Социодинамика. – 2021. – № 10. – С. 9–26.
9. Aljahani, O. A review of the contemporary international literature on student retention in higher education // International Journal of Education and Literacy Studies. 2016. 4 (1). P. 40–52.
10. Forid Md. S., Hafez Md., Khan W. Student Satisfaction and Retention: Impact of Service Quality and Digital Transformation. Marketing and Management of Innovations // Marketing and Management of Innovations. December 2022. 13(4). P. 4–14.
11. Богатырев, К.А. Метрики в дистанционном обучении: CSAT, NPS, COR / К.А. Богатырев // История, теория и практика развития педагогических идей в свете современных тенденций образования: Статьи и материалы II Всероссийской студенческой научно-практической конференции (с международным участием), посвященной Году семьи, Коломна, 21 мая 2024 года. – Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2024. – С. 242–244.
12. Манукян Л.А. Сравнительный анализ платформ для дистанционного обучения // Ученые записки Тамбовского отделения РСОМ У. 2018. № 12. С. 212–217.
13. Кузнецова Е. В., Маталова С.В., Смирнова М.В. Практика обучения фонетике английского языка студентов-нелингвистов в современных условиях // Образовательные ресурсы и технологии. 2024. № 1 (46). С.
14. Козлов А. В., Бударников А.А. Методика учебных занятий по силовому фитнесу в элективных дисциплинах по физической культуре и спорту // Физическое воспитание и студенческий спорт. 2024. № 2. С. 182–189.
15. Crosling G. Student Retention in Higher Education, A Shared Issue // Encyclopedia of International Higher Education Systems and Institutions. 2017. P. 1–6.
16. Parasuraman, A., Zeithaml, V.A. and Berry, L.L. SERVQUAL: A Multiple-Item Scale for Measuring Consumer Perceptions of Service Quality // Journal of Retailing. 1988. 64. P. 12–40.
17. Abdullah F. Measuring Service Quality in Higher Education: Three instruments compared // International Journal of Research & Method in Education. 2006. 29. P. 71–89.
18. Спасский А.С. Структура удовлетворенности учебной студента вуза // // Инновации в образовании. – 2002. – № 1. – С. 50–59.
19. Ильясов Ф.Н. Удовлетворенность трудом: Анализ структуры, измерение, связь с производ. поведением. – Ашхабад: Ылым, 1988. – 99 с.
20. CSAT (Customer Satisfaction) // Australian Customer Experience Professionals Association. URL.: <https://acxpa.com.au/glossary/csat-customer-satisfaction/#:~:text=1970s%2D%20The%20Emergence%20of%20CSAT,Likert%20scales%20to%20measure%20responses>.

MONITORING OF ASSESSMENT OF SATISFACTION WITH THE QUALITY OF EDUCATION IN THE UNIVERSITY BASED ON THE CSAT METRIC

Derevyanchenko Y.I.

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

The article describes the elements of the education quality control system in higher educational institutions of Russia and its constituent elements: external and internal assessment of the quality of education. The requirements of regulatory documents defining the procedure for assessing the quality of education are analyzed and the place of monitoring satisfaction with the process and results of training within the framework of the internal assessment of the quality of education in the university is determined. The possibilities of applying GOST R ISO 9001:2001 in the field of education" and using the CSAT metric (Customer Satisfaction Score / Customer Satisfaction Index) for calculating the indicators of monitoring the satisfaction of students and trainees with the quality of education in the university are considered. A theoretical model for monitoring satisfaction with the quality of education in the university using the CSAT metric is developed. The methodology for monitoring and analyzing its results is described to assess the current situation in the university and its results in making management decisions for strategic planning and improving the competitiveness of the university.

Keywords: modernization of Russian education, internal system for assessing the quality of education, satisfaction with the quality of education, CSAT.

References

1. Fadeev A. S., Zmeev O.A., Gazizov T.T. University Model 4.0 // Scientific and Pedagogical Review. – 2020. – No. 2 (30). – P. 172–178. – DOI 10.23951 / 2307–6127–2020–2–172–178.
2. The concept of modernization of Russian education for the period up to 2010. URL.: <https://www.edu.ru/documents/view/1660/>
3. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation "On target indicators of the performance of budgetary educational institutions under the jurisdiction of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation" dated 08.11.2010 No. 1116. URL.: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102127517>.
4. Abouchedid K., Nasser R.N. Assuring quality service in higher education: Registration and advising attitudes in a private university in Lebanon // Quality Assurance in Education. December 2002. 10(4). R. 198–206.
5. Borishade T. T., Ogunnaike O.O., Salau O., Motilewa B.D., Dirisu J.I. Assessing the relationship among service quality, student satisfaction and loyalty: the NIGERIAN higher education experience // Heliyon. July 2021. 7(4). R. 1–8.
6. Klimovich A.V. Education as a value in the system of students' value orientations (summary of sociological research materials) // Personality and Society. Values in the modern world: search for balance: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation "Mokronosov Readings-2020" (Yekaterinburg, January 25, 2020). – Yekaterinburg: Publishing House of the UPI UMC, 2020. – P. 157–161.
7. Reutov E. V., Reutova M.N., Shavyrina I.V. Success in life and chances of achieving it in the opinions of residents of the Russian provinces // Sociological studies. – 2020. – No. 6. -P. 61–71.
8. Rozhkova L. V., Tuguskina G.N., Supikov V.N., Seidov Sh.G. Education as a factor in life and professional success of Russians // Sociodynamics. – 2021. – No. 10. – P. 9–26.
9. Aljahani, O. A review of the contemporary international literature on student retention in higher education // International Journal of Education and Literacy Studies. 2016. 4 (1). R. 40–52.
10. Forid Md. S., Hafez Md., Khan W. Student Satisfaction and Retention: Impact of Service Quality and Digital Transformation. Marketing and Management of Innovations // Marketing and Management of Innovations. December 2022. 13(4). R. 4–14.
11. Bogatyrev, K.A. Metrics in distance learning: CSAT, NPS, COR / K.A. Bogatyrev // History, theory and practice of the development of pedagogical ideas in light of modern educational trends: Articles and materials of the II All-Russian student scientific and practical conference (with international participation) dedicated to the Year of the Family, Kolomna, May 21, 2024. – Kolomna: State Social and Humanitarian University, 2024. – P. 242–244.
12. Manukyan L.A. Comparative analysis of platforms for distance learning // Scientific notes of the Tambov branch of the Russian SMU. 2018. No. 12. P. 212–217.
13. Kuznetsova E. V., Matalova S.V., Smirnova M.V. Practice of Teaching English Phonetics to Non-Linguistic Students in Modern Conditions // Educational Resources and Technologies. 2024. No. 1 (46). P.
14. Kozlov A. V., Budanikov A.A. Methodology of Strength Fitness Classes in Elective Disciplines in Physical Education and Sports // Physical Education and Student Sports. 2024. No. 2. P. 182–189.
15. Crosling G. Student Retention in Higher Education, A Shared Issue // Encyclopedia of International Higher Education Systems and Institutions. 2017. R. 1–6.
16. Parasuraman, A., Zeithaml, V.A. and Berry, L.L. SERVQUAL: A Multiple-Item Scale for Measuring Consumer Perceptions of Service Quality // Journal of Retailing. 1988. 64. P. 12–40.
17. Abdullah F. Measuring Service Quality in Higher Education: Three instruments compared // International Journal of Research & Method in Education. 2006. 29. P. 71–89.
18. Spassky A.S. The structure of student satisfaction with studies at the university // // Innovations in education. – 2002. – No. 1. – P. 50–59.
19. Ilyasov F.N. Job satisfaction: Analysis of structure, measurement, relationship with production behavior. – Ashgabat: Ylym, 1988. – 99 p.
20. CSAT (Customer Satisfaction) // Australian Customer Experience Professionals Association. URL: <https://acxpa.com.au/glossary/csat-customer-satisfaction/#:~:text=1970s%20%2D%20The%20Emergence%20of%20CSAT,Likert%20scales%20to%20measure%20responses>.

Социально-политические факторы и условия социального благополучия в современной России (описательное исследование)

Епхийев Олег Муратович,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и технологий, НИУ МГСУ
E-mail: Ephiev1@mail.ru

Моисеев Александр Владимирович,

кандидат политических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, АНО ВО «Институт современного образования и информационных технологий»
E-mail: decibal@mail.ru

Данная статья представляет собой описательное исследование социально-политических аспектов социального благополучия в современной России. Очевидно, что социально-политические факторы и условия наряду, как минимум, с экономическими, правовыми, социокультурными и пр. являются весьма существенными, и могут, в той или иной мере, влиять на благополучие социального субъекта. Наше исследование связано не просто с механическим описанием социально-политических факторов и условий, но и, что важно, попыткой обоснования существующей научной проблемы и анализа (реализуя описательный метод) реально существующих социально-политических механизмов, которые, в определенной мере, оказывают влияние на благополучие социальных субъектов. В результате анализа авторами представлено некоторое видение, связанное с существующими социально-политическими факторами и условиями, влияющими на социальное благополучие социальных субъектов в современной России.

Ключевые слова: благополучие, социальное благополучие, жизнедеятельность, материальное благо, экономическое благо, социальная политика, высшая социальная ценность, регуляторы социального благополучия, инструменты социального благополучия, факторы и условия социального благополучия.

Неоспоримой истиной можно считать часто встречающиеся утверждения о том, что социальное благополучие есть «высшая социальная ценность» [1], есть «идеальное состояние» [2] социального субъекта. Помимо этого, также весьма часто встречаем утверждение, что социальное благополучие является одной из весьма «существенных характеристик социального субъекта» [3]. С подобного рода утверждениями мы, в полной мере согласны. Ведь очевидно, что к этому «идеальному состоянию» индивид, общество и государство всегда стремятся. Это вполне может быть сформулировано как истинная цель личностного и общественного развития. Вопрос лишь в том, какого это «идеальное состояние», имеющее «высшую социальную ценность» для отдельного индивида, какого оно для какой-либо социальной группы, и соответственно, для общества и государства в целом? Может ли это «идеальное состояние» носить характер некой утопической мыслительной конструкции, либо вполне может быть эмпирически ощущаемым явлением, вопрос всеобщий и доселе не решенный. Однако, немалый опыт исследований проблемы дает достаточно оснований полагать, что для каждого социального субъекта то самое «идеальное состояние», как правило, имеет свое содержание, свою особенность, характеристики и, конечно же, определенный набор факторов и условий, оказывающих влияние на социальное благополучие.

Самое общее представление о социальном благополучии («идеальном состоянии»), понимаемое государством, к которому оно стремится, обнаруживается во многих политико-правовых и программных документах. В ранее опубликованных статьях мы некоторые из подобного рода документов уже обозначили. Как пример мы можем привести еще ряд новых политико-правовых документов социального характера нацеленных на достижение благополучия государства – это о национальных целях развития страны на долгосрочный период. В документе сформулированы семь национальных целей развития страны до 2030 и на перспективу до 2036 года [4]; Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики до 2036 года, утвержденная распоряжением Правительством РФ и нацеленная на сохранение населения страны за счет: а) повышения рождаемости, б) укрепления здоровья граждан, в) социальной поддержки и защиты семей, как базовой основы российского общества на основе традиционных духовно-нравственных ценностей [5].

В этих документах сформулированы цели развития, достижение которых, как полагают авторы, могут приблизить к тому самому «идеальному состоянию» общество и государство, семью и человека. Однако надо согласиться, что сложнее, все же, обстоит дело с пониманием благополучия индивида, каких-либо социальных групп. В этих же материалах мы сформулировали, если позволите, один из важнейших вопросов данного теоретико-методологического этапа исследования – «Является ли это достаточным основанием для построения теоретической модели благополучия человека, общества и государства?» [6]. Современное социально-гуманитарное знание этот вопрос стремится разрешить. В этот процесс включились и авторы настоящей статьи.

В практике исследователи социального благополучия ставят перед собой множество актуальных исследовательских вопросов, которые требуют своего решения. Одним из таких является вопрос о факторах и условиях социального благополучия социального субъекта. Решаются эти проблемы в рамках существующих направлений социально-гуманитарного знания, и прежде всего, в социологии (в предыдущих обзорно-аналитических исследованиях мы о них говорили) [7]. Проблема, которую мы сформулировали, является также весьма актуальной и заслуживает особого исследовательского внимания по целому ряду оснований: *во-первых*, по мимо утверждения, что социальное благополучие есть «идеальное состояние», есть «высшая социальная ценность», хотелось бы все же уточнить, что есть социальное благополучие человека, социальной группы, общества и государства в своем сущностном выражении; *во-вторых*, определиться с содержательной стороной социального благополучия на уровне каждого социального субъекта и сформулировать их существенные характеристики; *в-третьих*, выявить важнейшие факторы и условия его детерминирующие; *в-четвертых*, понять действенность реально существующих механизмов достижения благополучия. Можем предположить, что эти механизмы могут быть различными для каждого социального субъекта и охватывать все сферы жизнедеятельности социального субъекта [8].

В стремлении найти ответы на поставленные вопросы мы и взялись за реализацию цикла исследований, результаты которых периодически публикуем. Как и прочие актуальные исследовательские вопросы, сформулированная нами проблема значима в процессе научного осмысления феномена социального благополучия. Подтверждение тому мы обнаруживаем во многих современных исследованиях (в сноске приводим лишь их малую, но заслуживающую особого внимания, часть) [9], осуществленных в рамках современного социологического знания. Однако, у некоторых исследователей социально-политические факторы и условия, как правило, лишь обозначаются в самом широком смысле. Формулируются они либо как «факторы внешней среды», либо как «объективные факторы», либо как «регуляторы» [10]. Но при этом не встречаем какого-либо детального объяснения степени (силы), характера и направленности влияния социально-политических факторов на социальное благополучие человека, социальной группы, общества и государства в целом. То есть, часто исследование факторов социального благополучия проводится без относительной привязки к социальному субъекту, что и порождает множество вопросов, требующих решения. Оттуда и множество исследований, связанных с проблемой определения факторов социального благополучия, выдвигая ее в степень самостоятельной научной проблемы. Основываясь на собственных исследованиях и изучении ряда научных публикаций, можем заключить, что факторы социального благополучия все еще остаются одной из важнейших исследовательских проблем и не только для социологии [11]. Очевидно также, что нормативистский подход преобладает во множестве современных социологических исследованиях социального благополучия, и это вполне заслуживает внимания. Однако, осмелимся утверждать, что в рамках нормативистского подхода в исследовании социального благополучия «растворяется» суть и смысл социально активной роли самого индивида. Акцент делается лишь на соответствие существующей системе ценностей, принятой в обществе, как объективного фактора, и на ощущении индивида (субъективное благополучие, как фактора субъективного характера) о степени его удовлет-

воренности или достаточности того, что дается ему самой жизнью. В этом случае, тезис «Всяк кузнец своего счастья!» становится не столь уж актуальным и теряет всякий смысл. То есть, благополучие не есть результат собственных идей, мыслей и активной жизнедеятельности индивида, а лишь как что-то данное из вне и не зависящее от человека. Достаточно ли этого для понимания сущности и содержания социального благополучия? Осмелимся предположить, что нет, учитывая, как минимум, что именно сам человек является главнейшим участником собственного (личностного) и, что важно, общественного развития. Но решить эти вопросы еще предстоит в рамках последующих исследований, основываясь на базовых принципах деятельностного подхода. На данном исследовательском этапе, осознавая важность и необходимость решения поставленной нами исследовательской задачи, решили предпринять попытку, в рамках описательного исследования, сформулировать социально-политические факторы и условия, которые в той или иной мере, могут влиять на благополучие социального субъекта.

Исследовательский интерес к проблеме обусловлен еще и тем, что разрешение его позволит в последующем, сформулировать более адекватную концептуальную модель социального благополучия. Это, по крайней мере, будет способствовать решению весьма важной для социологии проблемы, связанной с возможностью перехода от теоретического концепта к эмпирическим показателям и обратно к объяснительным теориям. Но прежде имеем желание дать некоторое пояснение относительно двух часто вместе используемых, и интерпретируемых как синонимы, таких понятий как «факторы» и «условия». В словаре русского языка Ожегова С.И. дается интерпретация обоих понятий. Понятие «фактор» определяется как «...движущая сила, причина какого-нибудь процесса явления.» [12]. То есть, фактор – это влияющая на объект внешняя сила, которая и предопределяет сами обстоятельства и условия жизнедеятельности социального субъекта. Очевидно, что влияние этих обстоятельств и условий может иметь некоторую силу, характер и направленность, что может предопределять и степень важности самого фактора. Понятие «условие» определяется как «...*обстоятельство*, от которого что-нибудь зависит..., и *обстановка*, в которой происходит что-нибудь...» [13]. На ряду с «факторами» и «условиями» возникает понятие «обстоятельство», которое в этом же словаре определяется, *во-первых*, как «Явление, сопутствующее какому-нибудь другому явлению и с ним связанное», *во-вторых*, как «...Условие, определяющие положение, существование кого, чего-нибудь...» [14]. То-есть, условия (обстоятельства), которые оказывают влияние на благополучие социального субъекта, возникают под влиянием различных факторов. В Российской социологической энциклопедии понятие «фактор» определяется как «...причина, движущая сила какого-либо явления, процесса, определяющая его характер или отдельные его черты» [15].

Соотнося эти два важных термина, можем сделать вывод, что они есть разные по смыслу понятия и не могут рассматриваться как синонимы. Не претендуя на новаторство, все же позволим еще раз утвердить тезис о том, что следствием влияния факторов будет созданные условия (обстоятельства) социального благополучия социального субъекта. При этом, факторы, как «движущая сила», могут быть объективными и субъективными. Именно факторы порождают определенные условия (обстоятельства, обстановку), которые и предопределяют социальное благополучие социального субъекта.

В современных исследованиях социального благополучия, мы часто встречаем использование понятия «регуляторы социального благополучия» или «социальные регуляторы благополучия» (что одно и то же) [16]. В этом случае, было бы не верным обойти стороной вопрос, связанный с интерпретацией понятия «регулятор». Очевидно, что ряд авторов в качестве тех самых факторов выдвигают именно «регуляторы», которые и детерминируют социальное благополучие. В самом общем плане, конечно, против подобной трактовки возражать было бы не совсем уж верно. Однако, осмелимся предположить, что все же, в ряде случаев, имеет место некая неопределённость используемого понятия. Для этого мы вновь обратились к словарю русского языка Ожегова С.И., где обнаружили интерпретацию понятия «регулятор». Определяется понятие как «То, что регулирует, направляет развитие чего-нибудь» [17]. То есть, кто-то (некий субъект управления) совершает определенную деятельность (принимает решения), связанную с регулированием и направлением процесса развития чего-нибудь (объекта регулирования). Исходя из подобной трактовки понятия, в качестве «социального регулятора» (или регулирующего субъекта), мы могли бы определить сам институт власти, к коим можно отнести исполнительную, законодательную, судебную и, конечно же, Президентскую власти. Власть собственно и регулирует процессы во всех сферах жизнедеятельности общества и государства. Например, согласно Конституции РФ (Глава 4) Президент РФ, как глава государства является «...гарантом... прав и свобод человека и гражданина...» [18], сформулированных во 2-ой главе основного закона страны. Именно Президент, используя всю полноту своей власти и государственные механизмы, как Глава государства, ручается, что права и свободы человека и гражданина будут реализованы в полной мере.

Согласно Конституции РФ (Глава 6) и ФКЗ от 06.11.2020 № 4 «О Правительстве РФ» исполнительную власть в современной России осуществляет Правительство РФ, которая «...обеспечивает единую социально ориентированную государственную политику...» [19] во всех сферах жизнедеятельности человека, общества и государства. Законодательную власть представляет Парламент (ФС РФ), который согласно Конституции РФ (Глава 5) «...является представительным и законодательным органом РФ» [20] и формирует законодательную основу деятельности государства во всех сферах жизнедеятельности общества и государства. То есть, указанные институты в рамках своих полномочий определяют, формируют, реализуют государственную политику во всех сферах жизнедеятельности социального субъекта, в том числе в социальной сфере, используя определенные инструменты. Вышеуказанные институты власти осуществляют то само «регулирование» социального благополучия в интересах человека, отдельных социальных групп, общества и государства в целом.

В качестве инструмента регулирования могут выступать государственные политико-правовые и программные документы, ориентированные на формирование тех самых необходимых условий благополучия, разрабатываемые, утверждаемые и исполняемые институтами власти. Если говорить о социальном благополучии человека или какой-либо социальной группы, общества или государства, то сама система факторов и условия, ими порождаемые, возможно будут иметь отличную друг от друга конфигурацию. Ведь благополучие социального субъекта предопределяется реальными условиями жизнедеятельности социального субъекта, которые они же сами и формируют. В этих реально существующих усло-

виях происходит удовлетворение потребностей, как важного условия жизнедеятельности социального субъекта.

Можно заключить, что следствием воздействия социально-политических факторов будут созданные социально-политические условия благополучия социального субъекта. Социально-политические факторы – это движущие силы, способные породить процессы политического характера в обществе. Это та сила, которая оказывает влияние в целом на общественно-политическую жизнь как отдельного индивида, так и отдельных социальных групп, общества и государства в целом. Очевидно, что главенствующая роль в формировании социально-политической обстановки или условий принадлежит конечно государству, социально-политическим институтам и их деятельности. К основным характеристикам социально-политической обстановки, как минимум, можно отнести социальную справедливость, урегулированность в сфере труда и занятости, реализация социальных гарантий, эффективность функционирования института социальной защиты. Как предположение, требующее своего дальнейшего подтверждения в рамках последующих исследований, можем выдвинуть тезис, что социально-политические факторы социального благополучия индивида, социальных групп, общества и государства, возможно (условно) разделить на две группы: всеобщие и специфические.

Всеобщие социально-политические факторы – это факторы, которые влияют на социальное благополучие не зависимо от социального субъекта (характерны для всего общества). *К специфическим социально-политическим факторам* можно отнести лишь те особенные, что характерно сказываются на определенных характеристиках (показателях) благополучия социального субъекта.

К *всеобщим социально-политическим факторам*, влияющим на социальное благополучие не зависимо от социального субъекта, возможно отнести, *во-первых*, социальное законодательство, содержащее нормы и обладающие юридической силой. Устанавливаются эти нормы государством в интересах реализации прав и свобод граждан, социальных групп, общества и государства. И если эти нормы, закрепленные в законе, социально ориентированы (направлены на создание важных и необходимых для блага человека, определенных социальных групп, общества и государства), то это (как один из ключевых факторов), обеспечивает необходимые условия социального благополучия социального субъекта.

Во-вторых, политическая стабильность, как реальное состояние (условие, обстановка) общества и государства. Факторов, которые обеспечивают состояние политической стабильности, как неперемного условия благополучия социального субъекта, выделяют не мало. К числу ключевых можно отнести: устойчивость политических и эффективность государственных институтов власти; уровень доверия к власти со стороны общества; устойчивость финансово-экономической системы, обеспечивающая стабильность экономической системы; состояние внешней и внутренней безопасности, как один из базовых условий политической стабильности.

В-третьих, реальная государственная политика в сфере социального благополучия. К ключевым факторам эффективной государственной политики в сфере социального благополучия можно отнести: *политические факторы*, связанные, прежде всего с тем, как государство проводит социальную политику; *экономические факторы*, связанные с реальными инвестициями в социальную сферу. При всем двойственном характере понятия «инвестиции» (от инвестиций инвестор всегда ждет

прибыль, доход в реальном денежном выражении) надо полагать, что инвестиции в социальную сферу дают важнейшую прибыль, которую можно сформулировать как: а) рост производительности труда, б) повышение реальных доходов граждан; *социально ориентированные национальные проекты и государственные программы*, как реальные инструменты достижения благополучия; *духовно-нравственные ценности* как фактор благополучия человека и общества. Духовно-нравственные ценности есть «становой хребет общества», обеспечивающий социальное благополучие, социальную стабильность и устойчивую модель социального развития [21].

В-четвертых, степень социальной напряженности и конфликтности в социуме. Как правило обусловлен несоответствием между ожиданиями, потребностями и реальным положением индивида, социальной группы, общества. Порождаемая выше указанными факторами обстановка или обстоятельства, в которых происходит что-либо в политической сфере, есть ничто иное, как социально-политические условия социального благополучия социального субъекта.

К *специфическим социально-политическим факторам* можно отнести деятельность государства в реализации социальных гарантий и реализуемую государством политику в сфере социальной защищенности граждан и отдельных социальных групп.

К условиям (обстановке или обстоятельствам) социального благополучия отдельного индивида можно отнести: *политическую стабильность*, которая достижима при достаточно высокой степени защищенности прав и свобод гражданина; эффективной системе правосудия и правоохранительных органов, обеспечивающие надежный уровень общественной безопасности; *эффективность функционирования института социальной защиты*, как одно из условий социального благополучия человека, которая обусловлена: системой функционирующих социальных гарантий, реализацией прав и свобод человека, эффективной системой реализации социальной политики, реализуемая государством как меры социального, экономического, политического и правового характера. От того в какой мере они отвечают ожиданиям индивида, их потребностям зависит благополучие человека; *уровень и качество жизни*, как совокупность социально-экономических показателей, характеризующих благосостояние человека. При этом надо отметить что речь должна идти не только об уровне реальных материальных доходов, но и доступность, и что важно, качество услуг здравоохранения, образования и пр.

К условиям (обстановке или обстоятельствам) влияющим на социальное благополучие отдельных социальных групп можно также отнести: доступность качественного образования и здравоохранения, достойный уровень жизни, развитость социальной инфраструктуры, культурно-духовная составляющая, связанная со свободой воли, свободой вероисповедания, доступностью достижений культуры и искусства, возможностью духовно-нравственного развития и др. [22].

К условиям (обстановке или обстоятельствам) влияющим на социальное благополучие общества можно также отнести: наличие и эффективную реализацию национальных проектов федеральных и региональных социально ориентированных программ, наличие утвержденных государством социальных стандартов, наличие эффективных институтов реализации прав и свобод граждан и пр.

К условиям (обстановке или обстоятельствам) влияющим на социальное благополучие государства можно отнести: развитость национальной экономики, ее конкурентоспособность на мировом рынке, уровень чело-

веческого развития (ИЧР), обусловленный качеством образования и здравоохранения, развитостью рынка труда, эффективной системой социальной поддержки населения отдельных категорий граждан. Очевидно, что формирование подобных условий в полной мере может также способствовать достижению национальных целей развития страны до 2036 года, сформулированных Указом Президента РФ [23].

Таким образом, авторами статьи предпринята попытка на основе существующего исследовательского опыта, анализа научных статей обосновать исследовательскую проблему, которая выражается в отсутствии достаточных знаний и исследовательской практики в изучении факторов и условий социально-политического характера, влияющих на социальное благополучие социального субъекта. Авторы пришли к пониманию, что социально-политические факторы и условия необходимо рассматривать применительно к социальному субъекту. Ведь характеристика условий и набор факторов социального благополучия не носят универсального характера. Для индивида они могут быть одни, для социальных групп иные, для общества и государства третьи. В тоже время, в силу взаимосвязанности и взаимообусловленности, дифференциация факторов и условий социального благополучия социального субъекта сообразно сферам жизнедеятельности может носить весьма условный характер. Очевидно также, что если говорить о социальном благополучии человека или какой-либо социальной группы, общества или государства, то сама система факторов, условия ею порождаемые будут иметь отличную друг от друга конфигурацию. Однако, социально-политические факторы социального благополучия индивида, социальных групп, общества и государства возможно (условно) разделить на две группы: всеобщие и специфические. Всеобщие социально политические факторы – это факторы, которые влияют на социальное благополучие не зависимо от социального субъекта (характерны для всего общества). К специфическим социально-политическим факторам можно отнести лишь те особенные, что характерно сказываются на определенных характеристиках (показателях) благополучия социального субъекта. Эту научную задачу возможно решить при условии комплексной интегративной модели социального благополучия социального субъекта. Решение ее позволит: *во-первых*, выявить важнейшие факторы и условия, детерминирующие социальное благополучие социального субъекта; *во-вторых*, понять действенность реально существующих социально-политических механизмов достижения благополучия.

Литература

1. Билалова Л.М., Гареева З.К., Иванова О.М., Черникова Т.А. Современные теории социального благополучия: учебное пособие // М.: Издательский дом Академии естествознания. 2016.
2. Капралова Е.А. Проблематизация феномена социального благополучия // Коммуникология. 2022. Том 10. № 2. С.133–148; Власова А.А., Дворникова Е.В., Кошелева А.В. Современные теории социального благополучия: учебно-методическое пособие // Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2017.
3. Социальное благополучие личности и общества. Учебное пособие для бакалавров / составитель профессор Н.А. Грик. – Томск: ТУСУР, 2018. – 106 с.
4. Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 го-

- да» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/
5. Распоряжение Правительства РФ от 15 марта 2025 года № 615-р «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержка многодетности в Российской Федерации до 2036 года»
 6. Епхийев О.М. Моисеев А.В. Идеи социального благополучия в социально-философских учениях // научно-аналитический журнал «Социально-гуманитарные знания» № 12, 2023, С. 93–97; Епхийев О.М. Моисеев А.В. Социальное благополучие в социологических теориях (обзорно-аналитическое исследование) // журнал «Экономика строительства» № 2, 2024. С. 6–15.
 7. См там же.
 8. Моисеев А.В. Епхийев О.М. Сравнительный анализ определений понятия «социальное благополучие» в современном социально-гуманитарном знании // научно-аналитический журнал «Социально-гуманитарные знания» № 2, 2025. С. 12.
 9. Мерзлякова И.В. Теоретико-методологические основы социологического анализа социального благополучия населения региона // Диссертация на соискание КСН 2007; Киселева Л.С. Благополучие российского населения: архитектура, субъективное восприятие и региональной своеобразие // диссертация на соискание доктора соц. наук. 2020; Григорьев С.И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего (избранные статьи по неклассической социологии). Барнаул, 2001. – 229 с.; Костина Е.Ю. Социальное благополучие и социальная безопасность в условиях глобализации современного общества // *Universum: общественные науки: электрон. научн. журн.* 2015. № 6(16).
 10. Власова А.А., Дворникова Е.В., Кошелева А.В. Современные теории социального благополучия: учебно-методическое пособие // Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2017; Костина Е.Ю. Социальное благополучие и социальная безопасность в условиях глобализации современного общества // *Universum: общественные науки: электрон. научн. журн.* 2015. № 6(16); Петренко М.С. Дукарт С.А. Критерии социального благополучия: универсализм и проблемы социокультурного измерения // *Векторы благополучия: экономика и социум.* 2019. № 3(34). С. 79–88;
 11. Петровская Ю.А. Факторы социального благополучия как научная проблема // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 2014, № 4(36), с. 137–143. Воронин Г.Л. Объективные и субъективные показатели общественного благополучия // *Социологический журнал.* 2009. № 3. С. 41–54; Андреенкова Н.В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2010. № 5(99).
 12. Ожегов С.И. Словарь русского языка // Под общей редакцией проф. Л.И. Скворцова 24-е издание, исправленное. М. «ОНИКС 21 век» «Мир и образование». 2004, с. 1110.
 13. См. там же, с. 1099.
 14. См. там же, с. 557.
 15. Российская социологическая энциклопедия // Под общей редакцией академика РАН Г.В. Осипова. Изд. группа НОРМА-ИНФРА * М, М., 1999, с. 593.
 16. Мерзлякова И.В. Социальные регуляторы благополучия человека и общества // *Гуманитарный вектор*, 2010, № 10, С. 179; Костина Е.Ю. Социальные регуляторы благополучия человека и общества; Бурилкина С.А. Влияние социальной работы на благополучие общества // XVIII Международная конференция памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 19–20 марта 2015 г., г. Екатеринбург. – Екатеринбург: [УрФУ], 2015. – С. 1830–1839.
 17. Ожегов С.И. Словарь русского языка // Под общей редакцией проф. Л.И. Скворцова 24-е издание, исправленное. М. «ОНИКС 21 век» «Мир и образование». 2004, с. 879.
 18. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
 19. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 N 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации».
 20. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
 21. Васильев Д.В. Пятиуровневая система духовно-нравственных ценностей как инновационная модель для обеспечения благополучия и устойчивого развития российского общества
 22. Власова А.А., Дворникова Е.В., Кошелева А.В. Современные теории социального благополучия: учебно-методическое пособие // Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2017
 23. Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/

SOCIO-POLITICAL FACTORS AND CONDITIONS OF SOCIAL WELL-BEING IN MODERN RUSSIA (DESCRIPTIVE STUDY)

Ephiev O.M., Moiseev A.V.

Moscow State University of Civil Engineering, Institute of Modern Education and Information Technologies

This article is a descriptive study of the socio-political aspects of social well-being in modern Russia. It is obvious that socio-political factors and conditions, along with, at least, economic, legal, socio-cultural, etc., are very significant and can, to one degree or another, influence the well-being of a social subject. Our research is connected not only with a mechanical description of socio-political factors and conditions, but also, what is important, with an attempt to substantiate the existing scientific problem and analyze (implementing the descriptive method) the real socio-political mechanisms that, to a certain extent, influence the well-being of social subjects. As a result of the analysis, the authors present a certain vision related to the existing socio-political factors and conditions that influence the social well-being of social subjects in modern Russia.

Keywords: well-being, social well-being, life activity, material well-being, economic well-being, social policy, the highest social value, regulators of social well-being, instruments of social well-being, factors and conditions of social well-being.

References

1. Bilalova L.M., Gareeva Z.K., Ivanova O.M., Chernikova T.A. Modern theories of social well-being: a tutorial // М.: Publishing House of the Academy of Natural Sciences. 2016.
2. Kapralova E.A. Problematization of the phenomenon of social well-being // *Communicology.* 2022. Vol. 10. No. 2. P. 133–148; Vlasova A.A., Dvornikova E.V., Kosheleva A.V. Modern theo-

- ries of social well-being: a teaching aid // Yaroslavl: Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, 2017.
3. Social well-being of the individual and society. A tutorial for bachelors / compiled by professor N.A. Grik. – Tomsk: TUSUR, 2018. – 106 p.
 4. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 N 309 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/
 5. Order of the Government of the Russian Federation of March 15, 2025 No. 615-r "Strategy for the implementation of family and demographic policy, support for large families in the Russian Federation until 2036"
 6. Epkhiev O.M. Moiseev A.V. Ideas of social well-being in social and philosophical teachings // scientific and analytical journal "Social and humanitarian knowledge" No. 12, 2023, pp. 93–97; Epkhiev O.M. Moiseev A.V. Social well-being in sociological theories (review and analytical study) // journal "Economics of Construction" No. 2, 2024. Pp. 6–15.
 7. See *ibid.*
 8. Moiseev AV Epkhiev OM Comparative analysis of the definitions of the concept of "social well-being" in modern social and humanitarian knowledge // scientific and analytical journal "Social and humanitarian knowledge" No. 2, 2025. P. 12.
 9. Merzlyakova IV Theoretical and methodological foundations of the sociological analysis of the social well-being of the population of the region // Dissertation for the degree of KSN 2007; Kiseleva LS Well-being of the Russian population: architectonics, subjective perception and regional originality // dissertation for the degree of Doctor of Social Sciences. 2020; Grigoriev SI Vitalist sociology: paradigm of the present and the future (selected articles on non-classical sociology). Barnaul, 2001. – 229 p.; Kostina E. Yu. Social well-being and social security in the context of globalization of modern society // *Universum: social sciences: electronic. scientific journal*. 2015. No. 6 (16).
 10. Vlasova A. A., Dvornikova E.V., Kosheleva A.V. Modern theories of social well-being: a teaching aid // Yaroslavl: Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, 2017; Kostina E. Yu. Social well-being and social security in the context of globalization of modern society // *Universum: social sciences: electronic. scientific journal*. 2015. No. 6 (16); Petrenko M.S., Dukart S.A. Criteria of Social Well-Being: Universalism and Problems of Sociocultural Measurement // *Vectors of Well-Being: Economy and Society*. 2019. No. 3 (34). P. 79–88;
 11. Petrovskaya Yu.A. Factors of Social Well-Being as a Scientific Problem // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*, 2014, No. 4 (36), pp. 137–143. Voronin G.L. Objective and Subjective Indicators of Public Well-Being // *Sociological Journal*. 2009. No. 3. P. 41–54; Andreenkova N.V. Comparative Analysis of Life Satisfaction and the Factors Determining It // *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2010. No. 5 (99).
 12. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian Language // Under the general editorship of prof. L.I. Skvortsova 24th edition, revised. M. "ONIX 21st century" "Peace and education". 2004, p. 1110.
 13. See *ibid.*, p. 1099.
 14. See *ibid.*, p. 557.
 15. Russian sociological encyclopedia // Under the general editorship of academicians of the Russian Academy of Sciences G.V. Osipov. Publishing group NORMA-INFRA * M, M., 1999, p. 593.
 16. Merzlyakova I.V. Social regulators of human and society well-being // *Humanitarian vector*, 2010, No. 10, p. 179; Kostina E. Yu. Social regulators of human and society well-being; Burilkina S.A. Influence of social work on the well-being of society // XVIII International Conference in memory of prof. L.N. Kogan "Culture, personality, society in the modern world: Methodology, experience of empirical research", March 19–20, 2015, Yekaterinburg. – Yekaterinburg: [UrFU], 2015. – P. 1830–1839.
 17. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language // Under the general editorship of prof. L.I. Skvortsov 24th edition, revised. M. "ONIX 21st century" "Peace and education". 2004, p. 879.
 18. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020).
 19. Federal Constitutional Law of 06.11.2020 N 4-FKZ "On the Government of the Russian Federation".
 20. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020).
 21. Vasiliev D.V. Five-level system of spiritual and moral values as an innovative model for ensuring the well-being and sustainable development of Russian society
 22. Vlasova A.A., Dvornikova E.V., Kosheleva A.V. Modern theories of social well-being: a teaching aid // Yaroslavl: Yaroslavl State University named after P.G. Demidova, 2017
 23. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 N 309 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/

Ерзылева Ирина Анатольевна,

старший преподаватель кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: iaerzyleva@fa.ru

Мамаева Юлия Александровна,

к.и.н., доцент, доцент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: yamamaeva@fa.ru

Материал посвящен проблеме развития института традиционных семейных ценностей в разрезе общего повышения благосостояния социума в текущем внешне- и внутривнутриполитическом контексте. Отмечается, что особую актуализацию вопрос сбережения традиционных семейных ценностей приобретает в условиях острого геополитического и мировоззренческого конфликта с западным миром, который породил дивергенцию в уровне жизни между гражданами России и жителями либерально-демократического мира: имеют место рост реальных доходов и качественное улучшение структуры потребления у граждан России при падении экономической насыщенности граждан недружественных стран. Обозначаются и характеризуются такие политико-правовые механизмы сбережения традиционных семейных ценностей, как дидактика, стимулирование и поощрение кооперации, правоохранительная превенция, пресечение и правос восстановление. Особое внимание уделяется организационно-распорядительному измерению сбережения традиционных семейных ценностей, которое представлено комплексом мероприятий по материальному стимулированию деторождения и постоянному повышению уровня качества жизни семей с детьми – «*семейной ипотеке*» и материнскому (семейному) капиталу. В заключительной части статьи автор приходит к выводу о том, что существующий правовой, политический, организационный и социально-экономический инструмент помощи, сбережения и продвижения традиционных семейных ценностей в конечном счете направлен на повышение благосостояния российских семей и, следовательно, на общее улучшение качества жизни наших сограждан, что подтверждается как последовательной риторикой главы государства о приоритизации семейных ценностей в общем массиве задач функционирования государственного аппарата, так и действительными мерами материального стимулирования деторождения и заключения брака.

Ключевые слова: семейные ценности, семья, брак, традиционные ценности, ценностная политика, материальная поддержка.

Проблематизация традиционных семейных ценностей в качестве основы стратегического развития России имеет важное значение для текущего политического порядка и сохранения основ закрепившегося государственного устройства. Неслучайно в одном из ключевых документов нашего государства – *Стратегии национальной безопасности Российской Федерации* – указывается на то, что «сохранение российской самобытности, культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей [и в том числе семейных ценностей – Ю.М.] и патристическое воспитание граждан будут способствовать дальнейшему развитию демократического устройства Российской Федерации, ее открытости миру» [5].

Как было замечено нами ранее, едва ли возможно переоценить ценности данного порядка в контексте развертывания социально-политической жизни, поскольку их миссия – «оркестровка процесса приобретения социально полезных навыков, привычек и стереотипов или, иначе говоря, задание базисного вектора социализации» [11, с. 12], что в преломлении к политической жизни означает конституирование желаемых форматов политического поведения, связанных с высоким уровнем активизма и последовательным непринятием девиантных форм политического участия, таких, как участие в несанкционированных массовых мероприятиях, финансовая и гуманитарная поддержка несистемной оппозиции, распространение недостоверной или заведомо ложной информации о деятельности государственной власти и вооруженных сил, позитивное восприятие дискриминационной политики недружественных стран в отношении российских политических деятелей, представителей крупного капитала и отечественных коммерческих организаций за рубежом.

Ценности семьи в традиционном понимании представляют собой «совокупность значимых смысловых категорий, отражающих представления о семейном укладе, семейной культуре, сформировавшихся в более ранний исторический период» [14, с. 3], помогают каждому индивиду поместить собственную жизнь в экзистенциальные рамки и определять наиболее эффективные долгосрочные форматы социального взаимодействия с привлечением наибольшей полезности от таких интеракций и секьюритизации рисков межличностных конфликтов.

Более того, традиционные семейные ценности являются остоном стратегического курса Российской Федерации в условиях трансформации мирового порядка и усиливающейся суверенизации Отечества. Потому не вызывает никакого удивления то обстоятельство, что «национальная идея нашей страны включает в себя элементы поощрения патриархальных устоев (последовательная апология семейных ценностей)» [12, с. 47].

На значимость сбережения и деятельного поддержания традиционных семейных ценностей непрестанно обращает внимание президент Российской Федерации В.В. Путин, для которого рассматриваемая повестка де-факто становится одним из ключевых компонентов политической программы. Как было замечено президентом, «Именно вокруг интересов семей, детей строятся практически все наши действия, все действия государства и решения»¹.

¹ В России чтут подлинные семейные ценности, заявил Путин [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20240530/deti-1949364524.html> (дата обращения: 02.02.2025).

Несмотря на то обстоятельство, что фрейм окончательной «отстройки» российского ценностного каркаса от чуждой европейской аксиологической модели закрепился вследствие проведения специальной военной операции, проблематика семейных ценностей активно затрагивалась и ранее. В октябре 2021 года В.В. Путин на третьем Евразийском женском форуме заявил: «Безусловно, при абсолютной необходимости свобод каждого человека... я убежден, что традиционные семейные ценности – это важнейшая нравственная опора и залог успешного развития и в настоящем, и в будущем»¹.

Данная риторика подкрепляется и конституционно-правовыми новеллами, связанными с изменениями Конституции в 2020 году, в которых обращается внимание на неразрывную связь детства и семейного воспитания с фундаментальными целями функционирования государства. Как следует из части 4 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации, «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России» [1].

Особую актуализацию вопрос сбережения традиционных семейных ценностей приобретает в условиях острого геополитического и мировоззренческого конфликта с западным миром, ощутимым симптомом которого являются военные действия по защите Донбасса от агрессии необандеровского киевского режима. Размежевание в вопросах видения приемлемой геополитической карты и места России в новом мировом порядке, как представляется, не в последнюю очередь определялось дивергенцией в исповедуемых и охраняемых ценностях в нашей стране, с одной стороны, и в странах блока недружественных государств, с другой стороны.

В этой связи лидер российского государства выражал крайнюю обеспокоенность эрозией традиционных семейных ценностей в Европе, которая благоприятствует дисфункции нормальных механизмов социализации: «Трудно растить детей в тех условиях, которые в некоторых странах Запада сегодня создаются. Извините, общие туалеты для мальчиков и девочек, еще что-то такое»².

Возможно, именно размытие здоровой половой идентификации и пренебрежительное отношение к институтам семьи и брака в так называемых «развитых» странах косвенным образом определяют конфронтацию европейского мира с Россией и, как следствие, разницу в уровне жизни между россиянами и жителями либеральных демократий. Имеют место рост реальных доходов и качественное улучшение структуры потребления у граждан России при падении экономической насыщенности граждан недружественных стран.

Как было замечено в этой связи В.В. Zubовым, «в то время как западная система координат дает принципиальный ценностный сбой... в нашей стране происходит... укрепление духовно-нравственных основ российской цивилизации, сочетающееся... с планомерным ростом благосостояния граждан» [9, с. 90].

В более общем виде на единство традиционных (и в том числе семейных) ценностей и общественного благосостояния обращает внимание М.Ю. Днепров, согласно взглядам которого «традиционные ценности связаны с экономическими отношениями» посредством элементарных благ и типичных жизненных потребностей [8, с. 22].

¹ Путин назвал семейные ценности важнейшей нравственной опорой [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/12663251> (дата обращения: 02.02.2025).

² «Прыгающие без штанов», гендерно-нейтральные туалеты и придурки в Киеве: главное из выступления Путина [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2024/01/16/18137293.shtml> (дата обращения: 02.02.2025).

Таким образом, практически аксиоматическим выглядит утверждение о том, что в странах с укрепляемыми семейными ценностями закономерным образом повышается благосостояние социума, тогда как в политических порядках с пренебрежительным или посредственным отношением к институтам семьи и брака уровень и качество жизни неуклонно снижаются.

Традиционные семейные ценности в существующем контексте представляют собой не только часть позитивного политического лозунга, принимаемого подавляющим большинством населения страны, но и направление укореняющегося ценностно ориентированного курса (ценностной политики), элементами которого, несомненно, являются нормативный правовой и организационно-распорядительный инструментарий государственной политики.

В актуальном дискурсе политической науки под ценностно ориентированным курсом (ценностной политикой) понимается «артикуляция, юридическое обрамление государством социально значимых идей и смыслов непреходящего толка, а также разработка и имплементация юридических, организационно-распорядительных и коммуникативных механизмов соблюдения ценностей» [10, с. 40].

В Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей предлагается легальная дефиниция последних и вместе с тем эксплицируется их номенклатура, согласно которой крепкая семья входит в число декларируемых традиционных ценностей [6]. При этом, как явствует из Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г., к традиционным семейным ценностям «относятся ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей» [7]. Данное определение к толкованию существа семейных ценностей вполне согласуется с положениями из научной печати, по которым «семья естественным образом неразрывно связана с рождением детей, воспитанием и социализацией, наличием родства и семейных кровнородственных уз, определяющих ценностные начала» [13, с. 62].

Отметим, что ценность крепкой семьи, будучи объектом ценностно ориентированного курса Российской Федерации и частью общей системы традиционных ценностей, на государственном уровне обеспечивается при помощи таких политико-правовых механизмов, как:

- дидактика (дисциплинарно-воспитательные меры, которые связаны с неформальным и добровольным приобщением граждан к корпусу установленных государством нравственных ориентиров);
- стимулирование и поощрение кооперации (установление и поддержка каналов межакторного и межинституционального взаимодействия по вопросам продвижения традиционных семейных ценностей);
- превенция (профилактика и предупреждение всевозможных форм девиантного и делинквентного поведения, сопряженных с публичным посягательством и дискредитацией сакральных ценностей российской цивилизации);
- пресечение и правос восстановление (легальное использование карательного инструментария для привлечения виновных к административной или уголовной ответственности при совершении преступлений и правонарушений в ценностной сфере).

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что традиционные семейные ценности вплетены

в сферу *защиты* национальной безопасности. Как указывается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, современные глобальные трансформации имеют в качестве вызова и угрозы *изменения* общечеловеческих ценностей. К тому же оборотной стороной небывалого научно-технического прогресса является нивелирование «традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов» [5]. Подчеркивается, что в нынешних условиях «все более разрушительному воздействию подвергаются... институт брака, семейные ценности» [5] и вместе с тем «формируются сообщества, отрицающие естественное продолжение жизни» [5].

В свете вышесказанного российское государство, отчетливо осознавая угрозу посягательства на традиционные семейные ценности и следующее за ним неизбежное сокращение численности населения, имплементирует охранительные и превентивно-пресекательные меры по сбережению института традиционной семьи.

Так, в настоящее время, как следует из актуальной редакции статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, к административному деликту в сфере публичного посягательства на традиционные семейные устои относятся: пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и предпочтений, пропаганда смены пола и пропаганда отказа от деторождения, публичное насаждение идей о тождестве традиционных и нетрадиционных сексуальных предпочтений, с одной стороны, и деторождения и бездетности, с другой стороны [3]. При этом, поскольку «международное общественное движение ЛГБТ» признано Верховным Судом Российской Федерации в 2023 году экстремистской организацией, то за пропаганду материалов такого движения предусматривается административная ответственность, а за участие в нем или за руководство его деятельностью в том или ином формате – уголовная ответственность по статье 282. 1 Уголовного кодекса Российской Федерации [2].

Не менее важной мерой по сохранению семейных ценностей в плоскости сбережения естественной гендерной идентичности является рестрикция смены пола. В статью 45.1 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в 2023 году была внесена новелла о запрете проведения операций и использования лекарственных средств для смены пола и формирования половых признаков неестественного пола за исключением случаев вынужденного медицинского вмешательства, предписываемого генетическими или эндокринными патологиями [4].

В организационно-распорядительном измерении сбережение традиционных семейных ценностей представлено комплексом мероприятий по материальному стимулированию деторождения и неуклонному повышению качества жизни семей с детьми. Крайне успешной в этом отношении выглядит программа материнского (семейного) капитала, которая воплощается в жизнь по настоящее время с рядом инкрементальных поправок.

Изначально, программа материнского капитала с 2007 года была рассчитана на поддержку семей с двумя детьми, но уже с 2020 года материнский капитал в качестве меры поддержки стали выплачивать при рождении или усыновлении одного ребенка. При этом размер денежной поддержки увеличивался с каждым годом сообразно с инфляционными показателями. Если в 2007 году размер материнского капитала составлял при рождении второго ребенка около 250 тысяч рублей, то в 2024 году за рождение первого ребенка полагалась выплата более чем в 630 тысяч рублей.

Еще одной мерой материального стимулирования деторождения выступает программа так называемой «семейной ипотеки», которая представляет собой субсидирование государством приобретения жилья или улучшения жилищных условий семьями с детьми до ставки в 6%. Данная программа, если претенденты на участие в ней соответствуют предъявляемым требованиям, позволяет семьям компенсировать за счет публичных фондов денежных средств разницу между рыночными ставками по банковским кредитам на приобретение жилья, обремененным залогом (ипотекой), и величиной процента по «семейной ипотеке».

Стоит заметить, что по первоначальным замыслам действие программы льготного ипотечного кредитования семей с детьми должно было распространяться до 1 июля 2024 года. Однако в свете разгона инфляционных процессов и нескольких итераций повышения Центробанком ключевой ставки для замедления обесценения национальной валюты было принято решение о пролонгации «семейной ипотеки» до 2030 года.

Таким образом, в завершение статьи можем сделать следующие выводы. Существующий политический, правовой, организационный и социально-экономический инструментарий поддержки, сбережения и продвижения традиционных семейных ценностей в конечном счете направлен на повышение благосостояния российских семей и, следовательно, на общее улучшение качества жизни наших сограждан, что подтверждается как последовательной риторикой главы государства о приоритизации семейных ценностей в общем массиве задач функционирования государственного аппарата, так и действительными мерами материального стимулирования деторождения и заключения брака.

Проведение Российской Федерацией специальной военной операции активизировало усилия недружественных стран по экономической изоляции России и нанесению серьезного урона национальной экономической системе, что требовало от государства принятия мер по минимизации негативных эффектов от деструктивных посягательств геополитических оппонентов. Однако, несмотря на эффективные действия российских экономических и финансово-кредитных властей по сглаживанию последствий разрыва международных хозяйственных связей со стейкхолдерами санкционного курса, ситуация продолжает оставаться в зоне турбулентности. В этих условиях субъектам отечественного политического менеджмента удалось проявить гибкость в плане поддержания на должном уровне мер материальной поддержки семей и стимулирования рождаемости, что, безусловно, способствует подлинному укреплению традиционных семейных ценностей, а значит, долгосрочному устойчивому развитию страны.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // «Российская газета» от 04 июля 2020 г. № 144.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 07 января 2002 г. № 1 (часть I) ст. 1.
4. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства

Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. № 48 ст. 6724.

5. Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. № 27 (часть II) ст. 5351.
6. Указ Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 46, 14.11.2022, ст. 7977.
7. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г. // Собрание законодательства Российской Федерации, № 35, 01.09.2014, ст. 4811.
8. Днепров М.Ю. Традиционные ценности и экономическая безопасность // Вестник экспертного совета. 2024. № 2 (37). С. 20–26.
9. Зубов В.В. Идейные основы преподавания курса «Основы российской государственности» в высших учебных заведениях // Власть. 2024. № 6. С. 90–95.
10. Зубов В.В. Ценностная политика в Российской Федерации: правовой аспект // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 1. С. 38–47.
11. Мамаева Ю.А. Современные молодежные ценности в условиях трансформации мирового порядка // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 9. С. 12–15.
12. Мамаева Ю.А. Трансформация идеологии в России сквозь оптику прошлого и настоящего // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 12. С. 44–48.
13. Соколова Е.В. Семейные ценности в условиях глобализации // Право и государство: теория и практика. 2022. № 6 (210). С. 62–65.
14. Трошкина И.Н. Семейные ценности: категория, структура // Философская мысль. 2022. № 12. С. 1–9.

TRADITIONAL FAMILY VALUES AND SOCIAL WELL-BEING

Erzyleva I.A., Mamaeva Yu.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The present paper is devoted to the problem of development of the institute of traditional family values in the context of the general increase in the welfare of society in the current foreign and domestic political context. It is noted that the issue of preserving traditional family values becomes particularly relevant in the conditions of acute geopolitical and ideological conflict with the Western world, which has created a divergence in the standard of living between the citizens of Russia and the inhabitants of the liberal democratic world: there is an increase in real incomes and qualitative improvement in the consumption structure of Russian citizens, while the economic saturation of the citizens of unfriendly countries is falling. Such political and legal mechanisms of preserving traditional family values as didactics, stimulation and encouragement of cooperation,

law enforcement prevention, suppression and legal restoration are outlined and characterised. Special attention is paid to the organisational and administrative dimension of the preservation of traditional family values, which is represented by a set of measures to materially stimulate childbearing and permanently improve the quality of life of families with children – ‘family mortgage’ and maternity (family) capital. In the final part of the article, the author concludes that the existing legal, political, organisational and socio-economic tools of assistance, preservation and promotion of traditional family values are ultimately aimed at improving the well-being of Russian families and, consequently, at improving the overall quality of life of our fellow citizens, which is confirmed both by the consistent rhetoric of the head of state about the prioritisation of family values in the overall array of tasks of the functioning of the state apparatus, and by the actual functioning of the state apparatus.

Keywords: family values, family, marriage, traditional values, value policy, material support.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993) // ‘Rossiyskaya Gazeta’ of 4 July 2020, No. 144.
2. Criminal Code of the Russian Federation of 13 June 1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation of 17 June 1996 No. 25 Art. 2954.
3. Code of the Russian Federation on Administrative Offences of 30 December 2001 No. 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation of 7 January 2002 No. 1 (Part I) Art. 1.
4. Federal Law of 21 November 2011, No. 323-FZ ‘On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation’ // Collected Legislation of the Russian Federation of 28 November 2011, No. 48 Art. 6724.
5. Decree of the President of the Russian Federation of 2 July 2021 № 400 ‘On the National Security Strategy of the Russian Federation’ // Collected Legislation of the Russian Federation of 5 July 2021 № 27 (Part II) Art. 5351.
6. Decree of the President of the Russian Federation of 9 November 2022, No. 809 ‘On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values’ // Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 46, 14.11.2022, Art. 7977.
7. Order of the Government of the Russian Federation of 25 August 2014, No. 1618-r On Approval of the Concept of State Family Policy in the Russian Federation for the period up to 2025 // Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 35, 01.09.2014, Art. 4811.
8. Dneprov M. Yu. Traditional values and economic security // Bulletin of the Expert Council. 2024. № 2 (37). С. 20–26.
9. Zubov V.V. Ideological foundations of teaching the course ‘Fundamentals of Russian statehood’ in higher educational institutions // Vlast. 2024. № 6. С. 90–95.
10. Zubov V.V. Value policy in the Russian Federation: legal aspect // Gaps in Russian legislation. 2024. Т. 17. № 1. С. 38–47.
11. Mamaeva Yu.A. Modern youth values in the conditions of transformation of the world order // Socio-humanitarian knowledge. 2024. № 9. С. 12–15.
12. Mamaeva Yu.A. Transformation of ideology in Russia through the optics of the past and the present // Socio-humanitarian knowledge. 2024. № 12. С. 44–48.
13. Sokolova E.V. Family values in the conditions of globalization // Law and state: theory and practice. 2022. № 6 (210). С. 62–65.
14. Troshkina I.N. Family values: category, structure // Philosophical Thought. 2022. № 12. С. 1–9.

Влияние молодежной политики медицинского университета на формирование культурной идентичности будущих врачей в условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса

Зейналлы Рафаэль Риза оглы,

ассистент кафедры экономики и менеджмента, Институт общественного здоровья им. Н.П. Григоренко ВО «ВолГМУ» Минздрава России
E-mail: zein124@mail.ru

Классов Алибек Мурзабекович,

исследователь, ФГБОУ «Саратовский медицинский университет им. В.И. Разумовского»
E-mail: alibekklassov1989@gmail.com

Бибердов Турпал-Али Алиевич,

исследователь, Волгоградский государственный медицинский университет
E-mail: vip_21.04@icloud.com

В статье исследуется влияние молодежной политики медицинского университета на формирование культурной идентичности будущих врачей в условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса. Используя структуру, авторы анализируют взаимосвязь образовательных стратегий, внеучебных активностей и социальных инициатив с процессом самоидентификации студентов. Во введении обоснована актуальность темы, подчеркнута роль медицинского образования в формировании гуманистических ценностей и этических принципов у будущих специалистов. В разделе «Материалы и методы» описаны подходы к интеграции курсов медицинской этики, межкультурных тренингов, волонтерских программ и наставничества, а также методы социологических опросов для оценки эффективности политики вуза. Результаты демонстрируют, что участие студентов в международных проектах, дискуссионных клубах и клинической практике способствует развитию эмпатии, толерантности и осознанию профессиональной роли в поликультурном обществе. В обсуждении выделены ключевые вызовы: баланс между традициями и инновациями, риски цифровизации, необходимость адаптации молодежной политики к запросам студентов. Подчеркнута важность обратной связи и системной оценки мероприятий для укрепления культурной идентичности. В выводах предложены рекомендации по интеграции гуманитарных дисциплин, расширению межвузовского сотрудничества и поддержке студенческих инициатив как инструментов преодоления ценностного кризиса.

Ключевые слова: культурная идентичность, молодежная политика, медицинское образование, глобальный ценностный кризис, профессиональная этика.

Введение

Молодежная политика медицинского университета, оказывающая воздействие на формирование культурной идентичности будущих врачей, представляет собой комплекс мер, направленных на создание благоприятной среды для профессионального, личностного и этического развития молодежи. В условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса подобная политика приобретает особую значимость, так как именно молодые специалисты в сфере здравоохранения в скором будущем будут оказывать определяющее влияние на качество медицинской помощи, распространение идей гуманизма и уважение к многообразию культур. Соответственно, от образовательных и воспитательных стратегий, реализуемых в медицинских вузах, зависит, насколько активно будет формироваться у студентов осознание собственной культурной идентичности, сопряженной с общечеловеческими ценностями и ориентированной на эффективное взаимодействие с пациентами, принадлежащими к самым разным национальным, социальным и конфессиональным группам. В то же время, глобальные процессы, связанные с миграцией, цифровизацией, коммерциализацией ряда областей жизни общества, создают предпосылки для того, чтобы обострились вопросы самоидентификации молодых людей, в том числе студентов медицинских специальностей. Философский аспект этой проблемы касается сохранения самобытности, которая, с одной стороны, должна коррелировать с принципами толерантности и патернализма в медицине, а с другой – способствовать профессиональному росту будущих врачей [10]. При этом молодежная политика вуза включает не только стандартные образовательные программы, но и внеклассные мероприятия, ориентированные на развитие лидерских качеств, социальную активность и творческое самовыражение студентов, что также влияет на их мировоззренческие установки. Поддержка студенческих инициатив, реализация научно-исследовательских проектов, расширение международного сотрудничества и внедрение волонтерских практик позволяют студентам-медикам выходить за рамки традиционной учебной деятельности и приобщаться к новым формам социально значимой активности [6]. Проблематичность формируется в том, что в условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса многие страны переживают процесс переосмысления собственных культурных приоритетов. Молодые люди нередко оказываются на стыке различных взглядов, норм и мировоззрений, из которых пытаются выстроить целостную систему ориентиров. Всё это сказывается на формировании их идентичности, включая этические принципы, определяющие отношение к пациентам, коллегам, обществу. Поэтому важно, чтобы молодежная политика медицинского вуза акцентировала внимание не только на передаче профессиональных знаний, но и на воспитании ценностной системы будущего специалиста, что станет залогом личностной устойчивости врача.

Во многом эти ценностные ориентиры формируются благодаря активному участию в жизни университета,

которое подразумевает взаимодействие с преподавателями, кураторами и наставниками, идущими на контакт со студентами не только в рамках учебных занятий, но и во внеклассной среде. Становление культурной идентичности в медицинском вузе связано с переоценкой индивидуальных представлений о месте врача в современном обществе, о роли локальных традиций и общенационального наследия, а также об ответственности специалиста перед пациентами различных социальных слоёв. Молодежная политика выступает своего рода проводником, который способен привести к сознанию будущего врача не только профессиональные критерии, но и гуманитарные, этические и культурные аспекты. Зачастую именно через систему наставничества, участия в научных кружках и организации тематических мероприятий можно развивать осмысленный подход к пониманию роли врача в глобализирующемся мире [12]. Если студенты будут принимать участие в международных конференциях, мастер-классах и обменных программах, у них сформируется более широкое представление о разнообразии культур и связанных с ним практиках оказания медицинской помощи, что стимулирует формирование толерантности и открытости к новому опыту. Однако важно, чтобы подобные зарубежные контакты органично вписывались в базовые ценности национальной медицинской школы, не подменяя ее традиции и не приводя к нивелированию локальных культурных особенностей. В то же время это заставляет молодых специалистов более четко осознавать собственную идентичность, поскольку сопоставление разных культурных кодов, норм и принципов неизбежно побуждает к самоанализу [1]. Тем самым, формирование культурной идентичности будущих врачей в медицинском университете, обеспеченное качественной молодежной политикой, способствует укреплению их профессиональной мотивации и душевной гармонии, что в свою очередь находит отражение в более высоком уровне докторской эмпатии.

Материалы и методы исследования

Феномен культурной идентичности, будучи тесно связанным с идеей профессиональной идентичности, в медицине обретает специфическую окраску. Студенты, осваивающие будущую профессию врача, вынуждены совмещать в своем мировоззрении высокие гуманистические идеалы с требованиями современной системы здравоохранения, подверженной влиянию рынка и госрегулирования в условиях глобальных экономических вызовов. Многие из них сталкиваются с конфликтом ценностей, а молодежная политика вуза может либо смягчить, либо усугубить это противоречие в зависимости от того, насколько продуманными и последовательными будут предпринимаемые меры. К числу таких мер относятся курсы по медицинской этике, интеграция гуманитарных дисциплин, организация дискуссий на актуальные темы, включающих размышления о месте врача в современном мире, о значении национальных культурных традиций и о взаимодействии различных конфессий при оказании медицинской помощи [14]. В рамках культурно-воспитательной деятельности важную роль играют студенческие клубы и научные сообщества, предлагающие интерактивные форматы работы: круглые столы, тематические вечера, выставки или конкурсы, позволяющие студентам не формально, а творчески осмыслить собственный потенциал и профессиональное призвание. Именно в такой среде возможно выработать устойчивую идентичность, базирующуюся на осознании уникальности собственной культуры и необходимости межкультурного диалога [9]. Разумеется,

кризисные явления в глобальном масштабе, включая неравномерное распределение ресурсов, политическую нестабильность и нарастание цифрового разрыва, ставят перед системой медицинского образования новые вызовы. Но в то же время кризис может стать точкой роста, если вузы будут находить инновационные способы обучать и воспитывать будущих врачей, закладывая в них способность мыслить критически, проявлять чуткость к многообразию человеческих ситуаций и уважать самоопределение других культур. Подобная чуткость не может быть привнесена исключительно через аудиторные занятия: она формируется в процессе многогранной деятельности, в которую вовлечены студенты разных курсов и наставники из числа опытных преподавателей.

Результаты и обсуждение

Поддержка студенческих инициатив и самостоятельных проектов способна стимулировать чувство сопричастности к судьбе вуза и к общей цели – повышению качества здравоохранения, в основе которого лежит гуманистическая парадигма. В ситуации ценностного кризиса, когда в обществе доминирует неопределенность, именно университет может стать местом, где будущие врачи получат образцы конструктивного взаимодействия и научатся уважительно относиться к непривычным моделям поведения. Молодежная политика, также затрагивающая вопросы социальной ответственности, позволяет студентам практически осознать, что лечебная деятельность требует не только технических навыков, но и способности к сопереживанию, а это тесно связано с их внутренним миропониманием. Например, волонтерство в хосписах, благотворительных организациях, работа с уязвимыми группами населения формируют у будущих врачей чувствительность к проблемам других людей и обогащают их ценностно-культурные ориентиры [2]. При этом институт наставничества, реализуемый под руководством опытных врачей и педагогов, позволяет студентам более глубоко понять свою будущую профессию, научиться не просто следовать инструкциям, но и творчески осмысливать клинические ситуации. Значимым аспектом тут является формирование видения врача не только как специалиста, но и как носителя определенной культурной традиции, связанной с милосердием, уважением к личности пациента и стремлением к человеческому контакту [5]. Благодаря этому, студенты начинают воспринимать свой будущий профессиональный статус как часть самоидентификации, что позволяет им увереннее ориентироваться в контексте глобальной перемещиваемости. Однако создание подобной ситуации возможно лишь при условии, что администрация вуза осознает важность молодежной политики, системно ее развивает и поддерживает инициативу студентов, видя в этом путь к укреплению авторитета учебного заведения.

Важную роль в формировании идентичности играет и то, какие именно символические смыслы транслирует вуз в процессе своей повседневной жизни. Речь идет о традициях торжественных церемоний, памятных дат, корпоративной культуре, а также о том, как именно организовано взаимодействие студентов разных курсов и национальностей. Когда в университете культивируется атмосфера уважения и доверия, студенты получают возможность свободно обмениваться идеями и вырабатывать собственное мнение по ключевым вопросам. Этот процесс протекает в неразрывной связи с культурным контекстом, поскольку каждая локальная традиция, обряд или символ являются носителями определенного исторического опыта [7]. Если вуз грамотно сочетает инновационную направленность в обучении с бережным от-

ношением к научно-образовательному наследию, то студенты получают не только набор компетенций, но и осознают себя частью большой и значимой культуры, где знания о медицине переходят из поколения в поколение. С другой стороны, молодежная политика должна учитывать, что студенческая среда неоднородна, и среди обучающихся есть представители различных этнических групп и социально-экономических слоев. Поэтому важно обеспечить равные условия для реализации их потенциала, избегая дискриминации, навязывания унифицированных моделей поведения или усредненных представлений о культуре и традициях [15]. В этом контексте особенно актуальны курсы и тренинги, развивающие у будущих врачей навыки межкультурной коммуникации, что впоследствии позволит им более тонко и корректно взаимодействовать с пациентами в поликлиниках и стационарах. Культивирование уважения к чужим традициям не отменяет потребности в укреплении собственной культурной идентичности, наоборот, эти два направления дополняют друг друга. Ведь, понимая особенности собственной культуры, студент будет с большим вниманием относиться к различиям, существующим в обществе, и сумеет провести параллели между гуманистическими ценностями разных медицинских школ, не теряя при этом своего индивидуального стержня.

В современной социокультурной обстановке, когда многие традиционные нормы и устоявшиеся институты подверглись пересмотру, актуализируется вопрос о смысле медицинской профессии как служения людям. Несмотря на растущую коммерциализацию медицины, именно студенческие годы являются периодом закладки базовых убеждений о том, что здоровье и жизнь пациента бесценны и что врач несет на себе особую моральную ответственность за свои действия. Между тем, глобальный цивилизационный кризис сопровождается и технологическими изменениями: широкое внедрение информационных технологий, развитие телемедицины, появление искусственного интеллекта в диагностике и лечении. Это вынуждает будущих врачей адаптироваться к новым реалиям, переосмысливая традиционные подходы к взаимодействию «врач – пациент». Однако без адекватной молодежной политики вуза подобная адаптация может приобрести форму примитивного приспособленчества, лишённого глубокого культурного и ценностного осмысления [8]. В такой ситуации студенты рискуют утратить понимание первостепенной роли врачебного призвания и раствориться в технократической парадигме. Именно поэтому университетским службам важно своевременно транслировать идеи гуманизма, обучать стратегиям этического принятия решений, формировать у студентов установку на постоянное саморазвитие. При этом молодежная политика должна быть ориентирована не только на внутренние нужды вуза, но и на взаимодействие с внешним социокультурным пространством. К числу эффективных механизмов можно отнести сотрудничество с общественными организациями, учреждениями культуры, фондами по охране здоровья, которые могут привнести дополнительную мотивацию, расширить кругозор обучающихся и снабдить их реальным опытом общения с представителями разных социальных групп [11]. Эта открытость к общественным запросам, несомненно, укрепляет культуру в медицинском университете, делая его пространством, где студенты обретают не только знания, но и ценности, помогающие ориентироваться в быстро меняющемся мире.

Проблема кризиса ценностей, возникшая на фоне глобальных преобразований, неизбежно отражается на психологической устойчивости студентов. С одной стороны, мы наблюдаем увлечение молодежи техноло-

гиями и возможностями цифровой коммуникации, которые существенно облегчают доступ к информации и могут способствовать обмену знаниями между различными странами и культурами. Однако с другой стороны, чрезмерная виртуализация общения приводит к риску утраты подлинно человеческого взаимодействия, столь необходимого для профессии врача. Медицинский университет, осознающий эти вызовы, стремится внедрять меры по сохранению у студентов эмпатийного отношения к пациенту, поощрения их непосредственного участия в клинической практике с ранних курсов обучения. В ходе реального взаимодействия с больными или людьми, нуждающимися в помощи, будущие врачи понимают, что никакие технологии не заменят заботливого присутствия и готовности слушать [4]. Опыт публичных выступлений, наставничества, участия в дебатах, ролевых играх и специализированных тренингах далее укрепляет в них чувство ответственности за собственное поведение и создает почву для формирования целостной идентичности. Важно, чтобы молодежная политика побуждала студентов признавать ценность этических норм и принципов, показывая, что эти нормы не являются абстрактным сводом канонов, а конкретным средством укрепления доверия между врачом и пациентом. Также не следует забывать, что в условиях глобализации, когда усилилось культурное многообразие в медицинских коллективах, сама атмосфера учебных групп может содержать конфликты интересов, стереотипы, предрассудки. Преодолеть их помогает организованное обсуждение конфликтных ситуаций, анализ реальных кейсов, осознанное изучение правовых норм о недопустимости дискриминации [13]. Все это влияет на то, как молодые люди начинают воспринимать себя не только в телевизионно-рекламном образе «врача-супергероя», но и в роли интеллигентного и культурно обогащенного специалиста, способного сопереживать и находить язык с любым пациентом.

Выводы

Во многом молодежная политика, реализуемая в медицинском вузе, нуждается в систематической аналитической поддержке, которая позволила бы адекватно оценивать ее воздействие на формирование культурной идентичности будущих врачей. Многие инициативы, на первый взгляд кажущиеся весьма привлекательными, могут не давать ожидаемого эффекта, если не учитывать контекст, запросы студенческого сообщества и динамику изменений во внешней среде. В том числе следует проводить регулярные социологические опросы, где студенты смогут высказываться о том, какие именно элементы молодежной политики им наиболее близки, где они видят пробелы и противоречия. Такой подход обеспечивает обратную связь и вносит вклад в развитие более гибкой и устойчивой стратегии, способствующей укреплению профессиональной и культурной самоидентификации [3]. Некоторые вузы уже практикуют такие формы диалога, создавая советы или комитеты, куда входят представители студенческих организаций, кураторы и даже приглашенные эксперты из числа выпускников или сотрудников научно-исследовательских центров. Важно, чтобы собранная информация не оставалась лишь на бумаге, а использовалась при корректировке образовательных программ, при планировании внеучебных активностей и при разработке критериев оценки эффективности всей молодежной политики. Очевидно, что успешная адаптация будущих врачей к современным профессиональным реалиям немыслима без прочных культурных корней. Именно поэтому так значимым становится умение ву-

за грамотно сконструировать пространство для развития культурной идентичности, создавая гармонию между традиционной ценностной базой и инновационными технологиями обучения. Диалог культур и поколений, поддерживаемый молодежной политикой, в конечном итоге способствует не только становлению врача как профессионала, но и укреплению общества, которое осознает свою ответственность перед будущими поколениями и преодолевает цивилизационные кризисы через вклад в ценностное развитие молодежи.

Литература

1. Сухов С. В., Артамонов С.П. Формирование социальных ценностей студентов медицинских вузов через призму исторических событий новой России // Национальное здоровье. 2024. № 1. С. 92–99.
2. Рогова Е. Н., Яницкий Л.С. Формирование культурной идентичности у студентов вузов // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2024. № 1 (53). С. 113–119.
3. Сороколетова А. Е., Казьмина И.Ю., Храмушина О.С. Межкультурные аспекты организации новогоднего мероприятия для иностранных студентов в медицинском вузе: вызовы и возможности взаимодействия культур // Язык. Культура. Образование. 2024. № 9. С. 55–62.
4. Шавырина А. А., Вовк О.Д., Быстрова И.В. Особенности национальной идентичности современных студентов вузов // Современное профессиональное образование. 2024. № 2. С. 46–52.
5. Юмкина Е. А., Волков В.В., Кочегова Л.Е. Ценности здоровья и спортивных достижений в структуре социальной идентичности современной российской молодежи // Теория и практика физической культуры. 2024. № 5. С. 114–116.
6. Конаш О.В. Результаты исследования профессиональной идентичности врачей // Проблемы современного образования. 2024. № 2. С. 39–53.
7. Сороколетова А. Е., Ткаченко Е.А. Формирование профессионально значимых стереотипов и речевого поведения будущего врача в мультикультурном пространстве вуза // Общество: философия, история, культура. 2024. № 6 (122). С. 253–260.
8. Мурашова Л.А. Сборка субъектов в персонализированной медицине: профессиональная идентичность врача // Эргодизайн. 2024. № 2 (24). С. 200–205.
9. Абидова З. К., Мальцев Т.К., Доника А.Д. Формирование ноксологической культуры врача // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2024. № 3. С. 67–72.
10. Сахарова Л.Г. Формирование опыта межкультурного общения у студентов медицинского вуза // Высшее образование сегодня. 2024. № 3. С. 41–45.
11. Куценко М. В., Венцель С.В. Восприятие радикальных идеологий в образовательной среде: результаты социологического исследования // Обзор. НЦПТИ. 2024. № 2 (37). С. 42–58.
12. Ван Ю. Исследование культурной идентичности в аспекте межкультурного взаимодействия // Общество. 2024. № 2–2 (33). С. 80–83.
13. Андронникова О. О., Жданова М.Г. Представление о своем профессиональном будущем студентов-медиков 2 курса лечебного факультета // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12. № 2. С. 54.
14. Шилов К.Г. Духовно-нравственные ценности как основа российского университетского образования // Культура и образование. 2024. № 2 (53). С. 23–27.

15. Идрисов О., Кириллова В.А. Приоритет духовного над материальным в системе ценностей студента медицинского вуза // Молодежный инновационный вестник. 2024. Т. 13. № 51. С. 623–625.

THE IMPACT OF THE MEDICAL UNIVERSITY'S YOUTH POLICY ON THE FORMATION OF CULTURAL IDENTITY AMONG FUTURE DOCTORS IN THE CONTEXT OF A GLOBAL CIVILIZATIONAL AND VALUE CRISIS

Zeynalli R.R., Klassov A.M., Biberdov T.-A.A.

Grigorenko Institute of Public Health of Volgograd State Medical University, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky, Volgograd State Medical University

The article examines the influence of the medical university's youth policy on the formation of the cultural identity of future doctors in the context of a global civilizational and value crisis. Using a structured approach, the authors analyze the interrelation of educational strategies, extracurricular activities, and social initiatives with the process of student self-identification. The introduction justifies the relevance of the topic, emphasizing the role of medical education in the formation of humanistic values and ethical principles among future professionals. The "Materials and Methods" section describes approaches to integrating courses in medical ethics, intercultural training, volunteer programs, and mentorship, as well as sociological survey methods for evaluating the effectiveness of the university's policy. The results demonstrate that students' participation in international projects, discussion clubs, and clinical practice contributes to the development of empathy, tolerance, and recognition of their professional role in a multicultural society. The discussion highlights key challenges: balancing tradition and innovation, the risks of digitalization, and the need to adapt youth policy to the demands of students. The importance of feedback and systematic evaluation of activities to strengthen cultural identity is emphasized. The conclusions offer recommendations on integrating humanities disciplines, expanding inter-university cooperation, and supporting student initiatives as tools for overcoming the value crisis.

Keywords: cultural identity, youth policy, medical education, global value crisis, professional ethics.

References

1. Sukhov S. V., Artamonov S.P. Formation of social values of medical university students through the prism of the historical events of New Russia // National Health. 2024. No. 1. pp. 92–99.
2. Rogova E. N., Yanitsky L.S. Formation of cultural identity among university students // Professional Education in Russia and Abroad. 2024. No. 1 (53). pp. 113–119.
3. Sorokoletova A. E., Kazmina I. Yu., Khramushina O.S. Intercultural aspects of organizing a New Year's event for foreign students at a medical university: challenges and opportunities for cultural interaction // Language. Culture. Education. 2024. No. 9. pp. 55–62.
4. Shavyrina A. A., Vovk O.D., Bystrova I.V. Features of national identity among modern university students // Contemporary Professional Education. 2024. No. 2. pp. 46–52.
5. Yumkina E. A., Volkov V.V., Kochegova L.E. The values of health and sports achievements in the structure of the social identity of modern Russian youth // Theory and Practice of Physical Culture. 2024. No. 5. pp. 114–116.
6. Konash O.V. Results of a study on the professional identity of physicians // Problems of Modern Education. 2024. No. 2. pp. 39–53.
7. Sorokoletova A. E., Tkachenko E.A. Formation of professionally significant stereotypes and speech behavior of a future physician in the multicultural university environment // Society: Philosophy, History, Culture. 2024. No. 6 (122). pp. 253–260.
8. Murashova L.A. Assembly of subjects in personalized medicine: the professional identity of a physician // ErgoDesign. 2024. No. 2 (24). pp. 200–205.
9. Abidova Z. K., Maltsev T.K., Donika A.D. Formation of a physician's noxological culture // Economic and Humanitarian Research of the Regions. 2024. No. 3. pp. 67–72.

10. Sakharova L.G. Formation of intercultural communication experience among medical university students // Higher Education Today. 2024. No. 3. pp. 41–45.
11. Kutsenko M. V., Ventsel S.V. Perception of radical ideologies in the educational environment: results of a sociological study // Review. NCPTI. 2024. No. 2 (37). pp. 42–58.
12. Van Yu. Study of cultural identity in the context of intercultural interaction // Society. 2024. No. 2–2 (33). pp. 80–83.
13. Andronnikova O. O., Zhdanova M.G. Perceptions of their professional future among second-year medical students of the medical faculty // World of Science. Pedagogy and Psychology. 2024. Vol. 12. No. 2. p. 54.
14. Shilov K.G. Spiritual and moral values as the foundation of Russian university education // Culture and Education. 2024. No. 2 (53). pp. 23–27.
15. Idrisov O., Kirillova V.A. The priority of the spiritual over the material in the value system of a medical university student // Youth Innovation Bulletin. 2024. Vol. 13. No. S1. pp. 623–625.

Построение механизма направления общественного мнения о Синцзяне в эпоху постправды

Лю Цзе,

старший преподаватель, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 451252763@qq.com

Статья анализирует механизмы формирования и распространения общественного мнения о Синьцзяне в эпоху постправды. В условиях массового распространения дезинформации, особенно в англо-американских СМИ, проблема Синьцзяна стала важным геополитическим инструментом, используемым для создания негативного имиджа Китая. Автор предлагает трехкомпонентную модель, которая включает эмоциональный резонанс, фактическое закрепление и ценностный консенсус как ключевые стратегии управления международным общественным мнением. Эмоциональный резонанс играет важную роль в преодолении культурных барьеров, фактическое закрепление помогает восстанавливать правду, а ценностный консенсус направлен на согласование интересов Китая и международного сообщества. В статье также рассматриваются примеры использования медиа для разрушения стереотипов, включая документальные фильмы и цифровые платформы. Результаты исследования подчеркивают важность комплексного подхода для противодействия информационным атакам и формирования более объективного восприятия ситуации в Синьцзяне.

Ключевые слова: постправда, общественное мнение, Синьцзян, эмоциональный резонанс, дезинформация.

Введение

Современное информационное пространство характеризуется высокой степенью фрагментарности, эмоционализации и идеологизации, что особенно ярко проявляется в условиях так называемой эпохи постправды. В такой медиасреде объективные факты утрачивают приоритет перед интерпретациями, соответствующими эмоциональным ожиданиям аудитории, а формирование общественного мнения превращается в поле геополитической борьбы. Одной из наиболее ярких иллюстраций данного феномена становится трансформация международного дискурса вокруг Синьцзяна, где проблема социального управления регионом превратилась в объект информационных манипуляций, особенно со стороны англо-американских СМИ.

В условиях нарастающего давления и доминирования негативных нарративов в отношении политики Китая в Синьцзяне возникает острая необходимость научного осмысления и системного подхода к формированию позитивной и объективной информационной повестки. Настоящее исследование направлено на выявление ключевых механизмов формирования общественного мнения о Синьцзяне в международной среде, а также на конструирование эффективной модели его направленного формирования с учетом вызовов постправдивой реальности. Особое внимание уделяется анализу механизмов эмоционального резонанса, стратегий фактического закрепления и выстраиванию универсального ценностного консенсуса как трехопорной модели эффективной международной коммуникации. Таким образом, данное исследование стремится внести вклад в преодоление дискурсивного дисбаланса и повышение информационной устойчивости Китая на глобальной арене.

Происхождение и коннотация понятия «постправда»

Термин «постправда» впервые возник у американского драматурга Steve Tesich в журнале The Nation в 1992 году, который отметил, что во время Уотергейта, Ирангейта и войны в Персидском заливе правительство постоянно манипулировало СМИ, и, несмотря на то, что люди из всех сил старались отличить правду от лжи, они сознательно или бессознательно жили в мире постправды.[1] Понятие «Эпохи постправды» происходит от книги «Эпоха постправды: Ложь и обман в современной жизни», написанной американским ученым Ralph Keyes в 2004 году, в которой он указал, что в человеческом обществе нет четкой границы между правдой и ложью, но существует третий вид «нечеткого выражения» между правдой и ложью. Люди могут использовать это нечеткое выражение, чтобы оспорить правдивость и точность новостных сообщений; в то же время он также показывает, что новой тенденцией американских политических выборов является постправдивая политика, которая влияет на общественное мнение или манипулирует им через сетевое общественное мнение.[2] В 2010 году David Roberts представил понятие «постправдивой политики», которая утверждает, что политики контролируют правду и что об-

щественное мнение и темы новостей отклоняются от духа законодательства. Он рассматривает «постправдивую политику» как новую политическую экологию, в которой «существует полный разрыв между новостными сообщениями, общественным мнением и обсуждением политики». [3] В то время взгляды Keyes и Roberts на «эпоху постправды» и «политику постправды» не привлекли особого внимания ученых. Только после двух «черных лебедей» – «Брексита» в Великобритании и победы Трампа на выборах в США в 2016 году – они стали предметом пристального внимания ученых.

В 2015 году американский медиаперсонаж Jayson Harsin предложил концепцию «режима постправды» в книге «Режимы постправды, постполитики и экономики внимания» (Regimes of Post-truth, Post-politics, and Attention Economies). [4] В августе 2016 года профессор William Davis из Лондонского университета официально заявил, что человеческое общество вступило в «эпоху постправды». Он отметил, что политики больше не сосредотачиваются на фактах и истине, а стремятся упаковать факты, отталкиваясь от горячих тем и эмоциональных запросов, которые волнуют людей, создавая нефактические вопросы и провоцируя «эмоциональное» воображение людей. Чтобы манипулировать и контролировать общественное мнение. С тех пор «эмоции» стали фокусом репортажей, а «правда» постепенно игнорировалась или даже растворялась. Однако правда не была «подделана» или «поставлена под сомнение», а лишь снизила свою значимость.

В 2016 году глобальное использование термина «постправда» выросло на 2000% по сравнению с 2015 годом. Поэтому в ноябре 2016 года Oxford Dictionaries включил «постправду» в список «горячих» слов года, означающих, что личные чувства и убеждения чаще влияют на общественное мнение, чем объективные факты. В процессе распространения информации все большее значение приобретает своевременный выход на эмоции и мнения людей, в то время как истина часто игнорируется. Это заявление привлекло большое внимание, когда было впервые опубликовано. В декабре того же года Ассоциация немецкого языка выбрала слово «postfaktisch» в качестве слова года, заявив, что оно подобно ощущению правды в отличие от истины. Причина беспрецедентного внимания к этому слову напрямую связана с двумя «черными лебедями» 2016 года – Брексит и победой Трампа на выборах в США, которые вернули «постфактическую» и «постфактическую политику» на передний план в сознании людей. «Постправда» и «постправдивая политика» вновь вошли в сознание людей, что является игрой на политической экологии, которая скрывает правду и замалчивает факты. Эти два «черных лебедя» вывели термин «постправда» из периферийной концепции постмодернистского мышления на передний план политических комментариев, и он постепенно был принят и использован зарубежными СМИ.

Как мы видим, «постправда» в основном происходит из англо-американского политического движения, которое представляет собой политическую тактику манипулирования общественностью и контроля общественного мнения, политическую экологию, сформированную путем выборочного раскрытия информации общественности или даже намеренного обмана, а позже также используется для обозначения поведенческого механизма намеренной обработки, приукрашивания или лжи относительно правды. [5] По выражению Keyes, «постправда» теперь относится не просто к поведению политиков, которые намеренно скрывают правду и хвастаются ею, а к совершенно новому – «альт. морали» (alt. ethics) по-новому участвует в жизни людей и становится социальной

нормой. «Постправда» не только отражает актуальность международной обстановки, но и выходит за пределы политической сферы и проникает во все аспекты повседневной жизни. Современные англо-американские исследования выделяют ключевые характеристики дискурса эпохи постправды: примат эмоций над фактами, субъективных установок над рациональным познанием и стереотипов над объективностью. Феномен постправды проявляется в двух основных тенденциях, в преобладании эмоционального восприятия над объективными данными, что ведет к замещению рационального анализа аффективными реакциями и порождает медийные искажения, в нормализации игнорирования фактов в цифровой среде, где низкая медиаграмотность пользователей способствует распространению фрагментарной и недостоверной информации. Таким образом, постправда не означает отрицания истины, но отражает ее маргинализацию в общественном сознании, где доминируют эмоциональные и воображаемые конструкты.

Способы формирования и распространения общественного мнения о Синьцзяне в эпоху постправды

Критик новостей Walter Lippmann, в своей книге «Общественное мнение» утверждает, что понимание людьми реального мира ограничено его пространством и многими факторами, такими как ограниченность личного времени, денег, интересов и опыта. Поэтому восприятие, знание и представление о мире в основном формируется средствами массовой информации, т.е. «приспособление людей к их собственному жизненному окружению происходит лишь опосредованно, через средства массовой информации». [6] Самая большая власть СМИ – «создавать реальность». [7]

В эпоху постправды международное общественное мнение, связанное с Синьцзяном, имеет сложную характеристику «эмоции на первом месте, факты отстают». Англо-американские СМИ, используя замкнутый цикл «селективного нарратива-маркировочного конструирования-суда общественного мнения», превратили проблему социального управления Синьцзяна в инструмент идеологической конфронтации. Далее мы систематически деконструируем динамический механизм формирования и распространения общественного мнения о Синьцзяне в контексте постправды в трех аспектах.

«Всемирный уйгурский конгресс» как сепаратистская организация организовала группу китайских уйгуров синьцзянского происхождения из-за пределов Китая, чтобы устроить «шоу жалости». Например, Миригули Турсун из уезда Цзымао Синьцзяна, которая никогда не училась в центре обучения профессиональным навыкам в Синьцзяне, замаскировалась под «жертву лагеря перевоспитания» и дала ложные показания на слушаниях Congressional-Executive Commission on China в апреле 2018 года, а также неоднократно лгала CNN и другим западным СМИ, что ее содержали в «лагере» и «заставляли принимать или употреблять наркотики», а ее сын «умер в больнице», но ей «не сообщили о причине госпитализации сына».

2 февраля 2021 года Турсуннай Зиаудун неожиданно отбросила обвинения в «систематическом изнасиловании» в интервью Би-би-Си, которое финансировалось и проводилось под руководством UHRP. Начиная с ее первого интервью антикитайской организации «Атажурт Казахские права человека» в 2019 году и заканчивая интервью Би-би-Си в 2021 году, опыт Турсуннай неоднократно заострялся, дополнялся и превращался в «конфликт-

ный», «драматический», «мелодраматический» и «трагический» истории. Очевидно, что в формировании этой истории Турсунай – «исполнитель главной роли», а Уйгурский проект по правам человека – «режиссер» и «сценарист», радио Свободная Азия и BuzzFeed были одновременно «исполнительным директором и «художественным руководителем».

Для осуществления так называемой «справедливости» вышеупомянутые антикитайские силы сговорились создать «уйгурский специальный суд», инициированный Джеффри Нессом и финансируемый правительством США. «Трагический нарратив», «Академическое выступление», «справедливый суд» выступает как «личный опыт», «рациональная интерпретация» и «профессиональное рассмотрение» и подтверждают друг друга. Вместе с этим, так называемые «концентрационный лагерь», «геноцид», «принудительный труд» и другие «преступления», сфабрикованные США для Китая проявляют генетические факторы англо-американской культуры, которые быстро активизировали коллективное бессознательное западной общественности, тем самым искажили их восприятие и вызвали общественное мнение.

Стратегическое значение «синьцзянской проблемы» для США

С наступлением эпохи постправды способность СМИ конструировать картину мира и формировать человеческое познание и идеологию становится все более заметной. Стратегическое значение сообщений о Синцзяне для США еще более очевидно.

Проблемы, связанные с Синцзяном являются для США геополитическим инструментом, позволяющим контролировать картину мира и служить собственным интересам, а также стратегическим захватом, позволяющим сдерживать и ограничивать мирное развитие Китая.[8] Создание и распространение негативного общественного мнения, связанного с Синцзяном, является важной частью «общегосударственной стратегии США против Китая» и одной из форм «гибридной войны» против Китая. Это объясняется следующими аспектами.

Проблемы, связанные с Синцзяном, стали важной частью стратегии США по управлению Евразийским континентом и блокированию экономического пояса Шелкового пути. Внутренние районы Евразийского континента с его обширной территорией, богатыми природными ресурсами, сложными и разнообразными этническими и религиозными группами занимают видное место в глобальном стратегическом ландшафте и имеют огромное значение для США в деле сохранения мировой гегемонии. Теория «Heartland» Макиндера [9] и теория «Middle Ground» Brzezinski придают внутренним районам Евразийского континента чрезвычайно важное геостратегическое положение.[10] Эти взгляды очень популярны в США и служат теоретической основой для целого ряда американских мероприятий в Евразии. В настоящее время ключевым моментом стратегии США в Евразии является вытеснение растущего влияния Китая в Центральной Азии и усиление его стратегического присутствия в регионе для обеспечения своей мировой гегемонии. С этой целью США запустили программы «Большая Центральная Азия» и «Новый Шелковый путь». Чтобы реализовать вышеуказанные планы, США уже давно рассматривают Синцзян как ключевую проблему в Центральной Азии и даже в своей стратегии управления Евразией. Например, так называемый «Синцзянский проект», составленный при поддержке США, изначально был написан с учетом того, что «синцзянская пробле-

ма» как точка опоры может перевернуть весь мир, поэтому США не жалели усилий для «интернационализации» Синцзянской проблемы, чтобы найти оправдания и отговорки для своего вмешательства. Кроме этого, Синцзян находится в центре континентального моста Азия-Европа, соединяющего Азиатско-Тихоокеанский и Европейский экономические круги, и имеет общую границу с восемью странами, что делает его важным сухопутным маршрутом для внешних связей Китая. В целях содействия совместному строительству «Одного пояса и одного пути» Китай намерен превратить Синцзян в транспортный центр, центр торговли и логистики, центр финансовых услуг, культурный и научный центр, центр медицинского обслуживания, а также создать основную зону Экономического пояса Шелкового пути. Между этими планами и американскими «Большой Центральной Азией», «Новым Шелковым путем в Центральной Азии» и «Стратегией США для Центральной Азии» (2019–2025) существует «структурное дублирование». Если США реализуют стратегический фронт своей средне-азиатской стратегии в Китае, они могут заблокировать входные и выходные порталы экономического пояса Шелкового пути в Китае, вынудить приостановить стратегию «выхода» Китая на сухопутном маршруте.

Во-вторых, проблемы, связанные с Синцзяном, стали для США стратегической удавкой, мешающей мирному развитию Китая. США намерены удержать международный порядок пирамидального типа, сформировавшийся после Второй мировой войны, и избежать его расплющивания в результате группового подъема стран с формирующимся рынком в лице Китая. Для достижения этой стратегической цели США намерены создать факторы, влияющие на внутреннюю стабильность Китая, заставляя его сосредоточиться на своих основных внутренних интересах и не обращать внимания на международные дела. США используют различные средства, такие как кампании в СМИ, административные санкции и законодательные меры, для решения сложных проблем, связанных с Синцзяном. Например, американские «Национальный фонд в поддержку демократии», «Дозор прав человека», «Международная амнистия», «Фридом Хаус» и другие НПО, взявшие на себя инициативу по предоставлению и распространению фейковых информации, чтобы обеспечить основу для вмешательства; Министерство торговли США в октябре 2019 года включило несколько правительственных департаментов и подчиненных им учреждений в Синцзяне и восемь китайских компаний в список контролируемых экспортных организаций; Государственный департамент США включил Китай в список так называемых «стран, вызывающих особое внимание», а Конгресс США принял Закон о политике в области прав человека уйгуров, так что проблемы, связанные с Синцзяном стали рассматривать как «международный вопрос».

В-третьих, проблемы, связанные с Синцзяном, стали стратегическим инструментом США, которые намерены отдалить отношения Китая с международным сообществом, ослабить международное признание китайского пути. Особенно после реформы и открытия Китай интегрировался в международное сообщество, поддержал глобализацию и все больше сближается с другими странами, а китайский путь и китайский проект привлекли внимание всего мира. Однако США намерены использовать свое превосходство в дискурсе, чтобы разжечь проблемы, связанные с Синцзяном. Во-первых, США используют работу Синцзяна по обучению профессиональным навыкам в качестве отправной точки для негативной оценки политики Китая в отношении меньшинств национальностей, оправдывают дискредитацию инициа-

тивы «Одного пояса и одного пути». Во-вторых, США пытаются увязать религиозный вопрос с политикой Китая в Синьцзяне и стремятся расколоть отношения между Китаем и исламским миром, чтобы вызвать «коллективную ненависть» исламских стран к Китаю. Очерняя образ Китая, США прославляют синьцзянские сепаратистские силы и изображают их «жертвами» и «защитниками прав человека». Например, в июне 2019 года спикер Палаты представителей США Пелоси, президент Национального фонда в поддержку демократии Карл Гошман и другие вручили главе Всемирного уйгурского конгресса так называемую премию «За вклад в демократию». В августе вице-президент США Пенс встретился с членами сепаратистской группы «Восточный Туркестан», чтобы заступиться за них.[11]

Строение механизма направления международного общественного мнения о Синьцзяне

На основе эмпирического анализа нарративных стратегий и механизмов эмоциональной мобилизации в англо-американских медиа о Синьцзяне, предлагается трехкомпонентная модель формирования международного общественного мнения, интегрирующая параметры эмоционального резонанса, фактического обоснования и ценностного консенсуса. В аспекте эмоционального резонанса ключевое значение приобретает антропоцентричный подход к повествованию, где макросоциальные преобразования региона репрезентируются через индивидуальные биографии. Примером эффективной реализации данной стратегии стал шестисерийный документальный фильм «Я из Синьцзяна», который через сто персональных историй мигрантов из региона демонстрирует органичное сочетание этнокультурной идентичности с процессами модернизации. Подобные медиапродукты, транслируемые на платформах CCTV на уйгурском и казахском языках, способствуют деконструкции стереотипных представлений и расширяют параметры межкультурной коммуникации. Аналогичный эффект достигается серией репортажей «Самые красивые трудящиеся», акцентирующих нарративы социальной мобильности в контексте борьбы с бедностью.

В условиях доминирования постправды принципы фактологического обоснования требуют инновационных форматов репрезентации – от анимационных проектов до интерактивных цифровых платформ. Показательным примером стал трехсерийный видеопроjekt «Начать сначала», который через документальную фиксацию повседневных практик в центрах профессиональной подготовки обеспечил прозрачность образовательных процессов. Вирусное распространение контента в уйгуроязычных сегментах социальных медиа (120,000 просмотров за неделю) подтвердило эффективность этнически-ориентированного подхода в журналистике. Параллельно цифровые форматы, подобные карикатурам Ухэцилина, демонстрируют потенциал сатирического дискурса в деконструкции геополитических нарративов о «принудительном труде» в регионе.

Ценностный консенсус как третий компонент модели предполагает актуализацию универсальных категорий развития и безопасности. Китайская дипломатия, используя многосторонние площадки (Совет ООН по правам человека), артикулирует синьцзянскую политику через призму глобальных целей устойчивого развития. Инициатива «Один пояс – один путь» служит концептуальной рамкой для гармонизации национальных интересов с принципами международного сотрудничества.

Такой подход позволяет трансформировать дискуссию о Синьцзяне из плоскости идеологического противостояния в поле поиска баланса между суверенными правами государств и универсальными гуманитарными стандартами. Комплексное применение трех указанных стратегий формирует устойчивую систему противодействия дезинформационным кампаниям, сочетая эмоциональную убедительность с фактологической достоверностью в рамках общечеловеческой ценностной парадигмы.

Заключение

В условиях информационного противостояния и усиления постправдивых нарративов тема международного общественного мнения о Синьцзяне становится не только медийной, но и геополитической категорией, играющей важную роль в стратегическом позиционировании Китая. Настоящее исследование позволяет сделать вывод, что формирование устойчивого и позитивного международного имиджа региона невозможно без системного механизма информационного сопровождения, сочетающего три ключевых компонента: эмоциональный резонанс, фактологическое закрепление и ценностный консенсус.

Эмоциональный резонанс играет роль первичной точки контакта с международной аудиторией. Он позволяет преодолевать культурные барьеры и привлекать внимание к гуманитарным аспектам развития Синьцзяна через персональные истории, локализованные нарративы и визуальные медиаресурсы. Фактическое закрепление, в свою очередь, обеспечивает достоверность и воспроизводимость подаваемой информации, противодействуя дезинформации и способствуя восстановлению объективной картины. Ценностный консенсус как высший элемент модели представляет собой синтез глобальных ориентиров устойчивого развития и национального суверенитета, демонстрируя возможность интеграции китайской повестки в мировую гуманитарную архитектуру. Предложенная модель направления общественного мнения о Синьцзяне не только отражает специфику постправдивой эпохи, но и предлагает действенные инструменты для преодоления когнитивных и идеологических искажений. Она может быть использована в практиках публичной дипломатии, стратегических коммуникаций, а также в рамках работы международных и гуманитарных организаций. Перспективы дальнейших исследований заключаются в адаптации данной модели к разным культурно-информационным контекстам, а также в изучении потенциала цифровых технологий и искусственного интеллекта в управлении международным общественным мнением. Данная работа закладывает основу для создания устойчивой и научно обоснованной системы противодействия внешним информационным вызовам, направленным на дискредитацию социально-политической действительности Синьцзяна.

Литература

1. Тесич С. Постправда и ее последствия: что эссе 25-летней давности рассказывает нам о текущем моменте // The Nation. 1992. № 1. С. 12–13.
2. Киз Р. Эпоха постправды: нечестность и обман в современной жизни. Нью-Йорк: St. Martin's Press, 2004. С. 304.
3. Ли Й. Создание стратегического периферийного пояса для поддержки крыльев подъема Китая // Contemporary International Relations. 2013. № 6. С. 66.
4. Харсин Дж. Режимы постправды, постполитики и экономики внимания // Communication, Culture & Critique. 2015. С. 327–333.

5. Чжи Т. Эпоха «постправды»: генерация, распространение и отражение дискурса // Коммуникативные исследования. 2018. № 1.
6. Липпман У. Общественное мнение. Нью-Йорк: Free Press, 1997. С. 427.
7. Чжан Ц. Голоса власти: СМИ и война в США. Пекин: Изд-во «Синьчжи саньянь», 2004. С. 263.
8. Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // The Geographical Journal. 1904. Т. 23, № 4. С. 421–442.
9. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и её геостратегические императивы // пер. с англ.; Кит. ин-т междунар. исслед. Шанхай: Шанхайское народное изд-во, 1998. С. 260.
10. Збигнев Бжезинский. Большая шахматная игра – главенство Соединенных Штатов и их геостратегия. // Китайский институт международных исследований, перевод. Шанхай: Шанхайское народное издательство. 1998. С. 26–27.
11. Всемирный уйгурский конгресс не связан с терроризмом // People's Daily. 2019. № 7. С. 4.

CONSTRUCTING THE MECHANISM OF CHANNELING PUBLIC OPINION ABOUT XINJIANG IN THE POST-TRUTH ERA

Liu Jie

Xinjiang Normal University

The article analyzes the mechanisms of building and disseminating public opinion about Xinjiang in the post-truth era. Under the conditions of mass dissemination of disinformation, especially in the Anglo-American media, the Xinjiang issue has become an important geopolitical tool used to create a negative image of China. The author proposes a three-component model that includes emotional resonance, factual entrenchment and value consensus as key strategies for managing international public opinion. Emotional resonance plays an important role in overcoming cultural barriers, fac-

tual entrenchment helps to restore the truth, and value consensus aims to harmonize the interests of China and the international community. The article also discusses examples of media being used to break stereotypes, including documentaries and digital platforms. The findings emphasize the importance of a comprehensive approach to counter information attacks and develop a more objective perception of the situation in Xinjiang.

Keywords: Post-truth, Public opinion, Xinjiang, Emotional resonance, Disinformation.

References

1. Tesic S. Post-truth and its consequences: What a 25-year-old essay tells us about the current moment // The Nation. 1992. No. 1. P. 12–13.
2. Keyes R. The era of post-truth: Dishonesty and deception in modern life. New York: St. Martin's Press, 2004. P. 304.
3. Li Y. Creating a strategic peripheral belt to support the wings of China's rise // Contemporary International Relations. 2013. No. 6. P. 66.
4. Harsin J. Post-truth, post-politics, and attention economy regimes // Communication, Culture & Critique. 2015. P. 327–333.
5. Zhi T. The era of "post-truth": Generation, distribution, and reflection of discourse // Communication Studies. 2018. No. 1.
6. Lippmann W. Public Opinion. New York: Free Press, 1997. Page 427.
7. Zhang Q. Voices of Power: The Media and the American War. Beijing: Xinzhi Sanlian Publishing House, 2004. Page 263.
8. Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904. Vol. 23, No. 4. Pp. 421–442.
9. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives // trans. from English; Chinese Inst. of International Research. Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 1998. Page 260.
10. Zbigniew Brzezinski. The Great Chess Game – The Primacy of the United States and Its Geostrategy. // China Institute of International Studies, translation. Shanghai: Shanghai People's Publishing House. 1998. P. 26–27.
11. The World Uyghur Congress is Not Linked to Terrorism // People's Daily. 2019. No. 7. P. 4.

Магаррамов Магаррам Джабраилович,

д.ф.н., профессор, ведущий научный сотрудник
Регионального центра этнополитических исследований
(РЦЭИ) Дагестанского федерального исследовательского
центра (ДФИЦ) Российской академии наук (РАН)
E-mail: m.magarram@gmail.com

Велиев Омар Велиханович,

к.ф.н., доцент кафедры философии ДГУ

Караев Исрафил Ибадуллахович,

аспирант, соискатель ученой степени кандидата
социологических наук РЦЭИ ДФИЦ РАН

С учетом современных реалий российской действительности выявлены некоторые контуры формирования этического сознания у современной молодежи посредством применения диалектической методологии, диалектических и формально-логических законов, основных форм правильного мышления, эмпирических методов.

Доказано, что гармонизация социокультурного пространства нашей страны – жизненная необходимость. Одним из инструментов ее достижения является сознательное проведение работы семьей, педагогами-наставниками учебными заведениями, общественными организациями и другими социальными институтами.

Авторами впервые в этической мысли введена в научный оборот категория «скользящая» или «динамическая мораль» с учетом исторического опыта, изменения объективных и субъективных условий жизнедеятельности людей на разных этапах общественного развития.

Ключевые слова: мораль, нравственность, этическое сознание, динамическая мораль, семья, семейное воспитание, институты образования и воспитания, гармоничность социокультурного пространства и др.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления морали и нравственности современной российской молодежи в контексте выявления роли и значения этического сознания в процессе гармонизации общественных отношений в стране. Такая гармонизация для общества и государства была необходима всегда, в том числе в нынешних условиях продолжающегося процесса социокультурной трансформации всех известных форм общественного сознания, включая этическое.

Следует отметить, что вопрос осмысления морального сознания в обозначенном контексте почти не был предметом социально-философского анализа в рамках научных статей, докладов и прочих исследований. Между тем сказанное в известной мере раскрывает *степень разработанности проблемы* и ее актуальности для социально-философской науки в плане позитивного преобразования современной российской действительности.

Предметом исследования выступают общественные отношения, связанные с процессом формирования этического сознания у современной российской молодежи посредством усилий родителей, семьи, учебных заведений и общественных организаций; мораль, его основные функции применительно к позитивному преобразованию окружающей действительности.

Объектом работы являются мораль, функции морали и моральное сознание современной российской молодежи, как детерминанты гармонизации общественных отношений.

Методология научной статьи зиждется на принципах и подходах социальной диалектики с проекцией соблюдения требований диалектических и формально-логических законов, основных форм правильного мышления, а также эмпирических методов.

Практическая значимость публикации очевидна в свете тех трансформаций индивидуального и массового этического сознания современной российской молодежи, которые предопределяют судьбу процесса гармонизации индивидуальных, групповых и, в целом, общественных отношений.

Начнем с того, что на этическое сознание постсоветской российской молодежи значительное влияние оказал процесс смены способа производства материальных благ с социалистического на капиталистический. Это в том отношении, что если одной из характерных черт социалистического способа производства было порождение коллективизма – формы социалистического общежития, то порождением капиталистического способа производства стал индивидуализм. Было бы большой ошибкой сказать, что мы полностью избавились от коллективизма. Нет! Коллективизм, как важнейшая черта социалистического образа жизни и как срез адекватного ему нравственного сознания имеет место быть в психике тех поколений людей, которые сформировались в период их жизни и деятельности в бывшем СССР. В этом смысле, мораль коллективизма посредством ретранслирующей функции морали через старшие поколения становятся частью индивидуального морального сознания молодежи, то есть подрастающего поколения сограждан. В этом диалектика процесса вкрапления в этическое сознание

современной российской молодежи ценностей, относящихся к социалистической морали и социалистическому образу жизни. Поэтому общая картина формирования массового нравственного общественного сознания в нашей стране имеет сложный, многоуровневый и многоаспектный характер, детерминированный сломом одного способа производства и переходом к другому. Некоторые читатели могут возразить тем, что нравственные нормы абсолютны, они неизменны и не подвержены изменению ходом истории. Вопрос дискуссионный и требует обращения к примерам из реальной практической жизни. В таком случае очевидно одно – то, что раньше, в советское время, называли *спекуляцией*, то есть подпольной торговлей, осуществляемой с целью извлечения прибыли, сегодня называют коммерцией. Спекуляция же советским государством преследовалась в уголовно-правовом порядке и считалась аморальной, то есть противоречащей действовавшим в то время нормам морали и нравственности. В современное время, те же деяния называют «бизнесом» и «предпринимательством», поддерживаются, охраняются современным российским государством и санкционированным им правом. А, стало быть, аморальными не являются. Возникает вопрос: мораль в истории нашей страны и человечества в целом постоянна или изменчива? Ответ мы получим, опираясь на аксиологическую (ценностную) функцию, которую выполняет мораль. Известно, что в советское время то, что называлось спекуляцией, высшей политической властью того времени было объявлено аморальным, преступным действием, противоречащим природе социалистических производственных отношений. То есть для социалистических производственных отношений спекуляция – аморальна, это, естественно, не ценность.

Сегодня, наоборот, в действующем уголовном законодательстве нашей страны вообще нет понятия «спекуляция». Такая стадия современных производственных отношений нашей страны как обмен в себя включает такие ценности, они же экономические категории, как «торговля», «бизнес», «предпринимательство», «частные сделки» и т.д. пр. Таким образом, для современных производственных отношений синонимами спекуляции стали торговля бизнес и предпринимательство. Они же являются ценностями современного экономического образа жизни россиян, они же – нравственные ценности, охраняемые современным российским государством. Такова логика эволюции нравственных экономических ценностей в истории нашего государства.

В связи со сказанным подчеркнем, что для гармонизации социокультурного пространства современной России необходимо и далее поддерживать бизнес и предпринимательство. Тем более, в этом срезе отечественной экономики занята значительная часть молодежи, для которой занятие такой деятельностью является нравственно оправданным и приносящим прибыль.

Как видим, нравственные ценности подвержены изменению в соответствии с диалектикой и логикой исторического развития. Важнейшим демиургом, определяющим статус нравственности любых ценностей, в конечном итоге, являющееся общество и созданное им государство.

Другим примером, подтверждающим динамический характер морали, является переход человеческого общества от талиона (око за око, зуб за зуб) к регулированию отношений посредством правовых усилий государства, вместо обычая.

Обычай талиона в свое время был санкционирован обществом и имел под собой для такого общества соответствующую нравственную подоплеку, но с переходом к классовому обществу и государству талион перестал иметь под собой нравственные очертания и по этой при-

чине попал под запрет государства и общества. Отсюда можно ввести в оборот такую нравственную категорию как «скользящая мораль» или «динамическая мораль». Под ним понимаем такое состояние нравственных ценностей общества, когда они, будучи в свое время нравственными регулятивами, в силу причин объективного и субъективного характера перестают быть таковыми, теряют силу нравственных норм или, наоборот обретают таковую.

Праксиологическая функция морали, с одной стороны, меняет глубину этического сознания молодежи посредством интериоризации нравственных норм, с другой – экстериоризация моральных регулятивов через нравственно одобряемое поведение коренным образом меняет в позитивном направлении окружающую действительность. Такова диалектика процесса формирования нравственного сознания людей и ее сущностного влияния на окружающую действительность. Таким образом, решающее значение в нравственном взрослении молодежи и создании в обществе нравственно одобряемого климата имеет процесс образования и воспитания подрастающего поколения сограждан, чему в настоящее время властью уделяется столь пристальное внимание в аспекте государственного финансового патронажа образовательных учреждений, педагогов-наставников, детей из малообеспеченных семей. Представляется, что в школьный образовательный стандарт необходимо ввести предмет этика, который должен быть в качестве обязательного компонента, имеющего сквозной характер; должен преподаваться хотя бы в 10–11 классах. Этот же предмет необходимо ввести в образовательные программы средне-специальных и высших учебных заведений технического, экономического и других естественно-научных профилей. Сегодня этот предмет преподается в ВУЗах гуманитарного профиля, что является оправданным в плане формирования этического сознания у части российской молодежи, но – явно недостаточным, поскольку он не преподается в вышеуказанных учебных заведениях.

Весьма важную роль в процессе становления и развития этического сознания современной российской молодежи играют социальные институты, они же – институты гражданского общества. Одним из недавно созданных таких молодежных организаций является общероссийское «Движение первых», возглавляемое Героем России Орловым Артуром Валерьевичем и насчитывающее на сегодняшний день 50 000 первичных организаций, число которых к 2030 году планируется довести до 70 000. По его мысли, данная организация объединяет детей и взрослых и, по состоянию на апрель 2025 года, она в своих рядах насчитывает более одиннадцати тысячи человек, возраст которых варьируется от шести до двадцати пяти лет. На период до 2030 года руководство движения планирует вовлечь в свои ряды до 18 миллионов человек, то есть каждый второй школьник будет задействован в воспитательных мероприятиях данной организации, для проведения которых уже сегодня составлены и реализовываются 12 проектов.

Основной программной максимой движения является привитие молодежи нравственных, семейных и патриотических ценностей посредством организации целого ряда мероприятий, ориентированных на постижении азов отечественной этики, истории, героического наследия прошлого, включая подвиги советских людей на полях сражений Великой Отечественной войны, 80-ю годовщину которой наша страна будет отмечать 9 мая 2025 года. Работа в этом направлении проводится по всей стране в школах и других учебных заведениях.

Данные мероприятия молодежная организация, ее руководство оправданно планирует организовывать

во взаимодействии со структурами МВД, Министерства просвещения, Министерства спорта, образовательными учреждениями в тесном контакте с родителями.

В вышеупомянутом заседании наблюдательного совета «Движения первых», которое прошло 26 марта 2025 года, присутствовал Президент РФ В.В. Путин. Он, в частности, отметил, что при Администрации главы нашей страны необходимо создать рабочую группу, которая будет координировать и оказывать помощь указанному движению. Глава государства подчеркнул, что необходимо «активно и эффективно работать с подрастающим поколением» и основой такой работы должны быть «семья, Родина, традиционные ценности и история на основе фундамента прошлого» [1].

И в самом деле, первичная социализация, начало формирования основ этического мировоззрения молодежи происходит в семье. Именно семья является тем фундаментом, в рамках которого закладываются первые кирпичики этического сознания и в этом смысле семья является основой формирования как этического, так и других форм общественного сознания. Именно по этой и по целому ряду других причин объективного и субъективного характера главой нашего государства 2024 год был назван годом семьи. Учитывая значение семьи в процессе нравственного взросления детей, наше государство и далее на обозримую перспективу планирует поддерживать семью, материнство и детство.

Государство всемерно борется с детской беспризорностью усилиями соответствующих социальных институтов. Дети находятся под опекой и поддержкой указанных учреждений. Степень такой поддержки со временем будет еще весомее, поскольку экономика нашего государства за последние два года дает прирост ВВП до 4,1%. А это значит, что финансирование семейных, социально-значимых программ в стране будет осуществляться на достаточном для решения этого вопроса уровне.

Нам кажется, что на процесс формирования этического сознания молодежи весомое влияние оказывает не только семья, родители, учебные заведения с педагогами, общероссийское «Движение первых», но также российские пионерия и комсомол. Эти организации некоторыми скептиками рассматриваются как атавизм советского прошлого. Считаем, что они сыграли свою позитивную роль в советское время, играют и сегодня. А, стало быть, будет эффективная конкуренция «Движению первых». Но финансовая поддержка этого движения в равной мере должна распространяться, как на пионерские, так и комсомольские организации страны. Это разнобразит жизнь молодежи, сделает ее креативной, творческой, жизнерадостной, позволяющей каждому представителю молодежи само реализоваться в рамках указанных социальных институтов.

В консонансном единстве с семьей становлению и развитию этического сознания подрастающего поколения оказывают дошкольные образовательные учреждения, школы, средне-специальные и высшие учебные заведения. Необходим этический синтез в нравственном воспитании между родителями, образовательными учреждениями, названными немного выше общественными организациями. Именно их слаженная совместная работа является залогом благополучных семей у молодежи, высоких результатов в их обучении, самореализации каждым из молодых сограждан в рамках общественных организаций, наличия у них высокого уровня нравственного сознания, их нравственного взросления и воцернения в российском обществе здорового, гуманного и нравственно утверждаемого климата.

Завершая исследование, сформулируем некоторые выводы, суть которых сводится к следующему:

- гармонизация социокультурного пространства в современной России является актуальным вопросом, затрагивающим права и охраняемые законом интересы российских граждан. Это аксиома. Поскольку совместное существование людей на основе их личной свободы требует наличия нравственного сознания не только у взрослых людей, но и подрастающего поколения, то есть у нашей молодежи;
- нравственное сознание, моральное взросление сограждан является тем процессом, который ни в коем случае нельзя пустить на самотек. Этим должно заниматься государство и соответствующие социальные институты – семья, родители, образовательные учреждения и педагоги, представители молодежных организаций и т.д.;
- достаточное финансирование молодежных, социально-значимых программ будет происходить тем эффективнее, чем основа общественного бытия людей – экономика будет развиваться динамично, результативно и с социальным окрасом. Развитая экономика – это фундамент финансирования социально-значимых программ, ориентированных на формирование морального сознания у молодежи, обретения им высокой степени нравственности, гуманизма и высокой образованности. Это те качества, которые должны быть присущи молодому человеку цивилизованного общества и государства. Они идут на общую пользу;
- органам публично-правовой власти необходимо поддерживать не только общероссийское «Движение первых», но и ячейки пионерских и комсомольских организаций, существующих на территории нашей страны. Это обеспечит равные условия для этих организаций, породит живую, здоровую конкуренцию, сделает их воспитательную работу качественной, результативной и отвечающей интересам семьи, образовательных учреждений, педагогов-наставников, российского общества и государства.

Литература

1. Путин В.В. Выступление на заседании общероссийского «Движения первых» // Россия. 26 марта 2025 года.

ETHICAL CONSCIOUSNESS OF YOUTH IS A CONDITION FOR HARMONIZING THE SOCIOCULTURAL SPACE OF MODERN RUSSIA

Magarramov M.Dz., Veliev O.V., Karaev I.I.

Dagestan Federal Research Institute Center of the Russian Academy of Sciences

Taking into account the modern realities of Russian reality, some contours of the formation of ethical consciousness in modern youth through the use of dialectical methodology, dialectical and formal-logical laws, basic forms of correct thinking, empirical methods have been identified.

It has been proven that harmonization of the socio-cultural space of our country is a vital necessity. One of the tools for achieving it is the conscious work of the family, teachers-mentors, educational institutions, public organizations and other social institutions.

The authors for the first time in ethical thought introduced into scientific circulation the category of "sliding" or "dynamic morality" taking into account historical experience, changes in objective and subjective conditions of people's life at different stages of social development.

Keywords: Morality, ethics, ethical consciousness, dynamic morality, family, family education, educational and upbringing institutions, harmony of the socio-cultural space, etc.

References

1. Putin V.V. Speech at a meeting of the All-Russian "Movement of the First" // Russia. March 26, 2025.

К вопросу об эстетике безобразного на примере современной скульптуры в общественном пространстве

Мамедов Агамали Куламович,

доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: akmnauka@yandex.ru

Коркия Эка Демуриевна,

кандидат социологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедры социологии коммуникативных систем по учебной работе Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: ekakorkiya@mail.ru

Максимов Арсений Андреевич,

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии коммуникативных систем Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: arsenii.maksimov@mail.ru

На основе ключевых подходов, выработанных в области исследования эстетики безобразного, в статье проанализированы кейсы установки некоторых городских скульптур в России, вызвавшие масштабное обсуждение и общественный протест. Оценивается опыт оформления общественного пространства Москвы и регионов России, а также зарубежную практику на примере г. Скопье (Македония). Критически осмыслены, в том числе в целях поиска глубинных смыслов, скрытого символизма, художественных и эстетических целей размещения в открытом пространстве повседневного городского бытия, скульптурная композиция «Дети – жертвы пороков взрослых» и инсталляция «Большая глина № 4», размещенные на Золотом острове в Москве, а также памятник Аленке и скульптура Лыжника, установленные в городах Воронежской области и Пермского края. Исследован опыт городских властей Скопье, допускающих массовую установку низкокачественных в художественном и эстетическом плане городских скульптур. В публикации выделено влияние постмодернизма на городскую скульптуру, подчеркнута важность экспериментов и инноваций в этой области. Однако автор также обращает внимание на несоответствие между изменениями в эстетике скульптуры и общественным запросом, особенно в контексте использования публичных пространств. Выделяется важность понимания этого соотношения в части дальнейшего принятия решений по поводу создания монументальных скульптур и оформления ими городского пространства, развития творческого контроля и самоконтроля.

Ключевые слова: эстетика безобразного, городская скульптура, визуальная гигиена общественного пространства, скульптура в общественном пространстве, монументальная скульптура.

Введение

Современность городской скульптуры характеризуется как период ее упадка [7], причем речь идет о системном характере, как на Западе, так и на Востоке [16]. Причин данного явления множество, и они сами по себе требуют дополнительного осмысления. Обобщая известные положения, можно сказать, что ключевые тенденции обусловлены, с одной стороны, особенностями постмодерна и культурой массового потребления. Меняются течения в искусстве, культурные коды, а вместе с ними возникают возможности (псевдо) для появления в публичном пространстве скульптур, воспринимаемых крайне неоднозначно с позиций классической эстетики. Многие мастера современности, через эстетику безобразного стремились передать определенную мысль, побудить зрителя к глубинной рефлексии и, возможно, к переменам внутри себя. Безобразное было и остается средством художественного отображения некоторых реалий бытия, порой, единственным или наиболее продуктивным. Однако, впрочем, возникает вопрос по поводу целесообразности, критериях и допустимости неоднозначных художественных решений в пространстве публичного бытия, когда, скажем, вызов внутреннего конфликта, на который рассчитывают отдельные авторы, переходит в рутину молчаливого согласия с необратимыми изменениями визуального оформления повседневности.

С другой стороны, расширение возможностей по финансированию решений в области оформления публичных пространств, приводит к усилению дисбаланса между спросом и предложением, в результате чего под видом эксперимента и новаторства возникает множество монументальных сооружений, характеризующихся низкой или отсутствующей художественной ценностью и несоответствием минимальным стандартам исполнительского мастерства. На фоне дефицита предложения, с одной стороны, свободу выражения в городской скульптуре получили многочисленные экспериментаторы, творения которых прежде могли рассчитывать в лучшем случае на место в закрытых экспозициях. Однако даже их работы меркнут в общей массе бесталанного и явно некачественного продукта, совершенно не относящегося к области изящных и вообще каких бы то ни было искусств, устанавливаемого повсеместно и зачастую без спроса у горожан, без какого-либо смысла, заложенного в саму установку и ничем не оправдывающих свое существование. В стремлении освоить городские бюджеты и угождать многочисленным благодетелям, планировщики общественного пространства допускают удивительные, порой чудовищные просчеты.

Руководствуясь подходами в области эстетики безобразного, предложенными и поддержанными в трудах К. Розенкранца, Т. Адорно [3], А.Ф. Лосева [11], Ж. Бодрийера [5], Умберто Эко [15], в настоящей публикации будут рассмотрены некоторые знаковые ситуации с установкой современных городских скульптур в России, вызвавшие масштабное обсуждение и даже протест.

В настоящей публикации будет предпринята попытка уточнить наличие и содержание глубинных смыслов, заложенных в идею создания того или иного объекта со-

временного городского искусства и выявить, насколько они оправдывают размещение там, где с ними каждый день и без своей воли будут сталкиваться жители с разными представлениями о прекрасном, с отличающимися потребностями в визуальной чистоте и комфорте, с разным настроением.

Основная часть

Городская скульптура до недавнего времени справедливо рассматривалась как безусловное отечественное культурное и социальное достояние. Помимо эстетической красоты, многие скульптуры имели выраженную художественную ценность. Так было в дореволюционной России, но и советская эстетика стремилась, в меру имевшихся средств и в контексте идеологических ограничений (включая перманентные сдвиги в восприятии допустимого в «излишествах» в оформлении общественных пространств) не отставать от высоких, в том числе исторических, стандартов в области прекрасного. Скульптуры в общественных местах для этой цели подбирались вполне адекватно: несмотря на размах и затраты, они все же реально принадлежали народу и радовали глаз, выражаясь канцелярским языком, неограниченного круга лиц. Более того, имелась возможность вынести наружу те скульптуры, которые до некоторого времени могли радовать глаз только так называемых буржуазных владельцев и гостей их имений. А советская городская скульптура, поставленная рядом с классическими предшественниками, конкурировала с высокими стандартами и, как правило, не уступала по эстетическим характеристикам, даже будучи наполненной несколько иными смыслами.

В последние десятилетия в городской скульптуре все чаще можно увидеть работы, которые не только не соответствуют, но и претят классическим эстетическим канонам. Это можно объяснить несколькими факторами.

Во-первых, современное искусство стремится к инновациям и экспериментам, и это отражается и в городской скульптуре. Художники выражают свои идеи и видение мира через нестандартные формы и материалы, что приводит к появлению скульптур, которые могут показаться необычными или даже безобразными с точки зрения традиционной эстетики. Общий генезис в сфере изобразительного искусства не мог не отразиться на тенденциях в городской скульптуре, тем более что для многих авторов заказы на работы, размещаемые в публичном пространстве, выступают свидетельством широкого признания таланта и (о чем никак не стоит забывать) являются источником определенного дохода.

Во-вторых, современное общество становится все более разнообразным и многослойным, и это отражается и в культуре. Скульптуры, которые раньше могли быть отклонены как несоответствующие эстетическим стандартам, сегодня могут быть восприняты как выражение разнообразия и многогранности современного мира.

Эксперименты в городской скульптуре вызваны процессами глобализации, миграции, изменениями социальных структур и ценностей. Глобализация приводит к смешению различных культур и традиций, что отражается в искусстве и скульптуре. Миграция также приводит к разнообразию и диффузии культурных слоев и традиций, что вдохновляет художников на создание нестандартных произведений. Появлению новых форм и направлений в искусстве, включая городскую скульптуру, способствуют также изменения в социальных структурах и ценностях.

В-третьих, возникают непрогнозируемые парадоксы массового потребления, дисбаланса спроса и предложения. Так, на фоне общего снижения стандартов качества

в реплицируемом искусстве может возникнуть соблазн к заведомо низкопробному замещению общественного спроса на качественное оформление городского пространства. Что еще хуже – прикрыть некачественные, бесталанные и халтурные объекты ширмой нестандартных ценностей и/или риторикой по поводу необходимости уважать свободу творческого самовыражения.

При оценке динамики городской скульптуры важно учитывать изменения в эстетике постмодерна, который влияет на тенденции в области городской скульптуры, приводя к появлению новых и нестандартных форм и направлений. В постмодернистской городской скульптуре часто используются смешанные материалы, неожиданные формы, абстрактные и символические образы. Такие скульптуры могут быть интерактивными, интегрированными в окружающую среду или иметь множество разных интерпретаций.

Семиотический анализ объектов постмодернистской скульптуры почти всегда вызывает неоднозначные, а порой диаметрально противоположные оценки со стороны зрителя. Попытка выявить отношение знаков (иколических, индексов и символов) в объекте втягивает его в смысловую игру, создаёт проблему «прочтения», чем будоражит восприятие и вызывает интерес почитателей.

Постмодернизм также подчеркивает важность контекста городской скульптуры, взаимосвязь с окружающей средой, историей и культурой города. Следование соответствующим тенденциям нередко приводит к созданию уникальных и инновационных проектов, которые отражают дух и характер конкретного места. Кроме того, постмодернизм способствует реальному расширению палитры тем и концепций в городской скульптуре, что делает городскую среду более разнообразной и интересной.

Однако в предметной области важно учитывать и другое обстоятельство – несмотря на перманентные перемены тенденций в области современной скульптуры, взаимное влияние стилей и направлений на результаты творчества скульпторов, общественный запрос на эстетику монументальной скульптуры, размещенной в особых публичных пространствах – городской среде обитания – радикальных перемен не претерпел, причем ни в России, ни за рубежом. Коллективный эстетический запрос на городскую монументальную скульптуру XXI века в целом соответствует тому, который имел место еще в позапрошлом столетии, и крайне близок к канонам классической эстетики. На определенный консерватизм в данной области в большей степени влияют общие законы социального развития, нежели чем тенденции в культуре. Речь идет об общественном договоре по поводу допустимого и должного к долгосрочному размещению в публичном пространстве. Предоставляя возможность экспериментировать, в целом общество достигает согласия по поводу базовых основ позитивного восприятия тех объектов, которые соответствуют универсальным представлениям об эстетике красивого, либо не сильно от них отклоняются. Культура массового потребления оказала на данную сферу не столь впечатляющее влияние, как на многие другие. Горожане и туристы стали более склонными к осмысленному восприятию некоторых новшеств в публичном пространстве, и менее готовыми к протесту по поводу эксперимента. Границы допустимого явно расширились, что, отнюдь, существенно не переместило «центр тяжести», точку баланса в консенсусе по поводу эстетического облика современного города.

Толерантность общества к отдельным новаторским решениям никак не следует отождествлять с общим позитивным восприятием художественного эксперимента,

тем более, не удачного, результаты которого помещены надолго в привычную среду обитания. Упомянутая эстетика безобразного, которая в широком смысле нацелена на поиск прекрасного в душе смотрящего, в повседневном соприкосновении с ней в городском пространстве постепенно утрачивает свою способность вызывать заранее определенные чувства и мысли (и вовсе не обязательно вызовет их у каждого даже при единичном просмотре).

За последние несколько десятилетий в России, пожалуй, не было другой столь обсуждаемой территории установки спорных скульптур (инсталляций и других подобных композиций), как Москва 1990-х – 2000-х гг. Широкое распространение получила позиция о том, что в Москве того периода фактически отсутствовал архитектурный (или дизайнерский) код, а, вместе с ним, соответственно и код культурный [13].

Среди множества обсуждаемых декоративных объектов, размещенных в общественном городском пространстве того времени, особо выделяется композиция знаменитого советского, американского и российского скульптора Михаила Шемякина «Дети – жертвы пороков взрослых» (также известная как «Дети и пороки», или же «Пороки ...»). Скульптурная композиция была установлена в 2001 г. на Болотной площади, что вызвало огромный общественный резонанс.

Хотя композицию не демонтировали и не перенесли, как того требовал ряд горожан, к мнению общественности отчасти прислушались. Скульптурное сооружение было окружено забором, публичный доступ к нему ограничен, композиция находится под круглосуточной вооруженной охраной во избежание актов вандализма и любых инцидентов. Фактически, продолжая пребывать в *городском пространстве*, скульптурная композиция «Дети – жертвы пороков взрослых» достаточно быстро устранена из пространства *общественного*, и в некотором смысле status quo среди заинтересованных сторон и их желаний был восстановлен.

Самая скульптурная композиция, равно как и решение по ее размещению в городском пространстве, несли актуализированный экспериментальный характер, выдержанный в канве эстетики. На фоне все еще доминировавшего реализма как наследия советского периода, Шемякину была предоставлена возможность реализовать художественное решение, наполненное многочисленными символами [6].

Творчество М.М. Шемякина высоко ценится и в России, и за рубежом, характеризуется широким признанием (автор – лауреат Государственной премии РФ, Почетный доктор Европейской академии изобразительных искусств и целого ряда других образовательных учреждений), и скульптурная композиция о «Пороках ...» его авторства имеет несомненную художественную ценность, и поднимаемые автором вопросы, актуальны и злободневны. Более того, отражение авторского отношения к человеческим грехам, переосмысление их значимости и ранга через нарочито безобразное, вполне может рассматриваться как удачное художественное решение.

Шемякин показывает отношение к греховному на противопоставлении гиперболизировано уродливых страстей и пороков, и окруженных ими невинных детей, живущих в нашем мире с завязанными глазами.

Наконец, подобное имело место в классическом искусстве, когда талантливые авторы прибегали к отображению греховного через безобразное, и никак иначе. Вспомним потустороннее на картинах И. Босха, его «Сад земных наслаждений». Безусловно, иным способом, например, через красивые и эстетичные фигуры и пейзажи, и без выдуманных монструозных созданий,

которые спустя пять столетий все также возбуждают сознание зрителя, едва ли было возможным столь же четко и явственно отразить художественные представления об Аде.

Однако в данной области возникает другой вопрос, который из эстетической плоскости, не покидая ее, также переходит в пространство этики, а именно, насколько уместно размещение «Пороков ...» в центре Москвы, в одном из ключевых туристических мест и любимом горожанами сквере 800-летия Москвы, и уж тем более на Болотной площади, в месте, которое предполагалось (до всем известных событий) сделать российским Гайд-Парком, где бы цивилизованно проводились массовые политические манифестации (после установки скульптуры, под пристальным «взором» жабы-Проституции, кабана-Воровства, осла-Невежества и других причудливых, далеко недобрых, полусказочных уродцев).

Даже в контексте всей остроты затрагиваемой проблематики, с эстетической точки зрения возникает вопрос, насколько соотноствовалась установка скульптурной композиции общественному запросу, на отсутствие которого прямо указывали события из жизни, включая протест со стороны деятелей культуры и искусства, так и возмущения, исходившие от москвичей и гостей столицы. Триггерность как цель достигнута, хотя и критиков у «Пороков ...» даже сегодня намного больше, чем читателей. Помимо уродливого внешнего облика самих скульптур, источником проблем выступил общий символизм композиции, в чем-то, возможно, избыточный. Так, профессор В.В. Абраменкова, компетентно представляющая область исследований детства, семьи и воспитания, обращает внимание на засилье масонской символики, и полагает, что не только облик чудовищ-пороков, но также нагромождение странных и отталкивающих знаков может нанести вред психике ребенка: «По замыслу автора, это «памятник детям, жертвам пороков взрослых». В народе, правда, его немедленно прозвали просто «памятником порокам». И неслучайно, ведь эта огромная композиция, раскинувшаяся на достаточно обширной территории, почти вся посвящена старательному, живописному изображению пороков. Их тринадцать, чёртова дюжина. Они стоят полукругом, возвышаясь, как бы нависая над двумя детишками, мальчиком и девочкой. У детей глаза завязаны, а руки вытянуты. То ли они играют, то ли что-то ищут. Впечатление жуткое: полукруг пороков наступает на маленьких, беззащитных детей, находящихся в центре композиции» [14]. Критикуется и художественное исполнение скульптурной композиции: известность Шемякина не должна, как высказывался один из городских депутатов того периода А. Крутов, автоматически подтверждать качество и ценность его нового творения [10]. В конечном счете никакая предварительная коллегиальная независимая оценка композиции специалистами и общественностью не производилась, архитектурные советы играли исключительно номинальную роль, а над принятием решения довлела не только фигура автора и сам факт заказа столичной мэрией, но также и спонсорская поддержка, оказываемая одной из крупнейших национальных сырьевых компаний России. Наконец, место размещения скульптурной композиции также признавалось крайне неудачным, поскольку ее размещение портило гармонию панорамы старой Москвы на фоне Кремля [10].

Тем самым, соглашаясь с наличием определенной художественной ценности у «Пороков...», примечательных своим символизмом и множеством заложенных смыслов, стоит подвергнуть сомнению само решение о размещении в публичном пространстве и выбор места размещения. Эти решения усугубляют картину бе-

зобразного сами по себе, и не позволяют всерьез рассуждать о возможной эстетике в *существовании* этой спорной композиции в общественном пространстве Золотого острова Москвы.

В процессе генезиса постмодернизма, многочисленных проявлений метамодерна, примечательна одна из скульптур, недавно установленных в столице нашей Родины, вызвавшая бурные общественные дискуссии, в первую очередь по причине своего безошибочно идентифицируемого внешнего вида.

Это – произведение (городская скульптура, она же инсталляция с учетом временного характера размещения), которое автор – швейцарец Урс Фишер назвал «Большой глиной № 4», в то время как американский критик Джереми Сиглер определил не иначе, как нелучший образчик эпатажных «фекальных работ» прошлых лет [2]. Инсталляция, непродолжительное время размещенная на Манхэттене, сегодня все еще предстает нашему взору напротив фасада здания ГЭС-2, отнесенного к числу объектов культурного наследия народов РФ регионального значения и ныне отданного под размещение одноименного культурно-выставочного комплекса. «Большая глина № 4» установлена на Болотной набережной, буквально в четырехстах метрах от скульптурной композиции «Дети – жертвы пороков взрослых», в чем, вероятно, также скрывается особый символизм, возможно, даже не случайный.

Автор с вызовом обращается к зрителю: «а на что это, по Вашему мнению, похоже» и «каждый понимает в меру своей испорченности». Провокация для Ульриха – игра, являющаяся неотъемлемой частью современного искусства. Но часто ли соучастниками такой игры должны быть все простые горожане, не подготовленные к ней и вовсе не собирающиеся в нее вступать.

Не называть вещи своими именами – важная и в целом очень положительная черта образованного человека, тем более хорошо знакомого с этикетом, в том числе поскольку многие непросвещенные граждане предпочитают промолчать или согласиться с тем, что объект изображает отличное от увиденного, чтобы не попасть в неловкую ситуацию и не продемонстрировать свою необразованность. На всеобщем порыве называть вещи чужими именами основан сюжет многих классических произведений. Однако прогуливаясь по набережной, мы лицезреем прежде всего определенную форму, которая не перестает быть безобразной даже если предполагается, что такая встреча натолкнет зрителя на глубокие философские размышления о связи формы и содержания, детерминированности базовых процессов бытия. Любопытство и возможный шок после первой встречи со скульптурой постепенно перерастают в рутину, и многие перестанут замечать этот образчик метамодернизма, а другие – станут брезговать привычными маршрутами и любимыми местами.

По поводу цели этого проекта, неважны даже финансовые источники, едва ли будет найден ответ, удовлетворяющий представителей всех заинтересованных групп. А автор, пытавшийся поставить дискуссию о форме и содержании, сам того, вероятно, не желая, еще острее поставил вопрос о целесообразности широкого обнародования подобного творчества, о соотношении личного и публичного, в том числе в использовании пространства. Скульптура, за которой стоит примечательная концепция, будучи выставленной в общественном пространстве с вызовом к каждому смотрящему, теряет многие из тех граней художественной ценности, которые сохраняла бы, будучи выставленной в галерее или на иной непубличной площадке.

Протест общественности пока не услышан, инсталляция занимает свое место, причем даже в условиях тотального разрыва культурных связей с Западом. Вероятно, временный характер размещения инсталляции формально оправдывает отсутствие решения по демонтажу: «Большая глина № 4» рано или поздно покинет и Москву, и Россию.

«Большая глина № 4» – культурный материал самого последнего времени, который по остроте вызванной общественной дискуссии в начале 2020-х гг. мог бы соперничать только с «Аленушкой» («памятник Аленке»), творческим «взрывом» регионального масштаба, оттого и примечательным, что произошел далеко за пределами культурных столиц Отечества.

Выход безобразного в регионы примечателен еще и тем, что при сопоставимом, в целом, уровне стремления жителей к красивому, их образованности и, тем более, общности пожеланий к качеству визуального оформления публичного пространства, у лиц, принимающих решения о дизайне публичного пространства, меньше компетенций в области искусства и объективных возможностей их восполнить за счет привлечения квалифицированных экспертов.

«Аленушка» могла бы позавидовать судьбе московских «братьев», которым было суждено сохранить постаменты, несмотря на ограничения доступа или же временный характер дислокации.

Если, скажем, «Пороки ...» тот же памятник С. Есенину Г. Потоцкого в Большом Строченовском переулке (г. Москва) или «Глина ...», несмотря на всю неоднозначность эстетического облика и самих решений по размещению в публичной среде, характеризуются определенной художественной ценностью, то большинство монументальных сооружений последних лет общественности, является откровенной халтурой. Попытки прикрыть ее появление в общественном пространстве соображениями об изменениях в эстетике современной скульптуры никоим образом не должны вводить в заблуждение по поводу истинной значимости уродливого монументального новодела.

Рассматривая не только форму, но и идейное содержание трех упомянутых произведений городской скульптуры («Пороков ...», «Глины» и «Аленушки») несложно заметить аспект, исключительно важный с позиций традиции углубленного исследования эстетики безобразного, выкристаллизованной в работе Умберто Эко [6]. Дело в том, что «Аленушка» и безобразна по форме, и неуместна по месту размещения, и полая по смыслам и содержанию. В безобразии облика своей Аленушки автор не пытался вложить равным счетом никаких не то, чтобы скрытых, двойных смыслов, но даже тех, которые бы лежали на поверхности.

Впрочем, в условиях агрессивного развития сетевого общества памятник Аленке приобрел колоссальную медийную популярность. Явление, которое принято именовать заимствованным словом «хайп» (не стоит забывать, что одним из значений хайпа при переводе на русский язык является «очковитительство» [1]), позволило наделить «Аленушку» смыслами, сформировав образ скульптуры-изгоя, защитницы *особенного* таланта скульптора, не признанного общественностью. Памятник Аленке был выгодно продан с аукциона и ныне радует глаз там, где ему и место безотносительно всех прочих размышлений – в закрытом пространстве с ограниченным публичным доступом.

«Новинка» осени 2023 г. – скульптура «Лыжника», установленная в городе Кунгуре (Пермский край) наглядно иллюстрирует, что тенденции к размещению бесталанно-отвратительных городских скульптур в от-

ественном публичном пространстве начинают приобретать массовый характер, что вовсе не обязательно характеризует актуальный эстетический запрос общества, однако в некоторой мере иллюстрирует диалектику художественных ценностей и практику занижения стандартов в их восприятии.

«Лыжник» откровенно безобразен – это даже не нидерландский «Ждун»¹ или другое нечто бесформенное, но примечательное и даже радующее глаз. Как и «Аленушка», «Лыжник» не наполнен особыми смыслами, которые могли бы хоть как-то оправдать его существование в принципе, не говоря уже о размещении в публичном пространстве. Антропоморфная скульптура субтильного мужчины непонятного возраста с искажением мыслимых пропорций, безобразной нечеловеческой шеей и омерзительным подобием лица, могла быть детской поделкой, однако, по мнению экспертов [12], своим появлением обязана отсутствием у скульптора и природного дарования, и надлежащей исполнительской техники.

Концепция эстетики безобразного заключается в необходимости поиска если не прекрасного, то по меньшей мере в нахождении художественных смыслов, заложенных в определенные творения. Некоторые смыслы на поверхности и декларируются самими авторами, как в «Пороках ...» у Шемякина, другие сокрыты или явно не представлены, однако угадываются, пусть даже не безошибочно (такowymi являются многие современные инсталляции, наподобие «Глины ...» Ульриха. Задуматься заставляет сам факт размещения таких произведений в городском, публичном пространстве, их выставление на всеобщее и притом бесплатное рассмотрение. Однако, что неизбежно угадывается при рассмотрении «Аленушек» и «лыжников», так это отсутствие всяких смыслов, изначально в них заложенных, равно как и любых интенций некими смыслами оперировать.

Появление подобных скульптур в городском публичном пространстве – следствие двойной ошибки: автора в выборе направления деятельности и тех, кто принимал решение о размещении в публичном пространстве.

Экстремальные вызовы образует частная ситуация в сфере размещения современной скульптуры в общественном пространстве, когда речь идет не о малых или временных формах, а о монументальных объектах. Монументальная скульптура устанавливается на многие десятилетия, зачастую – на века. В постоянном взаимодействии с ней пройдет жизнь нескольких поколений горожан, а лучшие образцы предопределят туристический имидж – визитную карточку местности. Ссылки на возмущения парижан конца XIX века (как рядовых жителей, так и большинства известных горожан) на сооружение и оставления в городской среде Эйфелевой башни, которая затем стала уникальной доминантой в облике французской столицы, не видятся вполне уместными. Во-первых, это инженерное сооружение, несущее определенный образ (ассоциации с прогрессом в науке и технике), и не характеризующееся элементами уродства в изобразительном плане, тем более, нарочитого, умышленного, не говоря уже о чем-то заведомо отвратительном. Во-вторых, «история успеха» Эйфелевой башни является, скорее, тем самым исключением, которое подтверждает правило. Правило о том, что дизайн публичной среды определяется запросами контингента ее постоянных пользователей.

Чтобы не выделять конкретные российские муниципалитеты (подобных примеров предостаточно, и за роль

¹ «Ждун» – обиходное название скульптуры М. ван Бреворт (Нидерланды, 2016 г.), изображающее бесформенное существо с головой морского слона, находящегося в антропоморфной позе ожидающего.

явных лидеров могут соперничать десятки больших и малых городов), на Рисунке 6 приведен коллаж из городской скульптуры в столице Северной Македонии. Пытаясь превратить Скопье в региональный туристический центр, и по мере расширения муниципальных бюджетов и подключения многочисленных дарителей, городские власти попытались в оформлении публичных пространств арт-объектами первенствовать не по качеству, а по количеству. Известный российский дизайнер Артемий Лебедев поделился своими впечатлениями о Скопье: «Город в спешном порядке заставляют памятниками. Они все на вид созданы одной рукой. Все огромные, неказистые, приземистые, у всех огромные массивные ноги, гипертрофированные черты и унылые статичные безвкусные композиции. Чтобы не казалось мало, скульптур очень много. Очень много – не преувеличение. Перед скульптурной группой с богиней на колонне четырьмя конями и героем обязательно поставят группу из народных депутатов во время заседания – десять за столом, один на трибуне выступает» [4]. Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что это – взгляд не просто опытного туриста, которого едва ли можно удивить муниципальным «креативом», но и одного из ключевых отечественных экспертов в области дизайна. Налицо явное нарушение городского культурного пространства, плотности размещения и уместности городской скульптуры.

В последние десятилетия в социально-психологических исследованиях все чаще принято говорить об экологии человеческих отношений и пространства бытия [8]. Экология пространства бытия, как личного, так и публичного, заключается в том, чтобы всеми мерами избегать от его дополнительного и ничем не обусловленного захламления – информационным шумом, визуальным хламом, ненужными активностями. Именно таким мусором, в данном случае визуального характера, и предстают аляповатые, безвкусные, множественно и хаотично расположенные городские скульптуры, не говоря уже об истинно отвратительных объектах, пугающих и формами, и содержанием, и местами расположения (с которыми, не будем забывать, чаще всего увязаны множественные социальные, в том числе исторические и культурные, смыслы).

Важная задача и скульпторов, и тех лиц, которые правомочны решать вопросы в области дизайна и благоустройства городов – постараться учитывать общественный запрос и ему соответствовать. Решение данной задачи с художественной точки зрения может быть непростым, однако, безусловно, успешное сочетание, например, модернистских или авангардистских течений в скульптуре с общими эстетическими запросами населения, которого вполне возможно добиться в реальности, выведет творца на новый, подчас недостижимый другими, уровень в творчестве. В противном случае в приоритете к размещению в публичном пространстве должны пребывать монументальные скульптуры, соответствующие классическим эстетическим запросам. И без перенасыщения визуальной среды избыточным «шумом», вызываемым множеством размещаемых монументальных сооружений.

Стоит обратить внимание и на проблему культурного контекста, в рамках которого происходит создание и публичная демонстрация рассмотренных выше и подобных им объектов. С позиции философии постструктурализма, например, имеет место самоинтерпретация мысли, рассеивающая смысл культурного текста. Эта постмодернистская позиция разделяется представителями определенного сообщества, состоящего из «гиперрефлексирующих иронически настроенных интеллектуалов» [9], но никак не общественного большинства и тем более не в условиях современной российской действительности.

сти. Можно ли рассчитывать на поддержание культурного образца будущим поколением без трансляции основных принципов антитезы, среди которых победа «добра над злом», «света над тьмой», «правды над ложью» и т.д. Иначе говоря, игра смыслов свободного искусства должна не только соответствовать культурному коду, но и транслировать у следующему поколению представления о прекрасном (и неприятие безобразного).

Ошибки в выборе инсталляций и места их размещения могут быть исправлены, например, их деконструкцией. Но совершенно очевидно, что причиной этих ошибок служит отсутствие должного критического семиотического анализа объектов скульптуры, с одной стороны, и невнимание к общественному мнению в вопросе выбора этих объектов, с другой.

Заключение

Таким образом, перемены в эстетике городской скульптуры могут быть вызваны стремлением художников к экспериментам и инновациям, а также изменениями в социокультурной динамике, которые открывают новые возможности для творчества и самовыражения. Однако эти же перемены нередко не соответствуют и не приводят к социальному консенсусу по поводу социальной эстетики публичных пространств.

Убеждать широкую общественность в допустимости и внутренней красоте безобразной внешне городской, особенно монументальной, скульптуры, достаточно сложно, если вообще возможно. А, главное, возникает вопрос о корректности выбора места для подобных активностей. С сожалением приходится констатировать, что описанным основам соотношения эстетики безобразного и общественного запроса/договора по освоения публичных пространств, все реже соответствуют практические решения в современной городской скульптуре России.

К соответствующему пониманию тем более важно прийти сегодня, поскольку на пороге перемен, в том числе в архитектурном оформлении публичных пространств, стоит использование искусственного интеллекта – массового и финансово доступного инструмента воспроизводства широкого спектра художественных активностей, включая создание скульптурных объектов от красивого до безобразного, без самоконтроля и первичной субъектности.

Литература

1. Англо-русский синонимический словарь [Электронный ресурс]. – URL: https://synonymum_en_ru.academic.ru (дата обращения: 28.12.2024).
2. Абрамов А., Клоков П. Большая куча искусства на набережной: В Москве поставили 12-метровую скульптуру, на которую не всем приятно смотреть // Комсомольская правда. 2021. 16 августа [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/28317/4460156> (дата обращения: 28.12.2024).
3. Адорно Т. Эстетическая теория / пер. с нем. – М.: Республика, 2001. – 527 с.
4. Балканэтноэксп. Часть VI. Македония [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.tema.ru/travel/bexr-6/#skopje> (дата обращения: 28.12.2024).
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
6. Дети – жертвы пороков взрослых [Электронный ресурс]. URL: <https://um.mos.ru/monuments/deti-zhertvy-porokov-vzroslykh> (дата обращения: 28.10.2023).
7. Ибрагимов А.Ф., Михайлова А.С. Концептуализм в современной архитектурной среде (на примере городской скульптуры) // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2016. № 3 (37). – С. 34–40.
8. Макаров А.И. Проблема эстетической и экологической справедливости в городе // Социология города. 2012. № 3. – С. 43–46.
9. Манохин Д.К. Антропологические тенденции постмодернистской семиотики искусства // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 24 (221). Вып. 28. – С. 5–13.
10. Молева Н. Московские тайны: дворцы, усадьбы, судьбы. – М.: Эксмо, 2007. – 416 с.
11. Лосев А.Ф. Эстетика // Философская энциклопедия: В 5 т. – Т. 5. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – 740 с.
12. «Над лицом стоило поработать». В Пермском крае оценили новую скульптуру. Бронзовый лыжник «Платон» с забавным лицом произвел фурор в Кунгуре // РБК. 2023. 13 октября [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/652932d19a794796281b51dc> (дата обращения: 28.12.2024).
13. Сохацкая Д.Г., Меньшикова В.А. Дизайн-код как способ проявления имиджа города // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2021. № 6. – С. 47–53.
14. Шитова Т. «Памятник порокам» Шемякина с точки зрения психолога. Интервью с доктором психологических наук Верой Абраменковой [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/guest/abramenkova.htm> (дата обращения 28.12.2024).
15. Эко У. История уродства / под ред. У. Эко; пер. с итал. – М.: Слово, 2007. – 456 с.
16. Le Feuvre L. Public? Sculpture? // Art Monthly. 2017. № 409. – P. 11–15.

ON THE ISSUE OF THE AESTHETICS OF THE UGLY USING THE EXAMPLE OF CONTEMPORARY SCULPTURE IN PUBLIC SPACE

Mamedov A.K., Korkiya E.D., Maksimov A.A.,
Lomonosov Moscow State University

Based on the key approaches developed in the field of research into the aesthetics of the ugly, the article discusses cases of the installation of some urban sculptures in Russia, which caused large-scale discussion and public protest. The experience of designing public space in Moscow and Russian regions, as well as foreign practice using the example of Skopje (Macedonia), is analysed. The sculptural composition "Children – Victims of the Vices of Adults" and the installation "Big Clay No. 4", located on the Golden Island in Moscow, as well as the monument to Alenka and the sculpture of the Skier, installed in the cities of the Voronezh region and Perm region. The experience of the city authorities of Skopje, which allows the mass installation of low-quality urban sculptures in artistic and aesthetic terms, is assessed. The article highlights the influence of postmodernism on urban sculpture and emphasizes the importance of experimentation and innovation in this area. However, the author also draws attention to the discrepancy between changes in the aesthetics of sculpture and public demand, especially in the context of the use of public spaces. The importance of understanding this relationship is highlighted in terms of further decision-making regarding the creation of monumental sculptures and their design of urban space, the development of creative control and self-control.

Keywords: aesthetics of the ugly, urban sculpture, visual hygiene of public space, sculpture in public space, monumental sculpture

References

1. English-Russian Synonymous Dictionary [Electronic resource]. – URL: https://synonymum_en_ru.academic.ru (date of access: 28.12.2024).

2. Abramov A., Klovov P. A big pile of art on the embankment: A 12-meter sculpture was erected in Moscow that not everyone likes to look at // Komsomolskaya Pravda. 2021. August 16 [Electronic resource]. – URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/28317/4460156> (date of access: 28.12.2024).
3. Adorno T. Aesthetic theory / trans. from German. – M.: Respublika, 2001. – 527 p.
4. Balkanethnoexp. Part VI. Macedonia [Electronic resource]. – URL: <https://www.tema.ru/travel/bexp-6/#skopje> (date of access: 28.12.2024).
5. Baudrillard J. Consumer society. Its myths and structures / trans. from French, afterword and notes by E.A. Samarskaya. – M.: Republic; Cultural revolution, 2006. – 269 p.
6. Children are victims of adult vices [Electronic resource]. URL: <https://um.mos.ru/monuments/deti-zhertvy-porokov-vzroslykh> (date of access: 28.10.2023).
7. Ibragimova A.F., Mikhailova A.S. Conceptualism in the modern architectural environment (on the example of urban sculpture) // Bulletin of the Kazan State University of Architecture and Civil Engineering. 2016. No. 3 (37). – P. 34–40.
8. Makarov A.I. The Problem of Aesthetic and Environmental Justice in the City // Sociology of the City. 2012. No. 3. – P. 43–46.
9. Manokhin D.K. Anthropological Tendencies of Postmodern Semiotics of Art // Scientific News. Series Humanitarian Sciences. 2015. No. 24 (221). Issue. 28. – P. 5–13.
10. Moleva N. Moscow Secrets: Palaces, Estates, Fates. – M.: Eksmo, 2007. – 416 p.
11. Losev A.F. Aesthetics // Philosophical Encyclopedia: In 5 volumes. – Vol. 5. – M.: Soviet Encyclopedia, 1970. – 740 p.
12. “The face was worth working on.” A new sculpture was appreciated in the Perm Territory. The bronze skier “Plato” with a funny face made a splash in Kungur // RBC. 2023. October 13 [Electronic resource]. – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/652932d19a794796281b51dc> (date of access: 12/28/2024).
13. Sokhatskaya D.G., Menshikova V.A. Design code as a way of manifesting the city’s image // Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2021. No. 6. – P. 47–53.
14. Shitova T. Shemyakin’s “Monument to Vices” from the Point of View of a Psychologist. Interview with Doctor of Psychology Vera Abramenkova [Electronic resource]. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/guest/abramenkova.htm> (date of access 12/28/2024).
15. Eco U. History of Ugliness / edited by U. Eco; trans. from Italian. – Moscow: Slovo, 2007. – 456 p.
16. Le Feuvre L. Public? Sculpture? // Art Monthly. 2017. No. 409. – P. 11–15.

Понятие «социальная коммуникация» в профессиональном образовании

Мезенцева Лариса Витальевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры фундаментальных и гуманитарных дисциплин, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Образовательный центр города Когалыма (филиал)
E-mail: mlvnnk@mail.ru

Ермаков Михаил Александрович,

кандидат социологических наук, заведующий кафедрой фундаментальных и гуманитарных дисциплин, заместитель директора по учебной работе, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Образовательный центр города Когалыма (филиал)
E-mail: MAErmakov@pstu.ru

Статья рассматривает такое понятие, как «социальная коммуникация» как интегративную социально-культурно-профессиональную компетенцию, как часть профессиональных компетенций, формирующихся на протяжении всей профессиональной жизни, в течение обучения. Раскрывает данное понятие через понятие «коммуникация» в профессиональном образовании и определения «социальный». Современный специалист находится в информационно-коммуникативной среде, которая требует быстрого принятия решений. Данный факт коренным образом изменяет цель и статус образования. Коммуникативная компетентность, креативность, непредвзятость выходят на первый план в профессиональном образовании и характеризуют специалиста как человека, умеющего думать и чувствовать изменения в профессиональной деятельности. При этом образование личности подразумевает активное участие в созидании информационного общества, и достаточную стойкость, чтобы в случае личных неудач не сдаваться, а искать новые шансы, что, по сути, и является социальной коммуникацией. Социальная коммуникация является неотъемлемой частью профессиональной подготовки и выражается как в учебных действиях обучающегося, так и в содержании и методах преподавания всех дисциплин.

Ключевые слова: социальный, коммуникация, социальная коммуникация, компетенция, обучение, общение, профессиональные компетенции, профессиональное образование.

Становление информационного общества обуславливает системные изменения в подходах к профессиональному образованию, за которыми следуют изменения принципов и методов профессиональной педагогики. Этот факт признается сегодня как исследователями России, так и учеными других стран.

С внедрением инноваций изменяется также внутренняя структура профессионального мира: более важное место занимает компетенция, нежели иерархия. Предъявляются новые требования, при которых обучение продолжается в течение всей жизни и сочетается с творчеством, умением работать в команде и личной ответственностью. При этом образование личности подразумевает активное участие в созидании информационного общества, и достаточную стойкость, чтобы в случае личных неудач не сдаваться, а искать новые шансы. Всё это можно назвать очень обобщённо – социальной коммуникацией человека, который имеет такие качества личности как самостоятельность, умение контактировать, способность быть ответственным, надёжность, творческая креативность, умение воспринимать и оценивать действительность, не зависеть от внешних факторов и оценок, самостоятельно регулировать собственное поведение и отвечать за него, толерантность.

Проблема коммуникаций профессионального образования выявила необходимость соответствующего методологического обоснования и понятийного аппарата.

В области современной педагогики в связи с профессиональным образованием и коммуникацией, мы чаще имеем дело с несколькими базовыми понятиями, такими, как общение и коммуникация, с одной стороны, информационные и коммуникационные технологии, с другой стороны: информация и коммуникация; знание и информация, социальная коммуникация.

Зачастую в специальной и периодической литературе мы встречаем такие понятия как «коммуникация», «общение», «социальная информация», которые имеют немало толкований. Так, например, понятие «информация» трактуется в двух противоположных, на первый взгляд, определениях: информация – это знание, передающиеся в коммуникабельной форме и информация – данная действительность, передаваемая в ощущениях.

Очевидно, что ясности в этом вопросе нет. Рассмотрим понятие «социальная коммуникация» через понятие «коммуникация» в профессиональном образовании и определения «социальный».

Так выдающийся британский историк, философ истории, культуролог и социолог А. Тойнби писал, что на греческом языке слово «koinonia» и на латинском слово – «communio» означает совместное участие в каком-либо деле (в то время чаще политическом), что является первообразом понятия «коммуникация» [4].

М.Б. Раренко рассматривая этимологию понятия «коммуникация», пишет – «В «Словаре русского языка XVIII века», представляющем собой систематическое описание лексики нового литературного языка на национальной основе, лексическая единица «коммуникация» приводится в 10-м выпуске. Ее появление в русском языке относится к 1709 году, а проникновение в русский язык из латыни (лат. communicatio) происходит через французское (фр. communication) и польское (komunikacja) посредничество. В XVIII веке это слово означало

«связь одного места с другим» первоначально во время войны или военных действий, а также «путь сообщения, в связи с чем к привычным сочетаниям того времени относятся:

1) глагольные словосочетания: держать, разлучить, чинить, иметь, учинить, отрезать, простирать, пресечь и пр. коммуникацию;

2) именные словосочетания: коммуникация водою; коммуникация водным, земным путем; водная коммуникация, земная коммуникация [5].

В качестве синонимов слову «коммуникация» используются «линия коммуникации» и «линия коммуникацион» (или просто «коммуникацион»), представляющие собой кальку французского выражения *ligne de communication*. Также в словаре зафиксированы еще значения слова «коммуникация»: «сношения, общение между людьми, учреждениями» [3, с. 122]. В качестве единичного употребления слова в словаре приводится предложение «Магнит имеет пять весьма примечательных свойств: ... 2) сообщать свою силу другим телам, коммуникация», из контекста которого можно понять, что в данном случае под «коммуникацией» понимается «воздействие» [3, с. 122]. Прилагательным к слову «коммуникация» выступает «коммуникационный» (например, коммуникационная дорога), которое выделено в отдельную статью [3, с. 122]».

С точки зрения бихевиористики и психологии в 20-м веке возникают такие понятия как: «коммуникация (именно как научное понятие)», «речевая коммуникация», «коммуникативное действие», «коммуникативное поведение», «коммуникативная революция» [2].

Социологические исследования в области интеракционизма, как научного направления считают основополагающими в понимании природы коммуникации. «В рамках этого направления человеческая деятельность представляет собой переплетение сложных систем, разных форм отношений и иерархических структур. Эта деятельность, включая элементарные действия и сложные взаимодействия, невозможна без относительно стабильных символических структур: языка, речи, знаков, жестов и т.д. Но они создаются и функционируют только благодаря включенности людей в коммуникативный процесс» [7].

Очевидно, что при участии социологии, к концу XX в., взгляд на определение понятия коммуникация получил некоторые изменения. Так коммуникация стала подразумевать следующие факторы:

- наличие, минимум, двух и более участников-коммуникантов;
- ситуацию (или ситуации), требующую осмысления и понимания;
- тексты, выражающие смысл ситуации в языке или элементах данной семиотической системы;
- мотивы и цели, побуждающие субъектов обращаться друг к другу;
- процесс передачи текстов.

Таким образом, исследователи все чаще обращались к социальной стороне коммуникации как процесса связей и отношений, возникающих в человеческом обществе, обмена информацией и знаниями, переходя к понятию «социальная коммуникация».

Обратимся к значению слова «социальная». Как трактует карта слов и выражений русского языка, «социальный, -ая, -ое» означает:

1) относящийся к обществу, связанный с жизнью и отношениями людей в обществе; общественный;

2) имеющий целью изменение общественных производственных отношений.

Википедия определяет понятие «социальный» – имеющий совокупность приобретённых человеком свойств, способствующих его жизнедеятельности и инкорпорации в социум.

В словаре В.И. Даля, термин трактуется как «общительность, гражданственность, взаимные отношения и обязанности гражданского быта...» [1].

Ю.М. Резник видит понятие «социальная», в общем смысле, и понимает, как данную реальность человеческих взаимоотношений.

Ряд исследователей считает, что такая реальность имеет следующие значения:

1) сверхприродное, сверхорганическое существование человека, находящегося на духовном уровне жизни;

2) общественная, совместная деятельность, способ организации человеческих отношений;

3) совокупность межклассовых отношений в пределах общества или внутри его сфер;

4) сфера государственного (или негосударственного) обеспечения регулирования условий труда и жизни людей [6].

С точки зрения профессионального образования нам ближе «социальный, -ая, -ое» как форма совместной деятельности и организации человеческих отношений. Учитывая выше сказанное можно трактовать понятие «социальная коммуникация» как:

- трансфер и понимание информации различными коммуникативными способами в условиях социума;
- уникальный способ языкового (семиотического) взаимоотношения людей по передаче информации.

Отметим, что в социологии как науке, коммуникация – это форма взаимосвязи предметов нравственной и физической формы мироздания [4]. Часть науки, которая изучает данный процесс именуют как «социальная коммуникация», которая является частью научной дисциплины – социологии и имеет свои методы и формы исследования.

Указанное выше определение не раскрывает полной сути всех составляющих социальной коммуникации по той причине, что сильно воздействие отдельных теорий и принципов на среду коммуникативной деятельности.

В данном научном направлении должен пройти довольной значимый промежуток времени для нахождения паритетности в представлении социологии коммуникации. При этом только, преимущественно, системный анализ среди разнообразных теоретических позиций раскрывает суть социальной коммуникации.

В настоящее время профессиональная деятельность обусловлена быстрыми трансформациями и нуждается в профессионалах готовых меняться так же быстро. Современный специалист находится в информационно-коммуникативной среде, где в зависимости от ситуации нужно быстро принимать те или иные роли. Данный факт коренным образом изменяет цель и статус образования. Коммуникативная компетентность, креативность, непредвзятость выходят на первый план в профессиональном образовании и характеризуют специалиста как человека, умеющего думать и чувствовать изменения в профессиональной деятельности, видеть направления профессионального развития в постоянно изменяющейся среде.

Теоретический анализ российской и зарубежной нормативной документации, педагогической, методической и специальной литературы показал, что к современному профессиональному образованию предъявляется ряд требований в контексте социальной коммуникации, то есть существуют характеристики для социокультурной компетентности.

Известно, что существуют международные организации, которые проводят сертификацию инженерных образовательных программ, с целью определения качества обучения выпускающих вузов и признания класса специалистов международного уровня. Самыми значи-

мыми такими организациями являются FEANI (Европа), CEAB (Канада), ABET (Австралия). На рисунке 1 отражены требования, которые предъявляются в профессиональном образовании, с точки зрения социальной коммуникации.

FEANI (Европа)	CEAB (Канада)	ABET (Австралия)
коммуникативные навыки;	Коммуникативные навыки;	Навыки эффективной коммуникации с любой аудиторией;
понимание сущности профессии инженера	способность оценить социальные последствия внедрения продуктов инженерной деятельности	способность выявить этическую и профессиональную ответственность в инженерных решениях, принимать адекватные решения в глобальном, экономическом, социокультурном контекстах
Этика и профессиональная ответственность инженера перед общественной безопасностью	Разработка и оценка результатов устойчивого развития и индикаторов рационального использования окружающей среды	Умение распознавать текущие нужды в новых знаниях и выбирать соответствующие стратегии обучения и применения этих знаний
Влияние инженерной деятельности на экономическое, социальное, культурное, экологическое и устойчивое развитие	Учет глобальных, региональных, местных и общественных ценностей при разработке нового продукта	Умение действовать как член команды или ее лидер, ставить цели, соблюдать сроки и создать плодотворную рабочую среду

Рис. 1. Требования сертификационных организаций для определения звания специалиста международного уровня

Таким образом, учитывая сказанное, будет уместным рассмотреть понятие «социальная коммуникация» с точки зрения компетентностного подхода. Под компетентностью понимается способность использовать свои полученные в процессе обучения знания, умения и навыки в профессиональной адаптации и реализации. Иначе, уровень знаний, достаточный для выполнения любых профессиональных задач в быстроизменяющихся современных условиях должен быть обеспечен компетентностью выпускника вуза. Следовательно, понятие «социальная коммуникация» – понятие собирательное в широком смысле, вбирающее в себя суть межличностных отношений и отношений с окружающим миром, выступает как результат саморазвития, воспитания, личного роста и жизненного опыта.

Очевидно, что в процессе обучения каждый студент любого вуза неминуемо используют социальную коммуникацию, которая является интегративной социально-культурно-профессиональной компетенцией, как часть профессиональных компетенций, формирующихся на протяжении всей профессиональной жизни, в течение обучения (применительно к вузу) на каждой учебной дисциплине, с помощью всего профессорско-преподавательского состава и креативно-творческой жизни студентов.

В инженерном вузе социальная коммуникация является неотъемлемой частью профессиональной подготовки и выражается как в учебных действиях обучающегося, так и в содержании и методах преподавания всех дисциплин.

Литература

1. Даль, В.И. Иллюстрированный толковый словарь живого великорусского языка: Иллюстрированный

толковый словарь русского языка: А – Я / В.И. Даль; [подгот. текста, современная версия А. Тереховой]. – Москва: Эксмо, 2008. – 895 с.

2. Кули Ч.Х. Общественная организация. Изучение углубленного разума. //Тексты по истории социологии XIX–XX веков. Хрестоматия. – М.: Наука, 1994.
3. Луман, Н. Общество общества / Никлас Луман; перевод с немецкого под редакцией Олега Никифорова и Александра Антоновского. – Москва: Логос, 2011.-Кн. 1–3: Общество как социальная система. Медиа коммуникация. Эволюция. – 2011. – 639 с.
4. Основы теории коммуникации: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 020300 «Социология» / [М.А. Василик и др.]; под ред. М.А. Василика. – Москва: Гардики, 2007. – 615 с.
5. Раренко М.Б., «Коммуникация»: к вопросу об истории слова в русском языке / Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики, № 2, 2020]
6. Резник, М.В. Понятие «социальное» в современной философии и науке. // Вопросы социальной теории. 2008. Том II. Вып. 1(2).
7. Чамкин, А.С. Социология коммуникации [Текст]: учебное пособие / А.С. Чамкин. – Москва: ИНФРА-М, 2013. – 293, [1] с.

THE CONCEPT OF «SOCIAL COMMUNICATION» IN VOCATIONAL EDUCATION

Mezentseva L.V., Ermakov M.A.,

Perm National Research Polytechnic University, Kogalym Educational Center (branch)

This article considers such a concept as «social communication» as an integrative socio-cultural and professional competence, as part

of the professional competencies that are formed throughout professional life, during training. Reveals this concept through the concept of «communication» in vocational education and the definition of «social». A modern specialist is in an information and communication environment that requires quick decision-making. This fact radically changes the purpose and status of education. Communicative competence, creativity, impartiality come to the fore in vocational education and characterize a specialist as a person who knows how to think and feel changes in professional activity. At the same time, the education of the individual implies an active participation in the creation of the information society, and sufficient resilience so that in case of personal failures, not give up, but look for new opportunities, which in fact is social communication. Social communication is an integral part of professional training and is expressed both in the educational actions of the student and in the content and methods of teaching all disciplines.

Keywords: Social, communication, social communication, competence, training, communication, professional competencies, professional education.

References

1. Dahl, V.I. Illustrated explanatory dictionary of the living great Russian language: Illustrated explanatory dictionary of the Russian language: A – Ya / V.I. Dahl; [prepared text, modern version by A. Terekhova]. – Moscow: Eksmo, 2008. – 895 p.
2. Cooley C. Kh. Social organization. Study of the deep mind. // Texts on the history of sociology of the XIX–XX centuries. Reader. – Moscow: Nauka, 1994.
3. Luhmann, N. Society of society / Niklas Luhmann; translation from German edited by Oleg Nikiforov and Alexander Antonovsky. – Moscow: Logos, 2011. Books 1–3: Society as a social system. Media communication. Evolution. – 2011. – 639 p.
4. Fundamentals of Communication Theory: a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty 020300 “Sociology” / [M.A. Vasilik et al.]; edited by M.A. Vasilik. – Moscow: Gardariki, 2007. – 615 p.
5. Rarenko M. B., “Communication”: on the history of the word in the Russian language / Bulletin of PNRPU. Problems of Linguistics and Pedagogy, No. 2, 2020]
6. Reznik, M.V. The concept of “social” in modern philosophy and science. // Questions of social theory. 2008. Volume II. Issue. 1 (2).
7. Chamkin, A.S. Sociology of communication [Text]: a tutorial / A.S. Chamkin. – Moscow: INFRA-M, 2013. – 293, [1] p.

Демин Игорь Святославович,

доктор экономических наук, профессор кафедры
искусственного интеллекта, Финансовый университет при
Правительстве РФ
E-mail: idemin@fa.ru

Самсонкин Максим Олегович,

магистр, кафедра искусственного интеллекта, Финансовый
университет при Правительстве РФ
E-mail: 232546@edu.fa.ru

В статье представлен комплексный подход к сентимент-анализу новостных текстов в мессенджерах, сфокусированный на русскоязычных Telegram-каналах, чья роль как источника новостей значительно возросла. Подчеркивается актуальность анализа эмоциональной окраски новостей и их восприятия аудиторией ввиду влияния на общественное мнение. Описывается разработка модели сентимент-анализа с использованием методов глубокого обучения (в частности, архитектур на основе BiLSTM и Attention), адаптированной к специфике коротких новостных постов в Telegram. Особое внимание уделяется инновационному использованию эмодзи-реакций пользователей как ценного и гранулярного источника данных об эмоциональном восприятии контента, дополняющего текстовый анализ. Детально рассматриваются этапы предобработки текста и эмодзи, включая лемматизацию и векторизацию с помощью современных NLP-инструментов (библиотека Natasha). Проведен сравнительный анализ эффективности предложенной модели с классическим решением (RuBERT) на реальных данных, продемонстрировавший её преимущества в точности и адекватности оценки сентимента. Результаты подтверждают высокий потенциал интеграции анализа эмодзи-реакций и открывают перспективы для дальнейшего совершенствования методов анализа контента в мессенджерах, включая учет медиафайлов и разработку более интерпретируемых моделей.

Ключевые слова: сентимент-анализ, Telegram, новостные тексты, глубокое обучение, эмодзи-реакции.

Введение

С начала 2020-х годов интерес к новостям и общий новостной фон в русскоязычном сегменте претерпели значительные изменения. Ряд резонансных событий в политической сфере стал причиной того, что россияне все активнее обращаются к разнообразным источникам актуальной информации. [13] По данным Фонда «Общественное мнение», в 2020 году поисковые сети составляли 39% от общего объема потребления новостного контента, тогда как мессенджеры занимали лишь 7%. Однако динамика развития, в частности, популярность Telegram, привела к тому, что уже в 2024 году мессенджеры стали основным источником новостей с долей 24%, в то время как поисковые сети снизили свою долю до 20%. Эти изменения свидетельствуют о существенных структурных сдвигах в медийном пространстве. [9]

Наиболее популярным мессенджером у россиян, обладающим большой сетью каналов как источников информации, является Telegram. [8] Именно Telegram стал, по мнению пресс-секретаря Президента РФ Д. Пескова «главным источником получения информации в нашей стране». [10]

Становление Telegram в качестве доминанты новостного пространства в русскоязычном сегменте и постоянное смещение этого пространства в последние годы делает вполне актуальной задачу исследование Telegram-каналов и их содержания. Действительно, в научном сообществе пока еще существует недостаток исследований по этой тематике.

Исследование новостных статей вообще – это исследование не только содержания данных статей, что, безусловно важно в лексическом, семантическом, синтаксическом и прочих подходах, но и это исследование тональной окраски текста – то, как данный текст будет восприниматься пользователями мессенджера. Будет ли он восприниматься как позитивный, вызывающий страх, ассоциирующийся с любовью или негативный – на эти вопросы отвечает сентимент-анализ. Для новостных текстов этот анализ является одним из приоритетных, потому что содержание новостей в настоящее время оказывает серьезное влияние на психику людей, а значит и на их поведение, восприятие действительности как таковой. [7]

Основная часть

Имеются различные подходы к анализу сентимента текста. Это и лексические подходы, основанные на словарях тональности (dictionary-based methods), и различные модельные подходы (machine learning-based methods), эволюционным развитием которых являются методы глубокого обучения (deep learning-based methods), соответствующие современным трендам обработки естественного языка и построения нейросетевых моделей. Их преимущество в высокой точности, глубоком понимании изучаемого контекста и умение работать с текстом как таковым с минимальными преобразованиями, без предварительного извлечения признаков из него, что делает применение этого метода универсальным. [14]

Можно предположить, что данный метод подойдет и для изучения и моделирования сентимента новостных

текстов в Telegram. Информация в новостных каналах Telegram распространяется в виде постов, содержащих различную информацию: текст, медиаконтент, ссылки и цитаты из источников, а также реакции пользователей на этот пост. [4] Реакции могут выражаться в виде комментариев и эмодзи-реакций, которые находятся в нижней части поста (рис. 1).

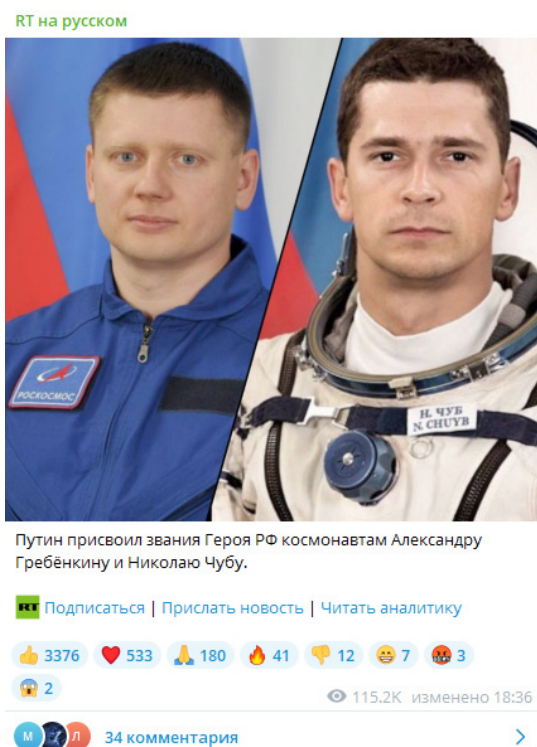

Рис. 1. Пример поста Telegram-канала.

Составлено авторами на основе источника [5]

Эмодзи-реакции являются ценным источником информации о тональности текста и их использование для моделирования сентимента может дать более гранулярную, точную и репрезентативную оценку:

- гранулярность обеспечивается большим количеством самих эмодзи-реакций, каждая из которых выражает конкретную тональность, в отличие от классических моделей анализа сентимента, делящих выражение тональности только трех видов: положительно – нейтрально – отрицательно;
- точность обеспечивается указанием данных реакций (если они доступны) в постах канала самими пользователями, их простотой сбора и интерпретации (если они являются эмодзи из стандартного набора эмодзи и не включают пользовательские «кастомные» вариации), адаптации модели к особенностям текстов в Telegram (короткой длине текста, использованию не всегда формальной лексики), что существенно отличает их от классических СМИ, на текстах которых обычно обучаются подобные модели;
- репрезентативность обеспечивается большими охватами новостных Telegram-каналов и вовлеченностью пользователей в выставления реакций.

Для того, чтобы возможно было корректно анализировать тональность текстов Telegram-каналов и воспользоваться вышеперечисленными преимуществами, нужно, чтобы:

- канал был активен некоторое продолжительное время (как минимум 2 года);
- канал публиковал посты информационно-новостного содержания, где текст является доминирующей со-

ставляющей (медиаконтент не должен заменять собой текст);

- в канале были доступны для использования эмодзи-реакции и их набор не включал в себя «кастомные» эмодзи, которые созданы самими пользователями, так как их интерпретация невозможна, сам список доступных эмодзи должен быть примерно стабилен во времени;
- канал был открытым для доступа к экспорту информации;
- канал имел одни из самых высоких охватов в сегменте новостных СМИ.

Узнать соответствие канала последнему критерию может помочь ресурс TGStat (табл. 1).

Таблица 1. Рейтинг Telegram-каналов по величине охвата поста в категории «Новости и СМИ». Жирным шрифтом отмечены каналы, подходящие под критерии источников данных для исследования. Составлено авторами на основе источника [12]

№	Название канала	Кол-во подписчиков	Средний охват одного поста
1	Mash	3 165 039	1.1m
2	Топор Live	4 148 895	841.5k
3	Прямой Эфир • Новости	3 497 773	784.7k
4	Новости Москвы	2 178 418	674.6k
5	РИА Новости	3 377 794	664k
6	Baza	1 607 052	562k
7	Москвич • Новости Москвы	3 372 327	538.8k
8	Раньше всех. Ну почти.	1 902 488	536.1k
9	Госуслуги	1 094 073	529.8k
10	Осторожно, новости	1 605 647	467.5k
11	Readovka	2 720 755	450.7k
12	Москва Live	2 463 341	444.9k
13	Varlamov News	1 184 796	395.2k
14	ВПШ	1 473 055	391k
15	SHOT	1 247 707	382.9k
16	Поздняков 3.0	709 463	382.5k
17	ЗАРУБИН	445 615	334.2k
18	Kit	25 335	320.1k
19	Два майора	1 229 604	279.9k
20	ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ IPO	364 420	274.7k

Так, для анализа можно использовать канал «Топор Live», который имеет охваты, близкие к 1 млн просмотров одного поста, являясь самым просматриваемым каналом в категории «Новости и СМИ», соответствующим критериям отбора для сентимент-анализа.

Telegram имеет легкий и быстрый инструмент экспорта данных постов канала в формате json через графический интерфейс приложения для Windows. Используя его, можно получить данные о дате поста, тексте, медиафайлах и эмодзи-реакциях. Из данных можно удалить все нетекстовые элементы – эмодзи, ссылки на другие каналы, различное форматирование, а реакции можно

привести от количества к доле от общего количества. Таким образом, работа с данными Telegram заканчивается и их можно использовать для задач преобразования и моделирования.

Для любой текстовой модели важен объем этого самого текста – от этого зависит в первую очередь выбор архитектуры и особенности работы с ней. В канале «То-

пор Live» медиана длины текста составляет 21 слово, среднее – ~28 слов (рис 2). Это небольшие тексты, где, однако важно каждое слово и очень важно не потерять контекст, поэтому для построения нейросетевой модели анализа сентимента хорошо подойдут двунаправленные рекуррентные слои LSTM или GRU.

Рис. 2. Распределение количества слов в постах канала «Topor Live»

Составлено авторами

Таким образом, хорошая предобработка текста для моделирования будет включать в себя его токенизацию, избавление от зашумления (служебных частей речи, не несущих ценной информации), лемматизации (для усечения объема словаря), векторизацию с помощью предобученных эмбеддингов. Для всего этого возможно использование библиотеки Natasha для языка программирования Python; она отлично справляется с широким кругом задач NLP на русском языке. [11]

К вопросу обработки целевой переменной, а именно вектора эмодзи-реакций, нужно подходить исходя из того, по какому закону вообще пользователи ставят реакции. Возможно, на постах существует одна явно-доминирующая реакция, одна реакция, дополняющая ее или противоположная ей, а остальные реакции не вносят достаточной тональной окраски для значимости. Для этого проанализируем, в каких диапазонах находится реакция с самой большой долей в постах (топ-1 реакция), вторая и третья по убыванию (топ-2 и топ-3) и оставшиеся (рис. 3).

Концентрация реакций: Topor Live

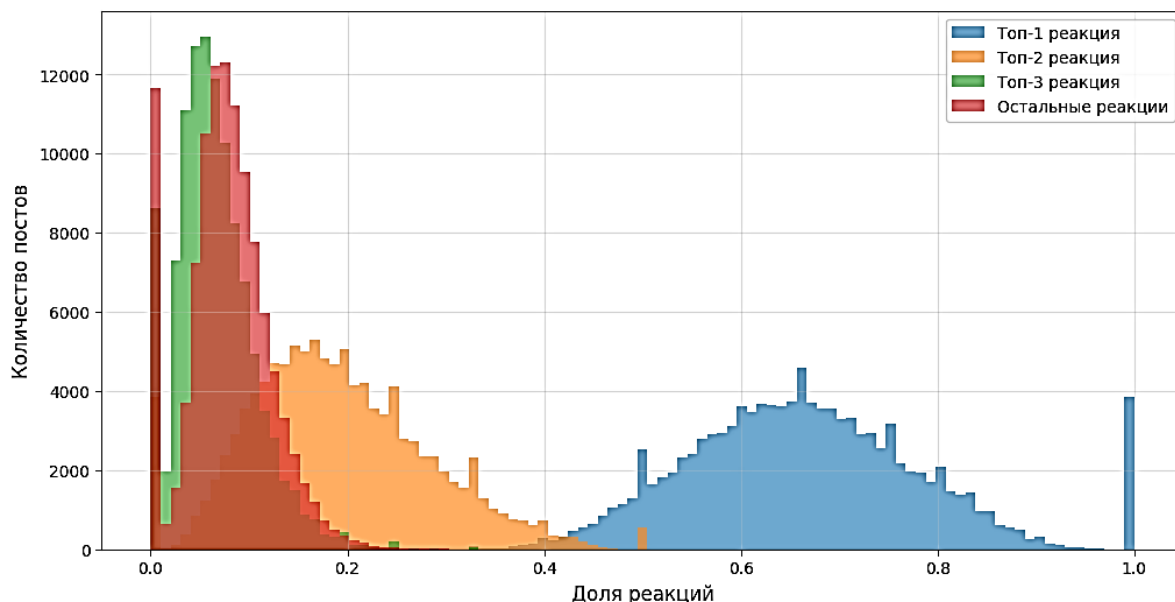

Рис. 3. Распределение самых частых реакций на посты в канале «Топор Live»

Составлено авторами

Анализ показывает, что доминирующая эмодзи-реакция в постах Telegram составляет от 60 до 70% от общего количества реакций, что указывает на её решающее влияние на эмоциональную окраску сообщения. При этом вторая по популярности реакция варьиру-

ется в пределах 10–30%, что позволяет предположить, что две наиболее часто встречающиеся реакции вместе отражают примерно 80% эмоционального тона текста. Иначе говоря, модели анализа тональности важно точно предсказать именно эти позиции, поэтому в качестве метрики оптимизации возможно использовать не Accuracy

в классическом виде, а TopKCategoryalAccuracy с k=2, то есть не точность предсказания всех эмодзи сразу, а точность прогнозирования двух самых значимых, поскольку точность в остальных классах не имеет значения для понимания тональности текста.

Но какие эмодзи являются наиболее популярными и возможна ли будет их интерпретация? Анализ топ-10 представлен в Таблице 2, по которой видно, что наиболее популярными эмодзи-реакциями являются стандартные эмодзи «палец вверх», «клоун», «палец вниз» и прочие, которые интерпретируются просто и не имеют множества трактований, в зависимости от ситуации.

Таблица 2. Топ-10 эмодзи-реакций в канале «Топор Live» по убыванию доли в общем количестве. Составлено авторами

Реакция	Интерпретация	Доля
👍	«поддержка», «позитив»	34.4%
😏	«глупость», «несуразица»	22.8%
😂	«сильный смех», «веселость»	12.0%
👎	«неприятие», «гнев»	5.7%
🗨	«оппозиция», «негатив»	3.9%
😞	«печаль», «тоска»	3.3%
😄	«смех», «веселость»	3.1%
🤢	«отвращение», «мерзость»	2.6%
😲	«сильное удивление»	2.3%
❤	«любовь», «красота»	1.9%

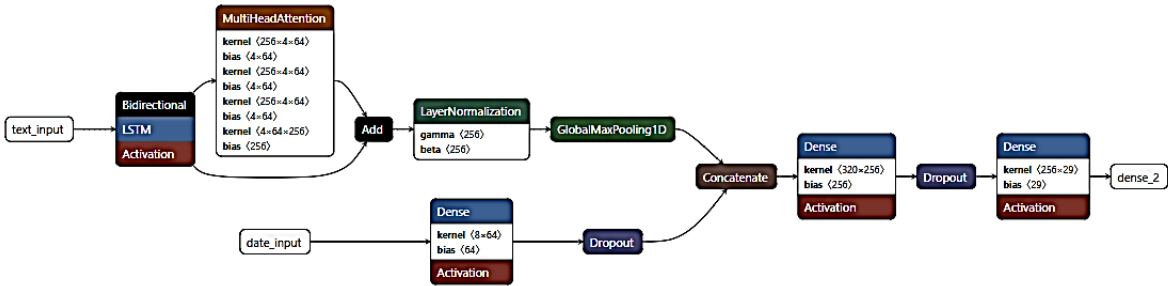

Рис. 4. Архитектура нейронной сети для sentiment-анализа новостных постов в Telegram на данных канала «Топор Live». Составлено авторами с помощью сервиса Netron [2]

Модель была обучена на виртуальной машине с видеоадаптером NVIDIA A100 (40 GB) и 83,5 GB RAM.

Точность по метрике TopKCategoryalAccuracy (k=2) на тестовой выборке по результатам обучения составила 77,6%. Для проверки адекватности были использованы реальные посты Telegram с канала «Прямой Эфир • Новости», который является следующим по охватам в дан-

ной категории после «Топор Live», которые мы сравнили с классической моделью sentiment-анализа, одной из которых является – rubert-base-cased-sentiment. [3] Мы взяли 10 постов за 21 марта 2025 г., опубликованных подряд – это будет out-of-time тестирование, так как текущая дата не входила в обучающий и тестовый датасет (табл. 3).

Таблица 3. Сравнение модели на данных Telegram и RuBERT в sentiment-анализе новостных постов в канале «Прямой Эфир • Новости» [6]

Дата, время	Часть текста поста	Реальные реакции	Предсказания модели на данных Telegram	Предсказания RuBERT
21.03.2025, 0.03	«Готов всех собачников облить бензином и сжечь» ...	👍 – 61% 👎 – 19% Пр. – 20%	👍 – 43% 👎 – 22% Пр. – 35%	POS – 7% NEI – 18% NEG – 75%
21.03.2025, 8.23	ВСУ ночью ударили по ГИС «Суджа», через которую газ из России шёл в Европу...	👍 – 72% 👎 – 12% Пр. – 16%	👍 – 35% 😂 – 22% Пр. – 43%	POS – 7% NEI – 18% NEG – 75%
21.03.2025, 9.29	Киев попытался совершить акт ядерного терроризма через атаки на Курскую АЭС, повлекшей повреждение хранилища отработанного ядерного топлива, сообщили в СК	👍 – 82% 👎 – 9% Пр. – 9%	😏 – 54% 👍 – 20% Пр. – 26%	POS – 7% NEI – 18% NEG – 75%
21.03.2025, 10.07	Магазины в России не могут выдавать сдачу склеенными скотчем купюрами, заявили в Центробанке...	👍 – 69% 👎 – 13% Пр. – 18%	👍 – 49% 😂 – 33% Пр. – 18%	POS – 7% NEI – 18% NEG – 75%
21.03.2025, 11.38	В продукции ряда российских производителей нашли запрещённые добавки, пишут СМИ...	👍 – 81% 👎 – 8% Пр. – 11%	😏 – 30% 😏 – 23% Пр. – 47%	POS – 15% NEI – 82% NEG – 3%
21.03.2025, 12.16	Google оплатил около 40% штрафов – сообщили в Роскомнадзоре...	👍 – 74% 😏 – 11% Пр. – 15%	👍 – 41% 😏 – 34% Пр. – 25%	POS – 7% NEI – 18% NEG – 75%

Дата, время	Часть текста поста	Реальные реакции	Предсказания модели на данных Telegram	Предсказания Ru-BERT
21.03.2025, 12.45	90% протеина на маркетплейсах продается с нарушениями, – Роскачество...	👍 – 73% 👎 – 11% Пр. – 16%	👍 – 42% 👎 – 19% Пр. – 38%	POS – 15% NEI – 82% NEG – 3%
21.03.2025, 13.05	Синоптики сообщили, что климатическая весна официально наступила в Москве...	👍 – 82% ❤️ – 7% Пр. – 11%	👍 – 22% 👎 – 22% Пр. – 56%	POS – 21% NEI – 75% NEG – 4%
21.03.2025, 13.24	Ранний подъём снижает риск депрессии, показало исследование...	👍 – 61% 👎 – 19% Пр. – 20%	👍 – 55% 👎 – 14% Пр. – 31%	POS – 87% NEI – 10% NEG – 3%
21.03.2025, 13.30	ЦБ РФ в третий раз подряд сохранил ключевую ставку на уровне в 21% годовых...	👍 – 40% 👎 – 28% Пр. – 32%	👍 – 33% 👎 – 17% Пр. – 50%	POS – 15% NEI – 82% NEG – 3%

Составлено авторами

Выводы

Результаты тестирования показали преимущества построенной модели над уже имеющимся решением (Ru-BERT), которому не удается понять глубину контекста и которое не адаптировано под современные семантические окраски и структуры новостных текстов.

В итоге представлен эффективный подход к анализу сентимента новостных текстов в мессенджерах. Для дальнейшего развития исследований предлагается:

- повысить точность моделей за счёт усложнения архитектур нейронных сетей и расширения обучающего датасета за счёт данных из других каналов;
- увеличить прозрачность и интерпретируемость полученных результатов;
- интегрировать информацию о медиафайлах, сопровождающих новостные тексты, в качестве дополнительных переменных.

Литература

1. Keras [Электронный ресурс] URL: <https://keras.io/> (дата обращения: 22.03.2025)
2. Netron [Электронный ресурс] URL: <https://netron.app/> (дата обращения: 22.03.2025)
3. RuBERT for Sentiment Analysis [Электронный ресурс] URL: <https://huggingface.co/blanchefort/rubert-base-cased-sentiment> (дата обращения: 22.03.2025)
4. Telegram Channels [Электронный ресурс] URL: <https://telegram.org/tour/channels?setln=ru> (дата обращения: 21.03.2025)
5. Telegram-канал «RT на русском» [Электронный ресурс] URL: https://t.me/rt_russian (дата обращения: 21.03.2025)
6. Telegram-канал «Прямой Эфир • Новости» [Электронный ресурс] URL: https://t.me/novosti_efir (дата обращения: 22.03.2025)
7. Анташева М. С., Лобанова П.А., Исаева Ю.К., Сабидаева Е.А., Пиекалнитс А.С., Логинова И.В. Сентимент-анализ как метод исследования информационной повестки и общественного мнения (на примере СМИ и социальных сетей КНР) // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2023. – № 57, 7–41.
8. Бондаренко О.В. Телеграмм-каналы как новый вид коммуникации с общественностью // Век информации. – 2018. – № 2–2, 170–172.

9. Источники новостной информации: интернет [Электронный ресурс] URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/15154> (дата обращения: 21.03.2025)
10. Песков: Telegram стал главным источником получения информации в России [Электронный ресурс] URL: <https://tgstat.ru/ratings/channels/news?sort=reach> (дата обращения: 21.03.2025)
11. Проект Natasha – набор Python-библиотек для обработки текстов на естественном русском языке [Электронный ресурс] URL: <https://natasha.github.io/?ysclid=m87psjd9oh710582130> (дата обращения: 22.03.2025)
12. Рейтинг Telegram-каналов [Электронный ресурс] URL: <https://tgstat.ru/ratings/channels/news?sort=reach> (дата обращения: 21.03.2025)
13. Россияне стали в два раза чаще интересоваться новостями [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67dc16469a7947c2086e3238?ysclid=m8mry577eo468239646> (дата обращения: 21.03.2025 г.)
14. Семенова М.О. Подходы к сентимент-анализу. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 12(867), 83–87.

APPROACH TO SENTIMENT ANALYSIS OF NEWS TEXTS IN MESSENGERS

Demin I.S., Samsonkin M.O.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article presents a comprehensive approach to sentiment analysis of news texts in messengers, focusing on Russian-language Telegram channels, which have significantly grown as primary news sources. It highlights the relevance of analyzing the emotional tone of news and its audience reception due to its impact on public opinion. The study describes the development of a sentiment analysis model using deep learning methods (specifically, architectures based on BiLSTM and Attention), tailored to the characteristics of short news posts on Telegram. Special emphasis is placed on the innovative use of user emoji reactions as a valuable and granular data source for emotional perception, complementing text analysis. Text and emoji preprocessing steps are detailed, including lemmatization and vectorization using modern NLP tools (Natasha library). A comparative analysis evaluates the proposed model's effectiveness against a classical solution (RuBERT) using real-world, out-of-time data, demonstrating its superior accuracy and adequacy in sentiment assessment. The results confirm the high potential of integrating emoji reaction analysis and open prospects for further advancing content analysis methods in messengers, including incorporating media file analysis and developing more interpretable models.

Keywords: sentiment analysis, Telegram, news texts, deep learning, emoji reactions.

References

1. Keras [Electronic resource] URL: <https://keras.io> / (date of request: 03/22/2025)
2. Netron [Electronic resource] URL: <https://netron.app> / (date of request: 03/22/2025)
3. RuBERT for Sentiment Analysis [Electronic resource] URL: <https://huggingface.co/blanchefort/rubert-base-cased-sentiment> (date of request: 03/22/2025)
4. Telegram Channels [Electronic resource] URL: <https://telegram.org/tour/channels?setIn=ru> (date of access: 03/21/2025)
5. Telegram channel "RT in Russian" [Electronic resource] URL: https://t.me/rt_russian (date of request: 03/21/2025)
6. Telegram channel "Live Broadcast • News" [Electronic resource] URL: https://t.me/novosti_efir (date of request: 03/22/2025)
7. Antasheva M. S., Lobanova P. A., Isaeva Yu. K., Sabidaeva E. A., Piekalnits A. S., Loginova I. V. Sentiment analysis as a method of studying the information agenda and public opinion (on the example of the media and social networks of the PRC) // *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling*. – 2023. – № 57, 7–41.
8. Bondarenko O. V. Telegram channels as a new type of communication with the public // *The age of information*. – 2018. – № 2–2, 170–172.
9. Sources of news information: the Internet [Electronic resource] URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/15154> (date of access: 03/21/2025)
10. Peskov: Telegram has become the main source of information in Russia [Electronic resource] URL: <https://tgstat.ru/ratings/channels/news?sort=reach> (accessed: 03/21/2025)
11. The Natasha project is a set of Python libraries for text processing in natural Russian language [Electronic resource] URL: <https://natasha.github.io/?ysclid=m87psjd9oh710582130> (accessed: 03/22/2025)
12. Rating of Telegram channels [Electronic resource] URL: <https://tgstat.ru/ratings/channels/news?sort=reach> (date of access: 03/21/2025)
13. Russians have become twice as often interested in news [Electronic resource] URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/67dc16469a7947c2086e3238?ysclid=m8mry577eo468239646> (accessed: 03/21/2025)
14. Semenova M. O. Approaches to sentiment analysis. // *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*. – 2022. – № 12(867), 83–87.

Современные медико-биологические методы комплексной диагностики по управлению тренировочным процессом бегунов среднего возраста

Шестакова Татьяна Алексеевна,

кандидат педагогических наук, доцент, ТГПУ им. Л.Н. Толстого
E-mail: agragor52@mail.ru

Уварова Светлана Владимировна,

аспирант, Российский государственный университет
физической культуры, спорта молодежи и туризма
E-mail: Svetasvetlyak@bk.ru

В статье рассматриваются современные медико-биологические методы, применяемые для комплексной диагностики функционального состояния и адаптационных возможностей бегунов среднего возраста с целью оптимизации тренировочного процесса. Обосновывается значимость использования комплексного подхода, включающего анализ состава тела, пульсометрию, гемодинамические исследования, анализ вариабельности сердечного ритма, биохимический и метаболический контроль. Особое внимание уделяется применению цифровых технологий. Представленные методы направлены на обеспечение безопасности и эффективности тренировочного воздействия, профилактику перетренированности и повышение спортивной результативности у спортсменов данной возрастной группы.

Ключевые слова: легкая атлетика, комплексный контроль, бег, средний возраст, медико-биологическая диагностика, носимые устройства, пульсометрия, кровообращение, анализатор состава тела/

На современном этапе сферы физической культуры, любительского и профессионального спорта находятся на этапе активных преобразований. Это обусловлено высокими темпами научно-технического прогресса и удешевлением цифрового инструментария, повышением его доступности для тренеров, спортивных организаций и самих спортсменов. Инновации в спорте показывают высокую эффективность, благоприятно влияют на качество диагностики состояния здоровья спортсмена и повышают эффективность тренировочного, соревновательного, реабилитационного процессов [10].

Современный этап развития легкой атлетики также характеризуется активным внедрением инновационных технологий, охватывающих все ключевые компоненты спортивной деятельности – от отбора и начальной подготовки спортсменов до обеспечения максимальной реализации их соревновательного потенциала. В условиях нарастающей конкуренции на международной спортивной арене становится очевидной необходимость перехода от традиционных методов подготовки к комплексной системе, основанной на интеграции научных достижений, цифровых технологий и междисциплинарных подходов. Инновационная трансформация легкой атлетики выступает не только следствием научно-технического прогресса, но и как необходимое условие повышения результативности, устойчивости к стресс-факторам, характерным для соревновательной деятельности, и prolongation спортивного долголетия легкоатлетов-бегунов. В связи с этим представляется *актуальным* систематизировать направления применения инновационных технологий в легкой атлетике и оценить их вклад в модернизацию методологических основ подготовки спортсменов.

Анализ научных разработок в соответствующей области, а также наблюдение за реальной отечественной и зарубежной практикой в области легкой атлетики позволяет сделать вывод о том, что все инновации, применяемые на сегодняшний день в спорте, условно можно разделить на следующие группы (Рисунок 1).

Особое внимание следует уделить вопросам «оцифровки» комплексного контроля состояния здоровья спортсмена. Комплексный контроль позволяет выявить сильные и слабые стороны спортсмена, оценить эффективность тренировки, скорректировать тренировочный процесс и оценить корректность выбранной тренировочной стратегии. Как отмечают Г.И. Семёнова и В.Д. Иванова, комплексный контроль в общем виде можно определить как «совокупность организационных мероприятий для оценки различных сторон подготовленности спортсменов, реакций организма на тренировочные и соревновательные нагрузки, эффективности тренировочного процесса, учета адаптационных перестроек функций организма спортсменов» [9, с. 205]. В систему комплексного контроля принято включать следующие виды контроля (Таблица 1).

Следует отметить, что современные медико-биологические методы комплексной диагностики по управлению тренировочным процессом бегунов среднего возраста затрагивают каждый из перечисленных выше типов контроля и применяются на каждом из этапов спортивной подготовки легкоатлетов.

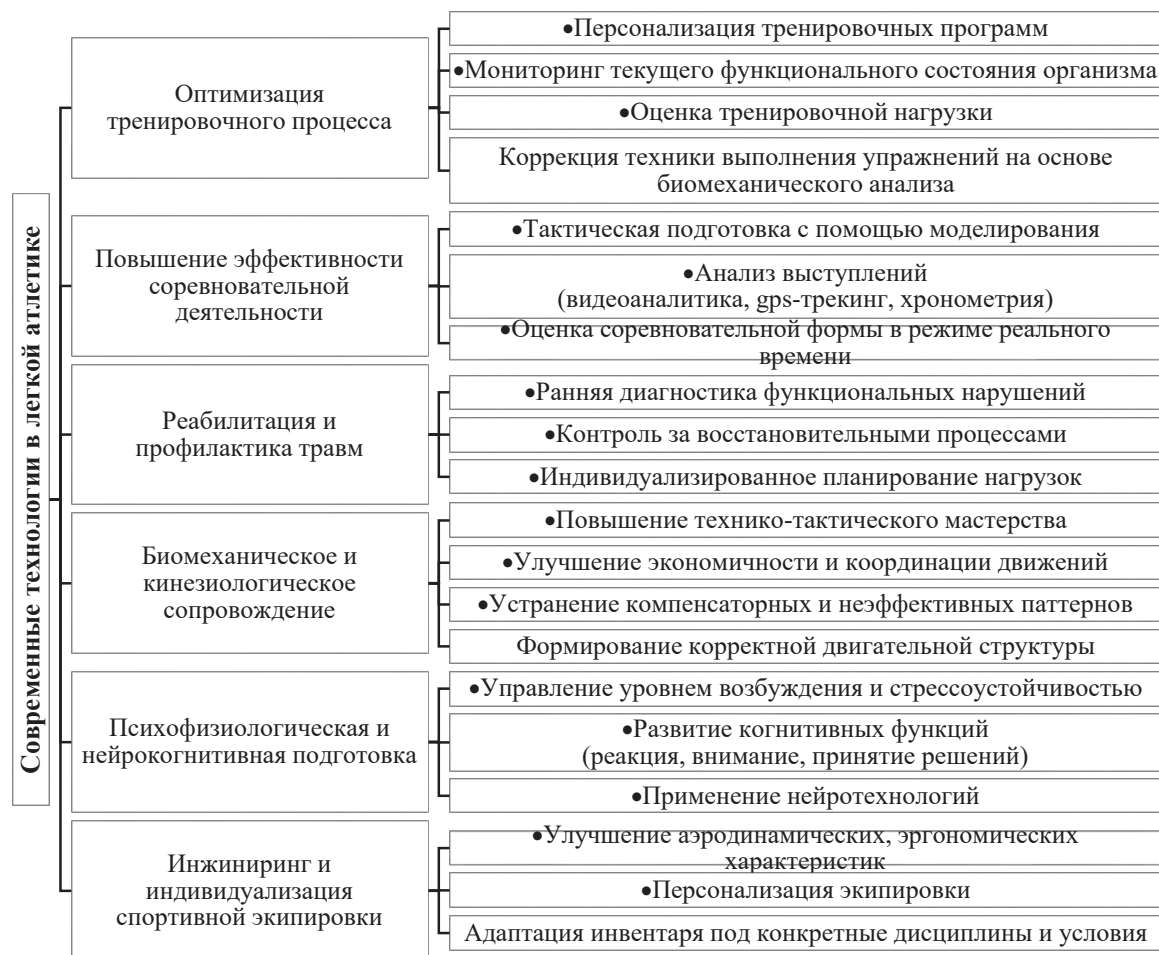

Рис. 1. Направления использования современных технологий в области легкой атлетики

Примечание: источник – составлено автором с использованием материалов [1, с. 14]

Таблица 1. Направления комплексного контроля в легкой атлетике

Тип контроля	Содержание и цели
Педагогический	Оценка и анализ средств и методов подготовки, спортивных результатов и поведения спортсменов посредством педагогических наблюдений, тестирований и контрольных упражнений.
Медико-биологический контроль	Методы, направленные на оценку здоровья, функционального состояния организма спортсмена, в т.ч. при нагрузке.
Биомеханический контроль	Средства, методы и алгоритмы по оценке техники выполнения спортивных упражнений и технического мастерства спортсмена.
Психологический	Методы оценки индивидуальных особенностей личности спортсмена, моральных и волевых качеств, темперамента, психомоторных параметров.

Примечание: источник – составлено автором с использованием материалов [9, с. 205]

При организации тренировочного процесса спортсменов-бегунов среднего возраста особую важность представляют медико-биологические методы комплексной диагностики. Тогда как в юношеском и молодом возрасте большую значимость имеют анатомические и психологические предикторы спортивной результативности, морфофункциональные особенности, в среднем возрасте спортсмен-бегун должен быть в большей степени сосредоточен на мониторинге своих медико-биологических параметров. Таким образом можно продлить собственное спортивное долголетие и избежать раннего завершения карьеры. Кроме того, в среднем возрасте – как в целом по популяции, так и в среде спортсменов-легкоатлетов – повышается вероятность ухудшения показателей здоровья. Снижение медицинских показателей – весьма распространенная проблема

среди бегунов среднего возраста, так как интенсивные занятия легкой атлетикой способствуют «изнашиванию» многих физиологических систем организма.

Как указывает Н.А. Фудин с соавт., с биологической и медицинской точек зрения бег можно считать активно воздействующим физиологическим «раздражителем» практически всех функциональных систем организма. Беговые тренировки предполагают выполнение большого объема работы высокой интенсивности, что, в свою очередь, «вызывает в организме резкие возмущения и компенсаторные сдвиги как в плане непосредственной реакции на физическую нагрузку, так и в плане длительного последствия» [11, с. 29].

Отсутствие своевременного и корректного комплексного медико-биологического контроля приводит к неправильному построению тренировочного процесса, насту-

плению декомпенсации, избыточной мышечной активизации, истощению энергетических, пластических структур и механизмов, угнетением активности ферментативной, секреторной и нервной системы [11, с. 29]. Все это в результате влечет за собой необратимые нарушения физиологических функций и повышает травматизм, нередко приводя к завершению карьеры бегуна в среднем возрасте.

При этом снижение нагрузки при тренировках едва ли можно считать панацеей – неоднократно доказано, что тренировочные нагрузки должны приближаться к максимальному пределу адаптационных возможностей. Именно околопредельные физические нагрузки способны формировать прирост функциональных возможностей физиологических систем организма. В данной связи единственным выходом выступает комплексный медико-биологический контроль.

Комплексную медико-биологическую диагностику не следует сужать лишь до измерения и констатации медико-биологических показателей бегуна. Спортсмен, врач, тренер, психолог – все они изучают результаты диагностики и, находясь в постоянном взаимодействии, принимают решения о дальнейшей тренировочной стратегии. Как отмечает В.В. Дрогомерецкий с соавт., комплексная медико-биологическая диагностика включает в себя следующие компоненты: 1) комплексная клиническая диагностика; 2) оценка уровня здоровья и функционального состояния; 3) оценка функционирования сердечно-сосудистой системы; 4) оценка систем дыхания и газообмена; 5) оценка состояния центральной и периферической нервной систем; 6) оценка состояния органов чувств; 7) оценка состояния нервно-мышечного аппарата [4, с. 66].

По мнению О. Оразова и С. Мухаммедова, важным медико-биологическим тестом для бегунов среднего возраста выступает оценка состава тела. Как известно, с возрастом объем мышечной массы сокращается, кости становятся более тонкими и хрупкими, а жировая масса, напротив, имеет тенденцию к увеличению. В данной связи особенно важно применять анализаторы состава тела (к примеру, AccunIQ¹). Подобные анализаторы предоставляют информацию о процентном содержании жира, мышечной массы, уровне гидратации и иных параметров, что позволяет идентифицировать негативные возрастные тенденции в организме спортсмена и, по возможности, свести их к минимуму [8, с. 99]. Подобные испытания могут быть дополнены исследованиями посредством кардиореспираторных аппаратов, динамометров, анализаторов состава тела, тестов на гибкость и подвижность.

Как показывает анализ новейшей литературы, посвященной рассматриваемой нами области, особое внимание следует уделять исследованиям крови, ее состава, динамики, циркуляции. В частности, гемодинамическое исследование, представляющее собой комплексный анализ параметров системной и регионарной циркуляции крови, имеет особую значимость в оценке функционального состояния сердечно-сосудистой системы у бегунов, находящихся в среднем возрасте. У данной группы лиц, продолжающих активные беговые тренировки, возрастные физиологические изменения сочетаются с высокими нагрузками, что требует особенно тщательного контроля гемодинамики.

С возрастом происходит естественное снижение эластичности сосудистой стенки, увеличение общего периферического сосудистого сопротивления, а также сни-

жение чувствительности барорецепторного аппарата. Данные процессы могут не отражаться на соревновательных результатах и быть скомпенсированными посредством натренированности. Тем не менее, подобные отклонения формируют предпосылки для развития перегрузки миокарда, нарушений ритма, транзитной ишемии, а в ряде случаев – приводят к синдрому внезапной смерти из-за остановки сердца.

Гемодинамическое исследование, включающее оценку таких показателей, как сердечный выброс, фракция выброса, индекс периферического сопротивления, венозный возврат, пульсовое давление, позволяет определить степень кардиоваскулярной адаптации к физическим нагрузкам; выявить субклинические формы гипертонии, дисфункции миокарда и сосудистой регуляции; и, наконец, контролировать эффективность тренировочной программы [5, с. 25]. Особенно актуальным в профессиональном спорте является использование инновационных и конвенциональных неинвазивных методов – тредмил-тест с эхокардиографическим сопровождением, тетраполярная реография, импедансная кардиография, ультразвуковая доплерография и проч.

Г.И. Семёнова и В.Д. Иванова предлагают использовать метод кардио-гемодинамического исследования с помощью прибора MAPГ². Во время подобного гемодинамического исследования фиксируются следующие значимые показатели гемодинамики: частота сердечных сокращений, ударный объем, конечно-диастолический объем, систолическое давление, диастолическое давление, частота дыхания, а также относительные показатели с учётом веса человека: ударный индекс, конечно-диастолический индекс, фракция выброса [9, с. 207].

Подобные тесты в большинстве своем направлены на оценку способностей адаптации сердечно-сосудистой системы к нагрузкам и, в данной связи, производятся в усилиях высокой нагрузки. По мнению авторов, оборудование типа «умного» вертикального велоэргометра TechnoGym Bike Forma³ может быть использовано не только для оценки скоростно-силовых способностей, показателей пиковой мощности и силовой выносливости рук и ног, но и для анализа степени адаптации сердечно-сосудистой системы к нагрузкам посредством замеров частоты сердечных сокращений, нагрузки в ваттах, максимального потребления кислорода, анаэробных и аэробных порогов [9, с. 207].

И.Ш. Мутаева с соавт. предлагает использовать аппаратно-программный комплекс «Валента»⁴ для ди-

² Монитор MAPГ 10–01 “Микролюкс” К.5+ <https://microlux.ru/product/monitor-marg-10-01-k5-plus/>

³ Technogym Ride https://www.technogym.com/en-GB/product/technogym-ride_DGC03U.html?utm_source=google&utm_medium=cpc&utm_campaign=W_UK_Technogym_Search_Brand_Related&sfcampid=485815&gad_source=1&gbraid=0AAAAAD-SsST-F87NpeKLxDQq7YBLgw_Jra&gclid=EAlaIqobChMI5yXl6LzjAMVRZKDBx23jAZYEAAYASAAEgKB-vD_BwE&gclidsrc=aw.ds

⁴ Комплекс аппаратно-программный для велоэргометрических исслед. Валента <https://medmart.pro/products/kompleks-apparatno-programmnyj-valenta-dlya-provedeniya-issledovaniy-funktsionalnoj-dagnostiki-v-sostave-pbs-01-ekg-vmf#:~:text=%D0%92%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%8D%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%82%D1%80%20%D0%92%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%B0%D1%82%D0%B0%22%D0%B0%D1%82%D0%B0%22%D0%B0%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%BD%D0%BE%2D%D0%B2%D0%BE%20%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D1%8F%20%D0%B0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%BD%D0%B0%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%B7%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B1.>

¹ Анализатор состава тела – ACCUNIQ <https://www.accunIQ.ru/>

агностики работы сердечно-сосудистой системы бегунов. Данный комплекс позволяет сделать следующие реографические измерения: минутный объем крови, сердечный индекс, общее периферическое сопротивление, удельное периферическое сопротивление, давление наполнения левого желудочка, ударный объем крови, минутный объем крови, ударный индекс, частота сердечных сокращений [7, с. 113].

По мнению А.В. Башкиной-Габрусской, метод пульсометрии – количественной оценки частоты сердечных сокращений, является одним из наиболее давно применяемых и одновременно широко распространённых инструментов в спорте. Несмотря на свою продолжительную историю, данный метод претерпел существенные изменения в плане технологического исполнения и точности измерений [2, с. 13].

Традиционные устройства для регистрации пульса, в частности нагрудные датчики с электрокардиографическим принципом работы, постепенно уступают место оптическим пульсоксиметрам, встраиваемым в спортивные часы, браслеты и элементы экипировки. Современные технологии, основанные на фотоплетизмографии, интеграции ИИ-алгоритмов сглаживания сигнала, сенсорной миниатюризации, обеспечивают высокую точность и стабильность регистрации показателей даже при наличии артефактов, вызванных вибрацией или движением.

Кроме измерения пульса, современные пульсометры способны анализировать вариабельность сердечного ритма, определять зоны интенсивности тренировки с учётом индивидуального порогового профиля, оценивать динамику восстановления пульса после нагрузки, синхронизироваться с GPS, акселерометрами и другими сенсорами для комплексного анализа тренировки. Для бегунов среднего возраста эти функции обладают весомыми преимуществами: персонализация нагрузок с учётом текущего состояния сердечно-сосудистой системы, предотвращение перетренированности, своевременное выявление отклонений от нормативной динамики пульса при нагрузке. Среди разработок в данной области можно отметить Polar H10¹ – нагрудный пульсометр с функцией электрокардиографического измерения, который предназначен для профессионального медицинского и спортивного использования, интегрируется с системами анализа вариабельности ритма и стресс-нагрузки.

Все вышесказанное позволяет также сделать вывод о популяризации носимых устройств и датчиков для сбора данных о физической активности спортсменов. Широко используются умные часы, отслеживающие сердечный ритм, специализированные датчики, устанавливаемые на теле или одежде спортсмена [6, с. 14].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- Инновации, внедряемые в тренировочный процесс в лёгкой атлетике, выступают необходимым условием повышения результативности, устойчивости к стресс-факторам, характерным для соревновательной деятельности, и продления спортивного долголетия.
- Комплексный контроль позволяет выявить сильные и слабые стороны спортсмена, оценить эффективность тренировки, скорректировать тренировочный процесс и оценить корректность выбранной тренировочной стратегии. Можно выделить следующие направления комплексного контроля в легкой атле-

тике: педагогический, медико-биологический, биомеханический, психологический.

- При организации тренировочного процесса спортсменов-бегунов среднего возраста особую важность представляют медико-биологические методы комплексной диагностики. В среднем возрасте спортсмен-бегун должен быть сосредоточен на мониторинге своих медико-биологических параметров. Таким образом можно продлить собственное спортивное долголетие и избежать раннего завершения карьеры.
- Важным медико-биологическим тестом для бегунов среднего возраста выступает оценка состава тела. Кроме того, особое внимание следует уделять исследованиям крови, ее состава, динамики, циркуляции.
- Метод пульсометрии является одним из наиболее давно применяемых и одновременно широко распространённых инструментов в спорте. Несмотря на свою продолжительную историю, данный метод претерпел существенные изменения в плане технологического исполнения и точности измерений.

Литература

1. Абдикамалов, Х.И. Информационные технологии в физической культуре / Х.И. Абдикамалов, Ж.С. Курбаниязов, А.М. Казакбаев // Теория и практика современной науки. – 2021. – № 6 (72). – С. 13–16.
2. Башкина-Габруская, А.В. Онлайн-оценка функциональной активности бегунов как условие применения здоровьесберегающей технологии для тренировочного процесса / А.В. Башкина-Габруская // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2025. – № 1. – С. 18–21.
3. Добровольский, С.С. Двигательная деятельность юных бегунов-спринтеров в специальной среде с учетом индивидуального психофизического состояния / С.С. Добровольский, Г.Г. Илемков, О.Н. Шмонина // Теория и практика физической культуры. – 2022. – № 5.
4. Дрогомерецкий, В.В. Медико-биологическое обследование как технология интегральной подготовки спортсменов высокого класса / В.В. Дрогомерецкий, Ю.Д. Доброхотова, А.А. Третьяков, Д.Ю. Казаков // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. – 2021. – № 1. – С. 65–71.
5. Медвецкая, Н.М. Исследование функционального состояния спортсменов: монография / Н.М. Медвецкая; М-во образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. – 43, [1] с.: ил. – Библиогр.: с. 39–43.
6. Московских, О.А. Инновационные тренды в спорте: как современные технологии меняют подход к тренировкам / О.А. Московских // Universum: технические науки. – 2024. – № 6 (123). – С. 13–15.
7. Мутаева, И.Ш. Пути индивидуализации подготовки бегунов на короткие дистанции на основе учета типологических особенностей кровообращения / И.Ш. Мутаева, Ч.А. Гизатуллина // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2012. – № 3 (24). – С. 111–119.

¹ Polar H10 Heart Rate Sensor https://www.polar.com/us-en/sensors/h10-heart-rate-sensor?srsltid=AfmBOoo1eSk-SL-19-9Dguht37pn_vnVZMjTuSuS50jsU5Qe0RCt4BjC&utm_

8. Оразов, О. Функциональное тестирование спортсменов / О. Оразов, С. Мухаммедов // Наука и мировоззрение. – 2024. – № 27. – С. 96–103.
9. Семёнова, Г.И. Комплексный контроль в спорте: традиции и инновации / Г.И. Семёнова, В.Д. Иванова // Современные наукоемкие технологии. – 2019. – № 12–1. – С. 205–209.
10. Степанов, И.Э. Инновации в сфере физической культуры и спорта / И.Э. Степанов, С.С. Межман // Science and Education Today. – 2021. – № 41 (43).
11. Фудин, Н.А. Медико-биологическое обеспечение физической культуры и спорта высших достижений / Н.А. Фудин, С.В. Чернышов, А.И. Романов // Вестник МАН РС. – 2006. – № 2. – С. 28–30.

MODERN MEDICAL AND BIOLOGICAL METHODS OF COMPREHENSIVE DIAGNOSTICS FOR MANAGING THE TRAINING PROCESS OF MIDDLE-AGED RUNNERS

Shestakova T.A., Uvarova S.V.

Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, Russian State University of Physical Education, Youth Sports and Tourism

The article considers modern medical and biological methods used for comprehensive diagnostics of the functional state and adaptive capabilities of middle-aged runners in order to optimize the training process. The importance of using an integrated approach, including body composition analysis, heart rate monitoring, hemodynamic studies, heart rate variability analysis, biochemical and metabolic control, is substantiated. Particular attention is paid to the use of digital technologies. The presented methods are aimed at ensuring safe and effective training impact, preventing overtraining and improving sports performance in athletes of this age group.

Keywords: athletics, comprehensive control, running, middle age, medical and biological diagnostics, wearable devices, heart rate monitoring, blood circulation, body composition analyzer.

References

1. Abdikamalov, Kh.I. Information technologies in physical education / Kh.I. Abdikamalov, Zh.S. Kurbajanov, A.M. Kazakbaev //

- Theory and practice of modern science. – 2021. – No. 6 (72). – P. 13–16.
2. Bashkina-Gabruskaya, A.V. Online assessment of the functional activity of runners as a condition for the use of health-saving technology for the training process / A.V. Bashkina-Gabruskaya // Pedagogical, psychological and medical-biological problems of physical education and sports. – 2025. – No. 1. – P. 18–21.
3. Dobrovolsky, S.S. Motor activity of young sprinters in a special environment taking into account the individual psychophysical state / S.S. Dobrovolsky, G.G. Ilemkov, O.N. Shmonina // Theory and practice of physical education. – 2022. – No. 5.
4. Drogomeretsky, V.V. Medical and biological examination as a technology for integrated training of high-class athletes / V.V. Drogomeretsky, Yu.D. Dobrokhotova, A.A. Tretyakov, D. Yu. Kazakov // Bulletin of Tula State University. Physical Education. Sport. – 2021. – No. 1. – P. 65–71.
5. Medvetskaya, N.M. Study of the functional state of athletes: monograph / N.M. Medvetskaya; Ministry of Education of the Republic of Belarus, Educational Institution "Vitebsk State University named after P.M. Masherov". – Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov, 2024. – 43, [1] p.: ill. – Bibliography: pp. 39–43.
6. Moskovskikh, O.A. Innovative trends in sports: how modern technologies change the approach to training / O.A. Moskovskikh // Universum: technical sciences. – 2024. – No. 6 (123). – P. 13–15.
7. Mutaeva, I. Sh. Ways to individualize the training of short-distance runners based on the typological features of blood circulation / I. Sh. Mutaeva, Ch.A. Gizatullina // Pedagogical, psychological and medical-biological problems of physical education and sports. – 2012. – No. 3 (24). – P. 111–119.
8. Orazov, O. Functional testing of athletes / O. Orazov, S. Mukhammedov // Science and worldview. – 2024. – No. 27. – P. 96–103.
9. Semenova, G.I. Comprehensive control in sports: traditions and innovations / G.I. Semenova, V.D. Ivanova // Modern science-intensive technologies. – 2019. – No. 12–1. – P. 205–209.
10. Stepanov, I.E. Innovations in the field of physical culture and sports / I.E. Stepanov, S.S. Mezhan // Science and Education Today. – 2021. – No. 41 (43).
11. Fudin, N.A. Medical and biological support for physical education and high-performance sports / N.A. Fudin, S.V. Chernyshov, A.I. Romanov // Bulletin of the MAN RS. – 2006. – No. 2. – P. 28–30.

Миграция больших данных: необходимость и особенности

Баданов Артем Андреевич,

ведущий разработчик ООО «Амбердата», магистр информатики и вычислительной техники, кафедра информационных систем и технологий, ФГБОУ ВО «МГТУ «СТАНКИН»
E-mail: artem_badanov@inbox.ru

Тугой Иван Анатольевич,

академический директор ООО «1Т»
E-mail: mail@1t.ru

В современных условиях стремительного роста объемов данных компании регулярно сталкиваются с необходимостью миграции информации между различными хранилищами. Данная статья посвящена обзору существующих методов миграции больших данных и описанию нового подхода, основанного на использовании экранных роботов (RPA). Предложенный метод включает автоматизированную предварительную оценку совместимости форматов и схем данных в исходном и целевом хранилищах, параллельную обработку данных с маркировкой и использование промежуточного хранилища для обеспечения целостности и надежности процесса миграции. В статье проведен сравнительный анализ существующих инструментов (Apache NiFi, Talend), выявлены их недостатки и показано, каким образом предложенный метод их устраняет. В заключении обозначены направления дальнейших исследований, направленных на практическое применение и развитие предложенного подхода.

Ключевые слова: большие данные, миграция данных, ETL, экранные роботы, RPA, промежуточное хранилище, Apache NiFi, Talend, трансформация данных.

В рамках жизненного цикла информационных систем регулярно возникает необходимость в переносе накопленных данных из одной среды в другую. Этот процесс, называемый миграцией данных, является естественным этапом эволюции любой информационной инфраструктуры и возникает по нескольким ключевым причинам:

- 1) устаревание инфраструктуры: ранее используемые системы хранения и обработки данных постепенно перестают соответствовать растущим требованиям производительности и надёжности;
- 2) увеличение объёмов и разнообразия данных: современные компании вынуждены обрабатывать всё больше данных различного формата, что требует более эффективных решений;
- 3) переход к облачным платформам и современным архитектурам: необходимость интеграции с облачными сервисами и распределёнными хранилищами данных;
- 4) требования безопасности и законодательства: периодически обновляющиеся стандарты хранения, защиты и обработки данных требуют постоянной адаптации и переноса данных на новые платформы.

Таким образом, задача миграции больших данных становится неотъемлемой частью процесса модернизации информационных систем, обеспечивая их гибкость, производительность и соответствие современным требованиям.

Хранение и обработка информации в любой реляционной базе данных (РБД) проходит несколько последовательных этапов [8,9], формирующих жизненный цикл (ЖЦ) данных:

1. Проектирование и создание структуры базы данных. На данном этапе осуществляется анализ предметной области и разрабатывается структура таблиц, включая определение ключей, связей и ограничений. Формируется схема, предназначенная для максимально эффективного хранения и быстрого извлечения информации.
2. Наполнение и активная эксплуатация. После создания структуры данные начинают наполняться в систему. Это основной этап жизненного цикла, при котором информация активно записывается, обновляется и считывается приложениями и пользователями. База данных эксплуатируется для оперативного решения повседневных задач организации.
3. Поддержка и оптимизация производительности. [7] По мере эксплуатации базы данных, особенно при увеличении её объёмов и нагрузки, становится необходимой периодическая оптимизация. В рамках этого этапа осуществляется мониторинг производительности, обновление индексов, реорганизация структуры и, возможно, доработка схемы базы данных для ускорения запросов и обеспечения стабильности работы.
4. Рост и масштабирование данных. Со временем объём и интенсивность использования данных неизбежно возрастают. На этом этапе традиционные реляционные системы начинают испытывать трудности [10]: замедляются запросы, появляются огра-

нения по хранению и обработке больших объёмов информации. Возможности вертикального масштабирования (рис. 1) (увеличение мощности существующих серверов) исчерпываются или становятся экономически неэффективными.

Рис. 1. Сравнение методов масштабирования в рамках баз данных

- Устаревание и необходимость миграции. В итоге наступает этап, когда существующие решения хранения данных перестают удовлетворять современным требованиям организации: недостаточная скорость обработки, высокая стоимость поддержки, ограниченные возможности масштабирования и адаптации к новым требованиям. В этот момент организация принимает решение о необходимости миграции данных – переноса накопленных массивов информации на новую, более производительную и гибкую платформу, способную справиться с современными нагрузками и обеспечить необходимую производительность и безопасность.

Причинами возникновения задачи миграции данных становятся:

- техническое устаревание существующего решения, неспособного эффективно масштабироваться;
- рост объёмов данных, превышающий изначально заложенные возможности системы;
- изменение требований бизнеса и законодательства, предъявляющих более строгие условия к скорости, доступности и безопасности информации;
- переход на современные архитектуры, такие как облачные платформы или распределённые системы хранения.

Осознав необходимость миграции, компании сталкиваются с вопросом о том, каким образом правильно её осуществить. На первый взгляд, миграция данных может показаться достаточно простой задачей, нужно лишь перенести информацию из одного хранилища в другое. Однако, в реальной практике данный процесс сопровождается множеством сложностей и далеко не всегда является прозрачным и простым.

На сегодняшний день существует значительное количество разнообразных систем хранения и обработки данных, каждая из которых имеет собственную архитектуру, форматы хранения информации, подходы к её организации и способы обработки. Среди используемых хранилищ выделяются:

- реляционные базы данных (например, PostgreSQL, MySQL, Oracle) [5];
- NoSQL-системы (например, MongoDB, Cassandra, Redis) [4];
- распределённые файловые системы (например, HDFS) [6];
- облачные хранилища (например, AWS S3, Azure Blob Storage, Google Cloud Storage);

- специализированные аналитические решения (например, колоночные хранилища ClickHouse, Vertica, Greenplum) [11]

Кроме того, современные компании часто используют сразу несколько видов хранилищ, образуя гетерогенные (разнородные) инфраструктуры, в которых данные хранятся в самых различных форматах, таких как реляционные таблицы, JSON-документы, XML-файлы, CSV-файлы и многие другие.

Вследствие этого основная проблема миграции заключается именно в многообразии существующих систем и несовместимости их схем хранения и форматов данных. Из-за таких различий простая передача информации из одного хранилища в другое становится невозможной без предварительной обработки и трансформации данных. Чем сложнее и разнообразнее инфраструктура компании, тем сложнее процесс миграции и выше риск возникновения ошибок, потери или искажения данных.

Основные методы миграции данных можно разделить на две группы (рис. 2). Первая группа: ETL (Extract-Transform-Load) – процесс, при котором данные сначала извлекаются из исходного хранилища, затем преобразуются (очищаются, форматируются, агрегируются) в промежуточной среде и после этого загружаются в целевое хранилище. Этот подход даёт возможность корректировать данные перед загрузкой, что позволяет решать проблемы несовместимости форматов и схем данных, однако требует значительных вычислительных ресурсов и дополнительного времени на преобразование. Вторая группа: ELT (Extract-Load-Transform) – подход, при котором данные извлекаются из исходного хранилища и загружаются в целевое практически без предварительной обработки, а все необходимые трансформации проводятся уже внутри целевого хранилища с использованием его внутренних инструментов и мощностей. Данный подход выгоден с точки зрения скорости начальной загрузки, однако может привести к проблемам, если целевое хранилище не поддерживает те форматы или типы данных, которые были использованы в исходной системе.

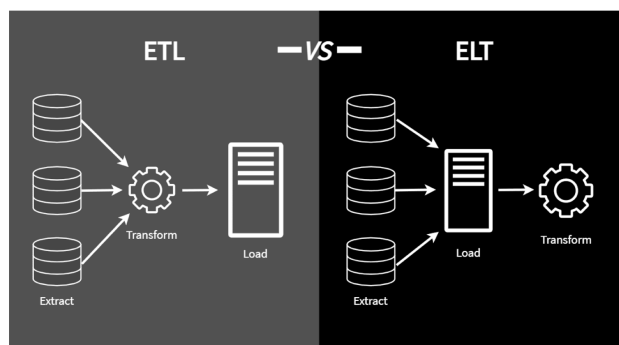

Рис. 2. Сравнение двух схем миграции данных

Несмотря на наличие основных стандартных подходов, основная трудность состоит в том, что практически невозможно провести миграцию всех данных одновременно и без ошибок. Зачастую процесс приходится разбивать на отдельные этапы и потоки, что, в свою очередь, порождает множество технических, организационных и временных сложностей. Например, крупные компании, обладающие большим объёмом данных, не могут позволить себе длительные простои в работе систем, вызванные миграцией, и вынуждены проводить перенос информации по частям, минимизируя при этом влияние на текущие бизнес-процессы.

Итак, главная проблема миграции данных в современной информационной среде заключается именно в разнообразии используемых хранилищ, несоответствии форматов и схем хранения данных, а также в невозможности выполнить миграцию «всё и сразу». Эта ситуация требует разработки интеллектуальных, адаптивных и многоэтапных подходов к переносу данных, обеспечивающих минимизацию рисков потери информации, оптимизацию процесса миграции и сохранение бесперебойной работы бизнеса в процессе переноса данных.

После выявления ключевых проблем миграции данных – таких как разнообразие хранилищ, различие схем и невозможность одновременного переноса всех данных – важно обратиться к современным исследованиям, предлагающим решения этих задач. Ниже представлены обзоры нескольких актуальных научных работ, доступных в открытом доступе, которые рассматривают методы и подходы к эффективной миграции данных.

В статье «Data migration: A theoretical perspective» [1] авторы Бернхард Тальхайм и Цин Ван рассматривают фундаментальные аспекты миграции данных с точки зрения абстрактной интерпретации. Авторы предлагают формальную модель миграции данных, основанную на абстрактной интерпретации. Данная модель позволяет более точно и корректно описывать процессы миграции, заранее выявлять потенциальные проблемы совместимости и трансформации данных, а также гарантировать сохранение ключевых свойств данных. Основная ценность предлагаемого решения заключается в том, что оно обеспечивает строгий теоретический фундамент для последующей реализации эффективных миграционных инструментов и стратегий.

Также работа «Opportunities and Challenges of Data Migration in Cloud» [2] авторов Мд. Махбуб Рахаман и соавторов анализирует преимущества и сложности, связанные с миграцией данных в облачные хранилища. Исследователи отмечают, что при миграции данных в облачные платформы важно использовать комплексный подход, учитывающий стратегию миграции, аспекты безопасности, организационные и экономические факторы. Предлагается проведение предварительного анализа, который позволит компаниям заранее оценить риски и затраты, выбрать подходящий метод миграции (поэтапный, гибридный или полный перенос) и обеспечить минимизацию влияния на текущие бизнес-процессы. Ключевая ценность данного решения заключается в комплексном подходе, охватывающем не только технические, но и организационные аспекты миграции данных в облачные среды.

В статье «Data Migration using ETL Workflow» [3] авторы обсуждают применение ETL (Extract, Transform, Load) процессов для миграции данных между различными системами. Статья демонстрирует преимущества применения ETL-подхода к миграции данных, особенно в условиях гетерогенных сред. Ключевой аспект ETL – этап трансформации данных, который позволяет эффективно решать проблемы несовместимости схем и форматов данных. Авторы рекомендуют оптимизировать ETL-процессы путём применения специализированных инструментов, предварительного моделирования процессов миграции и автоматизации трансформаций. Главное преимущество данного подхода заключается в его способности обеспечить целостность и качество данных при миграции за счёт предварительной обработки и адаптации данных к требованиям целевого хранилища.

Несмотря на значительные успехи современных исследований, посвящённых миграции больших данных, сохраняется ряд нерешённых проблем. Среди наиболее значимых – необходимость предварительной оценки

совместимости форматов данных, обеспечение параллельного выполнения миграционных процессов и минимизация рисков потери данных в процессе переноса [12,13]. В настоящем исследовании предлагается принципиально новый подход к миграции больших данных, сочетающий идеи ранее описанных методов с инновационными элементами автоматизации и адаптации.

Основной особенностью предлагаемого метода является использование специализированных экранных роботов (RPA – Robotic Process Automation) (рис. 3). Эти роботы предназначены для предварительного анализа схем и форматов данных в хранилище-источнике и хранилище-приёмнике. Такой подход позволяет заранее определить необходимость и сложность трансформаций данных, существенно сокращая риски и время простоя при миграции.

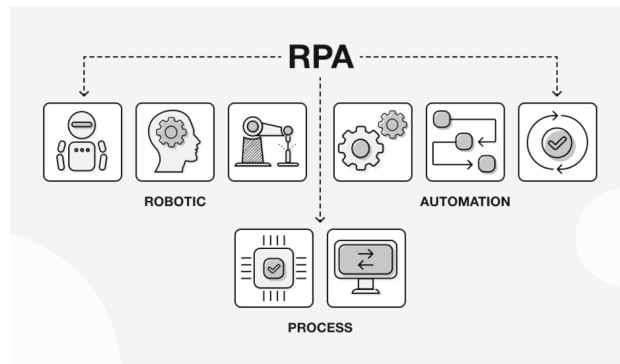

Рис. 3. Работа экранного робота

Сам процесс миграции осуществляется не последовательно, а параллельно, при помощи нескольких одновременно работающих роботов. Каждый робот берёт свою часть данных из исходного хранилища и помечает её, указывая, что именно эта часть данных уже взята в работу, что позволяет избежать повторного извлечения и обработки одних и тех же данных. Это значительно ускоряет процесс миграции и делает его более устойчивым к сбоям, поскольку при возникновении проблемы робот может продолжить работу с той части данных, на которой была остановка.

Однако не всегда данные могут быть напрямую помещены в целевое хранилище из-за несовместимости схем или форматов. В таких случаях традиционные подходы миграции часто сталкиваются с существенными ограничениями: исходные системы не могут временно хранить трансформированные данные, а целевые хранилища не готовы сразу принять данные из-за различий схем и ограничений по времени ожидания транзакций. Именно эту проблему решает следующий инновационный элемент предлагаемого подхода.

Для ситуаций, когда прямое размещение данных в целевом хранилище затруднено, предлагается использовать промежуточное хранилище, специально подбираемое с учётом особенностей целевой схемы данных. В таком промежуточном хранилище данные проходят все необходимые этапы трансформации и предварительной валидации. Только после этого трансформированные и адаптированные данные перемещаются в финальное хранилище, что позволяет гарантировать высокое качество, целостность и совместимость данных [14]

Использование промежуточного хранилища также решает проблему возможных ошибок и аварийных ситуаций: таких как потеря соединения, временное отсутствие транзакций или другие технические проблемы. В случае возникновения ошибки данные не повреждаются и остаются доступными для повторного переноса.

са, причём повторная миграция может быть выполнена на тестовом контуре без вмешательства в рабочие процессы, что обеспечивает дополнительный уровень безопасности и надёжности.

Ещё одна важная причина использования промежуточного хранилища заключается в технических ограничениях самих систем хранения. Например, многие современные хранилища не позволяют долго удерживать открытое окно вставки данных, а отключение таймаутов транзакций и сессий может привести к нестабильности всей инфраструктуры. Благодаря промежуточному хранению процесс миграции становится гораздо более управляемым, устойчивым и технически простым.

Таким образом, предложенный метод миграции данных является принципиально новым решением, успешно комбинирующим ключевые преимущества существующих теоретических и практических разработок:

- 1) предварительная оценка совместимости форматов и схем (Тальхайм и Ван, 2012);
- 2) многопоточный, параллельный подход к миграции данных, аналогичный оптимизированным ETL-методам (ResearchGate, 2021);
- 3) интеллектуальный и адаптивный подход к трансформации и промежуточному хранению данных (Ромеро и др., 2023);
- 4) комплексное планирование и предварительный анализ инфраструктуры и рисков (Рахаман и коллеги, 2023).

Предлагаемая интеграция экранных роботов и промежуточного хранилища обеспечивает беспрецедентную гибкость, производительность и безопасность процесса миграции данных, позволяя компаниям эффективно справляться даже с самыми сложными сценариями переноса больших объёмов данных между различными и часто несовместимыми системами хранения.

После рассмотрения основных научных подходов к миграции данных и предложения собственного инновационного метода, важно также провести анализ существующих на сегодняшний день инструментов, предназначенных для реализации миграции на практике. Несмотря на развитый научный задел и разнообразие предложенных методов, практическая реализация процессов миграции осуществляется при помощи определённых программных продуктов, каждый из которых обладает рядом достоинств и недостатков.

Рассмотрим основные и наиболее распространённые на практике инструменты миграции данных:

1. Apache NiFi.

Apache NiFi представляет собой open-source инструмент для управления и обработки потоков данных, использующий визуальный интерфейс, состоящий из графических блоков (процессоров). Каждый процессор отвечает за отдельную функцию – извлечение данных (Extract), трансформацию данных (Transform), или загрузку (Load) в целевое хранилище. NiFi поддерживает большое количество источников данных и хранилищ-приёмников и может осуществлять обработку в режиме реального времени или пакетном режиме.

Рабочий процесс в NiFi формируется путём соединения процессоров, что позволяет визуально проектировать и управлять миграцией данных. Для параллельной обработки больших объёмов информации NiFi предлагает масштабирование потоков за счёт увеличения количества узлов в кластере.

Минусы Apache NiFi в сравнении с предлагаемым методом:

- 1) Отсутствие предварительной автоматизированной оценки форматов и схем данных: NiFi не осуществляет автоматическую интеллектуальную оценку

совместимости форматов и схем источника и приёмника. Пользователю необходимо вручную конфигурировать каждую трансформацию и коннектор, что увеличивает риски ошибок и существенно усложняет миграцию при разнородных схемах данных. В предлагаемом же методе экранные роботы автоматически оценивают форматы и схемы перед началом миграции, что минимизирует риск несовместимости и ускоряет подготовку процесса миграции.

- 2) Проблемы при параллельном доступе и маркировке данных: NiFi не предусматривает удобного механизма маркировки уже извлечённых данных, что может привести к дублированию обработки данных при параллельной миграции и усложняет организацию параллельных потоков. В предложенном нами методе каждый робот помечает взятые им данные, предотвращая повторную обработку и тем самым делая миграцию более эффективной и безопасной.
- 3) Отсутствие встроенного промежуточного хранения для защиты целостности данных: NiFi работает напрямую с источником и приёмником данных без промежуточного буфера. Если возникает ошибка (например, сбой связи или несовместимость форматов), данные могут быть потеряны или повреждены. Предлагаемый нами метод предусматривает промежуточное хранилище, которое защищает данные от потерь и позволяет повторить миграцию с тестового контура в случае необходимости, существенно повышая надёжность процесса.

2. Talend.

Talend является платформой для миграции данных и интеграции приложений, работающей по принципу ETL-процессов. Каждый процесс миграции описывается в виде Job (задания), состоящего из этапов: извлечения (Extract), трансформации (Transform) и загрузки (Load). Talend предоставляет мощный набор готовых компонентов, позволяющих настраивать сложные трансформации и интеграции с широким спектром источников и целевых систем.

Пользователь вручную конфигурирует Jobs, указывая соединения, правила трансформации и целевые схемы данных. При больших объёмах данных Talend предлагает масштабирование за счёт распределённых ETL-процессов.

Минусы Talend в сравнении с предлагаемым методом:

- 1) Ручное определение схемы и отсутствие предварительной автоматизированной оценки совместимости: Talend требует ручной и достаточно детальной настройки трансформаций и проверки совместимости схем данных, что значительно увеличивает время подготовки к миграции и требует высокой квалификации специалистов. В отличие от этого, предложенный метод с помощью экранных роботов автоматически предварительно оценивает форматы и схемы, сокращая время и минимизируя вероятность ошибок.
- 2) Ограничения параллельной обработки и маркировки данных: Хотя Talend поддерживает параллельные задачи, он не имеет встроенного механизма чёткой маркировки уже обработанных частей данных, что может привести к повторной обработке или пропуску данных. В нашем подходе каждый робот явно маркирует взятые данные, что полностью исключает дублирование или потерю данных в процессе параллельной миграции.
- 3) Отсутствие встроенного промежуточного хранилища для временной трансформации и защиты данных:

Talend загружает данные непосредственно в целевое хранилище после трансформации. В случае возникновения ошибок (например, потеря соединения с хранилищем приёмника, проблемы транзакций или несовместимость форматов) могут возникнуть ситуации, когда данные нельзя сохранить обратно в источник, а целевое хранилище недоступно. Это приводит к риску потери информации или необходимости повторного длительного выполнения задачи. Предложенный метод предусматривает промежуточное хранилище, куда данные сначала трансформируются и сохраняются, обеспечивая их сохранность и возможность безболезненного повторения миграции.

Детальный анализ работы инструментов Apache NiFi и Talend показывает, что предложенный нами подход, включающий предварительную автоматизированную оценку совместимости данных, использование экранных роботов с чёткой маркировкой и промежуточное хранилище для защиты целостности данных, позволяет эффективно устранить наиболее существенные недостатки существующих решений, обеспечивая более гибкий, надёжный и производительный процесс миграции больших данных.

Таким образом, в ходе настоящего исследования был предложен принципиально новый научный подход к миграции больших данных, основанный на использовании экранных роботов, автоматизированной предварительной оценке совместимости форматов и схем данных, параллельной обработке информации, а также промежуточном хранилище для обеспечения целостности и надёжности процесса миграции. Данный подход успешно объединяет достоинства ранее предложенных решений и эффективно решает наиболее острые проблемы современных методов и инструментов миграции данных.

Вместе с тем, предложенный метод открывает широкий спектр возможностей для дальнейших исследований. В целях подтверждения его практической значимости и универсальности в ближайших планах стоит проведение экспериментальных исследований и апробация подхода в условиях реальных задач миграции с использованием различных инструментов и платформ [15,16]. Такой подход позволит не только проверить эффективность предложенного решения на практике, но и разработать рекомендации по его адаптации и интеграции с уже существующими технологиями.

Таким образом, в следующем исследовании планируется:

- 1) реализовать предложенный метод миграции данных в виде программного решения на базе экранных роботов (RPA);
- 2) провести серию экспериментальных испытаний с реальными сценариями миграции между разнородными хранилищами;
- 3) выявить и оценить эффективность интеграции предложенного подхода с популярными инструментами, такими как Apache NiFi, Talend и другими решениями, уже применяемыми на практике;
- 4) сформулировать практические рекомендации по применению разработанного метода и повысить его универсальность.

Полученные результаты будут представлены в следующих публикациях, что позволит обеспечить более широкое внедрение разработанного подхода и создать надёжный фундамент для дальнейшего развития теории и практики миграции больших данных.

Литература

1. Talheim B., Wang Q. Data migration: A theoretical perspective // *Journal of Systems and Software*, 2012, Vol. 85, Issue

12, pp. 2754–2766. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0169023X12001048> (дата обращения 18.04.2025)

2. Rahaman M.M., Amin M., Haque A. Opportunities and Challenges of Data Migration in Cloud // *ResearchGate*, 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/378303810_Opportunities_and_Challenges_of_Data_Migration_in_Cloud (дата обращения 18.04.2025)
3. Patel N., Goel K., Joshi S. Data Migration using ETL Workflow // *ResearchGate*, 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/352124934_Data_Migration_using_ETL_Workflow (дата обращения 18.04.2025)
4. Базы данных SQL и NoSQL L. August 2020: сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazy-dannyh-sql-i-nosql/viewer> (дата обращения 18.04.2025)
5. Малыгин Д.С. Проблемы производительности реляционных баз данных в распределённых архитектурах и стратегии их решения. Ноябрь 2024: сайт. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=40173> (дата обращения 18.04.2025)
6. Клеменков П.А., Кузнецов С.Д. Большие данные: современные подходы к хранению и обработке. 2012: сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshie-dannye-sovremennye-podhody-k-hraneniyu-i-obrabotke> (дата обращения 18.04.2025)
7. Ермагамбетов Р.Т., Киселев Е.С. Современные системы хранения и обработки больших данных: Hadoop и Apache Spark: сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-sistemy-hraneniya-i-obrabotki-bolshih-dannyh-hadoop-i-apache-spark> (дата обращения 18.04.2025)
8. Баданина О.В., Гиндин С.И. Оценка оперативности передачи больших данных на примере базы данных PostgreSQL, платформы Hadoop и системы Sqoop // *Интеллектуальные технологии на транспорте*, 2020, № 2, с. 18–26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-operativnosti-peredachi-bolshih-dannyh-na-primere-bazy-dannyh-postgresql-platformy-hadoop-i-sistemy-sqoop/viewer> (дата обращения 18.04.2025)
9. Белов В.А., Ильин Д.Ю., Никульчев Е.В. Оценка эффективности обработки больших объемов данных в реляционных и колоночных форматах // *Вычислительные технологии*, 2022, том 27, № 3, с. 46–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-obrabotki-bolshih-obemov-dannyh-v-relyatsionnyh-i-kolonochnyh-formatah/viewer> (дата обращения 18.04.2025)
10. Манев Д.В., Сальников В.Ю. Информационная система обработки и хранения больших объемов измерительных данных. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-sistema-obrabotki-i-hraneniya-bolshih-obemov-izmeritelnyh-dannyh/viewer> (дата обращения 18.04.2025)
11. Терских М.Г. Развертывание кластера для хранения и обработки статистики с помощью Yandex Clickhouse // *Теория и практика современной науки* № 11(29), 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvertyvanie-klastera-dlya-hraneniya-i-obrabotki-statistiki-s-pomoschyu-yandex-clickhouse/viewer> (дата обращения 18.04.2025)
12. Головяк П.А., Зайцев К.С., Пинчук А.М. Метод аутентификации на удаленном сервере для обеспечения непрерывности обработки данных в защищенных системах // *International Journal of Open Information Technologies*, 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-autentifikatsii-na-udalennom-servere-dlya-obespecheniya-nepriyryvnosti-obrabotki-dannyh-v-zaschischennyh-sistemah/viewer> (дата обращения 18.04.2025)

13. Шлюйкова Д.П. Большие данные: современные подходы к хранению и обработке // Наука, техника и образование, 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshie-dannye-sovremennye-podhody-k-hraniy-i-obrabotke-1> (дата обращения 18.04.2025)
14. Польшенко М.А. Безопасность баз данных. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-baz-dannyh/viewer> (дата обращения 18.04.2025)
15. Баданов А.А., Никаноров И.М. Использование средств искусственного интеллекта и инструментов обработки больших данных для решения задач веб-скрепинга. 2024: сайт. URL: https://ed-russia.ru/archive/?ELEMENT_ID=57618 (дата обращения 18.04.2025)
16. Ганеев А.Р., Тугой И.А., Баданов А.А. Миграция больших данных между хранилищем данных HDFS и базой данных Clickhouse с использованием операций преобразования // Наука и бизнес: пути развития. № 6(156), 2024. (дата обращения 18.04.2025)
4. SQL and NoSQL Databases. August 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazy-dannyh-sql-i-nosql/viewer> (accessed April 18, 2025)
5. Malygin D.S. Performance Issues of Relational Databases in Distributed Architectures and Strategies for Solving Them. November 2024. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=40173> (accessed April 18, 2025)
6. Klemenkov P.A., Kuznetsov S.D. Big Data: Modern Approaches to Storage and Processing. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshie-dannye-sovremennye-podhody-k-hraniy-i-obrabotke> (accessed April 18, 2025)
7. Yermagambetov R.T., Kiselev E.S. Modern Systems for Big Data Storage and Processing: Hadoop and Apache Spark. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-sistemy-hraniya-i-obrabotki-bolshih-dannyh-hadoop-i-apache-spark> (accessed April 18, 2025)
8. Badanina O.V., Gindin S.I. Evaluation of the Speed of Big Data Transmission Using PostgreSQL, Hadoop, and Sqoop // Intelligent Technologies in Transport, 2020, No. 2, pp. 18–26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-operativnosti-peredachi-bolshih-dannyh-na-primere-bazy-dannyh-postgresql-platformy-hadoop-i-sistemy-sqoop/viewer> (accessed April 18, 2025)
9. Belov V.A., Ilyin D.Yu., Nikulchev E.V. Evaluation of Big Data Processing Efficiency in Relational and Columnar Formats // Computational Technologies, 2022, Vol. 27, No. 3, pp. 46–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-obrabotki-bolshih-obemov-dannyh-v-relyatsionnyh-i-kolonochnykh-formatah/viewer> (accessed April 18, 2025)
10. Manev D.V., Salnikov V. Yu. Information System for Processing and Storing Large Volumes of Measurement Data. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-sistema-obrabotki-i-hraniya-bolshih-obemov-izmeritelnyh-dannyh/viewer> (accessed April 18, 2025)
11. Terskikh M.G. Deploying a Cluster for Statistics Storage and Processing Using Yandex ClickHouse // Theory and Practice of Modern Science, No. 11(29), 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvertyvanie-klastera-dlya-hraniya-i-obrabotki-statistiki-s-pomoschyu-yandex-clickhouse/viewer> (accessed April 18, 2025)
12. Golovnyak P.A., Zaitsev K.S., Pinchuk A.M. Remote Server Authentication Method to Ensure Continuous Data Processing in Secure Systems // International Journal of Open Information Technologies, 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-autentifikatsii-na-udalennom-servere-dlya-obespecheniya-nepreryvnosti-obrabotki-dannyh-v-zaschischennykh-sistemah/viewer> (accessed April 18, 2025)
13. Shluykova D.P. Big Data: Modern Approaches to Storage and Processing // Science, Technology and Education, 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshie-dannye-sovremennye-podhody-k-hraniy-i-obrabotke-1> (accessed April 18, 2025)
14. Polchenko M.A. Database Security. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-baz-dannyh/viewer> (accessed April 18, 2025)
15. Badanov A.A., Nikanorov I.M. Using Artificial Intelligence and Big Data Processing Tools to Solve Web Scraping Tasks. 2024. URL: https://ed-russia.ru/archive/?ELEMENT_ID=57618 (accessed April 18, 2025)
16. Ganeev A.R., Tugoi I.A., Badanov A.A. Big Data Migration Between HDFS and ClickHouse Using Transformation Operations // Science and Business: Ways of Development, No. 6(156), 2024. (accessed April 18, 2025)

BIG DATA MIGRATION: NECESSITY AND SPECIFICS

Badanov A.A., Tugoi I.A.
MSTU STANKIN; IT LLC

In the modern era of rapidly growing data volumes, companies consistently face the necessity of migrating data between diverse storage systems. This article provides an overview of existing big data migration methods and introduces an innovative approach based on the use of Robotic Process Automation (RPA). The proposed method includes automated preliminary assessment of data format and schema compatibility between source and destination storages, parallel processing of data with explicit marking to avoid duplication, and the utilization of an intermediate storage to guarantee data integrity and reliability during the migration process. The article performs a comparative analysis of existing tools (Apache NiFi, Talend), highlights their disadvantages, and demonstrates how the proposed method effectively resolves these issues. In conclusion, further research directions aimed at the practical implementation and advancement of the presented method are outlined.

Keywords: big data, data migration, ETL, Robotic Process Automation, RPA, intermediate storage, Apache NiFi, Talend, data transformation.

References

1. Talheim B., Wang Q. Data migration: A theoretical perspective // Journal of Systems and Software, 2012, Vol. 85, Issue 12, pp. 2754–2766. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0169023X12001048> (accessed April 18, 2025)
2. Rahaman M.M., Amin M., Haque A. Opportunities and Challenges of Data Migration in Cloud // ResearchGate, 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/378303810_Opportunities_and_Challenges_of_Data_Migration_in_Cloud (accessed April 18, 2025)
3. Patel N., Goel K., Joshi S. Data Migration using ETL Workflow // ResearchGate, 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/352124934_Data_Migration_using_ETL_Workflow (accessed April 18, 2025)
4. SQL and NoSQL Databases. August 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazy-dannyh-sql-i-nosql/viewer> (accessed April 18, 2025)
5. Malygin D.S. Performance Issues of Relational Databases in Distributed Architectures and Strategies for Solving Them. November 2024. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=40173> (accessed April 18, 2025)
6. Klemenkov P.A., Kuznetsov S.D. Big Data: Modern Approaches to Storage and Processing. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshie-dannye-sovremennye-podhody-k-hraniy-i-obrabotke> (accessed April 18, 2025)
7. Yermagambetov R.T., Kiselev E.S. Modern Systems for Big Data Storage and Processing: Hadoop and Apache Spark. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-sistemy-hraniya-i-obrabotki-bolshih-dannyh-hadoop-i-apache-spark> (accessed April 18, 2025)
8. Badanina O.V., Gindin S.I. Evaluation of the Speed of Big Data Transmission Using PostgreSQL, Hadoop, and Sqoop // Intelligent Technologies in Transport, 2020, No. 2, pp. 18–26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-operativnosti-peredachi-bolshih-dannyh-na-primere-bazy-dannyh-postgresql-platformy-hadoop-i-sistemy-sqoop/viewer> (accessed April 18, 2025)
9. Belov V.A., Ilyin D.Yu., Nikulchev E.V. Evaluation of Big Data Processing Efficiency in Relational and Columnar Formats // Computational Technologies, 2022, Vol. 27, No. 3, pp. 46–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-obrabotki-bolshih-obemov-dannyh-v-relyatsionnyh-i-kolonochnykh-formatah/viewer> (accessed April 18, 2025)
10. Manev D.V., Salnikov V. Yu. Information System for Processing and Storing Large Volumes of Measurement Data. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-sistema-obrabotki-i-hraniya-bolshih-obemov-izmeritelnyh-dannyh/viewer> (accessed April 18, 2025)
11. Terskikh M.G. Deploying a Cluster for Statistics Storage and Processing Using Yandex ClickHouse // Theory and Practice of Modern Science, No. 11(29), 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvertyvanie-klastera-dlya-hraniya-i-obrabotki-statistiki-s-pomoschyu-yandex-clickhouse/viewer> (accessed April 18, 2025)
12. Golovnyak P.A., Zaitsev K.S., Pinchuk A.M. Remote Server Authentication Method to Ensure Continuous Data Processing in Secure Systems // International Journal of Open Information Technologies, 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-autentifikatsii-na-udalennom-servere-dlya-obespecheniya-nepreryvnosti-obrabotki-dannyh-v-zaschischennykh-sistemah/viewer> (accessed April 18, 2025)
13. Shluykova D.P. Big Data: Modern Approaches to Storage and Processing // Science, Technology and Education, 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshie-dannye-sovremennye-podhody-k-hraniy-i-obrabotke-1> (accessed April 18, 2025)
14. Polchenko M.A. Database Security. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-baz-dannyh/viewer> (accessed April 18, 2025)
15. Badanov A.A., Nikanorov I.M. Using Artificial Intelligence and Big Data Processing Tools to Solve Web Scraping Tasks. 2024. URL: https://ed-russia.ru/archive/?ELEMENT_ID=57618 (accessed April 18, 2025)
16. Ganeev A.R., Tugoi I.A., Badanov A.A. Big Data Migration Between HDFS and ClickHouse Using Transformation Operations // Science and Business: Ways of Development, No. 6(156), 2024. (accessed April 18, 2025)

Цифровая трансформация как фактор развития кадрового потенциала педагогов СПО в условиях перехода к гибридному обучению

Булаева Наталья Александровна,

кандидат экономических наук, ведущий эксперт Центр экспертиз в образовании, ФГБУ «Российская академия образования»

E-mail: nbulaevamail@gmail.com

Махотин Дмитрий Александрович,

кандидат педагогических наук, руководитель, АНО «Национальный методический совет по технологическому образованию»

E-mail: dmi-mahotin@yandex.ru

Цифровая трансформация образования оказывает значительное влияние на развитие кадрового потенциала педагогов среднего профессионального образования (СПО), особенно в условиях перехода к гибридному обучению. В статье рассматривается влияние цифровых технологий на профессиональные компетенции педагогов СПО, а также выделяются ключевые аспекты гибридного обучения, требующие адаптации преподавателей. Целью исследования является анализ цифровой трансформации как фактора развития кадрового потенциала педагогов, а также выявление изменений в их профессиональных компетенциях. Используемая методология включает теоретический анализ литературы и нормативных документов, исследование успешных практик цифровизации в СПО. Результаты показывают, что внедрение гибридного обучения требует от педагогов развития новых навыков в области цифровых технологий, педагогического дизайна и анализа данных. Выводы исследования подтверждают необходимость дальнейшего совершенствования цифровых компетенций педагогов для улучшения качества образования и повышения конкурентоспособности выпускников.

Ключевые слова: Цифровая трансформация, кадровый потенциал, педагоги СПО, гибридное обучение, профессиональные компетенции, цифровые технологии, педагогический дизайн, анализ данных.

Введение

В период стремительной цифровизации образования значимым становится формирование профессиональных компетенций педагогов, способных эффективно использовать цифровые инструменты. Однако комплексное влияние цифровой трансформации на профессиональное развитие преподавателей СПО в условиях гибридного обучения (сочетающего онлайн- и офлайн-форматы) остаётся недостаточно изученным. Это создаёт противоречие между активным внедрением цифровых технологий в систему СПО и необходимостью развития новых педагогических компетенций для работы в гибридной образовательной среде, обуславливающее **актуальность** данного исследования.

Целью исследования является анализ цифровой трансформации как ключевого фактора развития кадрового потенциала педагогов СПО в условиях перехода к гибридному обучению, а также выявление механизмов изменения их профессиональных компетенций для адаптации к новым образовательным реалиям.

Объектом исследования выступает процесс цифровизации в системе среднего профессионального образования, а предметом – его влияние на развитие профессиональных компетенций педагогов СПО в условиях гибридного обучения.

Научная новизна исследования обусловлена комплексным подходом к анализу взаимосвязи цифровой трансформации образования и кадрового развития педагогических работников СПО посредством исследования специфики профессиональных компетенций, адаптационных стратегий, реализованных в успешных кейсах внедрения цифровых инструментов и смешанного обучения в образовательный процесс.

Практическая значимость исследования позволяет применять его результаты для разработки программ повышения квалификации педагогов СПО, оптимизации образовательных процессов с использованием цифровых технологий и создания методических рекомендаций по внедрению гибридного обучения в организациях СПО. Результаты могут быть использованы администрацией образовательных организаций для совершенствования управленческих решений, научными сотрудниками, методистами и преподавателями для развития компетентностного профиля педагогов СПО.

Обсуждение

Анализ источников подтверждает актуальность цифровой трансформации СПО, реализуемой в рамках национальной программы «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [1]. Программа предусматривает интеграцию больших данных для персонализации обучения и создание цифровых образовательных экосистем, сочетающих очные и онлайн-форматы. Эти изменения требуют от педагогов СПО развитых цифровых компетенций, включая аналитику данных, проектирование смешанных курсов и управление цифровыми ресурсами. Однако, как показывают данные НИУ ВШЭ, 42% педагогов испытывают потребность в дополнитель-

ном обучении цифровым инструментам [2]. В ответ на эти вызовы цифровая трансформация образования включает меры по стандартизации цифровой грамотности и развитию ИКТ-компетенций через систему повышения квалификации.

Современные исследования определяют ИКТ-компетентность педагогов как многоуровневую систему, включающую технологические знания, педагогическое применение цифровых инструментов и навыки цифровой коммуникации [3].

В работах отечественных исследователей подчеркивается разница между цифровой грамотностью (общая осведомленность в цифровых технологиях) и ИКТ-компетентностью (способностью применять цифровые технологии в профессиональной деятельности) [4].

Ключевым понятием в области развития профессиональных компетенций педагога СПО является компетентностный профиль, включающий, помимо профессионально-педагогической, методической, психолого-педагогической, ИКТ-компетенции [5]. В диссертации Татьяны Евгеньевны Пахомовой [6] предложена структурно-функциональная модель формирования ИКТ-компетентности с учетом междисциплинарной интеграции, включающая цифровую грамотность (работа с данными, кибербезопасность); педагогический дизайн (создание цифровых учебных материалов); аналитику (оценка эффективности цифровых инструментов) [6].

Коллектив исследователей совместно с С.А. Беловым [7] выделяют коммуникативную составляющую ИКТ-компетентности, включающую навыки коммуникации через онлайн-каналы и цифровые сервисы связи, необходимые при организации гибридного обучения.

Анализ литературы по теме исследования показывает, что ИКТ-компетентность педагогов СПО, выступая важным фактором развития их кадрового потенциала в эпоху цифровой трансформации образования, должна включать не только технические навыки, но и методические, коммуникативные и аналитические компетенции, востребованные в условиях гибридного обучения.

Методологической базой исследования выступают принципы системного подхода, компетентностного подхода и акмеологического анализа.

Исследование базируется на следующих научных методах: теоретическом анализе научной литературы и нормативно-правовых документов; методе системного описании успешных практик, касающихся вопросов цифровой трансформации образования и развития кадровых ресурсов педагогов среднего профессионального образования.

Материалом исследования послужили информационно-методические публикации, отражающие стратегии цифрового преобразования и проблемы развития кадрового потенциала педагогических работников СПО в условиях гибридного обучения.

Результаты

На основании анализа открытых данных образовательных организаций СПО, представленных на их официальных интернет-ресурсах, выявлены следующие тенденции. Исследование практик внедрения гибридного обучения в системе СПО демонстрирует его существенное влияние на трансформацию профессиональных компетенций педагогических работников.

Лидирующую позицию в данном процессе занимают частные образовательные организации, специализирующиеся на подготовке ИТ-специалистов. Так, Московский международный колледж цифровых технологий «Академия ТОП» реализует образовательный процесс

с использованием цифровых платформ и интерактивных технологий, интегрируя проектную деятельность с участием работодателей. Это способствует развитию у преподавателей компетенций в области управления LMS-системами, организации онлайн-мероприятий и цифрового наставничества.

Аналогичные практики наблюдаются в колледже университета «Синергия», где активно применяются современные цифровые сервисы для интерактивного обучения, требующие от педагогов постоянного совершенствования навыков создания мультимедийного контента и проведения онлайн-занятий.

Государственные образовательные учреждения СПО также демонстрируют активное внедрение смешанного обучения. В частности, Финансово-экономический колледж Санкт-Петербурга и колледжи МИРЭА успешно комбинируют традиционные и дистанционные форматы. Региональные учреждения (Челябинский строительный колледж, Уральский экономический колледж и др.) эффективно адаптируют полученный в пандемийный период опыт, развивая цифровую образовательную среду.

Как свидетельствует опыт частных и государственных образовательных организаций среднего профессионального образования, распространение гибридных форматов обучения меняет структуру профессиональных компетенций педагогических работников СПО, сложившуюся в рамках традиционного обучения. Гибридное обучение характеризуется сочетанием аудиторной и онлайн-обучающей среды, требующих интеграции классических методических, предметных и психолого-педагогических компетенций с новыми навыками и качествами, формирующими современный профессиональный портрет педагога СПО [8, 9].

Новая структура профессиональных компетенций педагога в условиях гибридного обучения предполагает расширение и трансформацию традиционных навыков:

1. Коммуникативные компетенции включают цифровое взаимодействие, требующее умений мотивировать студентов в удаленном формате взаимодействия, модерировать дискуссии и организовывать групповую работу в асинхронном формате.

2. Педагогические компетенции смещаются от роли педагога как транслятора знаний к наставничеству: ключевыми становятся проектирование курсов, разработка сценариев самостоятельной работы, проведение проблемных вебинаров и поддержка индивидуальных образовательных траекторий.

3. Методологические компетенции дополняются проектированием гибких модульных курсов, обеспечивающих адаптивность и персонализацию обучения, а также анализом данных образовательного мониторинга и автоматизированных систем оценки.

4. Цифровые компетенции подразумевают не только создание контента с помощью ИИ-инструментов, но и его критическую адаптацию под учебные задачи.

Данная концепция позволяет рассматривать профессиональную компетентность педагогов СПО не как набор разрозненных навыков, а как целостную систему, объединяющую различные уровни подготовки и взаимодействия педагога с обучающимися и коллегами.

Заключение

Цифровая трансформация способствует развитию профессиональных качеств педагогов СПО, что положительно влияет на качество образования в целом. Это подтверждается улучшением академических результатов студентов, повышением показателей их трудоустройства и ростом доверия работодателей. Образовательные ор-

ганизации достигают нового уровня конкурентоспособности за счет внедрения современных форматов обучения.

Дальнейшее совершенствование цифровых компетенций педагогов будет способствовать развитию человеческого капитала системы СПО, повышению конкурентоспособности выпускников СПО и подготовке специалистов, соответствующих требованиям цифровой экономики.

Литература

1. Правительство России: официальный сайт. – URL: <http://government.ru/rugovclassifier/923/about/> (дата обращения: 23.04.2025). – Текст: электронный.
2. Подготовка кадров для системы СПО: федеральные и региональные инициативы: информационный бюллетень / С.Б. Крайчинская, Е.Е. Петров, О.А. Романова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 36 с. – Текст: непосредственный.
3. Колыхматов В.И. Профессиональное развитие педагога в условиях цифровизации образования: учеб.-метод. пособие / В.И. Колыхматов. – СПб.: ГА-ОУ ДПО «ЛОИРО», 2020. – 135 с. – Текст: непосредственный.
4. Гладилина И. П., Кадыров Н.Н., Строганова Е.В. Цифровая грамотность и цифровые компетенции как фактор профессионального успеха / И.П. Гладилина, Н.Н. Кадыров, Е.В. Строганова. – Текст: непосредственный // Инновации и инвестиции. – 2019. – № 5. – С. 62–64.
5. Наумченко С. А., Осипова О.П. Цифровая трансформация среднего профессионального образования как ресурс развития профессиональных компетенций преподавателей / С.А. Наумченко, О.П. Осипова. – Текст: непосредственный // Наука и школа. – 2022. – № 4. – С. 51–61.
6. Пахомова Т.Е. Формирование ИКТ-компетентности студентов педагогического колледжа с учётом междисциплинарной интеграции в условиях цифровизации образования: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Т.Е. Пахомова. – Улан-Удэ, 2020. – 25 с. – Место защиты: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова. – Текст: непосредственный.
7. Формирование коммуникативной составляющей ИКТ-компетентности студентов вуза средствами учебного блога: монография / С.А. Белов, Н.Б. Лаврентьева, Г.В. Лаврентьев; АлтГУ, АлтГТУ. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. – 164 с.
8. Назарова Л. И., Чистова Я.С., Гриценко Н.С. Смешанное обучение как механизм цифровой трансформации профессионального образования / Л.И. Назарова, Я.С. Чистова, Н.С. Гриценко. – Текст: непосредственный // Агроинженерия. – 2022. – № 24 (6). – С. 76–79. DOI: <https://doi.org/10.26897/2687-1149-2022-6-76-79>.
9. Удалов С.Р. Влияние цифровой трансформации образования на подготовку педагогов к реализации гибридного обучения / С.Р. Удалов. – Текст: электронный // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 6–1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=32344> (дата обращения: 23.04.2025).

DIGITAL TRANSFORMATION AS A FACTOR IN DEVELOPING TEACHING STAFF POTENTIAL IN VOCATIONAL EDUCATION DURING THE TRANSITION TO HYBRID LEARNING

Bulaeva N.A., Makhotin D.A.

Russian Academy of Education, National Methodological Council for Technological Education

The digital transformation of education significantly influences the development of human resources among vocational education and training (VET) teachers, particularly in the context of the transition to hybrid learning formats. This article explores the impact of digital technologies on the professional competencies of VET educators and highlights key aspects of hybrid education that require teacher adaptation. The aim of the study is to analyze digital transformation as a factor in the development of VET teachers' professional potential and to identify changes in their competencies. The methodology includes a theoretical analysis of academic literature and regulatory documents, as well as the study of best practices in VET digitalization. The findings demonstrate that the implementation of hybrid learning demands new skills from educators, including digital literacy, pedagogical design, and data analysis. The study concludes that further improvement of digital competencies among VET teachers is essential for enhancing the quality of education and increasing the competitiveness of VET graduates.

Keywords: Digital transformation, human resources, VET teachers, hybrid learning, professional competencies, digital technologies, pedagogical design, data analysis.

References

1. Pravitel'stvo Rossii: ofitsial'nyy sayt [Government of Russia: Official website]. (n.d.). Retrieved April 23, 2025, from <http://government.ru/rugovclassifier/923/about/>
2. Kraychinskaya, S.B., Petrov, E.E., & Romanova, O.A. (2022). Podgotovka kadrov dlya sistemy SPO: federal'nye i regional'nye initsiativy [Vocational education personnel training: Federal and regional initiatives]. National Research University Higher School of Economics.
3. Kolykhmatov, V.I. (2020). Professional'noe razvitie pedagoga v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovaniya [Teacher professional development in digital education]. Leningrad Regional Institute of Education Development.
4. Gladilina, I.P., Kadyrov, N.N., & Stroganova, E.V. (2019). Tsifrovaya gramotnost' i tsifrovye kompetentsii kak faktor professional'nogo uspekha [Digital literacy and digital competencies as factors of professional success]. *Innovatsii i Investitsii*, 5, 62–64.
5. Naumchenko, S.A., & Osipova, O.P. (2022). Tsifrovaya transformatsiya srednego professional'nogo obrazovaniya kak resurs razvitiya professional'nykh kompetentsiy prepodavateley [Digital transformation of vocational education as a resource for developing teachers' professional competencies]. *Nauka i Shkola*, 4, 51–61.
6. Pakhomova, T.E. (2020). Formirovanie IKT-kompetentnosti studentov pedagogicheskogo kolledzha s uchytom mezhdistsiplinarnoy integratsii v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovaniya [Developing ICT competence of pedagogical college students through interdisciplinary integration in digital education] [Abstract]. Buryat State University.
7. Belov, S.A., Lavrent'eva, N.B., & Lavrent'ev, G.V. (2015). Formirovanie kommunikativnoy sostavlyayushchey IKT-kompetentnosti studentov vuza sredstvami uchebnogo bloga [Developing university students' communicative ICT competence through educational blogging]. Altai State University Press.
8. Nazarova, L.I., Chistova, Ya.S., & Gritsenko, N.S. (2022). Smeshannoe obuchenie kak mekhanizm tsifrovoy transformatsii professional'nogo obrazovaniya [Blended learning as a mechanism of vocational education digital transformation]. *Agroinzheneriya*, 24(6), 76–79. <https://doi.org/10.26897/2687-1149-2022-6-76-79>.
9. Udalov, S.R. (2022). Vliyaniye tsifrovoy transformatsii obrazovaniya na podgotovku pedagogov k realizatsii gibridnogo obucheniya [The impact of digital education transformation on teacher preparation for hybrid learning implementation]. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*, 6–1. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=32344>.

Роль социальных сетей в формировании обратной связи между населением и представителями местного самоуправления в современных российских муниципалитетах

Валюкас Николай Николаевич,

преподаватель кафедры политологии, управления
и регионоведения, МОАУ ВО «Воронежский институт
экономики и социального управления»
E-mail: valyukas@yandex.ru

Статья посвящена анализу роли социальных сетей в формировании обратной связи между населением и органами местного самоуправления в современных российских муниципалитетах. В контексте цифровой трансформации социальные сети становятся ключевым инструментом коммуникации, обеспечивая оперативность, прозрачность и широкий охват аудитории. Цель исследования – выявить потенциал и ограничения цифровых платформ в контексте взаимодействия власти и общества, а также определить пути оптимизации этого процесса. Методология включает анализ кейсов российских муниципалитетов, нормативно-правовых аспектов, данных мониторинга социальных сетей и экспертных интервью. Особое внимание уделяется культурным особенностям коммуникации, таким как переход от формального стиля к неформальному диалогу, использование визуального контента и адаптация под аудиторные сегменты. Результаты исследования демонстрируют, что социальные сети способствуют повышению гражданской активности, позволяя жителям участвовать в обсуждении инфраструктурных проектов, отслеживать выполнение обязательств властей и инициировать общественный контроль. Однако выявлены риски, включая распространение дезинформации, эмоциональную напряженность в дискуссиях и цифровое неравенство между регионами. Эффективность обратной связи напрямую зависит от качества модерации, технической грамотности чиновников и наличия систем анализа данных. Внедрение инструментов, таких как онлайн-опросы, прямые эфиры и цифровые двойники территорий, повышает оперативность реагирования на запросы граждан.

Ключевые слова: социальные сети, местное самоуправление, обратная связь, цифровая коммуникация, общественный контроль.

Введение

Социальные сети в современных российских муниципалитетах становятся всё более значимым каналом взаимодействия между представителями местной власти и жителями, что во многом обусловлено растущей цифровой грамотностью населения и доступностью мобильного интернета. Многие граждане в повседневной жизни используют социальные сети как основной способ коммуникации, сочетающий в себе простоту, оперативность и широкую аудиторию. При этом немаловажную роль играет то, что передачи информации в социальных сетях способствует быстрая реакция и обратная связь от представителей муниципальной власти, что может существенно повысить эффективность принятия управленческих решений. Так, муниципальные чиновники и депутаты стали всё чаще обращаться к онлайн-площадкам, чтобы ознакомиться с мнением людей по конкретным вопросам, узнать об актуальных проблемах и найти способы их решения в более прозрачном, открытом формате, чем типичные бумажные или бюрократические процедуры [5]. Чем выше активность жителей, тем сильнее влияние социальных сетей на процесс формирования обратной связи, ведь именно от интенсивности коммуникации зависит объем поступающей информации и оперативность её отражения в решениях местного значения. Ключевым преимуществом подобных интерактивных площадок выступает возможность практически в режиме реального времени получать отклики, критику, предложения или отчеты о проблемах инфраструктуры. Тем самым социальные сети становятся своего рода передовым барометром настроений общества, позволяющим властям более точно понимать, как их инициативы воспринимаются населением. Всё это ведёт к тому, что процесс принятия решений на местном уровне начинает становиться более гибким, отзывчивым и ориентированным на удовлетворение актуальных запросов общества. Однако сложность для представителей власти кроется в потенциально высоких рисках информационных конфликтов, поскольку чрезмерная эмоциональность пользователей может приводить к распространению дезинформации или к формированию негативного образа местных властей без учёта объективных обстоятельств. Отсюда вытекает необходимость организовывать и модерировать информационные потоки, обеспечивая здоровый диалог между населением и чиновниками, чтобы избежать развития конфликтных ситуаций и неэффективных управленческих решений. Особенно важно создавать механизмы проверки достоверности информации, поступающей через сообщества в социальных сетях, а также своевременно реагировать на появление фейковых новостей, которые могут дискредитировать органы местного самоуправления и создать общественное напряжение.

Интенсивность роста активности муниципалитетов в социальных сетях во многом объясняется общим трендом цифровой трансформации, когда всё больше процессов переходит в онлайн-формат. При этом важно учитывать, что социальные сети в российских услови-

ях имеют существенные культурные особенности: традиционно в России государственные органы стремятся к более формальному общению и вертикальной структуре коммуникации, однако появление социальных сетей и их интеграция в жизнь горожан создают предпосылки для более неформального и индивидуализированного подхода к диалогу. Граждане теперь ожидают большей открытости и готовности к диалогу со стороны властей. На сегодняшний день социальные сети часто воспринимаются как наиболее доступное место для выражения мнений, жалоб, вопросов и предложений [9]. С точки зрения представителей местного самоуправления возникает задача адаптации к новым каналам взаимодействия: необходимо учиться организовывать системное ведение аккаунтов, грамотно модерировать контент, выстраивать долгосрочную стратегию коммуникации и отслеживать эффективность. Кроме того, муниципальные служащие должны понимать специфику каждой социальной платформы, ведь грамотный подход к одноклассникам и молодёжным сетям, таким как «ВКонтакте» или Telegram, может существенно различаться. Столь сложная среда требует подготовки специалистов по цифровым коммуникациям, которые умеют работать с негативом, вовлекать аудиторию в обсуждение инфраструктурных проектов, разъяснять локальные нормативные акты и грамотно доносить цели и планы муниципальных властей. Несмотря на все возможные трудности, такой подход способствует расширению возможностей формировать положительный имидж администрации и помогает оперативнее реагировать на возникающие социальные проблемы. При этом возникают вопросы, связанные с конфиденциальностью данных и безопасностью: муниципальные аккаунты могут подвергаться кибератакам, а граждане могут тревожиться о сохранности своей личной информации. Поэтому одновременно с ростом цифровых коммуникаций возрастает потребность в разработке стандартов информационной безопасности и правовой защите, что, в свою очередь, требует более тесного взаимодействия с федеральными органами, ответственными за регуляцию интернет-пространства и защиту персональных данных.

Материалы и методы исследования

Немаловажное значение имеют и культурные аспекты использования социальных сетей: большинство людей привыкли получать контент в удобной, зрелищной форме, а муниципальные чиновники, как правило, продолжают придерживаться более формального стиля, публикуя сухие отчеты и официальные заявления, не всегда адаптированные для широкой аудитории. От этого страдает качество обратной связи, ведь пользователям становится сложно воспринимать материалы, перенасыщенные техническими деталями или избыточные сложной канцелярской лексикой [1]. Вместе с тем, если местная администрация научится использовать более дружелюбный и персонализированный тон, добавлять визуальную составляющую и видеобращения, приглашать к активному обсуждению, то население будет охотнее обращаться к страницам муниципалитета за информацией либо для выражения своих мнений. Плавное внедрение современных инструментов, вроде опросов, голосований и прямых эфиров, способно придать новому формату общения дополнительную динамику и интерес. Всё это, разумеется, требует от чиновников большего вовлечения и технических навыков, а также готовности к открытому обсуждению тех или иных проблем. Заметный сдвиг в сторону цифровизации работы с населением становится одной из ключевых тенденций последних лет, и социальные

сети при этом заняли лидирующую роль в формировании разговорной культуры между властью и обществом. Сложившаяся практика показала высокую эффективность активного взаимодействия через социальные сервисы в процессе реализации локальных проектов, будь то благоустройство дворов, улучшение качества воды, транспортные реформы или культурные мероприятия [14]. Благодаря широкому охвату сети, органы местного самоуправления получают реальную возможность экономить время и ресурсы на проведение долгих бюрократических процедур опроса населения, используя вместо этого мгновенные реакции, «лайки» и комментарии, которые помогают наглядно понять, насколько та или иная инициатива поддерживается жителями. Однако единой формулы успеха не существует: в каждом муниципалитете свои особенности, связанные с уровнем урбанизации, доступностью интернета и образовательными характеристиками населения.

Важным составляющим элементом результата использования социальных сетей как канала обратной связи является степень доверия населения к самоуправленческим институтам. Учитывая, что в ряде российских регионов сохраняется определённая дистанция между чиновниками и жителями, необходимо не только технически использовать современные площадки, но и работать над формированием позитивного образа местной власти [2]. В этом смысле прямое общение мэра или главы администрации с пользователями, исполнение обещаний, данных в онлайн-пространстве, и быстрое реагирование на запросы повышают кредит доверия граждан. Как следствие, возрастает готовность общества участвовать в общественных обсуждениях и продвигать собственные инициативы, не боясь официальных отказов или замалчивания. Кроме того, использование социальных сетей позволяет властным структурам более тонко сегментировать аудиторию по интересам, локациям, возрасту. Можно быстрее находить целевые группы, которым адресованы те или иные программы, и оперативно доносить до них релевантную информацию. Своевременное и точное оповещение позволяет избежать недопонимания или слухов. При этом важно корректно выстраивать процесс обратной связи: если чиновники формально отвечают на жалобы или вопросы, не вникая в суть проблем, то негатив может накапливаться и вылиться в серьёзный репутационный кризис. Роль социальных сетей в этом случае становится двоякой: с одной стороны, они позволяют наладить контакт, с другой – мгновенно распространяют негативные сообщения и критические замечания, которые могут существенным образом бить по имиджу власти, если не проработать их вовремя. По этой причине муниципальным органам становится всё более важно своевременно отслеживать упоминания о себе в онлайн-пространстве, отвечать на негативные комментарии конструктивно и демонстрировать готовность к диалогу. Такой подход требует участия профессиональных SMM-специалистов и пресс-служб, которые разбираются в специфике локальной повестки и могут грамотно модерировать обсуждения, не скатываясь при этом в цензуру, которая раздражает пользователей и вызывает ещё больше критики.

Результаты и обсуждение

Социальные сети способны также играть роль площадки для общественного контроля, когда жители отслеживают работу местной администрации и сопоставляют обещания чиновников с реальными действиями [10]. В этом смысле каждое слово, сказанное представителем власти

в цифровом пространстве, может быть сохранено и использовано в будущем как подтверждение или опровержение конкретных обещаний. Такая «цифровая память» способствует повышению прозрачности административных процессов и может стимулировать чиновников к более ответственному выполнению своих обязанностей. С другой стороны, жителям становится удобнее реализовывать гражданские инициативы: организовывать онлайн-петиции по конкретным вопросам, привлекать единомышленников из разных частей города или района, создавать тематические группы, где обсуждаются насущные проблемы. Люди, заинтересованные в определённой сфере (экологи, урбанисты, родители школьников), объединяются для совместных действий и могут приглашать чиновников к участию в дискуссиях, обеспечивая тем самым прямой канал влияния на местные решения [12]. Таким образом, возникает своеобразная экосистема, в которой формируются новые механизмы демократии на уровне муниципалитетов. Плюсом является то, что социальные сети облегчают вовлечение людей, которым раньше было неудобно или некомфортно участвовать в офлайн-мероприятиях, например на собраниях по месту жительства. Теперь они могут выразить позицию, не выходя из дома. Впрочем, столь открытая среда иногда порождает множество ложных или анонимных обвинений в адрес местной власти, провоцирует конфликты или «витринные обсуждения», когда люди критикуют всё подряд, но не предлагают реальных решений. В этих случаях большую важность приобретает культура общения и навыки критического мышления как у граждан, так и у чиновников, которым приходится взаимодействовать с потенциально агрессивно настроенной аудиторией.

С другой стороны, использование социальных сетей даёт возможность более детально понимать структуру проблем: люди из разных микрорайонов сообщают о специфике локальных вопросов – будь то неисправный уличный фонарь, опасный перекрёсток или нехватка детских площадок [4]. Официальные отчёты не всегда способны отразить все такие нюансы локальной жизни, тогда как непрерывный поток сообщений от жителей в социальных сетях помогает формировать более полную «карту проблем». Муниципалитет, обладающий необходимыми инструментами анализа этой информации, может принимать более точечные меры, распределяя ресурсы туда, где они действительно нужны. В ряде российских городов реализуются проекты создания «цифровых двойников» территории, позволяющих в режиме реального времени визуализировать жалобы и обращения жителей, поступающие через социальные сети. Это повышает оперативность реагирования: чиновникам не нужно ждать очередного совещания, чтобы узнать об аварии на теплотрассе или о свалке мусора на окраине, а можно в тот же час связаться со службами и проконтролировать устранение проблемы. При тесном взаимодействии с коммунальными предприятиями можно отслеживать, насколько быстро происходит реакция на заявки, и таким образом выстраивать рейтинги эффективности. Всё это укрепляет чувство участия жителей в жизни муниципалитета, а также формирует у них привычку обращаться к властям через социальные сети. Поэтому частично возрастает и нагрузка на муниципальное управление, ведь растёт поток сообщений, которые необходимо обрабатывать, систематизировать и верифицировать. Если к этой работе не подходить системно, ответы будут задерживаться, а это, в свою очередь, порождает недоверие и разочарование в эффективности такого канала обратной связи. Многие граждане, один раз не получив ответ, перестают обращаться за помощью к местным чиновникам и порой склонны вы-

носить проблему в публичное пространство более агрессивно, либо искать иные пути её решения.

Поддержка со стороны региональных и федеральных властей в закреплении роли социальных сетей как инструмента формирования обратной связи в муниципалитетах становится заметной тенденцией [8]. Начиная с программ «Умный город» и ряда «Цифровых инициатив», всё больше внимания уделяется обучению муниципальных служащих современным инструментам общения, разработке методических рекомендаций, а также финансированию пилотных проектов, связанных с онлайн-голосованием и общественным контролем через интернет-платформы. Эта поддержка важна ещё и потому, что не все муниципалитеты имеют доступ к высокоскоростному интернету или обладают финансовыми ресурсами для качественного ведения социальных сетей. В некоторых отдалённых районах России люди до сих пор вынуждены использовать крайне медленное соединение, поэтому эффективная работа с ними требует альтернативных каналов либо специальных технических решений. При этом присутствует и общий социальный эффект: чем больше внимания уделяется развитию цифровых сервисов, тем выше цифровая грамотность населения, а значит, граждане могут становиться более активными и осознанными в вопросах местного самоуправления [6]. Социальные сети могут использоваться не только как инструмент жалоб, но и как пространство для массовых общественных акций, благотворительных инициатив или образовательных проектов. Важно, чтобы администрация города или района помогала продвигать подобные проекты, открыто поддерживая активистов и придавая их мнению некоторую легитимность. Так формируется доверие, которое переходит в устойчивое партнерство между властью и обществом.

Применение социальных сетей влияет не только на непосредственно процесс получения обратной связи, но и на дальнейшую реформу местного самоуправления. В частности, появляется запрос на более прозрачную систему бюджетирования, когда граждане хотя бы видят, куда конкретно идут деньги из городского бюджета, почему именно на то или иное направление тратятся ресурсы и какие результаты ожидаются [11]. В социальных сетях нередко возникает общественное требование опубликовать финансовые отчеты, раскрыть данные о подрядчиках и этапах выполнения работ. Если администрация игнорирует подобные запросы, то недовольство заметно возрастает, а в информационном поле начинают распространяться теории заговора или обвинения в коррупции. Напротив, открытая публикация информации в цифровых форматах, возможность проверить документы и задать вопросы напрямую способствуют укреплению взаимопонимания и более рациональному расходованию бюджетных средств. Так, некоторые города уже внедряют практику онлайн-трансляции заседаний городского совета, расширяют возможности для граждан участвовать в сессиях вопросов и ответов, проводить общественные слушания по основным разделам бюджета [7]. Очевидно, что социальные сети при этом становятся естественной точкой сбора мнений и помогают людям координироваться. Чем больше цифровых инструментов появляется у граждан и властей, тем легче становится реализовывать концепцию «Город для людей», предполагающую, что приоритет в развитии городской среды отдаётся интересам местных жителей. Однако на пути к этому есть и вызовы: во многих муниципалитетах не хватает кадров, способных грамотно анализировать обратную связь, есть сопротивление бюрократических структур, которым привычнее скрывать проблемные моменты вместо того, чтобы обсуждать их публично. Также

сохраняется разрыв в уровне подготовки между мегаполисами и маленькими городами, где численность населения меньше, а штат управленцев чаще всего ограничен.

Существуют примеры, когда благодаря социальным сетям активисты в короткие сроки добивались реконструкции ветхих зданий, установления светофоров на опасных участках дороги или открытия нового автобусного маршрута. Всё это свидетельствует о потенциале цифрового взаимодействия между людьми и властью, который может перерасти в устойчивую систему участия граждан в управлении городом [15]. При этом необходимо помнить, что само по себе наличие аккаунта местной администрации ещё не гарантирует реальной обратной связи: важно, как именно чиновники ведут общение, насколько доступно объясняют свои действия и вовлекают пользователей в принятие решений. Если представители власти ограничиваются лишь формальными постами и сухими сообщениями, не отвечая на комментарии, то страница быстро превращается в свалку критики, которая, в свою очередь, не приносит пользы ни властям, ни жителям. Более эффективна открытая модель отношений, когда муниципальные органы не боятся признавать ошибки или задержки в реализации проектов, рассказывают о сложностях, приглашают заинтересованные стороны к обсуждению, предлагают конкретные сроки решения. Такой подход формирует положительный эмоциональный фон в отношениях с населением, снижая уровень социальной напряжённости. К тому же, публичная дискуссия в социальных сетях может выявить неожиданные предложения и креативные идеи, которые иначе не дошли бы до чиновников по бюрократическим каналам. Конечно, открытость и публичность увеличивают ответственность и риски публичного осуждения, но именно в этом проявляется подлинная демократия на местном уровне. Российская действительность показывает, что население ценит честность и готово поддерживать те инициативы, которые искренне направлены на улучшение благосостояния граждан.

Ещё одним важным аспектом взаимодействия в социальных сетях является язык и стиль коммуникации. Большинство муниципальных документов составляется на формальном языке, который трудно воспринимается в быстром потоке новостных лент. Пользователи социальных сетей привыкли к более эмоциональному, живому и понятному контенту, поэтому умение адаптировать сообщения под соответствующий формат становится залогом успеха. Местные администрации, которые научились рассказывать о своих проектах в интересной и доступной форме, часто получают широкий охват и позитивные отзывы [3]. Использование инфографики, коротких видео, «before/after» снимков и историй успеха – всё это помогает удерживать внимание пользователей и формировать положительное отношение к деятельности властей. Однако в погоне за популярностью и лайками чиновникам не стоит забывать о достоверности и ответственности за сказанные слова. Сущность муниципального управления всё же предполагает определённую формальную составляющую, поскольку речь идёт о ресурсах, регламентах и процедурах. Задача заключается в том, чтобы найти баланс между формальностью и доступностью, не скатываясь в популизм и не воспринимая социальные сети исключительно как шоу. Кроме того, важно учитывать специфику цифровой этики: например, не публиковать ложных обещаний, не искажать статистику, не вступать в грубые словесные перепалки с пользователями. Адекватный тон и уважение к собеседникам играют ключевую роль в построении конструктивного диалога.

В отдельных ситуациях возникает потребность в более узкоспециализированных онлайн-платформах, например, создаются группы по типу «ЖКХ-контроль» или «Дорожный патруль», где жители конкретного района делятся своими наблюдениями и жалобами, а представители муниципалитета или обслуживающих организаций отвечают за состояние инфраструктуры [13]. Такие тематические сообщества, если они грамотно модерятся, дают отличный канал точечной аналитики и помогают быстро реагировать на возникающие проблемы. Однако, если модерация отсутствует, в группу могут проникать боты или анонимные аккаунты, намеренно сеющие панику или распространяющие провокационный контент. По этой причине местным властям рекомендуется не только создавать официальные аккаунты, но и сотрудничать с уже существующими неформальными группами местных жителей, чтобы наладить двусторонний обмен информацией. Зачастую такие сообщества имеют более высокую степень доверия пользователей, чем официальные страницы, поскольку сформированы «снизу» и модерируются энтузиастами. Если чиновники правильно выстраивают контакт, то публичные лидеры мнений становятся союзниками муниципальной власти и помогают донести нужную информацию до аудитории. В то же время, любые попытки подавить инакомыслие или стирать критику негативно отражаются на репутации власти и провоцируют ещё большую волну негатива. Оптимальная стратегия – открыто признать критику, если она конструктивна, и постараться совместно найти компромиссное решение, демонстрируя при этом прогрессивность и гибкость. Так формируется модель межсекторного партнёрства, где гражданские активисты, чиновники и бизнес могут объединяться в социальных сетях ради достижения конкретных целей по улучшению городской среды.

Дополнительным измерением проблемы выступает юридическая сторона вопроса: российское законодательство уже содержит положения о публичных слушаниях, обращениях граждан и открытой информации, но пока что не существует универсальных правил регулирования официальной деятельности органов местного самоуправления в социальных сетях [2]. Возникают спорные моменты в части признания сообщений из социальных сетей официальными обращениями, а также в том, как именно хранить и фиксировать эту информацию. Некоторые муниципальные чиновники опасаются использовать личные аккаунты для решения рабочих вопросов, поскольку боятся нарушить инструкции или несанкционированно разгласить служебные сведения. Поэтому для эффективного функционирования каналов обратной связи необходимо вносить корректировки в правовые акты, устанавливать базовые стандарты электронной коммуникации, разъяснять статус обращений в социальных сетях и механизм их обработки. Также следует решать вопрос об ответственности за публично высказанную информацию, чтобы противостоять распространению клеветы или ложных сведений. Без надлежащей правовой базы местным властям бывает сложно оперативно реагировать, а гражданам – понимать, какие результаты может принести их публикация в социальной сети и в какие сроки они получат ответ. Однако нельзя впадать и в другую крайность – чрезмерную регламентацию, которая может убить саму идею быстрого и непринуждённого диалога. Оптимальным решением может стать гибкое законодательство, учитывающее особенности цифровых коммуникаций и обеспечивающее избирательную фильтрацию заведомо деструктивного контента.

Выводы

Оценивая итоги влияния социальных сетей на обратную связь между населением и местным самоуправлением в современных российских муниципалитетах, можно сделать вывод, что эти платформы уже перестали быть простым дополнением к традиционным способам взаимодействия. Они стали полноценным инструментом, позволяющим повысить прозрачность, сократить дистанцию между властью и жителями, укрепить общественный контроль и создать условия для более эффективного и быстрого решения насущных проблем [1]. Проблемой остаётся вопрос качества коммуникации, её открытости и конструктивности, а также готовности самих граждан включаться в диалог. Одной из важнейших задач для муниципалитетов становится формирование цифровой культуры, предполагающей взаимное уважение участников дискуссии и соблюдение этических норм. Кроме того, стоит учитывать фактор цифрового неравенства: пока не весь контингент жителей одинаково представлен в социальных сетях, и голоса менее «цифровых» групп могут оставаться неслышанными [10]. В этом смысле нельзя полагаться исключительно на онлайн-формат, но необходимо гармонично сочетать его с офлайн-встречами, приёмами граждан в администрации и другими способами контакта. Тем не менее, динамика последних лет указывает на продолжение роста роли социальных сетей как универсального пространства для инициатив, обсуждений и контроля, который в перспективе может трансформировать привычные схемы функционирования муниципального управления. Социальные сети становятся полем общественного консенсуса или, напротив, конфликта, в зависимости от того, насколько грамотно и эффективно местная власть и граждане используют инструменты цифрового взаимодействия [2]. И даже будучи областью повышенной эмоциональности и риска дезинформации, эти площадки уже доказали свою ценность в процессе укрепления связей между населением и представителями местного самоуправления, открывая новые возможности для участия граждан в формировании будущего своих городов и районов.

Литература

1. Каллагов Т.Э. Актуальные вопросы муниципальной службы как разновидности публичной службы в законодательстве Российской Федерации // Образование и право. 2024. № 1. С. 79–81.
2. Никовская Л. И., Якимец В.Н. Муниципальная публичная политика в контексте муниципальных преобразований (по результатам социологического исследования Вологодского муниципального округа) // Местное право. 2024. № 1. С. 3–18.
3. Куконков П. И., Устинкин С.В., Вагапова Ф.Г. Социальная активность как фактор становления и развития местного самоуправления // Власть. 2024. Т. 32. № 1. С. 120–130.
4. Захарова В. И., Иоселиани Н.Т. Особенности муниципальных выборов с использованием электронного голосования // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. № 1 (31). С. 87–94.
5. Бухвальд Е. М., Бессонов И.С. Субрегионы в пространственной организации регионов Российской Федерации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 1. С. 7–27.
6. Сиротинин Н. А., Плеханов Е.А. Информационная концепция «открытого муниципалитета» // Ученые записки. 2024. № 1 (49). С. 26–29.

7. Власова Е. Л., Игнатъева И.В. Принципы взаимодействия органов представительной и исполнительной власти муниципального образования // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2 (230). С. 203–206.
8. Кириченко А.В. Правовое регулирование распространения информации в социальных сетях, запрещенных на территории Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2024. № 1 (50). С. 50–55.
9. Мерзляков А. А., Гусейнова К.Э., Смирнова А.С. Эффективность взаимодействия органов власти с населением в условиях реализации национальных проектов: анализ социальных сетей // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. Т. 19. № 1. С. 86–105.
10. Баширина Е. Н., Рахимов Д.Р., Казанцев И.С. Местное самоуправление в России: грядущие изменения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 3–1 (90). С. 37–41.
11. Комлев Е.Ю. Формы участия населения в осуществлении местного самоуправления: опыт Аргентины в контексте реформирования российского законодательства // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2024. Т. 10. № 1 (37). С. 53–70.
12. Петухов Н.А. Получение государственных и муниципальных услуг лицами старшего возраста с использованием сети интернет // Инновационное развитие экономики. 2024. № 1 (79). С. 146–149.
13. Прокопьев Е. А., Курило А.Е., Губина О.В., Шлапко Е.А. Факторы цифровизации местных администраций в Северо-Западном федеральном округе России: взгляд через социальные медиа // Балтийский регион. 2024. Т. 16. № 2. С. 157–183.
14. Иванов А.А. Юридическая природа представительного органа муниципального образования // Власть Закона. 2024. № 2 (58). С. 290–300.
15. Пиценко А.И. Особенности формирования органов местного самоуправления на территории новых регионов Российской Федерации // Современное право. 2024. № 7. С. 11–14.

THE ROLE OF SOCIAL NETWORKS IN SHAPING FEEDBACK BETWEEN THE POPULATION AND REPRESENTATIVES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN MODERN RUSSIAN MUNICIPALITIES

Valyukov N.N.

Voronezh Institute of Economics and Social Management

The article is devoted to the analysis of the role of social networks in shaping feedback between the population and local self-government bodies in modern Russian municipalities. In the context of digital transformation, social networks are becoming a key communication tool, ensuring promptness, transparency, and a broad audience reach. The aim of the study is to identify the potential and limitations of digital platforms in the context of government-society interaction, as well as to determine ways to optimize this process. The methodology includes an analysis of case studies from Russian municipalities, normative-legal aspects, data from social network monitoring, and expert interviews. Special attention is paid to cultural communication features, such as the shift from a formal style to an informal dialogue, the use of visual content, and adaptation to audience segments. The study's results demonstrate that social networks contribute to increased civic engagement, allowing residents to participate in discussions of infrastructure projects, monitor the fulfillment of government commitments, and initiate public oversight. However, the study identifies risks including the spread of disinformation, emotional tension in discussions, and digital inequality between regions. The effectiveness of feedback directly depends on the quality of moderation, the technical literacy of officials, and the availability

of data analysis systems. The implementation of tools such as online surveys, live broadcasts, and digital twins of territories enhances the prompt response to citizens' inquiries.

Keywords: social networks, local self-government, feedback, digital communication, public oversight.

References

1. Kallagov T.E. Current Issues of Municipal Service as a Type of Public Service in the Legislation of the Russian Federation // *Education and Law*. 2024. No. 1. pp. 79–81.
2. Nikovskaya L. I., Yakimets V.N. Municipal Public Policy in the Context of Municipal Transformations (Based on the Results of a Sociological Study of the Vologda Municipal District) // *Local Law*. 2024. No. 1. pp. 3–18.
3. Kukonkov P. I., Ustinkin S.V., Vaghapova F.G. Social Activity as a Factor in the Formation and Development of Local Self-Government // *Power*. 2024. Vol. 32. No. 1. pp. 120–130.
4. Zakharova V. I., Ioseliani N.T. Features of Municipal Elections Using Electronic Voting // *Citizen. Elections. Power*. 2024. No. 1 (31). pp. 87–94.
5. Bukhvald E. M., Bessonov I.S. Subregions in the Spatial Organization of the Regions of the Russian Federation // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2024. No. 1. pp. 7–27.
6. Sirotinin N. A., Plehanov E.A. The Information Concept of the "Open Municipality" // *Scientific Notes*. 2024. No. 1 (49). pp. 26–29.
7. Vlasova E. L., Ignatieva I.V. Principles of Interaction Between the Representative and Executive Authorities of the Municipal Formation // *Law and State: Theory and Practice*. 2024. No. 2 (230). pp. 203–206.
8. Kirichenko A.V. Legal Regulation of the Dissemination of Information in Social Networks Banned on the Territory of the Russian Federation // *Monitoring of Law Enforcement*. 2024. No. 1 (50). pp. 50–55.
9. Merzlyakov A. A., Guseynova K.E., Smirnova A.S. Effectiveness of Interaction Between Government Agencies and the Population Under the Implementation of National Projects: An Analysis of Social Networks // *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2024. Vol. 19. No. 1. pp. 86–105.
10. Bashirina E. N., Rakhimov D.R., Kazantsev I.S. Local Self-Government in Russia: Forthcoming Changes // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2024. No. 3–1 (90). pp. 37–41.
11. Komlev E. Yu. Forms of Citizen Participation in the Implementation of Local Self-Government: The Argentine Experience in the Context of Reforming Russian Legislation // *Bulletin of Tyumen State University. Socio-Economic and Legal Research*. 2024. Vol. 10. No. 1 (37). pp. 53–70.
12. Petukhov N.A. Access to State and Municipal Services by Senior Citizens Using the Internet // *Innovative Economic Development*. 2024. No. 1 (79). pp. 146–149.
13. Prokopyev E. A., Kurilo A.E., Gubina O.V., Shlapeco E.A. Factors of Digitalization of Local Administrations in the Northwestern Federal District of Russia: A Perspective Through Social Media // *Baltic Region*. 2024. Vol. 16. No. 2. pp. 157–183.
14. Ivanov A.A. The Legal Nature of the Representative Body of a Municipal Formation // *Law of Authority*. 2024. No. 2 (58). pp. 290–300.
15. Pitsenko A.I. Features of the Formation of Local Self-Government Bodies in the Territories of New Regions of the Russian Federation // *Modern Law*. 2024. No. 7. pp. 11–14.

Современное информационное противоборство: социокультурная обусловленность

Гостев Александр Николаевич,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры информационной культуры цифровой трансформации, Московский государственный лингвистический университет
E-mail: Gostevan@inbox.ru

Сельская Полина Дмитриевна,

аспирант, ассистент кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет
E-mail: polina88.07@inbox.ru

В статье резюмируются теоретические аспекты такого явления, как «информационное противоборство»; детализируются исторические аспекты эволюции информационного противоборства; представлена специфика информационного противоборства; проведен анализ научных и специальных трудов по вопросам информационного противоборства, представлены исторические события, связанные с развитием информационного противоборства и их современным состоянием; раскрываются черты информационного противоборства в современных социокультурных обстоятельствах; представляется информационное противоборство, как классическое военное оружие; раскрываются факторы, выделенные в политической, культурной, экономической, технологической и иных сферах общественной жизни, под воздействием которых формируются общественные отношения, оказывающие влияние на процесс информационного противоборства; описываются актуальные средства, методы информационного противоборства, способы заступничества от информационного воздействия неприятеля; делается акцент на необходимости укрепления системы отечественного информационного противоборства; анализируется опыт СССР и Украины по защите от информационно-психологического влияния; представлены результаты опроса преподавательского состава Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), Московского педагогического государственного университета (МПГУ), Института непрерывного образования «Профессионал» (ИНО), слушателей заочного обучения Академии управления МВД РФ; определены защитные способы от информационно-психологического воздействия; представлены результаты экспериментального исследования; оценена эффективность отечественных сил и средств социокультурного механизма управления информационным противоборством; предоставлены результаты опроса экспертов о качестве работы российской системы информационного противоборства в современных условиях; дано обоснование формам воздействия на сознание населения противника через социальные сети, телевидение, СМИ и другие источники передачи информации; представлено мнение студенческой молодежи по результатам исследования о российском кино, с целью повышения уровня патриотизма у молодых людей; представлены результаты анализа наиболее сложных для противника способов воздействия информационного противоборства в современных социокультурных условиях; результаты исследования представлены в графическом виде.

Ключевые слова: информационное противоборство, новые социокультурные условия, молодежь, информационно-психологическое воздействие, институционализация, специальная военная операция России на Украине.

Введение

Планетарные социокультурные центры переживают угасание ключевых человеческих ценностей и погружение в неопределенность будущего общества. В общественном сознании и в некоторых кругах все сильнее проникает беспокойство начала третьей мировой войны. Третья мировая война с применением атомного оружия. В своих трудах Н.А. Бердяев призывает Россию к независимости, при этом акцент делает на отказе российского общества от капитализма и большевизма в своей книге «Судьба человека в современном мире» (1934 г.). В трудах Бердяева Н.А. представлена Россия, как величественная и пророческая страна.

Бердяев Н.А. призывает для России рядовой путь своего развития, который обусловлен следующими вариантами:

- достоинством;
- незыблемостью.

Следует акцентировать внимание на патриотизм страны, который направлен идею эксклюзивности России. Вопросы патриотизма были представлены еще в древней теории инок Филофея: «Москва – Третий Рим». В древней теории рассмотрены изречения Филофея о том, что весь мир погружен в зло и тьму. Великая Русь представлена как царство благоденствия и божьего мира.

Далее проведем анализ трудов гуманистов Запада: Ф. Фукуямы, С. Хантингтона и И. Валлерстайна. В своих трудах они заявляют об «эпilogе» и неизбежной «вселенской катастрофе», заключающуюся в том, что в случае, если мир не примет либерализм и не создаст «постиндустриальное общество» после падения фашизма и коммунизма последует катастрофа глобального значения. Однако оказалось, что стремление к распространению в мире западной либеральной демократии, как единственно верной модели управления, является авантюристичной и может быть отнесена к новой форме мирового господства, на которую поднялась древняя цивилизация.

Исследование и анализ представленных научных трудов свидетельствуют о том, что авторы считают, что современные концепции, обусловленные полемиками о приоритетах развития общества, направленные на идеологию, религию и мировоззрение. Представленные концепции направлены на ключевые подходы к формированию общества потребителей.

Исследователи в своих трудах доказывают рассматривают мировые угрозы в виде аналитической концепции «столкновения цивилизаций». Данная концепция описывается в трудах С. Хантингтона, который рассматривал глобальные конфликты в контакте с культурными факторами. С. Хантингтон предположил, что такого понятия, как «универсальная цивилизация» не существует и существовать не может, данное понятие нельзя адаптировать к современному развитию общества. Данное концепция направлена на переосмысление традиционных представлений о пропорции идеального и материального в информационной борьбе.

Следует отметить, что Российская специальная военная операция на Украине повлияла на все сферы жизни

ни в мире, спровоцировав изменения в политической, социально-экономической, технологической и других областях, при этом создав новые социокультурные реалии. Она открыла острую необходимость более эффективной защиты информационного пространства, направленную на усиление информационного противостояния между противоборствующими государствами [3, с. 176].

В связи с динамично меняющимися социокультурными условиями, актуальным становится более глубокое исследование сущности и содержания феномена «информационное противоборство», включая его ключевую составляющую – защиту от информационно-психологических атак со стороны противника.

Целью статьи является определение основных особенностей информационного противоборства в новых мировых социокультурных условиях.

Исследовательские задачи:

- конкретизировать теоретические составляющие информационного противоборства;
- провести анализ исторических фактов, направленных на совершенствование информационного противоборства в стране и обществе;
- обосновать ключевые методы информационного противоборства и способы реализации защиты от информационного психологического воздействия противника;
- оценить эффективность и эффект отечественных средств применения социокультурного механизма ведения информационного противоборства.

Исследование проводилось с 30 марта по 20 сентября 2024 года.

Инструментарий исследования:

Основой исследования являются теоретические методы – обстоятельный анализ документов, синтез, моделирование; эмпирические методы – опрос экспертов, респондентов, наблюдение, беседа. В опросе принимали участие профессорско-преподавательский состав Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), Московского педагогического государственного университета (МПГУ), Института непрерывного образования «Профессионал» (ИНО), слушатели заочного обучения Академии управления МВД РФ, осуществляющие профессиональную деятельность в различных регионах России. Эксперты (N = 216 чел.). Студенты МПГУ, МГЛУ, ИНО «Профессионал». Генеральная совокупность 17 000 человек, выборка 398 чел., ошибка выборки – 5%. Опрашиваемые согласились на использование и анализ своих данных.

Результаты и обсуждения

Сегодня информация является высоколиквидным ресурсом, активом, а ее сбор, анализ, использование и распространение превратились для многих людей в профессию. Успешность, результативность, продолжительность и усердие работы человека напрямую зависят от качества и оперативности получаемой им информации. Как показывает практика, восприимчивость людей к различным информационным воздействиям определяется множеством факторов, среди которых выделяются качество организации информационного противоборства, а также такие факторы, как правовые нормы, общественные тренды, престиж, статус, возраст, место жительства, национальность, религиозные убеждения, интересы и традиционные культурные ценности.

В современном информационном противоборстве наблюдается тенденция к усиленной институционализации. Рост формальных и неформальных институтов, занимающихся производством информации, пропаган-

дой и агитацией [15, с. 77], делает виды, формы, способы и особенности регулирования информационного противоборства объектом изучения в рамках правовых, экономических, социологических и других гуманитарных дисциплин, затрагивающих различные сферы человеческой деятельности.

Так, история, состояние и перспективы развития информационного противоборства в системе мобилизационной подготовки военнообязанных к военной защите России исследовались В.А. Черных [16, с. 9]; культурно – социальное поведение населения в условиях информационного противоборства – С.В. Абрамовым [1, с. 23]; информационное противоборство в системе социопсихологической подготовки молодежи к военной защите государства А.Н. Гостевым [3, с. 98]; информация как социокультурный фактор войны – Т.С. Демченко [4, с. 105]; управленческие аспекты информационно-психологической защиты социальной организации, как фактор обеспечения безопасности личности – Д.В. Чистяковым [17, с. 9]; информационное противоборство в условиях мировой социокультурной неопределенности – П.Д. Сельской [13, с. 122]; противоборство в системе обеспечения отечественной импортнезависимости от иностранных средств информационных технологий – Л.С. Ивановой [8, с. 72]; информационное противоборство в организации управления органом внутренних дел Российской Федерации – Е.В. Чеплуховым [15, с. 77]; вовлеченность органов внутренних дел к защите российских массовых коммуникативно – информационных составляющих – С.В. Кокшаровым [9, с. 111]; информационное противоборство как условие устранения экстремизма и терроризма в России – Э.Б. Кубановым [10, с. 35] и другими. То есть, как показывают результаты анализа научной литературы, разработка системы информационного противоборства в новых мировых социокультурных условиях – это комплексная управленческая проблема.

Анализ результатов исследования информационной войны в контексте современных мировых социокультурных реалий показал, что информационное противоборство выступает как общественный механизм, вовлекая в свою структуру силы, средства и ресурсы многих федеральных органов исполнительной власти и организаций гражданского общества. Информационное противоборство представляет собой специфический способ воздействия на общественное сознание населения противника, направленный на формирование устойчивости к негативным информационным воздействиям со стороны оппонентов в социально-культурной сфере.

Априори, информация всегда была составной частью организованной человеческой деятельности. С древних времен информация являлась предметом изучения. Так, Платон в сочинении «Законы» утверждал, что причиной войн между государствами, вражды внутри государства, внутренней конфликтности является информация [12, с. 143]. В трактате «Законы Ману» (Индия, III век до н.э.) представляются информационные методы ведения войны. Один из методов – поощрение мятежников в войсках противника [7, с. 112]. В труде «Троецарствие» (Китай) предложено распространять в стане противника материалы, содержащие обвинения его руководства в ведении преступной войны, и оправдывать свои действия, представлять их как справедливые [14, с. 85].

В истории известно много примеров, когда борьба велась без применения классического боевого оружия, только информационными средствами. Так, татаро-монголы отправляли противнику устрашающий своим содержанием «ярлык», где предлагалось покориться и не оказывать военного сопротивления [3, с. 126]. Известно, что Наполеон и Александр I во время вой-

ны 1812–1813 гг. активно применяли информационно-пропагандистские материалы, дискредитирующие друг друга [5, с. 115]. Особое развитие этот вид противоборства получил в XX веке. Можно утверждать, что в это время был и остается бесценным опыт СССР. Например, в декабре 1917 г. был образован отдел революционной пропаганды. Далее отдел пропаганды был переименован в марте 1918 года в отдел политической литературы. В декабре 1918 года этот орган был значительно усилен за счет создания отдела советской пропаганды (Агитпроп) [2, с. 36]. Отдел пропаганды и агитации стал одним из важнейших органов советского правительства. Функции отдела заключались в ведении информационного противоборства с агрессорами – западными странами. По мнению большевиков – пропаганда эффективный вид оружия.

Известен такой факт, что 14 августа 1918 г. В.И. Ленин направил Пензенскому губернскому исполкому телеграмму следующего содержания: «Вторая жалоба, что Вы сокращаете агитацию, уменьшаете тираж листовок, жалуетесь на недостаток денег. Мы не пожалеем сотен тысяч на агитацию. Требуйте срочно денег от ЦИКа, недостатка денег не будет. Такие отговорки мы не примем» [11, с. 149]. Содержанию данной телеграммы противник оценил высоко. Комментарии были представлены в газете «Жизнь», издаваемой в войсках Деникина в 1919 году, в которых отмечалось: «Советская пропаганда, пожалуй, самое страшное оружие большевиков» [6, с. 204].

Информационное противостояние было не менее яростным в Великую отечественную войну. Уже с первых дней наступления фашистской Германии Всесоюзное радио 14 раз в день предоставляло слушателям свежую информацию, велась трактовка военно-политической обстановки, освещалась информация о героических подвигах советских воинов, транслировались записи военных концертов и запускались агитационные программы, такие, как «Слушай фронт», «Письма на фронт», «Письма с фронта» и другие.

Опыт информационного противоборства, накопленный нами, без сомнения, актуален и в социокультурной реальности XXI века.

Сегодня термин «психологическая операция» вошел в военную лексику и стал одним из инструментов достижения национальных целей стран НАТО, как в условиях мирного времени, так и во время вооруженных конфликтов. В США, например, решение о проведении психологической операции принимается президентом, психологические операции в США рассматриваются наравне с боевыми операциями. В США для взаимодействия с населением враждебных государств сформированы спецподразделения, состав которых был сформирован из высококлассных специалистов, осуществляющих деятельность в области разведки, иностранных языков, истории, журналистики, фотографии, изобразительного искусства, полиграфии, связи, юриспруденции, психологии, рекламы и других смежных сферах [3, с. 239].

Социокультурные условия, которые охватывают политическую, культурную, экономическую, технологическую и другие сферы общественной жизни, оказывают значимое влияние на формирование общественных отношений. Список данных факторов столь же разнообразен, как и виды человеческой деятельности, и постоянно меняется в соответствии с актуальными потребностями общества. Результаты анализа нормативно – правовых, научных документов показывают, что таковыми условиями могут быть: опасность мировой войны и отношение населения к военной защите государства; регулирование, жизненные приоритеты и традиции общества; юридическая система; состояние гражданского общества;

защита; международные связи; демографическая обстановка; отношение людей к профессиональной деятельности и удовлетворенности жизнью; уровень роста населения; качество знаний, подготовки населения; стандартов образования; мобильность людей; связи с соотечественниками, проживающими за рубежом; защита здоровья населения; качество культурного обеспечения (кино, театр, литература); экологическое сознание, охрана природы, ее ресурсов; работа с молодым поколением; отношения в сфере сельского хозяйства, рыболовства; спортивное воспитание; транспортная инфраструктура; защита труда; отношение населения к налогообложению; уровень защиты интеллектуальной собственности; обеспечение безопасности государства (ФСБ России); межнациональные, религиозные отношения; пенсионное обеспечение и социальное страхование и другие.

Представленная система условий объективно содержит в себе много противоречий, обусловленных разногласием по поводу качества организации информационного противоборства. Осложнение этих противоречий обязательно приводит к различным конфликтам в системах управления [6, с. 72]. Например, неточная оценка социокультурных условий на Украине обусловила сложности в управлении специальной военной операцией. А неправильные выводы о социокультурных потребностях российского населения привели к отторжению большей части молодежи от просмотра телевизионных передач (см. рисунок 1).

Рис. 1. Частота просмотра студенческой молодежью информационных программ российского телевидения

Рис. 2. Оценка экспертами качества работы российских СМИ в условиях проведения специальной военной операции на Украине

Как представлено на рисунке, наблюдается неудовлетворенность качеством работы российских СМИ в условиях проведения специальной военной операции (см. рисунок 2).

Почти половина из них сомневаются в надежности защиты российского населения от информационно-психологических воздействий противника (см. рисунок 3).

Рис. 3. Мнение экспертов о качестве работы российской системы информационного противоборства в современных условиях

Априори, в современных условиях информационное противоборство перешло на уровень максимальной интенсивности, оно ведется во всей системе социального взаимодействия – от межличностных до межгосударственных отношений. Повышение уровня напряженности в информационном противоборстве обусловлено этнической враждой, религиозной, национальной нетерпимостью, различиями в жизненных позициях, геополитическими целями государств и многим другим.

В меняющемся социокультурном пространстве информационные средства воздействия являются самым опасным видом оружия. Например, их применение разрушило СССР, переформатировало сознание русского народа на Украине и обусловило начало военных действий.

В современных реалиях уместно рассматривать понятия «информационное противоборство» и «информационная война» как синонимы. Некоторые ученые определяют информационную войну как информационное противоборство, перешедшее от неконфронтационного этапа к вооруженному, или же к крайне агрессивному [1, с. 18]. В последнем случае, как правило, используются информационно-психологические операции, которые сегодня активно интегрируют элементы сетевых и кибер-атак. Через социальные сети, телевидение, средства массовой информации и другие каналы распространяется информация для населения противника, при этом оказывается воздействие информационно-психологического характера, направленное на снижение его боевого духа и сопротивляемости.

Анализ научной литературы выявил, что современное информационное противоборство немислимо без вовлечения в него ресурсов и потенциала образовательно-социокультурного механизма. В его состав входят знания, умения, навыки, компетентностные составляющие, привычки патриотического поведения, национальные традиции, мировоззрение и убеждения граждан, а также различные их сочетания, которые именуются социальными ценностями. Содержание этого механизма формируется под влиянием как внутреннего, так и внешне-

го культурного окружения. Данный социальный феномен способствует высокой степени единства населения в борьбе с информационными атаками со стороны противника [3, с. 125].

Априори, информационное противоборство осуществляется для определенных целей. Целями могут быть изменения психологии индивида или социальной организации, т.е. цели направлены на желаемый результат.

Нужная информация, направленная на определенные цели, может оказать воздействие на взгляды индивида, менять его мнение, ценности, умонастроение, мотивы, установки, привычный образ жизни и в целом влиять на коллективное сознание. При этом противник, использующий нужную ему информацию, может разрушить систему государственного управления, сломить моральный дух общества, тем самым разрушить человеческий потенциал в группировках войск.

В новых социокультурных условиях для манипулирования сознанием населения продолжают совершенствоваться и интенсивно использоваться различные средства, приемы, методы:

- психологического давления («эффект Гейббельса», ссылка на мнение авторитета, замалчивание информации, «игра» цифрами и фактами);
- скрытого проникновения в сознание людей (реклама стиля жизни, пропаганда мнимых ценностей западной культуры через СМИ, мелодии, телепрограммы, кинофильмы, моду, слухи).
- деформации законов логики, некорректной аналогии, поспешной индукции, недостаточной доказательной базы, подмены причины следствием, вывод без убедительного основания и другие логические уловки.

Результаты опроса студентов свидетельствуют о том, что социально-психологические ориентиры и ценности молодежи претерпели существенные изменения. В настоящее время в нашей стране наблюдаются негативные тенденции, среди которых выделяются снижение патриотизма у молодых поколений, скептическое отношение к национальным традициям и другим негативным явлениям (см. рисунки 4, 5).

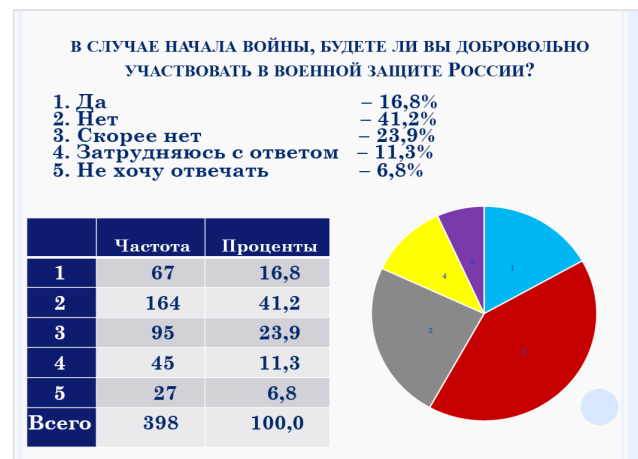

Рис. 4. Мнение студенческой молодежи о военной защите государства

Социально-культурные факторы в информационном противоборстве, особенно в условиях неопределенности, представляют собой отражение многообразия социальных, личных ценностей, позиций, пристрастий и традиций. Данное многообразие основано на знаниях, опыте, навыках и убеждений индивида, являясь определенным щитом, направленным на защиту от проникновения фальшивой информации со стороны противника.

Исследование выявило, что для неприятеля самыми труднопреодолимыми барьерами в информационном противостоянии в новых социокультурных реалиях являются традиционные ценности, убеждения и мировоззрение людей (рис. 5).

Рис. 5. Мнение студенческой молодежи о российском кино

Выводы

Таким образом, деградация фундаментальных человеческих ценностей, ощущение неопределенности в жизненных перспективах и все более реальная угроза третьей мировой войны с применением ядерного оружия оказывают существенное влияние на эффективность организации информационного противостояния в современных мировых социокультурных реалиях. Российская спецоперация на Украине стала катализатором глобальных перемен, повлияв на все сферы жизни: политические, социально-экономические и другие, и создав новые социокультурные условия. Её действия подчеркивают актуальность создания более действенной защиты информационного поля.

Исходя из современных реалий информация представляет собой высокоценный актив, а деятельность, связанная с информацией, превратилась в профессию для многих. В настоящее время информационное противоборство отличается высокой степенью институционализации и динамичным научно-исследовательским процессом.

В современном мире информационное противоборство представляет собой общественный механизм, включающий силы, средства, ресурсы практически всех федеральных органов исполнительной власти и институтов гражданского общества; специализированная форма изменения общественного сознания населения противника; защита своих людских ресурсов в социально-культурном пространстве на невосприимчивость негативных воздействий оппонентов.

Проблема информационного противоборства актуальна для общества, поэтому не перестает быть предметом постоянного изучения.

Социокультурные условия, проявляющиеся в политической, культурной, экономической, технологической и других сферах, оказывают существенное влияние на формирование общественных отношений. Этот перечень факторов, определяющих взаимодействие людей, отражает разнообразие человеческой деятельности и актуальные потребности общества.

Эффективность российской системы информационного противоборства сегодня сталкивается с рядом серьезных препятствий. К ним относятся: снижение

доверия со стороны населения к российским телеканалам и другим СМИ; сомнения в надежности защиты от информационно-психологических атак противника, которые усиливаются в условиях их беспрецедентной интенсивности; недостаточная мобилизация ресурсов, входящих в образовательный и социокультурный механизм; падение уровня патриотизма среди мобилизационных резервов.

Литература

1. Абрамов С.В. Конструкт будущего как объект жизненного мира и регулятив социокультурного поведения россиян: автореф. дис. ...канд. соц. наук. Майкоп, 2021. 31 с.
2. Большевицкая печать. 1936. № 11.С. 36.
3. Гостев А.Н. Социально-психологическая подготовка студенческой молодежи к военной защите государства: монография. Москва, МПГУ, 2023, 400 с. DOI: 10.31862/9785426312623; EDN: XUJTSY.
4. Демченко Т.С. Информационное противоборство как социокультурный фактор войны // В сборнике: Информационная безопасность: вчера, сегодня, завтра. Сборник статей по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции. М., 2023.С. 102–106. EDN: BEIMQN
5. Демченко Т.С. Управление информационно-психологической защитой социальной организации (социологический аспект): монография. М.: Изд-во СГУ, 2013. 252 с.
6. Деникин А.И. Большевицкий переворот // Октябрьская революция: Мемуары. М. Орбита, 1991. 464 с.
7. Законы Ману. М.: Академия наук СССР, 1960 г.
8. Иванова Л.С. Социальная инженерия в системе обеспечения отечественной импортонезависимости от иностранных средств информационных технологий: этический аспект // Вестник Академии права и управления. 2023. № 1 (71). С. 69–78. DOI: 10.4762/9/2074-9201_2023_1_69_78; EDN: NRLESH.
9. Кокшаров С.В. Система российских массовых коммуникаций: регулирование органами внутренних дел // Вестник Академии права и управления. 2022. № 2 (67). С. 107–119. DOI: 10.47629/2074-9201_2022_2_107_119; EDN: HPKHUR.
10. Кубанов Э.Б. Экстремизм и терроризм в России: социолого-управленческий аспект // Вестник Академии права и управления. 2021. № 2 (63). С. 29–40. DOI: 10.47629/2074-9201_2021_2_29_40; EDN: VD-HOLG.
11. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 149.
12. Платон. Законы // соч.: в 3 т.; пер. А.Н. Егунова, Т.З. Ч. 2. М., 1972.
13. Сельская П.Д. Информационное противоборство в условиях мировой социокультурной неопределенности // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 1. С. 120–126. EDN: FAPHYW.
14. Троецарствие (Саньо) // Самойловка – Сигиллярии. М.: Советская энциклопедия, 1955. С. 85.
15. Чеплухов Е.В. Организация управления органом внутренних дел Российской Федерации: социологический аспект // Вестник Академии права и управления. 2020. № 3 (60). С. 75–85. DOI: 10.47629/2074-9201_2020_20_12_13; EDN: VQYRFO.
16. Черных В.А. Совершенствование государственного управления подготовкой людских мобилизационных ресурсов в интересах обеспечения военной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, ВАГШ ВС РФ, 2003. 26 с.

17. Чистяков Д.В. Управление информационно-психологической защитой социальной организации как фактор обеспечения безопасности личности: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 24 с.

MODERN INFORMATION WARFARE: SOCIOCULTURAL CONDITIONALITY

Gostev A.N., Selskaya P.D.

Moscow State Linguistic University; Moscow State Pedagogical University

The article summarizes the theoretical aspects of such a phenomenon as "information warfare"; details the historical aspects of the evolution of information warfare; presents the specifics of information warfare; analyzes scientific and special works on information warfare; presents historical events related to the development of information warfare and their current state; reveals the features of information warfare in modern socio-cultural circumstances; information warfare is presented as a classic military weapon; the factors identified in political, cultural, economic, technological and other spheres of public life are revealed, under the influence of which social relations are formed that influence the process of information warfare; the actual means, methods of information warfare, and ways of defending against the information influence of the enemy are described; Russian Federation; identified protective methods against information and psychological impact; the results of an experimental study are presented; the effectiveness of domestic forces and means of the socio-cultural information warfare management mechanism is assessed; experts assess the quality of Russian media work in the context of a special military operation in Ukraine; the results of an expert survey on the quality of the Russian information warfare system in modern conditions are provided; a justification is given for the forms of influence on the consciousness of the enemy population through social networks, television, mass media and other sources of information transmission; the opinion of students based on the results of a study on Russian cinema is presented, in order to increase the level of patriotism among young people; the results of an analysis of the most difficult ways for the enemy to influence information warfare in modern socio-cultural conditions are presented; the results of the study are presented graphically.

Keywords: information warfare, new socio-cultural conditions, youth, informational and psychological impact, institutionalization, special military operation of Russia in Ukraine.

References

1. Abramov S.V. The construct of the future as an object of the life world and the regulative of sociocultural behavior of Russians: avtoref. dis... Cand. Sciences (Soc.). Maykop, 2021. 31 p.
2. The Bolshevik Press. 1936. № 11. 36 p.
3. Gostev A.N. Socio-psychological preparation of student youth for the military defense of the state: a monograph. Moscow, MSPU, 2023, 400 p. DOI: 10.31862/9785426312623; EDN: XU-JTSY.
4. Demchenko T.S. Information warfare as a socio-cultural factor of war. In the collection: Information security: yesterday, today, tomorrow. Collection of articles based on the materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow, 2023. P. 102–106. EDN: BEIMQH.
5. Demchenko T.S. Management of information and psychological protection of a social organization (sociological aspect): a monograph. Moscow: SSU Publishing House, 2013. 252 p.
6. Denikin A.I. The Bolshevik Coup. The October Revolution: Memory. Moscow. Orbita PH, 1991. 464 p.
7. The Laws of Manu. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1960.
8. Ivanova L.S. Social engineering in the system of ensuring domestic import independence from foreign information technology tools: an ethical aspect. Bulletin of the Academy of Law and Management. 2023. № 1 (71). p. 69–78. DOI: 10.47629/2074-9201_2023_1_69_78; EDN: NRLESH.
9. Koksharov S.V. The system of Russian mass communications: regulation by internal affairs bodies. Bulletin of the Academy of Law and Management. 2022. № 2 (67). p. 107–119. DOI: 10.47629/2074-9201_2022_2_107_119; EDN: HPHUR.
10. Kubanov E.B. Extremism and terrorism in Russia: the socio-managerial aspect. Bulletin of the Academy of Law and Management. 2021. № 2 (63). p. 29–40. DOI: 10.47629/2074-9201_2021_2_29_40; EDN: VDHOLG.
11. Lenin V.I. The complete works. V.50. p. 149.
12. Platon. Laws. An essay. In 3 vol. Transl. by A.N. Egunov. V 3. Part 2. Moscow, 1972.
13. Selskaya P.D. Information warfare in the context of global socio-cultural uncertainty. Bulletin of the Academy of Law and Management. 2023. № 1. p. 120–126. EDN: FAPHYW.
14. The Three Kingdoms (Sanguo). Samoylovka – Sigillaries. Moscow: The Soviet Encyclopedia, 1955. p. 85.
15. Cheplukhov E.V. Organization of management of the body of internal Affairs of the Russian Federation: a sociological aspect. Bulletin of the Academy of Law and Management. 2020. № 3(60). p. 75–85. DOI: 10.47629/2074-9201_2020_20_12_13 ; EDN: VQYRFO.
16. Chernykh V.A. Improving the State management of the training of human mobilization resources in the interests of ensuring the military security of the Russian Federation: avtoref. dis... Cand. Sciences (Pol.). Moscow, VAGSH OF THE Russian Armed Forces, 2003. 26 p.
17. Chistyakov D.V. Management of information and psychological protection of a social organization as a factor of ensuring personal security: avtoref. dis... Cand. Sciences (Soc.). Moscow, 2007. 24 p.

Социальные механизмы материального стимулирования труда в современных организациях

Дун Юэцзяо,

аспирант, МГУ им. М.В. Ломоносова

E-mail: 905141222@qq.com

В статье рассматриваются социальные механизмы материального стимулирования труда в современных организациях с позиций социологического анализа. Автор проводит систематизацию подходов к пониманию стимулирования как многоуровневой социальной практики, отражающей характер трудовых отношений и организационной культуры. Выделяются институциональные и неформальные формы стимулирования, анализируется их взаимодействие и влияние на внутреннюю структуру организации. Особое внимание уделяется эффектам стимулирующих практик – формированию организационной лояльности, социальной стратификации, а также рискам конкуренции и эрозии коллективной идентичности. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к проектированию систем стимулирования с учётом социокультурного контекста и динамики внутренних взаимодействий. Теоретические выводы статьи могут быть использованы при разработке моделей устойчивого и справедливого управления персоналом в условиях трансформирующегося социального пространства труда.

Ключевые слова: материальное стимулирование труда, социальные механизмы, организационная культура, трудовая мотивация, социальная стратификация, неформальные практики

Введение

Современные организации функционируют в условиях глубоких структурных преобразований, охватывающих как экономическую сферу, так и социальные институты труда. Эволюция форм занятости, рост нестабильности рабочих мест, переход к проектным и гибким форматам труда сопровождаются пересмотром традиционных подходов к мотивации работников. В этих условиях материальное стимулирование не может рассматриваться исключительно как инструмент экономического характера. [1] Оно приобретает многослойную социальную природу, выступая в качестве важнейшего механизма регулирования поведения работников, формирования лояльности и воспроизводства трудовой дисциплины.

Социальные механизмы материального стимулирования представляют собой систему взаимодействия между актёрами трудовых отношений, опосредованную нормами, ожиданиями, символическими значениями и институциональными ограничениями. Их функционирование определяется не только величиной и структурой выплат, но и контекстом организационной культуры, особенностями управленческого стиля, уровнем доверия и степенью включённости персонала в процессы принятия решений. [2] В этом смысле материальное стимулирование становится полем социального конструирования, в котором пересекаются интересы, ценности и стратегии различных участников.

Понимание сущности и функций этих механизмов возможно лишь с опорой на социологический анализ, способный выявить скрытые регуляторы трудового поведения, показать, каким образом система вознаграждений влияет на социальную иерархию, распределение власти и включённость работников в организационную среду. Цель настоящей статьи заключается в теоретическом осмыслении природы социальных механизмов материального стимулирования труда в современных организациях, а также в выявлении факторов, обуславливающих их вариативность и эффективность. Особое внимание уделяется организационному контексту, в котором эти механизмы реализуются и трансформируются, что позволяет выйти за пределы экономической интерпретации и раскрыть их подлинную социальную значимость.

Социальная природа материального стимулирования труда

Материальное стимулирование труда традиционно рассматривалось в рамках экономической теории как инструмент повышения производительности и достижения конкретных результатов. Однако в социологической перспективе данный феномен приобретает более сложное и многослойное звучание. Он перестаёт быть исключительно набором финансовых вознаграждений и предстаёт как социальный механизм, тесно связанный с системой норм, ожиданий, статусов и символических взаимодействий, присущих трудовой среде. В таком контексте материальные стимулы функционируют не только как внешние побудители поведения, но и как элементы, структурирующие

социальное пространство организации, формирующие образы успеха и признания. Понимание материального стимулирования как социального явления требует рассмотрения его в логике взаимосвязи между индивидуальными и коллективными интересами, между экономической выгодой и социальной идентичностью. [3] работник оценивает получаемое вознаграждение не только в абсолютных цифрах, но и в сравнении с другими членами коллектива, через призму справедливости, достоинства и статуса. Материальные стимулы соотносятся с социальными потребностями не в линейной зависимости, а через призму интерпретации и символического значения. Получаемая премия или надбавка может выступать знаком признания, средством повышения самооценки, показателем включённости в организационное ядро. Таким образом, экономическая составляющая стимулирования тесно переплетается с социально-психологической и культурной.

Мотивация к труду формируется в границах социокультурной системы, где значимыми становятся не только цели индивида, но и доминирующие в организации нормы поведения, представления о «достойной» работе, ожидания со стороны коллег и руководства. Материальное вознаграждение получает свою ценность в процессе интерпретации, и именно этот аспект делает социологический подход к стимулированию особенно значимым. Индивидуальные стратегии работников выстраиваются с учётом сложившегося контекста: например, высокая премия в авторитарной иерархии может восприниматься как форма подчинения, тогда как в гибкой команде – как признание профессионализма. В обоих случаях внешне одинаковое по форме стимулирование имеет разную социальную нагрузку и разную регулятивную силу.

Отдельного внимания заслуживает разграничение понятий «оплата труда», «вознаграждение» и «премирование». В экономической трактовке они могут рассматриваться как части одной системы компенсации. В социологическом контексте эти категории отражают различную природу социальных взаимодействий. Оплата труда чаще воспринимается как нормативно закреплённая компенсация за выполнение трудовой функции, то есть как рутинный, ожидаемый обмен. Вознаграждение может носить характер поощрения за конкретный результат, выступая символом признания вклада, а премия – как гибкий, ситуативный инструмент управления лояльностью и мотивацией, подверженный интерпретациям и нередко вызывающий напряжение или конкуренцию среди сотрудников. [4] Социальная значимость этих форм определяется не только их содержанием, но и формой предоставления, регулярностью, прозрачностью критериев и характером отношений между участниками трудового процесса.

Материальное стимулирование в современных организациях следует рассматривать не только в терминах затрат и выгод, но как важнейший элемент социальной структуры, влияющий на стратификацию, идентичность и включённость работников. Его природа и функции раскрываются лишь при обращении к социологическому анализу, способному выявить скрытые смыслы, значения и последствия, лежащие за пределами формализованных управленческих решений.

Социальные механизмы как система

Понятие «социальный механизм» занимает центральное место в современной социологической теории, особенно в контексте анализа устойчивых форм взаимодействия, регуляции поведения и воспроизводства социальных практик. В противоположность техническим или институциональным трактовкам, социальный механизм сле-

дует рассматривать как совокупность взаимосвязанных элементов, посредством которых достигается предсказуемость действий социальных акторов в определённой среде. Его специфика заключается в способности интегрировать индивидуальные мотивации, нормативные предписания, культурные коды и институциональные интересы в относительно устойчивую структуру, регулиующую поведение и поддерживающую социальный порядок.

Материальное стимулирование в организации представляет собой сферу, где функционирование социальных механизмов проявляется с наибольшей очевидностью. Данный процесс не сводится к механической передаче ресурсов от работодателя к работнику за выполненные трудовые функции. Он реализуется через сложную систему символических и нормативных посредников, определяющих условия, критерии, формы и последствия стимулирования. В эту систему вовлечены различные акторы, включая работодателей, наёмных работников, менеджеров среднего звена, профсоюзы и иные формы коллективного представительства. Каждый из них действует в соответствии с определёнными интересами, но одновременно ориентируется на нормы и ожидания, сложившиеся в рамках конкретной организационной культуры.

Социальные механизмы стимулирования формируются и воспроизводятся через постоянное взаимодействие между формальными регуляторами – такими как трудовое законодательство, локальные нормативные акты, должностные инструкции, – и неформальными практиками, выражающимися в повседневной коммуникации, распределении привилегий, символическом признании или игнорировании трудовых усилий. [5] Эти элементы не существуют в изоляции: напротив, они переплетаются и образуют динамическое единство, в рамках которого функционирует система вознаграждений. Формальные положения могут быть переосмыслены в процессе их практического применения, а неформальные нормы, хотя и не закреплёны документально, зачастую оказывают решающее влияние на восприятие справедливости и эффективности стимулирующих мер.

Организация как социальное пространство задаёт контекст для проявления и развития этих механизмов. Она определяет доступ к ресурсам, характер иерархий, форму коммуникации и допустимые рамки отклонений от нормативных ожиданий. В зависимости от типа организационной культуры – бюрократической, корпоративной, сетевой или инновационной – одни и те же формы материального стимулирования могут функционировать по-разному. В одних случаях они способствуют сплочению коллектива и укреплению идентичности, в других – формируют источники напряжения и конфликта, особенно если отсутствует прозрачность критериев поощрения или наблюдается избирательность в их применении. Динамика социальных механизмов проявляется в их способности адаптироваться к изменениям внутренней и внешней среды. Изменения в стратегии организации, обновление управленческих подходов, приход нового руководства, внедрение цифровых инструментов управления персоналом – всё это оказывает влияние на конфигурацию механизмов стимулирования. Однако даже в условиях трансформации сохраняются устойчивые элементы, обеспечивающие преемственность и узнаваемость организационной практики. [6] Социальные механизмы не только регулируют поведение, но и воспроизводят определённые модели взаимодействия, закрепляя соотношение власти, распределение символического капитала и формы признания в трудовом коллективе.

Анализ материального стимулирования с позиции системного понимания социальных механизмов позво-

ляет выйти за рамки описания отдельных практик и перейти к теоретическому осмыслению структурных основ трудовой мотивации. Это, в свою очередь, открывает возможности для диагностики скрытых проблем и противоречий, лежащих в основе системы управления человеческими ресурсами, а также для разработки более эффективных, устойчивых и социально обоснованных форм стимулирования труда.

Типология механизмов материального стимулирования в современных организациях

Механизмы материального стимулирования труда в современных организациях представляют собой сложное и многослойное социальное образование, вариативность которого определяется совокупностью институциональных, культурных и управленческих факторов. Их типология не может быть сведена исключительно к экономическим инструментам воздействия, поскольку каждая форма стимулирования опосредована социальной средой, системой отношений и характером власти внутри организации.[7] Рассмотрение этих механизмов с социологической точки зрения позволяет выявить их скрытую регулятивную функцию, а также различия в их восприятии, эффективности и воспроизводстве в зависимости от типа организации и характера организационной культуры.

Институционально закреплённые механизмы стимулирования формируют основу формальной системы управления трудовой мотивацией. К ним относятся контракты, фиксирующие взаимные обязательства сторон, системы ключевых показателей эффективности (KPI), позволяющие количественно оценивать результаты труда, и бонусные схемы, которые предусматривают материальное поощрение за достижение определённых целей. Эти формы механистически встроены в управленческую структуру и нередко легитимированы внутренними нормативными документами. Однако их восприятие работниками не является нейтральным. Вознаграждение по контракту может рассматриваться как минимальный социальный стандарт, а бонус – как маркер признания, символически выражающий статус внутри организации. В этом контексте даже формализованные меры стимулирования обретают символическое измерение и становятся элементом социальной иерархии. Помимо формализованных схем в организациях активно функционируют неофициальные, гибкие механизмы стимулирования. Они включают в себя индивидуальные договорённости, ситуативные выплаты, моральное признание, публичное одобрение, предоставление преференций, не зафиксированных в нормативных документах.[8] Эти формы не поддаются строгой регламентации, однако обладают высокой регулятивной силой. Их эффективность обусловлена возможностью адаптации к конкретным обстоятельствам и индивидуальным характеристикам работников. Символическое вознаграждение, например, в виде возможности представлять организацию на внешних мероприятиях или получения доступа к неформальным каналам коммуникации с руководством, может восприниматься как не менее значимое поощрение, чем денежная премия. Гибкие формы стимулирования опираются на высокий уровень доверия, устойчивые горизонтальные связи и признание не только результатов, но и лояльности, инициативы, социальной включённости.

Типологизация механизмов стимулирования неразрывно связана с типом организации. В государственных структурах превалирует нормативно-правовая модель, ориентированная на единообразие, стабильность и соблюдение формальных процедур. Здесь доминируют

контрактные формы и стандартные надбавки, регулируемые законодательством. Частный сектор демонстрирует большую гибкость, активно применяя как формальные, так и неформальные инструменты, включая индивидуальные бонусные системы, участие в прибылях, опционы и корпоративные привилегии. Смешанные или полукommerческие организации (например, государственно-частные партнёрства, автономные учреждения) совмещают элементы обеих моделей, сталкиваясь при этом с проблемой нормативного противоречия и неоднозначности ожиданий работников.

Определяющее влияние на характер и результативность механизмов оказывает организационная культура и стиль управления. Авторитарная модель, ориентированная на контроль и иерархию, склонна использовать материальное стимулирование как средство усиления дисциплины и управления поведением. В таких условиях премирование часто носит инструментальный характер и воспринимается как директивный акт. В организациях с развитой корпоративной культурой и кооперативным стилем управления материальные стимулы становятся частью более широкой системы ценностей, где вознаграждение интегрировано в процесс признания, саморазвития и вовлечённости. [9] Там, где преобладает ориентация на горизонтальные связи и поддержание внутренней солидарности, даже материальное стимулирование приобретает ритуализированные формы, поддерживающие чувство принадлежности и общности.

Типология механизмов материального стимулирования отражает не только функциональное разнообразие применяемых инструментов, но и более глубокие социальные характеристики организации как среды, в которой формируются нормы, ожидания и стратегии трудового поведения. Социологический анализ позволяет не только систематизировать эти формы, но и раскрыть механизмы их легитимации, восприятия и воспроизводства в зависимости от контекста. Это открывает возможности для более точной настройки стимулирующих систем в соответствии с особенностями конкретной организационной структуры и её ценностного ядра.

Материальное стимулирование в организациях, несмотря на свою кажущуюся прагматичность, оказывает многоуровневое воздействие на социальную структуру трудового коллектива, затрагивая не только индивидуальные стратегии работников, но и коллективные формы идентичности, модели взаимодействия, доминирующие представления о справедливости и успехе. На уровне организационной среды стимулирующие меры формируют систему внутренней стратификации, где доступ к материальным благам становится маркером статуса, признания и принадлежности к ядру либо периферии корпоративной структуры. Дифференциация по уровню вознаграждения часто не совпадает с формальными должностными границами, что порождает не только иерархию материального достатка, но и символическое расслоение по признаку ценности и значимости труда в глазах руководства.

Материальные стимулы играют важную роль в формировании мотивационной базы трудового поведения, влияя на степень вовлечённости, готовность к сверхнормативным усилиям, уровень идентификации с организационными целями. При адекватной настройке они способны укреплять лояльность, снижать текучесть кадров и способствовать воспроизводству организационной культуры. Однако, действуя как инструмент селекции и ранжирования, материальное стимулирование способно порождать обратные эффекты.[10] Чрезмерная индивидуализация поощрений и непрозрачность критериев оценки труда могут подорвать доверие между со-

трудниками, усилить скрытую конкуренцию и провоцировать конфликты интересов. Возникает риск подмены коллективных ценностей индивидуальными стратегиями извлечения максимальной выгоды, что ведёт к эрозии горизонтальных связей и ослаблению чувства общности.

Особую озабоченность вызывает трансформация символической природы труда в условиях доминирования материальных мотиваций. Когда экономические показатели становятся главным критерием признания, другие формы вклада – коммуникативная компетентность, эмоциональный труд, неформальное лидерство – оказываются обесцененными. Это подрывает разнообразие трудовых ролей и способствует унификации критериев успешности. В долгосрочной перспективе такие процессы могут не только снизить эффективность команды, но и привести к фрагментации организационного пространства, где каждый сотрудник действует в режиме индивидуального расчёта, игнорируя потребности и интересы других. Материальное стимулирование представляет собой не просто инструмент управления, но и социальный механизм, способный как укреплять организационную целостность, так и разрушать её. Анализ его эффектов требует системного подхода, учитывающего не только экономические, но и социокультурные последствия, включая вопросы социальной справедливости, символического признания и устойчивости внутриорганизационных связей.

Заключение

Материальное стимулирование труда в современных организациях представляет собой многоуровневый и динамичный социальный механизм, функционирующий на пересечении нормативных структур, институциональных практик и культурных кодов. Его эффективность определяется не только экономической целесообразностью, но и способностью учитывать социальные ожидания, символическую значимость вознаграждения, специфику организационной среды и характера трудовых отношений.

Проведённый теоретический анализ показал, что механизмы материального стимулирования невозможно свести к универсальным схемам или административным процедурам. Их реализация всегда опосредована социальным контекстом, который включает в себя тип организационной культуры, стиль управления, структуру власти и уровень социальной мобильности внутри коллектива. Учет этих факторов позволяет более глубоко понять механизмы мотивации и демотивации, а также диагностировать риски, связанные с подрывом коллективной идентичности, ростом конкуренции и формированием неравного доступа к ресурсам. Типология механизмов стимулирования выявляет не только институциональное разнообразие практик, но и их неформальные измерения, которые играют ключевую роль в процессе легитимации и воспроизводства трудовых отношений. Материальные стимулы, будучи включёнными в систему символических значений, формируют внутреннюю стратификацию, влияя на социальную динамику и структуру взаимодействия между акторами.

Социологическое осмысление материального стимулирования труда даёт основание рассматривать его не как вспомогательный элемент управления персоналом, а как системный механизм, отражающий и одновременно конструирующий социальные отношения в организациях. Дальнейшие исследования в данном направлении могут быть направлены на выявление специфики взаимодействия формальных и неформальных стимулов в условиях цифровизации труда, а также на изучение влияния этих механизмов на устойчивость

организационных систем в условиях социальных трансформаций.

Литература

1. Баландина Т.М. Социальный механизм управления развитием организационной культуры // *Промышленность: экономика, управление, технологии*. – 2012. – № 1(40). – с. 169–173.
2. Немыкин Д.Н. Формирование системы материального стимулирования труда работников // *Вестник белгородского университета кооперации, экономики и права*. – 2011. – № 3. – с. 258–265.
3. Артюхова И.В., Гаврилова Л.О. Методы организационного стимулирования труда персонала // *Инновационная наука*. – 2015. – № 7–1. – с. 76–78.
4. Демина К.М. К проблеме трудовой мотивации путем материальных вознаграждений и удержаний // *Научный вестник технологического института-филиала ФГБОУ ВПО Ульяновская ГСХА им. П.А. Столыпина*. – 2013. – № 11. – с. 32–37.
5. Мартюшов В.Ф. Понятие «механизм» в контексте изучения социальных процессов // *Вестник тверского государственного университета. Серия: философия*. – 2015. – № 3. – с. 94–103.
6. Максимова О.Ю., Масликов В.А. Структурно-функциональный анализ категории «социальный механизм» в современной практике управления // *Вестник университета*. – 2016. – № 3. – с. 245–250.
7. Амосова Н.И. Мотивация и материальное стимулирование работников в современных условиях // *Вестник Курганской ГСХА*. – 2015. – № 2(14). – с. 48–51.
8. Сальникова Е.С. Эволюция теорий мотивации персонала организации // *Экономические исследования и разработки*. – 2019. – с. 21–25.
9. Лукашевская Д.А. Различия между мотивацией и стимулированием персонала // *Вестник университета*. – 2020. – № 1. – с. 156–163.
10. Чиркова Ю.Р. Управление трудовой мотивацией персонала: современные механизмы и методы изучения // *русская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы*. – 2020. – № 6. – с. 62–74.

SOCIAL MECHANISMS OF MATERIAL STIMULATION OF LABOR IN MODERN ORGANIZATIONS

Dong Yuejiao

Moscow State University

The article deals with social mechanisms of material incentives in modern organizations from the point of view of sociological analysis. The author systematizes approaches to the understanding of incentives as a multilevel social practice reflecting the nature of labor relations and organizational culture. Institutional and informal forms of incentives are singled out, their interaction and influence on the internal structure of the organization are analyzed. Special attention is paid to the effects of incentive practices – the formation of organizational loyalty, social stratification, as well as the risks of competition and erosion of collective identity. The conclusion is made about the need for a comprehensive approach to the design of incentive systems, taking into account the socio-cultural context and the dynamics of internal interactions. Theoretical conclusions of the article can be used in the development of models of sustainable and fair personnel management in the conditions of transforming social space of labor

Keywords: material incentives, social mechanisms, organizational culture, labor motivation, social stratification, informal practices.

References

1. Balandina T.M. Social mechanism for managing the development of organizational culture // *Industry: economics, management, technology*. – 2012. – No. 1 (40). – p. 169–173.

2. Nemykin D.N. Formation of a system of material incentives for employees // Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. – 2011. – No. 3. – pp. 258–265.
3. Artyukhova I.V., Gavrilova L.O. Methods of organizational incentives for personnel // Innovative science. – 2015. – No. 7–1. – pp. 76–78.
4. Demina K.M. On the Problem of Labor Motivation through Material Rewards and Deductions // Scientific Bulletin of the Technological Institute-Branch of the Ulyanovsk State Agricultural Academy named after P.A. Stolypin. – 2013. – No. 11. – pp. 32–37.
5. Martyushov V.F. The Concept of “Mechanism” in the Context of Studying Social Processes // Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy. – 2015. – No. 3. – pp. 94–103.
6. Maksimova O.Yu., Maslikov V.A. Structural and Functional Analysis of the Category “Social Mechanism” in Modern Management Practice // Bulletin of the University. – 2016. – No. 3. – pp. 245–250.
7. Amosova N.I. Motivation and material incentives for employees in modern conditions // Bulletin of the Kurgan State Agricultural Academy. – 2015. – No. 2 (14). – p. 48–51.
8. Salnikova E.S. Evolution of theories of personnel motivation in an organization // Economic research and development. – 2019. – pp. 21–25.
9. Lukashevskaya D.A. Differences between motivation and incentives for personnel // Bulletin of the University. – 2020. – No. 1. – pp. 156–163.
10. Chirkova Yu.R. Management of personnel labor motivation: modern mechanisms and methods of study // Russian science and education today: problems and prospects. – 2020. – No. 6. – pp. 62–74.

Социальное управление как фактор устойчивого развития нефтегазовых компаний в условиях ESG-трансформации

Исмаил Виссам Васим,

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

E-mail: ismail.activity@gmail.com

В статье рассматривается роль социального управления как ключевого фактора устойчивого развития нефтегазовых компаний в контексте ESG-трансформации. ESG-подход (экологическое, социальное и корпоративное управление) становится важнейшим ориентиром для нефтегазового сектора, и особое внимание уделяется социальной составляющей – взаимодействию компаний с сотрудниками, местными сообществами и другими стейкхолдерами. В теоретическом плане проанализированы концепции корпоративной социальной ответственности и «социального управления», а также их влияние на финансовую устойчивость и конкурентоспособность бизнеса. На примере двух российских компаний (ПАО «Газпром», ПАО «НК Роснефть») и двух международных компаний (Shell plc, BP plc) показано, как социальная политика и программы влияют на долгосрочное развитие компаний. Выявлено, что успешная реализация социальных инициатив (охрана труда, развитие персонала, поддержка местных сообществ, партнерство с профсоюзами и т.д.) способствует укреплению репутации, снижению рисков и обеспечению «социальной лицензии на деятельность». Отдельно обсуждаются достижения и вызовы ESG-трансформации в части социального управления в нефтегазовой отрасли.

Ключевые слова: ESG; устойчивое развитие; социальное управление; нефтегазовые компании; корпоративная социальная ответственность; ESG-трансформация; заинтересованные стороны; социальная политика.

Введение

Концепция устойчивого развития и связанные с ней ESG-принципы (экология, социальная политика, корпоративное управление) все сильнее влияют на стратегию крупных компаний. Социальный аспект ESG охватывает взаимодействие компаний с сотрудниками и местными сообществами, напрямую влияя на финансовые показатели и конкурентоспособность организаций [1]. Для нефтегазовых компаний, деятельность которых сопряжена с социальными и экологическими рисками, значение социального управления особенно велико.

Современная ESG-трансформация требует от нефтегазовых корпораций пересмотра стратегий устойчивого развития. Помимо экологических требований (сокращение выбросов, переход к низкоуглеродной энергетике), важнейшее значение приобретает социальная составляющая («S»): права работников, безопасность труда, развитие персонала, социальное партнерство, вклад в развитие регионов и управление репутацией.

Актуальность темы определяется тем, что эффективное социальное управление может стать конкурентным преимуществом нефтегазовых компаний, обеспечив им долгосрочную поддержку общества и «социальную лицензию» на деятельность. Цель статьи – проанализировать роль социального управления в устойчивом развитии нефтегазовых компаний в условиях ESG-трансформации на примерах российских и международных компаний, а также выявить лучшие практики и оценить их влияние на устойчивость бизнеса.

Материалы и методы

Исследование носит теоретический характер и основывается на анализе академической литературы по устойчивому развитию и корпоративной социальной ответственности (CSR), международных стандартов (GRI, ISO 26000), а также корпоративной отчетности нефтегазовых компаний. Эмпирическую базу составили нефинансовые отчеты и официальные материалы ПАО «Газпром», ПАО «НК Роснефть», Shell plc и BP plc. Применялся сравнительный анализ социальных практик компаний (охрана труда, кадровая политика, взаимодействие с сообществами и благотворительность) в условиях ESG-трансформации. Для оценки интеграции ESG-принципов были использованы рейтинги устойчивого развития (например, индексы Московской биржи-РСПП, RAEX ESG, Sustainalytics, MSCI ESG и FTSE4Good), позволившие сопоставить декларации компаний с объективными оценками.

Методология исследования включает системный подход (компания как часть общества) и концепцию стейкхолдеров (учёт интересов работников, местного населения, государства, инвесторов). Был проведен контент-анализ отчетов и кейсовый анализ социальных инициатив компаний, на основе чего сделаны выводы о взаимосвязи социального управления с их долгосрочной устойчивостью.

Результаты и обсуждения

Социальный фактор ESG на примере компаний

Социальное управление включает два взаимосвязанных измерения. Внутреннее измерение охватывает управление персоналом, охрану труда, развитие сотрудников, разнообразие и социальные гарантии. Внешнее измерение предполагает вклад компании в развитие общества: социальные проекты, благотворительность, взаимодействие с сообществами, уважение прав коренных народов и ответственность в цепочках поставок. У крупных компаний оба аспекта часто объединены, особенно когда предприятие является градообразующим.

Многие элементы социальной политики нефтегазовых компаний существовали ещё до введения ESG в рамках программ КСО. Однако ESG-трансформация повысила требования к отчётности и стандартизации социальных метрик. В России появляются рекомендации регуляторов по раскрытию нефинансовой информации и учёту ESG-факторов [1]. Международные стандарты (GRI, Глобальный договор ООН, ISO 26000) служат ориентирами для разработки социальной политики.

Для иллюстрации далее представлены примеры социальной политики двух российских и двух международных нефтегазовых компаний (табл. 1).

Таблица 1. Социальное управление и CSR-инициативы в нефтегазовых компаниях (Россия и международные)

Компания	Ключевые элементы социальной политики и инициативы
ПАО «Газпром» (Россия)	– Крупнейший работодатель: собственные стандарты по охране труда, промышленной безопасности и социальной защите персонала. – Программа «Газпром – детям»: строительство спортивных комплексов и площадок по всей России (более 2000 объектов с 2007 г.) – Ежегодные социальные инвестиции в регионы свыше 30 млрд руб.: строительство жилья, дорог, поддержка коренных народов Севера. – Партнерство с регионами: соглашения о социально-экономическом сотрудничестве (газификация, инфраструктурные проекты).
ПАО «НК Роснефть» (Россия)	– Участник Глобального договора ООН: приверженность принципам прав человека, трудовых отношений и экологии. – Социальное партнерство с профсоюзами: совместное управление социальной политикой, выполнение обязательств перед сотрудниками даже в кризисные периоды. – Инвестиции в регионы: строительство социальных объектов, поддержка внутреннего туризма (проекты для автопутешественников), программы развития местных сообществ. – Признание: включение в индексы Московской биржи (ESG) и международные рейтинги устойчивости.
Shell plc (международная)	– Система управления ESG на уровне Совета директоров (комитет по устойчивому развитию). – Инвестиции в социальные проекты около 200 млн долларов США в год по всему миру (образование, здравоохранение, развитие малого и среднего бизнеса). – Активная работа с местными сообществами: консультации, фонды развития, компенсационные программы (особенно в Африке и Азии). – Разнообразие и инклюзивность: увеличение доли женщин и представителей национальных меньшинств на управленческих позициях, обучение сотрудников и подрядчиков по правам человека.
BP plc (международная)	– Стратегия «Just Transition»: поддержка работников и сообществ в энергетическом переходе (переподготовка, содействие занятости) – Социальные инвестиции ориентированы на доступ к чистой энергии, образование и развитие навыков местного населения (в том числе Восточная Европа, Ближний Восток). – Партнерства с НКО и государственными органами: участие в международных инициативах по справедливому переходу (BSR, IPIECA и др.), прозрачная отчётность о социальных проектах. – Корпоративная культура: программы по развитию инклюзивной среды и поддержке разнообразия (например, привлечение коренных народов в проекты в Индонезии).

Источник: составлено автором на основе анализа корпоративных отчётов компаний и источников [2–13]

«Газпром» является одним из крупнейших работодателей страны с широкими социальными обязательствами. Его социальная политика направлена на привлечение и удержание квалифицированных кадров, обеспечение безопасности и охраны труда сотрудников [2, 3]. Важным направлением внешней социальной деятельности компании выступает масштабная программа «Газпром – детям», в рамках которой построены сотни спортивных объектов по всей России [4]. Только за 2021 год «Газпром» профинансировал свыше 3,5 тысяч социальных проектов, направив на благотворительность и спонсорство около 39,5 млрд рублей, что на 37% больше предыдущего года [4]. Основные статьи расходов – спортивные объекты, городская инфраструктура, культура, образование и здравоохранение. Компания также активно поддерживает коренные малочислен-

ные народы Севера. Однако независимые оценки ESG-стратегии «Газпрома» показывают, что результативность его социальных и экологических инициатив остается невысокой в контексте инвестиционной привлекательности, что требует более эффективного подхода и тесной увязки с целями устойчивого развития [5]

«Роснефть» декларирует приверженность высоким стандартам устойчивого развития и корпоративной ответственности. Компания первой среди российских нефтегазовых компаний присоединилась к Глобальному договору ООН, подтверждая соблюдение принципов прав человека, трудовых отношений, экологии и противодействия коррупции [6]. Социальная политика компании реализуется в тесном партнерстве с профсоюзами, что позволяет сочетать экономическую эффективность и социальную справедливость, даже в условиях кризисов, таких как пандемия 2020 года [6].

Компания активно инвестирует в социально значимые инфраструктурные проекты в регионах свое-

го присутствия, включая программы поддержки внутреннего туризма (например, совместно с платформой RUSSPASS) [7]. Вклад «Роснефти» в достижение Целей устойчивого развития ООН и национальных проектов высоко оценивается экспертами, а её нефинансовая отчётность соответствует стандартам GRI и проходит внешнюю проверку Ernst & Young. ESG-достижения компании подтверждены включением в ведущие российские индексы устойчивости («Ответственность и открытость», «Вектор устойчивого развития», RAEX «ESG-сбалансированный») [7], а также высоким местом в международном рейтинге World Benchmarking Alliance и благоприятным ESG-рейтингом от Sustainalytics (33,8 балла) [8].

Таким образом, активная социальная политика «Роснефти» укрепляет её устойчивость и привлекательность для ответственных инвесторов.

Shell plc (Великобритания/Нидерланды) – одна из крупнейших международных нефтегазовых компаний, активно внедряющая ESG-принципы в корпоративное управление. После прошлых техногенных инцидентов компания усилила культуру безопасности и создала на уровне совета директоров Комитет по безопасности, экологии и устойчивому развитию [9].

Социальная стратегия Shell охватывает развитие персонала (включая программы инклюзивности), обеспечение безопасных условий труда и значительные внешние социальные инвестиции. В 2023 году Shell направила на эти цели почти \$198 млн, из которых 65% составили добровольные инициативы [10]. Средства инвестируются в местные сообщества, образование, здравоохранение, поддержку МСП и благотворительные программы.

Компания активно выстраивает отношения с сообществами через stakeholder engagement – проводит консультации, финансирует социальную инфраструктуру, особенно в слаборазвитых регионах. Пример – деятельность Shell в дельте Нигера с 1960-х годов.

Shell регулярно публикует отчёты об устойчивом развитии с подробными показателями по безопасности, развитию персонала и объёмам инвестиций. В 2023 году ESG-рейтинг компании по версии Sustainalytics составил 33,7 балла (умеренный риск) [11], сопоставимо с оценкой «Роснефти». Опыт Shell демонстрирует переход от традиционной благотворительности к стратегическому социальному инвестированию, тесно связанному с целями устойчивого развития.

BP plc (Великобритания) в последние годы активно перестраивает стратегию с учётом ESG, нацелившись на углеродную нейтральность к 2050 году. В социальной сфере компания делает акцент на концепции Just Transition – справедливом энергетическом переходе, обеспечивающем поддержку работников и сообществ, затронутых отраслевыми изменениями.

С 2021 года BP реализует обновлённую политику социальных инвестиций, одной из целей которой стало обеспечение доступа к чистой энергии, в том числе в борьбе с энергобедностью [12]. Через социальные программы компания стремится охватить более миллиона человек, особенно в регионах своей деятельности. Основные направления – развитие навыков, переподготовка кадров, поддержка занятости и малого бизнеса в зонах трансформации (например, при закрытии НПЗ) [13].

BP также продвигает инклюзивную корпоративную культуру: реализуются программы по увеличению доли женщин и представителей разных этносов в управлении, поддерживаются инициативы сотрудников [13]. В 2022–2023 гг. социальные инвестиции компании включали проекты в области образования, здравоохранения (включая вакцинацию от COVID-19), а также развитие

инфраструктуры. Например, в Омане за 10 лет BP инвестировала \$30 млн в 150+ проектов, направленных на развитие занятости в нефтедобывающих регионах [14].

Таким образом, BP стремится создавать долгосрочную социальную ценность: оценивает эффект программ, сотрудничает с НКО и учебными заведениями, прозрачно отчитывается о результатах, что укрепляет доверие общества и инвесторов и снижает социальные риски при реализации новых проектов.

Примеры из таблицы показывают, что как российские, так и международные нефтегазовые компании рассматривают социальную ответственность как важную часть стратегии устойчивого развития. Российские компании, опираясь на традиции «градообразующих предприятий», активно инвестируют в социальную инфраструктуру и поддерживают расширенные соцгарантии для сотрудников. Международные игроки акцентируют внимание на правах человека и взаимодействии с местными сообществами, стремясь к универсальным стандартам. В обоих случаях социальные инвестиции рассматриваются не как издержки, а как вложения в устойчивость бизнеса: они снижают риски, улучшают отношения с обществом и регуляторами и повышают привлекательность для ESG-инвесторов

Обсуждение

Результаты анализа подтверждают, что социальное управление выступает важнейшим фактором устойчивого развития нефтегазовых компаний. В условиях ESG-трансформации, когда экологические цели (декарбонизация, сокращение загрязнений) могут требовать от бизнеса серьезных перемен, именно эффективная работа с человеческим капиталом и сообществами позволяет обеспечить **баланс между изменениями и социальной стабильностью**. Компании, успешно интегрировавшие **«S-фактор»** в свою стратегию, получают ряд конкурентных преимуществ:

- **Репутация и доверие стейкхолдеров:** Высокие стандарты социальной ответственности повышают доверие со стороны общества и государства. Например, приверженность «Роснефти» принципам ООН и сотрудничество с профсоюзами укрепляют ее имидж ответственного работодателя и партнера государства [6].
- Это способствует более благоприятным отношениям с регуляторами и местными властями, облегчающих реализацию проектов. Международные ESG-рейтинги также реагируют на успехи в социальной сфере – включение компаний в индексы типа FTS-E4Good, Vigeo Eiris Top-100 и др. свидетельствует о признании их устойчивости инвесторами [8].
- **Социальная лицензия на деятельность:** В нефтегазовой отрасли многие проекты (добыча, трубопроводы, промышленные объекты) сталкиваются с риском общественного неприятия. Налаженный диалог с местными сообществами, программы развития регионов, компенсации и эколого-социальные инициативы формируют социальную лицензию – неформальное одобрение со стороны населения. Пример Shell в Нигерии показывает, что инвестиции в местное развитие снижают конфликтность. В России «Газпром» и «Роснефть» через масштабные соцпроекты получают поддержку регионов, что особенно важно в удаленных и труднодоступных локациях.
- **Кадровая устойчивость и производительность:** Условия труда, возможности обучения и развития, корпоративная культура напрямую влияют на произ-

водственные результаты и инновационный потенциал компаний. **Мотивация персонала** выше там, где компания демонстрирует заботу о сотрудниках – предоставляет социальные льготы, безопасную среду, прислушивается к мнению коллектива. Так, наличие системы социального партнерства в «Роснефти» позволило компании оперативно совместно с профсоюзами решить задачи защиты работников в период пандемии, минимизируя простои и потери производительности [6]. В долгосрочной перспективе такой подход обеспечивает сохранение талантов и снижение текучести кадров, что критично для наукоемкой нефтегазовой отрасли.

- **Инвестиционная привлекательность и доступ к капиталу:** Все больше институтов и инвестфондов интегрируют ESG-критерии в решения. Социальные показатели (травматизм, текучесть, вовлеченность, наличие этических политик, скандалы или их отсутствие) учитываются аналитиками наряду с экологическими. Компания с высоким **ESG-рейтингом** имеет более широкий доступ к международному финансированию, ее акции входят в портфели ESG-фондов. Например, признание «Роснефти» лидером устойчивого развития среди emerging markets [8] повышает ее привлекательность для глобальных инвесторов, даже на фоне страны с повышенными рисками. Напротив, компании с социальными проблемами (например, затяжные конфликты с местными жителями, крупные аварии с человеческими жертвами или нарушения прав человека) рискуют потерять доверие рынка. В этом смысле **социальное управление становится фактором финансового риска**: рейтинговые агентства снижают оценку корпоративного управления при социальных скандалах, что ведет к удорожанию заимствований.

Вместе с тем, **ESG-трансформация** ставит перед нефтегазовыми компаниями и новые вызовы в области социального управления. Переход к низкоуглеродной экономике означает реструктуризацию отрасли: возможны сокращения персонала на традиционных нефтегазовых активах, закрытие устаревших производств, переобучение сотрудников под новые профили (например, ВИЭ или водородная энергетика). Это требует разработки программ **“just transition”** – справедливого перехода, чтобы минимизировать социальные издержки трансформации. Международный опыт (BP, Equinor и др.) показывает, что планирование таких мер заранее позволяет смягчить негативные эффекты. Российским компаниям также предстоит учесть этот аспект, особенно учитывая значимость нефтегаза для занятости в отдельных регионах.

Другой вызов – **метрики и эффективность социальных инвестиций**. Традиционно оценить социальный эффект сложнее, чем экологический или экономический. Однако постепенно разрабатываются подходы к измерению **социального возврата на инвестиции (SROI)**, индикаторы воздействия (например, число рабочих мест, уровень доходов населения, индекс развития человеческого капитала в регионах). Компаниям важно не просто тратить средства, но и понимать, каких конкретно результатов они достигают. Пример «Газпрома» с огромными благотворительными бюджетами, но пока умеренными ESG-оценками [5], показывает необходимость усиления связи между затратами и результативностью. Возможно, потребуется переориентация части программ на более эффективные или адресные, а также большая прозрачность в отчетности о социальных итогах (чтобы и инвесторы, и общество видели прогресс).

Стоит отметить и влияние геополитических факторов. В последние годы взаимодействие российских компаний с международной ESG-повесткой осложнилось санкциями и политической напряженностью. Тем не менее внутренний запрос на устойчивое развитие сохраняется – правительство РФ и крупный бизнес продолжают разрабатывать национальные стандарты устойчивости, хотя и с учетом национальной специфики. Вероятно, акцент сместится на импортозамещение технологий, поддержку работников в новых экономических условиях и развитие отечественных рейтингов ESG (например, рейтинг РСПП). В этом контексте социальное управление останется центральным элементом, обеспечивающим **устойчивость бизнеса в период турбулентности**.

В целом, **тенденцией ESG-трансформации** нефтегаза является постепенное уравнивание «экологического» и «социального» приоритетов. Если первоначально основное внимание уделялось декарбонизации, то теперь очевидно, что без сильной социальной базы (персонал, общество) устойчивое развитие невозможно. Компании интегрируют Цели ООН в области устойчивого развития, связанные с социальным прогрессом – ликвидация нищеты, качественное образование, гендерное равенство, достойная работа – в свои стратегии. Например, Shell и BP связывают свои программы с достижением ЦУР № 8 (достойная работа и экономический рост) и № 11 (устойчивые города и сообщества) через проекты поддержки предпринимательства и развития инфраструктуры. Российские компании также в своих отчетах показывают вклад в нацпроекты (демография, экология, малое предпринимательство и др.) как часть устойчивого развития [7].

Таким образом, наблюдается сближение подходов: **социальное управление становится интегральной частью бизнес-модели** нефтегазовых компаний, а не вспомогательной активностью. ESG-трансформация подтолкнула менеджмент к осознанию, что долгосрочная ценность создается не только финансовыми показателями, но и социальным капиталом – доверием людей, стабильностью обществ, где они работают, и благополучием сотрудников.

Заключение

В условиях ESG-трансформации социальное управление становится важнейшим элементом устойчивого развития в нефтегазовой отрасли. Анализ теоретических подходов и кейсов показал, что внедрение принципов ответственности в социальной сфере помогает компаниям снижать риски и укреплять свои позиции на рынке в долгосрочной перспективе. Вложения в персонал (обучение, условия труда, здоровье) и локальные сообщества обеспечивают синергетический эффект – рост эффективности, инновационности, улучшение репутации и локальной поддержки.

Опыт ПАО «Газпром», ПАО «НК Роснефть», Shell и BP иллюстрирует широкий спектр практик: от базовых соцгарантий до новых форм взаимодействия с внешними партнерами и международными структурами. Компании признают необходимость соблюдения баланса между экономическими, экологическими и социальными задачами. Социальная составляющая ESG сегодня является частью стратегий, управленческих решений и системы отчетности.

Для компаний отрасли важно развивать подходы к социальному управлению, фокусируясь на измерении эффективности инициатив. КСО-программы следует соотносить с конкретными задачами устойчивости (например, через показатели по охране труда, поддержке локальной экономики и удовлетворенности персонала).

Также необходима прозрачность – раскрытие результатов по общепринятым стандартам (GRI, SASB и др.) делает социальный прогресс понятным для заинтересованных сторон.

Отдельное направление – управление социальными рисками в рамках энергетического перехода. Важно заранее планировать поддержку сотрудников и территорий, затрагиваемых процессами декарбонизации, участвуя в национальных и глобальных инициативах. Это поможет снизить возможные негативные последствия и сохранить общественное доверие.

В заключение подчеркнём: социальное управление – наряду с экологией и качественным управлением – критически значимо для устойчивости нефтегазовых компаний. В новых условиях выигрывают те, кто рассматривает социальную ответственность как часть стратегии, а не как формальность. Такие компании способны стать катализаторами развития для персонала и территорий, укрепляя свои позиции в обновлённой экономике.

Литература

1. Гришунин С., Лапко И. Социальная политика в ESG: что скрывается за буквой “S”? EcoStandard.journal, 06.07.2023. URL: <https://journal.ecostandard.ru/esg/ustoychivoe-razvitie/sotsialnaya-politika-v-esg-cto-skrivaetsya-za-bukvoy-s/#:~:text=Социальный%20аспект%20является%20неотъемлемым%20компонентом,компаний%2C%20как%20социальная%20политика%20развивается> (дата обращения: 21.03.2025).
2. 2.7 Социальная политика Группы Газпром | Отчет об устойчивом развитии ПАО «Газпром» URL: <https://sustainability.gazpromreport.ru/2018/2-people-inside/2-7-social-policy/> (дата обращения: 21.03.2025).
3. Gazprom Neft joins the United Nations Global Compact sustainable development initiative URL: <https://neftgazru.com/news/ecology/637809-gazprom-neft-joins-the-united-nations-global-compact-sustainable-development-initiative> (дата обращения: 21.03.2025).
4. 6.2. Charity and Volunteering | Gazprom Group's Sustainability Report URL: <https://sustainability.gazprom-report.ru/en/2021/6-community-investment/62-charity-and-volunteering> (дата обращения: 21.03.2025).
5. Assessing the ESG Sustainability Strategy of Gazprom Group through the Dynamic Standard Model (DSM) URL: https://ier.ut.ac.ir/article_96199.html (дата обращения: 28.03.2025).
6. «Роснефть» повышает показатели в области устойчивого развития – Новости структурных организаций Профсоюза – Пресс-центр – Общероссийский профессиональный союз работников нефтяной, газовой отраслей промышленности и строительства (НЕФТЕГАЗСТРОЙПРОФСОЮЗ РОССИИ) URL: <https://www.rogwu.ru/press-center/news/org/13857> (дата обращения: 11.03.2025).
7. Романова Т. «Роснефть» представила «Отчет в области устойчивого развития» по итогам прошлого года. Лента.ру, 11.07.2024. – URL: <https://lenta.ru/news/2024/07/11/predstavila> (дата обращения: 21.03.2025).
8. Rosneft's Ecologists Discuss Strategic Goals for Environmental Protection and Carbon Management URL: <https://www.rosneft.com/press/news/item/211187> (дата обращения: 16.03.2025).
9. Annual Report and Accounts 2024 | Shell Global URL: <https://www.shell.com/investors/results-and-reporting/annual-report> (дата обращения: 18.03.2025).
10. Reporting centre archive | Shell Global URL: <https://www.shell.com/sustainability/reporting-centre/reporting-centre-archive.html> (дата обращения: 18.03.2025).
11. Reporting standards and ESG ratings | Shell Global URL: <https://www.shell.com/sustainability/reporting-centre/reporting-standards-and-esg-ratings.html> (дата обращения: 18.03.2025).
12. Renewable Energy & Human Rights Benchmark – BP plc Final Scoresheet. – Business & Human Rights Resource Centre, 2021. – URL: https://media.business-humanrights.org/media/documents/bp_-_Renewable_Energy_Human_Rights_Benchmark_-_Final_scoresheet.pdf (дата обращения: 31.03.2025).
13. BP plc – Improving people's lives (Just Transition). – Раздел устойчивого развития на официальном сайте BP, 2024. (Описание политики «справедливого перехода» и социальных инициатив BP). URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/sustainability/improving-peoples-lives.html> (дата обращения: 26.03.2025).
14. BP Sustainability Report 2022. – BP plc, 2023. – URL: https://www.responsibilityreports.com/HostedData/ResponsibilityReportArchive/b/LSE_BP_2022.pdf (дата обращения: 27.03.2025).

SOCIAL MANAGEMENT AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF OIL AND GAS COMPANIES UNDER ESG-TRANSFORMATION CONDITIONS

Ismail Wissam Wasim

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article considers the role of social management as a key factor of sustainable development of oil and gas companies in the context of ESG-transformation. ESG approach (environmental, social and corporate governance) is becoming the most important reference point for the oil and gas sector, and special attention is paid to the social component – interaction of companies with employees, local communities and other stakeholders. The concepts of corporate social responsibility and 'social management' and their impact on the financial stability and competitiveness of business are analysed in theoretical terms. Using the examples of two Russian companies (Gazprom, Rosneft) and two international companies (Shell plc, BP plc), it is shown how social policies and programmes influence the long-term development of companies. It is revealed that successful implementation of social initiatives (occupational health and safety, personnel development, support of local communities, partnership with trade unions, etc.) contributes to reputation enhancement, risk mitigation and ensuring a 'social licence to operate'. The achievements and challenges of ESG-transformation in terms of social management in the oil and gas industry are discussed separately.

Keywords: ESG; sustainable development; social management; oil and gas companies; corporate social responsibility; ESG transformation; stakeholders; social policy.

References

1. Grishunin S., Lapko I. Social policy in ESG: what is behind the letter 'S'? EcoStandard.journal, 06.07.2023. URL: <https://journal.ecostandard.ru/esg/ustoychivoe-razvitie/sotsialnaya-politika-v-esg-cto-skrivaetsya-za-bukvoy-s/#:~:text=Социальный%20аспект%20является%20неотъемлемым%20компонентом,компаний%2C%20как%20социальная%20политика%20развивается> (date of access: 21.03.2025).
2. 2.7 Gazprom Group Social Policy | PJSC Gazprom Sustainability Report URL: <https://sustainability.gazpromreport.ru/2018/2-people-inside/2-7-social-policy/> (accessed 21.03.2025).
3. Gazprom Neft joins the United Nations Global Compact sustainable development initiative URL: <https://neftgazru.com/news/ecology/637809-gazprom-neft-joins-the-united-nations-global-compact-sustainable-development-initiative> (accessed 21.03.2025).

4. 6.2. Charity and Volunteering | Gazprom Group's Sustainability Report URL: <https://sustainability.gazpromreport.ru/en/2021/6-community-investment/62-charity-and-volunteering> (accessed 21.03.2025).
5. Assessing the ESG Sustainability Strategy of Gazprom Group through the Dynamic Standard Model (DSM) URL: https://ier.ut.ac.ir/article_96199.html (accessed 28.03.2025).
6. 'Rosneft' increases indicators in the field of sustainable development – News of structural organisations of the Trade Union – Press-Centre – All-Russian Trade Union of Oil, Gas and Construction Industry Workers (NEFTEGAZSTROYPROFSOYUZ OF RUSSIA) URL: <https://www.rogwu.ru/press-center/news/org/13857> (date of access: 11.03.2025).
7. Romanova T. 'Rosneft' presented "Sustainable Development Report" on the results of the last year. Lenta.ru, 11.07.2024. – URL: <https://lenta.ru/news/2024/07/11/predstavila> (date of access: 21.03.2025).
8. Rosneft's Ecologists Discuss Strategic Goals for Environmental Protection and Carbon Management URL: <https://www.rosneft.com/press/news/item/211187> (accessed 16.03.2025).
9. Annual Report and Accounts 2024 | Shell Global URL: <https://www.shell.com/investors/results-and-reporting/annual-report> (accessed 18.03.2025).
10. Reporting centre archive | Shell Global URL: <https://www.shell.com/sustainability/reporting-centre/reporting-centre-archive.html> (accessed 18.03.2025).
11. Reporting standards and ESG ratings | Shell Global URL: <https://www.shell.com/sustainability/reporting-centre/reporting-standards-and-esg-ratings.html> (accessed 18.03.2025).
12. Renewable Energy & Human Rights Benchmark – BP plc Final Scoresheet. – Business & Human Rights Resource Centre, 2021. – URL: https://media.business-humanrights.org/media/documents/bp_-_Renewable_Energy_Human_Rights_Benchmark_-_Final_scoresheet.pdf (accessed 31.03.2025).
13. BP plc – Improving people's lives (Just Transition). – Sustainability section of BP's official website, 2024. (Description of BP's Just Transition policy and social initiatives). URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/sustainability/improving-peoples-lives.html> (accessed 26.03.2025).
14. BP Sustainability Report 2022. – BP plc, 2023. – URL: https://www.responsibilityreports.com/HostedData/ResponsibilityReportArchive/b/LSE_BP_2022.pdf (accessed 27.03.2025).

Совершенствование экспертизы закупочной и отчетной документации в сфере образования инструментами искусственного интеллекта

Качаева Гюльханум Ибадулаховна,

кандидат экономических наук, зав. каф. «Информационная безопасность», ФГБОУ ВОТ «ДГТУ»
E-mail: kib@dstu.ru

Лаврушина Екатерина Вадимовна,

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и культуры речи, РЭУ им. Г.В. Плеханова
E-mail: Lavrushina.EV@rea.ru

Силаев Иван Вадимович,

кандидат технических наук, Общество с ограниченной ответственностью, научно-технический центр «Техпром»
E-mail: i_silaev@mail.ru

Тамьярова Майя Владиславовна,

кандидат технических наук, доцент кафедры измерительно-вычислительных комплексов, ФГБУ ВО Ульяновский государственный технических университет
E-mail: stprepod@mail.ru

В условиях цифровизации экономики Российской Федерации возрастает потребность в повышении эффективности и прозрачности закупочных процедур, особенно в сфере образования. Применение инструментов искусственного интеллекта (ИИ) в процессах экспертизы закупочной и отчетной документации позволяет существенно повысить скорость анализа, снизить уровень ошибок и минимизировать влияние человеческого фактора. В представленной статье раскрыты основные подходы к цифровизации экспертизы закупочной документации с использованием ИИ. Цель: анализ возможностей применения искусственного интеллекта в процессе экспертизы закупочной и отчетной документации в образовательной сфере, а также выявление преимуществ и ограничений цифровизации. В ходе исследования использовались методы анализа нормативно-правовых актов, обзор научной литературы, изучение практик внедрения технологий ИИ (в том числе машинного обучения, обработки естественного языка и блокчейн-технологий) в сфере закупок. Определены ключевые аспекты цифровизации экспертизы, включая автоматизированный анализ текстов, предиктивную оценку рисков и формирование экспертных заключений. Выявлены преимущества внедрения ИИ, а также обозначены существующие ограничения, в том числе юридические барьеры и сложности интеграции с действующими системами. Применение искусственного интеллекта в экспертной деятельности способствует повышению эффективности, прозрачности и объективности закупочных процедур, особенно в условиях необходимости соблюдения нормативных требований и оптимизации ресурсов.

Ключевые слова: цифровизация, государственные, муниципальные и корпоративные закупки, экспертная система, закупочная документация, отчетная документация, автоматизация, искусственный интеллект, машинное обучение, обработка естественного языка.

Введение

Одним из необходимых условий развития современного общества является цифровизация всех процессов, которые происходят в нем.

В общем понимании цифровизация – это процесс внедрения цифровых технологий в различные сферы деятельности для повышения эффективности, автоматизации процессов и улучшения управления данными. Она включает:

- 1) Оцифровку – перевод аналоговой информации в цифровой формат.
- 2) Автоматизацию – использование программных решений для выполнения задач без участия человека.
- 3) Интеграцию данных – объединение разрозненных информационных потоков в единую систему.
- 4) Использование ИИ и аналитики – обработка больших данных для прогнозирования и принятия решений.

Цифровизация процесса закупок и экспертизы закупочной и отчетной документации в сфере образования не является исключением из правил, поскольку в контексте ее важности позволяет повысить ее эффективность, что отмечают многие отечественные авторы научных работ в данной области.

По мнению Сергеевой С.А., закупки для обеспечения государственных, муниципальных и корпоративных нужд являются важнейшим элементом социально-экономического развития страны [1]. Как отмечает автор, цифровая трансформация – это целенаправленный переход к другой модели управления, ориентированной на цифровые технологии, позволяющей сделать процессы открытыми и доступными. Тачкова И.А. и Бацылева М.В. в своей публикации отмечают, что сфера государственных закупок за последнее десятилетие значительно продвинулась в использовании цифровых технологий, что способствует повышению прозрачности экспертиз и стимулированию здоровой конкуренции [2]. Основанием указанной тенденции является то, что цифровые платформы и порталы позволяют упростить и автоматизировать процесс организации и проведения государственных и муниципальных закупок [3].

Обсуждение

В данной статье использованы методы анализа нормативно-правовых актов, обзор научной литературы, изучение практик внедрения технологий ИИ (в том числе машинного обучения, обработки естественного языка и блокчейн-технологий) в сферу закупок. Проведен обзор современных цифровых технологий, применяемых в сфере закупок, включая обработку естественного языка (NLP), блокчейн и технологии Big Data.

Цифровизация процедур экспертизы отчетной и закупочной документации – это процесс внедрения цифровых технологий в проверку и анализ отчетности и закупочной документации с целью повышения прозрачности, скорости и объективности экспертизы. Ее основные аспекты:

- 1) Автоматизированный анализ документов. При этом используются программные решения для анали-

за текстов, выявления несоответствий и ошибок. Также применяются технологии обработки естественного языка (NLP) для анализа сложных документов.

2) Электронные реестры и базы данных. На современном этапе развития происходит внедрение, ведение и развитие централизованных цифровых реестров отчетных и закупочных документов, их интеграция с государственными и коммерческими системами мониторинга.

3) Использование блокчейна для обеспечения неизменности данных и прозрачности закупочных процедур, криптографическая защита информации и контроль доступа.

4) Искусственный интеллект и Big Data. Применение искусственного интеллекта для предиктивного анализа рисков в закупках, прогнозирования, для автоматизации рутинных операций – подготовки экспертных заключений и сводной аналитики. Например, Big Data – для выявления закономерностей и предотвращения коррупционных схем [4].

5) Развитие цифровых платформ для подачи, проверки и утверждения закупочной и отчетной документации. Использование смарт-контрактов для автоматизации исполнения обязательств.

Вопросы экспертизы закупочной и отчетной документации, а также в частности ее автоматизации, рассмотрены многими авторами. Среди них Чудинский Р.М., Ганеев А.Р., Махотин А.Д., Сергеева С.А. [5, 6, 7].

На современном этапе от эксперта, осуществляющего оценку закупочной документации и отчетных материалов, требуется владение междисциплинарными компетенциями, охватывающими законодательные, аналитические, технологические и управленческие аспекты, в частности компетенции в вопросах использования автоматизированных информационных систем процесса организации и проведения экспертизы, которые сейчас активно разрабатываются и внедряются.

Автоматизация процедур экспертизы дает следующие преимущества:

- уменьшается время, затраченное на каждую экспертизу;
- появляется возможность автоматизации подобных процессов экспертизы;
- снижается вероятность ошибок;
- при решении экспертных задач обеспечивается методологическое единообразие.

Автоматизация экспертизы имеет множество преимуществ, однако существуют и недостатки:

- качество экспертных заключений напрямую зависит от качества и полноты входных данных – неполные или неточные данные могут привести к ошибочным выводам;
- аппаратные или программные сбои могут привести к потере данных или неправильной обработке информации, что может повлиять на результаты экспертизы;
- использование информационных технологий увеличивает риск кибератак и утечек данных. Это особенно важно, если речь идет о конфиденциальной информации;
- автоматизация может потребовать значительных инвестиций в оборудование и программное обеспечение, а также в обучение экспертов, поскольку недостаток квалифицированных специалистов может стать проблемой;
- автоматизация процессов может привести к этическим дилеммам, например, когда решения принимаются на основе алгоритмов, которые могут быть предвзятыми или непрозрачными;

– интеграция новых технологий с существующими системами может быть сложной и требовать значительных усилий.

Эти недостатки необходимо учитывать при автоматизации экспертной деятельности, чтобы максимально использовать их потенциал и минимизировать риски.

Результаты

Как было сказано ранее, отдельным инструментом повышения качества экспертизы в контексте автоматизации данной процедуры может выступать ИИ.

Проведение быстрой и точной обработки больших объемов данных является важным преимуществом использования данного инструмента в различных сферах экспертной деятельности. Ошибки, допущенные в результате экспертной оценки, могут носить критический характер и иметь катастрофические последствия в некоторых сферах человеческой деятельности. Искусственный интеллект помогает обеспечить более высокий уровень надежности, автоматизируя некоторые сферы человеческой деятельности. Данный инструмент может предлагать рекомендации, которые помогают экспертам принимать более обоснованные решения в их деятельности.

Также стоит подчеркнуть значимость машинного обучения в решении таких задач, как текстовая классификация [8], анализ тональности и извлечение ключевой информации. Эти технологии не только упрощают обработку больших объемов текстовых данных, но и обеспечивают более точное понимание их смысловой и эмоциональной структуры. Кроме того, они позволяют выделять важные характеристики и показатели, создавая основу для формирования баз данных.

Рассмотрим алгоритм проведения экспертизы закупочной и отчетной документации в сфере образования, выполняемый в следующей последовательности:

1) Подготовка задания на экспертизу. Заказчик разрабатывает задание для проведения экспертизы, сопровождая его необходимыми материалами и сопутствующей документацией.

2) Формирование экспертной группы для проведения экспертизы. Количество членов в экспертной группе определяется условиями контракта/договора, в рамках которого предусмотрены обязательства по проведению экспертизы. Допускается проведение экспертизы одним экспертом.

3) Проведение экспертизы закупочной и отчетной документации на соответствие требованиям действующего законодательства в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд; полноты и качества полученных результатов, соответствия требованиям действующего законодательства, оценку возможностей практического использования полученных результатов реализации проектов/грантов в рамках контрактов/договоров/соглашений членами экспертной группы.

4) Рассмотрение результатов экспертизы экспертной группой, подготовка заключения на основе анализа отчетной документации и представленных материалов.

Использование ИИ для проведения экспертизы в сфере образования в настоящее время ограничено из-за ряда юридических и нормативных ограничений. Во-первых, контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд регулируется законодательством, требующим строгого соблюдения процедур проверки, а анализ юридических аспектов зачастую выходит за пределы возможностей ИИ. Кроме того, государственные орга-

ны могут накладывать ограничения на использование автоматизированных инструментов без участия сертифицированных экспертов. Во-вторых, ИИ недостаточно эффективно интерпретирует контекстные данные, такие как образовательные методики, педагогические подходы и социальные факторы, использованные в рамках исполнения контрактов/договоров. Также субъективные аспекты, например, оценка качества образовательных услуг, требуют экспертного мнения, а отсутствие единого стандарта отчетности затрудняет автоматизированную обработку документов.

Дополнительные сложности связаны с обработкой естественного языка, поскольку отчетные документы содержат сложные юридические и педагогические формулировки, которые ИИ может интерпретировать некорректно. Экспертная оценка также предполагает субъективный анализ эффективности и целесообразности расходов, что выходит за рамки возможностей автоматизированных систем. И наконец, ошибки в интерпретации документации могут привести к юридическим последствиям, а ответственность за экспертное заключение несут специалисты, а не алгоритмы. В связи с этим участие экспертов остается обязательным условием качественной экспертизы.

Однако использование ИИ для формирования экспертных заключений (например, итоговых) представляется оправданным благодаря ряду преимуществ. Прежде всего, технологии обработки естественного языка (NLP) позволяют автоматизировать синтез экспертных мнений, обрабатывая текстовые документы первичной экспертизы, уже формализованные по определенным критериям экспертизы, и выявляя ключевые выводы. Машинное обучение способствует выявлению совпадений и расхождений в оценках специалистов, подчеркивая области согласия и возможные противоречия. Это помогает исключить субъективность, повысить объективность и стандартизировать итоговые заключения. Алгоритмы анализа аргументации систематизируют выводы, снижая влияние индивидуальных предвзятостей, а при наличии разногласий ИИ может предлагать несколько вариантов интерпретации, оставляя финальное решение за человеком.

Еще одним важным преимуществом является обеспечение единообразия отчетов, так как ИИ формирует заключения в соответствии с установленными стандартами, исключая лишнюю информацию и структурируя аргументацию. Это значительно оптимизирует процесс обработки данных: автоматизация сокращает время подготовки отчетов, позволяя экспертам сосредоточиться на аналитической работе, а также упрощает одновременный анализ большого числа контрактов. Кроме того, ИИ способен выявлять логические несоответствия, проверять корректность обоснований и соответствие данных отчетности. Обучаемые ИИ-системы могут адаптироваться к специфике образовательной сферы, учитывая типовые ошибки, предлагать улучшения формулировок и повышать качество экспертных заключений.

Применение методов машинного обучения и алгоритмов ИИ позволяет разрабатывать технологии обработки русского языка, расширяя возможности текстового анализа и обеспечивая более точное и глубокое восприятие лингвистических данных. Это, в свою очередь, ускоряет и повышает качество анализа данных первичных экспертиз.

Основная задача ИИ при обработке естественного языка – это извлечение из текста объекта экспертизы информации по критериям оценки, преобразование критериев в бинарный вид наличия или отсутствия признака.

В основе текстовой обработки с использованием ИИ лежит языковая модель – математическая конструкция, предназначенная для предварительного обучения языковых представлений и их последующего применения в задачах обработки естественного языка. Грамматический и синтаксический анализ включает исследование структуры предложений, использование времен, падежей и других грамматических категорий [9]. Это позволяет не только точно интерпретировать значения отдельных слов, но и выявлять связи между ними, что играет ключевую роль в понимании контекста и смысла текста.

Контекстуальный анализ дает возможность исследовать текст с учетом его окружения, принимая во внимание культурные, исторические и социальные факторы. Это особенно значимо при работе с материалами, в которых контекст определяет точное значение слов и выражений.

Анализ текста включает шаги, представленные в таблице 1.

Таблица 1. Алгоритм анализа текста с использованием ИИ

Шаг	Содержание
1. Подготовка текста	Текст предварительно обрабатывается для удаления нежелательных символов, стоп-слов (например, предлоги, союзы) и прочих «шумов», которые несут незначимую информацию.
2. Токенизация	Текст разбивается на отдельные слова или токены. Это позволяет алгоритму обработке естественного языка использовать более мелкие единицы данных для обработки.
3. Определение тональности	Определяется тональность каждого токена или предложения (с использованием словарей сопоставления слов и машинного обучения). Словарь сопоставления слов содержит информацию о том, является ли слово положительным или негативным. Общая тональность текста определяется по совокупности значений токенов или предложений.
4. Учет контекста	Многие из слов могут иметь разную тональность в разных контекстах. Алгоритмы семантического анализа учитывают контекст и ключевые слова для определения правильной тональности.
5. Обсуждение результатов	После преобразования текста рассчитываются критерии и интерпретируются результаты.

Схема потоков и обработки данных должна выглядеть следующим образом. Так как пользователь взаимодействует только с интерфейсом системы в виде веб-страницы, то он отправляет и получает ответы только через нее. Загруженные текстовые экспертизы распознаются с помощью разработанного алгоритма и преобразуются в базу данных показателей и критериев. Таким образом, текстовые данные можно векторизовать и классифицировать, чтобы превратить их в структурированный формат.

Все это позволит ускорить экспертизу, увеличить объем анализируемых данных, уменьшить риски ошибок ручного ввода.

Заключение

Таким образом, использование искусственного интеллекта в экспертной деятельности открывает широкие

возможности для повышения эффективности, качества и доступности экспертных услуг. Однако, следует отметить, что использование искусственного интеллекта в экспертной деятельности, открывая множество возможностей, приносит с собой ряд рисков, которые необходимо учитывать.

Немаловажным аспектом является этическая и правовая стороны применения ИИ. Использование данного инструмента в экспертной деятельности поднимает множество таких вопросов, как конфиденциальность данных, ответственность за принятые решения и возможная дискриминация. Указанные вопросы требуют тщательного регулирования и контроля.

Помимо вышесказанного, присутствует риск потери квалификации. Чрезмерная зависимость от ИИ может привести к ослаблению профессиональных навыков у экспертов. Важно сохранять баланс между использованием данного инструмента и развитием компетенций экспертов.

Наконец, одним из рисков применения ИИ в экспертизах является его ограниченная адаптивность. Данный инструмент может быть менее гибок в адаптации к быстро меняющимся условиям по сравнению с человеком. В ситуациях, требующих быстрого принятия решений и адаптации, это может быть существенным недостатком.

Таким образом, несмотря на значительные преимущества, применение искусственного интеллекта в экспертной деятельности требует осторожности и учета всех возможных рисков и недостатков. Важно продолжать развивать данные технологии, одновременно работая над решением вышеуказанных проблем.

Литература

1. Сергеева С.А. (2022). Институт закупок в условиях цифровой трансформации. Финансовые рынки и банки. 10. С. 20–24.
2. Тачкова И.А., Бацылева М.В. (2022). Цифровые платформы в сфере закупок для обеспечения государственных нужд. Экономика. Социология. Право. 1(25). С. 37–42.
3. Бесхмельнов М.И. Применение алгоритмов машинного обучения для исследования конкурентоспособности организаций в условиях цифровой экономики: монография. Москва: СОЛОН-Пресс, 2023. 103 с.
4. Беленкова М.А. (2025). Цифровизация закупок: современные тенденции и проблемы. Вестник науки. 1 (82). Том 2. с 684–693.
5. Махотин Д.А., Будаева Т.Ч., Агафонов А.В. (2023). Современные возможности автоматизации процесса экспертного исследования результатов выполнения работ (оказания услуг) в сфере образования. Современное педагогическое образование. 7, с. 334–337.
6. Чудинский Р.М., Романова О.С., Гужва Е.Г., Кот Т.А. (2023). Организационные аспекты экспертной деятельности при проведении исследования результатов выполнения работ (оказания услуг) в сфере образования. Современное педагогическое образование. 7. с. 354–358.;
7. Сергеева С.А. (2022). Экспертиза в сфере закупок: сущность понятия и основной инструментарий. Финансовые рынки и банки. 5. С. 47–51.
8. Ховард Коул Хобсон Л., Хапке Х. Обработка естественных языков в действии. М: Питер. 2020. 576с.

9. Стернин И.А., Соломатина М.С.. Семантический анализ слова в контексте. М: Юрайт. 2017. 132с.

IMPROVEMENT OF EXPERTISE IN PROCUREMENT AND REPORTING DOCUMENTATION IN EDUCATION USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TOOLS

Kachaeva G.I., Lavrushina E.V., Silaev I.V., Tamyarova M.V.

Don State Technical University, Plekhanov Russian University of Economics, Limited Liability Company "Techprom" Scientific and Technical Center, Ulyanovsk State Technical University

In the context of the digitalization of the Russian Federation's economy, there is an increasing demand for improving the efficiency and transparency of procurement procedures, particularly in the field of education. The use of artificial intelligence (AI) tools in the processes of procurement and reporting documentation expertise significantly enhances the speed of analysis, reduces errors, and minimizes the impact of the human factor. This article presents key approaches to the digitalization of procurement expertise using AI. Purpose: to analyze the potential of applying artificial intelligence in the expertise of procurement and reporting documentation in the educational sphere, as well as to identify the benefits and limitations of this digitalization process. Methods: The study applied methods of legal and regulatory analysis, literature review, and examination of current practices in implementing AI technologies (including machine learning, natural language processing, and blockchain technologies) in procurement activities. Results: The study identified the core aspects of procurement documentation digitalization, including automated document analysis, predictive risk assessment, and the formation of expert opinions. The advantages of implementing AI are outlined, alongside the challenges such as legal barriers and difficulties in integrating new technologies into existing systems. Conclusion: The integration of artificial intelligence into expert activities contributes to enhancing the efficiency, transparency, and objectivity of procurement procedures, especially under the requirements of regulatory compliance and resource optimization.

Keywords: digitalization, public, municipal, and corporate procurement, expert system, procurement documentation, reporting documentation, automation, artificial intelligence, machine learning, natural language processing.

References

1. Sergeeva, S.A. (2022). The Procurement Institution in the Context of Digital Transformation. Financial Markets and Banks, 10, pp. 20–24.
2. Tachkova, I.A., & Batsyleva, M.V. (2022). Digital Platforms in the Procurement Sector for Public Needs. Economics. Sociology. Law, 1(25), pp. 37–42.
3. Beskhmelnov, M.I. (2023). Application of Machine Learning Algorithms for Studying the Competitiveness of Organizations in the Digital Economy: A Monograph. Moscow: SOLON-Press. 103 p.
4. Belenkova, M.A. (2025). Digitalization of Procurement: Current Trends and Issues. Science Bulletin, 1(82), Vol. 2, pp. 684–693.
5. Makhotin, D.A., Budaeva, T.Ch., & Agafonov, A.V. (2023). Modern Opportunities for Automating the Expert Examination of Results in the Education Sector. Modern Pedagogical Education, 7, pp. 334–337.
6. Chudinsky, R.M., Romanova, O.S., Guzhva, E.G., & Kot, T.A. (2023). Organizational Aspects of Expert Activity in Researching the Results of Work in the Field of Education. Modern Pedagogical Education, 7, pp. 354–358.
7. Sergeeva, S.A. (2022). Expertise in Procurement: Essence of the Concept and Basic Tools. Financial Markets and Banks, 5, pp. 47–51.
8. Howard, C., Hobson, L., & Hapke, H. (2020). Natural Language Processing in Action. Moscow: Piter. 576 p. (Translated title; original in English)
9. Sternin, I.A., & Solomatina, M.S. (2017). Semantic Analysis of Words in Context. Moscow: Yurayt. 132 p.

Крганов Рустам Рифкатович,

адъюнкт Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: iizge@mail.ru

В статье проводится ретроспективный и компаративный анализ двух основных форм реализации управленческой власти руководителя – субординационной и автономной. Рассматриваются их содержательные компоненты, особенности применения, преимущества и потенциальные риски. Субординация определяется как регламентированная форма управления, основанная на строгом подчинении иерархическим структурам и нормативным предписаниям. Она обеспечивает устойчивость социальных процессов, стабильность организационной системы и соблюдение дисциплинарных норм. Особенно актуальна эта форма управления в строго структурированных системах, таких как Вооруженные Силы Российской Федерации, где выполнение задач требует четкого следования установленным регламентам и приказам. Автономия, в свою очередь, представляет собой управленческую модель, основанную на самостоятельности руководителя в принятии решений. Данная форма управления особенно востребована в условиях высокой динамичности, неопределенности и нестандартных ситуаций, когда традиционные регламентированные механизмы теряют свою эффективность. Однако автономное управление сопряжено с определенными рисками, такими как субъективность решений и возможные нарушения социальных норм. В статье подчеркивается, что обе формы управления имеют свои сферы применения и могут дополнять друг друга в зависимости от контекста. Автором проводится факторный анализ возникновения явления прямого подчинения и феномена автономного руководства социальными процессами на примере Вооруженных Сил Российской Федерации, что позволяет глубже понять механизмы функционирования данных моделей в управленческой практике.

Ключевые слова: субординация, автономия, управление, адаптивность, система.

Введение

В настоящее время принципы управления сформировались в существующую систему субъектно-объектных отношений, где основополагающим постулатом является достижение организационной или институциональной цели. Отдельными отличительными чертами стали способы изучения подходов в реализации управленческих функций в рамках реализации отдельных принципов управления, и приращения дополнительных отраслей управленческой деятельности: перспективное планирование (прогнозирование), коммуникационная логистика, кадрово-поколенческая оценка [1], оценка экономической реверсивности [2] и т.п.

Основоположником теории управления, разрабатывающий функции и принципы управления – А. Файоль, считал, что «управлять – значит вести предприятие к определенной цели, извлекая максимум из имеющихся в распоряжении ресурсов» [3]. Принципы управления, как специфической формы реализации человеческих отношений, разработаны и описаны в достаточной форме американским инженером Ф. Тейлором в его труде «Принципы научного менеджмента» [4]. В данной работе изложен ряд основополагающих социальных взаимоотношений организационного типа, рассматривающих в своей сути определенную целедостигательную функцию. Где регламентация трудовой дисциплины предусматривала горизонтальное и рациональное распределение полномочий руководителя на каждой вертикальной ступени иерархии власти в конкретной организации. Данные труды можно считать принципиальной основой научного менеджмента, давшей информацию для развития управления как отдельной и самостоятельной области знания.

Формы реализации управленческих сил

Особой формой реализации управленческих компетенций стала аналитическая и синтетическая адаптивность субъектной группы управления определенного уровня подменяющуюся реальность, в особенности, под уровень научно-технического и технологического развития. Что, в свою очередь, во многом обуславливает ситуативный перенос фокуса внимания с приоритетности одного способа управления на другой [5]. Данный перенос характеризуется специфической и, как правило, деструктивной трансформацией условий внешней среды, которая может быть определена как неопределенность [6]. В рамках данных особенностей стоит обратить внимание на формы реализации управленческих сил: субординационное управление и автономное. Такая особенность может быть вызвана необходимостью или обусловленной подстройкой субъекта управления под объект управления. Таким образом, в интересах изучения отличающихся форм управления и их структурно-функционального целостности, стоит обратить внимание на способы их реализации и факторы, обуславливающие возникновение.

Субординация (от лат. *Subordinatio* – подчинение) в управлении – форма реализации функциональных обязанностей субъекта управления, связанная с регламентационными ограничениями, и подразумевающая прямое подчинение вышестоящему звену цепи управления

[7]. В толковом словаре С.И. Ожегова субординация обозначена как система строгого служебного подчинения младших старшим [8]. В таком случае можно заключить, что причина возникновения субординации в управлении обуславливается однозначностью функциональных обязанностей субъекта управления. В том числе, определяет установленный порядок действий, сроки, способ выполнения предписанных обязанностей и регламентирует социально-организационные нормы. Такая форма реализации управленческих полномочий наиболее характерна для Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ВС РФ) по причине специфики выполняемых задач. Данная концепция отражается в Уставах ВС РФ, которые являются основными документами, регламентирующими порядок выполнения задач повседневной жизнедеятельности.

Автономия (греч. αὐτονομία, от αὐτός – сам и νόμος – закон) в управлении – форма реализации функциональных обязанностей субъекта управления, основанная на вынужденной самостоятельности в принятии решений [9]. По мнению российского ученого Н.И. Лазаревского, автономия – это вид свободы в делах местного управления, который предполагает самостоятельность местных учреждений в административных и законодательных вопросах. С точки зрения причин возникновения данного феномена, можно отметить такие обуславливающие особенности, как: динамическая изменчивость условий выполнения задач и (или) их характера и отсутствие прямой и (или) обратной связи с вышестоящим звеном цепи управления. Данная форма реализации управленческих полномочий наиболее характерна для адаптивного реагирования руководителя на явления, выходящие за рамки регламентационного регулирования. Применительно к ВС РФ, адаптивное управление наиболее характерно, с позиции конструктивности, для реализации управленческих полномочий в боевых условиях.

Сравнительный анализ форм реализации управленческих сил

В рамках сравнения данных форм реализации управленческих полномочий, можно сказать, что может существовать несколько компаративных показателей. Таким образом, субординация может представлять регламентированную форму осуществления управленческих функций субъектом управления в условиях с низкой энтропией или с высоким уровнем всесторонней стабильности. В том числе, субординация определяет устойчивое протекание социальных процессов, соблюдения социальных норм и обеспечивает достаточный уровень социально-организационного гомеостаза. Данная форма управления обусловлена строгим соблюдением предписанных порядка и правил в интересах выполнения задач, а также не накладывает дополнительную функциональную нагрузку, связанную с реализацией должностной деятельности.

Отличающимися от субординации свойствами, автономия в управлении катализирует ряд человеческих качеств руководителя, способных создавать неоднозначные последствия. Вынужденная форма реагирования на изменчивость условий выполнения задач, как внешних, так и внутренних, определяют синхронную или адаптивную изменчивость стиля руководства [10].

Как область реализации принципов управления, автономия позволяет проявлять личные качества индивида, необходимые для конструктивной адаптации и позволять достигать успеха, исходя из собственного потенциала. Тем не менее, несоответствие в готовности и способности руководителя конструктивно реагировать

на энтропию условий функциональной реализации к степени изменчивости данных условий может создавать управленческое противоречие. Данное умозаключение весьма уместно коррелирует с событиями, связанными с выполнением боевых и специальных задач ВС РФ в условиях специальной военной операции. Тем не менее, в определенных условиях превышение уровня неопределенности над уровнем способности руководителя могут деструктивно повлиять на результат выполнения задач.

В том числе, автономия руководителя, выраженная в предоставлении ему определенной свободы в самостоятельном выборе способов и методов достижения удовлетворительного результата, может являться одной из причин нарушения предписанных социальных норм. Такие нарушения могут иметь отношение к сопутствующим превышениям должностных (специальных) полномочий, интерпретируемых субъектом управления как вынужденная необходимость.

Заключение

Существующая проблематика в разграничении автономности и субординации управления, в настоящий момент, остается до конца не изученной и может рассматриваться как поведение индивида, оказавшегося в ситуации, обуславливающей управленческую трансформацию. Систематическое возникновение дискурса вокруг автономного или «свободного» управления определяет определенную необходимость в отношении комплексного, мультипарадигмального и факторного анализа возникающих управленческих особенностей. Поэтому, для объективного изучения данной области, целесообразно рассматривать те отрасли знаний, которые смогут позволить изучать существующий феномен перехода от субординации к адаптивности, в том числе, через призму комплексного или междисциплинарного подхода. Таким образом, целесообразно обращать внимание на изучение феномена автономии в управлении с позиции оценки каталитических факторов в рамках коммуникативного спектра социальных отношений в управлении.

Литература

1. Сиволап Л.А. Управление персоналом с учетом теории поколений / Л.А. Сиволап, Л.В. Шикова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2023. № 2. С. 154–164.
2. Стажарова Д.М. Циркулярная экономика и реверсивная логистика: оценка взаимовлияния / Д.М. Стажарова, А.А. Бычкова, А. Позднеева // Вестник Академии знаний. 2024. № 4(63). С. 349–354.
3. Гармаева Д.Б. Теория А. Файоля. Планирование, организация, мотивация, контроль как основные функции менеджмента / Д.Б. Гармаева // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 7(83). С. 184–188.
4. Тейлор Ф. Принципы научного менеджмента / Тейлор Фредерик Уинслоу; пер. с англ. А.И. Зак. М.: Журн. «Контроллинг»: Изд-во стандартов, 1991. С. 104.
5. Скобелев П.О. Ситуационное управление и мульти-агентные технологии: коллективный поиск согласованных решений в диалоге / П.О. Скобелев // Онтология проектирования. 2013. № 2(8). С. 26–48.
6. Моряков С.В. Трансформация культуры управления военной организации в условиях неопределенности / С.В. Моряков // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 1. С. 112–116.

7. Зайков Д.Е. Особенности равенства в военно-служебных отношениях // Право в Вооруженных Силах. 2010. № 7. С. 17–22.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990. С. 921.
9. Проняева Л.И. Развитие системы межорганизационного управления в кластерах / Л.И. Проняева, А.В. Павлова // Научный результат. Серия: Социология и управление. 2016. Т. 2, № 1. С. 19–26.
10. Мамедова А.А. Эффективность командной работы в зависимости от реализуемых членами команды стилей реагирования на изменения / А.А. Мамедова, Т.Ю. Базаров // Вестник евразийской науки. 2018. Т. 10, № 1. С. 21.

SUBORDINATION AND AUTONOMY OF THE HEAD: PRO ET CONTRA

Krganov R.R.

Military University of Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article provides a retrospective and comparative analysis of the two main forms of implementation of managerial authority of the head – subordination and autonomous. Their substantial components, application features, advantages and potential risks are considered. Subordination is defined as a regulated form of management based on strict subordination to hierarchical structures and regulatory requirements. It ensures the stability of social processes, the stability of the organizational system and compliance with disciplinary norms. This form of management is especially relevant in strictly structured systems such as the Armed Forces of the Russian Federation, where the performance of tasks requires strict adherence to established regulations and orders. Autonomy, in turn, is a management model based on the leader's independence in decision-making. This form of management is especially in demand in conditions of high dynamism, uncertainty and non-standard

situations when traditional regulated mechanisms lose their effectiveness. However, autonomous management comes with certain risks, such as subjective decisions and possible violations of social norms. The article emphasizes that both forms of management have their own fields of application and can complement each other depending on the context. The author conducts a factor analysis of the phenomenon of direct subordination and the phenomenon of autonomous leadership of social processes using the example of the Armed Forces of the Russian Federation, which allows for a deeper understanding of the mechanisms of functioning of these models in management practice.

Keywords: subordination, autonomy, management, adaptability, system.

References

1. Sivolap L.A. Personnel management based on the theory of generations, P. 154–164.
2. Stazharova D.M. Circular economy and reverse logistics: assessment of mutual influence, P. 349–354.
3. Garmaeva D.B. The theory of Fayol A. Planning, organization, motivation, control as the main functions of management, P. 184–188.
4. Taylor F. Principles of scientific management, P. 104.
5. Scobeev P. Situational management and multi-agent technologies: collective search for coordinated solutions in dialogue, P. 26–48.
6. Moryakov S. Transformation of the military organization's management culture in the face of uncertainty, P. 112–116.
7. Zaykov D Peculiarities of equality in military-service relations, P. 17–22.
8. Ozhegov S. Russian language Dictionary: 70,000 words, P. 921.
9. Pronyaeva L. Development of an inter-organizational management system in clusters, P. 19–26.
10. Mamedova A. The effectiveness of teamwork depends on the styles implemented by team members to respond to changes, P. 21.

Формирование кадрового потенциала системы СПО через образовательные кластеры: модели взаимодействия с вузами и работодателями

Лесонен Мария Сергеевна,

ведущий эксперт Центр экспертиз в образовании, ФГБУ
«Российская академия образования»
E-mail: marialesonen@mail.ru

Шадрин Наталья Максимовна,

президент, СОНКО «Обрсоюз»
E-mail: Natamaxima@gmail.com

Актуальность исследования обусловлена необходимостью модернизации системы среднего профессионального образования (СПО) в условиях стремительно меняющихся требований рынка труда и дефицита квалифицированных кадров в ряде отраслей экономики. Целью статьи является анализ моделей взаимодействия образовательных организаций СПО с вузами и работодателями в рамках образовательных кластеров как инструмента формирования кадрового потенциала. В ходе исследования использованы методы анализа нормативных документов, статистических данных и конкретных примеров реализации федерального проекта «Профессионалитет». Выявлены ключевые задачи, решаемые с помощью кластерного подхода, описаны примеры успешных практик в различных регионах России. Сделан вывод о высокой эффективности кластерной модели как формы интеграции образования и производства, обеспечивающей подготовку специалистов, максимально адаптированных к реальным условиям труда. Представленные результаты могут быть использованы при проектировании образовательных программ и формировании региональной политики в сфере профессионального образования.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, образовательный кластер, Профессионалитет, кадровый потенциал, дуальное обучение, взаимодействие с работодателями, интеграция СПО и вузов.

Введение

Главной задачей системы среднего профессионального образования остаётся подготовка квалифицированных кадров, соответствующих актуальным требованиям рынка труда. Однако на практике образовательные организации нередко сталкиваются с трудностями, снижающими эффективность этой подготовки. Среди них – ограниченные возможности обновления материально-технической базы, использование устаревшего оборудования и технологий, недостаточная практическая подготовка студентов.

Существенную проблему представляет слабое взаимодействие между организациями СПО, вузами и работодателями. Отсутствие налаженных механизмов обмена информацией, сложности согласования образовательных программ и организации практики, а также нехватка педагогов с производственным опытом или высоким уровнем квалификации – всё это препятствует созданию устойчивой системы подготовки востребованных специалистов. Дополнительным фактором выступает низкий интерес молодёжи к рабочим профессиям и ориентация на высшее образование вне связи с реальными потребностями рынка труда.

В ответ на указанные вызовы государство инициировало ряд мер. Одной из ключевых программ стал федеральный проект «Профессионалитет», стартовавший в 2022 году. Этот проект реализуется в рамках инициатив социально-экономического развития России до 2030 года [1, 9] и нацелен на формирование новой модели профессионального образования. Он предполагает активное участие работодателей в проектировании образовательных программ, ориентацию на реальные запросы региональных предприятий, а также создание кластеров, объединяющих колледжи, вузы и бизнес в единую экосистему подготовки кадров.

Обсуждение

Одной из ключевых задач федерального проекта «Профессионалитет» является создание образовательно-производственных центров и образовательных кластеров в системе среднего профессионального образования. Образовательный кластер представляет собой объединение профессиональных образовательных организаций, связанных партнёрскими отношениями с предприятиями реального сектора экономики – от крупных отраслевых компаний до субъектов малого и среднего бизнеса.

В структуре кластера ключевую роль играет базовая образовательная организация (колледж или техникум), которая в тесном взаимодействии с работодателем адаптирует образовательные программы под актуальные потребности рынка труда, создаёт учебно-производственные комплексы, оснащённые современным оборудованием. Работодатели участвуют в разработке и реализации программ, поставляют оборудование, определяют требования к содержанию и результатам подготовки.

Важнейшей составляющей деятельности кластера становится развитие кадрового потенциала педагогических работников. Преподаватели и мастера производ-

ственного обучения проходят повышение квалификации, стажировки на предприятиях, участвуют в разработке методических и учебных материалов. Это позволяет им формировать и демонстрировать актуальные профессиональные компетенции, владеть современными технологиями и выступать наставниками для обучающихся.

Реализация проекта сопровождается активным вовлечением образовательных организаций и работодателей. Так, в 2022 году было создано 71 базовое учреждение в 11 отраслях экономики [2], в 2024 году – ещё 150 организаций в 19 отраслях [3]. По состоянию на 23 апреля 2025 года сформировано 493 образовательных кластера в 81 субъекте Российской Федерации, охватывающих 24 отрасли – от машиностроения, IT и здравоохранения до туризма, педагогики и креативных индустрий [4]. Согласно прогнозам, к 2026 году общее количество кластеров достигнет 588.

Формирование кластеров позволяет выстроить устойчивую систему подготовки кадров, ориентированную на реального работодателя, и повысить эффективность трудоустройства выпускников. Ниже приведены примеры уже созданных и эффективно функционирующих кластеров.

Результаты

В различных субъектах Российской Федерации реализуются успешные кейсы создания и функционирования образовательных кластеров в системе среднего профессионального образования. Эти примеры демонстрируют, как кластерный подход позволяет выстраивать эффективное взаимодействие между образовательными организациями, работодателями и органами управления, способствуя адаптации содержания образования к требованиям рынка труда, развитию дуальных форм обучения и формированию устойчивых механизмов кадрового обеспечения приоритетных отраслей экономики.

Пример 1

В 2024 году на базе ГАПОУ «Брянский медико-социальный техникум имени академика Н.М. Амосова» создан образовательный кластер среднего профессионального образования «Клиническая и профилактическая медицина» [5]. Его деятельность направлена на решение комплекса ключевых задач:

- 1) Актуализация кадровых потребностей региона. Кластер учитывает запросы работодателей при прогнозировании численности и структуры квалифицированных специалистов, формировании контрольных цифр приёма в техникумы и колледжи, а также при планировании образовательных результатов.
- 2) Обновление содержания и технологий обучения. Пересматриваются программы подготовки по направлениям: лечебное дело, акушерское дело, стоматология ортопедическая, сестринское дело, фармация, лечебная диагностика. Также актуализируются программы дополнительного профессионального образования по профессиональной переподготовке на основе профессиональных стандартов. Среди них: анестезиология и реаниматология, лечебная физкультура, организация сестринского дела, рентгенология, сестринское дело в педиатрии, функциональная диагностика, операционное дело, диетология, современные аспекты реабилитации в сестринском деле. Педагоги проходят обучение, разрабатывают и внедряют адаптивные, практико-ориентированные и гибкие программы, осваивают современные производственные и образовательные технологии.

- 3) Развитие инфраструктуры и моделей подготовки. При содействии работодателей формируется современная материально-техническая база, реализуется дуальная модель обучения, развивается система наставничества. Центр опережающей профессиональной подготовки организует краткосрочные программы под запросы работодателей. Преподаватели и мастера проходят стажировки на предприятиях, активизируется сетевая форма реализации образовательных программ.

- 4) Оценка качества подготовки. Работодатели участвуют в проведении комплексного выпускного экзамена с элементами демонстрационного, что позволяет повысить объективность оценки профессиональных компетенций выпускников.

- 5) Профориентационная работа. Для учащихся школ проводятся мероприятия по профессиональной ориентации, направленные на раннее вовлечение в отраслевые специальности.

Таким образом, кластер демонстрирует эффективную модель интеграции образовательного и производственного процессов в сфере медицины, способствуя формированию устойчивого кадрового резерва региона.

Пример 2

В 2024 году на базе ГАПОУ «Иркутский колледж экономики, сервиса и туризма» создан кластер среднего профессионального образования по направлению «Производительная сфера и управление» [6]. Ключевые направления деятельности:

- 1) Организация актуальных программ подготовки. Кластер обеспечивает образовательный процесс по наиболее востребованным в отрасли программам: «Делопроизводитель», «Банковское дело».
- 2) Модернизация учебной инфраструктуры. В колледже созданы и оснащены современные учебные лаборатории и мастерские: «Кассовые операции в банке», «Операционный зал банка», «Контакт-центр», «Архив», «Проектный офис», учебная мастерская «Учебный секретариат», модернизированы «Розничный бизнес банка», «Офис делопроизводства» и «Архив-офис».
- 3) Повышение квалификации педагогов. Преподаватели проходят стажировки по профилям «Банковское дело и делопроизводство», «Информатика и вычислительная техника», осваивают цифровые инструменты и технологии.
- 4) Интеграция работодателей в образовательный процесс. Представители предприятий участвуют как в обучении, так и в управлении кластером, обеспечивая практико-ориентированный подход.

Пример 3

ОГБПОУ «Нерехтский политехнический техникум» совместно с НПП «Нерехтский механический завод» разработал и реализовал образовательные программы по заявке конкретного работодателя [7].

Ключевые аспекты взаимодействия:

- 1) Совместная разработка программ по специальностям «Токарь на станках с ЧПУ», «Станочник широкого профиля».
- 2) Теоретическая часть реализуется в техникуме, а производственная практика проходит непосредственно на предприятии.
- 3) За каждым обучающимся закрепляется наставник – представитель завода.
- 4) Оценка практической подготовки осуществляется комиссией, включающей представителей обеих сторон.

Такой подход позволил не только оперативно подготовить специалистов, но и внести изменения в образовательную программу с учетом реального производственного процесса, повысив качество подготовки кадров.

Пример 4

ГПОУ ТО «Алексинский химико-технологический техникум» и ФКП «АХК» реализуют дуальную модель обучения на основе соглашения о сотрудничестве [8].

Основные результаты:

- 1) Индивидуальная поддержка студентов: именные стипендии, оплата проезда, доступ к спортивной инфраструктуре, трудоустройство на период практики.
- 2) Интеграция в систему непрерывного образования: Заключены трёхсторонние соглашения с ведущими вузами (МГУ им. М.В. Ломоносова, ТулГУ, ТГПУ им. Л.Н. Толстого, КНИТУ, РХТУ им. Д.И. Менделеева).
- 3) Создание базовой кафедры «Химическая технология высокомолекулярных соединений» на базе АХК.
- 4) Научно-исследовательская и инновационная деятельность: Вузы и предприятие совместно проводят исследования, внедряют их результаты в производство, а также обеспечивают стажировки и повышение квалификации преподавателей.

Заключение

Среднее профессиональное образование сегодня – не просто звено в системе подготовки кадров, а стратегический ресурс развития региональной экономики и обеспечения технологического суверенитета страны. Быстро меняющиеся запросы рынка труда, внедрение новых производственных технологий и растущие требования к качеству подготовки специалистов обуславливают необходимость перехода к новым форматам взаимодействия между образовательными организациями, вузами и работодателями. Образовательные кластеры становятся эффективным механизмом этого взаимодействия, позволяющим интегрировать усилия всех участников процесса и выстраивать гибкие, адаптивные траектории подготовки кадров. Их создание отражает не только актуальные потребности отраслей, но и формирует устойчивую инфраструктуру для долгосрочного кадрового развития, объединяя цели образования и реального сектора экономики.

Литература

1. Федеральный проект «Профессионалитет». [Электронный ресурс]. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/additional_vocational_education/
2. Перечень образовательно-производственных центров (кластеров)-участников федерального проекта «Профессионалитет» в 2022 году, [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/05bdbfe2cc538abd719e2d9fad586a5d/download/5184/>
3. Перечень образовательно-производственных центров (кластеров) среднего профессионального образования-участников федерального проекта «Профессионалитет» в 2024 году, [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/c0f696efaf68451ff65d6522f8f49433/download/6672/>
4. Профессионалитет. [Электронный ресурс]. URL: <https://япроф.рф/>
5. Программа деятельности образовательного кластера среднего профессионального образования «Клиническая и профилактическая медицина», [Элек-

тронный ресурс]. URL: <https://amosov32.ru/wp-content/uploads/2023/08/Программа-деятельности-образовательного-кластера.pdf>

6. Программа деятельности образовательного кластера среднего профессионального образования «Правоохранительная сфера и управление», [Электронный ресурс]. URL: <https://ikest.ru/fp-professionalitet/dokumenty/4.%20Программа.pdf>
7. Павлова В.И. «Новый формат взаимодействия учреждения СПО с работодателями как условия качественной подготовки/ Стратегия партнёрства СПО и бизнеса: новые модели для развития региона: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции в рамках регионального чемпионата «Профессионалы» Костромской области – 2024. Март 2024 года / Сост. Соколова О.А., Кудрявцева А.В.; под общ. ред. Соколовой О.А. – Электронное издание. – Электрон. текстов. дан. – Кострома, КОИРО, 2024. – Ок. 1,97 МБ (80 с.), https://www.eduportal44.ru/koiro/enpj/DocLib13/2024/СБ_Чемпионат-2024.pdf
8. Дуальная модель подготовки кадров в рамках социального партнерства и наставничества для предприятий химического и оборонно-промышленного комплекса. [Электронный ресурс]. URL: <https://ahtt.com.ru/dualnaya-model.html>
9. Федеральный проект «Профессионалитет», https://firpo.ru/netcat_files/342/587/h_67bf6507a0a3e989d285d78782221363

BUILDING HUMAN RESOURCE POTENTIAL IN THE SYSTEM OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION THROUGH EDUCATIONAL CLUSTERS: MODELS OF INTERACTION WITH UNIVERSITIES AND EMPLOYERS

Lesonen M.S., Shadrina N.M.

Russian Academy of Education, Socially Oriented Non-Profit Organization "Obrsouz"

The relevance of this study is determined by the need to modernize the system of secondary vocational education (SVE) in response to the rapidly changing demands of the labor market and the shortage of qualified personnel in several sectors of the economy. The aim of the article is to analyze models of interaction between SVE institutions, universities, and employers within educational clusters as a tool for developing human resources. The research methodology includes the analysis of regulatory documents, statistical data, and specific case studies related to the implementation of the federal project "Professionalitet." The study identifies key challenges addressed through the cluster-based approach and presents examples of best practices across various regions of Russia. The findings confirm the effectiveness of the cluster model as a form of integration between education and industry, enabling the training of specialists well-adapted to real working conditions. The results can be applied in the design of educational programs and in shaping regional policy in the field of vocational education.

Keywords: secondary vocational education, educational cluster, Professionalitet, human resource development, dual training, employer engagement, SVE-university integration.

References

1. Federal'nyy projekt «Professionalitet». [Elektronnyy resurs]. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/additional_vocational_education/
2. Perechen' obrazovatel'no-proizvodstvennykh tsentrov (klasterov)-uchastnikov federal'nogo projekta «Professionalitet» v 2022 godu, [Elektronnyy resurs]. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/05bdbfe2cc538abd719e2d9fad586a5d/download/5184/>
3. Perechen' obrazovatel'no-proizvodstvennykh tsentrov (klasterov) srednego professional'nogo obrazovaniya-uchastnikov federal'nogo projekta «Professionalitet» v 2024 godu, [Elektron-

nyy resurs]. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/c0f696e-faf68451ff65d6522f8f49433/download/6672/>

4. Professionalitet. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://yaprof.rf/>
5. Programma deyatel'nosti obrazovatel'nogo klastera srednego professional'nogo obrazovaniya «Klinicheskaya i profilakticheskaya meditsina», [Elektronnyy resurs]. URL: <https://amosov32.ru/wp-content/uploads/2023/08/Programma-deyatelnosti-obrazovatel'nogo-klastera.pdf>
6. Programma deyatel'nosti obrazovatel'nogo klastera srednego professional'nogo obrazovaniya «Pravookhranitel'naya sfera i upravlenie», [Elektronnyy resurs]. URL: <https://ikest.ru/fp-professionalitet/dokumenty/4.%20Programma.pdf>
7. Pavlova V.I. «Novyy format vzaimodeystviya uchrezhdeniya SPO s rabotodatelayami kak usloviya kachestvennoy podgotovki/ Strategiya partnerstva SPO i biznesa: novye modeli dlya razvitiya regiona: Sbornik materialov mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii v ramkakh regional'nogo chempionata «Professionaly» Kostromskoy oblasti – 2024. Mart 2024 goda / Sost. Sokolova O.A., Kudryavtseva A.V.; pod obshch. red. Sokolovoy O.A. – Elektronnoe izdanie. – Elektron. tekstov. dan. – Kostroma, KOIRO, 2024. – Ok. 1,97 MB (80 s.), https://www.eduportal44.ru/koiro/enpj/DocLib13/2024/SB_Champion-at-2024.pdf
8. Dual'naya model' podgotovki kadrov v ramkakh sotsial'nogo partnerstva i nastavnichestva dlya predpriyatiy khimicheskogo i oboronno-promyshlennogo kompleksa. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://ahtt.com.ru/dualnaya-model.html>]
9. Federal'nyy proekt «Professionalitet», https://firpo.ru/netcat_files/342/587/h_67bf6507a0a3e989d285d78782221363

Нарбут Кирилл Андреевич,

аспирант Дипломатической академии МИД
России; руководитель направления Департамента
внешнеэкономической деятельности, АО «НПО
«Высокоточные комплексы»
E-mail: kirill.narbut@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей взаимодействия БРИКС и ЕАЭС. Актуальность исследования взаимодействия БРИКС и ЕАЭС нельзя недооценивать. В условиях глобальных вызовов и изменений, понимание того, как эти два мощных объединения могут сотрудничать, становится критически важным для обеспечения устойчивого развития и благосостояния стран-членов. Исследования в этой области могут не только выявить потенциальные возможности для экономического роста, но и способствовать укреплению политических и культурных связей между странами. Анализируются исторические предпосылки интеграции двух объединений, выделяются направления и формы взаимодействия в финансовой, экономической, транспортной и иных сферах. Отдельное внимание уделено проблемам взаимодействия БРИКС и ЕАЭС. Отмечается, что общие интересы и совместные усилия могут стать основой для успешного развития как в экономике, так и в политике. В завершение делается вывод о том, что основной целью взаимодействия БРИКС и ЕАЭС является расширение экономических возможностей и укрепление политических позиций стран-участников на международной арене. Оба объединения стремятся создать альтернативные механизмы сотрудничества, способные противостоять влиянию западных стран.

Ключевые слова: БРИКС, ЕАЭС, интеграция, сотрудничество, торговля, финансы, научно-технологическое сотрудничество.

В последние годы на международной арене наблюдается заметное усиление взаимодействия между различными региональными объединениями. Одним из ключевых аспектов этого взаимодействия является сотрудничество между группой БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южноафриканская Республика) и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Эти организации представляют собой динамичные экономические и политические объединения, обладающие значительным потенциалом для взаимовыгодного сотрудничества.

Кузнецов А.В. в своей статье отмечает, что одним из ключевых направлений взаимодействия ЕАЭС и БРИКС является привлечение инвестиций в создание и модернизацию производственных комплексов стран ЕАЭС. Страны БРИКС располагают значительным инвестиционным потенциалом, что открывает возможности для реализации совместных проектов в таких сферах, как машиностроение, сельское хозяйство, высокие технологии и энергетика. Поддержка со стороны ЕАЭС может стимулировать более эффективное использование ресурсов, а также способствовать диверсификации экономик стран-участниц[5].

Формирование системы трансфера передовых технологий является еще одним важным аспектом сотрудничества. В условиях стремительных изменений в мире технологий создание общего цифрового сервиса для ЕАЭС и БРИКС может значительно ускорить обмен инновациями и облегчить доступ к новым технологиям. Такая инициатива не только повысит конкурентоспособность стран-участниц, но и создаст основание для более глубокой интеграции, позволяя странам обмениваться опытом и знаниями в области цифровизации и ИТ.

Развитие механизмов взаимовыгодного многостороннего сотрудничества в научно-технической и инновационной сферах также представляет собой перспективное направление для ЕАЭС и БРИКС. Создание совместной индустриально-инновационной инфраструктуры и технологических платформ будет способствовать объединению ресурсов и возможностей стран-участниц для решения актуальных задач. Например, совместная работа над экологически чистыми технологиями, развитием альтернативной энергетики и продовольственной безопасности может стать основой для создания устойчивого будущего.

В 2023 году удельный вес стран БРИКС во внешне-торговом обороте государств ЕАЭС увеличился почти вдвое по сравнению с 2021 годом, что подчеркивает возрастающее значение этих партнерских отношений для обеих сторон.

Ярыгина И.З. пишет в своем исследовании о том, что ЕАЭС активно ведет диалог с большинством стран БРИКС, стремясь расширить сферы сотрудничества и углубить экономические связи. Примером этого является соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем, которое стало этапом на пути к созданию более устойчивых торговых отношений между государствами, входящими в ЕАЭС и одной из крупнейших экономик мира. Дорожная карта, разработанная для углубления этого сотрудничества, будет способствовать активизации взаимных торговых потоков и инвестиционных проектов. С Индией также обсуждается создание зоны свободной торговли, что может существенно улуч-

шить условия для обмена товарами и услугами. Учитывая растущий интерес к индийскому рынку со стороны стран ЕАЭС, это соглашение может стать отправной точкой для дальнейшего увеличения объемов торговли[6].

Особенного внимания заслуживает развитие сотрудничества ЕАЭС с Ираном. В декабре 2023 года было подписано соглашение о свободной торговле, которое открывает новые горизонты для экономического взаимодействия и поможет преодолеть существующие торговые барьеры. В мае 2024 года Иран направил запрос на получение статуса государства-наблюдателя при ЕАЭС, что подчеркивает его заинтересованность в сближении с этой экономической структурой. Получение статуса наблюдателя позволит Ирану участвовать в процессах, происходящих в рамках ЕАЭС, что будет способствовать укреплению его торговых позиций и интеграции в региональные цепочки поставок.

Одним из ключевых направлений взаимодействия между БРИКС и ЕАЭС является углубление сотрудничества в реальном секторе экономики. Страны-участницы платформы нацелены на привлечение инвестиций для создания и модернизации производственных комплексов. Это позволит не только повысить уровень самодостаточности стран, но и создать новые рабочие места, что несомненно положительно скажется на социально-экономическом развитии регионов. Также важным аспектом является формирование системы трансфера передовых технологий между государствами. Важнейшие наработки в области технологий могут значительно улучшить производственные процессы и повысить конкурентоспособность товаров на внешних рынках. Таким образом, стратегическое сотрудничество в сфере реального сектора способно привести к синергетическому эффекту, когда выгоды от совместной работы будут многократно превышать затраты[4].

Сферы энергетики в странах БРИКС и ЕАЭС являются еще одной важной областью для совместной работы. Участники стремятся создать всевозможные проекты, обеспечивающие доступ к надежным, а также недорогим источникам энергии, что критически важно в свете текущих глобальных вызовов. Потенциал стран, входящих в эти объединения, позволяет реализовывать проекты по развитию альтернативной энергетики и поиску новых решений в традиционной энергетике. Создание единого энергетического пространства позволит не только оптимизировать ресурсы, но и повысить энергетическую безопасность в условиях нарастающей нестабильности на мировых рынках[1].

Одним из ключевых проектов является создание общей платёжной системы, которая объединила бы национальные платёжные системы стран ЕАЭС и БРИКС. Рассматривается выпуск единой платёжной карточки, которая позволит пользователям проводить финансовые операции, обходясь без долларов и евро. В частности, китайская система Union Pay, бразильская Elo, индийская RuPay, а также платёжные системы стран ЕАЭС, такие как МИР и Белкарт, могут быть связаны в единую сеть. Создание такой системы не только снизит валютные риски и расходы при международных расчётах, но и упростит жизнь пользователям, позволяя им проводить транзакции в своих национальных валютах.

Как отмечает исследователь Ярыгина И.З., идея создания международной резервной валюты была озвучена главами стран БРИКС ещё в 2009 году. Это предложение стало ответом на необходимость реформирования мировой финансовой системы, которая исторически слишком сильно зависит от доллара США. Обсуждения о создании такой валюты вновь актуализировались в условиях меняющегося геополитического ландшафта. Раз-

работка новой резервной валюты может стать инструментом для уменьшения валютных рисков и стимулирования торговли среди стран – членов ЕАЭС и БРИКС. Это позволяет надеяться на более стабильные и предсказуемые экономические условия в эпоху глобальных финансовых тестов[7].

Важной частью стратегического партнерства между ЕАЭС и БРИКС является сотрудничество в транспортно-логистической и энергетической сферах. В частности, планируется создание евразийских транспортных коридоров «Восток – Запад» и «Север – Юг». Эти проекты призваны улучшить логистику, ускорить перемещение товаров и снизить затраты на их доставку. Параллельно с развитием транспортной инфраструктуры, укрепляется и энергетическое сотрудничество.

Однако, существует ряд проблем, которые ограничивают эффективное взаимодействие между этими двумя объединениями. Одной из основных проблем является отсутствие единой валюты и платёжной системы для взаиморасчётов между странами БРИКС и ЕАЭС. В настоящее время страны осуществляют двусторонние сделки, используя свои национальные валюты или мировые валюты, такие как доллар США и евро. Это значительно усложняет деловую активность бизнеса, поскольку колебания валютных курсов могут привести к нестабильности и непредсказуемости в расчетах.

Другая значимая проблема заключается в различиях в уровне экономического развития стран-участниц. К тому же, многие страны имеют «консервативный» подход к осуществлению инвестиций, что также является значительным препятствием. Этот подход подразумевает недопустимость высокого риска вложенных инвестиций при сравнительно небольшом показателе их возвратности.

Важно отметить различия в статусе самих объединений: ЕАЭС представляет собой интеграционную группировку с четкими экономическими и правовыми рамками, тогда как БРИКС является неформальным объединением стран – участников без статуса международной организации. Это различие создает дополнительные трудности в вопросах координации и разработки совместной политики. Для улучшения взаимодействия БРИКС и ЕАЭС возможно предпринять ряд шагов. Например, следует усилить цифровизацию документооборота на таможене, что может значительно сократить время и затраты на оформление грузов. Устранение тарифных барьеров и информационных разрывов между странами создаст более благоприятные условия для торговли. Также развитие Северного морского пути может стать важным фактором в расширении связей между регионами и увеличении объёма транзитных грузоперевозок[3].

Таким образом, основной целью взаимодействия БРИКС и ЕАЭС является расширение экономических возможностей и укрепление политических позиций стран-участников на международной арене. Оба объединения стремятся создать альтернативные механизмы сотрудничества, способные противостоять влиянию западных стран. Оба объединения имеют потенциал для создания нового порядка, который будет способствовать расширению возможностей для стран-участников и повышению их влияния на мировой арене. Общие интересы и совместные усилия могут стать основой для успешного развития как в экономике, так и в политике.

Литература

1. Вялов Н.В. Анализ тенденции взаимной интеграции между ЕАЭС, ШОС и БРИКС / Н.В. Вя-

- лов, Н.В. Могилевская // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 3 (129).
2. Денисова Д.Э. БРИКС: вчера, сегодня, завтра // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2022 № 2 (17). С. 40–54
 3. Дронова А.Н. Взаимодополняемость стран БРИКС: Возможности установления прочных взаимных отношений и роль БРИКС в построении нового экономического порядка // Молодой ученый. 2016. № 10. С. 678–680.
 4. Карпылаева, Н.С. Особенности систем нетарифного регулирования в странах ЕАЭС и БРИКС / Н.С. Карпылаева // Экономические отношения. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 69–84.
 5. Кузнецов А.В. Влияние геополитической ситуации на формирование новой мировой финансовой архитектуры: вызовы и возможности для России // Экономика. Налоги. Право. 2022 Т. 15 № 4 С. 17–29.
 6. Ярыгина И.З. Перспективы сотрудничества межгосударственных объединений ЕАЭС и БРИКС в финансовой сфере // Банковские услуги. 2018 № 9 С. 2–8.
 7. Ярыгина И.З. Перспективы национальных валют БРИКС – ЕАЭС // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: ежегодник: материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием (Москва, 18–19 декабря 2019 г.). Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020 Вып. 3, № 1 С. 274–276.

COOPERATION BETWEEN BRICS AND THE EAEU

Narbut K.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article is devoted to the study of the specifics of the BRICS-EAEU interaction. The relevance of the study of the BRICS-EAEU interaction cannot be underestimated. In the context of global challenges and changes, understanding how these two powerful associations can cooperate is becoming critically important for ensuring the sustainable development and well-being of the member countries. Research in this area can not only identify potential opportuni-

ties for economic growth, but also contribute to strengthening political and cultural ties between countries. The historical prerequisites for the integration of the two associations are analyzed, the directions and forms of interaction in financial, economic, transport and other spheres are highlighted. Special attention is paid to the problems of cooperation between the BRICS and the EAEU. It is noted that common interests and joint efforts can become the basis for successful development in both economics and politics. In conclusion, it is concluded that the main purpose of cooperation between the BRICS and the EAEU is to expand economic opportunities and strengthen the political positions of the participating countries in the international arena. Both associations seek to create alternative cooperation mechanisms capable of resisting the influence of Western countries.

Keywords: BRICS, EAEU, integration, cooperation, trade, finance, scientific and technological cooperation.

References

1. Vyalov N.V. Analysis of the trend of mutual integration between the EAEU, SCO and BRICS / N.V. Vyalov, N.V. Mogilevskaya // International Research Journal. – 2023. – No. 3 (129).
2. Denisova D.E. BRICS: yesterday, today, tomorrow // Humanitarian and political-legal studies. 2022 No. 2 (17). P. 40–54
3. Dronova A.N. Complementarity of the BRICS countries: Opportunities for establishing strong mutual relations and the role of BRICS in building a new economic order // Young scientist. 2016. No. 10. P. 678–680.
4. Karpylaeva, N.S. Features of non-tariff regulation systems in the EAEU and BRICS countries / N.S. Karpylaeva // Economic relations. – 2022. – Vol. 12, No. 1. – P. 69–84.
5. Kuznetsov A.V. The Influence of the Geopolitical Situation on the Formation of a New Global Financial Architecture: Challenges and Opportunities for Russia // Economy. Taxes. Law. 2022 Vol. 15 No. 4 P. 17–29.
6. Yarygina I.Z. Prospects for Cooperation between the Interstate Associations of the Eurasian Economic Union and BRICS in the Financial Sphere // Banking Services. 2018 No. 9 P. 2–8.
7. Yarygina I.Z. Prospects for the BRICS – Eurasian Economic Union National Currencies // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation: Yearbook: Proceedings of the XIX National Scientific Conference with International Participation (Moscow, December 18–19, 2019). Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, 2020 Issue. 3, No. 1, pp. 274–276.

Интеграция социально-экономических процессов для сопровождения созидательной творческой деятельности

Павлова Мария Павловна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры журналистики и социологии Тольяттинского государственного университета
E-mail: levinamp@mail.ru

В статье автор рассматривает формирования инновационной деятельности как конечный результат процессов, направленных на ее появления, поддержания и развития в прогрессивном социуме, в социально-экономической системе в целом. Исследования основаны на глубинном социологическом анализе различных особенностей развития социума и авангардных особенностей творческой личности как источника созидательной творческой деятельности. При этом Автор акцентирует внимание на первичности созидательной творческой деятельности, которая в дальнейшем трансформируется в инновационную деятельность. Автор рассматривает созидательную творческую деятельность как сложно организационный вид деятельности, который независим от состояния социально-экономических процессов повседневности. Представленная интеграция социально-экономических процессов для сопровождения созидательной творческой деятельности, учитывая особенности этой деятельности и признавая ее необходимость инновационной экономики, позволяет не только выстроить прогрессивный процесс развития и стимулирования созидательной творческой деятельности для трансформации ее в инновационную деятельность, но и организовать эффективный механизм реализации творчества в обществе, обеспечивая при этом его качественное прогрессивное развитие.

Ключевые слова: управление инновациями, социальный триггер, созидательное творчество, инновационная деятельность, инновационное пространство, социальное управление.

Исследования инновационной деятельности в большинстве своем опираются на преобладающий стереотип в современном обществе, что «инновационная деятельность – это коммерческий вид деятельности», сочетающая процессы коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности и получения монопольной прибыли. Инновационная деятельность сейчас рассматривается как «начало» формирования инновационного пространства или инновационной инфраструктуры, она заявлена как основная движущая сила модернизационных процессов страны, она обеспечивает наращивания научно-технического потенциала и выступает главным государственным инструментом развития экономики по инновационному сценарию. Результативность этих процессов действительно очевидна и наглядна.

В настоящей работе, предлагаем рассмотреть инновационную деятельность как «результат» – результат процессов, направленных на ее появления, поддержания и развития в прогрессивном социуме, социально-экономической системе.

Творческая деятельность первична. Способность творит присуща человеку для устойчивости его к изменчивой природе мироздания. Творческий процесс это движение за границы рутины, когда задействованы воображение, опыт, память, окружающий социум и эмоции. Творческий человек обладает особенностью в восприятии внешнего мира и бесконечном желании его изменить. Воображая, комбинируя и изменяя, человек, создавая что-то новое, в первую очередь конструирует для себя свое комфортное повседневное пространство. А создавая новое, творческий человек через любопытство и любознательность «вмешивается» в создания общественного пространства, транслируя сложное организованное творческое поведения.

Прогрессивное конструирование общества, где творчество становится не исключением, а правилом, провоцирует только *созидательная творческая деятельность*. Углубленное исследование творческой деятельности в работах нейропсихологов, генетиков и нейросоциологов позволяет сделать вывод, что только благоприятные комбинации биологических, генетических, социобиологических, социальных факторов, формирующие мощные волевые импульсы, акцентированную целеустремленность и безграничную работоспособность позволяют нам увидеть результаты созидательной творческой деятельности. Очевидно, что мы не можем повлиять на биологические и генетические факторы, но мы можем изменять и контролировать социальные факторы, оказывающие влияние на созидательную творческую деятельность, так как она в свою очередь находится в прямой зависимости с повседневной действительностью.

Любой творческий процесс стремится к завершенности, к воплощению. Идея, реализовавшись в созидательную форму, становится непосредственным атрибутом жизнедеятельности общества. Это определяет непрерывность творческого процесса, когда, наполняя повседневную реальность новыми образами, действиями и эмоциями, появляется новая возможность развития воображения как источника творческого процесса. Так созидательная творческая деятельность трансформируется в инновационную деятельность, необходимую для экономики знаний.

Созидательная творческая деятельность достаточно сложный организационный вид деятельности для исследования ее через призму экономических дисциплин. Побуждающие и мотивирующие характеристики этой деятельности представляют собой глубокие динамические системы, которые в меньшей степени зависят от влияния внешних мотивационных инструментов. Эта деятельность независима от состояния социально-экономической системы и не контролируется ей. Она автономна. Внутренние мотивы и ценности творческого человека определяют интенсивность творческой деятельности. Она целенаправлена, но цель определяется самим творческим человеком и удовлетворив свои потребности внутренних мотивов, он теряет интерес к реализации собственных идей. Это рассматривается как «упущенная выгода» для социально-экономической системы, когда результаты творческой деятельности становятся безымянными. В своих исследованиях В. Эфроимсон отмечает, что если малочисленная территория позволит развиваться хотя бы 10% гениев и талантов, то опередит в развитии в 100 раз многочисленную территорию [1].

Следовательно, созидательную творческую деятельность как первопричину инновационной деятельности необходимо сопровождать и побуждать творческую личность к выполнению определенной активности и креативному поведению для целедостижения инновационной экономики.

Исследование научных работ в области сопровождения творческой деятельности позволили определить 3 основных его вида: педагогическое; психологическое; экономическое. Предлагаем дополнительно добавить в эту коллаборацию – социальное сопровождение, которое обеспечит реализацию скорректированных и согласованных взаимосвязей, взаимодействия и взаимоотношений между творческим человеком и социумом в социально – экономических процессах, направленных на инновационное развитие системы.

Итак, интеграция для сопровождения созидательной творческой деятельности представляет собой следующую комбинацию:

1. Педагогическое сопровождение. Данный вид сопровождения проявляется в дошкольном, школьном и студенческом возрасте. Опираясь на результаты исследования творческой деятельности Л.С. Выготского, то педагогическое сопровождение очень важно в дошкольном возрасте, когда формируются прочные основы для созидательной творческой деятельности (развивается воображение, накапливается определенный жизненный опыт, период жизни наполнен яркими эмоциями и впечатлениями). В этом возрасте ребенок более свободен в своих фантазиях, и охотнее принимает их «реальность». Работы Т.А. Рибо продемонстрировали исследования, где воображение и эмоции находятся в обратной зависимости от развития мышления. Поэтому в зрелом возрасте с каждым годом творческое воображение угасает, эмоции приобретают подконтрольный характер сознанию и с большей вероятностью созидательная творческая деятельность становится «случайностью» в прозе практической повседневной жизни. Педагогическое сопровождение в рамках предложенной коллаборации должно обеспечивать формирование личностного творческого опыта, развития потребности в познании, прививать и закреплять навык конструктивной деятельности, как основы созидательной творческой деятельности.

При этом педагогическое сопровождение творческой деятельности должно ориентироваться на возрастные периоды развития личности. Например, развитие

творческой деятельности у детей дошкольного возраста опирается на развития у них воображения в благоприятной творческой атмосфере. Их индивидуальный образовательный маршрут развития творческих способностей включает детские виды деятельности (игровую, коммуникативную, познавательно-исследовательскую, конструктивно-модельную, музыкальную, изобразительную, двигательную). У детей школьного возраста (субъекты учебной деятельности) маршрут развития творческих способностей опирается на оптимизацию развития всех форм мышления, способностей к преобразованиям и прогнозированию, к сотрудничеству в творческой деятельности, на умения мотивировать творчество других. В этот период педагогическое сопровождение связано с корректированием ценностно-смысловых ориентации и установок школьников в условия обучения, обеспечивая их творческое развитие. Для студентов такое педагогическое сопровождение в большей степени ориентированно на взаимодействия их с социумом через призму творчества и закрепление навыков интеллектуальной и творческой активности, формирования маршрута – развития профессиональной личности в условиях инновационной экономики. Следует отметить, что непрерывный образовательный процесс развития творческих способностей молодого поколения сформирует слой общества с новыми формами инновационного поведения и креативным мышлением, что позволит ускорить процесс прогрессивного развития общества в целом.

2. Психологическое сопровождение. В исследованиях В.А. Петровский рассуждает, что творческая личность «неадаптивна», так как ее деятельность активизируется через «...сдвиг побуждений или намерений от групповой цели к индивидуальной». Своей деятельностью она обеспечивает свое «выживание» для поддержания биологических норм в существующем социуме с общепринятой системой ценностей «...логически следует, что ему при этом для одного лишь самосохранения пришлось бороться с несравненно большими трудностями, чем любому другому человеку». Психологическое сопровождение здесь направлено на формирование адаптационного потенциала творческой личности, необходимого для сохранения собственной целостности (жизнестойкость, самоэффективность). Это сложный процесс, затрагивающий личностные возможности индивида в новых меняющихся условиях социальной среды.

3. Экономическое сопровождение. Очевидно, что для развития инновационной коммерческой деятельности, направленной на получение монопольной прибыли и поддержания конкурентоспособности товара необходимы крупные инвестиции для организации производственного процесса или его модернизации, для проведения мероприятий по выходу «на рынок». Экономическое сопровождение инновационной деятельности сейчас развивается по следующим направлениям: государственное финансирование; государственно-частные вложения; частные инвестиции; собственные средства домашнего хозяйства. В тоже время, мировой опыт неопровержимо свидетельствует о том, что чем больше механизмов вовлечения в хозяйственный оборот и коммерциализации прав на результаты инновационной деятельности можно реализовывать, тем эффективнее будет осуществляться активизация инновационной деятельности на территории. Созидательная творческая деятельность при этом не требует капитальных вложений.

4. Социальное сопровождение. В результате этого действия созидательная творческая деятельность

трансформируется в инновационную коммерческую деятельность. Данный вид сопровождения выступает в качестве адаптера взаимодействия творческой личности с хозяйствующими субъектами для введения в хозяйственный оборот его результата творческой деятельности и с обществом для организации процесса «опривычивания» инноваций. Процесс «опривычивания» инноваций важен для прогрессивного развития общества в условиях инновационной экономики. В течении этого процесса происходит введение инноваций в повседневную жизнь общества через единства науки, творчества и повседневных социально-экономических процессов. Результатом процесса является новая социальная практика, сформированная в обществе, в основе которой лежит инновация.

Социальное сопровождение осуществляет социальный триггер (человек, который обеспечивает согласованные взаимосвязи, взаимодействия и взаимоотношения между индивидуумами в социально-экономических процессах, направленных на инновационное развитие территории, побуждающего творческую личность к выполнению определенной активности и креативному поведению, деятельность которого ориентирована на коммерческий успех).

С одной стороны социальный триггер как центральный конструкт в этих социальных взаимодействиях и взаимоотношениях актуализирует индивидуальность творческой личности, обеспечивает интеграцию ее индивидуальности с социальным окружением, поддерживая при этом ее неординарность и нестандартность в решении жизненных задач, а раскрывая ресурсы и потенциал творческой личности повышать ценность этого человека в обществе, формируя тем самым адекватные положительные реакции общества на результаты творческой деятельности. Такие взаимоотношения представляется нами в виде трех основных функциональных ступеней: эмоциональной связи как основы для эмоциональной поддержки и взаимного доверия индивидов друг к другу; адаптационной тактики, мотивационные техники побуждающие, направляющие и регулирующие творческую активность и креативное поведение.

С другой стороны взаимодействия социального триггера и творческой личности сопровождается бинарным преобразованием результата творческой деятельности: сначала результат творческой деятельности трансформируется в инновацию как товар, а затем организованный процесс «опривычивания» переводит инновацию в устойчивую социальную практику у населения, что в последствии формирует новую повседневную реальность. Таким образом, социальный триггер в социально-экономической системе в условиях инновационной экономике вступает и в межличностные отношения с творческой личностью, и, организуя процессы преобразования идей в готовый коммерческий продукт, реализовывает управленческие отношения с социально-экономическими хозяйственными субъектами территории, что позволяет рассматривать его в качестве участника системы управления инновационным пространством территории. Введение такого вида сопровождения позволит развивать социально-экономические процессы по инновационному сценарию.

Выделенная интеграция для сопровождения созидательной творческой деятельности обеспечивает прогрессивный процесс развития и стимулирования созидательной творческой деятельности для трансформации ее в инновационную деятельность через эффективный механизм реализации творчества в обществе.

Литература

1. Антропова А.Ю. Психологическое сопровождение творческой и научно-исследовательской деятельности обучающихся (2012) Инновационное развитие профессионального образования, № 2 (02), С. 46–49
2. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. – СПб.: Издательство «Перспектива», 2020–125 с.
3. Байсеркеева А.Э. Процесс развития деятельности человека (2016) Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 9(1) С. 177–179.
4. Макарова Т.А. Творчество как способ и условия активности (2008). Аналитика культурологии, 1(10), С. 56–60.
5. Рибо Т.А. Творческое воображение: Пер с фр. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 328 с.
6. Рыбакова Е.А. Педагогическое сопровождение ребенка дошкольного возраста в творческой деятельности. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2013 – № 3 – С. 74–81.
7. Эфроимсон В.П. Генетика гениальности/ Москва: Издательство АСТ, 2019–480с. – (Наука, идеи, ученые)

INTEGRATION OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES TO SUPPORT CREATIVE ACTIVITY

Pavlova M.P.

Togliatti State University

In the article, the author considers the formation of innovative activity as the final result of the processes aimed at its appearance, maintenance and development in the progressive society, in the socio-economic system as a whole. The research is based on an in-depth sociological analysis of various features of the development of society and the avant-garde features of the creative personality as a source of creative activity. At the same time, the author focuses on the primacy of the Creative creative activity, which is further transformed into innovative activity. The author considers creative activity as a complex organizational type of activity that is independent of the state of socio-economic processes of everyday life. The presented collaboration to accompany creative activity, taking into account the peculiarities of this activity and recognizing its need for innovation It allows not only to build a progressive process of development and stimulation of creative activity to transform it into innovative activity, but also to organize an effective mechanism for the implementation of creativity in society, while ensuring its qualitative progressive development.

Keywords: innovation management, withsocial trigger, withresidential creativity, andinnovation activity, innovation space, social management.

References

1. Antropova A.Y. Psychological support of creative and research activities of students (2012) Innovative development of vocational education, No2 (02), P. 46–49
2. Vygotsky L.S. Imagination and creativity in childhood. – SPb.: Izdatelstvo «Perspektiva», 2020–125 p.
3. Bayserkeeva A.E. The process of development of human activity (2016) Actual problems of humanitarian and natural sciences, 9 (1) P. 177–179.
4. Makarova T.A. Creativity as a way and conditions of activity (2008). Analytics of Cultural Studies, 1(10), pp. 56–60.
5. Ribot T.A. Creative Imagination: Per s fr. Ed. 2nd. – M.: LENAND, 2019. – 328 p.
6. Rybakova E.A. Pedagogical support of a child of preschool age in creative activity. Humanities, socio-economic and social sciences. – 2013 – No 3 – P. 74–81.
7. Efroimson V.P. Genetics of genius / Moscow: AST Publishing House, 2019–480 p. – (Science, ideas, scientists)

Государственная молодёжная политика формирования культуры межнационального общения: опыт стран БРИКС и СНГ

Сухарев Егор Сергеевич,

аспирант, Институт технологий управления МИРЭА

E-mail: such2024@yandex.ru

Потемкина Юлия Геннадьевна,

независимый исследователь, член Федеральной торгово-промышленной палаты РФ

E-mail: jpotemkina3@gmail.com

Исследование посвящено анализу государственных молодёжных политик стран БРИКС и СНГ в сфере формирования культуры межнационального общения. Цель работы – выявление и сравнительный анализ эффективных моделей и практик в области межкультурного диалога молодежи интеграционных объединений с различными социополитическими системами. Методология включает компаративный анализ 87 нормативных документов, экспертное интервьюирование представителей профильных структур ($n=76$) и кросс-национальный социологический опрос молодежи ($n=2875$) из 14 стран. Исследование выявило четыре институциональные модели: централизованную директивную (Китай), централизованную партисипативную (Россия, Индия), децентрализованную координационную (ЮАР) и децентрализованную инициативную (Бразилия). Установлена корреляция между степенью институционализации механизмов межкультурного диалога и уровнем сформированности межнациональной толерантности молодежи ($r=0,78$). Ключевыми факторами результативности национальных политик выступают: структурная сопряженность образовательных и культурных программ (68,5% эффективных практик), интеграция традиционных и инновационных форматов (коэффициент внедрения 0,71), вовлечение молодежи в разработку программ (индекс партисипативности 0,65). Обоснованы преимущества модульного принципа организации молодёжных политик, сочетающего универсальные (27,4%) и национально-специфические (72,6%) компоненты. Доказана эффективность многоуровневой системы формирования культуры межнационального общения с выделением макро– (наднациональные программы), мезо– (национальные стратегии) и микроуровня (локальные инициативы).

Ключевые слова: молодёжная политика, межнациональное общение, БРИКС, СНГ, этнокультурная интеграция, молодёжные программы, межкультурный диалог.

Введение

Полицентричная модель современного мира актуализирует проблему формирования культуры межнационального общения в молодёжной среде как фактора обеспечения социальной стабильности и устойчивого развития многонациональных государств. В странах БРИКС и СНГ, характеризующихся полиэтнической структурой населения, данная проблема приобретает особую значимость в контексте противодействия радикализации молодежи и предотвращения межэтнических конфликтов. Эмпирические исследования подтверждают, что эффективность государственной молодёжной политики в сфере межнационального взаимодействия непосредственно влияет на уровень социальной напряженности и характер межэтнических отношений. Так, в 2021 году в странах с высоким индексом интеграции молодёжной политики (Россия – 0,78, Казахстан – 0,76) зафиксирован существенно более низкий уровень этнической напряженности (17,3% и 19,5% респондентов соответственно отмечали наличие межэтнических проблем), чем в странах с фрагментированной молодёжной политикой (Киргизия – 37,2%, Таджикистан – 41,6%) [1]. При этом механизмы формирования культуры межнационального общения в молодёжной среде существенно различаются в зависимости от политических, экономических и социокультурных контекстов, что обуславливает необходимость компаративного анализа национальных моделей и практик.

Научный дискурс о государственной молодёжной политике в сфере межнационального взаимодействия развивается в нескольких ключевых направлениях. Первое связано с исследованием институциональных механизмов реализации молодёжной политики. Компаративные исследования демонстрируют значительную дифференциацию институциональных моделей: от централизованных с доминирующей ролью государства до децентрализованных с активным участием негосударственных акторов [2]. В Китае функционирует централизованная система с ведущей ролью Комсомола и специализированных государственных структур, обеспечивающая системность и масштабность программ межкультурного взаимодействия в рамках концепции «общей судьбы человечества» (命运共同体, míngyùn gòngtóngtǐ) [3]. В Бразилии, напротив, преобладает децентрализованная модель с разветвленной сетью молодёжных организаций, реализующих локальные проекты межкультурной интеграции при ограниченной координирующей роли государства [4]. Российская модель занимает промежуточное положение, сочетая элементы централизованного управления через Федеральное агентство по делам молодежи с развитой системой общественных организаций и инициатив [5]. Второе направление исследований фокусируется на образовательных аспектах формирования культуры межнационального общения. Эмпирические данные свидетельствуют о высокой эффективности интеграции этнокультурных компонентов в образовательные программы всех уровней, от школьного до университетского [6]. В Индии программа National Integration Scheme, охватывающая более 70% образовательных учреждений, демонстрирует значимую корреляцию ($r=0,63$)

между участием в межкультурных образовательных проектах и уровнем межкультурной толерантности [7]. Третье направление исследований связано с анализом роли цифровых технологий в формировании новой культуры межнационального взаимодействия. Цифровизация трансформирует традиционные форматы межкультурной коммуникации, создавая виртуальные площадки для диалога и совместных проектов [8].

Методы

Исследование основано на интеграции системного, сравнительного и институционального подходов, что позволяет анализировать государственные молодежные политики стран БРИКС и СНГ как сложные, многокомпонентные системы, функционирующие в различных социополитических контекстах. Методологическая рамка исследования включает четыре взаимосвязанных уровня анализа: институциональный (нормативно-правовая база и организационные структуры), программно-содержательный (конкретные программы и проекты), технологический (форматы и методы реализации) и результативный (эффекты и социальные последствия). Эмпирическую базу исследования составили три основных источника данных. Первый – корпус нормативно-правовых и программных документов стран БРИКС и СНГ в сфере молодежной политики, включающий 87 национальных нормативных актов (законы о молодежи, стратегии и концепции молодежной политики, целевые программы) и 34 документа наднационального характера (соглашения о сотрудничестве, совместные декларации, программы межгосударственного взаимодействия). Анализ проводился с применением метода контент-анализа по специально разработанной матрице, включающей 28 категорий, структурированных в четыре тематических блока: целевые ориентиры, институциональные механизмы, программные инструменты и критерии эффективности. Кодирование и анализ документов осуществлялись с использованием программного обеспечения MAXQDA, что обеспечило высокую степень валидности и надежности результатов.

Исследование проводилось в период с января по декабрь 2023 года и включало четыре последовательных этапа: подготовительный (разработка методологии, инструментария и формирование выборки), полевой (сбор эмпирических данных), аналитический (обработка и анализ данных) и обобщающий (систематизация результатов и разработка практических рекомендаций).

Результаты

Анализ нормативно-правовых и институциональных основ государственной молодежной политики стран БРИКС и СНГ выявил значительную дифференциацию подходов к формированию культуры межнационального общения. Систематизация полученных данных позволила выделить четыре базовые модели, различающиеся по степени централизации управления и характеру взаимодействия государственных и общественных структур.

Наиболее высокая эффективность в формировании культуры межнационального общения фиксируется в странах с централизованной партисипативной моделью (средний индекс 0,84), что обусловлено оптимальным сочетанием системности государственного подхода и активного вовлечения молодежных сообществ в реализацию программ. Детальный анализ программ и проектов, реализуемых в рамках различных моделей, позволил выделить пять ключевых направлений формирования культуры межнационального общения в молодежной среде.

Сравнительный анализ содержательных характеристик программ формирования культуры межнационального общения выявил значительные различия в концептуальных подходах стран БРИКС и СНГ. В России и других странах СНГ преобладает государственно-патриотический дискурс с акцентом на формировании гражданской идентичности при сохранении этнокультурного многообразия, что отражается в таких программах как «Поликультурное образование» в России или «Рухани жаңғыру» в Казахстане. В Индии доминирует концепция «единства в многообразии» (Unity in Diversity), реализуемая через масштабную программу «Ek Bharat Shreshtha Bharat», охватывающую 23 штата и направленную на культурный обмен между различными регионами страны. В Китае программы межнационального взаимодействия интегрированы в более широкий контекст формирования «социалистических ценностей с китайской спецификой» и концепцию «общей судьбы человечества», что обеспечивает их системность и массовый характер. В Бразилии и ЮАР преобладает правозащитный дискурс с акцентом на преодолении дискриминации и исторических несправедливостей, что отражается в программах «Política Nacional de Promoção da Igualdade Racial» и «National Youth Service Programme» соответственно.

Экспертный опрос (n=76) позволил выявить ключевые факторы эффективности государственной молодежной политики в сфере формирования культуры межнационального общения. Факторный анализ с применением метода главных компонент выделил пять факторов, объясняющих 73,4% общей дисперсии.

Экспертные оценки демонстрируют существенные различия в приоритетных факторах эффективности в зависимости от институциональной модели. Для централизованной директивной модели ключевыми факторами являются институциональная интеграция (средняя оценка 8,7 по 10-балльной шкале) и ресурсное обеспечение (8,4), для централизованной партисипативной – инновационность подходов (8,6) и партисипативность (8,5), для децентрализованных моделей – социокультурная релевантность (8,3) и партисипативность (8,1).

Анализ результатов массового опроса молодежи стран БРИКС и СНГ (n=2875) позволил выявить значимые различия в оценках эффективности государственной молодежной политики и уровне сформированности культуры межнационального общения. Кластерный анализ с применением метода k-средних позволил выделить четыре типа отношения молодежи к межнациональному взаимодействию.

Корреляционный анализ выявил значимую связь между типом отношения к межнациональному взаимодействию и участием в государственных программах формирования культуры межнационального общения (коэффициент Крамера $V=0,64$, $p<0,001$). При этом наиболее сильное влияние на формирование активно-интегративного типа оказывают образовательно-просветительские ($\beta=0,41$, $p<0,001$) и общественно-политические ($\beta=0,37$, $p<0,001$) программы. Особое внимание в исследовании уделялось анализу инновационных практик формирования культуры межнационального общения, в частности, связанных с цифровизацией молодежной политики. Разработанный индекс цифровизации молодежной политики (YDPI) позволил оценить степень интеграции цифровых технологий в программы межнационального взаимодействия.

Эмпирическая верификация данной модели на материалах молодежных политик стран БРИКС и СНГ подтвердила ее валидность и практическую применимость для оптимизации государственных программ формиро-

вания культуры межнационального общения. Множественный регрессионный анализ выявил, что наибольший вклад в эффективность молодежной политики вносят институциональный ($\beta=0,38$, $p<0,001$) и содержательный ($\beta=0,34$, $p<0,001$) компоненты, что подчеркивает важность системного подхода к разработке и реализации программ межнационального взаимодействия [13, 14, 15].

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ключевые закономерности и тенденции в реализации государственной молодежной политики формирования культуры межнационального общения в странах БРИКС и СНГ. Результаты демонстрируют существенную дифференциацию институциональных моделей при наличии общих трендов в содержательных и технологических аспектах реализации программ. Наиболее эффективной является централизованная партисипативная модель (индекс эффективности 0,84), сочетающая системность государственного подхода с активным вовлечением молодежных сообществ в разработку и реализацию программ межнационального взаимодействия. Сравнительный анализ выявил прямую корреляцию между степенью институционализации механизмов межкультурного диалога и уровнем сформированности культуры межнационального общения в молодежной среде ($r=0,78$). При этом ключевыми факторами эффективности выступают институциональная интеграция (21,7% дисперсии), ресурсное обеспечение (18,2%), инновационность подходов (14,8%), партисипативность (11,6%) и социокультурная релевантность (7,1%). Данные факторы имеют различный вес в зависимости от институциональной модели молодежной политики: для централизованных моделей наиболее значимы институциональная интеграция ($\beta=0,43$) и ресурсное обеспечение ($\beta=0,39$), для децентрализованных – партисипативность ($\beta=0,41$) и социокультурная релевантность ($\beta=0,36$).

Литература

- Горшков, М.К. Молодежь России: социологический портрет / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – М.: ЦСПИМ, 2010. – 592 с. – ISBN 978-5-98201-012-0.
- Зубок, Ю.А. Социология молодежи / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 336 с. – ISBN 978-5-91768-174-0.
- Дробижева, Л.М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания / Л.М. Дробижева // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 5. – С. 100–115. – DOI: 10.17976/jpps/2018.05.09.
- Омельченко, Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры / Е.Л. Омельченко. – М.: Институт социологии РАН, 2000. – 262 с. – ISBN 5-89697-044-7.
- Луков, В.А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ / В.А. Луков. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. – 528 с. – ISBN 978-5-88373-264-2.
- Тишков, В.А. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России / В.А. Тишков, В.В. Степанов // Вестник Российской академии наук. – 2017. – Т. 87, № 10. – С. 879–890. – DOI: 10.7868/S0869587317100048.
- Ростовская, Т.К. Молодежь в системе демографической безопасности России / Т.К. Ростовская, Н.А. Безвербная // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20, № 1. – С. 50–63. – DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-50-63.
- Dwyer, T. Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries / T. Dwyer, M.K. Gorshkov, I. Modi, C. Li, M.S. Mapadimgeng. – Singapore: World Scientific Publishing, 2018. – 732 p. – ISBN 978-9-81322-642-3.
- Рязанцев, С.В. Современные подходы к формированию молодежной политики в странах СНГ / С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская // Вопросы управления. – 2018. – № 3. – С. 15–23.
- Абрамова, М.А. Культурные запросы молодежи этнических групп России и Казахстана: динамика и региональная специфика / М.А. Абрамова, Г.С. Гончарова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2015. – Т. 13, № 3. – С. 84–91.
- Бараш, Р.Э. Интернет как средство самоактуализации и революционной самоорганизации / Р.Э. Бараш, В.В. Антоновский // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2018. – № 1. – С. 12–35. – DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.02.
- Кондратьева, Т. С. «Новые европейцы»: проблемы адаптации мигрантов / Т.С. Кондратьева // Актуальные проблемы Европы. – 2019. – № 1. – С. 34–56.
- Ларионова, М.В. Формирование научно-образовательного пространства БРИКС / М.В. Ларионова // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2016. – Т. 16, № 1. – С. 7–14.
- Мчедлова, М.М. Социокультурные смыслы политики: новая логика интерпретации и религиозные референции / М.М. Мчедлова // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 157–174. – DOI: 10.17976/jpps/2016.01.11.
- Сунь, Х. Стратегия развития отношений между Китаем и Россией в новой эпохе / Х. Сунь, В.С. Петрова // Российский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, № 6. – С. 446–457. – DOI: 10.15643/libartus-2018.6.2.

STATE YOUTH POLICY FOR FORMING THE CULTURE OF INTERNATIONAL COMMUNICATION: THE EXPERIENCE OF BRICS AND CIS COUNTRIES

Sukharev E.S., Potemkina J.G.

Russian technological university, Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation

The study is devoted to the analysis of state youth policies in BRICS and CIS countries in the sphere of forming the culture of interethnic communication. The aim of the work is to identify and comparatively analyze effective models and practices in the field of intercultural dialogue among youth from integration unions with various sociopolitical systems. The methodology includes a comparative analysis of 87 normative documents, expert interviews with representatives of specialized structures ($n=76$), and a cross-national sociological survey of youth ($n=2875$) from 14 countries. The study identified four institutional models: centralized directive (China), centralized participatory (Russia, India), decentralized coordinative (South Africa), and decentralized initiative (Brazil). A correlation was established between the degree of institutionalization of intercultural dialogue mechanisms and the level of interethnic tolerance among youth ($r=0.78$). The key factors of the effectiveness of national policies include: the structural linkage of educational and cultural programs (68.5% effective practices), the integration of traditional and innovative formats (implementation coefficient 0.71), and the involvement of youth in program development (participatory index 0.65). The advantages of the modular principle of organizing youth policies, which combines universal (27.4%) and nationally specific (72.6%) components, are substantiated. The effectiveness of a multi-level system for forming the culture of interethnic communication is demonstrated, with emphasis on macro- (supranational programs), meso- (national strategies), and micro-level (local initiatives).

Keywords: Youth policy, interethnic communication, BRICS, CIS, ethnocultural integration, youth programs, intercultural dialogue.

References

1. Gorshkov, M.K. Youth of Russia: A Sociological Portrait / M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. – Moscow: TSPiM, 2010. – 592 p. – ISBN 978-5-98201-012-0.
2. Zubok, Yu.A. Sociology of Youth / Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2011. – 336 p. – ISBN 978-5-91768-174-0.
3. Drobizheva, L.M. Russian Identity: Discussions in the Political Space and the Dynamics of Mass Consciousness / L.M. Drobizheva // Polis. Political Studies. – 2018. – No. 5. – pp. 100–115. – DOI: 10.17976/jpps/2018.05.09.
4. Omelchenko, E.L. Youth Cultures and Subcultures / E.L. Omelchenko. – Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2000. – 262 p. – ISBN 5-89697-044-7.
5. Lukov, V.A. Theories of Youth: An Interdisciplinary Analysis / V.A. Lukov. – Moscow: Canon+ ROOI “Rehabilitation”, 2012. – 528 p. – ISBN 978-5-88373-264-2.
6. Tishkov, V.A. Interethnic Relations and Ethnocultural Education in Russia / V.A. Tishkov, V.V. Stepanov // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. – 2017. – Vol. 87, No. 10. – pp. 879–890. – DOI: 10.7868/S0869587317100048.
7. Rostovskaya, T.K. Youth in the System of Demographic Security of Russia / T.K. Rostovskaya, N.A. Bezverbnaya // Bulletin of RUDN. Series: Sociology. – 2020. – Vol. 20, No. 1. – pp. 50–63. – DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-50-63.
8. Dwyer, T. Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries / T. Dwyer, M.K. Gorshkov, I. Modi, C. Li, M.S. Mapadimeng. – Singapore: World Scientific Publishing, 2018. – 732 p. – ISBN 978-9-81322-642-3.
9. Ryazantsev, S.V. Modern Approaches to the Formation of Youth Policy in the CIS Countries / S.V. Ryazantsev, T.K. Rostovskaya // Issues of Management. – 2018. – No. 3. – pp. 15–23.
10. Abramova, M.A. Cultural Demands of Youth of Ethnic Groups in Russia and Kazakhstan: Dynamics and Regional Specificity / M.A. Abramova, G.S. Goncharova // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy. – 2015. – Vol. 13, No. 3. – pp. 84–91.
11. Barash, R.E. The Internet as a Means of Self-Actualization and Revolutionary Self-Organization / R.E. Barash, V.V. Antonovsky // Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes. – 2018. – No. 1. – pp. 12–35. – DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.02.
12. Kondratyeva, T. S. “New Europeans”: Issues of Migrant Adaptation / T.S. Kondratyeva // Contemporary Problems of Europe. – 2019. – No. 1. – pp. 34–56.
13. Larionova, M.V. The Formation of the Scientific and Educational Space of BRICS / M.V. Larionova // Bulletin of RUDN. Series: International Relations. – 2016. – Vol. 16, No. 1. – pp. 7–14.
14. Mchedlova, M.M. Sociocultural Meanings of Politics: A New Logic of Interpretation and Religious References / M.M. Mchedlova // Polis. Political Studies. – 2016. – No. 1. – pp. 157–174. – DOI: 10.17976/jpps/2016.01.11.
15. Sun, H. Development Strategy of Relations between China and Russia in the New Era / H. Sun, V.S. Petrova // Russian Humanities Journal. – 2018. – Vol. 7, No. 6. – pp. 446–457. – DOI: 10.15643/libartus-2018.6.2.

Способы измерения социальной адаптации студентов к образовательной среде

Сухоплюева Татьяна Александровна,
ассистент НОЦ «Перспективные решения в образовании»
Южного федерального университета
E-mail: suhoplyueva@sfedu.ru

Статья посвящена анализу существующих методик измерения социальной адаптации, подходящих для применения в образовательной сфере. На основе классических концепций социальной адаптации приводится определение данного феномена, его функции, механизмы и критерии успешности. Уровень адаптации студентов к условиям образовательной среды во многом определяет будущее молодых людей: место работы, регион проживания, готовность продолжать образование и актуализировать свои знания. Социальная адаптация является сложным многомерным процессом. С одной стороны, разные аспекты этого явления не могут быть рассмотрены в отрыве друг от друга. С другой стороны, измерение общего уровня социальной адаптации не дает четкого представления о состоянии по каждому из аспектов: политическому, культурному, образовательному, профессиональному. В статье приводится анализ методик, подходящих для измерения уровня приспособления студентов к образовательной среде, как одной из главных сфер жизни молодого поколения.

Ключевые слова: социальная адаптация, уровень адаптации, адаптационные стратегии, приспособление, студенты, образовательная среда.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена, в первую очередь, особенностями молодежи как социально-демографической группы, и студентов, как ее части. В современном мире молодежь является одной из главных надежд общества и объектом постоянных инвестиций. Основной причиной этого является инновационный, трудовой, экономический потенциал молодых людей. Для студентов образовательная среда выступает постоянным источником адаптации. От успеха адаптации к ней во многом зависит будущее студентов: завершение профессионального обучения, уровень и качество усвоенных знаний, выбор будущей профессии, дальнейшее проживание в регионе и стране. Низкий уровень адаптации студентов к образовательной среде может выступать риском маргинализации их поведения, выбора криминальной или неквалифицированной деятельности в качестве основного источника дохода.

Измерение уровня адаптации студентов к образовательной среде поможет наиболее эффективно выявлять индивидов или группы с низким уровнем приспособления, определять факторы, препятствующие успешной адаптации и разрабатывать план по их преодолению. Особую важность это имеет в отношении студентов из новых регионов нашей страны, присоединившихся к России в 2022 году, так как им пришлось столкнуться с серьезными изменениями в повседневной жизни, в том числе в сфере образования.

Степень научной разработанности. В основе исследования лежат концепции Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса и Р. Мертонса, в которых представлены классические подходы к понятию социальной адаптации. Высокую значимость для данной работы имеют также современные исследования социальной адаптации, например, труды Л.В. Корель по проблеме теории и методологии социологии адаптаций. Высокую значимость представляют также работы Ю.Г. Волкова в области исследования социальных адаптационных практик населения Юга России в условиях новой территориальности. Также основой исследования послужили работы П.С. Кузнецова, Н.Н. Мельниковой и Т.Д. Дубовицкой, касающиеся методик измерения социальной адаптации.

Цель исследования – проанализировать методы измерения социальной адаптации и определить, какие из них являются наиболее подходящими для измерения уровня адаптации студентов к образовательной среде. Работа направлена на поиск наиболее эффективных способов измерения социальной адаптации студентов к образовательной среде. Для успешного достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи: исследовать теоретические подходы к пониманию процесса адаптации; обозначить особенности, механизмы и функции данного процесса применительно к образовательной среде; проанализировать существующие методы исследования социальной адаптации и определить наиболее подходящие из них для работы с адаптацией студентов к образовательной среде.

Результаты исследования

Прежде всего стоит дать определение понятию «адаптация» с социологической точки зрения. Так, адаптация – это целостный процесс приспособления человека к постоянно меняющимся условиям среды (социальной, экономической, правовой и т.д.), сочетающийся с непрерывным изменением и развитием самого индивида, его взглядов, ценностей и потребностей.

Учитывая, что и потребности индивида, и социальная среда являются динамическими величинами, важно отметить непрерывный характер адаптации, то есть этот процесс продолжается в том или ином виде в течение всей жизни человека. В случае, если рассматривается адаптация к какому-либо конкретному виду деятельности, например учебной или трудовой, этот процесс будет длиться все время, пока индивид вовлечен в ту самую деятельность.

Так, нецелесообразно говорить об адаптированности, как о результате, завершении процесса адаптации, логичнее рассматривать уровень адаптации индивида – насколько он приспособлен к условиям среды в конкретный момент времени.

Адаптация к условиям образовательной среды происходит на протяжении всего периода обучения в любом учреждении – от детского сада до высшей школы. Для студентов характерна адаптация к образовательным условиям в высших или средних профессиональных учебных заведениях, а также в учреждениях дополнительного образования, в которых процесс обучения нередко кардинально отличается от традиционного.

В современной науке существует несколько концепций, объясняющих социальную адаптацию, как явление и процесс. Классическими считаются представления об адаптации Э. Дюркгейма и М. Вебера. Первый рассматривал социальную детерминацию человека через ось «норма – патология», где успешность адаптации сводилась к способности индивида усваивать социальные нормы и подчиняться им. М. Вебер дополнил этот подход, рассмотрев социальную детерминацию с позиции собственной концепции рациональности. Согласно М. Веберу, индивиды совершают те или иные действия, руководствуясь субъективными побуждениями – мотивами, имея при этом определенную цель. Выбор средств для достижения поставленной цели подбирается индивидом самостоятельно, и соответствие этих средств существующим социальным нормам зависит от его уровня нормативности. Иногда представители общества, стремясь рационализировать затраты на достижение какой-либо цели, нарушают существующие социальные нормы. Если поставленную цель удастся достичь таким образом, затратив при этом меньше усилий, чем тратится при использовании общественно приемлемых методов, другие могут пересмотреть отношение к такому типу поведения и начать воспроизводить его [5].

Представляет интерес также концепция социальной адаптации, представленная Т. Парсонсом в рамках структурного функционализма. Согласно идее ученого, в обществе, для нормального его существования, должно поддерживаться равновесие, основанное на балансе потребностей индивида с социальной средой. Сохранение такого баланса возможно при усвоении индивидом принятых в обществе социальных норм. В случае, если представители общества не усваивают принятые в социальной среде нормы, равновесие нарушается и возникает конфликт. Хотя общество всегда стремится к стабильности, абсолютно равновесие в нем, по мнению Т. Парсонса, невозможно, так как потребности индивида и социальные нормы не являются статичными, а посто-

янно меняются. Полное их совпадение возможно лишь случайно и всего на миг.

Высокую ценность представляет взгляд на адаптацию американского социолога Р. Мертон, представленный в работе «Социальная структура и аномия». Согласно его идеям, основная цель каждого индивида – общепризнанный успех (богатство, власть, престиж и т.д.), которого человек может пытаться достичь институционализированными (законными) или неинституционализированными (незаконными) средствами. Выбор средств для достижения успеха определяется личными особенностями индивида и социальной ситуацией (уровнем значимости успеха в обществе, наличие эффективных институционализированных способов его достижения и т.д.).

По Р. Мертону, существует пять типов приспособления (адаптации) индивида к условиям, существующим в обществе или группе:

1. Подчинение – усвоение индивидом общественных норм и ценностей, полное их соблюдение в процессе достижения цели.
2. Инновация (обновление) – отказ от институционализированных средств, поиск инновационных способов достижения общепринятой цели.
3. Ритуализм – подчинение общественным нормам, которое сопровождается отказом от цели.
4. Ретритизм (бегство, уход от жизни) – отказ и от целей, и от средств, принятых в обществе.
5. Мятёж – попытка выстроить новый социальный порядок, отклоняясь от общепринятых целей и средств, но не отрицая их полностью.

Наиболее распространенной формой адаптации является подчинение, обеспечивающее стабильность и преемственность социальных норм. Реже всего встречается ретритизм, который находит свое отражение в неприемлемом образе жизни (наркомания, алкоголизм, бродяжничество и т.д.). Проявления инновации, ритуализма и мятёжа возникают, когда в обществе отсутствуют эффективные институционализированные средства достижения успеха. Выбор одного из этих способов адаптации напрямую связан с личностными особенностями индивида. В случае, если подчинение перестает быть преобладающим способом адаптации в обществе, развивается аномия.

Рассмотренные концепции социальной адаптации актуальны не только для процесса приспособления человека к социуму в целом, но и для адаптации к отдельным сферам человеческой жизни (правовая, культурная, профессиональная, учебная и т.д.).

Средства, с помощью которых реализуется потенциал человека в сфере приспособления, называются механизмами социальной адаптации. В отечественной и зарубежной исследовательской литературе принято выделять три основных механизма социальной адаптации: когнитивный, эмоциональный и поведенческий (иначе его называют практический). Каждый из механизмов играет важную роль в процессе адаптации, выполняя в нем определенные функции. От правильности и согласованности работы механизмов социальной адаптации зависит эффективность процесса приспособления в целом.

В работах ученых под когнитивным механизмом принято понимать совокупность психических процессов, отвечающих за процесс познания окружающей среды и самопознание индивида: ощущение, восприятие, память, мышление и т.д. Кроме познания, когнитивный механизм также помогает индивиду анализировать полученную информацию.

Эмоциональный механизм включает в себя моральные чувства, духовное и эмоциональное состояние инди-

вида, например беспокойство, умиротворение, радость, сочувствие и т.д. Для успешного внедрения в общество индивиду необходимо правильно интерпретировать не только свои эмоциональные состояния, но и окружающих. Кроме того, в любой общественной системе определены «нормы», когда эмоциональный ответ человека на ситуацию считается адекватным и уместным, либо напротив неприемлемым. Применительно к условиям образовательной среды можно перечислить несколько примеров приемлемых эмоциональных состояний, возникающих в ответ на события: тревога перед экзаменом, радость от похвалы преподавателем, грусть из-за низкой оценки за тест. Отклонение от подобных эмоциональных норм может вызвать непонимание, замешательство, непринятие и даже осуждение у окружающих.

Третий из основных механизмов социальной адаптации – поведенческий, который также называют практическим. Данный механизм подразумевает под собой деятельность человека практической направленности, которую он реализует в социуме.

Ряд исследователей выделяют и другие механизмы социальной адаптации: добровольная и вынужденная адаптация. В первом случае изменения, произошедшие в обществе, не вызывают у человека отторжения, вписываются в систему его ценностей и находят отражение в образе жизни. Так, человек принимает изменения среды и по собственной воле старается приспособиться к ним, чтобы наиболее успешно интегрироваться в общество. В случае с вынужденной адаптацией ситуация обстоит сложнее: индивид противится изменениям, так как они не соответствуют его мировоззрению. Однако общественное давление не оставляет человеку выбора: либо он соответствует общепринятым нормам, либо общество не принимает его, лишая возможности удовлетворить потребность в общении и признании.

Адаптация к образовательной среде имеет ряд функций, влияющих на общий уровень жизненного успеха человека. Так, к функциям адаптации студентов к образовательной среде относятся:

1. Гармонизация системы отношений «студент – образовательная среда»
2. Реализация потенциала студента
3. Рост эффективности обучения как самого адаптирующегося студента, так и всего образовательного коллектива в целом
4. Познание себя, профессиональное самоопределение
5. Эмоциональный комфорт и стабильность психики студента [4, с. 257].

Низкий уровень адаптации, соответственно, понижает качество обучения, мешает студенту реализовать собственный потенциал и развить имеющиеся таланты, негативно влияет на его профессиональное самоопределение (работа в области неквалифицированного труда при наличии профессионального образования), а также вызывает негативные эмоциональные состояния, что влияет на качество жизни в целом. Именно поэтому так важно проводить мониторинг уровня адаптации студентов к образовательной среде, а затем оказывать профессиональную помощь (психологическую, педагогическую) тем, у кого процесс приспособления вызывает трудности.

Необходимо также обозначить критерии успешности адаптации в образовательной среде. Они делятся на две группы: объективные и субъективные. К первой группе критериев, с точки зрения адаптации к образовательной среде, можно отнести: успеваемость, посещение занятий, качество усвоения учебного материала, реальное положение студента в учебном коллективе,

признание его авторитета сверстниками, взаимоотношения с преподавателями. К субъективным критериям следует отнести личные оценки и переживания студента: насколько он удовлетворен образовательным процессом (как в целом, так и его частными аспектами), как воспринимает свои отношения с учебной группой, как оценивает свою продуктивность. Уровень адаптации во многом определяется возможностями реализовать текущие задачи и планы на ближайшее будущее [1, с. 104], поэтому к группе субъективных критериев следует также отнести соотношение между планами, которые удалось и не удалось реализовать в образовательной деятельности за определенный период времени, например, за учебный год.

Наиболее распространенным методом измерения социальной адаптации является социометрический – опрос или анкетирование. Данный метод позволяет собрать значительный объем данных и выявить общие закономерности и тенденции адаптации в большой (регион, учебное заведение) или малой (студенческая группа, поток) социальной группе [8, с. 139]. Стоит отметить, что на данный момент в рамках рассматриваемого метода не существует методики, которая была бы направлена конкретно на измерение адаптации в образовательной среде. Однако в отечественной науке было предложено несколько способов диагностики социальной адаптации, объектом которых может выступать учебная или профессиональная трудовая деятельность.

Речь идет, в первую очередь, о методике измерения социальной адаптации, предложенной П.С. Кузнецовым. Методика представлена в виде теста, разделенного на блоки, и позволяющего определить индекс, уровень и профиль адаптации. Под индексом адаптации здесь понимается количественное измерение соотношения актуальной потребности и степени ее удовлетворения. Индекс помогает установить не только общий уровень реализации актуальных потребностей, но и этот же показатель применительно к определенным факторам, соответствующим отдельным видам деятельности, например учебной или трудовой профессиональной. При работе с большим количеством респондентов индекс позволяет определить, сколько из опрошенных имеют низкий, средний или высокий уровень адаптации по отношению к какому-либо виду деятельности. Помимо количественного показателя, методика П.С. Кузнецова позволяет выделить качественный (уровень) и структурный (профиль) показатели, необходимые для лучшего понимания адаптации конкретного индивида, а также выявления перспектив и тенденций данного процесса у индивида или группы на срок до полутора лет [6, с. 147, 148].

Не меньший интерес представляет методика исследования стратегий адаптивного поведения Н.Н. Мельниковой (сокращенно – АСП). Исследователь предлагает классификацию адаптивных стратегий на основании трех принципов: направленность изменений (изменяется среда или же сам индивид), контактность или избегание и активность или пассивность субъекта адаптации. Таким образом, было выделено восемь стратегий индивидуального поведения, применение которых может как привести к успеху в процессе адаптации, так и к дезадаптации, в зависимости от факторов, влияющих на конкретную ситуацию. Н.Н. Мельникова не просто выделяет стратегии, но и описывает риски, связанные с поведением индивида, предпочитающего ту или иную стратегию. Например, одна из стратегий – уход от контакта со средой и погружение во внутренний мир может при определенных обстоятельствах приводить человека к употреблению алкоголя, наркотических и психоактивных веществ с целью изменения собственного эмоционального

состояния [2, с. 31]. В настоящий момент представлено два варианта методики АСП, один из которых рассчитан на подростков (анализирует отношения со сверстниками, с родителями, с учебной средой), а другой – на взрослых (более сосредоточен на отношениях в сфере трудовой профессиональной деятельности). Для диагностики адаптации студентов к образовательной среде целесообразно использовать форму АСП для взрослых, но адаптированную не под трудовую, а под образовательную деятельность в высшем или среднем профессиональном учебном заведении.

Интерес представляет также методика исследования адаптированности студентов в ВУЗе, предложенная доктором психологических наук Т.Д. Дубовицкой. Студентам предлагается анкета из 16 суждений, каждое из которых необходимо оценить по шкале «да–трудно сказать–нет». Преимущества методики состоят в ее компактности и простоте обработки, а также конкретной применимости к измерению уровня адаптации студентов к обучению в высшем учебном заведении [3].

Кроме анкетирования, для измерения социальной адаптации студентов к образовательной среде, могут быть использованы методы глубинного-интервью или фокус-группового исследования. Глубокий качественный анализ данных, полученных при помощи указанных методов, поможет не только установить уровень адаптации конкретных индивидов, но и выяснить, с какими трудностями сталкиваются студенты в процессе приспособления к образовательной среде, что крайне полезно при разработке способов повышения уровня адаптации в больших социальных группах.

В некоторых случаях может быть применим метод наблюдения, помогающий оценить уровень адаптации по объективным критериям. Наблюдение за студентами в естественных образовательных условиях, с одной стороны, помогает зафиксировать и оценить многие показатели, но с другой, имеет много организационных сложностей и сильно зависит от субъективных представлений и взглядов исследователя [8, с. 140].

Заключение

Таким образом, наиболее эффективным способом изучения адаптации студентов к образовательной среде будет сочетание количественного и качественного методов исследования. Количественный метод («Методика измерения социальной адаптации» П.С. Кузнецова, «Методика исследований стратегий адаптивного поведения (АСП)» Н.Н. Мельниковой) дает обобщенные результаты уровня адаптации в группе, а качественный метод (глубинное интервью, фокус-группы) помогает выявить факторы, препятствующие или способствующие успешной адаптации студентов к условиям образовательной среды.

Данные, полученные в результате сочетания использования количественного и качественного методов позволяют проанализировать уровень адаптации студентов к условиям образовательной среды, что в дальнейшем может послужить основой для разработки рекомендаций или комплексного плана мероприятий, способствующих повышению продуктивности образовательной деятельности, успешному профессиональному самоопределению, реализации потенциала учащихся высших и средних профессиональных учебных заведений.

Литература

1. Государственно-гражданская интеграция населения регионов Юга России в условиях новой территориальности: монография / коллектив авторов; под ред. Ю.Г. Волкова. – Москва: КНОРУС, 2024. – 208 с.

2. Мельникова Н.Н. Диагностика социально-психологической адаптации личности: Учебное пособие. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – 57 с.
3. Дубовицкая Т. Д., Крылова А.В. Методика исследования адаптированности студентов в ВУЗе // Психологическая наука и образование. 2010. № 2.
4. Иванова А.И. Социально-психологическая адаптация: классификация и механизмы // Вестник ГУУ. 2014. № 9. С. 255–259.
5. Капица С.И. Понятие социальной адаптации в социологии // Вестник ЧГУ. 2009. № 4.
6. Кузнецов П.С. Методика измерения социальной адаптации // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). 1997. № 9. С. 146–162.
7. Щербак В.П. Социальная адаптация молодежи: методологические подходы и эмпирические индикаторы // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 103–117.
8. Юркевич Г.П. Методы исследования социально-психологической адаптации личности // Система ценностей современного общества. 2009. № 5 (2). С. 138–141.

WAYS TO MEASURE STUDENTS' SOCIAL ADAPTATION TO THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Sukhoplyueva T.A.

Southern Federal University

The article is devoted to the analysis of methods of measuring social adaptation, suitable for use in the educational field. Based on classical concepts of social adaptation, the definition of this phenomenon, its functions, mechanisms, and criteria of success are given. The level of students' adaptation to the educational environment determines the future of young people: their p, region of residence, aspiration to continue their education and update their knowledge. Social adaptation is a complicated process. On the one hand, various aspects of this phenomenon cannot be considered in isolation from each other. On the other hand, measuring the overall level of social adaptation does not provide a clear picture of the state of each of the aspects: political, cultural, educational, professional. The article provides an analysis of methods suitable for measuring the level of adaptation of students to the educational environment, as one of the main areas of life of the younger generation.

Keywords: social adaptation, level of adaptation, adaptation strategies, students, educational environment.

References

1. State-civil integration of the population of the regions of Southern Russia in the context of new territoriality: a monograph / collective of authors; edited by Y.G. Volkov. – Moscow: KNORUS, 2024. – 208 p.
2. Melnikova N.N. Diagnostics of socio-psychological adaptation of personality: A textbook. Chelyabinsk: SUSU Publishing House, 2004. 57 p.
3. Dubovitskaya T. D., Krylova A.V. Methodology for studying students' adaptability in higher education // Psychological science and education. 2010. № 2.
4. Ivanova A.I. Socio-psychological adaptation: classification and mechanisms // Bulletin of GUU. 2014. № 9. pp. 255–259.
5. Kapitsa S.I. The concept of social adaptation in sociology // Bulletin of CSU. 2009. № 4.
6. Kuznetsov P.S. Methodology of measuring social adaptation // Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology:4M). 1997. No. 9. pp. 146–162.
7. Shcherbakova V.P. Social adaptation of youth: methodological approaches and empirical indicators // Izvestiya TuIS U. Humanities. 2016. No. 2. pp. 103–117.
8. Yurkevich G.P. Research methods of socio-psychological adaptation of personality // The value system of modern society. 2009. No. 5 (2). pp. 138–141

Оценка влияния цифрового маркетинга на эффективность продвижения и позиционирования спортивного события

Федоренко Яна Максимовна,

студент кафедры стратегического и инновационного развития,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: fedorenko.yanka@yandex.ru

Скороходов Сергей Николаевич,

к.ф.н., доцент кафедры маркетинга, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: skorokhodov@fa.ru

В статье представлен перечень и комплексный анализ цифрового маркетингового инструментария, эффективно обеспечивающего многоканальное продвижение ивент-мероприятия и позиционирование бренда спортивного события в онлайн-среде как главного продукта индустрии спорта. В ходе исследования особое внимание уделяется аспектам сегментации рынка и целевой аудитории с целью идентификации оптимальных и конкурентных маркетинговых коммуникаций с конечными потребителями. Для достижения поставленной цели используются следующие научные методы: анализ данных, измерение, абстрагирование, сравнительная характеристика, систематизация. Результатом проведенного исследования становится научно-обоснованный вывод о том, что спортивные события разного масштаба и формата проведения в условиях цифровой трансформации приобретают особый интерес не только среди зрителей в местах их организации, но и становятся доступными для заинтересованной аудитории в цифровом пространстве. В данном контексте технологии цифрового маркетинга в процессах продвижения и позиционирования качественного спортивного контента расширяют и дополняют пользовательский опыт клиентов (болельщиков, зрителей), обеспечивая возможность предоставления им персонализированного, эксклюзивного доступа к инновационному продукту.

Ключевые слова: цифровой маркетинг, бренд, позиционирование, индустрия спорта, маркетинговые коммуникации.

Введение

В условиях высокой глобальной конкуренции в различных сегментах индустрии спорта, а также постоянно меняющихся предпочтений отдельных групп потребителей спортивного контента и объективных факторов внешней среды (политических, научно-технологических, экологических, социальных) современные методы и инструменты цифрового маркетинга становятся ключевыми элементами и атрибутами успешных стратегий позиционирования и продвижения ивента на спортивном рынке.

Значительный вклад в фундаментальные и прикладные исследования экономического потенциала цифровых технологий в спортивном ивент-менеджменте внесли Алтухов С.В., Леднев В.А., Солнцев И.В. Актуальность современных технологий в цифровом спортивном маркетинге представлена в исследованиях Беляковой М.Ю., Зинченко В.П., Костенко Е.Г., Малыгина А.В., Сидоренко И.М. Большое внимание клиентоориентированному подходу в цифровой среде бизнеса в своих научных работах уделяют Карпова С.В., Рожков И.В., Тен Ю.П.

Однако, «для более эффективного применения цифровых технологий в управлении спортивными событиями необходима комплексная интеграция научно-методологических рекомендаций в этапы и процессы организации мероприятия, обеспечивая более гладкое и эффективное взаимодействие между всеми его участниками. Взаимодействие с болельщиками также приобретает новые формы благодаря цифровым каналам: виртуальная реальность, дополненная реальность и геймификация создают уникальные и захватывающие способы вовлечения аудитории» [1, с. 445].

Результаты

Анализируя ключевые аспекты, определяющие влияния цифрового пространства на продвижение и позиционирование, спортивные события, в первую очередь необходимо отметить телевизионные трансляции. В настоящее время существует большое количество стриминговых сервисов, например, Матч.ТВ, Okko, Кинопоиск, Wink, которые транслируют спортивные события в прямом эфире, тем самым делая эти мероприятия доступными для пользователя из любой точки России / мира [5]. Согласно данным Verified Market Research (компания, специализирующаяся на нишевых и развивающихся рынках и предоставляющая глубокий анализ и прогнозы в этих сегментах), рынок спортивных онлайн-трансляций будет расти на 24% в год: с \$18,6 млрд в 2021 г. до \$93 млрд в 2030 г. [6]. В подтверждение данной гипотезы приводится два главных аргумента:

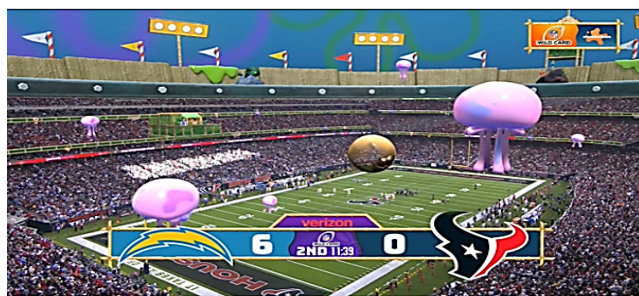
- потребность спортивных федераций и лиг в поиске и привлечении новой целевой аудитории;
- распространение 4G и 5G (высокая скорость, увеличение зоны покрытия базовых станций).

Помимо непосредственной трансляции мероприятий, такие сервисы в перспективе (на практике их крайне мало) способны выдавать статистику по каждому игроку (на примере футбола): сколько километров пробежал

игрок, какую скорость он развил, насколько точны передачи на чужой половине поля и т.д. [2]. Для фанатов эта информация может являться крайне полезной (например, ставки, понимание тактики и углубленный анализ игры) или хотя бы интересной.

Необходимо также отметить, что современные цифровые платформы благодаря глубокому анализу действий и предпочтений потребителей контента позволяют более персонализировано осуществлять таргетинг, влияя на создание пользовательского опыта [9]. Поэтому вовлеченность важно измерять не только во время мероприятия, но и до, и после мероприятия: а как человек готовился, нужен ли был ему фанатский образ (с символикой, цветами команды и т.д.), как он выстраивал свой маршрут (удобно ли было добраться, все ли понятно на входе/выходе), какую еду предпочел фанат на мероприятии или с помощью какой еды можно удержать даже нефанатов зрелища и т.д.

В 2021 году совокупный доход НФЛ превысил 17 млрд долларов, при этом 50–60% доходов лиги приносит продажа медиатрансляций через ТВ и стриминг. Лига привлекает спонсоров в том числе за счет интеграции с такими платформами, как Microsoft, Amazon, Zebra Technologies, для сбора аналитики матча и данных по отдельному игроку [7].

а)

б)

Рис. 1. Прямая трансляция матча NFL Wild Card на канале Nickelodeon¹

Сотрудничество с Bud Light позволяет устанавливать их продукт «Bud Light Showtime Cam» (интерактивная камера и плоский экран, которые устанавливают на стадионах для празднования ключевых моментов во время игр), который увеличивает вовлеченность болельщика в игру благодаря возможности взаимодействия с игроками. Сотрудничество с Nickelodeon позволило адаптировать трансляции для детей (рис. 1). Например, используются эффекты слайма при тачдаунах, вводятся знакомые персонажи из мультиков, в упрощенном варианте объясняются правила игры. Кроме того, НФЛ внедрила Fan-Controlled Football (FCF) [7]. Это лига, где фанаты управляют игрой в режиме реального времени путем голосования за ту или иную тактику, участвуют в розыгрышах, осуществляют драфты игроков. FCF использует криптовалюту и NFT для взаимодействия с фанатами

и, конечно, увеличения доходов, создания новых каналов монетизации.

Пример с НФЛ демонстрирует, как цифровое пространство влияет на эффективность продвижения и позиционирования спортивных событий. Лига активно использует стриминг, социальные сети, аналитические платформы и интерактивные технологии для привлечения аудитории и монетизации контента [4].

В статье «Эра впечатлений», которая входит в исследование Deloitte «Sports Fan Insights 2023», рассматривается восприятие спорта разными поколениями в цифровую эпоху (табл. 1).

Таблица 1. Отношение поколений к спорту в цифровую эпоху

Поколение	Характеристика
Z (18–24 года)	Активные пользователи соцсетей, взаимодействуют со спортивными брендами через цифровые платформы. 80% следят за спортсменами онлайн, 70% делают это ради развлечения
Миллениалы (25–40 лет)	Склонны к подпискам на стриминг-сервисы, 46% уже пользуются ими для просмотра спорта
Поколение X и бумеры	Смотрят спорт традиционно (ТВ), но интересуются цифровыми ставками

Всего в опросе приняло участие более 3000 человек старше 14 лет. Почти половина болельщиков поколения Z предпочитает смотреть спортивные мероприятия из дома – 46%, но личное присутствие также занимает ведущие позиции – 33% респондентов предпочитают эту форму участия в мероприятии. Миллениалы стали лидерами в активном использовании всего спектра доступных цифровых услуг [10]. Наиболее схожая заинтересованность между всеми поколениями болельщиков выражается в их желании использовать различные ракурсы камер, чтобы со всех сторон оценить красоту и зрелищность игры.

Онлайн-зрители сами создают условия для просмотра дома. Среди устройств для просмотра спортивных трансляций бесспорным лидером является телевизор (так отвечают 74% респондентов), при этом важно отметить, что данный показатель ниже для молодых болельщиков (58% для поколения Z и 61% для миллениалов), которые все чаще используют свои мобильные устройства, ноутбуки и планшеты.

Большинство респондентов (77%) говорят, что пользовались хотя бы одной дополнительной опцией в процессе трансляции. Так некоторые зрители отметили, что их интересует:

- 1) просмотр статистики;
- 2) обсуждение в социальных сетях;
- 3) просмотр других игр на отдельном устройстве;
- 4) ставки;
- 5) участие в киберспортивных играх.

Представители старшего поколения отмечают, что не делают ничего из этого списка и фокусируются только на самой трансляции. 62% представителей поколения Z и 66% любителей спорта-миллениалов заявили, что готовы платить за просмотр за использование виртуальной реальности при просмотре спортивного состязания (при условии, что у них есть нужное оборудование). Кроме того, 59% представителей поколения Z и 65% спортивных болельщиков-миллениалов заявили, что готовы заплатить за просмотр спортивного мероприятия в виртуальной реальности с выбранного ими места на стадионе.

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=szlDKS4Jur0>

На вопрос, как изменится потребление спортивного контента к 2030 году, 67% болельщиков ответили, что трансляции станут более интерактивными, 57% сказали, что контент станет более доступным, а 54% считают, что увеличится качество и повысится интерес к трансляциям. При этом 72% болельщиков считают, что в будущем спортивные трансляции станут дороже [10].

Обсуждение

Поскольку спортивное событие является главным продуктом индустрии спорта, то в системе оценок эффективности организации и проведения спортивного мероприятия необходимо учитывать не только прямую экономическую, коммерческую выгоду, но и такие важные факторы, как:

- социальное и культурное значение мероприятия для региона и страны;
- экологические последствия;
- национальные интересы;
- среднесрочные и долгосрочные эффекты в смежных отраслях экономики (транспорт, гостиничный бизнес и т.д.).

«Ключевая, приоритетная цель цифрового маркетинга спортивного события заключается в создании эмоциональной связи между мероприятием и его зрителями, что подразумевает не только онлайн-продажу билетов и сувенирной продукции, но и формирование долгосрочной лояльности к спортивному бренду, профессиональной команде или отдельному спортсмену средствами цифровых маркетинговых коммуникаций: социальных сетей, мобильных приложений, прямых трансляций в интернете на стриминговых платформах и т.д.» [8, с. 26].

Не стоит упускать и сегодняшний тренд – повсеместное внедрение искусственного интеллекта (ИИ). Анализ больших объемов данных о производительности, выявление трендов, прогнозирование – все это помогает тренерам, командам, спонсорам принимать обоснованные решения относительно своих последующих действий [3]. Кроме того, автоматизация позволяет маркетологам проще изучать потребности клиентов и определяться с целевой рекламной кампанией. Кроме того, «Умные» спортивные объекты (Smart Venue), которые впечатляют болельщиков, тем самым укрепляясь в его памяти [1]. Можно «погулять» по стадиону и посмотреть, что и как будет устроено в день проведения мероприятия. Это повышает привлекательность мероприятий и конкурентоспособность спортивных организаций.

Также важно отметить, что недостаточно иметь один официальный сайт организации, необходимо активное присутствие в социальных сетях и использование онлайн-платформ для взаимодействия с болельщиками, предоставления им эксклюзивного контента, и сбора обратной связи.

Заключение

Цифровое пространство оказывает ключевое влияние на продвижение и позиционирование спортивных событий, создавая новые возможности для монетизации, вовлечения аудитории и управления контентом. Развитие онлайн-трансляций обеспечивает глобальный охват аудитории и рост рынка спортивного ТВ, таргетинг и персонализация предлагают индивидуальный контент и маркетинговые стратегии, AI помогает командам и организаторам принимать более точные решения, применение VR и фанатских платформ (FCF, фэнтези-спорт) делает спортивные события более захватывающими, социальные сети продолжают оставаться важными инструментами коммуникации и продвижения.

В результате цифровизация спортивных событий меняет не только способы их потребления, но и саму индустрию, создавая новые бизнес-модели и перспективные направления развития. Спортивные организации, активно внедряющие digital-технологии, получают конкурентное преимущество и расширяют свою аудиторию, укрепляя свои позиции на спортивном рынке.

Литература

1. Белякова М.Ю. Цифровое взаимодействие как фактор развития спортивной отрасли / М.Ю. Белякова, А.О. Зверева, И.Д. Киреев // Информатизация в цифровой экономике. – 2023. – Т. 4, № 4. – С. 443–456.
2. Братков К.И. Деятельность студенческих спортивных лиг как фактор развития массового спорта в России. / К.И. Братков, В.А. Гореликов, Д.Г. Степко, Д.В. Грачева, Д.А. Фарзалиев // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2024. № 1. С. 24–34.
3. Иванова Ю.О. Цифровизация в корпоративном спорте: состояние, перспективы, возможности развития / Ю.О. Иванова // Управленческий учет. 2022. № 4–3. С. 640–649.
4. Кингснорт С. Стратегия цифрового маркетинга. Интегрированный подход к онлайн-маркетингу. Руководство [Текст] / С. Кингснорт. – М.: Олимп-Бизнес, 2019. – 416 с.
5. Скороходов С.Н. Специфика и тенденции цифровой трансформации студенческого спорта / С.Н. Скороходов // В сборнике: НОВЫЕ ПОДХОДЫ – 2022. сборник научных трудов по результатам II Всероссийской научно-практической конференции.
6. Спорт все больше смотрят в онлайн, но формат трансляций меняется медленно // Ведомости.Спорт. – URL: https://www.vedomosti.ru/sport/around/articles/2024/01/13/1014769-sport-bolshe-smotryat-onlaine?from=copy_text (дата обращения: 27.01.2025).
7. Романова А.Н. Цифровая трансформация бизнес-модели профессиональных спортивных объединений: на примере Национальной футбольной лиги США / А.Н. Романова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент – 2023. – № 22(1) – С. 84–104.
8. Роулс Д. Мобильный маркетинг. Мобильные технологии – революция в маркетинге, коммуникациях и рекламе / Д. Роулс. – М.: Олимп-Бизнес, 2019. – 296 с.
9. Теренина, К.И. Особенности продвижения товара через социальные платформы / К.И. Теренина // Евразийский Союз Ученых. – 2019. – № 9–1 (18). – С. 109–111.
10. Эра впечатлений // СБК. – URL: <https://s-bc.ru/articles/era-vpechatleniy> (дата обращения: 05.02.2025).

ASSESSING THE IMPACT OF DIGITAL MARKETING ON THE EFFECTIVENESS OF PROMOTION AND POSITIONING OF A SPORTING EVENT

Fedorenko Y.M., Skorokhodov S.N.

Financial University under the Government of the Russian Federation

In the scientific article, the authors present a list and comprehensive analysis of digital marketing tools that effectively ensure multichannel promotion of an event and positioning of a sporting event brand in the online environment as the main product of the sports industry. During the study, special attention is paid to aspects of market segmentation and target audience in order to identify optimal and competitive marketing communications with end consumers. To achieve

this goal, the following scientific methods are used: data analysis, measurement, abstraction, comparative characteristics, systematization. The result of the study is a scientifically substantiated conclusion that sporting events of different scales and formats in the context of digital transformation are of particular interest not only among spectators at the venues of their organization, but also become available to an interested audience in the digital space. In this context, digital marketing technologies in the processes of promotion and positioning of high-quality sports content expand and complement the user experience of customers (fans, spectators), providing them with personalized, exclusive access to an innovative product.

Keywords: digital marketing, brand, positioning, sports industry, marketing communications.

References

1. Belyakova M. Yu. Digital interaction as a factor in the development of the sports industry / M. Yu. Belyakova, A.O. Zvereva, I.D. Kireenkov // *Informatization in the digital economy*. – 2023. – Vol. 4, No. 4. – P. 443–456.
2. Bratkov K.I. Activities of student sports leagues as a factor in the development of mass sports in Russia. / K.I. Bratkov, V.A. Gorelikov, D.G. Stepyko, D.V. Gracheva, D.A. Farzaliev // *Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society*. 2024. No. 1. P. 24–34.
3. Ivanova Yu.O. Digitalization in corporate sports: state, prospects, development opportunities / Yu.O. Ivanova // *Management accounting*. 2022. No. 4–3. P. 640–649.
4. Kingsnorth, S. *Digital Marketing Strategy. An Integrated Approach to Online Marketing. Guide [Text]* / S. Kingsnorth. – M.: Olimp-Business, 2019. – 416 p.
5. Skorokhodov S.N. Specifics and trends of digital transformation of student sports / S.N. Skorokhodov // In the collection: *NEW APPROACHES*. – 2022. collection of scientific papers based on the results of the II All-Russian scientific and practical conference.
6. Sports are increasingly watched online, but the broadcast format is changing slowly // *Vedomosti.Sport*. – URL: https://www.vedomosti.ru/sport/around/articles/2024/01/13/1014769-sport-bolshe-smotryat-onlaine?from=copy_text (date of access: 01/27/2025).
7. Romanova A.N. Digital transformation of the business model of professional sports associations: on the example of the US National Football League / A.N. Romanova // *Bulletin of St. Petersburg University. Management*. – 2023. – No. 22(1). – P. 84–104.
8. Rawls D. *Mobile Marketing. Mobile technologies – a revolution in marketing, communications and advertising* / D. Rawls. – M.: Olimp-Business, 2019. – 296 p.
9. Terenina, K.I. Features of product promotion through social platforms / K.I. Terenina // *Eurasian Union of Scientists*. – 2019. – No. 9–1 (18). – P. 109–111.
10. Era of impressions // *SBC*. – URL: <https://s-bc.ru/articles/era-vpechatleniy> (date of access: 02/05/2025).

Социально-экономические проблемы и потенциал развития специальных направлений туризма

Хаванова Наталья Владимировна,

д.э.н., доц, профессор Высшей школы бизнеса менеджмента и права, ФГБОУ ВО РГУТИС
E-mail: khavanova.nv@mail.ru

Данилова Вероника Андреевна,

к.э.н., доцент Высшей школы бизнеса менеджмента и права, ФГБОУ ВО РГУТИС
E-mail: lakky561@mail.ru

Гастило Людмила Васильевна,

старший преподаватель Высшей школы бизнеса менеджмента и права, ФГБОУ ВО РГУТИС
E-mail: iudm.bladysheva@yandex.ru

Вершинина Ольга Евгеньевна,

старший преподаватель Высшей школы бизнеса менеджмента и права, ФГБОУ ВО РГУТИС
E-mail: o.vershinina@adm-pushkino.ru

В статье исследуются социально-экономические проблемы развития специальных направлений туризма. Авторы отмечают, что несмотря на положительную динамику развития этой сферы в последнее время в индустрии будет наблюдаться стагнация и в частности при оказании санитарно-курортных услуг. Изучение проблематики показывает, что в условиях санкций важно привлекать иностранных туристов из дружественных стран и ЕАЭС, при этом следует учитывать стоимость медицинского обслуживания, которая должна коррелировать с показателем уровня доходов. Авторы обосновывают развитие отрасли во взаимосвязи с макроэкономической политикой через правильно выбранные фискальные и денежно-кредитные инструменты, регулирование рынка труда. Основные рекомендации состоят в улучшении состояния лечебно-профилактических учреждений, расширении качественной инфраструктуры, усиления местными органами власти использования туристского потенциала для привлечения медицинских туристов благодаря формированию соответствующих программ развития и выработке стратегических приоритетов.

Ключевые слова: туризм, стратегические приоритеты, санаторно-курортный туризм, развитие, политика, санкции.

Введение

Санаторно-курортный туризм носит в большей степени персонифицированный характер, который ориентирован прежде всего на отдельных граждан или иностранных туристов, которые желают улучшить свое здоровье и его необходимо рассматривать в качестве основного вида медицинской помощи, который осуществляется в санаторно-курортных организациях, основанных на применении многочисленных природных лечебных ресурсов, которые имеются в регионах. Однако в научной литературе до сих пор практически не рассматриваются вопросы, связанные с формированием потенциала территорий за счет развития специальных направлений туризма.

Методы и материалы

Результаты исследования, представленные в статье, получены с использованием методов построения динамических рядов, моделирования и анализа тенденций, прогнозирования по модели на основе регрессионного уравнения, изучения связи с разными ключевыми показателями развития туристской индустрии.

Результаты и обсуждение

В 2020 г. пандемия коронавируса повлекла за собой падение объема рынка санаторно-курортных услуг в России на 40% к уровню 2019 года – до 37,3 млн человеко-дней [2]. И несмотря на положительную динамику, сформировавшуюся в последующие годы 2021–2023 гг. все равно будет наблюдаться стагнация отрасли санитарно-курортных услуг, которая предоставляет лечебно-профилактические услуги в сочетании с бальнео-, климато-, грязелечебными услугами, а также предлагает услуги размещения (табл. 1).

Медицинский туризм как специальный вид туризма завоевывает все более прочные позиции в экономическом пространстве. Увеличивается поток желающих получить высококвалифицированную медицинскую помощь по доступным ценам, и при этом расширить свой кругозор. Увеличивается объем средств, затрачиваемых на оздоровление, соответственно растет и рынок услуг медицинского туризма [7]. Однако в условиях санкций привлекать иностранных туристов становится гораздо сложнее и поэтому более перспективным становится привлечение потенциальных клиентов из ЕАЭС и дружественных стран.

В международной практике вышеуказанный рынок состоит из растущего числа стран, конкурирующих за пациентов, предлагая широкий спектр медицинских, хирургических и стоматологических услуг. В то же время стоимость медицинского обслуживания обычно коррелирует с валовым внутренним продуктом на душу населения, который является показателем уровня доходов. Следовательно, плата за медицинские услуги отвечает темпам экономического развития, при котором предоставляются услуги [1]. И в данном контексте важно структурно разделять плату за медицинские услуги для граждан и медицинских туристов.

Таблица 1. Динамика ключевых показателей развития туристской индустрии за 2018–2023 гг. [3]

Годы	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Уравнение регрессии
Доля валовой добавленной стоимости туристской индустрии в валовом внутреннем продукте Российской Федерации (в основных текущих ценах, %), VDSd	2,70%	2,80%	2,40%	2,60%	2,60%	2,80%	$VDSd:$ $y = -3.12 + 0.00 * x$
Объем услуг туристических агентств, туроператоров и прочих услуг по бронированию и сопутствующих им услуг, млрд руб., Quta	172,1	179,8	91,9	149,8	217,6	285,9	$Quta:$ $y = -42553.61 + 21.15 * x$
Объем услуг санаторно-курортных организаций, млрд руб., Qusk	129,1	133,9	101,9	150,7	188,9	198,7	$Qusk:$ $y = -32281.38 + 16.05 * x$
Объем услуг гостиниц и аналогичных услуг по предоставлению временного жилья, млрд руб., Qug	255,7	247,7	183,4	284,5	350,2	428,9	$Qug:$ $y = -73289.10 + 36.42 * x$

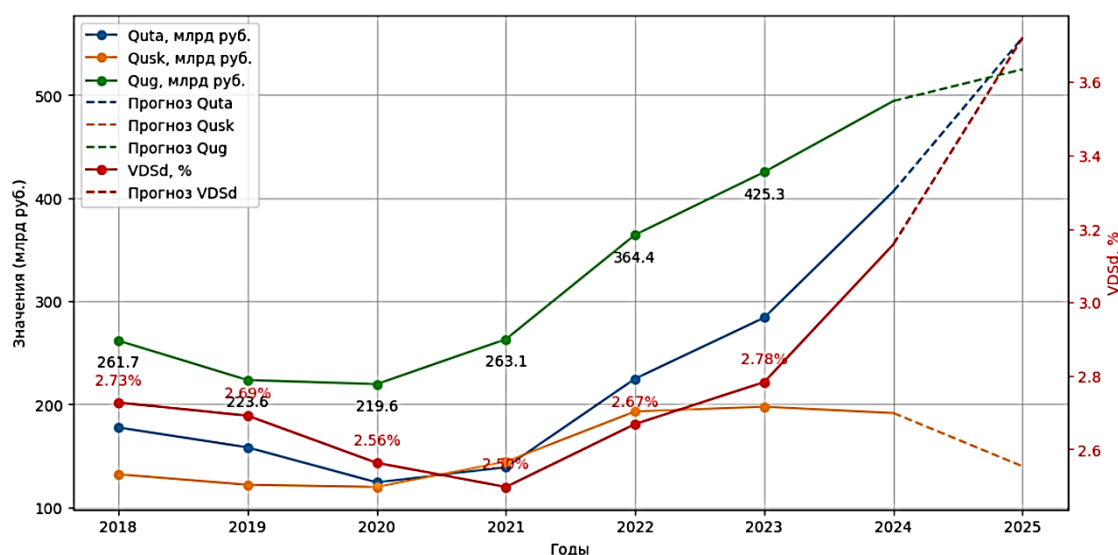

Рис. 1. Анализ и прогноз отдельных показателей туристской деятельности в РФ за период 2018–2025 гг. (пунктирные линии – прогноз)

Источник: проанализировано на основе данных Росстата, 2024.

Лечебные, реабилитационные и профилактические процедуры, проводимые санаториями, лечебно-профилактическими учреждениями и поликлиниками, способствуют выздоровлению пациентов с хроническими сердечно-сосудистыми, ортопедическими, ревматологическими и неврологическими заболеваниями. Желание людей постоянно следить за своим здоровьем, а также быть в тренде здорового образа жизни, побуждает не только своевременно лечиться, но и регулярно проходить оздоровительные процедуры и профилактические медицинские осмотры.

Кроме того, указанные процедуры привлекают молодых людей, которые уделяют большое внимание здоровому образу жизни и физической форме. Появление туроператоров, посредников между пациентами и сетями здравоохранения, которые предлагают различные пакеты медицинских услуг для разных типов бюджетов, также способствует существенной интенсификации развития медицинского туризма. Поэтому необходимо предоставление валидной информации о пункте назначе-

ния, с подробным описанием качества здравоохранения и окружающей инфраструктуры. Кроме того, необходимо создать условия, которые бы соответствовали или даже превосходили ожидания, создавая при этом больше выгод для местных жителей, чем затрат. Это должно быть увязано с макроэкономической политикой страны через правильно выбранную фискальную и денежно-кредитную политику, а также с правильным регулированием рынка труда [10].

В то же время медицинские туристы будут в высшей степени удовлетворены, поделятся своим положительным опытом с другими и при необходимости вернутся в то же медицинское учреждение (в ту же страну и в ту же организацию здравоохранения). Для этого требуется особенно местным органам власти использовать многочисленные возможности для привлечения потенциальных медицинских туристов с помощью таких мероприятий, как проведение фестивалей, реконструкция обветшалых исторических объектов, стимулирование культурных обменов и сотрудничество с известными больницами (табл. 2).

Рис. 2. Основные этапы развития санаторно-курортного комплекса РФ как части медицинского туризма (составлено авторами)

Подобные стратегические мероприятия привлекут внимание туристов, поскольку привлекательность места назначения является важным аспектом организации отдыха и способствует формированию благоприятных впечатлений. Кроме того, медицинские направления с открытой культурой часто становятся главными составляющими на предоставление медицинских услуг. Поэтому медицинские центры должны прилагать соответствующие усилия для продвижения своей местной культуры, а также для привлечения и удержания клиентов-туристов.

Случайные, но позитивные встречи с местными жителями помогут медицинским туристам познакомиться с культурой, их дружелюбие и отзывчивость могут помочь им чувствовать себя комфортно на новом месте. Такие факторы жизненно важны для обеспечения удовлетворительного обслуживания. Наконец, выборочные опросы туристов помогут специалистам по маркетингу туристических направлений понять их эффективность и определить приоритетные атрибуты туристических направлений и разработать рекламные кампании на основе наиболее значимых аспектов. Однако при более серьезном лечении, связанном со здоровьем, такие аспекты, как качество лечения, качество медицинского обслуживания и расходы на медицинский туризм, могут приобретать все большее значение [5].

Скоординированная политика, нормативные акты, государственная поддержка, распределение расходов, проблемы с количеством пациентов и потребностями местного населения в области здравоохранения являются основными препятствиями на пути развития этого вида туризма.

Устранению этих барьеров должна способствовать новая политика в области рекламы. Такой подход дол-

жен усилить политику правительства по стимулированию инвестиций на рынке медицинского туризма, установив стандарты приема граждан на лечение. В России действует бесплатная и универсальная система здравоохранения для граждан. Все граждане участвуют в системе обязательного медицинского страхования, предоставляемой правительством, которая финансируется за счет подоходного налога. В государственной системе страхования участвуют как государственные, так и частные медицинские организации. Доступны программы частного медицинского страхования, которые обеспечивают покрытие расходов на лечение как в частных, так и в государственных медицинских организациях.

В настоящее время, приблизительный объем мирового рынка медицинского туризма составляет 439 млрд долл. в год, к 2025 году мировой рынок медицинского туризма увеличится до 3 трлн долларов в год (однако в 2024 году медицинский туризм оценивался в 47 млрд долл. США и, по прогнозам, к 2029 году объем рынка превысит 111 миллиардов долларов США, пандемия коронавируса остановила медицинский туризм и прогнозировалось, что в ближайшие годы рынок восстановится и резко вырастет [9]). Ранее РФ занимала 34-е место в мире по предоставлению медицинских услуг иностранным пациентам. В соответствии со стратегической концепцией национального развития России объем въездного медицинского туризма должен составлять 500 тыс. иностранных пациентов в год [4].

Действительно, по данным Российской ассоциации медицинского туризма, в России наблюдается рост не только внутреннего медицинского туризма, но и въездного. Это означает, что в ближайшее время действия властей будут направлены на усиление поддержки инициатив, выдвигаемых государственными

и коммерческими медицинскими центрами. Для достижения намеченных результатов необходимо не только создать адекватную законодательную базу для развития этой сферы, но и улучшить состояние лечебно-профилактических учреждений, которые могут принимать иностранных пациентов.

В Российской Федерации оказывается высококачественная медицинская помощь по широкому спектру. Другими причинами, побуждающими иностранцев лечиться в нашей стране, являются: высококвалифицированные врачи; шансы на получение качественной медицинской помощи; возможность постановки точного диагноза и эффективного лечения; возможность индивидуального подхода к пациенту; широкий спектр доступных медицинских услуг. Наиболее привлекательными областями медицинского обслуживания пациентов являются: стоматология (44%), гинекология и урология (24%), офтальмология (10%), пластическая хирургия (10%), кардиология (5%) и другие, косметология, ортопедия, онкология, лечение бесплодия и реабилитация [6].

Для успешного функционирования качественной и конкурентоспособной индустрии медицинского туризма необходимо выделить стратегические приоритеты развития медицинского туризма в Российской Федерации, которые могут служить основой для разработки региональных программ в сфере медицинского туризма и санаторно-курортного лечения. Отдельные исследователи выделяют следующие направления.

1. Подготовка высококвалифицированной рабочей силы. Работники, координирующие процесс предоставления медицинских и туристических услуг одновременно (туроператоры), должны обладать достаточным уровнем знаний и компетентности.

2. Обеспечение обмена знаниями. Для обеспечения системного развития системы здравоохранения в сфере туризма необходимо установить прочные профессиональные контакты с ведущими медицинскими учреждениями нашей страны и других государств с целью обмена информацией и поиска инновационных идей для решения проблем современной медицины.

3. Повышение и поддержание уровня качества предоставляемых услуг. Стандартизация, сертификация, аккредитация, лицензирование медицинских учреждений в России являются обязательными условиями его функционирования и регулируются соответствующими законодательными актами.

4. Формирование доступности и прозрачности информации для потребителя. В основном пациенты используют официальные сайты соответствующих медицинских и профилактических учреждений для поиска информации о лечении, но на сегодняшний день единой «базы данных» не существует.

5. Создание стратегических альянсов и использование виз в индустрии медицинского туризма. Объединение профессионалов в этом сегменте с целью оптимизации работы всех ведомств и учреждений сферы, для обмена актуальной информацией и защиты интересов потребителей. Использование медицинской визы изменит текущую ситуацию и значительно повысит инвестиционную привлекательность [8].

Выводы

Все это обеспечит комплексное развитие системы санаторно-курортного лечения и медицинского туризма что позволит наиболее полно использовать туристский потенциал в интересах населения РФ и иностранных медицинских туристов. Несмотря на положительную динамику, сформировавшуюся в последующие годы веро-

ятно будет наблюдаться стагнация сферы санитарно-курортных услуг и поэтому потребуются дополнительные меры, связанные с финансированием и созданием налоговых стимулов и выработка стратегических приоритетов в туристско-рекреационном комплексе.

Литература

1. Байменова А. С., Жакенова С.Р., Кошеров Б.Н. Рынок медицинских услуг на международном уровне (медицинский туризм): обзор литературы //Сибирский научный медицинский журнал. – 2019. – Т. 39. – № . 5. – С. 10.
2. Балашова С.П. Рынок санаторно-курортных услуг: проблемы и перспективы развития //Экономика Профессия Бизнес. – 2022. – № . 3. – С. 34.
3. Статистический бюллетень Росстата к Всемирному дню туризма 2024. URL: file:///C:/Users/ПК/Downloads/turism_2024.pdf (дата обращения: 25.03.2025).
4. Daykhes A. N. et al. Promises and hurdles of medical tourism development in the Russian Federation // Frontiers in Psychology. – 2020. – Т. 11. – С. 1380.
5. Ghosh, Tathagata, and Santanu Mandal. "Medical tourism experience: Conceptualization, scale development, and validation." *Journal of travel research* 58.8 (2019): 1288–1301.
6. Sedova, Natalia, et al. "Russian healthcare in the development of medical tourism." *E3S Web of Conferences*. Vol. 273. EDP Sciences, 2021.
7. Suyunovich D.U. Medical Tourism as a Promising Direction for the Development of Tourism //Miasto Przyszłości. – 2024. – Т. 50. – С. 455–458.
8. Ter-Akopov G., Kosinova N., Knyazev S. Medical tourism industry in the Russian economy development // Volgograd State University International Scientific Conference "Competitive, Sustainable and Safe Development of the Regional Economy" (CSSDRE 2019). – Atlantis Press, 2019. – С. 550–554.
9. Value of the medical tourism market worldwide from 2024 to 2029. URL: <https://www.statista.com/statistics/1084720/medical-tourism-market-size-worldwide/> (дата обращения: 25.03.2025).
10. Vovk V., Beztelesna L., Pliashko O. Identification of factors for the development of medical tourism in the world //International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2021. – Т. 18. – № . 21. – С. 11205.

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS AND POTENTIAL FOR DEVELOPMENT OF SPECIAL TOURISM AREAS

Khavanova N.V., Danilova V.A., Gastilo L.V., Vershinina O.E.
Russian State University of Tourism and Service

The article examines the socio-economic problems of developing special tourism areas. The authors note that despite the positive dynamics of this area's development, the industry will stagnate recently, particularly in the provision of health resort services. The study of the problem shows that under sanctions, it is important to attract foreign tourists from friendly countries and the EAEU, while taking into account the cost of medical care, which should correlate with the income level. The authors substantiate the development of the industry in conjunction with macroeconomic policy through correctly selected fiscal and monetary instruments, and regulation of the labor market. The main recommendations are to improve the condition of health care institutions, expand quality infrastructure, and strengthen local authorities' use of tourism potential to attract medical tourists by creating appropriate development programs and developing strategic priorities.

Keywords: tourism, strategic priorities, health resort tourism, development, policy, sanctions.

References

1. Baimenova A. S., Zhakenova S.R., Kosherova B.N. The market of medical services at the international level (medical tourism): Literature review //Siberian Scientific Medical Journal, 2019, vol. 39, No. 5, pp. 10.
2. Balashova S.P. The market of sanatorium–resort services: problems and prospects of development //Economics Profession Business. – 2022. – № . 3. – P. 34.
3. Rosstat Statistical Bulletin for World Tourism Day 2024. URL: file:///C:/Users/PK/Downloads/turism_2024.pdf (accessed: 03/25/2025).
4. Daikhes A. N. and others. Prospects and obstacles to the development of medical tourism in the Russian Federation // Frontiers of Psychology. – 2020. – Vol. 11. – p. 1380.
5. Ghosh, Tathagata and Santanu Mandal. “The experience of medical tourism: conceptualization, scale development, and validation.” Journal of Travel Research, 58.8 (2019): 1288–1301.
6. Sedova Natalia et al. “Russian healthcare in the development of medical tourism”. The E3S web conference. Volume 273. EDP Sciences, 2021.
7. Suyunovich D.U. Medical tourism as a promising area of tourism development //Miasto Przyszłości. – 2024. – Vol. 50. – pp. 455–458.
8. Ter-Akopov G., Kosinova N., Knyazev S. The medical tourism industry in the development of the Russian economy // The International Scientific Conference of Volgograd State University “Competitive, sustainable and safe development of the regional economy” (CSSDRE 2019). – Atlantis Press, 2019. pp. 550–554.
9. The importance of the global medical tourism market in the period from 2024 to 2029. URL: <https://www.statista.com/statistics/1084720/medical-tourism-market-size-worldwide/> (date of access: 03/25/2025).
10. Vovk V., Beztelesnaya L., Plyashko O. Identification of factors in the development of medical tourism in the world //International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2021. – Vol. 18. – No. 21. – p. 11205.

Модели социального управления в университетах России и Китая: от централизованного к децентрализованному подходу

Ци Сюэ,

аспирант кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Московского педагогического государственного университета
E-mail: 3271364932@qq.com

Миняжев Тимур Рифатович,

к.с.н., доцент кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Московского педагогического государственного университета
E-mail: tr.minyazhev@mpgu.su

Статья посвящена сравнительному анализу эволюции моделей социального управления в университетах России и Китая в контексте перехода от централизованных к децентрализованным подходам. На основе теории институциональных изменений Д. Норта и концепций академической автономии С. Балла и Р. Барнетта авторы исследуют, как историко-культурные традиции, политические режимы и глобальные вызовы формируют траектории реформ в двух странах. Эмпирическая база подразумевает собственно анализ нормативных документов (законы, стратегии), кейсы ведущих вузов (МГУ, СПбГУ, Пекинский университет, Университет Цинхуа) и экспертные интервью. Результаты показывают, что децентрализация в России и Китае носит управляемый характер: расширение академических свобод и финансовой самостоятельности вузов сочетается с сохранением государственного контроля через бюрократические механизмы (Россия) и идеологические ограничения (Китай). Невзирая на рост конкуренции за глобальные рейтинги и партнёрство с бизнесом, ключевые решения в области кадровой политики, учебных программ и научных исследований остаются под влиянием федерального центра или КПК. Статья вносит вклад в дискуссию о пределах автономии университетов в авторитарных и гибридных политических системах, предлагая рекомендации для оптимизации образовательной политики.

Ключевые слова: управление образованием, централизация, децентрализация, академическая автономия, университеты России, университеты Китая, образовательные реформы, институциональные изменения.

Введение

Современные университеты, выступая ключевыми акторами формирования экономики знаний, сталкиваются с необходимостью адаптации к вызовам глобализации, цифровизации и растущим запросам общества. В условиях, когда традиционные централизованные системы управления образованием всё чаще критикуются за недостаток гибкости и инновационности, многие страны ищут баланс между государственным регулированием и автономией вузов. Особый интерес в этом контексте представляют Россия и Китай – две крупнейшие мировые державы с многовековыми традициями жёсткой вертикали власти в образовательной сфере, но принципиально разными траекториями реформ в XXI веке.

Сейчас, в 2025 году, система высшего образования в России находится в активной фазе подготовки к масштабной реформе, которая планируется завершиться переходом на новую модель с 1 сентября 2026 года. Министерство высшего образования, во главе с Валерием Фальковым, сообщает, что весь 2025 год будет посвящён активным действиям по переходу к системе, в которой традиционные понятия «бакалавриат» и «магистратура» уступят место «базовому высшему образованию» и «специализированному высшему образованию». Именно так, в рамках пилотного проекта, уже запущенного в шести ведущих вузах в частности это МАИ, МИСиС, МПГУ, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Санкт-Петербургский горный университет и Томский госуниверситет – тестируются новые подходы к организации учебного процесса, и в том числе, конечно увеличение практической подготовки и более гибкие сроки обучения. Параллельно Китай продолжает реализовывать свою стратегию развития высшего образования в рамках программы Double First-Class, а также недавно анонсировал план «сильной образовательной нации» на период с 2024 по 2035 год, именно этот план предусматривает расширение доступа к качественному высшему образованию, увеличение числа высококвалифицированных выпускников и дальнейшую оптимизацию распределения образовательных ресурсов.

Актуальность сравнительного анализа этих моделей обусловлена не только их уникальным историко-культурной стороной, но и ролью, которую обе страны играют в переформатировании глобального образовательного ландшафта. Данная статья призвана восполнить этот пробел, предложив комплексное исследование эволюции социального управления университетами в двух странах – от доминирования государственных директив к попыткам внедрения элементов децентрализации.

Методологическую основу работы составляют сравнительный анализ управления социальными системами Китая, Запада и России на современном этапе Русяевой Е.Ю., работа Дамбаева О.А., Морозова В.С. и труды Петросянц Д.В. Эмпирическая база в сущности подразумевает сравнительно-исторический анализ нормативных документов (законов, национальных программ, стратегий), кейсы ведущих вузов (МГУ, СПбГУ, Пе-

кинский университет) и данные экспертных интервью с представителями академического сообщества.

Цель исследования – выявить общие закономерности и уникальные особенности перехода от централизованных к децентрализованным моделям управления, определить ключевые факторы, ускоряющие или тормозящие этот процесс. Практическая значимость статьи связана с возможностью использования выводов для оптимизации образовательной политики в условиях, когда запрос на инновации сталкивается с необходимостью сохранения национальной идентичности и социальной стабильности. Результаты статьи также вносят вклад в дискуссию о пределах децентрализации в авторитарных и гибридных политических режимах, предлагая новые ракурсы для понимания роли университетов как «агентов изменений» в переходных обществах [1].

Результаты и обсуждения

Теоретическая основа исследования выстроена на синтезе классических и современных концепций управления образованием, адаптированных к контексту институциональных трансформаций. Ключевой ориентир – работы Стивена Балла и Рональда Барнетта, чьи идеи о балансе власти в академической среде остаются актуальными в дискуссиях о централизации и децентрализации. Балл в труде «*Education Reform: A Critical and Post-Structural Approach*» (1994) акцентирует внимание на том, что децентрализация в образовании не сводится к простой передаче полномочий «сверху вниз», но формирует новые сети власти, где университеты становятся агентами, конкурирующими за ресурсы в условиях рыночной логики. В России это проявилось, в частности например в программе «5–100» (запущенной в 2013 году), где вузы, к примеру МФТИ или НИУ ВШЭ, были вынуждены трансформировать управленческие практики ради попадания в глобальные рейтинги. Барнетт в книге «*The Idea of Higher Education*» (1990) развивает концепцию «академической автономии» как условия для критического мышления и инноваций, что резонирует с реформами китайских университетов в рамках проекта «Double First-Class» (2017), где Пекинский университет и Университет Цинхуа получили право самостоятельно утверждать учебные планы и привлекать зарубежных исследователей, сохраняя при этом идеологический контроль через партийные ячейки [2].

Теория институциональных изменений Дугласа Норта («*Institutions, Institutional Change and Economic Performance*», 1990) позволяет анализировать, как формальные правила (законы, указы) и неформальные ограничения (традиции, идеология) формируют траекторию реформ. К примеру в России закон «Об образовании» № 273-ФЗ (2012) законодательно закрепил академические свободы вузов, известно, что в случае СПбГУ, где внедрение новых образовательных стандартов потребовало согласования с Министерством науки и высшего образования. В Китае, несмотря на «Закон о высшем образовании» (1998, с поправками 2015), разрешающий вузам создавать предприятия и привлекать частные инвестиции (как это сделал Фуданьский университет, основавший технопарк «Zhangjiang»), неформальные нормы, среди которых собственно лояльность КПК, остаются обязательным условием для ректоров и деканов [3].

Для России ключевыми вехами стали распад СССР (1991), приведший к хаотичной децентрализации 1990-х, и консолидация «вертикали власти» в 2000-х, когда указы Президента № 599 (2012) и № 204 (2018) усилили роль государства в контроле над научными грантами и кадровой политикой. В Китае переломными ста-

ли реформа «гайгэ кайфан» (1978), разрешившая первые эксперименты с автономией вузов, и «План среднесрочных реформ образования 2010–2020», который легализовал частно-государственные партнёрства, как в Университете Сунь Ятсена, где 30% финансирования поступает от корпораций.

Анализ нормативных документов включает не только законы, но и стратегии: в России – «Стратегия развития образования до 2025 года» (утверждена в 2021), в Китае – «13-й пятилетний план развития образования» (2016), где прописаны квоты на увеличение числа иностранных студентов и преподавателей. Case studies ведущих университетов демонстрируют, как формальные рамки воплощаются на практике. В частности, МГУ, невзирая на статус автономного учреждения (с 2009), до сих пор согласовывает структуру факультетов с федеральными органами, тогда как Шанхайский университет Цзяотун в рамках проекта «Double First-Class» получил право самостоятельно открывать междисциплинарные программы, среди них «Искусственный интеллект и этика» (2020) [4].

История управления университетами в России и Китае отражает глубокую связь между образованием и государственной идеологией, где централизация долгое время была не просто инструментом, а основой системы. В Советском Союзе, начиная с 1930-х годов, высшее образование стало частью плановой экономики: учебные программы, научные исследования и даже распределение выпускников регулировались пятилетними планами, утверждёнными Совнаркомом [5].

В свое время МГУ, основанный в 1755 году, к 1940-м превратился в «фабрику кадров» для партийной номенклатуры и промышленности, где каждый факультет – от физики до истории – работал под прямым контролем профильных министерств. Даже защита диссертаций требовала одобрения Высшей аттестационной комиссии (ВАК), созданной в 1934 году, что исключало академическую инициативу «снизу». После распада СССР в 1991 году Россия предприняла робкие шаги к децентрализации: Закон «Об образовании» 1992 года разрешил вузам вводить платные места и самостоятельно разрабатывать учебные планы, но все же уже к концу 1990-х лишь единицы.

Поворот к рецентрализации начался в 2000-х с запуском национальных проектов: так, указ Президента № 1408 (2005) о создании федеральных университетов (Сибирский, Южный, Казанский) формально декларировал поддержку инноваций, но на практике усилил контроль через унификацию программ и отчётности. Томский политехнический университет, получивший статус «национального исследовательского» в 2009, был вынужден согласовывать стратегию развития с Министерством образования, что ограничило гибкость в привлечении иностранных партнёров. К 2012 году, с принятием закона № 273-ФЗ «Об образовании», автономия вузов свелась к возможности выбирать между государственными и собственными стандартами, но жёсткие требования к аккредитации и отчётности, введённые Рособрандзором в 2004, фактически сохранили вертикаль власти.

В Китае централизация образования уходит корнями в конфуцианскую традицию, где экзаменационная система кэцзюй (существовавшая с VII века) легитимизировала власть через меритократию. После основания КНР в 1949 году Мао Цзэдун превратил университеты в инструмент «культурной революции»: к 1966 году Пекинский университет, как и другие вузы, был закрыт для «перевоспитания» студентов в духе коммунистической идеологии. Реальные изменения начались лишь с реформами Дэн Сяопина в 1980-х. «Закон о высшем об-

разовании» 1985 года разрешил вузам сотрудничать с предприятиями, а проект «211» (1993) выделил 100 университетов, в том числе Фуданьский, для превращения в «центры мирового уровня», что стало первым шагом к автономии, но все же даже в 1990-е ключевые решения, среди которых назначение ректора Шанхайского университета Цзяотун, согласовывались с местными комитетами КПК [6].

Невзирая на эти существенные различия, обе страны сохраняют общие черты централизации. В России 70% финансирования вузов по-прежнему поступает из федерального бюджета (по данным Минобрнауки за 2023), а в Китае, согласно отчёту Министерства образования за 2022, эта доля достигает 60%, несмотря на рост частных инвестиций. Жёсткие стандарты качества также остаются маркером государственного контроля: в России ЕГЭ, введённый в 2001 как инструмент борьбы с коррупцией, к 2020-м превратился в механизм унификации школьной подготовки, напрямую влияющий на приёмные кампании вузов. В Китае гаокао – ежегодный вступительный экзамен, восстановленный в 1977, – определяет не только доступ к высшему образованию, но и социальный статус, что закрепляет роль государства как арбитра в вопросах знания. При этом даже реформы, направленные на либерализацию, как российская программа «Приоритет-2030» (2021) или китайский проект «Double First-Class», сохраняют зависимость университетов от государственных грантов и идеологических установок.

СПбГУ, войдя в «Приоритет-2030», получил право на дополнительные субсидии, но обязан отчитываться о «патриотическом воспитании» студентов – требование, закреплённое в поправках к закону «Об образовании» 2023 года. Аналогично, Университет Цинхуа в Пекине, несмотря на академическую свободу в рамках «Double First-Class», обязан включать в учебные планы курсы по «социалистической идеологии с китайской спецификой», что подтверждается внутренними документами вуза, опубликованными в 2022 году. Собственно так можно сказать, что исторический контекст демонстрирует, что централизация в России и Китае – не пережиток прошлого, а адаптивный механизм, эволюционирующий в ответ на вызовы глобализации, но сохраняющий контроль над образованием как основой государственной стабильности.

Современные реформы в России и Китае демонстрируют попытки совместить децентрализацию управления с сохранением государственного контроля, однако траектории этих процессов отражают различия политических и культурных контекстов [7].

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) с 2013 года внедрил междисциплинарные бакалаврские программы, к примеру «Когнитивные науки», не предусмотренные федеральными стандартами, но все же эта автономия ограничена жёсткими требованиями Рособнадзора: в 2020 году Тюменский государственный университет получил предписание пересмотреть учебные планы по юриспруденции из-за «несоответствия профилю» аккредитации. Программа «5–100» (2013–2020), направленная на вхождение российских вузов в топ-100 мировых рейтингов, усилила конкуренцию: так, МФТИ к 2023 году поднялся на 45-е место в рейтинге QS по физике, но зависимость от государственных грантов (до 80% бюджета) сохранила кадровую политику под контролем министерства. Региональные университеты, такие как Томский государственный, используют децентрализацию для партнёрства с местными корпорациями: совместный проект с «Газпромнефтью» по подго-

товке инженеров-нефтяников (с 2018) позволил создать лаборатории, но стратегия развития вуза до 2030 года утверждается в Москве [8].

Казанский федеральный университет, получив статус «федерального» в 2021, расширил сотрудничество с исламскими странами, открыв Институт международных отношений, однако назначение ректора Ильшата Гафурова в 2023 прошло через согласование с администрацией президента. В Китае проект «Double First-Class» (2017) предоставил 42 университетам, в том числе включив туда Пекинский и Университет Цинхуа, право самостоятельно утверждать дисциплины, привлекать иностранных профессоров и создавать совместные предприятия. Так, Шанхайский университет Цзяотун (железнодорожный транспортный ВУЗ как МИИТ в Москве) в 2020 году запустил программу «Цифровая экономика» без согласования с министерством, а Университет Сунь Ятсена в Гуанчжоу к 2023 году привлёк \$150 млн от Alibaba и Tencent для исследований в области ИИ, но все же частно-государственное партнёрство не отменяет идеологического контроля: устав любого вуза требует создания партийных ячеек в каждом подразделении, а ректор Фуданьского университета Сюй Цзиньчжан публично заявляет о «руководящей роли КПК» в научной стратегии [9].

Эксперименты с англоязычными программами, в частности магистратура «Global Business» в Пекинском университете (с 2019), сопровождаются обязательными курсами по «социалистической идеологии», а международные кампусы вроде NYU Shanghai (основан в 2012) вынуждены согласовывать учебные планы с Министерством образования, исключая темы, связанные с Тибетом или Тайванем.

Сравнительный анализ выявляет парадоксы децентрализации. В финансовой сфере российские вузы, несмотря на разрешение привлекать внебюджетные средства (до 30% бюджета МГУ в 2023), остаются зависимыми от государственных субсидий, тогда как китайские университеты, получают до 40% финансирования от корпораций, но обязаны отчислять 15% прибыли в партийные фонды. В академической автономии Россия формально разрешает вузам менять программы, но сохраняет ЕГЭ как единый критерий приёма, что в 2022 году привело к конфликту между Рособнадзором и РАН-ХиГС из-за введения внутренних экзаменов. В Китае, несмотря на свободу в создании курсов, гаокао остаётся «китом» системы: даже экспериментальные программы в Университете Цинхуа требуют набора 70% студентов через общенациональный экзамен. Кадровая политика в России зависит от региональных элит: назначение ректора Дальневосточного федерального университета в 2021 году вызвало споры между администрацией Приморского края и Министерством образования. В Китае же все ректоры топ-вузов, как Чию Сяндун в Университете Фудань, утверждаются ЦК КПК, а в 2022 году 90% деканов технических факультетов имели стаж работы в партии не менее 10 лет [10].

Политический контекст усиливает эти различия. В России децентрализация часто становится инструментом перераспределения власти между федеральным центром и регионами: в том числе сама стратегия развития Уральского федерального университета до 2035 года, разработанная при участии губернатора Свердловской области, была скорректирована Минобрнауки в части «национальной безопасности». В Китае, даже при расширении автономии, КПК сохраняет абсолютный контроль: в 2021 году Пекинский университет отменил курс по западной философии после указа парткома о «недопустимости либеральных влияний», а в 2023 го-

ду Шанхайский транспортный университет ввёл обязательную проверку публикаций преподавателей на «идеологическую корректность». Собственно так мы видим, что децентрализация в обеих странах остаётся управляемой: в России – через бюрократические механизмы и конкуренцию за гранты, в Китае – через сочетание рыночных реформ с жёстким идеологическим каркасом.

Выводы

Проведённый сравнительный анализ моделей управления университетами в России и Китае выявил, что децентрализация в обеих странах носит избирательный и управляемый характер, адаптируясь к вызовам глобализации и цифровизации, но сохраняя контроль государства над ключевыми аспектами образовательной политики. Невзирая на большие различия в историко-культурном контексте – конфуцианская меритократия в Китае и советское наследие плановой системы в России – оба государства демонстрируют гибридные модели, где элементы автономии вузов сосуществуют с жёсткими вертикалями власти. В России бюрократизация и зависимость от федерального финансирования (70–80% бюджета ведущих вузов) ограничивают реализацию академических свобод, даже при формальном расширении прав по закону «Об образовании» 2012 года. Программы вроде «5–100» и «Приоритет-2030», направленные на повышение конкурентоспособности, усиливают рыночную логику, но не отменяют централизованный контроль через аккредитацию и кадровые назначения. В Китае, опять же, невзирая на рывок в коммерциализации исследований (40% финансирования топ-вузов от корпораций) и эксперименты с англоязычными программами, идеологический контроль КПК остаётся незыблемым: партийные ячейки в университетах, обязательные курсы по социалистической идеологии и цензура научных публикаций формируют «рамки дозволенного».

Главный парадокс децентрализации в обеих странах заключается в том, что она становится инструментом укрепления государственного влияния. В России региональные вузы, такие как Томский и Казанский университеты, используют автономию для партнёрства с бизнесом, но стратегические решения остаются за федеральным центром. В Китае проекты вроде «Double First-Class» создают иллюзию академической свободы, тогда как ректоры и деканы утверждаются ЦК КПК, а 90% управленцев имеют партийный стаж. Университеты, собственно превращаются в «агентов изменений», но в строго очерченных границах, где инновации не должны угрожать социальной стабильности или идеологическим устоям.

Литература

1. Русяева Е.Ю. Сравнительный анализ управления социальными системами Китая, Запада и России на современном этапе // Проблемы управления. 2007.
2. Дамбаева О.А., Морозова В.С. Китайская модель социального управления: практика формирования, особенности, контексты // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 7–1. С. 11–12.
3. Петросянц Д.В. Сотрудничество российских и китайских университетов: Quo Vadis? // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 3. С. 77–81.
4. Савченко И.А., Кремнёв Е.В. Дискурсивная трихотомия в урбанистике: модели социального управления в Китае // Вестник Томского государственного уни-

верситета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 113–125.

5. Чжао Юньхуэй. Особенности социального управления в китайских компаниях // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 101. С. 134–145.
6. Кирпиченко А.М. Механизм социального управления // Экономика. Социология. Право. 2021. № 4(24). С. 86–106.
7. Мусостова Д.Ш., Шабунько В.В., Седых Е.П. Социальное управление в обществе: основные понятия и содержание // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 45(1). С. 414–417.
8. Рунова А.Г. Модель социального управления в Китае // E-Scio. 2020. № 4(43). С. 160–163.
9. Саблуков А.В. Традиции в социальном управлении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 4(841). С. 280–295.
10. Тутова С.В. Стимулы социального управления в обществе постмодерна: социально-философский анализ // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 6. С. 112–116.

MODELS OF SOCIAL GOVERNANCE IN UNIVERSITIES OF RUSSIA AND CHINA: FROM CENTRALIZED TO DECENTRALIZED APPROACHES

Qi Xue, Minyazhev T.R.

Moscow State Pedagogical University

This article is dedicated to a comparative analysis of the evolution of social governance models in universities in Russia and China in the context of the shift from centralized to decentralized approaches. Based on D. North's theory of institutional change and the concepts of academic autonomy by S. Ball and R. Barnett, the authors examine how historical-cultural traditions, political regimes, and global challenges shape the reform trajectories in both countries. The empirical basis includes the analysis of normative documents (laws, strategies), case studies of leading universities (Lomonosov Moscow State University, St. Petersburg State University, Peking University, Tsinghua University), and expert interviews. The results show that decentralization in both Russia and China is managed: the expansion of academic freedoms and financial independence of universities is accompanied by the retention of state control through bureaucratic mechanisms (Russia) and ideological restrictions (China). Despite the growing competition for global rankings and partnerships with business, key decisions in areas such as personnel policy, curricula, and scientific research remain under the influence of the federal center or the Communist Party of China (CPC). This article contributes to the discussion on the limits of university autonomy in authoritarian and hybrid political systems, offering recommendations for optimizing educational policy.

Keywords: education governance, centralization, decentralization, academic autonomy, universities of Russia, universities of China, educational reforms, institutional changes.

References

1. Rusyaeva E. Yu. Comparative analysis of the management of social systems of China, the West and Russia at the present stage // Problems of Management. 2007.
2. Dambaeva O. A., Morozova V.S. Chinese model of social management: practice of formation, features, contexts // Modern science-intensive technologies. 2013. No. 7–1. Pp. 11–12.
3. Petrosyants D.V. Cooperation of Russian and Chinese universities: Quo Vadis? // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2019. Vol. 9. No. 3. Pp. 77–81.
4. Savchenko I. A., Kremnev E.V. Discursive trichotomy in urban studies: models of social management in China // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2023. No. 74. P. 113–125.

5. Zhao Yunhui. Features of Social Management in Chinese Companies // Public Administration. Electronic Bulletin. 2023. No. 101. P. 134–145.
6. Kirpichenko AM. Social Management Mechanism // Economy. Sociology. Law. 2021. No. 4(24). P. 86–106.
7. Musostova D.Sh., Shabunko VV, Sedykh EP. Social Management in Society: Basic Concepts and Content // Research in the Humanities. 2023. No. 45(1). P. 414–417.
8. Runova AG. Model of Social Management in China // E-Scio. 2020. No. 4(43). P. 160–163.
9. Sablukov A.V. Traditions in Social Management // Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2020. No. 4(841). P. 280–295.
10. Tutova S.V. Incentives for Social Management in Postmodern Society: A Social and Philosophical Analysis // Social and Humanitarian Knowledge. 2022. No. 6. P. 112–116.

Программа «Материнский (семейный) капитал»: сущность, механизмы реализации и перспективы развития

Черникова Татьяна Альбертовна,

к.п.н., доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий

Шайдукова Лиана Димовна,

к.с.н., доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий

E-mail: lianagulina@mail.ru

В статье раскрыта сущность программы «Материнский (семейный) капитал», особенности механизмов реализации программы в регулировании социально-демографической политики страны. Проанализирована демографическая ситуация в аспектах рождаемости и смертности в Российской Федерации. Определены факторы, обусловившие необходимость внедрения социальной программы «Материнский (семейный) капитал» как формы социальной поддержки семей с детьми. В статье авторы конкретизировали возникающие трудности при реализации данной программы. В статье представлены условия, необходимые для получения у граждан права на материнский капитал, размер сертификата по случаю рождения первого и последующих детей. Авторы охарактеризовали функции Социального фонда по вопросу получения семьями сертификата на материнский капитал. В статье раскрыты перспективы развития программы «Материнский (семейный) капитал» на федеральном и региональном уровнях.

Ключевые слова: социальная программа, социально-демографическая ситуация, материнский капитал, семьи с детьми, социальная поддержка.

Естественный прирост населения Российской Федерации на сегодняшний день охарактеризован отрицательными показателями. Согласно официальной статистике с 1995 г. в России уровень смертности значительно превысил уровень рождаемости. В течение последующих 28 лет в стране ежегодно умирало свыше 2 млн человек, а рождалось порядка 1,5 млн. – 2 млн. [9]. В числе мер, призванных положить конец демографическому кризису, Президентом России была утверждена Концепция демографической политики РФ до 2025 года. Слово сочетание «материнский капитал» впервые прозвучало 10 мая 2006 года в послании Президента Владимира Путина Федеральному собранию. Федеральный закон № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» был принят Государственной Думой 22 декабря 2006 г. В соответствии с этим законом с 1 января 2007 года был введен государственный сертификат на материнский (семейный) капитал – именной документ, подтверждающий право женщин, родивших (усыновивших) второго и последующего ребёнка, на дополнительные меры государственной поддержки (статьи 2 и 5) [3, с. 66].

Материнский капитал действительно стал одной из самых значимых мер демографической политики России, введенной в 2007 году с целью стимулирования рождаемости и поддержки семей. Эта программа нацелена на улучшение условий для семей с детьми и смогла создать дополнительные возможности для материального обеспечения будущих поколений. Суть материнского капитала заключается в предоставлении единовременной выплаты (либо ее частичной капитализации) семьям после рождения или усыновления второго и последующих детей. Эти средства можно использовать на различные нужды, такие как улучшение жилищных условий, образование детей или накопление на пенсию для матери [1, с. 811].

Материнский капитал (федеральный, региональные материнские капиталы) изучается населением, и рассматриваются специалистами как одна из необходимых мер государственной поддержки, в основе которой лежат экономическая, социальная и демографическая направленности [2, с. 34].

Уточнение программы «Материнского капитала» как семейного стало возможным в связи возможностью приобретения права на маткапитал другими членами семьи. Право на получение государственной поддержки в виде материнского капитала может быть реализовано по достижении ребёнком возраста трёх лет [5, с. 357–359].

Созданный федеральный реестр лиц, которые имеют право на дополнительные меры государственной поддержки, стал важным шагом в системе социальной защиты. Этот реестр позволяет более эффективно организовать процедуру получения поддержки, а также обеспечить прозрачность и учет всех заявителей [5, с. 359].

Такой подход позволил не только упростить процесс получения мер социальной поддержки для граждан, но и улучшил планирование и мониторинг государственной социальной политики в стране. Кроме того, регистрация помогает в борьбе с мошенничеством и нецелевым использованием бюджетных средств.

Общий механизм взаимодействия граждан с социальными органами через такой реестр должен быть максимально простым и доступным, что позволит каждому желающему легко получить нужную информацию и подать заявление на получении мер государственной поддержки.

Обязанности по рассмотрению заявлений о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал возложены на Социальный фонд России и его территориальные органы. Кроме того, фонд должен уведомлять лиц, у которых есть право на получение материнского капитала, ведет контроль по рассмотрению заявлений клиентов по выдаче сертификата [7, с. 70–74].

Экономическая составляющая материнского капитала заключается в следующем: средства на реализацию маткапитала поступают из федерального бюджета в Социальный фонд России для дальнейшей выдачи их лицам, имеющим право на материнский сертификат. На протяжении своего существования Программа «Материнский (семейный) капитал» претерпела ряд положительных изменений:

- изменился срок действия программы (реализация программы продлена до 31 декабря 2026 года);
- изменился список лиц, обладающих правом на получение сертификата на материнский капитал;
- пересмотрен перечень направлений, на которые разрешено тратить средства маткапитала [6, с. 107].

Согласно законодательству получить материнский капитал имеют право следующие категории граждан [8]:

- 1) женщины, которые родили или усыновили:
 - первого ребенка с 1 января 2020 г.;
 - второго или последующего ребенка с 1 января 2007 г.;
- 2) мужчины, только в том случае, если являются единственным усыновителем:
 - первого ребенка с 1 января 2020 г.;
 - второго и последующего ребенка с 1 января 2007 г.;
- 3) отец, вне зависимости от того, является ли он гражданином Российской Федерации или гражданство у него отсутствует, в том случае, если мать ребенка умерла или была лишена родительских прав.

С 1 февраля 2025 года размер материнского капитала был проиндексирован на 9,5% и составляет: на первого ребенка – 690266,95 руб., на второго ребенка – 912162,09 руб., доплата на второго ребенка, при получении выплаты за первого ребенка составляет 221895,10 руб. [8].

С апреля 2020 года установлены два способа оформления сертификата: заявительный, действовавший ранее, и беззаявительный. Во втором случае оформление материнского капитала осуществляется автоматически на основании тех данных, которые поступают в Социальный фонд Российской Федерации из государственного реестра записей актов гражданского состояния.

Информация о готовности сертификата на материнский капитал к его выдаче регистрируется в информационной системе Социального фонда России и затем направляется в личный кабинет получателя на сайте Фонда или на портале государственных услуг. Семьи, оформившие усыновление, могут подать заявление лично в Социальном фонде.

Важным для большинства семей является вопрос о возможностях реализации материнского капитала. На рис. 1 представлены варианты реализации материнского капитала.

Актуальность реализации программы подтверждается проведенным эмпирическим исследованием по анализу деятельности клиентской службы (на правах отде-

ла) на базе Социального фонда России в Бирском районе и г. Бирск. В ходе исследования был проведен опрос 75 респондентов из числа лиц, имеющих право на получение материнского капитала. В ходе исследования было установлено, что за период с 2019 по 2023 г. службой принято 5228 заявлений о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал (500 заявлений – 2019 г., 504 заявления – 2020 г., 606 заявлений – 2021 г., 560 заявлений – 2022 г., 447 заявлений – 2023 г.) и выдано 5163 сертификатов. Такие показатели подтверждают востребованность данной программы. Интересна информация о том, каким образом семьями были использованы средства маткапитала:

Рис. 1. Варианты реализации материнского капитала

- на погашение процентов по кредитам (займам) и основного долга – 2134 заявлений (58,5%);
- приобретение (строительство) жилого помещения – 1053 заявлений (28,8%);
- строительство (реконструкцию) жилого помещения без привлечения строительной организации (собственными силами) – 379 заявлений (10,4%);
- получение образования ребенком (детьми) – 78 заявлений (2,1%);
- накопительную часть трудовой пенсии – 2 заявления (0,1%);
- ежемесячную денежную выплату – 4 заявления (0,1%).

Таким образом, по г. Бирск и Бирскому району, начиная с 2019 по 2023 г. из выданных сертификатов на материнский (семейный) капитал было реализовано 71%. То, что не все сертификаты были реализованы объясняется тем, что 40% опрошенных респондентов считают недостаточным перечень по реализации материнского капитала. Эта же группа респондентов предложила внедрить дополнительные направления реализации программы: на личные нужды, на лечение тяжелых заболеваний членов семьи, на оплату медицинских услуг. Большинство опрошенных респондентов отмечают, что реализация программы «Материнского (семейного) капитала» позволяет улучшить жилищные условия семей или приобрести жилье тем семьям, у которых его нет.

Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что большинство респондентов волнуют вопросы, связанные с необходимостью решения жилищ-

ных и финансовых проблем семей. Также определена необходимость в расширении направлений реализации материнского капитала.

Для того чтобы материнский (семейный) капитал реализовал свой потенциал в полной мере, необходимо расширение сферы его применения и условия его использования. Это позволит более эффективно достичь основной цели программы – создать благоприятные условия для семей, обеспечивая им достойный уровень жизни. Однако доверие к материнскому (семейному) капиталу как мере социальной поддержки семей с детьми не может быть несколько подорвано действующими временными ограничениями, даже несмотря на то, что реализация программы «Материнского (семейного) капитала» продлена социальной политикой страны до 31 декабря 2026 г. Думается, что дальнейшая успешная демографическая политика будет возможной, если продолжить совершенствовать законодательство в области демографической политики и продвижения успешных практик использования материнского (семейного) капитала. В связи с этим необходимо продолжить внедрять данную программу и на последующие 2027–2030 годы. Такая необходимость в первую очередь обусловлена тем, что еще будет продолжаться падение численности населения страны и некоторое снижение рождаемости вследствие сокращения числа женщин репродуктивного возраста [4, с. 40].

Отметим, что важным является продолжение распространения мер программы материнского капитала на все категории семей без исключения, вне зависимости от их материального положения и социального статуса. Рождение ребёнка в семье с детьми уже само по себе является основанием для получения этой поддержки, поэтому целесообразно избегать какой-либо дифференциации семей по уровню нуждаемости.

Также важно изучить и перенять передовой опыт регионов, которые уже внедрили региональные программы материнского капитала, охватывающие направления, не предусмотренные федеральной программой. Дальнейшее развитие региональных мер поддержки и помощи семей с детьми позволит реализовать адресную социальную помощь в соответствии с потребностями конкретного региона и в соответствии с финансовыми поступлениями в региональный бюджет. Вопрос финансовых вложений в программы регионального уровня требует отдельного рассмотрения, т.к. необходимо дополнительно учесть демографическую ситуацию и экономические возможности отдельного региона.

Ряд исследователей (Герич А.А., Журавлева И.Н., Шилкина Е.Л. и др.) подтверждают важность расширения направлений реализации средств материнского (семейного) капитала, которые позволили бы семьям с детьми улучшить условия жизни. К примеру, можно разрешить расходование части средств из материнского капитала на: лечение ребенка (детей), добровольное медицинское страхование детей, получение образования родителями и др. меры [3, 5, 10].

Программа «Материнский (семейный) капитал» – важный механизм социально-демографической политики государства. Эффективность успешной реализации программы возможна лишь в рамках комплексного подхода по поддержке семей с детьми.

Литература

1. Агеева Е.В. Обзор социальной защиты материнства как фактора женской занятости // Экономика труда. – 2019. – № 2. – С. 811–826.

2. Богомазова О.И. Государственная семейная политика и механизмы ее реализации в современной России // В сборнике: Инновационное развитие социально-экономических систем: условия, результаты и возможности. Материалы IV международной научно-практической конференции. – Орехово-Зуево, 2016. – С. 34–36.
3. Герич А.А. Семейная политика в современной России: проблемы, тенденции и перспективы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 3–1. – С. 64–66.
4. Данилина В.С. Эффективность реализации современной государственной семейной политики в России: проблемы и пути решения // В сборнике: Вопросы безопасности России и постсоветского пространства: история и современность. – Пенза, 2019. – С. 33–40.
5. Журавлева И.Н. Материнский (семейный) капитал как форма государственной поддержки российских семей // Научный электронный журнал Меридиан. – 2020. – № 7 (41). – С. 357–359.
6. Кириченко Р.Р. Материнский капитал как мера социальной поддержки семьи, материнства и детства // StudNet. – 2020. – Т. 3. – № 10. – С. 107.
7. Московцева Е.А., Каптур Е.Д. Современная семья: проблемы и перспективы // Ученые заметки ТОГУ. – 2019. – Т. 10. – № 4. – С. 70–74.
8. Портал государственных услуг Российской Федерации https://www.gosuslugi.ru/help/faq/maternal_capital/2046. (дата обращения: 22.02.2025).
9. Федеральная служба государственной статистики <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 22.02.2025).
10. Шилкина Е.Л., Енина В.В. Государственная семейная политика в контексте минимизации демографических проблем // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2020. – Т. 13. – № 6. – С. 127–135.

THE MATERNAL (FAMILY) CAPITAL PROGRAM: THE ESSENCE, IMPLEMENTATION MECHANISMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Chernikova T.A., Shaidukova L.D.

Birsky Branch of Ufa University of Science and Technology

The article reveals the essence of the “Maternal (Family) Capital” program, the specifics of the program’s implementation mechanisms in regulating the country’s socio-demographic policy. The demographic situation in the aspects of fertility and mortality in the Russian Federation is analyzed. The factors that necessitated the introduction of the social program “Maternal (family) capital” as a form of social support for families with children are identified. In their article, the authors specified the difficulties encountered in the implementation of this program. The article presents the conditions necessary for obtaining the right to maternity capital from citizens, the size of the certificate on the occasion of the birth of the first and subsequent children. The authors described the functions of the Social Fund on the issue of obtaining a certificate for maternity capital by families. The article reveals the prospects for the development of the Maternal (Family) Capital program at the federal and regional levels.

Keywords: social program, socio-demographic situation, maternity capital, families with children, social support.

References

1. Ageeva E.V. Review of social protection of motherhood as a factor of women’s employment // Labor economics. – 2019. – No. 2. – pp. 811–826.

2. Bogomazova O.I. State family policy and mechanisms of its implementation in modern Russia // In the collection: Innovative development of socio-economic systems: conditions, results and opportunities. Materials of the IV International scientific and practical conference. – Orekhovo-Zuyevo, 2016. – pp. 34–36.
3. Gerich A.A. Family policy in modern Russia: problems, trends and prospects // Actual problems of the humanities and natural sciences. – 2017. – No. 3–1. – pp. 64–66.
4. Danilina V.S. Effectiveness of the implementation of modern state family policy in Russia: problems and solutions // In the collection: Security Issues of Russia and the post-Soviet Space: History and Modernity. – Penza, 2019. – pp. 33–40.
5. Zhuravleva I.N. Maternal (family) capital as a form of state support for Russian families // Scientific electronic journal Meridian. – 2020. – № 7 (41). – pp. 357–359.
6. Kirichenko R.R. Maternity capital as a measure of social support for family, motherhood and childhood // StudNet. – 2020. – Vol. 3. – No. 10. – p. 107.
7. Moskovtseva E.A., Kaptur E.D. Modern family: problems and prospects // Scientific notes of TOGU. – 2019. – Vol. 10. – No. 4. – pp. 70–74.
8. Portal of Public Services of the Russian Federation https://www.gosuslugi.ru/help/faq/maternal_capital/2046 (date of reference: 02/22/2025).
9. Federal State Statistics Service <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>. – (date of access: 02/22/2025).
10. Shilkina E.L., Enina V.V. State family policy in the context of minimizing demographic problems // Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences. – 2020. – Vol. 13. – No. 6. – pp. 127–135.

Проблемы цифровой маргинализации среди молодежи России: социологическое измерение. Опыт НЦПТИ

Чурилов Сергей Анатольевич,

соискатель на степень кандидата социологических наук,
директор Национального центра информационного
противодействия терроризму и экстремизму
в образовательной среде и сети Интернет, ФГАНУ НИИ
«Спецвузавтоматика»
E-mail: churilov@ncpti.ru

В статье представлена теоретико-методологическая основа исследования проблематики распространения цифровой маргинализации цифровой маргинализации. Автором отмечен подход к пониманию проблематики, а также перечень компетенций для сохранения собственной безопасности в рамках грамотного использования современных цифровых ресурсов. Значительный акцент сделан на реализуемых Национальным центром информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика» как одного из векторных центров Минобрнауки России методикам социологического измерения для оценки распространенности проблематики среди молодежи России: онлайн-анкетирования, фокус-групповые исследования, проведение мониторинговых профилактических мероприятий среди молодежи.

Ключевые слова: цифровая маргинализация, противодействие терроризму и экстремизму, профилактическая работа, информационно-просветительская деятельность, информационно-коммуникационные технологии.

Полномасштабное проникновение информационно-телекоммуникационных технологий в повседневную жизнь российского общества, широкое использование сети Интернет, с одной стороны, предоставило широкий спектр возможностей для удовлетворения различных потребностей жителями страны, однако, с другой стороны, следует учитывать широкий перечень рисков, включая вовлечения в террористическую и экстремистскую деятельность в процессе вербовки со стороны преступников. Важно подчеркнуть, что в настоящее время не все члены нашего общества обладают полным перечнем знаний, умений и навыков для безопасной и продуктивной работы в цифровом пространстве, что может способствовать их переходу в состояние цифровой маргинализации – перехода в некое пограничное состояние между жизнедеятельностью в современном информационном, цифровом обществе и жизнедеятельностью в социуме с традиционными способами коммуникации.

При исследовании проблематики цифровой маргинализации следует опираться на широкий теоретико-методологический фундамент, представленный рядом теорий: теория стратификации П. Сорокина, теория социального капитала П. Бурдье, а также теория цифровой трансформации общества, цель которой заключается в создании и распространении цифровых экосистем для повышения уровня качества жизни каждого члена общества (работы Д. Белла, М. Кастельса и Я. ван Дейка). Отдельно следует отметить теории конвергенции и новых медиа (М. Кастельс, М. Маклюен, Э. Тоффлер, Л. Манович и др.), позволяющих системно и глубоко оценивать происходящие изменения в современном информационном и цифровом пространстве [1].

Важно подчеркнуть, что конструктивное использование современных цифровых ресурсов предполагает целый перечень знаний, умений и навыков у пользователей для сохранения собственной безопасности и предотвращения вовлечения в деятельность террористических и экстремистских организаций:

1. Высокий уровень правовой грамотности, предполагающий базовые знания в сфере антитеррористического и антиэкстремистского законодательства, а также алгоритмов юридических действий при столкновении с опасностью.
2. Наличие четко выстроенной конструктивной российской гражданской идентичности в условиях современной информационной и когнитивной войны. Распространение исторических знаний на современном этапе выступает крайне важным элементом профилактической работы, что требует от специалистов широкого предметного базиса для выполнения поставленных задач [4]. Особое значение такой инструментальной работы требует при проведении профилактической работы среди молодежи новых субъектов Российской Федерации, вошедших в состав страны по итогам референдумов 2022 года, поскольку основные элементы и базовые установки украинского национализма как одной из фундаментальных угроз национальной безопасности проникли в силу действий «киевского» режима в сознание большого количества жителей данных территорий [5].

3. Психологическая устойчивость и умение на личном уровне противостоять попыткам вовлечения в противоправную деятельность.

Оценка данных аспектов в молодежной среде имеет важное значение для превентации распространения цифровой маргинализации. Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет (НЦПТИ), действующий с 2012 года в качестве векторного центра при Минобрнауки России по направлению противодействия идеологии терроризма, на протяжении последних лет накопил значительный инструментарий по социологической оценке:

1. Непосредственная реализация профилактических и информационно-просветительских мероприятий среди молодежи, которые направлены не только на выполнение собственно профилактических задач, но и при умелом использовании позволяют провести качественный мониторинг и оценку обстановки в молодежной среде. Одной из результативных системных практик по мониторингу и одновременно оказанию профилактического воздействия является проект «Нужные люди», реализованный в Ростовской области при взаимодействии с региональными органами власти в рамках работы с представителями различных групп риска. На основе проекта были составлены специальный сборник сценариев, а также учебно-методический фильм для специалистов.

Важно обозначить и мониторинговые мероприятия среди обучающейся молодежи в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях, проводимых сотрудниками НЦПТИ с 2023 года. Например, с 28 октября по 15 ноября 2024 года проведена серия профилактических мероприятий, позволившая выявить среди части студентов ряд психологических проблем (например, последствия буллинг, ПТСР и некоторые другие), крайне слабое знание действующего российского законодательства, а также недостаточно высокий для противодействия антироссийским историческим мифам уровень исторического просвещения [3].

2. Проведение социологических исследований посредством онлайн-анкетирования – еще одна методика, регулярно практикуемая НЦПТИ для оценки ситуации в молодежной среде. С 2019 по 2021 годы проведено масштабное исследование, было опрошено более 46 000 человек: в 2019 году опрошено более 5 000 студентов вузов ЮФО, СКФО; в 2020 году – более 11 000 студентов вузов УрФО и ПФО; в 2021 году – более 30 000 студентов вузов ЦФО, СЗФО, ДФО, СФО.

С 2023 года каждое ежегодное исследование является всероссийским: если в 2023 году удалось опросить 50 000 респондентов во всех федеральных округах, то в 2024 году показатель составил уже 80 000 обучающихся образовательных организаций высшего образования. Важно подчеркнуть, что анкеты содержат следующие тематические разделы: «актуальные проблемы и информационные угрозы», «восприятие идеологии терроризма и экстремистских проявлений», «восприятие СВО», а также «отношение к проводимой профилактической работе». Стоит отметить, что из года в год проблемы киберпреступности, онлайн-мошенничества и кибербуллинга остаются наиболее актуальными в молодежной среде. Результаты исследований стали одной из основ как принятых практических мер в сфере профилактики, так проводимой научно-исследовательской работы в сфере изучения цифровой маргинализации [2].

3. Регулярные фокус-групповые исследования среди студенческих групп, позволяющие более точно определить перечень проблем и их проявлений, с которыми сталкивается современная молодежь и которые могут стать катализаторами распространения цифровой маргинализации. Так, в 2025 году проведено 7 фокус-групповых исследований в следующих городах: Ставрополь (Северо-Кавказский федеральный университет), Тверь (Тверской государственный технический университет), Донецк (Донецкая академия управления и государственной службы), Ростов-на-Дону (РГЭУ «РИНХ»), Нижний Новгород (Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова), Волгоград (Волгоградский государственный университет) и Калининград (Балтийский федеральный университет им. Канта). Опрошено 75 человек по следующим темам: «актуальные проблемы», «историческое просвещение», «патриотизм» и «восприятие профилактической работы». Среди основных проблем, которые могут стать катализатором вовлечения в деструктивные явления, в том числе в цифровом пространстве, были обозначены: городские социально-экономические проблемы (неустроенность городской среды и т.д.), миграционная проблематика, сложные межнациональные и межрелигиозные отношения, СВО (в первую очередь, атаки беспилотников) [6].

Таким образом, широкий перечень проблем, с которыми сталкивается современная молодежь, может стать катализатором распространения цифровой маргинализации и вовлечения в деструктивные противоправные явления. Мониторинг настроений в молодежной среде крайне важен для своевременного выявления проблематики, оценки подверженности данным явлениям молодежи, а также для поиска совместных решений в профилактической сфере.

Литература

1. Венцель С.В. Новые медиа как среда распространения политического экстремизма // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Том 12. № 9А. С. 70–74.
2. Куценко М.В., Венцель С.В. Социологическое исследование «Восприятие радикальных идей в молодежной среде России в образовательных организациях высшего образования» // Обзор.НЦПТИ. 2024. № 2 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskoe-issledovanie-vospriyatie-radikalnyh-idey-v-molodezhnoy-srede-rossii-v-obrazovatelnyh-organizatsiyah-vysshego> (дата обращения: 13.04.2025).
3. О работе НЦПТИ в новых регионах // Сообщество «НЦПТИ» в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/@ncpti_rnd-o-rabote-ncpti-v-novyh-regionah (дата обращения: 13.04.2025).
4. Рагунштейн А.Г. Как использовать исторические знания в профилактической работе? // Обзор.НЦПТИ. 2025. № 1 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-ispolzovat-istoricheskie-znaniya-v-profilakticheskoy-rabote> (дата обращения: 13.04.2025).
5. Чурилов С.А., Венцель С.В., Саенко А.В. Исторические нарративы в противодействии украинскому национализму: опыт НЦПТИ // Обзор.НЦПТИ. 2025. № 1 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-narrativy-v-protivodeystvii-ukrainskomu-natsionalizmu-opyt-ntspti> (дата обращения: 13.04.2025).

6. Чурилов С.А., Пименова А.А., Хлыстова Ю.Д., Венцель С.В. Восприятие актуальных проблем российской молодежью: результаты фокус-групповых исследований // Обзор.НЦПТИ. 2025. № 2 (41). Статья находится в печати.

PROBLEMS OF DIGITAL MARGINALIZATION AMONG RUSSIAN YOUTH: THE SOCIOLOGICAL DIMENSION. THE EXPERIENCE OF NCPTI

Churilov S.A.

Research Institute "Specialvuzavtomatika"

This article presents the theoretical and methodological basis for the study of the problems of the spread of digital marginalization of digital marginalization. The author notes an approach to understanding the issue, as well as a list of competencies for maintaining one's own security within the framework of the competent use of modern digital resources. Significant emphasis is placed on the sociological measurement methods implemented by the National Center for Information Counteraction to Terrorism and Extremism in the Educational Environment and the Internet of the federal state autonomous scientific organization «Research Institute "Spetsvuzavtomatika"» as one of the vector centers of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation to assess the prevalence of the issue among Russian youth: online questionnaires, focus group studies, and monitoring preventive measures among young people.

Keywords: digital marginalization, countering terrorism and extremism, preventive work, information and educational activities, information and communication technologies.

References

1. Wenzel S.V. New media as a medium for spreading political extremism // Theories and problems of political research. 2023, vol. 12. No. 9A. pp. 70–74.
2. Kutsenko M.V., Wenzel S.V. A sociological study "The perception of radical ideas among Russian youth in educational institutions of higher education" // Review.NCPTI. 2024. No. 2 (37). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskoe-issledovanie-vozpriyatie-radikalnyh-idey-v-molodezhnoy-srede-rossii-v-obrazovatelnyh-organizatsiyah-vysshego> (Accessed 13 April 2025).
3. About the work of the NCPTI in new regions. Available at: https://vk.com/@ncpti_rnd-o-rabote-ncpti-v-novyh-regionah (Accessed 13 April 2025).
4. Ragunstein A.G. How to use historical knowledge in preventive work? // Review.NCPTI. 2025. No. 1 (40). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-ispolzovat-istoricheskie-znaniya-v-profilakticheskoy-rabote> (Accessed 13 April 2025).
5. Churilov S.A., Wenzel S.V., Sayenko A.V. Historical narratives in countering Ukrainian nationalism: the experience of the National Research and Technology Center // Review.NCPTI. 2025. No. 1 (40). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-narrativy-v-protivodeystvii-ukrainskomu-natsionalizmu-opytnspti> (Accessed 13 April 2025).
6. Churilov S.A., Pimenova A.A., Khlystova Yu.D., Wenzel S.V. Perception of current problems by Russian youth: results of focus group studies // Review.NCPTI. 2025. No. 2 (41). The article is in print.

Наставничество и цифровые треки профессионального роста как инструменты формирования кадрового потенциала молодых преподавателей СПО

Шулов Владимир Иванович,

канд. философских наук, пресс-секретарь, СОНКО «Обрсоюз»
E-mail: shulovv@yandex.ru

Челечева Вера Николаевна,

кандидат филологических наук, ведущий эксперт Центр
экспертиз в образовании, ФГБУ «Российская академия
образования»
E-mail: vera.checheleva@gmail.com

Мартынова Ольга Юрьевна,

кандидат филологических наук, начальник отдела общего
образования, ООО «Альмира»
E-mail: korovinaolga18@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблеме формирования кадрового потенциала молодых преподавателей среднего профессионального образования (СПО) через наставничество и цифровые треки профессионального роста. В условиях кадрового старения образовательной сферы, особенно в условиях военного времени, важность эффективной подготовки новых кадров и их интеграции в образовательный процесс приобретает особое значение. Цель исследования – анализ практик наставничества и внедрение цифровых инструментов для оценки профессионального роста молодых специалистов. В работе рассмотрены методы наставничества, использование цифровых платформ и программ для мониторинга прогресса преподавателей. Результаты исследования показывают, что внедрение таких подходов способствует повышению квалификации молодых педагогов, ускоренному освоению профессиональных навыков и лучшей адаптации к изменениям в образовательной среде. В заключение сделан вывод о необходимости интеграции цифровых решений и наставнических практик для создания устойчивой системы подготовки кадров в СПО.

Ключевые слова: наставничество, цифровые треки, профессиональный рост, кадровый потенциал, молодые преподаватели, среднее профессиональное образование, квалификация, наставнические практики, цифровые инструменты, образовательная среда.

Введение

Современная система среднего профессионального образования (СПО) сталкивается с острым вызовом – кадровым старением. Согласно данным Министерства просвещения Российской Федерации, доля преподавателей СПО в возрасте старше 50 лет составляет более 60% в ряде регионов, тогда как молодые специалисты (до 35 лет) представлены менее чем на 15% [1]. Это обстоятельство обуславливает необходимость переосмысления подходов к управлению кадровым потенциалом, в особенности – в части привлечения, развития и удержания молодых педагогов.

В условиях стремительной цифровизации образования и трансформации профессиональных ролей эффективными инструментами адаптации и развития молодых преподавателей становятся наставничество и цифровые треки профессионального роста. Эти механизмы позволяют выстроить индивидуальные маршруты сопровождения, содействуют формированию профессиональной идентичности, а также способствуют повышению качества преподавания за счёт постоянной обратной связи и оценки динамики компетенций [2].

Опыт субъектов Российской Федерации, реализующих программы наставничества в рамках нацпроекта «Образование», подтверждает их эффективность в снижении текучести кадров и повышении вовлечённости молодых специалистов [3]. Одновременно с этим, всё больше образовательных организаций внедряют цифровые инструменты сопровождения профессионального роста: электронные портфолио, системы компетентностного трекинга, онлайн-аналитику активности преподавателя [4].

Цель данной статьи – рассмотреть наставничество и цифровые треки как взаимодополняющие инструменты формирования кадрового потенциала молодых преподавателей СПО. В рамках исследования будут проанализированы существующие практики, даны рекомендации для образовательных организаций, а также предложены институциональные механизмы интеграции этих подходов в систему СПО.

Обсуждение

Система среднего профессионального образования в России в последние годы сталкивается с системной проблемой – снижением численности молодых преподавателей при общем старении кадрового состава. Это явление обусловлено рядом факторов: недостаточной привлекательностью педагогической профессии, неразвитой системой профессиональной поддержки, низкой заработной платой и ограниченными возможностями карьерного роста.

Согласно данным Аналитического доклада Счётной палаты Российской Федерации, в большинстве субъектов Российской Федерации доля преподавателей старше 50 лет превышает 60%, тогда как специалисты в возрасте до 35 лет составляют лишь 10–15% от общего количества педагогов в СПО [5]. Подобная демографиче-

ская структура представляет угрозу устойчивости и развитию системы, поскольку отсутствует преемственность, сокращается инновационная активность, повышается риск выгорания кадрового ядра.

Кроме того, согласно данным кадрового мониторинга Минпросвещения Российской Федерации, уровень текучести кадров среди молодых преподавателей СПО достигает 25% в течение первых трёх лет после трудоустройства [6]. Основные причины – недостаточная подготовка к преподавательской деятельности, отсутствие системной адаптации и поддержки, а также слабая интеграция в профессиональное сообщество.

В этих условиях молодые преподаватели должны рассматриваться не как дополнительный, а как стратегический ресурс развития СПО, требующий целенаправленного управления. Их потенциал – это не только обновление преподавательского корпуса, но и внедрение новых образовательных подходов, цифровых технологий, проектного и предпринимательского мышления. Однако для раскрытия этого потенциала необходимы условия, такие как наставничество, институциональная поддержка, цифровая инфраструктура и признание значимости молодых специалистов на уровне образовательной политики.

В условиях кадрового старения и высокого уровня оттока молодых специалистов система наставничества становится ключевым инструментом их профессиональной адаптации, социализации и устойчивого развития. Наставничество позволяет выстраивать индивидуальные маршруты вхождения в профессию, формирует чувство причастности и принадлежности к педагогическому сообществу, а также способствует более быстрому освоению методик преподавания и управленческих компетенций.

Современные подходы к наставничеству в системе СПО разнообразны:

- 1) Индивидуальное наставничество. Это классическая модель «наставник–наставляемый», реализуемая через прямую передачу опыта.
- 2) Парное наставничество. Это модель, в которой опытный и молодой педагог совместно работают над проектами, делятся обратной связью.
- 3) Групповое наставничество. Предполагает создание сообществ практики, где один или несколько наставников работают с группой молодых преподавателей.
- 4) Цифровое наставничество. Осуществляется взаимодействие через онлайн-платформы, мессенджеры, системы видеосвязи, в том числе в формате межрегионального обмена.

Особое значение приобретают проверенные временем и эффективно зарекомендовавшие себя практики наставничества. Они не только способствуют более быстрому профессиональному становлению молодых преподавателей, но и формируют устойчивые горизонтальные связи в педагогическом сообществе, обеспечивая преемственность, обмен опытом и поддержку на всех этапах профессионального пути. В ряде субъектов Российской Федерации наставничество стало частью региональных программ развития кадрового потенциала. Так, в Свердловской области реализуется программа сопровождения молодых педагогов, в рамках которой каждому новичку назначается опытный наставник, а ключевые этапы развития фиксируются в электронном журнале [7]. В Челябинской области действует цифровая система «Наставник+», включающая трекер достижений и автоматическую генерацию рекомендаций для наставников. В рамках нацпроекта «Образование» ФГАУ «ФИРО» была разработана методика сопровождения педагогов

в первые три года работы, с фиксацией профессиональных дефицитов и формированием индивидуального плана развития [8].

Исследования показывают, что участие в программах наставничества позволяет:

- снизить уровень профессионального выгорания у молодых преподавателей;
- повысить мотивацию к педагогической деятельности;
- сократить срок адаптации к образовательной среде;
- повысить вовлечённость в профессиональное сообщество [9].

Наставник в этой системе – не просто старший коллега, а фасилитатор развития, носитель профессиональных норм, ценностей и моделей поведения. Это требует от наставников не только высокого уровня профессиональной квалификации, но и владения методиками сопровождения взрослых и элементами коучинга.

В контексте цифровизации образования и повышенного запроса на гибкость и персонализацию профессионального развития особое значение приобретают цифровые треки профессионального роста. Это систематизированные онлайн-инструменты и платформы, позволяющие строить индивидуальные образовательные маршруты, фиксировать достижения, выявлять профессиональные дефициты и получать рекомендации по развитию компетенций [10].

Цифровой трек – это совокупность:

- 1) персонализированной цифровой траектории развития преподавателя;
- 2) набора цифровых инструментов (портфолио, трекары, ИИ-анализаторы);
- 3) рекомендаций по профессиональному обучению;
- 4) метрик оценки прогресса, интегрированных в систему управления образовательной организацией.

Он может включать в себя прохождение онлайн-курсов, участие в вебинарах, выполнение проектных заданий, взаимодействие с наставниками и экспертами, а также регулярную диагностику компетенций.

Одним из ярких примеров служит система «Цифровой след», реализуемая в Москве в рамках эксперимента по цифровой трансформации педагогических кадров. Преподаватели СПО получают доступ к цифровому кабинету, где фиксируются данные об активности, пройденных курсах, участии в проектах и результатах самооценки [11].

В Новосибирской области реализуется проект «Трекер развития молодого педагога», где каждый молодой специалист проходит стартовую диагностику, получает рекомендации и через онлайн-систему отслеживает реализацию индивидуального плана развития, согласованного с руководством и наставником. Интересен также опыт использования ИИ-платформ на базе LMS, которые автоматически анализируют цифровой профиль преподавателя и предлагают наиболее релевантные модули профессионального обучения. Такие системы активно внедряются в сетевых колледжах Санкт-Петербурга и Татарстана.

Преимущества цифровых треков [12]:

- 1) Индивидуализация развития с учётом уровня и целей. Цифровые треки позволяют выстраивать персонализированные маршруты обучения и профессионального развития для каждого преподавателя. Это означает, что программы повышения квалификации, стажировки, менторские сессии и другие мероприятия подбираются в зависимости от текущего уровня компетенций, профессиональных интересов и карьерных целей педагога. Такой подход повышает мотивацию и эффективность обучения, поскольку

ку каждый шаг в треке имеет практическое значение для конкретного человека.

- 2) Прозрачность прогресса и фиксация результатов. Благодаря цифровому формату все достижения, пройденные этапы и приобретённые навыки фиксируются в единой системе. Это позволяет преподавателю видеть свои успехи, а наставнику или куратору – отслеживать динамику развития. Прозрачность усиливает ощущение контроля над собственным профессиональным ростом и помогает вовремя вносить коррективы в индивидуальный план.
- 3) Интеграция с системами управления качеством образования. Цифровые треки легко интегрируются с внутренними системами оценки качества преподавания, включая мониторинг компетенций, результаты обратной связи от студентов, итоги методической и проектной деятельности. Это обеспечивает непрерывную связь между развитием персонала и стратегическими задачами образовательной организации, а также способствует выстраиванию более эффективной кадровой политики.
- 4) Аналитика данных для руководства: позволяет видеть зоны роста, кадровые риски и потенциал. На основе накопленных данных цифровые системы могут формировать отчёты и визуализации, помогающие администраторам и HR-специалистам выявлять сильные и слабые стороны в работе преподавателей, прогнозировать профессиональное выгорание, оценивать кадровые риски (например, возможный отток молодых специалистов), а также формировать кадровый резерв. Это делает процессы управления персоналом более точными и проактивными.

Несмотря на очевидные преимущества, существует ряд вызовов:

- 1) необходимость цифровой грамотности и мотивации как у преподавателей, так и у администраторов;
- 2) недостаток методической базы для корректной интерпретации данных цифровой аналитики;
- 3) фрагментарность решений и отсутствие единой архитектуры цифрового сопровождения в СПО.

Таким образом, цифровые треки при правильной реализации становятся важным элементом институциональной поддержки профессионального роста молодых преподавателей, создавая среду для непрерывного обучения, рефлексии и развития.

Результаты

Для того чтобы практики наставничества и цифровые треки профессионального роста стали устойчивыми элементами системы СПО, требуется их институционализация – встраивание в управленческие, нормативные и кадровые процессы образовательных организаций. Иначе даже лучшие инициативы рискуют остаться разрозненными и не получить системного эффекта.

Многие колледжи и техникумы разрабатывают локальные нормативные акты, регулирующие деятельность наставников, систему адаптации молодых педагогов, механизмы оценки и стимулирования: положение о наставничестве; регламент формирования индивидуального плана профессионального развития (ИППР); процедуры оценки эффективности наставнической поддержки; критерии цифрового прогресса и его фиксации.

Например, в Колледже цифровых технологий Санкт-Петербурга действует комплексный документ «Программа адаптации и наставничества», утверждённый на уровне Ученого совета, с ежегодной актуализацией в зависимости от задач колледжа и данных мониторинга.

Институциональная поддержка включает финансовое и нефинансовое стимулирование наставников и молодых педагогов такие как доплаты за наставническую деятельность, приоритет в аттестации и продвижении, участие в грантах, профессиональных конкурсах, поддержка профессионального развития (например, за счёт бюджета колледжа – курсы повышения квалификации, ИТ-сертификация и т.п.).

Например, в рамках федерального проекта «Профессионалитет» в 2023–2024 гг. были предусмотрены субсидии на поддержку программ наставничества и стажировок для молодых преподавателей [13].

Во многих колледжах создаются позиции кураторов цифрового и кадрового развития – сотрудников, ответственных за координацию работы наставников, сопровождение ИППР, проведение цифровой диагностики, ведение внутренних порталов развития.

В ряде регионов России начинают формироваться экосистемы профессионального роста, объединяющие колледжи, НКО, ИТ-компании, институты развития и органы управления образованием. Например, платформа «Наставничество в действии» (региональный проект в Краснодарском крае) или Центр развития кадрового потенциала СПО в Республике Татарстан [14, 15]. Эти структуры предоставляют методическую и психологическую поддержку, организуют сетевые программы развития и обмена опытом, развивают цифровую аналитику и сопровождение на уровне региона.

Заключение

Проблема кадрового обновления системы среднего профессионального образования сегодня выходит на передний план. В условиях старения педагогических кадров и недостатка мотивации у молодых специалистов к долгосрочной работе в образовании, становится особенно важным создание устойчивой и мотивирующей среды профессионального становления.

В ходе анализа были выделены ключевые инструменты поддержки молодых педагогов:

- 1) наставничество, как форма живой передачи опыта и эмоциональной поддержки;
- 2) цифровые треки развития, как средство индивидуализации, оценки и планирования профессионального пути;
- 3) институциональные механизмы сопровождения, включающие локальные регламенты, систему стимулов и региональные экосистемы.

Синергия этих инструментов способна ускорить адаптацию молодых специалистов, повысить их вовлечённость и профессиональную мотивацию, сократить отток кадров из системы СПО, способствовать формированию нового профессионального сообщества, где наставники и цифровые инструменты работают неразрывно.

Анализ современных практик наставничества и внедрения цифровых треков профессионального роста позволяет выделить ряд направлений, реализация которых может существенно повысить эффективность формирования кадрового потенциала молодых преподавателей СПО. На основе выявленных тенденций, успешных кейсов и системных подходов сформулированы рекомендации, ориентированные как на образовательные организации, так и на региональные и федеральные уровни управления в сфере профессионального образования:

- 1) Укрепить нормативную базу: разработать типовые положения о наставничестве и цифровых треках, с возможностью адаптации под специфику колледжа.

- 2) Создавать цифровые профили развития преподавателей с элементами автоматического анализа прогресса и рекомендаций.
- 3) Формировать региональные центры сопровождения кадрового роста СПО – как точки методической, цифровой и организационной поддержки.
- 4) Внедрять гибкие формы стимулирования наставников и молодых специалистов, включая механизмы карьерного роста, бонусирования и грантовой поддержки.
- 5) Развивать исследовательскую базу, собирая данные об эффективности различных моделей сопровождения и лучших региональных практиках.

Таким образом, только комплексный подход с опорой на институциональные ресурсы, цифровые решения и профессиональное сообщество может обеспечить устойчивое кадровое обновление системы СПО, соответствующее вызовам времени.

Литература

1. Министерство просвещения РФ. Доклад о состоянии системы СПО в РФ. 2023. URL: <https://minobr.gov.ru/reports/spo2023> (дата обращения: 11.02.2025).
2. Андреева Е.В., Рожкова А.Н. Проблемы правового регулирования региональных закупок: теория и практика // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 4.
3. Федеральный оператор нацпроекта «Образование». Наставничество как инструмент кадровой политики. 2022. URL: <https://edu.gov.ru/mentor/> (дата обращения: 11.02.2025).
4. Аналитический центр Москвы. Цифровые инструменты в СПО: обзор решений. URL: <https://ac-mos.ru/price-examination/> (дата обращения: 11.02.2025).
5. Счётная палата Российской Федерации. Аналитический доклад о состоянии и проблемах контрактной системы в субъектах Российской Федерации (по данным за 2023–2024 гг.). URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/analytics/kontrol_zakupki_regions_2024.pdf (дата обращения: 11.02.2025).
6. Министерство просвещения РФ. Мониторинг кадрового состава системы СПО. 2023. URL: <https://minobr.gov.ru/monitoring/spo2023> (дата обращения: 11.02.2025).
7. Плотников В.Д., Сыманюк Н.В. Актуальные вопросы осуществления государственных закупок товаров, работ, услуг в Свердловской области. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43794598> (дата обращения: 11.02.2025).
8. Федеральный институт развития образования (ФИРО). Методические рекомендации по организации наставничества в СПО. 2022. URL: <https://firosystem.ru/mentoring> (дата обращения: 11.02.2025).
9. «Белая книга» проконкурентных региональных практик – 2024 год. ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru> (дата обращения: 11.02.2025).
10. Аналитический центр Москвы. Обзор цифровых решений для сопровождения педагогов СПО. URL: <https://ac-mos.ru/price-examination/> (дата обращения: 11.02.2025).
11. «Цифровой след» – проект цифровой трансформации образования. Портал мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/edtech> (дата обращения: 11.02.2025).
12. Трекер профессионального развития молодых педагогов. Официальный сайт Минобрнауки Новосибирской области. URL: <https://edu54.ru/tracker> (дата обращения: 11.02.2025).
13. Минпросвещения РФ. Отчёт о реализации федерального проекта «Профессионалитет». 2024. URL: <https://edu.gov.ru/professionalitet> (дата обращения: 11.02.2025).
14. Центр развития СПО Республики Татарстан. URL: <https://spocenter.tatar> (дата обращения: 11.02.2025).
15. Программа адаптации и наставничества. Колледж цифровых технологий СПб. URL: <https://cdtcollege.ru/documents/mentoring> (дата обращения: 11.02.2025).

MENTORSHIP AND DIGITAL PROFESSIONAL GROWTH TRACKS AS TOOLS FOR DEVELOPING THE HUMAN RESOURCE POTENTIAL OF YOUNG VOCATIONAL EDUCATION TEACHERS

Shulov V.I., Chelecheva V.N., Martynova O.Yu.

Russian Academy of Education, LLC "Almira", Union of participants in relations in the field of education

This article addresses the pressing issue of developing the human resource potential of young teachers in secondary vocational education (SVE) through mentorship and digital professional growth tracks. Amid an aging workforce in the educational sector—particularly under wartime conditions—the importance of effectively preparing new educators and integrating them into the educational process is becoming increasingly critical. The aim of the study is to analyze mentorship practices and the implementation of digital tools for assessing the professional development of young specialists. The paper explores mentorship methods and the use of digital platforms and programs for monitoring teacher progress. The results demonstrate that such approaches enhance the qualifications of young educators, accelerate their acquisition of professional skills, and improve their adaptation to changes in the educational environment. The study concludes that integrating digital solutions and mentorship practices is essential for creating a sustainable system of human resource development in SVE.

Keywords: mentorship, digital tracks, professional growth, human resources, young teachers, secondary vocational education, qualification, mentorship practices, digital tools, educational environment.

References

1. Ministerstvo prosveshcheniya RF. Doklad o sostoyanii sistemy SPO v RF. 2023. URL: <https://minobr.gov.ru/reports/spo2023> (data obrashcheniya: 11.02.2025).
2. Andreeva E.V., Rozhkova A.N. Problemy pravovogo regulirovaniya regional'nykh zakupok: teoriya i praktika // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. – 2023. – № 4.
3. Federal'nyy operator natsproekta «Obrazovanie». Nastavnichestvo kak instrument kadrovoy politiki. 2022. URL: <https://edu.gov.ru/mentor/> (data obrashcheniya: 11.02.2025).
4. Analiticheskiy tsentr Moskvy. Tsifrovye instrumenty v SPO: obzor resheniy. URL: <https://ac-mos.ru/price-examination/> (data obrashcheniya: 11.02.2025).
5. Schetnaya palata Rossiyskoy Federatsii. Analiticheskiy doklad o sostoyanii i problemakh kontraktnoy sistemy v sub'ektakh Rossiyskoy Federatsii (po dannym za 2023–2024 gg.). URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/analytics/kontrol_zakupki_regions_2024.pdf (data obrashcheniya: 11.02.2025).
6. Ministerstvo prosveshcheniya RF. Monitoring kadrovogo sostava sistemy SPO. 2023. URL: <https://minobr.gov.ru/monitoring/spo2023> (data obrashcheniya: 11.02.2025).
7. Plotnikov V.D., Symanyuk N.V. Aktual'nye voprosy osushchestvleniya gosudarstvennykh zakupok tovarov, rabot, uslug v Sverdlovskoy oblasti. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43794598> (data obrashcheniya: 11.02.2025).
8. Federal'nyy institut razvitiya obrazovaniya (FIRO). Metodicheskie rekomendatsii po organizatsii nastavnichestva v SPO. 2022. URL: <https://firosystem.ru/mentoring> (data obrashcheniya: 11.02.2025).
9. «Belaya kniga» prokonkurentnykh regional'nykh praktik – 2024 god. FAS Rossii. URL: <https://fas.gov.ru> (data obrashcheniya: 11.02.2025).
10. Analiticheskiy tsentr Moskvy. Obzor tsifrovyykh resheniy dlya soprovozhdeniya pedagogov SPO. URL: <https://ac-mos.ru/price-examination/> (data obrashcheniya: 11.02.2025).

11. «Tsifrovoy sled» – proekt tsifrovoy transformatsii obrazovaniya. Portal mera Moskvyy. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/ed-tech> (data obrashcheniya: 11.02.2025).
12. Treker professional'nogo razvitiya molodykh pedagogov. Ofitsial'nyy sayt Minobrnauki Novosibirskoy oblasti. URL: <https://edu54.ru/tracker> (data obrashcheniya: 11.02.2025).
13. Minprosveshcheniya RF. Otchet o realizatsii federal'nogo proekta «Professionalitet». 2024. URL: <https://edu.gov.ru/professionalitet> (data obrashcheniya: 11.02.2025).
14. Tsentr razvitiya SPO Respubliki Tatarstan. URL: <https://spo-center.tatar> (data obrashcheniya: 11.02.2025).
15. Programma adaptatsii i nastavnichestva. Kolledzh tsifrovyykh tekhnologiy SPb. URL: <https://cdtcollege.ru/documents/mentoring> (data obrashcheniya: 11.02.2025).

Мифологическое восприятие кузнечного дела у древних тюрков

Берберова Лиана Бурхановна,

доцент кафедры английского языка и профессиональной
коммуникации ФГОБУ ВО «Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации»

E-mail: berberova.liana @yandex.ru

В публикации изложен материал по влиянию древнего металлургического производства на культуру тюрков. Цель публикации состоит в выявлении особенностей фольклорного восприятия кузнечества древними тюрками, поскольку древняя металлургия неразрывно связана с мифическим образом кузнеца – создателя, преобразовывавшего природную субстанцию в культурное изделие. В мировой мифологической традиции культ кузнеца близко сходится с культами земли и огня. В древности кузнец наряду с гончаром выступал в священной жреческой роли «хозяин огня». При помощи укрощенной огненной стихии и добытой руды кузнец-жрец творил жизненно необходимые изделия, поэтому в глазах архаических сообществ кузнец воспроизводил в своей деятельности образ едва ли не божества. В мире тюрков кузнечное дело также считалось сакральным ремеслом, и занимались им люди, имеющие тайные знания.

Ключевые слова: металл, тюркские народы, кузнецы, мифы, памятники.

Введение (несколько слов о металлургии)

До нашей эры человечество было знакомо с металлами золота, серебра, меди, железа, свинца, ртути и других элементов. Все металлы и их сплавы условно делятся на два типа: черные – железо и его сплавы; цветные – все остальные металлы и их сплавы.

Бронзой называется сплав, состоящий на 85–95% из меди, а остальное олово или мышьяк, при этом в уменьшенном количестве могут присутствовать и другие металлы.

К основным железным сплавам относятся сталь и чугун. Смесь железа и углерода, содержащая до 2,14% углерода, называется сталью. Сталь – основа современных технологий. Чугун также представляет собой сплав железа с углеродом (с несколько большим содержанием углерода) и его производство намного проще и дешевле стали. Сталь в основном изготавливается из чугуна.

Задача металлурга состоит в производстве металлов и их сплавов из руды или другого сырья. Руда – это горная порода, содержащая определенное количество металла.

Уже в IV–III тысячелетиях до н.э. на территориях проживания тюркских народов существовала медно-бронзовая металлургия. Процесс литья бронзы предоставил больше возможностей (в сравнении с каменными орудиями) с точки зрения технических форм, которые можно было создать. Следующим техническим прорывом стало изготовление железных изделий, сопровождавшееся переходом с дров на уголь. Способы производства железа (стали) из руд в «волчьих ямах» и горнах (подобных гончарным горнам), стали первыми в истории человеческой цивилизации. Древние металлурги, по-видимому, «унаследовали технологии от уже освоенного к тому времени производства меди и бронзы с существенными усовершенствованиями, связанными с природными отличиями руд металлов и их поведением в ходе плавки». [1, с. 136].

По данным археологических исследований, ранние сыродутные горны, для добычи из руд железа, появились в начале II тыс. до н.э., однако повсеместное распространение, они получили в V–I вв. до н.э. Древние кузнецы искали руду, добывали металлы и ковали орудия для труда и войны. Жили и работали они, как правило, на окраинах поселений, в стороне от общества. Также, в силу своей профессии, кузнецы часто предлагали разные технические новшества (орудия труда, оружие, украшения и т.п.) либо участвовали в их создании. Данные обстоятельства, естественно, формировали их образ в глазах соплеменников.

Одним из ключевых методов в исследовании истории древних кузнецов и является нахождение и изучение следов их деятельности – плавильных ям и горнов. «Сложность исследования этого типа памятников заключается в том, что их трудно выявить на местности – железоплавильные ямные печи почти не имеют признаков на поверхности». [2, с. 4]. Исследование памятников древней металлургии имеет большое значение для определения характера местного металлургического производства, понимания его роли в социально-экономическом развитии древних этносов [3, с. 48].

Территория расселения тюрков в Центральной Азии и на Кавказе, их предков и потомков была богата залежами руд различных металлов, что способствовало развитию технологии выплавки металла и материалов кузнечного производства. У тюркских умельцев были все условия реализовать себя в ремесле. Таким образом, у древних тюрков имелось качественное оружие, а также трудовые инструменты в большом количестве, что послужило важным фактором их возвышения в Центральной Азии и Европе. В частности военные успехи тюрков в раннем средневековье были бы невозможны без совершенных для того времени средств боя и тяжелых доспехов.

Кузнец глазами древних тюрков

В мифологии саха (якуты), например, известен такой персонаж как «Кудай-Бахсы – злой дух, считающийся покровителем кузнецов. В честь этого демона кузнецы убивают корову красной масти и кровью её обмазывают все свои инструменты и орудия, а сердце и печень её жарят в горне и затем бьют их на наковальне, пока от них ничего не останется» [4, с. 71].

У бурят кузнецы занимали особое положение, были и знахарями, и мудрецами. «Кузнецы с давних времен разделялись на белых (сагаан) и черных (хара), причем белые кузнецы являлись ювелирами-златокузнецами, а черные занимались производством самых важных и необходимых орудий труда из железа, чугуна, цветных металлов и сплавов. Кузнечное искусство считалось почетным занятием, кроме того, божественным даром. Миф о происхождении кузнечного дела имеет различные варианты. По преданию, небожитель – кузнец Божинтой по повелению тенгриев отправил на землю детей, чтобы обучить людей кузнечному делу» [5, с. 269].

Кузнечное дело получило достаточно широкое распространение у тунгусов. «Заметное влияние на систему образов фольклора тунгусо-маньчжуров оказали древние представления о неведомых железных существах в форме птиц и зверей. К ним относятся, в частности, железная птица Кори» [6, с. 421]. В мифологии подобные существа представлены опасными, несущими беды людям. Кузнецы нередко становились центральными фигурами эпоса тунгусов. Так эпический герой Егдыга/Егдига является кузнецом-демиургом. В общем, пример фольклора тунгусских народов показывает, что в «обществе, не имевшем глубоких металлургических традиций, сложилось двойственное восприятие кузнечества и кузнецов. С одной стороны, признавалась несомненная польза их деятельности, с другой сохранялся страх перед их сверхъестественными способностями». [7, с. 249].

Отразилась роль кузнецов и в кавказской культуре. В карачаево-балкарском героическом эпосе нарт по имени Золотой Дебет собирал камни и голыми руками изготавливал орудия труда. Он понимал язык камней и всего, что его окружало. Известен ряд версий его чудесного рождения. «Согласно одному из вариантов сказаний о рождении Золотого Дебета, Бог создал его «из части своего сердца». [8, с. 135]. В песне же «Рождение нартского кузнеца Дебета» он представлен как сын Тейри Неба и Тейри Земли.

Эртте-эртте, дорбунлада тургъанда,
Таш тегене, агъач элек болгъанда,
Кёк Тейрисин Жер Тейрисин алгъанды,
Кёк кюкюреп, бу Жер бууаз болгъанды.
Тогуз жылны, тогуз кюнню бууаз болуп
тургъанды,

Жер жарылып, сора Дебет туугъанды.
Давным-давно, когда (люди) в пещерах обитали,
Когда корыто из камня, (а) сито из дерева было,
Тейри Неба женился на Тейри Земли,
Загрохотало небо – и земля зачала.
Девять лет и девять дней она тяжелой была,
Потом земля разверзлась, и родился Дебет
[9, с. 302].

На любопытную закономерность обратил внимание фольклорист М. Джуртубаев, заметивший, что «согласно героическому эпосу балкарцев и карачаевцев, прародителем народа богатырей нартвов является бог кузнечного дела Дебет» [10, с. 84].

Заключение

Как и у многих других народов Евразии, у древних тюрков, сложилось интересное восприятие кузнецов и кузнечного дела: закрытость этого ремесла, непонимание большинством соплеменников того, что происходит в кузнях, привела к наделению представителей данного ремесла сверхъестественными возможностями и могучими небесными покровителями, «достигают уровня первотворца (кузнеца)» [11, с. 156]. При этом очевидно, что и сами древние металлурги не имели научного объяснения плавки иковки металлических сплавов, но у горнила стояли они. Кузнецы становились героями сказаний, которыми восхищались, и которых побаивались, «действительное и сверхъестественное совмещалось» [12, с. 54].

Литература

1. Черноусов П.И., Мапельман В.М., Голубев О.В. Металлургия железа в истории цивилизации. – М.: МИ-СиС, 2005, 423с.
2. Сунчугашев Я.И. Памятники горного дела и металлургии древней Хакасии. – Абакан: Хакаское кн. изд-во, 1993. – 112 с.
3. Тулуш Д.К. Древняя металлургия Тувы: история исследования и современные перспективы // 2017, Научное обозрение Саяно-Алтая № 1 (17). С. 48–52.
4. Семенов Н.А. Этимология якутского слова кудай: заимствование из персидского языка? 2019, Северо-Восточный гуманитарный вестник, № 3(28). С. 70–76.
5. Банаева В.А. Кузнечные культы в религиозно-мифологических представлениях бурят // 2008, Вестник Бурятского государственного университета, 10, С. 268–273.
6. Нанайский фольклор: Нингман, сиюхор, тэлунгу. Новосибирск: Наука, 1996. 478с.
7. Фетисова Л.Е. Кузнец и атрибуты кузнечного дела в фольклоре тунгусо-маньчжурских народов российского Дальнего Востока / 2022, Научный диалог, Т. 11. № 10. С. 237–253.
8. Хаджиева Т.М. Мотив чудесного рождения в нартском эпосе карачаевцев и балкарцев // 2016, Известия ДГПУ. Т. 10. № 4. С. 134–139.
9. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература». 1994. 656с.
10. Джуртубаев М. Преодоление трагедии: заметки о лирике Кязима Мечиева // Актуальные проблемы литератур Кабардино-Балкарии: сб.ст. Нальчик, 1991. С. 72–85.
11. Кучукова З.А. Актуализация архетипических значений «камня» в карачаево-балкарском фольклоре //

Вестник Калмыцкого Института гуманитарных исследований РАН. 2017. С. 152–161.

12. Берберов Б.А. Образ Кязима Мечиева в исторических преданиях о депортации. // Культурная жизнь Юга России. № 2 (36), 2010. С. 53–56.

MYTHOLOGICAL PERCEPTION OF BLACKSMITHING AMONG THE ANCIENT TURKS

Berberova L.B.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The publication presents material on the influence of ancient metallurgical production on the culture of the Turks. The purpose of the publication is to identify the features of the folklore perception of blacksmithing by the ancient Turks, since ancient metallurgy is inextricably linked with the mythical image of the blacksmith-creator, who transformed a natural substance into a cultural product. In the world mythological tradition, the cult of the blacksmith is closely related to the cults of earth and fire. In ancient times, the blacksmith, along with the potter, acted in the sacred priestly role of «master of fire». With the help of the tamed fire element and the mined ore, the blacksmith-priest created vital products, therefore, in the eyes of archaic communities, the blacksmith reproduced in his activity the image of almost a deity. In the world of the Turks, blacksmithing was also considered a sacred craft, and people with secret knowledge were engaged in it.

Keywords: metal, Turkic peoples, blacksmiths, myths, monuments.

References

1. Chernousov P.I., Mapelman V.M., Golubev O.V. Iron metallurgy in the history of civilization. – M.: MISiS, 2005, 423s.
2. Sunchugashev Ya.I. Monuments of mining and metallurgy of ancient Khakassia. – Abakan: Khakass book publishing house, 1993. – 112s.
3. Tulush D.K. Ancient metallurgy of Tuva: history of research and modern prospects // 2017, Scientific Review of Sayano-Altai No. 1 (17). P. 48–52.
4. Semenov N.A. Etymology of the Yakut word kudai: borrowing from the Persian language? 2019, North-Eastern Humanitarian Bulletin, No. 3 (28). P. 70–76.
5. Banaeva V.A. Blacksmith cults in religious and mythological beliefs of the Buryats // 2008, Bulletin of the Buryat State University, 10, P. 268–273.
6. Nanai folklore: Ningman, siohor, telungu. Novosibirsk: Nauka, 1996. 478s.
7. Fetisova L.E. Blacksmith and attributes of blacksmithing in the folklore of the Tungus-Manchu peoples of the Russian Far East / 2022, Scientific dialogue, Vol. 11. No. 10. P. 237–253.
8. Khadzhieva T.M. The motif of a miraculous birth in the Nart epic of the Karachays and Balkars // 2016, Izvestiya DSPU. T. 10. No. 4. P. 134–139.
9. Narty. Heroic epic of the Balkars and Karachays. – M.: Science. Publishing firm «Eastern Literature». 1994. 656 p.
10. Dzhurtubaev M. Overcoming tragedy: notes on the lyrics of Kyazim Mechiev // Actual problems of the literature of Kabardino-Balkaria: collection of articles. Nalchik, 1991. P. 72–85.
11. Kuchukova Z.A. Actualization of the archetypal meanings of the «stone» in the Karachay-Balkar folklore // Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences. 2017. P. 152–161.
12. Berberov B.A. The image of Kyazim Mechiev in historical legends about deportation. // Cultural life of the South of Russia. No. 2 (36), 2010. P. 53–56.

Содержание профессионально-ценностных ориентаций студентов технических специальностей в системе высшего образования

Владимиров Иван Андреевич,

аспирант, кафедра философии и социального управления,
МГТУ «СТАНКИН»

E-mail: vladim.ivan@mail.ru

Статья посвящена исследованию содержания и структуры профессионально-ценностных ориентаций студентов технических специальностей в современном высшем образовании. Автор рассматривает профессионально-ценностные ориентации как динамичную систему, формирующуюся под воздействием образовательных, социокультурных и личностных факторов, и определяет их ключевую роль в развитии профессионального мировоззрения, моральных установок и профессиональных компетенций студентов. Особое внимание уделяется этапам формирования таких ориентаций: от становления методологической базы через изучение профессиональных дисциплин до интеграции профессиональных и общекультурных ценностей в процессе обучения.

В статье выделено 7 ключевых узкопрофессиональных ценностных ориентаций студентов технических специальностей обучения. Раскрывается специфика формирования каждой из них в образовательной среде вуза и их значение для будущей профессиональной деятельности. Отдельно анализируются так называемые «карьерные якоря», включающие ориентацию на карьерный рост, саморазвитие и умение работать в коллективе, как интегральные ценности, влияющие на адаптацию и успешность в профессиональной среде. Автор подчёркивает, что профессионально-ценностные ориентации студентов строятся на фундаменте базовых жизненных ценностей, формирующихся ещё на этапе социализации в семье и школе. Отмечается, что вся совокупность профессионально-ценностных ориентаций студентов технических направлений образует сложную иерархическую структуру, включающую узкопрофессиональные, карьерные ценности и общие ценности отношения к труду. Такой подход позволяет описать мотивационную и поведенческую основу компетентности будущего специалиста, что особенно актуально в условиях роста конкурентоспособности и профессионализации современного инженерного образования.

Ключевые слова: ценностные ориентации, профессиональные ценности, карьерные ценности, профессионально-ценностные ориентации, система ценностей, технические специальности, профессиональные компетенции.

В современном обществе вопросы выбора профессии, профессионального становления и самоопределения особенно актуальны для молодежи, находящейся на этапе получения высшего образования. В условиях быстро меняющейся экономики, развития технологий и усложнения социальных запросов от молодых специалистов требуется не только наличие фундаментальных знаний и практических навыков, но и сформированная система ценностных ориентиров, определяющих отношение к труду, выбор жизненного и профессионального пути. Именно в этот период у студентов происходит активное осмысление собственных профессиональных интересов, формирование представлений о социальной значимости и личной значимости будущей деятельности.

Одним из значимых этапов профессионального становления является формирование у студентов профессионально-ценностных ориентаций. Они формируют основу для их будущей карьеры, влияя на мотивацию, уровень ответственности, способность к профессиональному развитию и интеграции в коллектив. Профессионально-ценностные ориентации молодежи представляют собой динамичную систему, формирующуюся под влиянием различных образовательных факторов

Высшее образование играет ключевую роль в развитии профессионального мировоззрения, моральных установок и важных качеств, а сама система ценностных ориентаций складывается в результате взаимодействия образовательных, социокультурных и личностных факторов, определяя профессиональный и жизненный путь студента.

Формирование профессионально-ценностных ориентаций проходит в два этапа: сначала создаётся методологическая база при изучении базовых профессиональных дисциплин, где особое внимание уделяется ценностям и их роли в жизнедеятельности, а после уже все дисциплины способствуют дальнейшему укреплению и развитию данных ценностных ориентаций[1].

По мнению Е.Л. Рудневой, профессионально-ценностные ориентации студентов отражают их отношение к общественным и трудовым ценностям, а также к будущей профессии[16]. В студенческие годы формируются основные личностные и профессиональные качества, а также ценности, определяющие успешность и особенности профессиональной деятельности. Данный этап важен для формирования профессионального мировоззрения, специфических навыков и устойчивых профессионально значимых черт, влияющих на самоопределение и дальнейшее самосовершенствование[3].

Согласно исследованию Е.В. Молчанова и Т.В. Корнеева, у студентов преобладают индивидуалистические и прагматические ценности: наибольшее значение имеют автономия и предпринимательство, отражающие стремление к независимости и самореализации. Среднюю важность имеют ориентации на баланс жизни и управление, а наименьший интерес вызывают социальные ценности и стабильность, что указывает на фокус студентов на личных целях и карьере в ущерб общественным интересам[13].

Э.Ф. Зеер выделяет три типа студентов по уровню профессиональной направленности: первый тип – студенты с позитивной профессиональной ориентацией, у которых личные качества и мотивы соответствуют выбранной профессии; второй тип – студенты, не определившиеся с профессиональным выбором, сомневающиеся в правильности специальности, но готовые к компромиссам; третий тип – студенты с негативным отношением к профессии, выбравшие её под влиянием внешних факторов и не связывающие с ней свои главные мотивы[2]. При этом с каждым из данных типов в рамках образовательного процесса ведётся работа по развитию профессионально-ценностных ориентаций.

Кроме этого процесс формирования ценностных ориентиров студентов зависит от их профессиональной направленности, которая определяется их предпочтениями и влияет на содержание обучения.

Профессии типа «человек – техника» по типологии Е.А. Климова[9] связаны с управлением, обслуживанием, ремонтом, программированием и автоматизацией технических устройств, что требует исполнительской дисциплины и выраженной поведенческой направленности. В процессе обучения в технических вузах формируются профессионально-ценностные ориентации, основой которых являются исполнительность, трудолюбие и обучаемость, а также мотивация к получению знаний и развитию долгосрочных профессиональных целей. Гуманитарные дисциплины дополняют этот процесс, развивая ответственность, коммуникабельность, организованность и креативность, а также формируя нравственные ценности и отношение к технике как объекту ответственности.

У студентов технических направлений формируется особый тип мышления, позволяющий творчески решать инженерные задачи. Их профессиональные ценностные ориентации отражают уровень компетентности и выступают внутренней основой профессионализма. Можно сказать, что компетенции являются внешним проявлением профессиональной подготовки, а ценностные ориентации представляют её мотивационную основу, формирующуюся с опытом и определяющая поведение специалиста[18]. В образовательной среде университета как раз через развитие компетенций идёт и формирование профессионально-ценностных ориентаций, которые становятся личным профессиональным ориентиром будущего профессионала.

Рассматривая профессионально-ценностные ориентации в рамках трёхуровневой структуры, стоит обратить внимание именно на узкопрофессиональные ценностные ориентации, связанные со спецификой профессиональной деятельности[4].

Для студентов технических направлений можно выделить 7 ключевых узкопрофессиональных ценностных ориентаций, определяющих их отношение к будущей профессии и связанных с их профессиональными компетенциями.

1. Ориентация на практическое применение знаний выражается в стремлении использовать полученные знания для решения реальных технических задач, участия в проектах, лабораторных работах и стажировках, а также в предпочтении практики теории[6, 14]. Данная ориентация показывает уровень технической направленности студента в будущей профессиональной деятельности.

2. Ориентация на инновации проявляется в интересе к созданию и внедрению новых технических решений, активном участии в научной и проектной деятельности, стремлении к самообразованию и постоянному совершенствованию[5, 12]. Такая ориентация способствует

развитию технического мышления и вовлечённости в технологический прогресс.

3. Профессиональная компетентность основывается на системном мышлении, знании фундаментальных законов и владении современными инструментами. Она формируется как целостный подход к профессиональной деятельности, включает развитие инженерной рефлексии и анализа эффективности своих действий[8, 15]. Тем самым профессиональная компетентность представляет собой не просто отдельные знания, умения, навыки и личностные качества, а комплексную профессионально-ценностную ориентацию.

4. Профессиональная ответственность означает осознанное отношение к обязанностям, понимание последствий решений, соблюдение стандартов качества и безопасности, а также готовность к постоянному развитию[11, 21]. Ответственность является неотъемлемой частью профессиональной культуры технического специалиста и служит основой для формирования других профессионально-ценностных ориентаций.

5. Технологическая грамотность представляет собой глубокое понимание технических процессов и принципов работы систем, умение анализировать и применять технические решения, развитие критического мышления и навыков прогнозирования[10, 19]. Она формирует профессиональное мировоззрение и определяющий подход к будущей профессиональной деятельности.

6. Творческое инженерное мышление характеризуется способностью к анализу, моделированию и созданию новых решений, поиску новизны и критической оценке результата[7, 22]. В рамках неё особую роль играет инженерная рефлексия, контролирующая профессиональную деятельность специалиста в стрессовых условиях. Творческое мышление у технических специалистов способствует эффективному решению сложных инженерных задач и развитию инновационного подхода.

7. Технологическая эстетика объединяет требования эффективности и функциональности с гармонией, качеством исполнения и современными стандартами[20]. Развитие навыков гармоничного сочетания формы и содержания позволяет создать продукты, в которых эстетическая составляющая сочетается с функциональными особенностями продукта[17]. Данная профессионально-ценностная ориентация формирует стремление создавать не только работоспособные, но и эстетически привлекательные технические продукты.

Представленные 7 профессионально-ценностных ориентаций студентов технических специальностей формируют их мотивацию, поведение и готовность к успешной профессиональной деятельности, отражая готовность к решению практических задач и обеспечивая целостность и ответственность будущих специалистов. Их можно назвать узкопрофессиональными ценностными ориентациями, свойственными только для профессий группы «человек-техника».

Кроме этого стоит отметить среди профессионально-ценностных ориентаций и так называем «карьерные якоря», свойственные студентам и профессионалам различных направлений подготовки. Для студентов технических направлений к ним можно отнести следующие:

1. Ориентация на карьерный рост.
2. Саморазвитие и непрерывное обучение.
3. Работа в коллективе и сотрудничество

Они не связаны напрямую с профессиональной деятельностью, однако отражают важные компетенции и ценностные ориентации, которые проявляются вне рамок выполнения основных профессиональных обязан-

ностей. От их зависит успешность адаптации и развития профессионала в рамках рабочего процесса.

И кроме того, в основе различных профессионально-ценностных ориентаций находятся ценности отношения к труду, которые сформировались в подростковом возрасте в школе и семье. К ним относятся стремление к собственному делу, разнообразию задач, удалённой или стабильной работе, восприятие работы как призвания и другие.

В результате все 3 типа ценностных ориентаций формируют единую структур профессионально-ценностные ориентации студентов технических направлений подготовки:

- 7 узкопрофессиональных ценностных ориентаций;
- 3 карьерных ценностных ориентаций («карьерных якоря»);
- Общие ценности отношения к труду и работе.

Тем самым профессионально-ценностные ориентации студентов технических специальностей представляют собой сложную структуру, включающую разные уровни ценностей и установок. Ценностные ориентации студентов технических направлений включают профессиональную компетентность, практическую направленность, ответственность, инновационное и аналитическое мышление, стремление к развитию и комфортным условиям труда, что помогает им соответствовать требованиям профессии и оставаться конкурентоспособными.

Литература

1. Адакин, Е.Е. Формирование жизненных и профессиональных ценностных ориентаций студенческой молодежи / Е.Е. Адакин, Н.Э. Касаткина, Е.Л. Руднева // Ползуновский вестник. – 2004. – № 3. – С. 180–185.
2. Быков, С.В. Проблема мотивации образовательной деятельности студента / С.В. Быков, И.О. Корокошко // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. – 2007. – № 2. – С. 60–65.
3. Васильева, Т.В. Проблема формирования ценностных ориентаций студентов / Т.В. Васильева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 2–2(58). – С. 87–91.
4. Владимиров, И.А. Особенности формирования и структура профессиональных ценностных ориентаций / И.А. Владимиров // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2024. – Т. 13, № 8–1. – С. 43–50.
5. Дворецкий, С.И. Формирование готовности студентов инженерных специальностей к инновационно-проектной деятельности в процессе курсового и дипломного проектирования / С.И. Дворецкий, Е.И. Муратова // Вестник Тамбовского государственного технического университета. – 2003. – Т. 9, № 4. – С. 725–740.
6. Жукова, О.Г. Воспитание студента технического вуза как человека культуры / О.Г. Жукова // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2010. – № 11–1. – С. 284–288.
7. Занфирова, Л.В. Генезис и содержание понятия «техническое мышление» / Л.В. Занфирова, Ю.А. Судник // Вестник Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный агроинженерный университет имени В.П. Горячкина». – 2013. – № 4(60).
8. Иголкина, М.И. Компетентностный подход в целевой подготовке будущих инженеров / М.И. Иголкина // Сибирский педагогический журнал. – 2007. – № 14. – С. 104–116.
9. Климов Е.А. Психология профессионала / Е.А. Климов. – М.: Ин-т практ. Психологии; Воронеж: Модэк, 1996. – 400 с.
10. Константинова, Н.В. Феномен технологической грамотности в контексте научно-педагогических исследований / Н.В. Константинова // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 3(106). – С. 253–258.
11. Лидак, Л.В. Формирование профессиональной ответственности студентов в условиях модернизации высшего профессионального образования / Л.В. Лидак, О.В. Донева // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2013. – № 34. – С. 69–74.
12. Михайлик, С.В. Инновационная деятельность в техническом университете на современном этапе: обзор состояния проблемы и направлений ее возможных решений / С.В. Михайлик // Вестник Херсонского национального технического университета. – 2011. – № 4(43). – С. 171–175.
13. Молчанова, Е.В. Ценностные ориентации студентов как основа духовной культуры молодежи / Е.В. Молчанова, Т.В. Корнеева // Вестник Прикамского социального института. – 2019. – № 1(82). – С. 150–154.
14. Овчинникова, Л.П. Особенности организации проектной деятельности студентов технических вузов в кафедральных научных кружках / Л.П. Овчинникова, В.Н. Михелькевич // Самарский научный вестник. – 2023. – Т. 12, № 2. – С. 301–305.
15. Прачев, Ю.Н. Профессиональная рефлексия инженера в системе педагогических категорий компетентного подхода / Ю.Н. Прачев // Наука и современность. – 2012. – № 15–3. – С. 80–84.
16. Руднева, Е.Л. Теоретические основы формирования жизненных и профессиональных ценностных ориентаций студентов: монография / Е.Л. Руднева; под общ. ред. Б.П. Невзорова. – Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2002. – 302 с.
17. Смирнова, Т.В. Особенности эстетического воспитания студентов инженерных специальностей в процессе изучения основ дизайна / Т.В. Смирнова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). – 2007. – № 3. – С. 81–85.
18. Степанов, С.А. Трансформация ценностных ориентаций студентов как объект социологического исследования / С.А. Степанов // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2021. – № 3. – С. 21–24.
19. Ступина, Е.Е. Общество и технологическая грамотность / Е.Е. Ступина, А.А. Ступин // Технологическое образование и устойчивое развитие региона. – 2011. – Т. 2, № 1–1(6). – С. 147–171.
20. Тимиркаева, А.В. Техническая эстетика в технологии и дизайне / А.В. Тимиркаева, А.Х. Шайхлисламов // StudNet. – 2021. – Т. 4, № 1. – С. 92.
21. Чеканушкина, Е.Н. Социально-экологическая ответственность – важнейший компонент профессионально значимых качеств технического специалиста / Е.Н. Чеканушкина, В.Н. Михелькевич // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. – 2020. – № 4. – С. 118–129.
22. Шитов, С.Б. Аспекты становления творческой личности инженера: социально-философский взгляд / С.Б. Шитов // Система ценностей современного общества. – 2011. – № 20. – С. 313–317.

THE STRUCTURE OF PROFESSIONAL AND VALUE ORIENTATIONS OF TECHNICAL STUDENTS IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM

Vladimirov I.A.

Moscow State Technological University

The article is devoted to the study of the content and structure of professional and value orientations of technical students in modern higher education. The author considers professional and value orientations as a dynamic system formed under the influence of educational, socio-cultural and personal factors, and defines their key role in the development of professional worldview, moral attitudes and professional competencies of students. Special attention is paid to the stages of formation of such orientations: from the formation of a methodological base through the study of professional disciplines to the integration of professional and general cultural values in the learning process.

The article identifies 7 key highly professional value orientations of students of technical specialties. The article reveals the specifics of the formation of each of them in the educational environment of the university and their importance for future professional activity. The so-called "career anchors" are analyzed separately, including orientation towards career growth, self-development and the ability to work in a team as integral values that influence adaptation and success in a professional environment. The author emphasizes that students' professional and value orientations are based on the foundation of basic life values that are formed at the stage of socialization in the family and school.

It is noted that the whole set of professional and value orientations of technical students forms a complex hierarchical structure, including highly professional, career values and general values of attitude to work. This approach makes it possible to describe the motivational and behavioral basis of the competence of a future specialist, which is especially important in the context of increasing competitiveness and professionalization of modern engineering education.

Keywords: value orientations, professional values, career values, professional value orientations, value system, technical specialties, professional competencies.

References

- Adakin, E.E. The formation of life and professional value orientations of students / E.E. Adakin, N.E. Kasatkina, E.L. Rudneva // *Polzunovsky bulletin*. – 2004. – № 3. – pp. 180–185.
- Bykov, S.V. The problem of motivation of student's educational activity / S.V. Bykov, I.O. Korokoshko // *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Psychology*. – 2007. – No. 2. – pp. 60–65.
- Vasilyeva, T.V. The problem of formation of students' value orientations / T.V. Vasilyeva // *Bulletin of Kemerovo State University*. – 2014. – № 2–2(58). – Pp. 87–91.
- Vladimirov, I.A. Features of the formation and structure of professional value orientations / I.A. Vladimirov // *Context and reflection: philosophy of the world and man*. – 2024. – Vol. 13, No. 8–1. – pp. 43–50.
- Dvoretzky, S.I. Formation of readiness of engineering students for innovation and design activities in the process of course and diploma design / S.I. Dvoretzky, E.I. Muratova // *Bulletin of Tambov State Technical University*. – 2003. – Vol. 9, No. 4. – pp. 725–740.
- Zhukova, O.G. Education of a technical university student as a cultural person / O.G. Zhukova // *Psychology and pedagogy: methodology and problems of practical application*. – 2010. No. 11–1. pp. 284–288.
- Zanfirova, L.V. The genesis and content of the concept of "technical thinking" / L.V. Zanfirova, Yu.A. Sudnik // *Bulletin of the Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "Goryachkin Moscow State Agroengineering University"*. – 2013. – № 4(60).
- Igolkina, M.I. Competence approach in the targeted training of future engineers / M.I. Igolkina // *Siberian Pedagogical Journal*. – 2007. – № 14. – pp. 104–116.
- Klimov E.A. Psychology of a professional / E.A. Klimov. – M.: In-t prakt. Psychology; Voronezh: Modek, 1996. – 400 p.
- Konstantinova, N.V. The phenomenon of technological literacy in the context of scientific and pedagogical research / N.V. Konstantinova // *The world of science, culture, and education*. – 2024. – № 3(106). – Pp. 253–258.
- Lidak, L.V. Formation of professional responsibility of students in the context of modernization of higher professional education / L.V. Lidak, O.V. Doneva // *Psychology and pedagogy: methodology and problems of practical application*. 2013. No. 34. pp. 69–74.
- Mikhaylik, S.V. Innovation activity at a technical university at the present stage: an overview of the problem status and directions of its possible solutions / S.V. Mikhaylik // *Bulletin of the Kherson National Technical University*. – 2011. – № 4(43). – Pp. 171–175.
- Molchanova, E.V. Students' value orientations as the basis of the spiritual culture of youth / E.V. Molchanova, T.V. Korneeva // *Bulletin of the Prikamsky Social Institute*. – 2019. – № 1(82). – Pp. 150–154.
- Ovchinnikova, L.P. Features of the organization of project activities of students of technical universities in cathedral scientific circles / L.P. Ovchinnikova, V.N. Mikhelkevich // *Samara Scientific Bulletin*. – 2023. – Vol. 12, No. 2. – pp. 301–305.
- Launiav, Yu.N. Professional reflection of an engineer in the system of pedagogical categories of a competent approach / Yu.N. Launiav // *Science and modernity*. – 2012. – № 15–3. – pp. 80–84.
- Rudneva, E.L. Theoretical foundations of the formation of life and professional value orientations of students: a monograph / E.L. Rudneva; under the general editorship of B.P. Nevzorov. Kemerovo: KRIPKiPRO Publishing House, 2002. 302 p.
- Smirnova, T.V. Features of aesthetic education of engineering students in the process of learning the basics of design / T.V. Smirnova // *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Bulletin of KSPU)*. – 2007. – No. 3. – pp. 81–85.
- Stepanov, S.A. Transformation of students' value orientations as an object of sociological research / S.A. Stepanov // *Telescope: Journal of Sociological and Marketing research*. – 2021. – No. 3. – pp. 21–24.
- Stupina, E.E. Society and technological literacy / E.E. Stupina, A.A. Stupin // *Technological education and sustainable development of the region*. – 2011. – Vol. 2, No. 1–1(6). – pp. 147–171.
- Timirkaeva, A.V. Technical aesthetics in technology and design / A.V. Timirkaeva, A.H. Shaikhislamov // *StudNet*. – 2021. – Vol. 4, No. 1. – p. 92.
- Chekanushkina, E.N. Socio-ecological responsibility is the most important component of professionally significant qualities of a technical specialist / E.N. Chekanushkina, V.N. Mikhelkevich // *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Pedagogy*. 2020. No. 4. pp. 118–129.
- Shitov, S.B. Aspects of the formation of the creative personality of an engineer: a socio-philosophical view / S.B. Shitov // *Value system of modern society*. – 2011. – No. 20. – pp. 313–317.

Понятие, сущность, типология и формы политического насилия

Выскребцов Руслан Юрьевич,

соискатель, ФГКВООУ ВО «Военный университет имени князя
Александра Невского» Министерства обороны Российской
Федерации

E-mail: vyskrebtsov _science@mail.ru

В статье рассматриваются основные аспекты политического насилия, включая его понятие, сущность, типологию и формы. Автор анализирует различные подходы к определению политического насилия и его роли в политической жизни общества. Особое внимание уделяется классификации типов и форм политического насилия, что позволяет глубже понять механизмы его функционирования и последствия для политической стабильности. Констатируется, что динамика политического насилия во многом зависит от общественного восприятия и этнокультурных особенностей.

Ключевые слова: классификация, общество, определение, политическое насилие, роль, стабильность, сущность, типология, функции, формы.

Политическое насилие является одним из наиболее сложных и противоречивых явлений в политической жизни общества. Оно вызывает многочисленные дискуссии и споры среди философов, политологов, социологов и юристов.

Политическое насилие – одно из фундаментальных явлений в истории человечества, которое сопровождает развитие государств, социальных институтов и политических систем [17]. В разные исторические периоды оно принимало различные формы: от государственных репрессий и революционных восстаний до террористических актов и локальных вооружённых конфликтов. Несмотря на прогресс в области демократизации, защиты прав человека и международных норм, политическое насилие остаётся неотъемлемой частью политической жизни современного мира.

Сам термин «насилие» традиционно ассоциируется с применением физической силы, подавлением воли и ограничением свобод. Однако в контексте политической сферы он приобретает более сложное и многомерное значение. Политическое насилие выходит за рамки чисто физического воздействия: оно может выражаться в форме давления на общественное сознание, манипуляции информацией, экономического угнетения или институционального подавления определённых социальных групп. В этом смысле насилие становится не только инструментом власти, но и средством сопротивления, способом борьбы за изменение общественно-политического устройства.

Политическое насилие может проявляться как на уровне отдельных государств, так и в международных отношениях. Внутри страны оно может принимать форму репрессий со стороны власти, направленных на подавление оппозиции, или, напротив, выражаться в революционных и протестных движениях. В международной политике насилие реализуется через военные конфликты, террористические акты и экономические санкции.

В современном мире политическое насилие принимает всё более сложные формы. Развитие информационных технологий и социальных сетей привело к возникновению нового вида насилия – символического и информационного, когда политические лидеры и группы влияния манипулируют массовым сознанием, создавая напряжённость в обществе и провоцируя конфликты. Кибератаки, информационные войны и распространение дезинформации стали неотъемлемыми инструментами политического воздействия, позволяя государствам и негосударственным акторам добиваться своих целей без прямого применения физической силы.

Существует множество определений понятия «политическое насилие». Некоторые авторы рассматривают его как любое применение силы или угрозы её применения в политических целях. Другие считают, что политическое насилие должно быть направлено против государства или его представителей [3]. Третьи полагают, что политическое насилие может быть использовано для защиты интересов определённых групп населения [2].

Мы будем рассматривать **политическое насилие** как использование силы или угрозы её применения для достижения или удержания политической власти. Это определение включает в себя широкий спектр действий, от военных конфликтов и террористических актов до политических репрессий и цензуры.

Сущность политического насилия заключается в его использовании как инструмента для достижения политических целей. Политическое насилие может быть направлено против отдельных лиц, групп или институтов, которые рассматриваются как препятствия на пути к достижению этих целей.

Политическое насилие имеет ряд особенностей, которые отличают его от других видов насилия. *Во-первых*, оно всегда имеет политическую мотивацию. *Во-вторых*, оно направлено на достижение политических целей. *В-третьих*, оно может иметь различные формы и проявления.

Одной из основных функций политического насилия является *устрашение*. Политическое насилие используется для запугивания оппонентов и принуждения их к подчинению [20].

Другой функцией политического насилия является *подавление*. Политическое насилие используется для подавления оппозиции и предотвращения её деятельности.

Ещё одной функцией политического насилия является *мобилизация*. Политическое насилие может использоваться для мобилизации сторонников и привлечения их на свою сторону [9].

Наконец, политическое насилие может служить *средством легитимации власти* [8]. Политическое насилие, направленное против оппозиции, может рассматриваться как доказательство легитимности существующего режима.

Изучение политического насилия это сложный и многогранный процесс, который нельзя свести к единой теории или определению. Изучение данного феномена требует междисциплинарного подхода и комплексного анализа.

Для того чтобы лучше понять феномен политического насилия, нам необходимо разобраться в его типологии и классификации.

В литературных источниках политическое насилие разделяют на 4 категории по субъекту применения: государственное насилие; террористическое насилие; революционное насилие; криминальное насилие.

Государственное насилие определяется, как применение силы со стороны государства с помощью его представителей, таких как армия, полиция или спецслужбы, для контроля общества, достижения политических целей и подавления оппозиции. Также в государственном насилии можно выделить отдельные категории – *легитимное насилие* [7], которое осуществляется в рамках действующего законодательства этой страны и *нелегитимное*, которое противоречит закону или нарушает права человека [6].

Вопрос легитимности насилия требует детального рассмотрения, поскольку полностью искоренить его невозможно, и в определённых случаях оно играет важную роль в функционировании государства и общества. Насилие не всегда несёт исключительно разрушительный характер – оно может быть средством обеспечения внутреннего порядка, защиты граждан от преступности и предотвращения внешних угроз. Однако его применение должно оставаться в рамках закона и подчиняться принципу разумной необходимости.

Государство обладает монополией на законное насилие, но эта власть не должна становиться инструментом произвола. Когда государственные структуры превышают свои полномочия, применяя насилие для подавления инакомыслия, ущемления прав граждан или манипуляции общественным мнением, его легитимность теряет- ся. В таких случаях репрессивные меры воспринимают-

ся не как защита общества, а как угроза его свободе и безопасности.

Подрыв верховенства закона и чрезмерное применение насилия могут привести к негативным последствиям как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Доверие граждан к государству снижается, нарастают протестные настроения, общество поляризуется, а политическая стабильность оказывается под угрозой. В крайних случаях это может привести к массовым волнениям, кризису власти и даже смене политического режима.

Проявление государственного насилия напрямую отражается на гражданах государства – у них теряется доверие к государству и власти, они страдают не только физически, но и психологически, а, как известно некоторые психологические травмы имеют значительно более долгосрочные последствия, нежели физические, так как государственное насилие в большинстве своем сопровождается нарушением прав человека и нарушает свободу граждан, а грань между легитимным и нелегитимным насилием является очень тонкой.

Таким образом, баланс между необходимостью применения силы и соблюдением демократических принципов играет ключевую роль в поддержании устойчивого и справедливого общества. Насилие может быть легитимным только тогда, когда оно оправдано законом, служит интересам общества и не нарушает фундаментальные права человека.

Также рассмотрим *террористическое насилие*, которое определяется как угроза, либо нанесение ущерба негосударственными субъектами с целью достижения политических, идеологических и религиозных целей. Террористическое насилие в первую очередь направлено на создание атмосферы страха внутри государства и, как один из факторов, психологически воздействовать на общество [4; 16].

Методы террористов разнообразны, например стрельба в местах массового скопления людей, использование взрывных устройств в общественных местах, угоны общественного транспорта и т.п. [13]

Террористическое насилие несёт страх и неуверенность, нарушает социальную и экономическую жизнь и может привести к политической нестабильности [15].

Революционное насилие – это применение силы с целью кардинального изменения политической, социальной или экономической системы. Оно может проявляться в форме восстаний, террористических актов, вооружённой борьбы или других форм принуждения, направленных на свержение существующего режима. Субъектами революционного насилия являются политические группы, которые стремятся к радикальным политическим изменениям, а само насилие направленно как против государства, так и против отдельных слоев общества, которые в свою очередь могут препятствовать достижению их целей [11].

Данный тип насилия осуществляется группами лиц, недовольными политической обстановкой и стремящимися к коренному изменению устоявшихся норм, правил и законов [1]. Данная группа добивается своих целей путем значительных человеческих жертв, разрушений и созданию нестабильности внутри государства [5].

Важно отметить, что не всегда революционные группы используют силовые методы воздействия, так же их действия могут проявляться в мирных протестах [14].

Является ли революционное насилие оправданным, сложный вопрос, не имеющий однозначного ответа. Некоторые ученые считают, что насилие никогда не может быть оправдано, в то время как другие полагают, что оно может быть необходимым для достижения справедливых политических целей [18].

Еще одной категорией политического насилия по субъекту применения является *криминальное насилие*, которое применяет силу для получения личной выгоды или государственной власти [10]. Этот вид насилия направлен на личную выгоду, но может использоваться из политических мотивов [21]. К криминальному насилию могут прибегать политические группы с целью финансирования своей деятельности, а также для контроля территорий, что в последствии используется как фактор влияния на государство [12]. Таких примеров достаточно в истории России 90-ых гг. XX века.

Говоря о политическом насилии, важно понимать, что динамика политического насилия во многом зависит от общественного восприятия и этнокультурных особенностей. То, что одна группа рассматривает как норму, другая может воспринимать как акт политического насилия, форму протеста или самообороны [19]. Например, разгон мирного митинга может казаться гражданам неоправданным применением силы, в то время как правоохранительные органы и государство рассматривают его как необходимую меру для поддержания общественного порядка и стабильности. На формирование такого восприятия напрямую влияют идеология и пропаганда, которые определяют отношение общества к тем или иным событиям. Политические деятели и лидеры общественного мнения могут манипулировать информацией, представляя те или иные события в выгодном для себя свете. Они способны как оправдывать применение насилия, находя для него различные обоснования, так и осуждать его, формируя негативное отношение у общества. Такие процессы могут привести как к эскалации конфликта, так и, наоборот, к его деэскалации. Чтобы снизить влияние деструктивных факторов, необходимо развивать у граждан критическое мышление, позволяющее им самостоятельно анализировать информацию и не поддаваться на манипуляции и пропаганду со стороны различных заинтересованных сторон.

Литература

- Бляхер Л.Е., Говорухин Г.Э. Революция как блуждающая метафора: семантика и прагматика революционного карнавала // Полис. Политические исследования. 2006. № 5. – С. 58–74.
- Галтунг Д. Культурное насилие // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения / Вып. 8. – М. 1995. – С. 34–38.
- Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.
- Грачев С.И. Терроризм и контртеррористическая деятельность: вопросы теории. – Нижний Новгород, 2010. – С. 11–12.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В. О дефинициях революционных событий и их типологии // Эволюция: О трендах Универсальной эволюции. 2021. – С. 164–181.
- Дементьев А.П. Репрессивная политика «первой советской власти» в Енисейской губернии // Сибирская ссылка. 2019. – С. 319–329.
- Дзлиев М.И., Киреев М.П. Государственный террор // Стратегические приоритеты. 2019. № 3–4. – С. 55–64.
- Драгель Л.В. Легитимация и насилие // Философия и культура. 2017. № 6. – С. 83.
- Залысин И.Ю. Эффективность насилия как политического средства // Социально-политические науки. 2015. № 3. – С. 34.
- Коваленко В.И. Сущность криминальной эксплуатации человека как криминологического явления // Юрист-Правовед. 2015. № 6 (73). – С. 46–51.
- Кулакова Н.Н. О методологических подходах к исследованию революций // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2018. Т. 9. № 2 (19). – С. 41–45.
- Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции: монография / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2021. – 912 с.
- Мороз Р.И. Терроризм как форма политического экстремизма: тенденции развития в 1990–2004 году: дис. ... канд. полит. наук [МГУ им. МВ Ломоносова]. – М.: 2004. – 175 с.
- Наумов А.О. Мягкая сила и цветные революции // Российский журнал правовых исследований. 2016. Т. 3. № 1. – С. 73–86.
- Пинчук А.Ю. Терророгенная угроза современному миропорядку в контексте управляемости и противодействия. – Казань: ООО «Бук», 2018. – 102 с.
- Рыжов В.Б. Международная преступность: понятие, доктринальное и правовое обоснование методов противодействия ей на современном этапе // Обращение и право. 2018. № 4. – С. 183–192.
- Рыжов В.Б. Оппозиция «свой-чужой» в культуре Древней Руси // Дипломатический вестник. Право, экономика, политика. 2024. № 4 (27). – С. 66–75.
- Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм. Социально-психологический анализ. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – 240 с.
- Уткин А.И. Векторы глобальных перемен: анализ и оценки основных факторов мирового политического развития // Полис. Политические исследования. 2000. № 1. – С. 38–54.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр.; под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
- Яхонтова О.С., Яхонтов Р.Н., Павлик Е.М. Криминологическая характеристика личности террориста // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. – С. 292–297.

CONCEPT, ESSENCE, TYPOLOGY AND FORMS OF POLITICAL VIOLENCE

Vyskrebtsov R.Yu.

Military University named after Prince Alexander Nevsky

The article examines the main aspects of political violence, including its concept, essence, typology and forms. The author analyzes various approaches to the definition of political violence and its role in the political life of society. Special attention is paid to the classification of types and forms of political violence, which allows for a deeper understanding of the mechanisms of its functioning and the consequences for political stability. It is stated that the dynamics of political violence largely depend on public perception and ethno-cultural characteristics.

Keywords: classification, society, definition, political violence, role, stability, essence, typology, functions, forms.

References

- Blakher L.E., Govorukhin G.E. Revolution as a wandering metaphor: semantics and pragmatics of the revolutionary carnival // Polis. Political studies. 2006. No. 5. – P. 58–74.
- Galtung D. Cultural violence // Social conflicts: examination, forecasting, resolution technologies / Issue 8. – Moscow, 1995. – P. 34–38.
- Garr T.R. Why people rebel / trans. from English. – St. Petersburg: Piter, 2005. – 461 p.
- Grachev S.I. Terrorism and counter-terrorism activities: theoretical issues. – Nizhny Novgorod, 2010. – P. 11–12.

5. Grinin L.E., Korotaev A.V. On the definitions of revolutionary events and their typology // *Evolution: On the trends of Universal evolution*. 2021. – P. 164–181.
6. Dementyev A.P. Repressive policy of the “first Soviet power” in the Yenisei province // *Siberian link*. 2019. – P. 319–329.
7. Dzljev M.I., Kireev M.P. State terror // *Strategic priorities*. 2019. No. 3–4. – P. 55–64.
8. Dragel L.V. Legitimation and violence // *Philosophy and culture*. 2017. No. 6. – P. 83.
9. Zalyzin I. Yu. The Effectiveness of Violence as a Political Means // *Social and Political Sciences*. 2015. No. 3. – P. 34.
10. Kovalenko V.I. The Essence of Criminal Exploitation of Man as a Criminological Phenomenon // *Jurist-Pravoved*. 2015. No. 6 (73). – P. 46–51.
11. Kulakova N.N. On Methodological Approaches to the Study of Revolutions // *Bulletin of the University of World Civilizations*. 2018. Vol. 9. No. 2 (19). – P. 41–45.
12. Luneev V.V. *Crime in the 20th Century: Global, Regional, and Russian Trends: Monograph / 2nd ed., revised and enlarged*. – M.: Norma, 2021. – 912 p.
13. Moroz R.I. Terrorism as a form of political extremism: development trends in 1990–2004: dis. ... candidate of political sciences [Lomonosov Moscow State University]. – M.: 2004. – 175 p.
14. Naumov A.O. Soft power and color revolutions // *Russian journal of legal studies*. 2016. Vol. 3. No. 1. – P. 73–86.
15. Pinchuk A. Yu. Terrorist threat to the modern world order in the context of controllability and counteraction. – Kazan: OOO “Buk”, 2018. – 102 p.
16. Ryzhov V.B. International crime: concept, doctrinal and legal justification of methods of counteracting it at the present stage // *Education and Law*. 2018. No. 4. – P. 183–192.
17. Ryzhov V.B. The opposition “friend or foe” in the culture of Ancient Rus // *Diplomatic Bulletin. Law, Economics, Politics*. 2024. No. 4 (27). – P. 66–75.
18. Sosnin V.A., Nestik T.A. Modern terrorism. Social and psychological analysis. – M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2008. – 240 p.
19. Utkin A.I. Vectors of global changes: analysis and assessment of the main factors of world political development // *Polis. Political studies*. 2000. No. 1. – P. 38–54.
20. Foucault M. *Supervise and Punish. The Birth of Prison* / trans. from French; ed. I. Borisova. – M.: Ad Marginem, 1999. – 480 p.
21. Yakhontova O.S., Yakhontov R.N., Pavlik E.M. Criminological characteristics of the terrorist’s personality // *Public service and personnel*. 2021. No. 4. – P. 292–297.

Лингвокоммуникативный аспект бытия общества как условие сохранения мира и устойчивого развития

Горскина Наталья Николаевна,

старший преподаватель, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова; аспирант, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени М. Туган-Барановского
E-mail: natalia.gorskina@gmail.com

В статье представлен анализ лингвокоммуникативных аспектов общественного бытия в контексте устойчивого развития общества, сохранения мира, языка и культуры. Рассмотрено понятие концепции устойчивого развития, выявлена роль и значение экологии культуры и лингвозкологии, раскрыты лингвокоммуникативные характеристики глобализации. Результаты исследования показали, что современный кризис культуры связан с несостоятельностью ценностей постмодернизма. Выявлена необходимость создания экологически ориентированной аксиологической картины мира. Определено, что основными препятствиями на пути реализации эффективной межкультурной коммуникации выступают лингвистические барьеры, лингвокоммуникативные практики массовой культуры, которая носит наднациональный глобальный характер и потенциально конфликтные формы проявления. Для устойчивого развития общества, сохранения культурного и языкового многообразия необходим лингвофилософский анализ современных коммуникационных процессов.

Ключевые слова: культура, общество, экология, межкультурный диалог, язык, коммуникация.

Введение

С конца XX начала XXI века современное общество переживает многогранный и глубокий кризис, затрагивающий практически все сферы жизни – от экономики и политики до экологии, морали и духовности. Для преодоления кризиса требуются изменения ценностно-мировоззренческих, экономических, информационно-технологических основ социального и культурного развития. Необходимо «выявить существующие лингвистические барьеры глобализации, препятствующие движению идей, знаний, конвергенции ценностей» [2, с. 4]. Современный мир характеризуется динамичностью, противоречивостью и неоднозначностью, что в условиях высокого уровня развития информационных технологий и больших объемов информации ставит под сомнение традиционные механизмы реализации идей устойчивого развития в контексте триады «экономика – природа – общество» [3]. В современных условиях проблема устойчивого развития должна решаться как комплексная, интегрированная задача, требующая баланса между ключевыми составляющими: экономикой, природой, обществом, культурой, также принимая во внимание лингвокоммуникативные аспекты бытия как условия межкультурного диалога и сохранения мира.

Целью исследования является изучение лингвокоммуникативных аспектов устойчивого развития общества и сохранения мира в контексте проблем социальной экологии, языка и культуры. Задачи исследования:

- раскрыть сущность концепции устойчивого развития общества в современном глобальном мире с позиции взаимосвязи экологии языка и культуры;
- выявить роль и значение экологии культуры и языка в развитии современного общества;
- раскрыть лингвокоммуникативные аспекты устойчивого развития общества и сохранения мира в условиях глобализации.

В качестве метода выступает теоретический анализ научных источников по проблеме исследования: анализ, сравнение, обобщение.

Результаты и обсуждение

Вопросы устойчивого развития общества и сохранения мира сегодня необходимо осмысливать в контексте проблем социальной экологии, языка и культуры. Прежде всего необходимо раскрыть сущность концепции устойчивого развития общества в современном глобальном мире.

В концепции устойчивого развития, принятой конференцией ООН по «Окружающей среде и развитию» в 1992 году в Рио-де-Жанейро, получившей свое развитие в 2002 году на Саммите ООН в Йоханнесбурге и в 2012 году на юбилейной конференции ООН сформированы ценностные ориентиры нового глобального общества. Сутью концепции устойчивого развития общества, в основе которого лежат взаимосвязи социокультурного, социально-экономического и экологического развития, согласно Н.М. Мамедову, заключается в том, что «каждое поколение людей должно жить и удовлетворять свои потребности таким образом, чтобы не наруша-

лись меры природных, биосферных процессов, не ставились под угрозу предпосылки и условия жизни будущих поколений» [4]. В условиях глобальной информатизации современного общества в решении проблем перехода общества к устойчивому развитию и сохранению мира «все большую значимость приобретает информационный аспект, коммуникативные вопросы, передача из поколения в поколение высоких гуманистических и экологических ценностей» [2, с. 3]. Реализация концепции устойчивого развития, как пишет М.Е. Кадомцева, «требует сочетания сбалансированной политики и признания общих принципов устойчивого развития в системе национальных приоритетов» [3, с. 181]. Меняются ведущие детерминанты устойчивого развития общества, что связано с переосмыслением целей и формированием новой системы ценностей и институтов, в контексте которых важными становятся обеспечение экологической устойчивости и формирование глобального партнерства в интересах устойчивого развития общества и сохранения мира [3].

На современном этапе вопросы интеграции различных культур и формирования глобальной культуры, вопросы устойчивого развития общества и сохранения мира решаются в контексте проблем экологии языка и культуры. Культура, по мнению Н.М. Мамедова, есть «синкретичное понятие, отражающее квинтэссенцию эпохи, основополагающие черты материальной и духовной жизни общества» [4]. В эпоху цифровой глобализации, связанной с интенсивным развитием средств информатизации и коммуникации, происходит взаимодействие различных культур, в котором важное значение имеет межкультурный диалог в постижении национальных культур, составляющий основу «экологического мировоззрения и основную ось культуры устойчивого развития» [4]. Становление культуры устойчивого развития, как отмечает Н.М. Мамедов, «предполагает необходимое многогранное движение современного общества по пути модернизации его материальных и духовных сфер на основе индикаторов устойчивого развития» [4], в котором важную роль играют индикаторы, связанные с культурой и языком.

В этой связи внимания заслуживают вопросы о роли и значении культуры и лингвоэкологии в развитии современного общества. К настоящему времени в научном знании создано значительное количество концепций экологии культуры и языка, доминирующими из которых являются концепции, отражающие современный антропоцентризм, который отходит от абсолютного господства человека над природой, учитывая пределы человеческих возможностей и ответственность человека перед будущими поколениями. Экология культуры, по мнению Е.А. Ставицкой, определяется «как область знания, изучающая историю взаимоотношений биосферы и антропогенной материально-духовной сферы, и дающая возможность прогнозирования этих отношений с учетом примата ценностных систем различных цивилизаций» [7, с. 10]. Экология культуры как система культурных ценностей «является условием формирования этических, национальных и личностных концептов, необходимых «для гармоничного дополнения естественнонаучной картины мира» [7, с. 10]. Современный экологический кризис культуры как отмечает С.О. Петров, это «кризис избыточного потребления западной культурой всех известных культурных ресурсов... кризис технологий ее самотворчества... кризис тяжелого загрязнения всех остальных культур человечества ее ценностными отходами» [5, с. 202–203]. Как пишет С.О. Петров, «если культура в своей внутренней организации отчасти подобна биосфере, то и преодолеваемые ею в своем

собственном развитии кризисы могут быть описаны как экологические» [5, с. 200]. Исследования показывают не состоятельность ценностей постмодернизма, в настоящее время актуальна необходимость «создания новой экологически ориентированной аксиологической системы» [7, с. 17].

Н.И. Пушина отмечает «человек ... познает мир через осознание себя в этом мире, а язык выступает в качестве главной конституирующей характеристикой человека мыслящего, человека говорящего, человека, творящего реальность» [6, с. 771]. Язык как инструмент культуры и познания, как инструмент отражения картины мира, играет ведущую роль в жизни общества, «формирует коллективное и индивидуальное сознание, является проводником в аккумуляции этнических установок, стереотипов мышления» [2, с. 4]. Разнообразие национальных языков обуславливает сосуществование отличных друг от друга картин мира, но в условиях глобализации общественного бытия формируется наднациональный язык, позволяющий осуществлять коммуникацию в глобальном мире, что актуализирует проблему экологии языка и лингвоэкологии.

Экология языка «как раздел экологического знания, содержащий данные об отражении кризиса культуры в языке, позволяет более основательно рассмотреть процессы, происходящие во взаимоотношениях культуры, природы и социума» [7, с. 10–11]. В рамках данного раздела решается широкий круг научно-прикладных проблем: изучение разнообразия лингвистических феноменов в контексте их функционирования, сохранение языкового идиома, признание возможности сосуществования «больших» и «малых» языков, решение языковых конфликтов, исследование адаптивных стратегий языков и языковых экологических систем в условиях быстро изменяющейся реальности. С экологией языка связывают и лингвистическую экологию, которая определяет принципы лингвистической деятельности человека, его лингвокоммуникативную культуру.

Внимания заслуживают вопросы о лингвокоммуникативных аспектах устойчивого развития общества и сохранения мира в условиях глобализации. Устойчивое развитие общества и сохранение мира, как отмечает Е.Л. Кабахидзе, «оказывается зависимым от эффективной системы коммуникации, языковой политики государств, когда сохранение национального языка предполагает обязательное изучение языков международного общения» [2, с. 4]. Культура является неоднородным феноменом, разным типам которого присущи определенные лингвокоммуникативные аспекты. В эпоху перехода к устойчивому развитию межкультурный диалог приобретает особое значение, актуализируется «проблема понимания, простирающаяся от межличностного общения до коммуникации культур» [2, с. 24].

Раскроем основные проблемы устойчивого развития общества и сохранения мира в контексте экологии языка и культуры. Основными препятствиями на пути реализации межкультурного диалога, по мнению Е.Л. Кабахидзе, выступают лингвистические барьеры, обусловленные национальной когнитивной картиной мира, языковым и речевым барьером, неверной интерпретацией невербальной коммуникации, языковой доминантой, нарушением антиципации в процессе коммуникации [2]. Также, стоит отметить, что современная массовая культура «носит наднациональный глобальный характер, формы ее проявления могут быть потенциально конфликтны для этнической культуры, ее базовые установки соответствуют ценностям постмодерна» [1, с. 7]. Глобальными тенденциями развития массового дискурса являются «предпочтение виртуальных массовых способов комму-

никации реальному общению, существенные изменения на лексическом уровне языка, более частотное использование жанра коротких форм, смещение регистров общения» [1, с. 28]. Важной задачей устойчивого развития, вытекающей из условия сохранения культурного и языкового многообразия, становится лингвофилософский анализ современных коммуникационных процессов.

Выводы

В условиях глобального мира важными показателями развития общества становятся лингвокоммуникативные аспекты общественного бытия. Основными препятствиями на пути реализации эффективного межкультурного диалога выступают лингвистические барьеры, лингвокоммуникативные практики массовой культуры. В условиях информационной глобализации современного мира, интеграции различных культур и формирования глобальной культуры, вопросы устойчивого развития общества и сохранения мира решаются в контексте «человек-природа-общество-культура».

Литература

1. Буряковская В.А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе: на материале русского и английского языков: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19. Волгоград, 2015. 42 с.
2. Кабахидзе Е.Л. Лингвофилософские аспекты коммуникации в условиях глобализации: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. М., 2013. 26 с.
3. Кадомцева М.Е. Концепция устойчивого развития: эволюция теоретических подходов и современное видение // AlterEconomics. 2023. № 20(1). С. 166–188.
4. Мамедов Н.М. Концепция устойчивого развития: глобальное видение и российская действительность // Экопозис: экогуманитарные теория и практика. 2021. Т. 2. № 1. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ecopoiesis.ru>
5. Петров С.О. Экология культуры: между метафорой и теорией // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 1А. С. 196–205.
6. Пушина Н.И. Вопросы экологии языка и культуры и экотекст // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т. 27, вып. 5. С. 771–778.
7. Ставицкая Е.А. «Экология культуры» в отечественной культурологической мысли XX–XXI вв.: авто-

реферат дис. ... кандидата философских наук: 24.00.01. Москва, 2015. 24 с.

LINGUISTIC AND COMMUNICATIVE DYNAMICS OF SOCIETY AS FOUNDATION FOR PEACE AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Gorskina N.N.

Plekhanov Russian University of Economics, Donetsk National University of Economics and Trade named after M. Tugan-Baranovsky

This article explores how language and communication shape social dynamics in the context of sustainable development, peacebuilding, and the preservation of language and culture. It delves into the concept of sustainable development, highlighting the critical role of cultural and linguistic ecology, while also analyzing how globalization influences communication practices. The study reveals that today's cultural crisis stems largely from the decline of postmodernist values, underscoring the urgent need to foster a value-driven worldview rooted in ecological principles. Key barriers to effective intercultural communication include language differences and the homogenizing effects of mass culture—a globalized, often conflict-prone force that prioritizes uniformity over diversity. To ensure sustainable societal progress and protect cultural and linguistic diversity, the authors argue for a deeper philosophical examination of modern communication trends, emphasizing strategies to address these challenges.

Keywords: culture, society, sustainable societal progress, linguistic practices, peace-building, communication.

References

1. Buryakovskaya V.A. Communicative characteristics of mass culture in media discourse: based on the Russian and English languages: abstract of dis. ... doctor of philological sciences: 10.02.19. Volgograd, 2015. 42 p.
2. Kabahidze E.L. Lingvo-philosophical aspects of communication in the context of globalization: abstract of dis. ... candidate of philosophical sciences: 09.00.11. Moscow, 2013. 26 p.
3. Kadomtseva M.E. The concept of sustainable development: the evolution of theoretical approaches and a modern vision // AlterEconomics. 2023. No. 20 (1). P. 166–188.
4. Mamedov N.M. The concept of sustainable development: global vision and Russian reality // Ecopoiesis: eco-humanitarian theory and practice. 2021. Vol. 2. No. 1. [Electronic resource]. – URL: <http://ecopoiesis.ru>
5. Petrov S.O. Ecology of Culture: Between Metaphor and Theory // Culture and Civilization. 2018. Vol. 8. No. 1A. P. 196–205.
6. Pushina N.I. Issues of Ecology of Language and Culture and Ecotext // Bulletin of Udmurt University. 2017. Vol. 27, issue 5. P. 771–778.
7. Stavitskaya E.A. “Ecology of Culture” in Russian Cultural Thought of the 20th – 21st Centuries: abstract of dis. ... candidate of philosophical Sciences: 24.00.01. Moscow, 2015. 24 p.

Зыщик Екатерина Борисовна,

к-т филос. наук, доцент, Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского
E-mail: femwolf@mail.ru

Достижения научно-технологического развития внедряются в общественную практику через новаторские решения и инструменты. Этот процесс характеризуется понятием технологизации. Исследование анализирует влияние этого явления на общество, экономику и индивидуальный опыт. Основные результаты: 1) в динамике технологизации происходит утрата конфиденциальности из-за потока информации и технологий отслеживания, что создает вызовы для защиты персональных данных; 2) ключевые технологические тренды – искусственный интеллект и глобальное отслеживание – значительно повлияют на будущее; 3) цифровизация глубоко трансформирует все сферы жизни; 4) социальные эффекты технологизации включают изменения в идентичности и структуре общества; 5) растёт риск замены человека роботами, необходимость повышения квалификации для цифровой адаптации; 6) технологизация это не только технический процесс, но и социокультурный феномен, который влияет на восприятие человеком себя и окружающего мира. С научной точки зрения технологизация – инструмент оптимизации различных видов деятельности, а с философской – социокультурный феномен, задающий новые мировоззренческие координаты. Она способна перестроить не только способы социального взаимодействия, но и значительно трансформировать сам человеческий опыт.

Ключевые слова: технологизация, цифровизация, трансформация, техногенная цивилизация.

Текущее состояние научно-технологического развития современной техногенной цивилизации определяется немалым количеством научных открытий и технологических разработок, наиболее значимые из которых были произведены во второй половине прошлого столетия в области физики (теория струн, графен), медицины (редактирование генома, иммунотерапия, искусственное сердце, бионические протезы), космической отрасли (посадка на комету, успехи в исследовании Марса, многоразовые ракеты), области информационных технологий (ИИ, нейросети, социальные сети, блокчейн, VR, AR) и производстве (аддитивное производство, роботизация, беспилотные автомобили, индустрия 4.0). Все эти и подобные инновационные результаты научно-технологического прогресса, равно как и процессы, которые к ним привели, можно объединить в понятии *технологизации*.

В самом широком смысле слова технологизация – это закономерно повторяющаяся смена структуры и инструментов деятельности с единым замыслом и неизменной целью, целенаправленное динамичное замещение устоявшихся социальных практик и природных процессов искусственными, алгоритмизированными, техногенными [1]. Как сложное социокультурное явление, технологизация многомерна. Она представляет собой и некую концепцию деятельности (например, в образовании, управлении, производстве), и процесс создания и имплантации технологий в социум, и определенную методику социального инжиниринга как совокупности приемов трансформации социальной среды на основе «научного освоения, разработки и практического внедрения в различных сферах общества наиболее эффективных методов и способов социальной деятельности» [2, с. 18].

Можно с уверенностью утверждать, что, во всех перечисленных аспектах технологизация выступает важнейшим фактором современного этапа общественного развития. Как справедливо отмечает А.А. Тарасов, она «...начинает играть определяющую роль в социальных отношениях, нашей повседневной жизни и межличностных отношениях» [3, с. 3]. Предметом нашего интереса выступает технологизация как процесс разработки и внедрения разнообразных передовых технологических решений в общественную практику последних нескольких десятилетий.

В современную эпоху значительно усиливается роль науки и технологий в общественном развитии, повышается значимость инновационной деятельности как фактора глубинных прогрессивных преобразований на всех уровнях социума. В самосознании большинства людей сохраняется отношение к науке как одному из рычагов цивилизационного прогресса, и сегодня эту позицию постепенно подхватывают технологии. Функционирование науки и технологий в постоянно трансформирующейся и обновляющейся социокультурной реальности техногенной цивилизации отчасти характеризуется тем фактом, что сегодня уже очень сложно провести четкую грань между собственно наукой и ее технологическими приложениями. Сегодня наука и технологии интенсивно взаимодействуют с рынком (бизнесом) и сферой общественных потребностей. Эта специфическая конвергенция будто развивает заложенную в мировоззренческой

модели прогрессизма, являющейся фундаментальной для техногенной цивилизации, идею о высочайшей ценности общественного развития средствами научного разума, но уже в новом качестве, соединяющем различные сферы жизни общества на базе инноваций. Безусловно, довольно популярны сегодня и идеи технопессимистов, и жесточайших критиков трансгуманизма и, в целом, – научно-технологического развития, которое либо отрицается вовсе, либо противопоставляется развитию как таковому, либо трактуется как угроза существованию человечества в его сущностных характеристиках, рассматривается как фактор и инструмент пагубного воздействия на природу, сознание, мировоззрение, тело человека и т.д. Однако, вряд ли всякий здравомыслящий человек, независимо от его профессиональных качеств и сферы деятельности, станет отрицать, что технологии динамично развиваются и уже довольно сложно найти сферу, где они не применяются с практически доказанной эффективностью, меняя прежний облик и функциональность привычных для нас вещей. В связи с этим положительный ответ на вопрос «неизбежна ли технологизация?» представляется очевидным. Технологизация неизбежна, хотим мы этого, или нет, но по какому пути мы можем ее направить, как себя в этом процессе можем проявить и трансформировать, какие угрозы и приоритеты можем получить – актуальные вопросы, концептуально и мировоззренчески относящиеся к дискурсу современной практической философии.

В ближайшие десятилетия ученые прогнозируют новый рывок в продвижении технологий, которые довольно быстро станут составляющей не только инновационной научной деятельности, но и обыденной практики. Среди множества исследований, посвященных перспективам технологического развития, наиболее популярными и любопытными, и одновременно концептуально содержательными работами, которые сейчас «на слуху», являются труды известного физика-теоретика, популяризатора науки Митио Каку [4] (см. так же концептуальную работу Каку М. Будущее разума. М.: Альпина Нон-фикшн, 2015; Каку М. Будущее человечества: Колонизация Марса, путешествия к звездам и обретение бессмертия. М.: Альпина Нон-фикшн, 2018.), писателя-футуролога и журналиста Кевина Келли [5], и знаменитого испанского экономиста и футуролога, научного сотрудника Университета сингулярности в Кремниевой долине, приглашенного преподавателя российских университетов НИУ ВШЭ и МФТИ, члена международной экспертной панели Прогноза научно-технологического развития России Хосе Луиса Кордейро [6]. В идейном содержании трудов этих исследователей есть она общая черта – прямое или косвенное обоснование неизбежности технологизации жизни человечества в ближайшем будущем.

Действительно, одной из основополагающих характеристик современного этапа общественного развития техногенной цивилизации является усиливающаяся технологизация социальных практик, которая раскрывается прежде всего в динамическом наращивании и распространении наукоемких технологий во все сферы жизнедеятельности людей. Данное понятие, отражающее конкретное социокультурное явление, в современном научном знании пока не получило устойчивой концептуальной фиксации, однако, в сфере социально-гуманитарных наук оно уже успело войти в синонимический ряд с такими понятиями, как «научно-технический прогресс», «научно-техническая революция», «научно-технологическая революция», «научно-технологическое развитие», «информационная революция» и прочими близкими по смыслу и содержанию понятиями. Вторая

половина прошлого столетия отличается значительной активизацией научного интереса к проблемам технологического развития в условиях становления информационного общества, развертывания техногенной цивилизации. Сегодня технологизация, как один из ключевых трендов общественной динамики, становится популярным объектом научного анализа и философской рефлексии. Имеется целый комплекс исследований, посвященных изучению и оценке беспрецедентных результатов научно-технологического развития нескольких последних столетий, а также прогнозов ближайшего будущего с учетом технологических прорывов, которые представлены в большинстве областей современного научного знания (Д. Белл, Л. Бертран, Н. Бостром, Э. Дрекслер, В. Виндж, Л. Гринин, М. Каку, А. Кларк, К. Келли, Х. Кордейро, Ф. Крик, П. Куртц, Р. Курцвейл, С. Лем, Г. Маркузе, Д. Нейман, В. Розин, Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма и др.). Результаты данного исследовательского внимания в сфере социально-гуманитарного знания выражаются в постепенном формировании технологической парадигмы социального развития, которая репрезентирована концепциями промышленных (технологических) революций (Э.Хобсбаум, П.Гедденс, Дж. Рифкин, К. Шваб), технологических укладов (С.Ю. Глазьев, Л.Е. Гринин, Н.Д. Кондратьев), научно-технического и научно-технологического развития (А.А. Воронин, В.Г. Горохов, И.Е. Ильина, В.И. Никитин, Н.Н. Моисеев, А.И. Ракитов, М.А. Розов, П.П. Хачикян и др.), а также согласуется с технико-экономической парадигмой (Н. Бекетов, С. Глазьев, В. Дементьев, Н. Винер, К. Кастальди, П. Куртц, К. Перес, Г. Менш, Р. Нельсон, С. Уинтер, К. Фримена, Й. Шумпетер, К. Перес, К. Фримен, Г. Щедровицкий). Таким образом, технологизация как фундаментальный многомерный социокультурный процесс, постепенно концептуализируется в современном научном и философском сознании в различных ракурсах.

Ключевые тренды технологизации

Интересный анализ и прогноз технологического развития дан в новой популярной работе «Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее» Кевина Келли. Попробуем дать авторскую характеристику идеям популярного футуролога, выделив базовые рефлексии.

Итак, прежде всего, с его обоснованной точки зрения, важнейшим трендом современности является технологическая *трансформация*. Технологии постоянно трансформируются, и этот процесс стремительно ускоряется. Более того, перманентное усовершенствование технологий является необходимым условием жизнеспособности технических устройств. Человек не успевает отслеживать и осмысливать эти процессы, и каждый раз при взаимодействии, к примеру, с гаджетом, он превращается в новичка, так как времени на рефлекссию бесконечных обновлений программных приложений устройств просто нет. В будущем нас ждет не что иное, как *про-топия* – мир трансформации, постоянно совершенствующийся мир, жить в котором означает осознать, что ничто и никто не совершенен. Здесь, по мнению Келли, общество всегда ориентировано в будущее, а всякое сегодня всегда лучше, чем любое вчера. Технологии неизбежно и перманентно развиваются и обеспечивают тем самым прогресс (*откат к просвещенческой идее прогрессизма – прим. авт.*). Все люди – новички в постоянно развивающемся технологическом мире, где каждое изобретение служит основой для следующего. Переход от постоянных продуктов к обновлениям и подпискам является важной тенденцией технологической трансфор-

мации. Этот процесс сложен и непредсказуем, поэтому прогнозы можно строить только на основе текущих тенденций. Знания и опыт взаимодействия с цифровыми устройствами никогда не будут окончательными; их нужно постоянно развивать, чтобы адаптироваться к изменяющемуся цифровому миру. Быть новичком придется каждому, вне зависимости от опыта, возраста и знаний [5, с. 13–38].

Несмотря на обоснованную характеристику технологической трансформации, возникают вопросы к понятию «протопии». Автор, похоже, пытается перенести черты технологической трансформации на социальную реальность, описывая протопию как бесконечные совершенствования. Тезис о том, что сегодня лучше, чем вчера, не всегда верен, особенно для традиционных обществ с устойчивыми ценностями. Не стоит отождествлять любое изменение с прогрессом. Мысль о том, что технологии создадут совершенный мир протопии, игнорирует важные сферы общественного развития, такие, как политика, экономика, культура и образование. Этот подход не учитывает философские основы подлинного развития, такие как мировоззрение и этика. Футурологический оптимизм Келли выглядит предвзятым по сравнению с исчерпавшей себя просвещенческой моделью прогресса.

Следующий технологический тренд в соответствии с концепцией Келли – это развитие *искусственного интеллекта (ИИ)*, который сможет изменить интеллект человека, и нам, в связи с этим придется задуматься над тем, что мы будем способны сделать лучше, чем компьютеры, и что мы можем делегировать им. К примеру, мы сможем заботиться о других и развивать интуитивное мышление, и, объединившись с ИИ, можем получить хорошие результаты. Таков путь формирования нового мировоззрения людей: роботы будут выполнять нашу работу, а для нас придумают ту, что больше подходит для нас, – отмечает Келли.

Автор концепции 12 технологических трендов утверждает, что мы на пороге нового мировоззрения, формируемого ИИ и роботами. Это вызывает опасения: каковы границы технологизации? Развитие ИИ – важный инструмент цифровизации, дополняющий человеческие возможности. Однако необходимо оценивать его не только как результат технологической революции, но и как риск для общества. Вопросы о том, как ИИ будет использоваться людьми, бизнесом и государством, его доступности и контроле, а также о его влиянии на социальное неравенство и геополитическую стабильность, остаются актуальными.

Далее, по словам Келли, ИИ будет помогать людям ориентироваться в потоке информации и персонализировать поиск данных. Важной трансформацией будущего станет отказ от собственности в пользу доступа к ресурсам как новой коммерческой модели. Однако, этот переход к подпискам и временному пользованию кажется навязываемым. Мы отказываемся от собственности в пользу аренды, за которую нужно регулярно платить. Это приведет к разработке новых финансовых моделей и росту банковских продуктов, ориентированных на долгосрочные предложения. Прогнозируемая тенденция отказа от собственности вызывает риски в социальном, экзистенциальном и этическом аспектах.

Искусственный интеллект и онлайн-фильтрация изменят нашу деятельность, как электричество изменило инструменты более века назад. Развитие ИИ позволит сделать простые вещи «умными» с помощью алгоритмов и баз знаний, что станет важной тенденцией в будущем. Взаимодействие человека с ним создаст эффективное сочетание интуиции и программного обеспече-

ния в различных сферах, таких как медицина и образование. Автор форсайта утверждает, что люди не будут вытеснены, но рост «умных» технологий заставит нас задуматься о нашей уникальности и о том, что мы можем делегировать роботам. Важно задать вопрос: кто будет решать, какая работа важна для людей – мы сами, новое поколение или сами роботы? Как это повлияет на нашу уникальность и на то, кем мы станем в будущем?

Далее, мыслитель не без оснований утверждает, что объем цифровых данных постоянно растет, количество информации в интернете увеличивается в геометрической прогрессии, в связи с чем, человеку необходимы эффективные инструменты фильтрации и персонализированного поиска. Сейчас мы уже используем поисковые системы, которые функционируют с том числе с поддержкой технологий умной фильтрации и персонализации, и эти технологии будут развиваться [5, с. 41–102].

Однако этот тезис вызывает вопрос: насколько полезна персонализация для нас? Основанная на сборе персональных данных, она угрожает конфиденциальности. Каждый оставляет в сети цифровые следы, и сбор информации о предпочтениях выгоден маркетинговым агентам, но применение такой технологии может выходить за пределы таргетированной рекламы.

Следующий тезис касается экономических изменений. Экономика будет постепенно трансформироваться: собственность станет прошлым, а децентрализация – нормой. Будущее коммерции заключается в предоставлении доступа к ресурсам. С появлением интернета материальные товары уступают место нематериальным цифровым продуктам, которые можно приобретать как услуги или обновления в реальном времени. Продукты и услуги цифровизируются, что позволяет скачивать, копировать и делиться ими (например, подписки на музыку, онлайн-библиотеки и кинотеатры). Таким образом, предоставление доступа и экономика совместного использования вместо владения ресурсами как признаки эволюции системы коммерции – еще одна важная тенденция будущего [5, с. 129–194].

С нашей точки зрения, децентрализация экономики – это опасный вызов современному обществу. Любые попытки произвести децентрацию означают не что иное, как стремление уничтожить ядро системы – субъектность, превратить в объект, фрагментировать и разобщить. Такая «распределённая» экономика нам предлагается.

Эта новая коммерческая тенденция, по мнению Келли, связана с другой – тенденцией к ремиксам. Все больше появляется областей, где рост происходит не на основе создания чего-то нового, а за счет реорганизации уже существующего продукта. Здесь человек уже превращается из простого потребителя – в производителя (деятельность блогеров, музыкантов). Авторские права будут постепенно адаптироваться под меняющиеся потребности. Это и есть ремиксы [5, с. 223–240].

Идея трансформации старых смыслов и продуктов, а не создания новых, опасна, так как она ориентирована на «отмену» культуры и производства. Эти сферы являются проявлением сущностных сил человека. Пока мы создаем, мы остаемся людьми; когда начинаем работать только с готовым, мыслим шаблонно – мы становимся похожими на роботов.

Виртуальная реальность меняет человеческое взаимодействие, создавая новый мир в нашей жизни. Она моделирует реальность и благодаря интерактивности выглядит реалистично. Келли считает, что VR улучшит характеристики взаимодействия и даст людям ощущения сверхчеловеческих способностей, таких как рентгеновское зрение. Со временем это восприятие станет

нормой, и интерактивность позволит реалистично взаимодействовать с окружающим миром, не покидая дома. Изменится и механизм функционирования сознания и психики [5, с. 241–268].

Несомненно, технологии кардинально изменят взаимодействие человека с миром и самим собой. Смартфоны и компьютеры стали неотъемлемой частью жизни, но необходим контроль технологий на государственном уровне, так как они несут как возможности, так и угрозы безопасности. Этические нормы должны стать основой цифровой грамотности с ранних этапов социализации.

Келли подчеркивает, что виртуальная реальность может стать более естественной, но это все равно будет цифровой суррогат, а не реальное общение. Социальные навыки могут трансформироваться под цифровой формат, что угрожает человеческой коммуникации.

Келли также отмечает, что экраны станут повсеместными и определяющими. Культура будет организована вокруг экранов, где главными станут мигающие пиксели. В отличие от устойчивой культуры слова, культура экрана будет динамичной и изменчивой, что приведет к фрагментарному, клиповому мышлению. Цифровая культура быстрая и открытая, позволяя каждому создавать свои истины. Представители прошлой системы ценностей привыкли решать любую проблему, следуя устоявшимся истинам и законам, а современное поколение цифровой культуры желает использовать технологии [5, с. 103–128].

Здесь сложно не согласиться с мыслителем. По сути, мы живем в эпоху столкновения культур – письменной и цифровой как традиционной и современной социальных практик. Наряду с привычным нам мышлением логическим, постепенно вызревает клиповое мышление. Главное – не допустить замещения первого вторым.

Конфиденциальность в интернете постепенно исчезает. Генерация данных в сети колоссальна. Персональные данные собираются и накапливаются, технологии отслеживания становятся значительной частью нашей жизни. Остановить это процесс невозможно. В этом нарастающем потоке открытых данных устойчивые истины решительно отбрасываются, теперь люди опираются на множество «истин», собранных из потока фактов. Это породит множество вопросов, поиск ответов на которые будет способствовать росту знаний, и постановке новых вопросов на их основе [5, с. 269–322].

Очевидно, утрата конфиденциальности до предела обострит проблему защиты персональных данных и сделает её неразрешимой, объем, разноплановость, противоречивость и «открытость» информации породит эпистемологическую угрозу преобладающего релятивизма. Вряд ли данные тенденции будут способствовать росту подлинных знаний, либо их сущность будет переосмыслена.

Подытожив анализ концептуальных положений технологического прогноза К. Келли, отметим следующее. Будущее, по мнению мыслителя, во многом будет зависеть от взаимодействующих масштабных технологических тенденций, которые проявляются уже сегодня:

- трансформация;
- искусственный интеллект;
- эффект потока (сервисы доступа к ресурсам в режиме реального времени);
- технологии предоставления доступа и совместного использования;
- технологии сканирования, фильтрации и ремиксов;
- интерактивность;
- глобальное отслеживание и утрата конфиденциальности;
- постановка вопросов (будущее будет определяться технологиями вопросов, а не ответов).

Итак, автор концепции технологических трендов резюмирует, что данные тенденции задают важное направление движения общества в ближайшем будущем. Попытки остановить их будут обречены на провал. Их рост объективен. В развитии технологий есть внутренняя логика: они опираются на развитие наук. Человек обладает волей и ему по силам взять под контроль технологизацию и применять ее результаты с пользой. С нашей точки зрения, важно отдавать себе отчет в том, на основе каких ценностей, на базе какой этики это будет происходить, а также осознавать, кто будет субъектом данного процесса. Именно от этого в значительной степени зависит наше будущее.

Цифровизация как составляющая технологизации

Одной из ключевых составляющих технологизации является цифровизация. Хотя эти термины часто синонимизируют, у них есть отличия. Цифровизация – это массовый переход к активному использованию цифровых технологий (компьютеры, интернет, ПО) в различных областях (производство, медицина, экономика, наука, образование) для эффективной обработки информации и автоматизации операций. Она основывается на принципах дискретности, алгоритмичности, вычислимости и программируемости и представлена в компьютерных и информационно-коммуникационных технологиях и их имплементациях. В различной степени цифровизация пронизывает НБИКС, современную науку и их результаты [7, с. 101–102]. Цифровизация включает глобализацию Интернета и трансформацию производительности труда. Эффективная цифровая система позволяет избежать затрат на разработку, достаточно ввести нужные показатели для получения результата. Технологизация создает глобальный инжиниринговый рынок, повышая эффективность процессов и открывая новые рынки сбыта. Современные технологии и социальные инновации формируют спрос, основанный на предложениях. Стремительное развитие науки как главного источника инноваций дополняется технологическим ростом, в связи с чем первенство в создании новых рынков сбыта для удовлетворения растущего спроса приобретают цифровые технологии, которые составляют ядро Четвёртой промышленной революции, в частности – Искусственный интеллект, Интернет вещей, Виртуальная и Дополненная реальность, Аддитивная печать и другие [8].

Сегодня ведущие маркетинговые компании разрабатывают бизнес-стратегии в области ИИ и Интернета вещей. Развитие этих технологий потребует значительных инвестиций и будет иметь далеко идущие социальные последствия в ближайшие десятилетия. Согласно специалисту по цифровому маркетингу Сингху Сарванту, технологии, связанные с поведенческими и социальными феноменами, а также медицинскими достижениями, ожидают значительные трансформации. Эти тенденции могут привести к пугающей трансгуманистической трансформации, размывающей нашу идентичность.

В ближайшем будущем основные антропологические константы – тело, сознание и поведение – будут изменены: тела станут дополненными, мыслительные процессы ускорятся, а геймификация и ИИ повысят продуктивность. Использование VR и нейроинтерфейсов увеличит эмпатию, а маркетинг станет более персонализированным [9]. Однако это открывает возможности для манипуляций сознанием и поведением людей, что требует внимания к потенциальным угрозам. Здесь, несомненно, открывается целая бездна для манипуляций сознанием,

телом, ценностями, поведением и деятельностью людей. Эти угрозы нельзя обделять вниманием.

Неизбежные выводы

Технологизация как процесс повсеместного внедрения разнообразных технологических достижений является источником совершенствования производства, услуг, различных видов деятельности и жизненных условий в целом. Цифровизация как часть технологизации обусловлена активным переходом к использованию цифровых инструментов и решений во всех сферах жизни общества.

Важно отметить, что даже беглый анализ взаимосвязи между экспоненциальным ростом технологий и социально-экономическими трансформациями позволяет говорить о качественном скачке в темпах развития, определяющем новую темпоральную реальность. Таким образом, ключевым фактором грядущих изменений является высокая скорость развития, ставшая причиной перехода в новую реальность. Так, исследуя цифровизацию, Шестакова Е.Г. утверждает, что даже в случае прекращения дальнейшего ускорения, технологический прогресс и вызванные им социальные процессы продолжат разворачиваться с уже достигнутой, чрезвычайно высокой скоростью [10, с. 20].

Трансформационные процессы несут высокий риск. Неизбежность технологизации, включая цифровую трансформацию, поднимает вопрос: заменит ли робот человека? Основная цель технологизации – алгоритмизация и автоматизация, что минимизирует человеческий фактор. Роботы могут облегчить тяжелый и монотонный труд, сократив потребность в специалистах одной квалификации, что повысит ценность уникальных кадров.

Обществу придется адаптироваться, постоянно повышая квалификацию и осваивая новые навыки. Искусственный интеллект поможет оптимально использовать ресурсы и сократить издержки, но полностью заменить человека не сможет. Роботы нужны для обработки данных, повышения продуктивности и работы в сложных условиях. AI в аналитике поможет быстрее принимать решения и предотвращать ошибки, используя систематизированные данные.

Технологизация является ключевым трендом современного этапа техногенной цивилизации и важным фактором трансформаций в экономике, промышленности, образовании и обществе. Распространение цифровых технологий и их актуализация формируют новый социальный статус – цифровые компетенции. Без них человек рискует оказаться вне привычных социальных практик. Невозможность адаптироваться к технологизации можно рассматривать как нежелание встраиваться в новую многомерную систему возможностей, которая создает риски и требует пересмотра устоявшихся практик и мировоззрения.

С научной точки зрения технологизация представляет собой прогрессивный процесс, который может способствовать улучшению жизни людей, обеспечивать технологические решения различных проблем, увеличивать производительность и эффективность процессов деятельности. Технологии играют важнейшую роль в научных исследованиях, позволяя улучшить методы обработки данных, сокращать время и затратные ресурсы, расширять научные возможности и создавать новые области знания. С философской позиции, технологизация – это фундаментальный социокультурный феномен, который значительным образом влияет на восприятие человеком себя, другого, окружающего мира и своего места в нём. И он требует нашего усиленного внимания, оценки и контроля. Данный процесс может перестраи-

вать социальные отношения, культуру и самосознание людей. Таким образом, технологизация трансформирует не только способы взаимодействия человека с миром, но и сам человеческий опыт.

Литература

1. Попкова Н.В. Технологизация. url: <http://sphiliipo.tu-bryansk.ru/glossary-term>. (дата обращения 22.04.2024).
2. Демидова Т.Е. Технологизация социальных процессов в контексте духовно-нравственных отношений в российском и зарубежном историческом опыте (вторая половина XX в.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2000.
3. Тарасов А.А. Технологизация как сущность глобализационных процессов в обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук, Н. Новгород, 2010.
4. Каку М. Уравнение Бога: В поисках теории всего. М.: Альпина нон-фикшн, 2022.
5. Келли К. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее / Пер. с англ. Ю. Константиновой и Т. Мамедовой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.
6. Кордейро Х.Л., Вуд Д. Смерть должна умереть. Науча в борьбе за наше бессмертие. М.: Альпина Паблишер, 2021.
7. Тульчинский Г.Л. Цифровизация и социально-культурный инжиниринг // Философские науки. 2018 (6). С. 100–108. url: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-6-100-108>. (дата обращения 22.04.2024).
8. Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции [перевод с английского]. – Москва: «Эксмо», 2018.
9. Singh S. Transhumanism And The Future Of Humanity: 7 Ways The World Will Change By 2030. URL: <https://www.forbes.com/sites/sarwantsingh/2017/11/20/transhumanism-and-the-future-of-humanity-seven-ways-the-world-will-change-by-2030/?sh=3e5dfccb7d79> (дата обращения 22.04.2024).
10. Шестакова И.Г. Новая темпоральность цифровой цивилизации: будущее уже наступило // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 2.

TECHNOLOGIZATION AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON: CONCEPT AND CHARACTERISTICS

Zyshchik E.B.

Crimean Federal V.I. Vernadsky University

Achievements of scientific and technological development are introduced into social practice through innovative solutions and tools. This process is characterized by the concept of technologization. The study examines the impact of this phenomenon on society, the economy and individual experiences. Main results: 1) in the dynamics of technologization, there is a loss of confidentiality due to the flow of information and tracking technologies, which creates challenges for the protection of personal data; 2) key technological trends – artificial intelligence and global tracking – will significantly affect the future; 3) digitalization deeply transforms all spheres of life; 4) social effects of technologization include changes in the identity and structure of society; 5) the risk of replacing humans with robots is growing, the need for advanced training for digital adaptation; 6) technologization is not only a technical process, but also a socio-cultural phenomenon that affects a person's perception of himself and the world around him. From a scientific point of view, technologization is a tool for optimizing various types of activity, and from a philosophical point of view, it is a sociocultural phenomenon that sets new worldview coordinates. It is capable of restructur-

ing not only the methods of social interaction, but also significantly transforming the human experience itself.

Keywords: technologization, digitalization, transformation, technogenic civilization.

References

1. Popkova N.V. Technologization. URL: <http://sphil.iipo.tu-bryansk.ru/glossary-term>. (date of access 22.04.2024).
2. Demidova T.E. Technologization of social processes in the context of spiritual and moral relations in the Russian and foreign historical experience (second half of the twentieth century): author's abstract. dis. ... doctor of history. sciences. Moscow, 2000.
3. Tarasov A.A. Technologization as the essence of globalization processes in society: author's abstract. dis. ... candidate of philosophical sciences, Nizhny Novgorod, 2010.
4. Kaku M. God's Equation: In Search of a Theory of Everything. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2022.
5. Kelly K. Inevitable. 12 Technological Trends That Shape Our Future / Translated from English. Yu. Konstantinova and T. Mamedova. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2017.
6. Cordeiro H.L., Wood D. Death Must Die. Science in the Fight for Our Immortality. Moscow: Alpina Publisher, 2021.
7. Tulchinsky G.L. Digitalization and Socio-Cultural Engineering // Philosophical Sciences. 2018 (6). P. 100–108. URL: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-6-100-108>. (date of access 04/22/2024).
8. Schwab K., Davis N. Technologies of the Fourth Industrial Revolution [translated from English]. – Moscow: Eksmo, 2018.
9. Singh S. Transhumanism And The Future Of Humanity: 7 Ways The World Will Change By 2030. URL: <https://www.forbes.com/sites/sarwantsingh/2017/11/20/transhumanism-and-the-future-of-humanity-seven-ways-the-world-will-change-by-2030/?sh=3e5dfccb7d79> (accessed 22.04.2024).
10. Shestakova I.G. New temporality of digital civilization: the future has already arrived // Scientific and technical statements of SPbSPU. Humanitarian and social sciences. 2019. Vol. 10, No. 2.

Парадигма поствизантийской духовной традиции в Евразии: социально-философский аспект

Елдин Михаил Александрович,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: eldin1974@yandex.ru

Ширшов Александр Васильевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: shirshov.av@mail.ru

Изергина Вера Павловна,

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры философии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: vera.ivp@yandex.ru

Шегулова Маргарита Алексеевна,

студент магистратуры направления подготовки «Политология», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: margaritashegulova@yandex.ru

Существенной задачей новейших исследований специфики социума в Евразии является раскрытие фундаментальной значимости системы духовных ценностей и адаптация ее к историческим эпохам развития. Решению этой задачи способствует новаторский характер данного рассмотрения указанной проблематики.

Духовная культура транслирует ценности из поколения в поколение с помощью воспитания и образования. Проблема моральной ответственности личности перед обществом наряду с другими вопросами гражданской этики стали занимать важное место еще в общественной идеологии Византии.

Для образования характерна определенная система ценностей – это знания, образовательный процесс, творчество, развитие личности, воспитание, успеваемость, успешность обучения и другие. Общественные интересы для византийцев в традиции «пайдеи» империи ромеев должны быть выше личных, византийский гражданин не должен предаваться только пустым удовольствиям. Указанная традиция была реципирована в ригористской морали Руси и России.

Традиции отечественной духовной культуры важно воспринять в аспекте духовно-нравственного содержания известных произведений философской литературы Древней Руси и России, которое имеет исторические корни в жизни российского общества. Это, прежде всего, византийское духовное наследие.

Ключевые слова: традиция, религия, регион, культура, специфика духовности, преемственность от Византии.

Современная эпоха вызвала всплеск научного интереса к теме традиции, выявив новый научный подход, являющийся доминирующим фактором новейших традициологических исследований. Указанные обстоятельства и социокультурные коллизии традиций и духовных инноваций в регионах Евразии уже были пережиты византийским опытом. Именно комплексное исследование указанных аспектов важно при рассмотрении полиэтнических социумов в социально-философском дискурсе современности.

Изучение тезауруса современных гуманитарных наук на основе аксиологического, комплексного философско-исторического обобщения выявляет ряд спорных позиций в контексте диалога культур и совместных исследований российско-евразийского историософского дискурса.

Т. Шпиндик и другие исследователи российской духовной традиции, стремились довольно системно обозначить инновационные подходы в зарубежной историографии истории духовности и философии в России. Проблемы формирования и функционирования духовных ценностей в социокультурной традиции также рассматривали С.С. Аверинцев, В.В. Кожинов, С.С. Хоружий, М. Хальбвакс, Х. Яннарас и другие.

Реализация духовных ценностей государства исследована на основе анализа трудов таких ученых, как Г.С. Арефьева, В.Э. Бойков, В.Б. Власова, Н.Д. Гомонов, В.М. Корельский, Н.И. Лапин, В.С. Нересянц, Н.Ю. Рашева, А.Г. Санина. Современная эпоха вызвала всплеск научного интереса к теме традиции, выявив новый научный подход, являющийся доминирующим фактором новейших традициологических исследований. Отметим, что важность феноменальных и культурных типологий заключалась в возможности многомерного развития культур, действующих путем создания идентичности, не всегда свойственным другим социально-историческим явлениям.

Сегодня как никогда важна аналитика положения духовных традиций полиэтнических регионов. Таким образом, идеологические расхождения обеих церквей вытекали из культурно-общественных особенностей Западной Европы и Византии, последняя существенно повлияла на специфику российской традиции духовной жизни социума. В целом можно констатировать, что христианской духовности свойственен традиционализм и в византийском православии он был особенно последовательным. Для решения этих задач использовались следующие методы исследования: анализ, синтез, абстракция, моделирование, наблюдение, изучение культурно-духовного опыта.

Во-первых, на сегодняшний день в России складывается единая национально-государственная традиция, стратегия развития, способная объединить все населяющие страну народы, регионы, слои населения.

Во-вторых, современность создает новый тип культурного поведения, характеризующийся раскованностью и широтой, ослаблением твердости и определенности в области конфессиональной ориентации, культивированием свободы личного вкуса и выбора. Очень верным выглядит наблюдение относительно духовных устремлений отечественны социально-исторических

традиций современного исследователя в том, что: «... сакральный центр русской культуры и государственности, центр ее устремлений – находился за ее пределами – в легендарном Царьграде (кому бы он ни принадлежал)...» [13, с. 15]. Возврат человека к родовому инстинкту социокультурного развития происходит в момент различных опасностей, угрожающих жизни человека (войн, стихийных бедствий и т.п.).

В-третьих, важной характерной чертой гуманистической традиции модерна была обращенность к культуре атеистского синтеза с моральным ригоризмом россиян, то западной чертой был индивидуализм – обращенность к самому себе, к своему внутреннему миру. Византийская социально-философская парадигма дала уникальный опыт интернационалистского строительства общей православной ойкумены, который остается актуальным и сегодня. С помощью данной модели, при объединяющей коллектив роли духовных ценностей, обеспечивается приближение к гармонии интересов между людьми, происходит осмысленное восприятие духовного наследия Византии в отечественной философии [14].

Реализация ценностей человеческой цивилизации выражена в международном сотрудничестве России с другими странами. Она проявляется в сохранении россиянами культуры и достижений нашей страны, в уважении достижений других стран и народов, в обеспечении диалога между государствами по построению совместного развития регионов Евразии.

Итак, еще в XVI начале XVII вв. целым рядом западных авторов издаются работы по византийской тематике в Германии, Англии, Франции и других зарубежных странах. Совершенно очевидно, что круг интересов ученых, в разное время обращавших свои исследовательские взоры на Византию, достаточно разнообразен. В данном контексте обращают на себя внимание работы некоторых современных зарубежных ученых – это философы, историки, социологи. Сегодня в условиях духовного и нравственного кризиса общества православные ценности приобретают все более актуальное значение и способны исцелить не только больную и погрязшую в грехах человеческую природу, но и все человеческое общество.

Глобальные стандарты в политической культуре – это замечательная вещь, но только до тех пор шаблон о клерикальной и локальной самоопределенности, со времен Великой Французской революции 1789 г. по разным причинам начал терять свою априорность. Только посредством добродетельных правителей со времен Ш.Л. Монтескье государственные законы, согласно рационалистической парадигме социальной философии модерна, будут действенными, а управление государством правильное.

Социокультурной традиции Византии была характерна двойственность: с одной стороны, аскетизм монастырского типа в сфере нравственной и религиозной деятельности, и одновременно псевдо – элитарные устремления роскошества аристократии, характерные даже для интеллигенции – культурных наследников древней линии антикizziрующего наследия. Будучи элитарным и малым слоем населения, гуманитарии Константинополя около 300–500 человек, были той малой прослойкой граждан империи, которые знали язык и литературу Древней Греции, они часто страдали имперским снобизмом и близорукостью к своему обществу и близким народам. Специфика развития византийской культуры была определена учеными рядом вопросов, связанных с определением места и роли императорской традиции в обществе, модернизировавших религиозную сферу

в больших масштабах, в частности в регионах юрисдикции Вселенского патриархата.

Содержание византийской парадигмы походило через фронт и коллаборационизм аристократии, либо происходит «нигилизация» морали населения и мракобесие (вплоть до атомизации общества, по Н. Макиавелли). Однако это не означает окончания бытия контекстной традиции, которая предполагает компромисс и связывание новых форм синкретизма, которые трансформирует традиции в компромиссные (сберегательные) инновации.

Традиции морали православных этносов Евразии родственно-комплиментарны своеобразной чувственностью, причастием к логосу красоты (добре краснота – филокалия). Именно благодаря традиционным ценностям империи, основанным на авторитете преемственности и в то же время преобразовании их, утвердились универсалистско-соборные идеалы в традиционной духовной культуре византийского общества, его фактическом бытии [12, с. 98]. Коль скоро речь идет о выборе проблем добра и зла, то необходимо четко определить, что же было в составе «национальных ценностей» Византии. Социальные ценности византийцев – это идеалы народа, в данном случае средневекового греческого, в основном, которые и выражают поведение и отношение в социальной действительности.

Уже выдающийся мыслитель современности С.С. Хоружий на новом уровне научного познания раскрыл значение и возможности духовных ценностей личности. Значимость его идей заключена в раскрытии роли для современного общества старинных священных идей христианства о нравственном идеале личности. Он стремился раскрыть связь современности с истоками культуры христианства, через которые происходит нравственное рождение человека новой эпохи.

Современными российскими исследователями комплексно рассмотрены сферы духовных ценностей российского общества, представленные гранями ценностной системы социума – социальной сферы, промышленного производства, экономики, политики, правовой системы, информационных технологий и духовной культурой, представленной основанием пирамиды. Традиции в государстве представляют собой достижения общества, которые уже осуществились. Инновации являются новыми достижениями, открытиями в общественном развитии на современном этапе [15]. Византийская традиция культуры, уравновешенная большей рациональностью, где совершенство выражалось в стационарном, пассивном созерцании божества, через его энергию или подобный образ – икона есть прообраз идеального мира, отсюда и конечность византийской парадигмы бытия социума в эсхатологии взглядов Григория Паламы в канун падения империи. Св. Григорий Палама понимает историю эсхатологически, как путь к идеальному состоянию, а жизнь человека – как поиск спасения, обновления [10, с. 204].

Логос аксиологического аспекта истины в развитии культурных традиций никогда не угасал на востоке европейской культурной ойкумены на Руси. Верным является наблюдение современного исследователя в том, что от византийцев была рецитирована прогностическая традиция отечественной гуманитаристики: «Православная эсхатология, привнесенная на Русь в X в., впитала традиции еврейской и раннехристианской эсхатологии, получившие распространение в трудах византийских ученых-богословов» [1, с. 64].

Мы выше уже упоминали не раз, приводя примеры, не совместимые с христианством, откуда эти коварные убийства и отравления царей и вельмож, свирепость

при расправах с побежденными. Можно сколько угодно говорить о типичном средневековье и «упадке пассионарности», но нельзя забывать об особенностях Византии – это был христианизированный, но все же, хранящий свои древние обычаи Восток.

При идентификации ментальности Византии православными мыслителями: мир есть школа, а человек в нем – ученик (от комментариев «...на Шестоднев» Василия Кесарийского до «Глав практических и теологических» Григория Паламы) [7, с. 141]. В процессе формирования личности будут взаимодействовать ценности внутреннего мира человека и ценности культуры. Важно, чтобы человек ценил и уважал культуру народов, внимательно относился к культурному наследию и в своей деятельности способствовал общественному развитию.

И какое же было в последствии исламизирована и включена в евразийский ареал геокультурного влияния. Интенсивная дифференциация духовных учений Византии, которые не допускали резких перемен в недрах традиций, что было понятно и близко для россиян. Социокультурные традиции этносообществ имеют важное значение в формировании ценностного сознания личности, которая утверждается именно в основаниях и скрепах духовно-нравственного целеполагания и концептов, основанных на преемственном отношении и почитании традиций. Наследие византийской духовной мысли в указанном плане представляет собой комплекс достижений и имеет определенную систему духовных ценностей. По словам современного исследователя, верно указано, что: «Византийские мыслители считали, что вся полнота человеческой жизни раскрывается в Боге. Человек способен обрести бессмертие в нем; творя добро, утверждая добро, он приближается к Богу» [11, с. 222].

Изначально православные традиции евразийской общности были характерны для византийской цивилизации. Важным аспектом утверждения указанной традиции в полиэтнической среде Поволжья, например, была проповедь византийских миссионеров. Византист С.А. Иванов отмечает, что: «О греческом православии в Золотой Орде данных у нас не очень много. В 1261 г. в столице этого государства была основа епископия, получившая наименование «сарайская и переяславская, на которую русский митрополит Кирилл поставил Митрофана» [5, с. 284].

Обрядоверие и ритуализм – это важные особенности культурного быта народов Руси, часто даже христианская вера переплеталась с элементами общеполитической традиции социума [9, с. 25]. Позиция каждого участника социальной общности в поздней Византии основывается на мировоззрении, определенной системе ценностей, взглядов, убеждений. Важно, чтобы позиция человека гармонично сочеталась с взглядами и целями других людей, не противоречила моральным нормам, не носила конфликтный характер [4]. При деятельности в коллективе необходимо создание условий для творческой реализации личности при продуктивном взаимодействии.

Со специфическим развитием русской государственности связана и еще одна значимая черта русской духовной культуры – всеобщее гуманное и толерантное отношение к другим этнорелигиозным традициям. В России созданы необходимые условия для реализации такой модели, основанной на соответствующих механизмах. К настоящему времени наукой накоплен богатый материал о ценностях, их развитии и реализации. Все это открывает большие перспективы для дальнейшего развития России, ее культуры в конструктивном взаимодействии и сотрудничестве с культурами всех народов и государств.

Духовные ценности человеческой цивилизации необходимы для существования и развития всего комплекса диалоговых отношений евразийских народов. Эта позиция выражает изначальную бытийственную интуицию русской философии, которая определяет этический и метафизический пафос отечественной философской традиции и присутствует в жизни человека с младенчества [2, с. 90].

Усложнение форм этнокультурного взаимодействия позволяет (по К.Н. Леонтьеву) укрепить устойчивость развития религиозных и нравственных начал социальной системы. Еще при временах мыслителя интеллектуальная элита России стала ощущать необходимость диверсифицированного подхода в отношении россиян к дилемме Восток-Запад. В своей автобиографии К.Н. Леонтьев пишет, что русским необходимо «проникаться турецкими, индийскими, китайскими началами и охранять крепко все греко-византийское» [8, с. 452]. Постепенно этос имперского сознания на территории бывшей российской империи совмещался в XX столетии с пониманием солидарности и интернационализма культур Евразии. Сегодня указанный процесс утверждается тезисом о российском этнокультурном солидаризме и интегративности.

Развитие человеческого мышления происходит по мере духовного совершенствования самого человека. На начальном этапе развития мышление формируется посредством анализа чувственного опыта, полученного путем взаимодействия человека с окружающим его миром и обществом людей. Чем совершеннее становится человек, чем более приближается он к объективной реальности, тем более совершенным становится его мышление, оно начинает познавать предметы духовного мира, переходит на новый уровень, из категории субъективной в категорию объективную. Преемственность от Византии организаций в духовной сфере бытия общества России и Запада сегодня в исследованиях констатируется как факт [4, с. 293]. Безусловно отвергая первую позицию, византинисты не соглашались и со второй, считая византизм неограниченностью обоих подходов была преодолена, не говоря уже о сегодняшней византистике. Более всего заслуживает внимание наблюдение акад. С.П. Карпова в том, что: «Византийский универсализм достигает воистину космических масштабов. Только одна империя – империя ромеев – единственная законная и экуменическая власть» [6, с. 49]. Данная модель структуры может послужить опорой устойчивого развития российской цивилизации, т.к. в ней отражается системный характер ценностей и выявлен фактор преемственности. Фактор преемственности показывает, что от эпохи к эпохе должен сохраняться каркас структуры ценностей, позволяющий сохранять традиции и трансформировать ценности в новые формы, соответствующие культурно-историческим реалиям.

Поздновизантийская эпоха характеризуется разрушением иерархического порядка, которому в глазах византийцев подчинялся весь мир и жизнь людей. Восприятие мира приобретает субъективно-индивидуальный характер, идет отход от принципов обобщенно-спиритуалистического восприятия действительности. В указанном плане верна констатация современного исследователя о том, что именно византийский исток был заложен в основе российских профетических концепций о будущем.

В Новое и Новейшее время происходит переосмысление традиций философии и культурсозидания. Приобретает новое переосмысление теория циклизма, человек вместо Бога считается движущей силой развития истории. Тем самым, он уже не носитель телеологиче-

ского предназначения, в контексте которого его жизнь была бы универсально осмыслена. Наравне с мерностью человеческого бытия тысячелетие империй выглядит монументальным и почти не достижимым сегодня опытом имперской традиции. По словам современного исследователя, в развитии имперских обществ «... ни одна империя не смогла столько просуществовать, разве что только Византия» [3, с. 14].

Важно сбалансировать ценности и общественное развитие. Сбалансировав и адаптировав духовные ценности народа к историческим реалиям, можно оптимизировать общественное развитие. Потеснив в основании истории движения социума его духовной сферы детерминизмом, постмодернизм современности спровоцировал появление мотивов декаданса в своем историческом сознании, вернувшись, тем самым, к некоторым античным представлениям. Уже к первым проявлениям такого опыта моральная философская традиция России отнеслась настороженно, т.к. в социокультурном сознании интеллектуалов появляется двусмысленность.

Российскому обществу в каждый исторический период присуща определенная *система духовных ценностей*, представляющих собой смысловые ориентиры действий и стремлений человека. Нравственность – свойство человеческого подражания, поэтому можно выявить столько добродетелей, сколько есть свойств человеческой деятельности. Ключевая добродетель ценностной структуры, необходимой для социокультурных традиций современности – здравомыслие, мудрость, призвана обеспечить наилучшие условия для разума, научно-философского осмысления действительности. Духовные же ценности объединяют людей, времена и народы, но имеют разную форму выражения в зависимости от характеристик исторического периода.

В каждый исторический период в обществе преобладает определенная система ценностей, отражающая особенности эпохи. При этом духовные ценности сохраняют свою сущность, выражаясь в различных формах проявления, обеспечивают взаимосвязь традиций и инноваций, способствуя тем самым общественному развитию. Таким образом, добродетельная жизнь человека направлена в первую очередь на познание природы вещей, на познание человеческих дел.

Литература

- Бессонов И.А. Русская народная эсхатология: история и современность. – М.: Гнозис, 2014. – 336 с.
- Бычков В. В. 2000 христианской культуры. sub specie aesthetica. В 2-х томах, т. 2. Славянский мир. Древняя Русь. Россия. – М.: СПб.: Университетская книга, 1999. – 527 с.
- Грей К. Средние века. / Кетрин Грей. Пер. – А.Ф. Астафьева. – М.: Изд-во АСТ, 2023. – 352 с.
- Елдин М.А. Философские проблемы взаимодействия духовных традиций российских народов в Средневожье // Историко-культурные аспекты развития полиэтнических регионов России: материалы X Сафаргалиевских науч. чтений / МГУ им. Н.П. Огарёва; [отв. ред. Н.М. Арсентьев]. – Саранск: Тип. «Красн. Окт.», 2006. – С. 293.
- Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из варвара христианина? – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 376 с.
- Карпов С.П. Доктрина императорской власти в Византии и ее судьба после 1204 г. / Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. Отв. ред. и сост. Н.А. Хачатурян; Ин-т всеобщей истории РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Наука, 2011. – С. 46–65.
- Культура Византии. XIII – первая половина XV в. – М.: Наука, 1991. – 637 с.
- Леонтьев К.Н. «Моя литературная судьба». Автобиография // Литературное наследство. – М., 1935. № 22–24. – С. 427–496.
- Маслин М.А. «Русская идея» и проблема возрождения российской государственности // Вестник МГУ. Сер. XII, Социально-политические исследования, 1993. – № 5. – С. 25–29.
- Миллер Т.А. Византийская экзегеза // Патристика: новые переводы, статьи. Сб. науч. ст. – Н. Новгород, 2001. – С. 204–253.
- Мочалов Е.В. Антропология всеединства в русской философии. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. – 244с.
- Памятники византийской литературы IX–XIV вв. – М.: Наука, 1969. – 463 с.
- Петрунин Ю.Ю. Призрак Царьграда: неразрешимые задачи в русской и европейской культуре. – М.: КДУ, 2006. – 224 с.
- Хальбвакс М. Социальные классы и морфология / Пер с фр. А.Т. Бикбова, Н.А. Шматко; отв. ред., послес. А.Т. Бикбов; сост. биограф. Очерк В. Карди. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000. – 509 с.
- Becford J.A. The Return of Public Religion? A Critical Assessment of a Popular Claim // Nordic Journal of Religion and Society. – 2010. – № 2 (32). – P. 128–145.

THE PARADIGM OF THE POST-BYZANTINE SPIRITUAL TRADITION IN EURASIA: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

Eldin M.A., Shirshov A.V., Izergina V.P., Shegulova M.A.
National Research Ogarev Mordovia State University

An essential task of the latest research on the specifics of society in Eurasia is to reveal the fundamental importance of the system of spiritual values and adapt it to historical epochs of development. The innovative nature of this consideration of these issues contributes to the solution of this problem.

Spiritual culture transmits values from generation to generation through upbringing and education. The problem of the moral responsibility of the individual to society, along with other issues of civic ethics, began to occupy an important place in the social ideology of Byzantium.

Education is characterized by a certain system of values, such as knowledge, the educational process, creativity, personal development, upbringing, academic performance, learning success, and others. Public interests for the Byzantines in the tradition of the “paideia” of the Roman Empire should be higher than personal ones, a Byzantine citizen should not indulge only in empty pleasures. This tradition was derived from the Rigorist morality of Rus and Russia. It is important to perceive the traditions of Russian spiritual culture in the aspect of the spiritual and moral content of the famous works of philosophical literature of Ancient Russia and Russia, which has historical roots in the life of Russian society. This is primarily the Byzantine spiritual heritage.

Keywords: tradition, religion, region, culture, specificity of spirituality, continuity from Byzantium.

References

- Bessonov I.A. Russian folk eschatology: history and modernity. Moscow: Gnosis, 2014. 336 p.
- Bychkov V.V. 2000 Christian culture. sub specie aesthetica. In 2 volumes, vol. 2. The Slavic World. Ancient Russia. Russia. – M.: St. Petersburg: University Book, 1999. 527 p.
- Gray K. The Middle Ages. / Katherine Gray. Translated by A.F. Astafiev. Moscow: AST Publishing House, 2023. 352 p.

4. Eldin M.A. Philosophical problems of interaction of the spiritual traditions of the Russian peoples in the Middle Volga region // Historical and cultural aspects of the development of multiethnic regions of Russia: materials of X Safargaliev scientific readings / Ogarev Moscow State University; [ed. N.M. Arsentiev]. – Saransk: Type. "Red October", 2006. – 293 p.
5. Ivanov S.A. Byzantine missionary work. Is it possible to make a Christian out of a barbarian? / Moscow: Languages of Slavic Culture, 2003–376 p.
6. Karpov S.P. The doctrine of imperial power in Byzantium and its fate after 1204 / Empires and ethnonational states in Western Europe in the Middle Ages and earlier Modern Times (Ed. and comp. by N.A. Khachaturian); Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; Moscow State University named by M.V. Lomonosov, Moscow: "Nauka" Publ., 2011. Pp. 46–65.
7. Culture of Byzantium. XIII – the first half of the XV century. – M.: Nauka, 1991. – 637 p.
8. Leontiev K.N. "My literary destiny". Autobiography // Literary heritage. Moscow, 1935. № 22–24. – pp. 427–496.
9. Maslin M. A. "The Russian Idea" and the problem of the revival of Russian statehood // Bulletin of Moscow State University, Series XII, Socio-Political Studies, 1993, No. 5, pp. 25–29.
10. Miller T.A. Byzantine exegesis // Patristics: new translations, articles. Collection of scientific articles. N. Novgorod, 2001. – pp. 204–253.
11. Mochalov E.V. The anthropology of unity in Russian philosophy. – Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg University, 2006. – 244 p.
12. Monuments of Byzantine literature of the IX–XIV centuries. Moscow: Nauka, 1969. – 463 p.
13. Petrunin Yu.Y. The ghost of Tsargrad: unsolvable tasks in Russian and European culture. – M.: KDU, 2006. – 224 p.
14. Halbwaks M. Social classes and morphology / Translated from the French by A.T. Bikbova, N.A. Shmatko; ed., afterword by A.T. Bikbov; comp. the biographer. An essay by V. Cardi. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Al-eteya, 2000. – 509 p.
15. Becford J.A. The Return of Public Religion? A Critical Assessment of a Popular Claim // Nordic Journal of Religion and Society. – 2010. – № 2 (32). – P. 128–145.

Концептуальная конструкция как инструмент познания, развития и управления

Кучкаров Захирджан Анварович,

д.э.н., к.т.н., заведующий кафедрой концептуального анализа и проектирования, ФГАОУ ВО «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)»; академик Российской академии естественных наук (РАЕН); ассоциированный член Комитета Российского союза промышленников и предпринимателей по экологии и природопользованию
E-mail: kuchkarov@aconcept.ru

Деревянко Мария Сергеевна,

соискатель ученой степени кандидата юридических наук, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; заместитель директора по организации научной работы, АНО «Национальный научный центр компетенций в сфере противодействия незаконному обороту промышленной продукции»
E-mail: meretsi@yandex.ru

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей востребованностью использования методов концептуального анализа и проектирования для решения фундаментальных и прикладных задач управления, проектирования и регулирования, а также необходимостью восполнения существующего пробела в основополагающих исследованиях понятия и сущности концептуальной конструкции. Авторами устанавливается роль концептуальной конструкции в науке и практике, начиная с первичных представлений человека о происходящем, обосновывается важность наличия концептуального мышления для специалистов, занимающихся созданием концептуальных конструкций (моделей) и концептуальным проектированием. Затрагивается вопрос определения границ предметной области, ее сущности, форм представления данных. Раскрываются цели применения концептуальных конструкций, а также сферы их применения, показывается значение концептуального моделирования. Концептуальная конструкция является не только значимым инструментом познания, развития отдельных индивидов и всего общества в целом, но и неотъемлемым элементом метода концептуального анализа и проектирования, применение которого во всех сферах, затрагивающих организационное развитие и функционирование государства, позволяет вывести процесс управления на значительно более высокий уровень.

Ключевые слова: концептуальная конструкция, концептуальная модель, концепт, конструкт, концептуальное мышление, концептуальное проектирование.

Введение

Настоящее исследование является обзорным, представило в одной статье и последовательно раскрывает сущность основных понятий и явлений, из которых происходят концепт, концептуальная конструкция и концептуальное проектирование.

В исследовании предприняты попытки дать ответы на ряд фундаментальных вопросов, связанных с существованием данных явлений, а также о том, что представляет собой концепт и концептуальная конструкция, кто занимался их изучением, какое значение они имеют для концептуального проектирования.

Исследование основано на гипотезе о значимой роли концептуального анализа и проектирования в организационном развитии, а также в развитии государственного управления.

Задачи исследования:

- провести анализ научных точек зрения;
- установить сущность и различия концепта, конструкта, концептуальной конструкции и концептуальной модели, выяснить, как они взаимосвязаны;
- определить роль концептуального мышления в создании указанных явлений;
- определить место обозначенных явлений в науке и практике.

Исследование проведено в рамках инициативных НИР Некоммерческим партнерством «Центр инноваций и высоких технологий «КОНЦЕПТ»», являющимся базовой организацией кафедры Концептуального анализа и проектирования МФТИ.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы учеными различных областей науки при дальнейшей разработке темы, а также студентами и практиками, в том числе юристами, лингвистами, концептуалистами, психологами.

Основная часть

Термин «концепт»

В целях установления сущности и различий концепта, конструкта, концептуальной конструкции и концептуальной модели, сначала проведем обзор мнений ученых, представленных в научной литературе.

«Исходя из анализа научной литературы, можно сделать вывод, что существует несколько точек зрения на природу концепта, которая является разнообразной и сложной по своей сущности. Определение термина «концепт» меняется в зависимости от того, какая наука его интерпретирует» [1].

Под словом Концепт стоит не одно значение слова, а целый набор свойств, живущих в нашем сознании, присущих разным объектам, называемым одним этим словом. Значение слова передает лишь часть признаков объекта, но весь смысл в это время существует в сознании познающего, причем не единственного.

«Концепт – это условная единица, отличающаяся некоторой размытостью. Концепт состоит из ядра, являющегося его именем, и периферии. Ядро содержит наиболее значимые языковые ассоциации, периферия – менее

значимые. Количество разных ассоциаций безгранично (сколько людей, столько ассоциаций)» [2].

«Ученые давно обращали пристальное внимание на вопрос соотношения слова и понятия, под которым в современном прочтении понимается концепт. Связь между словом и понятием (концептом) устанавливается в процессе совместной деятельности людей и постепенно разделяется всеми членами данного человеческого сообщества. Без этого взаимопонимание между людьми невозможно. Совпадение картин мира, стоящих за тем или иным концептом, полным не бывает в силу того, что полнота здесь зависит от многих факторов, в том числе уровня образования, жизненного опыта, среды обитания (естественной и социальной) и многого другого. Если даже у носителей одного языка, живущих в едином лингвокультурном пространстве, полной идентичности концептов, особенно сложных, не наблюдается, то это положение полностью относится и к носителям разных языков» [3].

Поэтому необходимо отметить, что в разных языках одни и те же концепты могут репрезентироваться по-разному.

У понятия концепт многовековая история и начинается она с периода средневековья. В то время это были рассуждения об универсалиях. «Платон отождествлял универсалии с идеями, находящимися в невидимом мире идей, а Аристотель утверждал, что универсалии как общее, способны обладать реальным существованием, присутствуя в вещах» [4].

«Средневековые схоласты восприняли от философов античности проблему, суть которой состояла в том, что считать истинной реальностью – общую идею вещи или саму вещь. Реалисты полагали, что первичны общие идеи, а не конкретные вещи; номиналисты – что и род, и виды – просто слова, реальны же только обозначаемые ими конкретные вещи. Что касается третьего направления этого спора – концептуализма, то устами своего провозвестника П. Абеляра оно утверждало, что универсалии (то есть общие понятия) действительно существуют, но только в уме (душе) человека [Неретина, 1994].» [5].

«История развития термина «концепт» в отечественной науке начинается с заимствования данного понятия из математической логики (труды Г. Фреге и А. Черча). Слово «концепт» в переводе с латинского слова *conceptus* (от глагола *concipere* – «зачинать») означает буквально «понятие, зачатие». В русском языке это слово как термин впервые используется С.А. Аскольдовым (псевдоним С.А. Алексеева) в 1928 году в статье «Слово и концепт», опубликованной в журнале «Русская речь», где автор главным свойством концептов указывает функцию заместительства» [6]. С.А. Аскольдовым выделялись следующие виды концептов: художественные и познавательные.

В современную эпоху в научное поле термин «концепт» возвратил Д.С. Лихачев, по мнению которого концепт исходит не из смысла слова и его значения, а из результата его столкновения с опытом людей. Также Д.С. Лихачев предложил термин «концептосфера», который наделял значением совокупности концептов нации. После этого С.С. Неретина возобновила процесс исследования теории концепта в российской философии путем обновления его средневекового восприятия и понимания.

В завершение обзора мнений, имеющих в научной литературе по поводу понятия «концепт», необходимо отметить, что оно определено достаточно четко, но под призмой разных наук. При этом суть этого понятия остается неизменной, она лишь дополняется новыми качествами, которые имеют место быть.

Термины «конструкт», «концептуальная конструкция» и «концептуальная модель» и их взаимосвязь с термином «концепт»

В ходе настоящего исследования установлено повсеместное употребление в литературе и практической деятельности понятий «конструкт», «концептуальная конструкция» и «концептуальная модель» в отсутствие четкого их научного трактования, что, в свою очередь, порождает неверное употребление данных понятий, затруднения в восприятии и применении. В связи с этим авторами предпринята попытка устранить обозначенную неопределенность.

Введем необходимый минимум понятий для рассуждений в рамках парадигмы проектирования. Система организационного управления (СОУ) – совокупность процедур выработки решений относительно некоторого объекта управления. Концептуальное проектирование СОУ – вид проектирования, при котором проекты СОУ создаются как интерпретации специально создаваемых концептуальных схем. Концептуальные схемы фиксируют определенные целостности предметной области, относительно которых только и имеет смысл вырабатывать решения. В процесс проектирования СОУ включается, таким образом, разработка концептуальных схем, теоретически определяющих как предметную область (объект управления), так и саму СОУ.

«Основной вопрос, который должен решить аналитик в ходе исследования проблемы – это вопрос о границах той области, которая вовлекается им в исследование. После того, как границы установлены, все, что находится в пределах этих границ и что достаточно для исследования проблемы, называют «предметной областью. В одной и той же области деятельности может существовать много различных предметных областей» [7].

Формулировка задач, которые, как предполагается, будут решаться в предметной области – это один из шагов ограничения предметной области. Формулировка задачи предполагает, что исследователь или проектировщик приняли определенную точку зрения на предмет. Каждый объект, каждую область можно рассматривать с множества разных точек зрения, формируя множество разных предметных областей.

Если точка зрения зафиксирована, можно выделить предметную область. Если точка зрения не зафиксирована, придется иметь дело с бесконечным содержанием, а с бесконечностью конструктивно работать нельзя.

Например, понятие «человек» обладает бесконечным содержанием. Скажем, его телесность – это часть его сущности, выделенная точкой зрения.

В этом смысле «точка зрения» и «задача» представляют собой примерно одно и то же по извлекаемым следствиям. Это некая исследовательская или инженерная позиция, которая принимается, исходя из задачи, требующей решения. Речь идет о тройке: выделение объекта, предмета, ситуации интересующего содержания при помощи определения предметной области. Это и есть ограничение содержания.

Для сложных предметных областей построение концептуальной схемы представляет собой задачу, для решения которой необходимо иметь специальные средства, позволяющие быстро и точно разрабатывать частные теории, изменять их без утери целостности, конкретизировать до нужного уровня, синтезировать общую теорию. Такими средствами и являются методы концептуального анализа и синтеза.

Схема – это минимальный смысловой уровень конструкции, это уровень, применяемый в моделях баз данных. В сфере баз данных строят логические модели дан-

ных, которые ни на какую теоретизацию предметной области не претендуют, а лишь фиксируют, схематически упорядочивают существующую информацию. С методологической, когнитивной точки зрения на этом уровне ничего, кроме упорядочения, структуризации, не происходит.

Схематизация – это замена эмпирического предметного материала на некоторые схемы, использование которых делало бы более правильным и удобным дальнейшую работу с предметной областью, с ее данными, величинами, реквизитами.

Концептуальная схема (КС) представляет собой конструкт, примененный к некоторому (более глубокому) содержанию, то КС есть состоит из двух частей. Концептуальная схема является конструкцией, которая объясняет предметную область, то есть вскрывает ее сущность и объясняет явления, закономерности и т.д., КС обладает и предсказательной (эвристической) силой.

Конструкт используется в конкретном и определенном смысле, более того, его роль, смысл и значение задаются в определенных отношениях, он в определенной задаче очень узким образом заменяет исследователю реальность. Концептуализация – это способы нахождения конструктов, соответствующих содержанию решаемой задачи, или предметной области.

Будучи найденным и примененным к предметному содержанию, конструкт задает логику вопросов к нему. В разворачивании исследований срабатывает функция конструкта – он детерминирует структуру ответа, а также структуру тех операций, которые могут осуществляться в предметной сфере. Возможности оперировать содержанием заложены в самом конструкте.

Примеры конструктов можно обнаружить уже в курсе школьной геометрии. Например, это цилиндр. Имеет место широкое применение этого конструкта для решения реальных практических задач. Скажем, при определении вместимости автобуса, троллейбуса или другого транспортного средства человека можно заменить конструктом – цилиндром с некоторым диаметром и высотой, абстрагируясь от формы, конечностей, неоднородности размеров в разных частях тела. Объектом становится человек, в котором выделяется одна важная, существенная для задачи сторона, а именно – его телесность, его геометрические размеры. Человек представляется одним из своих аспектов. Этот аспект эксплицируется и замещается конструктом цилиндр. Важным для решения данной практической задачи является то, что человек обладает материальным телом и в силу этого занимает некоторый объем в пространстве. Заметим, что так решается задача вместимости транспортного средства, но отнюдь не задача его грузоподъемности.

Если же ставится задача спроектировать транспортное средство, учитывающее другие стороны человека (весовые, психологические, эмоциональные), то применение цилиндра в качестве единственного конструкта будет неадекватным упрощением, редукцией человека.

Какой бы конструкт мы ни взяли, ему можно сопоставить интерпретацию, тогда мы говорим, что возникнет его собственная онтология, причем не одна. И, наоборот, любой объект, любое содержание могут быть представлены множеством различных точек зрения и поддерживающих их конструктов.

Конструкт позволяет фиксировать и транслировать из поколения в поколение достигнутое «рафинированное» знание в силу своей инвариантности, неподверженности изменениям во времени. «Прямоугольник» времен Евклида тот же, что и сегодня, и если тексты толковать и трактовать можно, то прямоугольник «трактовать» нельзя.

Все изменяется, а геометрия Евклида – нет. Конструкты обладают свойством неизменности. Треугольник, квадрат не изменились, свойства треугольника по сей день – те же самые. Даже когда строятся новые геометрии, вводятся новые конструкты, геометрия Евклида будет в каких-то случаях необходима. Новые конструкты будут применяться в других предметных областях и для этих областей также сохранять и транслировать и знание.

Складывая знания в конструкции, мы можем переходить к добыче следующего знания, не запутывая и не смешивая знания, а разделяя их. Конструкт формирует определенные границы содержания. Он делит содержание на определенные фрагменты и, отложив после подбора или создания один определенный конструкт, мы можем заняться другой частью содержания.

Графически это можно изобразить в виде двух компонентов, один из которых назовем идеальным познавательным средством, то есть конструктом, а другой – частью содержания, которая выделяется определенной точкой зрения на объект. Концептуальные схемы фиксируют определенные целостности предметной области, подчеркнем еще раз, что вырабатывать решения имеет смысл только относительно целостностей.

Концепт (третий уровень глубины смысла конструкции) отличается от концептуальной схемы (второй уровень) тем, что, если при создании концептуальной схемы осуществляется поиск сущностей, родовых отношений, присущих предметной области как она дана, то при определении концепта реализуется постулирование абстрактного уровня, или говорят, полагание сущности, а не ее экспликация из данного содержания. В этом, третьем случае осуществляется высшая форма осмысления, путем нормативного, прескриптивного полагания сущности данного предмета.

Когда речь заходит об обсуждении идей и теорий, термины «концепт» и «конструкт» часто используются как взаимозаменяемые. Однако между ними существуют различия, которые мы показали выше и которые важно удерживать.

Примененный по отношению к предметной области или предмету конструкт вместе с фрагментом предметного содержания образует концептуальную модель. Иными словами, концептуальная модель – это всегда интерпретированный конструкт.

От терминологии – к процессу

Не изученность и слабая структурированность проблем при несформированных системных представлениях об их компонентах, а также связанных с ними объектах является предметом концептуальных исследований.

«При разработке информационных систем, ориентированных на обработку данных (информационно-справочных систем), одним из ключевых факторов успешного завершения проекта является обеспечение высокого качества обработки данных в системе. Для систем такого типа ключевую роль играет их организация. Помочь понять и представить организацию данных в системе призвана база данных системы. Процесс разработки базы данных начинается с концептуального проектирования – построения концептуальной модели, которая представляет объекты и их взаимосвязи без указания способов их физического хранения» [8]. В этой связи концептуальная модель по своей сути является первичным состоянием предметной области разрабатываемой системы и обязательным ее компонентом.

Основой для проектирования концептуальной модели является анализ бизнес-процессов, связанных с заданной предметной областью. Следует отметить, что

в процессе проектирования концептуальной модели специалист должен сосредоточиться на структурировании данных и уяснении взаимосвязей между ними и не касаться вопросов их обработки. «К сожалению, часто сложно описать систему, так как нет четких стратегий и правил по определению элементов, которые должны в нее входить. Такая неопределенность вполне объяснима, поскольку для каждого отдельного случая нужно определить и описать конкретные элементы системы. Таким образом, невозможно разработать универсальные способы их определения и описания» [9].

Для целей описания предметной области в теории архитектуры баз данных обычно выделяют несколько слоев (уровней абстракций): ядро (внутренний, логический), концептуальный и наружный (внешний).

Ядро представляет собой систему непосредственно хранения данных. Наружный слой представляет собой способы передачи или представления данных пользователям системы.

Концептуальный слой – это некий переход между двух обозначенных уровней (от ядра к внешнему). На концептуальном уровне важно правильно описать предметную область, определить ее границы и указав основные объекты. Здесь используются различные модели данных, в частности модель сущность-связь и семантическая иерархическая модель.

Предметную область можно представить с помощью нескольких элементов – сущности, атрибута и связи. Сущность представляет собой спектр существующих или представляемых (воображаемых) вещей, имеющих между собой что-то общее. Сущность должна иметь имя, представленное каким-либо существительным в единственном числе. У сущности всегда есть атрибут – некое свойство или характеристика. Связь же обеспечивает соединение между двумя объектами. Один объект может быть связан с другим объектом или сам с собой. Связи позволяют вам находить другие объекты, связанные с одним объектом.

«Лингвисты давно заметили, что слова, которые в предложении по смыслу связаны друг с другом, можно соединить дугами, обозначив на дугах тип связи. Так получается сеть, выражающая довольно точно смысл предложения даже в том случае, если отбросить почти все морфологические признаки слов» [10].

В науке концептуальная модель понятно и обозримо преподносит структуру создаваемой предметной области, а также устанавливает прослеживаемость ее элементов и взаимосвязь между ними. Кроме того, она в наглядной или описательной форме раскрывает основные моменты, требующие исследования, образует структуру процесса исследования, создает возможность связать между собой теоретические и практические данные, дает направленность процессу сбора данных и создает возможности для интерпретации. Исследования, обогащенные концептуальными моделями, приобретают обоснованность и строгость. Обоснованность им придают те явные основания, которые послужили предположениями в постулировании концептуальных конструкций. Строгость обретается следованием структурным предписаниям моделей [11].

Правильное мышление – залог успеха формируемых процессов

Для того чтобы создавать концептуальные конструкции и модели, необходимо обладать особым, концептуальным мышлением. Представляется, что данный тип мышления, как и другие явления в данной статье, возможно детально рассмотреть.

«Итак, концептуальное мышление – это тип мышления, сформировавшийся на основе синкретизма (от лат. *syncretismus* – соединение обществ) рационально-логических, нравственных, художественно-эстетических парадигм мышления, позволяющий оперировать разнообразными и, возможно, несопоставимыми с точки зрения традиционной логики понятиями и образами, обнаруживая между ними неочевидные связи и предлагая решение проблемы на основе творческого инновационного подхода.

Концептуальный тип мышления предполагает значимую роль воображения как процесса создания новых образов на основе ранее воспринятых и отражения реальности в новых, непривычных сочетаниях и связях и потому являющегося неотъемлемой частью технического, художественного и всех иных видов творчества» [12].

Концептуальное мышление придает ходу мысли целенаправленность и строится на основе концептов, каждый из которых может, как фиксировать нынешнее состояние, так и задавать возможные варианты действий.

«Концептуальное мышление позволяет перейти от самих явлений к стоящим за ними сущностям. На языке философов это называется онтологизация – преобразование знания о «вещах» путем обращения к их сущности. Это процесс избавления от разнообразных внешних форм через вскрытие и проявление глубинных, фундаментальных связей. Там, где обычное сознание, обычный менеджер «видит» разное, концептуальное мышление инструментально находит единое» [13].

Управленец, не обладающий концептуальным мышлением, весьма ограничен в выработке точных управленческих воздействий.

По мнению Никанорова С.П. концептуальное мышление представляет собой разновидность принудительного, нормативного мышления, имеющего существенно инструментальный и технологический характер. Оно отличается от обыденного мышления тем, что обыденное мышление «происходит», то есть его процесс волевым актом не устанавливается, а концептуальное мышление «включается» субъектом тогда и в такой форме, в какой в этот момент необходимо. Основная установка концептуального мышления – полная свобода от господствующих представлений.

Преобразование обыденного мышления в концептуальное – есть долгий и сложный процесс, требующий колоссальных усилий и постоянного саморазвития. Однако результат всего этого делают человека хозяином ситуации. Это способность вырабатывать идеи путем совмещения разного рода компонентов, принимать правильные решения, творческий и креативный подход в решении задач, «трехмерное» чувство окружающей действительности и многое другое.

Заключение

Концептуальные конструкции применяются во многих областях практической и профессиональной деятельности людей: в психологии, философии, педагогике, бизнесе. Постепенно они находят свое применение в государственном управлении, в совершенствовании операционных схем компаний, управлении организационной культурой компании.

Таким образом, с помощью конструктов и концептов может быть построена система схем и моделей, от самых простейших, до сложных, которые объясняют и эксплицируют сущность и свойства реальных объектов и отношений, представляющих интерес для науки и практического применения, постулируют сущность и свойства будущих, еще не существующих объектов и отношений,

упрощают процесс восприятия и достижения целей, процессы решения проблем и совершенствование рутинных процессов. Конструкт, концептуальная конструкция, концепт и концептуальная модель представляют собой ряд познавательных и проективных инструментов, состоящих в тесной взаимосвязи.

Проведенное исследование показало существенную роль концептуальной конструкции, как наиболее значимого явления не только для развития отдельных индивидов посредством совершенствования мышления и доведения его до уровня, позволяющего формировать сложные концепты и концептуальные модели, но и всего общества путем применения методов концептуального анализа и проектирования во всех сферах, затрагивающих организационное развитие и функционирование государства.

Литература

1. Титова Ю.В. Теория концепта // Вестник УлГТ У. 2010. № 3 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kontsepta> (дата обращения: 19.08.2024).
2. Крюкова Г.А. Концепт. Определение объема содержания понятия // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-opredelenie-obema-soderzhaniya-ponyatiya> (дата обращения: 25.08.2024).
3. Агаева С.Т. Концепт и его структура (на примере концепта «образование») // БГЖ. 2020. № 1 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-i-ego-struktura-na-primere-kontsepta-obrazovanie> (дата обращения: 19.08.2024).
4. Данилова Ю.Н. Проблема универсалий в истории философии // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2013. № 27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-universalii-v-istorii-filosofii> (дата обращения: 25.08.2024).
5. Швырков А.И., Кошлаков Д.М. Концепт и проблема перевода // НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-i-problema-perevoda> (дата обращения: 25.08.2024).
6. Самситова Л.Х., Байназарова Г.М. Понятие концепта в лингвокультурологии: история развития, структура, классификация // Вестник Башкирск. ун-та. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kontsepta-v-lingvokulturologii-istoriya-razvitiya-struktura-klassifikatsiya> (дата обращения: 25.08.2024).
7. Никаноров С.П. Концептуальные методы. – М.: Концепт, 2002. – 32 с.
8. Лапшин В.С. Разработка и исследование метода построения концептуальной модели табличных баз данных 05.25.05 – информационные системы и процессы Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук. URL: <https://www.dissercat.com/content/razrabotka-i-issledovanie-metoda-postroeniya-kontseptualnoi-modeli-tablichnykh-baz-dannykh> (дата обращения: 14.08.2024).
9. Арзамасцева И.В., Гаврикова О.Н. Применение лингвистического инструмента при концептуальном моделировании // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2015. № 3 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-lingvisticheskogo-instrumenta-pri-kontseptualnom-modelirovanii> (дата обращения: 19.08.2024).
10. Тыгу Э.Х. – М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1984. – 256 с. – (Проблемы искусственного интеллекта).
11. Нигораи С. Значение и концепт. Различные подходы в изучение концепта // Вестник Педагогического университета. 2022. № 6–1 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-i-kontsept-razlichnye-podhody-v-izuchenie-kontsepta> (дата обращения: 19.08.2024).
12. Пендикова И.Г. Клиповое и концептуальное мышление как разные уровни процесса мышления // ОНВ. ОИС. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klipovoe-i-kontseptualnoe-myshlenie-kak-raznye-urovni-protsesta-myshleniya> (дата обращения: 04.09.2024).
13. Теслинов А.Г. «Концептуальное мышление в решении сложных и запутанных проблем». URL: <https://fictionbook.ru/static/trials/00/58/40/00584085.a4.pdf> (дата обращения: 04.09.2024).
14. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 267–279.
15. Кучкаров З.А. Некоторые методические аспекты концептуализации предметных областей // Scientific Light. – Wroclaw, Poland. – № 5 vol.1. – 2017. – с. 22–28. – ISSN 0548-7110.
16. Лихачев Д.С. 2015. Концептосфера русского языка. В кн.: Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., СПбГУП: 240–251.
17. Неретина С.С. Тропы и концепты. – М., – 1999. – 277 с.
18. Никаноров С.П., Никитина Н.К., Теслинов А.Г. Введение в концептуальное проектирование АСУ: анализ и синтез структур. М.: РВСН, 1995. 234 с.
19. Никаноров С.П. (2008) Теоретико-системные конструкты для концептуального анализа и проектирования. URL: <https://lib-bkm.ru/14401> (дата обращения: 19.09.2024).

CONCEPTUAL DESIGN AS A TOOL FOR COGNITION, DEVELOPMENT AND MANAGEMENT

Kuchkarov Z.A., Derevyanko M.S.

Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Russian Academy of Natural Sciences, Committee of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs on Ecology and Nature Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, National Scientific Competence Center in the Sphere of Combating Illegal Circulation of Industrial Products

The relevance of the research topic is due to the increasing demand for the use of conceptual analysis and design methods to solve fundamental and applied problems of management, design and regulation, as well as the need to fill the existing gap in the fundamental research of the concept and essence of conceptual design. The authors establish the role of conceptual design in science and practice, starting with a person's primary ideas about what is happening, and substantiate the importance of conceptual thinking for specialists involved in the creation of conceptual structures (models) and conceptual design. The issue of defining the boundaries of the subject area, its essence, and forms of data representation is raised. The purposes of applying conceptual constructions, as well as the scope of their application, are revealed, and the importance of conceptual modeling is shown. The conceptual design is not only a significant tool for the knowledge and development of individuals and society as a whole, but also an integral element of the method of conceptual analysis and design, the application of which in all areas affecting the organizational development and functioning of the state will bring the management process to a much higher level.

Keywords: conceptual design, conceptual model, concept, construct, conceptual thinking, conceptual design.

References

1. Titova Yu.V. Theory of the concept // Bulletin of UIST U. 2010. No. 3 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kontsepta> (date of reference: 08/19/2024).
2. Kryukova G.A. Concept. Definition of the scope of the concept content // Izvestiya RSPU named after A.I. Herzen. 2008. No.59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-opredelenie-obema-soderzhaniya-ponyatiya> (date of access: 08/25/2024).
3. Agaeva S.T. The concept and its structure (on the example of the concept "education") // BGZH. 2020. № 1 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-i-ego-struktura-na-primere-kontsepta-obrazovanie> (date of reference: 08/19/2024).
4. Danilova Yu.N. The problem of universals in the history of philosophy // Actual issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history. 2013. No.27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-universalii-v-istorii-filosofii> (date of access: 08/25/2024).
5. Shvyrkov A.I., Koshlakov D.M. The concept and the problem of translation // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right. 2020. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-i-problema-perevoda> (date of reference: 08/25/2024).
6. Samsitova L.Kh., Baynazarova G.M. The concept of a concept in linguoculturology: history of development, structure, classification // Bulletin of Bashkirsk. The university. 2014. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kontsepta-v-lingvokulturologii-istoriya-razvitiya-struktura-klassifikatsiya> (date of reference: 08/25/2024).
7. Nikanorov S.P. Conceptual methods. Moscow: Kontsept, 2002. 32 p.
8. Lapshin V.S. Development and research of a method for constructing a conceptual model of tabular databases 05.25.05 – information systems and processes Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Technical Sciences. URL: <https://www.dissercat.com/content/razrabotka-i-issledovanie-metoda-postroeniya-kontseptualnoi-modeli-tablichnykh-baz-dannykh> (date of request: 08/14/2024).
9. Arzamastseva I.V., Gavrikova O.N. Application of a linguistic tool in conceptual modeling // Models, systems, and networks in economics, technology, nature, and society. 2015. No. 3 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-lingvisticheskogo-instrumenta-pri-kontseptualnom-modelirovanii> (date of reference: 08/19/2024).
10. Tyugu E.H. – M.: Nauka. Main editorial office of the Physico-mathematical literature, 1984. 256 p. (Problems of artificial intelligence).
11. Nigori S. Meaning and concept. Different approaches to the study of the concept // Bulletin of the Pedagogical University. 2022. № 6–1 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-i-kontsept-razlichnye-podhody-v-izuchenie-kontsepta> (date of access: 08/19/2024).
12. Pendikova I.G. Clip and conceptual thinking as different levels of the thinking process. OIS. 2016. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klipovoe-i-kontseptualnoe-myshlenie-kak-raznye-urovni-protsesta-myshleniya> (date of access: 09/04/2024).
13. Teslinov A.G. "Conceptual thinking in resolution complex and confusing problems." URL: <https://fictionbook.ru/static/trials/00/58/40/00584085.a4.pdf> (date of reference: 09/04/2024).
14. Askold S.A. Concept and word // Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text: an anthology. Moscow: Languages of Russian Culture, 1997. pp. 267–279.
15. Kuchkarov Z.A. Some methodological aspects of conceptualization of subject areas // Scientific Light. – Wroclaw, Poland. – № 5 vol.1. 2017. pp. 22–28. – ISSN 0548-7110.
16. Likhachev D.S. 2015. The conceptual sphere of the Russian language. In: Likhachev D.S. Selected Works on Russian and World culture. St. Petersburg, SPbGUP: 240–251.
17. Neretina S.S. Trails and concepts, Moscow, 1999, 277 p.
18. Nikanorov S.P., Nikitina N.K., Teslinov A.G. Introduction to the conceptual design of automated control systems: analysis and synthesis of structures. Moscow: RVSN, 1995. 234 p.
19. Nikanorov S.P. (2008) Theoretical and system constructs for conceptual analysis and design. URL: <https://lib-bkm.ru/14401> (date of access: 09/19/2024).

Матвеева Янина Владимировна,

старший преподаватель, кафедра «Социально-философские и политические науки», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет
E-mail: matveyeva.yanina@mail.ru

В статье рассматриваются истоки имперской идеи, сущность и модусы её проявления. Интерес к этой проблеме возрос с появлением такого научно-исследовательского направления как «империология»

Несмотря на многообразие литературы по востребованности понятия «империя» как одного из вариантов обустройства общества, проблема имперской идеи оказалась за кадром. Правда, есть версии о причинах возникновения этой идеи, которая трансформировалась в слово, а слово в дело рождения новой реальности – империи с претензией на новую парадигму системы общественных координат. Потенциал имперской идеи делает ее фактором, духовной силой социализации общества. Она может быть эффективным средством решения основного противоречия между желаниями человека и структурно организованным табу общества людей духовного единства, Общего Дела. Как фактор социализации, имперская идея обеспечивает развитие культуры общества и приумножает человечность человека, трансформирующего волю к жизни в волю к власти над собой.

Сущность имперской идеи рассматривается через категорию незримой субстанции, которая не подлежит измерению на эмпирическом уровне познания. Атрибут имперской идеи проявляется в модусах конкретного «бытия в мире». Она подобна корням дерева, обеспечивающих его жизнь, но хранящих свою незримость.

Ключевые слова: имперская идея, империя, система общественных координат, власть авторитета, авторитет власти, вызов, ответ, духовная сила, «бытие в мире», «бытие мира».

На сегодня сложились три точки зрения на отношение к империи, которая является производной имперской идеи. Одни авторы рассматривают империю как отработанный материал и её место только в архивах истории [7, с. 17]. Другие полагают, что империя – это высшая стадия тоталитарного государства [1], а третьи считают, что это исторически оправданная форма правления (новая система общественных координат) [4, с. 69]. Чтобы понять, где истина и кто прав, следует исследовать истоки имперской идеи, уяснить причину её возникновения, понять повышенный интерес к этой проблеме в условиях современного исторического вызова, который заявил о себе в формате кризиса в основных сферах общественного производства, продемонстрировав угасание дееспособности государства оперативно разрешать критические ситуации, обеспечивать оптимальный регламент жизни общества и жизнедеятельности общественного человека. Всё это прямо и опосредованно свидетельствует, что любое явление, имеющее своё начало, устремлено в своё завершение (летальность). Институт государства не является исключением. В далёком прошлом власть авторитета, исчерпав свой потенциал быть регламентом протообщества и человека в его становлении и развитии, уступила место авторитету власти в лице государства с его ставкой на бюрократию, как основание системы вертикали власти и горизонтальной коммуникаций.

Современный исторический вызов свидетельствует, что в условиях естественной глобализации мира и возможного его передела осуществляется процесс интеграции стран в союзы, блоки, центры силы, что ведёт к потере суверенитета и угасанию национальной государственности. Всё это обуславливает поиск новой системы общественных координат, которая должна прийти на смену государству как авторитету власти. Когда и в каком качестве сказать трудно, но можно предположить, что удача сопутствует тем исследователям, которые не без основания полагают, что в прошлом уже имеются знаки будущего. Их нужно только искать, осозная что «не всё то золото, что блестит».

Между парадигмами системы общественных координат жизни общества и жизнедеятельности общественного человека существует необходимость переходного периода, в ходе которого практика либо подтверждает один из вариантов новой системы общественных координат или заставит исследователей продолжать поиск достойного ответа нынешнему историческому вызову.

Автор заявленной статьи, ознакомившись с этим поиском считает необходимым исследовать историю имперской идеи, её возможности, проанализировать наследие римской и византийской империй в надежде отыскать знаки будущего, и только затем предложить концепцию желаемой системы общественных координат с учётом объективных условий современности.

В прошлом есть уже нарабатанный опыт взаимосвязи верхов и низов; центра и периферии; организатора и исполнителя; межкультурных взаимоотношений в условиях полиэтничности и конфессионального многообразия; особой демографической и языковой политики; единой государственной идеологии; образовательной системы подготовки подрастающего поколения. Империя демонстрировала структурную организованность,

целостность, системность и динамичность общественной жизни [6, с. 181–182].

Но и империя не вечна. Как и все, что проходит по реестру «бытия в мире», империя имеет свои стадии становления, развития и угасания. Любой порядок уступает место хаосу, кризису, но это будет уже следующий, очередной исторический вызов грядущим поколениям.

Что касается нынешних дискуссий о том, какие страны можно считать империями, а какие нет, то это скорее разговор ради разговора. Только время покажет, какие страны хотя бы, а какие могут осуществить имперский проект системы общественных координат жизнедеятельности людей неравных по природе, но равных в формате отношения к триаде «святого, священного и светского». Каждый индивид устремлён на осуществление своих желаний, целей, интересов, но только в границах имперской системы общественных координат индивид обретает осознанное понимание, что его частная жизнь протекает в лоне общественной жизни людей разных этносов и конфессий. Эта жизнь подчинена единому плану осуществления определённой стратегии и тактики развития конкретного общества, обеспечивающего защиту страны и благополучие её граждан с одинаковыми правами и обязанностями.

Каждая империя, при всей похожести с другими имперскими образованиями, уникальна и неповторима. Она имеет свою историю становления и развития, свою культуру, свои традиции и обычаи; свои объективные условия и свой субъективный фактор общественного развития. Что касается термина общего наименования – «империя», то он скорее условный, чем безусловен, ибо является своеобразной «визитной карточкой» разных, но по существу похожих форм правления [10, с. 19–20].

В целом, можно сделать предварительный вывод о том, что интерес к заявленной проблеме сохраняет свою актуальность и она возрастает, учитывая поиск достойного ответа историческому вызову, который по существу является реакцией на дееспособность государства, на угасание государственности как авторитета власти, как устаревшей системы общественных координат, которая не отвечает требованиям современности и надеждам его граждан.

В истории имперского проекта просматривается определённая схожесть с авторской концепцией «круговорота» Дж. Вико (1668–1744). Дж. Вико выделяет три исторических эпохи: время богов, героев и людей. Для времени богов характерной формой правления являлась власть авторитета. Время героев отмечено становлением авторитета власти, преодолением хаоса усилиями государства. Время людей – это, как правило, поиск оптимальной формы правления, поиск компромиссов политического режима.

В первом случае – это ставка на верховенство Бога, перед которым все равны. Во втором случае, это демонстрация ничем не ограниченной силы всевластия. В третьем случае – это надежда на силу права, за которой стоит человеческий разум в его развитии. Но за каждой эпохой стоит человек как Альфа и Омега всего сущего; как субъект активного участия и как объект всеобщего манипулирования; как цель и как средство подчас сомнительных целей.

В каждую эпоху нарабатанная культура освоения мира формирует свою систему ценностей и их проявление на уровне ценностных ориентиров человеческого поведения.

Смена исторических эпох обусловлена, по Дж. Вико, конфликтом поколений и возможностями разрешения этого конфликта на пути от варварства к цивилизации, от цивилизации к новому варварству, подтверждая

круговорот причины и следствия. Опираясь на наследие Платона, который в метафизике «бытия мира» видел незримую, незахламлённую абсолютную идею высшей справедливости; ссылаясь на проницательность Тацита, который усматривал практическую мудрость человека даже в мире повседневной суеты; обращаясь к нарабатанному опыту Гуго Гроция, обосновавшему необходимость и целесообразность союза философии и науки, исключаящего их тождество, Дж. Вико предлагает вместо субъективной правды о тех или других событиях своё понимание истины. Критерии истины не в очевидности, а в практике. С позиции этого подхода Дж. Вико рассматривает движение от одной исторической эпохи к другой. Это своеобразная спираль со своей амплитудой колебания. Чем выше подъём, тем глубже падение и тому примеры древнего Рима, Византии. К этому можно добавить и современную Европу, ставшую на путь саморазрушения.

Причины подъёма и падения мыслитель усматривает прежде всего в природе человека, преследующего свои интересы. В начале люди довольствуются необходимым; затем обращают внимание на полезное и удобное; позже наслаждаются, развлекаются, развращаются, безумствуют, растрачивая свой потенциал. Каков человек, такова и нация. По мнению Дж. Вико люди создали свой мир социума, но создали его так, как хотел всевышний Разум. Идеалы этого Разума – платоновская сумма метафизических ценностей добра и справедливости, сакральности жизни и мира. Идеалы – это мост от Бога к человеку, от вечности к текущему моменту. Это коммуникативная связь бесконечного и конечного, трансцендентного и исторического. Человек и общество, потерявшие связь с метафизическими ценностями, впадают в кризис, но и на краю гибели идеальный проект вечной мудрости, подобно «Фонарю Диогена», освещает путь спасения, выхода из тупика. В нашем случае, в истории России, – это вектор имперской идеи.

К имперской идее человек шёл долго, организуя своё поведение через табу, ритуалы, обряды протокультуры. Власть авторитета опиралась на дух предков. Пантеон заложил основание мифологического мировоззрения, которое в последующее время трансформировалось в истоки религии и будущей философии. Первой формой организации общественной жизни человека был род в его двух стадиях матриархата и патриархата. Род обеспечил переходный период от биологической популяции особой проточеловека к социальной общности людей в формате общины с правлением власти авторитета уважаемых старейшин, глав семейств. История сохранила память о четырех общинах. Это азиатская, античная, германская и славянская. Каждая из отмеченных общин имеет свою историю становления и развития. О каждой можно многое сказать, но автор статьи считает необходимым заострить внимание своего читателя на особенностях античной общины, которая вызвала к жизни мысль, а позже и саму имперскую идею в разумном Слове-Логосе. В наследии Гомера и Гесиода, свидетелей исторического вызова античному миру, ещё сохраняется ностальгия о «Золотом веке», где люди жили как боги, но космос (порядок) уступил место хаосу. Это было свидетельство того, что и община исчерпала потенциал своих жизненных сил. Исторический вызов ждал ответа, но уже не от мифологического мировоззрения, а от философии. Пифагор, Гераклит, Демокрит, Сократ, Платон, Аристотель осуществили анализ системы общественных координат античной общины. Оценив её состояние, они пришли к заключению о её недееспособности. Власть авторитета не могла противостоять хаосу.

В размышлениях о судьбах общины сложился категориальный каркас античной философии. Это ключевые понятия космоса и хаоса, добра и зла, прекрасного и безобразного, души и ума, идеи и материи, сущности и явления, причины и следствия и т.д.

Пифагор и его ученики разводят материю «бытия в мире» и незримую идею одухотворённости «бытия мира». Но каков механизм связи «бытия мира» и «бытия в мире», кто является посредником и т.д. Эти вопросы стали предметом размышления Гераклита, Сократа, Платона, Аристотеля.

Гераклит обосновывает взаимосвязь и взаимодействие «бытия мира» и «бытия в мире». Сократ «привязывает» идею всеобщей одухотворённости к человеку, приглашая его решить вопрос самопознания, который откроет дорогу к познанию мира. Платон размышляет уже не о судьбе абстрактного человека, а о состоянии человека не общины, а города-полиса. Этот человек при определённых условиях может адаптировать идею одухотворённости мира и стать носителем (субъектом) духовной силы.

Аристотель идёт ещё дальше. В своём трактате «О душе» он обосновывает положение о том, что неравенство людей – это аксиома и в ней повинен сам человек [3]. Одни, проявляя волю к жизни, зависят и живут душой «овоща». Другие, трансформируя волю к жизни в волю к власти над другими, живут душой «хищника». Те, кто востребует волю к власти над собой, составляют «соль земли», её одухотворённость. По мнению Аристотеля, люди подлинной одухотворённости способны объединить достоинства власти авторитета и авторитета власти в одном лице и осуществить имперскую идею. На практике эту попытку пытался осуществить ученик Аристотеля – Александр Македонский.

За словосочетанием «имперская идея» просматривается возможность особого проекта системы общественных координат духовного единства верхов и низов, их солидарного отношения к триаде «святого, священного и светского», которая в формате духовной проекции выравнивает природное и социальное неравенство, что отчасти проявляется в гордости людей за гражданство своей страны, своей Родины, своего Отечества. Эта система не имеет ничего общего с тиранией, деспотией, демократией, охлократией как далекого прошлого, так и сегодняшнего дня, но она зависит от состояния человеческого фактора.

Человек был и остаётся чело́м своего века, своей исторической эпохи. Он склонен к поиску смысла жизни и осуществления основной цели своей жизни. Тем не менее, человек страдает неудовлетворённостью собой и окружающей средой. Проблемная ситуация в каждом случае усиливается из-за дефицита личной нравственности, а также и общества с вектором на осуществление схемы: «товар-деньги-капитал». Дефицит духовности усиливается ещё и феноменом виктимности, предрасположенностью стать жертвой насилия, отказаться от борьбы за сохранение человеческого достоинства. Виктимности может противостоять только тот, кто волю к жизни может трансформировать в волю к власти над собой и обрести достойное место в обществе.

Имперская идея сопряжена с историей становления общества и общественного человека, формирования особой культуры и необходимостью новой системы общественных координат. Не расшифровав эту историю, исследователь обречён на заблуждения, на попытку выдать желаемое за действительность.

Мыслители города-полиса вслед за Пифагором ищут первоначало бытия мира. В конечном итоге торжествует версия о Боге. Он Архэ. Он Демиург всего сущего. Это

духовное начало мыслители назовут Логосом – разумным словом. Слово – символ Архэ; символ высшего начала; символ Бога; и неопределённости беспредельности. Можно ли познать эту неопределённость? Сократ отвечает: «Можно, но начинать нужно с самопознания». Будучи человеком своего времени, Сократ лучше других ощущал остроту исторического вызова. Хаос, произвол, беспредел заставили мыслителя обратить внимание на человека и на состояние системы общественных координат, сделав неутешительное заключение о ее неадекватности. Сократ не прогибался перед тираном, не заискивал перед охлократией. Он спокойно принял несправедливый приговор и ушёл в инобытие со словами: «Ещё неизвестно кому больше повезло в этой жизни».

Размышляет о справедливости и Платон, ученик Сократа. В своих диалогах Платон обосновывает бессмертие души, ибо «не может превратиться в прах то, что не является материей». Реальность бытия в мире всего лишь оболочка духовного, которое постигается не глазами, а умозрительно, проникая в сущность вещей через их явление. Это был подлинный прорыв человеческого разума в измерение бытия мира, не довольствуясь представлением о феномене (явлении) бытия в мире.

Духовный мир – это мир идей, прообразов желаемого мира. Идеи можно познавать, но только интуитивно, подключая рассудок. Государству предшествует идея государства. Она прообраз желаемого справедливого образования и если реальное государство тирании, демократии, охлократии не соответствует прообразу духовного (абсолютной идеи), то оно теряет право на существование [8]. По существу, Платон обозначил проблему верховенства Идеи, указав на ее абсолютный характер в формате незримости.

Следующий шаг в этом направлении сделал Аристотель. Ученик Платона не предложил идеальную модель справедливого правления, но зато преуспел в другом [2]. Как уже было отмечено, Аристотель расшифровал структуру так называемого народа. Это люди, неравные по природе и по своей вине. Это «овощи», «хищники» и те, которые своей человечностью заслуживают звания «соль земли». Интегрировать их в единую целостную ассоциацию трудно, но можно, привив им имперскую идею. Аристотель осуществил эту «прививку» через усилия своего ученика – Александра Македонского. Тот адаптировал имперскую идею как духовную силу справедливого единства верхов и низов, где каждый индивид испытывал чувство гордости за право быть участником Общего Дела, за принадлежность быть личностью особого общества – империи (осуществлённой имперской идеи в формате физического бытия в мире). Мини-государство Греции Александр Македонский расширил до размеров империи с населением разных этносов, исповедовавших разные религии, но принявших статус подданных империи. Одухотворённость Общего Дела проникла в единичное и проявилась в особенном, в том числе и в конкретных человеческих деяниях. Одухотворённость Общего Дела рождала особую культуру повседневного бытия в мире. Но там, где угасал мировой Дух, где «угасали корни дерева», там засыхала культура.

Триада Духа в формате взаимосвязанного единства мифа, религии и философии – это матрица человечности. От совершенства этой триады зависит Судьба её носителей, а может быть и Судьба всего человечества, ибо мировоззрение составляющих триады – это наработанный опыт, система взглядов на мир и на место каждого человека в этом мире, подтверждая аксиому – «человек был и остаётся Альфой и Омегой истории челове-

чества». Правда, далеко не все люди сознательно реализуют эту модель. Те, кто проходит по реестру «соль земли», способны мысль перевести в слово, а мудрое Слово-Логос в Дело, организуя остальные фрагменты населения на осуществление рожденной идеи, основание которой составляют четкое различие добра и зла, прекрасного и безобразного. Дорогу к этим символам духовного, человек (личность конкретного общества) в далеком прошлом прокладывал, оглядываясь на власть авторитета, которая закреплялась традициями, обычаями, культурой. Но все, что имеет свое начало устремлено в свою противоположность – угасания и исчезновения. Исчерпав свой потенциал, власть авторитета оказалась перед историческим вызовом. Хаос теснил порядок. Обычаи, традиции игнорировались, подвергались критике. На место власти авторитета приходит авторитет власти в разных формах своего проявления – от тирании до демократии. Идет поиск оптимального варианта. Так складывалась дорога к выходу на имперскую идею, которая нашла своих апологетов и оппонентов. Одних подкупала связь имперской идеи с первоначальной властью авторитета; связь преуспевающего полководца с соратниками в ореоле божественного предназначения, мессии; привлекал духовный потенциал богоизбранности, способности обеспечивать равенство неравных людей; находить оптимальный вариант разрешения противоречия между желаниями индивида и сообщества ему подобных.

Оппонентов смущала новизна имперской идеи, её незримость, условная просчитываемость ее потенциала; тяга сохранить то, что обеспечивало выживаемость по накатанной дороге наработанного опыта.

Ныне человечество переживает очередной исторический вызов. Он вылился в кризис всех сфер жизни общества в диапазоне от разрушения семьи до межгосударственного противостояния. Пришло время необходимости обратиться к наследию прошлого и рассмотреть имперскую идею в качестве фактора (духовной силы) социализации общества, формирования новой системы общественных координат.

Историческая реальность осуществленной имперской идеи с отклонениями от идеального вектора заставляет поразмышлять над вопросами: почему это произошло, в силу каких обстоятельств это стало возможным и что следует делать, чтобы избежать отклонения от духовного прообраза имперской идеи.

В первом приближении поиска ответа на поставленные вопросы напрашивается проблема человеческого фактора, его подготовки и готовности принять активное участие в осуществлении имперской идеи с ориентиром служить, а не прислуживать. От императора до обывателя все должны нести свой крест обязательного и ответственного участия в жизни общества и не под «палкой» насилия, а по своей воле. В идеальной империи вершитель вертикали власти – это человек с обязательствами заботы о территориальной целостности Отечества и о благополучии людей этой территории. Что касается вчерашних граждан, подданных государства, то в империи они слуги Отечества, а не рабы господина [5]. Руководители и исполнители находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности. Они сродники единой соборности, участники Общего Дела.

В реально существующей империи вектор единства, сродности и соборности зависит от избранной стратегии и тактики осуществления имперской идеи; от состояния экономики и политики; от способа общественного производства; от состояния здравоохранения, образовательной системы, культуры, языка как средства общения, познания и самопознания.

Способ осуществления имперской идеи обусловлен многими факторами как внешними, так и внутренними. Пространство одухотворённого мира может быть океаническим или материковым; богатым или бедным недрами земли, располагать временем своего становления и развития или зрелости и угасания. Располагать полиэтничностью и конфессиональным многообразием или довольствоваться монокультурой одного этноса и одной религии, одним языком.

В каждом случае возможны свои варианты осуществления имперской идеи. Поэтому следует избегать поспешных выводов и опрометчивых решений. Лучше потребовать в каждом случае метод *Pro et Contra*, а также метод сравнительного анализа различных систем общественных координат, чтобы уяснить какая из систем может быть востребованной с учётом своей специфики.

По-разному можно относиться к «спросу» на имперскую идею, но ясно одно: игнорирование наработанного опыта в условиях современного исторического вызова может только продлить агонию вызова [9].

Рассматривая имперскую идею как фактор социализации общества и общественного человека, необходимо решить конкретные задачи:

- изучить наследие прошлого, выявив достоинства и недостатки прежнего опыта осуществления имперской идеи;
- исследовать переформат власти авторитета в авторитет власти;
- определить достоинства имперской идеи как фактора (силы) социализации общества и личности.

Без обращения к истории возникновения имперской идеи и ее осуществления, можно утонуть в абсурде измышлений по поводу ее возникновения и ее востребованности. Исторический опыт осуществления имперской идеи подтверждает, что она родом из одухотворённой Природы. Она производное мирового Духа. Духовное содержание имперской идеи формирует особую культуру полилога, единства людей разного происхождения и разной веры. Потенциал имперской идеи делает ее не только фактором более совершенной социализации общества и человека, но и средством (инструментом) разрешения основного противоречия между желаниями (хотениями – Ф.М. Достоевский) человека и желаниями сообщества ему подобных. И наконец, духовная сила имперской идеи заявляет о своих возможностях приумножать человечность общественного человека, что особенно актуально в условиях очередного исторического вызова.

Литература

1. Арндт, Ханна. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева, Ю.Б. Мишкенене, Л.А. Седова. Послел. Ю.Н. Давыдова. Под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с. Библиограф.: С. 639–664; Указ. имен: С. 664–670.
2. Аристотель. Политика / Аристотель // Пер. с древнегреческого С.А. Жебелева, М.Л. Гаспарова. – Москва: АСТ: Астрель, 2012. – 393 с.
3. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. – Москва: Мысль, 1983. – 830 с.
4. Блинов, А.С. Национальное государство в условиях глобализации: контуры построения политико-правовой модели формирующегося глобального порядка / А.С. Блинов. – Москва: МАКС Пресс, 2003. – 150 с.

5. Гегель, Г. Феноменология духа / Г. Гегель // Москва: Наука, 2000—495 с.
6. Иноземцев, В.Л. Разочарование в нынешней имперской политике будет всеобщим и быстрым / В.Л. Иноземцев // После империи / [под общ. ред. А.М. Клямкина]. — Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2007. — С. 181–184.
7. Колосов В.А. Геополитика и политическая география: [учебник для вузов] / В.А. Колосов. Н.С. Мироненко. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 479 с.
8. Платон. Сочинения в 4-х томах Т. 1 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. — Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2006. — 632 с.
9. Тойнби, А. Дж. Постижение истории: Пер. с англ. / Сост. Огурцов А.П.; Вступ. ст. Уколовой В.И.; Закл. ст. Рашковского Е.Б. — Москва: Прогресс, 1991. — 736 с.
10. Фурман, Д. Е. Обудущем «Постсоветского пространства» / Д.Е. Фурман // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002: хрестоматия в четырех томах / [редактор-составитель Т.А. Шаikleina]. — Москва: Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России, Российская ассоциация международных исследований. АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование.)», 2002. — Том III: Исследования. — 2002. — С. 7–22.

THE IMPERIAL IDEA AND ITS POSSIBILITIES

Matveyeva Ya.V.

Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University

The article considers the origins of the imperial idea, the essence and modus operandi of its manifestation. The interest of this problem has increased with the emergence of such a research area as 'imperiology'.

Despite the diversity of literature on the demand for the concept of 'empire' as one of the options for the arrangement of society, the problem of the imperial idea was behind the scenes. However, there are versions about the reasons for the emergence of this idea, which was transformed into a word, and the word into the cause of the birth of a new reality — an empire with a claim to be a new paradigm of the system of social coordinates. The potential of the imperial idea makes it a factor, a spiritual force of socialization of society. It can be an effective solution for the basic contradiction between the desires of human beings and the structurally organized Taboo the society of people of spiritual unity, the Common Cause. As a factor of

socialization, the imperial idea ensures the development of society's culture and increases the humanity of human beings, transforming the will to the life into the will to power over oneself.

The essence of the imperial idea is considered through the category of invisible substance, which is not subject to measurement at the empirical level of cognition. The attribute of the imperial idea manifests itself in the modus operandi of concrete 'being-in-the-world'. It is like the roots of a tree, which ensure its life, but keep their invisibility.

Keywords: imperial idea, empire, system of social coordinates, power of authority, authority of power, challenge, response, spiritual force, «being-of-the-world», «being-in-the-world».

References

1. Arendt, Hanna. Istoki totalitarizma / Per. s angl. I.V. Borisovoj, Ju.A. Kimeleva, A.D. Kovaleva, Ju.B. Mishkenene, L.A. Sedova. Poslesl. Ju.N. Davydova. Pod red. M.S. Kovalevoj, D.M. Nosova. M.: CentrKom, 1996. — 672 s. Bibliograf.: S. 639–664; Ukaz. imen: S. 664–670.
2. Aristotel'. Politika / Aristotel' // Per. s drevnegrecheskogo S.A. Zhebeleva, M.L. Gasparova. — Moskva: AST: Astrel', 2012. — 393 s.
3. Aristotel'. Sochineniya: v 4-h t. T. 4 / Per. s drevnegrech.; Obshch. red. A.I. Dovatura. — Moskva: Mysl', 1983. — 830 c.
4. Blinov, A.S. Nacional'noe gosudarstvo v usloviyah globalizacii: kontury postroenija politiko-pravovoj modeli formirujushhego global'nogo porjadka / A.S. Blinov. — Moskva: MAKSS Press, 2003. — 150 s.
5. Gegel', G. Fenomenologija duha / G. Gegel' // Moskva: Nauka, 2000—495 s.
6. Inozemcev, V.L. Razocharovanie v nyneshnej imperskoj politike budet vseobshhim i bystryim / V.L. Inozemcev // Posle imperii / [pod obshh. red. A.M. Klyamkina]. — Moskva: Fond «Liberal'naja missija», 2007. — S. 181–184.
7. Kolosov V.A. Geopolitika i politicheskaja geografija: [uchebnik dlja vuzov] / V.A. Kolosov. N.S. Mironenko. — M.: Aspekt Press, 2001. — 479 s.
8. Platon. Sochineniya v 4-h tomah T. 1 / Pod obshh. red. A.F. Loseva i V.F. Asmusa; Per. s drevnegrech. — Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta; «Izd-vo Olega Abyshko», 2006. — 632 s.
9. Tojnbi, A. Dzh. Postizhenie istorii: Per. s angl. /Sost. Oгурцов А.П.; Vstup. st. Ukolovoj V.I.; Zakl. st. Rashkovskogo E.B. — Moskva: Progress, 1991. — 736 s.
10. Furman, D. E. O budushhem «Postsovetskogo prostranstva» / D.E. Furman // Vneshnjaja politika i bezopasnost' sovremennoj Rossii. 1991–2002: hrestomatija v chetyreh tomah / [redaktor-sostavitel' T.A. Shakleina]. — Moskva: Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnyh otnoshenij (U) MID Rossii, Rossijskaja asociacija mezhdunarodnyh issledovanij. АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование.)», 2002. — Том III: Issledovanija. — 2002. — S. 7–22.

Наумова Татьяна Владимировна,

к.ф.н., старший научный сотрудник сектора философии
культуры Института философии РАН
E-mail: naumova.tv.iphras@mail.ru

Наука как важный фактор цивилизационного развития современной России – проблема весьма обширная и многогранная. В рамках одной статьи невозможно рассмотреть все вопросы, касающиеся данной темы. Наше внимание будет сосредоточено на некоторых важных с точки зрения развития страны ее аспектах и на той стадии развития науки, которая приходится на время распада СССР и становления постсоветской России. В статье рассматриваются формы финансовой поддержки науки в современной России, а именно: государство, бизнес, научные фонды и некоторые другие; анализируются социальные и культурные статусы науки и ученых; рассматривается такой важный показатель развития науки, как ее уровень и качество. Кроме того, выясняются причины, способствующие отставанию современной российской науки от науки в ведущих странах Запада; определяется место отечественной науки в мировом научном пространстве. Мы рассмотрим академическую модель развития науки, в которой выработка нового знания обеспечивается, прежде всего, научно-исследовательскими институтами, и как социальный и культурный институт, представляющий собой профессиональное сообщество ученых, деятельность которых происходит в особых организационных формах.

Ключевые слова: академическая наука, ученый, государство, бизнес, экспорт образовательных услуг, уровень исследований, состояние исследований, отставание отечественной науки от науки в ведущих странах мира.

Введение

Социальная значимость науки в жизни общества и государства чрезвычайно важна. Наука не только обеспечивает внутренние потребности своего развития, но имеет и социально-практическое назначение, откликается на те вопросы, которые происходят в жизни. В XX столетии, с которым связан значительный период советской цивилизации, наука в целом и фундаментальная в частности¹ выступила как важный фактор социально-экономического и культурного развития нашей страны. В конце 1991 г. закончился советский период нашей истории. Постсоветская Россия перешла на новый этап своего цивилизационного развития. Существуют различные позиции по вопросу о том, что такое цивилизация? Согласно одной из них, цивилизацию можно определить как междисциплинарную категорию для обозначения разнообразия культурно-исторических типов развития экономически и политически связанных больших сообществ людей и (или) их совокупности (общностей), субъективно-символически интегрированных в относительно единое целое посредством исторического и социального воображения, культурных смыслов, ценностей и норм, которые служат причинной целью и основой организации и функционирования этих общностей [9, с. 62]. Характеризуя цивилизацию современной России, можно сказать, что это исторически конкретные, но неизменные состояния политических, экономических, культурных и других порядков совместной жизни при сочетании элементов социальной архаики, социалистического прошлого и западной современности [8, с. 22].

Известно, что наука развивается в определенном социальном контексте. По мере преобразований и перемен, проведенных в стране за более чем 30 лет после распада СССР, в науке, являющейся частью общества, произошли существенные изменения, как позитивные, так и особенно негативные. Проблема науки как важного фактора цивилизационного развития современной России особенно актуальна в связи с 300-летием со времени создания в 1724 г. Петром 1 Российской академии наук в Петербурге. Ее основу составляли иностранные, европейские ученые, а в 1725 г. возникает собственно российская наука, когда происходит ее «обрусение». В данной статье ставится цель показать, готова ли сегодня наука к тому, чтобы стать важным фактором цивилизационного развития постсоветской России, и тем самым занять достойное место в мире в третьем тысячелетии?

Методы исследования

Методологической основой при исследовании указанной темы стали теоретические обобщения, содержащиеся

¹ Фундаментальная наука – это такая привилегированная отрасль знания, которая представляет теоретико-эмпирический базис всякого подлинно научного объяснения действительности. Фундаментальные исследования – это экспериментальные или теоретические исследования, целью которых является получение новых знаний о закономерностях природы, общества и человека. Эти знания являются основой для развития образования, создания культуры, а также качественно новых технологий.

в работах известных отечественных исследователей: *Кара-Мурза А.А.* Испытание философией. Философия в императорской России перед «Великими реформами» 1860-х гг. // Вопросы философии. 2022. № 7. С. 39–47; *Межуев В.М.* История, цивилизация, культура. Опыт философского истолкования. СПб.: СПбГУП, 2011; *Мотрошилова Н.В.* Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: Канон+, 2010; *Степин В.С.* Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011 и др. На основе исследований этих и ряда других ученых в Институте философии РАН был издан обобщающий труд «Цивилизация: многозвучие смыслов. Memoria» (отв. ред., сост. А.В. Смирнов, Н.А. Касавина, С.А. Никольский. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. 540 с.). Кроме того, при освещении данной темы мы опирались на анализ реальных процессов, происходящих в современной науке. К тому же в работе использован эмпирический материал, полученный отечественными специалистами Института социологии РАН в ходе общероссийского и экспертного исследования, а также данные государственной статистики.

Формы финансовой поддержки науки в современной России

Начнем с того, что цивилизационное развитие современной России в огромной мере зависит от того, в каком состоянии находится ее наука. В свою очередь уровень развития науки тесно связан с уровнем социально-экономического развития страны. В постсоветской России главной формой поддержки науки являются средства государства. Ныне они составляют 1,10% к ВВП, а ассигнования на гражданскую науку из средств государственного бюджета – 0,51%. Несколько лет назад государство намеревалось к 2024 г. (300-летию Российской академии наук) увеличить расходы на фундаментальную науку до 2% ВВП. Однако ситуация в стране в начале 2022 г. резко изменилась и выполнить данное обещание государству не удалось.

Что касается таких ведущих стран мира, как США, Германия, Япония, Бельгия Австрия, Швеция, то они тратят на науку 3–4% ВВП, а Южная Корея и Израиль – почти 5% ВВП. Как видно, по объемам государственных инвестиций в научные исследования мы отстаем от многих развитых стран. Наша страна значительно отстает от ведущих стран мира и по такому показателю развития науки как уровень расходов на одного исследователя.

Для того чтобы преодолеть отставание по уровню финансирования науки от этих стран нам необходимо увеличить вложения в науку. Однако сегодня мы не сможем себе это позволить с экономической точки зрения. Поскольку санкции ряда стран Запада против нашей страны в связи с военными событиями на Украине привели к спаду экономики 2022–2023 гг. В связи с этим сегодня российскому государству необходимо выделять финансовые средства на поддержку тех направлений мировой науки, в которых российская наука уже является конкурентоспособной, и в которых отечественные ученые известны мировому научному сообществу.

Смена социально-политического устройства в стране, форм власти и самого характера государства привели к тому, что кроме государства другие социальные институты взяли на себя решение проблем финансового поддержания науки. В начале 1990-х гг. были созданы научные фонды, которые в течение более чем 30-и лет постсоветского развития являются одним из источников развития фундаментальных исследований в стране. Именно научным фондам в огромной мере мы обязаны

развитием гуманитарных наук в постсоветской России. К тому же научные фонды помогают ученым заниматься непосредственно профессиональной деятельностью, позволяя им в известной степени обеспечить себе достойный уровень потребления материальных и духовных благ.

В связи с этим стоит отметить, что со временем основной доход ученых, занятых в фундаментальной науке, оказался связан именно с финансированием из научных фондов, а не с заработной платой. Между тем финансовую поддержку из научных фондов нередко получают люди далеко не самые талантливые, перспективные и преуспевающие в науке. Это дает основание утверждать, что сегодня система грантов превратилась в кормушку. Ибо она «провоцирует ученых на обещания больших научных достижений, которые в большинстве случаев не имеют под собой оснований. При финансировании науки по гранту никто не несет ответственности за бесцельно истраченные государственные средства» [30, с. 28,29]. Поскольку гранты – это денежные средства, выдаваемые безвозмездно и безвозвратно лицам, на осуществление исследований, которые финансируются из государственного бюджета на науку.

В современной России наука получает финансовую поддержку и со стороны предпринимательского сектора экономики. Здесь вполне уместно напомнить, что в до-революционном прошлом нашей страны частная поддержка науки была широко распространена. Значительную роль в том, что отечественная наука успешно развивалась, сыграли представители купечества, торгово-промышленных династий и других сословий. К примеру, один из самых знаменитых меценатов России, представитель купечества К.Т. Солдатенков (1818–1901) завещал 20 тысяч рублей Российской академии наук; купец А.И. Абрикосов (1824–1904) поддерживал журнал «Вопросы философии и психологии»; купец Х.С. Леденцов (1842–1907) оставил на развитие отечественной науки почти 2 млн рублей (огромное состояние). И это несмотря на то, что деятельность многих отечественных предпринимателей не была связана с наукой. Однако рост национального самосознания в русском обществе способствовал тому, что они покровительствовали науке.

Что касается современной российской реальности, то предпринимательский сектор экономики также инвестирует в науку. Однако его вложения на развитие науки, особенно фундаментальной составляют очень незначительную часть – 29,2%, что говорит о том, что они находятся на низком уровне. Речь идет, прежде всего, о таких областях науки, как нанотехнологии, информационные технологии, а также и о социальных и гуманитарных науках. Хотя многие представители современного российского бизнеса, особенно крупные, несмотря на сложную экономическую обстановку в стране, являются богатыми людьми. К тому же крупные российские бизнесмены вышли из научной среды, имеют ученые степени и звания, и им хорошо знакомы проблемы функционирования науки.

Как нам представляется, это связано с тем, что современный российский бизнес не чувствует свою ответственность перед наукой, для сохранения научных и культурных традиций в стране, не заинтересован в проведении фундаментальных исследований. К тому же весь капитал отечественного бизнеса находится не в России, а за рубежом, модель жизни которого «зарабатывать или (воровать) деньги в России, а работать и жить на Западе» [27, с. 24].

В связи с этим в научном сообществе много говорится о необходимости изменить форму финансовой поддержки науки путем усиления влияния со стороны

бизнеса, как это происходит в странах ОЭСР. Здесь инвестиции бизнеса в науку составляют 70–80%, а государства – 20–30% [6, с. 769]. К примеру, в Австрии и Великобритании предпринимательский сектор тратит на науку 54,8%, в Германии – 64,8%. В Канаде частный бизнес является главным источником финансирования науки [16, с. 987]. Несмотря на то, что ныне повысить интерес российского бизнеса в поддержке науки государство не может, частная поддержка науки еще долго будет являться одним из источников ее развития.

Отечественная наука получает доход от государства и в результате экспорта образовательных услуг, привлекая для учебы в российских вузах молодежь из других стран. Это – выходцы из бывших союзных республик – стран Средней, или как теперь говорят Центральной Азии, Что касается таких стран бывшего Советского Союза, как Украина, Прибалтика, Грузия, то в них доля желающих учиться в России очень небольшая. Тем не менее, и в этих странах в определенной мере используют российскую систему образования, а наука по-прежнему существует преимущественно на русском языке, (хотя его пространство сужается), несмотря на то, что здесь осуществляется жесткая национальная языковая политика, а главной идеологией является национализм в самых разных формах. В российских вузах обучаются и выходцы из стран дальнего зарубежья – Китая, Индии, Вьетнама и Ближнего Востока [10, с. 654]. Но они составляют небольшую долю. В 2019 г. российские вузы занимали 7-е место по числу иностранных граждан, обучающихся у нас [3, с. 272].

Российскую науку финансируют также государственные корпорации и частные компании. Однако их доля в поддержке науки очень небольшая – 4,5 и 4,3% соответственно. Исследования и разработки в России поддерживаются и иностранными источниками, которые составляют 1,8%.

В заключение отметим, что сегодня у нас существуют разные формы финансовой поддержки фундаментальной науки. Однако основной из них являются средства государства, которые, согласно государственной статистике, составляют 67,8%. Тенденция такова, что в постсоветской России без постоянной поддержки государства, наука вряд ли сможет стать важным фактором цивилизационного развития страны.

Социальные и культурные статусы науки и ученых в России

Готовность науки к цивилизационному развитию постсоветской России в огромной мере зависит от того, пользуется ли престижем профессия ученого. В советское время государство поддерживало престиж науки и ученого в обществе. Поэтому такой проблемы как привлечение молодежи в науку у нас не существовало. Более того, между людьми шла конкуренция за получение работы в научных организациях, особенно в Академии наук (тогда СССР).

В 1991 г. изменились социально-политический строй, экономика, культура, что способствовало изменению ценностных ориентаций в обществе. В результате интерес молодежи к научной деятельности стал падать. Наибольший его спад пришелся на 1990–2005 гг. Тогда ежегодное пополнение научных организаций молодежью по сравнению с 1960 и 1989 гг. сократилось в среднем на 40%. Ныне только каждый десятый аспирант планирует после учебы в аспирантуре связать свою судьбу с наукой. Причем, среди аспирантов, готовящихся по таким социально-гуманитарным областям знания, как политология, юриспруденция, педагогика, история,

лишь единицы проявляют склонность к занятию наукой. В то время как аспиранты естественнонаучных областей знания в большинстве своем хотят посвятить себя науке. Подтверждением этому может служить исследование, проведенное в 2021 г. Институтом социологии ФН ИСЦ РАН [7, с. 250, 259, 261].

Каковы же причины нежелания молодежи после окончания аспирантуры заниматься наукой? Это, прежде всего, низкая оплата труда, особенно в государственном секторе экономики, не способная обеспечить стабильное общественное положение. Особенно, если учитывать, что для подавляющего большинства ученых заработная плата является основным средством существования.

Кроме того, нежелание молодежи заниматься наукой связано и с отсутствием в большинстве научных организаций современной материально-технической базы для проведения исследований. Санкции Запада против нашей страны с целью цивилизационно ослабить ее, привели к тому, что отечественная наука стала зависимой от импортного оборудования и научно-технической информации. Она лишилась доступа к публикациям в зарубежных изданиях, и тем самым, участию наших ученых в международном научном сотрудничестве [12, с. 129; 31, с. 10, 11].

Не способствует привлечению молодежи в науку и препятствия на пути смены кадров российской науки, что определяется возрастным составом исследователей. В результате средний возраст докторов наук увеличивается, а кандидатов наук остается неизменным [7, с. 263, 279].

В постсоветской России молодые люди стремятся работать не в академических научно-исследовательских организациях (государственный сектор), и не в секторе высшего образования, а в предпринимательских научно-исследовательских организациях, где наибольшим спросом пользуются такие специальности, как экономика, право и менеджмент.

Привлечению молодежи в науку могло бы способствовать повышение уровня профессионализма в ведущих научных центрах России и за рубежом с возвращением на родину, как это было в дореволюционной России. Тогда отечественные ученые в течение определенного периода времени проживали за границей, где они осваивали лучшие достижения мировой науки. Что касается современной российской реальности, то, высокий уровень подготовки специалистов доступен только крупным компаниям. Следует отметить и то, что овладев западным стилем работы, возвращается в нашу страну после окончания образования в зарубежных вузах лишь очень незначительная часть россиян.

На готовность науки стать важным фактором цивилизационного развития современной России в определенной степени влияет и то, каким авторитетом пользуется наука в обществе. В свою очередь это тесно связано с тем как пополняется научная сфера деятельности. В нашей стране всегда существовала традиция, согласно которой, науку пополняли люди, профессионально занимающиеся научными исследованиями в научных учреждениях или преподавательской деятельностью в высшей школе.

Ныне ситуация с пополнением науки существенно изменилась. Наукой, вернее, получением ученых степеней и званий интересуются такие социальные группы общества, как чиновники, политики, бизнесмены. Ученая степень нужна им не для продвижения по карьерной лестнице¹ в сфере науки, а для повышения собственного

¹ Ее учредил в Российской империи Петр 1 в 1722 г. при прохождении службы на военном, гражданском, в том числе и научном поприще.

социального статуса. Вне всякого сомнения, пополнение науки со стороны чиновников, политиков и бизнесменов негативно сказывается на развитии науки, что проявляется в снижении ее результативности. Поскольку наука оказывается заполненной людьми, которые, пользуясь выражением Н.А. Бердяева, ранее «не были людьми науки». Нельзя не сказать и о том, что пополнение науки за счет вышеуказанных социальных групп способствует тому, что наука становится одной из форм получения дохода путем коррупции. Это, несомненно, подрывает моральные основы научной деятельности.

Интеллектуальный потенциал современной российской науки

Каково ныне реальное состояние российской науки? В связи с этим отметим, что важными составляющими науки являются наличие высококвалифицированных научных кадров; публикационная активность ученых; уровень цитирования ученых в наиболее авторитетных и престижных научных журналах мира. Рассмотрим эти критерии состояния науки подробно.

Прежде всего, отметим, что в настоящее время основная часть высококвалифицированных кадров сконцентрирована в академической науке, Российской академии наук. Она осуществляет научно-методическое руководство всеми фундаментальными исследованиями. К тому же традиционно академическая наука располагает специалистами высочайшего уровня и широкого профиля, является самым эффективным сектором науки. Это подтверждает то, что в течение более чем 30 лет постсоветского развития академическая наука вносит главный вклад в науку [22, с. 265]. По некоторым данным, ученые занятые в академическом секторе науки до недавнего времени давали почти половину публикаций в журналах, индексируемых. Заметим, что с самого начала создания Академии наук в ней были сосредоточены высококлассные профессионалы, вносящие существенный вклад в мировую науку. После революционных событий 1917 г. наука стала развиваться главным образом в Академии наук, которая включала в себя общенаучную сеть научных институтов.

Академическая наука имеет и престижные научные издания, немалая часть которых индексируется в международных базах данных.

Что касается такой составляющей науки как публикационная активность ученых, то в постсоветской России сложилась следующая ситуация. С начала 2000-х гг., доля российских публикаций в мировом потоке публикаций уменьшается. Более того, мы пока не можем сохранить прежние позиции по количеству публикаций в ряде исследовательских областей, которые мы имели в советское время. Ныне удельный вес России в общемировом числе публикаций составляет 3,57%, а в общемировом потоке публикаций, индексируемых в 2,65%. В то время как в США она составляет 24,92% публикаций, Китае – 15,57%, Великобритании – 7,42%, Германии – 5,86%. Больше всего публикаций российских ученых в научных журналах, индексируемых в естественных и технических науках – 77,5% и 35,6% соответственно. В то время как в социальных науках российские публикации составляют 10,9%, а в гуманитарных – 4,9%, т.е. очень незначительную часть [15, с. 256, 257]. Судя по данным публикационной активности российских ученых, можно сказать, что по данному критерию состояния науки авторитет российской науки в научном мире явно невысок.

Еще одной важной составляющей науки является уровень цитирования ученых в наиболее авторитетных

и престижных научных журналах мира. Ныне у нас он равен немногим более 44%. Между тем, в США – 69,55%, в Великобритании – 68,89%, Германии – 67,87%, Франции – 65,61%. По указанному критерию состояния науки Россия занимает последнее место среди стран – основных производителей научного знания. Исключением являются такие области естественных наук, как физика, химия, науки о космосе и, особенно математика¹. И в советское время наиболее цитируемыми учеными были специалисты, связанные с физикой, химией, науками о живой природе [20, с. 68]. Что касается социальных и гуманитарных наук, то ныне доля цитируемых публикаций очень небольшая.

Наряду с академической наукой свой вклад в цивилизационное развитие России вносит и вузовская наука, в которой сосредоточено немало высококвалифицированных специалистов. Согласно сложившейся в нашей стране традиции, высшие учебные заведения занимаются обучением студентов и подготовкой кадров для науки. Кроме того, они разрабатывают и научные направления [4, с. 12], вносят свой вклад в производство фундаментального научного знания, то есть совмещают преподавательскую деятельность с научными исследованиями. Однако высшая школа в нашей стране в основном осуществляет функции образования, обучения, способствует распространению и использованию новых достижений академической науки. Кроме того, вузовские преподаватели выполняют и большую учебно-методическую работу, которая отнимает у них немало времени. Несомненно, это не всегда способствует исследовательской деятельности преподавателей и как следствие, наука в высших учебных заведениях значительно отстает от академической науки.

На готовность науки стать важным фактором цивилизационного развития современной России негативно влияет постоянное сокращение численности ученых, занятых исследованиями и разработками, а также высококвалифицированных специалистов – докторов и кандидатов наук. Причем это характерно как для естественных областей знания, так и гуманитарных наук. В свое время Ленин неоднократно подчеркивал необходимость роста числа научно образованных специалистов в различных областях деятельности как одного из основных условий решения важных народнохозяйственных задач [19]. И сегодня цивилизационное развитие постсоветской России немыслимо без увеличения числа высококвалифицированных специалистов, интеллектуального потенциала, состояние которого определяют люди, занятые в науке.

Место российской науки в мировом научном пространстве

Важным показателем цивилизационного развития современной России являются уровень и качество развития науки. Весьма примечательно, что в XIX столетии российская наука занимала почетное место в мире. К примеру. В.Я. Струве своими трудами обеспечил русской астрономии одно из первых мест в Европе. В начале XX века отечественные ученые были широко известны в мировом научном сообществе. Они соответствовали уровню новейших достижений и тенденций мировой науки. Свидетельством этому может служить присуждение физиологу И.П. Павлову (1904) и биологу И.И. Мечникову совместно с немецким биохимиком П. Эрлихом (1908)

¹ К слову, во второй четверти XIX века русские математики выдвигаются на первые места в мировой науке. Наиболее выдающимся из них был академик М.В. Остроградский.

Нобелевской премии. В первые годы советской власти «...наука в России пережила невиданный взлет в целом ряде важных областей» [18, с. 8]. К примеру, большое значение имели работы русских ученых в области физиологии и медицины. Были опубликованы труды физиолога А.А. Ухтомского и Л.А. Орбели. Большой вклад в развитие геологической науки внесли выдающиеся труды В.И. Вернадского, Ф.Ю. Левинсона-Лессинга и А.Е. Ферсмана, а также работы А.П. Карпинского, В.А. Обручева, И.М. Губкина. В конце 1930-х гг. мировую славу завоевали труды ученых-востоковедов – В.М. Алексеева, А.М. Баранникова и И.Ю. Крачковского, а школа В.Р. Розена подняла русское востоковедение на весьма большую высоту.

В советское время наша страна была одной из ведущих научных стран по интеллектуальному вкладу в развитие мировой цивилизации, и по «конвертируемости» научных идей [21, с. 211]. Отечественная наука пользовалась повышенным авторитетом со стороны зарубежного научного сообщества. Именно при советской власти, как отмечает акад. РАН А.А. Гусейнов, наша страна «достигла пика своего развития и поднялась до уровня сверхдержавы [13, с. 55], в том числе и в науке.

Огромную роль здесь сыграли результативность ученых, занятых в естественных и технических областях знания, которые внесли большой вклад в развитие практически всех ее направлений. Так, в области математики можно отметить труды И.М. Виноградова, А.Н. Колмогорова, Л.С. Понтрягина, М.В. Келдыша и др. Ученым фундаментальной науки принадлежат крупные достижения в области физических наук. Это – В.А. Фок, И.Е. Тамм, Л.Д. Ландау, А.Д. Сахаров, Л.А. Арцимович, С.И. Вавилов и др. Успехи ученых, занятых в химической науке, связаны с такими именами, как Н.Д. Зелинский, Н.С. Курнаков, С.В. Лебедев, А.Н. Несмеянов, Н.Н. Семенов, А.Е. Арбузов и др. Важные результаты были получены в ряде разделов биологической науки. Это, прежде всего, работы Н.И. Вавилова, Н.К. Кольцова, В.А. Энгельгардта, А.И. Опарина, И.И. Шмальгаузена, Н.С. Гилярова, Б.А. Астаурова. По словам Президента РАН Г. Красникова, ученые, занятые в естественнонаучных областях знания, сделали нашу страну мировым научно-технологическим лидером, стали локомотивом в области развития нашей науки и образования [23]. Это произошло в 1960-е годы прошлого столетия благодаря тому, что у нас наблюдался стремительный рост научного потенциала. Попутно заметим, что страной в это время управляли люди, имеющие в основном техническое образование. Академиками и членами-корреспондентами становились крупные ученые, в основном занятые в технических науках и естественнонаучных отраслях знания.

И сегодня постсоветская Россия по-прежнему является одной из передовых стран в мировой науке, а в отдельных сферах знания превосходит науку многих стран Запада.

В нашей стране социальные и гуманитарные науки всегда играли важную роль наравне с естественнонаучными областями знания [17, с. 25]. Во времена СССР, особенно в 1960–1980-е годы XX века ученые-обществоведы, в том числе, занятые в области философии, немало сделали для развития науки. Они исследовали проблемы русской и мировой философской мысли, разрабатывали сугубо теоретические проблемы, важные как для нашей науки, так и – зарубежной, имевшие не только национальный характер, но и общечеловеческий, присущий не только российской науке, но и мировому научному сообществу. Речь идет о социально-этических и гуманистических вопросах развития современной науки.

Вместе с тем нельзя не сказать о том, что во времена СССР научный уровень как социальных, так и гуманитарных наук был невысоким. В результате чего их развитие шло в изоляции от развития современной мировой науки. За более чем тридцать постсоветских лет ученые, занятые в общественных науках, отчасти преодолели отставание от мировой науки. Тем не менее, в области социогуманитарных наук мы по-прежнему отстаем от развитых стран мира.

В чем же причины этого? Отвечая на этот вопрос, прежде всего, отметим, что на это отрицательно повлияла, начатая более десяти лет назад реформа академической науки. И как следствие, существенно понизилась социальная значимость академической науки в социально-экономическом и культурном развитии страны. По этому поводу отметим, что до октябрьских событий 1917 г. Российская академия наук находилась в привилегированном положении. Подтверждением этому может служить то, что государство гарантировало ей известную автономию. Между тем ныне государство пытается превратить Российскую академию наук из самоуправляемой научной организации в бюрократическую структуру, руководить которой должны чиновники. Речь идет о людях, далеких от науки, не понимающих того, как она устроена и самое главное, не являющихся профессионалами в научных проблемах. Вместе с тем в том, что произошло с наукой в результате реформы в определенной мере виновато и само академическое сообщество. Пользуясь словами русского философа Н.А. Бердяева, можно сказать: «недостойно... во всем всегда винить внешние силы и их виной себя оправдывать. Виновата и сама интеллигенция» [5, с. 36].

Отставанию российской науки от науки в ведущих западных странах способствует и такое явление, как научная эмиграция. В данном контексте речь идет о четвертой, современной волне эмиграции, которая началась с конца 1990-х годов XX века. По мнению акад. О.И. Лаврика, тогда из новой России уехали лучшие, как, впрочем, и в результате революционных событий 1917 г. страну покинули «лучшие из лучших» (Соловьев В.М.). До настоящего времени эмиграция ученых, особенно молодых представителей науки продолжается, более того, в связи со специальной военной операцией она увеличивается [11, с. 647, 652], и является одной из наиболее важных проблем развития нашей науки. Как показало уже упоминавшееся исследование, ежегодно эмиграция лиц с высшим образованием, в том числе и ученых из нашей страны превышает 100 тыс. человек. Так, в 2021 г. из России за рубеж выехали 115510 человек. По некоторым данным, каждый тринадцатый эмигрант из России – ученый [28, с. 142], едут в основном в такие страны, как США, Германия, Израиль. Значительную часть ученых, покидающих Россию, составляли те, кто занят в области айти-технологий [7, с. 33, 109]. Между тем от сохранения научного потенциала страны, ученых, способных развивать отечественную науку во многом зависит, станет ли она важным фактором цивилизационного развития России.

Стоит отметить еще одну из причин отставания современной российской науки от мировой. Дело в том, что определенная часть ученых совмещает исследовательскую работу с выполнением научно-организационных и менеджерских функций [29, с. 348–349]. Однако сегодня немало талантливых ученых, обогативших науку своими научными трудами, получившими международную известность, отказывается от выполнения управленческих функций в науке. Это мотивируется тем, что они лишают ученого возможности заниматься непосредственно профессиональной деятельностью, связанной

с самой сутью научного поиска. Между тем это имеет определенные негативные последствия, ведущими к снижению уровня руководства научными организациями и соответственно качества организации исследований [26, с. 13].

На отставании современной российской науки от мировой сказывается невысокий уровень работ наших ученых, особенно занятых в социальных и гуманитарных науках. По этому поводу высказывается мнение, что это тесно связано с состоянием самой системы образования, которая сегодня руководствуется рыночными ценностями, превратилась в одну из сфер рынка услуг. Однако вряд ли стоит объяснять низкое качество работ тем, что образование становится услугой. На это обратил внимание доктор философских наук А.М. Руткевич, который полагает, что мы живем в условиях рыночной экономики, где идет обмен товарами и услугами. Поэтому, если знания будущего химика, нотариуса или финансового аналитика не являются товаром, то их надо считать услугами, которыми можно торговать, извлекая из этого прибыль [24, с. 72]. Видимо, причина низкого уровня многих работ российских ученых в том, что сегодня высшие учебные заведения, особенно негосударственные, нередко дают образование, которое не соответствует мировым стандартам. Косвенным показателем недостаточного уровня профессионализма отечественных специалистов может служить данные опроса службы исследований платформы онлайн – рекрутинга. Согласно ему, подавляющее большинство компаний (93%) оценило уровень профессионализма выпускников российских вузов как средний и ниже среднего [14, с. 658]. Повысить качество российского высшего образования можно путем установления тесного сотрудничества высших учебных заведений и академической науки.

Во времена СССР в центре внимания исследователей были такие области знания, которые вряд ли можно было назвать наукой. Это не только «научный коммунизм», который особенно критиковали в конце 1980-х годов XX века, но и «диалектический и исторический материализм» (марксистская философия) – официальная философия советского общества. В связи этим отметим, что после Октября 1917 г. и на протяжении многих десятилетий она была ведущей философией в нашей стране. Это было вызвано, в том числе и историческими потребностями общественного развития в России. Вместе с тем марксистская философия негативно повлияла на развитие науки в нашей стране, тормозила его. В течение многих лет у нас велась критика марксистской философии. Впервые с ее критикой выступили такие ученые, как Б.М. Кедров и П.В. Копнин. Затем в середине 1950-х гг. прошлого века и в 1970-е гг. марксистскую философию стали критиковать Э.В. Ильенков и А.А. Зиновьев. В конце 1980-х гг. XX века советские философы, в частности, А.Л. Никифоров выступил на страницах научного журнала со статьей на тему, является ли философия наукой? В конечном счете, это привело к снижению авторитета советской марксистской философии. С распадом Советского Союза и роспуском КПСС советская марксистская философия окончательно прекратила свое существование [2, с. 26, 27, 29].

Вместе тем в научной литературе высказывается мнение о том, что вряд ли стоит безоговорочно отвергать ценность советской марксистской философии. Так, профессор Института философии Китайского народного университета Ань Цинянь полагает, что она сыграла положительную роль не только в рациональном просвещении и модернизации нашей страны, тогда СССР, но и в модернизации таких отсталых стран, как Китай. И ныне советская марксистская философия помогает

решать многие глобальные проблемы, которые актуальны для многих стран мира [2, с. 30].

Стоит сказать и о том, что как во времена существования СССР, так и сегодня государство избирательно подходит к функционированию естественных, технических и социогуманитарных наук. В связи с этим приоритет отдается в основном естественным и техническим наукам, в которых занята основная масса ученых. По недавним данным, в технических науках было занято 60,3% исследователей, в естественных – 23,4% [15, с. 17]. К тому же государство оказывает финансовую поддержку этим областям науки в 23 раза больше, чем другим отраслям знания [1, с. 42]. Что касается подготовки специалистов, то система высшего профессионального образования прежде всего сосредоточена на математическом, физическом, химическом и биологическом образовании [25, с. 193–194]. Это вызвано, в частности необходимостью осваивать сложные виды техники, в том числе военные технологии, от состояния которых, зависит уровень развития страны. В советские времена ¾ расходов на науку прямо или косвенно направлялись на оборону, в частности на создание атомного оружия и освоение космоса. И ныне в связи с военными действиями государство направляет очень большие материальные средства на оборонные исследования и разработки.

Что касается общественных наук, то в них работает – 5,8% специалистов, из них 3,6% – в гуманитарной области знания. В советское время общественные науки практически не развивались, что свидетельствует о негативном отношении государства к социогуманитарной науке. Между тем для цивилизационного развития нашей страны нужны высококвалифицированные специалисты, занятые в гуманитарной области знания, роль которого ныне особенно значима, люди, обладающие широкой культурой и мышлением.

При освещении данной темы стоит обратить внимание и на еще одну причину, способствующую отставанию современной российской науки от мировой. Дело в том, что во времена существования СССР государство, выражаясь словами Н.А. Бердяева, «требовало принудительного единства мысли», ограничивало свободу научного творчества. Ныне развитие науки сопровождается ее нарастающей бюрократизацией. Речь идет о вмешательстве государства в процесс самоорганизации научного сообщества, когда государство в лице чиновников продуцирует и детализирует нормы и критерии эффективности научных исследований. Подтверждением этому может служить требование государства от ученых, занятых в академическом секторе науки, увеличения количества научных публикаций (в основном статей); построение системы оценки труда ученого на приоритете публикаций в профильных англоязычных журналах; введение наукометрических показателей при оценке эффективности работы ученого. Вне всякого сомнения, это негативно влияет на развитие науки и, как следствие, не способствует ее становлению важным фактором цивилизационного развития России.

В академическом научном сообществе ученые в значительной своей части негативно относятся к навязанным чиновниками, управляющими наукой, критериям оценки их труда. Поскольку они не нужны ни самим ученым, ни институту науки как таковому. Нам представляется, что при оценке труда ученого мы не должны становиться частью западной цивилизации, нам следует опираться на свои традиционные ценности, характерные для российской цивилизации, собственный опыт, национальные особенности отечественной науки, тесно связанные с нашей культурой. Это будет способствовать

тому, что наука станет важным фактором развития современной России.

Какой вывод можно сделать из сказанного?

Прежде всего, тот, что цивилизационное развитие постсоветской России невозможно без эффективной науки. Для этого необходимо преодолеть те негативные явления, которые ныне сопровождают ее развитие. Это предполагает создание государством, как организующим началом в развитии науки, благоприятных условий для творческой деятельности ученых, чтобы они были бы сопоставимы с теми условиями, которые существуют в лучших университетах и исследовательских центрах мира. Речь идет в основном о достаточном финансировании науки.

К тому же следует снизить чрезмерную бюрократизацию управления работой ученого, освободить науку от жесткого контроля со стороны государства. Академическое научное сообщество должно иметь право самостоятельно формулировать политику страны в области науки. Лишь тогда фундаментальная наука сохранит высокий уровень исследований и станет важным фактором цивилизационного развития современной России.

Литература

1. Агамирова Е.В., Жарова Е.Н., Малахов В.А. Проблемы и перспективы развития общественных и гуманитарных наук в системе научных знаний // Общественные науки и современность. 2023. № 4. С. 35–52.
2. Ань Цинянь. Взлет и падение советской марксистской философии // Вопросы философии. 2023. № 3. С. 21–32.
3. Арсеев А.Л. Русскоязычное образование в бывших национальных республиках СССР в последние 30 лет // Вестник РАН. 2023. № 3. С. 266–274.
4. Артемьева Т.В. Петербургская академия наук. К 300-летию Российской академии наук // Вопросы философии. 2024. № 5. С. 5–14.
5. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 330 с.
6. Выступления участников Общего собрания членов РАН / Черешнев В.А. // Вестник РАН. 2023. № 8. С. 761–771.
7. Горшков М.К., Шереги Ф.Э., Тюрина И.О. Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. – М.: ФНИСЦ РАН, 2023. – 383 с.
8. Гранин Ю.Д. «Цивилизация» – «реальные», воображаемые или конструируемые сообщества? // Вопросы философии. 2024. № 2. С. 14–24.
9. Гранин Ю.Д. Государство модерна. Национальный и социальный векторы эволюции. – М.: Академический проект, 2021. – 371 с.
10. Гуреев В.Н., Гуськов А.Е., Мазов Н.А. Российские ученые в мировых научных интеграционных процессах // Вестник РАН. 2021. № 7. С. 648–659.
11. Гусев А.Б., Юревич М.А. Линии антагонизма в научном сообществе и отягчающий молодежный фактор // Вестник РАН. 2024. № 7. С. 646–657.
12. Гусев А.Б., Юревич М.А. Наука в России и внешний мир: спорная открытость, бесспорная зависимость // Вестник РАН. 2023. № 2. С. 121–130.
13. Гусейнов А.А. Мой Зиновьев. Статьи, доклады, интервью. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2023. – 272 с.
14. Заварухин В.П., Антропова О.А. Актуальные тенденции и перспективы развития вузовского сектора

русской науки // Вестник РАН. 2023. № 7. С. 653–668.

15. Индикаторы науки: 2022: статистический сборник. – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 400 с.
16. Комкова Е.Г. Научная политика в Канаде // Вестник РАН. 2022. № 10. С. 984–993.
17. Кузнецова Н.И. Академия наук в России: опыт уникального исторического своеобразие // Вопросы философии. 2024. № 5. С. 15–28.
18. Лекторский В.А. Введение // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: в 2-х кн. / Под ред. В.А. Лекторского. Кн. I. 20–50-е годы. – М.: РОССПЭН, 1998. – 719 с.
19. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34, 35, 36. – М.: Госполитиздат, 1962.
20. Ловаков А.В., Панова А.А. Вклад университетов в производство фундаментального научного знания в России // Вестник РАН. 2023. № 1. С. 67–76.
21. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. – М.: Канон+, 2010. – 480 с.
22. Полихина Н.А., Тростянская И.Б. Эффективность оценки деятельности университета через наукометрические показатели // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2018. № 3. С. 257–281.
23. Российская газета. 3 мая 2023 г. № 96.
24. Руткевич А.М. Три идеи университета // Вопросы философии. 2022. № 7. С. 66–74.
25. Садовничий В.А. Российские университеты как ключевой элемент подготовки кадров для обеспечения технологического суверенитета страны // Вестник РАН. 2024. № 3. С. 192–199.
26. Сергеев А.М. О реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными в 2019 году // Вестник РАН. 2021. № 1. С. 7–52.
27. Смолин О.Н. Научно-технологическая и образовательная политика на изломе эпох: новые задачи // Свободная мысль. 2023. № 5. С. 19–40.
28. Соловьев В.М. Три волны эмиграции. Хроника Русского зарубежья. Одиссея длиною в век. – М.: ЛЕНАНД, 2023. – 200 с.
29. Степин В.С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 407 с.
30. Убайдуллаев С.Н. Имитация трудовой деятельности и как с нею бороться // Свободная мысль. 2022. № 1. С. 17–34.
31. Шугуров М.В., Печатнова Ю.В. Право на науку в контексте деформации международного пространства в условиях санкций // Общественные науки и современность. 2023. № 6. С. 7–19.

SCIENCE AS AN IMPORTANT FACTOR IN THE CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIA

Naumova T.V.

RAS Institute of Philosophy

Science as an important factor in the civilizational development of modern Russia is a very extensive and multifaceted problem. It is impossible to consider all the issues related to this topic in one article. Our attention will be focused on some aspects that are important from the point of view of the country's development and at the stage of science development that occurred during the collapse of the USSR and the formation of post-Soviet Russia. The article examines the forms of financial support for science in modern Russia, namely: the state, business, scientific foundations and some others.; The social and cultural statuses of science and scientists are analyzed; such an important indicator of the development of science as its level and quality is considered. In addition, the reasons con-

tributing to the lag of modern Russian science from science in the leading Western countries are being clarified; the place of Russian science in the global scientific space is being determined. We will consider the academic model of science development, in which the development of new knowledge is provided primarily by research institutes, and as a social and cultural institution representing a professional community of scientists whose activities take place in special organizational forms.

Keywords: academic science, scientist, government, business, export of educational services, the level of research, the state of research, the lag of domestic science from science in the leading countries of the world.

References

1. Agamirova E.V., Zharova E.N., Malakhov V.A. Problems and prospects of development of social sciences and humanities in the system of scientific knowledge // *Social sciences and modernity*. 2023. No. 4. P. 35–52.
2. An Qingyan. The Rise and Fall of Soviet Marxist philosophy // *Questions of philosophy*. 2023. No. 3. P. 21–32.
3. Arefyev A.L. Russian-language education in the former national republics of the USSR in the last 30 years // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences* 2023. No. 3. P. 266–274.
4. Artemyeva T.V. Petersburg Academy of Sciences. On the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences // *Questions of Philosophy*. 2024. No. 5. P. 5–14.
5. Berdyaev N.A. Philosophical truth and intellectual truth // *Milestones. Collection of articles about the Russian intelligentsia*. – Moscow: RIPOL Classic Publ., 2017. – 330 pp.
6. Speeches by participants of the General Meeting of RAS members / Chereshev V.A. // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2023. No. 8. P. 761–771.
7. Gorshkov M.K., Sheregi F.E., Tyurina I.O. Reproduction of intellectual labor specialists: a sociological analysis. – Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences Publ., 2023. – 383 pp.
8. Granin Yu.D. “Civilization” – “real”, imaginary or constructed communities? // *Questions of philosophy*. 2024. No. 2. P. 14–24.
9. Granin Yu.D. The Modern State. National and social vectors of evolution. – Moscow: Academic Project Publ., 2021. – 371 pp.
10. Gureev V.N., Guskov A.E., Mazov N.A. Russian scientists in world scientific integration processes // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2021. No. 7. P. 648–659.
11. Gusev A.B., Yurevich M.A. Lines of antagonism in the scientific community and the aggravating youth factor // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2024. No. 7. P. 646–657.
12. Gusev A.B., Yurevich M.A. Science in Russia and the outside world: controversial openness, indisputable dependence // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2023. No. 2. P. 121–130.
13. Guseynov A.A. My Zinoviev. Articles, reports, interviews. – Moscow: YASK Publ., 2023. – 272 pp.
14. Zavarukhin V.P., Antropova O.A. Current trends and prospects of the development of the university sector of Russian science // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2023. No. 7. P. 653–668.
15. Indicators of Science: 2022: statistical collection. – Moscow: HSE Publ., 2022. – 400 pp.
16. Komkova E.G. Scientific policy in Canada // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2022. No. 10. P. 984–993.
17. Kuznetsova N.I. Academy of Sciences in Russia: experience a unique historical identity // *Questions of philosophy*. 2024. No. 5. P. 15–28.
18. Lektorsky V.A. Introduction // *Philosophy does not end... From the history of Russian philosophy. XX century: in 2 books.* / Edited by V.A. Lektorsky. I. The 20–50s. – Moscow: ROSSPEN Publ., 1998. – 719 pp.
19. Lenin V.I. Complete collection of works. Vol. 34, 35, 36. – Moscow: Gospolitizdat Publ., 1962.
20. Lovakov A.V., Panova A.A. Contribution of universities to the production of fundamental scientific knowledge in Russia // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2023. No. 1. P. 67–76.
21. Motroshilova N.V. Civilization and barbarism in the era of global crises. – Moscow: Canon+, 2010. – 480 pp.
22. Polikhina N.A., Trostyanskaya I.B. The effectiveness of evaluating university activities through scientometric indicators // *Education and science in Russia: the state and potential of development*. 2018. No. 3. P. 257–281.
23. Rossiyskaya gazeta. May 3, 2023. No. 96.
24. Rutkevich A.M. Three ideas of the University // *Questions of Philosophy*. 2022. No. 7. P. 66–74.
25. Sadovnichy V.A. Russian universities as a key element of personnel training to ensure the technological sovereignty of the country // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2024. No. 3. P. 192–199.
26. Sergeev A.M. On the implementation of the state scientific and technical policy in the Russian Federation and the most important scientific achievements achieved by Russian scientists in 2019 // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2021. No. 1. P. 7–52.
27. Smolin O.N. Scientific, technological and educational policy at the turn of epochs: new tasks // *Free Thought*. 2023. No. 5. P. 19–40.
28. Solovyov V.M. Three waves of emigration. Chronicle of the Russian Diaspora. A century-long Odyssey. – Moscow: LENAND Publ., 2023. – 200 pp.
29. Stepin V.S. Civilization and culture. – St. Petersburg: SPbGUP Publ., 2011. – 407 pp.
30. Ubaidullaev S.N. Imitation of labor activity and how to deal with it // *Free thought*. 2022. No. 1. P. 17–34.
31. Shugurov M.V., Pechatnova Yu.V. The right to science in the context of the deformation of international space under sanctions // *Social Sciences and Modernity*. 2023. No. 6. P. 7–19.

Философско-исторический анализ патриотизма: духовные основания и современные вызовы

Омарова Лейла Бунияминовна,

к.ф.н., доцент Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: Leylaomarova1@gmail.com

Музашвили Диана Зурабовна,

к.ф.н., доцент Департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: DZMuzashvili@fa.ru

В статье исследуются ключевые философские концепции, лежащие в основе патриотических историко-философские подходы к патриотизму в философских концепциях различных эпох. Патриотизм рассматривается как многогранное явление, которое включает в себя эмоциональные, моральные и социальные аспекты.

Актуальность статьи продиктовано необходимостью определить ценности народа нации, культуры, государства и страны в условиях современной геополитической ситуации. Анализ и выявление особенностей восприятия феномена патриотизм в России и других культурах дает возможность понять и осознать важность этого понятия и правильного понимания данного феномена.

Особое внимание уделяется вопросам идентичности, ответственности и гражданского долга.

В заключение подчеркивается важность понимания патриотизма в русской философии и значимость именно такого сознательно-духовного подхода к патриотизму в современном мире, где новая этика и культурное разнообразие ставят новые вызовы перед традиционными представлениями о национальной принадлежности. Статья предлагает читателю задуматься о том, как философские идеи могут способствовать более глубокому пониманию патриотизма как позитивной силы в обществе.

Ключевые слова: патриотизм, родина, культура, идентичность, народ, государство, религия, традиция.

Патриотическая тематика занимает важное место среди сегодняшних общественных дискуссий. Современная геополитическая ситуация заставляет вновь и вновь возвращаться к этой теме пытаясь дать четкое определение понятию и феномену «патриотизм». С одной стороны, патриотизм рассматривают, как первобытный инстинкт, с другой стороны фундаментальную традицию культуры, и с третьей, рассматривают как условность или продукт воспитания. Во многих философских теориях патриотизм представлен как добродетель, но есть и такие теории, где этот феномен обретает негативные оттенки.

Несмотря на разночтения в рассмотрении этого феномена, мы можем утверждать одно, что идея оберегания и заботы о месте своего рождения и жизни, своего рода, лежащая в основе патриотизма – это идея не искусственно созданная, а естественная, исходящая и самой природы человека. Можно согласиться с утверждением американского политолога, который выдвигал теорию взаимосвязи естественной эволюции и политического поведения человека, Гэри Р. Джонсоном, что патриотизм является результатом взаимодействия между генетически основанными предрасположениями и процессами социализации, которые культивировали и направляли эти предрасположения [29]. На протяжении всей своей истории человечество демонстрировало это в различных формах.

С возникновением первых цивилизаций и культур человек всячески пытается возвеличить свою родину, будь то завываниями новых территорий, возвеличиванием имени народа в мифах, легендах преданиях. Образцы культуры, представленные в фольклоре, литературе, искусстве, философии любого народа – это своего рода проявление патриотизма в разных ипостасях.

Усложнение в обществе, связанные с появлением экономических, политических или социальных отношений усложнило и понятие «патриотизм». Если изначально патриотизм – это некая духовная связь с родиной, то постепенно, (с появлением государственности) он начал носить больше политический окрас и стал элементом политической аксиологии.

В современном мире патриотизм определяют, как преданность своей стране, культуре, народу, но оно более широкое многогранное понятие, которое требует философского осмысления.

Если рассматривать происхождение самого понятия, то обобщив определения, которые дают словари, можно сказать, что это слово происходит от латинского *patriōta*, в свою очередь заимствованного из древнегреческого (*πατριώτης* «земляк, соотечественник»), далее от *πατήρ* «отец» и производного от этого слова *πατρίς* – отечество.

Имплицитно идея патриотизма всегда присутствовала в философских теориях и концепциях. Этому свидетельствует то, что независимо от эпохи, или культурного поля; материалистической или идеалистической направленности, преданность выделяется как одна из эссенциальных ценностей общества и человека.

Идея патриотизма в древневосточной философии

Древневосточная духовная традиция, представленная в индийской и китайской философии, демонстрирует,

свойственное им психоцентричное (веды, учения о дао) или социоцентричное (Конфуцианство, Легизм) понимание сущности феномена патриотизма.

В древнеиндийских философских учениях, представленных в ведических текстах (Пураны) патриотизм выступает как следование долгу (дхарме) перед родом, семьей. Преданность семье рассматривается как величайшая драгоценность и она должна быть безусловна как любовь к Создателю. Последующая философская рефлексия, развертывающаяся в основном как идеалистическая (духовная) философия, представленная как Астике так и Настике в древней Индии не привязывает человека к политическому или географическому пространству, но преданность семье и роду и ценностям связанным с ними выделяется особое сакральное значение.

В отличие от психоцентричной, космополитической позиции индийских философских школ в китайской философии особенно в Конфуцианстве и Даосизме преданность родине имеет очень важное значение и имеет не только духовный, но и некоторый социальнополитический окрас. К примеру, в образ благородного мужа должен сочетать в себе как преданность семье, так и преданность народу. Даосская философская традиция тоже привязывает человека к родине отмечая священность долга перед родиной. Что же касается легизма, то здесь политизация понятия патриотизм имеет явный характер. В данной философской школе главным мерилом человеческих достоинств считается не только преданность семье и родине, но преданность государю, беспрекословное подчинение закону и воинская заслуга.

Западная философская мысль о патриотизме

Эволюции понятия «патриотизм» в европейской философии, начинается с ранней греческой философии.

С изменениями VIII–VI вв. до н.э. в общественном укладе античного общества, связанных с постепенным вытеснением кровнородственных связей гражданским статусом. Изменяются и понимание, и смысл некоторых понятий, которые составляют основу коммуникационных связей, понятия: обязанности, права, социальные функции начинают нести иной смысловой оттенок. Общественное сознание включает в себя не только идеи связанные с выживанием и борьбой за место под солнцем. Новый статус гражданина формирует у человека иное восприятие жизненного пространства, которое воспринимается через духовное соитие с родиной и придает сакральный оттенок чувству ответственности за общественное благополучие, связанное с гармонией и процветанием родного полиса. Граждане полиса идентифицируют себя как единое целое, где каждый чувствует себя значимым в данном обществе. Стремление гражданина к достижению гармонии в социальных отношениях мотивируется эмоциональным восприятием своего государства как уникального и неповторимого.

Патриотизм в античной Греции не просто любовь к родине, но и способ сохранить свою независимость. Только защищая и оберегая свое государство ты можешь избежать удела раба, свобода центральная аксиологическая единица греческого мировоззрения, которая воспевается во всех мифах и философских концепциях.

Философские позиции Сократа, представленные в диалоге «Критон», свидетельствуют о его сакральном отношении к родине и патриотическому чувству. Несмотря на скептическое и критическое отношение к афинским законам и управлению он считает, что Отечество драгоценнее родителей и всех остальных предков, оно неприкосновенно и священо, почитаемо и богами и людьми [20]. И даже в своем отказе бежать от афинского право-

судия он являет патриотизм и отношение к своей государству принимая ее со всеми достоинствами и недостатками.

Вслед за своим учителем Платон так же выделяет патриотизм как священный долг служения государству. Описывая идеальное устройство, он пишет «граждане такого государства в высшей степени доблестно сражались бы с неприятелем, потому что никогда не оставляли бы своих в беде, зная, что они приходится друг другу братьями, отцами, сыновьями, и так называя друг друга... я уверен, что благодаря сему этому наши граждане будут непобедимы» [21, с. 87].

Более рациональное и практическое отношение к феномену патриотизм у Аристотеля. В противовес Сократу с его сакральным отношением к патриотизму и Платоном с его идеалистическим отношением Аристотель более практично относится к патриотизму рассматривая его как необходимость, гарантирующая благо государству. Он подчеркивает, что патриотизм исходить из общественного начала человека, которому необходимо общество, где он себя будет чувствовать нужным и защищенным. Аристотель, следуя эвдемонистическому течению считал, что человек испытывает счастья ощущая себя частью родины с его прошлым, настоящим и будущим.

Поздняя античная философия, с одной стороны, продолжает традиции, заложенные Сократом, Платоном и Аристотелем, но и вносит свое видение в понимание патриотизма. Школа стоиков имеют свое собственное видение относительно это феномена. Стоицизм рассматривает мир как единое жилище – пространство для человечества единого во всем и призывают гармонично вписываться и не противоречить этой единости. Марк Аврелий призывает следовать существующему миропорядку говоря: «Каково отношение между членами сплошного и единого тела, таково же и между разделенными пространством разумными существами, созданными для соучастия в едином деле. Эта мысль глубже западет в тебя, если ты будешь часто говорить себе, что ты являешься членом Целого, состоящего из разумных существ. Если же ты назовешь себя отдельной частью, то не будешь любить людей от всего сердца, и деятельность на благо других не доставит тебе окончательного удовлетворения» [17, с. 58]. Но далее он же советует «пусть божество в тебе будет руководителем существа мужественного, зрелого, преданного интересам государств» [17, с. 64], из чего можно сделать вывод, что несмотря на космополитичные взгляды, преданность отечеству является неотъемлемой частью стоического образа жизни.

Поздняя античная философия не сосредотачивалась на вопросах связанных патриотизмом, в их концепциях фокус настроен был на человека и его соитие и гармонии с собой (Эпикуризм), с природой (Кинизм) или с духом (Неоплатонизм).

Такое отношение к патриотизму могло быть продиктовано тем, что в эпоху Римской империи формируется двойное понимание родины: первое это малая родина – место рождения, которая и именовалась *patria*, вторая – определялась по гражданственности, принадлежностью к политическому пространству и именовалась как *civitas* или *respublica*. Расцвет Римской империи приводит к провозглашению Рима центром мира приводит к космополитичным взглядам, где человек идентифицирует себя как гражданин мира. Можно предположить, что с этим связано противопоставления эллинов, которые привязывали свою принадлежность и преданность конкретному месту, родине – Элладу с римлянами и с их космополитическими взглядами.

Новая эпоха человеческой истории, начавшаяся с торжеством христианской религии в Европе по новому ракурсу, начала рассматривать феномен патриотизма. Феномен патриотизма связывают не с локальным государственным или этнической системой-обществом, а становиться проявлением принадлежности царству Божию. Помимо преданности родине, патриотизм включает в себя и преданность вере. Один из отцов церкви Аврелий Августин оправдывал государственное устройство и необходимость политического управления и отмечал необходимость веры, как носителя блага для всех [1]. Несмотря на то, что государство относится к граду земному, наполненному грехом, она становится необходимым условием для установления Божественных законов, так самой собой разумеющимся становится сотрудничество церкви и власти, где верховенство имеет церковь причастная граду Божьему. Средневековье стало новой вехой в эволюции понятия патриотизм, наполняя образ Отечества духовными религиозными смыслами.

Другая религиозная традиция зародившейся с появлением ислама имеет свой взгляд на патриотизм. В ней родине наделяется священным смыслом и рассматривается так же, как преданность исламской вере. В исламе есть понятие «Умма», который трактуется, с одной стороны, как исламское сообщество, с другой стороны как вообще человечество, объединяя все культуры и нации. И почитание и защита, не только места своего рождения, но и всей уммы считается в исламе священным долгом мусульманина.

В большей степени родина отождествляется с культурой и историей языком и преданностью памяти предков.

Исламский мыслитель Аль-Фараби, которого на востоке называли вторым Аристотелем, отмечает, что объединяя люди образовали три вида сообществ: великие (совокупность обществ всех людей, населяющих Землю), средние (общество, представленное каким-либо одним народом) и малые (общество, представленное жителями одного города, занимающего определенную часть той местности, которую населяет тот или иной народ). Аль-Фараби был эвдемонистом, следуя аристотелевской традиции он пишет, что всякая цель человека должна быть достижение счастья и начинается он с малого общества, так как порядок и добродетель малого сообщества способствуют благосостоянию и величию среднего и большого сообщества [2].

Какими же качествами должен обладать добродетельный гражданин иначе патриот? Совершенный образ человека он описывает так ««...Он должен быть воспитан по законам и обычаям, соответствующим его природному предрасположению, должен обладать правильным убеждением во взглядах религии, в которой он вырос, придерживаться добродетельных действий, которые (предписываются) его религией, не нарушая их все или небольшую их часть, при этом придерживаясь добродетелей, которые являются таковыми в общераспространенном (мнении), и не выступая против прекрасных действий, которые являются таковыми в общераспространенном (мнении)» [2, с. 109]. Исходя из этого можно заключить, что философ считает обязательным преданность вере и добродетели и обычаям своего сообщества, которые являются неотъемлемыми составляющими патриотизма.

«Добродетельный город» Аль-Фараби стал теоретической основой исламской политической и правовой мысли, который опирается на логическую рациональность, образ добродетельного гражданина образом патриотизма.

Сопоставление христианских и исламских философско-теологических взглядов позволяет сделать вывод относительно теоцентричности идей патриотизма в средневековую эпоху.

Гуманистическая и антропоцентрическая философия ренессанса окрасила новыми красками идею патриотизма. Возрождая античные традиции свободного гражданина-патриота, но в то же время, не отходя далеко от божественного значения отечества эта эпоха рождает утопию, где любовь к родине сочетается в образе человека, следующем необходимому государственному порядку и одновременно свободному от экономической, политической и социальной несправедливости и неравенства.

Томас Мор, заложивший основу утопического жанра, дает нам образец благополучного государства противопоставляя ее европейским политическим системам своей современности. Говоря о преданности родине и почитании истории и величия своего народа на острове «Утопия» он отмечает «они воздвигают на площади статуи мужам выдающимся и оказавшим важные услуги государству на память об их подвигах. Вместе с тем они хотят, чтобы слава предков служила для потомков, так сказать, шпорами поощрения к добродетели» [25, с. 87]. Патриотизм на острове в чести, потому что верное служение родине и возвеличивание ее мощи особо высоко почитается.

Т. Кампанелла в «Городе солнца» описывает такое же отношение к деяниям, исполненным патриотизма «еще при жизни заносятся в книгу героев все те, кто изобрел или открыл что-нибудь полезное или же оказал крупную услугу государству либо в мирном, либо в военном деле» [10, с. 43].

Сообразно гуманистичным умонастроениям эпохи утопические концепции связывали идею патриотизма с человеколюбием, проявляющимся посредством справедливости и равенства. Но в это же время зарождается новое видение государства, которое в Н. Макиавелли отделяет от понятие гражданского общества. Родина для Макиавелли это государство – это защита и оплот для человека, но таковым на может стать только если править так, чтобы народ был предан государству и государю [16].

Новое время привнесла некоторые нюансы в понимание идеи патриотизма. Это эпоха, где сформировалось новое мировоззрение, связанное с верой в торжество науки, с новым экономическим порядком, которое влечет за собой и новое видение политики и государство дополняет образ патриота новыми качествами, связанными с экономическим благополучием общества.

Идеи, связанные с теорией общественного договора, выдвинутые Т. Гоббсом, с одной стороны, продолжают гуманистические идеи Т. Мора и Т. Кампанелла, рассматривая государство как гарантию безопасности и свободы, с другой связано с идеями Н. Макиавелли, где государь имеет ключевую роль в благополучии государства. Определяя человека как социального атома, который составляет материю государства Т. Гоббс придает важное значение единению людей под общей идеей и преданностью государству «Наибольшим человеческим могуществом является то, которое составлено из сил большинства людей, объединенных соглашением, и перенесено на одну личность, физическую или гражданскую, пользующуюся всеми этими силами или по своей собственной воле, каково, например, могущество государства, или в зависимости от воли каждого в отдельности» [8, с. 124]. Дж. Локк связывал нравственное отношение к отечеству от разумной законодательной системы этого государства. Либеральные идеи Дж.

Локка передвигали государя на задний план, на переднем же плане оказывается народ, который обладает свободой выбирать и государя «политической властью я считаю право создавать законы, предусматривающие смертную казнь и соответственно все менее строгие меры наказания для регулирования и сохранения собственности, и применять силу сообщества для исполнения этих законов и для защиты государства от нападения извне – и все это только ради общественного блага» [14, с. 284].

Либералистские идеи Дж. Локка были подхвачены и дополнены просветителями в XVIII веке. Представители философской мысли этого периода связывали идею патриотизма со «свободой от». Теории связанные с провозглашением равенства и торжества естественных прав в Европе вылились в буржуазные революции, которые изменили и концепцию патриотизма. Патриотизм здесь связывали с борьбой с деспотизмом, единовластием, провозглашением прав народа.

Жан-Жак Руссо обсуждает идеи патриотического воспитания в своем произведении «Эмиль, или О воспитании». В этом труде он описывает, как важно формировать гражданские добродетели и патриотизм у молодого поколения. Руссо подчеркивает, что воспитание должно быть направлено на развитие чувства ответственности перед обществом и государством, что является основой для формирования патриотических чувств. Несмотря на взгляды Руссо относительно свободного выбора места проживания и даже некоторую склонность к космополитизму он уверен в том, что одной из обязанностей человека является привязанность к месту своего рождения [23].

Схожие с Руссо идеи о воспитании истинного патриота можно уловить и в концепции разумного эгоизма представленного в работах К. Гельвеция. Патриот для данного философа соотносится с гуманностью, которая предполагает соблюдение общественных интересов, не противоречия им и совмещения личного и общественного блага. Именно такой «новый человек» называется у него патриотом, он выделяет две значимые добродетели цивилизованного человека – любовь к справедливости и любовь к отечеству [7, с. 48].

Представители немецкой классической философии трактовали и раскрывали феномен патриотизма со свойственной им скрупулёзностью. В идеалистической философии И. Канта развиваются идеи космополитизма, которые заключаются в развёртывании изначальной цели природы. Анализируя историю человечества, он приходит к выводу, что никакие исторические перипетии не могут уничтожить рефлексию просвещения «зародыш просвещения, который, развиваясь все больше после каждого переворота, подготовлял более высокую ступень совершенствования» [11, с. 58]. Цель этого совершенствования – объединенное гражданское общества с торжеством свободы, справедливости, равенства и рациональности. Деонтология Канта распространяется и на идеи патриотизма – главное же долженствование это следование моральному долгу. Если свести идею космополитизма и деонтологии, можно сделать вывод, что идея патриотизма у него связан с человеколюбием.

Гегель же эту идею связывал с идеей государственности в своих фундаментальных работах (Феноменология духа, Наука логики, Философия права). Патриотизм как связующее между субъективным и объективным духом. В работе «Философия права» Гегель обосновывает идею патриотизма через связь личного интереса граждан и цели государства, он пишет, что «Патриотизм как заключающаяся в истине уверенность и ставшее привычкой воление есть лишь результат существующих

в государстве учреждений, в котором разумность действительно налична, а также обретает свою деятельность посредством соответствующего этим учреждениям действия» [6, с. 476].

Русская национальная идея патриотизма

Также, как и в других культурах, идея патриотизма в русской культуре демонстрируется в фольклорных памятниках, традициях.

Один из древнейших памятников письменности Древней Руси «Повесть временных лет» содержит особое видение любви к отечеству. Летопись является славословием защитникам Руси, которые не только защищали и укрепляли, но и прославляли отчий край через века.

В «Слове о законе и благодати» Митрополита Иллариона, которое считается первым образцом русской религиозной философии, где подчеркивается связь между государственностью и православием на Руси, автор пишет не только о распространение живительного христианского учения среди «новых» народов, но и видим прославление рода славных князей киевских, Руси и стольного города Киева. Он воспекает воинские доблести русского народа в отстаивании независимости Руси [18].

Митрополит Илларион положил основу русского народничества и соборности он подчеркивал, что христианство начавшаяся с князя Владимира при особенном Божием благоволении, определило русскую судьбу, и дальнейшее ее развитие Митрополиту видится как результат непрестанного промыслительного попечения. Для него религия и истинная вера дана русскому народу для того, чтобы осознать свою общность, быть единым народом, и обязанность каждого сохранить эту единость и общность.

Митрополит Илларион заложил традиции русской философии и определил особое православное понимание любви к отечеству.

Отождествление любви к отечеству с любовью к своей вере изменилось с преобразованиями Петра Великого. В этот период государственный патриотизм становится преобладающей ценностью. Служение отечеству вот главная добродетель каждого члена Российского государства.

Особый взгляд на русскую идею и отчий дом имел М.В. Ломоносов, творчество которого представляет собой образец русской науки и культуры, где отстаивается самостоятельность и самостоятельность русского народа со всех сторон.

Идея патриотизма в его творчестве ярко просвечивается. Будучи истинным патриотом, он отстаивал концепты развития русской культуры и науки и писал, что всякий кто болеет за родной край, должен нещадно бороться со всем, что тормозит развитие русской науки и должен быть непримирим к неприятелям наук российских.

Гений Ломоносова всячески восхваляет героический русский народ, подчеркивая лучшие его черты. «Честь российского народа требует, чтоб показать способность и остроту его в науках и что наше отечество может пользоваться собственными своими сынами не токмо в военной храбрости и в других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний» [15, с. 583].

Взлет русской философской мысли XVIII–XIX вв. связан непосредственно с идеей патриотизма. Концепции реформ как славянофилов, так и западников связаны со стремлением к лучшему настоящему и будущему русского народа.

В эту эпоху на первый план выходит принцип «общественного блага», перенятый у европейских просветителей. Также идеи свободы и гражданских прав выходит

на первый план. Общественное благо видится как благо для всех и каждого.

А.Н. Радищев был одним из тех, кто обратился к теме патриотизма и раскрытию этого понятия и феномена, с позиций отстаивания необходимости прав личности и равенства. В своей работе «Беседа о том, что есть сын отечества» он пишет, что «человек потребен для ношения имени сына Отечества» [22, с. 112]. В своих рассуждениях А.Н. Радищев отмечает, что человек существо свободное, одарено умом, разумом и свободною волею и это свободная воля должна вести его к истине, красоте и добродетели [22]. Радищев ратовал за активный патриотизм, который заключался в свободной гражданской и политической позиции.

Идея активного патриотизма А.Н. Радищева продолжается и в работах Н.М. Карамзина в своих рассуждениях он приходит к следующему выводу: «Патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Любовь к собственному благу производит в нас любовь к отечеству, а личное самолюбие – гордость народную, которая служит опорой патриотизма... Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках, оскорбительные для народной гордости» [12, с. 258].

Эти же идеи развивались в философии П.Я. Чаадаев, который несколько не своеобразно воплотил сначала в философических письмах применяя метод от обратного и критикуя бездеятельность он пишет, что «не все трудятся сознательно; необходимые массы движутся слепо, не зная сил, которые приводят их в движение, и не провидя цели, к которой они влекутся, – бездушные атомы, косные громады» [27, с. 25]. Здесь нет четкого определения понятия патриотизм, но сами эти письма – это акт патриотизма, где философ жаждет величия своего народа.

В «Апологии сумасшедшего» П.Я. Чаадаев дает свою оценку патриотизму и разделяя патриотизм ленивый неосознательный и сознательный. Он выступает за сознательный патриотизм, так как он близок к истине и помогает осознать русскому народу то, что «мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества» [27, с. 85]. Чаадаев убежден что полезное для отечества чувство патриотизма возникает только если «ясно видит его» со всех сторон оценивая трезво все достоинства и недостатки. Как и его предшественник Петр Яковлевич видит прогресс России только с активным и сознательным патриотизмом.

Именно сознательный патриотизм мы видим и философских рассуждениях А.С. Хомякова в работе «О старом и новом». Несмотря на то, что Хомяков считается оппонентом П.Я. Чаадаева и размышления относительно исторического опыта России и необходимости осознанного видения настоящего будущего отечества удивительным образом совпадают. Об этом можно судить только по одной цитате из этой работы «Современную Россию мы видим: она нас и радует, и теснит; о ней мы можем говорить с гордостью иностранцам, а иногда совестимся говорить даже со своими» [26, с. 67].

В работе «Аристотель и всемирная выставка» выражает свою позицию относительно патриотического должностования. Давая определение беглецу (предателю отечества), он отмечает, что беглецом можно назвать не только того, кто без крайней нужды бросил свою родину, оторвался от народа и создает вокруг себя пустыню, но и того, «кто, не оставляя пределов своего отечества и не расставаясь с землею расторгает все свои

связи с жизнью народною: беглец душою и сердцем» [26, с. 128].

Следующее поколение философской мысли России восполнили это диалектическую рефлексию лейтмотива, связанного с идеей патриотизма.

Тема патриотизма поднимается и ярко освещается в философии В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, Г.В. Флоровского, И.А. Ильина. Вторая половина XIX первая половина XX века, которые стали весьма сложными для России особенно остро обозначили эту проблему.

Гений русской мысли В.С. Соловьев рассматривал этот феномен в рамках вопроса о русской идее. Соловьев считает необходимым отказаться от национального эгоизма для того, чтобы слиться с истинной христианской верой, но в то же время он пишет: «признав безоговорочно религиозную свободу, – это единственное средство для России приуготовить себя к откровению и осуществлению своей действительной национальной идеи, которая – этого не следует забывать – не есть отвлеченная идея или слепой рок, но прежде всего нравственный долг» [24, с. 73]. Он призывает «к вселенскому братству, исходящему из вселенского отечества чрез непрестанное моральное и социальное сыновство» [24, с. 89]. Однако преодоление национальной ограниченности ради духовной вселенской идеи не противоречит идее патриотизма так как «преследование своего национального интереса – это единственная задача народа и долг патриота сводится к тому, чтобы поддерживать свою страну и служить ей в этой национальной политике, не навязывая ей своих субъективных идей» [24, 103].

Последователь всеединства В.С. Соловьева Н.А. Бердяев так же связывает патриотическое чувство с духовным долгом человека перед родиной «духовный подъем, нравственная сила и воодушевление ныне обнаруживаются в патриотическом деле служения родине, в защите родины до смерти. Эти дела не предусмотрены принципами отвлеченной политики» [4, с. 134].

Анализируя проявление и понимание понятия патриотизма в непростой исторической ситуации в России (начало XX века) другой русский философ Г.В. Флоровский различает два вида патриотизма – праведный и греховный. Принимая русскую революцию как факт исторической необходимости Флоровский рассуждает о том, как должны сыны отечества российского относиться к этому факту. Он не может представить Великую Россию, которую отвоюют, как мечтали многие современники, внешние силы. Иными словами, согласно Флоренскому, революцию 17 года в России нужно принять несмотря на ее содержательность, так как она была консеквенцией предыдущих исторических событий, где пропасть между народом и властью увеличивалась столетиями, в результате терялась культурно-творческая сила, которая исходила от духа народа [29].

Следующий русский мыслитель начала XX века И.А. Ильин написал ряд работ где пишет о своем видении феномена патриотизма. Вынужденно потеряв родину, он всю свою творческую мощь направил на единственный предмет – Россия, прошлое, настоящее и будущее ее и русского народа. В работе «Родина и мы» он размышляет о судьбе вынужденных эмигрантов послереволюционного периода и считает, что не смотря ни на что задача истинного патриота бороться за будущее родины и не терять связь с родиной [29].

В серии статей И.А. Ильина многие его мысли совпадают с мыслями Г.В. Флоровского относительно спасения России. Он, как и Флоровский убежден, что дело спасения России это внутреннее дело, всякое внешнее вмешательство приведет к ее расчленению, чего нель-

зя допустить. Философское осмысление и анализ истории России и его привод к выводу, что разрыв с народом стало причиной бедствий России. Чтобы понять, как дальше быть «русские люди, призваны не только знать историю своего отечества, но и видеть в ней борьбу нашего народа за его самобытный духовный лик» [9, с. 138]. Критикуя советскую власть за его тоталитаризм отчужденность от религии и недемократичность философ все таки с гордостью пишет о советской армии-освободительнице «Русская армия неотделима от своего народа: она есть воплощение его воли, его силы, его храбрости, его разума». Одной из задач истинного сына своего отечества Ильин видит содействие образованию «некой исторически-национальной и государственной ткани солидарности. Люди должны быть взращены в нее трудом, семейственностью, правосознанием, религиозным чувством и патриотизмом» [9, с. 256].

Ярким этапом проявления наличного патриотизма для России стала Великая Отечественная Война, которая показала на мировой исторической арене подлинный реальный лик российского народа. Великая Отечественная война стала одним из самых значительных и трагических событий в истории России. В это время патриотизм, как философская и социальная категория, приобрел особое значение. Патриотизм не только стал моральным ориентиром для миллионов людей, но и явился необходимым условием для выживания и победы нации.

Во время войны патриотизм стал не просто личным чувством, а коллективной необходимостью. Он объединил людей разных возрастов, профессий и социальных слоев, создав мощный фронт сопротивления и этносов.

В контексте войны патриотизм стал той силой, которая вдохновляла людей на подвиги и самопожертвование, которое можно рассматривать как высшую форму проявления воли к жизни народа, к жизни человеческой добродетели и к человечеству в целом.

Патриотизм не только способствовал выживанию нации, но и стал основой для формирования нового общественного сознания. Он объединил людей, вдохновил на подвиги и стал моральным ориентиром в самые трудные времена. Патриотизм, как необходимость, стал символом силы и единства. Этот патриотизм можно назвать народным, и именно он и есть истинный патриотизм, не связанный ни с политической системой, ни с государственным устройством ни с личными интересами. Такой патриотизм можно считать проявлением абсолютного духа народа.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод относительно позиций западной восточной и отдельно русской философской мысли, касательно феномена патриотизма, что данная тема была актуально на протяжении всего человечества. Что же касается взглядов на этот феномен основа одна – человеческая сущность связана с местом его рождения, культурой, народом с которым себя идентифицирует он, но исходя из анализа, древневосточной, античной, западной, арабо-мусульманской и русской философии мы видим, что понятие родина и любовь к родине отличается в русской философии. Если в западной философии подчеркивается государственный или политический патриотизм, то в русской философии патриотизм связан с духом народа с культурой религией и исторической преемственностью. Это абсолютно альтруистический феномен, где нет места прагматизму. В русской философии и особенно у славянофилов и представителей религиозной русской философии патриотизм это любовь к родине

«несмотря» и «вопреки» и именно так можно сохранить народ, культуру и историю.

Проявляясь в разнообразных формах, которые реализуются в участии в общественной и политической жизни страны, в любви и уважению к своему народу в преданности своим отеческим традициям, в интересе и гордости к истории своего народа, патриотизм охватывает все грани человеческой идентичности.

Литература

1. Аврелий Августин. О граде божьем. – М.: АСТ, 2022. – 1248 с.
2. Аль-Фараби Средневековая арабо-мусульманская философия в переводах А.В. Сагадеева: [собр. пер. в 3-х томах. Том 1] / [сост. и отв. ред. Н.С. Кирабаев]. – М.: Изд. дом Марджани, 2009. – 272 с.
3. Аристотель, Политика. Риторика. – М.: Изд. Бомбара, 2024. – 384 с.
4. Бердяев Н.А. Судьба России. Самопознание, Русская идея. – М.: Изд. Эксмо, 2019. – 688 с.
5. Веды Древние тексты вед. Летописи Бхараты. М.: Амрита-Русь, 2021. – 192 с.
6. Гегель Г. В.Ф. Философия права / Пер. с нем; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц. – М., 1990. – 524 с.
7. Гельвеций К.А. О человеке его умственных способностях и его воспитании. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1951. – 486 с.
8. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М.: Азбука, 2017. – 704 с.
9. Ильин И.А. Собрание сочинений в 10-х томах. Том 2. – М.: Русская книга, 1993. – 478 с.
10. Кампанелла Т. Город солнца или рассуждения об идеальном государстве. – М.: Амрита-Русь, 2020. – 128 с.
11. Кант И. Сочинения в 6 – ти томах. Том 6. – М.: Мысль, 1966. – 798 с.
12. Русские просветители Собрание произведений в 2-х томах. Том 2. – М., 1966. – 440 с.
13. Лао-цзы. Книга об истине и силе. В переводе и с комментариями Б. Виноградского / Лао-цзы, Бронислав Виноградский. – М.: Эксмо, 2014. – 480 с.
14. Locke J. Two treatises on government. Moscow, Sotsium Publ., 2019. – 374 p. Lomonosov M.V. O sokhraneniya russkogo naroda [On the preservation of the Russian people]. and ed. Ed. by O.A. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2011. – 848 p. Machiavelli N. The Prince. – Moscow: Eksmo, 2016. – 160 p. Marcus Aurelius. Alone with yourself: with comments and explanations. Moscow: AST Publishing House, 2021. – 224 p. Metropolitan Hilarion, The Word on the Law and Grace / Ed. Ed. by O.A. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2011. – 176 p. Переломов Л.С. Конфуций «Лунь Юй». М.: Восточная литература, 2001. – 588 с.
15. Платон. Диалоги. – М.: АСТ, 2006. – 384 с.
16. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – 752 с.
17. Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. – М., 1952. – 672 с.
18. Руссо Ж-Ж. Эмиль, или о воспитании – М.: Мультимедийное издательство Стрельбицкого, 2016. – 547 с.

19. Соловьев В.С. Собрание сочинений в 10-томах. Том 1. – М.: ЕЕ. Медиа, 2012. – 384 с.
20. Томас Мор. Утопия. – М.: Азбука, 2015. – 320 с.
21. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений в 8-и томах. Том 1. – Москва: Univ. Тип, 1900. – 408 с.
22. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма в 2-х томах. Том 1. – М.: Изд. Наука, 1991. – 801 с.
23. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 848 с.
24. Johnson G.R. Kin Selection, Socialization, and Patriotism: An Integrating Theory // *Politics and the Life Sciences*. 1986. – Vol. 4, № 2. – P. 121. – <https://philipperushton.net/wp-content/uploads/2015/02/race-genetic-similarity-kin-selection-nazis-rushton-johnson-politics-the-life-sciences-2-1986.pdf> (дата обращения: 12 декабря 2024 г.).

PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL ANALYSIS OF PATRIOTISM: SPIRITUAL FOUNDATIONS AND CONTEMPORARY CHALLENGES

Omarova L.B., Muzashvili D.Z.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the key philosophical concepts underlying patriotic historical and philosophical approaches to patriotism in philosophical concepts of different eras. Patriotism is considered as a multifaceted phenomenon that includes emotional, moral and social aspects.

The relevance of the article is dictated by the need to determine the values of the people of the nation, culture, state and country in the context of the modern geopolitical situation. Analysis and identification of the peculiarities of perception of the phenomenon of patriotism in Russia and other cultures makes it possible to understand and realize the importance of this concept and the correct understanding of this phenomenon.

Particular attention is paid to issues of identity, responsibility and civic duty.

In conclusion, the importance of understanding patriotism in Russian philosophy and the significance of this conscious-spiritual approach to patriotism in the modern world, where new ethics and cultural diversity pose new challenges to traditional ideas about national identity, are emphasized. The article invites the reader to think about how philosophical ideas can contribute to a deeper understanding of patriotism as a positive force in society.

Keywords: patriotism, homeland, culture, identity, people, state, religion, tradition.

References

1. Aurelius Augustine. *The City of God*. – Moscow: AST, 2022. – 1248 p.
2. Al-Farabi *Medieval Arab-Muslim Philosophy in Translations by A.V. Sagadeev*: [collected translations in 3 volumes. Volume 1] / [compiled and edited by N.S. Kirabaev]. – Moscow: Mardzhani Publishing House, 2009. – 272 p.
3. Aristotle, *Politics. Rhetoric*. – Moscow: Bombara Publishing House, 2024. – 384 p.
4. Berdyaev N.A. *The Fate of Russia*. Self-Knowledge, Russian Idea. – Moscow: Eksmo Publishing House, 2019. – 688 p.
5. *The Vedas Ancient texts of the Vedas*. *Annals of Bharata*. – Moscow: Amrita-Rus, 2021. – 192 p.
6. Hegel G.V.F. *Philosophy of Law* / Translated from it; ed. and compiled by D.A. Kerimov and V.S. Nersesyants. – Moscow, 1990. – 524 p.
7. Helvetius K.A. *About man, his mental abilities and his education*. – Moscow: State socio-economic publishing house, 1951. – 486 p.
8. Hobbes T. *Leviathan, or the matter, form and power of the state, ecclesiastical and civil*. – Moscow: Azbuka, 2017. – 704 p.
9. Ilyin I.A. *Collected Works in 10 volumes. Volume 2*. – M.: Russkaya kniga, 1993. – 478 p.
10. Campanella T. *City of the Sun, or Reflections on the Ideal State*. – M.: Amrita-Rus, 2020. – 128 p.
11. Kant I. *Works in 6 Volumes. Volume 6*. – M.: Mysl, 1966. – 798 p.
12. *Russian Enlighteners Collected Works in 2 Volumes. Volume 2*. – M., 1966. – 440 p.
13. Lao Tzu. *The Book of Truth and Power*. Translated and with Comments by B. Vinogradsky / Lao Tzu, Bronislav Vinogradsky. – M.: Eksmo, 2014. – 480 p.
14. Locke J. *Two treatises on government*. Moscow, Sotsium Publ., 2019. – 374 p. Lomonosov M.V. *O sokhraneniya russkogo naroda* [On the preservation of the Russian people]. and ed. Ed. by O.A. Platonov. – Moscow: Institute of Russian Civilization, 2011. – 848 p. Machiavelli N. *The Prince*. – Moscow: Eksmo, 2016. – 160 p. Marcus Aurelius. *Alone with yourself: with comments and explanations*. Moscow: AST Publishing House, 2021. – 224 p. Metropolitan Hilarion, *The Word on the Law and Grace* / Ed. Ed. by O.A. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2011. – 176 p. Perelomov L.S. *Confucius "Lun Yu"*. M.: Vostochnaya Literatura, 2001. – 588 p.
15. Plato. *Dialogues*. – M.: AST, 2006. – 384 p.
16. Plato. *Works in four volumes. Vol. 3. Part 1* / Under the general editorship of A.F. Losev and V.F. Asmus; Translated from ancient Greek. – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University; "Oleg Abyshko Publishing House", 2007. – 752 p.
17. Radishchev A.N. *Selected philosophical and socio-political works*. – M., 1952. – 672 p.
18. Russo J.-J. *Emil, or About Education* – M.: Strelbitsky Multimedia Publishing House, 2016. – 547 p.
19. Soloviev V.S. *Collected Works in 10 Volumes. Volume 1*. – M.: EE. Media, 2012. – 384 p.
20. Thomas More. *Utopia*. – M.: Azbuka, 2015. – 320 p.
21. Khomyakov A.S. *Complete Works in 8 Volumes. Volume 1*. – Moscow: Univ. Type, 1900. – 408 p.
22. Chaadaev P. Ya. *Complete Works and Selected Letters in 2 Volumes. Volume 1*. – M.: Nauka Publishing House, 1991. – 801 p.
23. Florovsky G.V. *Paths of Russian Theology*. Ed.O. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2009. – 848 p.
24. Johnson G.R. *Kin Selection, Socialization, and Patriotism: An Integrating Theory // Politics and the Life Sciences*. 1986. – Vol. 4, No. 2. – P. 121. – <https://philipperushton.net/wp-content/uploads/2015/02/race-genetic-similarity-kin-selection-nazis-rushton-johnson-politics-the-life-sciences-2-1986.pdf> (accessed on December 12, 2024).

Социально-гуманитарные знания как ответ на большие вызовы российскому обществу

Ореховская Наталья Анатольевна,

д.ф.н., профессор Кафедры гуманитарных наук Финансового
университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: naorehovskaya@fa.ru

Статья посвящена анализу роли социальных и гуманитарных наук в процессе поиска ответов на большие вызовы российскому обществу. Обращается внимание на дисциплины, которые предоставляют возможности исследовать сложные социально-политические процессы, предлагаются пути эффективного использования гуманитарных наук для определения результативных стратегий на государственном уровне. Автор научной работы отмечает важность дисциплинарного подхода для процесса формирования сплоченного российского общества.

Ключевые слова: общество, социально-гуманитарные знания, практика, наука, философия, развитие, духовно-нравственные ценности.

Введение

На сегодняшний день российский социум сталкивается с различными вызовами, которые взаимосвязаны не только с экономическими изменениями и социальными трансформациями, в том числе и с политическими процессами.

В современной России наука рассматривается как основа для развития технологических и социальных инноваций. Государственная политика направлена на наращивание исследовательского потенциала на ключевых направлениях, соответствующих «большим вызовам» («Grand Challenges»), и форсированный трансфер знаний в технологии. Усиление координационного взаимодействия всех участников научного, технологического и бизнес-процессов в условиях современной технонауки способствуют активной трансформации науки как социального института.

В контексте современных геополитических процессов важность рассматриваемой проблемы возрастает, так как социальные и гуманитарные знания предоставляют возможность более глубоко понимать происходящее и социуме и политике.

Материалы и методы исследования

Материалами для анализа послужили научные публикации по теме социально-гуманитарных знаний как ответ на большие вызовы российскому обществу, интернет-ресурсы с дидактическими материалами, цифровой контент.

Методика исследования включала анализ документов и научных публикаций, что дало возможность определить не только тенденции, но и закономерности в рассматриваемой области. Применялся контекстуальный анализ, способствующий систематическому исследованию представленных текстов, медиа ресурсы для выявления общественного мнения и определения культурных паттернов в целом.

Системный подход позволил рассматривать материалы как адаптивный ресурс исследования.

Результаты и обсуждение

Социально-гуманитарные знания играют ключевую роль в ответе на большие вызовы, с которыми сталкивается российское общество. Российское общество находясь в состоянии внешнеполитической турбулентности вынуждено решать вопросы по сохранению исторической памяти и воспитанию патриотизма. Еще одним мощным вызовом выступает кризис института семьи, который проявляется в снижении рождаемости, замещение коренного населения мигрантами, попытках навязать чуждые для российской культуры ценности.

Мы согласны с Сытых О.Л. В том, что социально-гуманитарные знания помогают глубже понять культурные, исторические и социальные корни проблем, с которыми сталкивается общество. Исследования в области социологии, политологии и культурологии могут помочь в разработке и реализации более адекватной социальной политики, направленной на решение проблем бедности, неравенства и социальной исключенности [9, с. 196].

Интересна позиция Жавронкова А.В., который ведет речь о том, что социально-гуманитарные дисциплины способствуют формированию критического мышления, гражданской ответственности и культурной идентичности молодежи. В условиях многонационального и многоконфессионального общества знания в области антропологии и культурологии помогают наладить межкультурный диалог, способствуя социальной гармонии и снижению конфликтности [5, с. 26].

Роль гуманитарных наук в развитии креативных подходов к решению социальных и экономических проблем отмечает Вань Ц. По мнению исследователя это особенно важно в условиях кризиса. Социально-гуманитарные знания поднимают важные вопросы морали, этики и социальной ответственности, что способствует формированию более справедливого и гуманного общества [3, с. 232].

Таким образом, интеграция социально-гуманитарных знаний в практическую деятельность и политику становится важным инструментом преодоления вызовов, стоящих перед российским обществом, и содействует его устойчивому развитию.

Рассмотрим, какие именно социально-гуманитарные знания, транслируемые в общество, смогут помочь нашему государству воспитать поколение, которое будет способно дать адекватный ответ тем вызовам, которые предстоит решить нам и нашим потомкам для сохранения единой и неделимой России, укрепления государственности, обеспечения сплоченности и, как следствие, обеспечения конкурентоспособности РФ на международной арене.

1. Влияние изучения истории на формирование патриотически-настроенной личности.

Историческая наука не только формирует представления о национальной идентичности, но и служит основой для понимания текущих событий и будущего страны. Рассмотрим некоторые аспекты необходимости изучения истории России как ответ на большие вызовы российскому обществу:

- аспект «Формирование национальной идентичности гражданина РФ» – изучение истории помогает гражданам РФ осознать свою принадлежность к определенной культуре и народу. Знание исторических событий, традиций, памятных дат и достижений, формирует чувство гордости за Россию, историю нашего государства [1, с. 136];
- аспект «Память о героях, памятных датах и событиях» – изучение памятных дат и исторических событий являющихся важными элементами патриотического воспитания является. Осознание подвигов наших предков, их жертвенности и героизма формирует уважение к прошлому и чувство ответственности за будущее страны [6, с. 228];
- аспект «Уроки истории» – всецелое понимание исторических конфликтов, динамизм политических изменений и социальные трансформации позволяют сформировать более осознанное и критическое отношение к современным вызовам [4, с. 25];
- аспект «Культурное наследие» – сохранение богатого культурного наследия народов России укрепляет патриотические чувства и служит связующим звеном между поколениями [2, с. 34];
- аспект «Государственная символика и праздники» – исторические события и герои этих событий становятся основой для создания национальных символов и праздников, цель которых объединять людей и формировать чувство гордости за страну [8, с. 63].

Таким образом, историческая наука является неотъемлемой частью воспитания патриотизма, способствует

формированию осознанной и ответственной гражданской позиции молодых россиян.

2. Обеспечение целостности российского государства.

В многонациональной и многоконфессиональной стране, коей является Россия вопрос о единстве становится одним из приоритетных.

Каждый из 190 народов и этнических групп, проживающий на территории России не должен чувствовать себя чужим ни в одном регионе РФ, ощущать единство и целостность нашего государства и всех народов обеспечивающих поступательное развитие нашей страны [7, с. 41].

Рассмотрим некоторые аспекты необходимости изучения культуры народов России как ответ на большие вызовы российскому обществу:

- аспект «владение родным языком» – обеспечение возможности изучения родного языка и культуры для всех национальностей в рамках школьного или дополнительного образования. Язык и культура всегда выступают «мягкой силой» в процессе противостояния большим вызовам российскому обществу;
- аспект «Знакомство с культурным многообразием народов России» – знакомство с культурой, традициями и обычаями народов России, способствует взаимопониманию и уважению между народами.

3. Сохранение исторической памяти и борьба с фальсификацией истории также выступают ответом на большие вызовы российскому обществу.

Ключевым аспектом в решении данной задачи будет выступать не только образовательный процесс, а в большей мере воспитательный. Необходимо на всех уровнях образования с дошкольного до высшего в доступной для каждой возрастной группы форме системно реализовывать мероприятия направленные на сохранение исторической памяти. У старших школьников и студентов формировать четкое понимание критериев фальсификации истории, что будет на практике способствовать тренировке критического мышления, развитию аналитических способностей обучающихся.

4. Сохранение духовно-нравственных ценностей российского общества также выступает ответом на большие вызовы обществу. В решении данного вопроса мы опять не сможем обойтись без социально-гуманитарного знания. Философия, социология, политология закладывают аксиологические основы в формирующемся жизненном мире молодого человека.

В свете гуманистического мировоззрения, главным признаком ценности является наличие в ней благодетельных для человека качеств, свойств, возможности использовать эту ценность во благо человека, или ее способность соединяться с положительными качествами индивида.

Общей чертой ценностей гуманизма является заключенная в них человечность, все то, что связано с утверждением жизни, положительными качествами людей, с творчеством добра в его многообразных формах.

Значимость аксиологических постулатов подтверждается и Указом Президента РФ от 09 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Документ определяет традиционные ценности как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению и лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны [10].

Выводы

Подводя итог, мы приходим к пониманию необходимости развития исследований в области социально-гуманитарного знания. Только духовно и нравственно здоровое общество сможет не только противостоять большим вызовам, но и формировать собственные траектории развития на национальном и государственном уровнях, на основе государственного суверенитета и уважения к международным партнерам.

Литература

1. Бибикина, Л.Н. Патриотически настроенная, социально активная студенческая молодежь – основа добровольчества / Л.Н. Бибикина // Человек. Наука. Социум. – 2022. – № 4–2(12). – С. 125–140.
2. Богданова, А.А. Образовательные стратегии изучения личностей на уроках истории / А.А. Богданова // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2023. – № S98–2(98). – С. 32–35.
3. Вань, Ц. Социальная трансформация и реконструкция системы гуманитарных знаний на примере Китая и России / Ц. Вань // Вопросы истории. – 2023. – № 11–2. – С. 226–237.
4. Грибанская, Е.Э. Подготовка патриотически настроенных специалистов – основа успеха России / Е.Э. Грибанская, Е.С. Никитина // Культура: управление, экономика, право. – 2024. – № 3. – С. 22–26.
5. Жавронков, А.В. Технологии минимизации политических рисков как фактор обеспечения социально-политической стабильности России / А.В. Жавронков // Политконсультант. – 2021. – Т. 1, № 3. – С. 24–29.
6. Изучение исторических личностей во внеурочной работе по истории как фактор формирования гражданственности и патриотизма / А.С. Бобровская, Н.В. Гончарова-Ипполитова, М.Ю. Сметанина, Ж.Н. Кандаурова // Педагогическое образование. – 2022. – Т. 3, № 4. – С. 225–231.
7. Лавров, Д.Е. Военно-патриотическое воспитание как неотъемлемая часть всего процесса патриотического воспитания граждан России / Д.Е. Лавров // Студенческий. – 2022. – № 41–6(211). – С. 40–41.
8. Ревенко, Н.Л. Гражданско-Патриотическое воспитание Патриотическое воспитание молодежи: содержание и роль, методика / Н.Л. Ревенко // Приложение к журналу «Среднее профессиональное образование». – 2022. – № 5. – С. 57–68.
9. Сытых, О.Л. Социально-гуманитарные знания как фактор профессиональной подготовки студентов вузов / О.Л. Сытых, Л.К. Синцова // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2021. – № 13. – С. 195–201.
10. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной поли-

тики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 09.04.2025).

SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE AS A RESPONSE TO BIG CHALLENGES OF RUSSIAN SOCIETY

Orekhovskaya N.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The scientific article is devoted to the analysis of the role of social and humanitarian sciences in the process of finding answers to major challenges to Russian society. Attention is drawn to disciplines that provide opportunities to study complex socio-political processes, ways of effective use of humanitarian sciences to determine effective strategies at the state level are proposed. The author of the scientific work notes the importance of a disciplinary approach for the process of forming a cohesive Russian society.

Keywords: society, social and humanitarian knowledge, practice, science, philosophy, development, spiritual and moral values.

References

1. Bibikova, L.N. Patriotic, socially active student youth – the basis of volunteerism / L.N. Bibikova // Man. Science. Society. – 2022. – No. 4–2 (12). – P. 125–140.
2. Bogdanova, A.A. Educational strategies for studying personalities in history lessons / A.A. Bogdanova // Actual problems of humanitarian and socio-economic sciences. – 2023. – No. S98–2 (98). – P. 32–35.
3. Wan, Ts. Social transformation and reconstruction of the system of humanitarian knowledge on the example of China and Russia / Ts. Wan // Questions of history. – 2023. – No. 11–2. – P. 226–237.
4. Gribanskaya, E.E. Training of patriotic specialists is the basis for Russia's success / E.E. Gribanskaya, E.S. Nikitina // Culture: management, economics, law. – 2024. – No. 3. – P. 22–26.
5. Zhavronkov, A.V. Technologies for minimizing political risks as a factor in ensuring Russia's socio-political stability / A.V. Zhavronkov // Political consultant. – 2021. – Vol. 1, No. 3. – P. 24–29.
6. The study of historical figures in extracurricular work on history as a factor in the formation of civic consciousness and patriotism / A.S. Bobrovskaya, N.V. Goncharova-Ippolitova, M. Yu. Smetanina, Zh.N. Kandaurova // Pedagogical education. – 2022. – V. 3, No. 4. – P. 225–231.
7. Lavrov, D.E. Military-patriotic education as an integral part of the entire process of patriotic education of Russian citizens / D.E. Lavrov // Student. – 2022. – No. 41–6 (211). – P. 40–41.
8. Revenko, N.L. Civic-Patriotic Education Patriotic education of youth: content and role, methodology / N.L. Revenko // Supplement to the journal "Secondary vocational education". – 2022. – No. 5. – P. 57–68.
9. Sytykh, O.L. Social and humanitarian knowledge as a factor in the professional training of university students / O.L. Sytykh, L.K. Sintsova // Sociology in the modern world: science, education, creativity. – 2021. – No. 13. – P. 195–201.
10. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values." – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (accessed 04/09/2025).

Пичугин Виталий Григорьевич,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
и развития человеческого капитала, Финансовый университет
при Правительстве РФ
E-mail: VGPichugin@fa.ru

В статье рассматриваются теоретические вопросы современного социального явления – «культура отмены». Актуальность темы исследования определяется важностью и необходимостью понимания механизма влияния данного феномена на общество, а также последствий практики «культуры отмены». В результате проведенного исследования выявлен механизм влияния «Культуры отмены» на современный социум, сформулированы определения понятия «культура отмены» с учётом задействованных в механизме влияния социально-психологических феноменов. Выявлена последовательность применения социально-психологических технологий в процессе влияния «культуры отмены» на общество, также значение современных информационно-коммуникативных технологий для данного процесса. Представлены выводы о дальнейшем возможном эволюционировании феномена «культуры отмены», где акцентируется внимание на необходимости глубокого анализа механизма её воздействия на социум в связи с появлением новых информационно-коммуникативных технологий, что позволяет прогнозировать не только тенденции сегодняшнего дня, но и развитие возможного влияния в будущем.

Ключевые слова: культура отмены, социальное влияние, социальное восприятие, социально-психологические технологии, социальный феномен.

Введение

Понятие «культура отмены» появилось в США и за два десятка лет прошло путь от «отмены» в личных отношениях, что разыгрывалось актёрами в кинематографе, до социального-политического феномена, позволяющего «отменять» медийных персонажей, исторические личности, компании, бренды и т.п. «Культура отмены» вторгается в сферы экологии, религии, исторического сознания, прав меньшинств, политику, экономику, став мощным инструментом влияния в рамках «новой этики».

Существует множество определений понятия «культура отмены». В некоторых делается акцент на «попытки делегитимизации или дисквалификации людей, изменения отношения (негативизация) выступлений, идей, организаций, как настоящего, так и прошлого» [1]. С другой стороны, наряду с «маргинализированным гневом» некоторых сообществ в этом явлении существует полезная «стратегия сетевого представления существующих проблем» [2, с. 88]. Отмечается инструментальность «культуры отмены», что используется одновременно, например, сторонниками политкорректности, «опирающимися на постмодернизм и критическую теорию, а также их противниками, находящими аргументацию в утверждении объективной истины и научной рациональности» [3, с. 95]. Направленность влияния «культуры отмены» не ограничивается процессами внутри государства, но и может представлять собой «инструмент управления социально-политическими явлениями, который можно использовать во внешнеполитических целях» [4, с. 434]. Обобщая более 50 различных формулировок понятия «культура отмены» можно сделать следующее заключение – это вид социально-психологического или социально-политического влияния, как внутри государства, так и во внешнегосударственной деятельности, направленный на привлечение к ответственности (причинение морально-нравственных страданий, утраты репутации, статуса, должности, потере работы, финансов, иногда через уголовное преследование и лишения свободы, возможно жизни, для государства – лишение политических и экономических ресурсов) с использованием средств массовой коммуникации, в основном, социальных сетей, а также радио, телевидения, печатных изданий, путём распространения правдивой или ложной информации о нарушении адресатом влияния писанных (норм закона) и/или неписанных норм, правил, (социальных, этических, корпоративных) принятых в конкретном социуме.

При всей обобщённости понятия «культура отмены», невозможности по объективным причинам в теоретическом конструкте описать все тонкости, особенности, нюансы значимого социального феномена современности, представляется важным и актуальным выявить социально-психологический механизм, который позволяет «культуре отмены» существовать в настоящем и сделать предположение о будущем данного феномена, его возможной трансформации в новом качестве или отмирании как временного явления.

Социальное восприятие и «культура отмены»

«Культура отмены» может быть представлена как процесс достижения цели определёнными актёрами социального

взаимодействия с использованием совокупности механизмов социальной перцепции. Введённое в 1947 году Дж. Брунером понятие «социальная перцепция» [5] сейчас трактуется не просто как социальная детерминированность перцептивных процессов, но и как многочисленные варианты (механизмы) восприятия других людей, групп, социальных общностей и социума в целом.

«Культура отмены» опосредована особенностями социального восприятия, манипулировании им, конструировании и деконструкции образов, формировании в массовом сознании устойчивых представлений о новых социальных нормах, правилах и соответствии (или несоответствии) им определённых личностей, организаций, социальных общностей. В процессе социальной атрибуции [6] интерпретируется то или иное поведение людей, как связанное с личностными характеристиками, так и детерминированные групповой принадлежностью. Этот процесс неразрывно связан со стереотипизацией, то есть формированием упрощённого образа определённого явления или личности, что позволяет быстро выработать отношение к чему-либо (кому-либо), не проводя каждый раз глубокую рефлекссию. У. Липпман, который первым предложил термин «стереотипизация», [7] понимал его как ложное или неточное представление, создаваемое и распространяемое пропагандой. «Культура отмены» может рассматриваться как создание устойчивого социального стереотипа о явлении, группе, личности, посредством социально-коммуникативных технологий. Стереотипизация в массовой коммуникации — это всегда упрощение, но понятное, эмоционально привлекательное, и как любое упрощение сложного социального явления, искажает его, зачастую формируя совсем ложный образ, который никак не соответствует реальности. Особенность массового сознания в поляризации оценок, создании бинарных оппозиций «хорошо-плохо», «светлая-тёмная» сторона, нет оттенков, отсутствует представление о неоднозначности. Поэтому «отменяемый» персонаж или группа в стереотипном восприятии приобретает крайне негативные черты и характеристики.

Ф. Олпорт в 1924 г. сформулировал понимание «Социальной проекции» [8] как процесса формирования знаний о характеристиках личности или группы на основе себя как точки отсчёта. «Культура отмены» возможна, когда имеется «точка отсчёта». Это определённый индивидуум или группа, которая приписывает себе право судить и требовать кары, исходя из проецирования своих невротических страхов, неудовлетворённых потребностей и т.п. на других, будь то конкретная личность, группа, либо социальное явление. В данном случае в механизме «культуры отмены» содержатся два элемента, с одной стороны, вера в личную праведность как эталон (точка отсчёта), с другой стороны, набор обычных человеческих «грехов», проецируемых вовне. Это приводит к аксиологической поляризации, где есть всё хорошее и нравственное в «точке отсчёта», а напротив есть «отменяемые» с приписанными им негативными характеристиками: аморальностью, пороками, греховностью. Можно сказать, что это привлекательная социальная психотерапевтическая модель, позволяющая почувствовать единение в праведном гневе, выпустить негативные эмоции, побыть в позиции обличителя порока и аморальности.

Феномен социальной идентификации в «культуре отмены» ярко проявляется в обозначении идентичности человека, его самовосприятии и принятия принадлежности к определённой социальной группе. «Человек по определению имеет множественную идентичность в социуме, что основывается на его верованиях, инте-

ресах, ценностях, профессиональной деятельности, влиянии государства и общества, ближайшего окружения. «Я» личности появляется при возможности определения границ и понимания того, где начинаются «не-я», другой, другие, какую группу можно считать своей, то есть осознанно отождествлять себя с другими на основе субъективного восприятия социальной действительности, ее интерпретации, нахождения критериев идентичности» [9, С. 286]. Причисление к группе, иницирующей «отмену», позволяет принять определённую личностную идентичность, например — назвать себя активистом движения «Me Too» или «Black Lives Matter», почувствовать значимость через эмоциональные переживания, приписывая себе успехи группы, расценивая их как свои личные. Соответственно, идентичность позволяет принять новые групповые нормы и правила, по которым формируется определённое поведение, происходит социальная координация, что объясняет эффект сплочённости групп, иницирующих «отмену». С другой стороны, такое включение индивида в группу может иметь своим следствием зависимость человека от группы — конформность. Некое сложившееся общее мнение «у нас так принято» формирует социальную норму, которой индивид подчиняется без критического восприятия действительности, легко подключается к компании «отмены» в рамках одобряемой социумом «культуры». В некоторых случаях запускается процесс деиндивидуализации в условиях мощного группового давления, особенно при существующей анонимности, например, в сети интернет. Человек утрачивает самостоятельность в принятии решений по вопросам правильности-неправильности очередной «отмены», поскольку он часть общего и подчиняется общепринятым в группе правилам.

Анонимность в интернет-коммуникации или анонимная поддержка групп и активистов политики «отмены» опосредует возникновение «диффузии ответственности» [10], которая проявляется в снижении ответственности в силу её субъективного распределения членами группы. То есть анонимность усиливает эффект диффузии ответственности, провоцируя менее осознанные и рискованные действия. В контексте групповой динамики это явление ещё больше усиливается: члены группы могут считать, что ответственность за определённые действия распределяется между ними, и, следовательно, каждый из них чувствует себя менее вынужденным к тому, чтобы принимать осторожные и обдуманные решения. Это может проявляться в различных формах, включая агрессивное поведение, распространение дезинформации или поддержку действий, которые при отсутствии анонимности не могли быть одобрены. В случае с активизмом и политикой «отмены» анонимность, как правило, служит катализатором для более радикализированных и крайних высказываний и действий, что вызывает серьезные обсуждения об этике и последствиях такого подхода.

«Культура отмены» как средство социального влияния

Обобщённое определение социального влияния означает наличие совокупности процессов, через которые люди или группы (заинтересованные акторы) прямо или косвенно оказывают воздействие на восприятие, эмоции, чувства, мысли и поступки других людей. «Культура отмены» приводит к возникновению социального давления, что создаёт атмосферу социальной конфликтности, поляризации общественного мнения, множество противоречий, например, между принципами свободы слова и самцензуры, правовой ответственностью и внеправовой,

защитой прав личности и общественной дискриминацией, поддержки меньшинств и тиранией меньшинства.

Как система социального влияния «культура отмены» имеет два измерения, во-первых – это символический акт протестного давления, во-вторых, установление внеправового социального порядка, новых (или существующих) неписанных социальных норм, где в качестве поддержки нормативности используется коллективное осуждение, имеющее фактические последствия для индивидов или организаций.

Символический акт протестного давления выражается в спонтанном или спланированном общественном возмущении, происходящим в сети интернет, а также публичных акциях – бойкотах, демонстрациях, пикетах, в процессе чего высказывается осуждение «отменяемого» субъекта, выдвигаются требования присоединения к всеобщему порицанию, привлечению к ответственности определённой личности или организации. Важно отметить быстроту мобилизации протеста посредством современных информационно-коммуникативных технологий. Социальные сети и другие платформы позволяют людям быстро мобилизоваться вокруг определённых вопросов, вызывая волну поддержки или осуждения. Этот символический аспект не всегда приводит к юридическим последствиям, но часто влияет на репутацию и общественное восприятие.

Внеправовой социальный порядок устанавливается за счёт принятия обществом или его частью «правил игры», стандартов поведения, ориентированных не на право и правовые процедуры, а на волю акторов протеста, оказывающуюся важной для общественного мнения.

Таким образом, «культура отмены» в социальном влиянии сочетает последовательность, начинающуюся с символического акта, и продолжающуюся установлением наказания «отменяемому» субъекту вне законных процедур, что проявляется в виде потери рабочих мест, репутации, контрактов или других социальных и экономических ресурсов.

Социальное влияние «культуры отмены» реализуется посредством современных психологических технологий, которые представляют собой сложный и многофакторный процесс, зависящий от многих условий. Например: контекста сложившейся проблемной ситуации, уровнем владения психотехнологиями (как содержательной, так и процессуальной частями), прогнозированием желаемого результата, условиями неопределённости и факторами влияния извне, и т.п. [11]. Общая модель применения психологических технологий в «культуре отмены» может быть представлена следующим образом.

1. Нахождение детерминанты процесса «культуры отмены». Описание (формулировка) проблемной ситуации, явления, процесса, то есть того, на что необходимо оказать влияние, выбрав ту или иную психологическую технологию. В обосновании запуска процесса приводятся причины возникновения проблемной ситуации, даётся оценка с точки зрения существующих или новых одобряемых социальных норм и правил, принимается решение о необходимости срочных действий, для чего мобилизуется общественность.

2. Формулируется представление о должном, то есть на что будет оказано влияние, какие изменения желаемы, кого и как необходимо наказать, какая точка зрения по проблемной ситуации должна сложиться в обществе.

3. Собственно выбор для применения психотехнологии, или нескольких, наиболее подходящих для конкретной ситуации «отмены», что должно привести к наилучшему результату. На этом этапе подклю-

чаются все возможные современные информационно-коммуникативные технологии.

4. Инвариантность процесса, предполагает наличие запасных вариантов, в случае активной защиты и противодействия жертвы «отмены». Это может выражаться в подключении к участию в компании известных медийных личностей, юридических действий (подача всевозможных заявлений, жалоб, исков), организации пикетов, протестных акций и так далее. Процесс «отмены» не может терять эмоционального накала и пропадать из информационного поля, поэтому запасных вариантов должно быть достаточно для достижения необходимого результата.

5. Получение результатов и демонстрация успехов. Это выражается в медийном представлении извинений, покаяния, дискриминации, лишения должности, социального статуса, денег, и т.п. жертвы «отмены». Важным аспектом является демонстрация результатов для общества, подтверждение реальной силы «культуры отмены», что формирует новую социальную реальность, основанную на страхе «так может быть с каждым», при отсутствии возможности защиты чести и достоинства в глазах общественности.

Стоит заметить, что судебные решения в пользу жертвы «отмены» редко реабилитируют её в социальном восприятии.

Таким образом, «культура отмены» как средство социального влияния представляет собой деятельность по оказанию социально-психологического воздействия на личность, группу, социум в целом, с использованием современных информационно-коммуникативных технологий в практике социального взаимодействия, формирующая определённые нормы и ценности, а также способствующая изменению общественного мнения.

Выводы

Социально-психологический механизм «культуры отмены» даёт представление о сложности и значимости данного феномена, в котором отражаются общественные проблемы и ценности настоящего времени, динамика их изменений, противоречия социального восприятия, поляризация мнений. Противоречивость восприятия явления «культуры отмены» в обществе выражается в крайних позициях: между борьбой за справедливость и внеправовой дискриминацией, отстаиванием правды и ложными обвинениями, правами меньшинств и «обратной дискриминацией», свободой слова и цензурой (самоцензурой), разделением общества на правых «вершителей судеб» и гонимых «волею толпы». Механизм «культуры отмены» имеет своим содержанием проявление совокупности социально-психологических феноменов (социальная атрибуция, стереотипизация, поляризация, социальная проекция, социальная идентификация, диффузия ответственности и других), которые формируют необходимое восприятие «отменяемого» индивидуума, группы, организации.

Механизм «отмены» также является формой социально-психологического влияния на общество, воздействуя на групповую и личностную идентичность, объединяя людей, солидаризирующихся с определёнными ценностями и нормами и противостоящими настоящим или мнимым нарушениям этих норм, что и заявляется как причина начала компании «отмены».

Позитивная идея отстаивания прав и свобод человека, этических норм, социальной справедливости, в «культуре отмены» претерпевает трансформацию, обусловленную явлениями массовости: повышенной эмоциональностью, истерическими реакциями, категорич-

ностью и неприятием противоположного мнения, что проявляется в социальном давлении, неправомерном наказании, повышенной конфликтности в обществе, появлением новых социальных страхов.

В будущем можно ожидать, что «культура отмены» будет продолжать эволюционировать, в зависимости от реакции общества и государства на изменение общественных норм, а также совершенствования информационно-коммуникативных технологий, дающих возможности качественного создания абсолютно выдуманного визуально-аудиального контента, не имеющего отношения к реально происходящим событиям, но тем не менее, служащего для обвинения людей, групп, организаций в нарушении социальных норм, поэтому появлении необходимости начать процедуру «культуры отмены».

Актуальность дальнейших исследований данной тематики обусловлена использованием «культуры отмены» в её влиянии на политические, социально-экономические, социально-психологические аспекты функционирования государства и общества. Таким образом, «культура отмены» представляет собой важный предмет для дальнейшего исследования, особенно в контексте социальных изменений и современных вызовов в сфере коммуникации, что предполагает необходимость разработки новых подходов к пониманию и взаимодействию в обществе.

Литература

1. Dershowitz A. Cancel Culture: The Latest Attack on Free Speech and Due Process / A. Dershowitz. – New York, Hot Books, 2020. – 155 p.
2. Clark M. Drag Them: A brief etymology of so-called «cancel culture» / M. Clark // Communication and the Public. – 2020. – № 5. – P. 88–92.
3. Dzenis S. Political correctness: the twofold protection of liberalism / S. Dzenis, F. Nobre Faria // Philosophy. – 2020. – № 48 (1). – P. 95–114.
4. Рустамова Л.Р., Иванова Д.Г. «Культура отмены» в отношении России и способы борьбы с ней // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 434–444.
5. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации Пер. с англ. К.И. Бабицкого – М.: Прогресс, 1977. – 413 с.
6. Heider F. The Psychology of Interpersonal Relations / F. Heider // New York, Psychology Press. –1958. – 336 p.
7. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчунова, под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
8. Олпорт Ф.Г. «Социальная психология». Бостон: издательство Houghton Mifflin Company. 1924. С. 320–335.
9. Пичугин В.Г. Концепция доминантной идентичности в модели сохранения исторического сознания российского общества // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 1А. С. 285–292.

10. Ciccarelli, S. K. & White, J.N. Psychology (2nd ed.) New Jersey: Pearson Education. – 2009. – 816 p.
11. Пичугин В.Г. Современные психотехнологии в бизнесе: учебник / В.Г. Пичугин. – Москва: Прометей, 2024. – 188 с.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL MECHANISM «CANCEL CULTURE»

Pichugin V.G.

Financial University under the government of the Russian Federation

The article discusses the theoretical issues of the modern social phenomenon – “cancellation culture”. The relevance of the research topic is determined by the importance and necessity of understanding the mechanism of influence of this phenomenon on society, as well as the consequences of the practice of “cancellation culture”. As a result of the conducted research, the mechanism of the influence of “Cancellation Culture” on modern society has been identified, definitions of the concept of “cancellation culture” have been formulated taking into account the socio-psychological phenomena involved in the mechanism of influence. The sequence of the application of socio-psychological technologies in the process of the influence of the “culture of cancellation” on society, as well as the importance of modern information and communication technologies for this process is revealed. Conclusions about the further possible evolution of the phenomenon of “cancellation culture” are presented, which focuses on the need for an in-depth analysis of the mechanism of its influence on society in connection with the emergence of new information and communication technologies, which allows us to predict not only the trends of today, but also the development of possible influence in the future.

Keywords: cancellation culture, social influence, social perception, socio-psychological technologies, social phenomenon.

References

1. Dershowitz A. Cancel Culture: The Latest Attack on Free Speech and Due Process / A. Dershowitz. – New York, Hot Books, 2020. – 155 p.
2. Clark M. Drag Them: A brief etymology of so-called «cancel culture» / M. Clark // Communication and the Public. – 2020. – № 5. – Pp. 88–92.
3. Dzenis S. Political correctness: the twofold protection of liberalism / S. Dzenis, F. Nobre Faria // Philosophy. – 2020. – No. 48 (1). – P. 95–114.
4. Rustamova L.R., Ivanova D.G. “The culture of cancellation” in relation to Russia and ways to combat it // Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2023. Vol. 25. No. 2. pp. 434–444.
5. Bruner J. Psychology of cognition. Beyond the immediate information, translated from the English by K.I. Babitsky, Moscow: Progress, 1977, 413 p.
6. Heider F. The Psychology of Interpersonal Relations / F. Heider // New York, Psychology Press. –1958. – 336 p.
7. Lippman W. Public Opinion / Translated from English by T.V. Barchunova, edited by K.A. Levinson, K.V. Petrenko. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation, 2004.
8. Allport F.G. “Social Psychology”. Boston: Houghton Mifflin Company Publishing house. 1924. pp. 320–335.
9. Pichugin V.G. The concept of dominant identity in the model of preserving the historical consciousness of Russian society // Context and reflection: philosophy of the world and man. 2023. Volume 12. No. 1A. pp. 285–292.
10. Ciccarelli, S. K. & White, J.N. Psychology (2nd ed.) New Jersey: Pearson Education. – 2009. – 816 p.
11. Pichugin V.G. Modern psychotechnologies in business: textbook / V.G. Pichugin. Moscow: Prometheus, 2024. 188 p.

Проблема гуманизма и культуры в период развития научно-технического прогресса

Платухина Мария Вадимовна,

магистрант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
E-mail: platmaria2001@gmail.com

Сулимова Елена Александровна,

к.э.н., доцент кафедры организационно-управленческих
инноваций, РЭУ им. Г.В. Плеханова

В статье уделяется внимание такой проблеме, как столкновение культуры и гуманизма с неизбежным развитием научно-технического прогресса. Уделено внимание идеям выдающихся философов первой половины XX века, в частности Н.А. Бердяеву и А. Швейцера. В данной статье автор находит общие точки соприкосновения концепций вышеперечисленных мыслителей, и выявляет основную мысль работ, связанных с конфликтом индустриализованного общества и присутствия в нем человека. Бердяев в своей работе «Человек и машина» негативно относится к развитию техники и ставит вопрос о наличии духовности людей, существующих среди новых изобретений и машин. Вместе с этим, другой философ, А. Швейцер критично относится к бурному развитию индустриализации, так как это в корне меняет жизненный уклад человека. В период стремительного развития научно-технического прогресса человек становится безразличным и равнодушным по отношению духовной жизни, что поднимает этические вопросы общества. Таким образом, основной концепцией этой статьи является присутствие гуманизма в непрерывно развивающемся мире.

Ключевые слова: техника, культура, гуманизм, цивилизация, машина, творчество, свобода, человек, общество.

Проблема развития научно-технического прогресса и существовавшего вместе с ним гуманизма и культуры была отмечена в конце XIX – начало XX века. Философы задавались вопросом об изменении жизни человека в период появления техники и механизмов, способных сделать его жизнь удобнее и проще. Вместе с этим встают основные вопросы: является ли человек рабом техники? Способна ли техника навредить духовной жизни человека? Ограничивает ли техника человека в плане свободы и творчества? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к идеям двух выдающихся философов, а именно к Н.А. Бердяеву и А. Швейцера, чей жизненный путь проходил в одном и том же промежутке времени.

По словам А. Швейцера, человек имеет «возвышенное, божественное предназначение» [8, С. 22], однако это зависит от того, насколько сам человек её понимает. Вместе с этим, согласно мнению философа, человек должен мыслить. Данный критерий очень важный, поскольку это позволит ему выработать принципы и идеалы, которые выражают разумность. Свобода для человека также важный пункт в качестве развития культуры, так как здесь он играет роль распространения «разумных идеалов» [7, С. 48]. При этом философ отмечает, что развитие культуры в современном мире имеет трудности. Это связано с тем, что экономическая и духовная сферы неблагоприятно друг на друга взаимодействуют, и это, несомненно, порождает определенные обстоятельства, перекрывающие борьбу за культуру. Таким образом, мыслитель подводит своё высказывание к тому, что культура имеет взаимосвязь со свободными людьми, способных широко мыслить, и, по мнению А. Швейцера, современному человеку этого тяжело добиться в связи развития производственной жизни вдалеке от «кормилицы земли».

Можно добавить, что данные идеи философа относятся к той эпохе, когда научно-промышленный прогресс и наука развивались стремительно, следовательно, духовная сфера стала отодвигаться на второстепенный план и замедлила свой темп в развитии. Цивилизация росла в геометрической прогрессии вверх и требовала человеческих ресурсов. Немецкий историк и философ О. Шпенглер в своей работе «Закат Европы» выразил мысль о том, что культура и цивилизация – это совершенно два разных понятия, поскольку второе негативно воздействует на первое. Культура – это отдельная стадия развития человечества, имеющая «связь с протяженностью и пространством» [9, С. 264]. В ней накапливается тот сплав знаний и идей, после чего следует её угасание после пика развития и перерождение в качестве цивилизации. «Цивилизации суть самые крайние и самые искусственные состояния» [6, С. 163], которые фокусируются на научную и рациональную сферы общества, позволяя изобретать новые механизмы, аппараты, ракеты. Вдобавок к этому, цивилизация неразрывно связана с таким понятием, как «мировой город» [9, С. 539], сущность которого заключается в том, что «он отрывает обитателя от корней, притягивает к себе и потребляет» [9, С. 539]. Таким образом, горожанин, по мнению Шпенглера, живет «внешней жизнью» [9, С. 539], основываясь на фактах и пространстве. По мнению современных ис-

следователей, можно отметить, что «цивилизация есть объективированный закон культуры» [10, С. 45], поскольку цивилизация связана с такими понятиями, как «равенство» и «единство», вместе с тем, как культура вносит разнообразие и «создает индивидуальную уникальность и разнообразие индивидов» [10, С. 44]. Следовательно, культура разбавляет рациональность цивилизации, делая ее более живой и наполненной.

Вместе с этим, концепции русского, религиозного философа Н.А. Бердяева имеют общность с вышеизложенными идеями западноевропейских мыслителей. С точки зрения Н.А. Бердяева «машинная, техническая цивилизация... опасна для души» [2, С. 9]. Она «вступает в конфликт с гуманистическим пониманием полноты человечности» [2, С. 9], поэтому техника может быть весьма опасна, в руках человека даёт «страшную силу, которая может стать истребительной» [2, С. 10]. Вместе с этим здесь ставится вопрос о духовности и гуманизме человека. Ведь техника позволяет совершать ученым неожиданные открытия и исследовать то, чего невозможно было сделать при помощи современных механизмов и развития науки. Так, человек впервые смог плавать глубоко под водой, запустить космические аппараты, изобрести самолеты и т.д. Всё это требовало героизма, и это заставило учёных «выйти из своих кабинетов и лабораторий» [2, С. 10] ради рискованного испытания техники. Получается, что таким образом человек пытается подчинить технику себе, однако есть и такой сценарий развития, где техника может приручить человека. Чтобы не дать этому сценарию сбыться наяву, Н.А. Бердяев высказывает мысль о том, что техника должна быть «подчинена духу человека и его духовной жизни» [2, С. 10].

Следует подчеркнуть, что Н.А. Бердяевым в работе «Человек и машина» были выделены три стадии развития человечества, где основной критерий заключался в «отношении духа к природе» [2, С. 3]. По мнению современных исследователей, изучающих труды Н.А. Бердяева, «проблема человека совершенно неразрешима, если его рассматривать из природы и лишь в соотношении с природой» [5, С.107]. В первой стадии человечество проживало в первозданном мире, где оно полностью подчинялось природе. Человек мог созерцать и думать о вечном, ему не нужно было спешить и подчиняться времени. Он был связан с царством живой природы, поэтому стали создаваться растительные и животные культы, игравшие высокое значение в той стадии проживания. При этом они вошли в качестве преобразованных элементов в христианство, следовательно, это доказывает идею философа, что природа необходима для человека для развития духовной жизни. Без неё невозможно человеку развить личность, что противостоит машинам, в которых отсутствует живое.

Вторая стадия развития человечества характеризовалась «процветанием культур и государств» [2, С. 3]. Выделение духа из природы давало возможность ему создать взаимосвязь между органическим миром и миром культуры. Таким образом, существовал гармоничный баланс природы и духовной жизни человека. Люди в этот период, по словам Н.А. Бердяева, могли восхищаться красотой нерукотворного мира, что, несомненно, для человека созерцание им входило в «продукт культуры» [2, С. 3]. Соответственно, общество в этой стадии развития воспринимало государство и культуру органически, как живой, развивающийся организм со своими индивидуальными чертами. Культура была полна символов, что для техники не являлось необходимым. Если культура носит в себе сущность и смысл, то техника не отмечается такими чертами. Следовательно, третья стадия, а именно «технически-машинная» [2, С. 3] отме-

чается господством природными ресурсами и овладению природой. Человечество отходит дальше от природы, пользуясь ее ресурсами и фокусируясь на машинах и развитии научно-технического прогресса.

В дополнение к третьей стадии, Н.А. Бердяев подводит нас к мысли о том, что организм и организация, несмотря на схожесть в их произношении и написании, имеют разные понятия. Организация – это искусственная структура, созданная самим человеком. Её невозможно отнести к органическому, поскольку она сама «не рождается» [2, С. 4], а появляется по инициативе человека. С одной стороны, это можно отнести к одному из видов творческой деятельности человека, с другой, существуют другие формы проявления созидательной деятельности, где человек может раскрыть свой потенциал к творчеству. С точки зрения другого выдающегося русского философа И.А. Ильина, художнику дана власть «населять человеческие души новыми художественно-духовными медитациями» [4, С. 280], соответственно, он несет в себе функцию провидца, способного привнести в этот мир новые идеи и концепции. «Созерцание художественного предмета» [4, С. 279] позволяет художнику делиться своими творениями, которые даже способны открыть путь обществу к самосовершенствованию, духовным поискам и размышлениям. Таким образом, творчество человека, связанное напрямую с духовной сферой и наполняющее внутренний мир тех, кто им созерцает, позволяет личности развиваться и получить новый опыт, связанный с чувством прекрасного.

Но всё же вернёмся к мыслям Н.А. Бердяева, чтобы выявить различие между организацией и организмом. Организм имеет свойство развиваться, причём развиваться «целесообразно» [2, С. 4]. Тем более, нужно отметить, что организм состоит также, как и организация из отдельных частей, но первое может иметь господство над всеми частями, а второе в то же время подчиняется руководству извне. Она создана для определенных целей, которые вкладывает в нее сам создатель-организатор. При этом человек и организация имеют взаимодействие. Оно может быть выгодным со стороны создателя, однако есть и вариант, где этот составной механизм будет манипулировать и оказывать влияние на человека. Но развитие техники заставило чувствовать человека себя совершенно по-иному. Ведь когда человечество в прошлом узнало, что Земля – это больше не центр мироздания, то оно было в растерянности. Огромные пространства пугали его, неизведанный космос невозможно было изучить в прошлые века. Науки тогда были недостаточно развиты, следовательно, человек, чтобы замесить идеалистическую философию, способную тогда дать объяснения на вопросы картины мира, ищет точку опоры, которая заключалась в собственном «я», то есть в самом человеке. В своей сущности это кардинально меняет понимание космоса и завершает ту эпоху, которая характеризовалась сильной привязанности человека к природе. Далее, когда человечество стало создавать новые изобретения, исследовать неизведанные земли и развивать научную сферу, то постепенно оно становилось всё независимей и сильнее от природы. Ранее человек был зависим от растительно-животного мира, теперь от технического мира. Техника дает человеку новую ступень действительности и позволяет создавать механизмы, подчиняющие всё живое.

Перед нами предстаёт новый человек. По мнению Борисовой О.С и Буйняковой И.С., работа Дзиги Вертова «Киноглаз» показывает, как «время активно переделывается» [3, С.37] и подчиняется человеку, вместе с этим реализует его идеи. Время движется назад, естественно-научные законы не играют для него ника-

кой роли. Человек способен активно влиять на время, конструировать, заниматься творчеством и созданием чего-либо, что техники и изобретений тоже касается. Он не претерпевает время, не выжидает чего-то особенного, он способен сам наполнить его, перезапустить ход событий и внести смыслы и идеи, которые могут быть и положительными, и отрицательными. Таким образом, через «процедуру перемотки» [3, С.37] работа «Киноглаз» наглядно показало возможность человека при помощи технических приспособлений управлять временем.

Подводя к общему итогу мысли Н.А. Бердяева, можно подчеркнуть в его работе «Человек и машина» опасения за стремительное развитие техники и производства, и при этом заметить, что русский философ отмечал жизнь сложнее и менее комфортной без машин. Соответственно, если бы не их изобретение, то, вероятнее всего, мог бы существовать рабовладельческий труд. Помимо этого, если бы не стремительное развитие техники в мире, то мы никогда бы не видели развитие транспортной системы в городах. Метро, трамваи, поезда, самолёты дали человечеству свободу передвижения, что было невозможно представить в XVIII веке, к примеру. Можно отметить, что на фоне развития науки и техники могло возникнуть разногласие у общества, однако с течением времени человек привыкает к недавно появившимся новшествам. Иногда приспособление к новому требует определенного времени, чтобы это воспринимать, как часть повседневной жизни.

Однако здесь нужно упомянуть мысль А. Швейцера о том, что «постоянная спешка, характерная для нашего образа жизни... не позволяет нам относиться друг к другу как человек к человеку» [7, С.51]. Действительно, современный человек с развитием научно-технического прогресса живёт в более оживленном темпе. Следовательно, отношение человека к человеку становится сложным, поскольку здесь сохраняется ограничение в общении, связанное с постоянной деятельностью и сверхзанятостью людей. По мнению философа, «человек находится под угрозой стать негуманным» [7, С.51], поскольку социальные связи и общение становятся менее насыщенными. В своей сущности здесь имеется связь с мыслями Н.А. Бердяева о том, что человек должен не забывать про то, что он не должен быть поработан машиной, о чем отмечалось выше.

В работе «Культура и этика» А. Швейцера выражено опасение философом за то, что «психика жителя крупного города подвергается наиболее неблагоприятному влиянию... и затем в свою очередь оказывает неблагоприятное воздействие на состояние духовной жизни общества» [7, С.51]. Действительно, с одной стороны, появление новых городов, развитие промышленности, индустриального общества – это благоприятные факторы для развития экономической сферы. С другой стороны, при постоянной конкуренции и спешке человек утрачивает уделять внимание духовной жизни. Стоит упомянуть, что А. Швейцер создавал свои труды в первой половине XX века, поэтому философ имел беспокойство за общество, в котором он жил. Вместе с этим, мыслителем было отмечено, что человек стал игнорировать мыслительный процесс и критическое мышление, поскольку это находится в общем единстве со способностью общаться с людьми. С точки зрения Пащак И. В, «Швейцер полагает, что естественный упадок культуры – это серьезная проблема» [6, С.31], «познание окружающего мира, рефлексия, движение мысли – все это выносятся за скобки или оказывается за бортом» [6, С.30]. Соответственно, исходя из вышеперечисленного, можно выделить, что деградация гуманизма и человеческих отношений напрямую связано с конфликтом между ма-

териальной и духовной сферами. Общество перестало в свободное время уделять внимание развитию интеллекта и расширению кругозора. Это следствие изнурительного труда, и люди вовлечены в процесс фабричного производства, где необходимо работать в команде и сохранять субординацию. Поэтому индивид выбирает такое занятие на досуге, которое способно его развлечь и не занимать его мыслительным процессом. Таким образом, он хочет получить удовлетворение за счёт непредвзятого отношения к увлечениям и интересам.

Суммируя всё вышесказанное можно отметить, что в первой половине XX века, выдающиеся философы выражали беспокойство из-за быстрого развития научно-технической сферы. В сущности, технические наработки, особенно в наше современное время позволяют, по мнению Андросенко С.В., «нас окружают роботы и искусственный интеллект – они призваны освободить нашу жизнь от рутины, наши силы и время от всего, что можно им делегировать» [1, С.62]. Однако, как человек будет сам взаимодействовать в этом виртуальном мире – зависит от него. Быстрые перемены, связанные с обществом, не могли не отразиться в трудах мыслителей. В спешке и оторванности от природы человек рискует стать самим роботом, который полностью сосредоточен на рациональности и выполнении задач, утрачивая гуманность и забывая про духовную сферу. Все идеи подталкивают нас к тому, что мы, люди, имеем возможность вырабатывать в себе гуманизм и способность самосовершенствоваться. Материальная сфера может нас заземлить и заставить забыть о культуре и нематериальных ценностях. Поэтому мысли Н.А. Бердяева и А. Швейцера сохраняют актуальность в наше время.

Литература

1. Андросенко С.В. Свобода человека перед вызовами техники, цивилизации и «восстания масс». Взгляд Николая Бердяева // Крестьяноведение. 2024. № 4. С. 44–67.
2. Бердяев Н.А. Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники // Путь. – Май 1933. – № 38. – С. 3–38.
3. Борисова О. С., Буйнякова И.С. К апокалипсису и обратно. Время в проекте «Нового человека» 20-х годов XX века // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. № 3. – С. 33–40.
4. Мурышев К.Е. Значение и природа творческого созерцания в философии искусства И.А. Ильина // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2009. № 12. С. 278–285.
5. Устименко А.Л., Устименко Д.Л. Проблема объективации и трагедия культуры в интерпретации Н.А. Бердяева // Ценности и смыслы. 2020. № 4 (68). С. 104–116.
6. Пащак И.В. Сущность и особенности философии культуры А. Швейцера // Вестник ВятГ У. 2020. № 3. С. 28–35.
7. Швейцер А. Благоговение перед жизнью: Пер. с нем. / Сост. и посл. А.А. Гусейнова; Общ. ред. А.А. Гусейнова и М.Г. Селезнева. – М.: Прогресс, 1992. – 576 с.
8. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. – 343 с.
9. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность/ Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1998. – 663 с.

10. Ягафарова Г. А., Муртазина А.М., Захарова А.Е., Бычек Д.С., Минибаева Л.У. Проблема соотношения культуры и цивилизации // МНИЖ. 2021. № 6–4 (108). С. 43–45.

THE PROBLEM OF HUMANISM AND CULTURE DURING THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PROGRESS

Platukhina M.V., Sulimova E.A.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Plekhanov Russian University of Economics

The article focuses on the problem of the clash of culture and humanism with the inevitable development of scientific and technological progress. Attention is paid to the ideas of prominent philosophers of the first half of the 20th century, in particular N.A. Berdyaev and A. Schweitzer. In this article, the author finds common ground between the concepts of the above-mentioned thinkers, and identifies the main idea of the works related to the conflict of an industrialized society and the presence of man in it. Berdyaev, in his work "Man and Machine", has a negative attitude towards the development of technology and raises the question of the spirituality of people existing among new inventions and machines. At the same time, another philosopher, A. Schweitzer, is critical of the rapid development of industrialization, as it radically changes the way of life of a person. During the period of rapid development of scientific and technological progress, a person becomes indifferent and indifferent to spiritual life, which raises ethical issues of society. Thus, the main concept of this article is the presence of humanism in a continuously developing world.

Keywords: technology, culture, humanism, civilization, machine, creativity, freedom, man, society.

References

1. Androsenko S.V. Human freedom in the face of challenges of technology, civilization and the "uprising of the masses". The view of Nikolai Berdyaev // Peasant Studies. 2024. No. 4. pp. 44–67.
2. Berdyaev N.A. Man and machine. The problem of sociology and metaphysics of technology // Path. – May 1933. – No. 38. – pp. 3–38.
3. Borisova O. S., Buinyakova I.S. To the apocalypse and back. Time in the "New Man" project of the 20s of the XX century // Scientific result. Social and humanitarian studies. 2021. No. 3. pp. 33–40.
4. Muryshev K.E. The meaning and nature of creative contemplation in the philosophy of art by I.A. Ilyin // Bulletin of the Russian State University of Economics. The series "Philosophy. Sociology. Art history". 2009. No. 12. pp. 278–285.
5. Ustimenko A.L., Ustimenko D.L. The problem of objectification and the tragedy of culture in the interpretation of N.A. Berdyaev // Values and Meanings. 2020. No. 4 (68). pp. 104–116.
6. Pashchak I.V. The essence and features of A. Schweitzer's philosophy of culture // Bulletin of Vyatka State University. 2020. No. 3. pp. 28–35.
7. Schweitzer A. Reverence for life: Translated from German. / Comp. and post by A.A. Huseynov; General ed. by A.A. Huseynov and M.G. Seleznev. – M.: Progress, 1992. – 576 p.
8. Schweitzer A. Culture and ethics. M.: Progress, 1973. – 343 p.
9. Spengler O. The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history. 1. Gestalt and reality /Translated from German, intro. and notes by K.A. Svasyan. – M.: Mysl, 1998. – 663 p.
10. Yagafarova G. A., Murtazina A.M., Zakharova A.E., Bychek D.S., Minibayeva L.U. The problem of the correlation of culture and civilization. 2021. No.6–4 (108). pp. 43–45.

Современные направления исследований Тхеравады (2020–2024): междисциплинарный синтез доктрины, практики и социальной ангажированности

Пхунтхасан Пхра Парон (Джаянандо Бхиккху),

аспирант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (БГУ)

E-mail: peter.ppj.bsu@gmail.com

В данной статье рассматриваются ключевые тенденции в исследовании тхеравадского буддизма в период 2020–2024 годов, включая «доктринальный ренессанс», расширение глобального присутствия, цифровую трансформацию и рост социально-экологических инициатив. Автор опирается на анализ 38 профильных академических источников, показывая, как современные подходы к Палийскому канону и учению Будды пересекаются с политической антропологией, экологией и социологией. Особое внимание уделяется противоречивым процессам секуляризации и одновременно возрождения традиционных практик: от «офисного» майндфулнеса до строгих монастырских ретритов. На примере Юго-Восточной Азии, а также западных и глобальных контекстов демонстрируется, каким образом буддийская община реагирует на пандемические вызовы, социальные конфликты и экологические проблемы, сохраняя при этом приверженность Палийскому канону. Работа призвана обосновать междисциплинарные основания для дальнейших исследований Тхеравады как динамично развивающейся религиозной традиции.

Ключевые слова: буддизм, Тхеравада, Типитака, буддийские исследования, буддийская практика, медитация, майндфулнес, монашеская традиция, доктринальный ренессанс, социальная ангажированность, цифровая трансформация

Введение

В настоящее время Тхеравада – одна из древнейших ныне практикуемых традиций буддизма – остается заметной темой религиозных и буддологических исследований, подтверждая собственную актуальность и многогранность. Исторически школа ассоциировалась преимущественно с регионами Юго-Восточной Азии (Шри-Ланка, Мьянма, Таиланд, Лаос, Камбоджа), однако процессы глобализации и миграции значительно расширили ее географию. Сегодня она вызывает устойчивый интерес также в странах Западной Европы, Северной Америки и Австралии.

Кроме того, пандемия COVID-19, начавшаяся в 2020 году, послужила катализатором цифровой трансформации религиозных институтов: целый ряд тхеравадских монастырей запустил онлайн-платформы для проведения различных церемоний и ретритов, а также мобильные приложения, адаптирующие буддийские медитативные практики под запросы высокотехнологичного общества. Подобный формат содействует расширению аудитории и одновременно ставит новые вопросы о сохранении аутентичности передачи Дхаммы.

Также заметны политические и экологические аспекты развития: вовлеченность буддийских общин в общественно-политические процессы и участие в экологических инициативах становятся важными исследовательскими темами. На повестку дня выходит так называемый «экологический поворот» – ответ религиозных лидеров и мирян на глобальные вызовы, включая изменение климата и утрату биоразнообразия.

Цель статьи – представить комплексный обзор ключевых направлений исследований Тхеравады за 2020–2024 годы на основе критического анализа 38 профильных академических источников. Задача заключается в демонстрации того, каким образом филологические, социологические, политические и экологические подходы к изучению данной традиции формируют целостную картину ее современного состояния. Структура работы включает шесть разделов: от обоснования актуальности темы до заключения с прогнозами дальнейшего развития области.

При этом данная работа не ограничивается перечислением тенденций; она показывает, как междисциплинарные методы – от текстологического анализа Палийского канона до политической антропологии и экологической социологии – могут быть объединены в единую парадигму осмысления современной Тхеравады. Пандемический рубеж 2020 года, изменения в политическом ландшафте многих стран, экологические вызовы и цифровые инновации формируют контекст, в котором буддийские общины ищут новые формы взаимодействия с меняющимся миром, сохраняя при этом приверженность Палийскому канону и монашеской дисциплине.

Далее приводится подробное изложение материала, разбитое на взаимосвязанные тематические блоки, сопровождаемое ссылками на исследования, отражающие широкий спектр проблем – от филологии и истории до общественно-политических и экологических вопросов.

Доктринальный ренессанс

В последние годы заметно усилился интерес к Палийскому канону Тхеравады и комментаторской традиции, и многие авторы описывают эту тенденцию как «доктринальный ренессанс» [25; 29]. Фокус исследований постепенно смещается от исключительно филологических штудий к историко-культурному и социальному анализу. Между тем Бхиккху Аналай подчеркивает ценность контекстуального подхода к пониманию Сатипаттханы, отмечая, что древние тексты отражают учение как таковое, раскрывая при этом конкретные исторические условия [1].

В этом же контексте новейшие исследования уточняют образ арханта (санскр.: арахат). В диссертации Нивитигалы Сумитты Тхеро показано, что в *Mahāniddesa* архант предстает и достигшим окончательного освобождения монахом, и нравственным ориентиром для всей общины [35]. Подобную мысль развивает Бхиккху Бодхи, указывая, что раннебуддийское учение содержало многочисленные наставления, адресованные мирянам [5]. Тем самым архантский идеал формирует этическую основу как монашеской, так и мирянской жизни.

Важным предметом изучения является также образ Будды. Макола Мангала Тхеро прослеживает эволюцию представлений о Будде, выделяя формирование двойного облика: Будда выступает одновременно как исторический наставник и как фигура, наделенная космологическими атрибутами [23]. Подобное сочетание сближает Тхераваду с некоторыми школами Махаяны, где культ Будды имеет выраженное сакральное измерение. В современной практике наличие двух взаимодополняющих акцентов способствует разнообразию интерпретаций и диалогу с другими религиозными традициями [3; 4].

Между тем сохраняются и исторические дискуссии о том, какое направление максимально точно передает учение Будды [2]. В условиях глобализации взаимодействие Тхеравады с Махаяной, тибетским буддизмом и светскими буддийскими практиками усиливает внимание к теме подлинности [26; 29]. Осознание исторической обусловленности существующих разногласий открывает путь к конструктивному диалогу, подчеркивающему общие ценности при сохранении богатства различных традиций.

Одновременно с этим большой интерес вызывает совмещение текстологического анализа и культурной антропологии. Сборник под редакцией Хайрман и Бингенхаймера иллюстрирует, насколько продуктивно параллельно изучать канонические и комментаторские источники, а также фиксировать местные устные предания и локальные верования [19]. Так, в ряде сельских общин Мьянмы рядом с Палийским канонам сохраняются рассказы о чудесах и почитаемых духах-натах, образы которых монахами интегрируются в буддийский космологический контекст [38]. Многослойность подобных традиций подтверждает, что канон развивался в непрерывном взаимодействии с социальной и культурной средой [6; 32].

Параллельно переоцениваются модернистские интерпретации Тхеравады. В колониальную эпоху и в начале XX века ее нередко представляли как «рациональную» религию, близкую к западному просветительскому идеалу [29]. Однако Кейт Кросби обращает внимание на существование «эзотерических» направлений, включающих ритуальные тексты, апотропеические обряды и почитание духов [6]. Новейшие исследования вновь вводят эти аспекты в научный оборот, подчеркивая многообразие историко-региональных форм Тхеравады [1; 18].

Таким образом, актуальное понимание «доктринального ренессанса» основывается на расширенной иссле-

довательской перспективе, учитывающей социально-исторические, политические и культурные контексты [34]. Архант в этой перспективе предстает нравственным ориентиром для всей общины, Будда – одновременно историческим учителем и всеобъемлющей космологической фигурой, а поиски аутентичности осмысляются сквозь призму глобальной истории буддизма [12]. Подобный подход подчеркивает динамичность Тхеравады и ее способность переосмысливать собственные доктринальные основания, формируя условия для междисциплинарного диалога и сотрудничества между различными буддийскими традициями.

Секуляризация и ревитализация практик

В современной научной дискуссии особое внимание уделяется секуляризации и ревитализации медитативных практик, среди которых особенно выделяется буддийская медитация майндфулнес (mindfulness), активно обсуждаемая в западной академической и популярной литературе [14; 25]. Такие программы нередко описываются как универсальные методы психотерапевтической поддержки, управления стрессом и повышения эффективности труда. Ученые при этом отмечают необходимость анализа того, сохраняется ли в подобных форматах связь практики с буддийской этикой и мировоззренческими основаниями [29; 30].

В связи с историческими предпосылками современного майндфулнеса Д. Макмахон прослеживает корни «светского майндфулнеса» до периода колониального взаимодействия [25], когда западные исследователи и буддийские наставники стремились представить медитацию в рационально-научном ключе [13]. Параллельно монахи в Мьянме и на Шри-Ланке адаптировали элементы випассаны, делая акцент на наблюдении дыхания и телесных ощущений, что способствовало более широкому распространению практики.

На другом полюсе находятся «лесные» монастырские программы для мирян, ориентированные на строгое соблюдение Винаи и погружение в традиционные формы практики [22]. К. Фергюсон описывает опыт Биркенского лесного монастыря в Канаде, где миряне добровольно принимают распорядок дня, включающий ранние подъемы, ночные бдения и медитацию в уединении [9]. Подобные инициативы привлекают участников, ищущих углубленную духовную практику, отличную от массовых программ майндфулнеса [14; 31].

В контексте цифровых технологий акцент на практической пользе становится особенно заметен: развитие мобильных приложений и онлайн-платформ делает медитацию доступной в формате «коротких сессий» [28]. Некоторые исследователи отмечают, что такая ориентация способна отодвигать мировоззренческие и этические аспекты буддийского пути на второй план [29]. Сторонники традиционного подхода подчеркивают значимость комплексного понимания учения, тогда как авторы секулярных программ акцентируют ценность широкой популяризации [4].

Существенную роль в ускорении онлайн-форматов сыграла пандемия COVID-19, о чем говорится в сборнике «Secularizing Buddhism» под редакцией Р. Пейна [29]. Монастырские общины активно осваивают Zoom, YouTube и социальные сети для поддержания связи с практикующими [17]. Подобная практика расширяет аудиторию и одновременно ставит исследовательский вопрос о способах сохранения сакрального измерения в цифровой среде.

С позиции взаимодополняющих перспектив Бхиккху Бодхи подчеркивает историческую способность буддий-

ской традиции интегрироваться в различные культурные контексты, сохраняя при этом доктринальное ядро [3]. Аналогичный вывод делает К. Кросби, указывая, что даже консервативные монастыри Юго-Восточной Азии активно взаимодействовали с местными обычаями [6]. С этой точки зрения «светский» майндфулнес рассматривается как одна из очередных форм адаптации, существующая наряду с глубоко традиционными монастырскими школами [24].

При этом необходимо отметить, что массовые секулярные программы соседствуют с углубленными монастырскими практиками, отражая общий тренд к плюрализации религиозных форм [15]. Пример Тхеравады показывает, что различные форматы медитации способны сосуществовать в едином буддийском поле, одновременно поддерживая преемственность доктрины и отвечая на запросы современного общества [22]. Таким образом, исследователи получают благоприятные условия для сравнения адаптационных стратегий религиозной традиции в глобальном контексте.

Политическая ангажированность

Политическая ангажированность и взаимоотношения буддизма и политики становятся предметом особого внимания. В массовом сознании долго сохранялась идея буддизма как исключительно «мирной» и «аполитичной» традиции [24]. Исторические примеры – от участия тайских монастырей в легитимации государственной власти до поддержки антиколониальных движений на Шри-Ланке – показывают, что сангха способна как поддерживать политическую власть, так и предлагать ей нравственные ориентиры [11; 26]. Подобная гибкость отражает стремление применить Дхамму к конкретным общественным обстоятельствам, не отступая от базовых принципов сострадания и ненасилия. Между тем опыт Мьянмы после событий 2021 года дополнительно проливает свет на эту многогранность.

Важно отметить, что на данный момент Мьянма находится в фокусе современных исследований. Иселин Фрайденлунд и Вай Пхё фиксируют неоднородные позиции монахов в ответ на военный кризис 2021 года [10; 11]. Одни сангхи подчеркивали защиту культурной идентичности, другие обращались к ахимсе, поддерживая ненасильственные протесты. Ситуация демонстрирует, как одинаковая текстовая основа может стимулировать разные социальные стратегии, оставаясь источником этического руководства.

Впрочем, женское участие в общественных процессах на Шри-Ланке представляет еще один значимый аспект политической ангажированности. При этом женщины, дāна и национальная идентичность являются важной частью обсуждаемой проблематики. Налика Гаджавира показывает вклад мирянок в формирование общественного дискурса: регулярные пожертвования монахам укрепляют представление о «буддийско-сингальской» общине [12]. Практика дāны, основанная на идее щедрости, служит ресурсом как для миротворчества, так и для культурной самоидентификации, в зависимости от риторики общественных лидеров [9; 26].

На фоне подобных общественных преобразований разнообразные интерпретации учения порой становятся испытанием для принципа ненасилия. Случается, что такие интерпретации проверяют ахимсу на прочность. Джастин Макдэниел показывает, как риторика движения «969» и сходных течений использует буддийскую символику для обоснования агрессии [24]. Случай подчеркивает значимость ясных границ толкования Дхаммы: сострадание и равновесие остаются непоколебимыми

ориентирами, а обмен мнениями между сангхой и гражданским обществом помогает удерживать дискуссию на этическом основании учения [10; 31]. В дополнение к этим вопросам некоторые исследователи обращают внимание и на социальное служение сангхи.

Социальное служение и посредничество раскрывают еще одну грань политической ангажированности. Сангха зарекомендовала себя как актор гуманитарных инициатив [34]. Образовательные проекты, приюты для беженцев и программы поддержки малообеспеченных семей свидетельствуют о стремлении воплотить каруну и метту в практических действиях [9; 17]. В Индокитае документированы случаи, когда монахи выступали посредниками в межэтнических конфликтах, напоминая сторонам о ценности примирения [36].

При этом дальнейшее изучение политической многозначности Тхеравады открывает широкие исследовательские горизонты. Тереза Меншикова отмечает, что участие Тхеравады в общественной сфере определяется локальными факторами: традиция способна одновременно легитимировать власть, ставить под сомнение ее действия, способствовать национальной мобилизации или поддерживать идеи прав человека [26]. Изучение этой многогранности остается важным направлением политической антропологии буддизма [20; 22]. При этом акцент на ненасилии, щедрости и мудрости помогает сохранять чистоту учения даже в динамичных политических контекстах.

Глобализация и экологический поворот

В свете глобализации и экологического поворота в буддийских сообществах внимание исследователей привлекает концепция «Global Theravada». Мэвис Фенн вводит это понятие, объясняя процесс транснационализации тхеравадских общин и формирование диаспор в Европе, Америке, Австралии и других уголках планеты [8]. Отмечается, что в новых условиях монастыри становятся религиозными центрами и одновременно местами, где эмигранты сохраняют культурную идентичность, совмещая буддийское учение с нормами принимающих обществ [16].

При этом цифровизация практик выходит на первый план. Паннасами и Йешпал отмечают, что пандемия COVID-19 и технологический прогресс привели к росту онлайн-ретритов, созданию обширных цифровых библиотек Палийского канона и прямым трансляциям церемоний из известных монастырей [28]. Расширенный доступ делает Дхамму ближе для широкой аудитории и поддерживает ее актуальность, однако исследователи подчеркивают важность сохранения личного канала передачи «учитель – ученик» и значимости очных посвящений для укрепления преемственности [18; 30].

В контексте межкультурных взаимодействий особое место занимает азиатско-американский опыт. Чэньсин Хань указывает, что азиатско-американские буддисты долго оставались вне сферы основного академического внимания, поскольку исследовательский интерес преимущественно концентрировался на «конверт-буддистах» – западных последователях Тхеравады [16]. Внутри азиатско-американских общин сформировался богатый пласт локализованных практик, объединяющих палийские обряды с культурным наследием мигрантов. Такой контекст дает уникальные возможности для анализа «гибридных» религиозных идентичностей и выявления способов участия буддистов в общественной и политической жизни.

Среди современных тенденций выделяется экологический поворот, имеющий предпосылки и проявления на глобальном уровне. Глобальные вызовы – изменение

климата, вырубка лесов, загрязнение океанов – вдохновили развитие «эко-дхаммы» в Тхераваде. Шобер и Макдэниел подчеркивают, что принципы ахимсы, сострадания и умеренности все чаще становятся духовным фундаментом экологических инициатив [31]. В подобном ключе формируются «зеленые монастыри», где монахи и миряне совместно ведут просветительские программы по охране природы [27].

Дальнейшее развитие экологического подхода иллюстрируют «радикальные виртуозы» и «эко-дхамма». Понятие «радикальные виртуозы» впервые сформулировала Илана Ф. Сильбер, охарактеризовав аскетичных лесных монахов как «radical virtuosi»; позднее категорию расширил Прабхат Сирисена, увязав ее с экологически активными монахами-лесниками [33]. Подобные общины могут критиковать общество потребления, проповедуя скромный образ жизни как форму религиозной практики. Некоторые монастыри активно участвуют в акциях против незаконной вырубки леса, выстраивая коалиции с некоммерческими организациями.

Кроме того, коммерциализация сакрального становится одним из примечательных сюжетов. Питер Джексон отмечает, что тайские магические амулеты включаются в глобальные экономические цепочки и функционируют как полноценный товар [21]. Спрос на них высок в буддистских регионах, а также среди новых поклонников в европейских и американских мегаполисах [9]. Часть исследователей рассматривает эту тенденцию как проявление коммерциализации, тогда как другие акцентируют традицию буддийской экономики пожертвований и обмена сакральными предметами [20].

Особого внимания заслуживает феномен гибридации и связанная с ним эко-культура, о которых говорит Брайан Шеднек. Исследователь предполагает, что местные буддийские традиции, глобальный экологический дискурс, цифровые инновации и рыночные механизмы формируют новую «эко-культуру» Тхеравады [30]. В ней сочетаются ритуальные практики, основанные на каноне, а также современные технологии дистанционного обучения или краудфандинга для экологических проектов [36]. Таким образом, Тхеравада становится частью мировой религиозной сцены, где идет постоянная перестройка доктринальных и практических форм.

Синтетическая модель

Требование целостного анализа делает актуальной «синтетическую модель». Разнообразные процессы – доктринальный ренессанс, секуляризация и одновременная ревитализация, вовлеченность в общественную жизнь, глобальные и экологические изменения – демонстрируют многомерность Тхеравады [19]. Доктринальные дискуссии оказывают влияние на общественную позицию сангхи, цифровые технологии активизируют новые форматы практики, а экологические инициативы обновляют монастырский быт [8; 34]. При таком положении дел востребована «синтетическая модель», учитывающая историческую глубину и культурное многообразие традиции.

Что касается опорных элементов синтеза, прежде всего следует упомянуть доктринальный ренессанс, который выражается в новом взгляде на архантский идеал, двойственном понимании образа Будды и переосмыслении дискуссий о «чистой Дхамме» [23; 35]. Далее примечательна поляризация практик, охватывающая широкий спектр: от корпоративных и терапевтических программ майндфулнеса до строгих аскетических форм монастырской жизни [9; 14]. Кроме того, нельзя игнорировать политическую вовлеченность, проявляющуюся в инициативных проектах, подчеркивающих культурную идентич-

ность, а также в миротворческих и социальных программах [24; 10]. Наконец, заслуживает внимания глобально экологический вектор, объединяющий цифровизацию, экологические движения и новые формы экономической активности, формирующие «гибридные» модели Тхеравады [21; 33].

Среди методологических вызовов, которые описывает Дин Макмахон, важно учитывать, что междисциплинарный анализ требует внимательного обращения с палийской терминологией и учета локальных особенностей на фоне глобализационных процессов [25]. К тому же вопрос каноничности продолжает оставаться открытым, поскольку исследователь сталкивается с Палийским каноном, аттхакатхами, современными трактатами и полевыми данными.

Важнейшими категориями в данном контексте оказываются авторитет и аутентичность. Непрерывная передача учения, восходящая к Будде, традиционно рассматривается в качестве ключевого основания аутентичности [5]. Параллельно возникает направление «буддийского богословия», которое стремилось объединить классический взгляд и академические методы, тем самым укрепляя диалог внутри самой традиции [29; 36].

Расширение исследовательского поля представлено в работах Хейрман и Бингенхаймера [19], а также Травагнин с Харрисом [36]. Эти исследования демонстрируют эффективность мультидисциплинарного подхода, включающего историю, антропологию, политологию, экономическую социологию, культурологию, цифровые исследования и экологическую этику. Применение подобного синтеза отражает общую тенденцию рассматривать религию как динамичную систему взаимоотношений [11; 18].

Выход за рамки бинарных оппозиций становится очевиден в опыте Тхеравады, где привычные дихотомии – «традиционное / современное», «религиозное / секулярное», «консервативное / прогрессивное» – оказываются условными [20]. Один и тот же монастырь успешно сохраняет классические ритуалы и одновременно развивает цифровые образовательные проекты, в то время как миряне участвуют в культурных инициативах и экологических кампаниях [9; 31]. Подобная ситуация побуждает исследователей искать более гибкие аналитические модели.

Следовательно, комплексный анализ открывает дополнительные возможности для политологии, где изучаются буддийские движения в различных политических режимах, социологии миграции, культурной антропологии локальных обычаев и экологической этики [7; 26]. Цифровые формы обучения рожают новые задачи для религиозной педагогики и психологии [16; 28]. Объединение дисциплин позволяет исследовать, каким образом принципы ненасилия, мудрости и щедрости сохраняют чистоту учения Будды в динамично меняющемся мире.

Заключение

В итоге период 2020–2024 превратился в подлинную перестройку: пандемические ограничения подтолкнули общины переосмыслить формы служения и заметно ускорили освоение цифровых площадок. Одним монастырям удалось оперативно перейти в онлайн-формат, тогда как другие искали способы сохранить общинный уклад при минимальных контактах. Завершение кризиса убедительно продемонстрировало, насколько весомо участие буддийских институтов в поддержке общества перед лицом экономических трудностей и политической турбулентности, причем особенно ярко это проявилось в Мьянме.

При этом интерес к ранним текстам сочетался с «социологическим поворотом». Архант предстает не изолированным аскетом, а нравственным ориентиром для мирян, Будда раскрывается как исторический учитель и космическая фигура одновременно. Подобная перспектива сближает исследования Тхеравады с изучением других школ буддизма и современных психопрактик.

Далее, пересмотр взглядов на «эзотерическую Тхераваду» открыл новую исследовательскую нишу. Ритуалы, магические формулы и культы духов осмысливаются в рамках взаимодополняющей модели, где аскеза и мистика укрепляют друг друга.

Кроме того, майндфулнес продолжает шагать по офисам, школам и клиникам Запада, вызывая горячие дискуссии о соотношении пользы и потери духовного контекста. Параллельно растет интерес к лесным монастырям, проповедующим строжайший распорядок и добровольный отказ от технологических удобств. Полярная динамика подчеркивает способность традиции удовлетворять самые разные запросы общества.

В данном контексте ситуации Мьянмы и Шри-Ланки показывают, как буддийские институты формируют национальную идентичность. Тот же потенциал способен служить миротворчеству, социальной справедливости и правозащите; многое зависит от выбора акцентов в риторике сангхи.

При этом география Тхеравады давно вышла за пределы Юго-Восточной Азии. Упрощенные и адаптированные форматы существуют рядом с аскетическими практиками и эко-дхаммой, создавая живой ландшафт, где гибкость сочетается с верностью Палийскому канону.

Не менее важно отметить, что современные тенденции – доктринальный ренессанс, секуляризация, политическая вовлеченность, глобализация и экологический разворот – требуют междисциплинарного подхода. При этом исследователи все чаще объединяют методы филологии, культурной и политической антропологии, социологии, экологии и цифровых наук, чтобы отразить многогранность традиции в быстро меняющемся XXI веке.

Кроме того, ближайшие векторы развития включают укрепление «виртуальной» Тхеравады посредством онлайн-обучения, ретритов в VR-среде и международных сетей монахов и мирян, взаимодействующих через социальные медиа; расширение эко-дхаммы благодаря проектам по защите лесов, рек и биоразнообразия, объединяющим монашеские и мирянские инициативы с экологическими движениями; углубление политических исследований, сосредоточенных на роли сангхи в нестабильных государствах Юго-Восточной Азии и среде миграционных диаспор; активизацию межшкольного диалога между Тхеравадой, Махаяной и Ваджраяной на площадках мультикультурных мегаполисов; а также перезагрузку женского монашества с акцентом на полную ординацию бхиккхуни и усиление участия женщин-практиков.

Наконец, полученные данные востребованы политиками, социологами, психологами, экологами, специалистами по медиа. Тхеравада демонстрирует, как религия взаимодействует с технологиями, властью и глобальными экологическими вызовами, сохраняя при этом чистоту учения Будды через принципы мудрости, сострадания и ненасилия. Современные исследования показывают: традиция не окаменела, а адаптирует свои подходы и практики, участвует в цифровой трансформации, обсуждает права человека и активно влияет на экологическую повестку. Многообразие этих процессов раскрывает новое понимание того, что значит быть буддистом в глобальном мире и как буддийская Дхамма помогает очищать сознание от омрачений, оставаясь светлым ориентиром для всех ищущих.

Литература

1. Anālayo Bhikkhu. ReExamining the Mahāsatiṭṭhāna Sutta // *Insight Journal*. – 2022. – Fall Issue. – 14 p.
2. Anālayo Bhikkhu. Superiority Conceit in Buddhist Traditions: A Historical Perspective. – Somerville, MA: Wisdom Publications, 2021. – 200 p.
3. Bhikkhu Bodhi. Buddhist Ethics for a World in Crisis: интервью // *Insight Journal*. – 2024. – Spring Issue. – 12 p.
4. Bhikkhu Bodhi. Noble Truths, Noble Path: The Heart Essence of the Buddha's Original Teachings. – Somerville, MA: Wisdom Publications, 2023. – 200 p.
5. Bhikkhu Bodhi (ed.). The Buddha's Teachings on Social and Communal Harmony: An Anthology of Discourses from the Pali Canon. – Somerville, MA: Wisdom Publications, 2021. – 240 p.
6. Crosby K. Esoteric Theravada: The Story of the Forgotten Meditation Tradition of Southeast Asia. – Boulder: Shambhala Publications, 2020. – 320 p.
7. De Silva L. Theravada and the Ecological Challenge: A Historical and Contemporary Perspective // *Journal of Buddhist Ethics*. – 2021. – Vol. 28. – Pp. 103–129.
8. Fenn M.L. Global Theravada: Transmission Beyond Asia // *Oxford Research Encyclopedia of Religion*. – Publ. online 20 Apr 2022. – 8 p.
9. Ferguson K. A Monastery for Laypeople: Birken Forest Monastery and the Monasticization of Convert Theravada in Cascadia // *Journal of Global Buddhism*. – 2022. – Vol. 23, № 2. – Pp. 203–218.
10. Frydenlund I. Theorizing Buddhist Anti-Muslim Nationalism as Global Islamophobia // *Ethnic and Racial Studies*. – 2024. – Vol. 47, № 5. – Pp. 1034–1056.
11. Frydenlund I.; Wai P. Revolution or Order? Buddhist Responses to the 2021 Military Coup in Myanmar // *Journal of Contemporary Asia*. – 2024. – Vol. 54, № 5. – Pp. 801–823.
12. Gajaweera N. The Mothers of the Righteous Society: Lay Buddhist Women as Agents of the Sinhala Nationalist Imaginary // *Journal of Global Buddhism*. – 2020. – Vol. 21. – Pp. 187–204.
13. Gethin R. On the Practice of Buddhist Meditation: Integrating Historical and Contemporary Perspectives // *History of Religions*. – 2021. – Vol. 61, № 2. – Pp. 159–185.
14. Goldstein J. Mindfulness: A Practical Guide to Awakening. – Boulder: Sounds True, 2013 (перепеч.: 2020). – 504 p.
15. Gross R. Buddhism and Feminism: New Perspectives on Gender and Praxis // *Journal of Feminist Studies in Religion*. – 2022. – Vol. 38, № 3. – Pp. 25–46.
16. Han C. Be the Refuge: Raising the Voices of Asian American Buddhists. – Berkeley: North Atlantic Books, 2021. – 344 p.
17. Harris E. A Guide to Theravada Buddhist Meditation: Traditional Teachings and Modern Applications. – London: Bloomsbury Academic, 2024. – 310 p.
18. Harvey P. An Introduction to Buddhist Ethics: Foundations, Values and Issues. – 2e изд. (перепеч.). – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 520 p.
19. Heirman A.; Bingenheimer M. (ред.). Buddhist Textual Studies across Asia: Cultural and Intertextual Explorations. – Singapore: ISEAS Publishing, 2023. – 512 p.
20. Hirakawa A. Global Buddhist Movements and Social Engagement: Comparative Insights // *Asian Survey*. – 2023. – Vol. 63, № 4. – Pp. 677–701.
21. Jackson P.A. Capitalism Magic Thailand: Modernity with Enchantment. – Singapore: ISEAS–Yusof Ishak Institute, 2022. – 381 p.

22. Kawanami H. The Ordination of Nuns in Myanmar: Cultural Negotiations and the Role of Women // *Buddhist Studies Review*. – 2023. – Vol. 40, № 1. – Pp. 53–72.
23. Mangala Thero M. The Evolution of the Concept of the Buddha within the Pāli Canon and Commentaries: PhD thesis. – Peradeniya: University of Peradeniya, 2022. – 610 p.
24. McDaniel J. Bad Buddhism: Exploring Buddhist Extremism and Countering Violent Narratives // *Journal of Global Buddhism*. – 2020. – Vol. 21. – Pp. 1–15.
25. McMahan D.L. Rethinking Meditation: Buddhist Meditative Practices in Ancient and Modern Worlds. – New York: Oxford University Press, 2023. – 264 p.
26. Menšíková T. Negotiating Boundaries between “Religious” and “Secular”: A Struggle for Collectivity among Ambedkarite Buddhists // *Journal of Global Buddhism*. – 2023. – Vol. 24, № 2. – Pp. 64–82.
27. NorbergHodge H. Local is Our Future: Steps to an Economics of Happiness. – Berkeley: Parallax Press, 2019 (перезд.: 2020). – 168 p.
28. Pannasami S.; Yeshpal. Impact of TechnologyEnhanced Learning on the Study and Practice of Theravada Buddhism in Myanmar // *International Journal of Progressive Research in Engineering Management and Science*. – 2024. – Vol. 4, № 9. – Pp. 351–354.
29. Secularizing Buddhism: New Perspectives on a Dynamic Tradition / ed. by R.K. Payne. – Boulder: Shambhala Publications, 2022 [на обл.: 2021]. – 360 p.
30. Schedneck B. Living Theravada: Demystifying the People, Places, and Practices of a Buddhist Tradition. – Boulder: Shambhala Publications, 2023. – 272 p.
31. Schober J.; McDaniel J. (ред.). Buddhist Responses to the Climate Crisis in Southeast Asia. – London: Routledge, 2023. – 284 p.
32. Shaw S. Buddhist Meditation: An Anthology of Texts from the Pali Canon. – 2е пересм. изд. – London: Routledge, 2020. – 304 p.
33. Sirisena P. Theravada Buddhism in the Anthropocene: The Role of the Radical Virtuosi // *Journal of Global Buddhism*. – 2024. – Vol. 25, № 1. – Pp. 10–26.
34. StuartFox M. Religion in Southeast Asia: Buddhism, Legitimacy and Authority. – London: Routledge, 2022. – 220 p.
35. Sumitta Thero N. Philosophy of the Arahanta Ideal as Depicted in the Mahāniddesa: PhD thesis. – Kelaniya: University of Kelaniya, 2023. – 754 p.
36. Travagnin S.; Harris I. (ред.). Buddhist Encounters and Engagements: Interdisciplinary Studies. – Leiden: Brill, 2024. – 420 p.
37. Walters J.S. Communal Karma and Karmic Community in Theravada Buddhist History // *Constituting Communities: Theravada Buddhism and the Religious Cultures of South and Southeast Asia*. – Albany: SUNY Press, 2020 (repr.). – Pp. 9–39.
38. Zin M. Rewriting History: Modern Burmese Interpretations of the Chronicles // *Asia Major*. – 2021. – Vol. 34, № 2. – Pp. 101–122.

MODERN DIRECTIONS IN THERAVADA RESEARCH (2020–2024): INTERDISCIPLINARY SYNTHESIS OF DOCTRINE, PRACTICE, AND SOCIAL ENGAGEMENT

Phra Paron Phunthasane (Jayānando Bhikkhu)
Dorji Banzarov Buryat State University

This article analyzes the main directions in Theravada Buddhist studies from 2020 to 2024, focusing on the “doctrinal renaissance,” the expansion of global presence, digital transformation, and the rise of socio-ecological initiatives. Drawing on 38 academic sources, the author demonstrates how contemporary approaches to the Pāli Canon and the Buddha’s teachings intersect with political an-

thropology, ecology, and sociology. Special attention is given to the seemingly contradictory processes of secularization and the concurrent revival of traditional practices—from “office-based” mindfulness programs to strict monastic retreats. Through examples from Southeast Asia and global contexts, the study illustrates how Buddhist communities respond to pandemic challenges, social conflicts, and environmental issues, while maintaining commitment to the Pāli Canon. The work underlines an interdisciplinary framework for investigating Theravada as a dynamically evolving religious tradition.

Keywords: Buddhism, Theravada, Tipitaka, Buddhist studies, Buddhist practice, meditation, mindfulness, monastic tradition, doctrinal renaissance, social engagement, digital transformation.

References

1. Anālayo Bhikkhu. ReExamining the Mahāsatipaṭṭhāna Sutta // *Insight Journal*. – 2022. – Fall Issue. – 14 p.
2. Anālayo Bhikkhu. Superiority Conceit in Buddhist Traditions: A Historical Perspective. – Somerville, MA: Wisdom Publications, 2021. – 200 p.
3. Bhikkhu Bodhi. Buddhist Ethics for a World in Crisis: интервью // *Insight Journal*. – 2024. – Spring Issue. – 12 p.
4. Bhikkhu Bodhi. Noble Truths, Noble Path: The Heart Essence of the Buddha’s Original Teachings. – Somerville, MA: Wisdom Publications, 2023. – 200 p.
5. Bhikkhu Bodhi (ed.). The Buddha’s Teachings on Social and Communal Harmony: An Anthology of Discourses from the Pali Canon. – Somerville, MA: Wisdom Publications, 2021. – 240 p.
6. Crosby K. Esoteric Theravada: The Story of the Forgotten Meditation Tradition of Southeast Asia. – Boulder: Shambhala Publications, 2020. – 320 p.
7. De Silva L. Theravada and the Ecological Challenge: A Historical and Contemporary Perspective // *Journal of Buddhist Ethics*. – 2021. – Vol. 28. – Pp. 103–129.
8. Fenn M.L. Global Theravada: Transmission Beyond Asia // *Oxford Research Encyclopedia of Religion*. – Publ. online 20 Apr 2022. – 8 p.
9. Ferguson K. A Monastery for Laypeople: Birken Forest Monastery and the Monasticization of Convert Theravada in Cascadia // *Journal of Global Buddhism*. – 2022. – Vol. 23, № 2. – Pp. 203–218.
10. Frydenlund I. Theorizing Buddhist Anti-Muslim Nationalism as Global Islamophobia // *Ethnic and Racial Studies*. – 2024. – Vol. 47, № 5. – Pp. 1034–1056.
11. Frydenlund I.; Wai P. Revolution or Order? Buddhist Responses to the 2021 Military Coup in Myanmar // *Journal of Contemporary Asia*. – 2024. – Vol. 54, № 5. – Pp. 801–823.
12. Gajaweera N. The Mothers of the Righteous Society: Lay Buddhist Women as Agents of the Sinhala Nationalist Imaginary // *Journal of Global Buddhism*. – 2020. – Vol. 21. – Pp. 187–204.
13. Gethin R. On the Practice of Buddhist Meditation: Integrating Historical and Contemporary Perspectives // *History of Religions*. – 2021. – Vol. 61, № 2. – Pp. 159–185.
14. Goldstein J. Mindfulness: A Practical Guide to Awakening. – Boulder: Sounds True, 2013 (перезд.: 2020). – 504 p.
15. Gross R. Buddhism and Feminism: New Perspectives on Gender and Praxis // *Journal of Feminist Studies in Religion*. – 2022. – Vol. 38, № 3. – Pp. 25–46.
16. Han C. Be the Refuge: Raising the Voices of Asian American Buddhists. – Berkeley: North Atlantic Books, 2021. – 344 p.
17. Harris E. A Guide to Theravada Buddhist Meditation: Traditional Teachings and Modern Applications. – London: Bloomsbury Academic, 2024. – 310 p.
18. Harvey P. An Introduction to Buddhist Ethics: Foundations, Values and Issues. – 2е изд. (перп.). – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 520 p.
19. Heirman A.; Bingenheimer M. (ред.). Buddhist Textual Studies across Asia: Cultural and Intertextual Explorations. – Singapore: ISEAS Publishing, 2023. – 512 p.
20. Hirakawa A. Global Buddhist Movements and Social Engagement: Comparative Insights // *Asian Survey*. – 2023. – Vol. 63, № 4. – Pp. 677–701.
21. Jackson P.A. Capitalism Magic Thailand: Modernity with Enchantment. – Singapore: ISEAS–Yusof Ishak Institute, 2022. – 381 p.

22. Kawanami H. The Ordination of Nuns in Myanmar: Cultural Negotiations and the Role of Women // *Buddhist Studies Review*. – 2023. – Vol. 40, № 1. – Pp. 53–72.
23. Mangala Thero M. The Evolution of the Concept of the Buddha within the Pāli Canon and Commentaries: PhD thesis. – Peradeniya: University of Peradeniya, 2022. – 610 p.
24. McDaniel J. Bad Buddhism: Exploring Buddhist Extremism and Countering Violent Narratives // *Journal of Global Buddhism*. – 2020. – Vol. 21. – Pp. 1–15.
25. McMahan D.L. Rethinking Meditation: Buddhist Meditative Practices in Ancient and Modern Worlds. – New York: Oxford University Press, 2023. – 264 p.
26. Menšíková T. Negotiating Boundaries between “Religious” and “Secular”: A Struggle for Collectivity among Ambedkarite Buddhists // *Journal of Global Buddhism*. – 2023. – Vol. 24, № 2. – Pp. 64–82.
27. NorbergHodge H. Local is Our Future: Steps to an Economics of Happiness. – Berkeley: Parallax Press, 2019 (переизд.: 2020). – 168 p.
28. Pannasami S.; Yeshpal. Impact of TechnologyEnhanced Learning on the Study and Practice of Theravada Buddhism in Myanmar // *International Journal of Progressive Research in Engineering Management and Science*. – 2024. – Vol. 4, № 9. – Pp. 351–354.
29. Secularizing Buddhism: New Perspectives on a Dynamic Tradition / ed. by R.K. Payne. – Boulder: Shambhala Publications, 2022 [на обл.: 2021]. – 360 p.
30. Schedneck B. Living Theravada: Demystifying the People, Places, and Practices of a Buddhist Tradition. – Boulder: Shambhala Publications, 2023. – 272 p.
31. Schober J.; McDaniel J. (ред.). Buddhist Responses to the Climate Crisis in Southeast Asia. – London: Routledge, 2023. – 284 p.
32. Shaw S. Buddhist Meditation: An Anthology of Texts from the Pali Canon. – 2е пересм. изд. – London: Routledge, 2020. – 304 p.
33. Sirisena P. Theravada Buddhism in the Anthropocene: The Role of the Radical Virtuosi // *Journal of Global Buddhism*. – 2024. – Vol. 25, № 1. – Pp. 10–26.
34. StuartFox M. Religion in Southeast Asia: Buddhism, Legitimacy and Authority. – London: Routledge, 2022. – 220 p.
35. Sumitta Thero N. Philosophy of the Arahanta Ideal as Depicted in the Mahāniddesa: PhD thesis. – Kelaniya: University of Kelaniya, 2023. – 754 p.
36. Travagnin S.; Harris I. (ред.). Buddhist Encounters and Engagements: Interdisciplinary Studies. – Leiden: Brill, 2024. – 420 p.
37. Walters J.S. Communal Karma and Karmic Community in Theravada Buddhist History // *Constituting Communities: Theravada Buddhism and the Religious Cultures of South and Southeast Asia*. – Albany: SUNY Press, 2020 (repr.). – Pp. 9–39.
38. Zin M. Rewriting History: Modern Burmese Interpretations of the Chronicles // *Asia Major*. – 2021. – Vol. 34, № 2. – Pp. 101–122.

Равочкин Никита Николаевич,

доктор философских наук, доцент профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева; профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецкого
E-mail: nickravochkin@mail.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович,

доктор философских наук, доцент профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого; профессор кафедры гражданского права и процесса Красноярского государственного аграрного университета
E-mail: siridar@mail.ru

Жданов Вячеслав Леонидович,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры эксплуатации автомобилей Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева
E-mail: zhvl.ap@kuzstu.ru

Кудреватых Андрей Валерьевич,

кандидат технических наук, доцент заведующий кафедрой эксплуатации автомобилей Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева
E-mail: kav.ea@kuzstu.ru

В статье осуществляется философский анализ цифровых коммуникаций современной высшей школы. Обозначается место объекта исследования в научном дискурсе на фоне происходящих масштабных изменений. Актуализируется роль процессов дигитализации для постижения сущностных характеристик заявленных коммуникаций. Рассмотрены позиции современных исследователей, раскрывающие различные аспекты влияния процессов дигитализации на сферу высшего образования. Приводятся новейшие коммуникативные технологии, применяемые при организации образовательного процесса в современной высшей школе. Делается акцент на необходимости перманентного обновления используемых в образовании платформ. Приведена дефиниция информационно-коммуникативной среды. Представлены позитивные следствия и эффекты цифровизации высшего образования. В заключение авторами сформулированы выводы, которые дополняют имеющиеся социально-философские основания постижения цифровых коммуникаций высшей школы.

Ключевые слова: цифровые коммуникации, общество, информация, высшая школа, знание, педагогика, культура.

В начале нового тысячелетия в ситуации онтологических трансформаций всех аспектов жизнедеятельности возникает необходимость в повышении эффективности образования, пересмотре его конечных целей, результатов, форм и методов обучения и воспитания. В последние десятилетия в нашей стране осуществляется переход от теоретической, ориентированной на накопление теоретических знаний образовательной парадигмы к компетентностной, практико-ориентированной, нацеленной на формирование реальных умений и навыков. Отличительной характеристикой современной системы образования в большинстве национальных стран мира является его цифровизация, становление удаленной коммуникации, появление дистанционного образования. Новый образовательный формат стал приобретать популярность в 1960-е годы, за всю историю своего существования не утрачивал своей значимости. Однако во время пандемии именно дистанционное взаимодействие стало единственной возможной формой коммуникации субъектов образовательно-воспитательного процесса.

Несмотря на то, что цифровизация системы образования неоднократно становилась объектом научных исследований, принимая во внимание масштабность изменений, по сегодняшний день осмысление сущности дистанционных коммуникаций не утрачивает собственной актуальности. Целью исследования выступает изучение особенностей цифровых коммуникаций в высшей школе, их преимуществ и рисков, связанных с усилением дигитализации образования.

Сегодня система высшего образования, как, впрочем, и все иные аспекты жизнедеятельности глобального социума меняются под влиянием цифровизации образования. Как известно, ключевой термин был введен в научный оборот Н. Негропonte. Преобразование информации в цифровую форму ведет к значительным положительным последствиям для экономики и социальной жизни, а цифровизация становится драйвером мирового общественного развития. Цифровизация превратилась во всеобъемлющий феномен, влияющий на многие аспекты глобальной жизни. Она стала следующим этапом после информатизации и компьютеризации, когда акцент был на решении конкретных задач при помощи передовых технологий. Теперь цифровизация используется для создания целостных экосистем, что приводит к значительным трансформациям в производстве, экономике и в мире в целом.

В свою очередь, под цифровизацией образования в современной научной литературе понимается «процесс внедрения цифровых технологий во все аспекты образовательной деятельности, начиная от управления образовательной организации и заканчивая изучением процесса и оценкой знаний обучающихся» [2, с. 5]. Иными словами, влияние цифровизации на образовательную сферу сопровождается перестраиванием последней. На сегодняшний день в сфере образования применяются различные цифровые технологии, более того, в результате усиления процессов цифровизации постоянно появляются новые образовательные платформы, мессенджеры, что существенно затрудняет выработку единой таксономии цифровых средств коммуникации.

К примеру, В.В. Круглов выделяет следующие виды коммуникативных технологий, которые могут найти свое применение в процессах обучения и воспитания [5]:

1. Просмотр видеоконтента в Тик-Ток: платформа представляет контент самого различного содержания, что позволяет педагогу выбрать соответствующие ролики, которые могут быть использованы в образовательных целях.

Еще более многочисленным и вариативным является контент YouTube, на котором сегодня размещены развлекательные шоу, прохождения, стримы игр, музыкальные клипы, познавательные видео, фильмы и сериалы, пародии, пранки.

2. Общение в «ВК»: социальные сети существенно расширяют возможности взаимодействия между обучающимися и педагогом, между обучающимися, обеспечивая возможности практически неограниченного общения. Дополнительными преимуществами сети следует назвать возможности обращения к контенту самого различного содержания, создания коллективных чатов для обсуждения тех или иных вопросов, связанных с процессами образования и обучения.

Указанная социальная сеть предоставляет возможности просмотра новостной ленты, что позволяет составлять представление о деятельности субъектов образования, получать одобрение и оценки собственной деятельности.

При работе с контентом в социальных сетях обучающиеся могут осуществлять редактирование фото-, видеоматериалов, что будет способствовать не только достижению дидактических целей, но и творческому самореализации, развитию самостоятельности, инициативности, креативности. При размещении социально одобряемых материалов студенты будут вовлечены в реализации социально значимой деятельности, что позволит совмещать достижение образовательных целей с воспитательными.

Важно отметить, что указанная соцсеть пользуется высокой популярностью [5, с. 119]. Аналогичные функции и возможности для коммуникации предоставляют другие социальные сети, популярные мессенджеры (Viber, Telegram, WhatsApp), что позволяет использовать их в целях образования.

3. Онлайн-игры: о воспитательных и образовательных потенциях игры написано много. Правильно организованная игровая деятельность позволяет достигать поставленных целей образования, способствует общему личностному развитию, формированию ключевых академических, социальных и профессиональных компетенций. Говоря об онлайн-играх, мы, по сути, говорим о переносе привычного, традиционного вида образовательной деятельности в виртуальное пространство, цифровую среду, в которой сегодня молодёжь проводит все больше времени (вне зависимости от восприятия и оценивания указанного факта). Более того, онлайн-игра, обладая всеми преимуществами традиционной игры, предоставляет обучающимся дополнительные возможности, способствуя установлению взаимодействия с игроками на расстоянии, из других стран, формированию информационных компетенций, связанных с необходимостью реализации игровой деятельности в виртуальном игровом пространстве. Онлайн-игры позволяют сочетать игровые и социомедийные технологии, повысить мотивацию обучающихся, «активизировать учебно-познавательную деятельность за счет применения соревновательного и визуализированного подхода, направленных

на решение практических задач любого уровня сложности» [1, с. 55].

4. Онлайн-учеба при помощи многочисленных образовательных платформ: одна из наиболее эффективных форм обучения с привлечением цифровых технологий. Современные образовательные платформы обладают целым рядом преимуществ, которые позволяют применять их в процессах языкового обучения: отсутствие необходимости присутствия, доступность, гибкость образовательного процесса, практически безграничные возможности для создания качественного образовательного контента с привлечением текстовых, фото-, видеоматериалов, использования различных графических средств.

Онлайн-обучение может быть реализовано в синхронной и асинхронной формах [1, с. 55]. При асинхронной форме обучения обучающиеся получают возможности выполнять разработанные и представленные задания в любое удобное для них время, что позволяет адаптировать образовательный процесс под потребности, личностные особенности обучающегося.

5. Созвоны, стримы, любые формы коммуникации, аналогичные видеоконференцсвязи (например, Discord, Zoom, Moodle и др.) дают возможности совместного обсуждения и выполнения учебных задач, учебных действий.

Говоря об использовании образовательных платформ и форм взаимосвязи, аналогичным видеоконференцсвязи, важно подчеркнуть, что основной единицей дидактического цикла является онлайн занятие, проведение которого осуществляется при помощи цифровых средств. При этом охраняются основные образовательные функции традиционного занятия.

6. Работа с электронными библиотеками, фанфиками: указанные ресурсы позволяют перенести традиционную учебную деятельность в виртуальное образовательное пространство, что позволяет обучающимся экономить время, а также обеспечивает высокую доступность материалов.
7. Многочисленные ресурсы, программное обеспечение, которое может использоваться для подготовки докладов, презентаций, иных дидактических материалов.
8. Онлайн-сервисы, приложения, предназначенные для совершения покупок в сети, также могут быть использованы для достижения определенных образовательных целей.

Также дополнительно выделяются технологии облака и мобильного обучения [1, 2020].

Хотелось бы еще раз отметить, что в современном интенсивно цифровизирующемся «постинформационном» мире постоянно появляются новые средства коммуникации, популярные сегодня платформы утрачивают свою актуальность, что существенно затрудняет выработку их единой классификации. Современная компьютерная техника и программно-аппаратные средства развиваются настолько интенсивно, что педагогическая наука просто не успевает их осмысливать, изучать перспективы и проблемы, риски их внедрения в практику образования, их сильные и слабые стороны.

В процессе реализации образовательно-воспитательного процесса в вузе свое применение могут находить не отдельные технологии, средства коммуникации, но их комплекс. Более того, комплексное использование современных ИКТ «позволяет моделировать высокоразвитую глобальную информационно-коммуникационную среду» [4, с. 76]. Иными словами, обращение к информационным цифровым плат-

формам, иным техническим средствам обучения, ИКТ будет способствовать созданию информационно-коммуникационной среды, в которой будет осуществляться взаимодействие субъектов образовательно-воспитательного процесса.

При этом под информационно-коммуникационной средой может пониматься «программно-телекоммуникационная среда, реализующая едиными технологическими средствами и взаимосвязанным содержательным наполнением возможность осуществления и совершенствования профессионально-ориентированного ... информационного взаимодействия между всеми участниками образовательного процесса» [4, с. 77]. Т. е. использование современных цифровых образовательных технологий способствует созданию особого контекста, образовательного пространства, в котором протекает образовательно-воспитательный процесс, осуществляется взаимодействие всех его субъектов. В качестве позитивных последствий цифровизации образования выделяют [3;4]:

1. Архивирование и хранение больших объемов информации, представленной в знаках различных семиотических систем, повышение ее доступности и трансляции;
2. Повышение транспарентности, доступности информации;
3. Возможности составления, постоянного обновления и архивирования материалов. Безусловно, составление, разработка материалов в электронной форме требует меньше времени и усилий, чем традиционных;
4. Облегчение процедуры поиска информации, «извлечения иголки из стога сена» (*“the needles from the haystacks”*), автоматизация процессов информационно-поисковой и исследовательской деятельности;
5. Обеспечение возможностей познания, получения информации в реальном времени, в образовательном процессе – незамедлительная обратная связь между педагогом и обучающимися;
6. Повышение качества жизни, прежде всего, за счет улучшения удовлетворения потребностей людей;
7. Повышение участия и активности общества в управлении политическими, социальными и иными процессами, «расширение прав и возможностей граждан» [6, р. 732];
8. Автоматизация учебной деятельности и мониторинга результатов усвоения;
9. Развитие цифровых навыков, которые могут быть непосредственно использованы в различной деятельности;
10. Компьютерная анимация изучаемых учебных ситуаций и иноязычного речевого общения;
11. Определение индивидуальных темпов обучения, что позволит максимально полно учитывать потребности, индивидуально-психологические особенности обучающегося, что позволит достичь более высоких результатов усвоения материала.

В качестве важнейшей характеристики цифровых образовательных технологий следует также назвать «практически бесконечное множество направлений индивидуализации обучения, в том числе: по содержанию, по темпу освоения учебного материала, по уровню сложности, по способу подачи учебного материала, по форме организации учебной деятельности, по составу учебной группы, по количеству повторений, по степени внешней помощи, по степени открытости и прозрачности для других участников образовательного процесса и т.д.» [2, с. 19]. Как отмечают исследователи, «цифровые техно-

логии позволяют сделать процесс обучения дифференцированным, выстраивать его в соответствии с потребностями каждого отдельного студента, давать задания, соответствующие уровню подготовки и таким образом повышать качество обучения» [1, с. 54].

12. Модульность и вариативность образовательно-воспитательного процесса, его содержания, форм и методов обучения, что также будет способствовать повышению уровня усвоения материалов, формирования академических, социальных, профессиональных компетенций;

13. Повышение уровня учебной мотивации, учебно-познавательного интереса по причине более высокого соответствия представленных материалов и форм работы индивидуальным и возрастным потребностям обучающихся.

Иначе говоря, большинство положительных эффектов цифровизации относятся преимущественно к экономической, производственной сфере жизни. При этом, последствия цифровизации образовательной сферы на сегодняшний день выступают одним из наиболее дискуссионных вопросов, которые подвергаются изучению в философских, социальных, педагогических науках.

В качестве отличительных характеристик цифровых технологий следует, прежде всего, назвать их коммуникативный характер, они, прежде всего, дают нам возможности доступа к информационным данным или общения между отдельными людьми или группами в виртуальной среде. Применительно к сфере образования и обучения, наличие возможностей коммуникации может рассматриваться как повышение доступности взаимодействия между педагогом и обучающимися. Содержанием взаимодействия могут быть как обсуждение совместной образовательной или воспитательной деятельности, так и обсуждение самых разнообразных тем, связанных с формированием мировоззрения обучающегося, академических, социальных или профессиональных компетенций. Взаимодействие может не ограничиваться исключительно образовательными проблемами, но содержать отсылки к культурным явлениям, событиям, включая фильмы, книги, театральные постановки и т.д. Иными словами, в качестве важного дополнительного преимущества цифровых технологий следует назвать повышение доступа к различным художественным произведениям, культурному наследию. В свою очередь, «наличие оцифрованных произведений искусства в тех или иных формах позволяет воспитателю в считанные минуты найти и предложить воспитаннику данный контент для аргументации своей позиции или в качестве средства развития его личности» [5, с. 116].

Коммуникативная сущность цифровых технологий позволяет субъектам быть на связи в любое время и независимо от места нахождения. В свою очередь, принимая во внимание, что процесс обучения коммуникативен по своей сути, предполагает организацию взаимодействия между обучающимися и педагогом, между обучающимися, можно сделать вывод, что наличие практически безграничных возможностей коммуникации будет сопровождаться повышением эффективности, результативности обучения.

Сегодня мы можем фиксировать переход многих видов деятельности в виртуальную среду, следовательно, цифровые технологии открывают новые возможности для самореализации и самоактуализации. В качестве примеров самореализации можно назвать, к примеру, вступление в группы по интересам, профессиональные сообщества, переписку с социальными партнерами, администрирование социальных сетей, работу с контентом (работа с фото- и видеоархивами, ведение новостных

лент, взаимодействие с педагогами и другими обучающимися и т.д.).

Крайне важно подчеркнуть, что в отдельных случаях, ситуациях онлайн-общение выступает единственно возможной формой как взаимодействия между субъектами образования. К примеру, во время кризиса, обусловленного пандемией и связанных с ней изоляционных мер, дистанционная форма обучения оставалась единственно возможной. Кроме того, цифровые технологии обеспечивают возможности участия в образовательных мероприятиях в тех случаях, когда оффлайн активность не доступна по ряду иных причин. При этом, разумеется, именно возможности неограниченного доступа к самым различным информационным данным, вступления в различные виртуальные сообщества влекут за собой и значительные риски для личности, которые будут рассмотрены ниже.

Литература

1. Ваганова О. И., Гладков А.В., Коновалова Е.Ю., Воронкина И.Р. Цифровые технологии в образовательном пространстве // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 53–56.
2. Василькова Н. А., Гафарова Е.А., Диденко Г.А., Шварцкоп О.Н. Цифровые образовательные технологии: дидактические возможности и риски: монография. Челябинск: ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2023. 99 с.
3. Дзюбан В.В. Проблема внедрения цифровых технологий в систему образования в XX–XXI вв. // Архонт. 2021. № 6 (27). С. 34–39.
4. Есенина Н.Е. Комплексная реализация лингводидактических возможностей средств информационных и коммуникационных технологий в обучении профессионально-ориентированному иностранному языку // Научный диалог 2013. № 8 (20). С. 75–86.
5. Круглов В.В. Возможности цифровых технологий в сфере воспитания // Отечественная и зарубежная педагогика. 2022. Т. 1. № 6 (88). С. 114–122.
6. Hintz A., Dencik L., Wahl-Jorgensen K.D. Citizenship and Surveillance Society // International Journal of Communication. 2017. № 11. P. 731–739.

DIGITAL COMMUNICATIONS IN HIGHER EDUCATION: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Ravochkin N.N., Rakhinskiy D.V., Zhdanov V.L., Kudrevatykh A.V.

Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev, Kuzbass state agricultural university named after V.N. Poletskov, V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk State Agrarian University

The article provides a philosophical analysis of digital communications in modern higher education. It identifies the place of the research object in the scientific discourse against the background of ongoing large-scale changes. The role of digitalization processes in understanding the essential characteristics of the stated communications is updated. The positions of modern researchers revealing various aspects of the influence of digitalization processes on higher education are considered. The latest communication technologies used in organizing the educational process in modern higher education are presented. Emphasis is placed on the need for permanent updating of the platforms used in education. The definition of the information and communication environment is given. Positive consequences and effects of digitalization of higher education are presented. In conclusion, the authors formulate conclusions that complement the existing socio-philosophical foundations for understanding digital communications in higher education.

Keywords: digital communications, society, information, higher education, knowledge, pedagogy, culture.

References

1. Vaganova O. I., Gladkov A.V., Konovalova E. Yu., Voronkina I.R. Digital technologies in the educational space // Baltic Humanitarian Journal. 2020. Vol. 9. No. 2 (31). P. 53–56.
2. Vasilkova N. A., Gafarova E.A., Didenko G.A., Shvartskop O.N. Digital educational technologies: didactic opportunities and risks: monograph. Chelyabinsk: ZAO "A. Miller Library", 2023. 99 p.
3. Dzyuban V.V. The problem of introducing digital technologies into the education system in the XX–XXI centuries // Arkhont. 2021. No. 6 (27). P. 34–39.
4. Yesenina N.E. Integrated implementation of linguodidactic capabilities of information and communication technologies in teaching a professionally oriented foreign language // Scientific dialogue 2013. No. 8 (20). P. 75–86.
5. Kruglov V.V. Possibilities of digital technologies in the field of education // Domestic and foreign pedagogy. 2022. Vol. 1. No. 6 (88). P. 114–122.
6. Hintz A., Dencik L., Wahl-Jorgensen K.D. Citizenship and Surveillance Society // International Journal of Communication. 2017. No. 11. P. 731–739.

Проблема отчуждаемости традиции в контексте культурных оснований воук-идеологии и защиты традиционных ценностей

Илларионов Григорий Андреевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Сибирского федерального университета
E-mail: bromov1917@yandex.ru

Кудашов Вячеслав Иванович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры
философии Сибирского федерального университета
E-mail: vkudashov@mail.ru

Нескрябина Ольга Федоровна,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры
философии и социально-гуманитарных наук Красноярского
государственного медицинского университета имени
профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого
E-mail: nescr@mail.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры
гражданского права и процесса Красноярского
государственного аграрного университета
E-mail: siridar@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблематики традиции в контексте современных социально-философских дискуссий. В центре внимания развитие проблематики отчуждаемости традиции, выраженная в вопросе – возможно ли отчуждение традиции от активности человека как субъекта мысли и деятельности, или же общество неизбежно остается обусловлено прошлым. Исследование строится на сопоставлении двух подходов к пониманию традиции: модернистского, который рассматривает традицию как силу социальной инерции, преодолеваемую рациональностью и постмодернистского, утверждающего непреодолимость традиции, обусловленную языковыми структурами и символическим порядком. Анализируется каким образом эти подходы формируют два различных *modus operandi* в современной культуре и политике: деконструкцию как стратегию освобождения через ироничное переосмысление традиции и деперсонализацию как растворение в традиции ради выражения универсальных структур.

Ключевые слова: традиция, традиционные ценности, модернизм, интертекстуальность, деперсонализация, смерть субъекта, постмодерн.

Общественная значимость философского исследования проблематики традиции в текущих социально-политических условиях очевидно и не нуждается в развернутых доказательствах. Достаточно сказать, что понятие «традиция» является на сегодняшний день составной частью российского государственного мировоззренческого дискурса на нормативном уровне, где политика защиты традиционных ценностей является официальной доктриной [1].

Однако понятие «традиция» весьма неопределенно. Существует огромное количество возможных подходов и оптик, в которых оно может иметь принципиально разное содержание. О ней можно говорить как о системе связей прошлого и настоящего [2], или как о форме ложного отражения прошлого [3], и как о конструкте политических интересов [4], или как о целеполагающем нарративе [5], и еще во многих других смыслах. И в данном исследовании нас будет интересовать одна из таких оптик, в центре внимания которой оказывается вопрос – отчуждаема ли обуславливающая сила традиции по отношению к активности человека как субъекта мысли и деятельности? Или, проще говоря, возможно ли уйти от прошлого, от традиции, или общество неизбежно остается сковано прошлым? И в этом смысле нас будут интересовать две смысловые рамки понимания понятия «традиции» – та, которую принято именовать модернистской, и та, которая чаще всего ассоциируется с постмодерном, хотя и не ограничена им.

Цель данного исследования состоит в экспликации проблемы отчуждаемости традиции, и развитие проблематики в контексте концептов «деперсонализация» Т. Эллиота и «смерть субъекта» в постструктурализме.

Методологической основой исследования выступает феноменологический подход. Это обусловлено тем, что, когда мы говорим о понятии «традиция», речь может идти о помещаемых на самую различную онтологическую глубину феноменах, идеях и понятиях. Можно употреблять это понятие как фиксирующее временную протяженность культурных форм, или как о сакрализованном неизменном «ядре» культуры – реальном или мнимом, или даже как о мистическом первоначале культуры. Если попытаться дать традиции единое определение, мы тем самым погрузимся в методологические противоречия и антиномии, поставленные перед необходимостью сделать безосновательный и произвольный выбор онтологических посылок. В этом смысле феноменология для нас – способ говорить о традиции, обходя вопрос «что есть традиция на самом деле?» и исследовать ее так, как она представлена в качестве явления человеческого опыта, безотносительно реальности или мнимости ее содержания.

Среди возможных оптик рассмотрения понятия «традиция» классическим с первой половины XX в. является подход, который мы условно обозначим как модернистский, хотя временные рамки его формирования не вполне совпадают с эпохой модерна. Наиболее репрезентативно эту позицию выразил М. Вебер. Понятие «традиция» раскрывалось им в нескольких контекстах. В теории социального действия М. Вебер говорил о традиционном типе социальных действий, под которыми

подразумевал социальную привычку – поведение, усвоенное через множество повторений [6]. В концепциях типов господства М. Вебер говорил о традиционном типе власти, когда традиция предстает уже не просто привычкой, а ценностной ориентацией, которая легитимирует существующий порядок вещей [6]. Наконец, он говорит о традиционном типе хозяйства, которое основано на повторении сложившегося хозяйственного уклада, имеющего цель удовлетворения минимальных потребностей человека [7]. И в каждом из случаев традиция противопоставляется рациональности. Для М. Вебера традиция предстает атрибутом незрелого общества, в котором рациональность, как способность к целенаправленному конструированию адекватных целей и условиям способов деятельности и социальных институтов, подавляется силой инерции привычных форм социальности. Понятие «традиция» концептуализуется как сила социальной привычки, которая ослабевает по мере того, как противодействующая сила рациональности актуализуется в общественной жизни. По мере общественного развития рациональность укрепляется, следовательно, традиция постепенно будет покидать социальные отношения.

Такой взгляд на традицию, как на отчуждаемую от тела социума по мере прогресса и рационализации, становится для научного дискурса одним из доминирующих в первой половине XX века, что отмечают многие исследователи проблематики традиции [8; 9]. Пафос этого подхода еще раньше выражал К. Маркс, когда писал, что «традиции всех мертвых поколений тяготят, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыграть новую сцену всемирной истории» [3, С. 119]. А уже в середине XX века Х. Арендт разделяющая подход, противопоставляющий традицию и рациональность, констатировала, что традиция «уже мертва», она «убита» революцией. Х. Арендт писала: «задача революций состояла в установлении нового авторитета, лишённого помощи традиции, прецедента и ореола старинного происхождения» [10, С. 220].

Модернистский подход к определению понятия «традиция» восходит корнями к Просвещению. Позицию Просвещения емко выразил Ю.М. Лотман, когда писал: «вера в прогресс заставляет видеть в истории положительное начало. Но это относится лишь к истории Разума и успехам цивилизации. От этой истории отделяется неразумная история предрассудков, заблуждений, фанатизма. Последние отождествляются с традицией» [11, С. 194].

Итак, модернистский подход к традиции заключается в том, что под понятием «традиция» подразумевается набор конкретно-исторических конструкторов, порождение нерациональной силы социальной инерции. Эти конструкторы не сущностны культуре, традиция подобна «костюмам старины», которые рациональный человек сбросит, когда осознает их неадекватность развивающемуся социуму. «Традиция мертва» – такой подход и в современных условиях сохраняет свою популярность. Однако, он не дает ответа на вопрос – если традиция отчуждаема от культуры, и уже «мертва», то как мы пришли к «защите традиционных ценностей» в XXI веке, спустя примерно век после констатации «смерти традиции»? Ответ на этот вопрос лежит в изменении оптики взгляда на традицию последовавшем за не сбывшимися прогнозами модерна.

Во второй половине XX века в научно-гуманитарном дискурсе стала усиливаться ревизия подхода к традиции. В социологии и культурологии стали громко звучать голоса исследователей процесса модернизации западных обществ, констатирующих что традиция вполне уживается с модернизацией, и «костюмы старины» продолжают быть актуальны в рационализирующемся обществе, и даже иногда способствуют модернизации [8]. Бинарные оппозиция «традиция-рациональность» и «традиция-прогресс» были поставлены под сомнение в свете того, что «смерть традиции» не произошла.

Еще Ницше писал: «человек удивляется тому, что он не может научиться забвению и что он навсегда прикован к прошлому; как бы далеко и как бы быстро он ни бежал, цепь бежит вместе с ним» [12, С. 88]. В этой цитате можно увидеть иную оптику рассмотрения проблематики традиции. От силы социальной инерции восприятие традиции трансформируется в представление ее как тотальной силы обусловленности настоящего прошлым. Модерн стремился сбросить с активности человека «цепи» традиции. Но «цепи» следовали за преодолевающими традицию модернизмом.

Ситуация перехода от идей модерна к идеям постмодерна в отношении традиции в искусстве блестяще выразил У. Эко в комментариях к роману «Имя розы». Он назвал позицией исторического авангарда ту оптику, которая стремится порвать с традицией, признать ее тягостной силой социальной инерции, сковывающей разум и творчество человека. «Прошлое давит, тяготит, шантажирует» [13, С. 637]. И это рождает модернизм – исторический авангард, который «хочет откеститься от прошлого. «Долой лунный свет!» – футуристский лозунг – типичная программа любого авангарда; надо только заменять «лунный свет» любыми другими подходящими словесными блоками» [13, С. 638]. Стремление преодолеть традицию приводит авангард к порогу, когда все более радикальное и концептуальное творчество создает проекты невозможных произведений, а затем приходит к концептуальности пустых холстов, чистых страниц, тишины. Очевидной становится невозможность убить прошлое, потому что прошлое продолжает себя в языке. Попытка «убить прошлое» означает немоту. Наша субъектность обусловлена традицией, не существует без нее. И попытка оставить традицию в прошлом означает не более чем мысленный эксперимент, подобный декартовским упражнениям в забытии всего, чему его учили как истине во имя «чистого разума».

Культурную ситуацию осознания невозможности ухода от прошлого, от традиции, У. Эко ассоциирует с постмодерном. Это ситуация императива «раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыслить, иронично, без наивности» [13, С. 637]. И в этих условиях концептуализация понятия «традиция» развернулась в двух плоскостях, в которых одна и та же мысль разворачивалась со знаком плюс или минус, что послужило идеологической основой для двух различных *modus operandi* нормативной сферы – западной воук-идеологии в том случае, когда обуславливающая сила традиции осмыслилась как негативное явление, и современной политики разумного консерватизма и защиты традиционных ценностей, вытекающих из позитивной оценки традиции в ситуации постмодерна.

Но в основании обоих обозначенных выше позиций лежит общее осознание обуславливающей силы традиции, прошлого. И мы рассмотрим концептуализацию обуславливающей силы традиции на примере двух одновременно родственных и очень далеких друг от друга комплексов идей – онтологии искусства Т. Эллиота и постструктурализма.

Для постструктурализма призмой рассмотрения проблематики традиции является онтология языкового идеализма. Его суть выражается в известном генеральном тезисе Ж. Дерриды – «нет ничего вне текста» [14, С. 313]. И, как пишет исследователь А.В. Данилова, понятие «традиция» фактически заменяется в постструктурализме понятием «интертекстуальность» [15]. Понятие «интертекстуальность», введенное Ю. Кристевой, с опорой на идеи М. Бахтина, выражает взаимосвязь всех текстов, а значит и культурных феноменов, при которой тексты необходимо объединены с другими через отсылки, аллюзии, заимствования, полемику, пародирование, подражание и т.п. [16]. Все что может быть высказано и сделано неизбежно проистекает из предыдущих высказываний, отсылает к ним. Человек как субъект никогда не может быть свободен в своих высказываниях, поскольку скован структурами языка и речью, через что он так или иначе связан с традицией. Интертекстуальность служит теми самыми «цепями» традиции, которые всегда бегут вслед за теми, кто пытается освободиться от них. Свободный субъект модерна, прорывающийся сквозь социальную инерцию традиции силой своего творческого разума, сменяется субъектом, обусловленным языком, где традицией детерминированы даже попытки ее преодоления.

Такая языковая власть прошлого находит в постструктуралистской мысли свое отражение в утверждениях социальной власти символического порядка и «смерти субъекта». С опорой на идеи Ж. Лакана и Ю. Кристевой, можно назвать символический порядок структурой нормативной регуляции естественных импульсов человека, направленных на подавление аномальных по отношению к порядку форм социальной жизни – аномальности, безумия и т.п. В этом смысле субъектность есть продукт влияния нормативного порядка при условии его соблюдения. Субъект – всего лишь нормативная категория, полагают Ю. Кристева и Ж. Лакан. Это означает «смерть субъекта», как конец надежд на творческие силы свободного от социальной инерции человека-творца. Рациональность и субъектность не способны освободить нас от прошлого, поскольку обусловлены им, растворены в бесчисленных цепочках воспроизведения символического порядка. Субъект растворен в традиции, и ее «цепи» не могут быть сброшены.

Но не только постструктурализм отрицает субъектность в контексте проблематики традиции. С совершенно иным этосом и пафосом идею «растворения» в традиции выдвигает поэт Т. Эллиот в своем проекте онтологии искусства [17]. В его понимании само противопоставление традиции и современности иллюзорно, порождено неспособностью авторов увидеть себя в единстве настоящего, прошлого и будущего. Человеческая деятельность, выраженная в ее темпоральной протяженности в понятии «традиция», составляет собой неделимое единство. Применительно к литературе он пишет: «созданные литературные памятники образуют между собой целостное органическое единство» [18]. Романтическому культу индивидуальности он противопоставляет указание на то, что творчество невозможно без традиции. Невозможно быть поэтом вне поэзии, математиком вне математики, политиком вне политики. Самими условием творчества является соотношение с традицией, форма которой непостоянна, и она преобразуется каждым согласованным с традицией актом.

Но почему одни высказывания и творения остаются в веках, становясь классикой, а другие – остаются сиюминутным феноменом, не обретающим укорененности в культуре? Ответ на этот вопрос заключается в том, что за конкретными актами и произведениями стоит универ-

сальная структура феноменологического опыта. Произведение значимо и способно стать классикой в том, случае, если выражает эту структуру, а не автора. Высказывание, выражающее переживание автора – сиюминутно и поверхностно, но универсальное переживание, выражающееся через автора – способно быть вечно, приобщившись к традиции. Формы актов меняются, но универсальная метафизическая структура возможного опыта – постоянна. Подход Т. Эллиот в дальнейшем распространяется за пределы сферы собственно литературы интерпретаторами.

Итак, традиция непреодолима. Для постструктуралистов это означает непреодолимость репрессивных структур языка, которые не отчуждаемы от социума, поскольку без них мы остаемся в состоянии немоты. Для Т. Эллиота непреодолимость традиции означает возвышенную универсальную структуру, которая делает возможным творчество и задает его границу, где субъект – проводник, катализатор и оформитель, артикулирующий доязыковое и непосредственное универсальное переживание в доступную восприятию и мышлению форму. И каждый из подходов формируется собственный *modus operandi*, которые становятся, с нашей точки зрения, своеобразными манифестами двух ответов на кантовские вопросы «что я должен делать?» и «на что я могу надеяться?», которые уже в XXI века становятся идеологическими направлениями.

Постструктурализм предлагает стратегию деконструкцию. Эта концепция, сформулированная Ж. Дерридой как стиль интерпретации текста получила применения в социальной философии конструктивистского толка, где сама социальная реальность интерпретируется как доступная только через языковую корреляцию, т.е. явлена как текст. В деконструкции признается тотальность обуславливающих сил прошлого, но сохраняется освободительный пафос модернизма. И если традицию невозможно убить, поскольку она составляет саму ткань временной протяженности культуры, ее можно лишить упорядоченности. Деконструкция следует тому императиву постмодерна, который выделил У. Эко – переосмыслить традицию «иронично, без наивности». Деконструкция стремится сделать традицию хаотичной путем инверсий содержания, игр модальностей высказываний, снятия бинарных оппозиций, разоблачения властных оснований символических порядков. И если свободу нельзя обрести, сняв «цепи» прошлого, деконструкция предполагает свободу через игру с ними.

Т. Эллиот признает ту же тотальность традиции, но оценивает ее положительно. Он видит в ней не «смерть субъекта», но деперсонализацию – благородное самоотречение творца, уход от выражения персональных переживаний во имя выражения универсальных структур. В идее деперсонализации осмысливается роль автора как безличного проводника традиции. Но безличный – вовсе не означает безвольный, напротив, именно творческое усилие автора, его активная созидательная роль позволяет через личное и ситуативное прорваться к вечному и универсальному. Если деконструкция – проект освобождения от традиции путем ее высмеивания, то деперсонализация – путь растворения в ней, снятия оппозиции между обуславливающим и обусловленным.

Если в XX веке проблема отчуждаемости традиции, и два описанных нами проекта ее разрешения, относились к высшим регистрам культуры и были частью дискурса гуманитарной науки, а участниками этого дискурса были преимущественно интеллектуалы, то в XXI веке эта проблематика охватила социально-политический уровень социальности [21; 22]. В воук-идеологиях мы можем увидеть отражение вульгаризованной версии про-

екта деконструкции. Радикальный феминизм не создает новых моделей гендерных отношений, он разупорядочивает путем инверсий вполне традиционные роли. Политика культурного разнообразия не создает новых форм национальных, этнических и религиозных культур, но стремится создать хаотичный и эклектичный «салат» синтетических идентичностей. Социальная критика расизма не столько снимает культурные противоречия, сколько производит их инверсию в виде обратного расизма, и транслирует подобные отношения даже в тех обществах, в которых изначально расовая проблема не стояла остро.

Но следы интеллектуальных споров об отчуждаемости традиции обнаруживаются и в обратном движении – подъеме консервативных движений, несущих знамя «традиционных ценностей». Современная версия консерватизма, называемая иногда «разумный консерватизм», значительно отличается от классического [19]. Разумный консерватизм не ориентируется на какие-либо конкретные религиозные и социальные системы, и не отрицает необходимость реформирования и развития социальных отношений. «Традиционные ценности» разумного консерватизма как объект защиты являются весьма неопределенным объектом – в силу того, что речь идет о традиции, какой она предстает нам в эпоху, наследующую утопизму модерна и релятивизму постмодерна. Современный консерватизм ставит своей целью не столько защиту конкретной формы традиции, сколько реабилитацию идеи традиции вообще – выразителя универсального и вечного в стремительно меняющемся благодаря техническому развитию мире. Для консерватизма «цепи прошлого», которые модернизм стремился сбросить, а постструктурализм высмеять, предстают не только тяжелой ношей, но и важным функциональным объектом, который не только связывает и давит, но и поддерживает [20].

В заключение отметим, что проблема отчуждаемости традиции разворачивается на многих уровнях культуры. Среди философов, интеллектуалов и теоретиков искусства она связана с онтологической, антропологической и социально-философской проблематикой природы субъектности, механизмов преемственности, оснований деятельности и социального времени. В политической сфере он разворачивается в конфликте радикальных социально-критических идеологий и «разумного консерватизма» с его защитой «традиционных ценностей». Однако по сути своей и то, и другое, является ответом на один неизбежно возникающий вопрос – каким образом мы должны относиться к прошлому, и на что надеяться в условиях, когда мы «бежим от своих цепей, но цепи бегут вместе с нами»? И оба ответа не столь различные как это принято считать. Они продиктованы культурной ситуацией конца надежд модернизма на «смерть» традиции, и являются двумя полярными оценками одного и того же тезиса – обуславливающая сила традиции неотступна и неизбежна.

Литература

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».
2. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции. // Советская Этнография, 1981, N 2, С. 78–96.
3. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. – М., 1955–1981. – 689 с.
4. Hobsbawm E., Ranger T. 2014. The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press. 320 p.
5. MacIntyre A. After virtue: A study in moral theory. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1984. 368 p.
6. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643
7. Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.
8. Полонская И.Н. Социокультурная традиция: онтология и динамика: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Ростов-на-Дону, 2006. 57 с.
9. Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. 624 с.
10. Арндт Х. О революции. М.: Издательство «Европа», 2001. 464 с. С. 220
11. Лотман Ю.М. 1986. Архаисты – просветители // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения / под ред. М.О. Чудаковой. Рига: Зинатне. С. 192–208.
12. Ницше Ф. Несвоевременные размышления. – СПб.: Азбука-классика, 2009. 352 с.
13. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Эко У. Имя розы. – М., 1989. – С. 596–644.
14. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. 360 с.
15. Данилова А.В. Своеобразие интерпретации категории «традиция» в эстетической теории и практике постмодернизма: на материале творчества Э. Денисова: автореф. дисс. ... к-та филос. наук: 09.00.04. Москва, 2009. 23 с.
16. Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семанализу. М.: Академический проект, 2013. 285 с.
17. Элиот Т.С. Традиция и индивидуальный талант // Элиот Т.С. Назначение поэзии. М.: Совершенство, 1997. С. 157–166.
18. Фомин К.А. Теория традиции Т.С. Элиота как парадигма онтологии искусства и ее применение в поэтической практике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 2–1. С. 196–199
19. Путин В.В. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» 21.10.2021 (электронный ресурс). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения 17.02.2025)
20. Илларионов Г.А. Феноменологическая экспликация современного консерватизма в контексте концептов посттрадиционности и секулярности // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2022. № 1 (19). С. 74–83.
21. Рахинский Д.В. Россия в глобальном мире: информационные ресурсы воздействия: монография // Сибирский федеральный университет. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – 183 с.
22. Рахинский Д.В. Особенности информационного потенциала современной глобализации // Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство «Зебра»), 2015. – 206 с.

THE PROBLEM OF THE ALIENATION OF TRADITION IN THE CONTEXT OF THE CULTURAL FOUNDATIONS OF WOKE-IDEOLOGY AND THE PROTECTION OF TRADITIONAL VALUES

Ilarionov G.A., Kudashov V.I., Neskryabina O.F., Rakhinsky D.V.
Siberian Federal University, Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk State Agrarian University

The article is devoted to the study of the problems of tradition in the context of modern socio-philosophical discussions. The focus is on the development of the problem of the alienation of tradition, expressed in the question of whether it is possible to alienate tradition from human activity as a subject of thought and activity, or society inevitably remains conditioned by the past. The study is based on a comparison of two approaches to understanding tradition: the modernist one, which considers tradition as a force of social inertia overcome by rationality, and the postmodern one, which asserts the irresistibility of tradition due to linguistic structures and symbolic order. The article analyzes how these approaches form two different modes of operandi in modern culture and politics: deconstruction as a strategy of liberation through an ironic reinterpretation of tradition and depersonalization as a dissolution into tradition in order to express universal structures.

Keywords: tradition, traditional values, modernism, intertextuality, depersonalization, death of the subject, postmodernity.

References

- Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 № 809 «On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values».
- Markarian E.S. Nodal problems of the theory of cultural tradition // *Soviet Ethnography*, 1981, № 2, pp. 78–96.
- K. Marx. The eighteenth brumaire of Louis Bonaparte // *Soch.* 2nd ed. Vol. 8. – M., 1955–1981. – 689 p.
- Hobsbawm E., Ranger T. 2014. *The Invention of Tradition*. // Cambridge: Cambridge University Press. 320 p.
- MacIntyre A. *After virtue: A study in moral theory*. Notre Dame // IN: University of Notre Dame Press, 1984. 368 p.
- Weber M. Basic sociological concepts // Weber M. *Selected works*. Moscow: Progress, 1990. pp. 602–643
- Weber M. *Favorites. Protestant ethics and the spirit of capitalism*. // M.; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2017. 656 p.
- Polonskaya I.N. *Sociocultural tradition: ontology and dynamics: abstract. diss. ...Dr. Philos. Sciences: 09.00.11*. // Rostov-on-Don, 2006. 57 p.
- Lurie S.V. *Historical ethnology*. // Moscow: Academic Project: Gaudeamus, 2004. 624 p.
- Arendt H. *About the revolution*. // Moscow: Publishing house "Europe", 2001. 464 p. 220
- Lotman Yu.M. 1986. *Archaist Enlighteners* // *The Tynian collection. The second Tynian Readings* / edited by M.O. Chudakova. Riga: Zinatne. pp. 192–208.
- Nietzsche F. *Untimely reflections*. St. Petersburg: ABC Classics, 2009. 352 p.
- Eco U. Notes on the margins of «The Name of the Rose» // Eco U. *The name of the Rose*, Moscow, 1989, pp. 596–644.
- Derrida J. *About grammatology*. Moscow, 2000. 360 p.
- Danilova A.V. The uniqueness of the interpretation of the category «tradition» in the aesthetic theory and practice of post-modernism: based on the work of E. Denisov: abstract. diss. ... k-that philos. Sciences: 09.00.04 // Moscow, 2009. 23 p.
- Kristeva Y. *Semiotics: Research on semanalysis*. // Moscow: Academic Project, 2013. 285 p.
- Eliot T.S. *Tradition and individual talent* // Eliot T.S. *The purpose of poetry*. Moscow: Perfection, 1997. pp. 157–166.
- Fomin K.A. T.S. Eliot's theory of tradition as a paradigm of art ontology and its application in poetic practice // *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. 2015. № 2–1. pp. 196–199
- Putin V.V. Meeting of the Valdai Discussion Club on 10/21/2021 (electronic resource). // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> (accessed 02/17/2025)
- Illarionov G.A. Phenomenological explication of modern conservatism in the context of posttraditional and secular concepts // *Abyss (Issues of Philosophy, Political Science and Social Anthropology)*. 2022. № 1 (19). pp. 74–83.
- Rakhinsky D.V. *Russia in the global world: information resources of impact: a monograph* // Siberian Federal University. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2014. 183 p.
- Rakhinsky D.V. *Features of the information potential of modern globalization* // Ulyanovsk: IP Kenschenskaya Victoria Valeryevna (Zebra publishing house), 2015. – 206 p.

Рецепция феномена коллекционирования в работах П. Бурдье

Солдатов Илья Сергеевич,

студент, ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: ilyasoldat2004@mail.ru

Серёгина Татьяна Николаевна,

к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных наук, ФГОБУ ВО
«Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации»

В статье были рассмотрены социальные аспекты коллекционирования. В зависимости от точек зрения, коллекционирование выполняет множество социальных функций. Оно способно образовывать социальные связи между людьми, удовлетворять культурные и духовные потребности человека, либо стать выгодным капиталовложением.

На основе работ П. Бурдье, в статье выделены основные виды коллекционирования, а также его социальная значимость для общества. Также выявлены современные тенденции развития феномена.

Предметом исследования является феномен коллекционирования, как социальный фактор.

Для написания статьи, были использованы: метод анализа, метод классификации, метод абстрагирования, системный подход.

Ключевые слова: ценности, культура, общество, социальный капитал, коллекционирование.

В глобальном обществе, где грани, ранее отделявшие людей, друг от друга начали стираться, как никогда важным для философии, становится выявление решений для сохранения самоидентичности, а также особенностей культуры народов и вещественных доказательств подлинной истории, коллекционирование является особым феноменом способным удовлетворить эти потребности.

Современная наука, выделяет несколько определенных коллекционирования. Коллекционирование – целенаправленное собирательство, исторических научных артефактов. Коллекционирование производится с целью систематизации и изучения [6]. Данное определение рассматривает феномен с исторической точки зрения, а также затрагивает его методологию, но рассматривает его аксиологические мотивы узко, не выделяя, что интерес не обязательно является исследовательским, вещи можно коллекционировать, не интересуясь сутью вещей, а лишь получая от них эстетическое удовольствие, также определение не показывает природу феномена, через онтологические основания.

Коллекционирование – целенаправленное собирательство, как правило, однородных предметов, объединенных неким смыслом (стилистической общностью, функциональностью, материалом и т.д.), обычно имеющих научную, историческую или художественную ценность [13]. Второе определение показывает суть коллекционирования, через поиск общих оснований, смыслов, лежащих в основании коллекции, происходит осмысление ценности феномена.

Также в научном сообществе существует точка зрения, что коллекционирование психологический феномен, не до конца изученный, из-за отождествления психологических и духовных потребностей личности [11]. В контексте рассматриваемой нами философии П. Бурдье, данное определение имеет ряд недостатков, так как в полной мере не отражает сущность феномена коллекционирования, рассматривая его только в поле психологии, оно не затрагивает социальную составляющую феномена, делая акцент только на внутреннем мире человека.

В современной науке не существует философского определения феномена коллекционирования, поскольку он актуален и значим, для человеческих взаимоотношений, это становится недооцененной возможностью для социальной философии. Одним из первых, кто изучал проблему коллекционирования, стал П. Бурдье, он смог создать цельную теорию коллекционирования, рассматривая его как социальный процесс.

Проблема коллекционирования была рассмотрена в работе П. Бурдье «Социальное пространство поля и практики» [7]. Её можно назвать теорией социальной капитализации коллекционирования. Социальный капитал П. Бурдье описывает как совокупность ресурсов индивида или группы, которые появляются за счет сети взаимоотношений, знакомства или признания [9].

По П. Бурдье, социальный капитал состоит из двух элементов: социальные отношения, позволяющие индивидам иметь доступ к ресурсам, которыми обладают другие индивиды, количество и качество этих ресурсов.

В процессе формирования и окончательного создания коллекции, формируется социальный капитал на ос-

нове связей с другими коллекционерами и продавцами коллекционных предметов. Образуется сеть связей, в которой открывается доступ к ресурсам, доступным только определённому кругу лиц. Ресурсом может выступать информация, открытие новых знакомств или же доступ к частным коллекциям.

П. Бурдые в этой работе вывел два типа коллекционирования – автономный и гетерономный.

Автономный – коллекционирование ради него самого, по сути мотивация такого коллекционирования, лежит в удовлетворении эстетических и духовных потребностей человека. Таким образом, великие творцы и художники, становятся инструментом для создания такого рода экспонатов, обладающие нужными с точки зрения эстетики и через призму духовности у коллекционера характеристиками. Благодаря такому коллекционированию, формируется социальный капитал, за счет знакомств и признания среди коллекционеров в той же области. Таким образом, выстраивается целый кластер знакомств, а также людей, которые, признавая субъекта за своего, позволяют пользоваться ресурсами, некими бенефициями, доступными только для близкого круга.

Гетерономный – мотивация уже заключается в формировании выгодных капиталовложений. Капиталовложения формируются как социальный капитал, и как экономический капитал. В социальном капитале заключены связи и статус, которые обретаются коллекционером за счет его коллекции. Экономическая составляющая капитала заключается в объективной стоимости коллекции и отдельных её частей, а также ценой, формируемой от самих коллекционеров, которая может быть выше, за счет редкости коллекционного предмета.

Подводя итог, можно сделать вывод, что П. Бурдые, в первую очередь рассматривает коллекционирование как капитал. Он выделяет два вида коллекционирования: автономный и гетерономный. Основанием для первого является удовлетворение от самого процесса, для второго экономическая мотивация. В процессе коллекционирования, автономный тип коллекционирования формирует социальный капитал, гетерономный формирует экономический капитал. Безусловно, Бурдые во многом теорию коллекционирования упрощает, когда речь заходит о данном феномене, почти невозможно затронуть все его аспекты, подразделив лишь на два вида, но Бурдые не ставит задачу рассмотреть коллекционирование всецело, его наиболее интересуют влияние феномена на социальную философию, поэтому со своей задачей он справился безупречно.

Автономный тип коллекционирования П. Бурдые, нашел своё отражение в работе «Коллекционирование – феномен культурный и психологический» [4]. В тексте рассмотрено то, как формировалось искусство коллекционирования от Цицерона, который впервые ввел этот термин, произнес его в одной из своих речей, и до современности. Цицерон понимал коллекционирование, как собрание разрозненных предметов в одно целое. Культура коллекционирования в современности, связана напрямую с выработанными правилами коллекционирования, характерные для определенного общества. В статье рассмотрены основные мотивы для коллекционера. Всего было выделено четыре вида коллекции, распределенным по мотивам их создания. Процессуальные, познавательные, утилитарные и «общенческие». Процессуальные коллекции удовлетворяют духовные и эстетические потребности, также они дарят положительные эмоции. Утилитарные состоят из предметов, обладающих определенной пользой. Для познавательных коллекций, основной мотив состоит в собрании предметов для удовлетворения познавательного интереса субъек-

та. Автономный тип коллекционирования раскрывает причины, влияющие на создание познавательных коллекций, желания субъекта быть ассоциируемым с определенной социальной группой, а также в его желание расширить свой круг общения за счёт своей коллекции.

Исторический аспект коллекционирования в современной России рассматривает Игнатьева О.В. [2]. В статье раскрываются особенности коллекционирования в Российской империи XVIII–XIX вв. Автор рассматривает данный феномен выделяя только аристократический слой как актора, где социально-культурные особенности и тенденции эпохи показаны как условия, определившие особенности процесса. Так, например, граф Строганов С.Г. демонстрировал поведение частного коллекционера, собирая её лишь для себя, для своего интеллектуального и эстетического досуга. Оно могло демонстрировать степень осведомленности аристократа об искусстве, а также демонстрировало праздный характер потребления, что соответствовало духу аристократизма той эпохи. Это всё связывает коллекционирование с социальным фактором автономного коллекционирования П. Бурдые, а также способом выказывания принадлежности к определенной социальной группе, в данном случае к аристократам. Эта тенденция нашла своё продолжение в современном российском обществе. После развала Советского Союза, был некий «Бум» данного феномена. Появившиеся в среде «новые русские» скупали антиквариат в попытке подражать «духу» аристократизма той эпохи, преследуя схожие цели, связанные с демонстрацией праздного характера потребления.

Кроме того, автономный тип коллекционирования был рассмотрен в статье Соколовой И.А. «Социокультурный аспект частного коллекционирования» [8]. Автор, говоря о культуре в коллекционировании, связывает её с традициями отдельных народов, их символикой, которая может быть прочитана только схожей народностью, что связано с автономным коллекционированием П. Бурдые, где коллекционные предметы, будут служить отличительной чертой социальной группы, в данном случае народностью. Только отдельно взятая народность будет способна понимать и распознавать предметы народной культуры.

Также автономный тип коллекционирования был раскрыт в статье «Коллекционирование: вопросы аккумуляции, актуализации и идентификации» [13]. В ней производится анализ феномена коллекционирования с разных сторон. В основании феномена рассматривается его значимость для общества. Коллекция со временем перерастает в новое качество, становится способом трансляции культуры, что является одной из отличительных черт автономного коллекционирования, коллекционеры делятся массивом накопленных знаний и артефактов с музейными работниками и даже с обычными людьми, также, они помогают создать достоверную сценическую постановку в фильмах и сериалах, это всё удовлетворяет культурные и духовные потребности человека.

Гетерономный коллекционирования был рассмотрен Трегубовым П.А., в статье «Коллекционирование, как образ жизни, проблемы коллекционирования» [12]. Автор выводит онтологию феномена, анализируя генезис коллекционирования в исторической ретроспективе. Автор рассматривает основные причины коллекционирования. В качестве основного фактора коллекционирования он выделяет экономический, потому что, во-первых, это наиболее выгодное и стабильное капиталовложение, а во-вторых, когда коллекционер отдаёт свою коллекцию или её часть на благотворительность в пользу государства, он способен достичь налоговых послаблений, что отсылает нас к идеям гетерономного коллекционирования.

ния П. Бурдьё, суть которого заключается в формировании выгодных капиталовложений.

Также гетерономное коллекционирование было рассмотрено в работе Сухаревой А.Н. [10]. Автор рассматривает генезис и конвергенцию ролей продавец – коллекционер, через экономические основания. В тексте коллекционеры рассмотрены как главные покупатели антиквариата, способные предложить наибольшую цену за товар. Автор указывает на проблемы, связанные с инвестированием в антиквариат такие как: потеря товарного вида со временем, риск покупки подделки, сокращение коллекционеров определённых вещей со временем. Сухарева А.Н. делает выводы, что антиквариат является переоцененной инвестицией, которую поддерживает слепая вера общества в рост цен на определённые вещи, связь с гетерономным коллекционированием, заключается в критике к такому подходу, в связи с ошибочным предрассудком, что коллекционирование выгодно вложение.

Таким образом, говоря о сущности типов коллекционирования Бурдьё, можно выделить следующее. Суть автономного коллекционирования заключается в коллекционировании ради самого процесса, а также построении на этой основе связей с другими членами социума. За счет этого выигрывают коллекционеры, так как они увеличивают социальные связи, делают вклад в повсеместное развитие общества, получают дань уважения, участвуют в различных социальных процессах. Так, например, коллекционеров приглашают к созданию фильмов и сериалов, они также могут заниматься меценатством, проводят выставки. За счёт этого коллекционер может стать популярным, получить возможность показать себя значимым для общества. Также выигрывают социальные институты, потому что они получают в лице коллекционеров возможность для заполнения отсутствующую в свободном доступе информационную базу. Также коллекционер является владельцем оригинальных артефактов, предметов, которые могут уже не появляться в современном обиходе, либо даже существовать в единичных экземплярах. Говоря о сути гетерономного коллекционирования, начать можно с того, что коллекционирование в XXI веке идет в тесной взаимосвязи с культурой потребления. Предприниматели используют данный феномен, как отдельный способ для заработка денег. Можно выделить несколько видов, связанных с заработком на коллекционировании.

Создание серий коллекционируемой продукции, например, различного рода игровые карточки, коллекционные фигурки, стикеры и наклейки.

Перепродажа коллекционных предметов, для получения прибыли на разнице. Здесь может использоваться как коллекционная продукция этого века, так и антикварные, старинные предметы.

Создание коллекционных предметов в интернет пространствах, это могут быть как NFT (non-fungible token, в переводе с англ. – «невзаимозаменяемый токен»), «NFT лучше всего можно описать как цифровой сертификат подлинности, востребованность которого в качестве предмета коллекционирования возрастает» [1].

Перепродажа коллекционных предметов и создание серий коллекционируемой продукции существуют как способы заработка уже довольно долго и прошли проверку временем, их можно охарактеризовать как стабильные структуры, способствующие продуцированию коллекций и организующие возможности самореализации коллекционерам, желающим заработать на своих знаниях в этой сфере, также эти виды взаимодействуют с предметами, так или иначе обладающих физическим обликом, и они либо создают материальные блага, ли-

бо уже создали, как монеты, которые уже вышли из оборота, но которые и по сей день обладают ценностью для коллекционеров, третий вид заработка не создаёт материальных благ, и, по сути, любой рынок коллекционных предметов в интернете является лишь надувающимся экономическим пузырем, а коммерческий успех, зачастую, будет коррелировать с количеством средств, вложенных в рекламу. Такой род спекуляций на рынке коллекционных предметов создаёт зону риска для всех, мобилизуя свои вложения в эту конкретную область.

Подводя итоги, мы можем выделить тенденции, связанные с социальными аспектами коллекционирования. Это многогранный процесс, который за собой охватывает множество аспектов в жизни общества. Оно может стать связующим звеном для различных членов общества, создав социальные связи. Коллекционирование является неотъемлемой частью рыночных отношений, где стоимость предметов регулируется субъективными взглядами участников данного рынка коллекционных предметов. Также коллекционные предметы выступают в качестве капиталовложений, способных выдержать даже серьезный кризис рыночных отношений, так как их стоимость, чаще всего, не регулируется объективно. В целом, человечеству необходимо продолжать воспроизводить данный феномен в обществе, так как оно не просто может снабжать недостающей информацией дисциплины или сферы человеческой жизни, но является более глубокой сферой жизни общества, чем может показаться на первый взгляд, в нём раскрываются высокие, доступные только для человека чувства, как эстетика, саморефлексия, а также ценности как единичного индивида, так и целых социальных групп и даже всего человечества.

Литература

1. Ванцовская, А.А. Цифровое искусство на блокчейне и nft-рынок / А.А. Ванцовская // StudNet. – 2021. – № 7. – С. 260.
2. Игнатьева О.В. Коллекционирование в среде русской аристократии в XVIII–XIX вв. / О.В. Игнатьева // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018. – № 16. – С. 57.
3. Кембриджский словарь. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/collect?q=collecting> (дата обращения 15.03.2024).
4. Корепанова И.А., Журкова Е.А. Коллекционирование – феномен культурный и психологический // Культурно-историческая психология. 2007. № 4. С. 35.
5. Маринич А.А. Становление и развитие в России частного коллекционирования // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2006. Т. 26. № 2–2. С. 86.
6. Прохоров А.М. Большая Советская энциклопедия. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – С. 432.
7. Пьер Бурдьё: Социальное пространство: поля и практики // Гуманитарный портал. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3707> (дата обращения: 14.03.2024).
8. Соколова И.А. Социокультурный аспект частного коллекционирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. «Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения». 2006. № 2. С. 168–171.
9. Социальный капитал и его формирование: социально-психологический подход / А.Л. Свеницкий, Л.Г. Почебут, М.И. Килошенко [и др.] // Вестник

Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2009. – № 3 (Ч. II). – С. 140–149.

10. Сухарев А.Н. Антиквариат как объект инвестирования // Финансы и кредит. 2013. № 42 (570). С. 6–10.
11. Сухарев А.Н. Коллекционирование как экономическое явление / А.Н. Сухарев // Финансы и кредит. – 2014. – № 29. – С. 45.
12. Трегубов П.А. Коллекционирование, как образ жизни, проблемы коллекционирования / П.А. Трегубов // Вестник магистратуры. – 2016. – № 6. – С. 17–18.
13. Яо М.К. Коллекционирование: вопросы аккумуляции, актуализации и идентификации / М.К. Яо, Ю.Г. Еманова, С.Д. Бородина // Филология и культура. – 2012. – № 3. – С. 203.

THE RECEPTION OF THE PHENOMENON OF COLLECTING IN THE WORKS OF P. BOURDIEU

Soldatov I.S., Seregina T.N.

Financial University under the Government of the Russian Federation

In this article we have considered the social aspects of collecting. Depending on the point of view, collecting performs many social functions. It can form social bonds between people, meet cultural and spiritual needs of the person or become a profitable investment. Based on the works of P. Burdie, the article highlights the main types of collecting, as well as its social significance for society. The current trends of development of the phenomenon are also revealed. The subject of research is the phenomenon of collecting as a social factor.

To write the article, we used: analysis method, classification method, abstraction method, system approach.

Keywords: values, culture, society, social capital, collecting.

References

1. Vantsovskaya, A.A. Digital art on blockchain and the NFT market / A.A. Vantsovskaya // StudNet. – 2021. – No. 7. – P. 260.
2. Ignatieva, O.V. Collecting among the Russian aristocracy in the 18th-19th centuries / O.V. Ignatieva // Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East. – 2018. – No. 16. – P. 57.
3. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/collect?q=collecting> (accessed: 15.03.2024).
4. Korepanova, I. A., Zhurkova, E.A. Collecting as a cultural and psychological phenomenon / I.A. Korepanova, E.A. Zhurkova // Cultural-Historical Psychology. – 2007. – No. 4. – P. 35.
5. Marinich, A.A. The formation and development of private collecting in Russia / A.A. Marinich // Bulletin of Irkutsk State Technical University. – 2006. – Vol. 26. – No. 2–2. – P. 86.
6. Prokhorov, A.M. Great Soviet Encyclopedia / A.M. Prokhorov. – 3rd ed. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1973. – P. 432.
7. Bourdieu, P. Social space: Fields and practices / P. Bourdieu // Humanities Portal. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3707> (accessed: 14.03.2024).
8. Sokolova, I.A. The sociocultural aspect of private collecting / I.A. Sokolova // Bulletin of St. Petersburg University. Series "Philosophy. Cultural Studies. Political Science. Law. International Relations". – 2006. – No. 2. – P. 168–171.
9. Svenitsky, A. L., Pochebut, L. G., Kiloshenko, M. I. [et al.]. Social capital and its formation: A socio-psychological approach / A.L. Svenitsky, L.G. Pochebut, M.I. Kiloshenko // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. – 2009. – No. 3 (Part II). – P. 140–149.
10. Sukharev, A.N. Antiques as an investment object / A.N. Sukharev // Finance and Credit. – 2013. – No. 42 (570). – P. 6–10.
11. Sukharev, A.N. Collecting as an economic phenomenon / A.N. Sukharev // Finance and Credit. – 2014. – No. 29. – P. 45.
12. Tregubov, P.A. Collecting as a way of life: Problems of collecting / P.A. Tregubov // Bulletin of Magistracy. – 2016. – No. 6. – P. 17–18.
13. Yao, M. K., Emanova, Yu. G., Borodina, S.D. Collecting: Issues of accumulation, actualization, and identification / M.K. Yao, Yu.G. Emanova, S.D. Borodina // Philology and Culture. – 2012. – No. 3. – P. 203.

«Идея всечеловека в контексте европейской культуры XIX–XX века»: анализ проблемы в философии Ф.М. Достоевского и М. Шелера

Сорокин Константин Алексеевич,

аспирант кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского федерального университета
E-mail: Konstantin.sorokin1@gmail.com

В статье исследуется идея «всечеловека» как феномен, возникший в европейской культуре в рамках рассмотрения религиозного и антропологического подхода связанного с развитием человека. Основанием для анализа служит сравнительный метод в историко-философском и религиозно-философском контексте. Цель статьи связана с критическим анализом философско-антропологического взгляда Ф.М. Достоевского и М. Шелера на проблему, касающуюся сущности человека. Фундаментом для исследования являются труды упомянутых авторов, которые связаны с идеей «всечеловека». Результаты сравнительного анализа, представлены в завершающей части настоящего исследования, демонстрируют частичное совпадение идей Ф.М. Достоевского и М. Шеллера в контексте параллельного исторического развития.

Ключевые слова: Всечеловек, смерть Бога, человек, дух, материя.

Введение

В конце XIX – начале XX века возникла острая проблема осмысления сущности человека после слов Ф. Ницше (1844–1900) о «смерти Бога». Кризис человеческой личности проявляется в увеличении абсолютизации естественного знания и отказе от религиозного мировоззрения, которое включает в себя представление о восхождении человека к Богу. Тенденции, которые происходят в начале XX века выявляют сложности, связанные внутренним человеческим миром. Проблема развивается в двух основных направлениях: первое – которое отражает западноевропейское представление о потерянных иллюзиях, связанных с горным миром, в котором был обещан рай после смерти при условии соблюдения заповедей или говоря современным языком определенных этических норм. Несбывшиеся обещания, которые не достижимы с помощью веры выливаются в феномен, связанный с развитием научной мысли, основанной на точном знании. Второй вектор направлен на осуществление идеи вечной жизни, обещанной церковью и христианской религией, путем использования материальных и технологических средств. В России данная концепция, нацеленная на материализацию обещаний церковной властью, стремилась к воплощению через мистику, эзотику и концепции русского космизма.

Ф. Ницше, который констатировал «смерть Бога», был одним из последователей нигилизма, связанных с отрицанием Его. Он пишет: «Величайшее из событий новейшего времени, – «Бог мертв», вера в христианского Бога сделалась неправдоподобной, – оно начинает отбрасывать теперь свою тень на Европу» [1, с. 175]. Ф. Ницше выдвинул борьбу с нигилизмом в качестве основной задачи европейской мысли, и за ним последовали многие философы. Можно даже сказать, что западная философская мысль прошла XX веке под знаменем Ницше. Вследствие этого нигилизма рождается «сверхчеловек», который должен идти на смету человеку – обещание [2]. М. Хайдеггер (1889–1976) пишет: «Слова “Бог мертв” означают: сверхчувственный мир лишился своей действенной силы» [1, с. 177]. На смену «сверхчувственного» мира приходит «сверхчеловек». Сверхчеловек, который должен создать новый мир, на новых основаниях связанных в представлении Ф. Ницше о нем. Новый мир неизбежно возвращается к целостности обновленного метафизического пространства. Но с позиции человеческого рассудка это воспринимается именно как «гибель», поскольку, в отличие от разума, рассудок всегда ориентирован на инстинкт самосохранения человека [3, с. 29–30]. Для Ф. Ницше мир представляется в образе хаоса или в танце Диониса. Как отмечает Б. Гройс: «Дионисийское начало, растворяющее мир в хаосе, есть для Ницше также источник витальной энергии, так как истинная жизнь понимается им как постоянная готовность к смерти» [4, с. 9].

В конце XIX века получают свою популярность идеи, связанные с направлением в философии под названием русский космизм. Русский космизм предлагает альтернативный подход к преодолению нигилизма, отличающийся от позиции Ф. Ницше. В отличие от борьбы с ми-

ром, космисты призывают к принятию трансцендентного идеала – будь то религиозный, этический или политический. Они рассматривают мир не как Хаос, а как Космос. Одним из тех, кто прислушивался к идеям, Н.Ф. Федорова (1829–1903) был Ф.М. Достоевский (1821–1881) знакомый с его учением. Он напишет в своих письмах что: «Идеи Федорова прочел как бы за свои» [5, с. 9]. Ф.М. Достоевский в последствии вводит понятие «всечеловека», которое радикально противопоставляется «сверхчеловеку». Идеи, связанные с концепцией «всечеловека», не ограничиваются только российскими мыслителями. В Германии философ М. Шелер (1874–1928) пытался описать проблему «всечеловека» с антропологической точки зрения. Размышление о происхождении человека, его эволюции и существовании вне Бога – вот ряд вопросов, которые он описывает в своих работах.

Творчество Ф.М. Достоевского в значительной степени было ориентировано на поиск истинного смысла человеческого бытия. Тема человека прослеживается в каждом произведении автора. Он посвящает особое внимание анализу человеческой натуры, отражая ее в различных образах. Ф.М. Достоевский стремится проникнуть в глубины человеческой души и представить ее сложность и многогранность через призму своих литературных героев. «Широк человек, слишком даже широк, я бы сузил» [6, с. 165], – пишет Федор Михайлович. Человек подчиняется влиянию сил, наличие которых он не осознает, что проявляется, по его мнению, через совесть. Это является осознанием общности человека с другими людьми и всем человечеством. Как напишет Н.А. Бердяев (1874–1948): «Творчество Достоевского есть русское слово о всечеловеческом» [7, с. 213]. Из этих размышлений о «всечеловеке» у Ф.М. Достоевского вытекают его глубокие мысли о чужом «я», о сущности одиночества, о спасительности общего сознания, о Боге и христианстве, о загадке нашей планеты и многое другое.

М. Шелер в эссе под названием «к идее человека» которое было написано в средний период (1912–1921), а именно в 1914 г., говорит о необходимом стремлении человека к «всечеловеку». А.Н. Малкин отмечает: «Во втором периоде своего творчества Шелер взламывает капсулу идеалистического трансцендентализма, изолировавшую философское мышление от реального мира и обнаруживает... что творцом культуры и ее истории является не абстрактный “дух” и даже не “индивидуум”, а человек как живое плотское существо, поскольку он наделен также и духом, т.е. поскольку он – личность... т.е. человек – богоскатель» [8, с. 100]. В средний период М. Шелер стремился к полному и всеобъемлющему изложению своего религиозно-философского опыта, в котором отчетливо прослеживается его концепция, сосредоточенная на человеческой личности в контексте христианской, а именно католической традиции. На наш взгляд, одной из наиболее важных мыслей, высказываемых М. Шелером, является его концепция сущности человека, которая заключается в следующем: «Если и должно быть имя у идеала, то идеал для человека это “всечеловек”, а не “сверхчеловек”, задуманный уже с самого начала отдаленным от массы и всякой демократии. Сверхчеловек, как и недочеловек должен, однако, в идеале всечеловека стать человеком» [9, с. 105].

Цель настоящей статьи заключается в том чтобы рассмотреть проблему «всечеловека» с двух различных аспектов связанные с именами Ф.М. Достоевского и М. Шелера. В рамках нашего исследования мы обращаемся к вопросам, затронутым в творчестве Ф.М. Достоевского и М. Шеллера: насколько случаен человек? Проявляется ли в нем стремление к самому себе или

к Богу? Чем отличается человек от Бога? Существует ли что-то между человеком и Богом? Одним из центральных вопросов для обоих мыслителей является проблема «всечеловека» и фундаментальное различие между «всечеловеком» и «сверхчеловеком».

Достоевский

Ф.М. Достоевский считается по праву не только великим русским писателем, но и мыслителем. Как отмечает Н.А. Бердяев: «Достоевский – величайший русский метафизик, вернее, антрополог. Он сделал великие открытия о человеке, и от него начинается новая эра во внутренней истории человека. После него человек уже не тот, что до него» [7, с. 148]. Ф.М. Достоевский в своих произведениях отражает внутренние противоречия человеческой души, которые приводят к искажениям природы человека. Человек у Ф.М. Достоевского представляется как бездонная и безграничная природа. Из основных проблем человека он считал зло и страдания. Ф.М. Достоевский рассматривал проблему зла как первый шаг к осознанию свободы. По его мнению, происхождение зла связано с актом свободного отвержения человеком Бога. В произведениях Федора Михайловича ярко выражены внутренние противоречия человеческой души, которые приводят к искажениям естества человека. Эти противоречия обусловлены присутствием зла в человеческой природе. Он ярко показывает опасные последствия безудержного самоутверждения человека, когда свобода превращается в пустоту и бессмысленность.

В этой связи можно отметить тот факт, что, в произведениях Ф.М. Достоевского прослеживается глубокое понимание человеческой природы. Основной идеей, которая прослеживается во всем его творчестве связана со всемирным братством. В.С. Соловьев (1853–1900) пишет: «Эта центральная идея, которой служил Достоевский во всей своей деятельности, была христианская идея свободного всечеловеческого единения, всемирного братства во имя Христова» [10, с. 302]. Эта идея была искренне придерживаема Ф.М. Достоевским, когда он говорил об истинной Церкви и вселенском православии. Он видел в них духовное начало, еще не раскрытое в русском народе, а также всемирно-историческую миссию России – новое слово, которое Россия должна сказать миру. Христос для Ф.М. Достоевского не просто историческое явление прошлого, Он образ непостижимой тайны, к которой прикасается человек, Он чудо. Рассматривая Христа с точки зрения истории, можно превратить Его в мертвый образ, перед которым поклоняются лишь во время церковных праздников, но который не имеет места в повседневной жизни. В таком случае христианство ограничивается храмовыми стенами, превращаясь в ритуал и повторение молитв, в то время как активная жизнь остается вне христианских принципов. Внешняя Церковь, в таком виде, может содержать истинную веру, но она настолько ослаблена, что хватает лишь на праздничные моменты. Это – храмовое христианство. И оно должно существовать первее всего, ибо на земле внешнее прежде внутреннего, но его недостаточно [10, с. 302].

Существует иная форма христианства, о которой пишет Федор Михайлович, которая стремится к большему, чем просто богослужению. Она желает проникать в повседневную жизнь человека, покидает стены храма и обретает место в домах под названием человек. Ее целью является внутренняя индивидуальная жизнь верующего. В этом контексте Христос предстает как высочайший образец морали, а религия акцентируется на личной нравственности и спасении отдельной души. Есть и в таком

христианстве истинная вера, но и здесь она еще слаба: ее достает только на личную жизнь и частные дела человека. Это есть христианство домашнее [10, с. 303]. Истинное христианство не может быть только домашним, как и только храмовым, – оно должно быть вселенским [11, с. 136–148]. Храмовое и домашнее христианство существуют раздельно. Целью же Ф.М. Достоевского было всеобщее объединение христианства во вселенскую церковь. В то время как вселенское христианство пока еще не является фактом, а только огромная задача человечества. Автор «преступления и наказания» отмечает, что в наши дни всеобщие дела, будь то политика, наука, искусство или общественное хозяйство, оторваны от христианских принципов, разделяя людей, вместо того чтобы объединять их. Эгоизм, частная выгода, соперничество и борьба управляют этими областями, порождая угнетение и насилие. В идеи вселенского христианства Достоевского явно прослеживаются образы и мысли, о которых говорили русские космисты. А. Гачева пишет: «По убеждению Достоевского, идеал “всемирного”, “всечеловечески братского единения”, которого чаёт истинно христианское сердце, даёт благое, Божеское направление истории человечества. И если теперешняя история, подчинившая себя идеалам “князя века сего”, увлекает мир к катастрофе, то в истории, которая творится людьми, руководящимися уже не идолом капитала, а “святою жаждою всечеловеческого дела, всебратского служения и подвига”, открывается путь к преобразению этого мира» [12, с. 79]. Космисты изначально основывались на позиции преобразования мира с помощью человеческой мысли. В.Н. Муравьев (1885–1932) развивали идею «активной апокалиптики», основанной на «соединении двух принципов: активности отдельных существ и преобразования всего мира» [13, с. 501]. Но, преобразится должен был не только мир, но и человек, который живет в нем.

Н.Ф. Федоров верил, что как воскресающие, так и воскресители, те, кто не пережил смерть, должны достичь великих высот. Человек должен стать архитектором и строителем своего организма. Он пишет: «Само собою разумеется, прежде – нравственное преобразование, архитектурное же выражение придет за ним само; или лучше сказать, что нравственное преобразование и архитектурное выражение необходимо должны последовать одно за другим, и притом последнее должно служить закреплением первого» [14, с. 287]. Н.Ф. Федоров и Ф.М. Достоевский разделяли понимание необходимости в моменте преобразования в воскресительном процессе. Ф.М. Достоевский выразил это в своем знаменитом письме к Н.П. Петерсону от 24 марта 1878 года, где он обсуждал учение всеобщего дела и задавал вопросы о том, каким будет акт воскрешения. Он подчеркнул, что воскрешение произойдет не в наших текущих телах, но тела воскресших людей будут подобны телу Спасителя после Его воскрешения, до вознесения в Пятидесятницу. «Конечно, не в теперешних телах, ибо уж одно то, что наступит бессмертие, прекратится брак и рождение детей, свидетельствует, что тела в первом воскресении, назначенном быть на земле, будут иные тела, не теперешние, то есть такие, может быть, как Христово тело по воскресении его, до вознесения в Пятидесятницу?). Ответ на этот вопрос необходим – иначе все будет непонятно. Предупреждаю, что мы здесь, то есть я и Соловьев, по крайней мере верим в воскресение реальное, буквальное, личное и в то, что оно сбудется на земле» [15]. Руководящим принципом жизни для Федора Михайловича может быть лишь Богочеловек, в образе Христа как «вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек» [16,

с. 172], в качестве основы для «всечеловека». Н.А. Бердяев отмечает: «Противопоставление Достоевским Богочеловечества и человекобожества имеет глубокий смысл. Но самая терминология может вызвать сомнения и требует критического пересмотра. Человек должен стать богом и обожиться, но он может это сделать лишь через Богочеловека и в Богочеловечестве. Богочеловечество предполагает творческую активность человека» [7, с. 83]. Ф.М. Достоевский отстаивает идею о неповторимой ценности каждой личности т.к. в каждой личности отражается Божественный замысел. Он пишет о человеке: «Какая разница между демоном и человеком? Мефистофель у Гёте говорит на вопрос Фауста: «Кто он такой» – «Я часть той части целого, которая хочет зла, а творит добро». Увы! Человек мог бы сказать о себе совершенно обратное: «Я часть той части целого, которая вечно хочет, жаждет, алчет добра, а в результате его деяний – одно лишь злое» [17, с. 287–288].

В произведениях Ф.М. Достоевского сострадание и человечность могут перерастать в бесчеловечность и жестокость. Его герои, осознавая свою внутреннюю деформированность, не могут понять истоки, воспринимая их как сложно преодолимую преграду. Когда личность ставит себя в центр мира, превознося саму себя до статуса Бога, он опускается до животного уровня и наоборот уничтожая себя человек у Ф.М. Достоевского освещается Божественным светом. В этом и заключается идея, высказанная русским мыслителем имевший в детстве прозвище «настоящий огонь» [18, с. 65] – человек есть *неопределённость* которая движется к Богу. Он пишет в своем дневнике: «Человек не из одного какого-нибудь побуждения состоит, человек – целый мир, было бы только основное побуждение в нем благородно» [17, с. 170].

Проблема «всечеловека» лежит в следующих плоскостях. По убеждению Ф.М. Достоевского, идеал «всемирного», «всечеловечески братского единения» [19, с. 171], который проникает истинно христианское сердце, направляет историю человечества к доброму и Божественному. Если нынешняя история, ведет мир к катастрофе, то в истории, создаваемой людьми, вдохновленными не идолом капитала, а «святою жаждою всечеловеческого дела, всебратского служения и подвига» [19, с. 173], открывается путь к преобразению этого мира.

Шелер

М. Шелер, был знаком с творчеством Ф.М. Достоевского, как об этом пишет Т.Н. Резвых: «Он познакомившийся с русской религиозной метафизикой (славянофилы, К.Н. Леонтьев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев) еще во времена Первой мировой войны, частично в пересказе Т. Масарика [20] и Х. Эренберга [21], а частично в переводах, пришел к выводу об общности немецкого и русского духа, выраженной, как он считал, в своеобразной поочередной жизни в двух бытийных планах – «религиозно-метафизическом и практически-земном» [22, с. 69]. Можно отметить, что творчество русских мыслителей определенным образом повлияло и на творчество М. Шелера. Ряд идей, которые он опишет в работах «к идее человека», «Человек в эпоху уравнивания», «Человек и история» и т.д. можно увидеть определенное влияние влияния вышеперечисленных авторов.

М. Шелер считал, что настало время для начала синтетической антропологии способной быть основанием для мировоззрения общего знания о человеке и общества. «Человек заключает тайну мира. Антропология – наука «о сущности и структуре сущности человека» [23, с. 46]. Следует отметить, что в работе «Человек

и история» М. Шелер описал пять концепций, связанных с историческим пониманием проблемы человека. В нашем исследовании необходимо обозначит четвертую и пятую идею о человеке как о совершенно новых на начало XX века.

Четвертая концепция связана с работами Л. Болька (1866–1930), А. Портманна (1897–1982) и П. Альсберга (1883–1965), о том что человек «Человек – это инфантильная обезьяна с нарушенной функцией внутренней секреции» [24, с. 95]. Человека М. Шелер рассматривает прежде всего с точки зрения аксиологической проблематики т.к. человек, по его мнению, с биологической точки зрения является «больным животным» [25, с. 28], которое что бы выжить применяет различные орудия для защиты себя и соответственно не имеет большой ценности по сравнению с другими животными. Он продолжает: «животное, обладающее рассудком и применяющее орудия следовало бы назвать не венцом эволюции жизни, как он это сделал, а конститутивно больным животным – животным, в котором жизнь допустила faux pas и загнала саму себя в тупик» [24, с. 83]. Последствием такого тупика М. Шелер считает не что иное явление как цивилизация. Но, почему в таком случае человек является самым ценным из живых существ? Ответ напрашивается сам собой, из созданных им системы ценностей, которые более высокие чем биологические. Вслед за Т. Лессингом (1872–1933), который пишет, что: «Человек – это вид хищных обезьян, постепенно заработавший на своем так называемом “духе” манию величия» [24, с. 84], М. Шелер продолжает: «Там, где мы оцениваем “человека”, мы фактически уже предполагаем ценности, которые не зависят от ценностей витальных: духовные ценности и ценности священного. Это, означает, что “человек” есть высшее из существ постольку, поскольку он – носитель актов, которые не зависят от его организации, и поскольку он видит и реализует ценности, соответствующие этим актам» [26, с. 292]. Из этого можно сделать вывод что человек есть самое ценное существо, но, если только он обладает священными и духовными ценностями, которые независимы от биологического фактора.

М. Шелер предполагает, что человека как самое ценное земное существо может существовать только в божественном просвете. Он пишет: «Человек зрим и постижим только «в свете» идеи Бога! Так что, не есть лишь движение, стремление, переход к божественному. Он суть телесное существо, устремленное к Богу, и точка прорыва в царство Божье, в актах которого впервые конституируется бытие и ценность мира» [26, с. 293]. Таким образом по М. Шелеру человек не больное животное, которое для того что бы обрести себя не только кто молится и ищет Бога, а «он есть молитва жизни, выходящая за свои границы; не он ищет Бога – он есть тот живой X, который ищет Бога!» [25, с. 29].

М. Шелер продолжает свою мысль следующим высказыванием: «Но, пожалуй, наиглупейшим из всего, что выдумали «мыслители модерна», является мнение, будто идея Бога – «антропоморфизм». Оно абсолютно ложно. Единственно осмысленной идеей «человека» скорее следует считать «теоморфизм» [25, с. 30]. Под теоморфизмом М. Шелер противопоставлял антропоморфизм выражая таким образом традиционную христианскую идею о Богоподобии человека. Смысл этого термина заключается в том, что становление подлинного человека как духовной личности возможен только через принятие, любви и стремления к Богу. «Теоморфизм есть идея человека, как это познал еще Августин» [25, с. 64]. Человек Богоподобен, а не наоборот, как об этом писал Ксенофан критикуя Гомера и Гесиода, в том плане что

если бы быки или львы имели бы руки и ими писать бы умели, они бы Богов в виде львов и быков изобразили.

М. Шелер понимает Бога и человека совсем в другом свете. Он пишет «Он (Бог) – море, они (человек) – реки. И реки уже в самих истоках своих предчувствуют море, в которое впадают» [25, с. 29]. Таким образом человек только отражается в свете Бога, но не как его не создает по своему образу и подобию. М. Шелер высказал важное замечание о том, что человек, у которого есть четкое определение, лишен смысла. Человек есть неопределенное в становлении. Он пишет: «Человек есть вещь столь обширное, пестрое, разнообразное что все определения его малоудачны. Он имеет много сторон. Неудивительно что все известные определения выглядят малоподходящими» [27, с. 46]. В сущности, если может быть точное определение что есть человек, то это определение мертвого, человек. Человек по своей природе не статичен, это всегда динамика. М. Шелер отмечает: «Заблуждением предшествующих учений о человеке состоит в том, что на пути, лежащем между «жизнью» и «Богом», он хотели сделать еще одну прочную остановку, нечто, определяемое как существо «человек». Но такой остановки нет, и как раз неопределимость относится к сущности человека. Он – «между», «граница», «переход», «богоявление» в потоке жизни, вечное преодоление жизнью самой себя» [27, с. 30]. Человек никаким образом не может быть определен т.к. он всего лишь движение к Богу. В этом контексте он пишет пятую концепцию о человеке.

Пятая идея предлагает возможность подняться самосознанию человека на невиданную ранее высоту, которую ни одно другое известное учение не могло дать. Речь идет о идеи «всечеловека», который несет ответственность за себя, за других, за мир в целом, за смысл существования Земли и за человечество в целом, является основой этого учения. Этот «господин», этот творец, является источником ответственности, истории, мирового процесса и самых ценных аспектов бытия. М. Шелер пишет: «Этот новый тип антропологии воспринял идею сверхчеловека Ницше и подвел под нее новый рациональный фундамент. В строго философской форме это имеет место прежде всего у двух философов, которые заслуживают того, чтобы их хорошо знали: у Дитриха Генриха Керлера и у Николая Гартмана, грандиозная, глубоко фундированная “Этика” которого является философски строжайшим и чистейшим проведением вышеуказанной идеи» [24, с. 94]. Прежде всего речь идет о высказывании Н. Гартмана связанное с так называемым атеизмом нового типа. Он отмечает, что в новой идее о человеке: «Аксиологическая детерминация ставится перед онтологической» [28, с. 240], таким образом возникает свободное существо или личность которая стремится к Богу, а не детерминирована Богом в этом мире.

Шелеровское понимание проблемы Бога и мира выработалось по мере развития концепции двух основополагающих принципов существования. Они прежде всего связаны с двумя сферами «порыв», как витальное начало, и «дух», то, что от Бога и единство того что называют разумом или переживаниями. М. Шелер считал, что «дух» сверхприроден и исходит от Бога в виде слова. Таким образом слово происходит от Бога и является первичным феноменом и соответственно течение истории конституируется благодаря слову. В этой позиции несложно увидеть слова из Евангелие о том, что в начале было слово. Но, принципиальная разница заключается в том, что человек благодаря слову, слову от Бога, он как явление Бога, с помощью его «существо, которое молится и ищет Бога» [27, с. 296]. Таким образом личный «дух» человека – это окно к Абсолюту или к Богу.

В соответствии с вышесказанным М. Шелер подходит к проблеме «всечеловека». «Всечеловек» – это прежде всего носитель атрибутов всего сущего таких как «дух» и «порыв». «Дух» является началом того, что делает человека, человеком. «Порыв» – это прежде всего проявление «все-жизни» или витальных сил на подобии ницшеанского «воля к власти». М. Шелер пишет: «Тот, кто глубже всех укоренен в тьме Земли и природы, той „natura naturans“, которая порождает все естественные образования, „natura naturata“, и кто одновременно как духовная личность выше всех возносится в своем самосознании к солнечному миру идей, тот приближается к идее „всечеловека“, а в ней – к идее субстанции самой мировой основы, вечно становящегося взаимопроникновения „духа“ и „порыва“» [9, с. 113]. Таким образом, идеал для человека должен называться «всечеловек», а не «сверхчеловек». Понятие «всечеловека» в абсолютном смысле – это идеал человека, который реализовал все свои потенциалы и возможности. Этот идеал остается для нас далеким, подобно Богу, которого мы можем постигнуть лишь в духе и жизни, и который представляет из себя сущность человека, в бесконечной форме и разнообразии. «Для каждой эпохи мировой истории существует, однако, относительный „всечеловек“, некий доступный Максимум всечеловечности, относительный Максимум участия во всех высших Формах человеческого бытия» [9, с. 110].

Заключение

В ходе анализа двух мыслителей, занимавшихся проблематикой «всечеловека», можно сделать следующие выводы.

Ф.М. Достоевский, одухотворённый идеями русских космистов пишет о «всечеловеке» как о той новой природе, которая должна преодолеть человеческие разногласия, связанные с соревнованием, конкуренцией, кастовостью, иерархией и т.д. и воссоединится в одном Христе. Идеал Церкви, о котором говорил Ф.М. Достоевский, является универсальным, прежде всего потому, что он призван преодолеть разделения и враждебность между различными народами и племенами. Все они, сохраняя свою культурную и национальную идентичность, должны освободиться от эгоизма и объединиться в едином стремлении к общему благу человечества. В данном контексте четко прослеживаются идеи Н.Ф. Федорова относительно всеобщего дела.

М. Шелер пишет о феномене «всечеловека» как том, кто сможет уравнивать или объединить архетипы «аполлонического» и «дионисического». Прежде всего, речь идет о противоположности идей, связанных с «рационализмом» и «иррационализмом», «философии идей» и «философии жизни». Когда «дух» и духовные ценности станут снова иметь значимость, соответствующую сущности человека. Только в этом случае будет сделан следующий шаг в направлении всечеловеческому, к «всечеловеку», обладающему более высоким уровнем взаимодействия между духом и влечением, между идеями и чувствами. Это произойдет благодаря упорядоченному, гармоническому соединению обеих сущностей в единую форму существования и действия. М. Шелер обозначит: «только тогда будет преодолен тот роковой, жестокий романтический распад, та несостыкованность идеи и действительности, мышления и деяния, которыми столь серьезно больна вся наша европейская и, к сожалению, не в последнюю очередь, и наша Германская духовная жизнь» [9, с. 115].

Важно отметить общий характер феномена «всечеловек» о котором пишет Ф.М. Достоевский и М. Шелер.

В необходимость всеобщего объединения и преодоление религиозных, политических, социальных национальных границ в рамках воссоединения в Боге, Христе, Абсолюте и т.д. На ум приходит строки пророка Исаии «Тогда волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козлёнком» (Ис. 11:6), и обретением человеком периода торжества истины Божьей на земле или хилиазма.

Литература

1. Хайдеггер М. «Слова Ницше „Бог мёртв“». Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. 464 с.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: АСТ, 2015. 416 с.
3. Веков Г. Философия разума Ф. Ницше. М.: DELIBRI, 2020. 223 с.
4. Гройс Б. Русский космизм. Антология. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 235 с.
5. Достоевский Ф.М. Письма: в 4 т. М.: Ленинград: Государственное издательство, 1959. Т. 4. 606 с.
6. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Роман в четырех частях с эпилогом. М.: Изд. Азбука, 2023. 1056 с.
7. Бердяев Н.А. Русская идея. Мирозерцание Достоевского. М.: «Издательство „Э“», 2016. 509 с.
8. Малкин А.Н. Философская антропология М. Шелера. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 568 с.
9. Шелер М. Человек в эпоху уравнивания // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 98–128.
10. Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. 822 с.
11. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 26. 518 с.
12. Гачева А. Русский космизм в идеях и лицах. М.: Академический проект, 2019. 430 с.
13. Муравьев В.Н. Сочинения: в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Кн. 1. 702 с.
14. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. Т. 1. 517 с.
15. Достоевский Ф.М. Письмо Н.П. Петерсону 24 марта 1878. Петербург. С. 2. – URL: https://russianway.rhga.ru/upload/main/03_Dostoevsky.pdf (дата обращения: 31.03.2025).
16. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 20. 432 с.
17. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 год ноябрь – декабрь. Л.: Наука, 1982. 394 с.
18. Сараскина Л.И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2013. 824 с.
19. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 27. 463 с.
20. Masaryk T.G. Russland und Europa. Studien über die geistigen Strömungen in Russland Studien über die geistigen Strömungen in Russland. Zur russischen Geschichte – und Religionsphilosophie. Bd. 1–2. Jena: Diederichs, 1913. 387 s., 532 s.
21. Ehrenberg H. 1923–1925 – Östliches Christentum. Dokumente. Bd. 1–2. München: C.H. Beck, 1925. 229 s.
22. Резвых Т.Н. Немецко-русский философский диалог: Бог и мир у С. Франка и М. Шелера // Философия религии: аналитические исследования. 2021. Т. 5, № 1. С. 68–83.
23. Любутинов К.Н. Человек в философском измерении. Свердловск: Изд. Урал, ун-та, 1991. 130 с.
24. Шелер М. Человек и история // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 70–97.

25. Шелер М. К идее человека. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 140 с.
26. Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Neuer Versuch der Grundlegung eines ethischen Personalismus. Bern; München: Francke Verlag, 1916. 300 s. (In German).
27. Scheler M. Vom Umsturz der Werte. Bd. Leipzig, 1919. S. 278 // Любутин К.Н. человек в философском измерении. Свердловск: Изд. Урал, ун-та 1991. С. 46.
28. Гартман Н. Этика. СПб.: «Владимир Даль», 2002. 712 с.

«THE IDEA OF THE ALL-MAN IN THE CONTEXT OF EUROPEAN CULTURE OF THE NINETEENTH-TWENTIETH CENTURY»: AN ANALYSIS OF THE PROBLEM IN THE PHILOSOPHY OF F.M. DOSTOEVSKY AND M. SCHELER

Sorokin K.A.

Ural Federal University

The paper investigates the idea of 'all-man' as a phenomenon that emerged in European culture within the framework of religious and anthropological approach to human development. The basis for the analysis is the comparative method in the historical-philosophical and religious-philosophical context. The aim of the article is to critically analyse the philosophical and anthropological view of F.M. Dostoevsky and M. Scheler on the problem of the essence of man. The basis for the study are the works of the mentioned authors, which are connected with the idea of 'all-man'. The results of the comparative analysis presented in the final part of this study demonstrate a partial overlap between the ideas of F.M. Dostoevsky and M. Scheler in the context of parallel historical development.

Keywords: All-Man, death of God, man, spirit, matter.

References

1. Heidegger M. «Nietzsche's words "God is dead"». Works and Reflections of Different Years. Moscow: Gnosis, 1993. 464 p. (In Russian).
2. Nietzsche F. Thus Spoke Zarathustra. M.: AST, 2015. 416 p. (In Russian).
3. Vekov G. Philosophy of Mind by F. Nietzsche. M.: DELIBRI, 2020. 223 c. (In Russian).
4. Groys B. Russian cosmism. Anthology. Moscow: Ad Marginem Press, 2015. 235 p. (In Russian).
5. Dostoevsky F.M. Letters: in 4 vols. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1959. T. 4. 606 p. (In Russian).
6. Dostoevsky F.M. Brothers Karamazov. A novel in four parts with an epilogue. Moscow: Izd. Azbuka, 2023. 1056 p. (In Russian).
7. Berdyaev N.A. Russian Idea. Dostoevsky's Worldview. Moscow: 'Publishing House "E"', 2016. 509 p. (In Russian).

8. Malkin A.N. Philosophical anthropology of M. Scheler. M.; St. Petersburg: Centre for Humanitarian Initiatives, 2022. 568 p. (In Russian).
9. Scheler M. Man in the Age of Equation // Scheler M. Selected Works. M.: Gnosis, 1994. C. 98–128. (In Russian).
10. Solovyov V.C. Works: in 2 vol. Moscow: Mysl, 1988. T. 2. 822 p. (In Russian).
11. Dostoevsky F.M. Complete Collected Works: in 30 vol. L.: Nauka, 1984. T. 26. 518 p. (In Russian).
12. Gacheva A. Russian cosmism in ideas and faces. Moscow: Academic Project, 2019. 430 p. (In Russian).
13. Muravyev V.N. Essays: in 2 books. Moscow: IMLI RAS, 2011. Book 1. 702 p. (In Russian).
14. Fedorov N.F. Collected Works: in 4 vol. Moscow: Publishing Group 'Progress', 1995. T. 1. 517 p. (In Russian).
15. Dostoevsky F.M. Letter to N.P. Peterson 24 March 1878. Petersburg. C. 2. – URL: https://russianway.rhga.ru/upload/main/03_Dostoevsky.pdf (date of accessed: 31.03.2025) (In Russian).
16. Dostoevsky F.M. Complete Collected Works.: in 30 vol. L.: Nauka, 1980. T. 20. 432 p. (In Russian).
17. Dostoevsky F.M. Diary of a Writer for 1876 November–December. L.: Nauka, 1982. 394 p. (In Russian).
18. Saraskina L.I. Dostoevsky. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2013. 824 p. (In Russian).
19. Dostoevsky F.M. Complete Collected Works.: in 30 vol. L.: Nauka, 1984. T. 27. 463 p. (In Russian).
20. Masaryk T.G. Russland und Europa. Studien über die geistigen Strömungen in Russland Studien über die geistigen Strömungen in Russland. Zur russischen Geschichte – und Religionsphilosophie. Bd. 1–2. Jena: Diederichs, 1913. 387 s., 532 s. (In German).
21. Ehrenberg H. 1923–1925 – Östliches Christentum. Dokumente. Bd. 1–2. München: C.H. Beck, 1925. 229 s. (In German).
22. Rezvykh T.N. German-Russian Philosophical Dialogue: God and the World in S. Frank and M. Scheler // Philosophy of Religion: Analytical Studies. 2021. T. 5, № 1. P. 68–83. (In Russian).
23. Lyubutin K.N. Man in the philosophical dimension. Sverdlovsk: Izd. Ural, Un-ta, 1991. 130 p. (In Russian).
24. Scheler M. Man and History // Scheler M. Selected Works. M.: Gnosis, 1994. C. 70–97. (In Russian).
25. Scheler M. Towards the Idea of Man. Moscow; St. Petersburg: Centre for Humanitarian Initiatives, 2022. 140 p. (In Russian).
26. Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Neuer Versuch der Grundlegung eines ethischen Personalismus. Bern; München: Francke Verlag, 1916. 300 s. (In German).
27. Scheler M. Vom Umsturz der Werte. Bd. Leipzig, 1919. S. 278 // Lyubutin K.N. Man in the philosophical dimension. Sverdlovsk: Izd. Ural, Un-ta 1991. P. 46. (In Russian).
28. Hartman N. Ethics. SPb.: 'Vladimir Dal', 2002. 712 p. (In Russian).

Сун Юйбо,

докторант, философский институт Хэйлунцзянского
университета
E-mail: 349425695@qq.com

Популярная культура и определение публики занимают ключевое положение, влияющее на общую ситуацию в исследовании популярной культуры любым теоретиком. Фиск постоянно интерпретирует публику через свое собственное понимание общественности и популярной культуры, чтобы лучше продемонстрировать креативность и автономию публики. Статья начинается с двух определений публичной и популярной культуры, показывает уникальные характеристики общественности и выделяет разницу между общественностью и массами. Разница между общественностью и массами в этой статье и в системе Фиска отличается от предыдущих. Разница была выражена, а затем была создана текстовая модель популярной культуры, и поскольку публика всегда может активно докапываться до смысла программы, отвечающей ее собственным пожеланиям, предлагается конфронтационный характер популярного текста. Фиск придерживается мнений, отличных от взглядов Франкфуртской школы. Он считает, что общественность не может быть обманута или пребывать в неведении. Общественность обладает творческим потенциалом и избирательна в создании продуктов культурной индустрии. Культурная индустрия предоставляет общественности ресурсы только для развития популярной культуры. В то же время, Фиск также объясняет различия с Франкфуртской школой. Отношение к общественности не должно быть негативным. В различных случаях и сценариях истинное понимание того, что общественность сопротивляется компиляции, и признание внутренней автономии общественности помогут лучше понять суть публикации, а также реализовать истинный потенциал публикации, общественность.

Ключевые слова: Джон Фиск; Популярная культура; Культурная философия.

После Второй мировой войны, в связи с бурным развитием популярной культуры, Фиск продолжил традицию Бирмингемской школы по утверждению популярной культуры в сочетании со своим сильным интересом к популярной культуре и впитал теоретическое влияние нескольких европейских мыслителей, пытаясь создать оптимистическую теорию популярной культуры. Фиск считает, что популярная культура – это культура, принадлежащая широкой публике, которая любима и принимается широкой публикой, и это культура, которая может представлять широкую публику. Первоначально термин “публика” использовался не для обозначения “обычных людей”, а для того, чтобы отличать большинство людей от аристократического класса, класса богатых или интеллектуального класса, поэтому термин “публика” эквивалентен вульгарному, заурядному и дешевому. Популярная культура – это культура, которую любят и принимают обычные люди, включая сериальные романы, популярную музыку, телесериалы, фильмы, рекламу и т.д., относящиеся к популярной культуре. Популярная культура сформировалась с развитием современного массового общества и тесно связана с современным промышленным производством. В качестве основных средств коммуникации доминируют средства массовой информации, позволяющие осуществлять массовое воспроизводство и производство культурных форм. Популярная культура обладает характеристиками коммерческого, развлекательного и текстового моделирования. в то же время сюда входят популярные романы, популярная музыка, коммерческие фильмы и телевизионные блокбастеры и другие культурные формы. Понятие и определение популярной культуры по-разному соотносятся с непрерывным развитием общества. В современном обществе феномен популярной культуры распространился на повседневную жизнь каждого человека.

Что такое массовая культура

Определение общественного

Прежде чем мы начнем исследование популярной культуры, мы должны сначала дать четкое объяснение и определить значение термина “общественность”, потому что то, как определить “общественность”, напрямую повлияет на определение популярной культуры, тем самым задавая тон конкретным теориям популярной культуры. В книге “Понимание популярной культуры” Фиск разъяснил свою популярную точку зрения, проанализировав взаимосвязь между термином “масса” и такими понятиями, как масса, класс и гендер.

Прежде всего, Фиск проводил различие между понятиями “общественность” и “массы”. Английский перевод слова “masses”, а массы обычно относятся к черни, которая представляет собой группу людей низкого уровня, необразованных и застенчивых, поэтому предвзятость этого слова является уничижительной. Именно концепция “масс” была единодушно признана теоретиками Франкфуртской школы из-за ее уничижительного подтекста. По их мнению, с непрерывным развитием науки, техники и средств массовой информации состояние масс стало полностью негативным и пассивным, что привело к людям, неосознанно теряющим статус субъекта.[1.С.93] Это также делает их объектом принижения и критики. Они

Проект фонда: Центр совместных инноваций по развитию музыкальной культуры Северо-Восточной Азии 2023 Ключевой научно-исследовательский проект, исследование культуры Северо-Восточной Азии в контексте оцифровки, номер проекта: XT2023013.

превратились в группу людей, которым не хватает инициативы, они теряют самосознание и вынуждены принимать культурные продукты. В индустриализованном обществе у масс развилась своего рода “атомизация”. Атомизация здесь относится к характеристикам людей, которые массы, которые проявляются как не имеющие чувства автономии, индивидуальности и не связанные друг с другом, и отношения между массами стали очень разрозненными, и нет скоординированной коммуникации. Однако английский перевод слова mass в системе Фиска – “популярный” или “народ”, а не “масса” из масс. Фиск считает, что поведение масс полностью отличается от жизни, и это также не масса с атомарными характеристиками. Массы обладают собственной автономией, инициативой и творческим потенциалом, и господствующие силы капиталистического общества также не манипулируют ими и не контролируют их. Фиск также считает, что общественность имеет возможность использовать различные стратегии “партизанской войны”, чтобы подорвать господствующий идеологический контроль, содержащийся в текстах популярной культуры, и активно формировать у общественности собственный смысл, удовольствие и социальную идентичность. Процесс массового потребления культурных продуктов на самом деле является процессом культурного подрыва, а затем воспроизводства. В то же время мы также можем видеть, что термин Фиска “популярный” по отношению к публике резко контрастирует с унижительной Франкфуртской школой. Его отношение к публике – это своего рода похвала и позитивная позиция.

Фиск сказал: “Публика” не является фиксированной социологической категорией; она не может быть объектом эмпирического исследования, поскольку не существует в виде объективной сущности. Народные массы, обыватели и народные силы – это группа меняющихся приверженцев и подчиненных. Они охватывают все социальные категории; и самые разные люди могут принадлежать к разным общественным слоям в разное время, и они часто перемещаются между различными слоями.” [5.C.102] Это также означает, что так называемая общественность принадлежит к рабочему классу, а в капиталистическом обществе рабочий класс находится в положении угнетаемого и эксплуатируемого. Те же обстоятельства приводят к тому, что они, как правило, обладают сходным сознанием рабочего класса, а общественность является постоянной группой внутри рабочего класса из-за сходства расы, пола, возраста, региона проживания и разделения труда эта устоявшаяся классовая структура была нарушена Фиском. “Люди, принадлежащие к одному и тому же классу, не обязательно принадлежат к одной и той же вере и принадлежности, но люди из разных классов могут выбрать одну и ту же веру и принадлежность.” [6.C.121] Следовательно, концепция прямого отождествления рабочего класса или пролетариата с общественностью является предвзятой и недостаточно точной. Точно так же люди разного пола, возраста и расы также могут выбирать различные убеждения и принадлежность, поэтому их нельзя просто приравнять к общественности.

Фиск превратил слово volkswagen в “мобильный”, лишив его возможности стать объектом эмпирического исследования, что привело к необходимости для общественности конкурировать с правозащитной группой в области мобильности, чтобы определить значение слова “общественный”. Более того, общественная иерархия не является готовой, а постоянно генерируется и организуется в противостоянии с доминирующими силами на экономическом, политическом, культурном и других уровнях; массовый класс не является фиксированным,

это набор меняющихся социальных привязанностей и аффилиаций. Это также приводит к взаимному преобразованию между общественностью и непубличностью, потому что, когда общественность противостоит друг другу с доминирующими силами, изменение антагонистических отношений приведет к притоку общественности и непубличности. “Когда человек меняет свою социальную принадлежность перед лицом различных условий, он может стать членом общества или доминирующей силой.” [1.C.93] Фиск привел здесь пример: богатый бизнесмен развлекал друзей и вместе смотрел футбольный матч в роскошной частной ложе на стадионе. Это нельзя рассматривать как участие в массовой культуре, а просто как своего рода дистанционное наблюдение, тогда его нельзя рассматривать как публику; однако тот же человек Когда он находится на простых трибунах стадиона, размахивает флагами и кричит в поддержку своей любимой команды, это можно рассматривать как участие в популярной культуре, и он действительно стал достоянием общественности.

Определение массовой культуры

Уникальное понимание Фиском понятия “масса” также составляет его уникальный взгляд на “массовую культуру”. Использование Фиском слов “народ” или “популярное” вместо “массы” для обозначения “масс” непосредственно привело его к использованию “популярной культуры” вместо “народной культуры” или “массовой культуры масс” для обозначения “популярной культуры”. Фактически, само это название показал, что он отличается от других теоретиков своей позицией. Выделяя сходства и различия между популярной культурой, фолк-культурой и массовой культурой, Фиск определил свое определение понятия “популярная культура”.

Нам нужно провести сравнение между народной культурой, массовой культурой и популярной культурой. Первая – это народная культура, которая обычно относится к спонтанной народной культуре народа, созданной трудящимися на дне общества и распространенной в народных традициях с древних времен. Этот вид культуры, как правило, сохраняет более традиционные культурные цвета, и часто производится и воспроизводится в коллективном смысле. Несмотря на небольшие различия в народной культуре в разных регионах, эти различия часто не являются фатальными или противоречивыми. В целом, культура относительно стабильна, и социальный консенсус может быть достигнут. Разница между популярной культурой и другими заключается в том, что популярная культура – это культура доминирования, созданная сложным и индустриализованным обществом, а популярная культура быстротечна, потому что лояльность и принадлежность публики постоянно меняются. “Общественность пытается избавиться от идеологического контроля над ресурсами, предоставляемыми капиталистической индустриальной культурой, поэтому популярная культура на самом деле является культурой, которая проявляется в конфликте. Следовательно, популярная культура не существует в виде стабильного и самодостаточного текста, а только в процессе его производства и воспроизводства.” [4.C.79]

Текстовая модель массовой культуры

Текст в стиле производителя

В глазах Фиска публика – это определенно не пассивный и беспомощный потребитель без разума и индивидуальности, а активный производитель с душой, мышлением и индивидуальностью. Хотя, с одной стороны, они должны контролироваться господствующей идеологией и при-

нимать ее форму, с другой стороны, пробелы, непоследовательность и неопределенность популярных текстов сами по себе превращают их в своего рода культурный ресурс для публики, на основе которого публика может создавать бесчисленное множество различных новых текстов и извлекать из них смысл и удовольствие. Они нуждаются. Продуктивность популярной культуры отражается не только в создании новых популярных культурных продуктов, но и в продуктивном использовании существующих культурных продуктов.

Фиск ссылался на теорию Барта и считал, что популярный текст должен быть текстом в стиле продюсера. Барт проводил различие между текстом в стиле читателя и текстом в стиле автора. Текст в стиле читателя привлекает негативных, восприимчивых и дисциплинированных читателей, в то время как текст в стиле автора требует от читателей переписывать текст, чтобы создать смысл, вытекающий из этого. Когда Барт объяснял разницу между этими двумя текстами, он сосредоточился на литературных произведениях и на тексте в стиле продюсера, который, по мнению Фиска, был текстом в стиле автора, используемым для описания публики. Текст в авторском стиле обладает открытостью текста в авторском стиле, и читатели могут участвовать в создании смысла текста. Разница между ними заключается в том, что текст в авторском стиле не требует от читателей активного участия и не устанавливает определенных правил для контроля над читателем. Текст в стиле продюсера имеет те же аспекты, что и текст в стиле читателя и текст в стиле автора. Есть и другие аспекты. Текст в стиле продюсера сам по себе является свободным и неконтролируемым, и в нем также присутствуют голоса, противоположные ему самому, поэтому он может лучше соответствовать смыслу массового производства. Смысл текста в стиле продюсера не контролируется высшим правящим классом, поэтому это своего рода текст, который принадлежит широкой публике. Продукты, производимые культурной индустрией, с того момента, как они превращаются в предметы массовой культуры, обречены выходить из-под контроля и не поддаются регулированию. «Социальный жизненный опыт, которым владеет общественность, не контролируется текстом. Если текст не будет тесно интегрирован с социальными отношениями, общественность не сможет понять его смысл, поэтому текст в стиле продюсера должен привлекать общественность, и это также стало движущей силой для всего общества. массовое производство популярной культуры» [6.С.122]. Всплывающий текст относится к тексту популярной культуры, потому что внутри него есть трещины и пустые участки, и публика может создавать новые тексты на основе этих трещин, когда попадает внутрь, так что это текст популярной культуры.

Популярные тексты в интертекстуальной форме

Текст популярной культуры интертекстуально циркулирует между первичным текстом (самыми примитивными культурными товарами, такими как сама Мадонна или джинсы и т.д.), вторичным текстом, который непосредственно связан с первичным текстом (таким как реклама или комментарии СМИ и т.д.), и текстом третьего уровня, который сохраняется в повседневной жизни (например, в общении, в том, как носить джинсы, как танцевать Мадонне на танцевальной вечеринке, как жить в квартире и т.д.). Поскольку массовая культура всегда находится в процессе движения, смысл текста может быть активирован только в социальных отношениях и интертекстуальных связях, и он никогда не может быть определен в тексте. Один и тот же текст популярной культуры в разных социальных контекстах или у разных читателей мо-

жет интерпретироваться по-разному, поэтому он имеет различия. Другими словами, смысл популярной культуры существует только в процессе ее распространения, а не в ее тексте, а текст популярной культуры не является самодостаточным. Например, плакат с изображением Мадонны не выражает всего значения Мадонны. Только если поместить Мадонну во все тексты о Мадонне, это может иметь полное значение. Разные люди и объекты могут по-разному интерпретировать один и тот же плакат. Фиск считает: «Если телешоу хочет быть популярным, оно должно удовлетворять запросы большинства зрителей. Успех телевизионной программы часто зависит от того, является ли ее текст открытым, то есть может ли он удовлетворить потребности разных аудиторий и предоставить зрителям разные возможности для интерпретации» [6.С.122]. Таким образом, телевизионные тексты могут быть истолкованы по-разному, и различные социальные группы могут найти значимую связь между собой и господствующими идеологиями благодаря такому прочтению, и это может стать популярным. Это показывает, что любой телевизионный текст, после того как он сочетается с повседневной жизнью публики, интерпретируется публикой непредсказуемо, и результаты интерпретации также очень разные. Разные люди придумывают разные тексты, которые имеют разный смысл и доставляют удовольствие. Таким образом, в разных социальных ситуациях аудитория, занимающая разное положение, по-разному интерпретирует смысл одного и того же текста.

Конфронтационный характер популярных текстов

Конфронтация – это основа внимания Фиска к популярной культуре. Фиск считает, что «массовая культура всегда была частью отношений между властью. Это всегда отношения между правителем и подчиненными, между властью и различными формами сопротивления или избегания власти, между военной стратегией и партизанской тактикой, демонстрирующими следы непрерывной борьбы» [2.С.75]. Повседневная жизнь состоит из культурных практик общества. Общество создает свою собственную культуру, используя ресурсы, предоставляемые капиталистической системой, и отказываясь в конце концов подчиняться этой системе. Поэтому массовая культура неизбежно носит конфронтационный характер. Подобно партизанам, общественность всегда пытается использовать различные методы, такие как уловки, преобразования и хитрости, чтобы избежать доминирующих сил или бороться с ними, а также бороться с любой возможностью быть инкорпорированной. Определенные факторы массовой культуры всегда существовали вне социального контроля. Хотя капитализм имеет почти двухсотлетнюю историю, популярная культура существовала всегда и упорно сопротивлялась окончательной компиляции.

Конфронтационные характеристики массовой культуры также отражены в телевизионном тексте. По мнению Фиска, общественность всегда может активно использовать программы, которые отвечают ее пожеланиям. В этом процессе публика обладает значительной степенью автономии в создании собственного смысла и получении удовольствия, что может не только развить способность публики интерпретировать «конфронтационное», но и дать ей возможность активно сопротивляться заранее установленным значениям, заложенным в тексте. Сопротивляться. Таким образом, массовая культура – это инструмент борьбы общества с правящим классом. Разрывание или отбеливание джинсов – это такой стратегический акт конфронтации. Фиск подчеркнул, что мы должны обращать внимание на жизнеспособность и креативность общественности, потому что именно конфронтационный характер этой жизнеспособ-

ности и креативности заставляет правящий класс осознавать настойчивость и необходимость вовлечения общественности.

Дискуссия между теорией популярной культуры Фиска и Франкфуртской школой

Теория культурной индустрии Франкфуртской школы всегда рассматривалась как теоретическая основа для изучения популярной культуры, и Теодор Адорно – слепой ученый, наиболее активно критикующий массовую культуру. Термин “культурная индустрия” он использует чаще всего. В критической теории Франкфуртской школы Химическая промышленность стала синонимом массовой культуры. Культурная индустрия используется для представления популярной культуры, потому что популярная культура навязывается обществу высшим правящим классом. Культурные продукты производятся не самой общественностью, а правящим классом для поддержания своего собственного правления. Таким образом, производятся продукты массового производства. Культурные продукты, производимые в США. Франкфуртская школа также считает, что массовой культуре присущи черты коммерциализации и “товарного фетишизма”. Так называемый товарный фетишизм заключается в том, чтобы изменить отношение между людьми и товарами. Первоначальное отношение должно заключаться в том, что товары используются людьми. Теперь товары стали объектом поклонения людей, перевернув отношения между людьми и товарами. отношения между людьми и товарами, вызывающие у людей чрезмерное увлечение товарами и преклонение перед ними. Причина, по которой товары, производимые культурной индустрией, не могут рассматриваться как произведения искусства, заключается в том, что эти культурные товары производятся для продажи на рынке. Цель состоит в получении прибыли, а не в производстве ради художественной ценности. Из-за этих культурных продуктов искусство теряет свою уникальную неповторимость и превращается в серийное промышленное производство. Содержание продуктов направлено на удовлетворение интересов и увлечений публики только для того, чтобы получать более высокую коммерческую прибыль. Для широкой публики произведения культурного искусства стали своего рода предметом потребления, и с тех пор массовая культура встала на путь своего рода консюмеризации. На этом пути люди постоянно платят за товары, производимые этими культурными индустриями. Продукция культурного назначения, производимая по серийной модели фабрики, выполняется по единому стандарту, и тайна и уникальность произведений искусства при таком стандартизированном производстве исчезают. Следствием этого является то, что уровень восприятия искусства общественностью снижается, и на общественность всегда оказывает влияние идеология, связанная с искусством, что также рассеивает неудовлетворенность людей в реальной жизни, а также приводит к снижению критических способностей людей. Популярная культура предоставляет публике способ развлечения и времяпрепровождения, так что публика может расслабиться от всего сердца, но в то же время эти гедонистические идеи медленно разрушают мышление публики. Публика уходит от реальности, получая личное удовольствие, и в то же время дает ей возможность расслабиться. вступайте в конфронтацию с реальностью, соглашаясь таким образом со всем, что происходит в реальном обществе.

Обманчивая и манипулятивная природа культурной индустрии превращает общественность в огромный ресурс для получения прибыли. Культурная индустрия ис-

пользует все, чтобы манипулировать общественностью, чтобы заставить общественность потерять сопротивление обществу и захватить больше пространства для получения прибыли. В то же время общественность находится в процессе в этом заключается изобретательность культурной индустрии, позволяющая манипулировать общественностью, оставляя ее в пассивном и неосведомленном состоянии, а затем экспортировать идеологию для контроля над общественностью, так что сама культурная индустрия обманчива и манипулирует общественностью. Франкфуртская школа считает, что массовая культура – это разновидность культуры, которой манипулирует культурная индустрия. Пассивное состояние общественности ускоряет эту эрозию. Именно пассивное состояние общественности заставляет Франкфуртскую школу пессимистично относиться к массовой культуре. Государство.

Фиск придерживается взглядов, отличных от взглядов Франкфуртской школы. Он считает, что общественность не может быть обманута или пребывать в неведении. Общественность обладает творческим потенциалом и избирательна в выборе продуктов культурной индустрии. Культурная индустрия предоставляет общественности ресурсы только для развития популярной культуры. В своей теории Фиск отмечал: “Все, что может сделать индустрия культуры, – это создать текстовый “инвентарь” или культурные ресурсы для всех видов “популярных слоев”, чтобы публика могла использовать или отвергать их в непрерывном процессе создания своей собственной популярной культуры.” [1.С.93] Общественность не может производить свои собственные культурные товары и не может позволить культурным товарам циркулировать в обществе, но индустрия культуры будет предоставлять продукцию общественности. Благодаря избирательному использованию ресурсов, предоставляемых индустрией культуры, массовая культура может развиваться на этой основе. Он считает, что массовая культура – это культура, созданная общественностью, а не культурной индустрией. Культурная индустрия лишь предоставляет общественности разнообразные культурные ресурсы. Общественность обладает самостоятельностью в использовании этих ресурсов и создает массовую культуру на основе использования или отказа от этих ресурсов. Массовая культура не исходит от правящего класса. Она создается общественностью. Культурная индустрия, контролируемая правящим классом, предназначена для широкой публики. Ее ресурсный характер позволяет им выбирать из этих товаров то, что им нужно, и на этих товарах они могут создавать свою собственную культуру. Для правящего класса значение рваных джинсов – это то, чего они не понимают. Публика рвет джинсы и придает им новое значение, и это значение создается ими самими. Эти ресурсы, предоставляемые культурной индустрией, дали общественности основную ресурсную гарантию для развития массовой культуры. На этой основе общественность в дальнейшем создала свою собственную культуру, что показывает, что культурная индустрия не может полностью влиять на общественность. У общественности есть собственная инициатива и выбор, и она может создавать свою собственную культуру. собственная популярная культура в различных культурных товарах. Другими словами, общественность находится в активном состоянии, а не в пассивном, как считает Франкфуртская школа.

Разница между пониманием культурной индустрии Фиском и Франкфуртской школой заключается в том, что он признает, что общественность находится в активном и динамичном состоянии, а не пассивно принимает на себя крещение культурной индустрией. Это правда,

что общественности очень трудно производить свои собственные культурные товары в современном мире. капиталистическое индустриальное общество, но это не означает, что общество не может владеть своей собственной культурой, и нельзя полностью верить в то, что общество не будет иметь никакого самоценности, поэтому Фиск считает, что культура не просто экспортируется как продукт, культура – это скорее процесс производства смысла, и общество не может быть полностью самоценным. публика – это не пассивный индивид, который слепо принимает происходящее, а может проявить инициативу. Субъект производственного значения – в этом также заключается его отличие от Франкфуртской школы.

Профессор Дин Лицунь упомянул в статье “Культурная практика”: в рамках родословной практической философии – теории “Культурной практики” ранних направлений культурологических исследований мысли”, что “направления культурологических исследований мысли должны обращать внимание на популярную культурную практику”, “С момента возникновения традиционной практической философии, она так и не смогла избавиться от своего элитарного колорита.” [3.С.36] Все это в точности подтверждает теорию Фиска о популярной культуре, а теория Фиска действительно может основываться на практике, и она также лучше преодолевает узость традиционной философской элитарности. Именно потому, что его теория основана на практике и близка к повседневной жизни людей, его теория имеет руководящее значение. Потенциал и творческая жизнеспособность популярной культуры, которые он обнаружил, являются преимуществами его теории, и это преимущество также может принести определенный направляющий эффект, чтобы люди могли увидеть потенциал развития популярной культуры, а также позволить широкой публике увидеть их собственное творчество.

Литература

1. Тао Дунфэн. По ту сторону элитарности и пессимизма – о теории популярной культуры Фиска. // Академический обмен, № 6, 1998.
2. Лу Чжэ. Производство и распространение смысла – обзор книги Фиска “Телевизионная культура”. // Журналистика и коммуникационные исследования, № 4, 1998.
3. Дин Лицунь. “Культурная практика”: в русле практической философии – теория “культурной практики” ранних направлений культурных исследований. // Философские исследования, № 1, 2022.
4. Сунь Мими. Анализируя теорию популярной культуры Фиска. // Журнал Гуйлиньского педагогического колледжа, 2014.

5. Лу Даофу. Обзор исследований Джона Фиска по теории популярной культуры. // Академические исследования, 2003.
6. Цзян Хуа. Интерпретация и переосмысление теории популярной культуры Фиска. // Академический обмен, 2005.

THE STUDY OF JOHN FISKE'S THEORY OF POPULAR CULTURE

Song Yubo

Philosophical Institute of Heilongjiang University

Popular culture and the definition of the public occupy a key position that influences the overall situation in the study of popular culture by any theorist. Fiske constantly interprets the public through his own understanding of the public and popular culture in order to better demonstrate the creativity and autonomy of the public. The article begins with two definitions of public and popular culture, shows the unique characteristics of the public and highlights the difference between the public and the masses. The difference between the public and the masses in this article and in the Fiske system differs from the previous ones. The difference was expressed, and then a textual model of popular culture was created, and since the public can always actively dig into the meaning of the program that meets its own wishes, the confrontational nature of the popular text is proposed. Fiske holds opinions that differ from those of the Frankfurt School. He believes that the public cannot be deceived or kept in the dark. The public has creative potential and is selective in creating cultural industry products. The cultural industry provides the public with resources only for the development of popular culture. At the same time, Fiske also explains the differences with the Frankfurt School. The attitude towards the public should not be negative. In various cases and scenarios, a true understanding of the public's resistance to compilation and recognition of the public's internal autonomy will help to better understand the essence of the publication, as well as realize the true potential of the publication and the public.

Keywords: John Fiske; Popular culture; Cultural philosophy.

References

1. Tao Dongfeng. Beyond Elitism and Pessimism: A Review of Fisk's Theory of Popular Culture. Academic Exchange, No. 6, 1998.
2. Lu Zhe. Production and Distribution of Meaning: A Review of Fisk's Book "Television Culture". Journalism and Communication Studies, No. 4, 1998.
3. Ding Liqun. "Cultural Practice": In the Context of Practical Philosophy: A Theory of "Cultural Practice" in Early Cultural Studies. Philosophical Studies, No. 1, 2022.
4. Sun Mimi. Analyzing Fisk's Theory of Popular Culture. Journal of Guilin Normal College, 2014.
5. Lu Daofu. A Review of John Fisk's Research on Popular Culture Theory. Academic Studies, 2003.
6. Jiang Hua. Interpretation and rethinking of Fisk's theory of popular culture. // Academic exchange, 2005.

Формирование креативного мышления в условиях коворкинга: педагогическая урбанистика как инструмент образовательной среды

Суховская Дарья Николаевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, ФБГОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

E-mail: daria.sukhovskaya@yahoo.com

Ермакова Лариса Ивановна,

доктор философских наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, ФБГОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

E-mail: Ermakova@pgu.ru

Объектом исследования являются студенты, принимающие участие в программе формирования креативного мышления в пространстве для совместной работы. Цель исследования – определить эффективность программы формирования креативного мышления у обучающихся в условиях коворкинга. Методы исследования: организация пространства, стимулирование взаимодействия, анкетирование, наблюдение, тестирование и анализ результатов эксперимента, поддержка и обратная связь. Научная новизна исследования заключается в том, что оно представляет собой систематическое исследование (эксперимент), посвященное формированию креативного мышления в пространстве коворкинга, предполагая изучение влияния совместного пространства на развитие креативности участников. Результаты эксперимента показали повышение показателей в экспериментальных группах по сравнению с контрольными, что доказывает эффективность предложенной гипотезы данного исследования.

Ключевые слова: инновации в образовании, образовательный коворкинг, креативное пространство, экспериментальное исследование, результаты исследования.

Введение

Актуальность настоящего исследования можно охарактеризовать как социальный запрос государства, общества, системы образования. В современном обществе, национальной экономике и в современной отечественной образовательной системе, существует запрос на формирование креативной личности. Креативное мышление – компонент функциональной грамотности, на формирование которой нацелены ФГОС всех уровней, в том числе и высшего образования. В настоящей статье, автор предлагает к рассмотрению собственный опыт формирования креативности студентов, посредством их обучения в коворкинге.

Научная статья описывает процесс разработки гипотезы и проверки ее эффективности путем создания модели реализации организационно-педагогических условий формирования нового уровня креативности обучающихся.

Специфика данной опытно-экспериментальной работы заключалась в том, чтобы не просто внедрить и оценить результаты освоения предложенного авторского курса: она ставила своей целью провести ряд логически последовательных методологических, методических и организационных процедур, способствующих созданию прочного базиса для формирования креативности студентов именно в образовательном развивающем пространстве коворкинга.

Работа по созданию и внедрению в практику соответствующих авторской модели организационно-педагогических условий, а также настройка признанных наиболее приемлемыми в данной парадигме процессов, проводилась в формате эксперимента на протяжении 4-х лет. В рамках данного временного отрезка, автором настоящей статьи, был реализован ряд мероприятий, объединенных логикой развертывания проектной деятельности обучающихся и направленных на овладение ими новыми знаниями и навыками, необходимыми для развития креативности, были организованы воркшоп EсоGo, проектная деятельность и практика в профильных организациях, кроме этого организовали и провели вместе с обучающимися ряд мероприятий просветительской направленности (выставки, презентации, лекции).

Ведущее место отводилось внедрению курса «ОТ ИДЕИ К СТАРТАПУ», предназначенного для пропаганды и обучения подобранных автором методик, стимулирующих процесс продуцирования идей за счет формирования новых навыков развития собственной креативности и применения полученных знаний в практической деятельности.

Реализация поставленной цели указывает на решения следующих **исследовательских задач**:

- выяснить, насколько обучающиеся замотивированы к тому, чтобы приложить определенные дополнительные усилия для развития собственной креативности;
- проверить на практике выявленные автором в процессе исследования организационно-педагогические условия развития креативности будущих дизайнеров в условиях образовательного пространства коворкинга;

- воплотить в жизнь на практике идеи, заложенные в программу авторского курса «ОТ ИДЕИ К СТАРТА-ПУ», направленные на дальнейшее формирование креативности обучающихся в условиях образовательного коворкинга;
- проанализировать итоги обучения по программе курса «ОТ ИДЕИ К СТАРТАПУ» с точки зрения актуальности и продуктивности упомянутых организационно-педагогических условий становления и развития креативности обучающихся в пространстве образовательного коворкинга.

описанию хода работы и итогов экспериментального этапа, приведены результирующие показатели, по которым можно говорить о наличии (или отсутствии) перемен в области

Рассмотрим модель развития творческих способностей студентов в образовательной среде коворкинга:

1. Описание модели:

Цель: развитие творческого мышления у обучающихся посредством практической деятельности в условиях совместной работы.

Этапы формирования:

- изучение концепции коворкинга: предъявление студентам идеи совместной работы, обмена знаниями;
- координация групповых работ: организация групп для совместных мероприятий, поддержка группового творчества.

Интерактивные занятия и тренинги: подготовка по методикам развития творческих способностей стимулирование креативного мышления.

Индивидуальная работа и анализ: осуществление как индивидуальных, так и групповых рефлексивных сессий для исследования результатов и определения современных возможностей.

Организационно-педагогические условия развития творческих способностей студентов в образовательной среде коворкинга:

- формулирование конечной цели развития творческих способностей студентов;
- подбор педагогического состава, психологов и квалифицированных специалистов по творческому мышлению для проведения соответствующих мероприятий;
- применение интерактивных походов, игровых методик и заданий для развития творческого мышления;
- содействие участникам в процессе развития, а так же поддержка активности и оригинальности;
- обратная связь на регулярной основе от экспертов и преподавателей для оптимизации процесса развития.

Материал исследования: профессионально составленные опросы (формуляры) для оценки уровня творческих способностей участников эксперимента до и после присутствия в коворкинге, задания на карточках по стимулированию творческих способностей, запись видеоматериалов семинаров и обсуждений участников эксперимента для последующего изучения.

Методы исследования:

- мониторинг за участниками эксперимента коворкинга в течение определенного временного интервала;
- проведение анкетирования участников эксперимента для определения их оценки коворкинга как среды для формирования творческого мышления;
- проведение групповых обсуждений опыта и точек зрения участников эксперимента.

Теоретической базой при проведении эксперимента (исследования) послужили модели структуры интеллекта, исследовавшие данный феномен, в частности

Дж.П. Гилфорд, создавший тесты дивергентной продуктивности (способности индивидуума к поиску множества вариантов решений одной проблемы), часто приводящему к неожиданным результатам. Первые десять из четырнадцати тестов предполагают словесный ответ, последние четыре – представление изобразительного содержания [4, с. 99–100]. В среде психо диагностов эти тесты не считаются безусловно надежными, так как в силу некоторых особенностей требуют непременно участия высококвалифицированного специалиста. Гилфорд выделил ряд компонентов креативности, таких как оригинальность, обусловленная ассоциативностью и небанальностью мышления; семантическая (в том числе и спонтанная) гибкость, предполагающая способность к поиску новых вариантов использования предмета (в том числе и нестандартных) и генерированию большому количеству идей; навык увидеть предмет совершенно по-другому, обнаружить несвойственные ему способы использования, или адаптивная гибкость [5].

К основным ученый добавил впоследствии еще несколько дополнительных компонентов, и в первую очередь – умение работать с проблематикой, высокую продуктивность в плане производства множества разнообразных идей, неординарность в плане ответа на внешние вызовы и раздражители, а также более глубокие специальные компоненты, связанные с умением понимать, структурировать и улучшать характеристики объекта, а также способность вникать в суть задачи и осознавать ее содержание с использованием знаний из различных областей [12].

Одним из последователей Гилфорда считается исследователь природы творчества, создатель ТОТМТ Э.П. Торренс, его тесты оценки творческого мышления предполагали диагностирование развитости дивергентного мышления всего по четырем параметрам. Разработанные с учетом некоторых положений теории Дж. Гилфорда, проведенные на нескольких тысячах школьников, Миннесотские тесты считаются сегодня наиболее эффективным методом диагностики креативности, которые направлены на выявление детей с творческим потенциалом, исследование динамики и развития одаренности, а также на индивидуализацию обучения [10].

На моделировании реальной познавательной ситуации построен психодиагностический метод Д.Б. Богоявленской, который за более чем три десятилетия использования получил солидное экспериментальное подтверждение. «Креативное поле» [5], являясь процессуальной диагностикой, где процесс смоделирован в эксперименте, причем креативность здесь связана с личностной мотивацией, то есть речь идет и о «внешних», и о «внутренних» задачах. Кроме этого, методика провоцирует «выход за пределы заданного». Эксперимент реализуется в два этапа: предварительное обучение приемам работы и решение двенадцати задач.

Сарнофф А. Медник считал основой творчества ассоциативное мышление, созданный им тест на отдаленные ассоциации (RAT) используется для измерения конвергентного творческого мышления, методика была адаптирована под русский язык в лаборатории психологии способностей Института психологии Российской академии наук. В русском варианте она имеет название «Тест вербальной креативности».

Кроме перечисленных, следует упомянуть экспресс-метод Д. Джонсона, используемый в качестве дополнения к тестам дивергентной продуктивности Гилфорда и ТОТМТ; рейтинговые шкалы Дж. Рензулли, использующиеся для экспертизы уровня развития познавательной творческой и лидерской сфер личности ученика; батарея тестов Ф. Вильямса для комплексной диагностики креа-

тивности у детей, адаптированная Е.Е. Туник на российской выборке; «Свобода ассоциаций» (образная креативность) З. Зиверта – тест, способный определить гипотетичность и вариативность мышления; инструмент тестирования для выявления способностей, которые не идентифицируются другими тестами, в частности, метод «устных историй» Р. Стейнберга; художественная шкала Баррона-Уэлша, предполагающая создание анализирующихся психологом изображений; тест К. Урбана как инструмент выявления специфики проявления креативности молодых людей с художественной и интеллектуальной одаренностью [3, с. 56–59]; методика диагностики при помощи фотографии, предложенный Р. Зиллером [2, с. 23–28]; адаптация и модификация тестов зарубежных авторов на российской выборке, принятая Е.Е. Туник [8].

Программа исследования:

- разделение учащихся на две группы – контрольную (КГ) и экспериментальную (ЭГ).
- проведение опросов с участниками эксперимента по данным показателям;
- обработка результатов эксперимента.

Результаты тестирования обрабатывались программой для работы с электронными таблицами Microsoft Excel.

Место проведения эксперимента

Опытно-экспериментальный этап проходил с две 2019–2023 годы на базе ФГБОУ ВО «Пятигорский госуниверситет», в состав экспериментальной и контрольной групп были включены 113 студентов университета.

Характеристика участников эксперимента:

1. Возраст и образование:

- участниками эксперимента являлись студенты старших курсов высшего педагогического учебного заведения, в возрасте от 20 до 25 лет;
- участники эксперимента обучались на педагогических специальностях и обладали начальными знаниями в области педагогики.

2. Степень мотивации:

- участники эксперимента были наиболее мотивированы к развитию творческого мышления и проявили интерес к современным методикам в процессе обучения и развитию индивидуальных компетенций.

3. Опыт преподавания:

- отдельные участники эксперимента имели опыт педагогической стажировки в средних образовательных учреждениях.

4. Стремление к нововведениям:

- большая часть участников эксперимента проявляли интерес к современным подходам в образовательном процессе;

- участников эксперимента проявляли желание использовать новые методики в собственной образовательной деятельности в будущем.

5. Социальный контекст:

- многообразная социокультурная среда участников эксперимента, которая способствовала не только обмену опытом, но и возможностями.

6. Групповое взаимодействие:

- участники эксперимента распределены по группам для проведения коллективных мероприятий;
- стимулирование совместного творчества и взаимодействия.

Методики:

- групповое обучение, мозговой штурм для активизации творческого мышления (*Brainstorming Sessions*);

- методика дизайнерского мышления для расширения возможностей к решению проблем и новых разработок (*Design Thinking Workshops*);

- задания на художественное самовыражение для личной реализации креативности (*Artistic Expression Exercises*).

Статистическая обработка данных:

- для анализа результатов использовался программный пакет SPSS (Statistical Package for the Social Sciences) для проведения статистического анализа данных, включая средние значения, стандартные отклонения и корреляционный анализ;
- корреляционный анализ, который был проведен для определения связи между активностью участников эксперимента в коворкинге и уровнем развития творческого мышления. Выявлена прямая корреляция между временем, выполненным в коворкинге, и улучшением эффективности тестов на креативность ($r = 0.7$, $p < 0.01$).
- тест применялся для сопоставления средних показателей результатов тестов на творческое мышление до и после совместного применения пространства. Данные свидетельствуют о статистически значимом увеличении показателей после участия в эксперименте ($p < 0.05$).

Первый этап проведения эксперимента

На первом этапе эксперимента было организовано специальное образовательное пространство коворкинга. При создании и оснащении этого пространства были учтены требования исследуемой модели, а также ожидания самих обучающихся, которые удалось выявить с помощью анкетирования, проведенного среди представителей контрольной (КГ) и экспериментальной (ЭГ) групп. Анкета была создана в Google-форме и включала двенадцать вопросов, большинство из которых были закрытыми, однако участникам иногда предлагалось указать вариант «другое» или выбрать сразу несколько ответов.

В результате проведенного опроса оказалось, что почти треть опрошенных (32%) не считает важным пространство, в котором осуществляется их творческая работа, а примерно половина из них (17%) полагает, что специально организованная креативная среда может даже ухудшить их результативность. Кроме того, 15% участников вообще отрицают, что внешние условия способны каким-либо образом влиять на творческую продуктивность. Вместе с тем большая часть опрошенных всё же признаёт позитивное влияние атмосферы образовательного коворкинга на эффективность творческой работы.

Согласно результатам анкетирования, основным фактором, формирующим позитивный настрой в коворкинге, оказалась музыка (62% участников). Около 40% респондентов положительно отзывались о неформальном интерьере, который включал предметы искусства и элементы природного ландшафта. Две трети обучающихся отметили благоприятное влияние среды коворкинга на своё эмоциональное состояние; более половины участников назвали созданную атмосферу творческой, а около трети посчитали её необычной и вдохновляющей. Таким образом, все элементы образовательного коворкинга воспринимаются творческой молодёжью как значимые: любые мелочи, усиливающие атмосферу пространства, способны положительно повлиять на креативность.

Также было изучено, какие факторы в пространстве коворкинга способны ухудшить эмоциональное состояние и снизить продуктивность. Две трети участников назвали в качестве основного отвлекающего фактора

шум, а более половины (53%) отметили недостаточную освещённость и неоптимальный микроклимат.

Опрос подтвердил выводы, известные из научной литературы, что физическая активность способна оказывать влияние на мыслительную активность и продуктивность. Почти 70% респондентов согласились с тем, что занятия физкультурой положительно отражаются на их работоспособности.

Половина обучающихся высказалась в пользу специально организованного творческого пространства для продуктивной деятельности. 23% участников заявили, что не нуждаются в особых условиях и могут работать где угодно, а остальные наиболее эффективно выполняют творческие задачи дома.

Наиболее важным фактором самореализации молодёжь назвала личностную мотивацию (73% участников), а почти 60% отметили необходимость чёткого понимания цели своей деятельности. Для 40% опрошенных основной целью является стремление выразить себя, а около четверти молодых людей указали, что ищут признания своих достижений со стороны значимых для них людей.

Самореализация в профессиональном плане для двух третей респондентов начинается с признания результатов своей работы внутри группы сверстников и однокурсников. На данном этапе обучающиеся не чувствуют себя достаточно уверенно для представления своих творческих результатов более широкой аудитории, в связи с чем 11% опрошенных подчеркнули необходимость психологической защищённости и комфортных условий при презентации своих работ.

Форматы работы

По поводу приоритета группового или индивидуального формата работы над задачей были высказаны различные мнения: четверть опрошенных предпочитают творить в одиночестве, десятая часть – только в команде, а почти треть считает, что форма должна соответствовать содержанию, то есть исходить в выборе того или иного формата организации процесса следует из наибольшей эффективности в каждом конкретном случае. Относительно организации работы в образовательном пространстве это означает, что в нем должны быть заложены возможности для различных форматов сотворчества.

Методы обучения

Отношение к очному и дистанционному способу получения знаний, необходимых для становления креативности, распределилось следующим образом: среди опрошенных оказалось больше сторонников очного группового формата (64%), чем очного индивидуального – 44%, всего 9%, высказались за дистанционную работу в группе и 13% – за индивидуальную дистанционную. Очевидно, что сторонников очного обучения подавляющее большинство.

Роль педагога (наставника)

Работа над формированием креативности студента невозможна без непосредственного участия старшего наставника. Формы сотрудничества могут различаться, но полное исключение этой фигуры из процесса не представляется целесообразным. Более того, обе стороны должны предпринять определенные усилия для того, чтобы это сотрудничество было плодотворным. Это подтверждают и результаты проведенного опроса: более половины респондентов отметили, что личность наставника и формат взаимодействия с ним влияют на творческую продуктивность всегда, 40% оценили эти влияния термином «иногда», и лишь 5% заявили, что подобного влияния не замечают – видимо, они ощущают себя в творчестве достаточно уверенно.

Около 8%, то есть подавляющее большинство будущих дизайнеров, нуждаются лишь в координации своей деятельности со стороны педагога, и лишь 23% готовы работать под постоянным руководством и контролем. Чаще все-таки молодые люди нуждаются в поощрении и поддержке со стороны более опытного творца, состоявшегося в профессии и в жизни.

Опыт показывает, что у студентов возникают проблемы с выполнением заданий, предполагающих полет творческой мысли в четко заданных параметрах. Молодые люди не всегда умеют совместить два этих понятийных пласта, теряются. Это отразилось и в ответах на вопрос о влиянии заданных параметров на продуктивность. Почти половина, 45%, высказались против наличия любых ограничивающих творчество условий, особенно если они, по мнению будущих дизайнеров, «загоняют» их мысль в рамки существующих шаблонов.

В то же время четверть респондентов, наоборот, предпочитают четкость при постановке задачи – это помогает им, не тратя время на бесплодные фантазии, сразу приступить к созданию искомого продукта.

Единственный вид ограничений (условий), который приветствуют обе группы – ограничения по срокам, так как они способны выступать в качестве стимула для успешной деятельности.

Еще треть опрошенных затруднились с ответом на вопрос.

Проанализировав информацию, полученную в ходе опроса, автор утвердился в верности предположения о необходимости соблюдения организационно-педагогического условия, предполагающего наличие специально выделенного и оборудованного образовательного пространства коворкинга для успешного формирования креативности обучающихся в максимально благоприятствующих этому процессу условиях.

Второй этап эксперимента

Второй этап эксперимента был направлен на выявление степени эффективности инструментов, предназначенных для оценки уровня креативности участников экспериментальной и контрольной групп. Анализируя специализированную литературу по рассматриваемой проблематике, автор определил целесообразность применения ряда методик, включающих наблюдение, а также разнообразные опросные инструменты, различающиеся по форме и глубине проработки и специально разработанные для целей данного исследования. При этом предпочтение было отдано двум адаптированным А. Туник вариантам тестов Торренса [9].

В первом тесте испытуемым предлагалось завершить десять предложенных изображений до стадии их визуально завершённого образа, сопровождая каждое название придуманным наименованием, а во втором – выполнить аналогичное задание с одним исходным изображением. Полученные результаты анализировались с использованием технологии, предложенной Е.С. Шелестовой [11]. При оценке результатов выполнения заданий учитывались следующие показатели: беглость, характеризующаяся скоростью и продуктивностью ответов; гибкость, проявляющаяся в разнообразии применяемых стратегий и способности адаптироваться к изменяющимся условиям; оригинальность, выраженная в способности испытуемого выдвигать нестандартные решения, порой противоречащие общепринятым представлениям о способах использования заданных объектов; тщательность проработки (разработанность), отражающая профессионализм и способность доводить идею до степени её практического применения.

Создатель теста обращал внимание на возможность выявления более высокого уровня творческого мышления у тех испытуемых, которые объединяли несколько исходных изображений в одно целостное, что, по его мнению, заслуживает дополнительных баллов: за слияние двух фигур начисляется два балла, от трёх до пяти фигур – пять баллов, от шести до десяти фигур – десять баллов [7, с. 305]. Однако в ходе настоящего исследования подобных проявлений творческого мышления у испытуемых не зафиксировано.

Оценив результаты второго задания по аналогичным критериям и методике обработки, автор затем суммировал показатели обоих тестов с целью комплексного выявления уровня креативности каждого испытуемого. Указанные показатели рассматривались в контексте взаимодействия всех компонентов креативности на трёх уровнях её выраженности: реконструктивном («Рк»), предполагающем глубокое переосмысление объекта и принципиальные изменения его структуры; вариативном («В»), связанном с внесением частных изменений при сохранении исходной основы; продуктивным («П»), ориентированном на создание нового содержания или ценности.

В период 2021–2022 гг. было организовано панельное исследование с целью диагностики уровня креативности обучающихся первых трёх курсов. Оценка уровня креативности испытуемых из экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) групп осуществлялась на констатирующем и завершающем этапах эксперимента в групповой форме с соблюдением обязательных условий проведения процедуры (предварительное инструктажное сопровождение, точная фиксация времени выполнения заданий, обеспечение рабочей атмосферы и присутствие ведущих).

Статистическая обработка полученных данных осуществлялась посредством электронных таблиц Microsoft Excel. В результате обработки данных установлено, что среди участников контрольной группы на контрольном этапе реконструктивный уровень креативности продемонстрировали 24% испытуемых, тогда как вариативный и продуктивный уровни зафиксированы почти в равной степени (около 38% каждый). В экспериментальной группе вариативный уровень выявлен у 37% испытуемых, продуктивный – у 36%, реконструктивный – почти у 27%. Проведённая диагностика позволила констатировать, что уровень креативности участников обеих групп был примерно одинаковым: испытуемые полностью выполнили предложенные задания, однако продемонстрировали недостаточную вариативность идей и стратегий решения творческих задач, а также отсутствие навыка глубокой и системной проработки предложенных идей.

В 2021–2022 учебном году была реализована экспериментальная программа курса «От идеи к стартапу», нацеленная на развитие креативности обучающихся посредством создания необходимых организационно-педагогических условий в пространстве коворкинга [6, с. 115]. В рамках реализации программы эксперимента были апробированы ранее отобранные методы, а также в оперативном порядке внедрялись дополнительные инструменты, учитывающие возникающие запросы обучающихся. Наряду с этим программа курса дополнялась специально организованными внеучебными мероприятиями, ориентированными на повышение уровня креативности участников эксперимента.

На завершающем этапе была проведена повторная диагностика эффективности методик и форм работы, направленных на развитие креативности участников экспериментальной группы. Для этого использовалась специально разработанная анкета, включающая двенад-

цать вопросов, среди которых имелись как закрытые вопросы, так и вопросы, допускающие выбор нескольких вариантов ответов, а также возможность свободного ответа «другое».

Выводы

Результаты исследования показали следующее.

Было подтверждено предположение о положительном педагогическом воздействии на обучающихся, включённых в состав ЭГ, методики курса «ОТ ИДЕИ К СТАРТАПУ» в плане развития креативности, в первую очередь это касается формирования компонентов, считающихся основополагающими: Гибкость, Оригинальность, Разработанность. Участники КГ, креативность которых развивалась в процессе обучения по общепринятой вузовской программе подготовки дизайнеров, не продемонстрировали роста уровня по данным компонентам, кроме оригинальности, однако и этот рост был в два раза менее значимым, чем у участников ЭГ.

К заметным позитивным итогам экспериментального внедрения курса «ОТ ИДЕИ К СТАРТАПУ» стоит отнести и повышение общего уровня активности его участников, выразившееся в их большей открытости и включённости в проектную деятельность, в явном стремлении к самореализации за счёт участия в профориентационных внеучебных мероприятиях, в том числе в открытых творческих конкурсах.

Заключение

В рамках заключительного этапа была проведена диагностика динамики показателей креативности в экспериментальной и контрольной группах путем проведения опросов на основании специально разработанных (авторских) анкет, включенного наблюдения, собеседований, а также тестирования по методике Торренса, адаптированной Е.Е. Туник для российской аудитории; применения статистических методов исследования освоенности участниками обеих групп компонентов креативности на реконструктивном, вариативном и продуктивном уровнях.

Результаты эксперимента показали повышение показателей в экспериментальных группах по сравнению с контрольными, что доказывает эффективность предложенной гипотезы данного исследования.

Литература

1. Богоявленская, Д.Б. Диагностика становления творческой личности. / Д.Б. Богоявленская // *Psyjournals.ru*. 1980. 180 с. [Электронный ресурс]. URL.: file:///C:/Users/asus/Downloads/esche-raz-o-kreativnom-pole.pdf (дата обращения: 11.06.2024).
2. Варлакова, Ю.Р., Кривых Н.И. Современные форматы развития креативности обучающихся в процессе интеграции «школа-вуз». / Ю.Р. Варлакова, Н.И. Кривых – Текст: непосредственный // *Северный регион: наука, образование, культура*. 2023. № 1 (53). С. 23–28.
3. Долинская, Е.И. Творческая личность и креативность: обзор подходов и решений. / Е.И. Долинская – Текст: непосредственный // *Проблемы психолого-педагогической антропологии: ежегодник научно-методологического семинара: сборник научных статей*. 2018. № 8. С. 56–59.
4. Матренина, Е.И. Проектная и исследовательская деятельность как средство формирования творческой и интеллектуальной личности. / Е.И. Матрени-

на – Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2020. № 28 (318). С. 99–100.

5. Пчелина, О.В. Зрелый поступок: творческий процесс и креативность личности. / О.В. Пчелина – Текст: непосредственный // Научное мнение. 2020. № 11. С. 83–92
6. Суховская, Д.Н. «Ризоматическая система» образовательных практик креативных пространств города. / Д.Н. Суховская – Текст: непосредственный // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 5. С. 114–116.
7. Суховская, Д.Н. Концептуализация результатов реализации педагогической технологии образовательного коворкинга. / Д.Н. Суховская – Текст: непосредственный // Kant. 2024. № 1(50). С. 300–305
8. Туник, Е.Е. Опросник креативности Джонсона. / Туник Е.Е. // Школьный психолог. 2000. № 47. [Электронный ресурс]. <http://psy.1september.ru/article.php?ID=200004708>(дата обращения: 04.03.2024).
9. Туник, Е.Е. Психодиагностика творческого мышления. Креативные тесты. / Туник Е.Е. СПб.: Изд-во «Дидактика Плюс», 2002. 61 с.
10. Чернов, С.В., Шаповалов, В.И. Концептуальная триадическая модель творческого развития личности: философско-педагогические аспекты. / С.В. Чернов, В.И. Шаповалов – Текст: непосредственный // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 3. С. 62.
11. Шелестова, Е.С. Технология формирования креативности студентов-дизайнеров в процессе профессиональной подготовки: диссертация кандидата педагогических наук. / Е.С. Шелестова – Текст: непосредственный // Москва, 2015. 231 с.
12. Guilford J.P. Creativity: Yesterday, Today and Tomorrow. / J.P. Guilford // APA Psycnet 1967. № 1. [Электронный ресурс]. URL.: <https://psycnet.apa.org/record/1967-10453-001>(дата обращения: 13.02.2023).

FORMATION OF CREATIVE THINKING IN A CO-WORKING ENVIRONMENT

Sukhovskaya D.N., Ermakova L.I.
Pyatigorsk State University

The object of the research is students participating in a creativity development program within a coworking space. The aim of the research is to determine the effectiveness of this creativity-building program among learners operating in coworking conditions. Research methods include spatial organization, interaction facilitation, questionnaires, observation, testing, experimental result analysis, support, and feedback. The scientific novelty lies in the systematic

nature of this experiment, which investigates how shared coworking environments influence participants' creativity development. Experimental results revealed increased creativity indicators in experimental groups compared to control groups, thus confirming the effectiveness of the proposed research hypothesis.

Keywords: innovations in education, educational co-working, creative space, experimental research, research results.

References

1. Bogoyavlenskaya, D.B. Diagnostics of creative personality formation. / D.B Bogoyavlenskaya // Psyjournals.ru. 1980. 180 c. [Electronic resource]. URL: <file:///C:/Users/asus/Downloads/esche-raz-o-kreativnom-pole.pdf> (date of reference: 11.06.2024).
2. Varlakova, Yu.R., Krivykh N.I. Modern formats of development of creativity of students in the process of integration "school-university". / Y.R. Varlakova, N.I. Krivykh – Text: direct // Northern region: science, education, culture. 2023. № 1 (53). С. 23–28.
3. Dolinskaya, E.I. Creative personality and creativity: a review of approaches and solutions. / E.I. Dolinskaya – Text: direct // Problems of psychological and pedagogical anthropology: year-book of scientific and methodological seminar: a collection of scientific articles. 2018. № 8. С. 56–59.
4. Matrenina, E.I. Project and research activity as a means of forming a creative and intellectual personality. / E.I. Matrenina – Text: direct // Young scientist. 2020. № 28 (318). С. 99–100.
5. Pchelina, O.V. Mature act: creative process and creativity of personality. / O.V. Pchelina – Text: direct // Scientific opinion. 2020. № 11. С. 83–92
6. Sukhovskaya, D.N. "Rhizomatic system" of educational practices of creative spaces of the city. / D.N. Sukhovskaya – Text: direct // Socio-humanitarian knowledge. 2022. № 5. С. 114–116.
7. Sukhovskaya, D.N. Conceptualisation of the results of the implementation of pedagogical technology of educational co-working. / D.N. Sukhovskaya – Text: direct // Kant. 2024. № 1(50). С. 300–305
8. Tunik, E.E. Johnson's creativity questionnaire. / Tunik E.E. // School psychologist. 2000. № 47. [Electronic resource]. <http://psy.1september.ru/article.php?ID=200004708>(date of address: 04.03.2024).
9. Tunik, E.E. Psychodiagnostics of creative thinking. Creative tests. / Tunik E.E. SPb.: Izdvo "Didaktika Plus", 2002. 61 c.
10. Chernov, S.V., Shapovalov, V.I. Conceptual triadic model of creative development of personality: philosophical and pedagogical aspects. / S.V. Chernov, V.I. Shapovalov – Text: direct // Modern problems of science and education. 2021. № 3. С. 62.
11. Shelestova, E.S. Technology of creativity formation of design students in the process of professional training: dissertation of candidate of pedagogical sciences. / E.S. Shelestova – Text: direct // Moscow, 2015. 231 c.
12. Guilford J.P. Creativity: Yesterday, Today and Tomorrow. / J.P. Guilford // APA Psycnet 1967. № 1. [Electronic resource]. URL: <https://psycnet.apa.org/record/1967-10453-001>(date of reference: 13.02.2023).

Философия и эстетика европейской трубы в китайской академической музыке

Сяо Хуачуань,

аспирант, Владимирский государственный университет

E-mail: 370602791@qq.com

Данное исследование анализирует философские и эстетические аспекты адаптации европейской трубы в китайской академической музыке, раскрывая сложный процесс культурного синтеза. Европейская труба, традиционно ассоциирующаяся с западным рационализмом и героическим звучанием, в китайском контексте переосмысливается через призму даосско-конфуцианских категорий гармонии («инь-ян», «ци»). Автор исследует трансформацию тембра, исполнительских практик и символических значений инструмента, подчеркивая его роль как медиатора между культурами. Методологическая база включает концепции культурного трансфера (Лотман, Кассирер) и эстетики музыкального восприятия (Адорно, Липпс). Работа выявляет как позитивные эффекты обогащения китайской музыки, так и риски утраты традиционной идентичности инструмента.

Ключевые слова: Европейская Труба, Китайская Академическая Музыка, Культурный Трансфер, Кросс-Культурная Эстетика, Адаптация Инструментов.

Введение

Европейская труба, обладая глубоким историко-культурным значением в западной музыкальной традиции, в китайском академическом контексте приобретает новые философско-эстетические измерения. Ее адаптация отражает не просто механическое заимствование инструмента, а сложный процесс культурного диалога, где западные и восточные парадигмы звуковосприятия вступают в интеллектуальное взаимодействие.[1] В китайской академической музыке труба перестает быть исключительно носителем европейской идентичности, трансформируясь в символ синтеза рационального и духовного начал. Этот феномен требует системного анализа, поскольку затрагивает фундаментальные вопросы музыкальной семиотики, философии искусства и кросс-культурной коммуникации.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к гибридным формам академического искусства в условиях глобализации. Китай, сохраняя традиционные эстетические принципы, активно интегрирует западные инструменты, что порождает уникальные художественные явления. Европейская труба, с ее ярким тембром и техническими возможностями, становится объектом переосмысления через призму китайских категорий гармонии, таких как «инь-ян» или «ци». Подобная адаптация выходит за рамки чисто исполнительской практики, затрагивая проблемы культурной идентичности и художественного канона. Целью работы является выявление философских и эстетических закономерностей, определяющих место трубы в китайской академической музыке. Речь идет не только о стилистических заимствованиях, но и о глубинных механизмах восприятия звука, где западный рационализм сталкивается с даосско-конфуцианской концепцией музыки как средства гармонизации космоса. Научная новизна заключается в том, что впервые системно исследуется данный инструмент как медиатор между двумя культурными системами, что позволяет расширить понимание кросс-культурных процессов в современном музыкальном искусстве.

Данное исследование строится на пересечении музыковедения, философии культуры и компаративистики, что позволяет раскрыть многогранность поставленной проблемы. Анализ эстетических трансформаций трубы в китайском контексте открывает перспективы для дальнейшего изучения динамики взаимодействия западных и восточных художественных традиций в условиях формирования глобального культурного пространства.

Теоретико-методологические основы исследования

Анализ философских и эстетических аспектов адаптации европейской трубы в китайской академической музыке требует четкого методологического обоснования, объединяющего инструментарий философии культуры и музыковедения. В качестве теоретической базы исследования выступают концепции культурного трансфера, разработанные Ю.М. Лотманом и Э.[2] Кассирером, кото-

рые позволяют проследить механизмы переосмысления западного музыкального инструмента в иной культурной среде. Согласно данной парадигме, труба не просто переносится в китайский контекст, но подвергается сложной семиотической трансформации, в ходе которой приобретает новые значения, сохраняя при этом элементы исходной идентичности. Этот процесс не сводится к простому заимствованию, а представляет собой активный диалог культур, где каждая из сторон вносит свой вклад в формирование гибридного художественного языка.

Эстетика музыкального восприятия, разработанная Т. Адорно и Т. Липпсом, предоставляет ключевые категории для понимания того, как китайская традиция интерпретирует звуковой идеал европейской трубы.[3] Если в западной традиции акцент делается на технической виртуозности и тембральной яркости, то в китайском академическом дискурсе эти качества могут переосмысляться через призму традиционных представлений о гармонии и балансе. Теория акустического символизма Э. Ханслика дополняет этот анализ, позволяя рассматривать звучание трубы не только как физическое явление, но и как носитель культурных кодов, которые по-разному декодируются в западной и восточной традициях.[4]

Особое значение в данном исследовании приобретает понятие «академизации», которое описывает процесс интеграции традиционных или заимствованных инструментов в систему профессионального музыкального образования и исполнительской практики. В случае с европейской трубой в Китае этот процесс сопровождается не только освоением западной техники игры, но и адаптацией инструмента к местным эстетическим требованиям. Это проявляется в особенностях репертуара, манере звукоизвлечения и даже в конструктивных модификациях, направленных на достижение тембра, более соответствующего китайским представлениям о музыкальной выразительности. Предлагаемый методологический синтез позволяет подойти к изучению европейской трубы в китайском академическом контексте как к многомерному явлению, находящемуся на пересечении культурных, эстетических и музыковедческих дискурсов. Такой подход создает основу для последующего анализа конкретных проявлений этого феномена, включая его философские импликации и художественные последствия. Последующие разделы работы будут посвящены детальному рассмотрению этих аспектов, что в конечном итоге позволит сформулировать целостное понимание места и роли европейской трубы в современной китайской академической музыке.

Философия европейской трубы в китайском контексте

Проникновение европейской трубы в китайскую академическую музыкальную традицию представляет собой сложный процесс культурной рецепции, требующий глубокого философского осмысления. В западной традиции труба исторически ассоциируется с героическим началом, воинской доблестью и торжественностью, что отражает рационалистическую парадигму европейского музыкального мышления. Однако в китайском культурном пространстве этот инструмент приобретает принципиально иные коннотации, трансформируясь под влиянием местных философско-эстетических традиций. Семиотический анализ символики инструмента выявляет фундаментальное различие в его восприятии. Если в европейской традиции труба воплощает идею индивидуального самовыражения и технического совершенства, то в китайской интерпретации на первый план выходит ее способность гармо-

низировать звуковое пространство согласно принципам даосско-конфуцианской философии.[5] Концепция инь-ян находит свое отражение в поиске баланса между мощью звучания и тембральной мягкостью, между виртуозной пассаженностью и медитативной статикой.

Процесс адаптации трубы в китайской музыкальной культуре демонстрирует уникальный пример культурного синтеза. Технические параметры инструмента – его диапазон, динамические возможности, артикуляционные особенности – переосмысливаются через призму традиционных китайских представлений о музыкальном звуке. Европейская школа игры, делающая акцент на точности интонации и ритмической строгости, в китайском исполнении обогащается элементами местной мелизматики и особым отношением к тембровой нюансировке. Философское измерение этого процесса раскрывается через концепцию ци – жизненной энергии, которая в китайской традиции считается основой музыкальной выразительности. Исполнители на трубе в Китае стремятся не столько к демонстрации технического мастерства, сколько к передаче внутренней энергетики звука, что принципиально меняет саму природу инструментального музицирования. Такой подход приводит к возникновению гибридных форм звукоизвлечения, сочетающих европейскую школу с традиционными китайскими техниками дыхания.

Культурный диалог, осуществляемый через призму одного инструмента, выходит за рамки чисто музыкального явления. Труба становится своеобразным медиатором между западной концепцией музыки как искусства самовыражения и восточным пониманием музыкального действия как пути к гармонии. Это проявляется не только в исполнительской практике, но и в композиторском творчестве, где произведения для трубы все чаще включают элементы китайской мелодики и ладовой системы. Особого внимания заслуживает процесс символического перекодирования инструмента. В китайском академическом контексте труба постепенно утрачивает свою изначальную ассоциацию с военной и церемониальной музыкой, приобретает новые смыслы, связанные с идеями культурного синтеза и межкультурного диалога. Этот процесс отражает более общую тенденцию в современном китайском искусстве – стремление к творческому освоению западных форм при сохранении глубинной связи с национальной традицией.

Философский анализ данного феномена позволяет по-новому осмыслить динамику взаимодействия музыкальных культур в условиях глобализации. Китайская рецепция европейской трубы демонстрирует не пассивное заимствование, а активный процесс творческой трансформации, в ходе которого инструмент обретает новую культурную идентичность. Это открывает перспективы для дальнейшего исследования конкретных проявлений данного процесса в исполнительской практике и музыкальном творчестве, что будет рассмотрено в следующих разделах работы.

Эстетические аспекты адаптации европейской трубы в китайской академической музыке

Адаптация европейской трубы в китайской музыкальной традиции представляет собой сложный процесс эстетической трансформации, затрагивающий фундаментальные принципы звуковосприятия и исполнительской культуры. В западной академической традиции труба утвердилась как инструмент с ярко выраженным «героическим» тембром, предполагающим мощное, направленное звучание, соответствующее европейским представлениям о сольном исполнительстве и оркестровой доминанте. Однако в китайском музыкальном контексте

происходит переосмысление этих тембральных характеристик в соответствии с традиционной эстетикой, где ценятся камерность звучания, тембровая пластичность и тонкая нюансировка.[6] Тембральная трансформация европейской трубы в китайской исполнительской практике проявляется в особом подходе к звукоизвлечению. Китайские музыканты стремятся к достижению более мягкого, обертоново насыщенного звучания, что соответствует традиционным представлениям о «круглости» и «полноте» музыкального тона. Такой подход коренным образом отличается от западной школы, где приоритет отдается чистоте и яркости тембра. Это различие отражает более глубокие культурные дихотомии: если европейская традиция акцентирует индивидуальное самовыражение через мощь звука, то китайская эстетика ценит способность инструмента вписываться в общее звуковое пространство, создавая гармоничное целое.

Исполнительские практики китайских трубачей демонстрируют уникальный синтез технических приемов. Традиционная китайская мелизматика, характерная для народных инструментов типа дицзы или эрху, адаптируется для трубы, что приводит к возникновению новых артикуляционных возможностей.[7] Особое внимание уделяется технике дыхания, заимствованной из практики игры на бамбуковых флейтах, что позволяет достигать плавных тембральных переходов и тонкой динамической нюансировки. Эти элементы обогащают европейскую школу игры, привнося в нее характерную китайскую певучесть и фразировку.

Эстетическая адаптация проявляется и в репертуарных предпочтениях. Если в западной традиции для трубы характерны виртуозные концертные произведения, демонстрирующие технические возможности инструмента, то в китайском академическом репертуаре все большее место занимают камерные сочинения, где важную роль играет тембровая выразительность и способность инструмента к тонкому взаимодействию с другими голосами. Особенно показательно использование трубы в произведениях, сочетающих европейские формы с китайскими мелодическими и ладовыми элементами, где инструмент выступает как медиатор между культурными традициями.

Процесс адаптации европейской трубы в китайской музыкальной культуре имеет и технологическое измерение. Некоторые китайские производители вносят конструктивные изменения в инструмент, направленные на достижение более мягкого тембра, соответствующего местным эстетическим предпочтениям. Эти модификации, затрагивающие мундштучную часть и раструб, свидетельствуют о глубине культурной рецепции, выходящей за рамки чисто исполнительской практики. Эстетическая трансформация европейской трубы в китайском академическом пространстве представляет собой наглядный пример того, как технические характеристики инструмента переосмысливаются через призму иной культурной традиции.[8] Этот процесс не сводится к простому заимствованию, а представляет собой творческий синтез, результатом которого становится возникновение новых исполнительских традиций и эстетических критериев. Подобная трансформация открывает новые перспективы для развития инструмента, расширяя его художественные возможности и культурные функции.

Критический анализ последствий адаптации европейской трубы в китайской академической музыке

Процесс интеграции европейской трубы в китайскую музыкальную традицию представляет собой сложное яв-

ление, требующее всесторонней критической оценки. Анализ культурных и художественных последствий этого процесса выявляет как значительные достижения, так и потенциальные проблемы, связанные с межкультурным взаимодействием в сфере академического искусства.[9]

Позитивное влияние адаптации проявляется прежде всего в существенном расширении выразительных возможностей китайской академической музыки. Европейская труба привнесла в традиционный инструментарий новые тембровые краски и технические приемы, обогатив палитру китайских композиторов и исполнителей. Особую ценность представляет развитие ансамблевой культуры, где труба выступает в качестве связующего звена между европейскими и китайскими инструментами. Этот синтез способствовал возникновению новых жанровых форм и стилистических направлений в современной китайской музыке, демонстрирующих уникальное сочетание культурных традиций.

Важным достижением стало формирование оригинальной исполнительской школы, сочетающей технические достижения западной традиции с эстетическими принципами китайской музыки. Китайские трубачи разработали особый подход к звукоизвлечению, в котором мощь европейского звучания гармонично сочетается с традиционной китайской камерностью и тембровой нюансировкой. Этот синтез получил признание не только в Китае, но и на международной музыкальной сцене, способствуя диалогу культур. Однако процесс адаптации сопровождается и определенными культурными рисками, требующими серьезного осмысления. Основная проблема заключается в потенциальной утрате инструментом своей первоначальной идентичности. Интенсивная китаизация исполнительских приемов и репертуара может привести к размыванию характерных особенностей трубы как представителя европейской музыкальной традиции. Особую озабоченность вызывает возможная утрата исторически сложившихся технических стандартов, что может затруднить участие китайских исполнителей в международных музыкальных проектах.

Критический анализ заслуживает и вопрос о сохранении баланса между традицией и новаторством. Чрезмерное увлечение синтетическими формами может привести к маргинализации как европейских, так и китайских музыкальных ценностей.[10] В этом контексте особую важность приобретает разработка сбалансированных образовательных программ, которые бы гармонично сочетали технические основы европейской школы с эстетическими принципами китайской традиции. Перспективы дальнейшего развития этого культурного синтеза зависят от способности музыкального сообщества сохранить творческий потенциал межкультурного взаимодействия, избегая при этом крайностей как слепого копирования западных образцов, так и радикальной китаизации.

Заключение

Проведенное исследование философских и эстетических аспектов адаптации европейской трубы в китайской академической музыке демонстрирует сложный механизм культурного синтеза, выходящий за рамки простого заимствования музыкального инструмента. Анализ выявил глубокую трансформацию семантики и исполнительской практики инструмента, происходящую под влиянием традиционных китайских эстетических принципов. Труба в китайском культурном контексте перестает быть исключительно носителем западной музыкальной традиции, превращаясь в уникальный феномен кросс-культурного взаимодействия.

Синтез западной и китайской эстетических систем в рамках академической музыки создает новое качество музыкального искусства, сочетающее технические достижения европейской исполнительской школы с глубокой философией китайской звуковой культуры. Этот процесс имеет значительный потенциал для дальнейшего развития, открывая перспективы для возникновения принципиально новых форм музыкальной выразительности. Особую ценность представляет формирование оригинальной исполнительской традиции, демонстрирующей возможность гармоничного сочетания различных культурных парадигм.

Перспективы исследования видятся в расширении тематики на другие европейские инструменты, адаптируемые в азиатских музыкальных традициях. Сравнительный анализ подобных процессов позволит выявить универсальные закономерности культурного трансфера и специфические особенности взаимодействия различных музыкальных систем. Дальнейшее изучение данной проблематики будет способствовать более глубокому пониманию механизмов межкультурной коммуникации в условиях глобализирующегося музыкального пространства.

Литература

1. Холопова В.Н. Музыка Европы // Современная Европа. – 2005. – № 1 (21). – С. 131–144.
2. Лобачёва Д.В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 8. – С. 23–27.
3. Лобова Л.Г. Специфика и закономерности восприятия музыки // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2019. – Т. 8, № 2 (27). – С. 133–137.
4. Чупахина Т. И., Чупахин С.А. Синтез западной и восточной культур в музыкальной философии Софии Губайдулиной // KANT: Social science & Humanities. – 2024. – № 1 (17). – С. 44–55.
5. Цзоу Х. Развитие исполнительского искусства игры на трубе в Китае // Педагогический журнал. – 2022. – Т. 12, № 3–1. – С. 558–564.
6. Кириченко Т.Д. Реализация молодежного музыкального проекта в университете / В. Надолинской. – 2024. – С. 104.
7. Педагогические принципы обучения будущих учителей музыки умению семиотической интерпретации искусства // Economic Sciences. – № 41.
8. Шисин Г. Эстетическое воспитание трубача в вузе // Миссия конфессий. – 2024. – Т. 13, № 76. – С. 61–66.
9. Лян Юйшэн. Анализ произведения для трубы «Цветы Шаньдандань распускаются красным цветом» //

Научно-техническая информация. – 2013. – № 20. – С. 325–326.

10. Сюй Цзя. Новая тенденция современного музыкального исполнительства: слияние классики и современности // Times Report: Academic Edition. – 2012. – № 5. – С. 154–155.

PHILOSOPHY AND AESTHETICS OF THE EUROPEAN TRUMPET IN CHINESE ACADEMIC MUSIC

Xiao Huachuan

Vladimir State University

This study analyzes the philosophical and aesthetic aspects of the adaptation of the European trumpet within Chinese academic music, revealing the complex process of cultural synthesis. Traditionally associated with Western rationalism and heroic sonority, the European trumpet is reinterpreted in the Chinese context through the lens of Daoist-Confucian categories of harmony ("yin-yang," "qi"). The author examines the transformation of timbre, performance practices, and the symbolic meanings of the instrument, highlighting its role as a mediator between cultures. The methodological framework incorporates the concepts of cultural transfer (Lotman, Cassirer) and the aesthetics of musical perception (Adorno, Lipps). The study identifies both the positive effects of enriching Chinese music and the risks of losing the traditional identity of the instrument.

Keywords: European Trumpet, Chinese Academic Music, Cultural Transfer, Cross-Cultural Aesthetics, Instrument Adaptation.

References

1. Kholopova V.N. Music of Europe // Modern Europe. – 2005. – No. 1 (21). – P. 131–144.
2. Lobacheva D.V. Cultural Transfer: Definition, Structure, Role in the System of Literary Interactions // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. – 2010. – No. 8. – P. 23–27.
3. Lobova L.G. Specificity and Patterns of Music Perception // Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. – 2019. – Vol. 8, No. 2 (27). – P. 133–137.
4. Chupakhina T. I., Chupakhin S.A. Synthesis of Western and Eastern Cultures in the Musical Philosophy of Sofia Gubaidulina // KANT: Social Science & Humanities. – 2024. – No. 1 (17). – P. 44–55.
5. Zou H. Development of the Performing Art of Playing the Trumpet in China // Pedagogical Journal. – 2022. – Vol. 12, No. 3–1. – P. 558–564.
6. Kirichenko T.D. Implementation of a Youth Music Project at the University / V. Nadolinskaya. – 2024. – P. 104.
7. Pedagogical Principles of Teaching Future Music Teachers the Skills of Semiotic Interpretation of Art // Economic Sciences. – No. 41.
8. Shisin G. Aesthetic Education of a Trumpet Player at the University // Mission of Confessions. – 2024. – Vol. 13, No. 76. – P. 61–66.
9. Liang Yusheng. Analysis of the Trumpet Piece "Shandandan Flowers Bloom Red" // Scientific and Technical Information. – 2013. – No. 20. – P. 325–326.
10. Xu Jia. New Trend in Contemporary Music Performance: Fusion of Classics and Modernity // Times Report: Academic Edition. – 2012. – No. 5. – P. 154–155.

Щербина Ирина Алексеевна,

кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет гражданской авиации
E-mail: i.scherbina2012@yandex.ru

Статья посвящена исследованию концептуальных основ философии науки как междисциплинарной области знания, а также анализу перспектив её развития в условиях современных вызовов научно-технического прогресса и трансформации научной картины мира. Автор рассматривает ключевые этапы становления философии науки, начиная с классических подходов, предложенных в трудах Карла Поппера, Рудольфа Карнапа, и заканчивая современными дискуссиями о роли науки в эпоху цифровизации, искусственного интеллекта и глобальных экологических кризисов. Особое внимание уделяется проблемам демаркации научного знания, критериям научности, а также этическим и социальным аспектам научной деятельности.

В работе подчёркивается, что философия науки сегодня сталкивается с необходимостью переосмысления своих методологических принципов в условиях растущей сложности научных исследований и их интеграции с технологическими инновациями. Автор предлагает оригинальную концепцию, согласно которой философия науки должна не только анализировать структуру и динамику научного познания, но и активно участвовать в формировании стратегий устойчивого развития, учитывая как эпистемологические, так и аксиологические аспекты научной деятельности. Статья адресована специалистам в области философии науки, эпистемологии, методологии научного познания, а также всем, кто интересуется вопросами взаимодействия науки, технологии и общества.

Ключевые слова: философия науки, концептуальные основы, научная картина мира, методология науки, эпистемология, этика науки, перспективы развития, цифровизация, искусственный интеллект, устойчивое развитие.

Введение

Философия науки как область философского знания занимает центральное место в осмыслении природы научного познания, его методологических оснований и роли в развитии общества. На протяжении веков она эволюционировала, отражая изменения в научной практике, трансформацию мировоззренческих установок и вызовы, связанные с усложнением научной картины мира. В условиях стремительного развития технологий, глобализации и междисциплинарной интеграции философия науки сталкивается с новыми задачами, требующими переосмысления её концептуальных основ и поиска новых подходов к пониманию научного знания.

Целью данной статьи является анализ ключевых концептуальных оснований философии науки, а также выявление перспектив её развития в контексте современных эпистемологических, методологических и междисциплинарных вызовов. В работе рассматриваются три основных аспекта: эпистемологические основания философии науки, эволюция методологических подходов и роль междисциплинарности в формировании новых исследовательских парадигм. Особое внимание уделяется переходу от классического к постнеклассическому знанию, что позволяет выявить закономерности и тенденции, определяющие современное состояние философии науки.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу философии науки, объединяющем эпистемологический, методологический и междисциплинарный аспекты. В статье предлагается оригинальная интерпретация эволюции философии науки, акцентирующая внимание на преемственности и трансформации её ключевых идей. Особое внимание уделяется постнеклассическому этапу развития науки, который рассматривается как период формирования новых эпистемологических моделей и методологических стратегий. Кроме того, в работе обосновывается значимость междисциплинарного подхода как ключевого фактора, определяющего перспективы развития философии науки в условиях глобальных вызовов.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использованы работы ведущих философов и методологов науки, а также современные научные публикации, посвящённые проблемам эпистемологии, методологии и междисциплинарности. Методологическую основу исследования составляют историко-философский анализ, сравнительный метод и системный подход. Историко-философский анализ позволил проследить эволюцию философии науки от классического к постнеклассическому этапу, выявив ключевые изменения в её концептуальных основаниях. Сравнительный метод использовался для сопоставления различных методологических подходов и их роли в формировании научного знания. Системный подход обеспечил целостное рассмотрение философии науки в контексте междисциплинарной интеграции, что позволило выявить новые перспективы её развития.

Таким образом, данное исследование направлено на углубление понимания философии науки как дина-

мичной и многогранной области знания, играющей ключевую роль в осмыслении современных научных процессов и их влияния на общество.

Результаты и обсуждения

Эпистемологические основания философии науки: от классического к постнеклассическому знанию

Эпистемологические основания философии науки представляют собой фундаментальную проблему, которая на протяжении истории развития научного знания претерпевала значительные изменения. Эти изменения связаны с трансформацией представлений о природе познания, критериях истинности и методах научного исследования. Переход от классического к постнеклассическому знанию отражает не только эволюцию научных парадигм, но и глубокие сдвиги в понимании самого процесса познания, его целей и границ.

Классическая эпистемология, сформировавшаяся в эпоху Просвещения, основывалась на идеях рационализма и эмпиризма. Она предполагала, что научное знание должно быть объективным, универсальным и независимым от субъективных факторов [3, с. 3]. Классическая наука стремилась к построению единой картины мира, основанной на строгих законах и принципах, которые можно было бы выразить в математической форме. В рамках этой парадигмы познание рассматривалось как процесс, направленный на открытие абсолютных истин, существующих независимо от наблюдателя. Основными критериями научности были точность, воспроизводимость и верифицируемость. Однако уже в XIX веке начали проявляться ограничения классического подхода, связанные с усложнением научных объектов и методов исследования.

Неклассическая эпистемология, возникшая на рубеже XIX–XX веков, стала ответом на кризис классической модели. Она была связана с революционными открытиями в физике (теория относительности, квантовая механика), которые поставили под сомнение представления о абсолютности пространства, времени и причинности. Неклассическая наука признала зависимость научного знания от условий наблюдения и инструментов исследования. Это привело к пересмотру понятий объективности и истины. Вместо поиска абсолютных законов неклассическая эпистемология акцентировала внимание на вероятностных моделях и релятивистских подходах. Важным элементом неклассического знания стало признание роли субъекта в процессе познания, что привело к появлению новых методологических принципов, таких как принцип дополнительности и принцип неопределенности.

Постнеклассическая эпистемология, формирующаяся с конца XX века, представляет собой дальнейшее развитие идей неклассической науки, но с учетом новых вызовов, связанных с глобализацией, информатизацией и междисциплинарностью [5, с. 8]. Это знание характеризуется отказом от жестких границ между наукой и другими формами познания, такими как искусство, религия и философия. Оно признает сложность и нелинейность современных научных объектов, как живые системы, экосистемы, социальные и информационные сети [9, с. 390]. В рамках подобной эпистемологии акцент смещается с поиска универсальных законов на изучение уникальных, самоорганизующихся и открытых систем. Это требует разработки новых методологических подходов, таких как синергетика, теория сложности и системный анализ.

Одной из ключевых особенностей постнеклассической эпистемологии является признание контекстуаль-

ности научного знания. Постнеклассическая наука учитывает влияние социальных, культурных и этических факторов на процесс познания. Это приводит к переосмыслению роли ученого как активного участника, а не нейтрального наблюдателя. В такой парадигме научное знание рассматривается как часть более широкого культурного и исторического контекста, что требует междисциплинарного подхода и интеграции различных форм знания.

Таким образом, переход от классического к постнеклассическому знанию отражает эволюцию эпистемологических оснований философии науки. Этот процесс связан с изменением представлений о природе познания, критериях научности и роли субъекта в научном исследовании. Постнеклассическая эпистемология открывает новые горизонты для понимания сложности и многогранности современного мира, предлагая новые методологические инструменты и подходы. В то же время она ставит перед философией науки новые вызовы, связанные с необходимостью осмысления этических, социальных и культурных аспектов научной деятельности.

Методологические подходы в философии науки: эволюция и современные тенденции

Философия науки как дисциплина, исследующая основания, методы и принципы научного познания, прошла длительный путь развития, отражая изменения в научной практике и мировоззрении. Эволюция методологических подходов в философии науки демонстрирует сложный процесс переосмысления природы научного знания, его границ и возможностей. Начало формирования философии науки как самостоятельной области исследования связано с эпохой Просвещения, когда наука стала восприниматься как ключевой инструмент познания мира [8, с. 91]. Однако методологические подходы, которые легли в основу современной философии науки, начали складываться лишь в XIX–XX веках, когда научная деятельность приобрела систематический и институциональный характер.

Одним из первых значимых методологических подходов стал позитивизм. Позитивизм утверждал, что единственным источником достоверного знания является эмпирическое наблюдение, а метафизические спекуляции должны быть исключены из научного дискурса. Этот подход заложил основы для развития логического позитивизма в XX веке, представители которого, как Мориц Шлик, стремились свести научное знание к логически строгим утверждениям, верифицируемым через наблюдение. Однако критика принципа верификации, выдвинутая Карлом Поппером, показала ограниченность такого подхода [6, с. 3]. Поппер предложил фальсификационизм как альтернативу, утверждая, что научная теория должна быть не столько подтверждаемой, сколько опровержимой. Этот подход подчеркивал динамический характер научного знания, его способность к самоисправлению и прогрессу.

В середине XX века Рудольф Карнап предложил новую методологическую парадигму, основанную на понятии научной парадигмы [2, с. 252]. Он показал, что развитие науки происходит не через постепенное накопление знаний, а через смену парадигм – систем взглядов, определяющих, какие проблемы считаются значимыми и какие методы их решения допустимы. Этот подход акцентировал внимание на социальных и исторических аспектах научной деятельности, что привело к формированию социологии науки и изучению науки как социального института. Далее авторы, развивая идеи Карнапа, предложили концепцию научно-исследовательских программ,

которые включают в себя не только теории, но и методологические правила, определяющие их развитие.

Еще одной важной тенденцией является интеграция философии науки с исследованиями в области искусственного интеллекта и big data. Современные технологии обработки данных и машинного обучения ставят перед философией науки новые вопросы о природе научного знания, его объективности и достоверности [4, с. 214–215]. В частности, возникает проблема интерпретации результатов, полученных с помощью алгоритмов, которые могут быть непрозрачными для человеческого понимания. Это требует разработки новых методологических подходов, учитывающих специфику цифровой эпохи.

Таким образом, эволюция методологических подходов в философии науки отражает сложный процесс адаптации к изменяющимся условиям научной деятельности. От позитивизма и фальсификационизма до постпозитивизма и когнитивного подхода – каждый этап развития философии науки вносил свой вклад в понимание природы научного знания. Современные тенденции, такие как междисциплинарность и интеграция с технологическими инновациями, продолжают расширять горизонты философского осмысления науки, открывая новые возможности для исследования ее методологических оснований. В условиях стремительного развития технологий и глобальных вызовов философия науки остается важным инструментом для критического анализа и осмысления роли науки в обществе.

Философия науки в контексте междисциплинарности: вызовы и перспективы интеграции

Философия науки, как область знания, всегда стремилась к осмыслению фундаментальных принципов, лежащих в основе научного познания. Однако в условиях современного мира, где наука становится всё более междисциплинарной, перед философией науки встают новые вызовы и открываются уникальные перспективы. Междисциплинарность, как методологический подход, предполагает интеграцию различных научных дисциплин для решения сложных проблем, которые не могут быть адекватно рассмотрены в рамках одной области знания. Это требует пересмотра традиционных эпистемологических и методологических установок, а также поиска новых способов осмысления научной деятельности.

Одним из ключевых вызовов, с которыми сталкивается философия науки в контексте междисциплинарности, является проблема согласования различных методологий и языков описания. Каждая научная дисциплина обладает своей специфической системой понятий, методов и критериев истинности, что затрудняет их интеграцию. Например, естественные науки опираются на экспериментальные данные и количественные методы, в то время как гуманитарные науки часто используют качественные подходы и интерпретативные модели. Философия науки призвана разработать универсальные рамки, которые позволят преодолеть эти различия и создать общее пространство для диалога между дисциплинами. Это требует не только анализа существующих методологий, но и разработки новых концепций, способных объединить разнородные подходы.

Ещё одним важным аспектом является переосмысление роли субъекта познания в условиях междисциплинарности. Традиционная философия науки часто рассматривала учёного как нейтрального наблюдателя, стремящегося к объективному знанию. Однако в междисциплинарных исследованиях субъект познания становится активным участником, который не только интерпретирует данные, но и формирует новые иссле-

довательские стратегии. Это ставит вопрос о том, как учитывать субъективные аспекты научного познания, не теряя при этом объективности [10, с. 22]. Философия науки должна предложить новые модели, которые позволят интегрировать субъективные и объективные аспекты познания, учитывая при этом сложность и многообразие научных практик.

Междисциплинарность также ставит перед философией науки задачу пересмотра критериев научности. В традиционной модели науки критерии истинности и обоснованности знания были тесно связаны с дисциплинарными рамками. Однако в условиях междисциплинарных исследований эти критерии становятся более гибкими и контекстуальными. Например, в исследованиях на стыке биологии и информатики или физики и социологии могут возникать новые формы знания, которые не укладываются в традиционные представления о научности [1, с. 57]. Философия науки должна разработать новые подходы к оценке таких знаний, учитывая их междисциплинарный характер и сложность.

Перспективы интеграции в контексте междисциплинарности связаны с развитием новых философских концепций, которые смогут объединить различные научные подходы. Одной из таких концепций может стать идея «эпистемологического плюрализма», которая предполагает признание множественности способов познания и их равноправного статуса. Это позволит не только преодолеть разрыв между естественными и гуманитарными науками, но и создать более гибкую и адаптивную систему научного познания [7, с. 292]. Кроме того, философия науки может сыграть ключевую роль в формировании новых междисциплинарных исследовательских программ, которые будут учитывать как специфику отдельных дисциплин, так и их взаимодействие.

Таким образом, философия науки в контексте междисциплинарности сталкивается с необходимостью пересмотра своих традиционных установок и разработки новых концепций, способных адекватно отразить сложность и многообразие современного научного познания. Это требует не только глубокого анализа существующих методологий, но и творческого подхода к формированию новых идей и подходов. В то же время, междисциплинарность открывает перед философией науки уникальные перспективы, связанные с интеграцией различных научных дисциплин и созданием более целостной и универсальной системы научного познания. В этом процессе философия науки может сыграть ключевую роль, выступая в качестве посредника между различными дисциплинами и способствуя их взаимопониманию и сотрудничеству.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить ключевые аспекты развития философии науки, ее концептуальные основы и перспективы в условиях современных вызовов. В статье рассмотрены эпистемологические основания философии науки, начиная с классического периода, где доминировали идеи объективности, универсальности и кумулятивного роста знания, до постнеклассической парадигмы, которая акцентирует внимание на контекстуальности, релятивизме и сложности научного познания. Переход от классического к постнеклассическому знанию отражает не только эволюцию научного мышления, но и изменение роли науки в обществе, где на первый план выходят проблемы междисциплинарности, этики и социальной ответственности.

Методологические подходы в философии науки также претерпели значительную трансформацию. Если

в классический период доминировали индуктивные и дедуктивные методы, то в современной философии науки акцент смещается на плюрализм методологий, включая синергетический, системный и герменевтический подходы. Это свидетельствует о стремлении к более гибкому и адаптивному пониманию научного познания, учитывающему сложность и нелинейность исследуемых процессов. Современные тенденции в методологии науки подчеркивают важность интеграции различных подходов, что позволяет более полно и многогранно анализировать научные проблемы.

Особое внимание в статье уделено роли философии науки в контексте междисциплинарности. В условиях растущей сложности научных исследований и глобальных вызовов, таких как изменение климата, развитие искусственного интеллекта и биотехнологий, философия науки становится важным инструментом для интеграции знаний из различных дисциплин. Междисциплинарность открывает новые перспективы для философии науки, позволяя ей выступать в роли метадисциплины, которая способна синтезировать и осмысливать разнородные научные подходы.

Перспективы развития философии науки видятся в усилении ее интегративной функции, способности к рефлексии над процессами научного познания и их социальными последствиями. В условиях постнеклассической науки философия науки должна не только анализировать методы и основания научного знания, но и активно участвовать в формировании новых эпистемологических и этических стандартов, которые будут соответствовать вызовам современности.

Таким образом, философия науки продолжает оставаться важным элементом научного познания, играя ключевую роль в осмыслении и интерпретации научных достижений. Ее дальнейшее развитие связано с укреплением междисциплинарных связей, разработкой новых методологических подходов и активным участием в решении глобальных проблем, стоящих перед человечеством. В этом контексте философия науки не только сохраняет свою актуальность, но и приобретает новые измерения, становясь важным инструментом для понимания и преобразования современного мира.

Литература

- Бранский В.П. и др. Глобальное развитие человечества с позиций синергетической философии истории // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 55–65.
- Карнап Р. Философские основания физики. М., 1971. С. 252.
- Лекторский В.А. Возможны ли науки о человеке? // Вopr. филос. 2015. № 5. С. 3.
- Москалева Л.Ю., Троицкая Е.М. Современная когнитивная коммуникация Homo Educandus в постижении философско-образовательных смыслов // Человеческий капитал. 2023. № 8 (176). С. 211–216.
- Орешников И.М., Шкерина Т.И. Современная философия науки: предмет, круг проблем, концепции, гуманистический смысл и назначение // История и педагогика естествознания, 2019 г. С. 5–17.
- Поппер К. Логика научного исследования. М.: Республика. 2004. С. 38.
- Фролов И.Т. Перспективы человека. М.: Изд-во политической литературы. 2008. С. 292.
- Экономова А.Д. Использование эвристического потенциала топической системы в процессе работы над эссе // Успехи гуманитарных наук. 2023. № 3. С. 88–92.
- Экономова А.Д. Модификации учебно-научного дискурса: опыт типологизации // Современное педагогическое образование. 2024. № 3. С. 389–395.
- Экономова А.Д. Роль риторических фигур в процессе порождения учебно-научного дискурса // Современный ученый. 2023. № 3. С. 19–23.

PHILOSOPHY OF SCIENCE: CONCEPTUAL FOUNDATIONS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Shcherbina I.A.

Saint Petersburg State University of Civil Aviation

The article is devoted to the study of the conceptual foundations of the philosophy of science as an interdisciplinary field of knowledge, as well as the analysis of the prospects for its development in the context of modern challenges of scientific and technological progress and the transformation of the scientific picture of the world. The author examines the key stages in the development of the philosophy of science, starting with classical approaches proposed in the works of Karl Popper and Rudolf Carnap, and ending with modern discussions about the role of science in the era of digitalization, artificial intelligence and global environmental crises. Special attention is paid to the problems of demarcation of scientific knowledge, criteria of scientific validity, as well as ethical and social aspects of scientific activity.

The paper emphasizes that the philosophy of science today faces the need to rethink its methodological principles in the context of the growing complexity of scientific research and its integration with technological innovations. The author offers an original concept according to which the philosophy of science should not only analyze the structure and dynamics of scientific knowledge, but also actively participate in the formation of sustainable development strategies, taking into account both epistemological and axiological aspects of scientific activity.

The article is addressed to specialists in the field of philosophy of science, epistemology, methodology of scientific knowledge, as well as to anyone interested in the interaction of science, technology and society.

Keywords: philosophy of science, conceptual foundations, scientific worldview, methodology of science, epistemology, ethics of science, development prospects, digitalization, artificial intelligence, sustainable development.

References

- Bransky V.P. and others. The global development of mankind from the perspective of the synergetic philosophy of history // Questions of philosophy. 2017. No. 5. pp. 55–65.
- Carnap R. Philosophical foundations of physics. Moscow, 1971. p.252.
- Lektorskiy V.A. Are human sciences possible? // Vopr. philos. 2015. No. 5. p. 3.
- Moskaleva L.Yu., Troitskaya E.M. Modern cognitive communication of Homo Educandus in comprehending philosophical and educational meanings // Human Capital. 2023. No. 8 (176). pp. 211–216.
- Oreshnikov I.M., Shkerina T.I. Modern philosophy of science: subject, range of problems, concepts, humanistic meaning and purpose // History and pedagogy of Natural Science, 2019, pp. 5–17.
- Popper K. Logic of scientific research. Moscow: Republic. 2004. p. 38.
- ëFrolov I.T. Human perspectives. Moscow: Publishing House of political literature. 2008. p. 292.
- Economova A.D. Using the heuristic potential of a topical system in the process of working on an essay // Successes of the Humanities. 2023. № 3. pp. 88–92.
- Economova A.D. Modifications of educational and scientific discourse: the experience of typologization // Modern pedagogical education. 2024. No. 3. pp. 389–395.
- Economova A.D. The role of rhetorical figures in the process of generating educational and scientific discourse // Modern Scientist. 2023. No. 3. pp. 19–23.

Феноменология сети: проблемы понимания и взаимопонимания

DOI 10.34823/SGZ.2025.4.52068

Воронкова Ольга Алексеевна,

к.п.н., ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

E-mail: olga.voronkova1001@mail.ru

В статье анализируется феномен сетевизации социальных и социально-политических отношений в технологически продвинутых условиях коммуникации. Понятия «сетевого общества», «социальных сетей» определяются не в технологически-цифровом, а в социокультурном аспекте. Социальный организм – это саморегулирующаяся система, которая неизбежно вынуждена самовосстанавливаться после обострения кризисных пиков исторического перехода с одного эволюционного витка на следующий. Становление социальных сетей, как принципа реорганизации социального пространства, отрицает логику структурно-функциональной научной парадигмы, переориентирует фокус научного внимания на классические теории феноменологии, герменевтики, «понимающей социологии» с перспективой выработки новых теоретико-методологических подходов к исследованию и объяснению происходящих процессов и явлений.

Ключевые слова: феноменология, герменевтика, социальные сети, сетевой жизненный мир, массовое сознание.

Процесс сетевизации социальных отношений, как феномен новой реальности, требует обновления *парадигмы объяснения* происходящих изменений. Принцип интерактивности, как основы новой социальной конфигурации, дает старт глобальному процессу трансформации социальных и социально-политических отношений. В основе этого процесса лежат глубокие преобразования в массовом сознании, изменения интересов, ценностей, мировоззрений, пересборка ментальных матриц.

Феноменология, как направление в философии XX века, определила своей целью анализ явлений и процессов при критических переходах с одного исторического этапа на другой при помощи герменевтической методологии, стремящейся выявить внутреннюю логику и решить проблему понимания глубинного смысла тех проявлений, которые остаются нераскрытыми при поверхностном взгляде [8].

Герменевтика (от греческого *hermeneutikos*) изначально развиваясь из сферы филологии, как поиска истинного значения библейских текстов, стала важным направлением гуманитарно-когнитивной сферы, перейдя в эстетическую сферу трактования смыслов произведений искусства в эпоху Ренессанса и затем, в сферу более широкого философского осмысления мира.

Новую философскую глубину и теоретическое обоснование «наука понимания» получила с возникновением гегелианской философии в XVIII веке, открывшей, что каждая историческая эпоха представляет собой стадию приближения человеческого разума к самопознанию, постепенном открытии человеком самого себя как сущности бытия. До Гегеля ни одна из философских систем не была так близка к пониманию единения знания и истории – через историческую активность людей Разум становится самопостигаемой сущностью. Усилия самопостижения есть одновременно совершенствование Разума. История и ее понимание становятся существенно тем же самым процессом; понимание прошлого, попытки проникнуть и схватить смысл человеческих деяний сами по себе есть история. Осознание необходимости постоянного переосмысления и переоценки коллективной социальной памяти, накапливаемой историей, отразилось в философской герменевтике в понятии «герменевтического круга», то есть признания истории как спиралевидного движения, а не однонаправленного прогресса к лучшему и менее уязвимому знанию.

Философский рассвет «науки понимания» достиг своего пика в конце XIX – начале XX века, когда гуманитарное познание, отпочковавшись от естественно-научного, сконцентрировалось на изучении *социальной реальности*.

Гегелианская философия основывалась на идеалистическом методе познания через поиск объективных категорий понимания в трансцендентально-духовной сфере. В. Дильтей, один из продолжателей гегелевской ветви философии, считал, что понимание социальных явлений не может обойтись без попытки проникновения в уникальную конфигурацию мыслей, чувств и разума индивида – эмпатии. М. Вебер отрицал возможности эмпатии. Для применения метода эмпатии у идеалистической герменевтики нет достаточных ресурсов. Он доказывал тезис, что объективное социальное знание есть рациональное знание. Наиболее важной в его «пони-

ющей социологии» была идея, что понять социальное действие можно только до той степени, пока оно *проявляет* себя как целенаправленное действие [2].

Вся работа М. Вебера была попыткой найти «золотую середину» – истину в методологии социологии. М. Вебера не устраивали ни попытки гегелианской объективистской идеализации самопостижения Разума, ни позитивистские и бихевиористские подходы в социальной науке. Заслуга и значимость «понимающей социологии» М. Вебера в восстановлении должного статуса «субъективного смысла». М. Вебер настаивал на том, что решающим поворотным моментом в истории цивилизации стало возникновение рационального, критического отношения к традиции наиболее активных, мыслящих членов общества.

Э. Гуссерль, также как и М. Вебер, считал, что знание базируется на активности сознания в процессе понимания. Но его мысль была обращена и в сторону гегелианского трансцендентализма как метода понимания. По Гуссерлю, смыслы могут быть постигнуты в их истинности только вне традиции, где они укоренены в особой системе исторических и социальных связей. Герменевтический дискурс предоставляет возможности освободить смысл от историко-традиционного контекста. Метод «феноменологической редукции» Гуссерля требовал, чтобы сознание утверждало себя как абсолют. Э. Гуссерль постулирует «трансцендентальную субъективность». Его методология – феноменологическая медитация, мысленное очищение смыслов от их исторически-структурной маскировки [3].

Некоторые из основных положений Э. Гуссерля были пересмотрены М. Хайдеггером. Фундаментальное положение его критики в том, что смысл, понимание и интерпретация не могут быть встроены в какую-то трансцендентальную сферу. Трансцендентальный субъективизм Э. Гуссерля ставит под сомнение реальный мир существования человека. Но смыслы, по Хайдеггеру, конституируются в реальном жизненном мире и их понимание требует не чистого, внешнего созерцания истории, а активности внутри традиции и активности по переосмыслению традиции. Истина, хотя и никоим образом не растворённая просто в общем консенсусе, становится теперь скорее свойством самораскрывающегося существования в жизненном мире, чем отношением между существованием и чем-то, что находится в трансцендентальной сфере – вне существования [6].

В феноменологии А. Шутца, как и у М. Хайдеггера, основанием для понимания является до-рефлексивно данная естественная среда, рутинный жизненный мир, которым не должно пренебрегать. Жизненный мир с самого начала полон, завершен как целостность. Он уже включает в себя все причины, по которым понимание становится необходимым, и все ресурсы, которые могут пригодиться в столкновении с этой необходимостью. Он включает других людей, наделенных сознанием. Другие люди не просто присутствуют как потенциальные объекты для размышления; они могут мыслить и действовать по-своему. Они сознательные и автономные источники действия, поэтому во взаимодействии постоянно возникают пересечения интересов, непонимания и конфликты, требующие взаимного приспособления, достижения договоренностей. Таким образом, необходимость понимания и взаимопонимания оказывается самым условием существования [9].

В жизненном мире всё принимается как данность и часто остаётся незамеченным. Повседневные задачи выполняются сами собой без вовлечения особых аналитических способностей человека, автоматически, без осознания глубоких причин почему это делается так,

а не иначе, без применения каких-либо специально разработанных правил. Рутинный жизненный мир не является, следовательно, объектом постоянной внутренней самоинтерпретации и ре-интерпретации. Жизненный мир организован естественным образом. Он поделён на относящуюся к конкретным делам и фоновую части. У массового сознания нет оснований объяснять мотивы своих обычных действий, пока не случится что-то особенное. Человек далеко не всегда осознаёт цели и средства своих действий. Они как бы отодвинуты в подсознание, они безотчетны. Необходим некий скачок в сознании, чтобы возвысить объекты из состояния данности в объекты специального внимания.

Описание А. Шутцем повседневного мира полностью обесценивает как идеалистический объективизм, теряющий внимание к реальным жизненным процессам, так и трансцендентальный субъективизм. Как же тогда можно постичь смысл человеческого действия?

Понять смысл, по А. Шутцу, можно только в ходе специального анализа – реорганизации опыта в соответствии с «референтной схемой», внешней по отношению к данному конкретному опыту, но идущей от той «естественной установки», которая конструируется благодаря просто погруженности в рутинный жизненный мир. Собственно предметом феноменологии, то есть социальной науки, нацеленной на постижение смыслов социальных явлений и изменений, является применение интерпретативных процедур, через которые устанавливается смысл в ежедневной жизни. Любой смысл создаётся, а не открывается. Истина формируется не идеологами и социологами, а самим жизненным миром. Ни один смысл не может пережить отрыв от естественного контекста. Это явилось новым аргументом в пользу веберовской идеи о рациональной природе объективного познания. Социокультурная система это реальная и объективная данность тем историческим субъектам, которые проживают её и активно действуют внутри неё.

П. Рикёр, один из ведущих представителей современных течений философской герменевтики, видел её задачи в разработке обобщающей концепции понимания человеческого сознания путём переосмысления и сопоставления различных философских традиций и направлений. Вслед за М. Хайдеггером и А. Шутцем, он переносит вопрос в онтологическую плоскость, подводит под феноменологию онтологический фундамент: герменевтика это не только метод познания, но прежде всего способ бытия. Герменевтика, по Рикёру, есть истолкование того или иного явления, опирающееся на многообразные дискурсы и типы со-знания, субъектами которых являются отдельные личности. П. Рикёр раскрывает двойственность субъективного опыта: как пассивного восприятия окружающего мира и одновременно как активности, проявляющейся в актуализации внимания и накоплении знания. В онтологической феноменологии П. Рикёр пытается диалектически синтезировать области сознательного и бессознательного в опыте. В своей теории он опирается на идеи З. Фрейда, но его трактовка бессознательного ближе к позиции Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Он не считает бессознательное чем-то принципиально недоступным сознанию, но при этом признает непрозрачность субъективного опыта и, таким образом, невозможность его полного постижения извне.

П. Рикёр переводит психоаналитический метод З. Фрейда на более высокий уровень – с гуссерлианского редукционизма на уровень критического анализа. Главное, подчеркивает П. Рикёр, не в том, чтобы обнаружить вытесненное, а в том, чтобы увидеть, что следует за сублимацией, переводящей фантазмы подсознательного в мир культуры. Истинный смысл субли-

мации П. Рикёр усматривает в том, чтобы путём мобилизации энергии, сосредоточенной в архаических образах подсознания, вызывать к жизни новые значения. Интерпретации проявлений бессознательного в периоды их выхода на поверхность в социально благоприятствующих этому обстоятельствах становятся условием освобождения сознания от предрассудков Его. Герменевтический подход П. Рикёра настаивает, что только в интерпретации и с её помощью возможно движение к онтологии как критическому анализу бытия. В интерпретации, считает П. Рикёр, работают два разнонаправленных вектора: один – в сторону архаических образов, другой – к будущему, возможному. Путём интерпретации открывается археология сознания субъекта и его прогрессия – устремление вперёд, к осмыслению собственного бытия и далее – за пределы самого себя. А это движение проявляется через дискурс, в котором соединяется интерпретация традиции и её критическое осмысление. Герменевтический круг понимания определяется П. Рикёром как «понимающее мышление». Он преобразует регрессивно-прогрессивный метод в метод исторической эпистемологии, основанный на диалектическом деятельностном понимании времени, в центре которого находится человек как субъект культурно-исторического творчества [5].

П. Рикёр делает акцент на проблеме взаимодействия и взаимопонимания людей – их общении, совместном бытии. Его философско-герменевтические размышления поднимают вопросы об ответственности сознания и особенно – проблеме ответственности в политике. Политика никогда не должна отходить от морали, иначе ей грозит политический цинизм, смертельно опасный для человечества. В современных условиях это становится особенно важным в свете вновь возникающих проблем: экономических, пандемических, охраны окружающей среды, возвращения идей и практик передела мира, и пр.

В сетевой киберсреде решительным образом меняется логика происходящих процессов, разрушающая классические представления о взаимодействии субъектов и объектов новой реальности и требующая понимания и объяснения посредством новой сетевой парадигмы как трансдисциплинарной методологии.

Понимание любой исторической эпохи не может избежать анализа традиционно-культурного контекста, а объяснение исторически эпохальных изменений не может произойти без рационально-критической активности самого общества. Именно этот вывод позволяет сделать обращение к классикам герменевтической феноменологии. Он поддерживается и современными метафизическими размышлениями: «Универсум представляет собой господство идеальных сил, в которые можно проникнуть не путем мертвого книжного знания, но лишь непосредственно живя, чувствуя и действуя вместе с этими силами. Постигание идеальных сил и ведет к торжеству критического и духовного разума над грубостью чувственного усвоения вещей» [7, с. 46]. И этот вывод как никогда актуален в свете глобальных социальных трансформаций, происходящих сегодня под воздействием нового цифрового витка технологического прогресса.

Социальный мир XXI века стал *сетевым жизненным миром*. Как сетевую реальность можно понять и объяснить?

Социальные сети – это сообщества людей, объединённых общими интересами, ценностями, целями, придерживающихся сходных мировоззренческих позиций и вступающих в процесс коммуникативного взаимодействия, в котором генерируется потребность в поиске взаимопонимания и актуализируются мотивы взаимо-

действия. Социальные связи и отношения между акторами – индивидами, группами, организациями – неустойчивые, неоднородные, быстро меняющиеся в зависимости от изменения интересов и целей. Но всё же логику сетевых связей и отношений, их конфигурацию можно уловить, так как понятна основа, на которой они складываются. А основа эта остается естественной – фактической и событийной, которая требует интерпретативной обработки критическим социальным сознанием.

Интерпретативный метод, предложенный А. Шутцем и продолженный в этнометодологических течениях, становится действенным инструментом для понимания сетевой реальности. Он предполагает два подхода: **отстранения (дистанцирования) и включения (погружения)**, которые на стадии синтеза, способны дать близкую к сетевой реальности картину.

Метод отстранения (дистанцирования) от сетевого дискурса формирует представление об общих течениях, трендах коммуникативных процессов. Быстрое выдвижение методически сконструированных интерпретаций или их расщепление отражает множественное разнообразие мнений и высвечивает линии социальных разломов, разногласий и конфликтов, а также пути, по которым возможно достижение социальных договоренностей. Точки достигаемого консенсуса ни в коей мере не могут означать установления истин «в последней инстанции». Они, в быстро меняющейся сетевой реальности, дают лишь временную передышку в понимании процессов и требуют переосмысления при любых возникающих событийно-контекстуальных изменениях.

Метод включения (погружения) в социальный дискурс, непосредственное участие в обсуждениях и дискуссиях помогает понять внутренние искания самих коммуникаторов, изменения их ментальных позиций по мере осмысления или переосмысления происходящих событий. Другими словами, методом сетевой интериоризации, аналитик вносит свой вклад в социально-когнитивную рефлексию – процесс самопознания и самопонимания социума.

Коммуникативный процесс чрезвычайно сложен. Он начинается на уровне базовой понятийной согласованности. Но на более высоких уровнях – обмена информацией, ее интерпретации, обсуждения, несогласия, споров, поиска решений и компромиссов – проблема взаимопонимания становится, с одной стороны, облегченной, а с другой, всё более сложной. Облегченность происходит при «встрече» в сетях единомышленников, а усложненность – при осознании существования кардинально противоположных способов интерпретации происходящих событий. В этом случае понимание становится проблемой как теоретического, так и практического свойства – необходимо прояснить и устранить препятствия, возникающие в процессе общения. Другими словами, проблема понимания возникает из значимой потребности покончить с непониманием. Но понимание и непонимание может проявиться только в дискурсе, иначе оно непостижимо. Соответственно, высвечиваются задачи повышения уровня общественных дискуссий, качества аргументации и практических выводов, приводящих к конкретным действиям.

Вместе с возрастанием разнообразия возможностей взаимопонимания – расшифровки и погружения в смысловые структуры, происходит и накопление барьеров к взаимопониманию – от ошибок интерпретаций вследствие недостаточной информированности и коммуникативной компетентности участников до намеренного введения в заблуждение для скрытия истинных мотивов.

Если проблемы недостатка информированности и коммуникативной некомпетентности решаются впол-

не объяснимым способом – через обучение и самопросвещение, то целенаправленные действия по введению коммуникаторов в заблуждение требуют применения гораздо больших усилий по распознаванию и противодействию.

Любые способы коммуникации складываются по мере облачения идей, смыслов, значений в символические формы – риторические и метариторические. Формализация символических структур изначально содержит в себе риск потери адекватности символа реальной ситуации. Отрыв символической формы от изменяющейся реальности может с высокой вероятностью привести в проекции к коммуникативным тупикам, в которых язык скорее затрудняет общение, нежели способствует ему. В определённый момент язык перестаёт быть средством коммуникации и превращается в барьер на пути общения и взаимопонимания.

Структура практического массового сознания, выстраиваемая на ранних стадиях социализации, прочно фиксируется в виде навыков решения насущных вопросов. Генетически унаследованные ценностно-нормативные диспозиции подкрепляются традиционными устоями бытия и вытесняются в подсознание. Накопленное знание, ритуально охраненное от раздражающих внешних стимулов, облекается в застывшую форму и закрывается, как раковина моллюска, для любой критики. Таким образом, сложившаяся матрица сознания «работает» в определённых границах, которые довольно сложно переступить. Ментально определившееся сознание старается отгородиться, игнорировать или отвергать любые факты и рациональные аргументы, не вписывающиеся в структуру усвоенного знания. Практическое применение догматической установки выражается в соответствующих формах коммуникативного поведения – неспособности признавать собственные ошибки, демагогической стратегии в спорах и дискуссиях.

Демагогическая стратегия сводится к ряду риторических приемов в целях подтверждения некоей субъективно утвердившейся «правоты». Среди таких приемов: прикладывание языковых клише и стереотипов к спорным точкам вместо поиска рациональных аргументов, обвинение собеседника в тех же качествах, которыми «грешит» сам демагог – зеркальное «отбрасывание» собственной некомпетентности на другого и пр. «Эффекты» демагогической стратегии проявляются в хождении по замкнутому кругу – «демагогической петле», что оставляет догматика за пределами изменяющейся жизни и, более того, вырабатывает тактику агрессивного сопротивления инновациям и альтернативам.

Демагогия проявляется как в бессознательном коммуникативном поведении, так и в рационально-целенаправленном – в качестве особой стратегии достижения субъектом частной цели, будь то стремление к формальному выигрышу в споре, судебной тяжбе или борьбе за власть. Демагогические приёмы приводятся в действие при использовании средств, нерелевантных действительному состоянию событий. Они могут включать в себя намеренное искажение фактов, безответственные обещания, целевое использование негативных качеств оппонента – низкого уровня знаний или эмоциональной неустойчивости. Осознанной задачей демагога является блокировка путей оппонирования, навязывания собеседнику определенных идей и интерпретаций.

Рационально осознанные демагогические приёмы предполагают умелое манипулирование информацией в процессе коммуникативного взаимодействия – путём открытой пропаганды или применения *латентных* способов через «завуалирование» позиции манипулятора, создание разного рода «серых сфер», через которые про-

рабатываются пути введения объекта манипулирования в состояние информационной неопределённости, эмоциональной растерянности, взволнованности, страха и пр. Исследователи манипулятивных воздействий подчеркивают важную особенность скрытых техник, при которых субъект манипуляции стремится, не обнаруживая себя, выработать у объекта иллюзии признания внушаемых ему идей, как своих собственных, и принятия решений на их основе как «самостоятельных», единственно правильных для себя [4, с. 138]. Такие иллюзии подпитываются вбросами в сети семиотического «мусора» – фейков, дезинформации, постановочно-монтажных видеороликов, выдачи старых фото и видеопроductов за новые, вырезание отдельных сюжетов из контекста с целью дискредитации оппонента или продвижения определенного деятеля и пр. На этой почве провоцируются информационные скандалы, «пустые» дискурсы, в которых темами обсуждений становятся не реальные события, а разного рода догадки, домыслы, предсказания, которые трудно проверить и опровергнуть.

Среди приёмов намеренного выстраивания барьеров к пониманию и взаимопониманию исследователи выделяют «контр-дискурсы», «антидискурсы», «квази», «псевдо-дискурсы», характеризуя их как признаки информационной, «холодной», «гибридной» войны. Контр-дискурсы фиксируют возникшие противоположности в интерпретации реальных событий, но блокируют возможности их преодоления – не дают развиваться мысли до диалектического синтеза как развития рефлексии с целью поиска путей преодоления противоречий. Задачей псевдо-дискурсов в технике манипуляции является отвлечение внимания на малоценную проблему, которая не опасна для нужной манипулятору трактовки события. Таким образом предпринимаются попытки создания определенного эмоционально-психологического настроя, который позволяет считать только наружный слой дискурса, без понимания его сути. «Не переработанный информационный поток превращается в привычку не-мышления, у человека вырабатывается навык использования готового ответа при появлении любого вопроса» [1, с. 120].

Тем не менее, открытость дискурсивной публичной сферы, обеспечиваемая технологическими возможностями обхода разного рода запретов, блокировок и пр., позволяет коммуникатору не просто выражать и разъяснять свою позицию, но и распутывать демагогические петли, обходить ловушки скрытой манипуляции, пробивать коммуникативные тупики, находить способы влияния и переубеждения сторонников других мнений. Процесс разрушения барьеров к взаимопониманию в коммуникативном взаимодействии проходит через верификацию источников, уточнение фактов, событий через обращение к разным источникам, их сопоставление и соизмерение.

При этом особенно важными становятся вопросы доверия источникам, комментаторам; репутации интерпретаторов, которая может быстро складываться и так же быстро рушиться под влиянием коммерческих или политических причин. Возникает все больше вопросов про сетевое будущее социума, ответы на которые отыскивать все сложнее и сложнее. Тем не менее, сетевой дискурс активно «работает» на разоблачение «серых» технологий, распространение реальных фактов, предложение способов противодействия манипулятивным атакам. Такая «информационная война» – «борьба за умы» – идет сложно, с переменным успехом, но только достигнув высшего уровня сетевой интериоризации – глубокого осмысленного погружения в сетевой дискурс, пройдя этап *формирования иммунитета* против разного рода

манипулятивных воздействий, можно надеяться на становление *сетевой культуры* социальных и социально-политических взаимодействий.

Разрешение проблемы понимания и взаимопонимания в сетевом жизненном мире напрямую зависит от дальнейшего развития цифровых технологий, предоставляющих больше возможностей социального выбора – реорганизации производительных процессов, ведущих к реформатированию рынка труда, автоматизации производительных линий, логистики, глобального экономического взаимодействия, социальной мобильности, – всего, что объективно способствует повышению общего уровня жизни. Качественные подвиги в материальном обеспечении повседневной жизни в глобальном масштабе способствуют сглаживанию противоположностей накопления жизненного опыта, повышению степени независимости массового сознания от стереотипов и предрассудков, предоставляют гораздо больше возможностей для рефлексии, саморефлексии, перестройки традиционных ментальных установок. Вслед за изменениями повседневных практик жизненного мира укрепляются и возможности примирения противоположностей ментальных позиций, повышаются шансы на достижение социального и социально-политического взаимопонимания и взаимодействия.

Литература

1. Вавилова Е.Ю., Петряков Л.Д. Контр-дискурсивные и псевдо-дискурсивные практики как признак холодной войны // Вестник Ивановского государственного университета, вып.4, 2020, С. 116–120. DOI: 10.46726/H.2020.4.16)
2. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии. / Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденоко. – М.: Прогресс, 1990. –808 с. – (Социологич. мысль Запада). С. 495–546.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1: Общее введение в чистую феноменологию. – 2009. – 489 с.; ISBN 978-5-8291-1042-0
4. Орехов А.М. Манипуляция как феномен сетевой власти в постиндустриальную эпоху // Вопросы социальной теории. Том X. 2018. С. 137–145. DOI: 10.30936/2227-7951-2018-10-137-145.
5. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. – М.: Академический Проект, 2008. – 695 с. – (Философские технологии). ISBN 978-5-8291-1025-3
6. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер / Пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: «Фолио», 2003. – 503, [9] с. – (Philosophy) – ISBN 966-03-1594-5.
7. Щеглов А.П. Метафизика власти / А.П. Щеглов. – СПб.: Алетейя, 2023. – 450 с. ISBN 978-5-00165-244-1

8. Bauman Z. Hermeneutics and Social Science. Approaches to Understanding. Gregg Revivals. 1992. – 263 p.
9. Schutz A. The Phenomenology of the Social World. Northwestern University Press. 1967. – 255 p.

NETWORK PHENOMENOLOGY: PROBLEMS OF UNDERSTANDING AND MUTUAL UNDERSTANDING

Voronkova O.A.

Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS

The article analyzes the phenomenon of network reconfiguration of social and socio-political relations in technologically advanced communication conditions. The concepts of “network society” and “social networks” are defined not in the technological-digital, but in the socio-cultural aspect. A social organism is a self-regulating system that is inevitably forced to restore itself after the aggravation of the crisis peaks of the historical transition from one evolutionary turn to the next. The formation of social networks as a principle of reorganization of social space denies the logic of the structural-functional scientific paradigm, reorients the focus of scientific attention to the classical theories of phenomenology, hermeneutics, “understanding sociology” with the prospect of developing new theoretical and methodological approaches to the study and explanation of ongoing processes and phenomena.

Keywords: phenomenology, hermeneutics, social networks, network lifeworld, mass consciousness.

References

1. Vavilova E.Yu., Petryakov L.D. Counter-discursive and pseudo-discursive practices as a sign of a cold war // Bulletin of Ivanovo State University, Issue 4, 2020, pp. 116–120. DOI: 10.46726/H.2020.4.16)
2. Weber M. On Some Categories of Understanding Sociology. / Selected Works: Transl. from German/Compilation, general editor. Y.N. Davydova; Preface. P.P. Gaidenko. Moscow, Progress Publ., 1990. – 808 p. – (Sociological Thought of the West). P. 495–546.
3. Husserl E. Ideas for Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy. Vol. 1: A General Introduction to Pure Phenomenology. – 2009. – 489 p.; ISBN 978-5-8291-1042-0
4. Orekhov A.M. Manipulation as a phenomenon of network power in the post-industrial era. Vol. X. 2018. p. 137–145. DOI: 10.30936/2227-7951-2018-10-137-145.
5. Ricoeur P. Conflict of interpretations. Essays on Hermeneutics, with the French introduction. Art. and comment. I.S. Vdovina. Moscow, Academic Project Publ., 2008. – 695 p. – (Philosophical Technologies). ISBN 978-5-8291-1025-3
6. Heidegger M. Being and Time / M. Heidegger; Lane. V.V. Bibikhina. – Kharkov: “Folio”, 2003. – 503, [9] p. – (Philosophy) – ISBN 966-03-1594-5.
7. Shcheglov A.P. Metaphysics of Power. – St. Petersburg: Aletheia, 2023. – 450 p. ISBN 978-5-00165-244-1
8. Bauman Z. Hermeneutics and Social Science. Approaches to Understanding. Gregg Revivals. 1992. – 263 p.
9. Schutz A. The Phenomenology of the Social World. Northwestern University Press. 1967. – 255 p.

Проблематика избытка в травматическом опыте человека в теориях Фрейда и Лакана

Мтвралашвили Михаил Эреклевич,

аспирант, кафедра: Центр практической философии
«Стасис», Европейский университет в Санкт-Петербурге
E-mail: mikhail.mtvrashvili@gmail.com

Предметом исследования является вопрос избытка в травматическом опыте человека. Статья ставит под сомнение однозначную структуралистскую интерпретацию Фрейда, обращая внимание на существенные различия между изложением травмы Фрейдом и Лаканом. Если первый прочитывает травму как энергетический избыток, то для второго, травма – является провалом, дырой в Символическом, столкновением с Реальным. Соответственно, основным направлением статьи становится попытка найти что-то, что могло бы связать имеющееся противоречие, и именно для этого и производится ссылка на третьих авторов. После изложения «классической» психоаналитической позиции Фрейда в отношении травматического опыта, приводится позиция Лакана, которая обнаруживает различие того чем является травма не только на уровне «экономики», но и на уровне онтологии. Для того чтобы привести к какому-то общему знаменателю учения Фрейда и Лакана в отношении травмы, статья уходит в сторону теологии, к исследованию Маркуса Паунда, который посредством теологии предпринимает попытку рассмотреть Реальное Лакана не как нехватку, но как избыток возможностей, который и вызывает тревогу. В заключение приводятся в пример различные теологические, реалистические и метапсихологические аргументы. На этих примерах интерпретаций самого же Лакана, становится более ясной и его принципиальная позиция. Бытие – дано исключительно в своём противоречии и в отсутствии внешнего референта, в то время как возможность – является ложью. Далее в статье производится попытка пересмотра травматического опыта уже через призму как Фрейда, так и Лакана, утверждая онтологию, которая могла бы объединить учения обоих, не снимая имеющегося противоречия. Статья предлагает совершенно новое прочтение травматического опыта, чья оригинальность во многом и заключается в попытке прочтения Лакана, читающего Фрейда через самого же Фрейда.

Ключевые слова: травма, Лакан, Фрейд, психоанализ, избыток, дыра, невозможное, Реальное, онтология, теология

Введение

Феномен травмы, изначально интересовавший прежде всего, врачей, клиницистов, со временем перестал ограничиваться областью телесного и расширился также на область психического, дав почву наукам, связанным с изучением человеческого поведения, сознания и бессознательного, после чего на травму обратили внимание и остальные науки, изучающие прямо или косвенно человеческий опыт. Если ещё в XIX в. к психической травме относились с подозрением, то сейчас подобная травма стала политическим и культурным активом, который имеет возможность использовать для достижения своих целей. Культура травмы стала активно изучаться в области антропологии и социологии, которые во многом полагаются в вопросе травматического опыта на психоаналитические труды, – это можно отчётливо наблюдать, к примеру, в антропологическом сборнике статей, составленном С. Ушакиным и Е. Трубиным [6, с. 14]. Также стоит упомянуть отдельных феноменологов вроде Р. Бернета, которые предпринимая попытки рассмотрения травматического опыта, посредством психоаналитической теории, однако, что оказывается постоянно незамеченным, так это то, что два наиболее цитируемых психоаналитика, – Фрейд и Лакан, имеют широкие расхождения с тем, что представляет из себя травма не только на уровне описания значения в опыте, но и на онтологическом уровне [1, с. 123]. Таким образом, целью статьи будет установление противоречия, содержащегося в способе рассмотрения феномена травмы в работах Фрейда и Лакана, а также указание на возможность преодоления этого противоречия посредством обращения к авторам, предлагающим пересмотр травматического опыта в клинике и теории психоанализа для того чтобы создать более когерентное представление о том, чем является травма.

Энергия и возбуждение

Начать стоит с того, что разница, между тем как определял травму Фрейд и тем, как обозначает её Лакан, лежит уже в самом моменте регистрации события. В отличие от Лакана, Фрейд интересовался прежде всего экономикой травматического опыта, и именно на этой экономике и будет сделан акцент при описании этапов развития его теории травмы.

Первое упоминание того, чем впоследствии станет теория травмы Фрейда, можно найти в «Случае успешного лечения гипнозом» (1892) [11, с. 123]. В этой статье, говоря о травме, Фрейд впервые применяет понятие *Eregungszuwachs*, которое буквально означает «усиление возбуждения», что не имеет возможности устраниваться самой нервной системой. Выражаясь иначе, первостепенным событием, характеризующим присутствие травмы, становится чрезмерность, перенапряжение, производящее конфликт внутри психического, разрешение которого оказывается возможным только через катартический метод Брейера – Фрейда. Суть метода заключалась в том, что пациента, страдающего от психических недугов, вводили в гипноз, после чего во время гипноза он должен был вспомнить содержание травмы,

приведшей к недугу. Вспоминание травмы, т.е. ретравматизация и последующее осознание травматического опыта, разгружало энергию, которая давила на Я пациента, тем самым устраняя мешавший симптом. Гораздо позже, в «Трёх очерках по теории сексуальности» (1905), Фрейд отождествит понятие «либидо» с сексуальным возбуждением, закрепив его в качестве того, что представляет из себя энергию сексуальных влечений [10, с. 130]. Не вдаваясь в подробности долгой истории пертурбаций и удвоений понятий «либидо» и «влечение», скажем о том, что энергетическая суть теории травмы не изменилась, поскольку, как и в случае с катартическим методом, влечение даёт о себе знать избытком либидо, давление которого угрожает Я, в случае если не происходит его высвобождения.

В более поздний период, в «Вводных лекциях» (1916), Фрейд всё так же, настойчиво указывает на то, что выражение «травматический» не имеет никакого другого значения, кроме как экономического: «Мы называем так переживание, которое за короткое время обеспечивает столь сильный рост раздражителей, что их изживание или переработка обычным нормальным способом не удастся, в результате чего должны возникнуть стойкие нарушения в энергетике» [8, с. 280].

Отдельно стоит отметить, что теория травмы имплицитно содержится в «Наброске психологии» (1895/1950), где память, а значит и психика, оказываются определены Фрейдом наличием следов, проторенных путей между непроникающими нейронами, которые и отображают психические особенности субъекта посредством количества этих троп, их интенсивности и ритма проходящих нервных импульсов [7, с. 10]. Иначе говоря, психическое рождается и действует в связи с внешними раздражителями как первичной энергией, насильственно прокладывая следы в тех местах, где они изначально предусмотрены. Только «страдающая», получая «шрамы» от насилия, производимого внешними стимулами, данными в виде проторенных путей, психический аппарат имеет возможность состояться.

Хотя, как известно, Фрейд в итоге отказался от этого психолого-неврологического проекта, подспудно, будучи вытесненной, эта теория никуда не уходила, появляясь наиболее наглядно в «Заметке о «чудо-блокноте»» (1925), но и в «По ту сторону принципа удовольствия» (1920), к примеру, когда Фрейд определяет сознание как то, что «возникает на месте следа воспоминания» [9, с. 213]. В этой же работе, Фрейд введёт в свою теорию травмы дополнительный энергетический элемент, связанный с недостаточной тревожной готовностью, выступающей в качестве защиты по отношению к тому событию, которое и будет приводить к выпадению опыта из поля значения. Пассивность или недостаточная активность человека перед избыточным событием станет условием появления навязчивого повторения, являющего собой попытку травматическое схватить, раз за разом совершенствуя своё обладание этим первоначальным (в)не-опытом [9, с. 222]. Иными словами, ко всему сказанному о травме Фрейд добавляет тревогу как защиту от испуга (избыточного внешнего раздражителя) и темпоральность, выраженную в одномоментности, неожиданности и неподготовленности психического аппарата к событию, единственным ответом на которое становится другая темпоральность, основанная на навязчивом повторении как попытке избыточный вне-опыт в себя включить.

Резюмируя, отметим, что приведённая вкратце теория травмы Фрейда определяет травматический опыт прежде всего через вопрос энергии и её избыточности для инстанции сознания, избыточности, оставляющую

после себя рану, процесс покрытия которой становится возможным осуществить только посредством ответной энергии, содержащейся в тревоге, предвосхищающей новую травму, и навязчивом повторении, связывающим (bindung) произошедшее, тем самым переключая субъекта с позиции пассивного наблюдателя свершившегося в активного производителя смысла.

Дыра и невозможное

Ж.-А. Миллер комментируя различие в интерпретации психического у Фрейда и Лакана пишет о том, что Лакан заменил бессознательное, выстроенное на основе рефлекторной дуги, имеющей своей целью поддержание психического аппарата на наиболее низком уровне возбуждения, на бессознательное, что оказывается структурировано подобно языку: «Вместо «стимул-реакция» – «означающее-означаемое»» [5, с. 32]. В соответствии со структуралистскими представлениями о субъекте, в основе травматического опыта для Лакана лежит столкновение с Реальным, которое дано субъекту как провал его языковой структуры. В VII семинаре Лакан приводит в пример сосуд, сравнивая его с Символическим, что выплывает субъектом вокруг дыры, которую тот и наделяет значением, оформляющем его бытие [4, с. 111]. Как можно заметить, Реальное – в описании Лакана всегда апофатично, оно «невозможное», нечто, что не просто даёт сбой в Символическом, но что само по себе, будучи сбоем, Реальным и является. Реальное – это сама ошибка, сам тупик Символического, образующегося в качестве зазора уже в самом моменте обращения речи к д/Другому, или, как говорит сам Лакан в одном из поздних семинаров: «Мой дискурс основан на дыре» [13, с. 53]. На примере случая Эммы, описанного Фрейдом в «Наброске психологии», когда она, будучи восьмилетней девочкой, сталкивается с сексуальным желанием бакалейщика, Лакан говорит о том, что травматическим является не сам реальный акт приставания, а отсутствие означающего желания Другого, которое могло бы случившемуся придать значение [16, с. 33]. Соответственно, ответом на травматическое становится фантазм, основанный на означающих, что и образует симптом, который должен столкновение с дырой сшить. Фантазм – это шов, экран, который скрывает как неполноту Другого, так и расщепленность самого субъекта. Таким образом, если фантазм является прежде всего продуктом Символического и Воображаемого регистров, связан со стремлением к мифическому удовлетворению, находясь на стороне принципа удовольствия в момент произведения указанного шва, то травма располагается на стороне Реального и навязчивого повторения как того, что невозможный, неписываемый или ещё неписанный опыт своим присутствием маркирует.

Другим важным моментом в контексте травмы оказывается такое понятие, как Вещь (das Ding). Вещь – это всегда уже утерянный объект, который необходимо постоянно находить заново, однако, это объект, которого никогда и не было, чтобы его можно было потерять [4, с. 78]. Вещь – это «causa наиболее фундаментальной человеческой страсти» [4, с. 128]; это тот самый прообраз изначальной травматической потери объекта-причины желания, который становится возможным «потерять» только в «последействии» (nachträglich), – сложное понятие Фрейда, которое легче всего описать как ретроспективность, обнаруживающую свою актуальность в настоящем и в одновременном предвосхищении будущего. Сразу после VII семинара das Ding исчезает из лексикона Лакана и заменяется на «объект а», который невозможно символизировать, поскольку являет-

ся фундаментальной нехваткой субъекта, заткнуть которую он пытается разного рода эрзац-объектами, что всегда недостаточны, но именно из-за того, что они всегда недостаточны, у субъекта и имеется желание. Объект а, – одновременно создаёт дыру, является ею и вместе с тем фантазматически приходит через эрзац-объекты на то место, которое должно эту дыру заполнить.

Здесь-то и обнаруживается энергетическое, но и онтологическое противоречие, складывающееся между Фрейдом и Лаканом. Травматическое Лакана подобно дыре, что содержится уже в самой языковой структуре, в которую субъект рождается и с которой субъект периодически сталкивается, однако эта дыра – это не некое измерение материальной реальности, очищенной от означающих, позволяющей нам столкнуться с истинным миром вещей-в-себе. Субъект полностью вписан в представляющую перед ним означающую структуру, не имея возможности поставить себя в положение того, кто мог бы помыслить бытие со стороны, усмотреть его онтологическую структуру вне языка. Другими словами, Реальное – не обладает своей субстанциональностью, но является чем-то таким, что самой этой реальности сопутствует в качестве нередуцируемого противоречия, невозможного, которое по Лакану и знаменует собой единственно возможное усмотрение мерцания истины [2, с. 227]. В свою очередь травматическое Фрейда вполне субстанционально, оно не исключает и часто даёт о себе знать первичным следом энергии внешнего, который являет себя подобно чрезмерному излучению, прорывая защиты, выстроенные тревогой субъекта. Несмотря на все бесконечные условности, конфигурации и мыслительные эксперименты у травматического Фрейда инициатива не только на стороне субъекта означающего, как у Лакана, но и на стороне внешнего, как того, что прокладывает свой путь в язык самостоятельно. Фрейд не даёт возможности прочесть себя иначе, кроме как мыслителя, утверждающего наличие внешнего, от которого он зачастую и отталкивается. Можно возразить, сказав, что именно Фрейд является автором, который вводит понятие «психическая реальность», параллельно критикуя работу о травме своего ученика Ш. Ференци за пренебрежение к событиям, разворачивающимся в психическом поле самого субъекта, однако это совершенно не мешало самому Фрейду полагаться на биологическую метафизику, утверждать, что «анатомия – это судьба», верить в объективность научных истин, кружиться вокруг реальности события «первосцены», как, например в случае Человека-волка [15, с. 151]. Более того, примечательно, что в «Вводных лекциях», где Фрейд задевает травматическое и тревогу, он пишет следующее: «Можно много сказать о тревоге, вообще не касаясь неврозности. Вы меня сразу поймёте, если такую тревогу я назову реальным страхом в противоположность невротической тревоге. Реальная тревога кажется нам чем-то очень рациональным и понятным. Мы можем о ней сказать, что она является реакцией на восприятие внешней опасности, то есть ожидаемого предвидимого повреждения, что она связана с рефлексом бегства и что в ней можно видеть выражение влечения к самосохранению» [8, с. 373].

Отметим в этом нагруженном отрывке, который требует, вероятно, отдельного исследования, посвящённого онтологии Фрейда, присутствие разделения на «реальную» и «невротическую» тревогу, присутствие «внешнего», биологический контекст «рефлекса бегства» и понятия «влечение к самосохранению» – от натурализма, которого Фрейд никогда не отказывался. Вместе с тем, если для Лакана биология – это область Реального науки, то для Фрейда, как уже было сказано ранее, – это

столкновение с самой реальностью в том ограниченном зазоре (как он и сам понимал), в котором она нам всё же дана. Если для Лакана природа Воображаема, и именно поэтому ею можно восхищаться, то для Фрейда природа – это то на что можно положиться [14, с. 21]. Как отмечает А. Зупанчич в своей работе «Что такое секс?», Лакану было важно сохранить Реальное невозможным именно потому, что в этом невозможном для него и находилась истина как противоречие, как становление. Следуя за Гегелем, он рассматривал непротиворечие – как ложь, поскольку становление – это то что и является субъекту тем, благодаря чему рождается понимание бытия [2, с. 227]. Эта динамика резко контрастирует с имеющейся «вечностью» метапсихологии (метафизики) Фрейда, полагавшегося на подобию и совпадения, что и проявилось в итоге в отличных интерпретациях бес-сознательного.

Психоанализ как теология постмодернизма

В связи с обнаруженным энергетическим и онтологическим несоответствием в оценке травматического опыта между Фрейдом и Лаканом интересную перспективу переворота лакановского Реального с *ex nihilo*, невозможного на возможность и избыток предлагает американский теолог и философ Маркус Паунд.

Главной мыслью книги Паунда – «Теология, психоанализ, травма» является утверждение о том, что таинство Евхаристии являет собой пере-живание травматического опыта, своего рода контр-травму, вызванную смертью всех смертей, то есть смертью Христа. Событие смерти Бога превосходит собой любую нехватку, как жизнь, рождённая из избытка смерти. Именно поэтому литургия обнаруживает травму не как нехватку, но как нарождающийся, выявляющийся экссесс жизни [16, с. 24]. Ссылаясь на Фому Аквинского, Паунд пишет, что в противоположность обрядовым предписаниям Ветхого Завета, где истина ещё не дана в полной мере, церемонии Нового Завета нужны для того, чтобы уберечь человека от Божьей полноты, «без которой мы были бы буквально сожжены силой Его любви» [12, с. 15]. В своей книге Паунд не оспаривает само наличие лакановского Реального, соглашаясь с его конститутивным присутствием, с его неустранимостью, настойчивостью, невозможностью, однако в том месте, где Лакан утверждает невозможность как истину, Паунд, ссылаясь на Кьеркегора пишет об истине как о раскрытии возможности. Так, например, комментируя высказывание Лакана о том, что религия во всех своих изводах предстаёт тем, что всегда ориентирует себя на прикрытие нестираемой дыры, показывает, что тревога вызывается не нехваткой, а ровно наоборот, свободой и ответственностью в свете чрезмерных возможностей [16, с. 46]. Это означает, что вопреки Лакану, для которого Бог – это лишь Символическое покрывало или вуаль, прикрывающая зияние Реального и сопряжённую с ним тревогу, на самом деле именно само обращение Бога посредством Символического и вводит тревогу, раскрывающую возможность встречи с желанием [16, с. 59].

Здесь же, вместо Паунда можно привести два психоаналитических примера, которые могли бы продемонстрировать тот переворот, который он производит внутри клинических интерпретаций самого же Лакана. Когда в известном сновидении, описанном Фрейдом, мёртвый сын спрашивает: «Отец, разве ты не видишь, что я горю?» – этот вопрос, звучащий как обвинение «Почему ты оставил меня?» (или как агония «для чего Ты Меня оставил?»), описывается самим же Лаканом как «ослепляющее нас пламя», которое «не даёт разглядеть

того, что пожаром охвачено Unterlegt, Untertragen, Реальное» [3, с. 66]. Избыток Реального, как можно было бы подумать, не сталкивает отца с дырой, в которую можно лишь завороченно провалиться, но прожигает сам Символический порядок, для того чтобы тот проснулся в стыдливой тревоге за то, что оставил тело своего сына без надлежащего наблюдения, со стариком, на которого нельзя было положиться. То же самое касается и интерпретации Лакана случая Маленького Ганса, в котором он переворачивает интерпретацию Фрейда, говоря о том, что тревогу вызывает не отсутствие Другого, не нехватка субъекта в момент столкновения с фобическим объектом, а ровно наоборот – его чрезмерное, слишком близкое, избыточное присутствие, из-за которого у ребёнка и не получается выйти из положения Воображаемого фаллоса матери. Эта насыщенность Другого представляет собой то, для чего и требуется Имя Отца – как то, что именует вещи, подобно солнцезащитным очкам (пример Паунда), застилающим избыток свечения Другого, тем самым убергая субъекта от Его слишком насыщенного присутствия.

В более поздних семинарах Лакан смещает акцент с Реального как травматического на Реальное как то, чем тело переполнено. Этот *plus-de-jouir* – избыточное или прибавочное наслаждение, хотя и негативно, то есть является всегда уже ответом на событие травмы, её симптомом, её репрезентантом, события которого никогда «в реальности» и не происходило, одновременно рождается в теле и в теле же разряжается. То, что травмирует позднего Лакана, – это не просто разрыв в Символическом и не то, что мы отчуждены от наших тел посредством языка, – травмирующим оказывается навязчивое нахождение материального тела, тела, которое не может быть поглощено никаким означающим, узнавая о себе в синтоме (*sinthome*).

Призрак травмы

Апофатический взгляд на травму Лакана выражает достаточно знакомую установку своего времени. Явление выдаётся за невозможное («Женщина не существует», «отношений не существует», «Реальное – невозможное» и т.д.), нечто, что прежде представлялось привычным, на самом деле не только не является привычным, но и не имеет возможности раскрыться иначе как через язык, который привязан к точке-означающему, у которого нет никакого референта, кроме ещё одного такого же означающего. В свою очередь интерпретация Паунда Реального порывает с этой перспективой, внося Внешнее, причём не обязательно Божественное, как то, что гарантирует исключение своей избыточной явленностью, одновременно подталкивая и к пересмотру травматического опыта, описанного в рамках психоаналитической теории.

Итак, травма – это то, что оказывается несоразмерно имеющимся ресурсам сознания, она дана этой инстанции как некий перенасыщенный опыт, который поэтому и становится доступен только в обличье поломки, ошибки, прерывания. Из этого исходит вывод о том, что именно благодаря травме имеется возможность говорить о границах, во-вторых, это означает, что оставшийся за пределами этой границы опыт становится бессмысленной, которая также может использоваться и как то, что укрывает, создаёт лагуну для тайны подобно паролю, загадке, мистическому опыту или симптому. Из-за того что травматический опыт избыточен, неспособен вместиться на уровне инстанции сознания, его некая часть оформляется на уровне бессознательного, а что-то от события не регистрируется, не проторивается вовсе (поскольку весь опыт события схватить невозможно). Оставаясь

не-опытом, не-пере-житым, эта нестираемая бессознательная запись находит для себя возможность вернуться в сознание посредством навязчивого повторения, чтобы получить своё признание, чтобы вписаться в рамки опыта, удобоваримого для субъекта. Субъект сшивает прорванные защиты психического, давая знать о том, что истинным принципом, располагающимся «по ту сторону принципа удовольствия», является не навязчивое повторение, которое выступает здесь средством возвращающего (в)не-опыт в инстанцию сознания, а связывание, которое внезапный, ворвавшийся (в)не-опыт соотносит с уже имеющимся. Вместе с тем, этот «вторичный процесс», ориентируя себя на «лечение» посредством связывания оставленной после избытка дыры, содержит в себе направление, что устремляет субъекта к бытию-в-ничто, к изначальному, неорганическому состоянию, выраженному в понятии «влечение смерти». Таким образом, в этом навязчивом (в)не-опыте, именно из-за того, что он навязчивый и, будучи всегда болезненным, переживается субъектом вне его намерений (поскольку его намерение определяется принципом удовольствия), обозначается присутствие Другого не только как того, кто является результатом вхождения в язык, но и как того, кто дан субъекту в наследство посредством своей причастности к жизни. В свою очередь, это означает, что то самое, что постоянно возвращается на своё место, что повторяется и не унимается для субъекта – это не случайный отпечаток или не знание означающего, представленного как производное от нехватки означающей структуры, но подобно влечению смерти, которое имманентно самой жизни (являясь её сопутствующим симптомом), это нечто, что выступает в качестве «призрака» изначального события. Всё это подводит к тому, что травма – это всегда динамика трёх повторений: первоначального, преследующе-интерпеллирующего фантазма-события, фантазма-овладения событием (связывание) отталкивающегося от первого, и влечения смерти, как того условия, что запускает процесс первых двух. Поэтому и лечение протекает посредством повторения травматического опыта, которое, подобно тревоге, являет собой не просто ожидание того, что может произойти, но ожидание того, что повторится, маркируя собой ещё несколько витков повторений внутри симптома.

Стоит обратить внимание на высказывание Зупанчич, которая, вопреки следованию в каждом шаге за лакановской буквой, внезапно пишет о том, что именно избыток, а не дыра – «это след изначальной, реальной травмы, предшествующей любому опыту, а навязчивое повторение эмпирического травматического опыта – это средство пробуждения страха для подчинения и «связывания» избытка» [2, с. 204]. На первый взгляд эта фраза более-менее согласуется со изложенным выше, однако не стоит забывать о том, что Зупанчич обозначает проблематику оформления любой онтологии условием наличия Реального, которое одним только своим присутствием будет всегда мешать построению каких-либо онтологий, поэтому, когда она пишет об опыте «реального», «материального» или «эмпирического» травмы, то нужно иметь в виду, что для неё (и для Лакана) эти явления всегда включают в себя расщеплённость субъекта языком. Расхождение с предложенной выше позицией заключается в том, что избыток – это не просто его негативная интерпретация как следа в психическом от изначальной, реальной травмы, в которую всегда включено Реальное, но это и избыток как таковой, которому нет никакого дела до того, включено ли в него Реальное или нет.

Взяв в пример военный невроз из «По ту сторону», скажем о том, что упавший рядом с солдатом снаряд кого-то травмирует с первого раза, кого-то – с десятого, а кому-то он будет лишь неприятен из-за переизбытка раздражения рецепторов органов. Разница располагается в нарцисме. Однако, то, что мы с уверенностью можем сказать, так это то, что упавший рядом снаряд производит «след», и этот след проторит себя в психическом субъекта и оставит себя в сущем вне зависимости от того, вызвал он в итоге у кого-то военный невроз или нет. Немного более сложным примером будет лента Мёбиуса (и другие схожие топологические фигуры вроде бутылки Клейна или фигуры тора), которая выявляет проблематику нахождения того, где кончается внешнее и начинается внутреннее, выраженная в неологизме Лакана – *extimité* (экстимность). И действительно, в ленте Мёбиуса достаточно сложно отследить (если это вообще возможно) тот самый момент, когда кончается внутреннее и начинается внешнее, однако даже на этом примере, который должен был бы поставить под сомнение достоверность конфликта, всё-таки имеется возможность уверенно говорить о том, что субъект взаимодействует с протяжённой поверхностью и что эта протяжённая поверхность непрерывна.

Этот, казалось бы, очевидный вывод, который восстанавливает конфликт внешнего и внутреннего, но уже на другом уровне, приходится проговаривать в связи с тем, что психоанализ в его лакановском ответвлении отошёл от дуализма, содержащегося в понятии «влечение», которое является именно что репрезентантом телесного раздражения, но не как часть тела, что всегда уже покрыта означающим (за исключением периода *lalangue*, данного лишь в последствии), представляющим другое означающее, не имеющего внешнего референта, а как репрезентант в психическом, который репрезентирует биологический орган, о чём и пишет Фрейд, не оставляя места для иной интерпретации влечения [10, с. 75]. Другими словами, в сущем действительно что-то произошло, но это что-то получает свою интерпретацию в бессознательном, основываясь изначально на органе. Это подтверждает и то, что основные влечения: анальное, оральное, скопическое и влечение зова – рождаются не в каком-нибудь случайном месте на теле, а именно вокруг телесных каёмки, очерчивая динамику тех мест, что и позволят впоследствии явить онтологическую или, вернее, фаллическую логику присутствия/отсутствия.

Заключение

В заключение стоит сказать о том, что за скобками были оставлены вопросы, касающиеся нарцисма, неборромева связывания, временного зазора между избытком-травмой и появлением ответа-симптома, а также понятие «последствие», которое вводит дополнительную сложность, связанную с установлением той точки, которую зачастую лишь условно можно назвать отсчётной в травме. Однако, ориентируясь на первоначальный тезис, наиболее важным здесь было указание на непроговорённое противоречие, содержащееся в описании травматического опыта у Фрейда и у Лакана. Результатом становится новое прочтение Реального и травмы посредством его теологической переориентации с дыры, провала, невозможности на избыток и возможность. Эта переориентация, в свою очередь приоткрывает интересную перспективу вместо ставшего уже конвенциональным прочтения Фрейда через Лакана, поступить наоборот, и прочесть Лакана, прочитывающего Фрейда через Фрейда, тем самым позволяя современным исследова-

ниям, посвященным феноменологии травмы, культуре травмы, но также и антропологическим исследованиям посвящённым генезису обществ начать учитывать, как различия имеющиеся между этими двумя авторами, так и возможность прочитывать их вместе с уже обозначенным условием переориентации Реального.

Литература

1. Бернет, Р. (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / Сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. – М.: Академический проект, 2014. – 123 с.
2. Зупанчич, А. Что такое секс? / Под ред. В. Мазина и Я. Михалиной. – СПб.: Скифия-принт, 2020. – 204, 227 с.
3. Лакан, Ж. Семинары. Книга 11: Четыре основные понятия психоанализа (1964) / Ж. Лакан; пер. с франц. А. Черноглазова. – Москва: «Гнозис», 2004. 66 с.
4. Лакан, Ж. Семинары. Книга 7: Этика (1959/1960) / Ж. Лакан; пер. с франц. А. Черноглазова. – Москва: «Гнозис», «Логос», 2006. 78, 111, 128 с.
5. Миллер Ж.-А., Лакановская ориентация / Ординарные психозы: новая клиника № 7 / Международный психоаналитический журнал / пер. с фр. Д. Кудрявцевой. – Фрейдово поле/Гнозис Москва, 2017. – 32с
6. Ушакин, С. «Нам этой болью дышать»? / О травме, памяти и сообществах / Травма: пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 14 с
7. Фрейд, З. набросок психологии: критически-историческое исследовательское издание / пер. с нем. С.Ф. Сироткина. – Ижевск: ERGO, 2015. – 10 с.
8. Фрейд, З. Собрание сочинений в 26 томах. Т. 20. Лекции по введению в психоанализ. Т. 21. Новый цикл лекций по введению в психоанализ / Пер. с нем. А. Боковой. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2021. – 280, 373 с.
9. Фрейд, З. Собрание сочинений в 26 томах. Т. 13. Статьи по метапсихологии. Т. 14. Статьи по метапсихологии 2 / Пер. с нем. А. Боковой. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2020. – 213, 222 с.
10. Фрейд, З. Собрание сочинений в 26 томах. Т. 7. Три очерка по теории сексуальности / Пер. с нем. Г. Снежинской. – Санкт-Петербург: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2017. – 75, 130 с.
11. Freud, S. A Case of Successful Treatment by Hypnotism: With Some Remarks on the Origin of Hysterical Symptoms through 'Counter-Will'. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. London: London the Hogarth Press, 1994. – P. 1:122–123
12. Keller, C., Pound, M. The Other Journal: Psychopathology, № 10 / C. Keller, M. Pound. – Режим доступа: <https://theotherjournal.com/2008/01/lacanian-psychanalysis-and-the-traumatic-intervention-of-the-eucharist-an-interview-with-marcus-pound/>
13. Lacan J. Le Séminaire. Livre XXII: R.S.I., Ornica?, № 5. P. 53
14. Lacan J. Le Séminaire. Livre XVI: D'un autre à l'Autre. Paris: Seuil, 2006. – P. 33
15. Masson, J. The assault on truth: Freud's suppression of the seduction theory. London: Faber & Faber, 1984. – P. 151
16. Pound, M. Theology, Psychoanalysis, Trauma. London: SCM Press, 2007. – p. 24, 33, 46, 59

THE PROBLEM OF EXCESS IN HUMAN TRAUMATIC EXPERIENCE IN THE THEORIES OF FREUD AND LACAN

Mtvralashvili M.E.

European University at St. Petersburg

The subject of the study is the issue of excess in human traumatic experience. The article questions the unambiguous structuralist interpretation of Freud, drawing attention to significant differences between the presentation of trauma by Freud and Lacan. If the first reads trauma as an energetic excess, then for the second, trauma is a failure, a hole in the Symbolic, a clash with the Real. Accordingly, the main focus of the article is an attempt to find something that could connect the existing contradiction, and this is precisely why reference is made to third authors. After presenting Freud's "classical" psychoanalytic position on traumatic experience, Lacan's position is presented, which reveals a difference in what trauma is not only at the level of "economics" but also at the level of ontology. In order to bring Freud's and Lacan's teachings on trauma to some common denominator, the article turns to theology, to the study of Marcus Pound, who, through theology, attempts to consider Lacan's Real not as a lack, but as an excess of possibilities, which causes anxiety. In conclusion, various theological, realistic and metapsychological arguments are given as examples. Using these examples of Lacan's own interpretations, his fundamental position becomes clearer. Being is given exclusively in its contradiction and in the absence of an external referent, while possibility is a lie. The article then attempts to reexamine traumatic experience through the prism of both Freud and Lacan, asserting an ontology that could unite the teachings of both without removing the existing contradiction. The article offers a completely new reading of traumatic experience, whose originality largely lies in the attempt to read Lacan reading Freud through Freud himself.

Keywords: trauma, Lacan, Freud, psychoanalysis, excess, hole, impossible, Real, ontology, theology

References

1. Burnet, R. (Post)phenomenology: the new phenomenology in France and beyond / Comp. S.A. Sholokhova, A.V. Yampolskaya. – M.: Academicheskyy proekt, 2014. – 123 p.
2. Zupancic, A. What is sex? / Ed.V. Mazin and Ya. Mikhailina. – St. Petersburg: Skifia-print, 2020. – 204, 227 p.
3. Lacan, J. Seminars. Book 11: The Four Basic Concepts of Psychoanalysis (1964) / J. Lacan; trans. from French by A. Chernoglazov. – Moscow: "Gnosis", 2004. 66 p.
4. Lacan, J. Seminars. Book 7: Ethics (1959/1960) / J. Lacan; trans. from French by A. Chernoglazov. – Moscow: "Gnosis", "Logos", 2006. 78, 111, 128 p.
5. Miller J.-A., Lacanian orientation / Ordinary psychoses: new clinic № 7 / International psychoanalytic journal / trans. from French by D. Kudryavtseva. – Freud's field / Gnosis Moscow, 2017. – 32 p.
6. Ushakin, S. "Should we breathe this pain"? / About trauma, memory and communities / Trauma: points: Collection of articles / Comp. S. Ushakin and E. Trubina. – M.: New literary review, 2009. – 14 p.
7. Freud, Z. Outline of psychology: critical-historical research publication / trans. from German by S.F. Sirotkina. – Izhevsk: ERGO, 2015. – 10 p.
8. Freud, Z. Collected Works in 26 Volumes. Vol. 20. Lectures on Introduction to Psychoanalysis. Vol. 21. New Lecture Cycle on Introduction to Psychoanalysis / Translated from German by A. Bokovikova. – SPb.: East European Institute of Psychoanalysis, 2021. – 280, 373 p.
9. Freud, Z. Collected Works in 26 Volumes. Vol. 13. Articles on Metapsychology. Vol. 14. Articles on Metapsychology 2 / Translated from German by A. Bokovikova. – SPb.: East European Institute of Psychoanalysis, 2020. – 213, 222 p.
10. Freud, Z. Collected Works in 26 Volumes. Vol. 7. Three Essays on the Theory of Sexuality / Translated from German by G. Sneshinskaya. – St. Petersburg: East-European Institute of Psychoanalysis, 2017. – 75, 130 p.
11. Freud, S. A Case of Successful Treatment by Hypnotism: With Some Remarks on the Origin of Hysterical Symptoms through 'Counter-Will'. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. London: London the Hogarth Press, 1994. – P. 1:122–123
12. Keller, C., Pound, M. The Other Journal: Psychopathology, № 10 / C. Keller, M. Pound. – Access mode: <https://theotherjournal.com/2008/01/lacanian-psychoanalysis-and-the-traumatic-intervention-of-the-eucharist-an-interview-with-marcus-pound/>
13. Lacan J. Le Seminaire. Livre XXII: R.S.I., Ornicar?, No. 5. P. 53
14. Lacan J. Le Seminaire. Livre XVI: D'un autre à l'Autre. Paris: Seuil, 2006. – P. 33
15. Masson, J. The assault on truth: Freud's suppression of the seduction theory. London: Faber & Faber, 1984. – P. 151
16. Pound, M. Theology, Psychoanalysis, Trauma. London: SCM Press, 2007. – p. 24, 33, 46, 59

Конструирование культурно-цивилизационной дифференциации в глобальном медиапространстве

Таран Максим Денисович,

Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: mrsmesh2015@gmail.com

Гавров Сергей Назипович,

доктор философских, наук профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: sngavrov@fa.ru

Статья посвящена исследованию механизмов культурно-цивилизационной дифференциации в условиях информационных войн. Современные конфликты более не ограничиваются вооруженным формированием – они разворачиваются в когнитивных ландшафтах, где киберсимулякры, подобно вирусам, искажают реальность. Через призму авторских дефиниций – от «информационной войны» как синергетического импринтинга коллективного бессознательного до «мягкой силы», внедряющей внешние идеи как внутренние откровения, – раскрывается технологический арсенал эпохи: ботнеты-хаосогены, DDoS-штормы, рекурсивные триггеры рефлексивного управления и самоподпитывающаяся дезинформация. На примере событий 2023–2025 годов анализируются методы конструирования противостояний в глобальном медиапространстве, включая использование искусственного интеллекта, deepfake-технологий, пропаганды и кибератак. Доказано, что ключевым инструментом дифференциации становится манипуляция массовым сознанием через подмену исторических нарративов. Научная новизна работы заключается в систематизации тактик информационного воздействия, применяемых государственными и негосударственными акторами, а также в разработке концепции противодействия угрозам цифрового суверенитета.

Ключевые слова: информационные войны, медиапространство, цифровой суверенитет, манипуляция сознанием.

Политическая аналитика обречена на перманентную эволюцию, дабы не стать реликтом в цифровых руинах новой реальности, технологий должны качественно интегрироваться в контекст времени. Актуальность темы обусловлена трансформацией глобального медиапространства в арену культурно-цивилизационного противостояния. Современные информационные войны, в отличие от классических военных конфликтов, оперируют технологиями, способными формировать альтернативные реальности, разрушать исторические нарративы и радикализировать общество. В 2023 году эти процессы достигли пика интенсивности благодаря внедрению искусственного интеллекта (ИИ) и алгоритмов генерации контента.

Сегодня информация играет первостепенную роль, общество трансформируется: аграрное, индустриальной, а сегодня информационное. Кто владеет информацией – тот правит миром, следует из философии Баумана. Следовательно, приоритеты расставляются следующим образом, хочешь править, владей медиапространством. Это аксиома выступает виновником споров различных теоретиков, нет единой формулировки, способной обозначить категории медиапространства, ясна лишь сущность, медиапространство отменяет образы, местности лишаются своих географических, исторических, культурных значений, «вызывая к жизни пространство потоков, заменяющее пространство мест» [1].

Информационная война включает в себя методы и средства, которые в привычном понимании невидны, однако их проявление повсюду. Войны будущего основываются на свойствах, именуемых киберсимулякрами, которые контролируются и способны формировать события, не происходящие в действительности, а также вовсе компилировать реальность [2]:

1. иллюзия нереальных событий, влияющий на политические сферы общества;
2. имитация протестной активности;
3. влияние на восприятие социально реальности посредством предрассудков и стереотипов;
4. активизация политически активных граждан из сетевого формата в формат реального присутствия на улицах и дальнейшее протестное движение;
5. внедрение ложных, порой альтернативных необходимостей и ритуалов для людей по типу социального конструктора;
6. компрометация лидеров мнений и политических конкурентов;
7. вброс искусственных общественно-значимых событий и дальнейшее конструирование информационной повестки.

Теоретико-методологическая база может быть разделена на несколько понятий, относящихся к современным методам конструирования культурно-цивилизационной дифференциации.

Автор предлагает следующие дефиниции:

- 1) Информационная война – Стратегически организованный процесс синергетического воздействия на когнитивно-сетевые структуры социума, направ-

ленный на дестабилизацию общества, подрыв целостности коллективного сознания, где доминирующие нарративы формируются через импринтинг заданных образов и паттернов в условиях искусственно созданной энтропии информационного поля.

- 2) Гибридная война – Полимодальный конфликт, реализуемый в пространстве нелинейных взаимодействий, где тактики физической атаки и информационной когерентно резонируют, порождая каскадные бифуркации в системе противника, ведущие к коллапсу и перехода системы в необратимое состояние дисбаланса.
- 3) Кибервойна – Высокоавтономные действия в цифровой среде, где алгоритмы Искусственного интеллекта и ботнетов осуществляют эксплуатацию уязвимостей цифровых экосистем, оперируя в автономном режиме до момента декогеренции (обнаружения), после чего система переходит в необратимо компрометированное состояние.
- 4) Дезинформация – Коммуникационное воздействие, подменяющее истину на ложь и имитирующее когнитивный вирус, структурированный как дефект в семантическом поле, который искажает метрику информационного пространства, создавая сингулярности ложного резонанса (self-reinforcing myths), устойчивые к фактологическому «гравитационному притяжению» реальности. Дезинформация мифологизирует образы, ложь не остается статичной, а самоусиливается.
- 5) Мягкая сила – Стратегия неинвазивного доминирования, основанная на генерации идей коллективного бессознательного через управление параметрами культурно-цифрового ландшафта, где влияние достигается не убеждением, а доверием к внушенным смыслом через их кажущуюся независимость. Внедрение внешних идей как внутренних.
- 6) Рефлексивное управление и манипулятивные стратегии (В. Лефевр) – Метод обмана, при котором жертва манипуляции самостоятельно генерирует модели реальности, предсказуемо сходящиеся к подконтрольным заданным установкам агрессора, благодаря внедрению в её когнитивный аппарат рекурсивных триггеров, имитирующих эвристическое мышление.

Информационное пространство предстаёт как экосистема, где взаимодействуют люди, алгоритмы, а также коллективные паттерны сознания. Информационная война является целенаправленным использованием технологий и СМИ для достижения политических, экономических и военных целей. Инструментарий традиционных представлений о ведении информационного противостояния включает в себя следующие элементы:

1. Пропаганда, исторически ассоциируемая с механизмами недемократических режимов, представляет собой стратегическую диффузию идеологических конструктов, направленную на модификацию массового сознания [3]. Её функциональный спектр простирается от легитимации власти через формирование символического капитала [4] до мобилизации социума в условиях кризиса. Примечательно, что в демократических системах пропаганда адаптируется, маскируясь под институты «свободной информации».
2. Кибератаки, возникшие как продукт технологической революции, трансформируют природу политического противостояния [5]. Использование ботнетов, алгоритмов искусственного интеллекта и DDoS-атак, таргетированных на государственные инфраструктуры, репрезентирует переход от физического

насилия к семиотическому. Данные практики, вписанные в парадигму «кибервойны» [6], направлены не только на уничтожение данных, но и на подрыв доверия к институтам через дестабилизацию информационного поля.

3. Шантаж, операционализируемый через угрозу разглашения компрометирующих данных, функционирует как инструмент дисциплинарной власти [7]. В микроуровневых контекстах (напр., корпоративные конфликты) он опирается на персонализированные нарративы, тогда как на макроуровне (государственные акторы) приобретает характер системного подавления инакомыслия. Показателен кейс угроз в адрес Э. Сноудена, где угроза юридических последствий служила механизмом контроля над информационными потоками.
4. Заведомо некорректная интерпретация фактов и контекстуализация фактов, известная в медиадискурсе как «фрейминг» по Энтману [8], направлена на конструирование альтернативных смысловых моделей. Примеры включают ревизию исторических событий в образовательных программах или медиатизацию политических скандалов через изоляцию фактов от их системных связей. Подобные практики навязывают аудитории искажённые схемы интерпретации реальности – переписывание истории.
5. Создание и распространение фейковых новостей. Феномен фейков достигший апогея в эпоху социальных сетей, репрезентирует кризис рационального дискурса. Распространение фиктивных или искажённых сообщений, например мифологизация «гражданской войны» в медиа, функционирует как инструмент формирования ложной картины мира. Этот процесс, вписанный в концепт «постправды» [9], эксплуатирует когнитивные искажения массового сознания, трансформируя информацию в оружие эмоционального резонанса. Такие материалы могут послужить формированию ксенофобии у широкой общественности, например геноцид в Руанде и роль «Свободного радио тысячи холмов».

Помимо приведенных методов ведения информационной войны, существуют разновидности и градации технологического средств, используемые на базовом уровне взаимодействия СМИ, политических кластеров, компаний и конкретных акторов.

Неоднократное повторение лжи один из распространенных методов ведения информационной войны. На примере выборов в США демократы реализовывали свою враждебность к республиканцам в борьбе за избирателей посредством этого метода. В преддверии президентских выборов в США Барак Обама вновь заявил, что Дональд Трамп якобы одобрил действия неонацистов [10]. На предвыборном мероприятии в поддержку Камалы Харрис Обама напомнил о событиях 2017 года в Шарлотсвилле, утверждая, что Трамп назвал неонацистов «очень хорошими людьми». Однако, тогдашний президент США осудил насилие со стороны ультраправых и антифа, а «очень хорошими людьми» он назвал тех, кто выступал за сохранение памятника генералу армии конфедератов Роберту Эдварду Ли. Эта ложь, уже использовавшаяся Джо Байденом в его президентской кампании четыре года назад, вновь появилась в информационном поле. Примечательно, что тогда же, под давлением демократической партии и ФБР, либеральные СМИ и социальные сети замалчивали информацию о нутбуке Хантера Байдена, что подтверждает ангажированность либеральных СМИ демократической партии.

Спустя семь лет после пресс-конференции в Шарлоттвилле, где Дональд Трамп, по его словам, «полностью осудил» неонацистов, сайт Snopes по проверке фактов, признал отсутствие у Трампа заявлений в поддержку ультраправых. Однако технология пользуется своей эффективностью, неоднократно повторенная ложь мимикрируется под истину, даже в случае ее опровержения, так как фокус внимания людей уже не сфокусирован на изменении нарратива.

Заключение

Как основной метод ведения информационных противостояний является использование технологий засорения информационного пространства, в том числе посредством враждебной лжи, очевидным выводом стоит выдвигать то, что информационные границы страны необходимо охранять и отсекал подобные попытки внедрения в национальные границы, используя манипуляции сознанием, актуальную повестку и так далее.

Сегодняшняя эпоха перехода к шестому информационному строю означает грядущий хаос. Общество использует передовые технологии и инструменты для обработки, хранения и передачи информации. Россияне прочувствовали на себе все когнитивные атаки за последние годы, которые порождают психологическое волнение не только в национальном плане, но и личном. В обозримом будущем информационная война примет вид экосистемы из алгоритмов. Искусственный интеллект станет автономным агентом, генерирующим контент, который эволюционирует по законам дарвинизма: «выживают» самые виральные идеи.

Литература

1. Монастырёва, О.В. Медиапространство: обзор представлений и подходов к пониманию / – Текст: электронный // Cyberleninka: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaprostranstvo-obzor-predstavleniy-i-podhodov-k-ponimaniyu> (дата обращения: 22.02.2025).
2. Володенков, С.В. Сетевые информационные войны в современных условиях: основные акторы и стратегии. – Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevye-informatsionnye-voyny-v-sovremennyh-usloviyah-osnovnye-aktory-i-strategii> (дата обращения: 22.02.2025).
3. Lasswell H.D. The Theory of Political Propaganda // The American Political Science Review, 1927, vol. 21, № 3, p. 627.
4. Кузьменко, Ю. А. ФЕЙКОВАЯ ПРОПАГАНДА КАК ИНСТРУМЕНТ ДЕЗИНФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА И БОРЬБА ЗА ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ / – Текст: электронный // cyberleninka: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/feykovaya-propaganda-kak-instrument-dezinformatsii-obschestva-i-borba-za-ih-rasprostranenie> (дата обращения: 22.02.2025).
5. <https://mrroot.pro/wp-content/uploads/2023/12/kiberkrepost.pdf> стр.43 Левашов, Петр Кибекрепость / Петр Левашов. – Санкт-Петербург, 2024. – 541 с. – Текст: непосредственный.
6. In Athena's Camp: Preparing for Conflict in the Information Age. 1997. John Arquilla and David Ronfeldt, page 65
7. <https://rabkor.ru/columns/analysis/2024/03/21/disciplinary-power-of-michel-foucault-as-the-basis-of-a-neoliberal-type-of-management/>
8. Entman R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication, 1993. Vol. 43, № 4. P. 52

9. Keyes, R. (2011) The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. New York, St. Martin's Press. 196 p.
10. Obama says Donald Trump is trying to 'kneecap' US Postal Service ahead of presidential election. – Текст: электронный // Politico: [сайт]. – URL: <https://www.scmp.com/news/world/united-states-canada/article/3097484/obama-says-donald-trump-trying-kneecap-us-postal> (дата обращения: 22.02.2025).

CONSTRUCTION OF CULTURAL AND CIVILIZATIONAL DIFFERENTIATION IN THE GLOBAL MEDIA SPACE

Taran M.D., Gavrov S.N.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the study of mechanisms of cultural and civilizational differentiation in the context of information wars. Modern conflicts are no longer limited to armed formation – they unfold in cognitive landscapes, where cyber-simulacra, like viruses, distort reality. Through the prism of the author's definitions – from 'information warfare' as a synergetic imprinting of the collective unconscious to 'soft power' that introduces external ideas as internal revelations – the technological arsenal of the era is revealed: chaosogenic botnets, DDoS storms, recursive triggers of reflexive control, and self-fuelled disinformation. Using the events of 2023–2025 as an example, the methods of constructing confrontations in the global media space are analysed, including the use of artificial intelligence, deepfake-technologies, propaganda and cyberattacks. It is proved that the key tool of differentiation is manipulation of mass consciousness through the substitution of historical narratives. The scientific novelty of the work lies in the systematisation of information influence tactics used by state and non-state actors, as well as in the development of the concept of countering threats to digital sovereignty.

Keywords: information wars, media space, digital sovereignty, manipulation of consciousness.

References

1. Monastireva, O.V. Media space: an overview of ideas and approaches to understanding / – Text: electronic // Cyberleninka: [site]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaprostranstvo-obzor-predstavleniy-i-podhodov-k-ponimaniyu> (date of access: 02/22/2025).
2. Volodenkov, S.V. Network information wars in modern conditions: main actors and strategies. – Text: electronic // cyberleninka.ru: [site]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevye-informatsionnye-voyny-v-sovremennyh-usloviyah-osnovnye-aktory-i-strategii> (date of access: 02/22/2025).
3. Lasswell H.D. The Theory of Political Propaganda // The American Political Science Review, 1927, vol. 21, no. 3, p. 627.
4. Kuzmenko, Yu. A. FAKE PROPAGANDA AS AN INSTRUMENT FOR DISINFORMING SOCIETY AND THE STRUGGLE FOR ITS SPREAD / – Text: electronic // cyberleninka: [site]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/feykovaya-propaganda-kak-instrument-dezinformatsii-obschestva-i-borba-za-ih-rasprostranenie> (date of access: 02/22/2025).
5. <https://mrroot.pro/wp-content/uploads/2023/12/kiberkrepost.pdf> p.43 Levashov, Petr Cyberkrepost / Petr Levashov. – St. Petersburg, 2024. – 541 p. – Text: direct.
6. In Athena's Camp: Preparing for Conflict in the Information Age. 1997. John Arquilla and David Ronfeldt, page 65
7. <https://rabkor.ru/columns/analysis/2024/03/21/disciplinary-power-of-michel-foucault-as-the-basis-of-a-neoliberal-type-of-management/>
8. Entman R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication, 1993. Vol. 43, no. 4. p. 52
9. Keyes, R. (2011) The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. New York, St. Martin's Press. 196 p.
10. Obama says Donald Trump is trying to 'kneecap' US Postal Service ahead of the presidential election. – Text: electronic // Politico: [website]. – URL: <https://www.scmp.com/news/world/united-states-canada/article/3097484/obama-says-donald-trump-trying-kneecap-us-postal> (accessed: 02/22/2025).

Научно-просветительская деятельность древлеправославного епископа Курского Аполлинария (Дубинина) в зеркале канонического права

Аторин Роман Юрьевич,

к.ф.н., доцент кафедры Философии ГУУ

E-mail: romanos-85@yandex.ru

В статье предоставлен канонический анализ научно-педагогической деятельности древлеправославного епископа¹ Курского Аполлинария (Дубинина) в контексте проблемы совмещения компетенций учёного и религиозного деятеля, наделённого священным саном.

Ключевые слова: старообрядчество, древлеправославие, православное каноническое право, «священное и мирское», христианство и светское просвещение.

Курские земли всегда считались традиционным местом компактного проживания старообрядцев – потомков русских православных христиан, не принявших результаты церковной реформы XVII века [1]. Большинство курских старообрядцев являются последователями т.н. «новозыбковской» иерархии, юридически составляющей религиозную организацию «Русская Древлеправославная церковь». Это одно из направлений (согласий) старообрядчества, канонически оформившееся в 1923 году, когда саратовский архиепископ Никола Позднев положил начало самостоятельной трёхчинной иерархии, присоединившись к среде древлеправославных христиан-старообрядцев, которые сомневались в каноничности образованной веком раньше «белокриницкой» иерархии (Русская Православная старообрядческая Церковь). Белокриницкая иерархия была основана в 1846 году митрополитом Босно-Сараевским Амвросием Паппа-Георгополисом.

Изменение конфессиональной политики государства после 1988 года стимулировало развитие почти всех существующих на то время религиозных организаций, чья деятельность не противоречила законодательству. Что касается православия – то восстановление и ремонт старых храмов, строительство новых, упрощённая регистрация религиозных организаций в органах юстиции, увеличение количества приходов и прихожан, открытие учебных заведений различного образовательного уровня – все это сыграло положительную роль в возрождении консервативных ценностей, характерных для православной религиозной культуры.

В конце 80-х гг. XX века старообрядцам г. Курска был передан успенский храм, расположенный по ул. Антокольского, 12. «Кирпичный храм, выстроенный в 1812 г. (по другим данным в 1830-х) для единоверческой общины на месте прежде бывшей старообрядческой часовни. Двусветный одноглавый четверик с южным Космодамианским приделом, трапезной и трёхъярусной колокольной, декор выдержан в духе провинциального классицизма. Храм закрыт в 1939, во время оккупации открыт. Вновь закрыт в 1961 (по другим данным в 1953), занят складом. В 1989 передан старообрядческой общине, отремонтирован» [10]. Старообрядческой общине г. Курска необходим был священник. Так был найден кандидат Александр Григорьевич Дубинин (1 января 1949–12 января 2021), из потомственных старообрядцев. Кандидат химических наук, доцент Московского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева, специалист в области биоэлектрохимии, постоянный участник международных научных конференций. С 1988 года – член Международного биоэлектрохимического общества. С 1996 года – член Нью-Йоркской академии наук [2]. Владел английским и французскими языками.

В 1990 году А.Г. Дубинин принял монашество с именем Аполлинарий, после чего Архиепископом Новозыбковским, Московским и всея Руси Геннадием Антоновым был рукоположен в сан священноинока в январе 1991 года. Исследователь отмечает: «Неутолимая энергия талантов священноинока Аполлинария, позволившая ему успешно совмещать научную и преподавательскую деятельность с церковным служением, возрождением по-

¹ В достоинство епископа о. Аполлинарий Дубинин был рукоположен в 2000 году, и события, освещаемые в настоящей статье, происходили до его архиерейской хиротонии. Обозначив в названии статьи сан Аполлинария Дубинина как епископа, в самом тексте будет фигурировать его имя как священника.

луразрушенного храма, явилась источником глубокого уважения к отцу Аполлинарию <...>. Неубедительно, что, когда в Новозыбкове был поднят вопрос об учреждении в Курске старообрядческой епархии, настоятель Успенского храма стал рассматриваться как возможный кандидат в епископы» [3].

Александр Григорьевич Дубинин с 1971 года работал в РХТУ им. Д.И. Менделеева на должности доцента. Однако, спустя некоторое время в Новозыбковской Архиепископии Русской Древлеправославной церкви посчитали невозможным факт дальнейшего совмещения преподавательской деятельности и церковного служения священноинока Аполлинария. Известный религиовед, д. полит.н. зам директора института Европы РАН Роман Лункин пишет: «В конце 1999 – начале 2000 года в Курске возник конфликт между настоятелем одного из самых многочисленных приходов в России – о. Аполлинарием и вновь назначенным епископом Курским Львом, который начал упрекать о. Аполлинария в бездействии в восстановлении приходской жизни и выражать неудовольствие частыми поездками настоятеля на светские научные конференции без разрешения» [7]. На протяжении 90х-2000 гг. XX в., церковноначалие периодически возвращалось к вопросу об оставлении о. Аполлинарием научно-просветительской деятельности в РХТУ им. Д.И. Менделеева. В одном из соборных деяний сказано: «Священноинок Аполлинарий письменно пообещал оставить светскую работу <...> в апреле 2001 г. С этим условием Заседание Совета епископов приняло решение, позволяющее священноиноку Аполлинарию до апреля 2001 г. совмещать служение в церкви и работу преподавателя в РХТУ им. Д.И. Менделеева» [4]. (Письменное обещание, данное о. Аполлинарием, мы рассматриваем как следствие беспрецедентного административного нажима).

Все обвинения в адрес священника апеллируют к 6 апостольскому правилу, которое гласит: «Епископ или пресвитер, или диакон да не приемлет на себя мирских попечений»¹. 6 Апостольскому правилу вторит 11 Правило Двукратного Константинопольского Собора: «Пресвитеров, или диаконов, приемлющих на себя мирские начальственные должности или попечения, или в домах мирских начальственных лиц звание управителей, божественные и священные правила подвергают извержению. То же и мы, подтверждая и о прочих, принадлежащих к клиру, определяем: аще кто из них вступит в мирские начальственные должности, или в домах начальственных лиц, или в градских предместьях примет на себя звание управителя: таковой да изженется из своего клира. Ибо, по реченному от самого Христа истинного Бога нашего, и неложному слову, никтоже может двема господинама работати (Мф. 6:24)».

В 6 Апостольском правиле и 11 правиле Двукратного Константинопольского собора предусмотрено, сугубое сосредоточение на церковном поприще, совершение регулярных богослужений, забота о пастве, развитие приходской жизни, и уклонение от светских дел и того, что в правилах именовано «мирские попечения».

На первый взгляд вышеприведённые правила действительно создают впечатление об абсолютном устраниении священнослужителя всего того что касается светской жизни. Однако для более основательного понимания сути вопроса необходимо обратиться к толкованию 6 Апостольского правила авторитетными отцами Церкви. Византийскому историку и богослову Иоанну Зонаре, Патриарху Антиохийскому Феодору Вальсамону и византийскому канонисту Алексею Аристину.

¹ При цитировании толкований на канонические определения, как правило, ссылаются на сборники канонов «Кормчая», или «Трёхтолкавая кормчая», используя любое их издание.

Итак, Иоанн Зонара пишет: «Исчисленным в правиле лицам запрещено вдаваться в мирские дела; ибо правило хочет, чтобы они свободно занимались божественным служением, и не позволяли себе вмешиваться в мирские дела и *народные смятения* (курсив наш – авт.). Алексей Аристин в толковании на это же 6 Апостольское правило говорит о запрете на ведение мирской деятельности «для приобретения постыдной прибыли себе». А Феодор Вальсамон, разбирая смысл этого правила, приводит пример, когда самого Алексея Аристина «Святейший Синод приглашал удержаться от *светской судебной должности*». В Славянской Кормчей написано о запрете на светскую деятельность «зла ради приобретения своего».

Таким образом, исходя из толкования вышеприведённых правил авторитетными канонистами, 6 апостольское правило утверждает о следующем. Рукоположенному в священный сан лицу не подобает следующее.

1. Участвовать в светских бунтах, провоцировать и совершать действия, влекущие за собой возмущение народа, и, как следствие, социальную нестабильность.
2. Священнослужитель не должен занимать светские административные должности, особенно в сфере управления, во избежание соблазна присвоения неправедных финансовых доходов.
3. Духовному лицу недопустимо быть судьёй в светском юридическом делопроизводстве. Однако в данном случае не возбраняется быть консультантом при подобных мероприятиях.
4. По 11 Правилу Двукратного Константинопольского Собора: «аще кто из них вступит в мирские начальственные должности, или в домах начальственных лиц, или в градских предместьях примет на себя звание управителя: таковой да изженется из своего клира». Здесь говорится о недопустимости принятия на себя священнослужителем функций административного и государственного управления, ибо последнее, как занимающее много времени, будет негативным образом влиять на служение пастырское.

Однако каноническом наследии Православия не существует запрета на *просветительскую деятельность*, и всё, что с ней связано: преподавание в учебных заведениях, участие в публичных дискуссиях, что нередко происходит на конференциях, и т.п.

Священноинок Аполлинарий Дубинин по светской профессии являлся человеком науки и преподавателем высшего учебного заведения. Анализ канонического права не выявляет запрет священнослужителю на преподавание (фактически – просвещение в той или иной области знания). Более того, научное просвещение созвучно просветительской природе христианства, а преподавательская деятельность по своей природе сходна со служением пастырским. Преподавание и христианское просвещение есть явления одного и того же духовного же духовного порядка, исходная цель которых – назидание, научение, уразумение. «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их исполнять всё, что Я заповедал вам» (Мф. 28:19–20). (Апостолы, кроме сверхъестественных даров говорения на разных языках, дара совершения чудес, воскрешения мёртвых, исцеления больных, повеления стихий природы и т.п., для совершения проповедничества, не могли не получить *педагогического дара назидания* в Божественном Событии Пятидесятницы).

Многие великие учёные были религиозными людьми, а первые учебные заведения (школы и университеты) появились именно в христианских монастырях, на интеллектуальной подоплёке учёных-монахов. Видные христианские святые считали своим долгом всячески содействовать религиозному и научному просвещению. В числе

христианских просветителей Отечества наряду с подобным Сергием Радонежским стоят святые Кирилл и Мефодий – просветители славян, митрополит Илларион, преподобный Максим Грек, святитель Геннадий Новгородский, преподобные Иосиф Волоцкий и Нил Сорский, святитель Алексей Московский, патриарх Филарет Романов.

Мы же резюмируем, что преподавание в университете студентам учебных дисциплин, связанных с химией о. Аполлинарию не только не должно было ему возбраняться, но и вменяться как своего рода обязанность, исходя из *самой природы педагогики, как формы христианского подвига*. Более того, о. Аполлинарий, помимо университетского преподавания дисциплин, связанных с химией, являлся активным участником всевозможных богословских конференций, круглых столов и семинаров, как в России, так и зарубежом, где выступал с докладами, посвященными истории и культуре старообрядчества. В одном из интервью он отметил: «Оглядываясь назад, я думаю, что расчёт нашего священноначалия в отношении меня строился на том, что очень сложно совмещать обязанности инока, настоятеля храма с какими-либо иными обязанностями. Они полагали, что рано или поздно ситуация сложится так, что я вынужден буду оставить работу. Расчёт, между прочим, был совершенно правильный: быть священником в Курске и преподавателем в Москве, всё успевать, и выполнять и там, и здесь – это, конечно, просто невозможно... С некоторой долей юмора скажу, что не было учтено моё большое пристрастие к поездкам» [8].

Собор Русской Древлеправославной Церкви, проходивший 23–25 декабря 2014 г., в отношении Аполлинария Дубинина вынес следующее определение: «Несмотря на данные Богу обеты, священноинок Аполлинарий <...> постоянно стал разъезжать по всевозможным научным конференциям <...>. Не имея благословения священноначалия, да и необходимых богословских знаний, священноинок Аполлинарий стал давать интервью по церковным вопросам, как бы выступая от лица всей церкви» [5]. Однако существует противоположное мнение независимого, непредвзятого эксперта: «Критики обвиняют владыку Аполлинария в том, что он ведёт слишком «светский» для старообрядцев образ жизни и занимается самопиаром в СМИ. Но его открытость, церковное служение, совмещённое с научными конференциями настолько очевидны и искренни, что к его деятельности практически невозможно придраться» [7].

Таким образом, необходимо констатировать наличие предвзятости церковного руководства в отношении о. Аполлинария, выражавшееся в претензии на осуществление им научно-педагогической деятельности, яко бы несовместимой с церковным служением, в то время, как краткий анализ канонических правил, инкриминируемых священнику, не выявляет факта отступления ни от букв, ни от духа церковного законодательства.

Литература

1. Апанасенко А.В. Старообрядчество Курского края в XVII – начале XX века: монография / А.В. Апанасенко; М-во образования и науки Рос. Федерации, Курск. гос. техн. ун-т. – Курск: Курск. гос. техн. ун-т, 2005. – 195 с.
2. Бельский А. Аполлинарий – учёный и деятель старообрядчества. [Электронный ресурс]. – URL: <https://proza.ru/2022/02/10/1466>. (Дата последнего обращения: 29. 03. 2025).
3. Валентинов А. Курская битва епископа Аполлинария // НГ Религии. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-07-25/3_apollinary.html. (Дата последнего обращения: 28. 03. 2025).

4. Деяния Архиерейского Собора Русской Древлеправославной церкви 4–5 сентября 1997 г. [Электронный ресурс]. – URL: – <https://www.raoc.info/232-arhiereiskii-sobor-1997g.html>. (Дата последнего обращения: 08. 04. 2025).
5. Деяния Освященного Собора Русской древлеправославной церкви 23–25 декабря, 2014 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://ruvera.ru/articles/deyanie_sobora_rdc (Дата последнего обращения: 08. 04. 2025).
6. Кормчая – любое издание.
7. Лункин Р. Старообрядцы новой волны: особенности развития Курской Архиепископии. [Электронный ресурс] // Религия и право, 16 января 2012 г. // <https://textarchive.ru/c-1359971-p6.html>. (Дата последнего обращения: 29.03.2025).
8. Петров А. Учёный остался без храма // Независимая газета. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ng.ru/problems/2004-06-16/4_hram.html. (Дата последнего обращения: 08. 04. 2025).
9. Трёхтоловая кормчая – любое издание.
10. Церковь Успения Пресвятой Богородицы (старообрядческая) // Храмы России [Электронный ресурс]. – URL: <http://temples.ru/card.php?ID=3537>. (Дата последнего обращения: 28.03.2025).

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE ANCIENT ORTHODOX BISHOP APOLLINARIS (DUBINI) OF KURSK IN THE MIRROR OF CANON LAW

Atorin R.Yu.
GUU

The article presents a canonical analysis of the scientific and pedagogical activities of the Ancient Orthodox Bishop of Kursk Apollinaris (Dubinin) in the context of the problem of combining the competencies of a scientist and a religious figure endowed with holy orders.

Keywords: Old Believers, Ancient Orthodoxy, Orthodox canon law, “sacred and secular”, Christianity and secular enlightenment.

References

1. Apanasenok A.V. The Old Believers of the Kursk Region in the XVII – early XX century: a monograph / A.V. Apanasenok; Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Russian Federation, Kursk State Technical University un-T. – Kursk: Kursk State Technical University. Univ., 2005. – 195 p.
2. Belsky A. Apollinaris – scientist and leader of the Old Believers. [electronic resource]. – URL: <https://proza.ru/2022/02/10/1466>. (Date of last request: 29.03.2025).
3. Valentinov A. The Kursk Battle of Bishop Apollinaris // NG Religion. [Electronic resource]. – URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-07-25/3_apollinary.html. (Date of last request: 28.03.2025).
4. Acts of the Council of Bishops of the Russian Ancient Orthodox Church on September 4–5, 1997 [Electronic resource]. – URL: – <https://www.raoc.info/232-arhiereiskii-sobor-1997g.html>. (Date of last request: 08.04.2025).
5. Acts of the Consecrated Council of the Russian Ancient Orthodox Church on December 23–25, 2014 [Electronic resource]. – URL: https://ruvera.ru/articles/deyanie_sobora_rdc (Date of last request: 08.04.2025).
6. The helmsman – any edition.
7. Lunkin R. Old Believers of the New Wave: features of the development of the Archdiocese of Kursk. [Electronic resource] // Religion and Law, January 16, 2012 // <https://textarchive.ru/c-1359971-p6.html>. (Date of last request: 29.03.2025).
8. Petrov A. The scientist was left without a temple // Nezavisimaya gazeta. [electronic resource]. – URL: https://www.ng.ru/problems/2004-06-16/4_hram.html. (Date of last request: 08.04.2025).
9. Three-column pilot – any edition.
10. Church of the Assumption of the Blessed Virgin Mary (Old Believers) // Temples of Russia [Electronic resource]. – URL: <http://temples.ru/card.php?ID=3537>. (Date of last request: 28. 03. 2025).

Религиозность военнослужащих в условиях боевой обстановки

Веремчук Владимир Игоревич,

д.с.н., профессор, преподаватель кафедры социологии
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны РФ
E-mail: mr.veremchuk@mail.ru

Крутилин Дмитрий Сергеевич,

к.с.н., преподаватель кафедры социологии Военного
университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны РФ
E-mail: krutilin_dc@mail.ru

Григорьев Николай Юрьевич,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры социологии Военного
университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны РФ
E-mail: nugrig@mail.ru

Сегодня религия продолжает оставаться одним из ключевых элементов боевой активности военнослужащих. Морально-психологическое и политическое состояние солдат в ситуациях, связанных с риском для жизни, в существенной степени определяется религиозностью бойцов. При этом религиозность военнослужащих во многом зависит от отношения различных религиозных конфессий к войне, к воздействию религии на духовную безопасность личности, общества и государства. Настоящая статья посвящена изучению актуальных вопросов взаимодействия военной службы и религии в условиях войн и вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: религиозность военнослужащего, боевые действия, отношение к войне, сплоченность воинских коллективов.

И клялся...

что времени уже не будет.

Апокалипсис, 10:6

Введение

XXI век будет веком войн. Причем количество войн будет нарастать, и задача нашего общества и государства быть готовыми к отстаиванию своих интересов, в том числе и с помощью Вооруженных Сил. Сейчас институт религии в армии является одним из центральных институтов социализации личности военнослужащего, оказывая влияние на объединения людей в военных сообществах и военно-социальных группах. Верховный Главнокомандующий В.В. Путин сказал, что в окопах нет неверующих, и эти слова воспринимаются как неизбежность.

Обратимся к основам классической социологической теории. Что же такое институт социализации? *Институт социализации* называют устойчивые типы социальной практики по передаче ценностей, норм, а также культуры и способов поведения для включения военнослужащего в Российское сообщество [1, с. 372–373]. В деятельности института социализации, в нашем случае религии, в рамках конкретной военно-социальной практики, какой является боевая обстановка, есть свои особенности.

Религиозность в боевой обстановке

Религия как социальный институт играет ключевую роль в процессе социализации военнослужащих, особенно если рассматривать ее в широком историческом и социальном аспекте. Религия способствует социализации военнослужащего, порождает у него активное отношение к военной службе как к высшему предназначению и священной обязанности.

Влияние религии на личность военного и различные общественные группы изучается в социологии посредством концепции *религиозности*. При этом под религиозностью военнослужащего в боевой обстановке мы понимаем свойство его личности, свидетельствующее о *принятии определенной религии в связи с опасностью для жизни*. В научной литературе понятия «религиозность военнослужащего» и «религиозная социализация военнослужащего» тесно взаимосвязаны.

Наиболее общей характеристикой исследуемого объекта является понятие *религиозность* от отдельной группы военнослужащих до воинского подразделения и до Вооруженных сил в целом. Важным для военных социологов является понятие «*религиозная ситуация в воинском подразделении*». Оно объединяет в себе количественную и качественную характеристику исследуемого объекта – уровень и степень религиозности военнослужащих. В качестве основных критериев при социологической оценке религиозности военнослужащих выступают религиозное поведение и сознание бойцов.

Религиозное поведение военнослужащего – это самые разные действия, начиная с хорошо контролируемого боевого поведения до бессознательного уровня. То есть, диапазон действий здесь весьма широк – от соблюдения военнослужащим обрядов своей конфессии

до произнесения молитв про себя, от чтения Библии (Корана) до ношения религиозных символов и т.д.

Исследуя *религиозное сознание* военнослужащих, анализируют религиозный опыт во время несения военной службы и состояние эмоционально-волевой сферы воинов, качество их религиозных представлений.

Глубина влияния на военнослужащего его религиозной конфессии определяется двумя параметрами – уровнем и степенью религиозности.

Уровень религиозности – характеристика отношения к религии отдельных социальных групп военнослужащих. В практике военных социологов, как правило, он определяется для рот, полков, бригад. Часто этот уровень рассчитывают как процентное соотношение военнослужащих, демонстрирующих признаки религиозности, к общему числу опрошенных.

Второй параметр – *степень религиозности*, дающее представление о влиянии религии на отдельного военнослужащего и проявляющееся через его мотивацию к военной деятельности, непосредственно связанной с риском для жизни. Именно это понятие является ключевым в определении религиозности военнослужащего.

Данный методологический подход позволяет выделить критерии религиозности военнослужащего (табл. 1).

Таблица 1. Критерии религиозности военнослужащего в условиях боевых действий

Уровень религиозности военнослужащих в условиях боевых действий	
Уровень религиозного сознания военнослужащего	Религиозное поведение военнослужащего
Содержание религиозной веры военнослужащего	Поведение военнослужащего в рамках религиозного культа
Интенсивность религиозности военнослужащего	Повседневная религиозная деятельность военнослужащего
Степень информированности военнослужащего о вероучении	
Степень религиозной мотивации военнослужащего в условиях боевых действий	

Религиозность военнослужащих определяется степенью принятия им основных постулатов религиозной идеологии и культа. При этом ряд исследователей утверждает, что в основе формирования религиозности лежит индивидуальный религиозно-мистический опыт, оказывающий сильное воздействие на эмоционально-волевою сферу бойца и предопределяющий мотивацию его деятельности в условиях, сопряженных с возможностью гибели. В боевой обстановке религиозные установки могут оказывать глубокое влияние на сознание и поведение военнослужащего, особенно если члены его подразделения демонстрируют повседневную военнорелигиозную практику [2, с. 79–82].

Активность военнослужащего в условиях ведения боевых действий всегда связана со стрессом, требующим мобилизации в первую очередь морально-психологических сил личности. Это подтверждается результатами наблюдений, сделанных в период военных конфликтов XX века. Так, в статистических исследованиях фиксировалась устойчивая тенденция увеличения доли психогенных расстройств среди военнослужащих, выбывших с поля боя. Например, в русско-японской вой-

не такие расстройства отмечались у каждого десятого госпитализированного бойца, в период Великой Отечественной войны – у трети солдат и офицеров, а исследователи военных конфликтов второй половины XX века приводят данные о 60% психогенных расстройств от общего числа санитарных потерь. Эти данные использовались военными социологами для подтверждения необходимости создания системы социально-психологического сопровождения боевых действий, внедрения и систематического совершенствования методов сдерживания у военнослужащих инстинкта страха и стимулирования его стремления к выживанию в боевой обстановке [3, с. 92]. Здесь, как представляется, религия может заменить любую психотерапию, которая возможна только при выходе подразделения из боя.

Последние исследования российских военных социологов свидетельствуют о том, что высочайший уровень религиозности наблюдается среди тех военных специалистов, функциональное предназначение которых напрямую связано с риском для жизни – летчики, подводники, саперы, снайперы, разведчики и т.д. При этом боевые условия лишь усиливают стремление военнослужащих находить поддержку в вере.

Одна из ключевых социально-психологических трудностей, возникающих в ходе военных операций, заключается в преодолении естественного человеческого инстинкта самосохранения. В связи с этим важнейшую роль играет религиозная поддержка, оказывающая терапевтическое воздействие на личность военнослужащего. Она проявляется через конкретные религиозные практики, применяемые в воинских подразделениях. При этом эффективной формой духовного утешения бойцов выступает концепция посмертного вознаграждения, получившая широкое распространение среди участников специальной военной операции России на Украине и укоренившаяся во фразе «Быть воином – жить вечно!». Еще немецкий социолог Макс Вебер отмечал, что как христианство, так и ислам утверждают, что погибшие в бою воины будут вознаграждены после смерти – их ждет вечное блаженство в раю [4, с. 144].

Социологические исследования свидетельствуют, что главной причиной обращения военнослужащих к религии является прямая угроза их жизни. Военные социологи подтверждают наличие высокой корреляционной взаимосвязи между уровнем религиозности бойца и его страхом перед смертью. Например, среди военнослужащих, участвующих в контртеррористических операциях в Чечне, религиозность увеличивалась практически на 50% [5, с. 295]. У военнослужащих, принявших глубоко религиозную веру, страх смерти отступает на второй план. При этом религиозность может оставаться на уровне неосознаваемого и находиться в повседневности в плоскости бессознательного.

Чтобы быть эффективными в бою, конечно одной религиозности не достаточно. Нужно еще, как минимум, два качества – это *войсковая сплоченность* и *патриотизм*. Войсковая сплоченность имеет ряд особенностей. Это, прежде всего характеристика деятельности воинского подразделения, показывающая *степень совпадения оценок и позиций военнослужащих* по отношению к людям, событиям и идеям, которые наиболее важны для подразделения. Войсковая сплоченность выражает степень выверенности и слаженности единомыслия и действий личного состава подразделения, является показателем их общности. Для членов подразделения войсковая сплоченность есть высшая ценность и цель, к которой надо стремиться. Особенно важна *сплоченность в боевой обстановке, когда основным принципом*

поведения по отношению к сослуживцам является непреложное правило – один за всех, все за одного.

Сплоченная группа военнослужащих *представляет собой единое целое и в бою*. Любое выпадение военнослужащего из группы в боевой обстановке (ранение, смерть) требует ответных действий. Эти действия – *месть противнику за понесенные потери* – в реальности не имеют границ и обеспечивают полное уничтожение противника.

Есть и другое поведение в экстремальной ситуации. Идет оно из глубин коллективного бессознательного – безотчетный, панический страх за свою жизнь и стремление укрыться от опасности. Это ведет к случаям массовой паники среди военнослужащих, бегству с поля боя. Еще в середине прошлого века швейцарский психоаналитик К.Г. Юнг отмечал, что война оказалась результатом накопления бессознательных масс и слепых желаний [6, с. 269].

Патриотические качества (от греч. *patris* – *родина, отечество*) – это прежде всего любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу. Патриотизм для военнослужащего это, прежде всего, готовность к защите Родины. Характерное проявление патриотизма при ведении боевых действий – способность бойца пожертвовать для других самой дорогой ценностью на свете – жизнью («Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих», Ин. 15:13). При этом военнослужащие отмечают, что религиозные практики помогают подавить в себе инстинкт самосохранения в ситуации неминуемой гибели товарищей.

Воспитание патриотизма может брать свое начало с *культы героев*. Еще древние греки считали, что герои – это избранные среди покойников, ставших предметом общественного и государственного культа. «Воины, ревностно кровь за отчизну пролившие в битве...» [7, с. 254–259]. Родоначальник современной социологии Э. Дюркгейм писал, что *войны, проявляющие патриотизм*, уменьшают озабоченность личными проблемами; образ родины, которой угрожает опасность, занимает в их сознании то место, которое он не занимал в мирное время [8, с. 191].

Огромная ответственность за воспитание у подчиненных чувства патриотизма лежит *на офицерском составе*. Им в двойне трудно. Побороть в себе и у подчиненных чувство страха, при этом не показывать коллективу своего естественного состояния. Определенным выходом из этой ситуации может стать обретение элементов *харизмы*.

Несколько слов о практических исследованиях отечественных военных социологов. Продолжительное время социологическая диагностика религиозности военнослужащих российских армии и флота проводится по всеармейской выборке с достоверностью результатов около 98%. В боевой обстановке, как правило, применяются методы включенного наблюдения и анализ документов. По результатам проводимых исследований наблюдается устойчивое соотношение военнослужащих, придерживающихся различных вероисповеданий: православное христианство – 88%, ислам – 6% и 6% – другие религии (католики, протестанты, буддисты, новые религии). При этом независимо от конфессиональной принадлежности бойцов выполнению ими задач в критической ситуации способствуют общая религиозность, войсковая сплоченность и патриотизм [9, с. 10–18].

Война и основные религиозные конфессии

Религиозность военнослужащего традиционно считается *важнейшей духовной составляющей военной службы*.

Н.А. Корф, один из основоположников российской военной социологии, подчеркивал значительное эмоционально-волевое воздействие религиозных убеждений на полководцев, солдат, армии и даже целые нации в условиях войны [10, с. 71]. Знаменитый российский военный теоретик и социолог конца XIX – начала XX века И.С. Блюх также утверждал, что одним из ключевых элементов боевого духа является религиозность, отражающая национальный характер народа, из которого формируется армия [11, с. 429–430]. Выражаясь словами известного отечественного военного теоретика и педагога 20–30-х годов прошлого столетия А.А. Свечина – «солдатам в их лагере нужны боги, и нужны скрижали завета» [12, с. 40].

Классик отечественной военной науки и один из основателей современной социологии войны Н.Н. Головин считал, что стремление воина к победе должно базироваться на альтруистических мотивах, основу которых составляют идеи справедливой войны за сохранение религиозной уникальности и самобытности социума [13, с. 55].

Историко-социологический анализ научной литературы о войне и религии показывает, что буддизм, христианство и ислам на уровне своей теологии и религиозной практики выработали определенное отношение к вооруженной борьбе как форме насильственного разрешения социальных противоречий. Так, *буддизм* воспринимает войну как проявление негативных человеческих страстей. Эта религия категорически отвергает насилие как способ разрешения социальных конфликтов. Потому и распространение буддизма происходило преимущественно без применения вооруженного насилия, что отличает его от других мировых религий.

В то же время содержание индийского трактата «Артхашастра» («Наука управления»), написанного брахманом Каутилей, посвящено не только оправданию войны как инструмента решения политических и экономических вопросов, но и детальному описанию используемых военных технологий. Каутилья утверждает, что главным средством политики является открытое нападение. В этом его часто сравнивают с Макиавелли, поскольку оба мыслителя придерживаются мнения, что любая цена оправдана ради победы в войне.

Исторические события свидетельствуют, что буддизм в ряде случаев становился самостоятельной основой военной идеологии. Например, в Китае под знаменем буддизма происходили народные вооруженные восстания. В контексте гражданской войны в России (1918–1922) буддизм использовался как идеология, противопоставленная коммунизму. Этот эпизод связан с деятельностью лидера Белого движения в Забайкалье бароном Унгерном. После установления контроля над Монголией в 1921 году, он выдвинул идею формирования «Срединного азиатского государства», где государство и церковь должны были действовать сообща: первое обеспечивало социальный порядок, в том числе при помощи активности второй в вопросах регулирования духовных устремлений народа.

Анализ главного христианского писания – Библии – показал, что из общего числа ключевых понятий и категорий, составляющих 12407 единиц, около 1909 (15%) затрагивают тему насилия. Особенно часто встречаются такие термины, как «убить» и «убивать» (примерно 21%), которые отражают склонность персонажей к агрессии и уничтожению себе подобных [14, с. 15–16]. Вот лишь некоторые из категорий жестоких текстов Священных Писаний.

- Призывы к войне во имя Бога.
- Призывы уничтожить врагов.

- Требования уничтожить враждебные группы или оправдание такого уничтожения.
- Прямые призывы к насилию против определённых рас или этнических групп.
- Повеления совершать акты насилия и оправдание подобных актов.
- Тексты, говорящие о насилии и жестоких наказаниях для врагов веры в сверхъестественной сфере [15, с. 126].

В европейской культуре также можно найти характерные черты христианского отношения к войне. Социально-исторический контекст, насыщенный непрерывными конфликтами, способствовал формированию взгляда на войну как на сферу, освященную религиозной традицией и имеющую ключевое значение для общества. Защита религиозных истин любыми средствами, включая военные действия, была приоритетной задачей. Война и христианство, армия и церковь не находились в состоянии конфликта, а, напротив, способствовали развитию специфических форм общественных отношений в рамках военно-религиозного института. Перед битвами проводились религиозные ритуалы, а войны готовились к возможному концу, участвуя в исповеди, причастии и проповедях. Во время сражений капелланы и священники молились за успех своих войск. После битвы выполнялись особые церемонии похорон и поминовения павших бойцов. Побежденные устраивали благодарственные службы и мессы. Внутри церкви развивался культ святых воинов, отдавших свои жизни ради христианской веры.

Стоит отдельно остановиться на *православии*. Иерархи Русской Православной Церкви выступали с *оправданием необходимости ведения войн против внешних врагов*. В 1907 году вышла брошюра, основанная на трудах архиепископа Херсонского Иннокентия (Борисова), в которой рассматривается отношение православия к войне. Автор утверждает, что христианство не способно полностью исключить войну из общественной жизни, поскольку ее причины кроются в человеческих страстях и самолюбии. Церковь осуждает конфликты, ведущиеся ради материальных выгод, завоеваний и корысти. Однако она также призывает поддерживать молитвой тех, кто вынужден воевать, следуя долгу защиты православной веры – «Церкви необходимо молиться за воюющих, когда они вступают в брань невольно, повинувшись необходимости, защищая целостность и святость Христовой веры» [16, с. 109–110].

Выдающийся мыслитель конца XIX – начала XX веков Иоанн Кронштадтский (Сергеев) считал войну проявлением божественной милости, очищающей нравственный климат общества. Его взгляды оказывали значительное влияние на общественное сознание того времени.

Русская Православная Церковь придерживалась активной патриотической позиции и в период Великой Отечественной войны, несмотря на господствующую в стране атеистическую идеологию. Церковь поддерживала борьбу против нацистской Германии, признавая войну с фашизмом справедливой и «богоугодной». Церковь активно участвовала в поддержке военных усилий, организовывая молитвы за души погибших солдат и отмечая героизм защитников Отечества. Открывались храмы в честь героев войны, а некоторые исторические личности, такие как князь Александр Невский и адмирал Федор Ушаков, были канонизированы как святые. Эти меры свидетельствовали о глубоком взаимодействии между церковью и обществом в условиях военного времени.

В целом основные положения православной концепции войны можно в обобщенном виде представить следующим образом.

1. Причины войн коренятся в греховности человеческой природы.
2. Войны неизбежны в современном обществе и считаются «богоустановленными».
3. Войны справедливы и морально оправданны, если ведется борьба за веру и Отечество.
4. Справедливые войны способствуют объединению общества вокруг светской и религиозной власти.
5. Победа в войне рассматривается как знак избранности народа.
6. Православная Церковь учит милосердию к побежденному врагу.

Эти принципы формируют основу православного подхода к восприятию и оценке военных конфликтов.

И наконец, третье религиозное учение – *ислам*. В нем так же содержится оправдание войны. Одним из значимых религиозных положений является *исламская концепция войны, содержащаяся в учении о джихаде* (араб. – «усердствование на пути Аллаха»).

Многие российские религиоведы считают джихад одной из главных обязанностей мусульман. Учение о джихаде акцентирует внимание на религиозной природе войн, ведущихся мусульманским сообществом (уммой). В исламе политика неразрывно связана с религией, и любые политические цели воспринимаются через призму религиозных установок. Вследствие этого многие исследователи утверждают, что мусульманская традиция рассматривает любую войну, ведущуюся мусульманской общиной, как религиозную.

Доктрина джихада получила развитие в трудах по фикху¹ (исламскому праву), где были систематизированы идеи пророка Мухаммеда о «священной войне». Эти идеи были обогащены концепцией предопределения, изложенной в Коране. Исследования показывают, что система взглядов на предопределенность существенно повлияло на характер «священной войны», воспитывая мужество и религиозный фанатизм среди ее участников. К идеологическим основам джихада также относятся элементы доисламских религий, особенно иудаизма, с его акцентом на необходимость ведения войн за веру. Данный аспект был подчеркнут немецким социологом Максом Вебером, который утверждал, что Мухаммед заимствовал идею религиозной войны из иудаистских традиций [4, с. 143].

В современных исследованиях утверждается, что основной причиной возникновения концепции «священной борьбы» и ключевым фактором ее дальнейшего развития стали социальные корни джихада. Социальная обусловленность этой религиозной доктрины ясно демонстрирует тесную связь между изменениями в содержании учения и конкретными историческими условиями жизни мусульманского сообщества [17, с. 81].

Религиоведы выделяют оборонительный и наступательный виды джихада. Концепция первого из них, указывая на миролюбие мусульман как главное социальное качество, тем не менее, предписывает им вести самозащиту всеми доступными средствами. Только в случае агрессии со стороны иноверцев, мусульманская умма должна предпринять конкретные действия вплоть до вооруженной защиты. В свою очередь наступательный джихад одобряет ведение войн с многобожниками, оскверняющими истину ислама.

Таким образом, интерпретация проблематики войны мировыми религиями тесно увязана с ключевыми постулатами религиозного регулирования общественных отношений в кризисных социальных ситуациях. При этом

¹ Фикх (араб. – глубокое понимание, знание) – термин, обозначающий сумму мусульманских представлений о праве, мусульманское правоведение.

единство веры и войны в сознании воинов связано с чувствами братского единения, готовности к самопожертвованию ради ближнего и во славу Бога.

Отношение мировых религий к войне является логическим продолжением их социальных учений, связанных с основами религиозного управления сообществом верующих в состоянии войны. Таким образом, *религиозная война* – такой тип войн, где религиозные цели имеют приоритетный характер над политическими, социально-экономическими и другими задачами, решаемыми с помощью вооруженного насилия организованными социальными общностями людей.

Традиция формирования в различных социально-исторических условиях и культурах (Индия, Древний Рим, Византия, средневековая культура рыцарства в Европе, отношение православия к войне, учение о предопределении, изложенное в Коране и пр.) религиозности воинов и соответствующих военно-религиозных культов, имеет под собой прочный фундамент.

Заключение

Вышеизложенные рассуждения позволяют в обобщенном виде определить *основные характеристики религиозности военнослужащих в боевой обстановке*:

- высокая положительная взаимосвязь между участием в боевых действиях и религиозностью военнослужащих;
- религиозность бойцов в боевой обстановке усиливается чувством войсковой сплоченности и патриотизма;
- религиозность формируется через принятие ценности спасения души, веры в вечное бытие через помощь ближнему.

Мир без войн не бывает, и потому для нас грядущее будет временем войн. Начало уже положено: специальная военная операция на Украине, противостояние на Ближнем Востоке и др. В этих условиях имеются широкие возможности использования потенциала института военной службы и религии в утверждении в сознании военнослужащих государственно-патриотической идеи и духовно-нравственных основ воинской деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Литература

1. Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / Национальный общественно-научный фонд / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; Главный редактор В.Н. Иванов. – М.: Мысль, 2003. – 863 с.
2. Веремчук, В.И. Религиозная ситуация в вооруженных силах / В.И. Веремчук, Д.С. Крутилин // Социологические исследования. – 2016. – № 4(384). – С. 79–88.
3. Дубограй, Е.В. Религиозность военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и ее использование в военно-социальном управлении / Е.В. Дубограй, С.Б. Колесников. – М: Военный университет, 2012. – 133 с.
4. Вебер М. Социология религии (типы религиозных сообществ) // Вебер М. Избранное. Образ общества: Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
5. Религиозная ситуация в Вооруженных Силах РФ: состояние и прогноз // Соловьев С.С., Образцов И.В. Российская армия: от Афганистана до Чечни. – М.: Национальный Институт им. Екатерины Великой, 1997. – 440 с.
6. Юнг К.Г. Цивилизации в переходное время: [сборник] / Карл Густав Юнг; [перевод с немецкого]. – М.: Издательство АСТ, 2023. – 672 с.

7. Зелинский Ф.Ф. Эллинская религия / Ф.Ф. Зелинский. – Мн.: Экономпресс, 2003. – 330 с.
8. Дюркгейм Э. Моральное воспитание / Пер. с фр., вступ. ст., примеч. А.Б. Гофмана; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 456 с.
9. Военно-социологические исследования: сборник информационно-аналитических и методических статей. М.: ВУ, 2016. № 1 (53). – 104 с.
10. Корф Н.А. Общее введение в стратегию, понимаемую в обширном смысле. Этюды по философии военных наук. СПб., 1897. – 129 с.
11. Блюх И.С. Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях. СПб., 1898. Т. II. – 634 с.
12. Свечин А. Основы военной доктрины. Военное дело. 1920. – 232 с.
13. Головин Н.Н. Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца: Репринт // Антология отечественной военной мысли. М.: ВАГШ, 1995. Книга 2: Статьи и письма. – 303 с.
14. Анцупов А.Я. Шипилов А.И. Конфликтология: Учеб. для вузов. М.: ЮНИТИ, 1999. – 551 с.
15. Дженкинс Ф. Войны за Бога: Насилие в Библии / Филипп Дженкинс; [пер. с англ. М.И. Завалова]. М.: Эксмо, 2013. – 448 с.
16. Христолюбивые воины: из брошюры, составленной по сочинению Иннокентия, Архиепископа Херсонского, Архиепископом Могилевским Стефаном, 1907 г. // Российский военный сборник. М.: ВУ, 1997. Вып. 12: Христолюбивое воинство: православная традиция Русской Армии. – 582 с.
17. Мельков С.А. Исламский фактор и военная политика России: Монография. М.: ВУ, 2001. – 245 с.

RELIGIOSITY OF MILITARY PERSONNEL IN A COMBAT ENVIRONMENT

Veremchuk V.I., Krutinin D.S., Grigoriev N.Yu.

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Today, religion continues to be one of the key elements of military servicemen's combat activity. The moral-psychological and political state of soldiers in situations involving risk to life is significantly determined by the religiosity of fighters. At the same time, the religiosity of servicemen largely depends on the attitude of various religious confessions to war, to the impact of religion on the spiritual security of the individual, society and the state. This article is devoted to the study of topical issues of interaction between military service and religion in the context of wars and armed conflicts.

Keywords: religiosity of a serviceman, combat operations, attitude to war, cohesion of military collectives.

References

1. The Sociological encyclopedia: in 2 volumes Vol.1 / National Social Science Foundation / Head of the scientific project G.Y. Semigin; Editor-in-chief V.N. Ivanov. – M.: Mysl, 2003. – 863 p.
2. Veremchuk, V.I. The religious situation in the armed forces / V.I. Veremchuk, D.S. Krutinin // Sociological research. – 2016. – № 4(384). – Pp. 79–88.
3. Dubograi, E.V. The religiosity of military personnel of the Armed Forces of the Russian Federation and its use in military and social management / E.V. Dubograi, S.B. Kolesnikov. Moscow: Military University, 2012. 133 p.
4. Weber M. Sociology of religion (types of religious communities) // Weber M. Favorites. The Image of societies: Translated from German, Moscow: Lawyer, 1994. – 704 p.
5. The religious situation in the Armed Forces of the Russian Federation: status and forecast // Solovyov S.S., Obratsov I.V. The

- Russian Army: from Afghanistan to Chechnya. Moscow: National Institute of Catherine the Great, 1997. – 440 p.
6. Jung, K.G., Civilizations in transition: [collection] /Carl Gustav Jung; [translated from German]. Moscow: AST Publishing House, 2023. 672 p.
 7. Zelinsky F.F. Hellenic religion / F.F. Zelinsky. Moscow: Ekonompress, 2003. – 330 p.
 8. Durkheim E. Moral education /translated from French, introductory article, note by A.B. Hoffman; National research. Higher School of Economics University. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2021. 456 p.
 9. Military sociological research: collection of information, analytical and methodological articles. Moscow: VU, 2016. № 1 (53). – 104 C.
 10. Korf N.A. General introduction to strategy, understood in a broad sense. Studies on the philosophy of military sciences. St. Petersburg, 1897. 129 p.
 11. Bliokh I.S. The future war in technical, economic and political relations. St. Petersburg, 1898. Vol. II. – 634 p.
 12. Svechin A. Fundamentals of military doctrine. Military business. 1920. – 232 p.
 13. Golovin N.N. The study of combat. Research of human activity and properties as a fighter: Reprint //Anthology of Russian military thought. Moscow: VAGSH, 1995. Book 2: Articles and Letters. – 303 p.
 14. Antsupov A. Ya. Shipilov A.I. Conflictology: Textbook for universities. Moscow: UNITY, 1999. – S. 551.
 15. Jenkins F. Wars for God: Violence in the Bible /Philip Jenkins; [trans. translated from English by M.I. Zavalov]. Moscow, Eksmo, 2013. – 448 p.
 16. Christ-loving warriors: from a pamphlet compiled by Archbishop Stephen of Mogilev, Archbishop Innocent of Kherson, 1907 // Russian military Collection. Moscow: WU, 1997. Issue 12: The Christ-loving army: the Orthodox tradition of the Russian Army. – 582 p.
 17. Melkov S.A. The Islamic factor and Russia's military policy: Monograph. M.: WU, 2001. – 245 p.

«Духовное» и «религиозное»: философско-религиозный смысл, дилемма первичности

Зверев Сергей Павлович,

кандидат исторических наук, священник прихода храма Животворящей Троицы на Воробьевых горах; эксперт Государственной Думы Российской Федерации
E-mail spzverev@yandex.ru

Дилемма использования понятий «духовный» и «религиозный» отражает процессы, происходящие в ментальной составляющей не только современного общества, но и в исторической ретроспективе в целом. Дискуссии среди религиоведов, философов, юристов и даже психологов относительно семантического значения и использования указанных терминов имеют под собой существенные причины. В статье предпринимается попытка разграничения не только истории употребления данных определений, но и их религиозно-философской первичности. Включение указанных понятий в широкий исторический контекст интеллектуальной истории общества представляется наиболее актуализированной в связи с ренессансом традиционных религиозных и нравственных ценностей.

Ключевые слова: «духовный» и «религиозный», междисциплинарный анализ, семантическое значение, религиозно-философская первичность, традиционные религиозные ценности, нравственные ценности, словоприменение.

Введение

Тема традиционных духовно-нравственных ценностей без преувеличения находится в центре внимания современного общества. Сама последовательность и историзм событий, разворачивающихся на территории некогда могущественной Российской империи, прямо выдвигает указанные понятия на передний план формирования современного понятийного аппарата. Понятия и определения указанного явления имеют определенную историю и вызывают дискуссии междисциплинарного характера. К тому же «духовное» понимается в религиозном и светском лексиконах весьма различно. Исторически затрагиваемый вопрос находится на стыке научно-философских и религиозно-церковных процессов России. В центре проблемы попытка актуализации, или, в любом случае, смещения смыслового ударения от «религиозного» к «духовному». Рассматриваемое явление, его семантические и лексические значения и в историко-философском контексте претерпевали значительную трансформацию.

Методология и методы

Проблема междисциплинарного анализа представляется ключевой в методологическом отношении. Необходимо осуществить отбор понятий, образующих историко-семантическое поле, и определяющее, в свою очередь, выбор приоритетных понятий, несущих основную концептуальную нагрузку. Это касается формирования списка источников и научно-справочной литературы, посвящённых теме исследования и образующих определённый комплекс взаимодействий. Здесь же предполагается анализ и выделение этапов нормирования исследуемых понятий. Означенные понятия ведут за собой изучение процессов формирования и терминологического нормирования понятий, образующих семантическое поле. Суммирование случаев употребления понятий (аспектов значения) и типологизация случаев употребления на междисциплинарном уровне в историко-семантическом смысле, использует системный и историко-типологический подходы.

Обзор литературы

Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Санкт-Петербургской Академии наук (СПб., 1867–1868), определяет понятие «духовный» в религиозном ключе: бесплотный, исполненный Святого Духа. При этом «религиозный», по мнению авторов данного словаря, представляется сугубо в традиционном ключе – «относящийся к религии». В то же время, согласно изданному в 1865 году «Объяснению 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней», «религиозный» происходит от «religio» – не только «относящийся к религии», но и прежде всего – «исповедание веры».

Уже следующий словарь под редакцией И.И. Срезневского (СПб., 1893) делает в отношении значения «духовный» ударение на духовный сан.

Изданный в советские годы Словарь русского языка XI–XVII вв. (под ред. С.Г. Бархударова, М., 1977) трактует данное понятие в большей мере как «нематериальный».

В наши дни толчком к увеличению употребления исследуемых понятий послужили идеологические мотивации. Одними из причин актуализации ключевого, коренного, понятия «дух» стало возрождение концепции «русского мира» и зеркального появления соответствующего понятийного аппарата в контексте гражданских процессов, сопутствующих воссоединению российских земель. Юридические последствия указанных процессов вышли на передний план самой практики применения исследуемых понятий. Кроме того, крымские события 2014 года во многом явились причиной создания Федерального закона от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Следующим шагом в укреплении стратегии воссоединения русских земель стало внесение в 2020 году в текст Конституции Российской Федерации определения «веры в Бога». Другая веха данного процесса – президентский указ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Этим актом в некотором смысле завершилось, с одной стороны, создание идейно-правового аппарата современного российского государства, а, с другой, окончательное закрепление соотношения религиозный/духовный в общественном пространстве.

Необходимо понимать: мы ведем речь о практике современной России более в связи с возобновлением широкого употребления исследуемых духовного/религиозного. Употребление рассматриваемых понятий в гражданском аспекте неминуемо подводит нас к их ментальному осмыслению.

Ссылаясь на Этимологический словарь русского языка за авторством М. Фасмера (М., 1986–1987), руководитель лаборатории «Психология личности и профессиональной деятельности» Ереванского государственного университета к. псих.н. Р.В. Агузумцян определяет понятие духовного от «дуновение», «дыхание», опираясь при этом на наличие сверхразумной, сверхестественной силы в сознании. Подобный взгляд определенно уводит нас от ретроспективной трактовки понятия «духовный».

Диаметрально противоположное рассмотрение наших понятий лишает исследование энциклопедической всеобъемлемости. «В научном миропонимании душа очень часто отождествляется с понятием психики, а дух тождественен, и в широком смысле, сознанию как высшей форме психической деятельности, а в узком смысле, мышлению» (Агузумцян Р.В., Хачатрян Н.Г. Изучение феномена духовности в контексте религиозного знания и психологической науки // Национальный психологический журнал. Ереван, 2012. № 1. С. 75).

Двигаясь от духовного к духу, приведем мнение ещё одного современного исследователя С.А. Белоусова. Он настаивает на существовании в научном сообществе синтеза научных и теологических взглядов в трихотомическом делении личности (дух, душа, тело. – С.З.). Автор определяет душу как жизненный принцип личности, а дух, при этом, определяется им как единство человеческого существования, утверждения подлинного «Я» или «уникальности» (Белоусов С.А. Психология духовности, веры и религии // Журнал практического психолога. 1998. № 6. С. 21–43).

А.А. Брегадзе, следуя в этом же русле, заключает: «Дух выступает в качестве противовеса жизни, но лишь с тем, чтобы усовершенствовать и облагородить её обсто-
ятельства» (Брегадзе А.А. Проблема сущности чело-

века. Электронный ресурс. <http://anthropology.ru/ru/texts/index.html>)

Р. Эммонс, в качестве суммы приведенных мнений секулярно-научной практики, отмечает, что «духовность и религия относятся к той сфере жизни, которая имеет отношение к конечному назначению и смыслу жизни ... к служению Богу» (Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. М., 2004.).

Первичность религиозного перед духовным

Приведенные заключения удаляют нас от узкого смысла юридического использования данных понятий. В связи с этим обратимся к статье научного сотрудника центра истории богословия и богословского образования Православного Свято-Тихоновского Богословского Университета диакона Евгения Лютко «Духовное»: к вопросу об истории понятия в XVII–XIX вв». Автор именует применение духовное/религиозное, в том числе и в политическом пространстве, «современной публичной риторикой» (Лютко Е. «Духовное»: к вопросу об истории понятия в XVII–XIX вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Москва, 2021. № 39 (4). С. 201), чем прямо связывает философско-семантическое содержание данной проблемы с местом этих понятий в современном общественном пространстве. Однако вернемся к современной востребованности духовных норм. О.Евгений выделяет два значения «духовный»: во-первых, относящееся к духу и, во-вторых, к религии. Но, вместе с тем, констатируется «эпистемологическая проблема», поскольку рамки современного мышления невозможно рельефно представить ... мировоззрение общества, в котором «разделение между указанными категориями (трактовками. – С.З.) ... либо только намечается, либо вообще отсутствует» (Лютко Е. «Духовное»: к вопросу об истории понятия в XVII–XIX вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Москва, 2021. № 39 (4). С. 204). Последнее соображение переводит наши рассуждения к положению вещей, когда «духовное» – гражданское, «духовное» – светское, «духовное» – духовенство» рассматриваются как антиподы (Там же, С. 210).

Коллега Лютко, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета Б.А. Филиппов придерживается фактически синонимического значения духовный/религиозный, настаивая на существовании циклического общественно-религиозного напряжения (Филиппов Б.А. О волнах и циклах духовного (религиозного) напряжения в истории // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. М., 2015. Вып. 1. С. 98). Историк настаивает на «неустранимой» религиозности человека, вторя концепции К.Ясперса и его осевого времени, т.е. «исходной напряженности между трансцендентным и мирским» (Филиппов Б.А. О волнах и циклах духовного (религиозного) напряжения в истории // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. М., 2015. Вып. 1. С. 100). Такое напряжение, по его мнению, всегда приводит к религиозному возрождению, которое теперь мы и наблюдаем в общественном пространстве.

Религиозное возрождение относится и к общественно-религиозной жизни. Указанное возрождение связано с применением в том числе и с исследуемыми понятиями, а именно, с высказываниями предстоятелей нашей Церкви патриархов Алексия II и Кирилла. Столь естественное употребление понятия «духовное» выглядит совершенно применительно к персонам, отождествляющим религиозное возрождение современности.

Сегодня действительно «духовное» относится в значительной мере к гражданскому прочтению, нежели к традиционно научно-философскому и религиозному употреблению, хотя «религиозный» рефлексивно и имеет узкоцерковное значение.

Перейдем к употреблению духовного и религиозного в собственно современной гражданской практике – сквозь призму основных определений президентских Основ госполитики укрепления духовно-нравственных ценностей. В означенном выше президентском указе № 809 содержится определение понятия «традиционные ценности». Оно связывается с ориентирами, «формирующими мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащими в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющими гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России». При этом христианство, ислам, буддизм, иудаизм – в первую очередь и есть указанные традиционные ценности российского общества. Особая роль отводится указом православия. Текст указа вторит ранее отмеченным психологическим критериям духовного бытия. Президент выделяет ряд моментов, связанных с опасностью идеологического и психологического воздействия на граждан страны. Укрепление традиционных ценностей в перспективе видится им прежде всего в корректировке «документов стратегического планирования». Деструктивная идеология видится при этом первейшей угрозой для общества в целом.

Рассматривая тему терминологии современной российской идеологии, вновь следует напомнить о 67 статье действующей Конституции Российской Федерации, где прямо говорится о первоначальности в тысячелетней истории России «веры в Бога». Здесь мы подходим к нашей дилемме духовное/религиозное.

Духовность прежде всего необходимо понимать как поиск религиозных истин и воззрений, поскольку независимо от того признаем мы это или нет, религия прямо имеет отношение к проблемам духовности и духовного роста. А это очередной подход к понятиям духа и религии.

Индивидуальное проявление духа в человеческом сознании и бытии возможно и, более того, следует относить к духовно-религиозной жизни человека, которая выражается и в гражданских сферах человеческого бытия.

Безусловно путь духовного развития индивидуума и в религии представляется как сложный процесс преобразования личности, сущности человека. В результате такого преобразования человек приобретает качества, основанные на Божественной истине.

Встав на путь духовного развития, через искупление и покаяние, через веру и любовь, в борьбе со своими грехами, изменив свое мировосприятие, такой человек открывает для себя абсолютные смыслы и законы бытия. Это и есть приобретение духовности, духа.

Н.А. Бердяев настаивал на существовании «вечной» духовности, с одной стороны, побеждающей время, а, с другой, выходящей из времени. Это «новая» духовность, проблема которой новой «поставлена кризисом духа в мире», принимающей формы отрицания духа и духоборчества» (Бердяев Н.А. Дух и реальность. М., 2011). Однако религиозная составляющая личности переходит в состояние вторичности по отношению философской составляющей.

Совокупность указанных ранее правовых актов является собой базу современной лексики, направленной

на сохранение традиций, в том числе религиозно-философских, полагая их в основу формирования российского общества. Заметим, правоведы видят различные прочтения рассматриваемых президентских Основ, а значит, религиозного и духовного.

Профессор Московского государственного лингвистического университета П.В. Шамаров отмечает желательность с семантической точки зрения замены формулировки «традиционные российские духовно-нравственные ценности» на «традиционные духовно-нравственные ценности России», видя в этом не просто попытку корректуры существующего текста, но и стремление выделить смысловое ударение (Шамаров П.В. Традиционные духовно-нравственные ценности России и конструктивный опыт СССР с позиции национальной преемственности и отечественной гражданской идентичности // Вестник Дипломатической академии МИД России. Москва, 2023. № 1. С. 9–10), при этом автор настаивает на выделении значения правовой преемственности.

Старший преподаватель Московского государственного института международных отношений МИД России С.Т. Адамянц обращает внимание на «прискорбную тенденцию», укореняющуюся в нашем обществе: с одной стороны, крайняя «формализация .., а, с другой, отстраненность» общества от принятия правовых актов, направленных на укоренение нравственных норм (Адамянц С.Т. Духовно-нравственные ценности российского общества как объект правового обеспечения: вопросы теории и практики. Саратов, 2023. № 1. С. 64).

Заведующая кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета профессор Е.А. Фролова указывает на необходимость учета всего «доктринального опыта» отечественной научной мысли при реализации принципов президентских Основ (Межвузовская научно-практическая конференция «Традиционные духовно-нравственные ценности как основа правового развития в XXI веке» // Государство и право. Москва, 2023. № 3. С. 189).

Старший научный сотрудник кафедры конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета С.Б. Сафина в контексте Основ считает определяющими понятия «добра и зла», выстраивая сквозь их призму реализацию данного закона (Сафина С.Б. Духовно-нравственные начала и принципы в системе конституционных ценностей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Москва, 2023. № 1. С. 101). Автор выводит правовую дискуссию на метафизический уровень.

Преподаватели кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Южно-Уральского государственного университета Т.А. Далгаты и Д.Ж. Гостькова усматривают в принципах рассматриваемого законодательного акта «наивысший стандарт прав человека» (Далгаты Т.А., Гостькова Д.Ж. Традиционные духовно-нравственные ценности как основа национальной безопасности России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Челябинск, 2023. № 3. С. 9).

Доктора юридических наук Н.М. Кропачев и В.В. Архипов подчеркивают: «Традиционные духовно-нравственные ценности ... представляют собой одно из условий государственного суверенитета России в информационном пространстве» (Кропачев Н.М., Архипов В.В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты. Санкт-Петербург, 2023. Вып. 2. С. 303).

Различия в трактовках президентских Основ связаны не только с утилитарным подходом к анализу традици-

онных ценностей нашего общества, но и с терминологическими расхождениями. Данное соображение требует не столько понятийно-семантического переосмысления терминологии, сколько религиозного, но в любом случае философского.

Обращаясь к тексту Основ, необходимо констатировать, в рассматриваемом законодательном акте многократно используемое определение «духовный»: прежде всего в контексте «духовно-нравственных ценностей». Представляется, необходимым метафизическое переосмысление вводимого Президентом понятийного аппарата, следуя за означенной выше позицией С.Б. Сафиной. В первую очередь, как видится, остановимся на анализе указанных определений. Нетрудно заметить: семантически определение «духовный» действительно происходит от понятия «дух», т.е. «представитель ангельского, духовного, мира; нечто от духовной деятельности». Однако большинство современных лингвистов, подобно авторам Словаря русского языка (М., 1977), связывает это понятие с умственной, не материальной, деятельностью. А в качестве устаревшего значения выдвигается церковно-исторический вариант, отталкивающийся от традиционного прочтения, т.е. мира не земного, ангельского. Умственная же деятельность может быть как нравственной, так и противоположной. Очевидно, параметры такой нравственности определяются человеческим разумом и основываются только на его волеустремлении. В конечном итоге нравственность становится заложником разума и волеустремления человеческой личности. В таком случае очевидны проблемы, связанные с волевой трактовкой нравственности. Подкрепляет эту же мысль традиционное определение нравственности – «правила поведения». Ситуация усложняется фундаментальностью волевой направленности деятельности человеческого разума. Иными словами, отсутствуют критерии не только авторитетности, но и самой фундаментальности, скорее метафизичности, возможных умозаключений. Неслучайно президентский указ особо выделяет религиозную составляющую при подходе и трактовке указанного понятия «духовно-нравственные ценности». Религиозная опора в построении критериев определения «духовно-нравственные» и в этом случае определяет константу исследуемого понятия.

Обратимся к анализу понятия «религия», производного от него – религиозный. «Religio» – связь, воссоединение. Данное определение возводит нас к иному, высшему, уровню авторитетности исследуемых определений. Принимая такой посыл, мы вернемся к упоминанию определений «духовный» к «религиозный». Мы имеем возможность удалиться от волевых целеустремлений и двигаться к по-настоящему фундаментальным ценностям в традиционном их прочтении.

Подобного рода соображение вполне находится в русле концепции упомянутой Е.А. Фроловой, её «доктринального опыта» отечественной научной мысли. Здесь же и акт «наивысшего стандарта прав человека» по мысли Т.А. Далгаты и Д.Ж. Гостьковой, видящих, прежде всего, в принципах рассматриваемого закона именно этот аспект.

Так или иначе сравнение и соотношение понятий «религиозный» и «духовный» возводят нас к классической формуле Фомы Аквинского, в которой философия находится «в услужении» у теологии. Иными словами, по учения Аквината, теология находится в состоянии высшей категории/понятия касательно структур и уровней человеческого сознания и их производных.

В самом деле, разве религиозный, читай «связующий, воссоединяющий» подход не выглядит превосход-

нее и основательнее «мудрствующего»/философского. Последнее определение явно уступает первому, по крайней мере, в отношении фундаментальных понятий. Применяя положения XIII столетия к нашим дням, мы вполне можем поставить «духовность» в услужение «религиозности». Однако критики монотеизма, иные лица секулярного прогрессизма, не разделяющие теологические постулаты, в свою очередь, могли бы возразить и указать на неприменимость указанных определений к современному социальному устройству. Подобные устремления не соответствуют религиозной картине мира. Вместе с тем, за устоявшимися современными секулярными парадигмами научного и общественного устройства и менталитета видятся производные определения, относящиеся нас к фундаментальным понятиям. Например, «абсолют» Гегеля вполне соответствует описанию свойств высшего духа. С точки зрения догматического богословия, высший дух есть Бог. Напомним, в этих словах заключается метафизическая картина мира современной цивилизации (от Рождества Христова). Концентрированное последнее соображение включает традиционное наследие нашей культурно-религиозной традиции. В этом случае религиозная связь с Богом – залог единства, мобилизованного самой историей человечества, историей религии, историей воссоединения человека с Творцом.

Наше рассуждение о современной терминологии религиозного и духовного, закреплённой теперь на законодательном уровне, сводится к осознанию исправления терминологических неточностей. Очевидна выходящая роль религии в ментальной составляющей личности. Понятие «духовных» традиций ведёт разум, куда возможно волеустремлению, но не имеет основы, поскольку духовные постулаты невозможно окончательно сформулировать и, стало быть, закрепить. Для каждого человека это, скорее, полёт фантазии, что весьма неопределённо и аморфно. Религиозный подход ведёт нас к прочным понятиям вполне определённой нравственной традиции, этот подход имеет строго определённые черты и определения.

Иными словами, следует отнести «религиозный» к первичной, а «духовное» ко вторичной категориям. Безусловно, первичность и вторичность относятся к универсальным философским категориям. То есть дилемма религиозный/духовный относится скорее к первичный/вторичный.

Кроме того, понятие «религиозный» исторически и религиозно выводится на первый план сотрудничества научного, гражданского и церковного сообществ. Последнее соображение опирается на активное использование понятий религиозный/духовный в соответствующей научной литературе, что, в свою очередь, диктуется глубинной востребованностью от времен средневековья по настоящий день прежде всего как проекция религиозно-духовной жизни на научное сознание в цивилизационном смысле в целом. При этом первичность религиозного по отношению к духовному диктуется как хронологией словоупотребления, так самой сутью менталитета. Здесь мы выходим к существеннейшему положению. «Духовное» и указывает на некую иную ментальную составляющую, отстоящую от более фундаментального «религиозного», а, стало быть, уводящую сознание от сути вещей и понятий, являясь при этом производной от последнего в свете изменения общественного сознания в том числе.

Выводы

В свете рассмотренных выше аспектов использования указанной терминологии необходимы следующие выводы.

1. Социуму необходимо дальнейшее движение от «духовных» определений к религиозным корням, как исторически первично-традиционным.
2. Если принимать означенное положение в качестве фундаментального, существующее правовые и ментальные доминанты нуждаются в пересмотре в традиционном историко-религиозном ключе.
3. Расхождения в понятийном поле нуждаются в традиционно-религиозном знаменателе, что лишит общественную ситуацию понятийного люфта.
4. Поскольку существующая тенденция к укреплению традиционных ценностей в перспективе видится обществом прежде всего в корректировке «документов стратегического планирования», необходимо констатировать необходимость дальнейшей работы по формированию определений традиционалистической повестки.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета, 4 июля 2020.
2. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» № 809 от 9 ноября 2022 года // URL.: <http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202211090019>
3. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Справочно-правовая система «Гарант». URL.: <http://base.garant.ru/70684666>
4. Агузумцян Р.В., Хачатрян Н.Г. Изучение феномена духовности в контексте религиозного знания и психологической науки // Национальный психологический журнал. Ереван, 2012. № 1. С. 74–80.
5. Адамянц С.Т. Духовно-нравственные ценности российского общества как объект правового обеспечения: вопросы теории и практики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. Саратов, 2023. Т. 1. С. 61–68.
6. Антология мировой философии / Сост. В.В. Соколов. М., 1969. 362 с.
7. Белоусов С.А. Психология духовности, веры и религии // Журнал практического психолога. 1998. № 6. С. 21–43.
8. Бердяев Н.А. Дух и реальность. М., 2011. 163 с.
9. Брегадзе А.А. Проблема сущности человека. Электронный ресурс. <http://anthropology.ru/ru/texts/index.html>
10. Будущее России: историко-культурные и духовно-нравственные основы идеологии российской государственности и цивилизации: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2023. 184 с.
11. Далгалы Т.А., Гостькова Д.Ж. Традиционные духовно-нравственные ценности как основа национальной безопасности России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. Челябинск, 2023. Т. 23. С. 7–10.
12. Духовно-нравственная сфера современного российского общества: обеспечение безопасности. Москва, 2023. 668 с.
13. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-слообразовательный. М., 2000. 741 с.
14. Ильичева И.М. Психология духовности. М., 2003. 233 с.
15. Кропачев Н.М., Архипов В.В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Санкт-Петербург, 2023. Т. 14. С. 294–306.
16. Короткова Н.В., Орехова Т.Р. Межвузовская научно-практическая конференция «Традиционные духовно-нравственные ценности как основа правового развития в XXI веке» // Государство и право. Москва, 2023. № 3. С. 188–200.
17. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. М., 2000. 863 с.
18. Культурные коды в процессе сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей: материалы научной конференции. Н.Новгород, 2023. 162 с.
19. Лишаев С.А. «Дух»: семантический портрет и философский комментарий // Mixtura verborum: возникновение, исчезновение, игра. Самара, 2003. С. 202–210.
20. Лютко Е. «Духовное»: к вопросу об истории понятия в XVII–XIX вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Москва, 2021. № 39 (4). С. 200–221.
21. Медушевский Н.А. Доктрина «духовных скреп» как основа интеграции российского общества // Вестник РГГУ. Серия: Политология. М., 2017. № 2. С. 123–131.
22. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М., 1865. 886 с.
23. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1949. 944 с.
24. Правовая защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей: теория и практика. Воронеж, 2023. 138 с.
25. Проблемы защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти: материалы всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2023. – 218 с.
26. Пушкарев Е.А., Злыденко Д.С. Политико-правовая трансформация традиционных ценностей современного российского общества // Философия права. 2022. № 3. С. 33–37.
27. Укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей и обеспечение прав человека в условиях современных вызовов: сборник научных статей. Смоленск, 2023. 291 с.
28. Сафина С.Б. Духовно-нравственные начала и принципы в системе конституционных ценностей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. Челябинск, 2023. Т. 23. С. 101–105.
29. Словарь русского языка XI–XVII вв. // Под ред. С.Г. Бархударова. М., 1977. 684 с.
30. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1867–1868. Т. 1–4.
31. Срезневский И.И. Словарь древнего Русского языка. СПб., 1893–1912.
32. Традиционные духовно-нравственные ценности в структуре российского общества и направления их укрепления: материалы круглого стола, 7 февраля 2023 г. Хабаровск, 2023. 129 с.
33. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 4 Т. М., 1986–1987. 641 с.

34. Филиппов Б.А. О волнах и циклах духовного (религиозного) напряжения в истории // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. М., 2015. Вып. 1. С. 98–114.
35. Фурман Д.Е., Каарияйнен К. Религиозность в России в 90-е годы XX – нач. XXI века. М., 2006. 221 с.
36. Шамаров П.В. Традиционные духовно-нравственные ценности России и конституционный опыт СССР с позиции национальной преемственности и отечественной гражданской идентичности // Вестник Дипломатической академии МИД России. Москва, 2023. № 1. С. 5–24.
37. Эбзеев Б.С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В.В. Путина и новые смыслы Основного Закона / Государство и право. 2020. № 4. С. 7–24.
38. Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. М., 2004. 261 с.

«SPIRITUAL» AND «RELIGIOUS»: PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS MEANING, THE DILEMMA OF PRIMACY

Zverev S.P.

Life-Giving Trinity on Vorobyovy Gory (Moscow), State Duma of the Russian Federation

The dilemma of using the concepts of «spiritual» and «religious» reflects the processes taking place in the mental component not only of modern society, but also in historical retrospect as a whole. There are significant reasons for discussions among religious scholars, philosophers, lawyers, and even psychologists regarding the semantic meaning and use of these terms. The article attempts to distinguish not only the history of the use of these definitions, but also their religious and philosophical primacy. The inclusion of these concepts in the broad historical context of the intellectual history of society seems to be the most relevant in connection with the Renaissance in traditional religious and moral values.

Keywords: «spiritual» and «religious», interdisciplinary analysis, semantic meaning, religious and philosophical primacy, traditional religious values, moral values, word usage.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (as amended by the all-Russian vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta, July 4, 2020.
2. Decree of the President of the Russian Federation «On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values» No. 809 dated November 9, 2022 // URL.: <http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202211090019>
3. Federal Law No. 172-FZ dated June 28, 2014 «On Strategic Planning in the Russian Federation» (with amendments and additions) // Garant Legal Reference System. URL: <http://base.garant.ru/70684666>
4. Aguzumtsyan R.V., Khachatryan N.G. The study of the phenomenon of spirituality in the context of religious knowledge and psychological science // National Psychological Journal. Yerevan, 2012. No. 1. pp.74–80.
5. Adamyants S.T. Spiritual and moral values of Russian society as an object of legal support: issues of theory and practice // Bulletin of the Saratov State Law Academy. Saratov, 2023. Vol. 1. pp. 61–68.
6. Anthology of World Philosophy / Comp. V.V. Sokolov. M., 1969. 362 p.
7. Belousov S.A. Psychology of spirituality, faith and religion // Journal of practical psychology. 1998. No. 6. pp. 21–43.
8. Berdyaev N.A. Spirit and reality. Moscow, 2011. 163 p.
9. Bregadze A.A. The problem of human essence. An electronic resource. <http://anthropology.ru/ru/texts/index.html>
10. The future of Russia: historical, cultural, spiritual and moral foundations of the ideology of Russian statehood and civilization: collection of materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2023. 184 p.

11. Dalgaly T.A., Gostkova D.J. Traditional spiritual and moral values as the basis of Russia's national security // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. Chelyabinsk, 2023. Vol. 23. pp. 7–10.
12. The spiritual and moral sphere of modern Russian society: ensuring security. Moscow, 2023. 668 p.
13. Efremova T.F. New dictionary of the Russian language. Explanatory and educational. M., 2000. 741 p.
14. Ilyicheva I.M. Psychology of spirituality, Moscow, 2003. 233 p.
15. Kropachev N.M., Arkhipov V.V. Traditional spiritual and moral values in the context of digital transformation of society: theoretical and legal aspects // Bulletin of St. Petersburg University. Right. Saint Petersburg, 2023. Vol. 14. pp. 294–306.
16. Korotkova N.V., Orekhova T.R. Interuniversity scientific and practical conference «Traditional spiritual and moral values as the basis of legal development in the 21st century» // State and Law. Moscow, 2023. No. 3. pp. 188–200.
17. Kuznetsov S.A. The Great Explanatory Dictionary of the Russian language. Moscow, 2000. 863 p.
18. Cultural codes in the process of preserving traditional spiritual and moral values: proceedings of the scientific conference. N.Novgorod, 2023. 162 p.
19. Lishaev S.A. «Spirit»: a semantic portrait and philosophical commentary // Mixtura verborum: emergence, disappearance, game. Samara, 2003. pp. 202–210.
20. Lyutko E. «Spiritual»: on the question of the history of the concept in the XVII–XIX centuries. // State, religion, Church in Russia and abroad. Moscow, 2021. No. 39 (4). pp. 200–221.
21. Medushevsky N.A. The doctrine of «spiritual bonds» as a basis for the integration of Russian society // Bulletin of the Russian State University of Economics. Series: Political Science. Moscow, 2017. No. 2. pp. 123–131.
22. Explanation of 25,000 foreign words used in the Russian language, with the meaning of their roots. Moscow, 1865. 886 p.
23. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language, Moscow, 1949. 944 p.
24. Legal protection of traditional Russian spiritual and moral values: theory and practice. Voronezh, 2023. 138 p.
25. Problems of protection of traditional Russian spiritual and moral values, culture and historical memory: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. Moscow, 2023. – 218 p.
26. Pushkarev E.A., Zlydenko D.S. Political and legal transformation of traditional values of modern Russian society // Philosophy of Law. 2022. No. 3. pp. 33–37.
27. Strengthening traditional Russian spiritual and moral values and ensuring human rights in the context of modern challenges: a collection of scientific articles. Smolensk, 2023. 291 p.
28. Safina S.B. Spiritual and moral principles in the system of constitutional values // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. Chelyabinsk, 2023. Vol. 23. pp. 101–105.
29. Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries // Edited by S.G. Barkhudarov. Moscow, 1977. 684 p.
30. Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Department of the Academy of Sciences, St. Petersburg, 1867–1868, vol. 1–4.
31. Sreznevsky I.I. Dictionary of the ancient Russian language. St. Petersburg, 1893–1912.
32. Traditional spiritual and moral values in the structure of Russian society and directions for their strengthening: materials of the round table, February 7, 2023 Khabarovsk, 2023. 129 p.
33. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. 4 Vol. M., 1986–1987. 641 p.
34. Filippov B.A. On the waves and cycles of spiritual (religious) tension in history // Bulletin of the St. Petersburg State University: Theology. Filosofiya, Moscow, 2015. Issue 1. pp. 98–114.
35. Furman D.E., Kaariainen K. Religiosity in Russia in the 90s of the XX – early 20th century. XXI century. Moscow, 2006. 221 p.
36. Shamarov P.V. Traditional spiritual and moral values of Russia and the constitutional experience of the USSR from the perspective of national continuity and national civic identity. // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Moscow, 2023. No. 1. pp. 5–24.
37. Ebzееv B.S. Updating the Constitution of Russia: The collective image of President Vladimir Putin's amendments and the new meanings of the Basic Law / State and Law. 2020. No. 4. pp. 7–24.
38. Emmons R. Psychology of higher aspirations: motivation and spirituality of personality. Moscow, 2004. 261 p.

Виная как монашеское право в тайском буддизме: религиоведческий и юридический анализ

Пхунтхасан Пхра Парон (Джаянандо Бхиккху),

аспирант, Бурятский государственный университет имени
Доржи Банзарова (БГУ)

E-mail: peter.ppj.bsu@gmail.com

В данной статье предпринимается развернутый междисциплинарный анализ феномена «Виная» в тайском буддизме Тхеравады, который рассматривается как своеобразное «монашеское право». Исследование опирается на исторические документы, философские трактаты, филологические работы, а также современные педагогические и культурологические исследования, посвященные функционированию сангхи и кодификации религиозных норм. Основная цель – продемонстрировать, что Виная не сводится к сугубо морально-религиозным правилам, но обладает чертами полноценной правовой системы, влияющей на жизнь тайской буддийской общины и взаимодействующей с государственным законодательством. В ходе исследования рассмотрена структура канонического текста Винаи, истоки ее формирования, система санкций и порядок «судопроизводства» внутри общины. Выявляется, каким образом «монашеское право» соотносится с уголовным и административным правом Таиланда, где государство, признавая самостоятельность сангхи, иногда учитывает или дублирует ряд религиозных норм. На основе систематизации и сопоставления данных из палийских текстов, авторитетных комментариев и современных юридических исследований в статье формулируется вывод о том, что религиозная дисциплина (Виная) стала органичной частью правовой культуры Таиланда.

Ключевые слова: Виная, тайский буддизм, Тхеравада, монашеская дисциплина, религиоведение, юридический анализ.

Введение

Тайский буддизм, относящийся к школе Тхеравада, играет исключительную роль в культурной, социальной и правовой системе Таиланда. На протяжении веков он выступал связующим звеном между различными слоями общества, формируя ценностные ориентиры, регулируя поведение и закладывая фундамент национальной идентичности. При этом понятие «Виная» (на пали: *Vinaya*) – дисциплинарный комплекс, предъявляемый монахам (*bhikkhu*) и монахиням (*bhikkhuni*), – становится центральным механизмом саморегуляции буддийской общины (сангхи).

Если Дхамма (учение Будды) направлена на постижение истины о природе существования и достижение ниббаны, то Виная – это «правило жизни» и внутренний устав сангхи, структурирующий ежедневную деятельность монахов. Однако при детальном рассмотрении обнаруживается, что Виная обладает признаками правовой системы: кодифицированные нормы, классификация нарушений, система санкций, судебные процедуры и прочие юридические атрибуты [6, с. 113–117].

Сегодняшняя практика показывает, что в Таиланде религиозная и светская правовые системы иногда тесно пересекаются. Так, совершение монахом ряда тяжких проступков (убийство, кража и т.д.) одновременно нарушает Винаю и попадает под действие Уголовного кодекса Таиланда. При этом часто монаха сначала лишают сана по религиозным правилам (*pārājika*), а затем уже, как мирянина, привлекают к ответственности по государственному законодательству.

Цель настоящего исследования – показать, что Виная может рассматриваться как «монашеское право» в самом буквальном смысле: со своей кодификацией, санкциями, коллегиальным «судом» и разнообразными формами наказаний. Для этого решаются следующие задачи:

- проанализировать исторические предпосылки становления Винаи и ее текстологическую основу;
- выявить юридические признаки Винаи как системы норм;
- сопоставить дисциплинарные правила с положениями современного тайского законодательства;
- рассмотреть влияние Винаи на морально-этическую и правовую культуру, а также на социальную и образовательную сферы.

Следует подчеркнуть, что в данной работе принята попытка системно рассмотреть Винаю сквозь призму религиоведения и юридических наук. Основной вклад исследования состоит в том, что, несмотря на духовно-нравственный фундамент, Виная содержит все ключевые компоненты «права» – кодификацию, иерархию норм, систему санкций и механизмы судопроизводства. Подобный подход позволяет более широко осветить феномен Винаи, демонстрируя ее юридические черты и одновременно подчеркивая ее связь с буддийской традицией.

Научная новизна работы проявляется в комплексном анализе нескольких аспектов. Во-первых, исследуется историческое развитие дисциплинарных норм Ви-

наи, учитывая, что их введение зачастую базировалось на конкретных прецедентах. Во-вторых, раскрывается социальная роль этого монашеского устава и рассматривается способ, которым он взаимодействует с государственной правовой системой Таиланда. В-третьих, проводится сопоставление с западными юридическими традициями и криминологическими идеями, что дает возможность увидеть, каким образом буддийское монашеское право может коррелировать или расходиться с принципами современного правового порядка.

Практическая значимость исследования проявляется в нескольких направлениях. Во-первых, материалы работы могут быть включены в учебные курсы по религиоведению и сравнительному правоведению, где Виная рассматривается в качестве «живой» системы правил и норм. Во-вторых, выводы данного исследования могут быть полезны при консультировании государственных и религиозных органов, которым приходится регулировать вопросы, связанные с финансами, статусом монашествующих и урегулированием споров в случае нарушения дисциплины. Наконец, переосмысление буддийского права в свете цифровых технологий и процессов глобализации может оказаться особенно актуальным при реформировании внутренних правил сангхи, помогая гармонично сочетать традиционные принципы и современный контекст.

В методологическом плане работа имеет междисциплинарный характер, объединяя подходы религиоведения, филологии, криминологии и философии права. Используются **историко-критический метод** для анализа палийских текстов, **сравнительно-правовой подход** (сопоставление религиозных и светских норм), а также **культурологический анализ** (оценка влияния Винаи на тайское общество). При этом объем исследования обусловлен стремлением дать целостное представление о феномене Винаи. Текст состоит из нескольких крупных разделов: 1) *Истоки и структура Винаи*; 2) *Философско-религиоведческие основания*; 3) *Юридический характер и санкции*; 4) *Взаимодействие с тайским правом*; 5) *Влияние на общество, мораль и воспитание*; 6) *Современные вызовы*; 7) *Итоги и перспективы*. В заключении формулируются основные выводы о роли «монашеского права» в правовой культуре Таиланда и о перспективах дальнейших исследований данной проблемы.

Исторические истоки и общая характеристика Винаи

Возникновение Винаи в раннем буддизме

Исторические сведения, сохранившиеся в палийских текстах, свидетельствуют о том, что Будда первоначально не вводил обширного свода дисциплинарных норм. Однако с ростом монашеской общины случаи неуместного поведения (чрезмерное общение с мирянами, неуважительное отношение к старшим и т.д.) вынуждали принимать «правила ех пост» – постфактум, когда реальный проступок уже совершался [5, с. 340–341].

Таким образом, Виная развивалась итеративно, через кодификацию конкретных случаев. По преданию, каждый раз Будда заслушивал жалобы, обсуждал их с монахами и затем формулировал новое правило, призванное предотвратить повторение данного нарушения [Там же, с. 342]. Со временем эти правила объединили в единый корпус «Виная-питаки» – одной из трех частей Палийского канона (Типитаки).

Структура Винаи

Традиционно в Палийском каноне Виная-питака включает три основных раздела [10x; 11]:

1. **Сутта-вибханга** (*Suttavibhaṅga*): детальный анализ каждого правила (*pārājika*, *saṅghādisesa* и др.) с описанием конкретных ситуаций и мотивировок.
2. **Кхандхаки** (*Khandhaka*), делящиеся на **Махаваггы** (*Mahāvagga*) и **Чулаваггы** (*Cūlavagga*): регулируют административно-организационные вопросы (принятие посвящения, проведение ретритов, правила одежды и т.п.).
3. **Паривара** (*Parivāra*): своего рода «обзорно-обобщающий» раздел, где систематизируются и повторяются основные нормы.

Помимо сухого перечисления запретов, в текстах Винаи приводится множество историй, иллюстрирующих причины введения того или иного правила. Благодаря этому монахи и поныне могут узнавать контекст и логику зарождения дисциплинарных положений.

Десять оснований введения монашеской дисциплины

В Палийском каноне набор из десяти дисциплинарных целей – *dasavidha vinayakhandha* – образует методологическое ядро буддийской нормативной системы [10, с. 27–29]. В источниках эти цели служат функциональными ориентирами, определяющими как разработку, так и практическое применение каждого правила Винаи. Свод их основан на необходимости:

- обеспечивать благополучие и поступательное развитие Сангхи;
- поддерживать ее внутренний порядок и комфорт;
- сдерживать асоциальные или дерзкие проявления внутри общины;
- создавать благоприятные условия для жизни и практики добродетельных монахов;
- подавлять актуальные умственные загрязнения (*āsava*) уже в этой жизни;
- предотвращать возможные омрачения в будущих состояниях;
- вызывать доверие у тех, кто еще не обрел веру;
- углублять веру уже практикующих последователей;
- содействовать стабильности и долговечности подлинной Дхаммы;
- обеспечивать сохранность и преемственность монашеской Винаи.

Таким образом, назначение Винаи шире, чем у обычного правила или закона: помимо внешней регламентации поведения, она предполагает формирование нравственной чистоты (*śīla*) и создание благоприятных условий для постижения Дхаммы (истины) [8, с. 27–28].

Философско-религиоведческие основания Винаи

Связь Дхаммы и Винаи

В буддизме Тхеравады Дхамму и Винаю принято считать двумя комплементарными компонентами Учения. Согласно комментариям, Будда утверждал, что без дисциплины даже правильно понятая Дхамма не сможет принести плодов, поскольку нравственно неустойчивый человек не способен глубоко практиковать медитацию и развивать мудрость. В психолого-религиозном плане нарушение Винаи рассматривается как результат «отсутствия стыда» (*alajjita*) и «недостатка осознанности» (*saṭi*), что ведет к накоплению неблагой каммы. Это коррелирует с криминологической теорией, согласно которой отсутствие морального барьера может приводить к правонарушениям.

Этико-правовой статус дисциплинарных предписаний

Дисциплина Винаи сочетает в себе два взаимодополняющих измерения – этическое и юридическое. В **этической плоскости** соблюдение монастырских правил понимает-

ся как путь личного нравственного совершенствования: монах сознательно развивает благие качества и не допускает накопления неблагих каммы [7, с. 24–25]. В **юридической плоскости**, поскольку эти правила кодифицированы в Винае-питаке, они обладают институциональной санкцией: их нарушение вызывает формализованную реакцию общины – от порицания и временного ограничения прав до окончательного изгнания из сангхи. Такое двуединое устройство близко к парадигме естественного права: дисциплинарная санкция считается легитимной постольку, поскольку она соразмерна «высшему порядку» (*dhamma-niyāma*, *kamma-niyāma*), поддерживающему нравственную и космическую гармонию [12, с. 14–17]. Право сангхи, следовательно, не противопоставлено морали, а выступает ее институциональным продолжением, закрепляя этические требования в форме позитивных процедур и наказаний.

Сакральность и социальная функция

Хотя Винае служит в первую очередь духовным целям, ее социальная функция в тайском обществе весьма значительна. Монахи – это не просто «индивидуальные практикующие», а представители особо почитаемого сословия, от которых ожидается высокий уровень морального примера. Поэтому несоблюдение Винае оказывает негативное влияние на репутацию всей сангхи и может вызвать широкий общественный резонанс [16, с. 18–19].

Следует отметить, что для мирян важен не только проповеднический авторитет монаха, но и уверенность, что он действительно следует своду дисциплины. Государство, с одной стороны, не вмешивается во внутренние дела сангхи, а с другой – предусматривает уголовные меры в случаях грубых нарушений, наносящих ущерб обществу и религии [5, с. 344].

Юридический характер Винае: структура, источники и санкции

Признаки монашеского права

На основании современных теорий права можно выделить несколько признаков, позволяющих трактовать Винае как систему юридических норм:

1. **Кодификация** – дисциплинарные положения фиксируются в авторитетном каноническом корпусе [5, с. 343].
2. **Обязательность** – правила распространяются на всех, кто принял статус *bhikkhu/bhikkhunī*, и сохраняют силу на протяжении всей монашеской жизни [7, с. 70–73].
3. **Наличие юрисдикции** – функции «суда» выполняет коллегиальное собрание монахов (*saṅgha*), которое рассматривает дела о серьезных нарушениях и выносит решение большинством голосов [15, с. 319–320].
4. **Система санкций** – предусмотрен иерархизированный набор мер воздействия – от публичного порицания вины до исключения из общины (*parājika*) [Там же, с. 321].

Таким образом, монашеская дисциплина может быть определена как форма **корпоративного религиозного права**, чья легитимность основана не на государственной принудительной силе, а на духовном авторитете Сангхи и внутреннем механизме социального контроля.

Классификация дисциплинарных нарушений (*abatti*)

Палийская традиция различает семь категорий нарушений, распределенных по степени тяжести:

1. **Параджика** (*pārājika*), «поражение» – тяжчайшие проступки (сексуальная связь, кража имущества, убийство человека, ложное заявление о своих сверхчеловеческих достижениях) которые приводят к немедленной и необратимой потере монашеского статуса.
2. **Сангхадисеса** (*saṅghādisesa*) – грубые проступки, требующие покаянной процедуры под надзором сангхи и временного отстранения от монашеских обязанностей.
3. **Тхуллаччая** (*thullaccaya*), «грубый промах» – нарушение, не достигающее уровня параджикки, но влекущее за собой публичное порицание.
4. **Паччиттия** (*pācittiya*) – проступки, искупаемые путем признания и раскаяния перед общиной.
5. **Патидесания** (*pāṭidesanīya*) – ошибки, главным образом связанные с приемом пищи, подлежащие публичному исповеданию.
6. **Дукката** (*dukkata*) – незначительные проступки (невнимательность, нарушение этикета), после которых достаточно устного замечания.
7. **Дуббхасита** (*dubbhāsita*), «дурная речь» – оскорбление, клевета, грубость.

Благодаря такому тонкому разделению, сангха может соотносить тяжесть наказания с природой проступка, учитывая при этом умысел, контекст и потенциальный общественный вред.

Санкции и целеполагание дисциплины

Ключевые меры дисциплинарного воздействия в буддийской общине соответствуют вышеуказанной классификации и включают:

Параджика (*parājika*) → исключение из общины.

Сангхадисеса (*saṅghādisesa*) → временное ограничение статуса с последующей «реабилитацией» через покаянные процедуры.

Паччиттия и Патидесания (*pācittiya & pāṭidesanīya*) → публичное признание и раскаяние.

Надо отметить, что в данной системе санкций можно выделить несколько ключевых целей. Во-первых, **катартическая** функция предполагает очищение нарушителя посредством искреннего раскаяния. Во-вторых, **репутационная** направлена на сохранение дисциплинарной непорочности сангхи и поддержание ее авторитета. В-третьих, **защитная** подразумевает предотвращение возможного вреда для мирян и новых членов сангхи. Наконец, **превентивная** ставит своей задачей предупреждение повторных нарушений путем демонстрации неотвратимости последствий.

В совокупности эти элементы придают Винае статус комплексной юридической системы, которая, не обладая внешним государственным механизмом принуждения, опирается на внутреннюю нормативную автономию, духовный авторитет и принципы консенсусного управления общиной.

Механизм нормотворчества и «процедура судопроизводства» в сангхе

Прецедентный характер происхождения норм (*ex post*)

Палийская традиция единодушно описывает генезис правил Винае как **реактивный**: каждое новое предписание формулировалось Буддой постфактум, – *ex post* – после конкретного проступка (*abatti*), который становился предметом официального разбора [5, с. 341–342]. Действуя в роли высшей инстанции, Будда заслушивал обстоятельства дела, квалифицировал нарушение и на этой основе издавал норму, направленную на предупреждение анало-

гичных случаев. Такая логика сближает раннебуддийскую дисциплину с моделью **прецедентного (case) права**, где судебное решение создает нормативный прецедент, обязательный для последующей практики [17, с. 97–99].

Коллективное принятие решений (*saṅghakamma*).

В эпоху после Париниббаны Будды нормотворческая и юрисдикционная функции были институционализированы в форме **коллегияльного производства** (*saṅghakamma*). При рассмотрении тяжких правонарушений уровня *saṅghādisesa* устанавливается кворум из двадцати полностью рукоположенных монахов (*bhikkhu*), тогда как для менее серьезных дел достаточно собрания из четырех. Данная процедура включает в себя: 1) публичное оглашение обвинения; 2) предоставление обвиняемому права на объяснение и добровольное раскаяние; 3) обсуждение фактов и формирование консенсуса; 4) принятие решения и 5) оглашение санкции.

Целевые установки дисциплинарного процесса

Коллективная форма юрисдикции преследует не только функцию установления вины, но и **реформативную** цель: помочь нарушителю осознать проступок и восстановить нравственную репутацию. Подобная логика сближает монашескую практику с принципами «**restorative justice**», где акцент сделан на примирение и социальное исцеление вместо чисто карательного акцента [15]. Тем самым Виная демонстрирует сложный многоуровневый механизм: **нормы рождаются прецедентно**, а воспроизводятся и актуализируются через **коллегияльное правоприменение**, обеспечивающее одновременно юридическую определенность и этическую целесообразность.

Взаимодействие Винаи с тайской государственной правовой системой

Особый статус буддийской сангхи в Таиланде

Несмотря на формально провозглашенный принцип свободы вероисповедания, буддизм занимает в Таиланде привилегированное положение. Конституционномонархическая доктрина закрепляет за королем функцию «покровителя религии» (*Sāsanaṭṭhambhaka*), что выражается в финансовой и организационной поддержке монастырей со стороны государства. Административные отношения между светской властью и монашеской общиной регламентированы серией «**Актов о Сангхе**» (*Sangha Acts 1902, 1941, 1962, 1992 и др.*), которые устанавливают иерархическую структуру управления монастырями; порядок назначения на высшие духовные должности; распределение бюджетных ассигнований [9, с. 420–423].

При этом Виная признается **верховным внутренним правом** сангхи: государственные органы вмешиваются в дисциплинарные процессы лишь при коллизии с публичным порядком или уголовным законодательством [5, с. 344].

Точки соприкосновения с Уголовным кодексом

Светское право содержит специальные нормы, обеспечивающие охрану религиозного статуса монахов. Так, **статья 208 УК Таиланда** запрещает мирянам носить монашеское одеяние с целью введения общества в заблуждение; нарушение карается лишением свободы сроком до одного года [Там же]. При этом, если же **сам монах** совершает уголовно наказуемое деяние (например, убийство или кражу), применяется механизм двойной ответственности:

1. в соответствии с Винаей тяжкое нарушение классифицируется как **параджика** (*pārājika*), что автоматически влечет **утрату монашеского статуса**;

2. утрачивающий статус субъект предстает перед светским судом **как обычный гражданин** [18, с. 150–152].

Таким образом, монахи несут **двойную юридическую нагрузку**: риск потерять как религиозную идентичность, так и гражданскую свободу [14, с. 785–788].

Механизмы гармонизации и современные вызовы

Принцип «гармоничной автономии» предполагает, что государство воздерживается от вмешательства в дисциплинарные дела сангхи, пока они не затрагивают общественный интерес. Такая практика основывается на глубоком культурном уважении тайского общества к буддийской традиции [9, с. 426]. Тем не менее глобализационные процессы генерируют новые зоны правовой неопределенности. Среди них: значительный объем денежных средств в распоряжении отдельных монастырей и «мегахрамов», активное использование цифровых технологий для сбора пожертвований, а также трансграничная мобильность монахов и электронные формы проповеди.

Поскольку данные феномены не были предметом классической Винаи, государственные органы периодически иницируют **усиление финансового и информационного контроля** над монастырями, мотивируя это защитой публичных интересов [14]. В ответ сангха стремится адаптировать традиционные нормы к новым реалиям, сохраняя автономию дисциплины и избегая прямой коллизии с государственным правом. Благодаря этому правовой дуализм Таиланда продолжает функционировать как модель **юридического плюрализма**, где религиозные и светские нормы сосуществуют в режиме институционального диалога, а не конкуренции.

Влияние Винаи на моральный облик сангхи и религиозную практику

Духовно-нравственное измерение наказаний

В традиционном буддизме главная мотивация для соблюдения Винаи – внутренняя убежденность и страх «накопить плохую камму». Вина – не просто формальное нарушение, но и загрязнение ума, препятствующее достижению духовного прогресса [13]. При этом **покаяние** в Винае – важнейший институт, позволяющий монаху искупить проступок и вернуть «чистоту» дисциплины (*śīla*). Современные психологические концепции реабилитации правонарушителей (в частности, теория Андрюса и Бон-та) подчеркивают, что искреннее раскаяние и изменение когнитивных установок существенно снижают риск рецидивов [2, с. 162–164].

Социальная роль дисциплинированной сангхи

Монахи в Таиланде традиционно считаются не только духовными наставниками, но и «хранителями культуры». В деревнях именно монастырь (*ват*) может быть центром образования, медицины и социальных инициатив [1]. Строгое соблюдение Винаи укрепляет престиж сангхи в глазах мирян и в целом поддерживает высокий уровень религиозной жизни общества. Нарушения же вызывают скандалы, подрывают доверие и формируют «социальный запрос» на более жесткий контроль (либо внутри сангхи, либо со стороны государства) [16, с. 18–19].

Воспитательные аспекты

Для юных послушников (*samanera*) изучение Винаи – это не просто ознакомление с текстом, а часть комплексного духовно-нравственного воспитания. В некоторых буддийских университетах Винаю преподают в контексте философии права и этики, что способствует формированию

у будущих монахов целостного мировоззрения [10, с. 27; 14, с. 786].

Современные вызовы и дискуссионные вопросы

Проблема «малых правил» и возможность реформ

Исторически известно, что на первом буддийском соборе после париниббаны Будды монах Ананда предлагал рассмотреть вопрос об отмене «малых правил» (*khuddā-nukhuddaka sikkhā*), чтобы облегчить практику для будущих поколений [5, с. 344]. Однако сангха решила оставить все нормы в неизменном виде, опасаясь, что «изъятие» даже второстепенных предписаний может повредить авторитету дисциплины.

В наше время ряд монастырей и исследователей считают, что некоторые положения Винаи требуют адаптации к современной социальной реальности (особенно связанные с технологиями и банковскими операциями). Тем не менее сторонники консервативной позиции указывают, что любые изменения должны приниматься коллективно и согласовываться с духом Учения.

Цифровые технологии: социальные сети и электронные пожертвования

В XXI веке многие монахи используют смартфоны, мессенджеры, социальные сети и прием электронных пожертвований через банковские переводы. В классической Винае подробно описываются запреты на «владение золотом и серебром» (*nissaggiya pācittiya*), однако не существует прямого упоминания о безналичных расчетах и электронных кошельках. В результате возникает «правовой вакуум»: нужно ли приравнять виртуальные деньги к золоту и серебру? Как оценивать поведение монаха, активно занимающегося «онлайн-деятельностью»? Одни учителя считают, что главным критерием остается отсутствие корыстного присвоения и злоупотребления, другие указывают на необходимость дополнений к существующим правилам [8, с. 30–31].

Женское монашество (бхиккхуни)

Еще один спорный вопрос – признание женского монашества. Согласно Палийскому канону, орден бхиккхуни существовал со времен Будды, но в Таиланде прямая линия преемственности рукоположений бхиккхуни была утрачена. Сегодня встречаются попытки возродить женское монашество, однако официальная сангха не признает их, ссылаясь на отсутствие «легитимной» линии рукоположения [1]. С юридической точки зрения это влечет конфликт: государство ориентируется на позицию высшего совета сангхи и не регистрирует женские монастыри как полноправные религиозные объединения. Тем самым женщины-монахини оказываются вне официальной дисциплинарной структуры, хотя и считают себя обязанными соблюдать Винаю [5, с. 345].

Виная в криминологическом аспекте: сопоставление с пенологическими теориями

Теория утраты

Классические представители пенологии (Ч. Беккариа, Дж. Бентам) подчеркивали, что наказание должно устрашать потенциальных правонарушителей [3, с. 12–15; 4, с. 19–20]. В буддийской общине публичное порицание или изгнание (*parājika*) создает мощный фактор страха потерять статус монаха. Духовные последствия – в частности утрата перспективы окончательного освобождения и репутационный урон в глазах общины – чаще оказываются для монахов гораздо более действенным сдерживающим

фактором, чем телесные или имущественные наказания, практически не применяемые в буддийской дисциплине.

Теория исправления и возвращения в общину

Позитивистская школа криминологии – от Ч. Ломброзо до современных исследователей, таких как Дон Эндрюс и Джеймс Бонта – делает акцент на исправлении правонарушителя и его возвращении к полноценной жизни [15, с. 326]. При этом Виная иллюстрирует этот подход: монах, совершивший проступок, если он не относится к категории «параджика» (*pārājika*), проходит установленную процедуру покаяния и восстановления статуса. В буддизме приоритетным считается исправление личности – от практики медитации до сознательной корректировки поведения и нравственных установок – а не карательные меры. Такой упор на внутреннюю и внешнюю трансформацию соответствует современным моделям, цель которых – вернуть нарушителя в общество без риска повторных проступков [7, с. 54–57].

Сравнительная перспектива и дальнейшие направления исследований

Сопоставление с другими странами Тхеравады

Хотя общие принципы Винаи едины для Тхеравады, практика ее применения варьируется. Например, в Шри-Ланке более строго относятся к владению финансами, а в Мьянме – к отношениям с государством, где тоже признается особый статус сангхи, но детали могут отличаться [6, с. 45–47]. Сравнительный анализ позволил бы понять, какие аспекты «монашеского права» действительно универсальны, а какие связаны с культурно-историческими особенностями.

Гендерная проблематика. Исследование женского монашества (бхиккхуни) затрагивает не только вопросы канонической Винаи, но и широкий правовой контекст – признание статуса, возможность участия в религиозной администрации и т.д. Нужны глубокие филологические и исторические изыскания, которые бы помогли решить вопрос о возобновлении линии бхиккхуни в Таиланде.

Финансовое и налоговое право

Многие тайские монастыри располагают значительными активами (земля, здания, денежные вклады), и государство все более активно вмешивается в управление этими средствами. В перспективе возможен диалог о «совместимой» с Винаей форме контроля. Здесь важен учет как национальной правовой системы, так и буддийских принципов отказа от личной собственности.

Цифровая этика и online-коммуникации

Вопрос о том, как интерпретировать традиционные запреты в контексте виртуального пространства, остается открытым. Может ли использование соцсетей нарушать правило об общении с противоположным полом? Как трактовать «рекламу» монастырских мероприятий в интернете? Подобные темы требуют уточнения на уровне сангхи и возможного включения в курс Винаи в буддийских университетах.

Заключение

Рассмотрение Винаи как «монашеского права» показывает, что эта дисциплинарная система буддизма Тхеравады в Таиланде обладает всеми основными признаками правовой структуры: она кодифицирована (Виная-питака), обязательна для всех членов сангхи, предусматривает «процедуру судопроизводства» и накладывает санкции

различной степени тяжести. При этом, в отличие от светского права, главная цель Винаи состоит не только в регуляции поведения, но и в духовном совершенствовании монахов, устранении моральных загрязнений и поддержании репутации буддийской общины.

В исторической перспективе развитие правил Винаи шло итеративно: каждый важный прецедент вызывал формулировку нового запрета или предписания. В современном Таиланде «монашеское право» гармонично сосуществует с государственной правовой системой, при которой государство не вмешивается во внутренние дела сангхи, пока это не затрагивает общественные интересы. В ситуациях особо тяжких нарушений дисциплинарные санкции (утрата монашеского статуса) дополняются уголовным преследованием.

Социальное и педагогическое значение Винаи велико: она формирует нравственную основу монашеской общины, служит примером для мирян и способствует консолидации общества вокруг духовных ценностей. Однако в XXI веке возникают новые вызовы: внедрение цифровых технологий, расширение международных контактов, дискуссии о женском монашестве и легитимности «малых реформ» дисциплинарного канона.

Таким образом, Виная предстает как многогранный феномен на стыке религиозного и юридического измерений, чье дальнейшее исследование способно обогатить как науку о религии, так и сравнительное правоведение. Анализ методов и практик Винаи может вдохновить создание более гибких и ориентированных на реабилитацию моделей социально-правового регулирования.

В совокупности полученные результаты подтверждают, что Виная сохраняет актуальность в современных условиях, продолжая играть роль «духовного закона» и эффективного механизма поддержания дисциплины и гармонии в буддийской сангхе. По мере развития тайландского общества и технологического прогресса может назреть необходимость в дополнительных уточнениях или регламентациях, которые, однако, не отменяют основной этико-правовой стержень Винаи.

При этом данные исследования могут представлять особую ценность для российских специалистов по религиоведению, правоведению, культурологии и другим смежным дисциплинам. Во-первых, сравнительное изучение «монашеского права» и традиционных отечественных правовых институтов (включая аспекты канонического права в православной традиции) способно углубить понимание религиозно-правовых норм. Во-вторых, совместные исследовательские проекты с тайскими учеными и буддийскими монашескими институтами могут открыть дополнительные возможности для академических обменов и проведения междисциплинарных конференций. В-третьих, анализ гибкости Винаи в условиях технического прогресса и изменений в обществе может послужить моделью для российских исследований в области адаптации правовых систем и религиозных практик к вызовам современности. Наконец, накопленный в рамках Винаи опыт «правосудия, ориентированного на воспитание», может вдохновить разработку реабилитационных и примирительных подходов в отечественной юридической практике.

Литература

1. Aksornsri A., Saengsuwan W. Rule of Law and Governance by Tosapit Rajadham // *Journal of Mani Chettha Ram Wat Chommani (JMCR)*. 2021. Vol. 4, № 2. Pp. 33–45. (на тайском яз.).
2. Andrews D. A., Bonta J. *The Psychology of Criminal Conduct*. 5th ed. New Providence: LexisNexis, 2010. 672 p.
3. Beccaria C. Passerin A. d'Entreves. *Natural Law: An Introduction to Legal Philosophy*. 7th ed. New Brunswick: Transaction Publishers, 2009. 152 p.
4. Bentham J. Passerin A. d'Entreves. *Natural Law: An Introduction to Legal Philosophy*. 7th ed. New Brunswick: Transaction Publishers, 2009. 152 p.
5. Chetiyaphiban P.T. Vinaya: Law Clergy. PhD (Political Science) // *Journal Of Nakhonratchasima College*. 2016. Vol. 10, № 1. Pp. 339–345. (на тайском яз.).
6. Gombrich R.F. *Theravāda Buddhism: A Social History from Ancient Benares to Modern Colombo*. London: Routledge, 2006. 256 p.
7. Harvey P. *An Introduction to Buddhist Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 478 p.
8. Keown D. *Buddhist Ethics: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 168 p.
9. Limprasert P., Thanomkul W. Legal Status of Buddhist Administrators: Case Study of Buddhist Administrators in Thailand // *Journal of Social Sciences and Buddhist Anthropology*. 2022. Vol. 7, № 5. Pp. 416–432. (на тайском яз.).
10. Mahachulalongkornrajavidyalaya University. *Thai Tipiṭaka, MCU Edition*. Vol. 1: Vinaya Piṭaka, Mahāvibhaṅga, Part 1. Bangkok: MCU Publishing House, 1996. 514 p. ISBN 974-575-369-6. (на тайском яз.).
11. Mahamakut Buddhist University. *Pali Tipiṭaka in Thai Script, Siamrath Edition*. Vol. 1: Vinayapiṭaka Mahāvibhaṅga, Part 1. Nakhon Pathom: MBU Publishing House, 1982. 444 p. (на яз.пали)
12. Passerin A. d'Entreves. *Natural Law: An Introduction to Legal Philosophy*. 7th ed. New Brunswick: Transaction Publishers, 1994. 232 p.
13. Phrakrupariyatpatcharobon (Phornchai Chomphusri). Legal Philosophy in the Vinaya Pitaka // *Journal of Graduate MCU KhonKaen Campus*. 2024. Vol. 11, № 3. Pp. 14–28. (на тайском яз.).
14. Phrakuwirasatpradit, Jakawalo P.J., Chutakupt W. Jurisprudence and Its Foundation in Buddhism // *Journal of MCU Peace Studies*. 2023. Vol. 11, № 2. Pp. 784–788. (на тайском яз.).
15. Sanyato P. J., Phrakhu Chinnaveerabandit (Ek Chinawangso). Offense and Discipline of Monks in The Perspective of Criminal Punishment // *Journal of Interdisciplinary Innovation Review*. 2025. Vol. 8, № 1. Pp. 316–329. (на тайском яз.).
16. Sumetho P. P., Kongsut P., Khankaew T. Cognitive Development of Thai Youth in Buddhist Perspective // *MCU Buriram Academic Journal*. 2021. Vol. 7, № 1. Pp. 16–30. (на тайском яз.).
17. Sunthajitto P. T., Mankit T. Jurisprudence in The Vinaya Pitaka // *Journal of Mani Chettha Ram Wat Chommani*. 2023. Vol.6, № 1. Pp. 81–99. (на тайском яз.).
18. Suriyo P. S., Sinprasitkul W., Thongnun C. [и др.]. Law Problems Related to Monkhood Renunciation Due To Offensecriminal Law // *Journal of Social Science and Buddhistic Anthropology*. 2021. Vol. 6, № 2. Pp. 144–159. (на тайском яз.).

VINAYA AS MONASTIC LAW IN THAI BUDDHISM: A RELIGIOUS AND LEGAL ANALYSIS

Phunthasan Phra Paron (Jayānando Bhikkhu)
Dorji Banzarov Buryat State University

This article presents an extensive interdisciplinary analysis of the phenomenon of "Vinaya" in Thai Theravāda Buddhism, examining it as a form of "monastic law." The study draws on historical documents, philosophical treatises, philological research, and contemporary pedagogical and cultural studies focused on the functioning of the saṅgha and the codification of religious norms. The central aim is to show that the Vinaya transcends a purely moral or reli-

gious code, instead functioning as a fully-fledged legal system that influences the life of the Thai Buddhist community and interacts with state legislation.

The analysis discusses the structure of the canonical Vinaya text, its historical origins, the system of sanctions, and the organization of “judicial proceedings” within the monastic community. It further explores how this “monastic law” correlates with Thailand’s criminal and administrative law, where the state, recognizing the autonomy of the saṅgha, sometimes adopts or parallels certain religious regulations. By systematizing and comparing data from Pāli sources, authoritative commentaries, and modern legal studies, the article concludes that religious discipline (Vinaya) has become an integral component of Thailand’s legal culture.

Keywords: Vinaya, Thai Buddhism, Theravāda, monastic discipline, religious studies, legal analysis.

References

1. Aksornsri A., Saengsuwan W. Rule of Law and Governance by Tosapit Rajadham // *Journal of Mani Chettha Ram Wat Chommani (JMCR)*. 2021. Vol. 4, No. 2. Pp. 33–45. (in Thai).
2. Andrews D. A., Bonta J. *The Psychology of Criminal Conduct*. 5th ed. New Providence: LexisNexis, 2010. 672 p.
3. Beccaria C. Passerin A. d'Entreves. *Natural Law: An Introduction to Legal Philosophy*. 7th ed. New Brunswick: Transaction Publishers, 2009. 152 p.
4. Bentham J. Passerin A. d'Entreves. *Natural Law: An Introduction to Legal Philosophy*. 7th ed. New Brunswick: Transaction Publishers, 2009. 152 p.
5. Chetiyaphiban P.T. *Vinaya: Law Clergy*. PhD (Political Science) // *Journal Of Nakhonratchasima College*. 2016. Vol. 10, No. 1. Pp. 339–345. (in Thai).
6. Gombrich R.F. *Theravāda Buddhism: A Social History from Ancient Benares to Modern Colombo*. London: Routledge, 2006. 256 p.
7. Harvey P. *An Introduction to Buddhist Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 478 p.
8. Keown D. *Buddhist Ethics: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 168 p.
9. Limprasert P., Thanomkul W. Legal Status of Buddhist Administrators: Case Study of Buddhist Administrators in Thailand // *Journal of Social Sciences and Buddhist Anthropology*. 2022. Vol. 7, No. 5. Pp. 416–432. (in Thai).
10. Mahachulalongkornrajavidyalaya University. *Thai Tipiṭaka*, MCU Edition. Vol. 1: *Vinaya Piṭaka, Mahāvibhaṅga*, Part 1. Bangkok: MCU Publishing House, 1996. 514 p. ISBN 974-575-369-6. (in Thai)
11. Mahamakut Buddhist University. *Pali Tipiṭaka in Thai Script*, Si-amrath Edition. Vol. 1: *Vinayapiṭaka Mahāvibhaṅga*, Part 1. Nakhon Pathom: MBU Publishing House, 1982. 444 p. (in Pali)
12. Passerin A. d'Entreves. *Natural Law: An Introduction to Legal Philosophy*. 7th ed. New Brunswick: Transaction Publishers, 1994. 232 p.
13. Phrakrupariyatpatcharobon (Phornchai Chomphusri). *Legal Philosophy in the Vinaya Pitaka* // *Journal of Graduate MCU KhonKaen Campus*. 2024. Vol. 11, No. 3. Pp. 14–28. (in Thai).
14. Phrakuwirasatpradit, Jakawalo P.J., Chutakupt W. *Jurisprudence and Its Foundation in Buddhism* // *Journal of MCU Peace Studies*. 2023. Vol. 11, No. 2. Pp. 784–788. (in Thai).
15. Sanyato P. J., Phrakhu Chinnaveerabandit (Ek Chinawangso). *Offense and Discipline of Monks in The Perspective of Criminal Punishment* // *Journal of Interdisciplinary Innovation Review*. 2025. Vol. 8, No. 1. Pp. 316–329. (in Thai).
16. Sumetho P. P., Kongsut P., Khankaew T. *Cognitive Development of Thai Youth in Buddhist Perspective* // *MCU Buriram Academic Journal*. 2021. Vol. 7, No. 1. Pp. 16–30. (in Thai).
17. Sunthajitto P. T., Mankit T. *Jurisprudence in The Vinaya Pitaka* // *Journal of Mani Chettha Ram Wat Chommani*. 2023. Vol.6, No. 1. Pp. 81–99. (in Thai).
18. Suriyo P. S., Sinprasitkul W., Thongnun C. [et al.]. *Law Problems Related to Monkhoo Renunciation Due to Offensecriminal Law* // *Journal of Social Science and Buddhist Anthropology*. 2021. Vol. 6, No. 2. Pp. 144–159. (in Thai).

Эволюция роли женщин в политическом процессе России: ретроспективный анализ

Бочанов Максим Александрович,

к.п.н., доцент Кафедры политологии, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: max8797@list.ru

Ивакина Елизавета Андреевна,

студент Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации

Салькова Диана Рамилевна,

студент Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации

Толкачева Илона Константиновна,

студент Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации

Статья посвящена анализу эволюции роли женщин в политике. В рамках междисциплинарного подхода, объединяющего методы исторической науки, политологии и гендерных исследований, авторы выявляют ключевые тенденции, факторы и противоречия, определявшие участие женщин в политике. Хронологический охват работы включает имперский, советский и постсоветский периоды, что позволяет проследить взаимосвязь между социально-политическими трансформациями и изменениями гендерного порядка. Исследование базируется на историко-сравнительном методе, контент-анализе законодательных актов, мемуаров и статистики, а также дискурс-анализе официальной риторики. В постсоветской России рост представительства женщин в органах власти (до 20–22%) не преодолел гендерный дисбаланс в высших эшелонах власти.

Ключевые слова: гендерное равенство, женское лидерство, политическое участие женщин, историческая ретроспектива, женщины в политике.

Введение

Долгое время участие женщин в политической жизни было достаточно ограничено и не изучалось, но данный аспект вместе с историей развития участия женщин в политике даёт возможность намного лучше понять политику и процессы в различных временных промежутках в том числе. Если рассмотреть Россию в период правления первых Романовых и сейчас, то можно увидеть огромные изменения в месте женщины в политической системе. Всё это является комплексным последствием как развития внутренней политики, так и внешнеполитических процессов.

Например, Февральская и Октябрьская революции во многом изменили политическое устройство страны, открыли женщинам политические структуры, в том числе руководящие посты. В периоды этих революций активно работали женские движения, то есть объединения, основная цель которых была в борьбе за права женщин, за равенство между гендерами. После этих периодов для женщин стало доступнее образование и стало реальнее занять политический пост. Но, к сожалению, через время в период эпохи сталинизма многие из прав вновь стали ограничены, либо отменены вовсе.

В период правления Михаила Горбачева в 1985 году начался процесс перестройки. Именно в это время вопросы, которые касаются женщин в политике, вновь набрали обороты и интерес. Это было связано с тем, что появилось чёткое понимание того, что гендерный подход важен для политики, особенно во время принятия важных политических решений. В современной России роль женщин в политике намного заметнее, чем 100 лет назад. Теперь очень сложно представить политическую систему без участия женского пола, что имеет важный контекст в стремлении к гендерному равенству.

Исследование эволюции роли женщин в политическом процессе может помочь не только понять исторический аспект, то есть то, как изменилась ситуация с нахождением женщин в политике на протяжении веков, но и то, какие существовали и существуют закономерности и тенденции развития женщин в политике, что является значимым и в современном мире. Данное исследование имеет направление на систематизацию знаний об истории женщин в политике России.

Концептуальные и методологические основы исследования

Исследование роли женщин в российской политике в исторической ретроспективе опирается на междисциплинарный подход, объединяющий методы исторической науки, политологии, гендерных исследований и социологии. Его концептуальной основой выступает теория гендерного равенства, рассматривающая политическое участие женщин как индикатор социальной модернизации и демократизации общества. В рамках исследования применяется социокультурный подход, позволяющий анализировать взаимодействие правовых, идеологических и традиционных факторов, влиявших на эволюцию роли женщин в политике.

Изучение политического участия женщин проводится через призму теории модернизации (С. Хантингтон), связывающей расширение их прав с трансформацией институтов власти.

Для анализа советского периода применяется неоинституциональный подход, рассматривающий формальные и неформальные практики гендерного представительства в условиях авторитарной системы. Источниковая база. Первичные источники: Архивные материалы, протоколы заседаний Государственной Думы, тексты петиций (например, петиция А. Шабановой 1905 г.), мемуары участников событий (В. Фигнер, С. Перовская). Вторичные источники: Научные работы по истории женского движения, гендерной политике СССР и постсоветской России, а также современные социологические исследования.

Таким образом, сочетание гендерного подхода с историко-политологическими методами позволяет системно оценить динамику участия женщин в российской политике, выявив как достижения, так и структурные барьеры, сохраняющиеся на протяжении веков.

Предпосылки участия женщин в политической жизни общества

Большому количеству исследователей и историков ошибочно кажется, что понятие политических прав у женщин появилось только в XX веке. Но это не так. Что такое участие в политике? В первую очередь это принятие политических решений в стране, именно поэтому обратимся к истории. Ярким примером того, что женщины принимали политические решения до XX века, является Елена Глинская. Например, в 1536 году Елена Глинская на 5 лет заключила перемирие с Великим княжеством Литовским и на 60 лет со Швецией. Также влияние на принятие политических решений имела Софья Палеолог, она давала советы Ивану III при принятии важных решений для государства. Из этого можно сделать вывод, что женщины имели доступ к политике и успешно с ней справлялись, но этот доступ имели исключительно те, кто был в кругу правящей династии.

В 1883 году в Женеве создаётся первая марксистская группа «освобождение труда» среди участников, которых есть и Вера Ивановна Засулич. Потом происходит создание партий и назревание кризиса «верхов и низов». И, так уже в феврале 1902 года во время студенческих волнений начали раздаваться листовки, в которых провозглашалась «политическая зрелость» женщин Российской империи.

Через несколько лет, в 1905 году, А.Н. Шабанова, одна из основательниц женской организации «Русское женское взаимно-благотворительное общество», выступила с докладом, в котором повторила свою мысль о том, что женщины должны иметь право на участие в выборах и быть уполномоченными. В конце апреля 1905 года, как всем известно, состоялось первое заседание государственной думы, а в мае А.Н. Шабанова представила депутату Е.В. Кедрину (центральный комитет «кадетов») петицию, подписанную 5000 женщин, в которой требовалось равноправие для женщин [4].

В петиции говорилось, что раз женщины участвуют наравне с мужчинами во всех сферах труда, от крестьянского и фабричного, до работ в науке, литературе и искусстве, а также работают в правительственных, общественных и частных учреждениях, платят налоги и подати и равны перед законом, поэтому, справедливо, что они имеют право на защиту своих интересов путем участия в законодательном собрании.

Необходимо отметить, что женское избирательное право в России впервые было введено в 1906 году на территории Великого княжества Финляндского, входившего в состав Российской империи, но на остальных землях Российской империи это случилось позднее.

8 июля I Государственная Дума была распущена, проработав всего 72 дня [5]. Русское женское взаимно-благотворительное общество подготовило новое заявление от женских организаций весной 1907 года, во время действия второй Государственной думы. Заявление требовало предоставление женщинам право голоса. Его подписали более 7 тысяч человек. 17 апреля Владимир Гессен предложил закрепить избирательное право женщин в законопроекте. До роспуска Думы, произошедшего в июне того же года, шла активная работа над этой инициативой. Но, к сожалению, женщины так и не получили право голоса, при работе действующей Государственной думы.

Роль женщин в политике во время Февральской и Октябрьской революций

Февральская и Октябрьская революции 1917 оказали значительное влияние на ход событий прошлого века, в том числе и на развитие женского вопроса. Они изменили жизнь миллионов женщин. Эти революции кардинально изменили политический климат во всем мире, а также дали женщинам возможности для новых проявлений и участия в политической и социальной сфере. Как показывает дореволюционная история, на протяжении всего предыдущего времени статус и возможности женщин были весьма ограничены. В крупных городах женщины трудились в разных учреждениях и фабриках, но их труд не был защищен ни правовыми, ни финансовыми аспектами. Такая социальная уязвимость значительно сказывалась на положении женщин обществе и напрямую влияла на их уровень жизни.

В сфере общественных и гражданских прав женщины сталкивались с многочисленными ограничениями. У них часто не было доступа к образованию, они имели более низкую заработную плату, также имели значительные ограничения в семейных и правовых вопросах. Эти факторы способствовали созданию значительных препятствий для их социальной мобильности. Несмотря на все трудности, женщины активно отстаивали свои права, включались в общественную жизнь и боролись за улучшения своего положения. Они организовывали митинги и участвовали в различных движениях, боролись за доступ к образованию и избирательные права. К началу 1917 года в России появились женские организации, такие как Женский союз. Они проявляли значительную активность в вопросах гендерного равенства и стимулировали социальные изменения. Это стало основой для повышения участия женщин в революционном процессе [6].

Февральская революция 1917 года стала свидетельством глубокого социального и экономического кризиса в стране. В этот период женщины активно выражали недовольство нехваткой продовольствия и тяжелыми условиями жизни во время войны, участвовали в протестах и митингах. Их акции выступили катализатором к свержению императора. Именно женщины вышли на улицы Петрограда 23 февраля (8 марта по григорианскому календарю). В ходе революции они активно участвовали в протестах и демонстрациях, занимали центральные места на пикетах и митингах, что привлекало внимание политиков и широкой общественности. Кроме того, жен-

щины оказывали значительное давление на политические силы и оказывали влияние на решения властей.

Особую роль в революционных событиях сыграли женские организации. Своими массовыми митингами и протестами в 1917 году, женщины ускорили ход революции и стали ключевыми элементами в развитии изменений, которые в итоге привели к масштабным преобразованиям [6], [7].

Октябрьская революция произошла вскоре после Февральской и стала продолжением социальных изменений в обществе. И уже благодаря возросшей политической активности и улучшению организации женщин они смогли занять более активные позиции в революционном движении. После февральской революции начались преобразования, которые касались прав женщин. Женщины начали становиться частью большевистских групп, принимая активное участие в ходе революции. Их вклад и активное участие в революционных событиях способствовал формированию нового политического взгляда и требование равенства. Женщины играли важную роль в работе различных партий и органов власти, становились центром некоторых событий, которые происходили в обществе. Значительный вклад женщин в процесс формирования новой политической системы и реальности стал важным этапом формирования новой эры для женщин в России [7].

После изменивших Россию революций в закон были внесены большие изменения в области прав женщин. Появились новые законы: о праве на голос, участие в выборах, доступ к образованию. Эти изменения улучшили положение женщин в обществе и политике. Примеры женского участия в политической жизни, создание советов и их представительство в законодательных органах доказывали, что реально общественное устройство меняется. Женщины начали занимать значимые позиции в новых социальных и политических движениях, лоббируя свои интересы и предлагая новые идеи.

Значимость Февральской и Октябрьской революции для женщин в России нельзя переоценить. В процессе обеих революций женщины демонстрировали активную позицию и инициативность, тем самым значительно влияли на ход исторических событий. Эти события благотворно повлияли на расширение возможностей женщин для участия в политике, а также поспособствовали изменениям, которые произошли в будущем [6], [7].

Роль женщин в политике Советского государства

Женщины России в XX веке оказали значительную роль в формировании нового общества. Советский Союз принял равенство полов как одну из основ социалистической идеологии. В то время как документально женщины имели равные с мужчинами права, их реальное положение в политической сфере зависело от многих факторов: социальных установок, идеологических приоритетов и экономической ситуации. Периоды правления И.В. Сталина и Н.С. Хрущёва представляют интерес с точки зрения изменения статуса женщин в политической жизни, а также их роли в государственном строительстве и общественных инициативах.

В 1930-е годы сталинский режим активно пропагандировал идею равенства полов, что соответствовало идеологическим установкам марксизма-ленинизма. Принятие Конституции СССР 1936 года закрепило юридическое равноправие женщин и мужчин, включая избирательные права [13]. Однако на практике реальное участие женщин в политике оставалось ограниченным. К концу 1930-х годов женщины составляли около 17% членов Коммунистической партии [14]. Однако их уча-

стие в высших органах власти было минимальным. Женщины редко занимали руководящие должности на уровне ЦК партии или Народных комиссариатов. Их деятельность ограничивалась преимущественно социальными сферами: образованием, здравоохранением, детскими и женскими вопросами.

Коллективизация и индустриализация способствовали массовому включению женщин в производственную деятельность. Тем не менее, их политическое влияние часто оставалось формальным. Женщины-активистки использовались как пример «нового советского человека», но реальная политическая власть была сосредоточена в руках мужчин.

Н.С. Хрущёв уделял внимание проблемам женщин, особенно в контексте семейной политики и труда. Были предприняты усилия для улучшения условий жизни матерей: строительство детских садов, расширение системы социального обеспечения. Это способствовало повышению уровня вовлеченности женщин в общественную жизнь. Количество женщин в партийных органах и советах народных депутатов увеличилось, однако их доступ к реальной политической власти оставался ограниченным. Большинство женщин занимали позиции в «традиционных» сферах, таких как здравоохранение и образование.

В этот период появляются яркие примеры женщин, добившихся успеха в политике. Например, Екатерина Фурцева стала первой женщиной-министром культуры СССР и членом Президиума ЦК КПСС. Ее карьера символизировала возможности женщин в политической системе, но оставалась скорее исключением, чем правилом.

Роль женщин в политике СССР носила противоречивый характер. С одной стороны, женщины активно включались в общественную и трудовую жизнь, демонстрировали героизм в военные годы и играли ключевую роль в социально значимых сферах. С другой стороны, реальная политическая власть оставалась в руках мужчин, а гендерные стереотипы продолжали ограничивать участие женщин в высших эшелонах власти.

Периоды сталинской мобилизации и хрущевских реформ заложили основы для дальнейшей эмансипации женщин в СССР, но процесс их политической интеграции остался незавершенным. Политика формального равенства не всегда сопровождалась реальным включением женщин в принятие решений, что продолжало быть актуальной проблемой на протяжении всего советского периода.

Периоды правления Л.И. Брежнева и М.С. Горбачева характеризуются различными подходами к роли женщин в обществе и политике. При Л.И. Брежневе сохранялась инерция прежних политических практик, где женщины были формально представлены в структурах власти, но реальное влияние оставалось минимальным. Эпоха М.С. Горбачева, напротив, ознаменовалась значительными изменениями, связанными с реформами, демократизацией и ростом общественного интереса к вопросам гендерного равенства.

Во времена застоя женское представительство в политических органах, таких как Верховный Совет СССР и местные советы, сохранялось на стабильном уровне. Однако это участие носило символический характер. Например, к началу 1980-х годов женщины составляли около 30% депутатов Верховного Совета, но на ключевые посты, связанные с принятием решений, они практически не назначались. Женщины чаще всего занимали позиции в «традиционно женских» сферах: образование, здравоохранение, культура. Их участие в формировании государственной политики в экономике или внешних де-

лах было минимальным. В период правления Л.И. Брежнева советская пропаганда продолжала подчеркивать роль женщин как трудящихся, матерей и общественниц. Однако реальные шаги по преодолению гендерного дисбаланса в политике не предпринимались.

Во времена Л.И. Брежнева были реализованы крупные социальные программы, которые косвенно влияли на улучшение положения женщин. Расширение сети детских садов, введение декретных отпусков и социальная поддержка матерей облегчали участие женщин в общественной жизни, но не способствовали их продвижению в политике. Михаил Горбачев провозгласил курс на демократизацию, гласность и перестройку, что открыло новые возможности для общественного участия женщин. В этот период началось активное обсуждение проблем гендерного равенства, а также развитие женских движений и организаций. М. Горбачев признавал важность роли женщин в обществе. В своей книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» он подчеркивал, что необходимо расширять права и возможности женщин [15]. Однако эти заявления часто сопровождались традиционалистским подходом, где главная роль женщин связывалась с семьей.

В период перестройки возникло множество женских инициативных групп и организаций, таких как Союз женщин СССР. Эти движения активно обсуждали вопросы дискриминации, равной оплаты труда и доступа к политической власти. Но все равно, несмотря на все демократические преобразования, участие женщин в высших эшелонах власти оставалось крайне ограниченным. В Верховном Совете и других ключевых органах их доля постепенно снижалась, правда из-за общего кризиса партийной системе. Среди немногих женщин, занимавших заметные политические позиции в этот период, конечно же выделялась Валентина Терешкова, которая продолжала участвовать в общественно-политической жизни как депутат и представитель СССР на международной арене.

Обе эпохи характеризуются сохранением патриархальных стереотипов, которые ограничивали участие женщин в политике. Несмотря на официальное равенство, женщины все также воспринимались только как дополнительные исполнители на второстепенных позициях, а не как самостоятельные политические лидеры. При Л.И. Брежневе и М.С. Горбачеве сохранялось представление о том, что главная роль женщины – быть матерью и хранительницей домашнего очага. Это находило отражение в партийной риторике и общественном мнении.

Роль женщин в политике постсоветской России

Постсоветский период в истории России открыл новые горизонты для развития политической системы страны. В условиях перехода к рыночной экономике и демократизации общества роль женщин в политике должна была потерпеть значительные изменения.

С распадом Советского Союза в 1991 году Россия столкнулась с новыми вызовами, которые требовали изменения отношений ко многим аспектам жизни общества, включая гендерные отношения.

В 1996 году вышел указ президента РФ от 30 июня № 1005 «О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации», который должен был стать катализатором и увеличить количество женщин вовлеченных в политику, так как на 1994 г. среди 29 человек входивших в состав федерального правительства присутствовала лишь од-

на женщина, занимавшая пост министра социальной защиты Э. Памфилова. В 1997 году в состав правительства вошли еще две женщины, Т. Дмитриева (министр здравоохранения) и Н. Дементьева (министр культуры). А уже в 1998 году впервые В. Матвиенко стала заместителем Председателя Правительства РФ по социальным вопросам.

С момента распада Советского Союза и начала постсоветской эпохи в России женщины активно участвуют в политической жизни страны, в том числе в выборах на высшие государственные посты.

В этом контексте следует отметить женщин-кандидатов на президентских выборах в России с 1996 года. Галина Старовойтова была одной из первых женщин, участвовавших в выборах президента России в 1996 году. Она была депутатом Государственной Думы, да и в принципе известным политиком и правозащитником, активно выступавшим за защиту прав человека путем демократических реформы. Однако ее кампания не собрала необходимого количества подписей для регистрации.

Следующий, о ком следует вспомнить, Ирина Хакамада – российский политик и общественный деятель, известная в сфере политики и образования. В 2004 году она также участвовала в президентских выборах как кандидат от правой коалиции. Вела активную избирательную кампанию, но не набрала ни одного голоса, и по итогам, заняв четвертое место среди кандидатов с 3,84% голосов.

Становится заметно, что в постсоветский период женщины играли важную роль в политической жизни России, но их влияние значительно снизилось по сравнению с советским периодом. Это объясняется тем, что участие женщин стало менее формализованным, и их больше не поддерживает система квот. Тем не менее, для достижения гендерного равенства и полного представления интересов всего общества, активное участие, даже небольшого числа женщин в управлении государством и политическом процессе, по-прежнему имеет решающее значение [17].

Женщины в политике современности

Как и в России, так и во всем современном обществе роль женщин в политике продолжает, несомненно, расти. За последние три десятилетия число женщин на политических должностях увеличилось, что отражает изменение общественного мнения и рост политического участия: в 2024 году женщины занимали около 17% мест в Государственной Думе и 22% мест в Совете Федерации, что является улучшением по сравнению с началом 2000-х годов, когда их доля была в разы ниже.

В нескольких регионах России женщины занимают ключевые посты, в том числе мэров, а в нескольких городах есть женщины-мэры. Известной женщиной-депутатом является евродепутат Ольга Баталина, которая активно занимается социальными вопросами и защитой прав женщин. Яна Валерьевна Лантратова является депутатом Государственной Думы по образованию с 2024 года, а также вице-спикером.

Татьяна Голикова – министр здравоохранения и социального развития Российской Федерации, которая активно занимается реформами в области здравоохранения и социальной политики, направленными на улучшение качества жизни граждан.

Эльвира Набиуллина – министр экономического развития и торговли Российской Федерации, известная своей работой по стабилизации экономики и внедрению новых экономических инициатив, а также активным учас-

тием в формировании финансовой политики страны. Сейчас является главой центрального банка.

В настоящее время в России наблюдается рост числа женщин, вовлеченных в политическую деятельность, что вызывает разнообразные мнения и реакции у населения. Согласно статистике опросов о равенстве прав женщин и мужчин в России, большинство граждан считает, что права равны. Однако наименьший процент респондентов поддерживает мнение о равномерном распределении семейных обязанностей и участии в общественной и политической жизни. Тем не менее, общий процент сторонников равенства прав достаточно высок, чтобы говорить о прогрессе в этом направлении (табл. 1).

Таблица 1. Паритет прав мужчин и женщин в различных сферах общественной жизни («Как Вы считаете, равны или не равны права мужчин и женщин в различных сферах жизни в современной России?»), %

Сфера жизни	Одинаковые права	У мужчин прав больше	У женщин прав больше	Затрудняюсь ответить
Получение образования	90	6	2	2
Работа по профессии	76	19	2	
Получение зарплаты в соответствии с количеством и качеством труда	75	20	2	3
Проведение свободного времени, отдых	76	17	4	3
Распределение семейных обязанностей	67	16	12	5
Участие в общественной и политической жизни	74	19	2	5

Символично рассмотреть статистику самых ярких женщин политиков России на 2024 год. Топ 6 женщин политиков составляют: Матвиенко Валентина, Захарова Мария, Дмитриева Оксана, Хакамада Ирина, Панфилова Элла и Терешкова Валентина [18] (табл. 2).

Таблица 2. Рейтинг женщин политиков современной России («Кто из современных российских женщин-политиков, государственных и общественных деятелей это мог бы быть?»)

№	Женщина-политик	%
1	Валентина Матвиенко	6%
2	Мария Захарова	2,1%
3	Оксана Дмитриева	1,2%
4	Ирина Хакамада	1,5%
5	Элла Панфилова	1,9%
6	Валентина Терешкова	0,9%

Проблемы и вызовы

Несмотря на достигнутые успехи, женщины в российской политике сталкиваются с рядом серьезных проблем. Одной из основных трудностей является стереотипное

восприятие их роли в обществе. Существует предвзятое мнение, что политика – это «мужская» сфера, что затрудняет полное вовлечение женщин в политическую жизнь и сказывается на их уверенности в собственных силах. Кроме того, женщины испытывают сложности в сочетании профессиональной деятельности с семейными обязанностями. Также наблюдается нехватка ресурсов и возможностей для выхода на политическую арену.

В последние годы женщины начинают занимать все более заметные позиции в российской политике, занимая важные должности в правительстве и внося значительный вклад в развитие страны. Тем не менее, их участие все еще недостаточно. Независимым женским организациям и государственным структурам следует уделить больше внимания гендерному неравенству в современном обществе. Улучшение агитации, повышение уровня гражданской активности, особенно среди женщин, а также рост их политической заинтересованности могут привести к положительным изменениям, уменьшить гендерное неравенство и способствовать социально-политической модернизации и общественной стабильности [19], [20].

Заключение

Анализ роли женщин в российской политике с исторической точки зрения, показывает, как изменялся их статус на фоне трансформаций в социальном, государственном и культурном контексте. В период правления Романовых женщины, как правило, не занимались политикой, за исключением случаев, когда они были близки к царской семье или входили в нее. Ярким примером является правление Екатерины II, которое иллюстрирует редкий случай женского руководства в мужском окружении. Однако даже такие примеры воспринимались скорее как исключение, чем как шаг к равенству.

С переходом к советской эпохе, начавшейся с революции 1917 года, участие женщин в политической жизни стало частью официальной государственной политики. Были достигнуты значительные успехи в обеспечении юридического равенства полов и вовлечении женщин в общественную и политическую жизнь. Тем не менее, несмотря на формальные меры, такие как предоставление права голоса и установление норм для активного участия женщин в советской политике, их реальное влияние на государственные дела оставалось ограниченным.

Советский режим, особенно в эпохи И.В. Сталина, Л.И. Брежнева и М.С. Горбачева, рассматривал участие женщин в управлении как средство достижения идеологических и экономических целей. Женщины часто занимали второстепенные роли в социальных, академических, медицинских и культурных сферах, в то время как право принимать важные политические решения оставалось за мужчинами. Период правления М.С.Горбачева принес новый оптимизм благодаря реформам, связанным с перестройкой и демократизацией. Появились гендерные движения, и вопросы равенства женщин стали активно обсуждаться в обществе. Тем не менее, эти изменения не привели к значительному увеличению реального участия женщин в высших органах власти.

Таким образом, история женщин в российской политике демонстрирует сложный и противоречивый процесс. С одной стороны, наблюдается постепенное расширение их прав и возможностей, с другой – сохраняющиеся гендерные стереотипы и структурные барьеры, которые не позволяли женщинам достичь полноценного участия в политической жизни [16]. Этот опыт является важным уроком для современных процессов демократи-

зации и борьбы за гендерное равенство. Историческое наследие требует не только переосмысления, но и дальнейших исследований для более глубокого понимания роли женщин в политике России.

Литература

1. Лебедева Е.Г. Женское искусство царского дома: Екатерина Великая – талантливая дилетантка // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 2.
2. Дашкова Е.Р. Записки княгини: Воспоминания. Мемуары. – Мн.: Харвест, 2003. – 320 с.
3. Ярмонова Е.Н. Особенности формирования политических прав женщин в России // Научный журнал КубГАУ. – 2014. – № 102.
4. Петров А. В., Кокорева Ю.В. Возникновение женского общественно-политического движения в России и его роль в становлении правового статуса женщин в дореволюционный период // Вестник ННГУ. – 2008. – № 3.
5. Патрикеева О. А. «Женский вопрос» в I Государственной думе Российской империи // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2012. – № 4.
6. Ратчайлд Р. Непослушные женщины и русские революции 1917 г. / пер. Н.Л. Пушкаревой // Женщина в российском обществе. – 2017. – № 2 (83). – С. 45–58.
7. Турицын И.В. Женское движение в Великой Российской революции 1905–1927 гг.: особенности развития и значение // Современная научная мысль. – 2023. – № 2. – С. 34–45.
8. Щербинин П.П. Женщины в русской армии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестник ТГУ. – 2004. – № 3. – С. 78–89.
9. Перельман И.В. Влияние Первой мировой войны на развитие российского гендерного порядка. Феномен Марии Бочкаревой // Манускрипт. – 2017. – № 9 (83). – С. 112–120.
10. Казаков Д.Н. Вятские женские батальоны 1917 года // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. – 2016. – № 1 (30). – С. 45–56.
11. Морозова О. М., Трошина Т.И. Женский взгляд на мужскую работу. Революция и гражданская война глазами и в судьбах женщин // НИР. – 2016. – № 2 (16). – С. 67–78.
12. Леонтьев Я.В. Спиридонова Мария Александровна // Большая российская энциклопедия. – М., 2016. – Т. 31. – С. 345–346.
13. Конституция Союза Советских Социалистических Республик: утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года. – М., 1936. – Ст. 122.
14. Светлакова В.П. Роль женщины в политической сфере в советский и постсоветский период // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 13. – С. 45–50.
15. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – М.: Политиздат, 1987. – 271 с.
16. Пилкина М.В. Гендерные аспекты карьерных траекторий женщин в России // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2024. – № 1.
17. Светлакова В.П. Роль женщины в политической сфере в советский и постсоветский период // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 13. – С. 45–50.
18. Абросимова О. В., Юрков С.Е. Участие женщин в политике в условиях современного российского об-

щества // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2024. – № 1.

19. Зимин В.А. Женщины России в политике и структурах власти // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 10. – С. 67–72.
20. Халилова Д.А. Активизация роли женщин в государственном управлении современной России // Социология власти. – 2012. – № 3. – С. 89–95.

THE EVOLUTION OF THE ROLE OF WOMEN IN THE POLITICAL PROCESS IN RUSSIA: A RETROSPECTIVE ANALYSIS

Bochanov M.A., Ivakina E.A., Salkova D.R., Tolkacheva I.K.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article analyzes the evolution of the role of women in Russian politics. Within the framework of an interdisciplinary approach that combines methods of historical science, political science and gender studies, the authors identify key trends, factors and contradictions that determined women's participation in politics. The chronological scope of the work includes the imperial, Soviet and post-Soviet periods, which allows us to trace the relationship between socio-political transformations and changes in the gender order. The study is based on the historical-comparative method, content analysis of legislative acts, memoirs and statistics, as well as discourse analysis of official rhetoric. In post-Soviet Russia, the increase in women's representation in government bodies (up to 20–22%) did not overcome the gender imbalance in the highest echelons of power.

Keywords: gender equality, female leadership, women's political participation, historical retrospective, women in politics.

References

1. Lebedeva E.G. Women's art of the royal house: Catherine the Great – a talented amateur // Yaroslavl pedagogical bulletin. – 2015. – № 2.
2. Dashkova E.R. Notes of the princess: Memories. Memoirs. – Mn.: Harvest, 2003. – 320 p.
3. Yarmonova E.N. Features of the formation of political rights of women in Russia // Scientific journal of KubSAU. – 2014. – № 102.
4. Petrov A. V., Kokoreva Yu.V. The emergence of the women's socio-political movement in Russia and its role in the formation of the legal status of women in the pre-revolutionary period // Bulletin of NNSU. – 2008. – № 3.
5. Patrikeyeva O. A. «The Women's Question» in the First State Duma of the Russian Empire // Locus: People, Society, Cultures, Meanings. – 2012. – № 4.
6. Ratchild R. Disobedient Women and the Russian Revolutions of 1917 / translated by N.L. Pushkareva // Woman in Russian Society. – 2017. – № 2 (83). – P. 45–58.
7. Turitsyn I.V. Women's Movement in the Great Russian Revolution of 1905–1927: Features of Development and Significance // Modern Scientific Thought. – 2023. – № 2. – P. 34–45.
8. Shcherbinin P.P. Women in the Russian Army during the First World War of 1914–1918. // Bulletin of TSU. – 2004. – № 3. – P. 78–89.
9. Perelman I.V. The Impact of World War I on the Development of the Russian Gender Order. The Phenomenon of Maria Bochkareva // Manuscript. – 2017. – № 9 (83). – P. 112–120.
10. Kazakov D.N. Vyatka Women's Battalions of 1917 // Idnakar: Methods of Historical and Cultural Reconstruction. – 2016. – № 1 (30). – P. 45–56.
11. Morozova O. M., Troshina T.I. A Woman's View of Men's Work. Revolution and Civil War through the Eyes and in the Fates of Women // Research. – 2016. – № 2 (16). – P. 67–78.
12. Leontiev Ya.V. Spiridonova Maria Aleksandrovna // The Great Russian Encyclopedia. – M., 2016. – Vol. 31. – P. 345–346.
13. Constitution of the Union of Soviet Socialist Republics: approved by the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the USSR on December 5, 1936. – M., 1936. – Art. 122.
14. Svetlakova V.P. The role of women in the political sphere in the Soviet and post-Soviet period // The system of values of modern society. – 2010. – № 13. – P. 45–50.

15. Gorbachev M.S. Perestroika and new thinking for our country and for the whole world. – M.: Politizdat, 1987. – 271 p.
16. Pilkina M.V. Gender aspects of women's career trajectories in Russia // Bulletin of Perm University. Series: Political Science. – 2024. – № 1.
17. Svetlakova V.P. The role of women in the political sphere in the Soviet and post-Soviet periods // The system of values of modern society. – 2010. – № 13. – P. 45–50.
18. Abrosimova O. V., Yurkov S.E. Participation of women in politics in the context of modern Russian society // Bulletin of Tula State University. Humanities. – 2024. – № 1.
19. Zimin V.A. Women of Russia in politics and power structures // Theory and practice of social development. – 2013. – № 10. – P. 67–72.
20. Khalilova D.A. Activation of the role of women in public administration of modern Russia // Sociology of power. – 2012. – № 3. – P. 89–95.

Родионов Михаил Александрович,

доктор военных наук, профессор, профессор, кафедра государственного управления и национальной безопасности, Институт права и национальной безопасности, РАНХ и ГС при Президенте РФ, профессор, кафедра экономики и управления на воздушном транспорте МГТУ ГА
E-mail: rodionov3413@yandex.ru

Волкова Татьяна Александровна,

начальник отдела правового обеспечения собственной деятельности; Закрытое акционерное общество «Лидер» (Компания по управлению активами пенсионного фонда).
E-mail: Volkova237@mail.ru

В статье рассматриваются особенности политических элит ведущих государств на современном этапе исторического развития, качественные характеристики политических элит и аспекты влияния динамики моделей мира на их деятельность. Проводится анализ особенностей процессов циркуляции современных политических элит, исследуется возможность более гибкой интерпретации положения теории Н. Макиавелли и В. Парето о циклическом характере смены «элит-львов» и «элит-лисиц».

Ключевые слова: политические элиты, динамика моделей мира, процессы циркуляции политических элит, информационная безопасность.

Введение

Для современного высоко турбулентного мира характерна ускоряющаяся динамика изменения всех сфер жизнедеятельности социума. При этом к наиболее значимым относятся процессы управления, ключевую роль в которых играют политические элиты, концентрирующие в своих руках ресурсы и власть, определяющие критически важные политические решения, реализующие механизмы их организации и выполнения. Как следствие, проблемы современного мира в целом, каждой страны в отдельности, прежде всего, лежат в области деятельности соответствующих политических элит. Процессы обостряющегося геополитического соперничества, научно-технического прогресса, в том числе, информатизации и цифровых технологий, глобализации и антиглобализации, стремительно развивающиеся кризисные явления во всех областях жизни являются, с одной стороны, факторами, влияющими на процессы функционирования политических элит. С другой стороны, соответствующие действия последних сами порождают многочисленные угрозы и вызовы. Повышение качества политической элиты, ее способности адаптироваться к новым вызовам, принимать креативные решения в интересах обеспечения устойчивого развития социума при формировании нового миропорядка – необходимое условие конкурентоспособности, безопасности и развития любого общества и государства.

Влияние динамики моделей мира на деятельность политических элит

Принятие решений политическими лидерами государств на современном этапе усложняется пропорционально возрастанию сложности мировых процессов, изменению моделей мира и мировоззренческих представлений социума.

Модель мира, как упрощенное отображение наших представлений о нем, зависит от нашего окружения, религиозных воззрений, принятых в социуме моделей воспитания, культурного кода народа. Такая модель формирует парадигму, посредством которой человек воспринимает окружающую реальность. Сложившаяся в сознании каждого члена общества карта реальности, помогает человеку понимать социальное устройство, общественный порядок, правила жизнедеятельности социума и государства. Модели мира, как сумма знаний и представлений о реальности, влияют на действия каждой личности, общества и государства. На роль культурных и цивилизационных аспектов, исторической преемственности в политических процессах обращали внимание в своих работах Н. Данилевский, Н. Бердяев, С. Хантингтон, А. Тойнби и многие другие исследователи. Все это отражается и в действиях политических элит. Привычные модели мира уходят в прошлое, возрастающая скорость и сложность изменений создают новую реальность. Цифровизация, информационные технологии, технологии искусственного интеллекта качественно изменяют структуру и содержание процессов управления. В этой динамике выделяются следующие этапы.

Период с 1945 г. по 1980-е гг. получил название SPOD мира [1, С. 328–332], (Steady, Predictable, Ordinary, Definite – Устойчивый, Предсказуемый, Обычный, Опре-

деленный). По началу процесса нередко возможно было рассчитать его завершение. Традиционные для менеджмента функции (планирование, организация, выполнение, контроль и корректировка) были часто достаточны для успеха. В стабильный период SPOD, когда технологии и вычислительная техника прогрессировали не быстрее смены одного поколения, для практической формализации процессов была популярна Модель Гаусса.

На следующем этапе в конце 80-х годов XX века, мир был озабочен Холодной войной, ускоряющимся научно-техническим прогрессом, вопросами устойчивого развития и др. Фридман Т. впервые назвал такой мир как VUCA (Volatility, Uncertainty, Complexity, Ambiguity – Нестабильность, Неопределённость, Сложность, Неоднозначность) [2]. Здесь еще были возможны какие-то долгосрочные прогнозы и стратегии, однако многократно ускорились и усложнились процессы перемен, возникновения качественно новых разнородных рисков. Практически актуальным стал подход Б. Мандельброта, с его теорией «хаоса и порядка», настало время «черных лебедей», концепция которых представлена в работах Н. Талеба [3]. При этом центральным понятием стала антихрупкость, предполагающая навыки прилагивания во взаимодействии с миром, адаптацию и развитие в условиях неопределенности и хаоса, способность улучшаться в процессе эволюции. Понимание того, что отсутствие доказательств грядущей катастрофы не гарантирует отсутствие будущей катастрофы, делает антихрупкость необходимым условием защиты от черных лебедей. Существование в таком мире перестало быть спокойным и приятным. Политическим элитам стало критически важно обладать способностью не только своевременного интуитивного принятия простых решений, использования инструментальной поддержки для разработки решений по сложным объектам, но и возможностью быстрого изменения решений соответственно меняющимся условиям. На этапе VUCA с ростом скорости изменений для успеха критически важно стало умение быстрее ориентироваться в потоке событий, ключевым аспектом стала информационная безопасность [4, С. 46–57].

С 2020-х годов вызовы и риски стремительно возросли, произошли серьезные климатические изменения, Брекзит, эпидемия COVID-19, усиление геополитической конфликтности. Такой мир был назван футурологом Д. Кашио [5] миром BANI (Brittle, Anxious, Nonlinear, Incomprehensible – Хрупкий, Тревожный, Нелинейный, Непостижимый). Это мир, движущийся к хаосу, в котором произошел пересмотр всех устоявшихся концепций и воззрений. По словам С. Грабмиера [6], в BANI-мире отсутствуют гарантии о том, что наше понимание происходящих событий и процессов страхует от принятия неправильных решений. Человечество способно лишь реагировать и пытаться адаптироваться к происходящим событиям путем попыток повышения своей антихрупкости. Информационные войны усиливают проблемы во всех сферах бытия. Тревожность часто не позволяет принимать взвешенные адекватные решения, требуется обладать стрессоустойчивостью, высокой степенью осознанности при решении проблем. Мир стал более циничным, лживым, агрессивным, концепция пост-правды усиливает влияние на процессы управления, затрудняется возможность осуществлять в прежнем виде долгосрочное стратегическое планирование. Жить в таком мире помогают метод проб и ошибок, нестандартное мышление, навыки и умения управления рисками, антикризисные мероприятия, непрерывное обучение, использование элементов искусственного интеллекта. Политическая турбулентность продолжает усиливаться. Политическая

элита многих основных государств потеряла качества, которыми обладали руководители ведущих государств после Второй мировой войны.

Начало Специальной военной операции на Украине в 2022 г. создало новую модель мира, который назван М. Розиным [7] миром SHIVA (Split, Horrible, Inconceivable, Vicious, Arising – Расщепленный, Ужасный, Невобразимый, Беспощадный, Возрождающийся). Сейчас изменения близятся к апогею, исследователи говорят о смене миропорядка, которая сопровождается разрушением большинства цепочек взаимодействия. Из-за трудностей с адаптацией к изменениям обстановки возникает неуверенность в принятии решений, рост угроз, возрастает цена ошибок. Так, санкции, коллективного Запада против России ударили, прежде, всего по самим инициаторам. Политическая элита мира SHIVA должна обладать навыками адаптивности, гибкости, диверсификации рисков, быстрого поиска и принятия креативных решений, способностью к непрерывному обучению и адаптации к новым условиям. В предыдущих исследованиях говорилось о целесообразности синергетической интеграции подходов риск-менеджмента, информационной безопасности и антикризисного управления на основе методологии процессного подхода [8, С. 120–128].

На данный момент качество политической элиты в мире во многом не отвечает современным вызовам и рискам. В 1947 г. американским изданием «Бюллетень ученых-атомщиков» были созданы Часы Ссудного дня, как метафорический инструмент оценки ядерных рисков, показывающий насколько близко человечество, приближается к своему самоуничтожению. В 2025 г. они показывают 89 секунд «до полуночи» [9], что является наихудшим показателем за все время существования Часов. Для сравнения – в 1953 г. до «ядерной полуночи» оставалось 2 минуты.

Политические элиты в различных странах

Современное положение государств в мире определяется во многом характеристиками их политических элит, имеющих особенности и отличающихся от предшественников.

Трансляция Россией необходимости перехода к многополярному миру, сохранению традиционных ценностей, развитие в русле умеренного консерватизма, успешное прохождение периода эпидемии COVID-19, санкционного давления, последовательное движение к достижению целей СВО, вызвали резкое отторжение коллективного Запада и последующее усиление различного рода санкций. На фоне этой борьбы усилился запрос на патриотизм, произошла консолидация российской политической элиты вокруг Президента, ослабление либерального элитного крыла реформаторов.

Спад российской экономики, после ведения санкций сменился устойчивым ростом. По данным Росстата, в 2024 г. ВВП России достиг исторического максимума в 4,1%, увеличившись в два раза за четыре года и составил 200 трлн рублей¹. Российская политическая элита сумела адаптироваться к меняющимся политическим и экономическим условиям, масштабному санкционному и информационному давлению.

Опрос портала World of Statistics назвал В.В. Путина лидером рейтинга мировых лидеров по уровню одобре-

¹ О текущей ситуации в российской экономике. Итоги 2024 года. Официальный сайт Министерства экономического развития. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/195754c7897bff1c50dc164890f91407/o_tekushchey_situacii_v_rossiyskoy_ekonomike_itogi_2024_goda.pdf. (Дата обращения: 31.03.2025).

ния среди граждан (79%)¹. Второе место занял Н. Модри – 33,7%, наименьшей поддержкой своего народа пользуется японский лидер Ф. Кисида. Лидеры Китая, Индии, Ирана также придерживаются традиционного стиля поведения исходя из национальных интересов своих государств.

Китай сталкивается с внутренними трудностями и внешним давлением США. С одной стороны, рост ВВП Китая в 2024 г. свидетельствует о достижении китайской политической элитой целевого показателя. С другой стороны, экономическое развитие Китая сдерживается демографической ситуацией, торговой войной с США, повышением США торговых ставок. Рост ВВП Индии в 2023–2024 гг. составил 8,2% [10] несмотря на высокую инфляцию и глобальную неопределенность. Объединение государств в формате БРИКС, основанном на взаимовыгодном сотрудничестве, равноправии и уважении, является альтернативным объединением коллективному Западу. В 2024 г. экономика стран БРИКС развивалась увереннее государств «Большой семерки». Сейчас на долю БРИКС приходится 35% мирового ВВП, на страны G7–30%².

С вступлением в должность Президента Д. Трампа, особенностью риторики политической элиты США стал выход за пределы полномочий для достижения геополитических целей. Заявления относительно присоединения Гренландии и Канады, усиление тарифной политики посредством введения высоких торговых пошлин на импорт из большинства государств, заставили нервничать первых лиц государств планеты и обвалили фондовые рынки. Протекционистская политика Трампа разрушает сложившиеся на глобальном уровне торговые цепочки, увеличивает себестоимость ряда товаров, провоцирует торговые конфликты и рост неопределенности, что в итоге будет иметь негативные последствия для мировой экономики. В стране усиливается экономическое и политическое неравенство, что угрожает демократическому развитию государства, деградации институтов политической власти США.

Политические элиты Евросоюза утрачивают связь с реальностью, устраивая политический цирк и усугубляя кризис власти. Расовая теория уступила в Европе место культурной исключительности. Поверхностное восприятие проблем современного мира, невозможность видения исторического контекста и перспективы политической элитой Евросоюза и большинства государств Европы, привело ЕС к незавидному экономическому положению, утрате политической самостоятельности и политического влияния в мировом сообществе.

Германия теряет конкурентоспособность. Во время пребывания у власти О. Шольца экономика погрузилась в рецессию, что обусловлено экономическими, структурными проблемами, отказом от российского газа. Экономический спад и энергетический кризис отразились на жизни немецких граждан и их избирательных предпочтениях. В 2025 г. на выборах в Бундестаг победу одержал консервативный блок Христианско-демократического и Христианско-социального союзов (ХДС/ХСС) во главе с Ф. Мерцем, которому, с одной стороны, придется разбираться с наследием Шольца. С другой стороны, инициативы нового канцлера могут погрузить

страну в еще больший экономический и социально-политический кризис

Уроки демократии во Франции отличаются выходом за пределы самой демократии и использованием любых возможностей по устранению политических конкурентов. Улучшению ситуации во Франции мешает политическая нестабильность – политический скандал с Мари Ле Пен, неспособность Э. Макрона решать политические и экономические задачи страны. При этом ситуация напоминает арест в Румынии в ноябре 2024 г. К. Джорджеску, выигравшего первый тур президентских выборов, результаты которых были отменены под предлогом «инострannого вмешательства». По итогам парижского саммита «коалиции желающих» в марте 2025 г. Э. Макрон заявил о планах по отправке «сил сдерживания» на Украину, что негативно восприняли многие французские политические деятели.

Трансформация политических элит Великобритании также имеет отрицательный тренд. Утрата профессиональных компетенций, отход от устоявшихся правил и демократических ценностей привели к чехарде премьер-министров, неспособных адекватно реагировать и управлять политическими процессами. Политический кризис отражается на всех сферах жизнедеятельности внутри страны и утратой лидерства на мировой арене. Обещания К. Стармера, приведшего после 14 летнего перерыва к власти Лейбористскую партию, стимулировать экономический рост и снизить счета за электроэнергию пока не оправдались, энергетический кризис в Великобритании нарастает, критика лейбористов усиливается.

В целом, за фасадом политического плюрализма западных демократий прослеживаются клановые и олигархические интересы, принимаемые политические решения нацелены не на развитие государств и обществ, а основаны на устаревших моделях однополярного мира, уже отживших себя подходах (яркий пример – дискредитировавшая себя «зеленая повестка»).

Особенности процессов циркуляции современных политических элит («львы» и «лисицы»)

В современной элитологии остаются инвариантными многие положения макиавеллистской школы. Например, теория правящего и управляемого класса Г. Моска, закон олигархизации Р. Михельса, теория циркуляции элит В. Парето и др. Вместе с тем, ретроспективный анализ показывает направления их возможной трансформации. В частности, в данной статье исследуется возможность более гибкой интерпретации положения, впервые озвученного Никколо Макиавелли и затем развитого В. Парето, о циклическом характере смены «элит-львов» и «элит-лисиц».

Макиавелли считал исключительно важным жесткое стратегическое политическое лидерство. В. Парето, развивал, теорию Макиавелли, в том числе, в части разделения представителей властной элиты, на два типа: «львов» и «лис» в зависимости от психологических особенностей индивидов. При этом исторический процесс рассматривался как вечная циркуляция этих двух типов политических элит [11, С. 310–311.]. Превосходство лис состоит в хитрости, манипулировании общественным мнением, исключительных навыках убеждения и ведении переговоров и поиска компромисса, политического маневрирования. Превосходство львов, напротив, проявляется в настойчивости, в авторитарных, силовых методах управления, принятии твердых бескомпромиссных решений и принуждении к их исполнению.

¹ Путин возглавил рейтинг мировых лидеров по уровню одобрения среди граждан. // Сайт REGNUM. 26.02.2024. URL: <https://regnum.ru/news/3869992> (Дата обращения: 31.03.2025).

² BRICS Plus and G7 countries' share of the world's total gross domestic product (GDP) in purchasing power parity (PPP) from 2000 to 2024. Statista. 2025. URL: <https://www.statista.com/statistics/1412425/gdp-ppp-share-world-gdp-g7-brics/>. (Дата обращения: 31.03.2025).

По Макиавелли, характерные черты лис и львов не обязательно должны быть взаимоисключающими. идеальный правитель должен сочетать черты обоих типов в зависимости от обстоятельств, целеполагания и выбранной стратегии. В. Парето рассматривал циркуляцию элит в качестве феномена, обеспечивающего социальное равновесие двух групп: класса избранных (элиты) и класса остальных (неэлиты), когда один тип элит, привлекая на свою сторону себе подобных, в результате накопления ошибок управления, связанных с их психологическими особенностями, терпит неудачу, и приводит к успеху другой тип элит, которые проходят тот же путь. Идеологическая приверженность представителей элит по Парето не имеет значения, а доминируют психологические особенности и установки.

Имеются различные взгляды на теорию циркуляции политических элит. Часть ученых отмечает универсальность формулировок Парето, что позволяет применять теорию к любому историческому периоду [12, С. 53]. Г.К. Ашин считает теорию Парето далекой от универсальности, а рассмотрение в качестве причинности циркуляции элит психологические изменения самих элит и масс – невозможностью прогресса [13, С. 41]. В.П. Мохов [14, С. 11], отмечает, что переход власти от львов к лисам и обратно не раскрывает побудительных мотивов самих элит, делающих свой выбор. Теоретически можно предположить ситуацию, при которой львы и лисы одинаково консервативны и используют лишь различные технологии властвования без принципиального изменения приоритетов, средств, стимулов.

Ряд авторов отмечают, что теория циркуляции элит Парето, на настоящий момент требует осторожности в применении, поскольку сформулирована крупными штрихами более ста лет назад применительно к политической обстановке того времени [15, С. 35]. Другие ученые акцентируются на уверенности Парето в неизбежности деградации политической элиты, утраты ей своего положения и ее циркуляции [16, С. 95]. По мнению Г. Моски существует возможность перманентного обновления правящего класса. По Парето централизация власти позволяет львам быть эффективными, особенно в кризисные периоды, они получают поддержку населения в ожидании наведения порядка, сохранения традиционных ценностей. Лисы добиваются успеха в периоды роста экономики, привлекая на свою сторону предпринимателей, уважающих риски и инновации.

Новые вызовы требуют от политических акторов адаптивности к стремительно меняющимся процессам и сочетания различных стратегий и качеств, позволяющих достигать своих целей в меняющихся условиях.

В настоящее время одной из важных тенденций является девальвация многих западных демократических ценностей. В ретроспективе к сущности демократии всегда было много вопросов», высказывания о ней таких известных ученых, деятелей искусства, политики как Платон, Аристотель, Байрон, Черчилль и многих других носили негативный оттенок. Народовластие на практике во все исторические эпохи носило проблемный характер. По сути, демократия подразумевает свободу каждого индивидуума, которая может быть ограничена государством только в интересах безопасности социума в целом, и равные стартовые возможности для всех граждан участвовать в политических решениях. Даже страны, еще недавно позиционируемые Западом как эталоны демократии, сейчас очевидно обнаружили свои демократические патологии в глазах всего мира. Например, чего стоит только система выборщиков в США? Полное политическое фиаско Дж. Байдена, стремительная деградация большинства европейских политических

элит, по сути антиевропейские русофобские действия еврокомиссаров ЕС лишь обнажили сущность данных кризисных явлений. Сделав приматом политику уравнивания прав меньшинств в демографически необусловленных и неестественных для социума проявлениях (например, применительно к нетрадиционным гендерам, разнообразным сатанистским культам и др.), западная демократия окончательно зашла в тупик. Практика может здесь дать лишь два варианта развития событий: либо меньшинства не должны получать равных прав, либо большинство населения должно забыть о равенстве, что неминуемо обостряет конфликтогенность социума. Одно из последствий этого – активизация различных форм экстремизма. Все большее число людей видит выход из создавшегося тупика в появлении сильного политического лидера. В таких условиях, в современном политическом пространстве под шкурами "львов" нередко скрываются банальные "лисицы", что позволяет последним более эффективно достигать своих завуалированных целей.

В условиях упадка привлекательности для широких масс либерально-демократических моделей управления, хитрые манипуляции маскируются жесткими, нарочито авторитарными действиями. Например, анализ сверхжесткой по форме политики Трампа, через призму понимания манеры действий "агрессивного инвестора", позволяет предположить, что она, по своей сути, гораздо ближе к действиям классической "лисицы" по Парето, использующей популизм как форму реализации своих планов. С другой стороны, казалось бы, очевидно "лисы" по форме политика Б. Обамы, во время его президентства, при анализе сущности последствий реализации "концепции управляемого хаоса", раскрывается в сверхжестком, циничном виде. Более того, именно тогда массированно реализуемые на протяжении целого исторического периода по всему миру механизмы "цветных революций" начали использовать во внутренней политике США.

Следует отметить, что за различными формами проявления тех или иных действий политических элит, как правило, стоят более глубокие процессы и явления. Так, в настоящее время за традиционным, вроде бы демократическим соперничеством в рамках двухпартийной системы США скрывается неизмеримо более жесткое противостояние между глобалистами и ультраглобалистами по вопросам необходимости и роли государства, самой сущности природы человека. Современное развитие информационно-коммуникационных технологий, обладание информационными ресурсами, контроль каналов коммуникации позволяют политическим элитам играть ключевую роль в формировании общественного мнения.

Заключение

Новые геополитические вызовы требуют адекватного реагирования на них политических акторов. Роль человеческого капитала приобретает решающее значение для развития и независимости каждого государства. Критически важны профессиональные и личные качества политической элиты, поскольку именно элита приводит государство к тем позициям, на которых оно находится. Необходимо обладать навыками антикризисного менеджмента [17, С. 90–103], способностью брать на себя ответственность, высокой адаптивностью к переменам, умением использовать перемены в национальных интересах, улучшая социально-политические и экономические условия, качество жизни населения. Снижение доверия к политическим элитам в мире вследствие утраты

профессиональных компетенций и моральных качеств, коррупции генерирует новые риски и вызовы, которые угрожают развитию каждого отдельного государства и человечества в целом.

Турбулентность современного мира вызывает целесообразность все большего переноса акцентов в процессах функционирования политических в область ситуационного менеджмента. В числе прочего, это предполагает, что любая эффективная “жесткость” (разумное использование силы, что нельзя путать с насилием), по сути, является элементом “стратегии непрямого действия”. Такая постановка не противоречит положениям системного подхода в управлении, а развивает их применительно к конкретной обстановке. Она чрезвычайно актуализирует требования к компетенциям не только политических элит, но и к обеспечивающим их действия аналитикам, используемым для управления инструментальными средствами и технологиям их применения.

Литература

1. Ячменева, В.М. Динамика механизмов взаимодействия государства, бизнеса и образования: SPOD-, VUCA- и BANI-мир / В.М. Ячменева, Э.Р. Головки // Эффективное управление экономикой: проблемы и перспективы: сборник трудов VII Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 14–15 апреля 2022 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. С. 328–332.
2. Saharda S. Nandram, Puneet K. Bindlish, (editors). Managing VUCA through integrative self-management: How to cope with volatility, uncertainty, complexity and ambiguity in organizational behavior (Management for professionals). UK: Springer, 2017. [Электронный ресурс:] URL: https://books.google.ru/books?id=vKnNDgAAQBAJ&pg=PA3&hl=ru&source=gbp_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false. (Дата обращения: 31.03.2025).
3. Талей Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2024.
4. Родионов, М.А. Влияние информационных аспектов геополитических факторов на формирование и развитие властных элит / М.А. Родионов // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2015. – № 1–2(10–11). – С. 46–57.
5. Втулкина Н., Фирсов А. Хрупкая, тревожная, нелинейная, непостижимая: что такое «эпоха BANI». 05.09.2022 // ForbesLife. [Электронный ресурс:] URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/476185-vse-v-bani-pocemu-tak-nazyvaetsa-novaa-trevoznaa-epoha-i-kak-v-nej-zit?ysclid=leclynnpef438115987>. (Дата обращения: 31.03.2025).
6. Grabmeier S. BANI versus VUCA: a new acronym to describe the world. 28.07.2020. URL: <https://stephangrabmeier.de/bani-versus-vuca/#infographic>. (Дата обращения: 31.03.2025)
7. Розин М. Осознанно жить в SHIVA-мире. Октябрь 2024. // ЭКОПСИ Консалтинг. URL: <https://www.ecopsy.ru/insights/osoznanno-zhit-v-shivamire/>. (Дата обращения: 31.03.2025).
8. Родионов М.А. Информационные аспекты антикризисного авиатранспортного риск-менеджмента / М.А. Родионов // Управление финансовыми рисками. – 2020. – № 2. – С. 120–128.
9. Mecklin J. Closer than ever: It is now 89 seconds to midnight. 2025 Doomsday Clock Statement // Bulletin of the Atomic Scientists 28.01.2025. [Электронный ресурс:] URL: <https://thebulletin.org/doomsday-clock/2025-statement/>. (Дата обращения: 31.03.2025).
10. Gupta Cherry. Year Ender 2024: How did India rank on global economic indexes this year/ 31/12/2024. [Электронный ресурс:] URL: <https://indianexpress.com/article/trending/top-10-listing/year-ender-2024-how-did-india-rank-on-global-economic-indexes-this-year-9746657/> (Дата обращения: 31.03.2025).
11. Парето В. Комpendиум по общей социологии. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 310–311.
12. Дука А.В. Концептуальные основания анализа властных элит // Управленческое консультирование. 2011. № 1. С. 53.
13. Ашин Г.К. Смена элит. т // Общественные науки и современность. 1995. № 1; С. 41.
14. Мохов В.П. Циркуляция элит: проблема критериев процесса. // Власть и элиты/ Гл. Ред. А.В. Дука. Т. 1 СПб.: Интерсоцис. 2014. С. 11.
15. Пакульски Я., Василевски Я. Циркуляция политических элит: от лис к львам // Полис. 2008. № 6. С. 35.
16. Рахшмир П.Ю. Идеи и люди: политическая мысль первой половины XX века. С. 95.
17. Родионов М. А., Волкова Т.А. Политические элиты в условиях мирового финансово-экономического кризиса / // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 2. – С. 90–103.

POLITICAL ELITES IN THE MODERN WORLD

Rodionov M.A., Volkova T.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow State Technical University of Civil Aviation (MSTUCA); Closed Joint Stock Company “Leader”.

The article examines the features of the political elites of the leading states at the present stage of historical development, the qualitative characteristics of political elites and aspects of the influence of the dynamics of world models on their activities. The analysis of the features of the circulation processes of modern political elites is carried out, the possibility of a more flexible interpretation of the position of the theory of N. Machiavelli and V. Pareto on the cyclical nature of the change of “elite lions” and “elite foxes” is investigated.

Keywords: political elites, dynamics of world models, processes of circulation of political elites, information security.

References

1. Yachmeneva, V.M. Dynamics of mechanisms of interaction between the state, business and education: SPOD-, VUCA- and BANI-mir / V.M. Yachmeneva, E.R. Golovko // Effective economic management: problems and prospects: Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference, Simferopol, April 14–15, 2022. Simferopol: Limited Liability Company “Publishing House Printing House “Ariall”, 2022. pp. 328–332.
2. Saharda S. Nandram, Puneet K. Bindlish, (editors). Managing VUCA through integrative self-management: How to cope with volatility, uncertainty, complexity and ambiguity in organizational behavior (Management for professionals). UK: Springer, 2017. [Electronic resource:] URL: https://books.google.ru/books?id=vKnNDgAAQBAJ&pg=PA3&hl=ru&source=gbp_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false. (Date of reference: 03/31/2025).
3. Taleb N.N. Antifragility. How to profit from chaos. Moscow: KoLibri, ABC-Atticus, 2024.
4. Rodionov, M.A. The influence of information aspects of geopolitical factors on the formation and development of power elites / M.A. Rodionov // The Eurasian Union: issues of international relations. – 2015. – № 1–2(10–11). – Pp. 46–57.
5. Bushkina N., Firsov A. Fragile, disturbing, nonlinear, incomprehensible: what is the “BANI era”. 05.09.2022 // ForbesLife. [Electronic resource:] URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/476185-vse-v-bani-pocemu-tak-nazyvaetsa-novaa-trevoznaa-epoha-i-kak-v-nej-zit?ysclid=leclynnpef438115987>. (Date of request: 03/31/2025).
6. Grabmeier S. BANI versus VUCA: a new acronym to describe the world. 28.07.2020. URL: <https://stephangrabmeier.de/bani-versus-vuca/#infographic>. (Date of request: 03/31/2025)

7. Rozin M. Consciously live in the SHIVA world. October 2024. // ECOPSI Consulting. URL: <https://www.ecopsy.ru/insights/osoznanno-zhit-v-shivamire/>. (Date of reference: 03/31/2025).
8. Rodionov M.A. Information aspects of anti-crisis air transport risk management / M.A. Rodionov // Financial risk management. – 2020. – No. 2. – pp. 120–128.
9. Mecklin J. Closer than ever: It is now 89 seconds to midnight. 2025 Doomsday Clock Statement // Bulletin of the Atomic Scientists 28.01.2025. [Electronic resource:] URL: <https://thebulletin.org/doomsday-clock/2025-statement/>. (Date of access: 03/31/2025).
10. Gupta Cherry. Year Ender 2024: How did India rank on global economic indexes this year/ 31/12/2024. [Electronic resource:] URL: <https://indianexpress.com/article/trending/top-10-listing/year-ender-2024-how-did-india-rank-on-global-economic-indexes-this-year-9746657/> (Date of access: 03/31/2025).
11. Pareto V. Compendium on general Sociology. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2008. pp. 310–311.
12. Duka A.V. Conceptual foundations of the analysis of power elites //Management consulting. 2011. No. 1. p. 53.
13. Ashin G.K. Change of elites // Social sciences and modernity. 1995. No. 1; p. 41.
14. Mokhov V.P. Elite circulation: the problem of process criteria. // Power and elites/ Gl. Ed. by A.V. Duka. Vol. 1 St. Petersburg: Intersoci. 2014. pp. 11–15.
15. Pakulski Ya., Vasilevsky Ya. Circulation of political elites: from foxes to lions // Polis. 2008. No. 6. p. 35.
16. Rakhshmir P. Yu. Ideas and people: political thought of the first half of the twentieth century.p. 95.
17. Rodionov M. A., Volkova T.A. Political elites in the context of the global financial and economic crisis / // Socio-humanitarian knowledge. – 2016. – No. 2. – pp. 90–103.

Проблема политического продвижения «зеленой повестки» стран Европейского союза на примере стран Центральной и Восточной Европы

Замятин Олег Андреевич,

аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
E-mail: zamy4tin.oleg@yandex.ru

В статье исследуется проблема политического продвижения «зеленой повестки» Европейского союза (Европейский зеленый курс, Fit for 55, REPowerEU) в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Анализируются политические технологии (нормативные, финансовые, дискурсивные), используемые институтами ЕС, и проблемы, возникающие при их применении в ЦВЕ. Особое внимание уделяется механизмам адаптации и сопротивления на национальном уровне. На основе сравнительного анализа двух условно выделяемых блоков стран ЦВЕ (с высокой и низкой зависимостью от ископаемого топлива) выявляются ключевые противоречия и конфликты интересов, затрудняющие равномерное внедрение зеленого курса. С применением критического подхода к анализу политических технологий, включая концепцию «производства согласия», оценивается проблематичность текущей модели продвижения общеевропейского курса в энергетике в регионе ЦВЕ, а также влияние данной модели на единство ЕС и эффективность энергетического перехода.

Ключевые слова: энергетическая политика ЕС; Европейский зеленый курс; Fit for 55; REPowerEU; политическое продвижение; политические механизмы; политические технологии; Центральная и Восточная Европа (ЦВЕ).

Введение

Обеспечение энергетической безопасности и переход к климатической нейтральности – взаимосвязанные приоритетные задачи стран Европейского союза (далее – ЕС). Поставлены долгосрочные цели по декарбонизации, взят курс на постепенное снижение зависимости от внешних поставщиков ископаемого топлива – эти цели являются частью «зеленой повестки» ЕС (экологизация энергетической отрасли). Выполнение указанных целей и задач осложняет комплекс вызовов, включая геополитические изменения и внутренние противоречия.

Среди проблем энергетической безопасности ЕС можно назвать высокую зависимость от поставок газа Россией. На текущем этапе ЕС нацелен на отказ от российских энергоносителей, что также является частью проводимой политики экологизации энергетической отрасли ЕС. Решение снизить зависимость от поставок российского газа приобрело дополнительный вес для ЕС с 2022 г. в связи с началом специальной военной операции России на Украине и введением странами ЕС санкцией против России, сокращением поставок российских энергоносителей. Указанные события усугубили существующую энергетическую зависимость ЕС и придали ситуации новый политический импульс: обеспечение энергетической безопасности стало не только приоритетной, но и неотложной задачей. Тем самым появилась потребность ускоренно адаптировать «зеленую повестку» к новым реалиям.

Подобные обстоятельства ставят новые вызовы перед ЕС, требуя ускоренной диверсификации источников энергии и укрепления энергетического суверенитета, концепция которого активно обсуждается в академических и политических кругах [1].

Основная часть

В этих условиях ЕС активизировал усилия по форсированному переходу на возобновляемые источники энергии (далее – ВИЭ) и повышению энергоэффективности. Обнаруживается потребность скорейшего отказа от российских ископаемых видов топлива. Приняты амбициозные законодательные пакеты – «Fit for 55» (2021 г., цель – сокращение выбросов парниковых газов минимум на 55% к 2030 г.) и «REPowerEU» (май 2022 г., ответ на кризис, фокус на энергосбережении, диверсификации поставок, ускоренном внедрении ВИЭ) [2]. Эти инициативы в совокупности формируют комплексную «зеленую повестку», продвижение которой становится центральным элементом энергетической политики ЕС.

Стоит отметить, что ключевую роль в продвижении пакета «Fit for 55» и «зеленой повестки» играла Германия как крупнейшая экономика ЕС, лидер солнечной энергетики и экологизации энергетической отрасли несмотря на то, что до 2022 г. германская энергетическая модель в значительной степени опиралась на импорт российского газа. Правительство федерального канцлера Олафа Шольца было вынуждено осуществить радикальный пересмотр энергетической стратегии Германии. Был провозглашен курс на ускоренный отказ от россий-

ских энергоносителей и одновременное форсирование «зеленого перехода» (развитие ВИЭ, строительство СПГ-терминалов).

Необходимость замещения выпадающих объемов газа и поддержание конкурентоспособности промышленности – основные причины, которые затрудняют одновременное достижение климатических целей и обеспечение доступности энергии. Позиция Германии задает основной вектор для общеевропейских инициатив, таких как REPowerEU, но ее собственные трудности и высокая стоимость «зеленой» трансформации создают прецедент и точку напряжения для других стран-членов, особенно стран ЦВЕ, которые сталкиваются с аналогичными, но зачастую более острыми проблемами адаптации к продвигаемой ЕС повестке дня.

Социальноэкономический потенциал и энергетические приоритеты стран ЦВЕ зачастую не совпадают с общеевропейскими целями. Анализ проблем, возникающих при продвижении «зеленой повестки» в странах ЦВЕ, составляет актуальную научную задачу. Она позволяет оценить реалистичность планов ЕС, потенциальные риски ослабления общеевропейского единства в энергетике. Исследования последних лет активно рассматривают энергетическую политику ЕС и ее трансформацию [3] [5]. Проблематика политических технологий продвижения зеленого курса в ЦВЕ на современном этапе требует дополнительного изучения.

Под «зеленой повесткой» ЕС понимается совокупность стратегических целей, нормативных актов, политических инициатив (Европейский зеленый курс, «Fit for 55», «REPowerEU»). Повестка направлена на декарбонизацию экономики, достижение климатической нейтральности к 2050 году, ускоренное развитие ВИЭ. Политическое продвижение этой повестки институтами ЕС осуществляется через комплекс политических технологий и политических механизмов. Концепция исследователя Ю. Хабермаса позволяет рассматривать механизмы как структурные элементы системы, задающие правила [4]. Технологии – тактические средства, используемые акторами внутри системы. Среди ключевых технологий (механизмов) продвижения можно выделить: нормативные (директивы, регламенты), финансовые (фонды ЕС, субсидии), дискурсивные (нарративы, коммуникации), экспертные (отчеты, оценки).

Политические технологии являются инструментом двойного назначения. С одной стороны, они могут стимулировать позитивные изменения, координировать действия политических акторов. С другой стороны, они могут служить для навязывания определенной политической повестки, создания асимметрии в отношениях акторов, игнорирования специфических национальных или региональных контекстов. Критический взгляд на применение политических технологий ЕС позволяет выявить их скрытые функции, негативные последствия, в том числе для стран ЦВЕ.

Особую актуальность для анализа проблемы политического продвижения «зеленой повестки» приобретает концепция «производства согласия» Н. Хомского [6]. Продвижение «зеленой повестки» ЕС представляет собой попытку формирования общеевропейского консенсуса. Этот консенсус может не отражать реальное совпадение интересов всех акторов. Он способен служить интересам определенных влиятельных групп (институты ЕС, технологически развитые страны-лидеры, транснациональные корпорации – ТНК). Возникает вопрос о легитимности продвигаемой повестки. Проблемы возникают из-за возможного пренебрежения интересами стран ЦВЕ, их национальными позициями. Эти позиции могут

представляться как не соответствующие «общему благу» ЕС, «единственно верному» пути развития.

Рассмотрим два условных блока стран ЦВЕ, сфокусируемся на выявлении различий в подходах стран к принятию решений на общеевропейском уровне.

Первый блок «Адаптационный» – например, в него условно входят зависимые от угля и (или) газа Польша, Чехия, Венгрия. Характеризуется медленной адаптацией к решениям ЕС (высокие издержки, социальное сопротивление) и многообразием форм сопротивления (политические заявления, юридические вызовы).

Второй блок «Проевропейский» – например, в него условно входят Литва, Латвия, Эстония. Характеризуется быстрой адаптацией (зависимость от фондов ЕС, инфраструктурные ограничения).

Продвижение «зеленой повестки» при помощи политических технологий порождает специфические проблемы в странах ЦВЕ, среди которых можно выделить следующие:

- 1) Проблема недостаточной гибкости универсальных нормативных актов. Заключается в том, что жесткие общеевропейские стандарты навязывают единую модель. Они игнорируют различия в стартовых условиях, экономических возможностях стран ЦВЕ. Это создает асимметричные издержки, вызывает конфликты вокруг распределения финансового бремени, бремени перехода на альтернативные источники энергии [7].
- 2) Проблема обусловленности финансовых потоков в сфере зеленой энергетики. Заключается в том, что финансовые потоки (фонды ЕС) де-факто становятся инструментом давления, а не механизмом поддержки. Финансовые потоки жестко привязаны к выполнению «зеленых» целей, рекомендаций Комиссии ЕС. Проблемы с бюрократией, софинансированием, эффективностью использования средств снижают реальный трансформационный эффект от выделения средств субсидий европейского центра. Возникает риск «покупки лояльности» вместо реальной трансформации энергетического сектора отдельных стран ЕС [8].
- 3) Проблема дискурсивного разрыва. Выражается в несоответствии политической повестки ЕС национальным дискурсам стран ЦВЕ. Доминирующая повестка ЕС акцентирует необходимость защиты климата, модернизационные выгоды. Она часто игнорирует повестку дня стран ЦВЕ (экономика, социальная справедливость, энергобезопасность). Это подрывает легитимность продвигаемой ими повестки, усиливает евроскептицизм внутри стран ЦВЕ [9].
- 4) Проблема легитимности экспертных технологий и предвзятости оценок в ЕС. Возникает из-за оторванности принятия решений на уровне ЕС от национального уровня, а также использования «своих» экспертных сетей, не учитывающих опыт отдельных стран ЦВЕ, что затрудняет достижение консенсуса по спорным энергетическим вопросам [12].

Реакции стран ЦВЕ на продвижение «зеленой повестки» демонстрируют глубину существующих проблем.

Анализ реакций стран **Адаптационного блока (Польша, Чехия, Венгрия)** показывает, что проблема продвижения зеленого курса проявляется здесь наиболее остро. **Польша**, с высокой зависимостью от угля, последовательно сопротивляется амбициозным климатическим целям ЕС. Она использует переговорные тактики, требует компенсаций, оспаривает решения [10]. Это сопротивление – прямое следствие угрозы национальным экономическим, социальным интересам от на-

вязываемой повестки. Чехия и Венгрия выражают скептицизм, продвигая атомную энергию, газ как альтернативные элементы энергобаланса в противовес универсалистскому подходу ЕС.

Стратегии сопротивления указанных стран можно интерпретировать как реакцию на навязывание повестки, игнорирование их национальных интересов, напоминая «производство согласия» на общеевропейском уровне. Отказ принять без оговорок установки аппарата ЕС свидетельствует о проблемах легитимности продвигаемой модели для части политических элит этих стран. Их адаптация носит вынужденный характер. Она сопровождается попытками минимизировать издержки, сохранить пространство для маневра. Это замедляет общеевропейский прогресс.

Страны **Проевропейского блока (Литва, Латвия, Эстония)** демонстрируют большую готовность к адаптации. Это обусловлено их геополитическим положением, стремлением к энергетической независимости от России. Они активно используют фонды ЕС для развития ВИЭ, интеграции с европейскими сетями [11]. Их адаптация не лишена проблем. Высокая зависимость от финансирования ЕС создает риски. Выработка энергии на ветряках и солнечных батареях носит прерывистый характер. Быстрая интеграция больших объемов переменной генерации ВИЭ требует инвестиций в инфраструктуру, системы хранения. Фокус на геополитической составляющей (отказ от российских энергоресурсов) может маскировать экономические, социальные издержки ускоренного перехода. Адаптация в данном блоке происходит более быстро.

Сравнительный анализ показывает: проблема политического продвижения зеленого курса ЕС в ЦВЕ проявляется по-разному. В Адаптационном блоке она выливается в открытые конфликты, сопротивление на экономической, социальной почве. В Проевропейском блоке проблемы носят латентный характер, связаны с устойчивостью, издержками быстрой адаптации, мотивированной геополитикой. Универсальные политические технологии ЕС недостаточно эффективны для преодоления этих различий. Это ведет к дифференциации энергетических политик в регионе ЦВЕ.

В этом контексте особую значимость приобретает политическая позиция Германии как ключевого сторонника «зеленой повестки». Трудности Германии, связанные с балансированием между амбициозными климатическими целями, энергетической безопасностью и экономической конкурентоспособностью создают потенциальную точку напряжения для стран ЦВЕ.

Дальнейшее политическое взаимодействие Германии со странами региона, вероятно, будет характеризоваться попытками Германии транслировать германский опыт и приоритеты, но также Германии будет необходимо реагировать на запросы ЦВЕ о большей гибкости, финансовой поддержке и учете национальных особенностей. Это может как усилить давление на эти страны, так и стимулировать поиск компромиссных решений на уровне ЕС.

Проведенный анализ подтверждает наличие серьезной проблемы политического продвижения «зеленой повестки» ЕС в странах ЦВЕ. Эта проблема коренится в разрыве между амбициозными, часто универсалистскими целями и нормами, транслируемыми аппаратом ЕС с использованием различных политических технологий, и многообразием национальных приоритетов стран ЦВЕ. Применение концепции «производства согласия» показывает: текущая модель продвижения способно приводить к умалению интересов отдельных стран

членов ЕС. Это подрывает легитимность самого зеленого курса, создает основу для конфликта.

Масштаб этой проблемы достаточно велик. Он ставит под сомнение своевременное достижение климатических целей ЕС (особенно к 2030 году), сохранение единства ЕС в стратегически важной энергетической сфере. Наблюдаемая диверсификация энергетических политик в ЦВЕ – прямое следствие проблемного продвижения единой повестки.

Вывод

Политический прогноз при сохранении текущих подходов ЕС выглядит неоднозначно.

Усиление дифференциации внутри ЦВЕ представляется реальным. Страны Адаптационного блока будут продолжать тормозить общеевропейский прогресс, требуя исключений, компенсаций, фокусируясь на «переходных» решениях (газ, атом). Это затруднит достижение общих целей ЕС к 2030, 2050 годам. Страны Проевропейского блока продолжат быструю интеграцию. Их успех будет сильно зависеть от стабильности внешнего финансирования, технологического сотрудничества.

Вероятно, в будущем ожидается двойственное взаимодействие Германии, как локомотива экологизации европейской энергетики, со странами ЦВЕ. С одной стороны, Германия продолжит оказывать давление в пользу ускорения декарбонизации, с другой – ее опыт преодоления энергетических вызовов может вынудить германское правительство к более прагматичному подходу, признанию необходимости дифференцированных траекторий и механизмов поддержки для региона ЦВЕ, что станет важным фактором для дальнейшей судьбы Европейского зеленого курса. Германия сама столкнулась с необходимостью радикальной и дорогостоящей перестройки своей энергетической модели, что объективно резонирует с опасениями стран ЦВЕ относительно социально-экономических издержек перехода.

Проблема политического продвижения, если она не будет решаться через более гибкие механизмы, может привести к ослаблению единства ЕС в энергетической сфере, снижению общей эффективности Европейского зеленого курса.

Выявлена необходимость пересмотра подходов ЕС к продвижению «зеленой повестки» в ЦВЕ. Существует политический, экономический спрос на большую гибкость, дифференциацию подходов, учет национальных особенностей при постановке целей, распределении ресурсов. Требуется переход от модели «продвижения сверху вниз» к модели подлинного партнерства, диалога, признающего легитимность различных национальных траекторий в рамках общих целей. Усиление механизмов справедливого распределения издержек, выгод, поддержка национальных инноваций в ЦВЕ могли бы смягчить остроту проблемы.

Для глубокого понимания проблемы политического продвижения, выработки эффективных решений необходимы дальнейшие теоретические, прикладные исследования, фокусирующиеся на адаптивных политических технологиях, механизмах многоуровневого управления, анализе влияния национальных политических систем, общественного мнения на процессы практической реализации общей энергетической политики ЕС в странах ЦВЕ.

Литература

1. Замятин О.А. Энергетический суверенитет Европейского союза в контексте борьбы США и России

за европейский энергетический рынок // XXXVII международные Плехановские чтения: Сборник статей аспирантов и молодых ученых, Москва, 28–29 марта 2024 года. – Москва: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2024. – С. 451–455.

2. European Commission. (2022). REPowerEU Plan. COM(2022) 230 final.
3. Левченко А.А. Механизмы в системе политических отношений // Информационная безопасность регионов. 2014. № 4 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-v-sisteme-politicheskikh-otnosheniy> (дата обращения: 03.04.2025).
4. Habermas, J. (1984). *The Theory of Communicative Action*, Vol. 1. Beacon Press.
5. Schunz, S. (2022). The 'European Green Deal' – a paradigm shift? Transformations in the European Union's sustainability meta-discourse. *Political Research Exchange*. 4. 10.1080/2474736X.2022.2085121.
6. Chomsky N., Herman E. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. Pantheon Books, 1988.
7. Osička J., Černoch F. European energy politics after Ukraine: The road ahead – *Energy Research & Social Science*, 2022.
8. Леонард М., Пизани-ферри Ж., Шапиро Дж., Тальяпиетра С., Вульф Г. Геополитика «зеленой сделки» Европейского союза // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopolitika-zelenoy-sdelki-evropeyskogo-soyuza> (дата обращения: 03.04.2025).
9. Asadov B., Asadov E. (2022). New environmental policy of the European Union: some aspects of transition to green energy. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 1096. 012034. 10.1088/1755–1315/1096/1/012034.
10. Buzogany A. & Četković S., Maltby T. (2023). EU Renewable Energy Governance and the Ukraine War: Moving Ahead Through Strategic Flexibility?. *Politics and Governance*. 11.10.17645/pag.v11i4.7361.
11. Mikulska A., Stukalenko I., Gonchar M., Klemetti L., Jakstas T., Godzimirski J., Grigoryev L., Medzhidova D., Shadurski A., Aboltin R., Ruszel M., Zarzecki D., Mäkinen H., Liuhto K. (2021). The Future of Energy Consumption, Security and Natural Gas: LNG in the Baltic Sea region. 10.1007/978–3–030–80367–4.
12. Сунгуров А.Ю. Экспертные сообщества и власть. – М.: Политическая энциклопедия, 2020. – 231 с. – (Политология России).

THE PROBLEM OF POLITICAL ADVANCEMENT OF THE “GREEN AGENDA” OF THE EUROPEAN UNION COUNTRIES ON THE EXAMPLE OF CENTRAL AND EASTERN EUROPEAN COUNTRIES

Zamyatin O.A.

Plekhanov Russian University of Economics

The article explores the problem of political advancement of the European Union's Green Agenda (European Green Deal, Fit for 55, REPowerEU) in Central and Eastern Europe (CEE). The political technologies (normative, financial, discursive) used by the EU institutions and the problems arising from their application in CEE are analyzed. Particular attention is paid to mechanisms of adaptation and resistance at the national level. Based on a comparative analysis of two blocs of CEE countries (with high and low dependence on fossil fuels), the article evaluates key contradictions and conflicts of interest that impede the smooth implementation of the European Green Deal. Using a critical approach to analyzing political technologies, including the concept of “consent production,” the article assesses the problematic nature of the current model of advancing a common European energy policy in the CEE region, as well as the impact of this model on EU unity and the effectiveness of the energy transition.

Keywords: EU energy policy; European Green Deal; Fit for 55; REPowerEU; political advancement; political mechanisms; political technologies; Central and Eastern Europe (CEE).

References

1. Zamyatin O.A. Energy sovereignty of the European Union in the context of the struggle of the United States and Russia for the European energy market // XXXVII International Plekhanov Readings: Collection of scientific articles of graduate students and young scientists, Moscow, March 28–29, 2024. – Moscow: Plekhanov Russian University of Economics, 2024. – P. 451–455.
2. European Commission. (2022). REPowerEU Plan. COM (2022) 230 final.
3. Levchenko A.A. Mechanisms in the system of political relations // Information security of regions. 2014. № 4 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-v-sisteme-politicheskikh-otnosheniy> (date of reference: 03.04.2025).
4. Habermas, J. (1984). *The Theory of Communicative Action*, Vol. 1. Beacon Press.
5. Schunz, S. (2022). The 'European Green Deal' – a paradigm shift? Transformations in the European Union's sustainability meta-discourse. *Political Research Exchange*. 4. 10.1080/2474736X.2022.2085121.
6. Chomsky, N., Herman, E. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. Pantheon Books, 1988.
7. Osička J., Černoch F. European energy politics after Ukraine: The road ahead – *Energy Research & Social Science*, 2022.
8. Leonard M., Pisani-ferry J., Shapiro J., Tagliapietra S., Wolf G. The geopolitics of the “green deal” of the European Union // *Bulletin of International Organizations: education, Science, New Economy*. 2021. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopolitika-zelenoy-sdelki-evropeyskogo-soyuza> (date of request: 04.03.2025).
9. Asadov B. & Asadov E. (2022). New environmental policy of the European Union: some aspects of transition to green energy. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 1096. 012034. 10.1088/1755–1315/1096/1/012034.
10. Buzogany A. & Četković S., Maltby T. (2023). EU Renewable Energy Governance and the Ukraine War: Moving Ahead Through Strategic Flexibility?. *Politics and Governance*. 11.10.17645/pag.v11i4.7361.
11. Mikulska A., Stukalenko I., Gonchar M., Klemetti L., Jakstas T., Godzimirski J., Grigoryev L., Medzhidova D., Shadurski A., Aboltin R., Ruszel M., Zarzecki D., Mäkinen H., Liuhto K. (2021). The Future of Energy Consumption, Security and Natural Gas: LNG in the Baltic Sea region. 10.1007/978–3–030–80367–4.
12. Sungurov A. Yu. Expert communities and government. Moscow: ROSSPEN. 2020. – P. 231.

Зиновьев Михаил Анатольевич,

аспирант кафедры политологии и права Государственного
университета просвещения
E-mail: zinoviev.m@mail.ru

Статья посвящена анализу основных тенденций в современном политологическом дискурсе, касающемся гражданского общества. Рассматриваются различные подходы к определению и пониманию этого сложного и многогранного явления, выделяются основные факторы, влияющие на его формирование и развитие. Особое внимание уделяется проблемам, связанным с применением универсальных моделей в различных социокультурных условиях, а также необходимости учета национально-культурной специфики и роли государства. В статье анализируются как теоретические аспекты, так и практические проблемы, связанные с формированием гражданского общества в различных странах, а также дается обзор различных подходов, используемых политологами для его изучения и анализа. Разбираются как западные, так и отечественные исследования, раскрывающие сложность и многогранность изучаемого феномена, а также ставится задача дальнейшего углубленного исследования данной проблематики.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданская активность, гражданская позиция, средний класс, историография.

Изучение гражданского общества представляет собой сложную задачу, поскольку на интерпретацию этого явления значительное влияние оказывают политические взгляды и пристрастия исследователей. Сущность гражданской солидарности подвержена постоянной трансформации, отражая изменения в общественном сознании и социальных практиках. Учитывая национально-культурную специфику, потенциал обобщающих теоретических подходов к анализу гражданского общества оказывается ограниченным. Применение универсальных моделей в различных социокультурных контекстах не всегда приводит к успеху.

Всемирный банк в 1998 году предложил следующее определение гражданского общества: «Широкий спектр неправительственных и некоммерческих организаций, которые участвуют в общественной жизни, выражают интересы и ценности своих членов или других лиц и руководствуются этическими, культурными, политическими, научными, религиозными или филантропическими соображениями» [1]. Тем не менее, политологи продолжают разрабатывать и уточнять понятийный аппарат, используемый для описания и анализа организаций гражданского общества (ОГО).

В политологической литературе гражданским обществом принято считать объединения граждан, занимающие промежуточное положение между частным и государственным секторами, формирующие социальные связи для защиты и отстаивания коллективных и индивидуальных прав и интересов [2]. Сложный и синкретический феномен гражданского общества описывается в трех направлениях, соответствующих определенным дисциплинарным подходам, которые А. Селигман представляет таким образом:

- направление, связанное с его встроенностью в политический процесс через негосударственные институты партий, движений и, в основном, являющемся механизмом влияния на власть;
- квазинаучное направление, рассматривающее ОГО как систему социальных коммуникаций субъектов разного уровня от индивидумов до организаций, объединяемых общими предпочтениями;
- философско-нормативное представление о гражданском обществе в качестве отправного момента использует некий этический идеал или видение желаемого социального устройства, мотивирующего граждан на совместную деятельность [3].

Значительная часть исследователей считает основным при определении ОГО обозначение ее функциональных пределов, ограниченных негосударственным сегментом социальных отношений, добровольный самоорганизующийся характер [4, 5].

Другие ученые считают такой подход упрощением реальности и полагают, что гражданское общество есть продукт общества, достигшего определенной степени зрелости, характеризующейся не только конституционным порядком, гарантирующим гражданские права и свободы, но и высоким уровнем гражданского самосознания и готовностью к сотрудничеству [6].

Значительное место в изучении гражданского общества занимают исследователи, придерживающиеся системного подхода. Гражданское общество в представлении этого научного сообщества является системой,

структурированной на подсистемы: духовную, экономическую, политическую и социальную [7].

Инкорпорированность большей части академического сообщества в методологический мейнстрим индивидуализма обусловила трактовки гражданской солидарности через интересы личности. Так, с позиций индивидуализма оценка гражданского общества звучит в трудах А.И. Соловьева, где «деятельность индивида в данном случае определяется стремлением человека к расширению своего реального доступа к материальным и культурным благам общества» [8]. Цель гражданской активности сводится к обеспечению достойной жизни для каждого человека.

Новый подход к изучению гражданского общества предлагает концепция Ариянто Азиса Асвина, который рассматривает рост его влияния как признак завершения эпохи, когда государство играло центральную роль в социальных процессах. По мнению автора, организации гражданского общества представляют собой вызов государству, а не просто дополняют его [9]. А. Асвин утверждает, что в современной социальной практике гражданское общество становится ключевым фактором развития, а активная гражданская позиция и солидарность должны служить главным критерием социального прогресса. Новые возможности для развития гражданского общества открываются в условиях глобализации, основанной на интенсивных трансграничных потоках и сетевом взаимодействии.

Однако глобализации как фактору, способствующему распространению гражданской инициативы, препятствуют ограниченные возможности реализации так называемого «эффекта просачивания», согласно которому благодаря всеобщности природы информации социальный прогресс охватывает всю планетарную цивилизацию без различий на бедные и богатые страны [10]. Получается таким образом, что страны, особенно нуждающиеся в самоорганизации населения для преодоления нищеты, бедности и других социальных пороков, остаются вне мейнстрима глобальной гражданской солидарности.

Более перспективным подходом к изучению гражданского общества является отказ от абсолютизации западной модели либеральной демократии и ее институтов, а также признание необходимости адаптировать западную модель гражданского общества к условиям незападных стран. Специалисты в области политологии, подчеркивающие важность учета национально-культурного контекста, считают неправомерным отрицание существования гражданской активности в странах, чья траектория общественного развития отличается от западной [11].

Несмотря на растущую поддержку данного подхода в академических кругах, некоторые исследователи, такие как Б.М. Фролик, утверждают, что организации гражданского общества и их деятельность в основном основаны на западной идеологии и ценностях, включающих в себя «местную автономию», самоуправление, спорадический характер групповой деятельности, сегментированность и приоритет индивидуальных интересов [12]. С этими характеристиками западной модели гражданского общества сложно не согласиться. Однако, утверждение о том, что аналогичные черты лежат в основе гражданских структур незападных обществ, вызывает серьезные сомнения.

Попытки понять сущность и траекторию развития гражданского общества, основываясь исключительно на западных моделях, неизбежно заводят в исследовательский тупик. В частности, представление о формировании российского гражданского общества как о процес-

се копирования западных структур, понимаемых как «состояние зрелости социума, стремящегося к равновесию на индустриально-капиталистическом фундаменте», где субъект «действует рационально и целесообразно», посредством «догоняющей модернизации», оказывается неэффективным. Описание особенностей социального развития, сводящееся лишь к «деспотии пространства», устойчивости «доиндустриальной стратификации общества», «патриархально-коллективистским ориентациям сознания», отражает лишь часть факторов, влияющих на развитие российской гражданственности, и не позволяет объективно представить системообразующие элементы ее генезиса. Такой подход приводит к ошибочному выводу о причинах неудач в 90-е годы. По мнению А.Г. Володина, в России пока не сформировалась социальная сила, способная самостоятельно возглавить модернизацию. Современные предприниматели – это, в основном, первое поколение буржуазии, обладающее многими чертами, характерными для становления российского капитализма в конце XIX века, включая невысокий уровень образования и культуры, отсутствие стратегического видения (то есть понимания своего места в обществе, его ограничений и обязанностей), хищническое отношение к ресурсам и потреблению, и нежелание следовать традиционным культурным нормам. Своим поведением эта группа дискредитирует экономические реформы и косвенно способствует влиянию политических сил, эксплуатирующих негативный популизм [13].

В конце 2000-х годов стала очевидной неадекватность слепого копирования западного опыта. И.В. Орлова указывала, что формирование общества в России идет в обратном направлении: от абсолютизации социальных прав и ущемления гражданских к обеспечению и тех, и других, что создает опасность формирования «уродливых форм социальной государственности» [14]. И.М. Дзялошинский констатировал неуспех формирования гражданского общества, указывая на развитие страны в сторону непривлекательного устройства, где произошла приватизация с формированием симбиоза чиновничества и олигархии, возросла опасность превращения государства в поле для клановой борьбы, а демократические институты оказались недостаточно сильны [15]. «В России термин «гражданское общество» как лозунг оппозиции имел заметный, но кратковременный успех. Ранний оптимизм постдиссидентских групп, действовавших во имя «гражданского общества», довольно быстро иссяк. Временный успех движения за гражданское общество не привел к его реальному формированию» [15].

В поиске социальной основы гражданского общества и руководствуясь аксиоматичным (и верным, с точки зрения западной социальной реальности) положением либерального академического модуса, российские политологи актуализировали проблему формирования в России среднего класса. По мнению А.Ю. Шишкиной, «Средний класс в России – миф. Один из самых любимых и обсуждаемых в последнее время точно так же, как 100 лет назад» [16].

В целях преодоления «объективных» трудностей в актуализации российской «почвы» гражданственности, проистекаемой (как это было на Западе) из формирования широкого слоя частных собственников были предложены простые варианты – считать средним классом «середину общей совокупности россиян, определяемой независимо от общественного строя», либо «отечественную протобуржуазию» как продукт «модернизации западного образца».

В условиях, когда «рыночный» капитализм в России вылился в «ублюдочный» строй «вдруг случившегося» олигархата, а большинство населения лишилось

не только частной собственности, но даже элементарных средств к существованию, вместо становления сколь-нибудь масштабного слоя частных собственников нарастала «социальная поляризация».

Проблема поиска «среднего класса» выглядела еще более тупиковой в трактовке, согласно которой: «Россия фактически еще не преодолела феодализм, и маловероятно, что индустриализация, спущенная в пучины традиционного менталитета «сверху», в состоянии создать на выходе социальные общности, определяемые и прогнозируемые в соответствии со взятыми за основу образцами» [16].

К середине 2010-х годов, осознание невозможности построения российского гражданского общества путем простого копирования западных моделей стимулировало появление новых подходов в исследованиях. А.П. Кочетков отмечал отсутствие единой методологии и теоретической базы для понимания гражданского общества в России, а также необходимость учитывать российские культурные традиции и нормы [17].

В связи с этим, в научный дискурс были введены понятия, связанные с культурным контекстом, традиционализмом и политической культурой. Выявление национальных особенностей привело А.И. Соловьева к выводу, что субъектом гражданского общества в России, в отличие от Запада, является интеллигенция, а не средний класс [18].

Политологи отмечают, что одной из отличительных черт российского гражданского общества является активная роль государства в его формировании и развитии. Российское государство выступает инициатором создания гражданского общества, реализует различные проекты в этой области и целенаправленно поддерживает определенные направления развития гражданского общества в современной России [19].

Важно отметить, что взаимодействие гражданского общества и государства сопровождается активным участием формирующихся гражданских структур в публичной политике.

Другим важным аспектом российского гражданского общества, связанным с учетом позитивной роли традиций, является аксиологический аспект, представляющий собой совокупность ценностных ориентиров общества [20].

Универсальное понимание гражданского общества в рамках либеральной парадигмы постепенно уступает место пониманию его национально-культурной специфики, обусловленной не только темпами и особенностями формирования социально-экономического уклада модерна, но и определенным набором укоренившихся духовно-ценностных характеристик народа, нации и цивилизации.

Проведенный анализ демонстрирует отсутствие единого, общепринятого определения гражданского общества в современном политологическом дискурсе. Различные научные подходы – от функционального и системного до индивидуалистического – акцентируют внимание на разных аспектах, будь то добровольная самоорганизация, структурированность и взаимосвязь подсистем или стремление индивида к расширению доступа к благам. Таким образом, дискурс о гражданском обществе остается динамичным и многоаспектным, требующим дальнейшего комплексного изучения.

Литература

1. The Bank's Relations with NGOs: Issues and Directions // <https://documents1.worldbank.org/curated/en/901041468765889042/pdf/The-Banks-relations->

with-NGOs-issues-and-directions.pdf (дата обращения: 15.03.2025).

2. Chambers S., Kopstein, J. Bad civil Society. Political theory. 2001. № 29 (6). С. 837–865.
3. Селигман А. Идея гражданского общества // Социальные и гуманитарные науки. 1995. № 4. С. 3–15.
4. Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир. 2003. 782 с.
5. Гаджиев К.С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 19–35.
6. Резник Ю.М. Гражданское общество как феномен цивилизации. М.: Союз. 1993. 559 с.
7. Жарова А.К. Гражданское общество: системный подход // Информационное право: Актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт. 2009. 14 с.
8. Соловьев А.И. Три облика государства – три стратегии гражданского общества // Полис. № 6. 1996. С. 30.
9. Aswin A. The Concept of Civil Society and Significance on Development Practice // <https://www.researchgate.net/publication/35842656> (дата обращения: 14.02.2025)
10. Solomon B., Scuderi, L. The Youth Guide to Globalisation, International Youth Parliament Oxfam, Surry Hills N.S.W. 2002 // <https://catalogue.nla.gov.au/catalog/2448041> (дата обращения: 14.02.2025)
11. Edwards M., Schmitz H. Civil Society. Journal of Nonprofit Education and Leadership. 2021. № 11 (3). С. 118–121.
12. Frolic B.M. Civil society in China. Routledge. 2015. 288 с.
13. Володин А.Г. Гражданское общество и модернизация в России // Полис. № 3. 2000. С. 104–116.
14. Орлова И.В. Современное гражданское общество: возможность и действительность // Философия и общество. Вып. № 4 (48). 2007. С. 83–97.
15. Дзялошинский И.М. Гражданское общество в России: настоящее смутно, будущее туманно // Центр гуманитарных технологий // <https://gtmarket.ru/library/articles/5118> (дата обращения: 14.02.2025)
16. Шишкина А.Ю. Средний класс в России: охота на Несси // Полис № 1. 2003. С. 103–111.
17. Кочетков А.П. Гражданское общество в фокусе политической науки (исторический обзор) // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2014. № 1. С. 29–51.
18. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2006. 559 с.
19. Гражданин. Общество. Государство: Россия в XXI в. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 286 с.
20. Кудряшова М.С. Проблема гражданского общества: российские акценты // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2015. № 4. С. 24–37.

CIVIL SOCIETY IN MODERN POLITICAL SCIENCE DISCOURSE

Zinoviev M.A.

State University of Education

The article is devoted to the analysis of the main trends in modern political science discourse concerning civil society. Various approaches to the definition and understanding of this complex and multifaceted phenomenon are considered, the main factors influencing its formation and development are highlighted. Special attention is paid to the problems related to the application of universal models in various socio-cultural conditions, as well as the need to take into account national and cultural specifics and the role of the state. The article analyzes both theoretical aspects and practical problems

related to the formation of civil society in various countries, as well as provides an overview of the various approaches used by political scientists to study and analyze it. Both Western and domestic studies are analyzed, revealing the complexity and versatility of the phenomenon under study, as well as the task of further in-depth research of this issue.

Keywords: civil society, civic engagement, civic position, middle class, historiography.

References

1. The Bank's Relations with NGOs: Issues and Directions // <https://documents1.worldbank.org/curated/en/901041468765889042/pdf/The-Banks-relations-with-NGOs-issues-and-directions.pdf> (accessed: 15.03.2025).
2. Chambers S., Kopstein, J. Bad civil Society. Political theory. 2001. № 29 (6). P. 837–865.
3. Seligman A. The idea of civil society // Social and humanitarian sciences. 1995. No. 4. P. 3–15.
4. Cohen J., Arato E. Civil society and political theory. Moscow: The Whole World. 2003. 782 p.
5. Gadzhiev K.S. The concept of civil society: ideological origins and main milestones of formation // Questions of philosophy. 2004. No. 6. P. 19–35.
6. Reznik Yu.M. Civil society as a phenomenon of civilization. Moscow: Soyuz. 1993. 559 p.
7. Zharova A.K. Civil society: a systematic approach // Information law: Actual problems of theory and practice. Moscow: Yurayt. 2009. 14 p.
8. Solovyov A.I. Three faces of the state – three strategies of civil society // Polis. № 6. 1996. P. 30.
9. Aswin A. The Concept of Civil Society and Significance on Development Practice // <https://www.researchgate.net/publication/35842656> (accessed: 14.02.2025)
10. Solomon B., Scuderi, L. The Youth Guide to Globalisation, International Youth Parliament Oxfam, Surry Hills N.S.W. 2002 // <https://catalogue.nla.gov.au/catalog/2448041> (accessed: 14.02.2025)
11. Edwards M., Schmitz H. Civil Society. Journal of Nonprofit Education and Leadership. 2021. № 11 (3). P. 118–121.
12. Frolic B.M. Civil society in China. Routledge. 2015. 288 p.
13. Volodin A.G. Civil society and modernization in Russia // Polis. № 3. 2000. P. 104–116.
14. Orlova I.V. Modern civil society: opportunity and reality // Philosophy and society. Issue. No. 4 (48). 2007. P. 83–97.
15. Dzyaloshinsky I.M. Civil society in Russia: the present is vague, the future is vague // Center for Humanitarian Technologies // <https://gtmarket.ru/library/articles/5118> (accessed: 14.02.2025)
16. Shishkina A.Y. The middle class in Russia: the hunt for Nessie // Policy No. 1. 2003. P. 103–111.
17. Kochetkov A.P. Civil society in the focus of political science (historical review) // Bulletin of the Moscow University. Ser. 12. Political sciences. 2014. No. 1. P. 29–51.
18. Soloviev A.I. Political science: Political theory, political technologies. Moscow: Aspect Press, 2006. 559 p.
19. Citizen. Society. State: Russia in the 21st Century, Moscow: Political Encyclopedia, 2014. 286 p.
20. Kudryashova M.S. The problem of civil society: Russian accents // Bulletin of the Moscow University. Ser. 12. Political sciences. 2015. № 4. P. 24–37.

Иванов Павел Петрович,

аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
E-mail: ivanov.pavel.1999@mail.ru

В статье рассматриваются особенности воздействия информационных и поведенческих войн на оборонный потенциал государства. Практика информационных войн показывает, что успешное использование ее привело к дестабилизации обстановки во ряде государств Ближнего Востока и многих других регионах мира. Актуальность выбранной темы обусловлена несколькими факторами. В первую очередь необходимо отметить расширение и углубление инструментария информационных и поведенческих войн. Во-вторых, необходимо отметить отсутствие международно-правового регулирования, которое бы регулировало проведение информационных и поведенческих операций, а также вводило бы ответственность за вмешательство во внутренние дела государств посредством коммуникационных систем. В-третьих, важно отметить неоднократное проведение информационных операций в отношении населения Российской Федерации и бывших советских республик. Воздействие было направлено также на дестабилизацию политической и социальной обстановки, усиление недоверия к правительству, принятие непродуманных решений. Все приведенные аспекты оказывают непосредственное влияние и на оборонный потенциал государства как на способность к защите собственных интересов, территории и населения. В рамках исследования были определены ключевые проблемы сохранения и укрепления оборонного потенциала государства с учетом распространения информационных и поведенческих войн.

Основные положения: сформулировано определение информационной и поведенческой войны; отмечены ключевые проблемы и особенности воздействия информационных войн на общество; определено влияние информационных и поведенческих войн на оборонный потенциал государства; выявлены направления развития оборонного потенциала государства с учетом распространения информационных и поведенческих войн.

Ключевые слова: оборонный потенциал, информационные войны, поведенческие войны, фейковые новости, психологические операции, международное право, государственное регулирование.

Введение

Информационные войны стали рассматриваться в качестве новой угрозы национальной безопасности государств с 2000-х гг., когда события «арабской весны» с координацией действий протестующих в ряде стран Ближнего Востока с помощью коммуникационных систем привели к многолетнему затяжному политическому и гуманитарному кризису, а также к волнениям и смене власти в нескольких странах постсоветского пространства. В информационную цифровую эпоху, когда все больше людей постоянно пользуются Интернетом и социальными сетями, граждане государств оказались уязвимыми перед давлением со стороны иностранных государств через различные коммуникационные каналы: сообщества, контент, прямые сообщения, рекламе, призывы лидеров общественного мнения и другие. В «арсенале» современных информационных войн находятся не только методы манипулирования информацией, но и публикация фейковых новостей, использование ботов и других методов воздействия на коммуникационную и мировоззренческую сторону адресата этой информации. В связи с этим возникает необходимость в формировании новых направлений оборонного потенциала страны для защиты от деструктивного воздействия со стороны иностранных государств.

Методы

Для анализа теоретических и практических аспектов информационных и поведенческих войн и их влияния на оборонный потенциал государства были использованы абстрактно-логический, нормативный методы, сравнительный анализ, исторический анализ, а также другие общенаучные и специальные методы.

Результаты

Проблема оценки оборонного потенциала Российской Федерации стала особенно актуальной после обострения геополитической ситуации и отношений с западными странами на фоне санкционного давления и других ограничений, которые стали вводиться после того, как Россия четко обозначила курс своих действий в различных регионах мира, и прежде всего на Украине. В этот момент количество информационных манипуляций в мировых средствах массовой информации существенно выросло, и одной из целей этих манипуляций является представление Российской Федерации как государства, которое не обладает достаточной стратегической мощью для успешного и независимого проведения специальной военной операции. При этом она смогла продемонстрировать значительные успехи в разработке и применении новейших видов вооружений, отражении атак, оперативного формирования квалифицированного состава.

При этом в ходе решения стратегических задач возникла необходимость в адаптации к ряду проблем: ограничению доступа к ресурсам и техническим средствам, дефициту кадров, недостаточной привлекательности военно-промышленного комплекса как сферы профессиональной деятельности, необходимости оперативного развития системы подготовки различных специалистов для обеспечения высокотехнологического производства.

Представляется необходимым проанализировать много информационных и поведенческих войн среди вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации, выявленных С.В. Устинкиной в монографии 2023 года. К этим вызовам были отнесены пантюрксистское влияние, деструктивная позиция Европейского Союза и НАТО в том числе с перспективой присоединения Швеции, трансформация ценностных и мировоззренческих ориентаций молодежи, коммуникационные проблемы, изменение численности и структуры трудовых ресурсов, информационные войны [7]. Основными тезисами данного исследования являются гегемония англосаксов, нарастанием русофобии в глобальном коммуникационном пространстве, противостояние культуры отмены и высокой гуманистической культуры, продвижение «диктатуры ЛГБТ¹» вместо традиционной семьи. Авторы выделяют следующие особенности российской цивилизации: политический суверенитет, оригинальная модель социума, опыт строительства справедливых и мировых межнациональных отношений, традиции самоограничения, идеи человеческой солидарности.

Вызовы могут выявляться в различных сферах деятельности общества, что справедливо в том числе для информационных войн, которые влияют на обороноспособность государства, его экономическое положение, демографические тенденции. Одной из важнейших сфер в условиях перехода общества к информационной стадии его развития является повышение роли технологий в решении различных проблем, а также делегирование все больших направлений деятельности информационным системам и разработкам. К.С. Пигров отмечает, что «в новой технике, с помощью которой мы пытаемся предотвратить новые вызовы техносферы, момент риска еще более усиливается» [8].

Таким образом, противодействие деструктивному иностранному информационному вмешательству, которое происходит в результате так называемых информационных войн, является актуальным и важным вызовом для обороноспособности страны. На данный момент сложилось двоякое понимание сущности информационной войны. С одной стороны, она направлена на нанесение ущерба соответствующей физической и программной инфраструктуре противника различными средствами – от шпионажа до использования дронов и хакерских атак, которые выводят из строя важнейшие ресурсы государств. С другой стороны, информационная война может пониматься как противодействие в системе средств массовой коммуникации, когда противники внедряют аудитории определенные ценности и идеи, манипулируют общественным мнением для формирования политических настроений, вселяют неопределенность, беспокойство и недоверие к действующим политическим институтам.

Следует проанализировать отдельные подходы к определению понятия информационной войны. А.В. Манойло отмечает, что это «особый вид вооруженного конфликта, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением информационного оружия» [6]. Соответственно, здесь следует говорить о тяготении автора ко второй трактовке информационной войны как противостояния на уровне идей и ценностей. Исследователь указывает, что целью информационной войны является управление волей противника и подчинение его сознания своей воле, то есть, манипуляции. Е.С. Зиновьева в своей статье указывает, что информационную войну следует считать

крайней формой проявления межгосударственного противоборства, перешедшего в информационную сферу [2]. Согласно трактовке Министерства иностранных дел, данный вид конфликтов можно определить как «противоборство между государствами в информационном пространстве с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным структурам, подрыва политической, экономической и социальной систем, а также массовой психологической области населения с целью дестабилизации общества и государства» [4].

На основании представленных и других определений информационной войны, найденных в словарях и справочных изданиях, возможно выделить следующие характеристики информационной войны. Во-первых, это наличие двух и более противоборствующих сторон, которые находятся в конфликтных отношениях друг с другом. При этом структура акторов в современной информационной войне достаточно запутана, поскольку в нее вовлечены глобальные социальные сети, являющиеся по сути частными предприятиями, средства массовой информации, государственные ведомства, стратегические организации и так далее.

Кроме того, информационная война направлена на получение управления информационными процессами, общественным мнением и информационными системами противника. В то же время противник стремится к тому, чтобы защитить собственную информационную систему от деструктивных действий и не допустить ущерба. Это возможно посредством блокировки контента и определенных ресурсов, информационной работы с населением, обеспечения технологического суверенитета в части средств защиты информации и многих других сфер информационно-коммуникационных технологий.

На данный момент отсутствует какая-либо единая классификация информационных войн. Они могут условно разделяться по многим критериям и принципам. Одна из первых классификаций была предложена М. Либики, который выделял следующие виды информационного противодействия: командно-управленческое, электронное, психологическое, экономико-информационное, разведывательное, а также кибервойна как совокупность действий, аналогичных боевым, направленных на получение определенной стратегически значимой информации [10]. Тем не менее, в силу гибкости и многомерности современных информационных войн такая классификация представляется достаточно громоздкой. Некоторые исследователи сокращают эту классификацию до психологической войны и кибервойны [3].

М. Либицкий сформулировал семь проявлений информационной войны: командно-управляемое, разведывательное, психологическое, экономическое, электронное, хакерство и киберборьба [11]. Приведенная классификация показывает, с одной стороны, ценность информации, с другой, разнообразие методов воздействия на противника и целей получения различных сведений. Целью классификации и развития методологического аппарата исследования информационных войн стало обеспечение и поддержание глобального лидерства США, а также достижение результативности в борьбе с недружественными Штатам режимами. Это подтверждается и тем, что концепция и методы ведения информационных войн разрабатывались в том числе Пентагоном. Это предполагает воздействие на население, на элиты и на государственный аппарат, пропаганду, психологическое воздействие, несанкционированное проникновение в инфраструктуру и хранилища

¹ Движение признано экстремистским и запрещено на территории Российской Федерации.

информации, поддержка оппозиционных движений для деструктивного влияния на общество.

Психологические войны являются наиболее опасными, поскольку они оказывают существенное влияние на процесс принятия населением определенных решений, которые охватывают экономическую, социальную структуру человеческой деятельности и могут иметь долгосрочные последствия для человека.

Кроме того, следует отметить разделение информационных войн на наступательные и оборонительные. Это исключительно важно в современных условиях, когда противнику приходится предпринимать определенные ответные меры для нейтрализации эффекта, запланированного инициатором конфликта. По своей направленности информационные войны возможно условно классифицировать на внутренние, ведущиеся в отношении нейтральных целевых аудиторий, а также ведущиеся против населения или определенных сил противника.

Современные информационные войны отличаются распространенностью, гибкостью и неявным характером воздействия на противника. Ярким примером такого противостояния является информационная война против России, которая развернулась во второй половине 2010-х гг. и стала особенно активной в после начала специальной военной операции на Украине. В марте 2022 года президент Российской Федерации В.В. Путин на заседании Совета безопасности РФ отметил, что против России ведется полномасштабная информационная война, которая затрагивает и сферу коммуникаций, и сферу инфраструктуры – участились случаи хакерских атак с целью выведения из строя ключевых ресурсов страны [1].

Основным объектом атак через средства массовой информации и социальные сети являются молодые люди, чья ценностная система только формируется, в связи с чем возникает необходимость в особенной защите молодых людей от иностранного деструктивного влияния.

К отдельным проявлениям информационной войны против России возможно отнести следующие:

- Увеличение количества случаев мошенничества;
- Совершенствование инструментов кражи персональных данных пользователей;
- Рост объема «фейковых» новостей и публикаций, направленных на дестабилизацию эмоционального состояния;
- Роста числа атак на сайты средств массовой информации и государственные порталы;
- Инициация блокировки российских коммуникационных ресурсов и средств массовой информации, которые действуют на иностранную целевую аудиторию, блокировка иностранных социальных сетей в Российской Федерации;
- Ужесточение санкций в отношении использования программного обеспечения [5].

Таким образом, следует отметить увеличение масштабов и направлений информационных войн, так как они уже стали важнейшим инструментом манипулирования общественным мнением и массовым сознанием. Исключительно важной задачей является защита национальных интересов государства и эффективное противодействие атакам на инфраструктуру и ценности россиян. Соответственно, информационные войны оказывают многомерное влияние на обороноспособность страны. С одной стороны, посредством хакерских атак и шпионажа противник стремится к тому, чтобы получить уникальную и стратегически значимую информацию, а также нанести значительный ущерб физической и программной информационной инфраструктуре. С другой стороны, деструктивное влияние на идеи и ценности населения страны напрямую влияет на мотивацию

к тому, чтобы оставаться на территории страны, присоединяться к вооруженным силам и вести деятельность, прямо направленную на обеспечение обороноспособности государства.

Приведенные аспекты имеют непосредственное отношение к обороноспособности государства, при этом они также имеют природу политических вызовов, поскольку они еще не переросли в проблемы и риски, но при отсутствии каких-либо последовательных усилий со стороны государства и других политических субъектов они могут привести к ухудшению ситуации. Как было установлено в предыдущем параграфе, политический вызов представляет собой последствие определенной ситуации или тенденции, которое еще не переросло в деструктивную ситуацию, но при этом может привести к таковому.

Далее представляется необходимым перейти к тому, как именно государствам следует реагировать на политические вызовы глобального и локального характера. Достаточно интересным является подход В.Б. Устьянцева, который предлагает три варианта ответа на политические вызовы [9].

Первый подход предполагает ужесточение институционализации, что предполагает усиление контроля над жизнью граждан, а также контролем над информационными потоками. Это осуществляется посредством использования программного и аппаратного обеспечения для мониторинга информации и предотвращения распространения чувствительных для государства сведений за его пределы.

Второй подход, определенный В.Б. Устьянцевым, предполагает абсолютизацию политических рисков, что актуально для обществ, которые только вступают в постиндустриальную стадию своего развития и не обладают достаточно устойчивой политической, правовой и социальной системой для ответа на глобальные вызовы. В данном случае велика роль творческой элиты, которая может мобилизовать общественность с помощью узнаваемых образов и национальных идеалов. Это может привести в том числе к демократизации пространства власти политического риска.

Третий подход предполагает преодоление противостояния между властвующими и интеллектуальными элитами посредством развития системы консенсусной демократии. Это обеспечивается за счет распределения политического влияния и действий всех субъектов в политическом пространстве в соответствии с законом и едином ценностном поле.

На взгляд автора, наиболее актуальным является комбинирование первого и третьего подхода, что предполагает, с одной стороны, достаточно четкое разграничение деструктивной и конструктивной информации, формирование у граждан подходов к контролю поступающей информации, определению ее влияния на процесс принятия решений. Особенно важным является предупреждение психологических атак, направленных на дестабилизацию эмоционального состояния и принятие необдуманных решений. Для этого важна планомерная и системная работа со средствами массовой информации, исследовательским сообществом, а также с представителями соответствующих министерств для развития инструментария мониторинга и контроля циркуляции сведений. При этом следует отметить, что перспективы внедрения механизма контроля над интернетом по «китайской» модели на данный момент не прослеживаются.

Литература

1. Владимир Путин на заседании Совбеза говорил о развязанной против России информационной вой-

не // Первый канал, 2024. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-05-22/429423-vladimir_putin_na_zasedanii_sovbeza_govoril_o_razvyazannoy_protiv_rossii_informatsionnoy_voynе (дата обращения 19.03.2025)

2. Зиновьева Е.С. Международное сотрудничество по обеспечению информационной безопасности // Право и управление. XXI век. – 2014. – № 33.
3. Красовская Н.Р., Гуляев А.А. К вопросу классификации информационных войн // Социология науки и технологий. – 2019. – № 2.
4. Макаров В.Е. Политические и социальные аспекты информационной безопасности. Монография. – Таганрог: Изд-ль С.А. Ступин, 2015.
5. Малик Е. Н., Шедий М.В. Информационная война против России как геополитическая деструкция государственности и политической системы // Современные тенденции развития научного сообщества в эпоху глобальных перемен. – Уфа, Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна, 2023. – С. 111–127.
6. Манойло А.В. Информационная война и новая политическая реальность (I) // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2021. – № 1. – С. 100–132.
7. Новые вызовы и угрозы безопасности РФ в условиях глобальных и локальных трансформаций: монография / кол. авторов; под общ. ред. С.В. Устинкина, А.В. Никитина. – М., РУСАЙНС, 2023. – 388 с.
8. Пигров, К.С. Техногенная цивилизация и риск // Общество риска: стратегии управления и альтернативные стили мышления. – Саратов: Сарат. источник, 2009. – С. 56–68.
9. Устьянцев В.Б. Риски в пространстве власти: концепты и проекты // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2011. – № 2.
10. Libicki M. What is information warfare? – Washington: GPG., 1995. 280 p.
11. Libicki, M. What is information warfare? // Defense Technical Information Center, 2004. URL: <https://apps.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a367662.pdf> (дата обращения 19.03.2025)

INFORMATION AND BEHAVIORAL WARS AS A NEW POLITICAL CHALLENGE

Ivanov P.P.

Plekhanov Russian University of Economics

The article examines the specifics of the impact of information and behavioral wars on the defense potential of the state. The practice of information wars shows that its successful use has led to destabilization of the situation in a number of states in the Middle East and many other regions of the world. The relevance of the chosen topic is due to several factors. First of all, it is necessary to note the expansion and deepening of the tools of information and behavioral wars. Secondly, it is necessary to note the lack of international legal regulation that would regulate the conduct of information and behavioral operations, as well as introduce liability for interference in the

internal affairs of states through communication systems. Thirdly, it is important to note the repeated conduct of information operations against the population of the Russian Federation and the former Soviet republics. The impact was also aimed at destabilizing the political and social situation, increasing mistrust of the government, and making ill-considered decisions. All of the above aspects have a direct impact on the defense potential of the state as the ability to protect its own interests, territory and population. The study identified key problems of maintaining and strengthening the defense potential of the state, taking into account the spread of information and behavioral wars.

Highlights: the definition of information and behavioral warfare is formulated, the key problems and features of the impact of information wars on society are noted, the impact of information and behavioral wars on the defense potential of the state is determined, the directions of development of the defense potential of the state are identified taking into account the spread of information and behavioral wars.

Keywords: defense potential, information warfare, behavioral warfare, fake news, psychological operations, international law, government regulation.

References

1. Vladimir Putin spoke at a meeting of the Security Council about the information war unleashed against Russia // Channel One, 2024. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-05-22/429423-vladimir_putin_na_zasedanii_sovbeza_govoril_o_razvyazannoy_protiv_rossii_informatsionnoy_voynе (accessed on March 19, 2025)
2. Zinovieva E.S. International cooperation in ensuring information security // Law and Management. XXI century. – 2014. – No. 33.
3. Krasovskaya N.R., Gulyaev A.A. On the issue of classification of information wars // Sociology of science and technology. – 2019. – No. 2.
4. Makarov V.E. Political and social aspects of information security. Monograph. – Taganrog: Publisher S.A. Stupin, 2015.
5. Malik E. N., Shedy M.V. Information war against Russia as a geopolitical destruction of statehood and political system // Modern trends in the development of the scientific community in the era of global changes. – Ufa, Limited Liability Company "Aeterna, 2023. – P. 111–127.
6. Manoylo A.V. Information war and the new political reality (I) // Russian social and humanitarian journal. – 2021. – No. 1. – P. 100–132.
7. New challenges and threats to the security of the Russian Federation in the context of global and local transformations: monograph / co. authors; under the general editorship of S.V. Ustinkin, A.V. Nikitin. – M., RUSAINS, 2023. – 388 p.
8. Pigrov, K.S. Technogenic civilization and risk // Risk society: management strategies and alternative styles of thinking. – Saratov: Sarat. source, 2009. – P. 56–68.
9. Ustyantsev V.B. Risks in the space of power: concepts and projects // Bulletin of the Volgograd State University. – 2011. – No. 2.
10. Libicki M. What is information warfare? – Washington: GPG., 1995. 280 p.
11. Libicki, M. What is information warfare? // Defense Technical Information Center, 2004. URL: <https://apps.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a367662.pdf> (accessed on March 19, 2025)

Конструирование образа победы в контексте боевых действий: семиотика звука и изображения в политических видеороликах

Михайлов Никита Владимирович,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ»
E-mail: nikitamikhailov97@yandex.ru

Статья посвящена анализу конструирования образа победы в политических видеороликах в контексте современных вооружённых конфликтов, с акцентом на семиотику звука и изображения. На примере российских роликов, распространяемых во ВКонтакте в период СВО (2022–2023 гг.), исследуются механизмы идеологической мобилизации через мультимодальный дискурс. Теоретической основой выступают концепции Г. Кресса и Т. ван Лиувена о полифонии семиотических режимов, В.Я. Проппа о бинарных оппозициях, а также идеи Ж.-Б. Бодрийера о гиперреальности медиа. Выявлено, что визуальные (флаги, военная техника, исторические символы) и звуковые (марши, гимны, тревожные эффекты) элементы формируют нарратив «справедливой войны», апеллируя к эмоциональному резонансу и страху. Сравнительный анализ роликов России, США, Китая и КНДР показал универсальность семиотики победы (героизация «своих», демонизация врага), но также национальную специфику: акцент на исторической памяти в России, технологическое превосходство в США, коллективизм в Китае, культ лидера в КНДР. Результаты подчёркивают роль медиа как инструмента формирования симулякра войны, где образ победы замещает реальность.

Ключевые слова: семиотика, политические видеоролики, образ победы, мультимодальный дискурс, эмоциональный резонанс, пропаганда, национальная идентичность, медиасимулякр, Специальная военная операция (СВО), США, Китай, Северная Корея.

В условиях современных вооружённых конфликтов информационно-психологическая работа приобрела особую значимость. Не только динамика боевых действий, но и способы их медийного репрезентования влияют на восприятие обществом, а также на моральный дух как собственных сил, так и противника. Политические видеоролики выступают одним из ключевых инструментов «мягкой силы», где аудиовизуальные коды используются для конструирования желаемого образа победы и мобилизации целевых аудиторий. В подобных роликах звук и изображение образуют единую полифоническую структуру, несущую сложные смысловые и эмоциональные послы.

Так, в современном медиапространстве специальной военной операции (СВО) происходит активное конструирование **образа победы** – целостного символического представления неизбежного триумфа, призванного сплотить аудиторию. Социальная сеть ВКонтакте в 2022–2023 гг. стала одной из ключевых платформ для распространения такого политического мультимодального контента [1]. В условиях ограничения западных соцсетей российская аудитория устремилась во VK, где запуск сервиса «VK Видео» и рост популярности коротких роликов создали канал для быстрой доставки идеологически заряженных сообщений. Недавно администрация президента РФ рекомендовала региональным властям работать с общественным мнением, чтобы исход конфликта воспринимался как победа [2]. Таким образом, политические видеоролики в VK становятся одним из инструментов **идеологической мобилизации**, сочетающим визуальные образы, звук и нарратив для формирования убеждения успешности проводимых действий.

Теоретической основой анализа подобных видеороликов служит концепция мультимодального дискурса, разработанная Г. Крессом и Т. ван Лиувеном. Согласно этому подходу, коммуникация осуществляется через сочетание нескольких семиотических режимов – вербального текста, визуальных изображений, звука, жестов и пр., которые действуют совместно для порождения целостного смысла сообщения [3]. В отличие от мономодального текста, где смысл передается только словами, в политическом видео различные модальности дополняют друг друга. Например, визуальный ряд (кадры флага, солдат, исторических побед) сопровождается аудиальным рядом (музыкальный фон, звуковые эффекты, голосовой комментарий), и лишь их совокупность формирует убедительный патриотический посыл. Каждый из модусов обладает собственной «грамматикой» значений (цвет и композиция кадра, интонация музыки и т.д.), и все они интегрируются в единую семиотическую систему [3]. Мультимодальный дискурс-анализ позволяет вскрыть, как именно звук и изображение синергетически конструируют идеологический нарратив победы.

Например, видеоролики о СВО выстраиваются согласно мифологическому нарративу, противопоставляющий силы добра (нашу сторону) силам зла (противника). Это отражает универсальный семиотический механизм бинарной оппозиции «свой – чужой», глубоко укорененный в культуре войн. Еще В.Я. Пропп в «Морфологии сказки» показал, что в основе сюжетов лежат роли «Ге-

роя” и “Антагониста” (Злодея), вступающих в конфликт [4]. Пропповская структура воспроизводится и в политическом дискурсе: сторона «Мы» наделяется функциями героя-освободителя (справедливого воина), тогда как образ «Чужого» конструируется как злодей, источник угрозы и хаоса. Подобная поляризация упрощает картину мира до моралистического противостояния, где **нашему лагерю** приписываются ценности добра, а **врагам** – образ абсолютного зла. Так, например, еще в период Первой мировой войны американский плакат «Destroy This Mad Brute» изображал врага в виде озверевшей гориллы в прусском шлеме, олицетворяя Германию как чудовищного агрессора [5]. Современные российские материалы по аналогии часто представляют противника как «неонацистов» или «террористов», продолжая семиотику Второй мировой. Официально Георгиевская лента ныне трактуется шире – как символ гордости не только ветеранами ВОВ, но и современными героями СВО, как символ правды и справедливости, символ борьбы с неонацизмом и геноцидом [6]. Через отсылку к победе 1945 года текущий конфликт вписывается в рамку новой «священной войны» против абсолютного зла (нацистского возрождения), что создает морально понятный нарратив: борьба ведется за правое дело.

Для легитимации вооруженного противоборства пропагандистский дискурс апеллирует к критериям этической приемлемости войны – тем самым, что сформулированы в теории «справедливой войны». Эта теория, берущая начало от трудов Августина и Гуго Гроция, определяет моральные условия, при которых война может считаться оправданной [7]. К классическим принципам *jus ad bellum* относятся: наличие правого дела (справедливая причина, например защита от агрессии), легитимная власть, которая объявляет войну, правильное намерение (не корысть, а стремление к миру и защите), война как крайнее средство и разумная пропорциональность ожидаемого блага ущербу [7]. В риторике вокруг СВО эти критерии имплицитно обыгрываются: конфликт подается как вынужденный превентивный шаг для предотвращения более крупной угрозы (заявлена необходимость «денацификации» и защиты русскоязычного населения), то есть как обладающий «правым делом». Постоянно подчеркивается, что действия России – ответ на агрессию НАТО и Украины, крайняя мера после исчерпания дипломатии, предпринимаемая ради защиты народа и исторической справедливости. Тем самым война представляется не завоевательной, а освободительной и оборонительной. Кроме того, акцент на высокоточных ударах по военным объектам и заботе о мирных жителях апеллирует к принципам *jus in bello* – соблюдения гуманности в ведении войны.

Ж.-Б. Бодрийяр, анализируя медиареальность поздних конфликтов, отмечал, что общество ввергается в симулятивную версию войны, где СМИ тиражируют манихейский сценарий и подменяют собой непосредственную реальность боевых действий [8]. СМИ превращают военную операцию в гиперреальное представление. Массовая аудитория фактически наблюдает **не сами действия**, а их сконструированный образ, наполненный знаками и мифами. В этом симулякре войны стороны предстают в черно-белых тонах – герой и антигерой – что способствует безоговорочной легитимации правоты одной из сторон. Общество, по меткому выражению Бодрийяра, становится “заложником медиаугара”, заставляющего верить в навязанную интерпретацию конфликта [8]. В данном случае, видеоролики VK как раз и выступают компонентом подобного медийного «симулякра», они создают чувственный образ победы, призванный выглядеть убедительно и реальнее самой реальности.

Ключевым механизмом воздействия политического видео является **эмоциональное вовлечение** зрителя. Видеоряд, сопровождаемый музыкой, способен вызвать у аудитории сильный аффективный резонанс – эмоциональный отклик, который разделяется большим числом людей синхронно. По определению, техника эмоционального резонанса – это способ создания у широкой аудитории определенного настроения одновременно с передачей идеологического послания [9]. Воздействие на чувства позволяет обойти сознательные «фильтры» восприятия: эмоциональный посыл напрямую апеллирует к переживаниям зрителя, минуя его критическое осмысление. Исследователи отмечают, что пропаганда, обращаясь прежде всего к чувствам, снимает психологическую защиту человека, мешающую внушению на рациональном уровне [9]. Пока разум занят критическим анализом, эмоциональный сигнал – тревожная музыка, скорбный голос диктора, драматические кадры – достигает глубинных слоев психики и вызывает сочувствие, гнев или гордость, против которых у индивида нет мгновенной «контраргументации» [9].

Одновременно через звуковые и визуальные маркеры угрозы аудитории транслируется чувство опасности, требующее реагирования. Психология восприятия угрозы такова, что резко негативные стимулы (например, звук сирены, изображение разрушенного дома) немедленно вызывают у человека состояние тревоги и страха – эволюционно заложенную реакцию на потенциальную опасность. Данные ролики умело используют так называемый **прием страха** – демонстрируют жестокость противника, возможные последствия бездействия (например, кадры предполагаемых зверств «нацистов»), усиливают это тревожной, минорной музыкой. Согласно теории убеждения, апелляция к страху (fear appeal) повышает степень принятия сообщения, если одновременно предлагается способ устранения угрозы [10]. В данном случае таким «способом» выступает продолжение СВО до победного конца, поддержка армии, единение против врага. Видеоряд способствует тому, что угроза воспринимается зрителем как осязаемая и близкая, но сопровождающее послание сразу дает отреагировать на страх: «сплотимся, победим врага – и страх отступит». Здесь проявляется и феномен «сплочения вокруг флага»: внешняя опасность, подчеркнутая медиа, резонирует с инстинктом самосохранения и стимулирует массовую поддержку «своих» вооруженных сил.

Помимо страха, контент апеллирует к гордости и воодушевлению – позитивным аффектам, связанным с образом близкой победы. Торжественные марши, возвышающая музыка мажорного звучания, ликующие возгласы в кадре – все это создает эмоциональный фон **триумфа**, внушая уверенность в успехе. Психология аффекта победы проявляется в эффекте эмоционального заражения: видя энтузиазм бойцов, слыша гимн или народную песню о родине, зрители невольно начинают испытывать схожий подъем чувств [9]. Возникает ощущение общности, сопричастности к великому делу – и, как следствие, возрастает готовность поддерживать это дело действиями или хотя бы убеждениями.

Результаты исследования

Рассматриваемые в исследовании видеоролики представляют собой сложные семиотические тексты, где каждый элемент образа или звука выполняет мобилизационную функцию. Визуальная семиотика победы опирается на такие узнаваемые символы силы и доблести как государственный флаг, георгиевская лента, силуэт солдата-защитника, исторические кадры предыдущих побед, лик

Президента как главнокомандующего и пр. Эти **знаки** обеспечивают мгновенную отсылку к патриотическому контексту и ценностям. Например, демонстрация боевых машин с буквой «Z» (новый символ поддержки войск) или портретов героев СВО символизирует преемственность с традицией Великой Отечественной войны и одновременно маркирует текущий конфликт как народно одобряемый. Звуковая семиотика дополняет образный ряд: милитаризованные ритмы барабанов ассоциируются с маршевой решимостью, фанфарные трубы – с победным парадом, а приглушенные скорбные мелодии – с жертвенностью и ценой победы. Часто используется прием резкого контраста: после кадров угрозы (тихие тревожные звуки, минор) следуют кадры решительного отпора и грядущей победы (громкая торжественная музыка, мажор). Такая композиция создает драматический сюжет в миниатюре, где кульминацией становится утверждение: «Мы победим». Нарратив в видеоролике может выстраиваться и эксплицитно – через текстовые лозунги или голос диктора. Например, надписи вроде «За нами правда», «Победа будет за нами!» finalizируют семиотический сценарий, превращая его в прямой призыв к зрителю. Мультиформатный формат позволяет синхронно воздействовать на разные каналы восприятия: **визуальный код** передает символы и метафоры (герой, враг, родина, победа), **аудиокод** – интонацию и эмоцию (угрозу, решимость, торжество), а **вербальный код** обобщает смысл лозунгом или кратким сообщением. В совокупности эти коды создают мощное идеологическое высказывание, понятное самому широкому кругу людей, независимо от уровня образования или осведомленности.

Механизмы политической визуально-звуковой агитации, наблюдаемые в российских VK-роликах, во многом универсальны и прослеживаются в патриотических медиапрактиках других стран. Например, американская военно-патриотическая реклама традиционно апеллирует к образу защитника свободы и уникальности нации. Слоганы вроде **Army Strong** сопровождаются видеорядом из высокотехнологичного оружия и отважных солдат, а классические плакаты (типа «Uncle Sam – I Want You») напрямую интерpellируют граждан, вызывая у них чувство долга [5]. Во время мировых войн и в годы «холодной войны» США демонстрировали символическое превосходство через кинохронику побед, героизацию армии и одновременную демонизацию врага (нацист, коммунист), тем самым внушая моральную правоту своих военных кампаний. Китайская Народно-освободительная армия в своих современных видеороликах делает акцент на впечатляющей визуализации мощи: кадры ракетных пусков, пролета истребителей, марширующих строев сопровождаются эпической музыкой. В 2020 г. BBC KHP опубликовали вирусный ролик с инсценировкой удара по базе ВВС США, смонтированный по канонам боевика – с заимствованием кадров из голливудских фильмов для усиления эффектности [11]. Посыл был очевиден: продемонстрировать потенциальному противнику неизбежность поражения от «божественного грома» китайских бомбардировщиков. Таким образом, символически утверждалось технологическое и моральное превосходство Китая в конфликте вокруг Тайваня.

Северокорейская пропаганда доводит подобные приемы до предела: агитационные фильмы КНДР регулярно изображают буквальное уничтожение врагов – например, «пылающий авианосец США» или ядерный удар по Вашингтону – сопровождая это экзотическим повествованием о справедливом возмездии [12]. В одном из роликов диктор над кадрами гибели американской техники вещает о том, что «**ядерная сила КНДР – это драгоценный меч справедливости**», карающий агрес-

сора [12]. Подобные аудиовизуальные сюжеты, хоть и гротескны, служат той же цели – внушить населению убежденность в непобедимости своей армии и в праведности её миссии. Таким образом, сравнение показывает, что семиотика образа победы – сочетание героизации «своих», демонизации «чужих», апелляции к высшим ценностям и эмоционального накала – характерна для военной риторики разных государств, меняются лишь культурно-исторические символы и технический облик медиа.

Проведенное исследование современных политических видеороликов из России, США, Китая и Северной Кореи, посвященных созданию образа победы в контексте боевых действий, выявило как общие черты, так и значительные различия в использовании визуальных, звуковых, дискурсивных и фрейминговых элементов. Анализ показал, что медиа каждой страны активно применяют семиотику звука и изображения для формирования устойчивого образа военной мощи и триумфа, однако национальные особенности и идеология существенно влияют на специфику этого образа.

Во всех странах видеоролики демонстрируют схожие подходы к созданию образа победы:

- **Визуальные элементы:** Широко используются национальные флаги (российский триколор, звездно-полосатый флаг США, флаг Китая, флаг КНДР) и военная техника (танки, ракеты, истребители). Эти символы подчеркивают национальную идентичность, патриотизм и военную мощь.
- **Звуковые элементы:** Торжественная музыка, включая марши и гимны, создает атмосферу величия и героизма. Звуки выстрелов и взрывов усиливают драматизм и реализм, а закадровый голос звучит уверенно и воодушевляюще.
- **Дискурс:** Патриотические лозунги и героизация военных – ключевые риторические приемы. Часто встречаются слова «победа», «сила», «защита», «враг», а также противопоставление «мы–они», где «мы» – защитники, а «они» – агрессоры.
- **Фрейминг:** Преобладают рамки «справедливой борьбы», «защиты родины» или «непобедимости». Военные действия изображаются как героические и необходимые для национальных интересов. Несмотря на общие черты, каждая страна привносит уникальные акценты, отражающие ее культурный и идеологический контекст:
- **Россия (VK-клипы):** Основной акцент – на исторической памяти и национальном единстве. Символы, такие как георгиевская лента и Кремль, связывают образ победы с прошлым величием. Звуковое сопровождение включает традиционные марши, а дискурс строится на идее «справедливой борьбы» и «национальной гордости».
- **США (YouTube):** Упор делается на технологическое превосходство и индивидуальный героизм. Визуально подчеркивается современное вооружение (дроны, истребители), а звуки напоминают голливудскую эпическую музыку. Дискурс сосредоточен на «защите свободы» и «демократии», с фреймингом «технологического лидерства» и «отваги».
- **Китай (Bilibili):** Главная тема – коллективная сила и дисциплина. Видео демонстрируют массовость и синхронность (парады, учения), сопровождаемые военными маршами и традиционной музыкой. Дискурс подчеркивает «единство» и «защиту народа», а фрейминг связан с «суверенитетом» и «дисциплиной».
- **Северная Корея (официальные каналы):** Отличительная черта – культ личности лидера и воин-

ственность. Визуально выделяются портреты лидера и масштабные парады с ракетами, а звуковое сопровождение включает гимны и военные хоры. Дискурс насыщен угрозами и преданностью лидеру, с фреймингом «непобедимости» и «культы лидера».

Заключение

Теоретический анализ показывает, что политические видеоролики в социальной сети VK конструируют образ победы посредством комплекса взаимосвязанных семиотических механизмов. В их основе лежит мифологический нарратив с четкой оппозицией «мы – они», где «свои» представлены носителями добра и законности, а «чужие» – воплощением зла, хаоса и угрозы. Данный принцип восходит к архетипической структуре В. Проппа и усиливается механизмами медиасимуляции, описанными Ж. Бодрийяром. Параллельно задействуется моральная рамка справедливой войны – конфликт преподносится как вынужденная, священная миссия по защите и восстановлению справедливости, что создает этическое обоснование военных действий. Особую роль играет и эмоционально-аффективное воздействие, где аудиовизуальные средства погружают зрителя в последовательное переживание угрозы и последующего катарсиса победы. Стратегически выстроенная эмоциональная динамика переходит от страха и гнева к гордости и воодушевлению. Дополняют картину такие символические коды победы как исторические и культурные символы (знамена, образы героев, музыка победных лет) функционируют как универсальные знаки преемственности и моральной правоты, понятные аудитории на интуитивном уровне.

Таким образом, синтезируя все эти элементы, мультимодальный контент стран эффективно выполняет задачу политической мобилизации – легитимируя конфликт в восприятии аудитории и стимулируя её идентификацию с «победоносным» коллективом. Через семиотику звука и изображения власть стремится не просто информировать, но достичь такого восприятия у аудитории, при котором военные действия воспринимаются как необходимые и неизбежно завершающиеся триумфом. Разработанная теоретическая рамка создает основу для анализа конкретных VK-роликов, позволяя выявить, как технические средства аудиовизуального языка трансформируются в инструмент формирования общественного мнения относительно победы и морального превосходства в контексте СВО.

Также было выявлено, что национальные особенности и идеологические установки играют определяющую роль в конструировании образа победы. Российская модель опирается на историческую память и национальное единство, американская акцентирует технологическое превосходство и индивидуализм, китайская подчеркивает коллективизм и дисциплину, а северокорейская центрирована вокруг культа личности и милитаризма. Эти различия отражают уникальные культурные и политические контексты, демонстрируя, как медиаобразы адаптируют визуальные и звуковые элементы для создания национальных мифологем военной мощи и триумфа. Исследование подтверждает ключевую роль медиа в формировании общественного восприятия в эпоху информационного противостояния.

Литература

1. В России состоялась презентация приложения VK Видео [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/1577232/2023-09-20/v-rossii-sostoialas->

prezentatsiia-prilozheniia-vk-video (дата обращения: 20.03.2025).

2. В администрации президента рекомендовали вице-губернаторам активизировать телеграм-каналы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/12/2024/674d56439a7947862c1d2fd3> (дата обращения: 20.03.2025).
3. A Multimodality in Discourse Analysis [Электронный ресурс] // ResearchGate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/371134046_A_Multimodality_in_Discourse_Analysis (дата обращения: 20.03.2025).
4. Идея Проппа: одна схема – сто историй [Электронный ресурс] // Cossa.ru. – URL: <https://www.cossa.ru/trends/200179/> (дата обращения: 20.03.2025).
5. Pollreisz, A. The Army of One Poster [Электронный ресурс]. – URL: https://people.southwestern.edu/~bednarb/su_netWorks/projects/pollreisz/army.html (дата обращения: 23.03.2025).
6. Значение символа Z стало шире [Электронный ресурс] // Минобороны России. – URL: <https://xn-90abhd2amfbbjx2jf6f.xn--p1ai/news/id/6435> (дата обращения: 23.03.2025).
7. Теория справедливой войны [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/teoriia-spravedlivoi-voiny-c54154> (дата обращения: 24.03.2025).
8. Бодрийяр, Ж. Дух терроризма. Цитаты [Электронный ресурс] // LiveLib. – URL: <https://www.livelib.ru/book/1002099509/quotes-duh-terrorizma-zhan-bodriyar> (дата обращения: 25.03.2025).
9. Эмоциональный резонанс [Электронный ресурс] // Conflict Management. – URL: <https://conflictmanagement.ru/emotsionalnyi-rezonans/> (дата обращения: 25.03.2025).
10. Propaganda and Persuasion [Электронный ресурс] // Montana State University Billings. – URL: [https://www.msubillings.edu/commfaculty/gross/COMT%20330/propagandaPersuasion\(ARV\).pdf](https://www.msubillings.edu/commfaculty/gross/COMT%20330/propagandaPersuasion(ARV).pdf) (дата обращения: 27.03.2025).
11. Chinese propaganda video shows fake attack on US air force base [Электронный ресурс] // ABC News. – URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-09-22/chinese-propaganda-shows-fake-attack-on-us-air-force-base/12685250> (дата обращения: 01.04.2025).
12. North Korea burns US aircraft carrier in propaganda video [Электронный ресурс] // Military.com. – URL: <https://www.military.com/daily-news/2017/03/21/north-korea-burns-us-aircraft-carrier-bomber-propaganda-video.html> (дата обращения: 01.04.2025).

CONSTRUCTING THE IMAGE OF VICTORY IN THE CONTEXT OF MILITARY OPERATIONS: SEMIOTICS OF SOUND AND IMAGE IN POLITICAL VIDEOS

Mikhailov N.V.

St. Petersburg State Electrotechnical University

The article examines the construction of the image of victory in political videos within the context of modern armed conflicts, focusing on the semiotics of sound and imagery. Using Russian videos from VKontakte during the Special Military Operation (SMO, 2022–2023) as a case study, the research explores mechanisms of ideological mobilization through multimodal discourse. The theoretical framework integrates G. Kress and T. van Leeuwen's concepts of semiotic polyphony, V. Propp's narrative oppositions, and J. Baudrillard's hyperreality of media. The analysis reveals that visuals (flags, military equipment, historical symbols) and auditory elements (marches, anthems, alarming effects) construct a "just war" narrative, appealing to emotional resonance and fear. A comparative study of videos from Russia, the USA, China, and North Korea demonstrates

universal semiotic patterns of victory (heroization of “us,” demonization of “them”), alongside national distinctions: historical memory in Russia, technological superiority in the USA, collectivism in China, and leader cult in North Korea. The results highlight the media’s role in creating a war simulacrum, where the image of victory replaces reality.

Keywords: semiotics, political videos, image of victory, multimodal discourse, emotional resonance, propaganda, national identity, media simulacrum, Special Military Operation (SMO), USA, China, North Korea.

References

1. The VK Video application was presented in Russia [Electronic resource]. – URL: <https://iz.ru/1577232/2023-09-20/v-rossii-sostoialas-prezentatsiia-prilozheniia-vk-video> (date of access: 20.03.2025).
2. The presidential administration recommended that vice-governors activate Telegram channels [Electronic resource]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/12/2024/674d56439a7947862c1d2fd3> (date of access: 20.03.2025).
3. A Multimodality in Discourse Analysis [Electronic resource] // ResearchGate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/371134046_A_Multimodality_in_Discourse_Analysis (accessed: 20.03.2025).
4. Propp’s Idea: One Scheme – One Hundred Stories [Electronic resource] // Cossa.ru. – URL: <https://www.cossa.ru/trends/200179/> (accessed: 20.03.2025).
5. Pollreisz, A. The Army of One Poster [Electronic resource]. – URL: https://people.southwestern.edu/~bednarb/su_netWorks/projects/pollreisz/army.html (accessed: 23.03.2025).
6. The Meaning of the Z Symbol Has Become Wider [Electronic resource] // Ministry of Defense of Russia. – URL: <https://xn-90abhd2amfbjx2jf6f.xn--p1ai/news/id/6435> (accessed: 23.03.2025).
7. Just War Theory [Electronic resource] // Great Russian Encyclopedia. – URL: <https://bigenc.ru/c/teoriia-spravedlivoi-voiny-c54154> (accessed: 24.03.2025).
8. Baudrillard, J. The Spirit of Terrorism. Quotes [Electronic resource] // LiveLib. – URL: <https://www.livelib.ru/book/1002099509/quotes-duh-terrorizma-zhan-bodriijar> (accessed: 25.03.2025).
9. Emotional Resonance [Electronic resource] // Conflict Management. – URL: <https://conflictmanagement.ru/emotsionalnyiy-rezonans/> (date of access: 03/25/2025).
10. Propaganda and Persuasion [Electronic resource] // Montana State University Billings. – URL: [https://www.msubillings.edu/commfaculty/gross/COMT%20330/propagandaPersuasion\(ARV\).pdf](https://www.msubillings.edu/commfaculty/gross/COMT%20330/propagandaPersuasion(ARV).pdf) (date of access: 03/27/2025).
11. Chinese propaganda video shows fake attack on US air force base [Electronic resource] // ABC News. – URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-09-22/chinese-propaganda-shows-fake-attack-on-us-air-force-base/12685250> (accessed: 01.04.2025).
12. North Korea burns US aircraft carrier in propaganda video [Electronic resource] // Military.com. – URL: <https://www.military.com/daily-news/2017/03/21/north-korea-burns-us-aircraft-carrier-bomber-propaganda-vide.html> (accessed: 01.04.2025).

Олимзода Сорбони Шамсиддин,

ассистент кафедры сравнительной политологии, РУДН
им. Патриса Лумумбы
E-mail: sorbon.science@mail.ru

Зазян Александра Максимовна,

ассистент вечернего и заочного отделений ФГСН, РУДН
им. Патриса Лумумбы
E-mail: Burchalkina-am@rudn.ru

Статья посвящена политологическому анализу роли преемственности исламских традиций в российской культуре с позиций международных отношений и политических исследований. Ислам рассматривается не только как религиозный феномен, но и как существенный фактор социо-культурного и экономического развития в регионах Российской Федерации. Исламские практики рассматривают не только как религиозный и культурный феномен, но в первую очередь как значимый политико-коммуникативный ресурс, оказывающий влияние на формирование национальных и региональных политических структур в Российской Федерации. С позиций анализа политических процессов «исламский фактор» содействует укреплению социальной гармонии и консолидации гражданской идентичности на основе многовекового взаимодействия народов. Исламские традиции, сформировавшиеся на основе многовекового взаимодействия народов, способствуют укреплению социальной гармонии, консолидации культурной идентичности и формированию позитивного образа в российской культуре. Особое внимание уделено тому, каким образом ислам влияет на социальные институты, традиционные правила и обычаи, а также на развитие межкультурного и межконфессионального диалога в современном российском обществе.

Подчеркивается важность такого фактора, как «исламский фактор», который влияет на политические институты и процессы адаптации традиционных сообществ к новым формам политического участия, а также на их вовлечение в политико-управленческие технологии. Отмечается, что ислам в регионе может служить основой не только для укрепления социокультурного баланса, но и для выстраивания эффективной внешне- и внутривнутриполитической коммуникации, учитывающей культурно-религиозное разнообразие страны. При формировании и реализации стратегий глобального и регионального развития учёт «исламского фактора» рассматривается как инструмент повышения легитимности власти и консолидации общества, позволяющий добиться более гибкого политического планирования.

Ключевые слова: преемственность, культура, ислам, исламские традиции, «исламский фактор», поликонфессиональное государство, многоконфессиональное государство.

Введение

Вопрос о преемственности исламских традиций в российской культуре приобретает особую актуальность в контексте современных международных и региональных отношений. Россия на протяжении веков формировалась как многонациональное и поликонфессиональное государство, в котором ислам, наряду с православием, играл важную роль в культурном, политическом и экономическом развитии. Исламские общины, распространившиеся в различных регионах страны, стали не только религиозным, но и цивилизационным мостом между Востоком и Западом, что лежит в основе как глобальных, так и региональных процессов. Исторически исламские институты реализовывали не только религиозные, но и социально-политические функции, обеспечивая устойчивые каналы коммуникации между различными этноконфессиональными группами, властными структурами и внешнеполитическими партнёрами. Уже в период Волжской Булгарии зарождались механизмы междивизиационного взаимодействия, ставшие впоследствии основой для становления политических технологий «дипломатии мостов» между Востоком и Западом. Эти процессы способствовали выстраиванию стратегических торгово-экономических и политических связей, которые определяли вектора внешней политики Руси, а позже и России.

Интеграция исламских норм и традиций в общественно-политическую жизнь различных регионов РФ стимулировало появление новых политических технологий и форм взаимодействия между государственными институтами и местными сообществами. В результате политические процессы позволяют укреплять роль страны как одного из ключевых игроков в глобальной политической системе и формировать многоуровневые политические технологии, ориентированные на поддержание стабильности как на национальном, так и на международном уровнях.

С точки зрения международных отношений, наличие в России значительной части населения, исповедующего ислам, формирует важный «исламский фактор» для выстраивания диалога с другими странами исламского мира. Также принятие ислама в Поволжье способствовало развитию торговых путей, укреплению политических союзов и формированию стабильных экономических связей далеко за пределами региона. Это, в свою очередь, повлияло на дальнейшее расширение горизонтов внешней и внутренней политики Руси, а позднее – России.

Важной особенностью является то, что ислам в России с самого начала органично вписывался в местные традиции, не вытесняя, а дополняя уже существующие религиозные системы. Общие авраамические корни ислама и христианства, а также близость некоторых ценностей (таких как милосердие, справедливость, уважение к ближнему) способствовали мирному сосуществованию и взаимопроникновению культур. Это не только помогло избежать затяжных межконфессиональных конфликтов, но и создало предпосылки для формирования уникального социокультурного синтеза, отражающегося в искусстве, праве, архитектуре и языках различных народов России.

Научное изучение преемственности исламских традиций сегодня важно по нескольким причинам. Во-первых, оно позволяет понять логику исторического взаимодействия разных конфессиональных общин на территории современной России. Во-вторых, оно определяет механизмы, через которые исламская культура влияла и продолжает влиять на внутреннюю и внешнюю политику.

Исследование роли тюркских народов, традиций Северного Кавказа, Татарстана и других регионов с мусульманским населением в формировании общего культурного фона России также открывает новые горизонты для глобальных и региональных исследований, связанных с урбанизацией, миграционными процессами и связями.

Цель – проанализировать основные вехи становления исламских традиций в России, выявить факторы, способствующие их передаче от поколения к поколению и восприятию со стороны других конфессиональных и этнических групп, а также определить значение этой преемственности для формирования современной российской культуры в региональном и международном контексте. В качестве объекта исследования выступают исторические и современные процессы взаимодействия исламских общин с российским обществом, а предметом – социокультурные, религиозные и политические аспекты данной преемственности.

Результаты исследований и их обсуждение

Преемственность в культуре – это закономерное сохранение традиций старой культуры и передача их новому поколению с возможной переработкой и изменением.

Преемственность в культуре заключается в сохранении и передаче духовных ценностей из поколения в поколение.

Она проявляется, например, в существовании народной культуры, сохранении традиций и обычаев, образовании (как системе передачи знаний), сотрудничестве учёных, творцов из разных поколений.

Можно выделить два типа преемственности:

- **Конструктивно-созидательный**, связанный с рождением материальных и духовных ценностей.
- **Позитивно-консервативный**, обеспечивающий бережное сохранение исторически оправдавших себя культурных достижений человечества.

Преемственность исламских традиций в российской культуре связана с длительным соседством русских и мусульман на территории Киевской Руси, Золотой Орды, Российской империи и Советского Союза.

Примеры влияния ислама на российскую культуру:

- Заимствования в народных промыслах. Многие традиционные промыслы, которые сегодня принято считать чисто русскими, были скопированы у народов Востока. Например, знаменитый павловопосадский платок был заимствован у туркменских женщин.
- Влияние на архитектуру. Многие известные в России здания являются точной копией мусульманской архитектуры. Так, Покровский собор на Красной площади в Москве, возведённый по приказу Ивана Грозного в честь взятия Казани, является копией казанской мечети Кул Шариф.
- Влияние на дизайн одежды и доспехов. Русские бояре и воины-богатыри придерживались мусульманского стиля в планировке жилища, а их одежда украшалась аятами из Корана и мусульманскими молитвами.

- Влияние на литературу. С XV века мусульманские мотивы начинают широко внедряться в русскую поэзию и литературу. Например, Яков Полонский писал драматическую поэму «Магомет» и цикл стихов на исламские мотивы «Татарская песня», «Карнавал» и другие.

Привнесение в российскую культуру исламских традиций и обычаев относят к событиям, связанным с присоединением территорий Кавказа, а также нахождением России под гнётом татаро-монгольского ига.

На протяжении столетий русские жили бок о бок с мусульманами на территории Киевской Руси, Золотой Орды, Российской империи и Советского Союза. Такое длительное соседство привело к тому, что русское искусство обогатилось за счёт заимствований у мусульманских народов.

Русские переняли у мусульман институты правления, среди которых местничество, кормление и поместье. Также были заимствованы основы финансовой системы с развитой налоговой политикой.

Русские позаимствовали у татар секреты внутренней и международной торговли, с характерными для неё караван-сараями, которые в северных широтах превратились в постоянные дворы с трактирами.

Мусульмане повлияли на русское общество в области моды. В обиход вошли дорогие разноцветные шёлковые ткани, бисер, бусы, румяна. Одежда стала многослойной и значительно расширенной к низу, а также обзавелась длиннейшими рукавами, которые свидетельствовали о высоком положении человека в обществе.

С XV века мусульманские мотивы начали внедряться в русскую поэзию и литературу. Сначала – как орнамент, вслед за этим – как часть мира и символ, которые пытались понять, а затем и приспособить к отечественной истории, культуре, литературе.

В период существования Казанского ханства ислам глубоко укоренился в культуре и жизни татарского народа. Это культурное влияние распространялось через традиции, язык и обычаи, формируя уникальный симбиоз мусульманской и местной культур. Казань стала центром исламской науки и религии в регионе, где разрабатывались и пропагандировались идеи, касающиеся как теологических вопросов, так и вопросов повседневной жизни.

Значительным этапом развития исламского влияния на российскую культуру стало правление Екатерины II. Императрица, осознавая необходимость поддержания религиозного мира в многонациональной империи, в 1773 году издала закон, официально разрешающий мусульманам открыто исповедовать свою религию. Этот закон стал важным шагом к интеграции исламских традиций в общественную жизнь. Как следствие, в Российской империи начали появляться мечети в крупных городах, а также исламские учебные заведения, которые способствовали распространению исламских знаний и укреплению мусульманской идентичности.

XIX век стал временем значительных изменений для мусульманских народов России. Появилась новая модель социума, в котором традиционные обычаи сочетаются с модернизацией. Исламские лидеры стремились усовершенствовать свои общины, обучая их современным наукам и просвещая в духе времени. Ислам становился частью широкой общественной жизни, адаптируясь к новым условиям и потребностям общества.

Особое место в формировании исламского образования заняло движение модернизации, связанное с такими известными просветителями, как Исмаил-бей Гаспринский и Абдурешид Ибрагимов. Эти реформаторы стремились интегрировать достижения современной пе-

дагогики в традиционную систему медресе. К 1916 году в России насчитывалось более пяти тысяч новометодных медресе, что свидетельствовало о значительном продвижении в сфере мусульманского образования.

После революции 1917 года мусульманская община России столкнулась с резкой переменой. Советская власть, провозгласив атеизм, практически разрушила систему мусульманского просвещения. На смену исламскому образованию пришла советская школа, которая ориентировалась на полное искоренение религиозного сознания и внедрение коммунистических идеалов¹.

Тем не менее, конец 1980-х – начало 1990-х годов, обозначенные понятием «исламское возрождение», стали важным этапом возвращения к исламским корням. После долгих десятилетий атеизма тюркские народы СССР начали восстанавливать утраченные обычаи и традиции, стремясь вернуться к своим историческим истокам. В это время вновь появляются мечети, ислам занимает свое место в образовательной системе и культурной жизни.

Начало XXI века ознаменовалось другой тенденцией – «исламской глобализацией». Это понятие подразумевает проникновение в традиции российских мусульман элементов арабской версии ислама, что вносит новые оттенки в традиционный уклад жизни. Возникло различие между старым, дореволюционным исламом и современным исламским движением, что стало отражением глобальных процессов в мусульманском мире.

Исламские традиции находят свое отражение в культуре и повседневной жизни мусульманских народов России. В зависимости от региона проживания эти традиции трансформируются и адаптируются, приобретая уникальные черты, свойственные определенной этнической группе. Образовался своеобразный симбиоз культур, в котором сочетаются и исламские обычаи, и местные, национальные традиции. Эти элементы формируют удивительный культурный феномен, в котором исламские обряды переплетаются с русскими и другими местными обычаями, создавая неповторимую культурную ткань единого многонационального государства².

Влияние исламской культуры не ограничивается перечисленными аспектами. Оно оставило свой след и в языке, где некоторые заимствованные слова, такие как «караван», «базар» или «арбат», связаны со светской и торговой жизнью мусульманских общин. Исламские традиции оказались неотъемлемой частью сложного культурного узора России, вплетаясь в повседневную жизнь и духовные аспекты, объединяя людей разных верований и традиций³. Приведем некоторые сравнительные доводы, о том, что преемственность действительно имеет место быть (табл. 1).

Таблица 1. Преемственность

Аспект	Исламские традиции	Проявление в российской культуре
Религиозные практики	Ежедневные молитвы (намаз): мусульмане совершают пять молитв в день	В мусульманских регионах России (например, Татарстан, Башкортостан) часто видны мечети и молитвы

¹ Валиев И.Р. Ислам и молодежь: вызовы и перспективы / И.Р. Валиев. – Уфа: Гилем, 2021. – 230 с.

² Джафаров А.Х. Ислам и экология: традиции и современные вызовы / А.Х. Джафаров. – Казань: Татарское книжное издательство, 2023. – 250 с.

³ Зайнуллин М.Р. Ислам и образование в России: история и современность / М.Р. Зайнуллин. – М.: РГГУ, 2022. – 270 с.

Аспект	Исламские традиции	Проявление в российской культуре
Праздники	Ид аль-Фитр и Ид аль-Адха: крупные исламские праздники	В регионах с мусульманским населением это официальные выходные дни
Традиционная одежда	Хиджаб, тюбетейка и другие традиционные наряды	Влияние в регионах с большой мусульманской общиной, традиционная одежда на праздники и в быту
Кулинарные традиции	Халяльная пища: соответствие нормам Халяль	Популярность халяльной кухни растёт даже за пределами мусульманских регионов
Брак и семья	Исламские брачные ритуалы и многожёнство (в определённых случаях)	Специфические обряды актуальны для мусульманских регионов; юридически многожёнство не признано
Язык и литература	Арабский язык как язык религии; традиционная исламская литература	Влияние на татарскую и башкирскую литературу, использование арабской графики в прошлом
Социальные нормы и этикет	Этика межличностных отношений и гостеприимство	Гостеприимство и вежливость характерны для многих культур на территории России
Религиозные здания	Мечети и медресе: важные культурные и религиозные центры	Мечети встречаются не только в традиционных мусульманских регионах, но и в крупных городах России

Преемственность исламских традиций сыграла значительную роль в формировании российской культуры, добавив в нее многогранности и богатства. Это влияние распространяется на множество аспектов общественной жизни, начиная от искусства и архитектуры и заканчивая модой, кулинарией и языком⁴.

Искусство, как зеркало культурного взаимодействия, претерпело значительные изменения благодаря соседству с мусульманскими народами. Обогащение происходит не только через прямое заимствование, но и через сплав традиций, который привел к появлению уникальных форм и стилей. Многие мастера русского декоративно-прикладного искусства вдохновлялись точными мотивами, что отразилось в орнаментах и технике исполнения. Традиционные русские промыслы, такие как ковроткачество и резьба по дереву, испытали на себе влияние исламских мастеров, славившихся своим мастерством и искусностью.

Также интерес представляет **исламская литература, которая** в последние десятилетия возрождает интерес к классической исламской литературе, которая сочетает в себе религиозные и культурные традиции. Произведения таких авторов, как Ахмад Фарид, Шахмухаммед, а также современных авторов, обращающих внимание на исламские ценности, становятся важной частью культурного контекста регионов России.

⁴ Кадырова Л.А. Женщины в исламе: роль и место в российском обществе / Л.А. Кадырова. – М.: Наука, 2023. – 240 с.

Заключение

Преемственность исламских традиций в России оказывает существенное влияние на функционирование политических институтов, а также на развитие политических процессов и технологий. Встраиваясь в социальную структуру российского общества, исламские традиции формируют своеобразную основу для выстраивания механизмов политического взаимодействия – как на уровне государственной власти, так и между различными политическими акторами в регионе и за его пределами.

Во-первых, религиозно-культурная преемственность ислама в России способствует формированию уникальной «связующей ткани» между российской цивилизацией и государствами мусульманского мира. Общие элементы традиций, обычаев и обрядов облегчают налаживание политического и экономического сотрудничества, поскольку культурные сходства позволяют устранять барьеры недоверия и способствуют взаимопониманию. Это особенно важно в сферах, где российская дипломатия опирается на культурные интересы, гуманитарное взаимодействие и межконфессиональный диалог.

Во-вторых, многообразие исламского наследия внутри регионов России отражает сложность и многослойность её социокультурного пространства. С одной стороны, мы видим тесную связь с глобальной исламской традицией, а с другой – особую форму «Исламского фактора», которая имеет собственные черты и историю.

В-третьих, сохранение исламских традиций и их преемственность способствуют социальной консолидации, что важно для формирования устойчивых политических технологий. Религиозный фактор не только повышает внимание к вопросам гражданской идентичности, но и влияет на формирование партийных процессов, участвуя в выработке стратегий политической коммуникации. В ряде случаев мусульманские общины становятся инициаторами межконфессионального диалога, адаптируя мировые политико-культурные практики к российской действительности и обеспечивая таким образом легитимность и эффективность политических институтов.

Таким образом, изучение роли ислама в российском пространстве приобретает особую значимость, поскольку затрагивает механизмы взаимодействия государственных структур с религиозными общинами и влияет на формирование общественно-политических настроений. Россия, являясь федеративным и многоконфессиональным государством, использует сложившийся опыт политической коммуникации и правового регулирования, способствуя включению мусульманской субкультуры в общий политический процесс. В этом контексте преемственность исламских традиций не только обогащает культурные практики, но и укрепляет институциональные основы гражданского взаимодействия, открывая новые пути для международного сотрудничества и реализации политических технологий, направленных на поддержание стабильности и развитие диалога между странами.

Литература

1. Ахметов Р.Г. Ислам и общество: социальные аспекты в России / Р.Г. Ахметов. – Казань: Казанский университет, 2023. – 300 с.
2. Багиров А.М. Исламская архитектура в России: традиции и современность / А.М. Багиров. – М.: Архитектура, 2022. – 280 с.
3. Валеев И.Р. Ислам и молодежь: вызовы и перспективы / И.Р. Валеев. – Уфа: Гилем, 2021. – 230 с.

4. Джафаров А.Х. Ислам и экология: традиции и современные вызовы / А.Х. Джафаров. – Казань: Татарское книжное издательство, 2023. – 250 с.
5. Зайнуллин М.Р. Ислам и образование в России: история и современность / М.Р. Зайнуллин. – М.: РГГУ, 2022. – 270 с.
6. Кадырова Л.А. Женщины в исламе: роль и место в российском обществе / Л.А. Кадырова. – М.: Наука, 2023. – 240 с.
7. Мусин Р.А. Ислам и политика в России: исторический и современный контексты / Р.А. Мусин. – М.: Институт востоковедения РАН, 2023. – 320 с.
8. Мухамедов И.А. Приемственность исламских традиций в российском обществе // – Уфа: Гилем, 2019. – 220 с.
9. Тагиров Р.Ф. Исламские традиции в российском искусстве / Р.Ф. Тагиров. – М.: Искусство, 2019. – 240 с.
10. Шарафутдинов И.М. Ислам и русская философия: диалог культур / И.М. Шарафутдинов. – М.: Наука, 2022. – 350 с.

THE CONTINUITY OF ISLAMIC TRADITIONS IN RUSSIAN CULTURE

Olimzoda Sorboni Shamsiddin, Zazyan A.M.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article is devoted to a political analysis of the role of the continuity of Islamic traditions in Russian culture from the perspective of international relations and political research. Islam is considered not only as a religious phenomenon, but also as an essential factor of socio-cultural and economic development in the regions of the Russian Federation. Islamic practices are considered not only as a religious and cultural phenomenon, but primarily as a significant political and communicative resource that influences the formation of national and regional political structures in the Russian Federation. From the standpoint of the analysis of political processes, the "Islamic factor" promotes the strengthening of social harmony and the consolidation of civic identity based on the centuries-old interaction of peoples. Islamic traditions, formed on the basis of centuries-old interaction between peoples, contribute to strengthening social harmony, consolidating cultural identity and forming a positive image in Russian culture. Special attention is paid to how Islam influences social institutions, traditional rules and customs, as well as the development of intercultural and interfaith dialogue in modern Russian society.

The importance of such a factor as the "Islamic factor" is emphasized, which affects political institutions and the processes of adaptation of traditional communities to new forms of political participation, as well as their involvement in political and managerial technologies. It is noted that Islam in the region can serve as a basis not only for strengthening socio-cultural balance, but also for building effective foreign and domestic political communication, taking into account the cultural and religious diversity of the country. When forming and implementing strategies for global and regional development, consideration of the "Islamic factor" is considered as a tool for increasing the legitimacy of government and consolidating society, allowing for more flexible political planning.

Keywords: continuity, culture, Islam, Islamic traditions, «Islamic factor», multi-confessional state, multi-confessional state.

References

1. Akhmetov R.G. Islam and Society: Social Aspects in Russia / R.G. Akhmetov. – Kazan: Kazan University, 2023. – 300 p.
2. Bagirov A.M. Islamic Architecture in Russia: Traditions and Modernity / A.M. Bagirov. – M.: Architecture, 2022. – 280 p.
3. Valeev I.R. Islam and Youth: Challenges and Prospects / I.R. Valeev. – Ufa: Gilem, 2021. – 230 p.
4. Dzhaifarov A. Kh. Islam and Ecology: Traditions and Modern Challenges / A. Kh. Dzhaifarov. – Kazan: Tatar Book Publishing House, 2023. – 250 p.
5. Zainullin M.R. Islam and Education in Russia: History and Modernity / M.R. Zainullin. – M.: RSUH, 2022. – 270 p.

6. Kadyrova L.A. Women in Islam: Role and Place in Russian Society / L.A. Kadyrova. – M.: Nauka, 2023. – 240 p.
7. Musin R.A. Islam and Politics in Russia: Historical and Modern Contexts / R.A. Musin. – M.: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2023. – 320 p.
8. Mukhamedov I.A. Continuity of Islamic Traditions in Russian Society // – Ufa: Gilem, 2019. – 220 p.
9. Tagirov R.F. Islamic Traditions in Russian Art / R.F. Tagirov. – M.: Art, 2019. – 240 p.
10. Sharafutdinov I.M. Islam and Russian philosophy: dialogue of cultures / I.M. Sharafutdinov. – M.: Nauka, 2022. – 350 p.

Русанов Иван Дмитриевич,

старший лаборант отдела Ближнего и Постсоветского Востока
ИНИОН РАН

E-mail: RuvanIM@yandex.ru

В статье автором рассматриваются наиболее проблемные области функционирования политической системы Израиля в контексте социальных вызовов. Исследуется природа данных социальных вызовов, а также выделяется их устойчивая взаимосвязь с политической системой. В рамках данной взаимосвязи подчеркивается прямой характер воздействия социального на политическое, что вызывает турбулентные процессы в национальной политической системе. Среди ключевых факторов, составляющих социальный аспект автором выделены: растущая социальная атомизация, конфликтность социальных групп, отсутствие устойчивых общенациональных консолидирующих основ. В рамках феномена социальной атомизации автором выделены ключевые линии «раскола», проходящие в рамках дихотомий: религиозный-светский, старые и новые репатрианты, арабы и евреи, сефарды и ашкеназы, идеологические парадигмы левый-правый, а также в отношении социального статуса и экономического положения

Ключевые слова: Израиль, идеология, идеи, ценности, Биньямин Нетаньяху.

Введение

В декабре 2022 года в Израиле было сформировано 37-е правительство, которое возглавил лидер партии «Ликуд» Биньямин Нетаньяху. Вопреки реформистским обещаниям, его приход к власти не способствовал разрешению системного кризиса в израильской политической жизни и институтах и на время заморозил существующий вопрос о власти и легитимности в парламентско-пропорциональной форме правления Израиля.

С завершением шокового периода для израильского общества, связанного с нападением ХАМАС 7 октября 2023 г., наиболее проблемные фундаментальные вопросы снова приобретают актуальность, среди них: вопрос о соотношении полномочий судебной и законодательной ветвей власти, судебной и исполнительной ветвей власти, о консолидирующих основах государства, о сложности межпартийного взаимодействия внутри коалиции, а также проблема «гигантизма» правительства.

Часть этих вопросов и проблем являются исключительно политическими, а значит затрагивают вопросы концентрации или распределения власти в политических институтах, другая часть носит социетальный характер, что отражается на динамике политических процессов и функционировании гражданского общества, подчеркивая взаимовлияние политического и социального в израильской общественной жизни.

В то время как большая часть авторов, изучающих политическую систему Израиля и происходящие в ней процессы, склонны видеть основную угрозу израильской демократии и системе национального представительства в упадке гражданской демократической культуры, росте влияния правых сил, автор видит причины проблемного функционирования израильской политической системы и демократии в растущей социальной атомизации, конфликтности социальных групп, отсутствии общенациональных консолидирующих основ, что находит прямое выражение в плоскости политических процессов.

Дилемма о консолидирующих основах еврейского государства

Вопрос о консолидирующих основах еврейского государства представляет особую актуальность со времен зарождения идеи о создании еврейского государства и ее последующей имплементации на географической территории Палестины. Первое руководство Израиля в лице премьер-министра Давида Бен Гуриона и президента Хаима Вайцмана считали сионистское движение и йешув той конституирующей основой, способной укреплять взаимное доверие, умеренность и сплоченность, а также сдерживать стремление конкретных политических партий к власти и доминированию [5, с. 117]. Дальнейшее интеллектуальное развитие данной парадигмы в период нахождения у власти Бен Гуриона привело к готовности воздержаться от принятия решений по некоторым фундаментальным политическим вопросам в пользу укрепления основ стабильного политического сообщества, которое бы культивировало чувство коллективной гражданской ответственности [5, с. 137].

Однако уже на начальном этапе развития консолидирующих идей были заложены противоречия, ко-

торые создают особый характер функционирования общественно-политических институтов на современном этапе. Так, в тексте Декларации независимости Израиля, документе, закрепляющем основополагающие идеи и принципы, отмечается, что государство предстает прежде всего, как национальный очаг для еврейского народа, что позволяет классифицировать его в качестве еврейского государства со всеми соответствующими этому определению характеристиками социального устройства. Однако в том же документе отмечается, что Израиль «осуществит полное гражданское и политическое равноправие всех своих граждан без различия религии, расы или пола; обеспечит свободу вероисповедания, совести, выбора языка, образования и культуры». В тексте предпринята попытка представить гибридный политический принцип: демократия, пророки Израиля, мир, свобода и справедливость, еврейская иммиграция, Теодор Герцль и Организация Объединенных Наций. Это сочетание идей чрезвычайно сложное и содержит множество скрытых противоречий, которые требуют разрешения [9, с. 407]. Таким образом, со времен основания еврейского государства закладывается определенная проблематика, которая оборачивается дилеммой: государство на исключительно еврейской идентичности или государство на плюралистических этнорелигиозных (гражданско-демократических) началах.

В процессе своего развития государство Израиль так и не смогло полностью разрешить дилемму соотношения идентичностей израильского образования как государства, и как этнонациональной общности [8, с. 3]. Данная проблема обострилась в период присоединения новых территорий Израилем в результате арабо-израильской войны 1967 г., поставив вопрос об интеграции арабской идентичности или проведении четких границ между двумя враждующими сообществами [8, с. 4].

В израильской политической жизни наблюдается парадигмальное противостояние двух конкурирующих идеологий: правые силы делают акцент на еврейском характере государства, а левые и центристы – на демократическом [4, с. 73], т.е. в вопросах самоидентификации и политической ответственности гражданская идентичность ставится выше этнорелигиозной.

Так, результатом длительного нахождения у власти партии «Ликуд» и ее лидера Биньямина Нетаньяху стал рост этнорелигиозного фактора в израильской внутренней и внешней политике, что сопровождалось укреплением системы национальных символов, которые выражают нормативную приверженность социума культуре и ценностям еврейства и определяют подходы к решению арабо-израильского конфликта. На современном этапе в Израиле также наблюдается кардинальный пересмотр, согласно терминологии Г. Лассуэлла, «политической доктрины». И если символы, которые продвигает партия «Ликуд» израильскому обществу в целях самоидентификации, т.е. «миранда», остаются прежними, но укрепляются, то в ходе последних нескольких лет руководства страной Биньямина Нетаньяху, «креденда», т.е. их формализованное воплощение, кардинально изменилась [3].

Наиболее отчетливыми выражениями этой тенденции стали предложения об ужесточении закона о возвращении, принятие закона «основной закон: Израиль – национальное государство еврейского народа», который упразднил статус арабского языка как второго официального, а также официально закрепил еврейский характер государства Израиль. Особую специфику приобрело постоянное и акцентированное обращение к дихотомии «мы» – «они»: «мы» – евреи, иудеи, сионисты, правые, «народ»; «они» – неевреи, неиудеи/светские, постсионисты,

левые, «элита» [4, с. 73], что способствует расколу и атомизации израильского социума. И если изначально отцы-основатели еврейского государства закладывали в политическое устройство страны идею совещательной демократии с сильной гражданской идентичностью, подкрепляя этот концепт парламентско-пропорциональной формой правления, что способствовало большей инклюзивности, то на современном этапе этнорелигиозные идеи и ценности оказываются сильнее в общественно-политическом дискурсе и прямым образом нарушают часть из шести принципов совещательной демократии: взаимности, гласности, подотчетности, базисных свобод, возможностей и их равенства [6].

Нарушение части из этих базовых принципов имеет качественное и количественное выражение в отношении политической системы. Качественное выражение заключается в отсутствии возможности у депутатов Кнессета осуществлять эффективную коммуникацию и принимать совместное решение представителями разных политических сил, что подменяет одну модель осуществления политической власти другой.

Количественное выражение заключается в стремлении отдельных этнических общин и групп отстаивать свои интересы путем формирования все новых партий, участвующих в выборах, что ведет к усилению политической фрагментации и ослаблению представительства наиболее крупных партий [2]. Таким образом, отсутствие консолидации на единой основе и ее преходящая модификация при премьер-министре Биньямине Нетаньяху вызывают турбулентные события в политической жизни израильского общества все больше раскалывая его на отдельные сегменты.

Социальный аспект атомизации в контексте политических процессов

Специфика воздействия израильской атомизации на политическую систему может быть описана «теорией зеркала», в рамках которой партии напрямую отражают социальную структуру общества и медленно подстраиваются под изменения социального/профессионального состава населения/класса [7]. В настоящее время в Израиле основные линии раскола проходят в рамках дихотомии: религиозный-светский, старыми и новыми репатриантами, арабами и евреями, в отношении социального статуса и экономического положения, сефардами и ашкеназами, идеологических парадигм левый-правый. Так, объем избирательного корпуса в 4 764 593 голосов и представленные при этом 16 партий набравшие более 10 тыс. голосов (часть из которых являются блоками и включают в себя несколько партий) свидетельствует о том, что многие партии в Израиле обслуживают узкие интересы определенной социальной группы [1]. В то же время с 1949 года число политических партий в Израиле систематически возрастало, несмотря на последовательное повышение процентного барьера.

Данное явление стало парадоксом в контексте функционирования политической системы, поскольку повышение процентного барьера не оказало значительного долгосрочного влияния на динамику политической жизни в Израиле, количество выдвигаемых политических партий и количество партий, прошедших в парламент (рис. 1).

Таким образом, на современном этапе в государстве Израиль существует широкий спектр идей и ценностей, конкурирующих между собой в институциональном поле. Возникнув в условиях нерешенности части фундаментальных национальных вопросов, государство Израиль

развивалось в контексте постоянных ответов на вызовы и угрозы внешней среды, купирова их и откладывая на неопределенный срок окончательное решение. Результатом выбранной политики стало существование множества социоумных культур, постоянно конкурирующих между собой и предлагающих свои варианты ответов на национальные вопросы, что в условиях наступления постидеологического общества начало приобретать характер атомизации и еще больше обострило конкуренцию на «рынке» идей. Другим аспектом обостряющим парадигмальное противостояние идей и ценностей в Израиле является политика по утверждению исключительно еврейских основ, проводимая при премьер-министре Биньямине Нетаньяху, что находит выражение и в плоскости политических процессов в виде числа политических партий.

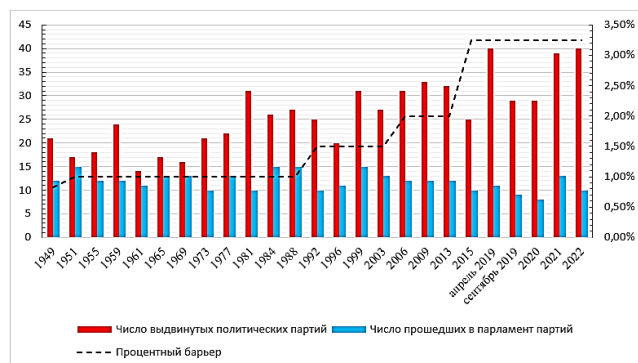

Рис. 1. Число выдвинутых в Израиле политических партий на выборах с 1949 по 2022 г.

Литература

- Ишай Э. Политические партии Израиля в эпоху глубоких перемен: проверка теории иррелевантности // Политическая наука. 2006. № 1. С. 81–101.
- Карасова Т.А., Ханин Вл. (З.). Израильский парламентаризм в XXI в.: электоральный сбой или кризис системы? // Восток (Oriens). 2022. № 3. С. 124–134.
- Лассвелл Г. Язык власти // Политическая лингвистика. 2006. № 20. С. 264–280.
- Самарская Л.М. Политический кризис и правый популизм в Израиле // Международные процессы. 2023. Т. 21. № 2. С. 63–81.
- Chazan M. Independence and Politics: Crossroads in the Shaping of Israel's Political System. Bloomington: Indiana University Press, 2024. 252 p.
- Gutmann A., Thompson D. Democracy and Disagreement. Why moral conflict cannot be avoided in politics, and what should be done about it. Cambridge: Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 1998. 432 p.

- Lipset S.M., Rokkan S. Party Systems and Voter Alignments. Cross-National Perspectives. 1967. 554 p.
- Lissak M., Horowitz D. Trouble in Utopia: The Overburdened Polity of Israel. Albany: State University of New York Press, 1989. 357 p.
- Rogachevsky N., Zigler D. Israel's Declaration of Independence: The History and Political Theory of the Nation's Founding Moment. New York: Cambridge University Press, 2022. 300 p.

THE CONSOLIDATING FOUNDATIONS DILEMMA OF THE STATE OF ISRAEL

Rusanov I.D.

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences

In the article the author considers the most problematic areas of functioning of the political system of Israel in the context of social challenges. The nature of these social challenges is investigated and their stable interrelation with the political system is emphasized. Within this relationship, the direct nature of the impact of the social on the political is emphasized, which causes turbulent processes in the national political system. Among the key factors constituting the social aspect the author singles out: growing social atomization, conflict of social groups, lack of stable national consolidating bases. Within the framework of the phenomenon of social atomization, the author has identified key lines of "split" within the dichotomies: religious-secular, old and new repatriates, Arabs and Jews, Sephardim and Ashkenazi, ideological paradigms of left-right, as well as with regard to social status and economic status.

Keywords: Israel, ideology, ideas, values, Benjamin Netanyahu.

References

- Ishay E. Political parties of Israel in an era of profound change: Testing the theory of irrelevance // Political Science. 2006, No. 1. P. 81–101.
- Karasova T.A., Khanin V. (Z.). Israeli parliamentarism in the 21st century: Electoral failure or systemic crisis? // Orient (Oriens). 2022, No. 3. P. 124–134.
- Lasswell H. The language of power // Political Linguistics. 2006, No. 20. P. 264–280.
- Samarskaia L. Political Crisis and Right-Wing Populism // International Trends. Mezhdunarodnye protsessy. 2023, Vol. 21, No. 2. P. 63–81.
- Chazan M. Independence and Politics: Crossroads in the Shaping of Israel's Political System. Bloomington: Indiana University Press, 2024. 252 p.
- Gutmann A., Thompson D. Democracy and Disagreement. Why moral conflict cannot be avoided in politics, and what should be done about it. Cambridge: Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 1998. 432 p.
- Lipset S.M., Rokkan S. Party Systems and Voter Alignments. Cross-National Perspectives, 1967, 554 p.
- Lissak M., Horowitz D. Trouble in Utopia: The Overburdened Polity of Israel. Albany: State University of New York Press, 1989. 357 p.
- Rogachevsky N., Zigler D. Israel's Declaration of Independence: The History and Political Theory of the Nation's Founding Moment. New York: Cambridge University Press, 2022. 300 p.

Основные направления работы структур гражданского общества в процессе их взаимодействия с органами власти в современной России

Соловей Андрей Александрович,
аспирант МОАУ ВО «Воронежский институт экономики
и социального управления»
E-mail: solovey1998104@gmail.com

В статье рассмотрены вопросы сотрудничества органов власти и гражданского общества, определены две концепции моделей их возможного диалога. Выделены основы взаимоотношений, дано определение «гражданское общество» и его признаки, прослежена его взаимосвязь с понятием «государство». Выявлены условия для формирования общественных институтов. Обозначенные автором основные направления такого взаимодействия дополнены формами и средствами их осуществления с конкретизацией условий. Внесены предложения по совершенствованию коммуникаций населения с властью.

Ключевые слова: власть, гражданское общество, модель, условия, органы, государство.

Государство и гражданское общество должны функционировать на основе паритета, обеспечивая конструктивное взаимодействие. Именно посредством постоянного диалога возможно формирование фундамента подлинного социального государства, ориентированного на благополучие своих граждан. В Конституции Российской Федерации основы данного взаимодействия закреплены в статьях 3, 10 и 12.

Эффективное взаимодействие между властью и обществом возможно лишь при наличии широкой общественной поддержки. Для достижения статуса равноправного партнера государства гражданское общество должно демонстрировать зрелость, внутреннюю структурированность и активность граждан. Существует несколько моделей взаимодействия между государством и гражданским обществом. Одна из них предлагает две основных формы:

1) Патерналистская модель, где государство занимает доминирующую позицию и осуществляет контроль над деятельностью гражданских организаций.

2) Партнёрская модель, характеризующаяся поддержкой государственных органов общественных инициатив и объединением усилий для решения социальных проблем.

Другой подход выделяет три типа взаимодействий:

Асимметричный – направлен на удовлетворение нужд государства и создание позитивного образа власти среди населения.

Двусторонне-асимметричный – учитывает интересы и мнения широких слоев общественности для легитимации принимаемых государственными органами решений.

Двусторонне-симметричный – основывается на синтезе методов взаимодействия государства и гражданского общества, включая косвенное участие граждан в процессах управления.

Эти модели отражают различные уровни вовлеченности гражданского общества в государственную политику и степень влияния последнего на принятие ключевых решений.

Если взаимоотношения между государством и обществом развиваются в формате конфронтации, это может быть обусловлено двумя основными причинами:

1) НКО не желают встраиваться в первую модель взаимодействия;

2) его деятельность искусственно подогревается оппозицией.

Обеспечивая определённую степень свободы действий для гражданского общества, государство устанавливает строгие рамки, нарушение которых может привести к утрате поддержки, включая финансовую помощь со стороны государственных институтов. Исследования в этой области выделяют следующие ключевые аспекты взаимоотношений между государством и гражданским обществом:

1) Взаимная заинтересованность: обе стороны признают важность друг друга для достижения общих целей и устойчивого развития;

2) Использование административного ресурса: государство применяет административные механизмы для

регулирования деятельности гражданского общества и обеспечения соблюдения установленных норм;

3) Необходимость и возможность конструктивного диалога: признание важности открытого и законного диалога между государством и гражданским обществом для эффективного функционирования демократического процесса.

Под «гражданским обществом» понимают «общественные институты и отношения, наличие определенной структуры, отражающей интересы его групп и слоев». Подход понимания под этим определением только общественных организаций представляется не совсем верным. К нему следует отнести неформальные группы людей, представителей культуры, науки, лидеров общественного мнения.

Гражданское общество обладает набором характерных для него признаков:

- 1) независимость от государственной власти;
- 2) коллективизм и гражданственность;
- 3) неформализованность;
- 4) «неузурпация чужих прерогатив».

Состояние гражданского общества, его уровень развития становятся одним из важнейших индикаторов в развитии государства.

Открытость гражданского общества контрастирует с закрытостью государственного аппарата, однако эти два элемента дополняют друг друга. Оптимальной формой их взаимодействия является совместная деятельность, направленная на достижение партнерского равновесия и коррекцию взаимных интересов. С одной стороны, гражданское общество поддерживает инициативы государственной власти, а с другой – выполняет функцию её эффективного контроля. Основой для успешного диалога между гражданами и государственными институтами должны служить взаимное доверие и понимание.

Для формирования институтов гражданского общества необходимо соблюдение следующих условий: доверие граждан к власти, обеспечение их личной безопасности, ответственность.

Одним из его основных элементов, влияющих на эффективность отношений участников, становится «договороспособность».

Выделим основные направления такого взаимодействия с конкретизацией форм и примеров (табл. 1).

Таблица 1

Основные направления взаимодействия	Формы	Средства осуществления
Стимулирование процессов, направленных на открытость и прозрачность управления	Создание информационных порталов для запросов граждан к органам власти	Открытое правительство; Telegram-каналы руководителей властных структур
Участие общественности при принятии важных решений	Учет мнения граждан на федеральном, региональном и местном уровне	Общественные палаты РФ, субъектов и муниципалитетов; Консультативные советы при федеральных и региональных органах власти; Советы экспертов; Общественные слушания

Основные направления взаимодействия	Формы	Средства осуществления
Реализация предложений населения на законодательном уровне	Создание механизмов привлечения НКО к разработке и экспертизе законопроектов	Советы экспертов Общественные палаты
Развитие института гражданских инициатив и общественный контроль	Стимулирование общественной деятельности НКО по решению социальных проблем при помощи грантовой поддержки РФ и субъектов	Грантовые конкурсы.

Направления взаимодействия государства с гражданским обществом зависят от специфики их деятельности. Например, сотрудничество с правозащитными организациями сосредоточено на формировании правовой базы их работы, тогда как взаимодействие с профсоюзами направлено на вопросы социальной защиты трудящихся. Современные примеры совместных усилий включают:

- развитие волонтерского движения
- охрана окружающей среды;
- проведение массовых акций и инфокампаний.

Развитие информационных технологий способствует выражению гражданами своей позиции по важным вопросам через информационные платформы, повышая общий уровень информированности населения. Ученые подчеркивают новую форму взаимодействия – влияние публикаций на актуальные социальные темы в мессенджерах, таких как Telegram.

Эффективность взаимодействия между государством и гражданским обществом во многом определяется множеством факторов, среди которых ключевыми являются легитимность власти и состояние структур гражданского общества. Легитимность власти отражает уровень доверия граждан к государственным органам, который формируется через прозрачность действий власти, открытость к критике и участие граждан в процессе принятия решений. Когда власти воспринимается как легитимные, это значительно повышает готовность граждан поддерживать их инициативы и сотрудничать с ними, создавая благоприятные условия для продуктивного взаимодействия. В противном случае, отсутствие легитимности может привести к недовольству и протестным настроениям, угрожая социальной стабильности.

Состояние структур гражданского общества также играет важную роль в этой динамике. Разнообразные организации, такие как НКО и профсоюзы, а также инициативные группы, представляют интересы разных слоев общества и защищают права граждан. Развитое гражданское общество демонстрирует высокий уровень вовлеченности и участия общества, что способствует более активному взаимодействию с государственными органами. Важным шагом к улучшению коммуникации между государством и гражданами является налаживание открытого диалога. Открытое обсуждение острых социальных проблем – это ключ к пониманию потребностей и ожиданий населения. Разнообразные платформы для обсуждения, включая форумы, круглые столы и онлайн-обсуждения, позволяют установить связь между гражданами и государственными органами. Этот ди-

алог не только улучшает взаимодействие, но и создает пространство для конструктивного сотрудничества, что в свою очередь содействует формированию более адекватной и эффективной государственной политики.

Еще одним важным аспектом взаимодействия является организация общественного мониторинга. Общественный мониторинг предполагает активную роль граждан и НКО в контроле за выполнением государственных программ и инициатив. Это может включать независимые исследования и экспертизы, которые помогают оценить эффективность действий власти и повысить уровень их прозрачности и подотчетности. Благодаря общественному мониторингу, граждане могут вносить свой вклад в оценку состояния социально-экономических процессов в стране, что позволяет державе адаптировать свою политику к реальным нуждам общества.

Основная идея взаимодействия состоит в том, что в ходе своего развития гражданское общество начинает брать на себя решение ряда социально значимых вопросов, что, в свою очередь, облегчает работу государственных органов. Это взаимодействие создает новые возможности для совместной работы над важными проблемами и повышает устойчивость общества в целом. Таким образом, на фоне такого сотрудничества формируется общество, где права и интересы всех его членов учитываются и защищаются, что способствует достижению устойчивого развития как на уровне местных сообществ, так и в масштабах всей страны.

Литература

1. Кагерманов А.С.С. К вопросу о формах взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2021. № 1 (41). С. 105–111.
2. Кудинова Е.Я. Правовое регулирование взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества // В сборнике: Актуальные вопросы науки 2025. сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Пенза, 2025. С. 180–182.
3. Монетов Д.С., Нуриахметов Б.И. Взаимодействие гражданского общества и органов государственной власти РФ с применением инновационных технологий // Научная дискуссия современной молодежи: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей III Международной научно-практической конференции: в 2 ч.. 2018. С. 218–222.
4. Незнанова В.С. Содержание, цели и задачи государственной политики по взаимодействию гражданского общества и органов государственной власти // Восточно-Европейский научный журнал. 2023. № 2–1 (87). С. 24–27.
5. Снегирева Е.С. Диалоговые площадки как инновационный инструмент взаимодействия гражданского общества и региональных органов государственной власти: опыт Воронежской области // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2024. № 3. С. 13–16.
6. Участие НКО в оказании услуг в социальной сфере (Специальный доклад Общественной палаты РФ) / Общественная палата РФ; сост. и общ. ред. Е.А. Тополева-Солдунова, Е.Г. Орлова, О.В. Коротева, А.М. Спивак, Р.М. Ольховский, А.А. Вавилова. – Москва: «Современные информационные системы», 2019.
7. Фоменко Е.И., Волков Д.Д. Современные тенденции в сфере взаимодействия органов государственной власти и гражданского общества // Современное го-

сударственное и муниципальное управление: проблемы, технологии, перспективы. Сборник материалов X Международной научно-практической конференции. Донецк, 2024. С. 534–539.

8. Фастович Г.Г., Кудашова И.В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 90–92.
9. Цельникер Г.Ф., Немов А.А. Взаимодействие гражданского общества и органов государственной власти в Российской Федерации // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. № 4 Т. 2. С. 51–58.

THE MAIN AREAS OF WORK OF CIVIL SOCIETY STRUCTURES IN THE PROCESS OF THEIR INTERACTION WITH GOVERNMENT AUTHORITIES IN MODERN RUSSIA

Solovey A.A.

Voronezh Institute of Economics and Social Management

The article examines the issues of cooperation between authorities and civil society, defines two concepts of models of their possible dialogue. The foundations of the relationship are highlighted, the definition of "civil society" and its features are given, and its relationship with the concept of "state" is traced. The conditions for the formation of public institutions have been identified. The main directions of such interaction outlined by the author are complemented by the forms and means of their implementation with the specification of conditions. Proposals have been made to improve communications between the population and the authorities.

Keywords: government, civil society, model, conditions, authorities, state.

References

1. Kagermanov A.S.S. On the Forms of Interaction between Government Bodies and Civil Society Institutions // Bulletin of the Chechen State University named after A.A. Kadyrov. 2021. No. 1 (41). P. 105–111.
2. Kudinova E. Ya. Legal Regulation of Interaction between Government Bodies and Civil Society Institutions // In the collection: Actual Issues of Science 2025. Collection of Articles from the VII International Scientific and Practical Conference. Penza, 2025. P. 180–182.
3. Monetov D.S., Nuriakhmetov B.I. Interaction between Civil Society and Government Bodies of the Russian Federation with the Use of Innovative Technologies // Scientific Discussion of Modern Youth: Current Issues, Achievements and Innovations. Collection of Articles from the III International Scientific and Practical Conference: in 2 Parts. 2018. P. 218–222.
4. Nezanova V.S. Content, goals and objectives of the state policy on interaction between civil society and government bodies // East European Scientific Journal. 2023. No. 2–1 (87). P. 24–27.
5. Snegireva E.S. Dialogue platforms as an innovative tool for interaction between civil society and regional government bodies: experience of the Voronezh region // Bulletin of the Voronezh Institute of Economics and Social Management. 2024. No. 3. P. 13–16.
6. Participation of NPOs in the provision of services in the social sphere (Special report of the Public Chamber of the Russian Federation) / Public Chamber of the Russian Federation; compiled and general editors E.A. Topoleva-Soldunova, E.G. Orlova, O.V. Koroteeva, A.M. Spivak, R.M. Olkhovsky, A.A. Vavilova. – Moscow: "Modern Information Systems", 2019.
7. Fomenko E.I., Volkov D.D. Modern trends in the sphere of interaction between government bodies and civil society // Modern state and municipal administration: problems, technologies, prospects. Collection of materials of the X International scientific and practical conference. Donetsk, 2024. Pp. 534–539.
8. Fastovich G.G., Kudashova I.V. Interaction of government bodies and civil society institutions // Law and state: theory and practice. 2023. No. 7 (223). Pp. 90–92.
9. Tselniker G.F., Nemov A.A. Interaction of civil society and government bodies in the Russian Federation // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2018. No. 4 Vol. 2. Pp. 51–58.

Политический курс развития высшего образования в Китае после реформ и открытости

Чжан Янь,

аспирант, кафедра политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
E-mail: 1486833095@qq.com

Печерица Владимир Фёдорович,

доктор исторических наук, профессор, профессор, кафедра Политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований, академик РАН, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
E-mail: Pecheritsa.vf@dvfu.ru

После реформ и открытости, под воздействием стабильной плановой политики, высшее образование в Китае прошло четыре этапа развития: первоначальное становление, углубленное развитие, трансформационное развитие и стремление к качественному развитию. Китайское высшее образование прошло путь развития от элитарного к массовому и далее к всеобщему. С точки зрения развития высшего образования, китайское высшее образование после реформ и открытости адаптировалось к трансформации национальной стратегии, сформировав отношения активного взаимодействия между системой образования и государственными стратегическими целями. На современном этапе новой эры социалистического строительства стимулирование перехода от статуса крупной державы к статусу мощной державы в сфере высшего образования является неизбежным направлением политики Китая в области высшего образования. Повышение качества высшего образования и реализация ключевых государственных стратегий являются основным условием устойчивого развития китайского высшего образования на ближайшую перспективу.

Ключевые слова: высшее образование в Китае, стимулирование политикой, массовое распространение, массовое развитие, политика качества образования, национальная стратегия.

Развитие высшего образования в Китае политики реформ и открытости имеет поэтапное развитие. В 1973 году известный американский социолог образования Мартин Троу провёл углубленное исследование этапов развития высшего образования и предложил концепцию его массовизации. Развитие высшего образования подразделяется на три этапа на основе валового коэффициента охвата высшим образованием – этап развития высшего образования по критерию валового коэффициента охвата:

- элитарная стадия: валовой показатель охвата высшим образованием <15%,
- массовая стадия: $15\% \leq \text{показатель} \leq 50\%$,
- универсальная стадия: показатель >50%.

После реформы открытости китайское высшее образование развивается по пути «элитаризация – массовизация – универсализация». Если исходить из целей и ориентиров политики, процесс его развития можно разделить на четыре этапа: первоначальное становление, углублённая модернизация, трансформационная перестройка и движение к высококачественному развитию.

В 1978 году состоялся Третий пленум ЦК КПК 11-го созыва, утвердивший основной государственный курс реформ и открытости. После Третьего пленума ЦК КПК 11-го созыва Дэн Сяопин отметил, что только высококвалифицированные работники, в большом количестве овладевшие современными научно-техническими знаниями и производственными трудовыми навыками, способны продвигать строительство модернизации и обеспечивать поступательное развитие дела реформ и открытости. [1, с. 86] В том же году на Всекитайском совещании по вопросам образования Дэн Сяопин выдвинул тезис о том, что система образования должна соответствовать потребностям развития народного хозяйства. [2, с. 28] Таким образом, высшее образование Китая вступило в этап масштабного развития.

На начальном этапе политики реформ и открытости, из-за культурной революции, система гаокао была отменена на протяжении 10 лет, в стране сформировался структурный разрыв кадрового потенциала. [3, с. 24] Во всех отраслях экономики и научно-технических сферах страны сложилась острая ситуация нехватки технических кадров, характеризующаяся разрывом преемственности поколений. В 1983 году был принят «Доклад об ускорении развития высшего образования». Было выдвинуто требование: «Для реализации стратегических задач, определённых XII съездом КПК, образованию необходимо занимать приоритетное положение. Ускоренное развитие высшего образования не терпит отлагательств. Планируется увеличить приём студентов в дневные вузы с 315 тысяч человек в 1982 году до 550 тысяч человек к 1987 году». [4] В 1985 году было принято «Постановление ЦК КПК о реформе системы образования», это ознаменовало начало реформы системы образования в Китае. «К высшему образованию в области подготовки кадров также предъявлены четкие требования: «Необходимо подготовить сотни миллионов культурных, технически грамотных и профессионально квалифицированных работников отрасли промышленности, сель-

ского хозяйства, торговле и остальных отраслях»». [5, с. 1] В 1996 году в «Национальной программе развития образования на период Девятой пятилетки и до 2010 года» была выдвинута цель развития: в течение периода «Девятой пятилетки» общая численность студентов высших учебных заведений должна была достигнуть порядка 6,5 миллиона человек. [6] Вышеупомянутая политика не только способствовала возвращению китайского высшего образования на нормальный путь развития, но и обеспечила его умеренное расширение. Количество высших учебных заведений увеличилось с 404 в 1978 году до 1020 к 1997 году. Численность студентов высших учебных заведений достигла 3,174 миллиона человек, что позволило удовлетворить потребности социально-экономического развития Китая в квалифицированных специалистах различных профилей на начальном этапе политики реформ и открытости. Было обеспечено первоначальное развитие высшего образования.

В конце 1998 года Министерство образования КНР обнародовало «Программу действий по возрождению образования в XXI веке», установив стратегические цели развития: к 2010 году существенно увеличить масштабы высшего образования; довести коэффициент приёма в вузы до приблизительно 15%; добиться, чтобы ряд университетов и ключевых дисциплин достигли или приблизились к передовому мировому уровню. [7] Начиная с 1980-х годов китайские университеты провели реформы внутренней системы управления, включая демократизацию управленческих процессов в вузах, усиление конкурентных механизмов и стимулирующих практик, повышение профессиональной ответственности преподавателей и сотрудников. [8] Для углубления реформы системы управления вузами и создания группы университетов мирового уровня, в 2000 году Министерство образования КНР опубликовало «Рекомендации по корректировке системы управления и оптимизации структуры размещения учебных заведений, подчиняющихся ведомствам (организациям) Госсовета КНР». Цель реформы заключалась в оптимизации территориального распределения и консолидации ресурсов китайских университетов. Посредством слияний и реорганизации удалось значительно повысить образовательный потенциал целого ряда высших учебных заведений. Китайское высшее образование вышло на скоростную полосу развития. Одновременно, во избежание таких проблем, как снижение уровня бакалаврского образования и несбалансированность дисциплинарной структуры, вызванных стремительным развитием высшего образования, Министерство образования КНР в 2004 и 2006 годах последовательно опубликовало «Программу оценки уровня преподавания в рамках программ бакалавриата обычных высших учебных заведений (пилотный проект)» и «Рекомендации по организации работы обычных вузов в период 11-й пятилетки». Были своевременно спланированы и направлены на сбалансирование такие аспекты как масштаб, структура, качество и эффективность образования, его рациональное распределение, оптимизация структуры, а также обеспечение устойчивого развития высшего образования. [9] Политика данного периода осуществила структурную перестройку системы территориального размещения и отраслевого распределения высшего образования. Валовой коэффициент охвата высшим образованием увеличился с 9,8% в 1998 году до 15% в 2002 году и достиг 23% к 2006 году. Это достижение соответствует критериям массовизации высшего образования, установленным Мартином Троу, что ознаменовало переход китайской системы высшего образования от элитарной модели к этапу массового доступа. Был значительно сокращён разрыв в уровне выс-

шего образования с развитыми странами, а также обеспечено углубленное развитие данной сферы.

В 2010 году, в «Государственной среднесрочной и долгосрочной программе реформы и развития образования (2010–2020 годы)» было отмечено: «К 2020 году уровень массового охвата высшим образованием будет дополнительно повышен, а валовой коэффициент приёма достигнет 40%». [10] В 2012 году, «в период 12-й пятилетки валовой коэффициент приёма в высшее образование достигнет 36%, уровень трудоустройства выпускников дополнительно повысится, а ряд дисциплин войдут в число мировых лидеров». [11]

Ещё в 2007 году масштаб системы высшего образования Китая превзошёл аналогичные показатели России, Индии и США, заняв первое место в мире, а само высшее образование в стране вступило в этап массового распространения. Однако чрезмерное расширение масштабов приёма в вузы и слишком быстрые темпы его реализации привели в сфере высшего образования к таким проблемам, как недостаток финансирования, напряжённость учебной инфраструктуры и трудности с гарантией качества образования. В том же году Министерство образования КНР опубликовало документы: «Мнение о реализации программы повышения инновационного потенциала высших учебных заведений», «Мнение о всестороннем улучшении качества высшего образования». Акцент на принципах «упорно придерживаться стабилизации масштабов, оптимизации структуры, усиления специализации и концентрации на инновациях, следуя интенсивному пути развития с ядром в повышении качества», [12] знаменует коренное изменение в развитии высшего образования Китая – переход от стремления к «количеству» к приоритету «качества». Реализация вышеуказанных политических мер позволила высшему образованию добиться значительного развития в короткие сроки: к 2016 году валовой коэффициент приёма в вузы составил 42,7%, общая численность обучающихся достигла 36,99 млн человек, что свидетельствовало о приближении этапа всеобщей доступности высшего образования. Еще одной особенностью политики высшего образования на данном этапе является учет повышения качества. Это период трансформации и развития высшего образования в Китае.

В 2017 году в «Государственной программе развития образования на период 13-й пятилетки» было указано, что в ходе реализации 13-й пятилетки необходимо продолжить «содействовать реформированию и развитию образования, чтобы обеспечить более качественное, справедливое, эффективное и устойчивое развитие». [13] В том же году были изданы «Меры по реализации для координации и содействия созданию университетов мирового класса и первоклассных дисциплин (промежуточные)», требующие «всестороннего укрепления потенциала китайского высшего образования в области подготовки талантливых специалистов, научных исследований, социальных услуг, культурного наследия и инноваций, а также международные обмены и сотрудничество». [14] Это крупный стратегический проект, способствующий повышению качества высшего образования в новую эпоху Китая.

В 2019 году был опубликован доклад «Модернизация образования Китая до 2035 года», цель которого – ускорить темпы модернизации образования в Китае и способствовать превращению Китая из крупной страны высшего образования в мощную страну высшего образования. В 2021 году были опубликованы «Некоторые положения о дальнейшем продвижении строительства университетов и дисциплин мирового уровня», в которых подчеркивается, что для создания университетов

и дисциплин мирового класса необходимо прочно укореняться в китайской действительности, развивать национальные особенности, а также обеспечивать мощную поддержку для ускоренного формирования важных мировых центров подготовки талантов и инновационных платформ. [15] Данный документ четко определяет направление и исторические задачи строительства мощной системы высшего образования в новую эпоху. Очевидно, что повышение качества высшего образования является важной задачей образовательной политики в новый период. Поскольку общий показатель охвата высшим образованием в 2019 году достиг 50%, а в 2023 году – 60,2%, высшее образование вступило в стадию популяризации. После осознания необходимости популяризации высшего образования стремление к развитию качественного образования стало неизбежным элементом политики в области высшего образования в этот период.

Обзор развития высшего образования в Китае после проведения политики реформ и открытости показывает, что развитие высшего образования в стране неразрывно связано с государственной политикой. Последовательная и стабильная политика в сфере высшего образования способствует его непрерывному развитию. Законодательство является способом воплощения политических решений на практике. Государственное право в сфере образования по сути представляет собой право государства разрабатывать и реализовывать образовательную политику. Уникальная особенность развития высшего образования в Китае, движимого политикой, заключается в том, что государственная политика неизменно доминирует в процессе развития высшего образования, определяя его жизненно важные направления. В отличие от системы разделения властей в западных странах, в рамках китайской административной системы политика не только формулирует правительственные задачи и цели реформ, но и практически стимулирует развитие. Чтобы иметь возможность стимулировать развитие, правительство будет проводить политику поддержки до тех пор, пока цель не будет достигнута. Поэтому развитие высшего образования в Китае является стабильным и непрерывным.

Усиление механизмов высшего образования оказало влияние на трансформацию национальной стратегии. Согласно закону о внешних связях высшего образования и истории развития высшего образования, высшее образование должно быть адаптировано к социально-политическому, экономическому и культурному развитию и должно основываться на национальной стратегии развития.

Политика реформ и открытости, начатая в 1978 году, стали решающим поворотным моментом в китайской политике и обществе. Чуть более ранняя дискуссия о «Вопросе стандартов истины» [16, с. 402] на самом деле не является академической дискуссией, за ней стоит ожесточенная борьба между старой и новой идеологиями. Взяв эту дискуссию за отправную точку, в Китае началось мощное идеологическое освободительное движение. В рамках этого идеологического освободительного движения в области исследований в области образования была проведена масштабная дискуссия о природе образования. Теоретики образования переосмыслили традиционную теорию «образование – это надстройка» и выдвинули новую идею «образование – это продуктивность». Эта дискуссия была активной, и, хотя, ее академические достижения уступали идеологическим, она тесно способствовала смещению акцента страны с классовой борьбы на экономическое строительство. [16, с. 458]

Цель политики реформ и открытости заключается в том, чтобы, сохранив в качестве предпосылки социалистический строй, изменить управленческие системы, не соответствующие развитию производительных сил, создать социалистическую рыночную экономическую систему и соответствующую политику.

После реформы и открытости деятельность Коммунистической партии Китая и страны в целом была сосредоточена на модернизации страны, и образование было необходимо для того, чтобы служить основным направлением работы партии и страны. Дэн Сяопин четко определил образование и науку как ключевые элементы для развития экономики и построения современного государства, поставив их в основу национальной стратегии развития. Чтобы максимально использовать потенциал образования в экономическом развитии и модернизации страны, Дэн Сяопин предложил «сделать планы в сфере образования важной составной частью общегосударственного экономического плана». [2, с. 202]

Стремительное развитие экономики и общества Китая выдвинуло новые требования к сфере высшего образования, особенно в связи с малыми масштабами подготовки специалистов с высшим образованием, и стало очевидным противоречие между экономическим и социальным развитием и высоким спросом на различные виды специалистов высшего профессионального образования. Таким образом, расширение масштабов высшего образования и содействие процессу популяризации высшего образования стали неизбежным выбором для развития отрасли на ранних этапах реформирования и открытости Китая. В период с 1991 по 2011 год Китай последовательно опубликовал серию политических документов в сфере образования, включая: «Основные положения десятилетнего плана развития народного хозяйства и социального развития КНР и восьмой пятилетний план (1991–1995)», «Меры по реализации “Основных положений реформы и развития образования Китая” Государственного совета», «План действий по возрождению образования для XXI века», «Решение ЦК КПК и Госсовета КНР об углублении реформ в образовании и всестороннем продвижении качественного образования», «Десятый пятилетний план развития национального образования (2001–2005)», «Государственная среднесрочная и долгосрочная программа реформ и развития образования (2010–2020 гг.)». Внедрение этих политических документов привело к значительному развитию высшего образования в Китае. Количество китайских высших учебных заведений увеличилось с 404 в 1977 году до 2723 в 2011 году; число учащихся в обычных колледжах и университетах увеличилось с 273000 в 1977 году до 6,75 миллиона в 2011 году. Валовой коэффициент охвата высшим образованием вырос с 2,7% в 1978 году до 26,9% в 2011 году. Развитие высшего образования обеспечило базовые потребности социально-экономического развития в подготовке различных категорий высококвалифицированных специалистов, стимулировало научно-технические инновации и модернизацию промышленности, непосредственно поддержало и ускорило процесс модернизации страны, а также эффективно удовлетворило потребности широких слоев населения в получении высшего образования.

На XVIII съезде КПК в 2012 году были подчеркнуты «две столетние цели» – великие задачи, включающие всестороннее построение среднезажиточного общества и ускоренное продвижение социалистической модернизации. Эти цели стали общими устремлениями китайского народа и тесно связаны с реализацией «Китайской мечты» (кит. «Чжунго мэн»), формируя грандиозный план развития страны. Первая цель празднования сто-

летия – всестороннее построение благополучного общества в 2021 году, в 100-ю годовщину основания Коммунистической партии Китая. На конференции, посвященной празднованию 100-летия основания Коммунистической партии Китая, председатель КНР Си Цзиньпин объявил, что Китай полностью построил благополучное общество и добился всестороннего сокращения масштабов нищеты. Вторая цель столетия, приуроченная к 100-летию основания Нового Китая, то есть к 2049 году, заключается в том, чтобы полностью построить процветающий, демократический, цивилизованный, гармоничный и красивый социалистический центр современной власти. [17]

29 октября 2020 года Пятый пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Китая 19-го созыва принял «План ЦК КПК по формулированию 14-го пятилетнего плана экономического и социального развития и долгосрочных целей до 2035 года». Было отмечено, что «Китай вступил в стадию качественного развития». Это важное суждение не только указало направление развития различных сфер экономики и общества Китая в новую эпоху, но и указало путь развития высшего образования в Китае в будущем, в новой эре. В условиях массовизации высшего образования в Китае, стремительное расширение масштабов и пространственного развития системы привело к неизбежным проблемам, таким как дублирование инвестиций, снижение качества подготовки кадров и сложностям с трудоустройством выпускников вузов. Для соответствия национальной стратегии и потребностям социально-экономического развития в 2015 году Госсовет КНР опубликовал «Общую программу всестороннего продвижения строительства университетов и дисциплин мирового уровня». Цель данной программы заключается в достижении исторического прорыва – превращения Китая из крупной державы в мощную державу в сфере высшего образования. Это имеет огромное значение для повышения конкурентоспособности страны и создания основы для долгосрочного развития.

В 2018 году более 150 университетов совместно запустили «Декларацию о первоклассном образовании в бакалавриате» в Чэнду, в 2019 году был опубликован «План реализации по ускорению модернизации образования (2018–2022)». В результате непрерывного продвижения и постоянного увеличения инвестиций в проект строительства «первоклассных университетов и дисциплин» в 2019 году было вручено в общей сложности 239 национальных научно-технических премий. Из них 144 вуза стали основными исполнителями-победителями 198 проектов, что составляет 82.8% от общего числа наград. 91 университет выступил в качестве первой завершающей организации и получил 159 наград, что составляет 66.5% от общего числа премий. [18] Кроме того, судя по статистике международных научно-исследовательских работ, с 2010 по 2020 год китайский научно-технический персонал опубликовал в общей сложности 3,0191 миллиона международных работ, занимая второе место в мире в течение четырех лет подряд. Статья цитировалась 36,0571 миллиона раз, занимая второе место в мире. [19]

В процессе перехода национальной стратегии от строительства современной великой державы к созданию современной мощной державы, высшее образование Китая достигло высококачественного развития. Аналогичным образом, высококачественное развитие образования способствует научно-техническим инновациям страны, экономической трансформации и осуществлению стратегического перехода к строительству современной мощной державы.

Таким образом, история развития высшего образования в Китае с начала проведения политики реформ и открытости представляет собой историю эволюции политики в области высшего образования. С одной стороны, благодаря стабильной, продуманной и эффективной политике, китайское высшее образование развивается в четко заданном направлении, имея конкретные цели. Регулярная и своевременная корректировка политических мер обеспечивает непрерывный импульс для саморазвития и самосовершенствования системы высшего образования Китая. С другой стороны, опираясь на основные потребности социально-экономического развития страны, используя в качестве ориентира исторический путь и базовые характеристики образовательных систем развитых стран мира, а также учитывая опыт и уроки развития международного высшего образования, Китай смог сформировать уникальные особенности своей системы высшего образования в процессе её стремительного развития. Можно сказать, что политически обусловленная модель китайского высшего образования не только создала китайский подход и беспрецедентные темпы развития в глобальной системе высшего образования, но и находится в гармонии со стремительным социально-экономическим прогрессом страны после политики реформ и открытости, взаимно усиливаясь с ним, что в итоге сформировало уникальный путь развития высшего образования с ярко выраженной китайской спецификой. В перспективе, учитывая грандиозную цель великого возрождения китайской нации, политика высшего образования в эпоху его массовизации неизбежно претерпит новую трансформацию, что откроет следующий этап развития с чёткой национальной ориентацией. Для достижения сбалансированного, целостного и устойчивого высококачественного развития высшего образования в аспектах количества и качества, масштаба и структуры, скорости и условий необходимо модернизировать систему управления вузами и их управленческий потенциал. Это позволит усилить внутреннюю мотивацию университетов, повысить качество их развития и тем самым эффективнее служить модернизации страны.

Литература

1. Дэн Сяопин. Избранное. Том 2. – Пекин: Издательство иностранной литературы, 1994. – 555 с.
2. Отдел исследований партийной литературы ЦК КПК. Дэн Сяопин об образовании. – Пекин: Издательство иностранной литературы, 2004. – 339 с.
3. Ли Цинфэн, Чжан Хуэй. 70 лет КНР: Этапы реформирования методов университетского преподавания // Пекинское образование. – 2019. – № 10. – С. 24–25.
4. Хэ Дунчан. Важные образовательные документы Китайской Народной Республики (1991–1997 гг.). – Хайкоу: Издательство Хайнань, 1998. – С. 2085.
5. Китайский ежегодник образования (1982–1984 гг.). – Чанша: Хунаньское педагогическое издательство, 1986. – 247 с.
6. Министерство образования Китайской Народной Республики. Программа развития национального образования на период девятой пятилетки (1996–2000 гг.) и до 2010 года. [Электронный ресурс]: 1996–4–10. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A03/s7050/199604/t19960410_77143.html (дата обращения: 15.04.2025).
7. Комплексное руководство по реализации Плана возрождения образования в XXI веке. – Пекин: Издательство «Каймин», 1999. – 91 с.

8. Тянь Ицзю, Чжан Лотте. Анализ политики реформы внутренней системы управления высших учебных заведений КНР (1978–1999 гг.) // Хэйлунцзянские исследования в Области высшего образования. – 2010. – № 10. – С. 25–28.
9. Министерство образования Китайской Народной Республики. Протокол рабочего совещания по повышению качества преподавания и углублению реформы образовательного процесса. [Электронный ресурс]: 2006–7–19. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A08/s7056/200607/t20060719_124650.html (дата обращения: 23.03.2025).
10. Министерство образования Китайской Народной Республики. Государственная программа реформирования и развития образования на среднесрочный и долгосрочный период (2010–2020 гг.). [Электронный ресурс]: 2010–7–29. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A01/s7048/201007/t20100729_171904.html (дата обращения: 28.03.2025).
11. Министерство образования Китайской Народной Республики. Государственный план развития образования на 2011–2015 гг. [Электронный ресурс]: 2012–6–14. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A03/moe_1892/moe_630/201206/t20120614_139702.html (дата обращения: 24.03.2025).
12. Министерство образования Китайской Народной Республики. Рекомендации по всестороннему повышению качества высшего образования. [Электронный ресурс]: 2012–3–16. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A08/s7056/201203/t20120316_146673.html (дата обращения: 25.03.2025).
13. Министерство образования Китайской Народной Республики. Государственная программа развития образования на период 13-й пятилетки (2016–2020 гг.). [Электронный ресурс]: 2017–1–19. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s6052/moe_838/201701/t20170119_295317.html (дата обращения: 07.04.2025).
14. Министерство образования Китайской Народной Республики. Временные правила реализации скоординированного продвижения строительства университетов и дисциплин мирового класса. [Электронный ресурс]: 2017–1–25. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A22/moe_843/201701/t20170125_295701.html (дата обращения: 11.04.2025).
15. Министерство образования Китайской Народной Республики. Си Цзинпин провел 23-е заседание Центральное комитета по всестороннему углублению реформ в КНР. [Электронный ресурс]: 2012–12–7. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s6052/moe_838/201212/t20121217_588158.html (дата обращения: 10.04.2025).
16. Ма Фэнци. Политика образования. – Пекин: Народное учебно-педагогическое издательство. – 2019. – 587 с.
17. Си Цзинпин. Речь на торжественном собрании по случаю 100-летия со дня основания Коммунистической партии Китая // Цюши. – 2021. – № 14. – С. 3.
18. Богатые инновационные достижения вузов: результаты присуждения Государственной премии КНР в области науки и техники вузам за 2019 год. [Электронный ресурс]: 2010–1–10. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202001/t20200110_415102.html (дата обращения: 13.04.2025).
19. Опубликование статистических результатов научно-технических публикаций Китая за 2020 год. [Электронный ресурс]: 2020–12–31. – URL: <https://news.qq.com/rain/a/20201231A01BHU00> (дата обращения: 15.04.2025).

POLICY COURSE FOR THE DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION IN CHINA AFTER REFORM AND OPENING-UP

Zhang Yan, Pecheritsa V.F.
Far Eastern Federal University

After reform and opening-up, under the influence of stable planning policy, higher education in China has gone through four stages of development: initial formation, in-depth development, transformational development and the pursuit of high-quality development. Chinese higher education has gone through the path of development from elite to mass and then to universal. From the perspective of the development of higher education, Chinese higher education after reform and opening-up has adapted to the transformation of national strategy, forming an active interaction relationship between the education system and state strategic goals. At the present stage of the new era of socialist construction, promoting the transition from the status of a major power to the status of a powerful country in the field of higher education is an inevitable direction of China's higher education policy. Improving the quality of higher education and implementing key state strategies are the main conditions for the sustainable development of Chinese higher education in the near future.

Keywords: higher education in China, policy stimulation, mass dissemination, mass development, policy of education quality, national strategy.

References

1. Deng Xiaoping. Selected Works. Vol. 2. – Beijing: Foreign Literature Publishing House, 1994. – 555 p.
2. Party Literature Research Department of the CPC Central Committee. Deng Xiaoping on Education. – Beijing: Foreign Literature Publishing House, 2004. – 339 p.
3. Li Qingfeng, Zhang Hui. 70 Years of the PRC: Stages of Reforming University Teaching Methods // Beijing Education. – 2019. – No. 10. – P. 24–25.
4. He Dongchang. Important Educational Documents of the People's Republic of China (1991–1997). – Haikou: Hainan Publishing House, 1998. – P. 2085.
5. Chinese Education Yearbook (1982–1984). – Changsha: Hunan Teachers' Press, 1986. – 247 p.
6. Ministry of Education of the People's Republic of China. National Education Development Program for the Ninth Five-Year Plan Period (1996–2000) to 2010. [Electronic resource]: 1996–4–10. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A03/s7050/199604/t19960410_77143.html (date of access: 15.04.2025).
7. Comprehensive Guide to Implementing the Education Revival Plan for the 21st Century. – Beijing: Kaiming Publishing House, 1999. – 91 p.
8. Tian Yijiu, Zhang Lotte. Analysis of the Policy of Reform of the Internal Governance System of Higher Education Institutions of the People's Republic of China (1978–1999) // Heilongjiang Studies in Higher Education. – 2010. – No. 10. – P. 25–28.
9. Ministry of Education of the People's Republic of China. Minutes of the Working Conference on Improving the Quality of Teaching and Deepening the Reform of the Educational Process. [Electronic resource]: 2006–7–19. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A08/s7056/200607/t20060719_124650.html (date of access: 23.03.2025).
10. Ministry of Education of the People's Republic of China. State Program for Reform and Development of Education for the Medium and Long Term (2010–2020). [Electronic resource]: 2010–7–29. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A01/s7048/201007/t20100729_171904.html (date of access: 28.03.2025).
11. Ministry of Education of the People's Republic of China. State Education Development Plan for 2011–2015. [Electronic resource]: 2012–6–14. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A03/moe_1892/moe_630/201206/t20120614_139702.html (date of access: 24.03.2025).
12. Ministry of Education of the People's Republic of China. Recommendations for Comprehensive Improvement of the Quality of Higher Education. [Electronic resource]: 2012–3–16. –

URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A08/s7056/201203/t20120316_146673.html (date of access: 03/25/2025).

13. Ministry of Education of the People's Republic of China. State Program for Education Development for the 13th Five-Year Plan Period (2016–2020). [Electronic resource]: 2017–1–19. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s6052/moe_838/201701/t20170119_295317.html (date of access: 04/07/2025).
14. Ministry of Education of the People's Republic of China. Interim Rules for the Implementation of the Coordinated Promotion of the Construction of World-Class Universities and Disciplines. [Electronic resource]: 2017–1–25. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A22/moe_843/201701/t20170125_295701.html (date of access: 11.04.2025).
15. Ministry of Education of the People's Republic of China. Xi Jinping held the 23rd meeting of the Central Committee for Comprehensively Deepening Reform in the PRC. [Electronic resource]: 2012–12–7. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s6052/moe_838/202112/t20211217_588158.html (date of access: 10.04.2025).
16. Ma Fengqi. Education Policy. – Beijing: People's Educational and Pedagogical Publishing House. – 2019. – 587 p.
17. Xi Jinping. Speech at the Gala Meeting to Mark the 100th Anniversary of the Founding of the Communist Party of China // Qiushi. – 2021. – No. 14. – P. 3.
18. Rich Innovative Achievements of Universities: Results of Awarding the PRC State Prize in Science and Technology to Universities in 2019. [Electronic resource]: 2010–1–10. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202001/t20200110_415102.html (accessed: 13.04.2025).
19. Publication of Statistical Results of China's Scientific and Technical Publications in 2020. [Electronic resource]: 2020–12–31. – URL: <https://news.qq.com/rain/a/20201231A01BHU00> (accessed: 15.04.2025).

Структура российского политологического знания о сетевом подходе и сетевом анализе

Бельников Сергей Сергеевич,

аспирант, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: ssbelnikov@fa.ru

Эйсаев Михаил Бурханович,

аспирант, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: meisaevb@gmail.com

Цель исследования охарактеризовать структуру и состояние научного знания о сетевом подходе к изучению политики для обоснования перспективных направлений анализа этой области знания на основе библиометрических и количественных методов. На базе анализа 318 научных статей за период с 2003 по 2024, отобранных из электронной библиотеки eLIBRARY, выявлены основные тенденции развития, ключевые авторы и тематические направления исследований. Применение методов множественного анализа соответствий, кластерного и сетевого анализов ключевых слов позволило идентифицировать восемь тематических кластеров исследований и четыре основных направления применения сетевого подхода в современной политологии. Ключевыми тенденциями развития сетевого подхода выделены цифровизация методов исследования, расширение сферы применения от локальных до глобальных политических процессов, а также формирование интегративных подходов, объединяющих методы из различных исследовательских традиций. Внешняя валидность исследования ограничена репрезентативностью выборки, сформированной путем агрегации публикаций eLIBRARY по трем наборам ключевых слов: «Сетевой анализ», «Политические сети», «сетевой подход».

Ключевые слова: сетевой подход, сетевой анализ, политические сети, социальные сети, политическая коммуникация, сетевое общество, цифровизация, библиометрический анализ.

Введение

В последние десятилетия наблюдается активное развитие сетевого анализа в российской политической науке, что подтверждается ростом публикационной активности и расширением тематического спектра исследований. Однако значительная часть работ остается за пределами ведущих научных изданий, что свидетельствует о необходимости дальнейшего теоретического и методологического обоснования этого направления. Исследование эволюции сетевого подхода и его применения в политологии позволяет выявить дефицитные направления с высокой актуальностью исследований, ключевые тенденции и перспективы применения инструментария сетевого анализа для решения актуальных научных и практических задач.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью сетевого подхода в анализе современных политических процессов, что связано с усложнением социальных взаимодействий и усилением влияния цифровых технологий на формирование гражданской позиции и социальных установок пользователей интернета. В условиях трансформации политической и социальной среды, характеризующейся полицентричностью, горизонтальными связями и интеграцией различных акторов, традиционные методологические концепции не могут быть применены для анализа новых форм социальных взаимодействий. Сетевой подход предоставляет инструментарий для изучения процессов на разных уровнях, включая взаимодействие между государственными и негосударственными акторами, международные отношения, цифровую политику и гражданское общество.

Материалы и методы исследования

Для проведения анализа было выгружено 1339 статей из электронной библиотеки eLIBRARY по запросам «сетевой подход», «политические сети», «сетевой анализ» с областью поиска в названии публикаций и ключевых словах статей научных журналов. Далее датасет был вручную очищен от материалов, не касающихся политологической тематики, либо заведомо ложно использующих ключевые слова без соотнесения с содержанием публикаций. В результате анализ был проведен на 318 статьях. Метаданные включили авторов публикации, название, ключевые слова, аннотацию публикации, перечень цитирований, количество цитирований на публикацию. Анализ проводился с помощью языка программирования «R» и адаптированного авторами пакета библиометрического анализа западных публикаций SCOPUS и WOS¹.

Результаты исследования

Проведен анализ динамики добавления публикаций в области сетевого анализа и сетевого подхода на платформу eLIBRARY за 24 года (с 2001 по 2025 год) (рис. 1).

¹ Aria, M. & Cuccurullo, C. (2017) bibliometrix: An R-tool for comprehensive science mapping analysis, Journal of Informetrics, 11(4), pp 959–975, Elsevier.

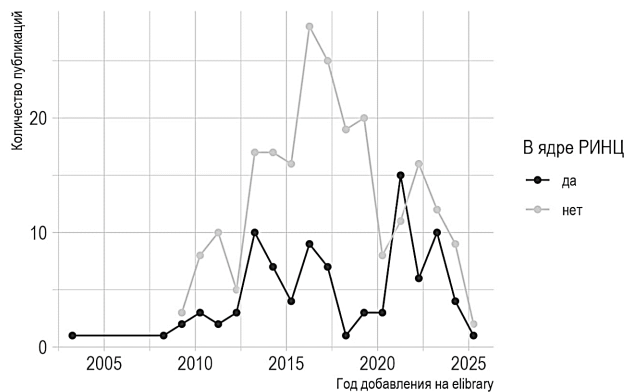

Рис. 1. Динамика количества публикаций в области сетевого анализа и сетевого подхода

Данные отражают годы добавления статей и материалов в электронную библиотеку eLIBRARY в соответствии с категоризацией по наличию в ядре РИНЦ. Исходя из графика можно выделить следующие этапы:

1. 2003–2009 годы: низкая активность, свидетельствующая о начальной стадии формирования методологии в российской науке.
2. 2010–2015 годы: устойчивый рост публикаций, особенно вне ядра РИНЦ, что характеризует этап становления сетевого подхода.
3. 2016–2017 годы: пик популярности, с максимумом публикаций вне ядра РИНЦ (около 25 статей в год), что указывает на активное освоение методологии.
4. 2018–2019 годы: спад активности.
5. 2020–2022 годы: второй пик, с качественным сдвигом – рост публикаций в ядре РИНЦ (до 15 статей в 2021 году), что свидетельствует о зрелости исследований.
6. 2022–2023 годы: снижение активности до уровня начала 2010-х годов.

На протяжении всего рассматриваемого периода количество публикаций, не входящих в ядро РИНЦ, устойчиво превышает количество публикаций, включенных в ядро. Только в 2021 году наблюдается ситуация, когда количество публикаций в ядре РИНЦ приближается к количеству публикаций вне ядра, что может свидетельствовать о достижении научной зрелости исследований в данной области. Такое распределение может быть обусловлено несколькими факторами: более высокими требованиями журналов, входящих в ядро РИНЦ; междисциплинарным характером сетевого анализа, что приводит к публикациям в специализированных изданиях, не всегда включенных в ядро; а также возможным интересом к данной методологии со стороны молодых исследователей, чьи работы чаще публикуются в изданиях, не входящих в ядро РИНЦ. Тем не менее, наблюдаемый в 2020–2021 годах рост числа публикаций в изданиях, входящих в ядро РИНЦ, свидетельствует о постепенной интеграции сетевого анализа и сетевого подхода в основные исследовательские практики российской науки.

Для детализации проведен анализ публикационной активности в срезе 20 самых цитируемых авторов по заданной выборке. На визуализации (рис. 2) отражены количество публикаций и их цитируемость (представлена размером окружности) с возрастающей сортировкой по количеству публикаций.

График публикационной активности в области сетевого анализа за 2003–2024 годы позволяет провести сопоставление с графиком динамики публикаций:

- **2003–2010 годы:** низкая активность, выделяется фундаментальная работа Сморгунова Л.В. «Сетевой

подход к политике и управлению»¹ (2001), получившая высокий индекс цитирования (более 300).

- **2011–2014 годы:** постепенный рост интереса, с появлением публикаций авторов, таких как Шерстобитов А.С., Мирошниченко И.В. и Жданов П.А.
- **2015–2024 годы:** значительная интенсификация исследований, пик активности приходится на 2017–2022 годы.

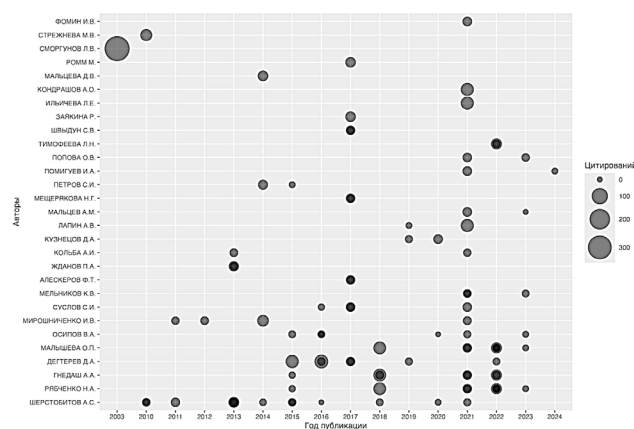

Рис. 2. Динамика публикационной активности авторов

График демонстрирует последовательное развитие данного научного направления с явной интенсификацией исследований в последнее десятилетие. От единичных фундаментальных работ в начале 2000-х годов область развилась к широкому спектру исследований. Пик публикационной активности приходится на 2017–2022 годы, что свидетельствует о зрелости и актуальности сетевого подхода в современных исследованиях.

Был проведен анализ частотности ключевых слов в научных публикациях. Представленная таблица (таблица 1) демонстрирует наиболее часто встречающиеся ключевые слова в научных публикациях, посвященных сетевому анализу и сетевому подходу.

Таблица 1. Наиболее встречаемые ключевые слова

Ключевые слова	Количество
Сетевой подход	69
Социальные сети	31
Гражданское общество	20
Государственное управление	17
Политическая коммуникация	16
Публичная политика	14
Сеть	14
Интернет	13
Сетевое общество	13
Сетевое взаимодействие	12
Политический процесс	11

Данные анализа показывают доминирование термина «сетевой подход» (69 упоминаний) в научных публикациях, что значительно превосходит частотность других понятий. Наиболее популярны также термины «социальные сети» (31) и «гражданское общество» (20).

Базовые термины сетевой методологии представлены понятиями «сеть» (14), «сетевое общество» (13)

¹ Сморгунов Л.В. Сетевой подход к политике и управлению. – Полис. Политические исследования. 2001. № 3. С. 103

и «сетевое взаимодействие» (12). Эти концепты формируют методологический каркас исследований и обеспечивают связь между эмпирическими данными и теоретическими построениями.

Термины «политическая коммуникация» (16) и «публичная политика» (14) указывают на активное применение сетевого анализа для изучения взаимодействий акторов в публичной сфере и информационных потоков в политическом пространстве. Термин «интернет» (13) свидетельствует о значимости цифровой среды для современных сетевых исследований, отражая тенденцию к цифровизации социально-политических процессов.

Анализ ключевых слов свидетельствует о применении сетевого подхода преимущественно в социально-политической сфере с интеграцией аспектов информационных технологий. Сетевой подход выступает как междисциплинарная методология, объединяющая политологию, социологию, теорию коммуникации и информационные науки для комплексного изучения социальных процессов.

Для дальнейшего исследования проведен множественный анализ соответствий (MCA) ключевых слов и концептов (на основе аннотаций) из научных работ по сетевому анализу (рис. 3). Концептуальная карта отражает кластеризацию терминов, визуализируя основные тематические направления и их взаимосвязи в исследовательском поле.

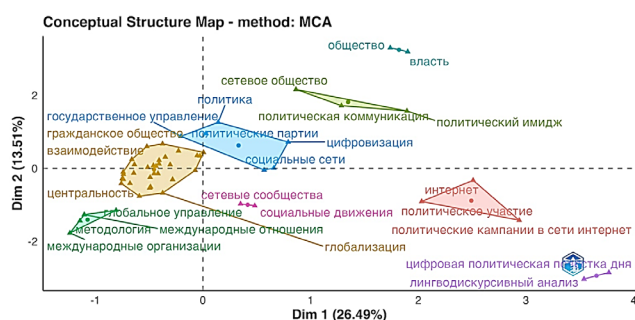

Рис. 3. Множественный анализ соответствий ключевых слов

Представленный анализ выявляет восемь тематических кластеров исследований в области сетевого анализа, распределенных на концептуальной карте по двум основным измерениям:

1. Горизонтальное измерение (26,49% вариативности) представляет собой континуум от традиционных форм социальной и политической организации (левая часть) к новым цифровым и сетевым формам (правая часть). Отражает трансформацию исследовательского поля под влиянием цифровизации. и «уровни анализа от глобального к локальному».

2. Вертикальное измерение (13,51% вариативности) отражает уровни анализа от глобального/международного (нижняя часть) к локальному/институциональному (верхняя часть). Демонстрирует многоуровневый характер современных исследований.

Кластер «гражданское общество». Расположен в левой части карты, включает концепты «гражданское общество», «взаимодействие», «центральность» и «глобализация». Отражает исследования традиционных форм общественной организации с применением анализа социальных сетей для изучения позиций акторов.

Кластер «международная политика». Находится в нижней левой части, объединяет «международные организации», «методология», «глобальное управление» и «международные отношения». Сфокусирован на применении сетевого анализа в контексте международных взаимодействий.

Кластер «политические институты и цифровизация». Голубой кластер в верхней центральной части включает «политика», «государственное управление», «политические партии», «цифровизация» и «социальные сети». Представляет переходную зону между традиционными и цифровыми формами политического участия.

Кластер «сетевое общество». В правой центральной части объединяет «сетевое общество», «политическая коммуникация» и «политический имидж». Отражает исследования новых форм коммуникации в условиях сетевого общества.

Кластер «интернет и политическое участие». В правой части объединяет «интернет», «политическое участие» и «политические кампании в сети». Ориентирован на цифровые формы политического взаимодействия.

Также отметим три обособленных кластера, в которых входит ограниченное количество публикаций: кластер «сетевые сообщества» (центральная часть, розовый цвет), кластер «цифровая повестка» (правая нижняя часть, фиолетовый цвет) и кластер «общество и власть» (верхняя центральная часть, бирюзовый цвет). Они были определены как выбросы за счет других уникальных ключевых слов в данных статьях.

Кластеризация ключевых слов и концепций методом MCA выявляет значимое смещение фокуса исследований от традиционных форм организации к анализу цифровых платформ и новых форм политического участия. Эта трансформация отражает общие процессы цифровизации и сетевизации общества, требующие новых теоретических и методологических подходов.

Также была построена и проанализирована сеть совместной встречаемости ключевых слов (рис. 4). Для определения расположения связанных понятий использовался алгоритм Фрухтермана-Рейнгольда¹, а для кластеризации – алгоритм «Walktrap»².

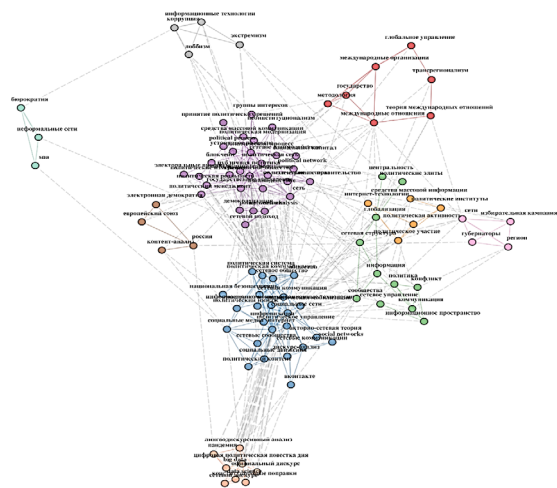

Рис. 4. Сеть совместной встречаемости ключевых слов

Центральное положение занимают концепты «сетевой анализ» и «сетевой подход», вокруг которых формируются специализированные кластеры. По мере удаления от центра располагаются более специфические термины, относящиеся к конкретным областям применения сетевой методологии. Некоторые термины занимают

¹ Fruchterman, T.M.J. and Reingold, E.M. (1991), Graph drawing by force-directed placement. Softw. Pract. Exper., 21: 1129–1164. <https://doi.org/10.1002/spe.4380211102>

² Pons, P., Latapy, M. (2005). Computing Communities in Large Networks Using Random Walks. In: Yolum, p., Güngör, T., Gürgen, F., Özturan, C. (eds) Computer and Information Sciences – ISCIS 2005. ISCIS 2005. Lecture Notes in Computer Science, vol 3733. Springer, Berlin, Heidelberg. https://doi.org/10.1007/11569596_31

промежуточное положение, выступая концептуальными «мостами» между различными исследовательскими направлениями.

На основе этих данных мы можем выделить 4 опорных кластера.

«Социально-сетевой». Синий кластер объединяет понятия, связанные с социальными сетями: «социальные медиа», «информационные сети», «ВКонтакте», «сетевые сообщества» и «акторно-сетевая теория». Внутри кластера выделяются подгруппы, ориентированные на различные аспекты социально- сетевого анализа от теоретических концепций до конкретных платформ. Характерными для данного кластера являются работы Поповой О.В.¹, Рябченко Н.А.², Суслова С.И.³.

«Политико-управленческий». Фиолетовый кластер охватывает понятия, связанные с политическими процессами: «политический менеджмент», «принятие политических решений», «политические институты», «электоральные исследования». Прослеживается связь между теоретическими концепциями политического управления и прикладными аспектами, что указывает на практическую значимость сетевого анализа для исследования политических процессов. Наиболее цитируемыми авторами в данном кластере являются: Осипов В.А.^{4, 5}, Бродовских А.Н.⁶.

«Международно-глобалистский». Красный кластер объединяет понятия, связанные с международными отношениями: «глобальное управление», «международные организации», «транснационализм», «теория международных отношений». Структура демонстрирует применение сетевого анализа для изучения взаимосвязей между государствами, международными организациями и транснациональными процессами. Представителями данного кластера стали: Дегтерев Д.А.^{7, 8}, Саворская Е.В.⁹.

¹ Попова Ольга Валентиновна, Суслов Сергей Игоревич Сетевой анализ политических интернет-сообществ: от формализованных к «ненаблюдаемым» группам // Полит. наука. 2021. № 1.

² Рябченко Н. А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Малышева О.П. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. № 3.

³ Суслов Сергей Игоревич Кластеры петербургских политических онлайн-сообществ в «ВКонтакте» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2016. № 4.

⁴ Осипов Виктор Анатольевич Концепция политических сетей: переход к исследованию качественных характеристик и его значение для российской политической теории и практики // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2015. № 2.

⁵ Осипов Виктор Анатольевич Гетерархия в системе взаимодействия государства и общества на примере социальной политики в г. Москве: введение понятия и методологические аспекты применения // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2016. № 1.

⁶ Бродовских Анастасия Николаевна, Соловьев Александр Иванович Политические сети как новый источник политического риска // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 51.

⁷ Денис Андреевич Дегтерев Международные и региональные исследования: к «бесшовной» методологии анализа (Размышляя над книгой: Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. 576 с.) // Сравнительная политика. 2021. № 4.

⁸ Дегтерев Денис Андреевич Сетевой анализ международных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2015. № 4.

⁹ Саворская Екатерина Владимировна Политические сети как объект теоретического анализа проблем глобального

«Медийно-информационный». Сочетание зеленого и оранжевого кластеров связано с информационными процессами и медиа: «средства массовой информации», «интернет-технологии», «информационное пространство», «глобализация». Этот кластер имеет многочисленные связи с другими тематическими группами, что подчеркивает центральную роль информационных процессов в различных аспектах применения сетевого анализа. В данном кластере разместились работы следующих авторов: Сосновская А.М.¹⁰, Матвеева Е.В.¹¹, Рябченко Н.А.¹².

Термины «сетевой анализ», «анализ социальных сетей» и «акторно-сетевая теория» образуют связи с различными тематическими кластерами, демонстрируя универсальность сетевого подхода. В нижней части визуализации расположены термины, связанные с аналитическими инструментами: «big data», «лингвистический анализ», «дискурсивный анализ», указывая на связь между сетевым анализом и методами обработки больших данных.

Также можно выделить некоторые тенденции.

Цифровая трансформация методов

Присутствие терминов «ВКонтакте», «интернет-технологии», «big data» и «информационная повестка дня» отражает активное использование цифровых данных и платформ в современных исследованиях, демонстрируя смещение фокуса сетевого анализа в сторону изучения цифровых коммуникаций.

Политические и управленческие решения

Термины, относящиеся к политическим процессам, государственному управлению и коммуникациям, образуют плотную сеть взаимосвязей. Присутствие понятий «политический менеджмент», «политическая система» и «принятие политических решений» свидетельствует о применении сетевого анализа как для теоретического осмысления, так и для решения практических задач в сфере управления.

Анализ сети совместной встречаемости ключевых слов показывает междисциплинарный характер сетевого анализа и разнообразие контекстов применения сетевой методологии. Визуализация подтверждает центральную роль цифровых и социальных аспектов в современных исследованиях, а также значимость политических и международных контекстов применения сетевого подхода. Междисциплинарные связи указывают на формирование интегративных подходов, объединяющих методы из различных исследовательских традиций.

Была построена карта, на которой отображена тематическая структура исследовательского поля сетевого анализа в политической науке (рис. 5). Согласно методо-

управления // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 3.

¹⁰ Сосновская Анна Михайловна Последовательность конструирования идентичности молодежи в медиатекстах: развитие и адаптация акторно-сетевой теории для эмпирических медиаисследований (анализ кейса) // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. № 3.

¹¹ Елена Викторовна Матвеева, Алиса Владимировна Алагоз Сетевой контент кандидатов в губернаторы субъектов Сибирского федерального округа: особенности содержания в избирательной кампании 2023 года // Вестник ЗабГ У. 2023. № 4.

¹² Рябченко Н. А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Малышева О.П. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. № 3.

Network approach

Niche Themes

горизонтальные и вертикальные коммуникации
депутаты государственной думы от кубанского региона в горзелин
избирательная кампания 2021 г
избирательный процесс

картеризм
клиентелизм
информальные сети
патрон-клиентские отношения

координация
структурный анализ
транспаргентное сетевое управление
институциональные сообщества

анализ социальных сетей
политические коммуникации
государственный политик идентичности
группы интересов

network analysis
formalization
game theory
interdisciplinary synthesis

государственное управление
санкт-петербург
«элементарная экономика»
esg

социальные сети
онлайн пространство
политическая коммуникация
интердисциплинарный анализ

интеграция
глобализация
глобальное управление
международные организации

россия
патрульная политика
патрульная сеть

регион
губернаторские
сети
города

терроризм
терроризм

сетевое общество
взгляды-сетевая теория
политические партии

кроссбордерное
«милитаризм» безопасность

когнитивное планирование
социально-нейронный анализ

политическая сеть
сетевые
снг / транснациональные исследования

сетевые подходы в политике и управлении

политические сети
публикация политика
network approach
управление

сетевые сообщества
сетевые акторы

политические заводы

Emerging or Declining Themes

Basic Themes

Размер пузырьков на карте пропорционален количеству публикаций и частоте встречаемости ключевых слов. Данная тематическая карта демонстрирует, что исследования сетевого анализа в политике сконцентрированы вокруг цифровых коммуникаций и социальных медиа (моторные темы), в то время как традиционные политические институты представлены в базовых темах. Нишевые темы связаны с неформальными политическими процессами, а возникающие темы указывают на потенциальные направления развития дисциплины.

В нишевых темах (верхний левый квадрант) оказались темы с высокой плотностью, но низкой центральностью – узкоспециализированные направления. Они включили в себя такие темы как: «бюрократия», «неформальные сети», «клиентелизм», «санкт-петербург», «политические элиты». Эти темы представляют собой хорошо развитые, но изолированные исследовательские области с маргинальным значением для общего поля

¹ Cobo, M.J. & López-Herrera, A.G. & Herrera-Viedma, E. & Herrera, F., 2011. "An approach for detecting, quantifying, and visualizing the evolution of a research field: A practical application to the Fuzzy Sets Theory field," *Journal of Informetrics*, Elsevier, vol. 5(1), pages 146–166.

Заключение

Ключевыми тенденциями развития сетевого подхода являются цифровизация методов исследования, расширение сферы применения от локальных до глобальных политических процессов, а также формирование интегративных подходов, объединяющих методы из различных исследовательских традиций. Сетевой подход выступает как междисциплинарная методология, объединяющая политологию, социологию, теорию коммуникации и информационные науки для комплексного изучения политических и социальных процессов.

1. Aria, M. & Cuccurullo, C. (2017) bibliometrix: An R-tool for comprehensive science mapping analysis, *Journal of Informetrics*, 11(4), pp 959–975, Elsevier.
2. Сморгунов Л.В. Сетевой подход к политике и управлению. – Полис. Политические исследования. 2001. № 3. С. 103
3. Fruchterman, T.M.J. and Reingold, E.M. (1991), Graph drawing by force-directed placement. *Softw: Pract. Exper.*, 21: 1129–1164. <https://doi.org/10.1002/spe.4380211102>
4. Pons, P., Latapy, M. (2005). Computing Communities in Large Networks Using Random Walks. In: Yolum, p., Güngör, T., Gürgeç, F., Özturan, C. (eds) *Computer and Information Sciences – ISCS 2005*. ISCS 2005. *Lecture Notes in Computer Science*, vol 3733. Springer, Berlin, Heidelberg. https://doi.org/10.1007/11569596_31
5. Попова Ольга Валентиновна, Суслов Сергей Игоревич Сетевой анализ политических интернет-сообществ: от формализованных к «ненаблюдаемым» группам // Полит. наука. 2021. № 1.
6. Рябченко Н. А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Малышева О.П. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. № 3.
7. Суслов Сергей Игоревич Кластеры петербургских политических онлайн-сообществ в «ВКонтакте» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2016. № 4.
8. Осипов Виктор Анатольевич Концепция политических сетей: переход к исследованию качественных характеристик и его значение для российской политической теории и практики // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2015. № 2.
9. Осипов Виктор Анатольевич Гетерархия в системе взаимодействия государства и общества на приме-

ре социальной политики в г. Москве: введение понятия и методологические аспекты применения // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2016. № 1.

10. Бордовских Анастасия Николаевна, Соловьев Александр Иванович Политические сети как новый источник политического риска // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 51.
11. Денис Андреевич Дегтерев Международные и региональные исследования: к «бесшовной» методологии анализа (Размышляя над книгой: Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. 576 с.) // Сравнительная политика. 2021. № 4.
12. Дегтерев Денис Андреевич Сетевой анализ международных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2015. № 4.
13. Саворская Екатерина Владимировна Политические сети как объект теоретического анализа проблем глобального управления // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 3.
14. Сосновская Анна Михайловна Последовательность конструирования идентичности молодежи в медиатекстах: развитие и адаптация акторно-сетевой теории для эмпирических медиаисследований (анализ кейса) // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024. № 3.
15. Елена Викторовна Матвеева, Алиса Владимировна Алагоз Сетевой контент кандидатов в губернаторы субъектов Сибирского федерального округа: особенности содержания в избирательной кампании 2023 года // Вестник ЗабГ У. 2023. № 4.
16. Рябченко Н. А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Малышева О.П. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. № 3.
17. Cobo, M.J. & López-Herrera, A.G. & Herrera-Viedma, E. & Herrera, F., 2011. "An approach for detecting, quantifying, and visualizing the evolution of a research field: A practical application to the Fuzzy Sets Theory field," *Journal of Informetrics, Elsevier*, vol. 5(1), pages 146–166.

STRUCTURE OF RUSSIAN POLITICAL SCIENCE KNOWLEDGE ON NETWORK APPROACH AND NETWORK ANALYSIS

Belnikov S.S., Eisaev M.B.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The aim of the study is to characterise the structure and state of scientific knowledge about the network approach to policy research in order to justify promising directions of analysis of this field of knowledge based on bibliometric and quantitative methods. Based on the analysis of 318 scientific articles for the period from 2003 to 2024, selected from the eLIBRARY electronic library, the main development trends, key authors and thematic areas of research were identified. The application of the methods of multiple correspondence analysis, cluster and network analyses of keywords allowed us to identify eight thematic research clusters and four main directions of application of the network approach in modern political science. The key trends in the development of the network approach are the digitalisation of research methods, the expansion of the scope of application from local to global political processes, and the formation of integrative approaches that combine methods from different research traditions. The external validity of the study is limited by the representativeness of the sample formed by aggregating eLIBRARY publications according to three sets of keywords: «Network Analysis», «Political Networks», «Network Approach».

Keywords: Network approach, network analysis, political networks, social networks, political communication, network society, digitalisation, bibliometric analysis.

References

1. Aria, M. & Cuccurullo, C. (2017) bibliometrix: An R-tool for comprehensive science mapping analysis, *Journal of Informetrics*, 11(4), pp 959–975, Elsevier.
2. Сморгун Л.В. Сетевой подход к политике и управлению. – Полис. Политические исследования. 2001. № 3. С. 103
3. Fruchterman, T.M.J. and Reingold, E.M. (1991), Graph drawing by force-directed placement. *Softw: Pract. Exper.*, 21: 1129–1164. <https://doi.org/10.1002/spe.4380211102>
4. Pons, P., Latapy, M. (2005). Computing Communities in Large Networks Using Random Walks. In: Yolum, p., Güngör, T., Gürgeç, F., Özturan, C. (eds) *Computer and Information Sciences – ISCIS 2005*. ISCIS 2005. Lecture Notes in Computer Science, vol 3733. Springer, Berlin, Heidelberg. https://doi.org/10.1007/11569596_31
5. Popova Olga Valentinovna, Suslov Sergey Igorevich Network analysis of political internet communities: from formalised to 'non-served' groups // *Political Science // Political Science GROUPS // Polit. nauka*. 2021. № 1.
6. Ryabchenko N. A., Katermina V.V., Gnedash A.A., Malysheva O.P. Political content of social movements in the online space of modern states: methodology of analysis and research practice // *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. № 3.
7. Suslov Sergey Igorevich Clusters of St. Petersburg political online communities in 'VKontakte' // *Vestnik of St. Petersburg University. Sociology*. 2016. № 4.
8. Osipov Viktor Anatolievich The concept of political networks: the transition to the study of qualitative characteristics and its significance for the Russian political theory and practice // *Vestnik of PFUR. Series: Political Science*. 2015. № 2.
9. Osipov Victor Anatolievich Heterarchy in the system of interaction between the state and society on the example of social policy in Moscow: introduction of the concept and methodological aspects of application // *Vestnik RUDN. Series: Political Science*. 2016. № 1.
10. Bordovskikh Anastasia Nikolaevna, Soloviev Alexander Ivanovich Political networks as a new source of political risk // *Public Administration. Electronic bulletin*. 2015. № 51.
11. Denis Andreievich Degterev International and regional issues: to 'beshovny' methodology of analysis (Reflecting on the book: Logic of the new world-building architectonics and strategy of the powers / Edited by A.D. Voskresensky. Moscow: Strategic Research, 2021. 576 p.) // *Comparative Politics*. 2021. № 4.
12. Degterev Denis Andreievich Network analysis of international relations // *Vestnik of St. Petersburg University. International relations*. 2015. № 4.
13. Savorskaya Ekaterina Vladimirovna Political networks as an object of theoretical analysis of global governance problems // *Bulletin of Moscow University. Series 25. International relations and world politics*. 2013. № 3.
14. Sosnovskaya Anna Mikhailovna Sequence of Youth Identity Construction in Media Texts: Development and Adaptation of Actor-Network Theory for Empirical Media Research (Case Analysis) // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024. № 3.
15. Elena Viktorovna Matveeva, Alisa Vladimirovna Alagoz Network content of candidates for governors of the subjects of the Siberian Federal District: features of the content in the election campaign of 2023 // *Vestnik ZabG U*. 2023. № 4.
16. Ryabchenko N. A., Katermina V.V., Gnedash A.A., Malysheva O.P. Political content of social movements in the online space of modern states: methodology of analysis and research practice // *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. № 3.
17. Cobo, M.J. & López-Herrera, A.G. & Herrera-Viedma, E. & Herrera, F., 2011. "An approach for detecting, quantifying, and visualizing the evolution of a research field: A practical application to the Fuzzy Sets Theory field," *Journal of Informetrics, Elsevier*, vol. 5(1), pages 146–166.

Экологический экстремизм как угроза политике устойчивого развития: идеологический и практический аспекты

Бакшеев Андрей Иванович,

к.и.н., доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: baksh-ai@yandex.ru

Турчина Жанна Евгеньевна,

к.м.н., доцент, заведующий кафедрой сестринского дела и клинического ухода, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: turchina – 09@mail.ru

Афанаскина Любовь Николаевна,

к.б.н., доцент кафедры биологии и экологии, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: afanln@mail.ru

Екимова Екатерина Юрьевна,

к.б.н., доцент кафедры биологии и экологии, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: ekimova1981@mail.ru

Фатьянова Ольга Петровна,

ассистент кафедры сестринского дела и клинического ухода, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: oligaf@mail.ru

Устойчивое развитие – это концепция дружественного отношения к вопросу защиты социальной и природной среды обитания человека. Большинство экологических организаций принимают эту идею, которую пытаются внедрить в жизнь. Однако мы можем встретить и деятельность тех экологических организаций, которые носят радикальный характер, по сути, имеют гораздо меньше общего с концепцией устойчивого развития, а то и вовсе противоположны ей. Устойчивое развитие не ставит своей целью затормозить социальное и экономическое развитие человеческой цивилизации, а пытается примирить его с требованиями защиты окружающей среды (сбалансировать). Идеология некоторых экологических радикальных формирований, их методы работы (практический аспект) показывают, однако, что на самом деле такое видение осмысленного развития человеческой цивилизации с их точки зрения слишком умеренно и неприемлемо. Авторы в данной статье представили основные аргументы, обосновывающие такие мнения. Они также охарактеризовали отдельные экстремистские экологические организации и попытались установить на основе анализа литературы по этому предмету ту границу, которая позволяет отличать от этих радикальных организаций те, которые мы можем признать экстремистскими.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экологический экстремизм, экологический терроризм, проэкологические группы, биоцентризм.

Введение

Экологический экстремизм представляет собой тип экстремизма, особенно хорошо вписывающийся в тенденцию ограниченного конфликтного экстремизма, который в литературе также именуется «экстремизмом одной проблемы». Примером этого являются организации по защите прав животных, которые используют незаконные методы, такие как угрозы, попытки запугивания, избиения и даже убийства, для борьбы с компаниями, эксплуатирующими животных (например, производителями кожаной одежды, лабораториями, проводящими эксперименты на животных и т.д.). К указанной группе относятся также радикальные экологические организации (экологическое движение), защищающие природную среду от разрушения частными предприятиями, государством и государственными учреждениями и т.д. [1].

Цель исследования: анализ идеологических и практических аспектов экологического экстремизма, как угрозы политике устойчивого развития.

Методы и материалы исследования

В исследовании был использован комплексный методологический подход, сочетающий анализ научной литературы, посвященные феномену и идеологии экологического экстремизма.

Результаты исследования

Феномен и идеология экологического экстремизма

В основе экологического экстремизма лежат противоправные действия, направленные против субъектов, которые, по мнению защитников природы, негативно относятся к проблеме охраны природы. Однако, по нашему мнению, не все радикальные проэкологические группы следует относить к экстремистским. До тех пор пока их взгляды – даже если их оценивать как крайние и утопические – не представляют реальной угрозы для других людей или организаций, и нет обоснованных опасений, что они будут реализованы любителями природы незаконными методами, с применением насилия или угрозой его применения, – мы не имеем дело с проявлениями экологического экстремизма. Спорным вопросом остается и вопрос о незаконных методах, используемых некоторыми организациями. Некоторые действия любителей природы, особенно направленные против компаний, разрушающих природу, такие как демонстрации и пикеты в неположенных местах, или другие пассивные методы, хотя и являются незаконными с точки зрения закона, не обязательно должны сразу рассматриваться как экстремистская деятельность.

Можно выделить два основных направления в феномене экологического экстремизма: защитники окружающей среды (проэкологические группы, экологи); активисты по защите прав животных (анималисты) [2].

Обе тенденции возникли в 1970-х годах и не являются идентичными. Многие защитники окружающей среды не призывают к всеобщему вегетарианству и не осужда-

ют разведение животных и охоту, хотя они все чаще сотрудничают с активистами по защите прав животных и совместно с ними проводят кампании по защите исчезающих видов животных, которые, наряду с другими видами, составляют важную часть биосферы. Эта общность их деятельности обуславливает определенное сходство обоих направлений.

Однако этот процесс касается скорее конвергентной цели, организационной структуры и некоторых методов работы, чем их идеологии, поскольку в аксиологической сфере существуют различия, препятствующие полной интеграции этих движений.

Экологи обычно ссылаются на общие положения биоцентрической экофилософии, особенно на принципы глубинной экологии, разработанные А. Нейссом, которые они противопоставляют дискредитировавшим себя, по их мнению, положениям поверхностной экологии. Основной тезис этой концепции заключается в том, что человек не является в природном мире уникальным существом, наделенным поэтому особыми правами. Homo sapiens – это всего лишь одна из равноправных частей, составляющих биосферу, и не имеет характеристик, отличающих его от других организмов. Поэтому моральное превосходство имеет вся биосфера, а не человек, являющийся ее частью [3].

В этическом аспекте биоцентризм можно представить в умеренном варианте, в котором он выступает за учет интересов всех живых существ, способных страдать, и в радикальном варианте. Радикальные представители этого направления утверждают, что нельзя согласиться с предположением, что человеческая ответственность ограничивается лишь существами, обладающими способностью испытывать страдания, поскольку на практике крайне сложно определить границу между этими существами и организмами, заведомо лишенными этой способности. Поэтому последовательный биоцентризм должен учитывать интересы всех живых организмов, составляющих биосферу. Самым известным представителем этого этического направления является П.У. Тейлор, который определяет биоцентрическую этику как такую, которая требует, чтобы все живое рассматривалось как имманентная, внутренняя ценность, а не только потому, что оно может быть полезно людям [4]. Образцом для подражания для тех, кто практикует и исповедует этику с биоцентрической позиции, несомненно, является А. Швейцер, который считал, что этика – это бесконечно расширенная ответственность за все живое. Однако для биоцентристов неорганическая материя сама по себе не имеет ценности, поскольку она не наделена жизнью. Однако его необходимо охранять, поскольку он является средой обитания живых существ [5].

Биоцентрические идеи, понимаемые таким образом, в некоторой степени близки анималистическим группам. Однако следует отметить, что исповедуемые ими этические взгляды на защиту животных не позволяют в полной мере отнести это направление к рамкам экологической этики и философии, поскольку аксиология, лежащая в основе этого движения, носит явно узкий характер, относящийся только к высшим видам животных. Несмотря на это, многие авторы считают, что направление этики защиты животных в определенной степени связано с идеалами, распространенными в экологической этике, и по этой причине такие взгляды также обсуждаются в экоэтическом аспекте [6].

Этика защиты животных принципиально не подчеркивает различия между видом Homo sapiens и другими видами животных, населяющими Землю; напротив, она указывает на сходство и постулирует, что следует

учитывать благополучие животных. Многие сторонники этого течения полагают, что, хотя субъектом морали и вытекающих из нее обязанностей является только человек, их объектами являются также животные. Однако эта версия этики рассматривает боль и страдание как морально значимую черту, общую как для людей, так и для животных. Эта этическая тенденция также включает в себя гораздо более радикальные разновидности, которые постулируют, что люди и животные являются равными субъектами морали или что в определенных ситуациях к ним можно относиться как к равным субъектам. К представителям этой позиции относится все более популярный и противоречивый австралийский биоэтик П. Сингер, который даже считает, что высшие виды животных, такие как шимпанзе, имеют более высокие моральные права, чем, например, дети-инвалиды [7].

Следует подчеркнуть, что упомянутые тенденции в этике или экологической философии не следует напрямую отождествлять с экологическим экстремизмом. Они лишь стали источником вдохновения для радикальных экологических течений, которые, возможно, радикализировали свои взгляды вопреки намерениям создателей отдельных экофилософских концепций, поскольку существуют проэкологические организации мирного характера, которые также вдохновляются идеей биоцентризма.

Как уже отмечалось, определенное сходство в идеологическом плане способствует совместным действиям представителей экологических и зоозащитных групп. Подобный тип совместной деятельности также обуславливает определенное сходство обоих направлений с точки зрения используемых ими методов, хотя и в этой области можно заметить определенные различия.

Группы, выступающие за охрану окружающей среды (например, Earth First!, Earth Liberation Front), обычно ограничиваются незаконными актами саботажа (так называемым экотажем), которые не наносят прямого вреда людям [8].

С другой стороны, радикальные группы защитников прав животных (например, Animal Rights Militia, Justice Department), помимо косвенных методов воздействия, часто заходят гораздо дальше, прибегая даже к прямым актам террора в отношении людей. Методы, используемые экстремальными анималистами, включают не только выпуск из клеток подопытных животных, но и террористические методы, направленные против руководителей компаний, которые производят кожаную одежду или используют животных иным образом, а также лабораторий, проводящих научные исследования с использованием животных. Они также прибегают к избиениям, шантажу, угрозам, заражению продуктов в супермаркетах, рассылке писем-ловушек и т.д. [9]. Такое поведение классифицируется как терроризм и, по мнению многих государственных служб, рассматривается как серьезная угроза.

Характеристика деятельности отдельных радикальных и экстремистских групп защитников животных и окружающей среды

Экологические организации, деятельность которых направлена на защиту окружающей среды, действуют по всему миру уже давно. В международном масштабе проявлениями протестной активности стали мирные акции «Гринпис», зеленых политических групп и партий. Однако со временем появились экстремистские организации, которые радикализировали свои методы работы и направили их против людей, навязывая определенные требования посредством насилия или угрозы его применения.

Ниже мы описываем избранные, наиболее известные в настоящее время, экстремистские группы защитников окружающей среды и защитников животных.

«Земля, прежде всего!» (Earth First!, EF!) – одна из самых известных и динамичных радикальных экологических организаций. Она была основана в 1980 году группой из пяти человек во главе с Д. Форманом. Основной причиной создания EF! стало недовольство многих активистов-экологов низкими результатами деятельности проэкологических групп, занимающихся лоббированием и посредничеством с представителями крупной промышленности. С самого начала деятельности EF! активисты организации использовали различные методы, в том числе и законные, для борьбы за сохранение дикой природы: демонстрации, гражданское неповиновение, хэппенинги. Однако со временем они стали применять незаконные формы борьбы, например: сносить знаки с лыжных трасс, портить тяжелую технику, разрушать дороги и т.д. [8].

В середине 1980-х годов централизованно управляемая организация окончательно трансформировалась в децентрализованное движение, а в 1990 году основные активисты организации, включая Д. Формана, вышли из членства в EF! в результате серьезных споров по этическим и правовым аспектам деятельности организации, включая серию арестов ее активистов.

«Фронт освобождения Земли» (Earth Liberation Front, ELF) был основан в 1992 году в Англии по инициативе бывших членов организации EF!. Цели ELF совпадали с целями EF! с точки зрения охраны окружающей среды и борьбы за сохранение дикой природы. Однако активисты ELF пошли гораздо дальше, поскольку они не ограничились спасением остатков природного наследия планеты, а поставили перед собой первоочередную цель – восстановить природную среду в ее целостности, т.е. восстановить все экосистемы, разрушенные деятельностью человека. Они хотели реализовать это утопическое видение радикальными методами, даже ценой отступления от принципа непричинения вреда другим. «Освободители Земли» очень эффективны в своих действиях, обычно действуя под покровом ночи, небольшими группами от двух до шести человек. Обычно они нападают на объекты, расположенные далеко друг от друга, что затрудняет работу полиции и других государственных служб. Дополнительной сложностью в борьбе с этой преступной организацией является отсутствие четко обособленной организационной структуры (аформальность) [8].

«Фронт освобождения животных» (Animal Liberation Front, ALF) был основан в 1976 году в Великобритании Р. Ли, бывшим членом Ассоциации диверсантов-охотников (HSA). Хотя организация была основана в Великобритании, наиболее ярким местом ее деятельности стали Соединенные Штаты. Основная цель ALF – освобождение животных от ига человеческого угнетения. С самого начала эта организация носила характер «подпольной организации», поскольку для достижения своих целей она решила использовать средства и методы, несовместимые с международным правом. Их целью было нанести значительный материальный ущерб компаниям, эксплуатирующим животных, чтобы их деятельность стала финансово невыгодной. Действия должны быть достаточно жесткими, чтобы компании, эксплуатирующие животных, почувствовали угрозу и не смогли функционировать оптимально.

Деятельность ALF была в основном направлена против лабораторий по тестированию животных, которые обслуживали пищевые и фармацевтические компании, но со временем они расширили сферу своей деятельно-

сти. Активисты движения использовали различные методы борьбы: от акций протеста, включавших нанесение аэрозольной краской надписей на стены или клетки лабораторий по содержанию животных с выражением своего несогласия, или привязывание себя к деревьям, предназначенным для вырубki в местах обитания животных, до акций саботажа, включавших, в частности, поджоги объектов, где проводились испытания на животных, выпуск животных из неволи, разрушение жилых зданий, построенных на землях, принадлежащих охраняемым видам животных, и многое другое [8].

Организация «Animal Rights Militia» (ARM) была тесно связана с ALF. Она направляла свои эффективные и хорошо спланированные действия в основном против корпораций, которые проводили жестокие эксперименты на животных. Так, в ответ на подобную практику компании MARS активисты ARM распространили в СМИ информацию о том, что они отравили продукцию MARS крысиным ядом, из-за чего компания была вынуждена изъять сладости из продажи, понесла колоссальные финансовые убытки и прекратила проводить спорные исследования на животных. Со временем члены ARM стали использовать все более радикальные и незаконные методы, останавливаясь не только на методах саботажа, но и применяя террористические методы, в том числе: угрожая убить ученых, проводящих вивисекцию, отправляя взрывчатые вещества в заминированных письмах [9].

Организация «Stop Huntington Animal Cruelty» (SHAC) была основана в Великобритании, но ее деятельность охватывала не только Англию, но и США, где она действовала под названием «Princeton Research Center» (PRC). В 1999 году активисты SHAC атаковали лабораторию, принадлежащую международной компании Huntington Life Sciences (HLS), которую они обвинили в убийстве 180 тысяч животных (в основном собак, кошек и обезьян) ежегодно в результате исследований, проводимых компанией для химических и фармацевтических предприятий со всего мира. Усилия SHAC по закрытию этих лабораторий быстро стали одной из самых известных и значимых акций в защиту прав животных в истории [9].

По мнению экспертов, SHAC функционирует не только как организация, но и как название глобальной кампании «прямого действия» против компаний, которые эксплуатируют животных в разных уголках мира. Активисты SHAC в этой кампании объединяют усилия различных международных групп (например, ALF и ELF), а также местных организаций по защите прав животных и окружающей среды, в том числе многочисленных волонтеров, что значительно повышает эффективность и успешность их действий. Такая совместная деятельность приводит к использованию различных методов воздействия: от саботажа до актов прямого насилия в отношении оппонентов (например, избиение сотрудников компаний, эксплуатирующих животных) [9].

Экстремистская группировка «Министерство юстиции» (The Justice Department, JD) впервые заявила о себе в октябре 1993 года в Великобритании, когда она отравила несколько ловушек охотникам и рыбакам – людям, которых организация считала сторонниками «кровавого спорта». Хотя официально активисты этой организации поддерживают деятельность ALF, которые не прибегают к прямому насилию, на практике они очень часто прибегают к актам насилия в отношении людей. Они считают, что это неизбежно и что без таких радикальных мер невозможно будет защитить животных от страданий со стороны корпораций или владельцев магазинов. Отличительная черта JD – отправка писем, начиненных взрывчаткой (или другими предметами, та-

кими как отравленные бритвенные лезвия), т.н. «врагам животных», особенно представителям мясной промышленности, охотничьим гидам, владельцам меховых магазинов и меховой промышленности и т.д. [9].

Подводя итог, следует отметить, что вышеперечисленные организации по применяемым ими методам следует разделить на не применяющие насилие в отношении людей, и на прибегающие также к прямым актам насилия в отношении людей. Первую группу также можно охарактеризовать как радикальную, и в нее входят обсуждаемые здесь организации: EF!, ELF и ALF, в то время как крайне экстремистской следует считать только вторую группу, в которую входят: ARM, SHAC и JD.

Идея устойчивого развития vs радикального энвайронментализма как идеологии экологического экстремизма

Идея «устойчивого развития» на политической основе пытается примирить экономическое и социальное развитие с необходимостью защиты окружающей среды. В этой концепции подчеркивается, что природная среда является ценностью, которую необходимо сохранить для будущих поколений. Международные политические и правовые документы в этой области четко указывают на то, что процесс устойчивого развития направлен на удовлетворение потребностей как современных граждан, так и будущих поколений, которым должна быть гарантирована возможность реализации их потребностей. Однако гарантировать их существование без соответствующего состояния природной среды было бы невозможно. Таким образом, идея устойчивого развития носит явно антропоцентрический характер, поскольку рассматривает благополучие человека как главную цель устойчивого развития. Природу необходимо защищать, поскольку ее деградация обернется злом для человечества.

Естественно, что среди сторонников постулата охраны окружающей среды встречаются и биоцентрические трактовки обсуждаемой идеи, которую скорее следовало бы называть «экоразвитием» – ошибочно отождествляя с устойчивым развитием. Экоразвитие ставит своей целью создание экологической цивилизации, не акцентируя внимания на необходимости обеспечения соответствующего социального развития, направленного на благосостояние человека, и, следовательно, не ставит интересы человека в центр своих стремлений. Этот тип интерпретации легко ассимилируется в экофилософском биоцентризме, который не рассматривает человека как высшую ценность, сводя его к одному из элементов природы и полагая, что вся биосфера заслуживает того, чтобы называться аутоотелической ценностью.

Следует четко подчеркнуть, что концепция устойчивого развития, позитивно относящаяся к идее охраны окружающей среды, не разделяет такую биоцентрическую трактовку. В ней четко подчеркивается общественное развитие и, следовательно, интерес человека как субъекта этого развития. Крайний энвайронментализм, характерный для рассмотренных выше радикальных и экстремистских организаций, выступающих за охрану окружающей среды и защиту животных, не только несовместим с концепцией устойчивого развития, но может даже рассматриваться как угроза ему. Если государственная политика направлена на реализацию идей устойчивого развития, она должна учитывать благополучие своих граждан, чтобы быть реалистичной, и поэтому по определению она должна быть антропоцентрической. Экстремистские защитники окружающей среды часто заходят слишком далеко, некоторые из их предложений, например, направленные на воссоздание стопроцентной

естественной, дикой природы, утопичны и невыполнимы, а многие методы борьбы, особенно нацеленные непосредственно на людей, не только незаконны, но и глубоко безнравственны. Долгосрочные последствия таких действий не приносят ожидаемых защитниками природы изменений, поскольку вместо повышения экологической сознательности общества они приводят к нежеланию и недоверию к проэкологическим требованиям, что вредит самой идее защиты окружающей среды.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что представители экстремистских организаций, выступающих за охрану окружающей среды или животных, пытаются силой защитить природу от человеческого опустошения, а животных – от страданий по вине человека. В защиту проэкологических групп следует сказать, что требование защиты окружающей среды необходимо и правильно, поскольку именно люди стали причиной ухудшения состояния окружающей среды, и только люди могут изменить это положение дел. Однако подобные требования следует продвигать в соответствии с буквой закона и рассматривать их рационально, в соответствии с принципом устойчивого развития, избегая утопических и крайних концепций. Вопреки намерениям наиболее радикальных «экологов», их действия наносят вред проэкологическим идеям, служа их оппонентам удобным аргументом для борьбы с экологическими движениями.

Авторы данной публикации являются сторонниками «золотой середины» в области идей охраны окружающей среды. Крайний биоцентризм или антропоцентризм неприемлем. Необходимо поддерживать те «сбалансированные» и умеренные тенденции в охране окружающей среды, которые, с одной стороны, подчеркивают необходимость защиты природы от ее опустошения человеком, а с другой стороны, подчеркивают приоритет человека, естественно, с уважением к окружающей природной среде (умеренный антропоцентризм).

Литература

1. Дубовик О.Л. Противостояние угрозам экотерроризма и экоэкстремизма – актуальная задача науки уголовного и экологического права// Союз криминалистов и кримиологов. 2018. № 2. С. 58–62.
2. Joosse P. Antiglobalization and radical environmentalism: An exchange on ethical grounds// Ethics in Progress. 2014. Vol. 5. pp. 33–51.
3. Drengson A., Devall B., Schroll M.A. The deep ecology movement: Origins, development, and future prospects (toward a transpersonal ecosophy)// International Journal of Transpersonal Studies. 2011. Vol. 30(1–2). pp. 101–117.
4. Johnston G., Johnston M.S. We fight for all living things: Countering misconceptions about the radical animal liberation movement// Social Movement Studies. 2014. pp. 1–17.
5. Capra F. Deep Ecology: Educational Possibilities for the Twenty-First Century// The NAMTA Journal. 2013. Vol. 38(1). pp. 201–216.
6. Carson J.V. Counterterrorism and radical eco-groups: A context for exploring the series hazard model // Journal of Quantitative Criminology. 2013. pp. 1–20.
7. Сингер П. Освобождение животных / Пер. Коробейников А. – М.: Синдбад, 2021. – 448 с.
8. Fernandez L. The Emotional Politics of Images: Moral Shock, Explicit Violence and Strategic Visual Communication in the Animal Liberation Movement// Journal for Critical Animal Studies. 2020. Vol. 17(4). pp. 53–80.

9. Smith R.K. Ecoterrorism? A Critical Analysis of the Vilification of Radical Environmental Activists as Terrorists// *Environmental Law*. 2008. Vol. 38. pp. 537–576.

ENVIRONMENTAL EXTREMISM AS A THREAT TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT POLICY: IDEOLOGICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Baksheev A.I., Turchina Z.E., Afanaskina L.N., Ekimova E.Y., Fatyanova O.P.
Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky

Sustainable development is a concept of a friendly attitude to the issue of protecting the social and natural environment of human habitation. Most environmental organizations accept this idea, which they try to implement in life. However, we can also encounter the activities of those environmental organizations that are radical in nature, in fact, have much less in common with the concept of sustainable development, or are completely opposite to it. Sustainable development does not aim to slow down the social and economic development of human civilization, but tries to reconcile it with the requirements of environmental protection (balance). The ideology of some environmental radical formations, their methods of work (practical aspect) show, however, that in fact such a vision of meaningful development of human civilization from their point of view is too moderate and unacceptable. The authors in this article presented the main arguments substantiating such opinions. They also characterized individual extremist environmental organizations and tried to establish, based on the analysis of literature on this subject, the boundary that allows us to distinguish from these radical organizations those that we can recognize as extremist.

Keywords: sustainable development, environmental extremism, environmental terrorism, pro-environmental groups, biocentrism.

References

1. Dubovik O.L. Countering the threats of eco-terrorism and eco-extremism is a pressing task for the science of criminal and environmental law// *Union of criminologists and criminologists*. 2018. No. 2. P. 58–62.
2. Joosse P. Antiglobalization and radical environmentalism: An exchange on ethical grounds// *Ethics in Progress*. 2014. Vol. 5. pp. 33–51.
3. Drengson A., Devall B., Schroll M.A. The deep ecology movement: Origins, development, and future prospects (toward a transpersonal ecosophy)// *International Journal of Transpersonal Studies*. 2011. Vol. 30(1–2). pp. 101–117
4. Johnston G., Johnston M.S. We fight for all living things: Countering misconceptions about the radical animal liberation movement// *Social Movement Studies*. 2014. pp. 1–17
5. Capra F. Deep Ecology: Educational Possibilities for the Twenty-First Century// *The NAMTA Journal*. 2013. Vol. 38(1). pp. 201–216.
6. Carson J.V. Counterterrorism and radical eco-groups: A context for exploring the series hazard model // *Journal of Quantitative Criminology*. 2013. pp. 1–20.
7. Singer P. Animal Liberation / Transl. Korobeynikov A. – M.: Sindbad, 2021. – 448 p.
8. Fernandez L. The Emotional Politics of Images: Moral Shock, Explicit Violence and Strategic Visual Communication in the Animal Liberation Movement// *Journal for Critical Animal Studies*. 2020. Vol. 17(4). pp. 53–80.
9. Smith R.K. Ecoterrorism? A Critical Analysis of the Vilification of Radical Environmental Activists as Terrorists// *Environmental Law*. 2008. Vol. 38. pp. 537–576.

Ван Ли,

аспирант высшей школы международных отношений,
Гуманитарный институт Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра Великого
E-mail: 13622049491@163.com

Статья посвящена исследованию взаимодействия между Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Цель работы – исследование характера и главных векторов работы организаций АСЕАН и ЕАЭС и определение перспектив и вероятных трудностей сотрудничества. Важность исследования данной темы в первую очередь связана с тем, что оба региона обладают значительными экономическими возможностями. Расширение сфер сотрудничества будет благоприятствовать увеличению торговли, инвестиций и экономическому росту. Кроме того, существует вероятность того, что со временем данный союз может способствовать решению уже общих проблем, выходящих за рамки экономики (изменение климата, энергетическая безопасность и устойчивое развитие). В процессе работы над статьей были использованы такие методы, как анализ научных источников, раскрывающих особенности деятельности Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и Евразийского экономического союза, и описание особенностей сотрудничества. Результаты исследования показывают, что существуют значительные возможности для увеличения торговли и инвестиций между двумя региональными объединениями. Однако выявлены препятствия, связанные с различиями в экономических структурах, политических системах и культурных особенностях стран-членов (например, из-за физической удаленности между странами-участниками существует проблема несогласованности работы между компаниями, а работа над двусторонними соглашениями, касающихся вопросов плотного взаимодействия между организациями, в текущий момент находится на стадии разработки). Выводы статьи подчеркивают, что взаимодействие между организациями может принести значительные экономические выгоды обеим сторонам. Однако для реализации этого потенциала необходимо преодолеть существующие препятствия и разработать эффективные стратегии сотрудничества. Важно указать на то, что благоприятное сотрудничество между рассматриваемыми организациями возможно только в том случае, если усилия на их создание будут прикладывать обе стороны, причем как с позиции сотрудничества в экономике, так и в иных сферах (политика, культура и образование).

Ключевые слова: интеграция, международные организации, зона свободной торговли, Евразийский регион, Россия.

В современном мире, где глобализация и интеграция становятся ключевыми тенденциями, взаимодействие между различными региональными объединениями приобретает особую актуальность. Одним из ярких примеров такого взаимодействия является сотрудничество между Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Актуальность исследования данной темы обусловлена не только актуальностью вопроса интеграции и взаимодействия региональных объединений, но и значимостью АСЕАН и ЕАЭС на международной арене. Изучение взаимодействия между АСЕАН и ЕАЭС актуально, потому что в первую очередь оба региона обладают огромным экономическим потенциалом. Углубление сотрудничества может привести к увеличению торговли, инвестиций и экономическому росту, а также со временем может способствовать решению общих проблем, выходящих за рамки экономики (изменение климата, энергетическая безопасность и устойчивое развитие).

Целью данной работы можно считать исследование характера и главных векторов работы организаций АСЕАН и ЕАЭС, а кроме того, определение в рамках указанного сотрудничества перспектив и вероятных трудностей.

Для реализации вышеуказанной цели были обозначены следующие задачи: проанализировать текущее состояние отношений между АСЕАН и ЕАЭС; определить ключевые области сотрудничества и взаимного влияния; исследовать возможные проблемы и препятствия на пути дальнейшего углубления интеграции.

Данная работа может быть полезна как для академического сообщества, так и для практиков, занимающихся вопросами международной интеграции и сотрудничества.

Среди методов, примененных в процессе изучения темы, можно выделить анализ репрезентативных научных источников, затрагивающих тему взаимодействий между АСЕАН и ЕАЭС, и описание ключевых особенностей сотрудничества, выделенных исследователями.

Десять государств, расположенных на территории Юго-Восточной Азии, входят в состав международной организации АСЕАН, созданной в 1967 г. Изначально в ее состав входило 5 стран, однако позднее вошли и другие страны региона. В настоящий момент в состав АСЕАН входят Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины. Папуа – Новая Гвинея и Восточный Тимор в настоящий момент имеют статус наблюдателей [2].

Занимая географически выгодное положение на стыке Индийского и Тихого океанов, на перекрестке регионов Ближнего Востока, Африки и Европы, государствам – членам АСЕАН выгодно заниматься торговлей. Их отличают богатые природные ресурсы. Здесь осуществляется добыча и производство около 81% каучука в мире, 53% кокосового масла, 62% олова, 60% медной руды и 38% пальмового масла, вместе взятых. Кроме того, в этом районе имеются значительные запасы природного газа и нефти [2].

Договором от 29 мая 2014 года был создан Евразийский экономический союз. Создание ЕАЭС было направлено на то, чтобы гарантировать беспрепятственный поток финансов, рабочей силы, товаров и услуг, а также

способствовать проведению единой, скоординированной политики во всех сферах экономики. Функционирование Таможенного союза, в который изначально входили Беларусь, Казахстан и Россия, началось с 1 июля 2010 года¹.

Экономическое взаимодействие двух крупных союзов государств не может не происходить в условиях глобализации. В результате АСЕАН и ЕАЭС неоднократно подчеркивали свою приверженность налаживанию диалога друг с другом в различных областях² [10].

Обобщая причины, по которым ЕАЭС и АСЕАН стремятся иметь значительно более тесные взаимоотношения, нужно указать значимые факторы. Основной движущей силой Евразийского экономического союза следует обозначить нацеленность к большей активности в рамках экономического сотрудничества в Евразийском регионе. Рассматривая вопрос с такой позиции, вектор развития обязательно должен быть направлен в сторону улучшения контактов с АСЕАН. Это может способствовать увеличению привлекательности развития инициатив, способствующих интеграции и развитию БЕР – Большого евразийского партнерства [6].

АСЕАН выступает форумом для общения и реализации международных экономических инициатив в Евразийском регионе. ЕАЭС считает важным принцип разделения политики и экономики в рамках Ассоциации. Юго-Восточная Азия среди государств-членов ЕАЭС считается привлекательным для сбыта товаров рынком, особенно если брать во внимание желание и нацеленность региона занять 4-е место в мире в сфере экономики к 2030 году [11] и вероятность того, что АСЕАН объединится в единую зону корпоративной деятельности.

Как было отмечено исследователями, в сотрудничестве с АСЕАН заинтересованы как ЕАЭС как организация, так и отдельные страны-участники, в частности Россия. Стороны взаимодействуют с целью общего содействия сотрудничеству между странами-участницами, и в текущей ситуации они еще далеки от заключения официальных соглашений [8, с. 34].

Еще до официального начала функционирования Евразийского экономического союза начались обсуждения сотрудничества с азиатскими странами. 1 сентября 2014 года член Коллегии ЕЭК по торговле А.А. Слепнев во время делового визита в Мьянму предложил Генеральному секретарю АСЕАН заключить меморандум между ЕЭК и АСЕАН. После этой встречи А.А. Слепнев отметил, что «мы готовы сотрудничать с АСЕАН по ряду вопросов, включая упрощение процедур торговли, развитие механизма «единого окна», электронную торговлю, интеграционное строительство, продовольственную безопасность и развитие многосторонней торговой системы» [7].

Перспективным направлением может являться создание свободной зоны торговли между ЕАЭС и АСЕАН в качестве одного из вариантов сотрудничества между организациями. В ходе подведения результатов саммита Россия–АСЕАН в мае 2016 года было заявлено, что Ассоциация может рассмотреть предложенный вариант совместного исследования вопроса создания в будущем зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН [8, с. 35].

Тем не менее, подобный всеобъемлющий подход как к зоне, на которой велась бы между рассматриваемы-

ми организациями свободная торговля, все это время рассматривалось с позиции указания цели и ориентира в будущее без каких-либо фактических действий. Это обусловлено рядом факторов. Одним из факторов, способствующих этому, является продолжающееся отсутствие подлинной экономической интеграции и сравнительный уровень экономического сотрудничества между государствами-членами АСЕАН и ЕАЭС. Следует обратить внимание, что АСЕАН прежде по-настоящему не создавала зону свободной торговли с какой-либо международной организацией. Кроме того, структуры организаций отличаются друг от друга. Если работа в рамках АСЕАН ведется на основе межправительственных институтов, то в ЕАЭС на первый план выходит наднациональный орган – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), что предполагает более бюрократический подход к принятию решений [12]. Для успешной реализации данной идеи необходимо проработать по отдельности вопросы, касающиеся торговли между ЕАЭС и странами, входящими в состав АСЕАН [1].

Важность взаимодействия организаций не раз отмечалась. По словам Аршада Рашида, председателя Делового консультативного совета АСЕАН, «более тесное сотрудничество между АСЕАН и ЕАЭС помогло бы диверсифицировать экономику его членов, повысить конкурентоспособность и стимулировать инновации» [3].

С точки зрения предоставления быстрого доступа к потребительскому рынку и устранения технологических барьеров на пути импорта в Россию, проекты сотрудничества и совместные предприятия на территории стран АСЕАН, несомненно, принесут особую пользу производителям стран ЕАЭС [5]. В то же время, крайне важно стремиться к достижению и сохранению баланса инвестиций: не только для увеличения числа компаний из стран ЕАЭС, инвестирующих на рынок АСЕАН, но и для поощрения компаний из стран АСЕАН, инвестирующих в страны ЕАЭС. Маловероятно, что страны-участницы смогут получить какие-либо реальные выгоды от предлагаемого договора, касающегося вопросов свободной торговли между рассматриваемыми организациями, без предварительного «выравнивания» дисбалансов на двусторонней основе. Этому шагу также должно предшествовать сравнительное исследование международного торгового сотрудничества с третьими странами (Китаем, Японией, ЕС и т.д.) [4, с. 37].

Участники сессии Петербургского международного экономического форума «ЕАЭС-АСЕАН» обсудили широкий спектр тем, помимо торгово-экономического сотрудничества, без которого невозможно более глубокая и стратегическая дискуссия между ЕАЭС и АСЕАН. На первом месте стоит создание платежной инфраструктуры. Крайне важно, чтобы обе ассоциации создали свою собственную систему финансовых и валютно-кредитных связей, которая была бы защищена от давления со стороны санкций. Платежи в национальных валютах являются предметом обсуждения в настоящее время, причем наиболее вероятной валютой, о которой идет речь, является рублевая зона³. Во-вторых, сотрудничество в области цифровизации. Необходимы совместные усилия для создания цифровых транспортных коридоров, оцифровки технических регламентов и обеспечения прослеживаемости товаров, чтобы способствовать росту электронной торговли между ЕАЭС и АСЕАН.

Из-за физической удаленности между ЕАЭС и АСЕАН вполне естественно существование проблемы, которая связана с несогласованностью в деловых вопро-

¹ Евразийский экономический союз (ЕАЭС) | ФНС России | 77 город Москва URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/inttax/eec/ (дата обращения: 25.04.2024).

² Об основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2019 год. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/551866205> (дата обращения: 25.04.2024).

³ Евразийский экономический союз (ЕАЭС) | ФНС России | 77 город Москва – https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/inttax/eec/

сах между компаниями ЕАЭС и АСЕАН, а кроме того, с проблемами наличия необходимых средств (в частности, всевозможных платформ, механизмов и институтов), способствовавших бы развитию общих действий, направленных на развитие отношений торгово-экономического характера [4, с. 42]. Тем не менее, необходимы дальнейшие усилия для достижения взаимопонимания.

В итоге АСЕАН и ЕАЭС в настоящее время вместе работают в рамках решения, согласно которому продолжается реализация Программы сотрудничества до 2030 года. Создание свободных зон между ЕАЭС и Сингапуром и Вьетнамом, а также формализация связей с большинством стран АСЕАН – все это способствовало увеличению объемов взаимной торговли. Но в настоящий момент времени имеется ряд трудностей, препятствующих увеличению и ускорению естественного и выгодного каждой из сторон сотрудничества, включая проблемы с организацией взаиморасчетов, бессистемные торговые отношения, дисбалансы в экспорте/импорте и входящих/исходящих инвестициях, неоднородность образовательного и научного потенциалов, а также недостаточное согласование законодательства [9, с. 4, 17].

Однако некоторые исследователи отмечают, что работа над двусторонними соглашениями, касающихся вопросов плотного взаимодействия между ЕАЭС и АСЕАН, в настоящее время все еще находится на ранней стадии разработки. Тем не менее, между АСЕАН и отдельными странами ЕАЭС ведется плодотворный диалог. Почти все сферы интересов государств оказываются в сфере интересов Казахстана и России, с которыми АСЕАН уже реализует ряд инициатив в различных областях. Кроме того, между государствами-членами АСЕАН и ЕАЭС проводятся двусторонние обсуждения. Наиболее перспективными сейчас являются отношения, которые АСЕАН связывают с Беларусью, Казахстаном и Россией [4, с. 120]. Однако эффективность взаимной работы двух организаций может стать острым вопросом в том случае, если вышеупомянутые выше механизмы так и не будут разработаны в краткосрочной перспективе.

В результате исследования удалось выделить главные стороны и особенности в рамках совместной деятельности АСЕАН и ЕАЭС, а также обозначить сферы, в которых возможно осуществление сотрудничества и появление потенциальных проблем.

Основываясь на проведенном анализе, имеется возможность отметить, что взаимодействие между АСЕАН и ЕАЭС имеет большой потенциал и открывает новые возможности для обоих региональных объединений. Однако, несмотря на все преимущества, существуют и определенные препятствия, которые могут затруднить процесс дальнейшей интеграции.

Важно подчеркнуть, что успешное развитие отношений между АСЕАН и ЕАЭС требует дальнейших усилий со стороны всех участников. Это включает в себя не только углубление экономического сотрудничества, но и расширение взаимодействия в таких областях, как политика, культура и образование.

В заключение, данное исследование является важным шагом в понимании взаимодействия между АСЕАН и ЕАЭС. Однако, это лишь начало пути, и требуется проведение дальнейших исследований для более глубокого понимания этого сложного и многоаспектного процесса.

Литература

1. Алиев Т. М. и др. ЕАЭС и АСЕАН: открывая новые горизонты сотрудничества: Аналитический доклад /

Т.М. Алиев, М.А. Баева, К.Н. Боргоякова, Е.С. Гушин, П.А. Доронин, О.Д. Исмаилова, А.Ю. Кнобель, О.В. Пономарева, К.А. Прока, М.Г. Пташкина, Н.С. Пыжиков, А.Н. Соколянская, Н.В. Стапран, Т.А. Флегонтова // Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России. Москва: ВАВТ, 2017. 229 с.

2. АСЕАН: причины и цели создания, этапы интеграционного процесса [Электронный ресурс]. URL: https://spravochnik.ru/mezhdunarodnye_otnosheniya/asean_prichiny_i_celi_sozdaniya_etapy_integracionnogo_processa/ (дата обращения: 22.04.2024).
3. Бизнес-диалог ЕАЭС – АСЕАН – Фонд стратегической культуры [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2023/06/19/biznes-dialog-eaes-asean.html> (дата обращения: 02.05.2024).
4. Зеленева И. В., Концова Е.А. АСЕАН и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества // Управленческое консультирование. 2015. № 11 (83). С. 112–123.
5. Интенсификация регионального экономического сотрудничества ЕАЭС-АСЕАН: драйверы и барьеры – Инвестиционный портал регионов России [Электронный ресурс]. URL: <https://roscongress.org/materials/intensifikatsiya-regionalnogo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-eaes-asean-drayvery-i-barery/> (дата обращения: 06.05.2024).
6. Канаев Е. А., Королев А.С. ЕАЭС И АСЕАН: результаты и перспективы сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. Выпуск № 1. С. 64–72. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-64-72.
7. Сочинская декларация юбилейного саммита Россия-АСЕАН в связи с 20-летием установления диалогового партнерства между Российской Федерацией и АСЕАН. Россия-АСЕАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://russia-asean20.ru/documents/> (дата обращения: 26.04.2024).
8. Федоров Н.В. Роль цифровизации в диалоге ЕАЭС и АСЕАН // Сравнительная политика. 2022. Т. 13. № 4. С. 31–44.
9. Юго-восточный вектор ЕАЭС. Анализ экономического взаимодействия Евразийского союза со странами АСЕАН. «Научно-исследовательский центр проблем интеграции стран-участниц Евразийского экономического союза «Союзный нарратив 2050»» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sonar2050.org/storage/files/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D1%8B/%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B3%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%81/%D0%95%D0%90%D0%AD%D0%A1-%D0%90%D0%A1%D0%95%D0%90%D0%9D.pdf?ysclid=Iw1wplvml3170269557> (дата обращения: 02.05.2024).
10. ASEAN Community Vision 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/aec-page/ASEAN-Community-Vision-2025.pdf> (дата обращения: 17.04.2024).
11. ASEAN to Become World's Fourth Largest Economy by 2030: Singapore PM Lee. Singapore Business Review, 30 August, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://sbr.com.sg/economy/asia/asean-become-worlds-fourth-largest-economy-2030-singapore-pm-lee> (дата обращения: 02.05.2024).
12. Korolev A. S, Kalachyhin H. M The Eurasian Dimension: Does Eaeu-Asean Format Have A Future? // Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 34. 2019.

INTERACTION BETWEEN ASEAN AND THE EAEU

Wang Li

Humanities Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article is devoted to the study of the interaction between the Association of Southeast Asian Nations and the Eurasian Economic Union. The purpose of the work is to study the nature and main vectors of the work of the ASEAN and EAEU organizations and to determine the prospects and likely difficulties of cooperation. The importance of researching this topic is primarily due to the fact that both regions have significant economic opportunities. Expanding the areas of cooperation will contribute to increased trade, investment and economic growth. In addition, there is a possibility that over time this union may contribute to solving common problems that go beyond the economy (climate change, energy security and sustainable development). In the process of working on the article, such methods were used as the analysis of scientific sources revealing the specifics of the activities of the Association of Southeast Asian Nations and the Eurasian Economic Union and describing the specifics of cooperation. The results of the study show that there are significant opportunities to increase trade and investment between the two regional associations. However, obstacles have also been identified related to differences in the economic structures, political systems and cultural characteristics of the member countries (for example, due to the physical distance between the participating countries, there is a problem of inconsistency of work between companies, and work on bilateral agreements concerning issues of close interaction between organizations is currently under development). The conclusions of the article emphasize that interaction between organizations can bring significant economic benefits to both sides. However, in order to realize this potential, it is necessary to overcome existing obstacles and develop effective cooperation strategies. It should be pointed out that beneficial cooperation between the organizations in question is possible only if both sides make efforts to create them, both from a position of cooperation in the economy and in other areas (politics, culture and education).

Keywords: integration, international organizations, free trade area, Eurasian region, Russia.

References

1. Aliyev T. M. et al. The EAEU and ASEAN: Opening New Horizons for Cooperation: Analytical Report / T.M. Aliyev, M.A. Bayeva, K.N. Borgoyakova, E.S. Gushchin, P.A. Doronin, O.D. Ismagilova, A. Yu. Knobel, O.V. Ponomareva, K.A. Proka, M.G. Ptashkina, N.S. Pyzhikov, A.N. Sokolyanskaya, N.V. Stapan, T.A. Flegontova // All-Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Moscow: VAVT, 2017. 229 p.
2. ASEAN: Reasons and Goals of Creation, Stages of the Integration Process [Electronic resource]. URL: [https://spravoch-](https://spravoch-nick.ru/mezhdunarodnye_otnosheniya/asean_prichiny_i_celi_sozdaniya_etapy_integracionnogo_processa/)
3. Business Dialogue EAEU – ASEAN – Strategic Culture Foundation [Electronic resource]. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2023/06/19/biznes-dialog-eaes-asean.html> (date of access: 02.05.2024).
4. Zeleneva I. V., Kontsova E. A. ASEAN and EAEU: Problems and Prospects of Cooperation // Management Consulting. 2015. No. 11 (83). P. 112–123.
5. Intensification of regional economic cooperation between the EAEU and ASEAN: drivers and barriers – Investment portal of Russian regions [Electronic resource]. URL: <https://roscongress.org/materials/intensifikatsiya-regionalnogo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-eaes-asean-drayvery-i-barery/> (accessed: 06.05.2024).
6. Kanaev E. A., Korolev A.S. EAEU and ASEAN: results and prospects for cooperation // World Economy and International Relations. 2020. Vol. 64. Issue No. 1. Pp. 64–72. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-64-72.
7. Sochi Declaration of the Russia-ASEAN Anniversary Summit on the 20th Anniversary of the Establishment of the Dialogue Partnership between the Russian Federation and ASEAN. Russia-ASEAN N. [Electronic resource]. URL: <http://russia-asean20.ru/documents/> (date of access: 26.04.2024).
8. Fedorov N.V. The Role of Digitalization in the Dialogue between the EAEU and ASEAN // Comparative Politics. 2022. Vol. 13. No. 4. Pp. 31–44.
9. South-Eastern Vector of the EAEU. Analysis of Economic Interaction between the Eurasian Union and the ASEAN Countries. "Research Center for Integration Problems of the Eurasian Economic Union Member States "Union Narrative 2050"" [Electronic resource]. URL: <https://www.sonar2050.org/storage/files/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D1%8B/%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B3%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%81/%D0%95%D0%90%D0%AD%D0%A1-%D0%90%D0%A1%D0%95%D0%90%D0%9D.pdf?ysclid=lw1wplvml3170269557> (date accessed: 02.05.2024).
10. ASEAN Community Vision 2025. [Electronic resource]. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/aec-page/ASEAN-Community-Vision-2025.pdf> (accessed: 17.04.2024).
11. ASEAN to Become World's Fourth Largest Economy by 2030: Singapore PM Lee. Singapore Business Review, 30 August, 2018. [Electronic resource]. URL: <https://sbr.com.sg/economy/asia/asean-become-worlds-fourth-largest-economy-2030-singapore-pm-lee> (accessed: 02.05.2024).
12. Korolev A. S., Kalachyhin H. M. The Eurasian Dimension: Does Eaeu-Asean Format Have A Future? // Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 34. 2019.

Франция и европейская интеграция: концепция «Франкофонной Европы» через призму материалов Le Monde (1957–1992)

Пау Антон Николаевич,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: antpau2@gmail.com

Коченевский Павел Вячеславович,

магистр, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: pavel.kochenevskii@gmail.com

Данилова Юлия Сократовна,

кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет
E-mail: j.v.danilova@spbu.ru

Цель исследования – проанализировать эволюцию концепции «Франкофонной Европы» в рамках европейской интеграции 1957–1992 гг. и выявить роль французских медиа, прежде всего газеты Le Monde, в её формировании. Методологически работа опирается на историко-политический и дискурс-анализ, с акцентом на лингвокультурные аспекты внешнеполитической стратегии Франции. Установлено, что Франция использовала продвижение французского языка в институтах ЕЭС как средство политического влияния и культурной гегемонии, противопоставляя его англосаксонской модели. Концепт «Франкофонной Европы» предложен как аналитическая рамка, объединяющая данные усилия, несмотря на его неофициальный характер. Освещение этой темы в Le Monde служит важным индикатором государственной идеологии и общественного восприятия. Сделан вывод о том, что языковая дипломатия была ключевым элементом внешнеполитической идентичности Пятой республики.

Ключевые слова: Франкофонная Европа, языковая дипломатия, французская культурная политика, европейская интеграция, Le Monde, медиадискурс, франкоязычные СМИ, франкофония

С середины XX века французский язык стал ключевым элементом культурной и внешнеполитической стратегии Франции, особенно в процессе европейской интеграции. Он рассматривался не просто как средство общения, а как инструмент политического влияния, способствующий закреплению роли Франции в формировании европейских институтов.

После Второй мировой войны доминирование англо-американской культуры и рост значения английского языка как глобальной *lingua franca* поставили под сомнение прежнее положение французского. В ответ Франция реализовала комплексную языковую политику, объединяющую внутренние законодательные инициативы и внешнюю культурную дипломатию. Эта стратегия, особенно активно продвигаемая де Голлем, имела целью не только защиту французского языка, но и сохранение культурной автономии Европы через многоязычие как противовес англоязычной гегемонии.

Хотя политика Франции не была оформлена как единая доктрина, она представляла собой целостную модель культурной геополитики. Учреждение Международной организации франкофонии в 1970 году подчеркнуло глобальный масштаб этой стратегии. В европейском контексте аналогичные цели достигались через институциональные и неформальные механизмы.

Понятие «Франкофонная Европа», хоть и редко используемое в академическом дискурсе, отражает суть этих усилий: закрепление французского языка как инструмента управления, дипломатии и символа европейской идентичности в условиях изменяющегося политико-языкового ландшафта Европы.

С 1957 по 1992 год идея франкофонной Европы проходила этапы становления, адаптации и переосмысления. В 1950-е годы архитекторы европейской интеграции, такие как Робер Шуман и Жан Монне, придали Европейскому экономическому сообществу выраженный франкоязычный характер. Принятый в 1958 году французский язык быстро стал основным языком межинституционального общения, отражая политическое и культурное влияние Франции, особенно в контексте таких инициатив, как Общая сельскохозяйственная политика [9].

В 1960-е годы под руководством де Голля Франция утвердила курс на европейскую автономию от англосаксонского влияния. Однако в 1970-е, после расширения ЕЭС и вступления Великобритании, страна была вынуждена адаптироваться к более многоязычной и плюралистической структуре, хотя и продолжала продвигать французские интересы.

В 1980-е годы противоречия между франкофонной моделью и усиливающимся англоязычным влиянием обострились на фоне экономической либерализации и роста роли Лондона. К началу 1990-х, несмотря на углубление интеграции на франко-германской основе (например, валютный союз), английский язык и англо-американские модели всё активнее проникали в европейское пространство.

На всём протяжении этого периода Франкофонная Европа оставалась устойчивой стратегической целью Франции, гибко реагирующей на изменения в политической и языковой динамике объединённой Европы.

В 1960-е годы президент Шарль де Голль полагал, что Европа должна отстаивать собственную идентичность. В его представлении, «англосаксонские» державы угрожали занять доминирующее положение в Западной Европе. Он опасался, что, в случае вступления Великобритании в ЕЭС, она станет «троянским конём» – проводником американского влияния, подрывающим франко-германское ядро европейской интеграции [10]. Именно это опасение стало одной из основных причин того, что де Голль дважды наложил вето на вступление Великобритании в ЕЭС – в 1963 и 1967 годах [4]. Фактически, французская политика времён де Голля была направлена на блокирование членства Британии для сохранения доминирующего положения Франции в Сообществе, которое президент Пятой республики рассматривал как фундамент международного величия страны [4].

Французские источники отмечают, что в глазах де Голля Франция стояла перед «реальной угрозой растворения в атлантизме», что означало бы утрату её уникальной идентичности [2, с. 130–140]. В противовес этому де Голль продвигал идею «Europe européenne» – Европы наций, основанной на общей латинской или франкоязычной культуре, противопоставляемой англосаксонскому либерализму.

В 1960-е годы Шарль де Голль усилил символическое и политическое продвижение французского влияния. Его выход Франции из командования НАТО в 1966 году и резонансный призыв «Да здравствует свободный Квебек!» в 1967 году подчёркивали оппозицию англосаксонской модели [6]. В дипломатии термин «англосаксонский» приобрёл негативную окраску, обозначая англо-американское доминирование, которому Франция противопоставляла собственную культурную и политическую автономию.

Голлистская концепция Франкофонной Европы опиралась на приоритет франкоязычных и латинских союзов, продвижение французского как языка европейской политики и предостережение против вступления Великобритании, которое, по мнению де Голля, подорвало бы независимость Европы и усилило её атлантическую ориентацию [1]. Его политика укрепила образ Франции как гаранта европейской автономии, даже ценой частичной изоляции.

Расширение ЕЭС в 1973 году с участием Великобритании, Ирландии и Дании стало вызовом для языкового баланса. Хотя президент Помпиду снял вето на британское членство, французский сохранил официальный статус, и институты продолжали функционировать на нём. Тем не менее, влияние английского усилилось, особенно к концу 1970-х, когда он стал доминировать в официальной и международной коммуникации.

Для Франции 1970-е годы стали периодом адаптации к многоязычному Сообществу. Париж активизировал франко-германское партнёрство и продолжал культурную стратегию франкофонии. В 1970 году Франция участвовала в создании Международной организации франкофонии (OIF) вместе с Леопольдом Сенгором и другими лидерами. Эта структура не только укрепляла глобальные позиции французского языка, но и опосредованно усиливала культурное влияние Франции в самой Европе [2, с. 130–140].

Тем не менее Франция, при президентстве Помпиду, Жискара д'Эстена и Миттерана, сумела адаптироваться к новому формату. Компромиссы были достигнуты, в частности, на саммите в Дублине в 1979 году, где был согласован механизм корректировки британских взносов, смягчивший конфликты и позволивший сохранить функционирование Сообщества. Однако французские дипломаты и интеллектуалы в конце 1970-х годов с тре-

вогой отмечали, что даже во французских университетах и среди элит всё чаще используется английский язык, что воспринималось как следствие англо-американского влияния [2, с. 130–140].

Таким образом, расширение 1970-х годов размывало прямолинейную концепцию франкофонной Европы под руководством Парижа, однако Франция всеми силами стремилась сохранить как можно больше элементов этой модели. Нарратив Франции принял форму стратегии сдерживания: сдерживания англосаксонского влияния в рамках более широкой европейской конструкции, которая по-прежнему в значительной мере вдохновлялась французскими и континентальными нормами.

Освещение подобных событий в СМИ и прессе зачастую играет важную роль в трансляции позиций страны и публичной огласке происходящих событий на мировой арене. Газета *Le Monde* – одно из самых влиятельных печатных изданий Франции, основанное в 1944 году Юбером Бёв-Мери. За десятилетия *Le Monde* нискала репутацию независимого и авторитетного образа аналитической журналистики, формирующего общественное мнение во Франции и за её пределами. В период 1957–1992 гг. Франция переживала важный этап как во внутренней культурной политике, так и на международной арене – эпоху активной европейской интеграции (расширение Европейского сообщества, подписание Единого европейского акта 1986 г., подготовки к подписанию Маастрихтского договора 1992 г.) и одновременно этап институционального оформления франкофонии как сообщества франкоязычных стран. Понятие франкофония к тому времени включало в себя совокупность политических и культурных инициатив, направленных на продвижение французского языка и сотрудничества между странами, где он используется. Ещё в 1970 г. на конференции в Ниамее было создано Агентство культурного и технического сотрудничества (АССТ) – первый многосторонний орган франкофонных стран. [12] Примечательно, что *Le Monde* с самого начала придавала этим инициативам большое значение, подчёркивая их культурно-образовательный характер: «Ce lundi débutent à Niamey les travaux de la première conférence qui réunit les représentants d'une trentaine de pays utilisant la langue française. Cette rencontre a pour objet d'étudier un projet d'agence de coopération culturelle et technique» [11]. Таким образом, уже в 1970 г. *Le Monde* отмечала зарождение франкофонного сотрудничества, тогда ещё строго в сфере культуры и технологий, без политических претензий (что соответствовало официальной позиции Франции эпохи де Голля и Помпиду).

К началу 1980-х годов тема статуса французского языка стала ещё более острой. В научно-технической сфере французский язык испытывал возрастающую конкуренцию со стороны английского; во Франции шли дискуссии о месте родного языка и региональных диалектов в обществе; на международной сцене президент Франсуа Миттеран провозгласил курс на усиление франкофонной дипломатии, инициировав первые саммиты глав государств франкофонных стран (начиная с конференции в Версале 1986 года). В этих условиях редакция *Le Monde* по вопросам языка и франкофонии отражала все ключевые аспекты проблемы – от защиты французского языка в науке до поддержки культурного многообразия внутри Франции, от критики недостатков государственной языковой политики до одобрения новых форм международного франкофонного сотрудничества. Ниже мы рассмотрим, как в 1980–1992 гг. на страницах *Le Monde* освещались данные вопросы – с подробным анализом конкретных публикаций, их контекста, цитат и интерпретации – и как через них проявлялась

и формировалась общественная дискуссия о роли французского языка в эпоху европейской интеграции.

В конце 1970-х – начале 1980-х выяснилось, что французский язык стремительно теряет позиции языка науки и техники. В 1980 г. *Le Monde* опубликовала аналитический материал Жан-Пьера ван Дета «*Langue et recherche scientifique*» («Язык и научные исследования»), в котором констатировалось доминирование английского языка в научном сообществе даже во Франции. Автор приводил тревожные факты: ни за год после обращения Академии наук, ни после решений Академии медицины (1979) ситуация не улучшилась – «*force est de constater que rien n'a changé quant aux congrès qui, se tenant en France, n'utilisent que l'anglais*» [16]. Более того, сами французские учёные предпочитают публиковаться по-английски: свыше 80% статей в субсидируемых научных журналах выходили на английском, причём написаны они в основном французами [16]. Статья Ван Дета таким образом отражала позицию *Le Monde*: признание остроты проблемы и призыв к государственной реакции.

Другим направлением, где французский язык служил инструментом «культурной дипломатии», была сеть *Alliance française* – старейшая организация, продвигающая французский язык за рубежом. В феврале 1982 г. *Le Monde* громко заявила о кризисе внутри этой уважаемой структуры. Статья Эдви Пленеля под ироничным заголовком «*La vieille dame indigne*» («Недостойная старая дама») описывала беспрецедентную забастовку преподавателей в главном Парижском центре *Alliance française* [15]. Впервые за 99 лет существования (основана в 1883 г.) *Alliance* столкнулась с забастовкой персонала, и *Le Monde* явно встала на сторону преподавателей. Преподаватели публично обвиняли руководство в эксплуатации: «*L'Alliance française vit sur une exploitation absolument inique et immorale des professeurs de l'école de Paris*» [15].

Публикация в *Le Monde* сыграла роль обличительного расследования, подчеркнув, что без должной поддержки даже такая «цитадель культуры», как *Alliance française*, оказывается в плачевном состоянии. Редакционная позиция была ясна: для успеха франкофонной политики за рубежом Франция должна прежде всего навести порядок дома – обеспечить достойные условия тем, кто ежедневно преподаёт французский язык миру. Статья способствовала возникновению дискуссии о реформировании *Alliance française* и роли государства в финансировании культурного экспорта. Таким образом, на примере этой ситуации *Le Monde* вновь проявила себя как «совесть» французской языковой политики, не боящаяся указывать на болевые точки.

К середине 1980-х годов во французском обществе назрело понимание, что защита французского языка неотделима от более широкого признания языкового многообразия. Поворотным моментом стала политика децентрализации и культурного плюрализма, проводимая левым правительством после 1981 г. В июне 1985 г. *Le Monde* опубликовала серию материалов под общим заголовком «*Langues de France et d'Europe*» – о языковой ситуации во Франции и в Европе [13]. В их числе – статья депутата от Пиренеев социалиста Жан-Пьера Дестрада «*Une responsabilité historique*» («Историческая ответственность»), приуроченная к предстоящему обсуждению идентичности регионов на правительственном уровне [13]. Дестрад аргументированно выступил за новую, более смелую языковую политику Франции, способную учесть как старые региональные языки, так и языки новых иммигрантов. Он напоминал, что несколько миллионов иммигрантов, осевших во Франции, не намерены отказываться от своей культурной идентичности

[13], а прежняя модель ассимиляции больше не работает – на смену ей должна прийти политика интеграции с уважением к родным культурам [13]. При этом автор подчёркивал: признавая разнообразие, необходимо одновременно укреплять единство республиканской нации – задача, которую социально прогрессивные силы рассматривают как «историческую ответственность» перед лицом изменившейся страны [13].

Центральным предложением Дестрада стало создание Национального совета языков Франции (*Conseil national des langues de France*) – постоянно действующего органа для координации мер по поддержке всех языков, существующих в стране [13]. Он пишет: «*Un Conseil national des langues de France devrait être mis en place pour défendre la diversité culturelle régionale*» [13]. В его видении такой Совет, наделённый необходимыми ресурсами, смог бы выработать целостную стратегию, охватывающую образование, культуру, науку, СМИ [13]. Действия в этих областях должны идти согласованно и параллельно – иначе, предупреждает Дестрад, усилия в школе мало дадут без изменений на телевидении или в науке [13]. Он указывает, что «все языки и культуры Франции нуждаются не только в конкретных мерах для своего развития, но и в официальном признании нацией, гарантирующем их легитимность» [13]. Для этого помимо текущих постановлений желательно принять рамочный закон о языках (*loi-cadre*) – как сделали некоторые соседние страны [13]. Эти идеи, звучавшие на страницах ведущей газеты, свидетельствовали о поддержке *Le Monde* курса на плюрализацию языковой политики внутри Франции. Защита французского языка более не мыслилась в отрыве от уважения к региональным языкам метрополии (бретонскому, окситанскому, баскскому и др.) и языкам иммигрантов – напротив, предполагалось, что признание многоязычия укрепит сам принцип культурного разнообразия, выгодный и для французского языка.

Одним из проявлений новой франкофонной политики Франции стали саммиты франкофонных государств – регулярные встречи глав стран, разделяющих французский язык. Первый из них прошёл в Версале в 1986 г. по инициативе президента Миттерана. *Le Monde* внимательно следила за этими событиями, анализируя не только декларации, но и реальные шаги по институциональному оформлению франкофонии. После второго саммита (Квебек, Канада, 1987 г.) газета вышла со статьёй «*Le sommet de Québec – vers une "institutionnalisation" de la francophonie*» («Квебекский саммит: к «институционализации» франкофонии»). В ней отмечалось, что во встрече делегаты «заложили основы того, что со временем может стать «хартией франкофонии»» [14]. В репортаже с саммита приводятся слова Ф. Миттерана на совместной пресс-конференции с премьер-министром Канады Б. Малруни и другими лидерами: французский президент перечислил пять приоритетных направлений сотрудничества на ближайшие полтора года [14]:

- сельское хозяйство,
- энергетика,
- культура и средства коммуникации,
- научно-техническая информация,
- «индустрии языка» (то есть лингвистические технологии и распространение языка).

Особый акцент был сделан на аудиовизуальной сфере, которая, по оценке газеты, «особенно пострадала от периода пустоты, характеризовавшего франкофонную политику Франции по меньшей мере в первый год совместного правления («*cohabitation*»)» [14]. Здесь *Le Monde* тонко намекнула, что при правительстве правого премьера Ж. Ширака (1986–1988) франкофонные иници-

циативы притормозились – особенно в области создания франкоязычного контента. Поэтому на саммите в Квебеке был реанимирован и получил приоритет проект телеканала TV5 – франкофонского спутникового канала. Газета конкретно указала, что из ~300 млн франков, выделенных Францией и Канадой на программу саммита, более трети предназначалось на развитие коммуникаций, прежде всего расширение вещания TV5 на восток Канады (а затем – США, Гаити и Магриб) [14]. Уже к марту 1988 г. TV5 планировали ретранслировать в Квебеке [14]. Le Monde подчеркнула, что для франкофонных общин, например франко-американцев Новой Англии, это имеет огромное значение: прибывший по кабелю французский телеканал заметно затормозил угасание французского языка в их среде [14]. Таким образом, освещая Квебекский саммит, газета одобрила конкретные культурные проекты (как TV5) и отметила переход франкофонии к практическим делам. Одновременно из подтекста читалось мягкое порицание тем политическим силам, которые проявляли недостаточное рвение в франкофонной политике (намёк на период «прохладцы» при коалиции с правыми). Редакционная линия, следовательно, поддерживала активную франкофонную дипломатию и консолидацию институтов франкофонии, но требовала наполнять её реальным содержанием для простых носителей языка по всему миру.

Наконец, Le Monde вновь вернулась к практическим результатам саммита для простых франкофонов. Самым ощутимым достижением для франкоязычного населения Африки было решение наконец-то расширить телеканал TV5 на африканский континент [14]. Газета подчеркнула: «Chaillot comptera surtout en raison de la décision enfin prise d'étendre... la chaîne internationale d'expression française TV5 au continent noir – une heure par jour dès 1992» [14]. Таким образом, круг замкнулся – темы, поднятые ещё на саммите 1987 г., реализовались в 1991 г.: франкофония получила не только новые советы и декларации, но и вполне конкретный инструмент продвижения языка, доступный миллионам франкофонов к югу от Сахары. Редакция Le Monde явно приветствовала этот шаг. В целом, анализируя саммит в Шайо, газета продемонстрировала сбалансированную позицию: признание достижения «зрелости» франкофонии в виде расширения охвата и институций – при одновременном критическом замечании, что зрелость эта относительна и сопровождается компромиссами. Благодаря таким публикациям читатели могли трезво оценить и успехи (расширение франкоязычного сотрудничества, запуск ТВ-инициатив), и проблемы (необходимость соблюдения демократических принципов, бюрократизация структуры).

Подводя итог, можно сказать, что Le Monde отражала основные тенденции французской языковой дипломатии эпохи Миттерана, часто предвосхищая официальные шаги. Так, ещё до первых саммитов газета создала пространство для обсуждения «франкофонной идеи», а когда саммиты начались – поддерживала их дух, одновременно призывая к наполнению франкофонии реальными проектами (телеканал, обмены, наука). К началу 1990-х благодаря усилиям в том числе и медиа-дискурса, который вел Le Monde, тема статуса французского языка стала осмысляться шире – как часть глобального диалога о культурном многообразии в объединяющемся мире. В эпоху европейской интеграции, когда английский язык стремительно превращался в «лингва франка» нового времени, Le Monde настойчиво продвигала альтернативную точку зрения: многоязычная франкофония способна стать одним из столпов гуманистической Европы, а французский язык – не реликтом прошлого, а живым и современным средством международного общения,

если подойти к его поддержке творчески и ответственно. Такая позиция влияла на умы французской интеллектуальной элиты и широкой аудитории, побуждая искать баланс между национальной языковой гордостью и открытостью к миру. Недаром по прошествии этих лет Франция продолжила активную франкофонную политику, многие идеи которой – например, продвижение французского через глобальные СМИ, законодательная защита языкового наследия, увязка франкофонии с правами человека – впервые получили гласность именно на страницах Le Monde.

Литература

1. История отношений Великобритании и ЕС. 2016. // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20160623/1449635164.html> (Дата обращения: 03.04.2025)
2. Силичева, Н.Д. Франкофония как современная форма французского мессианизма / Н.Д. Силичева // Философия и общество. Выпуск № 1(22)/2001. – Волгоград: ООО «Издательство «Учитель», 2001. – С. 130–140.
3. Стрежнева М.В. Экономический и валютный союз в Европе: проблемы эффективности и легитимности. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – с 50.
4. Черкашов С.С. Шарль де Голль и вступление Великобритании в ЕЭС в 1960-е гг. Причины противодействия // Дискуссия. 2010. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sharl-de-goll-i-vstuplenie-velikobritanii-v-ees-v-1960-e-gg-prichiny-protivodeystviya> (дата обращения: 02.04.2025).
5. A. Moravcsik. De Gaulle Between Grain and Grandeur: The Political Economy of French EC Policy, 1958–1970 (Part 1). // Journal of Cold War Studies 2(2):3–43. 2000. URL: <https://www.princeton.edu/~amoravcs/library/grandeur1.pdf> (Дата обращения: 03.04.2025)
6. A. Passeron. En s'écriant à Montréal: "Vive le Québec libre!" le général de Gaulle provoque de vives réactions des autorités fédérales Une explosion d'enthousiasme. 1967. // LeMonde. URL: https://www.lemonde.fr/archives/article/1967/07/26/en-s-ecriant-a-montreal-vive-le-quebec-libre-le-general-de-gaulle-provoque-de-vives-reactions-des-autorites-federales-une-explosion-d-enthousiasme_3112101_1819218.html (Дата обращения: 02.04.2025)
7. Draft Treaty – Fouchet Plan I (2 November 1961). // CVCE. URL: http://www.cvce.eu/obj/draft_treaty_fouchet_plan_i_2_novembre_1961-en-485fa02ef21e-4e4d-9665-92f0820a0c22.html (Дата обращения: 02.04.2025)
8. E. Chabal. Les Anglo-Saxons. 2017. // Aeon Essays. URL: <https://aeon.co/essays/the-anglo-saxon-is-not-american-or-british-but-a-french-alter-ego> (Дата обращения: 02.04.2025)
9. EEC Council: Regulation No 1 determining the languages to be used by the European Economic Community. // EUR-Lex / URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:31958R0001&from=BG> (Дата обращения: 01.04.2025)
10. The Audacity of de Gaulle // Hoover Institution. URL: <https://www.hoover.org/research/audacity-de-gaulle> (дата обращения: 01.04.2025)
11. Decraene Ph. Les liens entre états francophones doivent demeurer strictement culturels et techniques // Le Monde. 1969. 18 février. Disponible sur: https://www.lemonde.fr/archives/article/1969/02/18/les-liens-entre-etats-francophones-doivent-demeurer-strictement-culturels-et-techniques_2430219_1819218.html#:~:text=Ce%20lundi%20d%C3%A9butent%20%C3%A0%20Niamey,

d%27agence%20de%20coop%C3%A9ration%20culturelle%20et (дата обращения: 01.04.2025).

12. Decraene Ph. Trente-trois États de langue française mettent au point une "agence de coopération culturelle" // *Le Monde*. 1970. 16 mars. Disponible sur: https://www.lemonde.fr/archives/article/1970/03/16/trente-trois-etats-de-langue-francaise-mettent-au-point-une-agence-de-cooperation-culturelle_2663524_1819218.html (дата обращения: 01.04.2025).
13. Destrade J.-P. Une responsabilité historique (Langues de France et d'Europe) // *Le Monde*. 1985. 12 juin. (Page 2). Disponible sur: https://archive.org/stream/LeMondeDiplomatique1985FranceFrench/Jun%2012%201985%2C%20Le%20Monde%20Diplomatique%2C%20%2312555%2C%20France%20%28fr%29_djvu.txt (extr. pages 944–953) (дата обращения: 01.04.2025).
14. Le sommet de Québec – vers une "institutionnalisation" de la francophonie // *Le Monde*. 1987. 6 septembre. Disponible sur: https://www.lemonde.fr/archives/article/1987/09/06/le-sommet-de-quebec-vers-une-institutionnalisation-de-la-francophonie_4048408_1819218.html (дата обращения: 01.04.2025).
15. Plenel E. Les enseignants du centre parisien de l'Alliance française ont fait grève – La vieille dame indigne // *Le Monde*. 1982. 22 février. Disponible sur: https://www.lemonde.fr/archives/article/1982/02/22/les-enseignants-du-centre-parisien-de-l-alliance-francaise-ont-fait-greve-la-vieille-dame-indigne_3104817_1819218.html (дата обращения: 01.04.2025).
16. Van Deth J.-P. Langue et recherche scientifique // *Le Monde*. 1980. 10 juillet. Disponible sur: https://www.lemonde.fr/archives/article/1980/07/10/langue-et-recherche-scientifique_2796136_1819218.html (дата обращения: 01.04.2025).

FRANCE AND EUROPEAN INTEGRATION: TRACING THE CONCEPT OF 'FRANCOPHONE EUROPE' IN LE MONDE (1957–1992)

Pau A.N., Kochenevsky P.V., Danilova Yu.S.
St. Petersburg State University

This article analyzes the evolution of the concept of "Francophone Europe" within the framework of European integration between 1957 and 1992, with a particular focus on the role of French media – notably *Le Monde* – in shaping and reflecting this idea. The study applies a combination of historical-political and discourse analysis, emphasizing the linguistic and cultural dimensions of France's foreign policy strategy. It is demonstrated that France promoted the French language within EEC institutions as a tool of political influence and cultural hegemony, positioning it in contrast to the Anglo-Saxon model. "Francophone Europe" is proposed as an analytical framework that unifies these efforts, despite lacking formal institutional status. The media coverage in *Le Monde* serves as an important indicator of both official ideology and public discourse. The study concludes that linguistic diplomacy was a central element of the Fifth Republic's international identity.

Keywords: Francophone Europe, linguistic diplomacy, French cultural policy, European integration, *Le Monde*, media discourse, Francophone media, Francophonie.

References

1. History of relations between Great Britain and the EU. 2016. // RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20160623/1449635164.html> (Accessed: 03.04.2025)
2. Silicheva, N.D. Francophonie as a modern form of French messianism / N.D. Silicheva // *Philosophy and Society*. Issue No. 1

- (22) / 2001. – Volgograd: OOO "Izdatelstvo" Uchitel " , 2001. – P. 130–140.
3. Strezhneva M.V. Economic and Monetary Union in Europe: Problems of Efficiency and Legitimacy. – Moscow: IMEMO RAS, 2018. – p. 50.
4. Cherkashov S.S. Charles de Gaulle and Great Britain's Accession to the EEC in the 1960s. Reasons for Opposition // *Discussion*. 2010. No. 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sharldegoll-i-vstuplenie-velikobritanii-v-ees-v-1960-e-gg-prichiny-protivodeystviya> (date of access: 02.04.2025).
5. A. Moravcsik. De Gaulle Between Grain and Grandeur: The Political Economy of French EC Policy, 1958–1970 (Part 1). // *Journal of Cold War Studies* 2(2):3–43. 2000. URL: <https://www.princeton.edu/~amoravcs/library/grandeur1.pdf> (Access date: 04/03/2025)
6. A. Passeron. En s'écriant à Montréal: "Vive le Québec libre!" "Le général de Gaulle provoque de vives réactions des autorités fédérales Une explosion d'enthousiasme. 1967. // *Le Monde*. URL: https://www.lemonde.fr/archives/article/1967/07/26/en-s-ecriant-a-montreal-vive-le-quebec-libre-le-general-de-gaulle-provoque-de-vives-reactions-des-autorites-federales-une-explosion-d-enthousiasme_3112101_1819218.html (Date of access: 04/02/2025)
7. Draft Treaty – Fouchet Plan I (2 November 1961). // CVCE. URL: http://www.cvce.eu/obj/draft_treaty_fouchet_plan_i_2_november_1961-en-485fa02e-f21e-4e4d-9665-92f0820a0c22.html (Date of access: 04/02/2025)
8. E. Chabal. Les Anglo-Saxons. 2017. // *Aeon Essays*. URL: <https://aeon.co/essays/the-anglo-saxon-is-not-american-or-british-but-a-french-alter-ego> (Date accessed: 04/02/2025)
9. EEC Council: Regulation No 1 determining the languages to be used by the European Economic Community. // *EUR-Lex*/URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:31958R0001&from=BG> (Date of access: 04/01/2025)
10. The Audacity of de Gaulle // Hoover Institution. URL: <https://www.hoover.org/research/audacity-de-gaulle> (access date: 04/01/2025)
11. Decraene Ph. Les liens entre états francophones doivent demeurer strictement culturels et techniques // *Le Monde*. 1969. 18 February. Disponible sur: https://www.lemonde.fr/archives/article/1969/02/18/les-liens-entre-etats-francophones-doivent-demeurer-strictement-culturels-et-techniques_2430219_1819218.html#:~:text=Ce%20undi%20d%C3%A9butent%20%C3%A0%20Niaméy,d%27agence%20de%20coop%C3%A9ration%20culturelle%20et (date of access: 04/01/2025).
12. Decraene Ph. Trente-trois États de langue française mettent au point une "agence de coopération culturelle" // *Le Monde*. 1970. 16 mars. Disponible sur: https://www.lemonde.fr/archives/article/1970/03/16/trente-trois-etats-de-langue-francaise-mettent-au-point-une-agence-de-cooperation-culturelle_2663524_1819218.html (access date: 04/01/2025).
13. Destrade J.-P. Une responsabilité historique (Langues de France et d'Europe) // *Le Monde*. 1985. 12 June. (Page 2). Disponible sur: https://archive.org/stream/LeMondeDiplomatique1985FranceFrench/Jun%2012%201985%2C%20Le%20Monde%20Diplomatique%2C%20%2312555%2C%20France%20%28fr%29_djvu.txt (extr. pages 944–953) (date of access: 04/01/2025).
14. Le sommet de Québec – vers une "institutionnalisation" de la francophonie // *Le Monde*. 1987. 6 September. Disponible sur: https://www.lemonde.fr/archives/article/1987/09/06/le-sommet-de-quebec-vers-une-institutionnalisation-de-la-francophonie_4048408_1819218.html (access date: 04/01/2025).
15. Plenel E. Les enseignants du center parisien de l'Alliance française ont fait grève – La vieille dame indigne // *Le Monde*. 1982. 22 February. Disponible sur: https://www.lemonde.fr/archives/article/1982/02/22/les-enseignants-du-centre-parisien-de-l-alliance-francaise-ont-fait-greve-la-vieille-dame-indigne_3104817_1819218.html (accessed: 04/01/2025).
16. Van Deth J.-P. Langue et recherche scientifique // *Le Monde*. 1980. 10 juillet. Disponible sur: https://www.lemonde.fr/archives/article/1980/07/10/langue-et-recherche-scientifique_2796136_1819218.html (access date: 04/01/2025).

Адаптация к изменению климата: мировые практики и их применение в российском контексте

Тихонов Юрий Олегович,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: st085723@student.spbu.ru

В статье проведено исследование общепринятых в международной практике подходов к адаптации к изменению климата с акцентом на возможность их применения в российских условиях. Методология исследования включает в себя общенаучные методы анализа, синтеза, классификации, а также специальные методы, такие как кейс-стади и междисциплинарный анализ. В работе дано определение понятию «адаптация к изменению климата» в соответствии с текущими нормами российского законодательства. Проведена классификация мер такой адаптации на категории по инструментальному принципу, приведены примеры их применения в международной практике. Отдельное внимание уделено российской климатической политике и подходах, применяемых с целью адаптации к изменению климата, а также анализу их соответствия общемировым практикам. Выводы исследования демонстрируют, что Россия не отстает от других стран в области защиты окружающей среды в области применения передовых подходов к адаптации к климатическим изменениям. В статье приведены рекомендации по расширению применения мер по адаптации к изменению климата в России с целью повышения эффективности принимаемых управленческих решений и реализуемых проектов в этой области.

Ключевые слова: адаптация, изменение климата, устойчивое развитие, климатическая политика, международный опыт, Россия.

Введение

Изменение климата является одним из наиболее острых вызовов мировому сообществу, ведь оно видоизменяет природные экосистемы, что отражается на социальных институтах и экономических процессах. Ускоряющееся потепление, учащающиеся экстремальные погодные явления и деградация окружающей среды требуют не только мер по смягчению последствий изменения климата, но и разработки стратегий по адаптации к этим изменениям, особенно в странах с высокой климатической уязвимостью.

В международной практике за последние два десятилетия были выработаны разные меры адаптации, включая институциональные, инфраструктурные и поведенческие подходы. Однако эффективность их применения в определённой среде зависит от разных факторов, включая уровень технологического развития, последовательность проводимой экологической политики, текущую политическую и экономическую ситуацию.

Целью данной статьи является анализ зарубежного опыта адаптации к изменению климата и выявление примеров его применения в российском контексте.

Задачи исследования:

- провести обзор и классификацию существующих подходов к адаптации к изменению климата;
- проанализировать конкретные кейсы адаптационной политики в зарубежных странах;
- выявить подходы, применяемые в российской действительности;
- обосновать пути расширения применения мер по адаптации к изменению климата в России.

Материалы и методы

В отечественной научной среде всё чаще поднимается вопрос о применимости в России зарубежного опыта по адаптации к изменению климата в разных сферах. В частности, исследователи изучают подходы к планированию адаптационных мер [4], стратегии адаптации сельского хозяйства [3], методы мониторинга лесного сектора [5]. Тем не менее, такие исследования концентрируются на определённых областях хозяйственной деятельности, тогда как изменения климата затрагивают всю экономику в целом, оказывая при этом неоднородное воздействие на разные регионы, сообщества и экономические отрасли нашей страны. В связи с этим актуальной являются задачи по систематизации мирового опыта по адаптации к климатическим изменениям и по оценке применения общепринятых подходов в российский реалиях.

Методы исследования включают в себя как общенаучные подходы, такие как анализ, синтез, классификацию, так и специальные подходы, включая кейс-стади и междисциплинарный подход. Использование этой методологии в исследовании позволяет систематизировать опыт зарубежных стран в области адаптации к климатическим изменениям, изучить примеры его применения и сделать выводы об актуальности таких мер для России.

Понятие «адаптация к изменению климата»

Изучение адаптационных стратегий в международном контексте предполагает опору на междисциплинарные исследования, охватывающие экологию, политологию, социологию и экономику. Ключевым понятием в данном исследовании является адаптация к изменению климата, понимаемая в настоящей работе как «приспособление природных, социальных или экономических систем в ответ на фактические или ожидаемые климатические изменения, а также их последствия, которые наносят значительный прямой материальный ущерб инфраструктуре и оказывают негативное воздействие на здоровье и благосостояние людей» [1].

Концепция устойчивого развития также является значимой теоретической концепцией, тесно связанной с адаптацией к климатическим изменениям. Стратегии адаптации становятся эффективными именно в рамках последовательной политики социально-экономического развития [17].

Классификация адаптационных мер

Мировой опыт адаптации к изменению климата разнообразен и включает в себя различные подходы. Их можно классифицировать по инструментальному принципу, то есть по тому, какие инструменты применяются в рамках данных подходов:

1. Рекреационные – меры по озеленению местности, восстановлению экосистем;
2. Технологические – подходы, предполагающие применение современных технологий для адаптации к изменению климата (например, цифровых систем);
3. Институциональные – подходы, включающие создание политических и правовых институтов, способствующих адаптации к изменению климата (например, создание национальных или международных контролирующих органов).

На конкретных примерах продемонстрируем предлагаемую классификацию.

Рекреационный подход

На сегодняшний день за рубежом есть ряд проектов, демонстрирующих эффективность озеленения и восстановления экосистем как мер адаптации к климатическим изменениям. Китай является одной из ведущих стран в этом отношении, активно продвигая концепцию «городов-губок». Этот подход к городскому планированию предусматривает использование проницаемых поверхностей, зелёных насаждений и искусственных водоёмов для поглощения и хранения дождевой воды [7, с. 79]. В Париже осуществляется проект «Oasis», направленный на озеленение школьных дворов с использованием водоудерживающих покрытий, что способствует повышению комфорта и безопасности городской среды для детей и подростков [16].

В Аргентине удалось восстановить экосистему в регионе Чако за счёт ввоза популяции ягуаров, что привело к возобновлению природной регуляции травоядных и восстановлению растительности [13]. Успешные примеры восстановления экосистем есть и в других странах, например, в Великобритании, где удалось восстановить популяцию бобров, что положительно сказалось на окружающей среде и, как следствие, качестве воды в регионах Шотландии [2].

Технологический подход

В сфере современных технологий целый набор инструментов может быть использован для адаптации к измене-

нию климата. К таким технологическим решениям относят использование искусственного интеллекта для анализа данных о состоянии климата, использование беспилотных летательных аппаратов и исследовательских спутников для сбора информации и применение Интернета вещей для управления комплексами по наблюдению за окружающей средой. Иными словами, современные технологии могут позволить получать более достоверную информацию для принятия и корректировки управленческих решений в области климатической политики.

Например, рассматривается использование искусственного интеллекта для обработки данных со спутников с целью подбора наиболее подходящих мер по адаптации к изменению климата в городском планировании [18]. Этот подход позволяет симулировать возможные последствия реализации тех или иных решений по защите окружающей среды, опираясь на реальные данные, что позволит с большей точностью делать прогнозы и корректировать климатическую политику.

Существуют примеры готовых решений в области Интернета вещей, которые позволяют ускорить сбор и передачу информации о происшествиях и чрезвычайных ситуациях. Калифорнийская компания RapoAI разработала платформу для обнаружения лесных пожаров и передачи информации пожарным специалистам и службам экстренной помощи, которая объединяет мощные камеры с несколькими потоками данных, осуществляющих наблюдение за более чем 5 миллионами акров земли [15]. В Финляндии Интернет вещей используется для наблюдения за стадами оленей [10].

Институциональный подход

Институциональные подходы особенно актуальны на межгосударственном и местном уровне. Это связано, во-первых, с характером климатических изменений, которые оказывают воздействие на все страны мира вне зависимости от границ, установленных между ними, а, во-вторых, с тем, что на национальном и региональном уровнях, как правило, действуют министерства или ведомства по охране окружающей среды, тогда как на местном уровне такие институты действуют не всегда.

Одним из наиболее ярких примеров межгосударственных институтов, занимающихся адаптацией к изменению климата, является Европейское агентство по окружающей среде, созданное в рамках Европейского союза ещё в 1993 году. В настоящий момент помимо стран-членов ЕС с Агентством сотрудничают Исландия, Лихтенштейн, Норвегия, Турция и Швейцария, что позволяет Агентству централизованно заниматься наблюдением за окружающей средой, охватывая территорию 33 государств [11]. Агентство собирает и предоставляет большое количество данных о состоянии окружающей среды, позволяя разным странам Европы координировать свою климатическую политику.

Примером создания институтов на местном уровне является созданный в Финляндии Саамский климатический совет, в который вошли исследователи и представители народа саамов. Целью создания Совета является попытка использовать традиции и знания саамского народа для поиска новых подходов к адаптации к климатическим изменениям [14].

Применение адаптационных мер в России

Россия, являясь крупнейшей страной в мире, сталкивается с множеством климатических угроз, дифференцированных по регионам: от таяния вечной мерзлоты на Севере до засух в южных степных районах. В связи

с этим, Россия применяет разные подходы по адаптации к климатическим изменениям, описанные в данной работе. При этом потенциал адаптации во многом остаётся не реализованным.

Адаптация через рекреационный подход

Многие российские города подвержены климатическим рискам, тождественным тем, с которыми сталкиваются другие страны мира. В частности, во многих городах России актуальной является проблема затопления улиц во время сильных проливных дождей. В этой связи особенно интересными может стать концепция городов-губок. Более того, в России есть примеры реализации подобных проектов. Например, в Южно-Сахалинске уже реализован проект по зелёным общественным пространствам с функцией регулирования влагооборота и снижения температуры [8]. Подобные проекты точно реализуются в других крупных городах России. На федеральном и региональном уровнях реализуется множество мер по сохранению экосистем путём создания рекреационных зон. В области предупреждения засух также есть успешные проекты, такие как, например, модернизация систем ирригации в Ставропольском крае [9].

Применение современных технологий

В климатической доктрине России обозначен набор принципов климатической политики, в числе которых значатся «учёт возможных экономических, социальных, экологических и иных потерь и выгод, связанных с изменением климата», а также «научная обоснованность принимаемых государством мер в области климата» [6]. Использование современных технологий и подходов, обозначенных в настоящей статье, соответствует этим принципам. Более того, в России уже ведутся исследования по возможностям применения искусственного интеллекта в прогнозировании и моделировании климатических эффектов. Одним из ярких примеров является исследование, проведённое учёными Сколковского института науки и технологий, в области машинного анализа воздействия изменения климата на пригодность земель для сельского хозяйства. Дальнейшие усилия в этой области, включая создание централизованной сети по сбору и анализу больших данных о состоянии окружающей среды, позволит Правительству России повышать эффективность принимаемых решений в области защиты окружающей среды.

Институциональный подход

В последние годы в России обновлён и расширен комплекс правовых институтов, включающий Климатическую доктрину, Национальный план по адаптации к изменению климата и другие нормативные акты. Россия является страной-участницей международного климатического режима, принимает меры по соблюдению Парижского соглашения по климату. Создание международных институтов по контролю состояния окружающей среды в кооперации с дружественными странами-соседами (Беларусь, Казахстан, Китай и другие) может позволить России повысить эффективность сбора данных и обмена опытом с зарубежными специалистами.

Заключение

Анализ международных стратегий адаптации к изменению климата показывает, что многие из них уже применяются в российских условиях. Тем не менее, некоторые из этих подходов требуют масштабирования, другие стали

применяться недавно. Повышение значимости климатической политики и рост финансирования соответствующих проектов, а также обмен опытом между специалистами внутри страны и за рубежом позволит России повысить уровень готовности к возможным климатическим изменениям и, как следствие, эффективность климатической политики.

Литература

1. Адаптация к изменениям климата // Министерство экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/investicionnaya_deyatelnost/obespechenie_razvitiya_ekonomiki_v_usloviyah_izmeneniya_klimata/adaptaciya_k_izmeneniyam_klimata/ (дата обращения: 15.04.2025).
2. Гринфилд Э. Истории успеха в восстановлении экосистемы / Э. Гринфилд // SigmaEarth. 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sigmaearth.com/ru/история-успеха-в-восстановлении-экосистем/> (дата обращения: 15.04.2025).
3. Евдокимова Н.Е. Зарубежный опыт разработки стратегий адаптации сельского хозяйства к изменению климата / Н.Е. Евдокимова // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2018. № 4. С. 32–36.
4. Зинченко Ю.В. Планирование адаптации к изменению климата: мировой опыт и возможности для устойчивого развития России / Ю.В. Зинченко, Б.Н. Порфирьев, Н.Е. Терентьев // Проблемы прогнозирования. 2023. № 2. С. 154–168.
5. Институциональные методы и формы осуществления мониторинга эффективности реализованных мер адаптации лесного сектора экономики к климатическим изменениям / А.В. Константинов, Т.С. Королёва, Е.А. Кушнир, И.О. Торжков // Лесотехнический журнал. 2020. № 4. С. 243–256.
6. Климатическая доктрина Российской Федерации: утверждена Указом Президента России 26 октября 2023 г. // Официальное опубликование правовых актов. 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310260009/> (дата обращения: 15.04.2025).
7. Коновалова Н.А. Новейшие стратегии урбанизации в Китае: концепция «города-губки» / Н.А. Коновалова // Градостроительство. 2022. № 1–2. С. 79–84.
8. Лучшая практика // Формирование комфортной городской среды. 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gorodsreda.ru/> (дата обращения: 15.04.2025).
9. Нелидина Д. Победим засуху. Многоцелевой мелиоративно-водохозяйственный комплекс – каркас экономики Ставрополя / Д. Нелидина // Вестник агропромышленного комплекса. 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vestnikaprk.ru/articles/portret-regiona/pobedim-zasukhu/> (дата обращения: 15.04.2025).
10. Оленеводы Финляндии тестируют IoT-решение для мониторинга стад // Io T.ru. 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iot.ru/monitoring/olenevody-finlyandii-testiruyut-iot-reshenie-dlya-monitoringa-stad/> (дата обращения: 15.04.2025).
11. About the EEA // European Environment Agency. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.eea.europa.eu/en/analysis/publications/the-european-environment-agency-in-brief/> (дата обращения: 15.04.2025).

12. Climate Change Impact on Agricultural Land Suitability: An Interpretable Machine Learning-Based Eurasia Case Study / Shevchenko V., Lukashevich A., Taniushkina D. [et al.] // IEEE Access. 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/377738468_Climate_Change_Impact_on_Agricultural_Land_Suitability_An_Interpretable_Machine_Learning-Based_Eurasia_Case_Study/ (дата обращения: 15.04.2025).
13. El Impenetrable National Park // Fondation Rewilding Argentina. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rewildingargentina.org/elimpenetrable-project/> (дата обращения: 15.04.2025).
14. Government appointed Sámi Climate Council // Ministry of the Environment. 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ym.fi/en/-/government-appointed-sami-climate-council/> (дата обращения: 15.04.2025).
15. Masterson V. 6 technologies to help the world adapt to climate change / V. Masterson // World Economic Forum. 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.weforum.org/stories/2024/02/ai-climate-adaptation-technologies/> (дата обращения: 15.04.2025).
16. OASIS in Paris: greening the city and reversing climate change, one schoolyard at a time // European Commission. 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/projects/France/oasis-in-paris-greening-the-city-and-reversing-climate-change-one-schoolyard-at-a-time/ (дата обращения: 15.04.2025).
17. Sachs, J.D. The age of sustainable development / J.D. Sachs // Columbia University Press: 2015. 544 p.
18. Sirmacek B., Vinuesa R. Remote sensing and AI for building climate adaptation applications / B. Sirmacek, R. Vinuesa // Results in Engineering. 2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/361868002_Remote_sensing_and_AI_for_building_climate_adaptation_applications/ (дата обращения: 15.04.2025).
19. Access mode: <https://sigmaearth.com/ru/история-успеха-в-восстановлении-экосистем/> (access date: 04/15/2025).
3. Evdokimova N.E. Foreign experience in developing strategies for adapting agriculture to climate change / N.E. Evdokimova // Economics, labor, management in agriculture. 2018. No. 4. pp. 32–36.
4. Zinchenko Yu.V. Planning adaptation to climate change: world experience and opportunities for sustainable development of Russia / Yu.V. Zinchenko, B.N. Porfiriev, N.E. Terentyev // Problems of forecasting. 2023. No. 2. pp. 154–168.
5. Institutional methods and forms of monitoring the effectiveness of implemented measures of adaptation of the forest sector of the economy to climate change / A.V. Konstantinov, T.S. Koroleva, E.A. Kushnir, I.O. Torzhkov // Forestry Journal. 2020. No. 4. pp. 243–256.
6. The Climate Doctrine of the Russian Federation: approved by Decree of the President of Russia on October 26, 2023 // Official publication of legal acts. 2023. [Electronic resource]. Access mode: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310260009/> (access date: 04/15/2025).
7. Konovalova N.A. The latest urbanization strategies in China: the concept of a “sponge city” / N.A. Konovalova // Urban planning. 2022. No. 1–2. pp. 79–84.
8. Best practice // Formation of a comfortable urban environment. 2025. [Electronic resource]. Access mode: <https://gorodsreda.ru/> (access date: 04/15/2025).
9. Nelidina D. Let's overcome the drought. Multipurpose land reclamation and water management complex – the framework of the Stavropol economy / D. Nelidina // Bulletin of the agro-industrial complex. 2024. [Electronic resource]. Access mode: <https://vestnikapk.ru/articles/portret-regiona/pobedim-zasukhu/> (access date: 04/15/2025).
10. Reindeer herders in Finland are testing an IoT solution for herd monitoring // Io T.ru. 2018. [Electronic resource]. Access mode: <https://iot.ru/monitoring/olenevody-finlyandii-testiruyut-iot-reshenie-dlya-monitoringa-stad/> (access date: 04/15/2025).
11. About the EEA // European Environment Agency. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.eea.europa.eu/en/analysis/publications/the-european-environment-agency-in-brief/> (access date: 04/15/2025).
12. Climate Change Impact on Agricultural Land Suitability: An Interpretable Machine Learning-Based Eurasia Case Study / Shevchenko V., Lukashevich A., Taniushkina D. [et al.]. [Электронный ресурс]: IEEE Access. 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/377738468_Climate_Change_Impact_on_Agricultural_Land_Suitability_An_Interpretable_Machine_Learning-Based_Eurasia_Case_Study/ (access date: 04/15/2025).
13. El Impenetrable National Park // Fondation Rewilding Argentina. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.rewildingargentina.org/elimpenetrable-project/> (access date: 04/15/2025).
14. Government appointed Sámi Climate Council // Ministry of the Environment. 2023. [Electronic resource]. Access mode: <https://ym.fi/en/-/government-appointed-sami-climate-council/> (access date: 04/15/2025).
15. Masterson V. 6 technologies to help the world adapt to climate change / V. Masterson // World Economic Forum. 2024. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.weforum.org/stories/2024/02/ai-climate-adaptation-technologies/> (access date: 04/15/2025).
16. OASIS in Paris: greening the city and reversing climate change, one schoolyard at a time // European Commission. 2021. [Electronic resource]. Access mode: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/projects/France/oasis-in-paris-greening-the-city-and-reversing-climate-change-one-schoolyard-at-a-time/ (access date: 04/15/2025).
17. Sachs, J.D. The age of sustainable development / J.D. Sachs // Columbia University Press: 2015. 544 p.
18. Sirmacek B., Vinuesa R. Remote sensing and AI for building climate adaptation applications / B. Sirmacek, R. Vinuesa // Results in Engineering. 2022. [Electronic resource]. Access mode: https://www.researchgate.net/publication/361868002_Remote_sensing_and_AI_for_building_climate_adaptation_applications/ (access date: 04/15/2025).

ADAPTATION TO CLIMATE CHANGE: GLOBAL PRACTICES AND THEIR APPLICATION IN THE RUSSIAN CONTEXT

Tikhonov Yu.O.

Saint Petersburg State University

The article examines the generally accepted approaches to climate change adaptation in international practice, with an emphasis on the possibility of their application in Russian conditions. The research methodology includes general scientific methods of analysis, synthesis, classification, as well as special methods such as case study and interdisciplinary analysis. The paper defines the concept of “adaptation to climate change” in accordance with the current norms of Russian legislation. The classification of such adaptation measures into categories according to the instrumental principle is carried out, and examples of their application in international practice are given. Special attention is paid to Russian climate policy and approaches used to adapt to climate change, as well as to the analysis of their compliance with global practices. The findings of the study demonstrate that Russia is not lagging behind other countries in the field of environmental protection in applying advanced approaches to adaptation to climate change. The article provides recommendations for expanding the application of climate change adaptation measures in Russia in order to improve the effectiveness of management decisions and ongoing projects in this area.

Keywords: adaptation, climate change, sustainable development, climate policy, international practice, Russia.

References

1. Adaptation to climate change // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. [Electronic resource]. Access mode: https://www.economy.gov.ru/material/directions/investicionnaya_deyatelnost/obespechenie_razvitiya_ekonomiki_v_usloviyah_izmeneniya_klimata/adaptaciya_k_izmeneniyam_klimata/ (access date: 04/15/2025).
2. Greenfield E. Success stories in ecosystem restoration / E. Greenfield // SigmaEarth. 2024. [Electronic resource]. Access mode: <https://sigmaearth.com/ru/история-успеха-в-восстановлении-экосистем/> (access date: 04/15/2025).
3. Evdokimova N.E. Foreign experience in developing strategies for adapting agriculture to climate change / N.E. Evdokimova // Economics, labor, management in agriculture. 2018. No. 4. pp. 32–36.
4. Zinchenko Yu.V. Planning adaptation to climate change: world experience and opportunities for sustainable development of Russia / Yu.V. Zinchenko, B.N. Porfiriev, N.E. Terentyev // Problems of forecasting. 2023. No. 2. pp. 154–168.
5. Institutional methods and forms of monitoring the effectiveness of implemented measures of adaptation of the forest sector of the economy to climate change / A.V. Konstantinov, T.S. Koroleva, E.A. Kushnir, I.O. Torzhkov // Forestry Journal. 2020. No. 4. pp. 243–256.
6. The Climate Doctrine of the Russian Federation: approved by Decree of the President of Russia on October 26, 2023 // Official publication of legal acts. 2023. [Electronic resource]. Access mode: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310260009/> (access date: 04/15/2025).
7. Konovalova N.A. The latest urbanization strategies in China: the concept of a “sponge city” / N.A. Konovalova // Urban planning. 2022. No. 1–2. pp. 79–84.
8. Best practice // Formation of a comfortable urban environment. 2025. [Electronic resource]. Access mode: <https://gorodsreda.ru/> (access date: 04/15/2025).
9. Nelidina D. Let's overcome the drought. Multipurpose land reclamation and water management complex – the framework of the Stavropol economy / D. Nelidina // Bulletin of the agro-industrial complex. 2024. [Electronic resource]. Access mode: <https://vestnikapk.ru/articles/portret-regiona/pobedim-zasukhu/> (access date: 04/15/2025).
10. Reindeer herders in Finland are testing an IoT solution for herd monitoring // Io T.ru. 2018. [Electronic resource]. Access mode: <https://iot.ru/monitoring/olenevody-finlyandii-testiruyut-iot-reshenie-dlya-monitoringa-stad/> (access date: 04/15/2025).
11. About the EEA // European Environment Agency. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.eea.europa.eu/en/analysis/publications/the-european-environment-agency-in-brief/> (access date: 04/15/2025).
12. Climate Change Impact on Agricultural Land Suitability: An Interpretable Machine Learning-Based Eurasia Case Study / Shevchenko V., Lukashevich A., Taniushkina D. [et al.]. [Электронный ресурс]: IEEE Access. 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/377738468_Climate_Change_Impact_on_Agricultural_Land_Suitability_An_Interpretable_Machine_Learning-Based_Eurasia_Case_Study/ (access date: 04/15/2025).
13. El Impenetrable National Park // Fondation Rewilding Argentina. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.rewildingargentina.org/elimpenetrable-project/> (access date: 04/15/2025).
14. Government appointed Sámi Climate Council // Ministry of the Environment. 2023. [Electronic resource]. Access mode: <https://ym.fi/en/-/government-appointed-sami-climate-council/> (access date: 04/15/2025).
15. Masterson V. 6 technologies to help the world adapt to climate change / V. Masterson // World Economic Forum. 2024. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.weforum.org/stories/2024/02/ai-climate-adaptation-technologies/> (access date: 04/15/2025).
16. OASIS in Paris: greening the city and reversing climate change, one schoolyard at a time // European Commission. 2021. [Electronic resource]. Access mode: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/projects/France/oasis-in-paris-greening-the-city-and-reversing-climate-change-one-schoolyard-at-a-time/ (access date: 04/15/2025).
17. Sachs, J.D. The age of sustainable development / J.D. Sachs // Columbia University Press: 2015. 544 p.
18. Sirmacek B., Vinuesa R. Remote sensing and AI for building climate adaptation applications / B. Sirmacek, R. Vinuesa // Results in Engineering. 2022. [Electronic resource]. Access mode: https://www.researchgate.net/publication/361868002_Remote_sensing_and_AI_for_building_climate_adaptation_applications/ (access date: 04/15/2025).

Основные направления гуманитарного сотрудничества стран БРИКС

DOI: 10.34823/SGZ.2025.4.52070

Абилова Гюнай Видади кызы,

к.ф.н., доцент кафедры педагогической культуры и управления в образовании, Московский государственный институт международных отношений (университет), директор Международной Школы БРИКС+
E-mail: brics_school@mail.ru

В статье рассматривается явление международного гуманитарного сотрудничества, осуществляемого в рамках союза государств БРИКС. Данный альянс представляет значительный интерес, поскольку на его основе реализуется множество проектов, нацеленных на поддержание устойчивого развития, общественного благополучия и консолидации, трансляцию материального и нематериального культурного наследия и распространение национальных языков и культур. Подобное взаимодействие осуществляет посредством разработки совместных инициатив во всех социально значимых сферах, таких как образование, в рамках которого ведут деятельность Сетевой университет БРИКС и Ассоциация университетов БРИКС+, здравоохранение, энергетика, развиваемые при поддержке Нового банка развития, культура, в поддержку которой проводятся театральные, кинематографические, художественные мероприятия и др. Стоит отметить особую роль России, реализующей множество проектов как на базе отечественных организаций, так и на международном уровне – совместно с дружественными странами. Например, российскими организациями Международная школа БРИКС+ и Агентством стратегических инициатив осуществляется деятельность по развитию образовательного туризма, на базе МГИМО действует сеть школ русского языка и культуры, отделения которой ведут образовательную деятельность в семи странах.

Ключевые слова: БРИКС, сотрудничество стран БРИКС, гуманитарное сотрудничество, мягкая сила, гуманитарная политика РФ.

Равноправный диалог между крупнейшими центрами влияния, отдельными экономиками и развивающимися государствами представляет собой прочную основу современного многополярного мира. Реализуется он посредством международного гуманитарного сотрудничества – направления межгосударственного взаимодействия во всех важнейших сферах человеческой деятельности, таких как образование, здравоохранение, энергетика, сохранение и трансляция культурного наследия и др.

Одной из наиболее активных площадок для обсуждения и реализации совместных гуманитарных проектов выступает союз государств БРИКС. Его членами неоднократно подчёркивалась важность выстраивания прочных гуманитарных связей между странами БРИКС и их партнёрами. Так, в рамках XVI Саммита БРИКС, прошедшего в г. Казань в 2024 г., велось обсуждение следующих направлений развития гуманитарного сотрудничества:

- развитие туризма и туристических услуг, в частности – устойчивого туризма. Были высоко оценены результаты обсуждений, прошедших в рамках Туристического форума БРИКС 20–21 июня 2024 г. Для роста заинтересованности международных туристов в России были представлены следующие проекты: сервис Russpass, объединяющий в себе туристические направления по всей России, а также обновлённая англоязычная версия портала Discover Moscow, где представлена информация о культурных местах, ресторанах, магазинах и т.д. [1];
- поддержка социальных и гуманитарных наук, а также исследовательских программ. Было принято Положение о Рамочной программе БРИКС в области финансирования науки, технологий и инноваций, озвучен план расширения Сетевого университета БРИКС, определены основные векторы развития программ технического и профессионального образования в соответствии с требованиями цифровой экономики и особенностями национальных образовательных систем;
- расширение взаимодействия в области культуры. Была подчёркнута важность таких инициатив, как Альянс музеев, Альянс библиотек, Альянс киношкол стран БРИКС и др.;
- развитие программ, направленных на сохранение и трансляцию материально и нематериального культурного наследия, а также признание его роли в устойчивом развитии, социальной консолидации и защите окружающей среды и др. [2].

Ключевым компонентом реализации гуманитарного сотрудничества выступает «мягкая сила». Её концепция основывается на взаимном интересе у партнёров в рамках социально-экономического взаимодействия, а не на традиционных методах принуждения, таких как военные интервенции или санкции [3].

Основоположником данной идеи является американский политолог Дж. Най. Критикуя результаты оценок XX в., согласно которым США находились в состоянии регрессии, он предложил оценивать влияние страны на международной арене не с позиции традиционных критериев так называемой «жёсткой силы», таких как запасы природных ресурсов, экономика, население, чис-

ленность вооружённых сил и др., а на основе убедительности политических концепций и идей, распространяемых Соединёнными Штатами на международной арене [4].

Главным преимуществом инструмента «мягкой силы» является его экономико-политическая эффективность. В его основе заложен компонент убеждения, заключающийся в формировании заинтересованности в тех или иных инициативах или предложениях на добровольной основе. Соответственно, его применение значительно снижает необходимость реализации «жёстких» стратегий, таких как прямая военная интервенция с целью насильной смены режима или создания постоянного военного контингента для сохранения контроля над государством.

Понимание содержания гуманитарного сотрудничества по-разному трактуется отечественными и зарубежными исследователями. Так, западные специалисты рассматривают гуманитарное сотрудничество в первую очередь как инструмент оказания гуманитарной поддержки в результате военных конфликтов, катастроф и др. Как отмечает А.А. Великая, ставя во главу защиту прав и свобод человека, западные страны, в частности – США, в том числе реализуют стратегию так называемого «посткризисного урегулирования». Его примером выступает политика США в Афганистане, в рамках которой специальные команды занимались восстановлением инфраструктуры и социальных систем, таких как образование, здравоохранение, энергетика и т.д., находящиеся в сильном упадке после длительных военных действий на территории страны. Однако в современной истории известны прецеденты, когда борьба за защиту переставала быть исключительно вектором «мягкой силы». Реализовалась так называемая «гуманитарная интервенция», подразумевающая прямое военное вмешательство с целью трансформации политического режима, в значительной степени соответствующее традиционным формам насильственного регулирования [5]. Сюда можно отнести миротворческие миссии, проводимые под эгидой Организации Объединённых Наций. Можно сделать вывод, что западный подход к интерпретации гуманитарного сотрудничества реализует в себе и «мягкую», и «жёсткую силу»; последнее же является пограничной мерой, которая также может представлять угрозу как для суверенитета государств, так и для социально-экономического благополучия их населения.

Отечественное понимание гуманитарного сотрудничества имеет более широкое применение. Его ключевое отличие – это ориентация на создание неополитических и неэкономических связей, таких как взаимодействие в области образования, туризма, здравоохранения, экологии, языка и культуры и др. Сравнивая два этих подхода, исследователи отмечают, что эквивалентом гуманитарного сотрудничества в западном понимании в русле отечественного научного знания выступает социокультурное сотрудничество [6, 7].

Россия активно разрабатывает и реализует гуманитарные проекты, направленные как на национальное развитие, так и на поддержку развивающихся стран. Одним из документов, определяющих вектор гуманитарной политики РФ, является «Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» от 2022 г. В ней описаны следующие национальные цели:

- популяризация русского языка и российской культуры за рубежом, реализуемая специализированными культурно-языковыми центрами, школами и иными организациями;
- привлечение внимания к российскому образованию с целью развития устойчивого сотрудничества

в научно-технологической сфере, обмена технологиями, а также программ входящей и исходящей академической мобильности среди студентов, преподавателей и специалистов;

- кооперация в туристической сфере посредством развития международных проектов, таких как образовательный (научный) и устойчивый туризм;
- сотрудничество в сфере спорта и физической культуры;
- оказание поддержки гражданам РФ, проживающим за рубежом;
- создание основы взаимодействия молодёжи Российской Федерации и других государств, проведение молодёжных форумов и саммитов на таких площадках, как БРИКС; ярким примером взаимодействия в этом ключе является проведение Молодёжных саммитов БРИКС – Десятый Саммит состоялся в г. Ульяновск 22–26 июля 2024 г.;
- сохранение и трансляция материального и нематериального культурно-исторического наследия народов и этносов России, а также поддержка соответствующих проектов дружественных стран;
- формирование непредвзятого представления о России в международном обществе, в том числе посредством активного применения цифровых технологий [8].

Важно также отметить, что ключевыми принципами гуманитарной политики РФ являются невмешательство во внутренние дела суверенных государств, а также равный диалог между государствами-партнёрами [9].

Большое количество проектов реализуется Российской Федерацией, а также отечественными организациями в рамках гуманитарного сотрудничества. Среди них стоит выделить:

- «Русские международные школы» – сеть образовательных учреждений, функционирующая на базе Московского государственного института международных отношений (МГИМО). Её филиалы расположены в Турции, Узбекистане, Киргизии, Монголии, Кипре, Китае и ОАЭ. Ключевым направлением школ выступает создание русскоязычного образовательного пространства с применением цифровых технологий и программ, основанных на индивидуальном подходе к образовательному процессу [10];
- филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в Шэнчжэне (МГУ-ППИ) – проект интеграции образовательных систем, реализуемый на уровне высшего образования с целью укрепления российско-китайского сотрудничества в научно-образовательной и культурной сферах, а также обмена студентами и высококвалифицированными кадрами в рамках инициативы «Один пояс – один путь» [11];
- BRICS Travel – образовательная площадка, разработанная Международной школой БРИКС+ и Агентством стратегических инициатив, в рамках которой происходит обмен знаниями и культурным опытом среди молодёжи. Её ключевыми целями являются укрепление межгосударственной кооперации в образовательной и туристической сферах, создание единого цифрового образовательного пространства в странах БРИКС и государствах-партнёрах, а также развитие общегуманитарных и профессиональных компетенций и межкультурной осознанности [12].

Среди масштабных совместных инициатив стран БРИКС следует выделить такие крупнейшие международные проекты, как Новый банк развития [13], занимающийся финансированием инфраструктурных проектов и инициатив, направленных на устойчивое развитие,

и Ассоциация университетов БРИКС+, объединяющая более 180 университетов из 42 двух стран [14].

Активная работа по межгосударственной интеграции в рамках гуманитарного сотрудничества проводится Россией в рамках БРИКС. Например, в области инноваций и технологий российский Фонд Росконгресс подписал соглашение о сотрудничестве с крупнейшим институтом развития Бразилии ApexBrasil [15].

С индийской стороны Российская Федерация заключила ряд соглашений в рамках высшего образования. Совместная инициатива «Ассоциация университетов России и Индии» (Russia India Network) призвана укрепить взаимодействие между индийскими и российскими вузами в следующих областях:

- в научно-технологической сфере – посредством проведения совместных исследований, создания высокотехнологичных лабораторий и исследовательских центров;
- в образовательной сфере – посредством разработки программ краткосрочной и долгосрочной академической мобильности, составления общих учебных пособий, создания единой цифровой образовательной среды, проведения научно-образовательных форумов, конференций, мастер-классов и т.д.;
- в сфере трудоустройства – посредством создания устойчивого диалога между представителями бизнеса, индустрии и образовательных организаций с целью подготовки высококвалифицированных специалистов, способных работать в условиях межкультурной среды и развивающейся цифровой экономики [16].

Китайской стороной реализуется масштабная инициатива по изучению китайского языка и культуры «Институт Конфуция». Она представляет собой один из самых эффективных проектов, реализуемых в рамках концепции «мягкой силы» – филиалы данной организации действуют в более чем 120 странах мира. На территории России функционирует 24 филиала «Института Конфуция» [17].

Российская сторона вовлечена во многие проекты по устойчивому развитию и культурно-языковому обмену в странах Африки. Например, на территории ряда государств функционируют российские образовательные центры. В частности, в 18 странах существуют школы русского языка, созданные фондом «Русский мир». В рамках развития атомной энергетики активную деятельность осуществляют ведущие отечественные компании, такие как Росатом. Ключевым преимуществом данной организации в сравнении с иностранными конкурентами выступает возможность осуществления полного цикла производства электроэнергии [18].

Можно заключить, что гуманитарное сотрудничество представляет собой одно из наиболее интересных направлений межгосударственного взаимодействия. Оно необходимо как развитым странам, нацеленным на распространение собственного влияния, так и для развивающихся стран, благодаря сильной поддержке.

Активное международное гуманитарное сотрудничество осуществляется всеми государствами БРИКС как в рамках союза, так и между дружественными государствами. Особую роль в данном направлении играют Россия и Китай благодаря множеству инициатив, направленных на развитие образовательных систем, энергетики и культурного обмена.

Литература

1. Ministry of Economic Development of the Russian Federation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.economy.gov.ru/material/> (дата обращения: 10.02.2025).
2. Kazan Declaration. Strengthening Multilateralism for Just Global Development and Security [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.krem- lin.ru/media/events/files/en/RosOySvLzGaJtmx2wYFv0IN4N SPZploG.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).
3. Huq S. Soft-power, culturalism and developing economies: the case of Global Ibsen // *Palgrave Commun*, 2019, № 5 (48). 1–9. DOI: 10.1057/s41599-019-0255-4
4. Parmar I., Cox M. Soft power and US foreign policy: theoretical, historical and contemporary perspectives // *Routledge*. 2010. 256 p. DOI: 10.2307/40929807
5. Великая А.А. Международное гуманитарное сотрудничество: политические аспекты отечественных и западных подходов // *Право и управление*. XXI век. № 3 (24). 2012. С. 63–72.
6. Комлева В.В. Международное гуманитарное сотрудничество. К вопросу о понимании сущности и определении понятия // *Россия и мир: диалоги*. 2020. С. 56–67.
7. Показатели и индексы межгосударственного гуманитарного сотрудничества. Методологическое обоснование и базовая модель предмета исследования // *Евразийский монитор*, 2017. 25 с.
8. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1751584/ (дата обращения: 10.02.2025).
9. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1829856/ (дата обращения: 10.02.2025).
10. Русские международные школы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russianabroad.school/> (дата обращения: 10.02.2025).
11. Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.smbu.edu.cn/index.htm> (дата обращения: 10.02.2025).
12. Международная школа БРИКС+ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bricschool.com/> (дата обращения: 10.02.2025).
13. New Development Bank [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ndb.int/> (дата обращения: 10.02.2025).
14. BRICS+ University Association [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://brics.world/> (дата обращения: 10.02.2025).
15. St. Petersburg International Economic Forum [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://forumspb.com/en/> (дата обращения: 10.02.2025).
16. Indian Institute of Technology Roorkee [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ir.iitr.ac.in/RIN> (дата обращения: 10.02.2025).
17. Confucius Institute [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ci.cn/en/> (дата обращения: 10.02.2025).
18. Константинова О.В. Перспективы развития российско-африканского сотрудничества в гуманитарной сфере // *Ученые записки института Африки РАН*. № 3 (52), 2020. С. 5–14. DOI: 10.31132/2412-5717-2020-52-3-5-14

THE KEY DIRECTIONS OF HUMANITARIAN COOPERATION OF THE BRICS COUNTRIES

Abilova G.V.

Moscow State Institute of International Relations (University), BRICS+ International School

This article discusses the concept of international humanitarian cooperation within the framework of the BRICS union. This association is of considerable interest, as it provides the basis for the implementation of many projects aimed at supporting sustainable development, social well-being and consolidation, the transmission of tangible and intangible cultural heritage and the promotion of national languages and cultures. Such cooperation is carried out through the development of joint initiatives in all socially important spheres, such as education, within the framework of which the BRICS Network University and the BRICS+ Universities Association operate, health care, energy, developed with the support of the New Development Bank, culture, which is supported by theater, cinematographic and artistic events, etc. It is also important to highlight the special role of Russia, which implements many projects both on the basis of domestic organizations and at the international level – together with friendly countries. For example, the Russian organizations BRICS+ International School and the Agency for Strategic Initiatives carry out activities to develop educational tourism; a network of Russian language and culture schools operates based on the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) with branches in seven countries.

Keywords: BRICS, BRICS cooperation, humanitarian cooperation, soft power, humanitarian policy of Russia.

References

1. Ministry of Economic Development of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: <https://en.economy.gov.ru/material/> (date of access: 10.02.2025).
2. Kazan Declaration. Strengthening Multilateralism for Just Global Development and Security [Electronic resource]. – Access mode: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/en/RosOySvLzGaJtmx2wYFv0IN4NSPZploG.pdf> (date of access: 10.02.2025).
3. Huq S. Soft-power, culturalism and developing economies: the case of Global Ibsen // *Palgrave Commun*, 2019, No. 5 (48). 1–9. DOI: 10.1057/s41599-019-0255-4
4. Parmar I., Cox M. Soft power and US foreign policy: theoretical, historical and contemporary perspectives // *Routledge*. 2010. 256 p. DOI: 10.2307/40929807
5. Velikaya A.A. International humanitarian cooperation: political aspects of domestic and Western approaches // *Law and Management. XXI century*. No. 3 (24). 2012. Pp. 63–72.
6. Komleva V.V. International humanitarian cooperation. On the issue of understanding the essence and defining the concept // *Russia and the World: Dialogues*. 2020. Pp. 56–67.
7. Indicators and indices of interstate humanitarian cooperation. Methodological substantiation and basic model of the research subject // *Eurasian monitor*, 2017. 25 p.
8. Main directions of the policy of the Russian Federation in the sphere of international cultural and humanitarian cooperation [Electronic resource]. – Access mode: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/1751584/ (date of access: 10.02.2025).
9. The concept of humanitarian policy of the Russian Federation abroad [Electronic resource]. – Access mode: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/1829856/ (date of access: 10.02.2025).
10. Russian international schools [Electronic resource]. – Access mode: <https://russianabroad.school/> (date of access: 10.02.2025).
11. Shenzhen MSU-BPI University [Electronic resource]. – Access mode: <https://ru.smbu.edu.cn/index.htm> (access date: 10.02.2025).
12. BRICS+ International School [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.bricsschool.com/> (access date: 10.02.2025).
13. New Development Bank [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.ndb.int/> (access date: 10.02.2025).
14. BRICS+ University Association [Electronic resource]. – Access mode: <https://brics.world/> (access date: 10.02.2025).
15. St. Petersburg International Economic Forum [Electronic resource]. – Access mode: <https://forumspb.com/en/> (date of access: 10.02.2025).
16. Indian Institute of Technology Roorkee [Electronic resource]. – Access mode: <https://ir.iitr.ac.in/RIN> (date of access: 10.02.2025).
17. Confucius Institute [Electronic resource]. – Access mode: <https://ci.cn/en/> (date of access: 10.02.2025).
18. Konstantinova O.V. Prospects for the Development of Russian-African Cooperation in the Humanitarian Sphere // *Scientific Notes of the Institute of Africa RAS*. No. 3 (52), 2020. pp. 5–14. DOI: 10.31132/2412-5717-2020-52-3-5-14

Угроза международного терроризма для нетрадиционной безопасности в Центральной Азии

Ван Синьюэ,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: st094978@student.spbu.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с возникновением угроз терроризма для нетрадиционной безопасности в Центральной Азии. Автор статьи подчеркивает важность обеспечения безопасности для всех стран Центральной Азии, как одного из определяющих условий сохранения стабильности, устойчивости, конкурентоспособности на международном уровне. Определено понятие «безопасность». Изучено место стран Центральной Азии в международной системе рейтинга безопасности. Рассмотрены основные виды угроз международного терроризма в Центральной Азии. Изучены основные виды терроризма для нетрадиционной безопасности в Центральной Азии. Рассмотрены факторы, приводящие к угрозам международного терроризма. Отмечается, что наиболее уязвимой частью населения, подверженной экстремистским настроениям и взглядам является молодежь. Разработаны основные направления по противодействию и профилактике возникновения международного терроризма для нетрадиционной безопасности в Центральной Азии. Автор статьи подчеркивает важность применения комплексного подхода к решению проблемы международного терроризма для нетрадиционной безопасности в Центральной Азии, заключающего в разработке долгосрочной стратегии развития, а также в интеграции усилий различных стран-участниц.

Ключевые слова: угроза; международный терроризм; нетрадиционная безопасность; Центральная Азия; стабильность развития; проблемы.

Введение

Для современного мира, развивающегося в условиях турбулентности внешних и внутренних факторов важную роль, играет проблема обеспечения безопасности. В последнее время увеличилась угроза международного терроризма, связанная с обострением политических и военных действий, а также нарастанием межнациональных конфликтов на международном уровне. Данная проблема не обошла Центральную Азию и сказалась на всех аспектах ее развития в различных сферах и областях деятельности. Географическое положение Центральной Азии превратила ее в своего рода «пороховую бочку», которую страны региона всячески пытаются удерживать от предполагаемого обострения событий и политического взрыва. Обострение на этом фоне терроризма и экстремизма способствует обострению ситуации и необходимости поиска эффективных решений, направленных на устранение проблемы.

Обострение угроз международного терроризма в Центральной Азии ведет к множеству проблем таких как: нарушение стабильности и равновесия; политическим, экономическим и социальным проблемам в обществе; обострение конфликтов, недовольств, протестов; нарушению культурных связей; возникновению финансовых кризисов и т.д.

Однако, международные угрозы терроризма не являются случайным явлением, чаще всего они происходят на фоне определенных причинно-следственных связей. Аналитики и эксперты в области обеспечения международной безопасности имеют возможность своевременно выявить эти связи, а также спрогнозировать развитие тех или иных событий.

Следовательно, для того, чтобы обеспечить безопасность и стабильность развития необходимо применять комплексный подход, заключающийся в объединении совместных усилий независимых оценщиков, специалистов различных уровней (государственных служащих, политиков, руководителей и т.д.) для разработки стратегии будущего развития с целью обеспечения стабильности развития и безопасности.

Материалы и методы

При проведении исследования использовались труды российских и зарубежных ученых. При проведении данного исследования были использованы следующие методы: анализа, сравнения, принятия решений, логического рассуждения и многие другие.

Литературный обзор

Вопросы, касающиеся угроз международного терроризма для нетрадиционной безопасности в Центральной Азии рассматривали многие ученые такие, как Байзакова К.И., Ионова Е.А., Молдалиев О., Маккамбаев П.А., Рахимов К.Х., Султанов Б.В. и другие. Считаю, необходимым продолжить исследование в данном направлении и более подробно изучить отдельные вопросы темы.

Результаты и обсуждения

Под безопасностью следует понимать создание благоприятных условий для развития и деятельности страны в целом, а также отдельных ее регионов, на фоне отсутствия угроз и возможных рисков, способных нарушить данное равновесие, а также сохранение собственной идентичности, целостности и способности к дальнейшему развитию [5, с. 92].

Центральная Азия представляет собой обширный регион, на территории которого находится Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан, Таджикистан. Каждая из представленных стран испытывает негативное влияние угроз международного терроризма. Согласно прогнозной оценке Института экономики и мира, был рассчитан «Глобальный индекс терроризма –2025», исходя из занимаемого места на международной арене который наглядно представлен на Рис. 1.

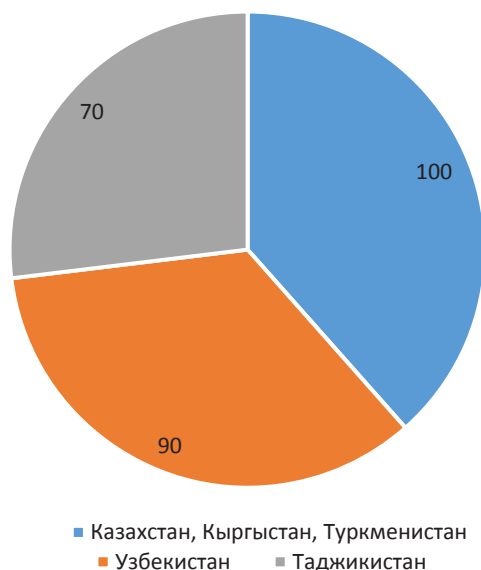

Рис. 1. Место стран Центральной Азии в международной системе рейтинга безопасности [10]

Таким образом, для Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана (100 место) данный индекс составил ноль баллов. Для Узбекистана, занимающего 90 место глобальный индекс терроризма составил 0,233 балла. Для Таджикистана, занимающего 70 место данный индекс составил 0,999 баллов. Данные показатели вселяют оптимистичный прогноз и успешность проведения работы по профилактике и возникновению международного терроризма. Однако, для того, чтобы достичь в реальности данных значений показателей необходимо приложить ряд усилий по обеспечению безопасности для всех стран-участниц.

Напряженная международная ситуация обостряет существующие проблемы стран и создает новые угрозы. Формируется, так называемая благоприятная среда для образования множества террористических группировок и экстремистских организаций. Так, на протяжении последнего времени в Центральной Азии возросло количество запрещенных организаций (сект, активистских движений) на почве религиозных взглядов. Идентичная ситуация также наблюдается в Кыргызстане.

Современная неустойчивая геополитическая ситуация в мире привела к тому, что Центральная Азия стала основным трансформатором для перезагрузки отношений между различными странами. Такое мнение в рамках конференции «Центральная Азия: вызовы международного терроризма и экстремизма в условиях формирования нового миропорядка» озвучил секретарь Сове-

та безопасности Кыргызской Республики Марат Иманкулов.

Основной задачей международного терроризма является достижение поставленных целей и задач (политических, религиозных и других) посредством сеяния страха, запугивания людей, давления на их мнение, взгляды и поведение. Результатом таких действий является проявление паники, волнений у людей, появление чувства безысходности под действием которых они способны совершать необдуманные поступки и поддаваться внешнему влиянию. Иногда используются такие методы, как убеждение, разговоры, беседы, которые оказывают психологическое воздействие на людей. Считаем, что основная цель международного терроризма – это господство влияния над другими странами, превалирование собственных интересов над чужими, стремление в борьбе за власть и обладание национальными богатствами.

Особенностью угроз международного терроризма в Центральной Азии является непредсказуемость их возникновения, масштабность проявления и время. Поэтому иногда возникают трудности, связанные с прогнозированием угроз возникновения международного терроризма и характером его проявления во внешней среде.

К основным угрозам для нетрадиционной безопасности в Центральной Азии можно отнести следующие:

- 1) угрозы, возникшие на почве религиозного характера;
- 2) международный терроризм;
- 3) угроза, связанная с бизнесом и основанная на торговле людьми;
- 4) совершаемые преступления экологического характера;
- 5) торговля наркотическими средствами;
- 6) пиратские действия;
- 7) незаконная торговля, связанная с контрабандой оружия;
- 8) серийная контрабанда оружия или его отдельных компонентов;
- 9) коррупция и т.д. [6, с. 309].

В Центральной Азии особую опасность представляют экстремистские общественные организации, а также группировки, использующие собственные установки и идеологию для достижения поставленных целей. Данные организации используют призывы к террористическим действиям в виде звуковой, текстовой пропаганды, применяя графический материал. Современные цифровые технологии (Интернет, мобильные приложения) позволяют быстро распространять данную информацию среди определенного круга пользователей. Это так называемое «информационное оружие» современного века. Особенно уязвимыми слоями населения является молодежь. Следовательно, борьба с онлайн-терроризмом должна выходить на первое место по проведению работы, связанной с терроризмом и экстремизмом [8, с. 31].

В Узбекистане в последнее время вырос терроризм на почве религиозного настроя. Существует также понятие «исламский терроризм». Сторонниками продвижения исламской идеологии являются салафиты, представители которого несут угрозу для восприятия, прежде всего, для казахского народа. Особенно остро проявляются случаи терроризма в Казахстане среди молодежи. Важно отметить, что одна часть молодежи старается следовать современным веяниям моды и поддается экстремистской пропаганде, а другая ее часть попадает в общественные организации, которые оказывают прямое влияние на их взгляды, поведение [2, с. 18].

Считаем, что многие проблемы международного терроризма в Центральной Азии можно решить путем целенаправленной и эффективно разработанной социальной

политики, посредством проведения общегосударственных мер и поиска точек соприкосновения с представителями исламской веры. Это позволит своевременно выявить проблемы и недовольства, решить их мирным путем на основе переговоров.

Толчок к новому обострению отношений в Казахстане был связан с приходом к власти в Афганистане движения под названием «Талибан». Это в свою очередь усилило исламистские взгляды и направления, способствовало их дальнейшему распространению и создало базовую основу для формирования террористических организаций.

Основной угрозой для Центральной Азии в настоящее время является переход террористических группировок с Ближнего Востока в Афганистан непосредственно к границам региона [3, с. 11]. Это усиливает военную и политическую напряженность, создает угрозы безопасности для стран.

На Рис. 2 представлены основные виды терроризма для нетрадиционной безопасности в Центральной Азии.

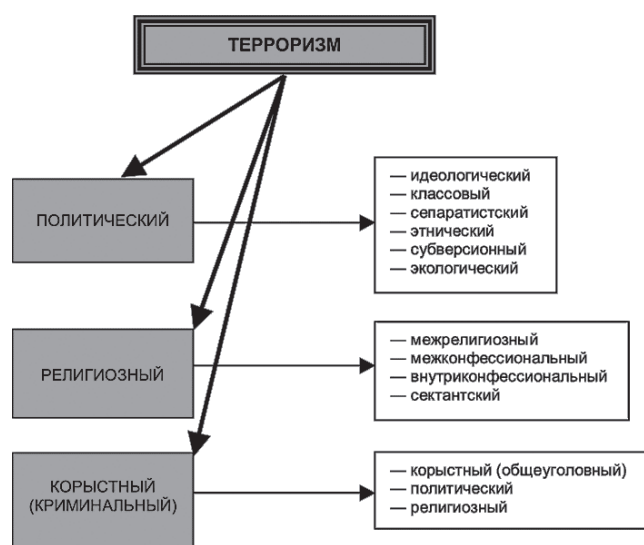

Рис. 2. Основные виды терроризма для нетрадиционной безопасности в Центральной Азии

Важно отметить, что к числу основных факторов, которые вызывают данное явление относятся следующие:

- 1) низкий уровень жизни населения;
- 2) неблагоприятная социально-экономическая среда и условия для проживания людей;
- 3) высокая степень недовольства в обществе;
- 4) военно-политическая нестабильность;
- 5) увеличение преступности в обществе;
- 6) слабость государственной структуры управления и власти;
- 7) осуществление идейно-пропагандистской работы среди широкой массы населения;
- 8) несовершенство нормативно-правовой базы;
- 9) слабость развития регионального сотрудничества и т.д. [4, с. 273].

Для борьбы с международным терроризмом в Центральной Азии должны быть использованы самые эффективные и механизмы для его проявления. Страны Центральной Азии, считают, что в борьбе с данным явлением должны применяться силовые методы воздействия. Так, должен быть задействован силовой блок для устранения противодействия и сопротивления [7, с. 25].

Следует отметить, что в настоящее время для борьбы с международным терроризмом в Центральной Азии используются в основном репрессивные методы или силовые методы противостояния. Однако, данные методы

являются недостаточно эффективными поскольку они могут иметь в большинстве случаев обратный эффект действия. Например, в случае объединения масс или террористических организаций может произойти настоящий взрыв в обществе, что еще в большей степени приведет к недовольству и росту террористических настроений.

Считаем, что для противостояния международному терроризму должна использоваться комплексная политика, заключающаяся в многостороннем учете факторов внешней среды, степени их влияния, интеграции усилий различных стран в разработке антитеррористической политики на международном уровне, разработка мер социально-экономического порядка направленных на повышение уровня жизни в обществе и решение различных проблем.

В настоящее время угрозы возникновения международного терроризма в Центральной Азии связаны с действием как внешних, так и внутренних факторов влияния. К числу внешних факторов можно отнести: турбулентность развития современной геополитической ситуации; нестабильность макроэкономики различных стран. К числу внутренних факторов можно отнести: социальное недовольство масс, особенно среди молодежи; неустойчивость социально-экономического развития; низкий уровень развития стран и обнищание масс; изменение мировоззренческих ценностей людей в обществе, идеологии; появление новых установок и взглядов на все процессы в обществе.

Важно отметить, что развитие Центральной Азии под действием и влиянием данных факторов происходит достаточно сложно. В этих условиях каждое государство должно заботиться как об обеспечении внутринациональной стабильности от угроз международного терроризма, так и внешней устойчивости развития. На сегодняшний день проблемы международного терроризма для нетрадиционной безопасности в Центральной Азии активно обсуждаются в рамках ШОС. Так, в 2001 году на одной из встреч, проводимых в рамках ШОС была подписана международная Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в которой рассмотрены конкретные меры по борьбе с данными явлениями и профилактике их возникновения в будущем. Кроме того, также в рамках ШОС была создана специальная региональная антитеррористическая организация, которая непосредственно занималась вопросами обеспечения безопасности [9, с. 39].

В данной работе разработаны основные направления по противодействию и профилактике возникновения международного терроризма для нетрадиционной безопасности в Центральной Азии (Рис. 3).

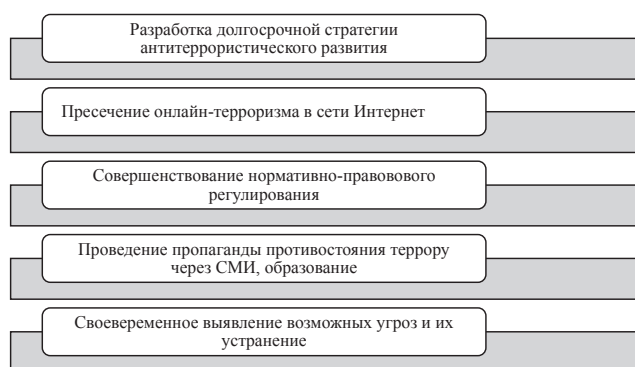

Рис. 3. Направления по противодействию и профилактике возникновения международного терроризма для нетрадиционной безопасности в Центральной Азии

[Разработано автором]

Считаем, что разработанные направления по противодействию и профилактике возникновения международного терроризма для нетрадиционной безопасности в Центральной Азии помогут не только снизить проявление данного явления, но и обеспечить долгосрочную стабильность развития в будущем.

За последнее время потенциальный риск возникновения международного терроризма для нетрадиционной безопасности в Центральной Азии увеличился. Этому способствовали ряд событий и причин последних лет [1, с. 21]. Нарастание угроз международного терроризма произошло на фоне увеличивающегося давления Запада, религиозных разногласий, несовершенства законодательства, а также усиливающейся геополитической борьбы. Следовательно, необходимо совершенствовать и развивать политику регионального управления, направленную на искоренение экстремистских взглядов, идеологий, а также осуществление работы по противодействию терроризму.

Заключение

Борьба с международным терроризмом для нетрадиционной безопасности в Центральной Азии выходит на первый план социально-экономического и политического развития стран. Проведенный анализ позволили выявить ряд причин, ведущих к возникновению международного терроризма, к числу которых относятся: военная и политическая нестабильность в обществе, рост преступности, безработицы, низкий уровень жизни населения и т.д. Международная практика противостояния терроризму показала свою эффективность в реализации совместных усилий стран, их взаимного сотрудничества в достижении поставленных целей и задач. Считаем, что самостоятельное решение проблемы для отдельной страны представляется достаточно сложным вопросом. Поэтому на современном этапе развития необходим комплексный подход к проблеме международного терроризма и интеграция усилий различных ее стран-участниц.

Литература

1. Байзакова К.И. Вызовы и угрозы терроризма в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2023. № 3. С. 21–27.
2. Ионова Е.А. Об угрозе терроризма в Центральной Азии // Конфликты и проблемы безопасности. 2022. № 3. С. 18–24.
3. Молдалиев О. Нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2024. № 1. С. 11–19.
4. Маккамбаев П.А. Современное состояние формирующейся системы региональной безопасности Центральной Азии // Экономика Центральной Азии. 2021. № 3. С. 273–296.
5. Мочалова Я.В., Чистникова И.В., Чуб М.В., Батманова В.В. Повышение инновационной активности российских промышленных предприятий в условиях цифровой трансформации // Региональная экономика. Юг России. 2024. Т. 12. № 2. С. 92–102.
6. Рахимов К.Х. Тенденции международного терроризма в Казахстане // Общественные науки. 2023. № 2. С. 309–318.

7. Султанов Б.В. Угрозы дестабилизации в Центральной Азии // Конфликты и проблемы безопасности. 2023. № 4. С. 25–34.
8. Тулеев М.С. Международный терроризм в Центральной Азии: некоторые проблемы противодействия // Вестник КРСУ. 2022. № 5. С. 31–36.
9. Хасанов Г.К. Шанхайская организация сотрудничества как инструмент региональной безопасности: противодействие международному терроризму в Центральной Азии. Казань: Молодой ученый. 2024. С. 39–47.
10. В какой из стран Центральной Азии еще существует угроза терроризма? [Электронный ресурс]. URL: <https://exclusive.kz/v-kakoj-iz-stran-czentralnoj-azii-eshhe-sushhestvuet-ugroza-terrorizma/> (дата обращения 26.03.2025).

THE THREAT OF INTERNATIONAL TERRORISM TO NON-TRADITIONAL SECURITY IN CENTRAL ASIA

Wang Xinyue

St. Petersburg State University

The article is devoted to a comparative analysis of traditional Chinese theater (in particular, Beijing opera) and Russian ballet as key phenomena of national cultures. The author studies their artistic features: the synthetic nature of Chinese opera, which combines music, dance, mime and martial arts, and the choreographic expressiveness of Russian ballet, based on symphonic music and dramaturgy. Special attention is paid to the historical development of both arts, their connection with philosophical and aesthetic traditions (Confucianism, European symbolism) and their role in the formation of cultural identity. The conclusion emphasizes the commonality of their goal – to create an idealized artistic world reflecting national myths and values. The study is based on cultural and art history approaches, including the analysis of music, choreography and scenography.

Keywords: traditional Chinese theater, Chinese opera, Russian ballet, traditional theatrical art, performance, culture.

References

1. Baizakova K.I. Challenges and threats of terrorism in Central Asia // Central Asia and Caucasus. 2023. № 3. С. 21–27.
2. Ionova E.A. On the threat of terrorism in Central Asia // Conflicts and Security Problems. 2022. № 3. С. 18–24.
3. Moldaliev O. Non-traditional threats to security in Central Asia // Central Asia and Caucasus. 2024. № 1. С. 11–19.
4. Makkambaev P.A. The current state of the emerging system of regional security in Central Asia // Central Asia Economy. 2021. № 3. С. 273–296.
5. Mochalova Y.V., Chistnikova I.V., Chub M.V., Batmanova V.V.. Increasing the innovation activity of Russian industrial enterprises in the conditions of digital transformation // Regional Economics. South of Russia. 2024. Т. 12. № 2. С. 92–102.
6. Rakhimov K.H. Trends of international terrorism in Kazakhstan // Social Sciences. 2023. № 2. С. 309–318.
7. Sultanov B.V. Threats of destabilization in Central Asia // Conflicts and security problems. 2023. № 4. С. 25–34.
8. Tuleyev M.S. International terrorism in Central Asia: some problems of counteraction // Vestnik KRSU. 2022. № 5. С. 31–36.
9. Khasanov G.K. Shanghai Cooperation Organization as an instrument of regional security: countering international terrorism in Central Asia. Kazan: Young Scientist. 2024. С. 39–47.
10. In which of the Central Asian countries there is still a threat of terrorism? [Electronic resource]. URL: <https://exclusive.kz/v-kakoj-iz-stran-czentralnoj-azii-eshhe-sushhestvuet-ugroza-terrorizma/> (date of address 26.03.2025).

Обзор деятельности Медиакорпорации Китая и ее роль во взаимодействии с российскими СМИ

Гулева Мария Александровна,

к.э.н., доцент кафедры медиалингвистики МГУ
имени М.В. Ломоносова
E-mail: guleva.m@gmail.com.

Калинина Арина Александровна,

магистрант МГУ имени М.В. Ломоносова, корреспондент АТР
РИА Новости
E-mail: arina19th@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению ключевых направлений деятельности Медиакорпорации Китая (CMG) и ее взаимодействия с российскими СМИ. После образования в 2018 г. Медиакорпорация стала одним из ключевых игроков на рынке средств массовой информации Китая, постепенно наращивая свое присутствие и на международной арене. CMG не только стремится добросовестно и профессионально выполнять обязанности и задачи идеологического центра партии и главной национальной телерадиостанции, но и ставит перед собою целью внедрение инноваций для проведения «медийной дипломатии» и создания более широкого международного «единого медиа-фронта». Россия является одним из ключевых зарубежных партнеров КНР. Страны активно развивают двусторонние отношения в различных областях, включая взаимодействие в сфере СМИ. За последние годы Медиакорпорация Китая и крупнейшие российские СМИ заключили ряд соглашений о сотрудничестве и реализовали несколько крупных проектов, способствующих углублению дружбы и взаимопонимания между народами наших двух стран. Страны планируют и дальше расширять масштабы взаимодействия в медийной сфере, и Центральная телерадиокорпорация Китая будет играть в этом процессе значимую роль.

Ключевые слова: Китай, Медиакорпорация, CMG, Россия, СМИ, сотрудничество.

Медиакорпорация Китая (англ. China Media Group, сокр. CMG) – крупнейшая медиакомпания КНР, основанная в 2018 году в результате слияния Центрального телевидения Китая (CCTV), Национального и Международного радио Китая. Корпорация не только занимает лидирующие позиции в медиапространстве Китая, но и выстраивает свою стратегию развития на мировой арене, внедряя передовые технологии, такие как 5G и искусственный интеллект, а также формируя медиадипломатию в рамках инициативы «Один пояс, один путь»¹. Настоящая работа посвящена исследованию структуры и особенностей деятельности медиакорпорации CMG, а также рассмотрению ее взаимодействия с Россией как одного из ключевых партнеров Китая.

Медиакорпорация Китая сегодня

Сегодня в структуру медиахолдинга входит 51 телеканал, включая 9 международных, которые вещают на всех 6 официальных языках ООН: английском, арабском, испанском, китайском, русском и французском. Кроме того, корпорация владеет 23 радиочастотами внутри страны и ведет эфиры на 68 языках на глобальную аудиторию. К концу 2023 года было создано около 200 зарубежных сайтов для построения глобальной схемы связи [1].

На данный момент Медиакорпорация Китая обладает обширной высокоэффективной корреспондентской сетью за рубежом, имея корпункты в более 60 странах и регионах мира. Наличие такой глобальной информационной сети обеспечивает получение оперативных и качественных новостей. По данным на 2023 год, общее число сотрудников, участвующих в процессе сбора и подготовки новостей, превышает 7 тысяч человек.

Одним из неоспоримых преимуществ, которыми обладает Медиакорпорация Китая, является богатый архив аудиовизуальной продукции. Продолжительность входящего в него медиаконтента в общей сложности составляет 3 миллиона часов. Неоднократно репортажи собственного производства становились источниками информации для мировых СМИ. Показатель первых выпусков основных международных новостей достиг 27,5%, а более 3,4 тысячи новостей были приняты к публикации почти 2,5 тысячами телеканалами и новыми медиаплатформами по всему миру [1].

Деятельность корпорации в цифровом пространстве

Медиакорпорация активно развивает цифровые платформы. На сегодняшний день в общей сложности запущено более 220 собственных приложений, среди них 8 уже достигли более 100 миллионов загрузок. В первой половине 2021 года на платформе Weibo аккаунт CMG собрал более 800 миллионов взаимодействий, что обеспечило ему первое место среди основных средств мас-

¹ Инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) объединяет выдвинутые в 2013 г. Председателем КНР Си Цзиньпином инициативы Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Морского Шелкового пути XXI века (МШП), предполагающие выстраивание ряда масштабных «экономических коридоров».

совой информации Китая, которое корпорация сохраняет по сей день.

CMG активно развивает свое присутствие в социальных сетях, имея 9 аккаунтов, ориентированных на создание коротких видео, с общим числом подписчиков свыше 10 миллионов. Эти аккаунты получили почти 3 миллиарда взаимодействий в первой половине 2021 года.

Общее количество читателей официальных аккаунтов 38 телерадиоканалов CMG превышает 1,3 миллиарда. В этих аккаунтах было опубликовано более 10 тысяч статей, которые суммарно прочитали более 800 миллионов раз. Особенно выделяется официальный аккаунт «CCTV News», чей объем прочтения постов превышает 350 миллионов раз [2].

О важности интеграции традиционных и новых медиа заявило Центральное правительство КНР в опубликованном документе, получившем название «Мнения об ускорении углубленного комплексного развития средств массовой информации». В нем говорится о важности «способствовать интеграции традиционных и новых средств массовой информации с точки зрения институциональных механизмов, политики и мер, управления процессами, кадров и технологий» и необходимости создания конкурентоспособных на мировой арене средств массовой информации, в основе деятельности которых будет создание качественного контента и применение передовых технологий [3].

Инновации и технологии в деятельности Медиакорпорации

CMG уделяет особое внимание внедрению и использованию передовых технологий. Медиакорпорация сотрудничает с такими технологическими гигантами, как Huawei и Alibaba. Это взаимодействие направлено на развитие исследований в области телевидения сверхвысокой четкости 4K, передачи данных с использованием технологий 5G + 4K, а также на развитие искусственного интеллекта. Медиакорпорация стремится создать интегрированную медиа-экосистему и активно исследует возможности электронной коммерции в сфере СМИ и развития авторского права [4].

Помимо перечисленных технологий, корпорация уделяет внимание стратегическому развитию других инноваций для содействия интеграции всех мультимедийных каналов. В частности, CMG активно внедряет большие данные, облачные вычисления, Интернет вещей, блокчейн и искусственный интеллект и продолжает наращивать исследования и разработки в этих областях.

Кроме того, Медиакорпорация сформировала техническую архитектуру «облачной и сетевой интеграции» Global Unicom. Эта инновационная сеть обеспечивает надежную техническую поддержку для интегрирования и распространения программного контента на нескольких терминалах. Создание инфраструктуры производства и вещания видео и звука сверхвысокой четкости дало впечатляющие результаты и было высоко оценено зарубежными специалистами.

Для понимания важности, которую уделяет CMG технологическому развитию, достаточно обратиться к поставленным медиакомпанией целям. Среди прочих, Медиакорпорация назвала углубление структурной реформы производства контента, переход от формата традиционных телерадиовещательных СМИ с традиционными технологическими схемами к полностью медийной организации, работающей с 2020 г. в формате «5G + 4K / 8K + AI», которая производит и выпускает оригинальные видео и аудио продукты мирового класса [5].

Развитие и роль Медиакорпорации в Китае

Медиакорпорация Китая занимает лидирующую позицию внутри страны, выполняя не только медийную, но и идеологическую функцию [1].

CMG строго придерживается государственной линии, реализуя идеологические задачи Коммунистической партии Китая (КПК). Ее деятельность направлена на продвижение генеральных идей председателя КНР Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху¹. Корпорация освещает ключевые политические события, включая деятельность Генерального секретаря КПК Си Цзиньпина, публикуя эксклюзивные материалы, отчеты и другую информацию, связанную с лидером КНР. В 2023 году в прямом эфире были показаны 40 масштабных мероприятий, в интернете размещено 747 эксклюзивных новостей, что на 28% больше, чем в 2022 году [1].

CMG активно работает над укреплением национального единства и социальной стабильности. Основные темы, поднимаемые в репортажах и передачах корпорации, включают занятость, медицину, образование и уход за пожилыми людьми. Эти материалы отражают стремление населения к защите своих прав и интересов, формируя уверенность в благополучии общества в новую эпоху.

В 2023 году общая доля зрителей каналов CCTV по-прежнему лидировала на национальном рынке. Среди них доля зрителей CCTV-1 занимает первое место в стране, установив новый максимум за последние девять лет.

Наибольшей популярностью среди зрителей пользуются ежегодные гала-концерты, организуемые Медиакорпорацией Китая. Эти мероприятия приурочены к значимым национальным праздникам, таким как Праздник середины осени и Новый год по лунному календарю и др. Одно из самых известных шоу CMG – гала-концерт Праздника Весны – в 2022 году привлекло около 1,3 млрд зрителей, на цифровых платформах его просмотры превысили 7 млрд. В 2023 году фрагменты этого концерта в честь Праздника Весны собрали более 16 млрд просмотров [6].

Международное сотрудничество корпорации

Особое внимание Медиакорпорация Китая уделяет продвижению позиций КНР на международной арене. В частности, для этой цели в конце мая 2023 года CMG совместно с Китайским народным университетом, одним из ведущих вузов страны, объявили о создании Института международных коммуникационных исследований новой эпохи. Отмечалось, что в рамках сотрудничества стороны поделятся опытом для более результативного продвижения информации о Китае на мировой арене. Кроме того, на момент создания Института был проведен первый опрос о впечатлениях представителей международного сообщества о Китае [7].

Большую роль в установлении и продвижении международного взаимодействия играет развитие технологий. Корпорация ставит перед собой цель внедрения инноваций в рамках «медийной дипломатии» и создания более широкого международного «единого медиафронта». В этом направлении было подписано 58 соглашений о сотрудничестве с государственными ведом-

¹ Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи представляют собой продолжение и развитие положений марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, идеи «трех представительств» и концепции научного развития.

ствами и ведущими СМИ из разных стран. CMG активно взаимодействует с медиа и учреждениями в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Кроме того, корпорация организовала ряд значимых мероприятий для СМИ, включая Второй глобальный форум медиа-инноваций, конференцию «Модернизация в китайском стиле и глобальный мир», выставку «Цивилизация и археология» и другие.

Российско-китайское взаимодействие в области СМИ

Одним из важнейших партнеров Медиакорпорации Китая является Россия и медиа компании, осуществляющие деятельность на территории РФ. Российско-китайское сотрудничество основано на укреплении двусторонних отношений в рамках стратегического партнерства между двумя странами. Сотрудничество между Россией и Китаем в медиасфере развивается стремительными темпами. В последние годы были подписаны соглашения с рядом российских СМИ для обмена контентом, трансляции совместных передач и проведения кросс-культурных мероприятий. Центральная телерадиокорпорация Китая играет ключевую роль в этих процессах, активно сотрудничая с российскими медиа и укрепляя двусторонние отношения в этой стратегически важной области.

Одной из ключевых составляющих взаимодействия стороны стало взаимное распространение медиаконтента. Так, в октябре 2020 года Россия и Китай утвердили план сотрудничества СМИ на 2021 год, включающий в том числе трансляцию телеканалов двух стран. Это направление помогает укреплять взаимопонимание и дружбу между народами, создавая общественный фундамент для дальнейшего развития отношений.

Совместные проекты России и Китая

СМИ России и Китая активно поддерживают культурные проекты и инициативы. В 2024 году в рамках 75-летия установления дипломатических отношений между странами стартовали перекрестные годы культуры. CMG и российские партнеры организовали показ программ, посвященных китайской культуре, включая праздничные концерты, сериалы и документальные фильмы.

В октябре 2024 года в России стартовал показ лучших программ Медиакорпорации Китая, включая проект «Встречи с Си Цзиньпином» и др. Платформами для трансляции стали российские телеканалы («Большая Азия», TV BRICS), онлайн-кинотеатры (ОККО), а также крупнейшие социальные сети, такие, как «ВКонтакте».

Важность сопряжения медиа структур России и Китая и других дружественных стран подчеркнули руководители крупных СМИ стран БРИКС во время круглого стола «Обмен опытом во имя единой судьбы», проходящего во время саммита организации в Казани в конце октября 2024 года. Так, генеральный директор ВГТРК Олег Добродеев заявил: «Кроме экономических и политических точек сопряжения нужно искать точки информационные – то, что нас объединяет. А объединяет нас очень-очень многое» [8]. В завершении круглого стола Медиакорпорация Китая представила ряд проектов: проморолики документальной ленты «Китай: гонка за будущим» и спецпрограммы «Гармония в многообразии», приуроченной к саммиту БРИКС и др.

На сегодняшний день Россия и Китай активно участвуют в создании совместных медийных продуктов. Среди значимых примеров – проект «Сила Сибири», документальный фильм о газопроводе, подготовлен-

ный НТВ и CMG. Также совместно с «Российской газетой» Медиакорпорация Китая выпускает журнал «Дыхание Китая», который является своеобразным символом российско-китайского сотрудничества в медиасфере.

«Китайская панорама» – еще один яркий пример российско-китайского сотрудничества. Этот телеграмканал, созданный совместно с медиагруппой «Большая Азия», распространяет на территории России позитивный и созидательный контент, посвященный культуре, истории и достижениям Китая.

Важной частью взаимодействия является обмен опытом и обучение кадров. Например, в сентябре 2024 года в Казанском федеральном университете обсуждалось сотрудничество с корпорацией CMG по подготовке медиакадров и организации совместной информационной работы.

Технические инновации также занимают ключевое место во взаимодействии России и Китая. В 2024 году был подписан меморандум о сотрудничестве между «Газпром-Медиа Холдингом» и CMG, целью которого стало продвижение передовых технологий в СМИ обеих стран.

Высокий уровень российско-китайского сотрудничества в медиасфере подтверждается взаимным признанием заслуг представителей каждой из сторон. Так, в 2022 году глава CMG Шэнь Хайсюн был награжден орденом Дружбы Российской Федерации [9]. В свою очередь, генеральный директор ВГТРК Олег Добродеев получил «Премия Дружбы» от правительства КНР [10].

Выводы

Медиакорпорация Китая является не только крупнейшим медиахолдингом в КНР, но и важным инструментом культурной и политической дипломатии. Её инновационная и разносторонняя деятельность и охват аудитории позволяют CMG успешно конкурировать на международной арене. Сотрудничество с Россией стало одной из ключевых составляющих международной стратегии корпорации, что несомненно способствует укреплению отношений двух стран в медиасфере.

На сегодняшний день российско-китайское взаимодействие в медиасфере достигло высокого уровня благодаря совместным усилиям крупнейших СМИ двух стран. Обмен контентом, совместные проекты и техническое сотрудничество не только способствуют укреплению культурных связей, но и формируют единое информационное пространство, отражающее стратегическое партнерство между Россией и Китаем. В перспективе можно ожидать создание новых платформ, программ и инициатив, что будет содействовать дальнейшей кооперации двух стран в медиасфере в частности и укреплению стратегического партнерства между Россией и Китаем в целом.

Литература

1. 中央广播电视总台社会责任报告 (2023年度) [Отчет о социальной ответственности Центральной телерадиокорпорации Китая за 2023 г.]. Режим доступа: <https://news.cctv.com/2024/05/31/ARTIYx8iorCYvaCSCHvEvcE9240530.shtml>. (дата обращения: 18.03.2025).
2. 《中央广播电视总台5G媒体应用白皮书 (2020版)》发布 [Центральная телерадиокорпорация Китая выпустила Белую книгу о применении технологий медиа приложений 5G (издание 2020 г.)]. Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1671559565767899856&wfr=spider&for=p->

c&searchword=《5G媒体应用白皮书》。(дата обращения: 18.03.2025).

3. 《中共中央办公厅 国务院办公厅印发《关于加快推进媒体深度融合发展的意见》最新政策_中国政府网》 («Главный аппарат ЦК КПК и Генеральный аппарат Госсовета опубликовали новейшую политику «Мнения об ускорении углубленного комплексного развития средств массовой информации»»). Режим доступа: https://www.gov.cn/zhengce/2020-09/26/content_5547310.htm?sid_for_share=99125_3 (дата обращения: 18.03.2025).
4. 《2024广播电视全媒体发展报告》在首届中国广播电视精品创作大会发布 [«Отчет о развитии средств массовой информации радио и телевидения в 2024 году» опубликован на 1-й Китайской конференции по созданию качественного телерадиоконтента]]. Режим доступа: <http://m.tvao.com/news/219459.html>. (дата обращения: 18.03.2025).
5. 重磅! 2020年中央广播电视总台创新研究报告. [Важные новости! Отчет об инновационных исследованиях Центральной телерадиостанции Китая за 2020 год]. Режим доступа: <http://gd.people.com.cn/n2/2020/1223/c123932-34490086.html>. (дата обращения: 18.03.2025).
6. Инновации и шоу CMG, достижения Медиакорпорации Китая, международное сотрудничество СМИ. Режим доступа: <https://clck.ru/3FPPcD> (дата обращения: 18.03.2025).
7. Медиакорпорация Китая (CMG) и Китайский народный университет создали Институт международных коммуникационных исследований новой эры. Режим доступа: <https://russian.cgtn.com/news/2023-05-30/1663477479238737922/index.html> (дата обращения: 18.03.2025).
8. В КФУ прошла встреча представителей крупных СМИ стран БРИКС. Режим доступа: <https://www.tatar-inform.ru/news/v-kfu-prosla-vstreca-predstavitelei-kрупных-smi-stran-briks-5962256> (дата обращения: 18.03.2025).
9. Орден Дружбы получил глава медиакорпорации КНР Шэнь Хайсюн. Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2022-08-26/436503-orden_druzhby_poluchil_glava_mediakorporatsii_knr_shen_haysyun?ysclid=m50jn1uotf945238477 (дата обращения: 18.03.2025).
10. Посол КНР в России вручил «Премия дружбы» гендиректору ВГТРК. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/12/21/posol-knr-v-rossii-vruchil-premiiu-druzhby-gendirektoru-vgtrk.html?ysclid=m50jocxf1t447280707> (дата обращения: 18.03.2025).

REVIEW OF THE ACTIVITIES OF CHINA MEDIA GROUP AND ITS ROLE IN INTERACTION WITH RUSSIAN MEDIA

Guleva M.A., Kalinina A.A.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, RIA Novosti

The article is devoted to the review of key areas of activity of the China Media Group (CMG) and its interaction with the Russian media. After its formation in 2018. Media Corporation has become one of the key players in China's media market, gradually increasing its presence in the international arena as well. CMG not only strives to faithfully and professionally carry out the duties and tasks of the Party's ideological centre and the main national broadcasting station, but also aims to innovate to conduct 'media diplomacy' and

build a broader international 'unified media front'. Russia is one of China's key foreign partners. The countries are actively developing bilateral relations in various fields, including media co-operation. In recent years, the China Media Corporation and major Russian media outlets have concluded a number of co-operation agreements and implemented several major projects that have contributed to deepening friendship and mutual understanding between the peoples of our two countries. The two countries plan to further expand the scope of cooperation in the media sphere, and the China Central Broadcasting Corporation will play a significant role in this process.

Keywords: China, China Media Group, Russia, media, co-operation.

References

1. 中央广播电视总台社会责任报告 (2023年度) [CCR Social Responsibility Report]. Available at: <https://news.cctv.com/2024/05/31/ARTIYx8iopCYvaCSChvEvcE9240530.shtml>. (Accessed on 18 March 2025).
2. 《中央广播电视总台5G媒体应用白皮书 (2020版)》发布 [China Central Radio and Television Corporation Releases White Paper on 5G Media Application Technology Application (2020 Edition)]. Access mode: [https://baijiahao.baidu.com/s?id=1671559565767899856&wfr=spider&for=pc&searchword=《China Central Radio and Television Corporation Releases White Paper on 5G Media Application Technology Application \(2020 Edition\)》](https://baijiahao.baidu.com/s?id=1671559565767899856&wfr=spider&for=pc&searchword=《China Central Radio and Television Corporation Releases White Paper on 5G Media Application Technology Application (2020 Edition)》) (date of access: 03/18/2025).
3. 《中共中央办公厅 国务院办公厅印发《关于加快推进媒体深度融合发展的意见》最新政策_中国政府网》 [The CPC Central Committee and the General Office of the State Council issued the latest policy «Opinions on Accelerating the In-depth Comprehensive Development of the Media»]. Access mode: https://www.gov.cn/zhengce/2020-09/26/content_5547310.htm?sid_for_share=99125_3 (accessed: 18.03.2025).
4. 《2024广播电视全媒体发展报告》在首届中国广播电视精品创作大会发布 [Published at the 1st China Conference on High-Quality Broadcasting and Radio Content Creation by the Chinese People's Republic of China [«2024 Radio and Television Mass Media Development Report» published at the 1st China Conference on High-Quality Broadcasting and Radio Content Creation]]. Access mode: <http://m.tvao.com/news/219459.html>. (Accessed: 18.03.2025).
5. 重磅! 2020年中央广播电视总台创新研究报告. 重磅! 2020年中央广播电视总台创新研究报告. [Breaking News! China Central Television and Radio Broadcasting Company Innovation Research Report 2020]. Access mode: <http://gd.people.com.cn/n2/2020/1223/c123932-34490086.html>. (Accessed: 18.03.2025).
6. CMG Innovations and Shows, Achievements of China Media Corporation, International Media Cooperation. Access mode: <https://clck.ru/3FPPcD> (Accessed: 18.03.2025).
7. China Media Corporation (CMG) and Renmin University of China have established the Institute for New Era International Communication Studies. Access mode: <https://russian.cgtn.com/news/2023-05-30/1663477479238737922/index.html> (date of access: 18.03.2025).
8. A meeting of representatives of major media outlets from the BRICS countries was held at KFU. Access mode: <https://www.tatar-inform.ru/news/v-kfu-prosla-vstreca-predstavitelei-kрупных-smi-stran-briks-5962256> (date of access: 18.03.2025).
9. The head of China Media Corporation Shen Haixiong received the Order of Friendship. Access mode: https://www.1tv.ru/news/2022-08-26/436503-orden_druzhby_poluchil_glava_mediakorporatsii_knr_shen_haysyun?ysclid=m50jn1uotf945238477 (date of access: 03/18/2025).
10. The Chinese Ambassador to Russia presented the «Friendship Award» to the General Director of VGTRK. Access mode: <https://rg.ru/2022/12/21/posol-knr-v-rossii-vruchil-premiiu-druzhby-gendirektoru-vgtrk.html?ysclid=m50jocxf1t447280707> (date of access: 03/18/2025).

Особенности развития информационных технологий в Южной Африке и их влияние на развитие групп БРИКС

Джумесси Теча Франк Жиресер,

аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)
E-mail: 1042245300@pfur.ru

Развитие информационных технологий (ИТ) является ключевым фактором экономического и социального прогресса в современном мире. Южно-Африканская Республика (ЮАР), входящая в группу БРИКС, демонстрирует значительный рост в этой области, что делает ее важным объектом изучения. Изучение специфики ИТ-сектора Южной Африки позволяет не только понять внутренние процессы развития, но и оценить его влияние на укрепление позиций БРИКС на мировой арене. Несмотря на позитивные изменения, развитие ИТ-сектора в Южной Африке сталкивается с рядом проблем, включая нехватку квалифицированного персонала, высокие затраты на технологии и ограниченный доступ в Интернет в некоторых регионах. Эти проблемы требуют анализа, чтобы выявить основные препятствия и предложить пути их преодоления.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая инфраструктура, БРИКС, экосистема стартапов, государственные инициативы, сектор информационных технологий (ИТ), ВВП, развитие ИТ.

Целью данного исследования является анализ текущего состояния ИТ-сектора Южной Африки, выявление ключевых факторов, способствующих его развитию, и оценка его влияния на экономическую и политическую ситуацию в стране в рамках БРИКС. Это позволит нам определить, каким образом ИТ-сектор может стать движущей силой устойчивого развития в регионе.

В исследовании использовались **методы** анализа статистических данных, сравнительный анализ и тематические исследования успешных инициатив в ИТ-секторе Южной Африки. Такой подход позволяет глубже понять специфику улучшения мира и его влияние на международное сотрудничество в рамках БРИКС.

В статье рассматриваются ключевые аспекты совершенствования ИТ-сектора в Южной Африке, такие как инновации, финансирование и государственная политика. Особый интерес представляет оценка состояния глобального сотрудничества и влияния мировых тенденций на развитие в этой области. В нем также рассматривается, как улучшение ИТ-инфраструктуры в Южной Африке способствует укреплению роли БРИКС на мировом уровне. Анализируются возможности и проблемы для совместного развития технологий в странах БРИКС.

Анализ текущего состояния ИТ-сектора в Южной Африке

Южноафриканский ИТ-рынок включает в себя несколько крупных игроков, которые оказывают значительное влияние на развитие сектора. Одной из ведущих корпораций является dimension data, которая предоставляет широкий спектр ИТ-услуг, включая облачную эру, кибербезопасность и управление записями. С доходом более 8 миллиардов долларов в 2020 году dimensions демонстрирует чрезмерную конкуренцию за данные и инновации, что способствует укреплению роли Южной Африки на международном уровне.

Международные корпорации, такие как IBM и Microsoft, активно участвуют в развитии ИТ-сектора Южной Африки, что способствует внедрению передовых технологий и созданию новых рабочих мест. Эти компании вкладывают значительные средства в исследовательские центры и образовательные программы, направленные на развитие местных специалистов. Их присутствие в стране обеспечивает доступ к глобальным инновациям и способствует интеграции Южной Африки в мировую цифровую экономику.

Местные стартапы играют важную роль в развитии инноваций в ИТ-секторе Южной Африки. Например, компания Naspers, которая начинала как местный стартап, стала одним из крупнейших инвесторов в технологические компании по всему миру. Ее инвестиции в такие проекты, как китайский Tencent, демонстрируют потенциал южноафриканских стартапов не только на региональном, но и на международном уровне.

Сотрудничество между частным и государственным секторами играет важную роль в развитии ИТ-рынка в Южной Африке. Инициатива правительства Южной Африки Digital Plan направлена на развитие ИТ-инфраструктуры и поддержку стартапов, что создает благоприятные

ятную среду для инноваций. Такие программы помогают объединить усилия бизнеса и государства, обеспечивая устойчивое развитие отрасли и повышая ее конкурентоспособность. Рахматуллин, Сагиров и Мавляутдинов отмечают, что «это будет взаимовыгодное и долгосрочное сотрудничество с учетом географических и геологических факторов для реализации новых электроэнергетических проектов в Южной Африке» [8].

Южная Африка добивается значительных успехов в развитии инновационных технологий, что укрепляет ее позиции в ИТ-секторе. Основными направлениями являются искусственный интеллект, технологии больших данных и автоматизация процессов. Такие компании, как Naspers, активно инвестируют в эти сферы, что позволяет ЮАР занимать лидирующие позиции среди африканских стран. Этот прогресс не только создает новые рабочие места, но и повышает конкурентоспособность страны на мировом рынке. В то же время Южно-Африканская Республика проводит последовательную внешнюю политику, отстаивая свои интересы на международной арене, что способствует укреплению позиций БРИКС в Африке [2].

Искусственный интеллект и машинное обучение играют ключевую роль в трансформации ИТ-сектора Южной Африки. В 2020 году страна вошла в топ-10 по количеству стартапов, специализирующихся на этих технологиях, что подтверждает высокий уровень компетентности местных специалистов и наличие благоприятной экосистемы для их развития. Развитие искусственного интеллекта и ML способствует автоматизации процессов в различных отраслях, таких как финансы, здравоохранение и образование, что, в свою очередь, оказывает положительное влияние на экономику страны. В то же время в исследовании освещаются ключевые проблемы, препятствующие интенсивному развитию экономик стран БРИКС, а также обсуждается текущая ситуация в мире [12].

Доступ в Интернет является важным фактором для развития ИТ-сектора в Южной Африке. Национальная инициатива South Africa Connect направлена на обеспечение широкополосного доступа для всех граждан к 2030 году. Это позволит устранить цифровое неравенство и повысить уровень вовлеченности общественности в цифровую экономику. Совершенствование инфраструктуры также способствует росту числа пользователей интернет-сервисов, что создает дополнительные возможности для развития ИТ-компаний и стартапов.

Финансовые технологии представляют собой одну из наиболее динамично развивающихся областей ИТ-сектора в Южной Африке. В 2022 году объем транзакций в этом сегменте превысил 5 миллиардов долларов США, что сделало страну лидером в Африке по внедрению финансовых технологий. Увеличение числа пользователей мобильных финансовых приложений, которое в 2021 году составило более 2 миллионов, подтверждает высокий уровень адаптации населения к новым технологиям. С другой стороны, Южная Африка также активно наращивает активы в области возобновляемых источников энергии, что способствует развитию денежно-кредитной сферы. «Доля возобновляемых источников энергии в Южной Африке и Китае увеличилась в среднем на 12% и 5% по сравнению с прошлым годом соответственно, в то время как в других странах показатели не превышали 1,14%» [2].

Внедрение ИТ-технологий оказывает значительное социальное воздействие на Южную Африку, способствуя повышению качества жизни населения и обеспечивая доступ к образованию, здравоохранению и другим важным услугам. Развитие ИТ-сектора также способствует

снижению безработицы за счет создания новых рабочих мест. В то же время сохраняются проблемы, связанные с цифровым неравенством, которые требуют внимания со стороны правительства и бизнеса для достижения устойчивого развития. Стабильная энергетическая безопасность, необходимая для экономического роста, подчеркивает важность энергетического сотрудничества между странами БРИКС (Лукашевич, 2024. 229 с.).

Пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на цифровую трансформацию бизнеса в Южной Африке. Согласно отчету «Делойта», 70% компаний в стране ускорили реализацию своих планов по внедрению цифровых технологий в ответ на вызовы, связанные с пандемией. Это было связано с необходимостью адаптации к новым условиям, включая переход на удаленную работу, обеспечение удаленного доступа к сервисам и оптимизацию бизнес-процессов. В результате многие предприятия начали активно инвестировать в ИТ-инфраструктуру, что помогло ускорить темпы цифровизации.

Внедрение массовой удаленной работы стало одним из ключевых факторов, способствовавших ускорению внедрения технологий в Южной Африке. Компании были вынуждены быстро адаптироваться к новым условиям, которые включали использование облачных технологий, платформ видеоконференцсвязи и инструментов для совместной работы. Это не только обеспечило устойчивость бизнеса во времена кризиса, но и продемонстрировало эффективность цифровых решений, что может стать стимулом для их более широкого внедрения. С другой стороны, странам БРИКС следует создать благоприятные условия для построения системы передачи технологий и гармонизации норм, регулирующих владение технологиями, путем применения сетевого подхода.

Пандемия способствовала значительному росту электронной коммерции в Южной Африке. Из-за ограничений на передвижение и закрытия физических магазинов все больше и больше потребителей начали использовать онлайн-платформы для покупки товаров и услуг. Это привело к увеличению числа пользователей интернет-услуг с 36 миллионов до 42 миллионов в течение 2020 года. Этот рост стимулировал развитие логистики и платежных технологий, что, в свою очередь, укрепило позиции электронной коммерции в экономике страны. При этом изменения наблюдаются не только в Южной Африке, но и в других странах, например, в России. В частности, «Россия активно торгует энергоресурсами со странами БРИКС» [5].

В условиях пандемии правительство ЮАР предприняло меры для поддержки ИТ-сектора, выделив более 500 миллионов рандов на развитие цифровых инициатив в 2021 году. Эти средства были направлены на улучшение ИТ-инфраструктуры, поддержку стартапов и внедрение новых технологий. Такая поддержка способствовала не только стабилизации сектора в условиях кризиса, но и созданию условий для его дальнейшего роста, что имеет важное значение для экономики страны.

Южноафриканская Республика (ЮАР) начала активно развивать сферу информационных технологий (ИТ) с конца 1990-х годов, осознав потенциал сектора для стимулирования экономического роста и социальных преобразований. Одной из первых значительных инициатив стало создание специальных экономических зон, ориентированных на технологические компании, что позволило привлечь как внутренние, так и международные инвестиции. В начале 2000-х годов правительство ЮАР разработало стратегию по цифровизации государственных услуг, что способствовало внедрению ИТ в различные аспекты жизни общества. В этом контексте ЮАР представляется одним из наиболее перспективных

и привлекательных рынков для российских инвестиций в электроэнергетику как в среднесрочной, так и в долгосрочной перспективах [6].

На сегодняшний день ЮАР реализует несколько крупных программ, направленных на развитие ИТ-сектора. Среди них можно выделить инициативу Digital Economy Master Plan, запущенную в 2021 году, которая ставит своей целью ускорение цифровой трансформации страны. Также проект SA Connect, стартовавший в 2013 году, направлен на обеспечение широкополосного доступа в сельских районах, что способствует устранению цифрового разрыва между городскими и сельскими территориями.

Государственные инвестиции занимают важное место в развитии ИТ-сектора ЮАР. В 2019 году правительство выделило 1,5 миллиарда рандов на поддержку стартапов в сфере информационных технологий, что значительно способствовало развитию инноваций. Министрство коммуникаций и цифровых технологий ЮАР разработало стратегию по развитию искусственного интеллекта и больших данных, что привлекает дополнительные инвестиции и способствует внедрению новых технологий. С другой стороны, в ЮАР активно разрабатываются инновации в энергетической сфере в рамках совместных программ исследований государственных и частных компаний, что также содействует развитию информационных технологий в стране [1].

Эти инициативы уже приносят ощутимые результаты. Программы по поддержке стартапов способствовали созданию новых рабочих мест и увеличению вклада ИТ-сектора в ВВП страны. Проект SA Connect позволил улучшить доступ к интернету для тысяч жителей сельских районов, что положительно сказалось на их образовательных и экономических возможностях.

Однако реализация государственных программ сталкивается с рядом проблем. Одной из основных является недостаточная инфраструктура в отдаленных районах, что замедляет процесс внедрения технологий. Кроме того, ограниченность бюджетных ресурсов и необходимость конкурировать за инвестиции с другими приоритетными секторами экономики также создают вызовы. Для достижения поставленных целей требуется более эффективное управление ресурсами и привлечение частного сектора к реализации государственных инициатив.

Частный сектор оказывает значительное влияние на развитие ИТ-индустрии ЮАР, где частные инвестиции составляют около 60% всех финансовых вложений. Это подчеркивает их важность для роста и инноваций в данной области. Частные инвесторы активно поддерживают как стартапы, так и более зрелые компании, что способствует созданию новых технологий и рабочих мест. С другой стороны, венчурные фонды Китая также проявляют интерес к инвестициям в инновационные компании поздних стадий развития. Это стремление связано с желанием корпоративных инвесторов повысить инновационный потенциал своих компаний [2].

Венчурный капитал представляет собой ключевой источник финансирования для ИТ-стартапов в ЮАР. В 2020 году страна привлекла около 88 миллионов долларов венчурных инвестиций, что позволило ей занять ведущие позиции на африканском континенте. Эти средства способствуют развитию новых технологий, расширению рынков и повышению конкурентоспособности на международной арене. Южноафриканская Республика уверенно занимает одно из первых мест среди африканских государств по привлекательности для прямых иностранных инвестиций, объем которых продолжает расти [8].

Южноафриканская Республика является домом для множества успешных ИТ-стартапов, среди которых выделяются Naspers и Yoco. Naspers, основанный в ЮАР, стал одним из крупнейших инвесторов в ИТ на глобальном уровне. Платформа для мобильных платежей Yoco привлекла 83 миллиона долларов в рамках серии C в 2021 году, что свидетельствует о высоком потенциале южноафриканских стартапов. Важность и статус ЮАР в качестве «ворот в Африку» подтверждаются её позицией среди ведущих стран континента. Это было отмечено на саммите БРИКС в Дурбане в марте 2013 года, когда было сказано, что ЮАР является «неординарной во всех отношениях» [10].

Международные инвестиции играют ключевую роль в развитии ИТ-сектора ЮАР, способствуя внедрению передовых технологий и укреплению связей с глобальными рынками. Привлечение международного капитала усиливает конкурентоспособность местных компаний, что способствует их интеграции в мировую экономику. Важно отметить, что «Группа БРИКС – межгосударственное объединение пяти быстроразвивающихся стран, которое на данный момент является значимым актором изменяющейся конъюнктуры современной системы международных отношений» [5].

Сравнительный анализ инвестиций в ИТ между ЮАР и другими странами БРИКС

Инвестиции в информационные технологии играют ключевую роль в экономическом развитии стран БРИКС, каждая из которых демонстрирует свои уникальные особенности в этом контексте. В 2021 году ЮАР привлекла около 6 миллиардов долларов США в ИТ-сектор, что ставит её на третье место среди стран БРИКС по объёму таких инвестиций, хотя этот показатель значительно ниже, чем в Китае и Индии. Китай, будучи лидером, инвестировал более 100 миллиардов долларов, что существенно превышает результаты других стран, включая ЮАР. Индия также привлекла значительные средства в ИТ-сектор благодаря своей важной роли в глобальной ИТ-индустрии. В то же время Бразилия и Россия демонстрируют меньшие объёмы инвестиций, что связано с различиями в их экономических и технологических приоритетах. В результате исследования, представленном в статье, отмечается значительное и растущее влияние БРИКС на мировую экономику и международные торговые отношения [4].

На объём и структуру инвестиций в ИТ-сектор в странах БРИКС влияет множество факторов, включая уровень развития инфраструктуры, государственную политику, наличие квалифицированных кадров и степень интеграции в мировую экономику. В ЮАР, например, значительное внимание уделяется развитию широкополосного интернета и цифровым инновациям, что способствует привлечению инвесторов. Китай, благодаря своей масштабной экономике и поддержке высокотехнологичных отраслей, привлекает крупнейшие инвестиции. В Индии важную роль играют многочисленные ИТ-компании и доступность квалифицированной рабочей силы. В Бразилии, напротив, акцент делается на развитие финтех-стартапов, что составляет значительную часть инвестиций в ИТ. Россия, несмотря на высокий уровень инженерного образования, сталкивается с ограничениями в привлечении иностранных инвестиций из-за экономических и политических факторов.

Результаты инвестиций в ИТ-сектор среди стран БРИКС демонстрируют значительные различия, обусловленные как объёмами вложений, так и стратегическими направлениями их использования. В ЮАР инвестиции способствовали развитию стартапов и цифрови-

зации экономики, что укрепило её позиции в Африке. Китай, благодаря своим масштабным вложениям, стал мировым лидером в области технологий, включая искусственный интеллект и интернет вещей. Индия, используя преимущества своей рабочей силы, добилась успехов в разработке программного обеспечения и ИТ-услуг. Бразилия активно развивает финтех-направление, что делает её лидером в этом сегменте среди стран БРИКС. Россия, несмотря на значительный потенциал, сталкивается с трудностями в коммерциализации своих технологических достижений.

В ЮАР существует несколько ключевых законодательных инициатив, направленных на регулирование и поддержку ИТ-сектора. Одной из наиболее значимых является Закон о защите персональных данных (POPIA), вступивший в силу в 2021 году. Этот закон устанавливает правила обработки персональных данных, что способствует созданию более безопасной цифровой среды. Также важной инициативой является создание правительственной комиссии Digital Industrial Revolution Commission в 2018 году, которая направлена на развитие цифровой трансформации в стране.

Законодательные инициативы, такие как POPIA, оказывают значительное влияние на ИТ-рынок ЮАР, способствуя повышению доверия со стороны пользователей и инвесторов. Это доверие становится важным фактором для роста сектора, поскольку внедрение мер по защите данных делает ЮАР более привлекательной для международных компаний, ценящих высокий уровень безопасности. При этом создание Digital Industrial Revolution Commission способствует развитию инноваций и поддержке стартапов, что, в свою очередь, стимулирует предпринимательскую активность в ИТ-сфере. Авдокушин и Иванова отмечают, что «правительство заинтересовано в развитии бизнес-инкубаторов и технопарков, так как их деятельность способствует расширению инновационных технологий, что, в свою очередь, влияет на рост инновационной экономики страны».

Эффективность законодательных мер в ЮАР можно оценить как положительную, хотя существуют определенные ограничения. Например, POPIA уже способствовал улучшению стандартов обработки данных в стране, но внедрение этого закона создает сложности для малых и средних предприятий, которые сталкиваются с трудностями в соблюдении всех требований. Инициатива Digital Industrial Revolution Commission имеет значительный потенциал, однако её реализация требует дополнительных инвестиций и координации между различными уровнями власти. Кроме того, в контексте глобальных тенденций ЮАР сталкивается с вызовами в области возобновляемой энергии. Как отмечает Азарян, «лидером по производству возобновляемой энергии среди стран БРИКС является Бразилия, где данный показатель достиг почти 80%, тогда как в других странах БРИКС его значение не превышает 26%» [8].

Для повышения эффективности законодательных мер в ИТ-секторе ЮАР необходимо учитывать несколько рекомендаций. Во-первых, следует упростить процедуры соблюдения требований для малого и среднего бизнеса, чтобы минимизировать их административную нагрузку. Во-вторых, важно обеспечить прозрачность и доступность информации о новых инициативах, чтобы компании могли планировать свою деятельность. Наконец, необходимо усилить взаимодействие между правительством и частным сектором для совместного решения проблем и разработки инновационных подходов к регулированию.

Государственные учреждения играют ключевую роль в развитии ИТ-сектора в Южно-Африканской Республи-

ке, выступая инициаторами и регуляторами процессов цифровой трансформации. Они разрабатывают стратегии и программы, направленные на улучшение инфраструктуры, поддержку инноваций и создание благоприятных условий для развития ИТ-индустрии. Например, Департамент науки и инноваций (DSI) активно участвует в реализации таких инициатив, как Национальная стратегия исследований и разработок, которая направлена на укрепление научной базы и поддержку технического прогресса. В этом контексте «в статье рассматривается опыт Южно-Африканской Республики в области организации и финансирования науки. Отмечаются национальные особенности научно-технической политики, механизмы поддержки науки» [11].

Программы поддержки, инициированные государственными учреждениями, играют важную роль в стимулировании роста ИТ-сектора. Одной из таких программ является Broadband Infraco, направленная на улучшение доступа в Интернет в сельской местности и районах с низким уровнем дохода. Это позволяет расширить сферу применения цифровых технологий и способствует вовлечению большего числа граждан в цифровую экономику. Кроме того, правительственные инициативы часто включают образовательные программы, направленные на повышение квалификации и переподготовку ИТ-специалистов.

Государственное финансирование и инвестиции играют ключевую роль в поддержке ИТ-сектора в Южной Африке. В 2020 году правительство выделило 1,5 миллиарда рандов на развитие инфраструктуры для цифровой экономики, что помогло ускорить внедрение новых технологий и улучшить доступ к Интернету. Интеграция Южной Африки в БРИКС с 2011 года также оказала значительное влияние на развитие местной экономики и технологий, превратив ассоциацию в институт глобального экономического управления [5].

Сотрудничество между государственными органами и частным сектором является важным аспектом развития ИТ-сектора. Такое взаимодействие позволяет нам объединять ресурсы и опыт для реализации масштабных проектов и инициатив. Например, поддерживаемые государством программы цифровой трансформации часто предполагают участие частных компаний, что способствует внедрению инноваций и повышает эффективность реализации проектов. Такое сотрудничество также помогает создать благоприятные условия для привлечения инвестиций и стимулирования инновационной активности.

Южно-Африканская Республика активно участвует в региональных инициативах и международном сотрудничестве в области информационных технологий, сотрудничая с такими организациями, как Всемирный банк, в реализации проектов цифровой трансформации и улучшения инфраструктуры. По словам Гусаровой, участие в региональных инициативах укрепляет позиции страны в Африке и на мировой арене, а также способствует интеграции в мировую цифровую экономику. В контексте растущего влияния стран БРИКС на развитие мировой экономики и международных отношений изучение их торгового и инвестиционного взаимодействия становится особенно актуальным [4].

Экономические барьеры являются одним из ключевых факторов, сдерживающих развитие ИТ-индустрии в Южной Африке. Высокие тарифы на интернет-услуги, которые остаются одними из самых дорогих в Африке, ограничивают доступ к цифровым технологиям для значительной части населения. Это создает препятствия для инноваций и использования ИТ-услуг, особенно в сельских и отдаленных районах, где экономическая

доступность интернет-услуг играет решающую роль. Кроме того, низкий уровень инвестиций в ИТ-инновации, составляющий всего 0,5% ВВП, значительно сокращает возможности для развития новых технологий и стартапов, что, в свою очередь, ограничивает общий рост сектора.

Нехватка квалифицированных кадров является серьезной проблемой для ИТ-сектора Южной Африки. В 2022 году страна столкнулась с острой нехваткой специалистов в области информационных технологий, что замедляет процессы внедрения новых технологий и цифровой трансформации. Причинами этого являются недостаточное количество образовательных программ, направленных на подготовку ИТ-специалистов, а также отток талантливых кадров за рубеж в поисках лучших карьерных возможностей. Это создает необходимость разработки и внедрения программ по развитию местного человеческого капитала в ИТ-секторе.

Инфраструктурные ограничения также оказывают значительное влияние на развитие ИТ-индустрии в Южной Африке. Несмотря на усилия правительства по улучшению доступа в Интернет с помощью таких программ, как Broadband Infraco, доступность сетевых технологий остается низкой. Южная Африка занимает 93-е место в мире по индексу готовности к сетевым технологиям, что указывает на необходимость значительных инвестиций в развитие инфраструктуры.

Политические и законодательные препятствия также играют значительную роль в сдерживании роста ИТ-сектора. Политическая нестабильность и коррупция в Южной Африке часто приводят к неэффективному распределению ресурсов, выделяемых на развитие ИТ-индустрии. Кроме того, сложность и несовершенство законодательной базы создают дополнительные барьеры для привлечения иностранных инвестиций и развития инновационных проектов. Для преодоления этих проблем необходимо усилить прозрачность и эффективность в управлении ресурсами, а также упростить нормативно-правовую базу для ИТ-компаний.

Технологический разрыв между Южной Африкой и более развитыми странами является серьезным препятствием для развития ИТ-сектора. Низкий уровень финансирования инновационной деятельности и ограниченный доступ к передовым технологиям сдерживают внедрение современных решений. Это особенно заметно по сравнению с другими странами БРИКС, в которых финансирование ИТ-инноваций значительно лучше. Технологический разрыв между Южной Африкой и более развитыми странами является серьезным препятствием для развития ИТ-сектора. Низкий уровень финансирования инновационной деятельности и ограниченный доступ к передовым технологиям сдерживают внедрение современных решений [9].

Заключение

В ходе исследования были проанализированы ключевые аспекты развития ИТ-сектора в ЮАР, включая его текущее состояние, инвестиции, государственную политику и влияние на экономическое развитие страны. Были выявлены основные тенденции, такие как активное внедрение инновационных технологий, рост числа стартапов и значительный вклад частного сектора.

Развитие ИТ-сектора в ЮАР оказывает значительное влияние на укрепление позиций стран БРИКС в мировой экономике. Благодаря сотрудничеству в области технологий, обмену знаниями и инвестициям, ЮАР вносит вклад в развитие цифровой экономики БРИКС.

Для дальнейшего изучения темы рекомендуется сосредоточиться на анализе долгосрочных эффектов развития ИТ-сектора в ЮАР на экономику страны и на сотрудничество в рамках БРИКС. Особое внимание следует уделить вопросам интеграции инноваций в традиционные отрасли экономики, а также изучению роли международного сотрудничества в ускорении цифровой трансформации. Это поможет определить направления для стратегического развития ИТ-сектора и его влияния на глобальные процессы.

Литература

1. Авдокушин Е. Ф., Иванова В. Н. Инклюзивное развитие: основные направления, базовые предпосылки и возможные ограничения // Вопросы новой экономики. – 2014. – № 3 (31). – С. 4.
2. Азарян Е. М. Торговля и рынок: научный журнал, выпуск № 3' (51), том 2, 2019 / Главный редактор Е. М. Азарян. – Донецк: ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», 2020. – 258 с.
3. БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития / под ред. Г. Д. Толорая. – М.: РУДН, 2013. – 222 с.
4. Гусарова С. А. Торгово-инвестиционное сотрудничество стран БРИКС как фактор развития их экономики: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. – Москва, 2018. – [б.с.].
5. Дементьева Т. А. Сравнительный анализ экономического развития стран БРИКС // Конференция «Ломосов-2024». – Москва, 2024. – [б.с.].
6. Борзенко К. В. Вопросы цифровой трансформации в транспортной отрасли: актуализация развития спроса на цифровые технологии [https://vestnik.rsue.ru/doc/vestnik/1\(81\)2023.pdf#page=133](https://vestnik.rsue.ru/doc/vestnik/1(81)2023.pdf#page=133) (дата обращения 15.04.2025)
7. Шубцова Людмила Владимировна Актуальные направления трансформации местного самоуправления <https://portfolio.vvsu.ru/files/8C64D281-D88A-476F-B1A2-DBDB12992CEC.pdf#page=225> (дата обращения 15.04.2025)
8. Междисциплинарность науки как фактор инновационного развития: сборник статей Международной научно-практической конференции / под ред. Коллектива авторов. – Sterlitaмак: ООО «ОМЕГА САЙНС», 2022. – 184 с.
9. Немешаева А., Бадикова А. В., Ямпольская Д. О. Основные возможности сотрудничества ЮАР и Российской Федерации в рамках взаимодействия НИ-ОКР // Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс» [Электронный ресурс]. – URL: <https://interactive-plus.ru>. (дата обращения 15.04.2025)
10. Перспективы развития фундаментальных наук: сборник трудов XX Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 25–26 апреля 2023 г.): в 7 томах. Том 5. Экономика и управление / под ред. И. А. Курзиной, Г. А. Вороновой. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2023. – 55 с.
11. Петровский А. Б., Проничкин С. В., Стернин М. Ю., Шепелев Г. И. Организация и управление наукой: опыт ЮАР // Труды ИСА РАН. – 2017. – Т. 67. – № 2. – С. 91–92.
12. Чертова Т. Н., Пономарева Е. С. Экономическое развитие стран БРИКС: сравнительный анализ // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. – 2021. – № 1 (59). – С. 92–97.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN SOUTH AFRICA AND THEIR IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF THE BRICS GROUPS

Jumessi Techa Frank Jireser

Russian University of People's Friendship named after Patrice Lumumba

The development of information technology (IT) is a key factor in economic and social progress in the modern world. The Republic of South Africa (RSA), a member of the BRICS group, is showing significant growth in this area, which makes it an important object of study. Studying the specifics of the South African IT sector allows us not only to understand the internal development processes, but also to assess its impact on strengthening the BRICS positions on the world stage.

Despite the positive developments, the development of the IT sector in South Africa is facing a number of challenges, including a shortage of qualified staff, high technology costs and limited Internet access in some regions. These problems require analysis in order to identify the main obstacles and suggest ways to overcome them.

Keywords: digital economy, digital infrastructure, BRICS, startup ecosystem, government initiatives, information technology sector (IT), GDP, development of IT.

References

1. Avdokushin, E. F., Ivanova, V.N. Inclusive Development: Main Directions, Basic Preconditions, and Possible Limitations // *Issues of the New Economy*. – 2014. – No. 3 (31). – p. 4.
2. Azaryan, E.M. Trade and Market: Scientific Journal, Issue No. 3 (51), Volume 2, 2019 / Chief Editor E.M. Azaryan. – Donetsk: State Higher Educational Institution "Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky", 2020. – 258 p.
3. BRICS and Africa: Cooperation for Development / edited by G.D. Tolaray. – Moscow: RUDN, 2013. – 222 p.
4. Gusarova, S.A. Trade and Investment Cooperation of the BRICS Countries as a Factor in the Development of Their Economies: Author's Abstract of the Dissertation for the Degree of Doctor of Economic Sciences. – Moscow, 2018. – [pages not specified].
5. Dementyeva, T.A. Comparative Analysis of the Economic Development of the BRICS Countries // *Lomonosov-2024 Conference*. – Moscow, 2024. – [pages not specified].
6. Borzenko, K.V. Issues of Digital Transformation in the Transport Sector: Actualizing the Demand for Digital Technologies [https://vestnik.rsue.ru/doc/vestnik/1\(81\)2023.pdf#page=133](https://vestnik.rsue.ru/doc/vestnik/1(81)2023.pdf#page=133) (accessed 15.04.2025)
7. Shubtsova, Lyudmila Vladimirovna. Current Directions in the Transformation of Local Self-Government <https://portfolio.vvsu.ru/files/8C64D281-D88A-476F-B1A2-DBDB12992CEC.pdf#page=225> (accessed 15.04.2025)
8. Interdisciplinarity of Science as a Factor of Innovative Development: A Collection of Articles from the International Scientific-Practical Conference / edited by a Collective of Authors. – Sterlitamak: LLC "OMEGA SCIENCE", 2022. – 184 p.
9. Nemshaeva, A., Badikova, A. V., Yampolskaya, D.O. Main Opportunities for Cooperation between the Republic of South Africa and the Russian Federation within the Framework of R&D Interaction // Center for Scientific Cooperation "Interactive Plus" [Electronic resource]. – URL: <https://interactive-plus.ru>. (accessed 15.04.2025)
10. Prospects for the Development of Fundamental Sciences: Proceedings of the 20th International Conference of Students, Postgraduates, and Young Scientists (Tomsk, 25–26 April 2023): in 7 volumes. Volume 5. Economics and Management / edited by I.A. Kurzina, G.A. Voronova. – Tomsk: Tomsk Polytechnic University Publishing House, 2023. – 55 p.
11. Petrovsky, A. B., Pronichkin, S. V., Sternin, M. Yu., Shepelev, G.I. Organization and Management of Science: The Experience of South Africa // *Proceedings of the Institute of Scientific Accomplishments of the Russian Academy of Sciences*. – 2017. – Vol. 67. – No. 2. – pp. 91–92.
12. Chertova, T. N., Ponomareva, E.S. Economic Development of the BRICS Countries: A Comparative Analysis // *Information-Economic Aspects of Standardization and Technical Regulation*. – 2021. – No. 1 (59). – pp. 92–97.

Кулакова Нина Николаевна,

к.п.н., доцент, доцент Кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: nnkulakova@fa.ru

В статье рассмотрена проблема изменения структуры и процесса протекания конфликтного противостояния, в частности его динамики под воздействием информационного сопровождения, возросшая роль которого связана с применением новых информационно-коммуникационных и манипуляционных технологий. Обращается внимание, что спектр информационного сопровождения и воздействия оказывает влияние на все структурообразующие составляющие конфликта. Источники информационного воздействия могут иметь различные цели, спектр которых колеблется от максимизации прибылей за счёт шок-контента, представленного СМИ, до целенаправленного формирования образа врага и распространения дезинформации узкопрофильными военными специалистами. Автор обращает внимание на актуальность и предлагает нескольких направлений дальнейшего изучения проблемы влияния информации на процесс протекания, механизмы и ресурсы управления конфликтами. Необходимость подобного исследования продиктована прежде всего интересами национальной безопасности государства. Общие теоретические выводы подкреплены фактологическим материалом применения информационного влияния на всех этапах иракского конфликта.

Ключевые слова: конфликт, динамика, информационное сопровождение, манипуляция, информация, пропаганда.

Введение

Конфликты разного уровня и сложности продолжают оставаться неотъемлемым компонентом существования нашей цивилизации. Существенные изменения в социально-политической, научно-технической, информационной и других сферах приводят к трансформации конфликтного взаимодействия. Конфликты, являясь своего рода срезом, характеризующим человеческое сообщество, приобретают свойства, присущие историческому времени.

Одной из существенных характеристик конфликта является динамика его развития, которую с определенной долей условности можно разделить на несколько стадий. На стадии зарождения конфликта (ее часто обозначают как «латентная») происходит возникновение объективной конфликтной ситуации на основе осознания наличия объективного противоречия. При этом осознание противоречия может быть присуще только одному из субъектов – тому, кто определил свои интересы в создавшейся ситуации, а также идентифицировал существование проблемных препятствий для их удовлетворения. Следующим компонентом этой же, латентной, стадии становится осознание своих интересов и постановка соответствующих препятствий другой стороной. Далее следует выделение сторонами приоритетных целей в будущей борьбе, разработка стратегии и тактики, подбор средств и методов борьбы и, наконец, поиск и привлечение союзников в предстоящем противостоянии.

Латентная стадия конфликта имеет особое значение не только в силу артикуляции интересов и позиций сторон, но в силу того, что в этот период закладывается основа и перспективы развития противостояния, в том числе и ответ на вопрос: быть ли этому конфликту как таковому. Современное состояние информационно-коммуникативной сферы привело к значительному утяжелению удельного веса информационного компонента конфликта, оказывающего комплексное влияние на все содержание и динамику конфликтного противостояния и напрямую связанного с привлечением союзников и поддержкой сторон конфликта широкой общественностью как внутри государства, так и на международном уровне.

Фактором многократного роста значимости информационного компонента стало стремительное развитие коммуникативных технологий и методов социальной инженерии, привнесших свой специфический вклад в динамику становления и развития современных конфликтов. В связи с вышеизложенным становится понятно, что степень и характер воздействия на конфликт информационного компонента нуждается в детальном анализе.

Проблемное поле исследования

При этом необходимо отметить, что информационное сопровождение конфликта способно оказывать влияние на все его структурообразующие составляющие: на потенциал существующего противоречия, лежащий в его основе, на внутреннюю и внешнюю среду, на позиции сторон-участниц, а также на специфику и на динамику его протекания.

Стоит учитывать, что и сама информация в различных вариантах её проявления может являться катализатором конфликтного противостояния. При том, чем более масштабна информационная охват, тем больший эффект стоит ожидать в результате. Ложные сведения, искаженная информационная картинка могут стимулировать одну из сторон намечающегося противоречия, активизировать конфликтные отношения и вынудить пассивную сторону активизировать свою деятельность.

Особенно отчетливо информационное воздействие проявляется на латентной стадии конфликта, в период формирования союзов и коалиций, привлечения сторонников и союзников. Создание и существенная активизация информационной среды [1] конфликта посредством пропаганды позиций противостоящих сторон с демонизацией образа оппонента происходит как внутри страны, так и на международном уровне. Ангажированные СМИ с помощью телерадиовещания, интернета, печатной продукции или мессенджеров транслируют определенную интерпретацию материала, при этом они имеют возможность мифологизации и конструирования реальности. Таким образом информация оказывает прямое влияние на чувства миллионов людей, не имеющих возможность самостоятельно сформировать собственное мнение, выстраивает их последующую активность и вовлекает в конфликтное противостояние с позиции предоставленных материалов.

Стоит отметить, что информационные системы разного рода могут и не являться заинтересованными разжигания конфликта. Но при этом в донесении абоненту «сенсационных» и непроверенных «фактов» информационщики могут исходить лишь из собственного видения сути происходящих событий, преследуя цель получения максимальной прибыли через повышенное внимание и WOW-контент. Однако стоит четко осознавать, что фокусирование внимания абонента на негативных событиях или отрицательных явлениях приводит к росту напряженности и стимулирует эскалацию конфликтного противостояния.

Роль современных СМИ состоит в формировании доминирующего эмоционального восприятия конфликта и возможных способов его разрешения. Участникам конфликта присущ эффект «сужения сознания», который затрудняет объективность оценки информации, в связи с этим вовлеченные в противостояние лица легко и некритично воспринимают любую информацию, совпадающую с их психоэмоциональным видением происходящего. Возникает неосознаваемый страх когнитивного диссонанса, и люди отвергают все то, что идет вразрез с представлением об оппоненте и противоречии, послужившем основой для конфликтного взаимодействия [2].

В результате информационное сопровождение конфликта, помноженное на современные активно развивающиеся информационные коммуникативные технологии, стало важнейшим аргументом, влияющим на динамику конфликтного противостояния и чрезвычайно значимой составляющей среды конфликта. При этом широко применяемые термины «информационное противоборство» или «информационно-психологическое воздействие» имеют не только схожее практическое воздействие, но и достаточно близкое смысловое содержание и во многом утратили профессиональное применение и трактовку.

В последние десятилетия информационное воздействие приобретает все более широкое распространение: оно стало применяться в качестве вектора формирования внешней политики или в качестве программы политического курса и в итоге трансформировалось в вершину эволюции современной социальной инженерии.

Доктор политических наук А.В. Манойло отмечает, что «у американцев информационная война используется не столько как термин, обозначающий современную фазу развития конфликтных социально-политических отношений, сколько как вектор формирования внешней политики» [3].

Проблема влияния информации на динамику и ход конфликта нуждается в изучении с нескольких направлений.

1. Информационно-психологическое воздействие как стимул и экспозиция латентного потенциала конфликта.
2. Информационно-психологического воздействие на противника.
3. Информационно-пропагандистское влияние на мировую общественность, демонизация оппонента с целью привлечения сторонников и создания международных коалиций.
4. Социальная инженерия (social engineering) или «атака на человека» как совокупность мотивационных установок и информационно-манипуляционных приемов, в целях управления и получения общественной поддержки внутри страны.
5. Информационные операции специальных подразделений силовых структур по развалу коммуникационных систем противника и заменой собственными.

Современная практика информационного воздействия

Многоплановость информационного воздействия впервые открыто и широко была применена в американо-иракском вооруженном конфликте. Перед мировым наблюдателем был разыгран отлично срежиссированный спектакль, умело поддерживающий и управляющий эмоциями многомиллионной аудитории, фокусирующий её внимание на информации, подаваемой сразу после сводок с фронтов и преследующий скрытую, но четко проработанную цель – обеспечить информационно-психологическое воздействие на американскую и международную общественность и её добровольное вовлечение и подчинение.

Доктор политических наук А.В. Манойло отмечает, что такой сценарий «...есть новая разновидность технологий информационно-психологического воздействия на сознание», а новости с фронтов «...становятся высокотехнологичным конвейером производства инструментов обработки и формирования общественного мнения, обеспечения добровольного подчинения, политического целеуказания и управления вектором политической активности элит, находящихся у власти в различных странах» [3].

В свою очередь журналистский репортаж в этой системе координат становится полноценным продуктом современной операции информационно-психологической войны.

Однако уже на латентной стадии иракского вооруженного конфликта информационное воздействие было применено в качестве стимула и «витрины» конфликта. Целью информационного воздействия на подготовительном этапе военного вторжения американцев в Ирак стало формирование поддержки общественного мнения своей страны и мира в целом, в соответствии с «американской версией войны». За основу информационного воздействия были приняты традиционно демократические ценности, которые необходимо предоставить иракскому народу, «порабощенному диктатором». Для

реализации поставленной цели вполне эффективным оказалось применение старейшей коммуникативной технологии, часто используемой рекламой, СМИ и политиками – эффект иллюзии правды. Это когнитивное искажение, при котором люди начинают считать утверждение правдивым, потому что они часто слышат его, вне зависимости от фактической достоверности этого утверждения.

Предлогом для агрессии стал повод, созданный и разыгранный в Совете безопасности ООН госсекретарем США. Колин Пауэлл продемонстрировал пробирку с якобы спорами сибирской язвы – оружием массового поражения, которое как он утверждал, массово производимо в Ираке. Умышленно и нагло сфальсифицированное «доказательство», ораторский прием с пробиркой мировое сообщество сочло возможным принять за истину, в том числе в силу уже выстроенной идеологической платформы и масштабной информационной подготовки глубоко внедренные в сознание не только американцев, но и мирового сообщества. Таким образом информация, пусть и лживая, стала стимулом и экспозицией конфликта.

Третьим направлением информационно-психологической работы американцев по подготовке и управлению военным конфликтом в Ираке стала деятельность по деморализации войск противника и гражданского населения Ирака. Достижение результата так же осуществлялось путем целенаправленного влияния на сознание и образ мышления людей. Опираясь на мощный информационный и финансовый ресурс, неограниченный доступ к международным телевизионным СМИ, а также к глобальной сети Интернет в кратчайшие сроки была проведена информационная операция по дискредитации лидера Ирака и заявлено о его агрессивных планах. Американскими структурами – «...Госдепартаментом, сотрудниками USAID и военными планировщиками, были разработаны все более жесткие процессы, которые анализировали и оценивали утверждение и выполнение многих проектов» – так рассказывает о своей деятельности в Ираке Марк Хертлинг, участник военного конфликта в Ираке. Масштабное информационное воздействие, направленное на обработку иракского населения и мировой общественности, в том числе исламских государств, создающее благоприятный информационный фон для вторжения, Марк Хертлинг считает «удачным государственным финансированием» [4]. В период с 2003 по 2011 год USAID инвестировало 6,6 миллиарда долларов в Ирак. Программы USAID имели тесную координацию с американским военным командованием и сочетала силовые операции с реформами управления [5]. При этом, как отмечают сотрудники «Psychological Operations»¹ (PsyOps), работающие в этот период с иракским населением, они применяли термин «Навязывание свободы в Ираке» [6]. Применяемая ими методика «face-to-face», направленная на отслеживание умонастроений граждан Ирака, призывы к сотрудничеству с американскими войсками и «создание благоприятного морально-психологического климата» среди местного населения была признана самой результативной.

Заключение

К ранее применяемым терминам «психологическая война», «информационное противоборство»,

¹ Американская тактическая психологическая группа, войсковой элемент PSYOPS – узкопрофильные военные специалисты – соцтехнологи, психологи, разведчики и информационщики.

«информационно-психологическая операция» можно добавлять понятие «гуманитарные войны». При этом какие бы акценты не подразумевались для интерпретации этих понятий, объединять их будет тот факт, что объектом их воздействия является человек, целью – подчинение сознания противника целям этой войны, а для достижения поставленной задачи применяется оружие нового поколения – психологическое/информационное.

Таким образом необходимо признать, что за последние десятилетия произошло дополнение характеристик конфликтов, неотъемлемым компонентов которых стало широкое и целенаправленное информационное сопровождение, нацеленное на морально-психологическое состояние его участников и оказывающее значительное влияние на ход и динамику конфликтного противостояния.

Информационный компонент конфликта, оказывающий существенное влияние на эмоционально-психологическую сферу значительно упрочнил свою роль и влияние на динамику и ход конфликтного противостояния в связи с широким применением и стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий. Войны пропаганды и латентное психологическое воздействие стали неотъемлемой частью военных кампаний, побеждать в которых смогут государства, сумевшие получить преимущества в информационном пространстве.

Литература

1. Эрштейн Л.Б. Влияние информационного фона и полезной информации как основных свойств информационной среды на развитие общества. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-informatsionnogo-fona-i-poleznoy-informatsii-kak-osnovnyh-svoystv-informatsionnoy-sredy-na-razvitiye-obschestva>
2. Николаенко Т.И. Анализ влияния информационно-коммуникационных технологий на современные международные конфликты. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vliyaniya-informatsionno-kommunikatsionnyh-tehnologiy-na-sovremennye-mezhdunarodnye-konflikty>
3. Манойло А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта. – URL: <https://web.archive.org/web/20200918100617/https://psyfactor.org/lib/psywar35.htm>
4. How USAID Helped Us Defeat the Iraqi Insurgency.. – URL: <https://www.yahoo.com/news/usaid-helped-us-defeat-iraqi-083340843.html>
5. Hard Lessons: The Iraq Reconstruction Experience. – URL: <https://elenagardi.livejournal.com/49038.html>
6. Гусаров В. Информационно-психологические операции в Ираке: война пропаганды. – URL: <https://psyfactor.org/psyops/psyops-iraq.htm>

THEORY AND PRACTICE OF INFORMATION SUPPORT OF CONFLICT

Kulakova N.N.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article considers the problem of changing the structure and process of the conflict confrontation, in particular its dynamics, under the influence of information support, the increased role of which is associated with the use of new information, communication and manipulation technologies. It is noted that the spectrum of information support and influence affects all structure-forming components of the conflict. Sources of information influence can have various goals, the spectrum of which ranges from maximizing profits due

to shock content presented by the media to the targeted formation of the enemy's image and the dissemination of disinformation by narrow-profile military specialists. The author draws attention to the relevance and suggests several directions for further study of the problem of the influence of information on the process of conflict management, mechanisms and resources. The need for such a study is dictated primarily by the interests of national security of the state. General theoretical conclusions are supported by factual material on the use of information influence at all stages of the Iraqi conflict.

Keywords: conflict, dynamics, information support, manipulation, information, propaganda.

References

1. Ershtein L.B. The influence of the information background and useful information as the main properties of the information environment on the development of society. – URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-informatsionnogo-fona-i-poleznoy-](https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-informatsionnogo-fona-i-poleznoy-informatsii-kak-osnovnyh-svoystv-informatsionnoy-sredy-na-razvitiye-obschestva)
2. Nikolaenko T.I. Analysis of the influence of information and communication technologies on modern international conflicts. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vliyaniya-informatsionno-kommunikatsionnyh-tehnologiy-na-sovremennye-mezhdunarodnye-konflikty>
3. Manoilo A.V. Information and psychological warfare: factors determining the format of a modern armed conflict. – URL: <https://web.archive.org/web/20200918100617/https://psyfactor.org/lib/psywar35.htm>
4. How USAID Helped Us Defeat the Iraqi Insurgency. – URL: <https://www.yahoo.com/news/usaid-helped-us-defeat-iraqi-083340843.html>
5. Hard Lessons: The Iraq Reconstruction Experience. – URL: <https://elenagardi.livejournal.com/49038.html>
6. Gusarov V. Information and psychological operations in Iraq: the war of propaganda. – URL: <https://psyfactor.org/psyops/psyops-iraqi.htm>

Мартыненко Станислав Евгеньевич,

к. ист.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

E-mail: ambassador79@mail.ru

Хеззекова Камилла Торекуловна,

магистр 2 года обучения кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

E-mail: ambassador791@mail.ru

В статье исследуется роль спортивной дипломатии Королевства Саудовская Аравия (КСА) и Катара как инструмента «мягкой силы» в контексте их внешнеполитических стратегий. Во введении обосновывается актуальность темы на фоне экономических и политических трансформаций в регионе Персидского залива, где спорт стал ключевым рычагом формирования позитивного имиджа и укрепления международных связей. Особое внимание уделяется футболу, включая организацию чемпионата мира 2022 года в Катаре и амбициозные проекты КСА. Методы исследования включают анализ стратегий обеих стран: инвестиции в спортивную инфраструктуру, приобретение зарубежных клубов, лоббирование в международных организациях (ФИФА, МОК), а также использование спорта для смягчения региональных противоречий. Результаты демонстрируют рост глобального влияния КСА и Катара: успешное проведение мегасобытий, усиление роли в управленческих структурах спорта, внутренние реформы (расширение участия женщин, развитие молодежных программ). Однако выявлены и вызовы: критика в связи с правами человека, экологические риски, зависимость от крупных финансовых вложений. В обсуждении подчеркивается двойственная роль спортивной дипломатии: с одной стороны, она способствует экономической диверсификации и международному признанию, с другой – требует баланса между имиджевыми проектами и социальной ответственностью. Отмечено, что спорт становится платформой для региональной кооперации, несмотря на историческое соперничество. Перспективы связаны с дальнейшей интеграцией в глобальную спортивную экосистему, развитием технологий и экологических инициатив.

Ключевые слова: спортивная дипломатия, мягкая сила, Саудовская Аравия, Катар, международные отношения.

Введение

Спортивная дипломатия в контексте взаимоотношений Королевства Саудовская Аравия и Катара формировалась на фоне стремительных политических и экономических преобразований, которые затронули весь регион Персидского залива. Еще несколько десятилетий назад эти государственные образования не обладали такой широкой известностью и влиянием на международной арене, как сейчас, и спортивные мероприятия играли для них не столь заметную роль. Однако постепенная модернизация и наращивание экономического потенциала привели к поиску новых инструментов укрепления внешнеполитических позиций, и спорт стал одним из ключевых рычагов влияния. Через него страны региона могут формировать позитивный образ, укреплять связи с другими государствами и демонстрировать собственную мягкую силу [7]. Особенно показателен интерес к футболу, включая участие в его административных структурах и организации крупных турниров. Использование спортивных состязаний как инструмента публичной дипломатии позволяет Саудовской Аравии и Катару выходить за рамки привычных нефтегазовых приоритетов, создавая новую платформу для достижения политических и экономических целей. При этом различные аспекты, связанные с локальными культурными особенностями, религиозными традициями и социальными укладами, создают уникальную ситуацию, в которой спортивная дипломатия не просто внедряется в классические международные отношения, а переплетается с ними, формируя гибридный конструкт взаимодействия.

Спорт всегда служил универсальным языком коммуникации, преодолевающим государственные границы и политические распри. Болельщики, спортсмены, функционеры и спонсоры – все они становятся частью большого транснационального поля, где символические и коммерческие интересы тесно переплетаются [3]. В эпоху глобализации, когда геополитические распри иногда достигают критической точки, спортивные мероприятия могут способствовать смягчению напряженности и поиску точек соприкосновения. Представители Саудовской Аравии и Катара, стремясь укрепить свою роль в международных организациях, таких как Международная федерация футбола (ФИФА) или Азиатская конфедерация футбола, пытаются не только заявить о себе, но и найти поддержку своих проектов среди союзников и конкурентов. Подобное поведение обусловлено пониманием того, что глобальные спортивные события распространяются намного дальше пределов футбольного поля и влияют на формирование имиджа страны, ее туристической привлекательности, инвестиционной среды. Именно поэтому эти государства готовы вкладывать колоссальные финансовые ресурсы не только в закупку лучших игроков, но и в развитие спортивной инфраструктуры, продвижение официальных партнерств и рекламных кампаний [10]. Пример Катара, который получил право на проведение чемпионата мира по футболу 2022 года, является, вероятно, наиболее яркой иллюстрацией этой тенденции. Однако Саудовская Аравия также нацелена на значимые и престижные турниры, такие как Азиатские игры, и рассматривает возможность участия в борьбе за право проведения крупных мультиспортивных мероприятий.

тиспортивных событий. В итоге, спортивная дипломатия превращается в полноценный элемент внешней политики, открывающий новые горизонты для переговоров и соглашений, в том числе связанных с экономической кооперацией.

Материалы и методы исследования

Взаимное позиционирование Катар и Саудовской Аравии часто проходит через соперничество, обусловленное историческими, экономическими и политическими факторами. Ранее в регионе имелись напряженные отношения, которые обострялись из-за вопросов поддержки различных политических сил, а также влияния на региональные процессы [1]. При этом использование спорта в качестве инструмента «мягкой силы» дает возможность существенно сгладить разногласия. Катар, к примеру, во многом опередил Саудовскую Аравию, сделав акцент на развитии футбольных академий, спонсорстве европейских клубов и организации глобальных мероприятий. Саудовская Аравия, в свою очередь, активно инвестирует в реформы собственной лиги, приглашая именитых спортсменов, тренеров и функционеров, что говорит о намерении не отставать от соседей. В обоих случаях наблюдается тенденция к масштабному строительству или модернизации стадионов, спортивных центров и прочей инфраструктуры, которая не только повышает уровень внутренней спортивной среды, но и служит индикатором растущих глобальных амбиций [12]. Интересно, что усилия обеих стран иногда подкрепляются внешнеполитическими шагами: визиты спортивных делегаций часто идут в связке с переговорами на государственном уровне, а партнерские договоры в области трансляций или совместных турниров сопровождаются обсуждением более широкого спектра дипломатических вопросов. Вместе с тем спорт становится платформой, на которой Саудовская Аравия и Катар могут продемонстрировать свою открытость и готовность к диалогу.

В последние годы все явственнее становится симбиоз экономических интересов с культурным и идеологическим влиянием. Выстраивая связи с крупнейшими иностранными лигами, клубами и спортивными организациями, Саудовская Аравия и Катар укрепляют свои политические контакты, а также формируют новые каналы взаимодействия с глобальными корпорациями, медиа и группами болельщиков [5]. Такое сотрудничество уже далеко выходит за рамки покупки телевизионных прав на трансляцию матчей, превращаясь в стратегический альянс, в котором фигурируют сделки по спонсорству, обмену технологиями, образовательным программам, иным культурным инициативам. При этом возникает и вопрос критики, связанной с предполагаемым «отмыванием имиджа» через спорт, когда международные организации и правительства упрекают эти страны в попытках скрыть или замаять проблемы с правами человека, трудовыми мигрантами и другими социально-политическими сферами. Однако спортивная дипломатия дает этим странам возможность контраргументов: они могут указывать на прогресс в развитии спортивных свобод женщин, растущую вовлеченность молодежи в здоровый образ жизни и создание новых рабочих мест [2]. Для Катар, например, проведение чемпионата мира 2022 года стало не только имиджевым проектом, но и масштабным инициатором внутренних реформ, которые пусть и подверглись критике, однако в долгосрочной перспективе могут изменить социальный ландшафт страны. Саудовская Аравия аналогичным образом пытается сбалансировать внешние интересы и внутренние приоритеты, являясь при этом объектом повышенного

внимания со стороны мирового сообщества в свете политических дискуссий.

Результаты и обсуждение

Немаловажным аспектом спортивной дипломатии является роль различных спортивных федераций и организационных структур. Саудовская Аравия и Катар стремятся повышать свой статус внутри Азиатского олимпийского совета, ФИФА, Международного олимпийского комитета и прочих авторитетных объединений [15]. Вступление в руководящие органы, получение там ключевых постов и установление прочных личных связей с международными спортивными функционерами позволяют эффективно продвигать интересы дома и проводить политически выгодные решения. Более того, это расширяет возможность для лоббирования собственных кандидатов и событий, увеличивая видимость на мировой арене. Когда представитель Катар стал президентом Азиатской конфедерации футбола, это только укрепило общую стратегию страны по интеграции в глобальную систему спорта. Саудовская Аравия также предпринимала шаги в направлении повышения своей роли в управленческих структурах, особенно в области женского спорта и развития молодежных программ [9]. Здесь показательно, что спорт помогает не только «покупать» мировое признание, но и формировать международный консенсус, исходящий из культурных и экономических особенностей региона Персидского залива.

Однако нельзя забывать, что спортивная дипломатия тесно переплетена с повесткой безопасности и стратегическими интересами. Привлечение миллионов туристов и гостей на крупные турниры неизбежно увеличивает потребность в обеспечении безопасности, в том числе антитеррористической, санитарной и кибербезопасности. Саудовская Аравия и Катар вынуждены не только принимать строгие меры внутри страны, но и сотрудничать с международными организациями, частными компаниями и правительствами других держав в этой сфере [4]. Подобная активизация сетевых взаимодействий способствует выстраиванию доверия или, по крайней мере, рабочего диалога между сторонами, которые в иных условиях могли бы сохранять взаимное недоверие. При этом сам факт проведения крупных событий часто требует сверки позиций и согласования логистических аспектов с соседними странами региона, что поневоле укрепляет региональное сотрудничество, пусть и при сохранении скрытой конкуренции. И если до недавнего времени наблюдались непростые ситуации, когда внешнеполитические конфликты подрывали потенциал спортивных обменов, то постепенная деэскалация и поиск формата мирных переговоров позволяют вывести спорт на первый план. Дело не только в престижности мероприятий, но и в их экономической эффективности: гостиничный бизнес, торговля, сфера обслуживания, транспорт и другие секторы получают существенную выгоду от спортивного туризма [14]. Таким образом, спортивная дипломатия способствует не только внешнеполитическому, но и внутреннему развитию.

Соревновательная природа футбола, автогонок, тенниса, бокса и прочих видов спорта рассчитана на многомиллионную аудиторию, которая готова следить за матчами или заездами как вживую, так и через трансляции. Катар с его инвестициями в сеть международных спортивных каналов и Саудовская Аравия, усиливая свое присутствие в СМИ через покупку прав и создание собственных медиаплатформ, прекрасно понимают, насколько мощный ресурс скрыт в возможности влиять на глобальные потоки информации [11]. Числен-

ность поклонников футбола по всей планете колоссальна, и любой контент, связанный с турнирами, мгновенно перерастает в медийное событие большого масштаба. Для государств Персидского залива это означает прямой доступ к международной аудитории, которую можно не только впечатлить красочными телерепортажами, но и побудить к активному участию в обсуждении, созданию сообществ и формированию лояльного отношения к стране-хозяйке. Пример тому – масштабные проекты по продвижению футбольных лиг в социальных сетях, а также активное участие знаменитых спортсменов в кампаниях по популяризации национальных чемпионатов. В результате создается комплексный пропагандистский и маркетинговый инструмент, позволяющий усиливать взаимодействие с болельщиками и международным спортбизнесом. Однако не стоит думать, что все сводится лишь к внешнему пиару: внутри стран также происходят подвижки, связанные с увеличением доступности спортивных мероприятий для местного населения.

Одним из индикаторов внутренней политики в области спорта является участие женщин и молодежи. Саудовская Аравия, известная своими консервативными общественными нормами и религиозными ограничениями, в последние годы стала предпринимать шаги по смягчению некоторых барьеров для женского спорта, хотя процесс этот идет не без трудностей [13]. Катар, имея несколько иную социально-экономическую базу, также пытается культивировать более открытую площадку для женских и молодежных инициатив в спорте, видя в этом дополнительный элемент своей «мягкой силы». Продвижение таких проектов, как создание женских футбольных лиг или организация местных турниров для школьников, помогает странам региона не только укреплять собственный кадровый потенциал, но и транслировать вовне образ прогрессивного, ориентированного на развитие государства. Для Катара чемпионат мира 2022 года стал драйвером позитивных изменений в общественном сознании, выделив особое внимание на вовлечение волонтеров, работу с болельщиками и иные инициативы, ранее не столь распространенные в регионе [6]. Таким образом, спортивная дипломатия, упираясь в такие базовые ценности, как доступность и равноправие, делает страны Персидского залива более отзывчивыми к мировым ожиданиям и нормам.

Не менее важна роль больших корпоративных спонсоров и транснациональных корпораций, которые видят в Саудовской Аравии и Катаре перспективные площадки не только для вложений в энергетику и инфраструктуру, но и для партнерства в спортивном бизнесе. Инвестиции в популярные футбольные клубы Европы, такие как «Пари Сен-Жермен» (Катар) или «Ньюкасл Юнайтед» (Саудовская Аравия), демонстрируют трансформацию подхода к приобретению активов: это не просто вклад в имидж, но и стратегический шаг к формированию устойчивого экономического взаимодействия [8]. Подобные сделки способствуют укреплению связей со странами, где зарегистрированы и функционируют эти клубы, а также создают позитивный фон для развития дипломатических отношений: спортивный успех зачастую интерпретируется шире, как успех всего государства, инвестировавшего в проект. И хотя подобная «футбольная дипломатия» нередко вызывает споры и разговоры о покупке репутации, трудно отрицать, что она формирует масштабный бренд-эффект, позволяющий на долгосрочной основе привлекать туристов, партнеров и расширять бизнес-контакты. Добавим к этому и прямую выгоду от повышения рейтингов, продаж атрибутики и расширения фан-базы, которые приносят дополнительные доходы и работы в национальные инве-

стиционные фонды, укрепляя экономический потенциал обеих стран.

В связи с этими процессами нельзя упускать из виду усиливающуюся конкуренцию между Саудовской Аравией и Катаром за право проведения международных турниров разного уровня. Каждая страна стремится заявить о себе как о преуспевающем и безопасном организаторе, способном предоставить ультрасовременную инфраструктуру и высокий уровень сервиса [1]. Диапазон спортивных событий, которые интересны регионам Персидского залива, очень широк: от чемпионатов мира по футболу и легкой атлетике до автогоночных соревнований вроде Формулы-1. Катара уже успел себя зарекомендовать в моторном спорте, принимая этапы MotoGP, и участвует в переговорах относительно других мировых серий. Саудовская Аравия не отстает, вкладывая серьезные ресурсы в организацию гонок Формулы-1 и различных ралли-рейдов, пытаясь одновременно модернизировать туристическую зону Кейдию и другие проекты. В перспективе обе страны могут пойти еще дальше, расширяя свое присутствие по всему спектру спортивных дисциплин, включая киберспорт, который набирает популярность во всем мире [3]. Для них это еще один способ привлечь молодежь и технологические корпорации, которые видят в киберспортивных мероприятиях огромный потенциал роста.

Помимо глобального футбола и автоспорта, Катар и Саудовская Аравия проявляют интерес к теннису, гольфу, боевым искусствам и другим видам. Интересен переход Саудовской Аравии к привлечению турниров по боксу и рестлингу, что свидетельствует о намерении формировать развлекательную программу для различных слоев аудитории [7]. Катар, в свою очередь, продолжает развивать теннисные турниры, которые ежегодно собирают в Дохе известных спортсменов мирового уровня. Все эти мероприятия являются частью глобальной маркетинговой стратегии стран: они стремятся показать свою многостороннюю вовлеченность в мировую спортивную культуру, приспособившись к запросам различных групп болельщиков и потенциальных инвесторов. Одновременно с этим создаются государственные программы поддержки спорта: выделяются гранты, стипендии, проводятся фестивали, конгрессы и тематические форумы, которые помогают регионам популяризировать не только спортивные, но и культурные ценности. Именно в таких точках соприкосновения политики, экономики и общественных интересов рождается уникальная модель спортивной дипломатии, объединяющая элементы «жесткой» силы (финансы, инфраструктура) с элементами «мягкой» (культура, идеология).

Впрочем, внутренняя динамика развития спортивной дипломатии в этих странах не всегда идет по ровной траектории. Столь масштабные преобразования требуют колоссальных затрат и грамотного управления, что порой вызывает критику внутри самой страны. Например, есть мнение, что сверхвысокие инвестиции в европейские клубы либо масштабные стройки стадионов могли бы найти более рациональное применение в социальных программах, образовании, медицине [12]. С другой стороны, сторонники государственных спортивных проектов считают, что вложения окупаются за счет авторитета, привлечения инвестиций в туристическую индустрию и закрепления имиджа прогрессивной державы. Для Катара проведение чемпионата мира 2022 года стало испытанием на устойчивость всей системы: критика в отношении прав рабочих-мигрантов, высокие температуры, неочевидная игровая привлекательность страны-организатора – все это вылилось в необходимость сталкиваться с мощным международным давлением [10].

Но в конечном счете турнир состоялся, и опыт его проведения оставил после себя модернизированную инфраструктуру, массу новых контактов и сформировал длительные контракты в сфере обслуживания, транспорта, IT и других отраслях. Аналогичные испытания ждали и Саудовскую Аравию, хотя в меньшем масштабе, при организации крупных боксерских боев и автоспортивных этапов, которые также подвергались мониторингу со стороны СМИ и правозащитных организаций.

Что касается сотрудничества между Саудовской Аравией и Катаром, то оно существует, хотя и носит селективный характер. Страны могут взаимодействовать в тех областях, где им выгодно: совместные спонсорские пакеты, дружественные матчи, обмен опытом и технологиями [5]. Подобное сосуществование соперничества и сотрудничества характерно для государств Персидского залива, где общая история, религия и сходные экономические устремления переплетаются со стремлением к лидерству. Временами это создает ситуацию «соревновательного партнёрства», когда каждая страна пытается перехватить инициативу, но при этом не желает доводить конфронтацию до критической точки. В этой модели спорт выступает своего рода площадкой для отработки навыков политического баланса: организуя масштабные турниры, страны вынуждены учитывать интересы соседей, обмениваться информацией, иногда содействовать перемещению болельщиков и спортсменов [2]. Параллельно идет диалог в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, который периодически затрагивает вопросы спортивных событий и координации усилий по повышению привлекательности региона на мировой арене. Сложно предсказать, насколько эта координация станет более тесной в будущем, однако практика показывает, что всего несколько десятилетий назад идея организации крупных международных турниров в регионе казалась малореалистичной, а сейчас – это уже состоявшийся факт.

Для внутренней политики обеих монархий спорт также служит фактором сплочения общества. Торжественные церемонии открытия, масштабные культурные программы, фейерверки и фестивали, приуроченные к спортивным событиям, превращаются в площадки для демонстрации национального единства, гордости и патриотизма [15]. В случае Катара такой эффект был особенно заметен во время и после чемпионата мира 2022 года, когда государство активно поддерживало имидж хозяина масштабного праздника, способствующего росту самосознания населения. Для Саудовской Аравии спортивные реформы связаны и с другой важной задачей – вовлечение женской аудитории, что неизбежно ведет к социально-правовым сдвигам. Появление женских соревнований и лиг также открывает дискуссию о правах и возможностях женщин, задавая новый вектор трансформации общества [9]. Все это говорит о том, что спортивная дипломатия имеет сложную и многогранную природу, затрагивая не только вопросы внешней политики, но и интимные аспекты внутреннего развития стран.

Важный элемент спортивной дипломатии – культурная адаптация спортивных мероприятий к местной среде. Если раньше наблюдались казусы, когда иностранные спортсмены, тренеры или болельщики сталкивались с непониманием местных традиций и законов, то теперь в Саудовской Аравии и Катаре работают целые консультативные команды, помогающие скорректировать правила соревнований и поведение участников. В частности, учитываются требования к дресс-коду, питанию, вероисповеданию и прочие культурные нормы [4]. Такая гибкость позволяет устранять потенциальные конфликты и создавать атмосферу уважения к местным

обычаям, что положительно сказывается на восприятии страны в мире. Кроме того, крупные турниры сопровождаются культурными программами, в которых туристы знакомятся с народными танцами, кухней, ремеслами, архитектурными достопримечательностями. Данная практика делает страны Персидского залива более понятными и привлекательными для внешней аудитории, способствуя стиранию стереотипов и повышая общий уровень толерантности и кооперации. Конечно, не обходится и без дискуссий о пределах дозволенного, когда речь идет о болельщиках, несущих с собой культуру празднования спортивных успехов и употребления алкоголя, но со временем формируются механизмы компромисса, которые удовлетворяют обе стороны.

В контексте глобализации и переформатирования мировой спортивной геополитики нельзя исключать, что Саудовская Аравия и Катар будут продолжать расширять свое присутствие, претендуя на ещё более престижные турниры и проявляя изобретательность в использовании спорта как дипломатического рычага [1]. В долгосрочной перспективе это может привести к созданию нового центра влияния в спортивной сфере, который конкурирует с традиционными географическими «хабами», такими как Европа и Северная Америка. С другой стороны, рост влияния региона заставляет международные спортивные организации учитывать его интересы при принятии стратегических решений, будь то изменение календаря соревнований или обсуждение реформ в финансовом регулировании лиг. Если в прошлом мнения представителей Персидского залива принимались к сведению скорее формально, теперь им уделяется серьезное внимание, и это отражает новые реалии глобального спортивного мира [14]. Этот процесс, в свою очередь, влияет на политическую карту, усиливая значимость диалога и компромиссов, которые невозможны без учета многообразия культурных ценностей и экономических моделей.

При анализе спортивной дипломатии Саудовской Аравии и Катара следует учитывать и роль молодежи, составляющей значительную долю населения в регионе. Государства инвестируют в спортивное образование, строят специализированные академии, стремятся привлекать ведущих мировых экспертов и тренеров для подготовки собственных кадров [3]. Молодое поколение видит в спорте не только возможность профессиональной карьеры и личностного роста, но и форму идентичности, которая помогает преодолевать барьеры, наложенные традиционными социальными нормами. Для женщин это зачастую шанс выйти в публичное пространство, для молодежи – возможность совершенствовать навыки и находить единомышленников. Кроме того, спортивные мероприятия способствуют формированию неформальных сетей взаимодействия – с приглашенными спортсменами, тренерами, волонтерами из разных стран. Эти связи могут перерасти в долгосрочные партнерства, коммерческие контракты, обмен студентами, что расширяет дипломатический инструментарий стран и придает ему современное измерение [10]. В итоге спорт занимает особое место в сознании молодежи, которая рассматривает его как часть глобальной культуры и открытый канал коммуникации с внешним миром.

Одновременно усиливается важность государственных и частных инвестфондов в области спорта. В Саудовской Аравии таким институтом выступает Public Investment Fund (PIF), который уже приобрел доли в ведущих организациях и клубах за рубежом, а в Катаре схожую роль играет Qatar Investment Authority (QIA), поддерживающая масштабные проекты в разных секторах, в том числе спортивном [6]. Разумеется, эти фонды су-

ществуют не в вакууме: они отвечают стратегическим задачам по повышению экономической диверсификации, снижению зависимости от экспорта нефти и газа, созданию рабочих мест. Спорт идеально вписывается в данную стратегию, поскольку обеспечивает международный резонанс, интегрируемость в глобальные финансовые потоки и параллельно помогает укреплять положительный имидж. Покупка зарубежных клубов, создание совместных предприятий в сфере спортивных технологий, инвестиции в игровые платформы и сервисы для трансляций – все это формирует обширную экосистему, где спорт служит катализатором более масштабных трансформаций. К примеру, развитие туристической инфраструктуры ради одного турнира может впоследствии привлечь поток отдыхающих и деловых визитеров, а распространяющиеся по миру кадры видеозаписей стадионов и фан-зон закрепляют ассоциацию страны с высоким уровнем жизни и гостеприимством [5]. В результате спортивная дипломатия становится частью обширной экономической и социальной программы.

Несмотря на возможные противоречия и трудности, спортивная дипломатия Саудовской Аравии и Катар демонстрирует впечатляющие результаты. В течение последнего десятилетия эти государства смогли значительно повысить свою узнаваемость в мире, завоевать доверие ряда спортивных функционеров и объединить вокруг себя крупные бизнес-структуры [2]. Даже периоды политических разногласий и временных блокад не остановили процесса расширения спортивных инициатив. Для внешних наблюдателей это указывает на то, что в регионе Персидского залива сформировался собственный «спорт-промышленный комплекс», который объединяет государственные министерства, местные федерации, спонсоров и транснациональные корпорации. На международном уровне это вынуждает пересматривать устоявшиеся представления о том, какие районы планеты имеют приоритетное влияние в спорте. Саудовская Аравия и Катар, располагая значительными финансовыми ресурсами и амбициями, могут оказывать все более серьезное воздействие на принятие решений в крупных организациях, задавая тон многим дискуссиям и нововведениям [12]. При этом их опыт может оказать влияние и на соседние страны, которые будут примерять на себя схожую модель развития спортивной дипломатии.

Выводы

Тем не менее, следует понимать, что любая крупная инициатива неизменно будет находиться в поле критики. Вопросы рынка труда, прав человека, свободы слова и прозрачности тендерных процедур остаются тем камнем преткновения, о который будут биться аргументы противников масштабных проектов. Катару пришлось пережить напряженный период, отражая обвинения в плохих условиях труда для рабочих-мигрантов, а Саудовская Аравия сталкивается с критикой своих законов, регулирующих общественную жизнь [9]. Тем не менее, параллельно с обвинениями идут и внутренние реформы, постепенное смягчение ограничений, поиск формата, позволяющего сочетать местную специфику с международными стандартами. Окончательное решение о том, насколько эффективно идет этот процесс, лежит в плоскости как международной политики, так и взгляда СМИ, правозащитных групп и общественного мнения. Спорт, безусловно, остается мощным инструментом влияния, но, будучи интегрированным в глобальную среду, он неизбежно втягивает и сами страны в более масштабные социальные процессы [12]. Поэтому спортивная дипломатия одновре-

менно приносит выгоды и ставит определенные условия, соблюдение которых будет определять дальнейшую траекторию развития Катар и Саудовской Аравии.

Если попытаться подвести предварительный итог, можно констатировать, что спортивная дипломатия Саудовской Аравии и Катар представляет собой динамичный феномен, соединяющий в себе элементы мягкой силы, экономических инвестиций и культурной политики. Ее ключевыми признаками выступают соревнование за международное признание, активное использование финансовых инструментов, а также умение обеспечивать пропаганду собственных достижений через эффективное глобальное медиапространство [7]. При этом каждое государство прибегает к уникальному «коктейлю» методов в зависимости от своих внешнеполитических целей, исторического опыта, социальных условий и стратегического видения будущего. Глобальные события, будь то чемпионат мира по футболу или этап автогонок, рассматриваются не только как спортивные праздники, но и как дипломатические площадки для укрепления союзов, налаживания диалога и демонстрации собственных амбиций. В ближайшие годы мы наверняка увидим дальнейшее развитие этих трендов, поскольку и Саудовская Аравия, и Катар уже сделали ставку на спорт как на центральный элемент своей внешнеполитической идентичности.

Литература

1. Sport in Qatar. [Электронный ресурс]. – // -Режим доступа: – <https://www.gco.gov.qa/en/focus/sport/> (дата обращения 15.04.2024).
2. Национальная Стратегия Катар «Видение: 2030» [Электронный ресурс]. // – Режим доступа: <https://www.psa.gov.qa/en/nds1/pages/default.aspx> (дата обращения: 20.01.2024).
3. Институт Джосур является подразделением Высшего комитета. Он был запущен в декабре 2013 г., как унаследованный проект с целью помочь продолжить наращивать возможности индустрии спорта и мероприятий в Катаре в проведении чемпионата мира по футболу 2022, в долгосрочной перспективе – как часть Национального видения Катар до 2030 г.
4. Qatar Olympic Committee. [Электронный ресурс] – // – Режим доступа. <https://www.olympic.qa/> (дата обращения 15.04.2024)
5. Vision 2030. Kingdom of Saudi Arabia. [Электронный ресурс] -//– Режим доступа. https://www.vision2030.gov.sa/media/rc0b5oy1/saudi_vision203.pdf (дата обращения 15.04.2024)
6. Sports Diplomacy in the GCC [Электронный ресурс]. // – Режим доступа: <https://www.grc.net/single-commentary/60> (дата обращения: 18.01.2024).
7. Saudi Arabia confirmed as host of 2027 AFC Asian Cup for first time [Электронный ресурс]. / Режим доступа: <https://www.insidethegames.biz/articles/1133218/saudi-arabia-2027-asian-cup-hosts> (дата обращения: 08.02.2024).
8. Saudi Arabia will host the FIFA Club World Cup 2023 [Электронный ресурс]. / Режим доступа: <https://www.saff.com.sa/en/news.php?id=2058> (дата обращения: 19.02.2024).
9. Stanis Elsborg. The power players behind Saudi Arabia's sports strategy. -//– [Электронный ресурс]. / Режим доступа: <https://www.playthegame.org/news/the-power-players-behind-saudi-arabias-sports-strategy/> (дата обращения 15.04.2024)
10. Saudi Arabia will host the FIFA Club World Cup 2023 [Электронный ресурс]. / Режим доступа: <https://www.>

saff.com.sa/en/news.php?id=2058 (дата обращения: 19.02.2024).

11. Мартыненко С.Е. Роль спортивной дипломатии в международных отношениях и внешней политике: специальность 07.00.15 «История международных отношений и внешней политики»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Мартыненко Станислав Евгеньевич; научн. рук. В.Г. Джангирян; РУДН. – М., 2015. – С. 3.

THE SPORTS DIPLOMACY OF THE KINGDOM OF SAUDI ARABIA AND QATAR

Martynenko S.E., Khezzekova K.T.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The article examines the role of sports diplomacy of the Kingdom of Saudi Arabia (KSA) and Qatar as an instrument of "soft power" in the context of their foreign policy strategies. The introduction substantiates the relevance of the topic against the backdrop of economic and political transformations in the Persian Gulf region, where sport has become a key lever for shaping a positive image and strengthening international ties. Particular attention is paid to football, including the organization of the 2022 World Cup in Qatar and the ambitious projects of the KSA. The research methods include an analysis of both countries' strategies: investments in sports infrastructure, acquisitions of foreign clubs, lobbying in international organizations (FIFA, IOC), as well as the use of sport to mitigate regional conflicts. The results demonstrate the growth of the global influence of the KSA and Qatar: successfully hosting mega-events, enhancing their roles in sports governance structures, and instituting internal reforms (expanding women's participation, developing youth programs). However, challenges were also identified: criticism related to human rights, environmental risks, and dependence on large financial investments. The discussion emphasizes the dual role of sports diplomacy: on one hand, it contributes to economic diversification and international recognition; on the other, it requires a balance between image-enhancing projects and social responsibility. It is noted that sport is becoming a platform for regional cooperation despite historical rivalries. The prospects are associated with further integration into the global sports ecosystem, as well as the development of technologies and environmental initiatives.

Keywords: sports diplomacy, soft power, Saudi Arabia, Qatar, international relations.

References

1. Sport in Qatar. [Electronic resource]. – // – Access mode: <https://www.gco.gov.qa/en/focus/sport/> (access date: 15.04.2024).
2. Qatar National Strategy "Vision: 2030" [Electronic resource]. // – Access mode: <https://www.psa.gov.qa/en/nds1/pages/default.aspx> (access date: 20.01.2024).
3. The Josour Institute is a subdivision of the Higher Committee. It was launched in December 2013 as an inherited project with the aim of further strengthening the capabilities of the sports and events industry in Qatar in hosting the 2022 FIFA World Cup, and in the long term – as part of Qatar's National Vision until 2030.
4. Qatar Olympic Committee. [Electronic resource] – // – Access mode: <https://www.olympic.qa/> (access date: 15.04.2024).
5. Vision 2030. Kingdom of Saudi Arabia. [Electronic resource] – // – Access mode: https://www.vision2030.gov.sa/media/rc0b5oy1/saudi_vision203.pdf (access date: 15.04.2024).
6. Sports Diplomacy in the GCC [Electronic resource]. // – Access mode: <https://www.grc.net/single-commentary/60> (access date: 18.01.2024).
7. Saudi Arabia confirmed as host of the 2027 AFC Asian Cup for the first time [Electronic resource]. / Access mode: <https://www.insidethegames.biz/articles/1133218/saudi-arabia-2027-asian-cup-hosts> (access date: 08.02.2024).
8. Saudi Arabia will host the FIFA Club World Cup 2023 [Electronic resource]. / Access mode: <https://www.saff.com.sa/en/news.php?id=2058> (access date: 19.02.2024).
9. Stanis Elsborg. The power players behind Saudi Arabia's sports strategy. – // – [Electronic resource]. / Access mode: <https://www.playthegame.org/news/the-power-players-behind-saudi-arabias-sports-strategy/> (access date: 15.04.2024).
10. Saudi Arabia will host the FIFA Club World Cup 2023 [Electronic resource]. / Access mode: <https://www.saff.com.sa/en/news.php?id=2058> (access date: 19.02.2024).
11. Martynenko S.E. The Role of Sports Diplomacy in International Relations and Foreign Policy: Specialty 07.00.15 "History of International Relations and Foreign Policy": Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences / Martynenko Stanislav Evgenievich; Scientific Supervisor V.G. Djangiryan; RUDN – Moscow, 2015. – p. 3.

Медушевский Николай Андреевич,

доктор политических наук, проф. кафедры современного Востока и Африки Российского государственного гуманитарного университета; доцент Российского университета дружбы народов
E-mail: Lucky5659@yandex.ru

Абрамова Алина Алиевна,

магистр, соискатель, кафедра современного Востока и Африки Российского государственного гуманитарного университета
E-mail: no.abramova@yandex.ru

Ранее, в рамках исследуемой темы, авторами была совершена попытка комплексного анализа основ существования Альянса государств Сахеля в рамках статьи «Анализ полутора лет развития Альянса государств Сахеля». На основе приведенного исследования были сделаны выводы, которые легли в основу выявления проблем и перспектив развития АГС в данной работе. В статье авторами был продолжен анализ начального этапа существования Альянса государств Сахеля с точки зрения вызовов и проблем характерных для изучаемого периода институционализации. Основной акцент сделан на трудностях в работе и развитии Альянса, а также возможном усилении и расширении Альянса. Также были выделены внешние контакты Альянса с крупными мировыми державами, как фактор, напрямую влияющий на его стабильность и перспективы развития.

Основываясь на анализе и оценке работы в первой части, по итогам анализа во второй части исследования, мы делаем вывод о том, какие сложности существуют у стран-участниц Альянса, и какие факторы способны в перспективе привести к замедлению его институционального развития и даже кризису институционализации. Анализ, проводимый в данной статье, опирается на междисциплинарный подход, учитывающий как политическую практику, так и нормативное измерение сотрудничества. В числе подходов авторами также применяются структурно-функциональный и неинституциональный подходы.

Ключевые слова: Сахель, Альянс государств Сахеля, АГС, Конфедерация, ЭКОВАС, Западная Африка.

Введение

В первой части нашего исследования мы обратились к анализу основ образования Альянса стран Сахеля, а также провели оценку успешности работы Альянса в различных сферах сотрудничества[10]. При этом исследование вряд ли могло бы претендовать на полноту и всеохватность изучения проблемы без выявления сложностей в институциональной практике и совместной работе трех стран-участниц Альянса, а также рассмотрения перспектив возможного расширения Альянса. На данном, начальном этапе институционализации, устранение сложностей и развитие интеграционных практик является первоочередной задачей объединения, поскольку сложности напрямую влияют на устойчивость объединения. Обострение меж-государственных противоречий способно привести к стагнации и даже коллапсу, что в условиях сохраняющихся внешних угроз, неизбежно приведет к коллапсу политических систем стран-участниц, имеющих ограниченную международную легитимность.

Подтверждая процесс развития и интеграции блока, в январе 2024 года в Институте гуманитарных наук в Бамако состоялась первая международная научная конференция «Новая динамика Глобального Юга сквозь призму «Альянса государств Сахеля». В ходе конференции были затронуты такие проблемы, как создание единой и независимой валюты Альянса, языковая деколонизация культуры и науки, развитие энергетического и сельскохозяйственного секторов с целью индустриализации экономики.

Помимо этого, важно, что во многих средствах массовой информации и информационно-аналитических изданиях создание Альянса сравнивают с «Варшавским договором». Это сравнение, в свою очередь, выводит к заключению экспертов о том, что расширение Альянса и привлечение новых стран-членов может напрямую повлиять на усиление и устойчивость Альянса[4]. Эксперты отмечают, что потенциал к расширению есть, и это расширение, если оно возникнет, неизбежно будет происходить через конфликт, на что указывает ситуация и в других странах региона, являющихся бывшими французскими колониями и относимыми к геополитической модели Франсафрик. Таковыми потенциальными участниками все чаще Сенегал, Кот-д'Ивуар, Чад, – и где сильны антифранцузские настроения, и где политическая власть испытывает тенденции к трансформации своих геополитических приоритетов.

Методология и историография

Исследование, представленное в данной статье основано на междисциплинарном подходе, в основе которого лежат структурно-функциональный и неинституциональный подходы. Интеграционный процесс представлен в его системном и поступательном (темпорально-ориентированном) развитии. При этом, в данной статье мы обращаемся к вызовам интеграционного процесса, которые возможно трактовать, в том числе, с позиции теории рисков, представленной, например, в работах Ульриха Бека.

Историография проблемы включает работы на русском и иностранных языках. В числе русскоязычных работ следует отметить публикации В.Р. Филиппова[18][19]

[20], Ю. Бачили[2], исследовательской группы А.В. Коротаева[5], Т.Н. Махамата[7], Ю.И. Рубинского[13], а также коллективный доклад «Болевые точки Африканского континента: Сахель (обзор ситуации и перспективы)» [6]. Иностранная историография представлена работами Ч. Перейры[26], Дж. Рукемы[27], А. Басиру и О. Осункойя[21], И. Нийитунги и А. Адунимая[25], А. Саидоу[28], а также Л. Ладю и Б. Глоде[23].

Вклад в изучение проблемы внесли и сами авторы данного исследования. Результаты работы представлены, в т.ч. в статьях «Военное присутствие мировых держав на Африканском континенте: аналитический обзор» [8], «Роль военной силы стран-членов ЭКОВАС в контексте противодействия последствиям военного переворота в Нигере (2023)» [9] и «Modern French policy on the African continent: transformations of a *Françafrique* model» [24].

Сложности в работе Альянса

В момент создания Альянса трех государств Сахеля в 2023 году, данное объединение представлялось внешним наблюдателям слабым и нежизнеспособным. Так, например, в декабре 2023 г. Бола Тинубу, президент Нигерии заявил, что Альянс не ослабит ЭКОВАС, а также назвал объединение трех стран «фантомный» и «противодействующим». Важно, что до 29 января 2025 года страны Альянса входили в состав ЭКОВАС, при этом на протяжении полутора лет ЭКОВАС заявляло, что готово провести переговоры с тремя странами по поводу их возвращения в состав членов. Де юре эти страны являлись членами ЭКОВАС, поскольку для полноценного выхода необходимо за год предупредить ЭКОВАС. Страны тройки не сделали этого официально и заявили о своем намерении только в начале 2024 года, поэтому, по договору, все также являлись членами ЭКОВАС. Номинальное членство в ЭКОВАС тормозило развитие работы Альянса и создавало угрозу внешнего давления.

При этом выход из состава Сообщества дал странам большую экономическую и политическую свободу при принятии решений. Это является серьезным шагом в обособлении экономик этих стран и позволяет в перспективе создать единую финансовую систему, а учитывая, что это золотодобывающие страны, можно предположить, что спустя время, их валюта может стать стабильной, будучи обеспеченной национальным золотым запасом. В конечном итоге, обособление от ЭКОВАС должно привести страны Альянса к достижению долгосрочных целей в области экономической и политической независимости, а также безопасности.

В тоже время следует отметить, что выход из ЭКОВАС не указывает на невозможность сотрудничества с входящими в блок странами на других условиях.

Так, паспорта с логотипом ЭКОВАС продолжают действовать, товары и услуги из Нигера, Мали, Буркина-Фасо сохраняют доступ на рынок стран-членов ЭКОВАС, граждане АГС могут свободно передвигаться в странах ЭКОВАС без виз, государственные служащие из АГС, работающие в институтах ЭКОВАС, получают поддержку и остаются на своих должностях. ЭКОВАС также ответило, что готово к диалогу и структурированному обсуждению новых форматов сотрудничества. Таким образом, полного разрыва, и тем более введения санкций не произошло, что, вероятно, связано с единством экономического пространства Западной Африки в целом[9]. Так, страны АГС остаются важными экспортерами сырья и неизбежно будут пользоваться региональной логистической системой, т.к. не имеют собственного выхода к океану. Это формирует экономическую выгоду для стран-транзитеров, которые, пользуясь выходом

стран АГС из ЭКОВАС, в перспективе могут поднять тарифы, а также заинтересованы в наращивании экспортного потока и удорожании экспортируемого сырья. В тоже время, риск потенциальных санкций против стран АГС со стороны ЭКОВАС сохраняется и при определенных обстоятельствах санкции могут быть инициированы Францией, как держательницей основных финансовых активов большинства стран региона[2].

Важной проблемой остается валюта. Так, в настоящее время валютой Мали, Буркина-Фасо и Нигера, а также еще 11 стран данного региона является западноафриканский франк КФА (CFA), курс которого изначально был привязан к курсу французского франка (1 французский франк = 2 франка КФА). Помимо этого, 65% золотовалютных резервов стран Западной Африки передано в Казначейство Франции. Несмотря на единую валюту, при пересечении границ между странами региона ее необходимо обменивать согласно курсу, что напрямую является сферой интересов бывшей метрополии[18]. Это является не только одним из важнейших элементов французского неокOLONIALИЗМА, но и противоречит принципам ООН, которые заключаются в праве на суверенитет, в том числе и в денежно-валютной системе. При этом, еще в феврале 2024 года глава военного режима Нигера генерал Абдурахман Тчиани заявил о необходимости формирования единой валюты как одного из этапов деколонизации[14]. Тем не менее, позиция по валюте у стран АГС различается. Так, например, государство Мали, которое, изначально критиковало работу Западноафриканского экономического и валютного союза, когда речь зашла о создании новой единой валюты, заявило, что не станет выходить из зоны франка КФА.

Помимо этого, все также существует проблема финансирования институциональной системы АГС, которая развивается за счет членских взносов. На сегодняшний день экономики стран-членов находятся в глубоком кризисе, что ограничивает возможности инвестирования в развитие институтов. Отметим, что и в более благополучных объединениях континента, и даже на уровне Африканского союза, существует аналогичная проблема. Что показательно, данная проблема существовала и у ЭКОВАС, оставаясь нерешенной практически 50 лет[21].

Перспективы расширения и сотрудничество Альянса

Говоря о возможных развитиях Конфедерации, следует осветить вопрос расширения Альянса. 2024 г. показал эффективность работы объединения, что во многом, было продемонстрировано и ранее в рамках работы в Сахельской пятёрки. Преемственность между двумя блоками прослеживают многие исследователи, что дает основания говорить о потенциале расширения состава членов[15]. Как вариант, часто предполагается расширение Альянса за счет включения в состав Алжира и Гвинеи, что было бы стратегически важным шагом и открыло бы для Альянса больше возможностей по развитию импортно-экспортной системы. Во многом это обусловлено тем, что нынешние члены объединения расположены в глубине страны и не имеют выхода к океану, что делает их зависимыми от стран-посредников, политика которых может меняться под воздействие конъюнктурных интересов или под внешним давлением. В данном случае, и Алжир и Гвинея проводят политику дистанцирования от европейского влияния, и вполне могут поддержать проект АГС, став постоянными странами-транзитерами и действуя в выгодных условиях монополизма транзита. Вступление Гвинеи в Альянс представляется наиболее

вероятным. Данная оценка обусловлена фактом приостановки членства страны в ЭКОВАС в 2021 году после военного переворота. Руководство Гвинеи также заявило о поддержке Нигера в случае военной интервенции. С позиции геостратегии, Гвинея может стать для Альянса государств Сахеля ключевым партнёром, поскольку имеет выход к Атлантическому океану и портовую инфраструктуру. Присоединение к АГС Алжира представляется гораздо менее вероятным[1], т.к. Алжир является крайне региональным игроком со стабильной политической позицией и положением на африканском континенте, а объединение со слабыми экономиками неизбежно повлияет на стабильность национальной финансовой системы. Кроме того, Алжир – это арабская страна с мусульманским населением, а фактор исламского радикализма является ключевой угрозой для всех трех стран-членов АГС и поводом к интеграции и созданию системы коллективной безопасности. Помимо этого, стоит упомянуть взаимоотношения Мали и Алжира[11] и кризис вокруг попыток создания государства Туарегов на территории северного Мали[12]. В тоже время, в отношениях Нигера и Алжира, в последние годы заметно определенное потепление[1], что указывает, во-первых, на неоднородность позиций стран-членов АГС, а во-вторых, демонстрирует возможность развития локального сотрудничества.

Еще одной страной, обозначившей возможность присоединения к АГС, стало Того. Так, министр иностранных дел Того Роберт Дусси подтвердил интерес своей страны к вступлению в АГС и заявил: «Это должно быть решение президента, но это не невозможно». Также он отметил, что народ Того поддержал бы решение присоединиться к АГС. В действительности, присоединение Того существенно бы облегчило странам-участникам безопасный выход к морю через порт Ломе, что существенно бы упростило торговлю[22]. В тоже время, данное высказывание представляется примером политической спекуляции, т.к. наследная диктатура Фора Гнассингбе держится на поддержке Франции, проявившейся в подавлении нескольких попыток переворота, и Франция, очевидно, будет категорически против идеи такого рода интеграции.

Тем не менее, не смотря на отсутствие у АГС в его современном виде выхода к океану, потребность включения какой-либо «приморской» страны является относительной, так как транзитная торговля продолжает реализовываться и Альянс не отрезан от всего мира, а активно сотрудничает со многими внешними партнерами. Данное сотрудничество имеет определенные гарантии, предоставляемые Россией. Так, в августе 2024 г. Министр обороны РФ Андрей Белоусов обсудил перспективы сотрудничества в военной сфере с главами делегаций Нигера и Буркина-Фасо, отметив, что совместные силы Альянса оперативно вмешиваются в случае нападения в любой из стран Альянса[3].

Также постепенно развивается сотрудничество и с Турцией. В рамках переговоров министров Турции и Нигера по поводу сделок в областях обороны, торговли, энергетики и добычи полезных ископаемых были достигнуты соглашения о развитии партнерства и возможных инвестициях[17].

Сотрудничество со странами АГС не разрывают и государства-соседи. Так, например, в 2024 года президент Сенегала Бассиру Диомай Фай заявил, что сотрудничество с Альянсом государств Сахеля необходимо для обеспечения безопасности в регионе, борьбы с терроризмом и развития торговых отношений[16]. Смена власти в Сенегале, в сочетании с данным заявлением, дала основание многим аналитикам предполагать, что и Сенегал может в перспективе стать одной из стран-членов АГС.

Также ряд экспертов прогнозируют и попытки выхода в одну конкурентную плоскость Альянса с ЭКОВАС. Фактически, существует возможность, что при формировании институтов и усилении Альянса, а также укреплению позиций в международной политике к Альянсу будут присоединяться все новые члены, в том числе и входящие ныне в ЭКОВАС. Помимо этого, помощь в развитии со стороны внешних игроков, в том числе, России, может существенно обострить обстановку. Альянсу же будет необходимо не вступать в открытое соперничество с ЭКОВАС и странами-бывшими метрополиями. Со стороны же ЭКОВАС возможно использование инструментов для формирования общественного мнения по непризнанию Альянса, а также применение санкционных форматов воздействия[15].

Вывод

Таким образом, говорить о каких-либо значимых положительных или отрицательных полтора лет существования Альянса стран Сахеля крайне сложно, поскольку для любой организации стран мира, а особенно третьего мира – это крайне малый срок. Помимо этого, созданные на бумаге регуляторы отношений, создание различных механизмов помощи не выходят пока за пределы бумаг. В действительности, сложности в оценке итогов существует в том числе и из-за скрытности многих факторов организации.

Важно, что при образовании Альянса не было учтено многих факторов, что в дальнейшем должно быть решено для нормализации функционирования объединения. В первую очередь, речь идет об экономике, валюте стран и о неформальной зависимости от ЭКОВАС.

В дальнейшем при выстраивании будущего Альянса, на наш взгляд, страны смогут решить одну из важнейших проблем – выход к воде, исключительно благодаря расширению и укреплению Альянса. Помимо этого, присоединение иных стран к Альянсу является необходимым для обеспечения коллективной безопасности Сахеля, на примере бывшего Объединения 5 (G 5)

При этом, чисто идеологически фактор попытки разрыва отношений со странами Запада, а также создание резонансного объединения в форме Конфедерации носит под собой знаменательный характер. Во-первых, все три страны избрали путь борьбы с механизмами неокOLONиализма и выступают с публичной риторикой о важности перехода к собственным силам. Во-вторых, объединение сил произошло несмотря на все внешние угрозы, а в дальнейшем продемонстрировало невозможность применения каких-либо существенных мер по приостановке деятельности со стороны ЭКОВАС и бывших метрополий. Все это, несомненно, говорит о нацеленности на создание сильного объединения, которое способно существовать без западных регуляторов.

Литература

1. Альянс государств Сахеля и Алжир: вражда и перспективы сотрудничества// РСМД URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/africa/alyans-gosudarstv-sakhelya-i-alzhir-vrazhda-i-perspektivy-sotrudnichestva/> (дата обращения: 15.01.2025).
2. Бачили Ю. Исторические перспективы взаимоотношений стран Сахеля с Францией и Россией// Журнал исторических исследований. Т. 9. № 3. 2024. С. 66–82.
3. Белоусов обсудил сотрудничество с делегациями из Буркина-Фасо и Нигера // РИА Новости URL:

- <https://ria.ru/20240814/belousov-1966247589.html> (дата обращения: 16.01.2025).
4. Варшавский договор по-африкански // Столетие URL: https://www.stoletie.ru/zarubejie/varshavskij_dogovor_po-afrikanski_212.htm (дата обращения: 14.01.2025).
 5. Коротаев А.В., Исаев Л.М., Зинькина Ю.В. Новая волна революций в регионе Ближнего Востока и Северной Африки в глобальной перспективе// История и современность. № 4 (50). 2023.С. 79–118.
 6. Кортунов А.В., Асланов И., Соломон Х. и др. Болевые точки Африканского континента: Сахель (обзор ситуации и перспективы)//Доклад. РСМД URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/bolevye-tochki-afrikanskogo-kontinenta-sakhel-obzor-situatsii-i-perspektivy/> (дата обращения: 20.01.2025)
 7. Махамат Т.Н. Терроризм как фактор дестабилизации в зоне Сахеля//Наука и мир. № 2. 2024. С. 26–30.
 8. Медушевский Н.А. Военное присутствие мировых держав на Африканском континенте: аналитический обзор// Теории и проблемы политических исследований. Т. 11. № 2А. 2022.С. 99–114.
 9. Медушевский Н.А., Абрамова А.А. Роль военной силы стран-членов ЭКОВАС в контексте противодействия последствиям военного переворота в Нигере (2023)//Теории и проблемы политических исследований. Т. 13. № 1–1. 2024. С. 71–79.
 10. Медушевский Н.А., Абрамова А.А. Анализ начального этапа становления Альянса государств Сахеля//Социально-гуманитарные знания. № 3. 2025.
 11. Медушевский Н.А., Малютин Д.А. Сотрудничество России и Алжира в контексте противодействия терроризму в Сахеле//Теории и проблемы политических исследований. Т. 12. № 8А. 2023. С. 42–49.
 12. Медушевский Н.А., Малютин Д.А. Сотрудничество России и Мали в контексте противодействия терроризму//Теории и проблемы политических исследований. Т. 12. № 8А. 2023. С. 50–61.
 13. Рубинский Ю.И. Агония «Франсафрики»//Аналитические записки Института Европы РАН. № 4 (36). 2023. С. 12–17.
 14. Сахельская конфедерация. Страшный сон глобалистов или достижимая реальность // Африканская инициатива URL: <https://afrinz.ru/2024/01/sahelskaya-konfederacziya-strashnyj-son-globalistov-ili-dostizhimaya-realnost-2/> (дата обращения: 15.01.2025).
 15. «Сахельская тройка» – что стоит за ее выходом из ЭКОВАС? // Международная жизнь URL: <https://interaffairs.ru/news/show/44436> (дата обращения: 15.01.2025).
 16. Создание Альянса Государств Сахеля забивает еще один гвоздь в крышку гроба французского неокolonизма в Африке // Newsfront URL: <https://newsfront.su/2024/07/18/sozdanie-alyansa-gosudarstv-sahelya-zabivaet-eshhe-odin-gvozd-v-kryshku-groba-francuzskogo-neokolonializma-v-afrike/> (дата обращения: 16.01.2025).
 17. Турция и Нигер подписали протокол о намерениях по сотрудничеству в области нефти и природного газа // Анадолу URL: <https://www.aa.com.tr/ru/экономика/турция-и-нигер-подписали-протокол-о-намерениях-по-сотрудничеству-в-области-нефти-и-природного-газа/3278164> (дата обращения: 16.01.2025).
 18. Филиппов В.Р. Африканская политика Эммануэля Макрона//Ученые записки Института Африки РАН. № 1 (58). 2022. С. 31–48.
 19. Филиппов В.Р. Кризис в Нигере: причины и последствия военного переворота 2023 года//Локус: люди, общество, культуры, смыслы. Т. 15. № 2. 2024. С. 147–170.
 20. Филиппов В.Р. Операция «Бархан»: бесславное завершение? Азия и Африка сегодня. № 1. 2022. С. 40–47.
 21. Basiru A.S., Osunkoya O.A., Adebayo T.I. ECOWAS and the 2016 Post-Election Crisis in the Gambia: Pax Africana or What?//The African Review: A Journal of African Politics, Development and International Affairs, Vol. 48, No. 1. 2021. pp. 1–21.
 22. CEDEAO: le Togo va-t-il rejoindre l'Alliance des Etats du Sahel? // Africanews. URL: <https://fr.africanews.com/2025/01/17/cedeao-le-togo-va-t-il-rejoindre-lalliance-des-etats-du-sahel/> (дата обращения: 15.01.2025).
 23. Lado L., Glode B.O. Grassroots Perceptions of Islamic Extremism and Muslim-Christian Relations in Mali//Journal of Religion in Africa, Vol. 51, Fasc. ½. 2021. pp. 184–213.
 24. Medushevsky A.N., Shishkina A. Modern French policy on the African continent: transformations of a Françafrique model//Journal of Asian and African Studies. Т. 57. № 6. 2022. С. 1141.
 25. Niyitunga E.B., Adunimay A.W. A Convuluted Post-Cold War World: Effects of Russo-Ukrainian War on Africa's International Relation// Journal of African Foreign Affairs, Vol. 10, No. 2. 2023. pp. 61–83.
 26. Pereira Ch. Africa's Natural Resources amid Old and New Imperial Relations: What Implications for Gender Justice?// Feminist Africa, Vol. 5, No. 2, Rethinking African Feminisms in the “New” Normal. 2024. pp. 14–41.
 27. Rukema J.R. Last Kicks of a Dying Horse: The Waning Influence of France in Africa// Journal of African Foreign Affairs, Vol. 10, No. 2. 2023. pp. 7–26
 28. Saidou A.K. Guerre et formation de l'État au Sahel//Africa Development / Afrique et Développement, Vol. 48, No. 4. 2023. pp. 1–28.

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE ALLIANCE OF SAHEL STATES DEVELOPMENT

Medushevsky N.A., Abramova A.A.

Russian State Humanitarian University, Peoples' Friendship University of Russia

This article represents the second part of a comprehensive study of the process of creation and the initial stage of development of the Alliance of Sahel States, formed in 2023. In this article, the authors continued the analysis of the one and a half years of existence of the Alliance of Sahel States from the point of view of the challenges and problems characteristic of the studied period of institutionalization. The main emphasis is placed on the difficulties in the work and development of the Alliance, as well as the possible strengthening and expansion of the Alliance. The external contacts of the Alliance with major world powers were also highlighted as a factor directly affecting its stability and development prospects. Based on the analysis and assessment of the work in the first part, following the analysis in the second part of the study, we conclude what difficulties exist for the member countries of the Alliance, and what factors can in the future lead to a slowdown in its institutional development and even a crisis of institutionalization. The analysis carried out in this article is based on an interdisciplinary approach that takes into account both political practice and the normative dimension of cooperation. Among the approaches, the authors also use structural-functional and neo-institutional approaches.

Keywords: Sahel, Sahel States Alliance, AGA, Confederation, ECOWAS, West Africa.

References

1. The Sahel Alliance and Algeria: Enmity and Prospects for Cooperation// RIAC URL: <https://russiancouncil.ru/analyt->

- ics-and-comments/columns/africa/alyans-gosudarstv-sakhelya-i-alzhir-vrazhda-i-perspektivy-sotrudnichestva/ (accessed: 15.01.2025).
2. Bachili Yu. Historical Prospects of Relations between the Sahel Countries with France and Russia // Journal of Historical Research. Vol. 9. No. 3. 2024. P. 66–82.
 3. Belousov discussed cooperation with delegations from Burkina Faso and Niger // RIA Novosti URL: <https://ria.ru/20240814/belousov-1966247589.html> (date accessed: 16.01.2025).
 4. The Warsaw Pact, African-style // Stoletie URL: https://www.stoletie.ru/zarubejje/varshavskij_dogovor_po-afrikanski_212.htm (date accessed: 14.01.2025).
 5. Korotaev A.V., Isaev L.M., Zinkina Yu.V. New wave of revolutions in the Middle East and North Africa in a global perspective // History and Modernity. No. 4 (50). 2023. P. 79–118.
 6. Kortunov A.V., Aslanov I., Solomon H., et al. Pain Points of the African Continent: Sahel (Review of the Situation and Prospects) // Report. RIAC URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/bolevye-tochki-afrikanskogo-kontinenta-sakhel-obzor-situatsii-i-perspektivy/> (date of access: 20.01.2025)
 7. Mahamat T.N. Terrorism as a Factor of Destabilization in the Sahel Zone // Science and Peace. No. 2. 2024. P. 26–30.
 8. Medushevsky N.A. Military Presence of World Powers on the African Continent: Analytical Review // Theories and Problems of Political Research. Vol. 11. No. 2A. 2022. P. 99–114.
 9. Medushevsky N.A., Abramova A.A. The role of military force of ECOWAS member countries in the context of countering the consequences of the military coup in Niger (2023) // Theories and problems of political research. Vol. 13. No. 1–1. 2024. P. 71–79.
 10. Medushevsky N.A., Abramova A.A. Analysis of one and a half years of development of the Alliance of Sahel States // Social and humanitarian knowledge. No. 3. 2025.
 11. Medushevsky N.A., Malyutin D.A. Cooperation between Russia and Algeria in the context of countering terrorism in the Sahel // Theories and problems of political research. Vol. 12. No. 8A. 2023. P. 42–49.
 12. Medushevsky N.A., Malyutin D.A. Cooperation between Russia and Mali in the Context of Countering Terrorism // Theories and Problems of Political Research. Vol. 12. No. 8A. 2023. P. 50–61.
 13. Rubinsky Yu.I. The Agony of “Françafrique” // Analytical Notes of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. No. 4 (36). 2023. P. 12–17.
 14. Sahel Confederation. A Globalists’ Nightmare or an Achievable Reality // African Initiative URL: <https://afrinz.ru/2024/01/sahelskaya-konfederacziya-strashnyj-son-globalistov-ili-dostizhimaya-realnost-2/> (date of access: 15.01.2025).
 15. The “Sahel Troika” – what is behind its withdrawal from ECOWAS? // International Affairs URL: <https://interaffairs.ru/news/show/44436> (date of access: 15.01.2025).
 16. The creation of the Alliance of Sahel States drives another nail into the coffin of French neocolonialism in Africa // News-front URL: <https://news-front.su/2024/07/18/sozdanie-alyansa-gosudarstv-sahelya-zabivaet-eshe-odin-gvozd-v-kryshku-groba-francuzskogo-neokolonializma-v-afrike/> (date of access: 16.01.2025).
 17. Turkey and Niger signed a protocol of intent on cooperation in the field of oil and natural gas // Anadolu URL: <https://www.aa.com.tr/ru/economics/turkey-and-niger-signed-a-protocol-on-intentions-for-cooperation-in-the-field-of-oil-and-natural-gas/3278164> (accessed: 16.01.2025).
 18. Filippov V.R. African policy of Emmanuel Macron // Scientific notes of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. No. 1 (58). 2022. P. 31–48.
 19. Filippov V.R. Crisis in Niger: Causes and consequences of the 2023 military coup // Locus: people, society, cultures, meanings. T. 15. No. 2. 2024. P. 147–170.
 20. Filippov V.R. Operation Barkhane: an inglorious conclusion? Asia and Africa today. No. 1. 2022. P. 40–47.
 21. Basiru A.S., Osunkoya O.A., Adebayo T.I. ECOWAS and the 2016 Post-Election Crisis in the Gambia: Pax Africana or What? // The African Review: A Journal of African Politics, Development and International Affairs, Vol. 48, No. 1, 2021. pp. 1–21.
 22. CEDEAO: le Togo va-t-il rejoindre l’Alliance des Etats du Sahel? // Africannews. URL: <https://fr.africanews.com/2025/01/17/cedeao-le-togo-va-t-il-rejoindre-lalliance-des-etats-du-sahel/> (accessed 01/15/2025).
 23. Lado L., Glode B.O. Grassroots Perceptions of Islamic Extremism and Muslim-Christian Relations in Mali // Journal of Religion in Africa, Vol. 51, Fasc. ½. 2021. pp. 184–213.
 24. Medushevsky A.N., Shishkina A. Modern French policy on the African continent: transformations of a Françafrique model // Journal of Asian and African Studies. T. 57. No. 6. 2022. P. 1141.
 25. Niyitunga E.B., Adunimay A.W. A Convoluting Post-Cold War World: Effects of Russo-Ukrainian War on Africa’s International Relation // Journal of African Foreign Affairs, Vol. 10, No. 2. 2023. pp. 61–83.
 26. Pereira Ch. Africa’s Natural Resources amid Old and New Imperial Relations: What Implications for Gender Justice? // Feminist Africa, Vol. 5, No. 2, Rethinking African Feminisms in the “New” Normal. 2024. pp. 14–41.
 27. Rukema J.R. Last Kicks of a Dying Horse: The Waning Influence of France in Africa // Journal of African Foreign Affairs, Vol. 10, No. 2. 2023. pp. 7–26.
 28. Saidou A.K. Guerre et formation de l’État au Sahel // Africa Development / Afrique et Développement, Vol. 48, No. 4. 2023. pp. 1–28.

Суверенитет = самодостаточность (автаркия) – как принцип формирования нового миропорядка

Подберёзкин Алексей Иванович,

д.и.н., профессор МГИМО МИД России, директор Центра Военно-политических исследований МГИМО МИД России – Концерна ВКО «Алмаз-Антей»
E-mail: podberезkin@gmail.com

Юдин Никита Олегович,

к.п.н., старший преподаватель кафедры немецкого языка, руководитель Сектора наукометрического анализа МГИМО МИД России
E-mail: n.yudin@inno.mgimo.ru

Возникающая дихотомия отношений глобализации (возглавляемой проамериканским влиянием) и возрождения государственной/национальной самодостаточности (так называемой автаркии) подчеркивает суверенитет как основополагающий элемент нового мирового порядка: эта тема требует критического изучения в связи с ее последствиями для глобальных структур власти и систем безопасности. Цель исследования – прояснить концептуализацию суверенитета как самодостаточности, представив его не только как политическую конструкцию, но и как многомерную структуру, включающую культурную, технологическую и экономическую независимость; такой подход подчеркивает роль автаркии в переопределении суверенитета в XXI веке (перспектива, все более подтверждаемая современными геополитическими событиями). Методологически исследование использует сравнительный анализ политики национальных государств, включая примеры Китая, России и Ирана, наряду с критическим контент-анализом теорий международных отношений; эти методы дополняются мета-анализом структурных механизмов глобализации и их системных вызовов самодостаточным государствам (что позволяет провести междисциплинарную триангуляцию). Полученные результаты свидетельствуют об эрозии суверенитета в условиях глобализации (характеризуемой такими механизмами зависимости, как санкции и глобализированные стандарты) в противовес возрождению автаркических моделей, укрепляющих национальную безопасность, технологическую независимость и культурный суверенитет; наглядные примеры, такие как поворот России к автаркии (после 2022 года), демонстрируют стратегическую рекалибровку, необходимую для восстановления суверенитета в критических областях – от военно-промышленного комплекса до фундаментальной науки. Результаты исследования выявляют системное отставание в технологическом суверенитете как критический вызов для самодостаточных государств, подчеркивая центральную роль когнитивных технологий и технологий управления сложностью в преодолении глобализированной парадигмы зависимости (аспект, требующий приоритетного внимания).

Ключевые слова: суверенитет автаркия, глобализация, самодостаточность, технологический суверенитет, национальная безопасность, геополитическая трансформация.

Новый миропорядок формируется при нарастающем противоборстве двух тенденций: проамериканской глобализации, доминирующей в настоящее время в мире, и тенденции укрепления национальной и государственной самодостаточности (автаркии), означающей реальный суверенитет. Новый миропорядок и системы безопасности могут строиться либо на фундаменте глобализации, как происходит пока что в мире, либо на основе национальной и государственной самодостаточности, означающей суверенитет.

Суверенитет государства и нации это, в конечном счете, способность обеспечивать самостоятельно важнейшие условия национального развития, включая, прежде всего, защиту национальных интересов и ценностей. Не трудно обнаружить разницу в трактовке понятия «суверенитет», которая стала особенно актуальной и принципиальной в XXI веке.

«**Суверенитет**» – традиционно концептуализируемый через призму западной политической мысли – означает «государственный суверенитет» (политическую автономию как во внутреннем, так и во внешнем управлении) и «национальный суверенитет» (самоопределяющееся политическое агентство, включающее отделение/государствообразование); в условиях меняющихся парадигм глобального порядка его семантический объем претерпевает реконфигурацию – в соответствии с «автаркией» (экономической самодостаточностью как структурной необходимостью) и обновлением моделей управления, в которых самодостаточность становится стратегическим императивом и экзистенциальным условием (предпосылкой системной жизнеспособности).

Очевидно, что политические «демократические признаки» суверенитета стали доминирующими, а так как их определение стало, в конечном счете правом представителей государств-лидеров глобализации (*Прим. автора:* в этом смысле появление многочисленных критериев и индексов «свободы» и «демократии» в XX веке стало сознательной политикой по разработке норм и правил, регулирующих представления о суверенитете), то и решать кто из них будет демократическим и суверенным стали к концу XX века страны – лидеры глобализации.

В современных реалиях суверенитет это, прежде всего, **самодостаточность в основных областях жизнедеятельности нации и государства, способность самостоятельно максимально обеспечить защиту национальных интересов и системы ценностей.**

Очевидно, что критерии суверенитета в данном случае разные. Так, самодостаточность Китая в решающей степени гарантирует его суверенитет – не только государственный, но и национальный (*Прим. автора:* это позволило даже говорить некоторым экспертам, что полностью суверенными государствами остались США, Китай и Россия). Самодостаточность и суверенитет Китая – это, прежде всего, его способность защищать свои национальные интересы и ценности **самостоятельно**, причём в абсолютном большинстве областей – от науки, культуры и образования до финансов и космоса.

Даже Иран и КНДР с этой точки зрения обладают большим суверенитетом, чем большинство развитых государств Запада, чья зависимость – политическая, во-

енная и экономическая – стала очевидной в результате развития СВО.

Пример с Россией, которая решилась, в конечном счете на прямой конфликт с **глобальным Западом** (*Прим. автора:* СВО – это военно-силовое противостояние с глобальным Западом, а не Украиной и ВСУ), очень показателен. В 2022–2025 годы в стране наблюдался процесс ускоренного увеличения доли автаркии (самодостаточности) во всех областях – от образования и науки до ОПК и внешней политики. По сути дела, Россия в эти годы ускоренно возвращала себе национальный и государственный суверенитет, добровольно отданный в 90-е годы глобальному Западу. Именно эта особенность противостояния в максимальной степени стала неприемлемой Западу, который увидел в политике России, прежде всего, пример возвращения суверенитета.

Сторонники западной глобализации со второй половины XX века усиленно внедряли в общественное сознание, международное право и нормы представление о суверенитете, как о политической характеристике государства и общества, которая предопределяется некими демократическими нормами и правилами представителей стран-лидеров глобализации. В представлении многих к началу нового века «суверенными государствами» стали только те государства, которые вошли в число избранных «демократических» государств-участников мировых глобальных процессов. В этом смысле международные конференции «за демократию», организованные Дж. Байденом, стали одним из многочисленных примеров того, как искусственно определяется степень «демократичности» и «суверенности» государств лидерами глобализации.

Такие сознательно внедрённые представления Западом, в конечном счете, превратили многие государства, которые не вошли в число государств-участников глобализации, не только не демократические, но и не суверенные, не отвечающие требованиям и нормам «суверенных демократий». Этот процесс, естественно, непосредственно влиял на формирование современного миропорядка, в котором не оставалось места для «не демократических» (большой частью суверенных) государств. Против таких стран выстраивалась вся система силового принуждения – от санкций до организации мятежей и «цветных революций». Очень характерный пример – Ливия и организованные беспорядки в странах Африки и Ближнего Востока, – которые внешне выступали как борьба за демократию, а, на самом деле, являлись инструментами ликвидации остатков самодостаточности и суверенитета.

Изначально на Западе создавался культ глобализации и неприятие атрибутов самодостаточности – автаркии, – которая рассматривалась как архаичная экономика и примитивный традиционализм. Как правило, до недавнего времени, ещё каких-нибудь 10–15 лет тому назад, процессы автаркии сознательно находились вне зоны внимания политиков потому, что «мейнстрим», глобализация, превращал бы их сторонников в политических аутсайдеров и изгоев. Политических маргиналов, хотя аргументы тех, кто доказывал целесообразность этого процесса (хотя бы в минимальных масштабах) были убедительными. Примеры КНДР, Ирана и других стран-изгоев были теми жупелами, которые активно использовались против таких политиков.

Целые научные школы с конца 80-х годов создавались специально для продвижения норм глобализации. Нередко творческие находки, например, приоритет развития потенциала человеческой личности («человеческий капитал», искажался посредством создания ложных или искаженных критериев, в частности индекса

развития человеческого капитала (ИРЧК-ИЧР), не учитывающего национальные особенности и государственный суверенитет [3].

Концептуальный ландшафт «глобализма» – некогда аксиоматической парадигмы – подвергся системной деформации во втором десятилетии XXI века: идеологические перестановки (проявившиеся в подъеме «правоцентристских» симпатий) сошлись с прагматическими расчетами относительно «экономического суверенитета» (национальные экономики перекалибруются под принудительными ограничениями, налагаемыми транснациональными структурами); Эта двойная траектория – идеологическая и структурная – привела к «хаотизации» геополитических конфигураций и эрозии (хотя и не универсальной) «проамериканской глобализации» как неоспоримой гегемонии [4]. Д. Песков (специальный представитель президента) концептуализирует этот переход как «обнуление» глобального порядка (2020 как структурный разрыв), в рамках которого возникают различные траектории развития, каждая из которых обозначает конкурирующее видение постглобализационного структурирования. Первая – «Новый левый национализм» – предполагает экономическую парадигму, основанную на перераспределительной политике (лозунги «взять и поделить»), с приоритетом «национальных экономик» («сначала Америка»/ «Индия делает»/ «сначала Китай»). Второй – «Зеленый посткапитализм» – реконфигурирует экономические императивы вокруг «экологического примата» (углеродная нейтральность вытесняет максимизацию прибыли). Третий – «Островизация» – предполагает фрагментацию глобальных экономических сетей на отдельные «техноэкономические блоки» (региональная консолидация как альтернатива универсализму). Четвертый – «Полураспад» – представляет собой системную энтропию: постепенный «распад международных институтов» (потенциальная траектория уже в движении).

Среди них «островизация» представляется ближайшим сценарием (распад интегрированных глобальных механизмов на регионализированные структуры власти) – рекалибровка, сигнализирующая о наступлении «суверенитета» как функции «автаркии» [1].

На мой взгляд, вероятный (даже единственный) сценарий развития миропорядка – это первый сценарий, основанный на доминировании национальных интересов и ценностей, самодостаточности и укрепления суверенитета. В 2025 году, очевидно, что по этому сценарию развиваются не только США (Д. Трампа) и Китай (*Прим. автора:* Китай – наиболее яркий пример автаркии при всей вовлеченности этой страны в мировую торговлю и глобализацию. КНР – всегда и во всем будет действовать только в национальных интересах, в том числе и при формировании миропорядка, который будет рассматриваться исключительно с точки зрения интересов Китая), но и Россия, и Индия, и многие другие страны, а не только КНДР и Иран. Предпочтительный сценарий Д. Пескова – искусственный сценарий, который не получит своего развития именно потому, что он не будет соответствовать национальным и государственным интересам.

Устранение «глобализма» – процесс, ставший структурно встроенным, – ускорило распад «глобальной системы безопасности» (структуры, исторически опирающейся на гегемонию США); эта рекалибровка проявляется в «перелокализации» стратегических отраслей (системный сдвиг, влекущий за собой «национализацию» технологических стандартов и реструктуризацию производственных цепочек для «критических товаров» – продовольствия/медицины/высокотехнологичной

инфраструктуры – в пределах суверенных юрисдикций). Геополитический катализатор – «СВО» – ускорил эти траектории, заставив государства (вопреки существовавшей ранее стратегической инерции) быстро принимать решения, стимулируя появление новых оборонно-промышленных секторов («БПЛА»/ «БЭК»/ «РЭБ»/коммуникационные/космические технологии) и тем самым вырабатывая передовой слой «технологических исполнителей» (специализированный человеческий капитал, поддерживающий автаркические системы).

Предстоящий этап, определяемый утверждением «научно-технологического суверенитета», требует создания «самодостаточного острова» (геополитического конструкта, в котором внутренняя регулятивная автономия вытесняет экзогенную зависимость); этот императив выходит за рамки России, прогнозируя аналогичные траектории для «США»/Китая/Индии (акторов, перестраивающихся на самодостаточные техно-индустриальные структуры).

Россия сталкивается со структурными вызовами: соответствие «зеленой повестке дня» (спорная область, где экологические императивы пересекаются с промышленным суверенитетом); формирование «техноэкономического блока» (противовес глобализованным цепочкам поставок); расширение «экспортного потенциала сельского хозяйства»; строительство «логистических коридоров» (евразийская связанность); проекция «глобальных архитектур безопасности»; решение проблемы «дефицита человеческого капитала» – каждый вектор усиливает связь «суверенитета» и «автаркии» [6].

Но, на самом деле, главная задача – это обеспечение культурно-идеологической самодостаточности, которая сознательно уничтожалась либералами-западниками последние десятилетия. Без решения этой задачи (и смежных задач в науке и образовании, здравоохранении и воспитании) решить задачи экономического и технологического, а также финансового суверенитета невозможно.

В настоящее время, преимущественно из-за самой запущенности с советских времен области, стоит задача обеспечения научно-технологического суверенитета. В СССР создавали новое качество экономики и общества, на основе научных, качественно новых, фундаментальных изменений, которые затем превращались в технологические достижения. Без опережающего развития фундаментальной науки невозможны технологические прорывы. Эта банальная истина сознательно искажалась с 1980-х годов в СССР и привела в итоге к тому, что в соревновании по 22–25 основным направлениям НТП, где СССР лидировал или был «на равных» в половине, мы в 90 – годы «подарили» Западу практически все направления лидерства. СВО, кстати, полностью подтвердила тот факт, что самодостаточность российского ОПК обеспечена советскими достижениями в науке и технологиях [5].

«Технологический суверенитет», сводящийся к положениям безопасности (энергетическая стабильность/ продовольственная автономия/промышленная самодостаточность/транспортные рамки/информационный контроль/доступ к производственным механизмам), является основополагающим, но недостаточным условием системной устойчивости; это «тактические императивы» (обусловленные императивом «научного лидерства» в областях, определяющих траекторию «научно-технического прогресса»).

Решающий рубеж – «фундаментальные исследования» – определяет способность к разработке «качественно новых» технологических парадигм («цифровые двойники» / «передовые материалы» / «процессорные

архитектуры» / «сенсорные сети»); за их пределами системный дефицит заключается в «управлении сложностью» – области, требующей «метатехнологической» оркестровки (интеграции «когнитивных технологий» в качестве регулирующих механизмов для принятия адаптивных решений).

Без исправления этой иерархии – где технологическая отсталость (укоренившееся структурное ограничение) проистекает из дефицита «инноваций высокого порядка» – самодостаточность остается ограниченной, делая «суверенитет» неполной конструкцией.

Литература

1. Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография /А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, О.Е. Родионов и др. // МГИМО МИД РФ, Центр военно-политических исследований, 2018. – 768 с.
2. Подберёзкин А.И. Национальная стратегия в 20-е годы XXI столетия: возможные и вероятные варианты (сс. 365–376).
3. Подберёзкин А.И. Национальный человеческий капитал. – М.: МГИМО, 2011–2013 гг. В 3-х тт.
4. Подберёзкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. – М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. – 1596 с.
5. Подберёзкин А.И., Тупик Г.В. Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала специальной военной операции на Украине: монография. – М.: МГИМО-Университет, 2024. – 603 с
6. Тенденции развития системы международных отношений и их влияние на управление национальной обороной Российской Федерации: сборник материалов круглого стола (19 августа 2022 г.) / под общ. ред. А.С. Коржевского; ВАГШ ВС РФ. – М.: Издательский дом «УМЦ», 2022. – 544 с.

SOVEREIGNTY = SELF-SUFFICIENCY (AUTARKY) – AS A PRINCIPLE FOR SHAPING A NEW WORLD ORDER

Podberezkin A.I., Yudin N.O.
MGIMO University

The emerging dichotomy between the relationship between globalisation (led by pro-American influence) and the revival of state/national self-sufficiency (so-called autarky) highlights sovereignty as a fundamental element of the new world order: a topic that requires critical examination due to its implications for global power structures and security systems. The study aims to clarify the conceptualisation of sovereignty as self-sufficiency by presenting it not only as a political construct, but also as a multidimensional structure encompassing cultural, technological and economic independence; this approach highlights the role of autarky in redefining sovereignty in the twenty-first century (a perspective increasingly confirmed by contemporary geopolitical developments). Methodologically, the study employs a comparative analysis of nation-state policies, including the cases of China, Russia and Iran, along with critical content analysis of international relations theories; these methods are complemented by a meta-analysis of the structural mechanisms of globalisation and their systemic challenges to self-sufficient states (allowing for interdisciplinary triangulation). The findings highlight the erosion of sovereignty under globalisation (characterised by dependency mechanisms such as sanctions and globalised standards) as opposed to the resurgence of autarkic models that enhance national security, technological independence and cultural sovereignty; illustrative examples such as Russia's turn towards autarky (after 2022) demonstrate the strategic recalibration required to restore sovereignty in critical areas, from the military-industrial complex to the fundamentals of the economy. The results of the study identify the systemic gap in technological sovereignty as a critical challenge

for self-sufficient states, highlighting the central role of cognitive and complexity management technologies in overcoming the globalised dependency paradigm (an aspect requiring priority attention).

Keywords: autarky sovereignty, globalisation, self-sufficiency, technological sovereignty, national security, geopolitical transformation.

References

1. The World in the 21st Century: Forecast of the Development of the International Situation by Countries and Regions: Monograph / A.I. Podberezkin, M.V. Aleksandrov, O.E. Rodionov et al. // MGIMO, Center for Military-Political Research, 2018. – 768 p.
2. Podberezkin A.I. National Strategy in the 20s of the 21st Century: Possible and Probable Options (pp. 365–376).
3. Podberezkin A.I. National Human Capital. – Moscow: MGIMO, 2011–2013. In 3 vols.
4. Podberezkin A.I. State and Long-Term Military-Political Prospects for the Development of Russia in the 21st Century. – Moscow: Publishing House “International Relations”, 2018. – 1596 p.
5. Podberezkin A.I., Tupik G.V. Changes in the international and military-political situation in the world after the start of the special military operation in Ukraine: monograph. – M.: MGIMO-University, 2024. – 603 p.
6. Trends in the development of the system of international relations and their impact on the management of the national defense of the Russian Federation: a collection of materials from the round table (August 19, 2022) / edited by A.S. Korzhevsky; VAGSh of the RF Armed Forces. – M.: Publishing House “UMC”, 2022. – 544 p.

Потевский Никита Александрович,
магистр менеджмента, аспирант Московского
государственного института международных отношений
E-mail: nap11@internet.ru

В статье рассматривается актуальность и значимость сотрудничества Европейского союза и Североатлантического альянса в области кибербезопасности в условиях растущего числа киберугроз и глобальной цифровизации. Анализируются ключевые инициативы и механизмы взаимодействия между двумя организациями, направленные на укрепление коллективной безопасности и защиту критической инфраструктуры. Особое внимание уделяется совместным учениям, обмену информацией и разработке стратегий реагирования на кибератаки. Также рассматриваются вызовы и препятствия, с которыми сталкиваются ЕС и НАТО в процессе интеграции своих усилий в киберпространстве. Подчеркивается необходимость дальнейшего углубления сотрудничества для обеспечения устойчивости и безопасности в условиях быстро меняющегося киберландшафта.

Ключевые слова: Европейский союз, НАТО, безопасность, кибербезопасность, киберугрозы, гибридные угрозы, киберпространство.

Координация политики между Евросоюзом и НАТО может быть сложной, и учитывая, что обе организации не всегда синхронизируют свои действия, сталкиваясь с новыми вызовами, внимательное изучение показывает, что они доказали свою способность заново изобретать себя, чтобы обеспечить то, что нужно в меняющейся среде безопасности, и достаточную универсальность, чтобы пережить эти изменения.

Норвежский исследователь международных организаций Н. Грэггер [16, 15] иллюстрирует эту универсальность, анализируя отношения через призму микроанализа и применяя практический подход для обнаружения постепенного перехода от формального к неформальному сотрудничеству между персоналом ЕС и НАТО, например, гражданским и военным персоналом, дипломатами, и доказывает, что это реакция на тупик в сотрудничестве, возникший в рамках соглашения «Берлин плюс».

Это свидетельствует об универсальности и способности менять рамки сотрудничества, однако неформальные акторы, такие как военные и международный персонал, которые координируют и сотрудничают друг с другом, испытывают «институциональную усталость» [29]. Проблемы сотрудничества двух организаций, проявляющиеся в традиционных сферах, должны перейти в киберпространство. Однако чтобы понять, как это может произойти, необходимо погрузиться в различные академические дискуссии, посвященные кибернетическому пространству. Его определение и описание облегчит методологическую задачу по определению масштабов киберугрозы и, соответственно, политических, технических и правовых аспектов ответных действий пострадавшего государства или организации. Кроме того, киберпространство не следует отождествлять с Интернетом, так как киберпространство понимается гораздо шире [1, с. 45]. А.А. Данельян подтверждает такое понимание и дает свое определение: «...Киберпространство – это сочетание компьютеров, мобильных устройств и пользователей, которые вступают между собой во взаимодействие на расстоянии. Интернет, в свою очередь, используется для подключения этих компьютеров и мобильных устройств. Киберпространство шире интернета, интернет находится в киберпространстве...» [3, с. 262]. В настоящее время «киберпространство благодаря быстрому развитию информационных технологий представляет собой политическое пространство нового («виртуального») типа, в котором сталкиваются интересы различных политических субъектов, разных государств и центров политической силы» [6, с. 153]. Национальный центр контрразведки и безопасности США определяет киберпространство как «(а) взаимозависимую сеть инфраструктур информационных технологий; и (б) включая Интернет, телекоммуникационные сети, компьютерные системы, встроены процессоры и контроллеры» [25]. Такое всеобъемлющее определение дает реальное представление об огромном количестве пользователей, активов и систем, которые потенциально могут подвергнуться кибератакам.

Киберпространство стало новым (пятым) полем битвы, поэтому для тандема ЕС-НАТО важно приложить все усилия по защите киберпространства от различных угроз, а также разработать ответные меры по противодействию таким угрозам и их нейтрализации. Инфосфе-

ра рассматривается как полноценная арена боевых действий наряду с сушей, водой, воздухом и космосом, концепция сетецентрической войны была сформулирована Дж. Бушом в 2002 году (доктрина упреждающих действий) [7, с. 131]. «Скорее всего, мы столкнемся со следующим сценарием: агрессивные действия в киберпространстве будут применяться для усиления воздействия традиционных операций с использованием обычных вооружений. Эта формула – сочетание обычных вооружений и кибероружия – станет основой стандартных оперативных и стратегических действий в грядущих конфликтах» [5, с. 110]. Поэтому ЕС и НАТО выдвинули новые инициативы по обмену информацией и координации реагирования на инциденты в сфере кибербезопасности между. Эти соглашения и координация действий являются примерами повседневной практики, которая берет свое начало в чрезвычайных обстоятельствах [13].

Для сравнения политик в области кибербезопасности ЕС и НАТО и оценки возможного сотрудничества или создания общего формального или неформального института для сотрудничества следует сравнить переменные ценности, ресурсы, экономические и идентификационные изменения во мнении о присоединении к сотрудничеству и основные проблемы, которые могут помешать такому сотрудничеству. ЕС и НАТО неоднократно заявляли, что национальная кибербезопасность является обязанностью стран-членов, что подтверждает позицию о том, что наднациональные акторы после некоторого периода делегирования полномочий вырабатывают волю и убеждают в собственных целях [24].

Само же понимание кибербезопасности может по-разному пониматься. П.И. Антонович писал, что «кибербезопасность – состояние элементов кибернетического пространства, когда реализованы условия, обеспечивающие предотвращение влияния негативных факторов проявления киберугроз» [1, с. 47]. В Стратегии кибербезопасности Евросоюза [22] кибербезопасность подразумевает не только защиту информационных сетей Евросоюза и государств ЕС, но также вопросы кибернетической защиты физической инфраструктуры, включая транспорт, энергетику, здравоохранение, финансовую систему и многие другие секторы.

Для принятия рационального решения о вступлении в формальный или неформальный институт необходимо оценить такие переменные, как ресурсы. Киберпространство имеет неопределенное количество информации, и для ее анализа необходимы человеческие и финансовые ресурсы, поскольку слишком много, недостаточно или фрагментарная информация может нанести ущерб или поставить организацию в так называемую ограниченную рациональность при принятии решений.

В ЕС до сих пор существует проблема отсутствия культуры обмена опытом, которая необходима для изучения и построения конкурентоспособной политики обороны и безопасности в киберпространстве, отсутствуют совместные рабочие группы для синхронизации систем кризисного реагирования ЕС и НАТО. В настоящее время механизм кризисного реагирования ЕС и НАТО ограничивается формальными и неформальными встречами между NAC и PSC, встречами министров, перекрестными брифингами для соответствующих комитетов и NAC, а также неформальными встречами персонала данных организаций [16].

Идея предложить расширить киберсотрудничество между ЕС и НАТО в то время, когда и Евросоюз и НАТО сталкиваются с открытыми вызовами целесообразности своего существования как со стороны лидеров этих организаций, так и стороны евроскептических и популистских сил внутри, может показаться несвоевременной.

Хотя такие сомнения вполне обоснованы, более пристальное изучение проблемы, как это делается в данном параграфе, показывает, что трансатлантическое сотрудничество в области кибербезопасности полезно для обеспечения безопасности вовлеченных стран и необходимо для стабильности современного киберзависимого мира.

В своей Стратегии кибербезопасности [27] США признают, что многие союзники и партнеры обладают уникальными кибервозможностями, которые могут дополнить их собственные, и ставит в качестве приоритетной задачи укрепление потенциала и оперативной совместимости этих союзников и партнеров, чтобы повысить способность США оптимизировать совокупные навыки, ресурсы, возможности и перспективы в борьбе с «общими угрозами».

Сотрудничество НАТО и ЕС в области кибербезопасности и противодействию киберугрозам, включая страны-партнеры по всему миру, может быть очень полезным, поскольку политические интересы и технологическая целесообразность сходятся в том, чтобы сделать весомые аргументы в пользу совместного решения киберпроблемы. Это предполагает в основном два пути: (1) эффективное противодействие киберугрозам и связанным с ними гибридным войнам; и (2) привлечение остального мира к регулированию киберпространства, включая связанные с ним новые технологии, такие как искусственный интеллект, Интернет вещей, квантовые вычисления и 5G.

Исследователи Т. Свейс и Ф. Осинга [14] отмечают, что сохранение технологического преимущества НАТО требует гораздо больших инвестиций в такие области, как киберзащита, искусственный интеллект, беспилотные системы и космический потенциал. Учитывая роль этих технологий как важнейших факторов, обеспечивающих военную эффективность НАТО, и то внимание, которое уделяют им Китай и Россия, НАТО должна не только стремиться к восстановлению способности вести высокотехнологичные войны, но и углубиться в технологические инновации. Эта работа также должна включать в себя этические и правовые аспекты автономии и подобных изменений, а также разработку последовательной оперативной концепции, лежащей в основе позиции НАТО по сдерживанию обычными вооружениями.

Как «оборонительные», так и «наступательные» методы и процедуры, необходимые для решения первой задачи, все больше зависят от возможностей правительств по мониторингу, обнаружению, анализу и управлению большими данными, в том числе за счет трансграничных изменений, доступа к глубоким знаниям и продуктивных отношений с промышленностью, научными кругами и компаниями социальных сетей. В этой связи формат союзников и партнеров, включающий десятки стран в четко определенные направления обмена и сотрудничества, подходит как нельзя лучше.

То же самое относится и ко второму пути, который требует многостороннего общения и дипломатии по отношению к амбициозным конкурентам и противникам, действующим в киберпространстве, которые, однако, в равной, если не в большей степени, зависят от научно-технического обмена и международной торговли. Евратлантическое сообщество стран, включая партнеров по всему миру, разделяет одинаковые стратегические интересы в цифровую эпоху. Эта группа стран может стать влиятельной силой, способной определять исход любого глобального форума по разработке правил киберпространства.

Саммиты НАТО в Уэльсе (2014) [28], Варшаве (2016) [31], Брюсселе (2018, 2021) [10, 11] и Вашингтоне (2024)

[32] подтвердили, что киберзащита является частью основной задачи НАТО по коллективной обороне, и подчеркнули, что союзники должны быть способны действовать в киберпространстве так же эффективно, как в воздухе, на суше, на море и в космосе, чтобы укрепить и поддержать общую позицию Альянса по сдерживанию и обороне. Борьба с кибер- и гибридными атаками становится ключевым компонентом комплексного подхода НАТО к безопасности.

Таким образом, НАТО применяет прагматичный и гибкий подход к объединению национальных кибервозможностей союзников и, где это возможно, партнеров для сдерживания, защиты и обороны от общей экзистенциальной киберугрозы, приобретающей глобальные масштабы.

Решения, принятые на указанных саммитах, подтверждают логику, согласно которой разработка, как минимум, «принципов кибервойны» абсолютно необходима для того, чтобы Альянс мог интегрировать киберпотенциал отдельных стран в операции Альянса. Этот вопрос имеет важные оперативные и доктринальные аспекты, последние, в частности, касаются возможного применения статьи 5 Североатлантического договора в случае кибератак противника и/или гибридных операций. Процесс разработки принципов кибервойны НАТО или аналогичного свода правил ведения боевых действий должен идти параллельно с изучением и реализацией потенциала более детального сотрудничества ЕС-НАТО в области кибербезопасности.

Торговля, коммуникация, частная жизнь, интеллектуальная собственность, критически важная инфраструктура – все это зависит от инструментов, уязвимых для кибератак. Стремительное развитие искусственного интеллекта и квантовых вычислений усугубляет эти проблемы. Поэтому вопрос о всестороннем охвате киберугроз широко обсуждается. Кибератаки могут быть особенно разрушительными, с долгосрочными и непредсказуемыми негативными последствиями, когда они успешно осуществляются против избирательных процессов или нарушают политическую и социальную структуру, в том числе с целью манипулирования сложившимся общественным восприятием. Так в кибератаках обвиняли Россию во время президентской предвыборной кампании в 2016 году [8], аналогичным атакам подвергались выборы в Австрии и Великобритании [26]. Хакерские атаки вирусами WannaCry и NonPetya в 2017 году [30] заразили более сотни тысяч устройств в 150 странах мира. Более того, атаки WannaCry и NonPetya произошли после того, как PSC и NAC одобрили ряд общих предложений по углублению сотрудничества в области кризисного реагирования и кибербезопасности и обороны.

В последние годы взгляды на кибербезопасность претерпели изменения как в НАТО и ЕС, так и в отдельных странах. В настоящее время они все чаще рассматривают кибератаку на жизненно важные или критически важные активы, в том числе в случаях, когда она является этапом или частью более широкой гибридной кампании, как системный вызов безопасности, который требует соответствующих и адекватных мер противодействия, как кибернетических, так и некибернетических [23].

НАТО, в частности, согласовала последовательность ответных действий, используя комбинацию национальных возможностей на добровольной основе, и полное выполнение «Обещания по киберзащите, которое является центральным для повышения киберустойчивости и увеличения стоимости кибератаки». Союзники выразили решимость, подтвердив оборонительный мандат НАТО, «использовать весь спектр возможностей, включая кибернетические, для сдерживания, защиты и противо-

действия всему спектру киберугроз, включая те, которые осуществляются в рамках гибридной кампании». Союзники обязуются «работать вместе над разработкой мер, которые позволят нам увеличить расходы тех, кто наносит нам ущерб». Отдельные союзники могут рассматривать, когда это целесообразно, возможность присвоения злоумышленной кибердеятельности и скоординированного реагирования, признавая при этом, что присвоение является суверенной национальной прерогативой. Вариант «возложения издержек» более подробно описан и усилен в Стратегии кибербезопасности США [27].

На Лиссабонском саммите [20] было решено, что «НАТО будет совершенствовать свои возможности, а также «тесно сотрудничать с другими субъектами, такими как ООН и ЕС... для разработки политики НАТО в области киберзащиты и подготовки плана действий по ее реализации».

Политика киберзащиты НАТО – это ответ на киберзависимость общества и уязвимость его вооруженных сил. Операции НАТО опираются на кибернетические сети. Киберпространство по своей природе является международным, и ни одна страна не может эффективно бороться с киберугрозами в одиночку. Поэтому НАТО должна сотрудничать со своими партнерами, такими как Европейский союз, чьи сильные стороны в области киберзащиты дополняют сильные стороны Североатлантического союза.

Центр реагирования на компьютерные инциденты [2] был полностью подготовлен к работе еще в 2012 году, так же как и Центр НАТО по сотрудничеству в сфере киберобороны, официально созданный в 2008 году в Таллинне (Эстония) по инициативе эстонской стороны в связи с масштабной хакерской атакой в 2007 году [9]. Концепция «углубленной киберзащиты», которая была одобрена на саммите в Лиссабоне, не является исключительно военной или даже военно-ориентированной стратегией. Она обязательно охватывает портфели различных субъектов, как и используемые технологии, осведомленность пользователей и физическую защиту ключевых элементов нашего оборудования. Такая политика позволит объединить гражданские и военные возможности.

В частности, Европейская комиссия создает группы реагирования на компьютерные чрезвычайные ситуации для учреждений ЕС и учредила Объединенный исследовательский центр для разработки способов согласования действий и обеспечения более эффективной защиты от кибератак. Также в 2017 году был создан Европейский центр передового опыта по борьбе с гибридными угрозами в Хельсинки [4, 12] как пример внеинституциональности трансатлантического партнерства. Центр защищен от политической блокады, которая мешает сотрудничеству ЕС и НАТО, поскольку он не является ни органом ЕС, ни органом НАТО, а скорее международным органом, созданным членами и сотрудниками ЕС и НАТО и открытым для них. Турция и Кипр не входят в число участников. Центр поощряет диалог на стратегическом уровне и способствует общему пониманию гибридных угроз, проводя регулярные семинары, практикумы и тренинги, разрабатывает сценарии гибридных угроз, в том числе для неформальных заседаний NAC и PSC [19]. Кроме того, ЕС и НАТО регулярно проводят учения в области кибербезопасности, в том числе и совместные [21]. Руководство по разработке стратегий национальной кибербезопасности [18], разработанное Международным союзом электросвязи ООН в 2018 году, может стать хорошим ориентиром для стран НАТО.

Современная среда безопасности является глобальной, и НАТО, а также ЕС участвуют в глобальных опе-

рациях по обеспечению безопасности. Следовательно, риск кибератаки может возрасти. Современные операции по поддержанию мира и борьбе с повстанцами сталкиваются с целым рядом агрессивных субъектов – от традиционных сепаратистских движений и повстанческих групп до полевых командиров, банд и торговцев наркотиками, оружием, людьми и международных террористических организаций, таких как ИГИЛ (Исламское государство (запрещенная в РФ организация)). Эти группы опираются на уязвимость государства и регионального контекста, в котором они осуществляют свою деятельность. Поскольку НАТО и ЕС стремятся стабилизировать именно эту обстановку, транснациональные организованные преступные группировки воспринимают НАТО и ЕС как экзистенциальную угрозу. Затем такие группы могут начать принимать контрмеры, от распространения дезинформации и заканчивая сбором разведанных, и, кроме того, крупномасштабные атаки на критически важную инфраструктуру могут быть направлены не только против Альянса и его партнеров в регионе, но и против столиц и государственных объектов НАТО, а также против населения Европы и/или Америки.

Принципы стратегии реагирования НАТО были согласованы союзниками, но в довольно общих чертах. НАТО предстоит завершить процесс проектирования и создания безопасных киберсистем союзников, а также разработать доктрину и политику по обмену критически важными киберразведанными в режиме реального времени и по интеграции национальных кибервозможностей. Основой стратегии реагирования должно стать создание адекватного национального киберпотенциала, в том числе наступательного, а также союзных процедур и платформ для обмена информацией и разведанными, совместной киберподготовки, координации кибер- и некиберсредств, проведения информационно-разъяснительных кампаний с целью создания максимальной защиты против всех видов кибератак, включая связанные с ними гибридные кампании и операции по дезинформации. Последняя деятельность набирает обороты в последние несколько лет, в то время как необходимое противодействие только сейчас начинает формироваться благодаря (запоздалому) участию социальных сетей и глобальных технологических компаний, которые имеют уникальную возможность внести свой вклад в поиск долгосрочных решений.

Важной частью стратегии должны стать мероприятия по повышению устойчивости и снижению рисков. Меры должны охватывать, как минимум, несколько ключевых областей, таких как национальная безопасность и оборона, энергетика, банковское дело и финансы, здравоохранение, связь, информационные технологии и транспорт. Эти области, как представляется, пользуются поддержкой как участников НАТО, так и стран-членов ЕС.

Внеинституциональное сотрудничество ЕС и НАТО в большей степени активно развивается на уровне персонала в штаб-квартирах в кабинетах, за обедом, по телефону, по электронной почте или на периферии официальных встреч. Качество и частота обычно зависят от личных взаимоотношений. Как отмечает Н. Грэггер [15, р. 493–494.], неформальное сотрудничество на политическом уровне и на уровне персонала усилилось после саммита НАТО в Уэльсе в 2014 году [28]. Теперь сотрудники постоянно производят письменный обмен заметками по киберугрозам, гибридным угрозам и энергетической безопасности, «делают акцент на сотрудничестве везде, где только можно». В то же время заседания военных комитетов ЕС и НАТО, предоставляющих оценки NAC и PSC, продолжают проводиться четыре раза в год, но «длятся недолго из-за скудной повестки дня и низ-

ких ожиданий относительно результатов» [17]. Неформальное взаимодействие на микроуровне между EUMS, группы ЕС в SHAPE в Монсе и постоянной группы связи НАТО в штаб-квартире НАТО не осуществляется не так активно. Неофициальные встречи между военным персоналом EUMS и НАТО проводятся раз в два месяца (как в штабе, так и в SHAPE), но обмен мнениями происходит и ежедневно, особенно когда ЕС и НАТО проводят операции в одной и той же зоне ответственности.

При всех оговорках и небольших различиях в доктринах некоторых стран-членов можно с уверенностью заключить, что и НАТО, и ЕС, в том числе благодаря прямому и более тесному сотрудничеству между двумя блоками, смогут повысить устойчивость своих обществ к кибер- и гибридным угрозам и создать адекватный национальный киберпотенциал. Этот процесс находится в стадии развития: необходима более тесная поддержка и контроль со стороны национальных правительств, а также инновационное мышление. Создание глубокого и надежного механизма обмена информацией и разведанными между союзниками имеет первостепенное значение.

Соединенные Штаты в этом процессе будут играть главную роль, учитывая их военные, научные, технологические, коммерческие и стратегические интересы, связанные с кибербезопасностью, а также их исключительный потенциал для содействия достижению общей цели. США склонны принимать меры на опережение, время как Евросоюз чаще использует инструменты «мягкой силы». В этом и заключается разница между организациями, то есть в их существенном понимании того, какие меры должны быть использованы для достижения цели.

Сегодня противостояние великих держав, асимметрия в развивающейся стратегической ситуации, открыто экспансионистские внешнеполитические планы противников создают сложную и нестабильную межнациональную обстановку. Маловероятно, что кто-либо из этих противников особенно международные террористические организации и маргинальные хакерские сообщества всерьез захочет отказаться от использования такого эффективного и «дешевого» оружия, как кибервредоносные средства. Однако и ЕС, и НАТО не могут и не должны отказываться от своих долгосрочных стратегий по предотвращению непредсказуемого и деструктивного поведения в киберпространстве. В силу природы киберпространства совместная работа трансатлантических партнеров над устранением кибер- и гибридных угроз окажет благотворное влияние на единство и солидарность ЕС и НАТО как необходимое условие для успешного взаимодействия с остальным миром по регулированию киберпространства.

Литература

1. Антонович П.И. Кибернетическая безопасность в современных условиях. Проблемы международной безопасности: взгляд из Москвы и Парижа: сб. докл. / Под ред. д-ра экон. наук Г.Г. Тищенко, канд. ист. наук Е.С. Хотьковой; Рос. ин-т стратег. исслед. М.: РИСИ, 2013. С. 44–53.
2. Группы быстрого реагирования НАТО для борьбы с кибернападениями. – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_85161.htm
3. Данельян А.А. Международно-правовое регулирование киберпространства // Образование и право. 2020. № 1. С. 261–269.
4. Европейский центр по борьбе с «гибридными угрозами» открылся в Хельсинки. – URL:

- <https://ria.ru/20171002/1506044158.html?ysclid=m-12jow89d5956140604>
5. Казаковцев А.В. НАТО и кибербезопасность. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Ист. 2012. № 2 (22). С. 109–114.
 6. Кардава Н.В. Киберпространство как новая политическая реальность: вызовы и ответы. История и современность, № 2, июнь 2018. С. 152–166.
 7. Кохтюлина И.Н. Международная информационная безопасность: основные угрозы. Ежегодник ИМИ – 2015. Вып. 3 (13). Мировая политика: старые проблемы и новые вызовы / гл. ред. А.А. Орлов, ред. выпуска: П.Б. Паршин, А.Л. Чечевишников. – М.: ИМИ МГИМО, 2015. Вып. 3 (13). С. 128–136.
 8. «Русские хакеры» в предвыборной кампании в США 2016 года: мифы и реальность. Валдайские записки № 72. М., 2017. 20 с.
 9. Analysis of the 2007 Cyber Attacks Against Estonia from the Information Warfare Perspective. Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence, Tallinn, Estonia. – URL: https://ccdcoe.org/uploads/2018/10/Ottis2008_AnalysisOf2007FromTheInformationWarfarePerspective.pdf
 10. Brussels Summit Declaration. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm#20
 11. Brussels Summit Communiqué. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm#32
 12. Centres of Excellence. NATO. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_68372.htm?selectedLocale=en
 13. EU and NATO increase information sharing on cyber incidents. – URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/5254/EU%20and%20NATO
 14. Future NATO. Adapting to New Realities / Ed. by J.A. Olsen. L.: Routledge, 2020. 160 p.
 15. Graeger N. European security as practice: EU–NATO communities of practice in the making? EUROPEAN SECURITY. L.: Routledge, 2016. Vol.25, No. 4. P. 478–501.
 16. Graeger N. Grasping the everyday and extraordinary in EU–NATO relations: the added value of practice approaches. European Security. 26(3), 2017. 340–358.
 17. Graeger N. Security. EU-NATO relations: informal cooperation as a common lifestyle. In: A. Orsini, ed. The european union with(in) international organisations commitment, consistency and effects across time. L.: Routledge, 2014. P. 157–179.
 18. Guide to developing a national cybersecurity strategy. – URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-CYB_GUIDE.01–2018-PDF-E.pdf
 19. Koenig N. The EU and NATO: A Partnership with a Glass Ceiling. EU Global Strategy Watch, 2018. 7 p.
 20. Lisbon Summit Declaration. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68828.htm
 21. NATO's flagship cyber exercise concludes in Estonia. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_220993.htm
 22. New EU Cybersecurity Strategy and new rules to make physical and digital critical entities more resilient. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_2391
 23. Rapp–Hooper M. Shields of the Republic: The Triumph and Peril of America's Alliances / M. Rapp–Hooper. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2020. 272 p.
 24. The EU and NATO. The Essential Partners / Ed. by G. Lindstrom, T. Tardy // EUISS, 2019. P. 28–36. – URL: <https://www.iss.europa.eu/content/eu-and-nato>
 25. The National Counterintelligence Strategy. – URL: https://www.dni.gov/files/NCSC/documents/features/NCSC_CI_Strategy-pages-20240730.pdf
 26. UK election watchdog targeted in 'hostile' cyberattack. POLITICO. – URL: <https://www.politico.eu/article/uk-election-watchdog-electoral-commission-targeted-in-hostile-cyberattack/>
 27. United States International Cyberspace & Digital Policy Strategy. – URL: <https://www.state.gov/united-states-international-cyberspace-and-digital-policy-strategy/>
 28. Wales Summit Declaration. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm#cyber
 29. Walt S.M. The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S Primacy / S.M. Walt. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018. 400 p.
 30. WannaCry, Petya, NotPetya: how ransomware hit the big time in 2017. The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/technology/2017/dec/30/wannacry-petya-notpetya-ransomware>
 31. Warsaw Summit Communiqué. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm#cyber
 32. Washington Summit Declaration. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227678.htm

EUROPEAN UNION–NATO COOPERATION ON CYBER SECURITY

Potevskii N.A.

Moscow State Institute of International Relations (Moscow)

The article examines the relevance and significance of cooperation between the European Union and the North Atlantic Treaty Organization in the field of cyber security in the context of the growing number of cyber threats and global digitalisation. It analyses key initiatives and mechanisms of interaction between the two organisations aimed at strengthening collective security and critical infrastructure protection. Particular attention is paid to joint exercises, information sharing and the development of strategies to respond to cyber attacks. The challenges and obstacles faced by the EU and NATO in integrating their efforts in cyberspace are also discussed. The need to further deepen cooperation to ensure resilience and security in a rapidly changing cyber landscape is emphasised.

Keywords: European Union, NATO, security, cybersecurity, cyber threats, hybrid threats, cyberspace.

References

1. Antonovich P.I. Cybersecurity in Modern Conditions. Problems of International Security: A View from Moscow and Paris: Coll. reports / Ed. by Dr. of Economics G.G. Tishchenko, Ph.D. in History E.S. Khotkova; Rus. Inst. of Strategic Research. Moscow: RISI, 2013. Pp. 44–53.
2. NATO Rapid Response Teams to Combat Cyberattacks. – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_85161.htm
3. Danelyan A.A. International Legal Regulation of Cyberspace // Education and Law. 2020. No. 1. Pp. 261–269.
4. The European Center for Countering Hybrid Threats Opens in Helsinki. – URL: <https://ria.ru/20171002/1506044158.html?ysclid=m12jow89d5956140604>
5. Kazakovtsev A.V. NATO and cybersecurity. Vestn. Volgograd state University. Series. 4, Ist. 2012. No. 2 (22). P. 109–114.
6. Kardava N.V. Cyberspace as a new political reality: challenges and responses. History and Modernity, No. 2, June 2018. P. 152–166.
7. Kokhtyulina I.N. International information security: main threats. IMI Yearbook – 2015. Issue. 3 (13). World politics: old problems and new challenges / ed. A.A. Orlov, issue editors: P.B. Parshin, A.L. Chechevishnikov. – M.: IMI MGIOMO, 2015. Issue 3 (13). P. 128–136.
8. "Russian hackers" in the 2016 US election campaign: myths and reality. Valdai Papers, No. 72. M., 2017. 20 p.
9. Analysis of the 2007 Cyber Attacks Against Estonia from the Information Warfare Perspective. Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence, Tallinn, Estonia. – URL: https://ccdcoe.org/uploads/2018/10/Ottis2008_AnalysisOf2007FromTheInformationWarfarePerspective.pdf

10. Brussels Summit Declaration. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm#20
11. Brussels Summit Communiqué. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm#32
12. Centers of Excellence. NATO. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_68372.htm?selectedLocale=en
13. EU and NATO increase information sharing on cyber incidents. – URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/5254/EU%20and%20NATO
14. Future NATO. Adapting to New Realities / Ed. by J.A. Olsen. L.: Routledge, 2020. 160 p.
15. Graeger N. European security as practice: EU–NATO communities of practice in the making? EUROPEAN SECURITY. L.: Routledge, 2016. Vol.25, No. 4. P. 478–501.
16. Graeger N. Grasping the everyday and extraordinary in EU–NATO relations: the added value of practice approaches. European Security. 26(3), 2017. 340–358.
17. Graeger N. Security. EU-NATO relations: informal cooperation as a common lifestyle. In: A. Orsini, ed. The European union with(in) international organizations commitment, consistency and effects across time. L.: Routledge, 2014. P. 157–179.
18. Guide to developing a national cybersecurity strategy. – URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-CYB_GUIDE.01–2018-PDF-E.pdf
19. Koening N. The EU and NATO: A Partnership with a Glass Ceiling. EU Global Strategy Watch, 2018. 7 p.
20. Lisbon Summit Declaration. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68828.htm
21. NATO's flagship cyber exercise concludes in Estonia. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_220993.htm
22. New EU Cybersecurity Strategy and new rules to make physical and digital critical entities more resilient. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_2391
23. Rapp–Hooper M. Shields of the Republic: The Triumph and Peril of America's Alliances / M. Rapp–Hooper. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2020. 272 p.
24. The EU and NATO. The Essential Partners/Ed. by G. Lindstrom, T. Tardy // EUISS, 2019. P. 28–36. – URL: <https://www.iss.europa.eu/content/eu-and-nato>
25. The National Counterintelligence Strategy. – URL: https://www.dni.gov/files/NCSC/documents/features/NCSC_CI_Strategy-pages-20240730.pdf
26. UK election watchdog targeted in 'hostile' cyberattack. POLITICO. – URL: <https://www.politico.eu/article/uk-election-watchdog-electoral-commission-targeted-in-hostile-cyberattack/>
27. United States International Cyberspace & Digital Policy Strategy. – URL: <https://www.state.gov/united-states-international-cyberspace-and-digital-policy-strategy/>
28. Wales Summit Declaration. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm#cyber
29. Walt S.M. The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy / S.M. Walt. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018. 400 p.
30. WannaCry, Petya, NotPetya: how ransomware hit the big time in 2017. The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/technology/2017/dec/30/wannacry-petya-notpetya-ransomware>
31. Warsaw Summit Communiqué. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm#cyber
32. Washington Summit Declaration. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227678.htm

Влияние политики дедолларизации России и Китая на структуру международных отношений в постгегемонистскую эпоху

Се Ханьтин,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: xiehanting1998@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением влияния политики дедолларизации России и Китая на структуру международных отношений в постгегемонистскую эпоху. Автор подчеркивается важность укрепления международного сотрудничества между Россией и Китаем в условиях внешней нестабильности и финансовой неустойчивости на международном рынке. Определено понятие «политика дедолларизации». Изучены основные направления влияния данной политики на структуру международных отношений и ее трансформацию в современных условиях. Рассмотрена структура финансов РФ и ее основные особенности. Изучены основные этапы развития международного сотрудничества России и Китая. Изучены основные причины применения политики дедолларизации для Китая, к числу которых относятся: изменение геополитической обстановке на международном рынке; жесткая санкционная политика США; обострение политических отношений с США и торговая война с ней; происходящие процессы интеграции на территории Европы; стремление к собственной независимости и автономности в принятии финансовых решений и т.д. Автор статьи указывает на наличие определенных проблем и трудностей, связанных с осуществлением расчетов в национальной валюте. Разработаны меры по укреплению международной политики сотрудничества России и Китая в условиях геополитической турбулентности. Определены перспективы развития международных отношений и сотрудничества для России и Китая в среднесрочном и долгосрочном периоде.

Ключевые слова: политика дедолларизации; Россия; Китай; структура; международная торговля; постгегемонистская эпоха; валюта.

Введение

В условиях глобализации общества происходит трансформация международных отношений. Причиной этому послужили множество факторов внутренней и внешней среды: политические, экономические, культурные, образовательные и т.д. В последнее время Россия и Китай выступают близкими союзниками и партнерами, объединившими свои усилия в различных областях и сферах народного хозяйства. Кризис на Украине, введенные западные санкции, а также политика гегемонии, проводимая западом, еще больше сблизилась две крупные страны и направила совместные усилия на противостояние данным процессам. Политика дедолларизации Китая и России повлияла на укрепление и развитие международных отношений, позволила разработать стратегию будущего развития, определить главные цели и задачи, а также предпринять действия на обеспечение собственной безопасности и финансовой устойчивости [3, с. 75].

Проблематика данного исследования заключается в существовании разносторонних подходов и взглядов на влияние политики дедолларизации России и Китая на структуру международных отношений. Считаем необходимым оценить данную проблему с позиции комплексного подхода, а также наличия возможных перспектив для укрепления и осуществления международных отношений между Россией и Китаем.

Научная новизна исследования заключается в разработке мер по укреплению международной политики и международных отношений России и Китая в условиях геополитической турбулентности.

Материалы и методы

В данной статье использовались такие методы исследования, как литературный обзор, анализ вторичных данных, сравнительный анализ и исторический метод. Литературный обзор был направлен на изучение существующих работ и теорий, касающихся политики дедолларизации в России и Китае, что позволило выявить основные тенденции и мнения авторов по данной тематике. Анализ вторичных данных включал в себя исследования статистической информации о валютных резервах, структуре международных расчетов и изменениях в финансовых потоках между странами. Сравнительный анализ применялся для изучения различий и особенностей подходов к дедолларизации в России и Китае, а также их влияния на международные отношения. Исторический метод позволил рассмотреть эволюцию политических и экономических отношений между этими странами в контексте глобальных изменений и санкционной политики. Таким образом, примененные методы способствовали комплексному пониманию влияния политики дедолларизации на структуру международных отношений в современном мире.

Литературный обзор

Вопросы, касающиеся влияния политики дедолларизации Китая и России на структуру международных отношений в постгегемонистскую эпоху рассматривали многие уче-

ные такие, как Бердышев А.В., Винникова П.Г., Ван Вэй, Цинь Фанмин, Лю Цинь, Тао Шигуй, Чжаохуэй и другие. Считаем, необходимым продолжить исследование в данном направлении и более подробно изучить отдельные вопросы темы.

Результаты и обсуждение

Международные отношения в современных условиях развития отличаются своей неопределенностью и непредсказуемостью сценариев развития. На них оказывает большое влияние политика, проводимая различными странами, курс валют, уровень процентных банковских ставок, западные санкции и другие факторы. Китай и Россия оказались в сложной международной обстановке, в которой необходимо объединить совместные усилия на укрепление двусторонних взаимоотношений и противостоять политике гегемонии со стороны западных стран [2, с. 25].

Китай и Россия направили свои усилия на проведение политики дедолларизации, под которой следует понимать процесс сокращения использования объемов долларов США при проведении международных расчетов и совершении валютных операций.

Политика дедолларизации оказала влияние на структуру международных отношений в постгегемонистскую эпоху. Данное влияние проявилось в следующем:

1) произошло уменьшение доли торговых операций, совершаемых в долларах (Россия и ряд других стран, включая Индию, Турцию, Китай начали вести торговые отношения в национальной валюте);

2) уменьшение резервов доллара (сокращение запасов доллара на международном рынке снизило финансовую зависимость от США);

3) проведение работы по созданию альтернативной валюты (данная работа направлена на создание цифровой валюты, которая обеспечит платежеспособность и проведение расчетных финансовых операций на международном рынке);

4) укрепление международных отношений с Китаем, Индией и рядом других стран;

5) защита суверенитета национальной валюты и т.д.

Следует отметить, что большое значение на политику дедолларизации Китая и России в структуре международных отношений оказали западные санкции. При этом США используя гегемонию в долларе стремились ограничить развитие торговли, экономики, а также других сфер народного хозяйства используя при этом такие меры, как замораживание активов Центрального банка России. Такие меры неблагоприятно сказались на российской экономике, привели к возникновению финансовых кризисов, расстроили рынок ценных бумаг, снизили покупательскую способность и т.д. Прежде всего, введенные западные санкции повлияли на финансовую и энергетическую, а также оборонную сферу. Для России единственным верным выходом стало использование политики «отказа от доллара», перед на осуществление операций в национальной валюте и обход долларовых операций. Данная политика также вносит свои коррективы в китайскую политику управления на государственном уровне развития. Это заставляет Китай пересмотреть политику менеджмента валютных активов и регулирования операциями на валютном рынке, укрепить безопасность валюты и обеспечить стабильность осуществления международных расчетов, разработать политику, направленную на снижение зависимости от доллара и т.д. Таким образом, влияние западных санкций подтолкнуло Россию и Китай в необходимости пересмотра осуществления своей внешней политики

на мировом рынке и необходимости ее совершенствования.

Основными причинами проведения политики дедолларизации для Китая явились:

1) изменение геополитической обстановке на международном рынке;

2) жесткая санкционная политика США;

3) обострение политических отношений с США и торговая война с ней;

4) происходящие процессы интеграции на территории Европы;

5) стремление к собственной независимости и автономности в принятии финансовых решений и т.д. [6, с. 63].

Важно отметить, что доллар и финансовые операции с ним используются как основной политический инструмент управления многими странами. США умело маневрирует процентными ставками, превращая тем самым страны в зависимых участников международного рынка. Это нарушает целостность экономики, торговых отношений, финансово-кредитных связей на международном рынке. Следовательно, в условиях геополитической турбулентности многие страны осуществляют политику противостояния «долларовому господству» через политику под названием «дедолларизации».

Со времен окончания Второй мировой войны доллар занял ведущие позиции на мировом рынке, закрепил свое влияние в практике осуществления многих международных расчетов и оказывает значительное влияние на развитие финансового сектора экономики и по сегодняшний день. Однако, в последнее время стала наблюдаться тенденция со стороны многих стран избавиться от доллара и политики зависимости от него. Так, например, Индия и ОАЭ с января 2024 года стали осуществлять свои финансовые расчеты в национальной валюте. Китай и Таиланд также подписали международное соглашение по осуществлению финансовых расчетов в национальной валюте [10, с. 14]. Немного позже Китай снова подписал подобный документ о финансовом сотрудничестве с Вьетнамом. Стремление стран избавиться от долларовой зависимости объясняется следующими основными моментами:

1) обеспечение экономической безопасности для многих стран;

2) снижение финансовых рисков;

3) обеспечение свободы и независимости в принятии финансовых решений и осуществлении операций на международном рынке;

4) укрепление и развитие сотрудничества между странами, которые остремлены получить независимость и свободу от внешней политики гегемонии;

5) укрепление собственной внутренней и внешней политики стран и т.д.

Ответными мерами со стороны России на вводимые западные санкции США, а также проводимую ей политику явилось принятие закона «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия США и других иностранных государств», который был принят в 2018 году. Также были издан ряд указов по противостоянию политике гегемонии США, а также содержащих комплекс мер поддержки для российских организаций [9, с. 90].

Важно отметить, что с того момента, как были введены санкции США Россия стала активно проводить политику дедолларизации. Доля доллара в общих валютных резервах России в 2014 году составляла 45,4%. В июне 2021 года министр финансов России объявил об исключении доллара из состава Фонда национального благосостояния (ФНБ), где он ранее составлял 35%.

Согласно данным SWIFT, доля использования доллара США в мировых платежах в июле 2022 г. также снизилась с 43,5% в 2020 г. до 41,16%. Это связано с тем, что многие страны стали переходить на другие ключевые валюты в процессе международной торговли [7, с. 266].

Согласно официальным данным статистики в 2023 году структура финансов РФ распределилась следующим образом (Рис. 1). [4, с. 109].

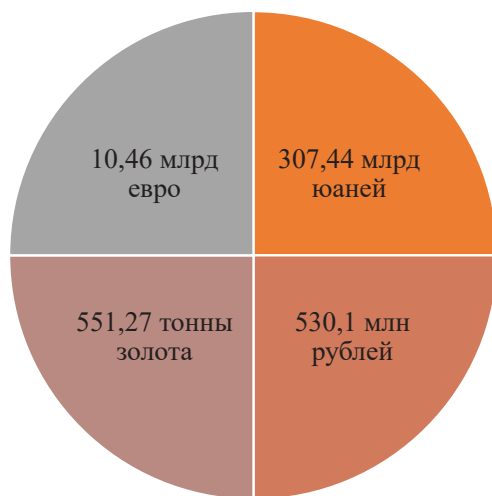

Рис. 1. Структура финансов РФ по состоянию на 2023 год

Таким образом, можно заметить, что большую долю в структуре финансов составили рубли (530, 1 млн руб.), а также запасы золота (551,27 тонн золота). Россия в условиях жесткой санкционной политики и внешнего давления смогла устоять на международном финансовом рынке и скорректировать свои действия, активно продвигая стратегию развития международных отношений со странами Азиатско-тихоокеанского региона. Ярким примером такого сотрудничества явилось заключение международной инициативы «Один пояс, один путь», который положил начало тесному международному сотрудничеству и развитию международных отношений в энергетике, торговле, транспортной сфере, космической промышленности и т.д.

Развитие международного сотрудничества с Китаем принесло положительные результаты и укрепило международные отношения в условиях обострения внешней политической ситуации и давления запада. Международные отношения России и Китая прошли в своем развитии три основных этапа:

1) первый этап, просуществовавший до периода времени, когда Крым присоединился к России (в данный период времени все финансовые расчеты осуществлялись в долларах);

2) второй этап, начался с момента присоединения Крыма к России (в данное время все финансовые расчеты и основные операции осуществлялись в евро);

3) третий этап, начался с момента начала кризиса на Украине, который окончательно подорвал отношения с США и Европой (в данный период времени основной платежной валютой стал китайский юань).

Россия и Китай укрепили международное сотрудничество и вывели международные отношения на новый уровень развития. Между двумя странами было подписано соглашение о валютном свопе между рублем и юанем. Таким образом, осуществление валютных операций по обмену между российской и китайской стороной способствовало не только развитию самих финансовых операций, но и укреплению доверия друг к другу, формированию дружественных и партнерских отношений, стремлению достигать поставленные цели и задачи

на международном рынке. Однако, развитие собственных национальных валют сопряжено с некоторыми рисками и проблемами. Одной из которых является проблема ограничения международных сделок, возникающая в основном в случае неразвитости финансового рынка [5, с. 134].

В данной статье разработаны меры по укреплению международной политики и международных отношений России и Китая в условиях геополитической турбулентности, наглядно представленные на Рис. 2.

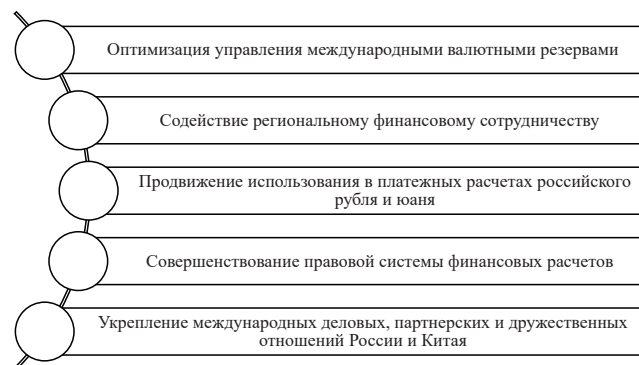

Рис. 2. Меры по укреплению международной политики сотрудничества России и Китая в условиях геополитической турбулентности

[Разработано автором]

Россия при проведении политики дедолларизации разработала совокупность мер, направленных на защиту ее интересов и собственной безопасности. К числу таких мер можно отнести: меры по сокращению использования в обороте доллара США, увеличение золотовалютных резервов, создание национальной платежной системы, укрепление международных отношений с другими странами на финансовом рынке. Данные меры явились ответной реакцией на проводимую политику гегемонии со стороны США [1, с. 126]. Укрепление международных отношений с Китаем позволили России сформировать финансовую устойчивость на мировом рынке, противостоять санкциям, а также смягчить последствия финансового кризиса. Ожидаемыми результатами в среднесрочном и долгосрочном периоде времени могут стать: укрепление экономической, политической, финансовой безопасности стран; разработка совместных проектов международного сотрудничества в различных областях и сферах народного хозяйства; укрепление финансовой устойчивости; снижение рисков на международном рынке; укрепление суверенитета; формирование дружественных и партнерских отношений и т.д. [8, с. 69].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о значительном влиянии политики дедолларизации России и Китая на трансформацию международных отношений в условиях формирования постгегемонистской системы. Как показал анализ, отказ от доллара в двусторонних расчетах стал не только вынужденной мерой в ответ на санкционное давление, но и стратегическим шагом к созданию более сбалансированной многополярной финансовой архитектуры. Важнейшим результатом этого процесса стало укрепление российско-китайского сотрудничества, выразившееся в развитии механизмов расчетов в национальных валютах, создании совместных финансовых институтов и реализации масштабных инфраструктурных проектов.

Однако процесс дедолларизации сопряжен с существенными вызовами, включая необходимость обеспечения достаточной ликвидности национальных валют, преодоления технологической зависимости в финансовой сфере и выработки новых стандартов международного взаимодействия. Особую сложность представляет поиск баланса между суверенизацией финансовых систем и интеграцией в глобальную экономику. Перспективы дальнейшего развития данного направления во многом будут зависеть от способности России и Китая предложить устойчивую альтернативу существующей долларовой системе, что требует углубления координации не только в экономической, но и в технологической, регуляторной и институциональной сферах.

При этом следует учитывать, что процесс дедолларизации носит глобальный характер, о чем свидетельствует присоединение к нему таких стран, как Индия, ОАЭ и государства БРИКС. Это создает предпосылки для формирования новых центров экономического влияния и перераспределения финансовых потоков в мировой экономике. В долгосрочной перспективе успешная реализация политики дедолларизации может привести к существенному изменению существующей системы международных отношений, основанной на принципах многополярности и равноправного сотрудничества. Однако для достижения этих целей потребуются не только укрепление двустороннего партнерства России и Китая, но и выработка новых подходов к международному экономическому регулированию, способных обеспечить стабильность формирующейся полицентричной системы.

Литература

1. Бердышев А.В. О перспективах дедолларизации мировой финансовой системы // Вестник университета. 2023. № 10. С. 126–129.
2. Винникова П.Г. Юань: новый сильный игрок на международном рынке // Вопросы науки и образования. 2024. № 28. С. 25–27.
3. Ван Вэй, Цинь Фанмин, Лю Цинь. Дедолларизация в странах Центральной Азии и стратегия интернационализации юаня // Исследования экономики Шанхая. 2018. № 2. С. 75–79.
4. Ван Вэй, Цинь Фанмин, Лю Цинь. Исследование дедолларизации в странах Центральной Азии в условиях диверсификации международной валютной системы // Теория и практика финансов. 2019. № 6. С. 109–118.
5. Ли Баовэй, Чжан Юнь, Ван Синь, Сюй Хао. Исследование международного статуса доллара США и его валютно-финансовых преимуществ // Обзор политической экономики. 2020. № 4. С. 134–160.
6. Лю Цянь. Новые санкции США против России: расхождение между желаниями и результатами // Энергия. 2017. № 10. С. 63–65.
7. Мочалова Я.В., Голикова Ю.Б., Клейтман Е.В. Проблемы развития Белгородской области и пути их решения на современном этапе // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Том 13. № 6А. С. 266–277.
8. Тао Шигуй. Прогноз и стратегические меры реагирования на возможные финансовые санкции США против Китая // Экономический горизонт. 2021. № 8. С. 69–76.
9. Тао Шигуй. Новая функция суверенной международной валюты: инструмент международных санкций // Экономист. 2020. № 8. С. 90–99.

10. Хоу Чжаохуэй. Исследование практики дедолларизации в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Обзор финансового развития. 2021. № 6. С. 14–27.

THE IMPACT OF THE DE-DOLLARIZATION POLICY OF RUSSIA AND CHINA ON THE STRUCTURE OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE POST-HEGEMONIC ERA

Xie Hanting

Saint Petersburg State University

The article deals with the issues related to the study of the impact of Russia's and China's dedollarization policy on the structure of international relations in the post-hegemonic era. The author emphasizes the importance of strengthening international cooperation between Russia and China in conditions of external instability and financial instability in the international market. The concept of "dedollarization policy" is defined. The main directions of influence of this policy on the structure of international relations and its transformation in modern conditions are studied. The structure of the RF finances and its main features are considered. The main stages of development of international cooperation between Russia and China are studied. The main reasons of application of the policy of dedollarization for China are studied, which include: change of geopolitical situation in the international market; tough sanctions policy of the USA; aggravation of political relations with the USA and trade war with it; ongoing integration processes on the territory of Europe; aspiration to its own independence and autonomy in making financial decisions, etc. The author of the article points out that there are certain problems and difficulties associated with the implementation of settlements in the national currency. Measures to strengthen the international policy of cooperation between Russia and China in the conditions of geopolitical turbulence are developed. The prospects of development of international relations and cooperation for Russia and China in the medium and long term are determined.

Keywords: policy of dedollarization; Russia; China; structure; international trade; post-hegemonic era; currency.

References

1. Berdyshev A.V. On the Prospects of De-Dollarization of the Global Financial System // Bulletin of the University. 2023. No. 10. P. 126–129.
2. Vinnikova P.G. Yuan: A New Strong Player in the International Market // Issues of Science and Education. 2024. No. 28. P. 25–27.
3. Wang Wei, Qin Fangming, Liu Qin. De-Dollarization in Central Asian Countries and the Strategy of Yuan Internationalization // Research on Shanghai Economics. 2018. No. 2. P. 75–79.
4. Wang Wei, Qin Fangming, Liu Qin. A Study of De-Dollarization in Central Asian Countries in the Context of Diversification of the International Monetary System // Theory and Practice of Finance. 2019. No. 6. P. 109–118.
5. Li Baowei, Zhang Yun, Wang Xin, Xu Hao. A Study of the International Status of the US Dollar and Its Monetary and Financial Advantages // Review of Political Economy. 2020. No. 4. Pp. 134–160.
6. Liu Qian. New US Sanctions against Russia: The Discrepancy between Desires and Results // Energy. 2017. No. 10. Pp. 63–65.
7. Mochalova Ya.V., Golikova Yu.B., Kleitman E.V. Problems of Development of the Belgorod Region and Ways to Solve Them at the Present Stage // Economy: Yesterday, Today, Tomorrow. 2023. Vol. 13. No. 6A. Pp. 266–277.
8. Tao Shigui. Forecast and Strategic Responses to Possible US Financial Sanctions against China // Economic Horizon. 2021. No. 8. P. 69–76.
9. Tao Shigui. The New Function of the Sovereign International Currency: An Instrument of International Sanctions // The Economist. 2020. No. 8. P. 90–99.
10. Hou Zhaohui. A Study of the Practice of De-Dollarization within the Framework of the Shanghai Cooperation Organization // Financial Development Review. 2021. No. 6. P. 14–27.

Политические перспективы между Колумбией и Венесуэлой в связи со вторым сроком президентства Дональда Трампа

Флорес Агирре Хуан Фелипе,

аспирант международных отношений, Санкт-петербургский государственный университет
E-mail: donjf21@gmail.com

Торо Нестеренко Ярослав Себастьян,

аспирант Российского университета дружбы народов
E-mail: yaroslavtoro@gmail.com

В исследовании рассматривается динамика развития политических отношений между Колумбией и Венесуэлой в ответ на второй срок президентства Дональда Трампа в США. Исторически колумбийско-венесуэльские отношения характеризуются общей историей, идеологическими расхождениями и экономической взаимозависимостью. Во время первого срока Трампа (2016–2020 гг.) политика США, включая экономические санкции против Венесуэлы и миграционные правила, оказала значительное влияние на региональную динамику.

Во время второго срока Трампа (с 2025 года по настоящее время) обе страны приняли прагматичные подходы к Соединенным Штатам: Колумбия под руководством президента Густаво Петро решает сложные дипломатические задачи, а Венесуэла под руководством президента Николаса Мадуро напрямую взаимодействует с администрацией Трампа. В данном исследовании анализируются эти события, оценивается их влияние на региональную стабильность и рассматриваются будущие траектории с учетом роли внешних акторов и возможных изменений в геополитических альянсах.

Ключевые слова: Колумбия, Венесуэла, США, отношения, политика, изменения, ожидания, история, президенты, кризис.

Введение

Колумбия и Венесуэла, некогда единые в составе Великой Колумбии, после 1831 года развивались в противоречивом ключе – от сотрудничества до открытых конфликтов. В XX веке идеологические различия углубились: социализм Чавеса в Венесуэле противостоял проамериканскому курсу Колумбии, особенно при Альваро Урибе. Их 2200-километровая граница стала зоной нелегальной торговли, наркотрафика и деятельности повстанцев¹.

Приход Дональда Трампа к власти в 2016 году резко изменил динамику региона. США ужесточили санкции против Венесуэлы (включая PDVSA), а Колумбию превратили в ключевого союзника. Это усилило раскол: Каракас сблизился с Россией и Китаем, а Богота признала лидера оппозиции Гуаидо и приняла миллионы венесуэльских беженцев.

Возможное возвращение Трампа в 2025 году ставит новые вопросы. Усилятся ли давление на Мадуро, усугубив гуманитарный кризис? Как левый президент Колумбии Густаво Петро совместит политику примирения с Венесуэлой и союзнические обязательства перед США?

Анализ показывает, что новый срок Трампа может углубить региональные противоречия. Колумбия окажется между лояльностью Вашингтону и прагматичным диалогом с Каракасом, а Венесуэла усилит связи с антизападными игроками. Это обострит проблемы безопасности, миграции и экономики, перестроив баланс сил в Латинской Америке².

Материалы и методы

В исследовании использованы официальные документы правительств Колумбии, Венесуэлы и США, отчеты международных организаций (ООН), а также аналитические материалы экспертных центров, с применением сравнительного анализа политических заявлений, статистической обработки экономических показателей, экспертных интервью с дипломатами и контент-анализа медиапоток, что позволило выявить ключевые тенденции в двусторонних отношениях после 2025 года с учетом влияния политики второго срока администрации Трампа.

Литературный обзор

В исследовании использованы ключевые работы, анализирующие американо-латиноамериканские отношения и колумбийско-венесуэльскую динамику. Beckmann (б.д.)³ исследует ослабление влияния США в регионе при Трампе, акцентируя последствия санкционной политики. Acosta (2021)⁴ освещает роль Мадуро как препят-

¹ Altman, B. (2025). What the new Trump era means for Venezuela and Latin America: A conversation with Breno Altman. *Venezuelanalysis*.

² Dammert, L. (2025). Ten keys to understand Trump 2.0 and Latin America. *Americas Quarterly*.

³ Beckmann, N. A. (б.д.). *Inter-American Relations in the Age of Trump: How the U.S. Is Losing Its Grip on Its Volatile "Backyard"*.

⁴ Acosta, L. J. (2021). Venezuela's Maduro is the biggest obstacle to implementing Colombia peace deal: Official. Reuters. 2

ствия для реализации мирных соглашений в Колумбии, подчеркивая взаимосвязь внутренних процессов двух стран. Campos и Prevost (2019)¹ систематизируют изменения внешнеполитического курса США при Трампе, уделяя внимание энергетическим и миграционным аспектам. Gericke (2016)² предлагает глубокий анализ проблем пограничного региона, включая нелегальную торговлю и безопасность. Klingebiel с соавторами (2024)³ оценивают потенциальное влияние второго срока Трампа на страны Глобального Юга, прогнозируя усиление транзакционной дипломатии. Эти источники формируют теоретическую основу для понимания текущих вызовов в треугольнике отношений США-Колумбия-Венесуэла.

Результаты

Результаты исследования демонстрируют устойчивую напряженность в колумбийско-венесуэльских отношениях, обусловленную комплексом факторов: санкционной политикой США, затяжным миграционным кризисом и фундаментальными идеологическими расхождениями. Анализ показывает ограниченную эффективность текущих дипломатических усилий (переговоры администрации Мадуро с американскими представителями, балансирующая политика президента Петро), поскольку системные проблемы – экономическая дестабилизация Венесуэлы, трансграничная преступность и зависимость обеих стран от внешнеполитических акторов (США, Россия, Китай) – продолжают определять негативную динамику. Ключевой вывод работы свидетельствует, что преодоление кризиса требует перехода к многостороннему формату сотрудничества, сочетающему адресную гуманитарную помощь с институциональными реформами, в противном случае следует ожидать дальнейшей эскалации напряженности в регионе.

Исторический контекст

Отношения Колумбии и Венесуэлы, сформированные после распада Великой Колумбии в 1831 году, всегда отличались сложностью из-за территориальных споров, экономической асимметрии и политических разногласий. В XIX–XX веках ключевыми проблемами стали конфликты вокруг Венесуэльского залива и архипелага Лос-Монхес, а также различия в экономическом развитии: нефтяное богатство Венесуэлы контрастировало с аграрной Колумбией. Политические пути стран также расходились – относительная стабильность Колумбии противостояла авторитарным тенденциям Венесуэлы, что усиливало взаимное недоверие⁴.

В период холодной войны идеологические противоречия углубились. Колумбия, ориентированная на США, реализовывала антикоммунистические инициативы, такие как «План Колумбия», тогда как Венесуэла поддер-

живала левые движения. Несмотря на сотрудничество в энергетике (например, соглашение Сан-Хосе о льготных поставках нефти), напряженность росла из-за обвинений Каракаса в укрывательстве колумбийских повстанцев (FARC)⁵. В 2000-х годах конфронтация достигла пика: социалистический курс Уго Чавеса и консервативная политика Альваро Урибе привели к дипломатическим кризисам, взаимным обвинениям и миграционным волнам⁶.

Частичное примирение произошло при президенте Хуане Мануэле Сантосе (2010–2018), когда Венесуэла выступила посредником в мирных переговорах с FARC. Однако с приходом Николаса Мадуро и углублением кризиса в Венесуэле отношения вновь ухудшились: граница была закрыта (2015), а при Иване Дукке (2018–2022) Колумбия признала лидером Венесуэлы Хуана Гуаидо, что привело к разрыву дипотношений. Торговля сократилась с \$7,2 млрд почти до нуля, а опасность на границе обострилась из-за активности повстанческих групп⁷.

Перелом наступил с избранием Густаво Петро в 2022 году. Первый левый президент Колумбии инициировал восстановление отношений: открыл границы, возобновил торговлю (\$1,2 млрд в 2023–2024 гг.) и создал совместные комиссии по безопасности и миграции. Однако проблемы остаются, включая отказ Венесуэлы экстрадировать лидеров АНО и споры о морских границах⁸.

Выборы 2024 года в Венесуэле, где Мадуро вновь победил на фоне ограничений для оппозиции, стали испытанием для политики Петро. Колумбия, признав некоторые улучшения, поддержала международные призывы к проверке результатов. Сегодня сотрудничество сосредоточено на управлении миграцией (более 3 млн венесуэльцев в Колумбии), борьбе с наркотрафиком и энергопартнерстве (например, проект газопровода Марискаль-Сукре – Колумбия)⁹.

Несмотря на прогресс, сохраняются глубинные противоречия: Колумбия критикует авторитаризм Мадуро, но вынуждена сотрудничать из-за общих вызовов – климатических угроз, преступности и экономических интересов (совместные проекты PDVSA и Escoptrol). Будущее отношений зависит от внутренней политики обеих стран, влияния внешних игроков (США, Китай) и способности балансировать между прагматизмом и принципиальными разногласиями¹⁰.

Таким образом, колумбийско-венесуэльские отношения остаются одной из самых динамичных и противоречивых двусторонних связей в Латинской Америке, где сотрудничество и конфронтация сосуществуют на фоне общих исторических, экономических и социальных вызовов¹¹.

¹ Campos, C. O., & Prevost, G. (2019). The Trump Administration in Latin America: Continuity and Change. *International Journal of Cuban Studies*, 11(1). <https://doi.org/10.13169/intejcubastud.11.1.0013>

² Gericke, A. (2016). The Colombia-Venezuela border. In *Ungoverned Territories: Understanding and Reducing Terrorism Risks* (pp. 197–217). RAND Corporation. <https://doi.org/10.7249/mg561af.20>

³ Klingebiel, S., Bauman, M.-O. & Summer, A. (2024). Trump's second term and the Global South: Prospects and perils. *Global Policy Journal*.

⁴ Gericke, A. (2023). Difficult but Necessary: Venezuela-Colombia Relations Throughout Time—A Historical Depiction of Two Specially Connected Neighbors. In: Latouche, M.A., Munoz, W., Gericke, A. (eds) *Venezuela – Dimensions of the Crisis. Contributions to Political Science*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-21889-7_11

⁵ Boersner, A., & Haluani, J. (2020). Venezuela 2019: A Tale of Two Presidents. *Revista de Ciencia Política*, 40(2), 169–189.

⁶ Acosta, L. J. (2021). Venezuela's Maduro is the biggest obstacle to implementing Colombia peace deal: Official. Reuters.

⁷ Bravo, S. (2021). Freddy Bernal: Colombia y Venezuela deben volver a ser países hermanos. *Últimas Noticias*.

⁸ Boersner, A. (2021). Political and Social Problems in Venezuela in the Second Decade of the 21st Century. *Revista de Ciencia Política*, 41(1), 145–167.

⁹ Cohen, V. (2025, January 6). Colombia-Venezuela relations: Navigating two centuries of disputes. *Colombia One*.

¹⁰ Crousse, C. Arroyave Velazquez L. (2024, February 21). The challenges of Colombia's foreign policy towards Venezuela.

¹¹ Jiménez, M. C., & Pabón, F. A. D. (2019). Trumping the agenda? The continuity and discontinuity in foreign affairs between the U.S. and Colombia. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.21411.60966>

Влияние первого президентства Трампа (2017–2021 гг.)

Администрация Дональда Трампа (2017–2021) кардинально изменила динамику отношений США с Латинской Америкой, что особенно сильно отразилось на Колумбии и Венесуэле. В отношении Венесуэлы был применен жесткий санкционный режим: сначала точечные ограничения против чиновников (указ 13808 в 2017 году), затем масштабные санкции против PDVSA (2019)¹. Это привело к катастрофическим последствиям – добыча нефти упала с 2.4 млн баррелей/день до 400 тыс., гиперинфляция достигла 10 млн процентов, а уровень крайней бедности вырос до 67.7% населения. Гуманитарная катастрофа спровоцировала массовый исход – более 5.4 млн беженцев, включая 1.8 млн в Колумбию².

Дипломатическое признание США Хуана Гуаидо в 2019 году раскололо регион, но не свергло Мадуро, который укрепил власть благодаря поддержке России, Китая и Ирана. Санкции не достигли политических целей, но нанесли серьезный ущерб гражданскому населению, что было отмечено ООН и правозащитными организациями³.

В Колумбии администрация Трампа сделала ставку на усиление сотрудничества в сфере безопасности, включая возобновление спорной программы фумигации кокаиновых плантаций. Однако эти меры оказались неэффективными – площади посевов коки выросли до 245 тыс. га. Одновременно Колумбия несла основное бремя миграционного кризиса, тратя 1.4 млрд долларов ежегодно при минимальной поддержке США⁴.

Двусторонние отношения Колумбии и Венесуэлы резко ухудшились: закрытие границ, обвинения в поддержке вооруженных групп, инцидент с гуманитарной помощью в Кукуте (2019)⁵. Мадуро использовал антиамериканскую риторику для консолидации власти, а Колумбия под руководством Дуке заняла жесткую позицию, поддерживая политику Трампа⁶.

Военная напряженность достигла пика в 2019 году после попытки переворота в Венесуэле, когда Колумбию заподозрили в поддержке мятежников⁷. Венесуэла усилила военное присутствие на границе, что привело к нескольким инцидентам⁸.

Экономические санкции против Венесуэлы ударили и по Колумбии, особенно по приграничным регионам.

Торговый оборот сократился, а Колумбия стала более зависимой от помощи США⁹.

К концу срока Трампа отношения между странами достигли исторического минимума. Политика администрации Трампа привела к поляризации региона, усилению влияния России и Китая в Венесуэле, а также к долгосрочной дестабилизации ситуации. Санкции не достигли политических целей, но усугубили гуманитарный кризис, последствия которого ощущаются до сих пор¹⁰.

Текущая динамика при втором сроке Трампа (2025 год – настоящее время)

Второй президентский срок Дональда Трампа (с 2025 года) значительно усложнил и без того напряженные отношения между Колумбией и Венесуэлой, создав комплексный кризис, затрагивающий экономику, безопасность и миграционную политику региона. Центральным элементом новой политики стало ужесточение санкционного режима против Венесуэлы, наиболее ощутимым проявлением которого стал отзыв в марте 2025 года лицензии компании Chevron на нефтедобычу¹¹. Это решение привело к немедленному сокращению добычи на 250 тысяч баррелей в сутки, что не только ухудшило экономическое положение Венесуэлы, но и разрушило хрупкие договоренности по миграционному вопросу между двумя странами¹².

Для Колумбии, возглавляемой левоцентристским президентом Густаво Петро, политика Трампа создала серьезную дилемму. С одной стороны, правительство пытается сохранить конструктивный диалог с Каракасом, с другой – вынуждено учитывать требования Вашингтона. Ситуацию усугубило введение 25-процентных тарифов на колумбийский экспорт в США – мера, принятая в ответ на отказ Боготы принимать американские депортационные рейсы. Эти санкции особенно болезненно ударили по сельскохозяйственному сектору Колумбии, наглядно продемонстрировав, как меры против Мадуро негативно сказываются на экономике соседних стран¹³.

Миграционный кризис достиг беспрецедентных масштабов. Программа «Puntos Visibles», созданная для легализации 2,6 миллиона венесуэльских мигрантов, столкнулась с резким сокращением финансирования и работает лишь на 60% мощности. Ежедневно колумбийскую границу пересекают более 4 тысяч венесуэльцев, создавая огромную нагрузку на социальную инфраструктуру. Особую тревогу вызывает ситуация с детьми-мигрантами – их посещаемость школ на 40% ниже, чем у колумбийских сверстников, что создает риски формирования «потерянного поколения»¹⁴.

В сфере безопасности администрация Трампа сделала ставку на соглашение о депортации членов банды Tren de Aragua, однако эта инициатива несет серьезные риски для Колумбии. Массовое принудительное возвращение преступников может реанимировать трансграничные криминальные сети, а сотрудничество с американ-

¹ Bodemer, K. (2023). Las relaciones entre Venezuela y los EE.UU. durante el gobierno de Donald Trump. Entre el discurso radical, el pragmatismo económico y el garrote de las sanciones. *Agenda Internacional*, 30(41), 7–35.

² European Council on Foreign Relations. (2024, November 15). Beyond the Panama Canal: The impact of Trump's re-election for Latin America.

³ Klingebiel, S. Bauman, M-O & Summer, A. (2024). Trump's second term and the Global South: Prospects and perils. *Global Policy Journal*.

⁴ González Arana, R., & Galeano David, H. (2014). The Colombia – Venezuela relations: Limits, desgolfización and securitization, three variables in the binational foreign policy. *Memorias*, 24, 76–97.

⁵ International Crisis Group. (2024, October 10). The fragile but crucial relations between Venezuela and Colombia since 2019: A timeline.

⁶ Global Americans. (2024). Latin America experts react to Trump's election.

⁷ Boersner, A. (б.д.). Venezuela 2019: A Tale of Two Presidents.

⁸ Oliva Campos, C., & Prevost, G. (2019). The Trump Administration in Latin America: Continuity and Change. *International Journal of Cuban Studies*, 11(1), 13–28.

⁹ Office of the Historian. (n.d.). Venezuela – Countries. U.S. Department of State.

¹⁰ Osborn, C. (2024). Election 2024: Latin American leaders wary of Trump 2.0. *Foreign Policy*.

¹¹ Freeman, W. (2025, January 29). Strong-arming Latin America will work until it doesn't. *The Atlantic*.

¹² Prevost, G., & Campos, C. O. (2019). Trump and Venezuela. *International Journal of Cuban Studies*, 11(1), 29–46.

¹³ Shen, K., & Yang, J. (n.d.). Ripple effect: How the Venezuelan crisis is impacting Colombia's economy and foreign relations. *The Huntsman Program in International Studies and Business*.

¹⁴ Beckmann, N. A. (б.д.). Inter-American Relations in the Age of Trump: How the U.S. Is Losing Its Grip on Its Volatile "Backyard".

скими спецслужбами вызывает критику среди сторонников Петро. Параллельно развивается энергетическое сотрудничество между PDVSA и колумбийскими компаниями, но эти проекты сталкиваются с проблемами прозрачности и экологическими рисками¹.

Экономическая асимметрия между странами продолжает углубляться. Если Венесуэла все больше зависит от поддержки России и Китая, то Колумбия сохраняет тесные связи с США в сфере безопасности. Объем официальной трансграничной торговли сократился с 7,2 миллиардов долларов до 300 миллионов, что стимулировало рост нелегальных экономических практик. Особую озабоченность вызывает ситуация в Венесуэльском заливе, где возобновились споры о морских границах на фоне обнаружения новых месторождений углеводородов².

Переизбрание Николаса Мадуро в 2024 году добавило новую сложность в двусторонние отношения. Хотя Петро воздерживается от резкой критики, чтобы сохранить каналы диалога, скандалы вокруг дисквалификации оппозиционных кандидатов подрывают легитимность венесуэльского руководства. По прогнозам, в 2025 году страну могут покинуть еще 500 тысяч человек, что усилит нагрузку на соседние государства³.

Глубинные противоречия между странами остаются нерешенными. Исторические территориальные споры, разногласия по поводу присутствия повстанческих групп и принципиально разные внешнеполитические ориентации создают постоянную напряженность. Инициативы Петро по возрождению интеграционных проектов времен Великой Колумбии встречают сопротивление как в Вашингтоне, так и среди консервативных кругов Венесуэлы⁴.

Кризис в Венесуэле приобрел системный характер: система здравоохранения испытывает дефицит 85% лекарств, сельское хозяйство страдает от засух, вызванных изменением климата. Региональные механизмы координации, такие как «Процесс Кито», фактически заблокированы из-за отсутствия поддержки США. Все это свидетельствует о необходимости принципиально нового подхода, который бы сочетал гуманитарную помощь, экономическое сотрудничество и совместные меры безопасности⁵.

Перспективы отношений остаются неопределенными. Односторонние меры администрации Трампа, ориентированные на краткосрочные результаты, не учитывают глубинных причин кризиса. Без пересмотра многосторонних подходов к решению проблем миграции, энергетики и безопасности, колумбийско-венесуэльские отношения рискуют надолго остаться в состоянии перманентного кризиса с непредсказуемыми последствиями для всего региона⁶.

Прогнозы на будущее

Колумбийско-венесуэльские отношения во время второго срока Трампа будут определяться парадоксальной взаимозависимостью, колеблющейся между прагматичным сотрудничеством и геополитическими трениями. Санкции США в рамках политики «максимального давления 2.0» Трампа покалечат официальную экономику Венесуэлы, вынуждая Каракас все больше полагаться на нелегальные трансграничные сети. По прогнозам, в колумбийском департаменте Норте-де-Сантандер 40–50% местной экономической активности будет зависеть от несанкционированной торговли, включая контрабанду топлива через контролируемые партизанами коридоры и бартерные системы обмена побочных продуктов венесуэльской нефти на колумбийские сельскохозяйственные товары. Эта теневая экономика будет создавать локальную стабильность в приграничных зонах, одновременно подрывая авторитет государства, что позволит транснациональным преступным группировкам, таким как Tren de Aragua, консолидировать контроль над 60–70% контрабандных маршрутов. Администрация президента Колумбии Густаво Петро будет молчаливо терпеть эти неформальные обмены, чтобы смягчить нехватку энергии внутри страны, несмотря на угрозы США ввести дополнительные санкции против колумбийских экспортеров.

Миграционная динамика вступит в дестабилизирующую фазу, когда политика депортации Трампа столкнется с разрушающимися программами регуляризации. Ожидаемое возвращение 150 000–200 000 венесуэльцев из третьих стран в 2025–2026 годах перегрузит приграничные города, такие как Кукута, где социальные службы уже работают на 40% ниже спроса. Этот приток рискует вызвать ксенофобскую реакцию в колумбийских общинах, страдающих от 18–22% безработицы, что может сорвать прогрессивную миграционную программу Петро. Одновременно развалившаяся система здравоохранения Венесуэлы, функционирующая на 20% мощности, будет стимулировать специализированную медицинскую миграцию, переполняя приграничные колумбийские больницы пациентами с раком и диализом. Возникающий эффект «вращающейся двери» – депортированные сразу же вновь пытаются мигрировать на север – затянет обе страны в круговорот расходов на охрану границ, превышающих 300 миллионов долларов в год.

Энергетический прагматизм будет стимулировать тайное сотрудничество, несмотря на идеологические противоречия. 15-процентный дефицит энергоресурсов в Колумбии может вынудить Escompetrol создать подставные компании в Панаме или на Арубе, способствующие тайному импорту природного газа из венесуэльской PDVSA через механизмы трехсторонней торговли. Такие договоренности стали бы проверкой возможностей США по обеспечению соблюдения санкций, позволяя при этом правительствам обеих стран правдоподобно отрицать свою вину⁷. Однако эти усилия сопряжены с риском саботажа: Колумбийские оппозиционные партии могут заявить о «энергетическом умиротворении» Мадуро, а венесуэльские военные элиты могут заблокировать сделки, угрожающие их контролю над инфраструктурой PDVSA. Параллельные бартерные системы, возрождающие торговые схемы, существовавшие до 2019 года, – колумбийская говядина в обмен на венесуэльское топливо – могут стабилизировать приграничную экономику, но одновременно расширить возможности партизан АНО, контролирующих ключевые коридоры обмена.

⁷ WOLA. (2025). What Trump's second term might mean for Latin America. Washington Office on Latin America.

¹ Gericke, A. (2016). The Colombia-Venezuela border. In *Ungoverned Territories: Understanding and Reducing Terrorism Risks* (pp. 197–217). RAND Corporation. <https://doi.org/10.7249/mg561af.20>

² Parthenay, K. (2020). Trump's US Foreign Policy and Latin American Multilateralism: An Assessment of Words and Deeds. In G. Prevost & C. Oliva Campos (Eds.), *US National Security Concerns in Latin America and the Caribbean: The Concept of Ungoverned Spaces and Failed States* (pp. 17–34). Palgrave Macmillan.

³ Pascual Marquina, C. (2025, February 14). What the new Trump era means for Venezuela and Latin America: A conversation with Breno Altman. *Venezuelanalysis*.

⁴ Puerta Riera, M. (2022, October 7). The Colombia and Venezuela reset. *Australian Institute of International Affairs*.

⁵ Magda, J. J., & Diaz Pabón, F. A. (2019). Trumping the agenda? The continuity and discontinuity in foreign affairs between the U.S. and Colombia. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.21411.60966>

⁶ Padilla, G. O. (2018). *Trump's first anniversary: A bewildered Latin America*. University of Navarra.

Несмотря на общие угрозы, координация действий в сфере безопасности будет оставаться раздробленной. Укрывательство Венесуэлой лагерей АНО в штате Зулия приведет к эскалации трансграничных вторжений в колумбийский регион Кататумбо, что подорвет мирные переговоры Петро. Давление США, требующее обмена разведанными по Tren de Aragua, может спровоцировать венесуэльские кибератаки на колумбийскую инфраструктуру, зеркально отражающие диверсию на сетях Ла-Гуахиры в 2023 году. Хотя Куба или Ватикан могут выступить посредниками в ограниченных диалогах по вопросам безопасности, взаимное недоверие между Боготой и Каракасом не позволит достичь устойчивых соглашений. Разрешение Трампа на проведение тайных операций против венесуэльских чиновников чревато побочным ущербом на колумбийской земле, что может вовлечь Боготу в действия, противоречащие ее заявлениям о нейтралитете.

Внешние игроки будут усиливать двустороннюю напряженность. Российские инвестиции в размере 4 миллиардов долларов в венесуэльскую горнодобывающую промышленность и китайские инфраструктурные проекты «Пояс и путь» вступят в противоречие с американскими стратегиями сдерживания, косвенно вынуждая Колумбию укреплять позиции безопасности, связанные с НАТО. Между тем, территориальные споры Венесуэлы с Гайаной могут привести к милитаризации общих пограничных зон, что вынудит Колумбию укрепить свой восточный фланг. Растущее влияние БРИКС, в который стремятся войти Венесуэла, Боливия и Никарагуа, может побудить Колумбию к поиску альтернативных альянсов, хотя ее зависимость от американского финансирования борьбы с наркотиками (800 миллионов долларов в год) ограничивает возможности перестройки¹.

Культурные и демографические сдвиги приведут к появлению противодействующих сил. К 2026 году венесуэльцы будут составлять 10% населения Колумбии, а мигранты второго поколения в Боготе и Медельине изменят политический дискурс через культурное производство и избирательные блоки. Такие инициативы, как трансграничные фестивали валленато, собирающие более 500 000 участников, могут способствовать примирению, однако дезинформационные кампании, приписывающие мигрантам 62% колумбийской преступности, рискуют спровоцировать погромы в таких городах, как Барранкилья. Это двойное давление будет проверять способность Петро балансировать между гуманитарными обязательствами и популистскими требованиями милитаризации границ².

В конечном итоге отношения стабилизируются в хрупком равновесии, формируемом внешним принуждением и внутренней необходимостью. Транзакционный подход Трампа, отдающего приоритет искоренению коки в Колумбии, а не демократической последовательности, может предоставить Боготе ограниченные рычаги для поддержания контактов с Каракасом через задние каналы. Однако любые санкции США, направленные против колумбийско-венесуэльских энергетических сделок, могут разрушить хрупкий баланс, спровоцировав пограничные кризисы в течение 72 часов после изменения политики³. Обе страны будут отдавать предпочтение краткосрочному смягчению кризиса – регулирова-

нию миграционных потоков, сдерживанию криминала и обеспечению доступа к энергоресурсам – перед структурным примирением, увековечивающим циклическую нестабильность, которая выгодна внешним державам и подрывает местный суверенитет. Будущее Андского региона будет зависеть от того, сможет ли низовой экономический симбиоз опередить геополитическую фрагментацию, и эта перспектива осложняется обострением соперничества великих держав в Латинской Америке.

Заключение

Отношения между Колумбией и Венесуэлой переживают один из самых сложных периодов за последние годы, оказавшись под перекрестным воздействием внутренних кризисов и внешнего давления. Второй президентский срок Дональда Трампа внес существенные коррективы в региональную динамику, сочетая жесткие санкционные меры против Венесуэлы с избирательным сотрудничеством по конкретным вопросам. Отзыв лицензии Chevron на нефтедобычу и введение повышенных тарифов на колумбийский экспорт в США наглядно показали, как политика Вашингтона одновременно затрагивает обе соседние страны, усугубляя их экономические трудности.

Миграционный кризис стал лакмусовой бумагой для двусторонних отношений – более 3 миллионов венесуэльских беженцев в Колумбии создают беспрецедентную нагрузку на социальную инфраструктуру, особенно в приграничных районах. Программа «Puntos Visibles», призванная легализовать мигрантов, сталкивается с хроническим недофинансированием, работая лишь на 60% своей мощности. Ежедневный приток около 4 тысяч человек продолжает обострять социальную напряженность, при этом возможности Венесуэлы принимать возвращающихся граждан практически исчерпаны из-за продолжающегося экономического коллапса.

Венесуэльское правительство Николаса Мадуро, несмотря на переизбрание в 2024 году, демонстрирует противоречивую политику. Формально декларируя готовность к диалогу и даже идя на отдельные уступки (как освобождение американских заключенных), оно продолжает авторитарные практики – от дисквалификации оппозиционных кандидатов до жесткого контроля над государственными институтами. Социальные программы вроде продовольственных субсидий CLAP и борьба с преступными группировками носят скорее демонстративный характер, не решая системных проблем коррупции и экономического упадка.

Колумбия под руководством Густаво Петро оказалась в сложной позиции, вынужденной лавировать между обязательствами перед США, гуманитарными требованиями миграционного кризиса и попытками сохранить рабочие отношения с Каракасом. Соглашения о депортации членов преступных группировок, хотя и важны для безопасности, создают дополнительные риски, потенциально усиливая криминальное влияние в приграничье. Возобновление энергетического сотрудничества с Венесуэлой, несмотря на очевидные экономические выгоды, сталкивается с критикой из-за проблем прозрачности и экологических рисков.

Глубинные противоречия между странами – от нерешенных территориальных споров до принципиально разных внешнеполитических ориентаций – продолжают определять негативную динамику отношений. Венесуэльская зависимость от поддержки России и Китая контрастирует с традиционной проамериканской ориентацией Колумбии, создавая дополнительное напряжение. В этих условиях перспективы нормализации выглядят туманными, хотя очевидно, что только комплексный под-

¹ Izquierdo, L. P. (б.д.). Venezuela ante la segunda era Trump: ¿una nueva hoja de ruta?

² WOLA. (n.d.). Trump's executive orders and Latin America: Key things to know. Washington Office on Latin America.

³ Campos, C. O., & Prevost, G. (2019). The Trump Administration in Latin America: Continuity and Change. *International Journal of Cuban Studies*, 11(1).

ход, сочетающий гуманитарную помощь, экономическое сотрудничество и политический диалог, может предложить путь к стабилизации. Однако сохраняющееся геополитическое противостояние и внутренние проблемы обеих стран оставляют мало пространства для конструктивных решений.

Литература

1. Acosta, L. J. (2021). Venezuela's Maduro is the biggest obstacle to implementing Colombia peace deal: Official. Reuters. Retrieved from <https://www.reuters.com/article/us-colombia-peace-idUSKBN2BF2XK2>
2. Altman, B. (2025). What the new Trump era means for Venezuela and Latin America: A conversation with Breno Altman. *Venezuelanalysis*. Retrieved from <https://venezuelanalysis.com/interviews/what-the-new-trump-era-means-for-venezuela-and-latin-america-a-conversation-with-breno-altman/>
3. Beckmann, N. A. (б.д.). Inter-American Relations in the Age of Trump: How the U.S. Is Losing Its Grip on Its Volatile "Backyard". https://www.researchgate.net/publication/354537661_Inter-American_Relations_in_the_Age_of_Trump_How_the_US_Is_Losing_Its_Grip_on_Its_Volatile_Backyard
4. Bodemer, K. (2023). Las relaciones entre Venezuela y los EE.UU. durante el gobierno de Donald Trump. Entre el discurso radical, el pragmatismo económico y el garrote de las sanciones. *Agenda Internacional*, 30(41), 7–35. <https://doi.org/10.18800/agenda.202301.001>
5. Boersner, A. (2021). Political and Social Problems in Venezuela in the Second Decade of the 21st Century. *Revista de Ciencia Política*, 41(1), 145–167. https://www.academia.edu/49035476/Political_and_social_problems_in_Venezuela_in_the_second_decade_of_the_21st_century
6. Boersner, A. (б.д.). Venezuela 2019: A Tale of Two Presidents.
7. Boersner, A., & Haluani, J. (2020). Venezuela 2019: A Tale of Two Presidents. *Revista de Ciencia Política*, 40(2), 169–189. https://www.researchgate.net/publication/344144442_Venezuela_2019_A_Tale_of_Two_Presidents
8. Bravo, S. (2021). Freddy Bernal: Colombia y Venezuela deben volver a ser países hermanos. *Últimas Noticias*. Retrieved from <https://ultimasnoticias.com.ve/noticias/politica/freddy-bernal-colombia-y-venezuela-deben-volver-a-ser-paises-hermanos/>
9. Campos, C. O., & Prevost, G. (2019). The Trump Administration in Latin America: Continuity and Change. *International Journal of Cuban Studies*, 11(1). <https://doi.org/10.13169/intejcubastud.11.1.0013>
10. Cohen, V. (2025, January 6). Colombia-Venezuela relations: Navigating two centuries of disputes. *Colombia One*. <https://colombiaone.com/2025/01/06/colombia-venezuela-relations/>
11. Crousse, C. Arroyave Velazquez L. (2024, February 21). The challenges of Colombia's foreign policy towards Venezuela. *Dejusticia*. Retrieved from <https://www.dejusticia.org/en/the-challenges-of-colombias-foreign-policy-towards-venezuela/>
12. Dammert, L. (2025). Ten keys to understand Trump 2.0 and Latin America. *Americas Quarterly*. Retrieved from <https://www.americasquarterly.org/article/ten-keys-to-understand-trump-2-0-and-latin-america/>
13. Decisión 001 – Primer Protocolo adicional de la Comisión Administradora del Acuerdo de alcance parcial de naturaleza comercial No. 28, Col.-Ven., 16 de febrero de 2023.
14. European Council on Foreign Relations. (2024, November 15). Beyond the Panama Canal: The impact of Trump's re-election for Latin America. Retrieved from <https://ecfr.eu/article/beyond-the-panama-canal-the-impact-of-trumps-re-election-for-latin-america/>
15. Freeman, W. (2025, January 29). Strong-arming Latin America will work until it doesn't. *The Atlantic*. <https://www.theatlantic.com/international/archive/2025/01/trump-colombia-latin-america/681493/>
16. Gericke, A. (2016). The Colombia-Venezuela border. In *Ungoverned Territories: Understanding and Reducing Terrorism Risks* (pp. 197–217). RAND Corporation. <https://doi.org/10.7249/mg561af.20>
17. Gericke, A. (2023). Difficult but Necessary: Venezuela-Colombia Relations Throughout Time—A Historical Depiction of Two Specially Connected Neighbors. In: Latouche, M.A., Munro, W., Gericke, A. (eds) *Venezuela – Dimensions of the Crisis*. Contributions to Political Science. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-21889-7_11
18. Global Americans. (2024). Latin America experts react to Trump's election. Retrieved from <https://globalamericans.org/latin-america-experts-react-to-trumps-election/>
19. González Arana, R., & Galeano David, H. (2014). The Colombia – Venezuela relations: Limits, desgolfización and securitization, three variables in the binational foreign policy. *Memorias*, 24, 76–97. <https://doi.org/10.14482/memor.24.6655>
20. Haman, M., & Školník, M. (2021). Trump and the Image of the United States in Latin America. *Central European Journal of International and Security Studies*, 15(1), 58–85. <https://doi.org/10.51870/CEJISS.A150103> https://www.researchgate.net/publication/350528150_Trump_and_the_Image_of_the_United_States_in_Latin_America
21. International Crisis Group. (2024, October 10). The fragile but crucial relations between Venezuela and Colombia since 2019: A timeline. Retrieved from <https://www.crisisgroup.org/latin-america-caribbean/andes/colombia/fragile-crucial-relations-between-venezuela-and-colombia>
22. Izquierdo, L. P. (б.д.). Venezuela ante la segunda era Trump: ¿una nueva hoja de ruta?
23. Jiménez, M. C., & Pabón, F. A. D. (2019). Trumping the agenda? The continuity and discontinuity in foreign affairs between the U.S. and Colombia. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.21411.60966> https://www.researchgate.net/publication/334784433_Trumping_the_agenda_The_continuity_and_discontinuity_in_foreign_affairs_between_the_US_and_Colombia
24. Klingebiel, S. Bauman, M-O & Summer, A. (2024). Trump's second term and the Global South: Prospects and perils. *Global Policy Journal*. Retrieved from <https://www.globalpolicyjournal.com/blog/11/11/2024/trumps-second-term-and-global-south-prospects-and-perils>
25. Long, T. (2020). From Trump to Biden in Latin America. *Journal of Democracy*, 31(2), 151–165. https://www.academia.edu/94782533/From_Trump_to_Biden_in_Latin_America
26. Magda, J. J., & Diaz Pabón, F. A. (2019). Trumping the agenda? The continuity and discontinuity in foreign affairs between the U.S. and Colombia. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.21411.60966> URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3429529
27. Office of the Historian. (n.d.). Venezuela – Countries. U.S. Department of State. Retrieved from <https://history.state.gov/countries/venezuela>
28. Office of the Historian. (n.d.). Venezuela – Countries. U.S. Department of State. Retrieved from

<https://history.state.gov/countries/venezuela>
URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-21889-7_11

29. Oliva Campos, C., & Prevost, G. (2019). The Trump Administration in Latin America: Continuity and Change. *International Journal of Cuban Studies*, 11(1), 13–28. https://www.researchgate.net/publication/334411661_The_Trump_Administration_in_Latin_America_Continuity_and_Change
30. Osborn, C. (2024). Election 2024: Latin American leaders wary of Trump 2.0. *Foreign Policy*. Retrieved from <https://foreignpolicy.com/2024/11/01/us-election-trump-latin-america-mexico-brazil-bolsonaro-milei/>
31. Padilla, G. O. (2018, January 20). Trump's first anniversary: A bewildered Latin America. University of Navarra. Retrieved from <https://www.unav.edu/web/global-affairs/detalle/-/blogs/trump-s-anniversary-bewildered-latin-america>
32. Parthenay, K. (2020). Trump's US Foreign Policy and Latin American Multilateralism: An Assessment of Words and Deeds. In G. Prevost & C. Oliva Campos (Eds.), *US National Security Concerns in Latin America and the Caribbean: The Concept of Ungoverned Spaces and Failed States* (pp. 17–34). Palgrave Macmillan. https://www.researchgate.net/publication/339621520_Trump's_US_Foreign_Policy_and_Latin_American_Multilateralism_An_Assessment_of_Words_and_Deeds
33. Pascual Marquina, C. (2025, February 14). What the new Trump era means for Venezuela and Latin America: A conversation with Breno Altman. *Venezuelanalysis*. <https://venezuelanalysis.com/interviews/what-the-new-trump-era-means-for-venezuela-and-latin-america-a-conversation-with-breno-altman/>
34. Prevost, G., & Campos, C. O. (2019). Trump and Venezuela. *International Journal of Cuban Studies*, 11(1), 29–46. https://www.academia.edu/95192734/Trump_and_Venezuela
35. Puerta Riera, M. (2022, October 7). The Colombia and Venezuela reset. Australian Institute of International Affairs. Retrieved from <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/colombia-venezuela-reset/>
36. Shen, K., & Yang, J. (n.d.). Ripple effect: How the Venezuelan crisis is impacting Colombia's economy and foreign relations. *The Huntsman Program in International Studies and Business*. <https://huntsman.upenn.edu/news/ripple-effect-how-the-venezuelan-crisis-is-impacting-colombias-economy-and-foreign-relations/>
37. WOLA. (2025). What Trump's second term might mean for Latin America. Washington Office on Latin America. URL: <https://www.wola.org/analysis/what-trumps-second-term-might-mean-for-latin-america/>
38. WOLA. (n.d.). Trump's executive orders and Latin America: Key things to know. Washington Office on Latin America. Retrieved from <https://www.wola.org/analysis/trumps-executive-orders-and-latin-america-key-things-to-know/>
39. Youvan, D. C. (2024). Trump's Secretary of State Marco Rubio—A Neocon War Hawk. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.18504.74241>

POLITICAL PROSPECTS BETWEEN COLOMBIA AND VENEZUELA IN LIGHT OF DONALD TRUMP'S SECOND PRESIDENTIAL TERM

Flores Aguirre Juan Felipe, Toro Nesterenko Yaroslav Sebastian
St. Petersburg State University, Peoples' Friendship University of Russia

This study examines the dynamics of political relations between Colombia and Venezuela in response to Donald Trump's second

presidential term in the United States. Historically, Colombian-Venezuelan relations have been characterized by shared history, ideological differences, and economic interdependence. During Trump's first term (2016–2020), U.S. policies, including economic sanctions against Venezuela and migration regulations, significantly impacted regional dynamics.

During Trump's second term (from 2025 to the present), both countries have adopted pragmatic approaches toward the United States: Colombia, under President Gustavo Petro, navigates complex diplomatic challenges, while Venezuela, led by President Nicolás Maduro, engages directly with the Trump administration. This study analyzes these developments, assesses their impact on regional stability, and explores future trajectories, considering the role of external actors and potential shifts in geopolitical alliances.

Keywords: Colombia, Venezuela, United States, relations, politics, changes, expectations, history, presidents, crisis.

References

1. Acosta, L. J. (2021). Venezuela's Maduro is the biggest obstacle to implementing Colombia peace deal: Official. Reuters. Retrieved from <https://www.reuters.com/article/us-colombia-peace-idUSKBN2BF2XK2>
2. Altman, B. (2025). What the new Trump era means for Venezuela and Latin America: A conversation with Breno Altman. *Venezuelanalysis*. Retrieved from <https://venezuelanalysis.com/interviews/what-the-new-trump-era-means-for-venezuela-and-latin-america-a-conversation-with-breno-altman/>
3. Beckmann, N. A. (6.d.). Inter-American Relations in the Age of Trump: How the U.S. Is Losing Its Grip on Its Volatile "Backyard". https://www.researchgate.net/publication/354537661_Inter-American_Relations_in_the_Age_of_Trump_How_the_US_Is_Losing_Its_Grip_on_Its_Volatile_Backyard
4. Bodemer, K. (2023). Las relaciones entre Venezuela y los EE.UU. durante el gobierno de Donald Trump. Entre el discurso radical, el pragmatismo económico y el garrote de las sanciones. *Agenda Internacional*, 30(41), 7–35. <https://doi.org/10.18800/agenda.202301.001>
5. Boersner, A. (2021). Political and Social Problems in Venezuela in the Second Decade of the 21st Century. *Revista de Ciencia Política*, 41(1), 145–167. https://www.academia.edu/49035476/Political_and_social_problems_in_Venezuela_in_the_second_decade_of_the_21st_century
6. Boersner, A. (6.d.). Venezuela 2019: A Tale of Two Presidents.
7. Boersner, A., & Haluani, J. (2020). Venezuela 2019: A Tale of Two Presidents. *Revista de Ciencia Política*, 40(2), 169–189. https://www.researchgate.net/publication/344144442_Venezuela_2019_A_Tale_of_Two_Presidents
8. Bravo, S. (2021). Freddy Bernal: Colombia y Venezuela deben volver a ser países hermanos. *Últimas Noticias*. Retrieved from <https://ultimasnoticias.com.ve/noticias/politica/freddy-bernal-colombia-y-venezuela-deben-volver-a-ser-paises-hermanos/>
9. Campos, C. O., & Prevost, G. (2019). The Trump Administration in Latin America: Continuity and Change. *International Journal of Cuban Studies*, 11(1). <https://doi.org/10.13169/intejcubastud.11.1.0013>
10. Cohen, V. (2025, January 6). Colombia-Venezuela relations: Navigating two centuries of disputes. *Colombia One*. <https://colombiaone.com/2025/01/06/colombia-venezuela-relations/>
11. Crousse, C. Arroyave Velazquez L. (2024, February 21). The challenges of Colombia's foreign policy towards Venezuela. *Dejusticia*. Retrieved from <https://www.dejusticia.org/en/the-challenges-of-colombias-foreign-policy-towards-venezuela/>
12. Dammert, L. (2025). Ten keys to understand Trump 2.0 and Latin America. *Americas Quarterly*. Retrieved from <https://www.americasquarterly.org/article/ten-keys-to-understand-trump-2-0-and-latin-america/>
13. Decisión 001 – Primer Protocolo adicional de la Comisión Administradora del Acuerdo de alcance parcial de naturaleza comercial No. 28, Col.-Ven., 16 de febrero de 2023.
14. European Council on Foreign Relations. (2024, November 15). Beyond the Panama Canal: The impact of Trump's re-election for Latin America. Retrieved from <https://ecfr.eu/article/beyond-the-panama-canal-the-impact-of-trumps-re-election-for-latin-america/>
15. Freeman, W. (2025, January 29). Strong-arming Latin America will work until it doesn't. *The Atlantic*. <https://www.theatlantic.com>

- tic.com/international/archive/2025/01/trump-colombia-latin-america/681493/
16. Gericke, A. (2016). The Colombia-Venezuela border. In *Ungoverned Territories: Understanding and Reducing Terrorism Risks* (pp. 197–217). RAND Corporation. <https://doi.org/10.7249/mg561af.20>
 17. Gericke, A. (2023). Difficult but Necessary: Venezuela-Colombia Relations Throughout Time—A Historical Depiction of Two Specially Connected Neighbors. In: Latouche, M.A., Munoz, W., Gericke, A. (eds) *Venezuela – Dimensions of the Crisis. Contributions to Political Science*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-21889-7_11
 18. Global Americans. (2024). Latin America experts react to Trump's election. Retrieved from <https://globalamericans.org/latin-america-experts-react-to-trumps-election/>
 19. González Arana, R., & Galeano David, H. (2014). The Colombia – Venezuela relations: Limits, desgolfización and securitization, three variables in the binational foreign policy. *Memorias*, 24, 76–97. <https://doi.org/10.14482/memor.24.6655>
 20. Haman, M., & Školník, M. (2021). Trump and the Image of the United States in Latin America. *Central European Journal of International and Security Studies*, 15(1), 58–85. <https://doi.org/10.51870/CEJISS.A150103> https://www.researchgate.net/publication/350528150_Trump_and_the_Image_of_the_United_States_in_Latin_America
 21. International Crisis Group. (2024, October 10). The fragile but crucial relations between Venezuela and Colombia since 2019: A timeline. Retrieved from <https://www.crisisgroup.org/latin-america-caribbean/andes/colombia/fragile-crucial-relations-between-venezuela-and-colombia>
 22. Izquierdo, L. P. (б.д.). Venezuela ante la segunda era Trump: ¿una nueva hoja de ruta?
 23. Jiménez, M. C., & Pabón, F. A. D. (2019). Trumping the agenda? The continuity and discontinuity in foreign affairs between the U.S. and Colombia. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.21411.60966> https://www.researchgate.net/publication/334784433_Trumping_the_agenda_The_continuity_and_discontinuity_in_foreign_affairs_between_the_US_and_Colombia
 24. Klingebiel, S. Bauman, M-O & Summer, A. (2024). Trump's second term and the Global South: Prospects and perils. *Global Policy Journal*. Retrieved from <https://www.globalpolicyjournal.com/blog/11/11/2024/trumps-second-term-and-global-south-prospects-and-perils>
 25. Long, T. (2020). From Trump to Biden in Latin America. *Journal of Democracy*, 31(2), 151–165. https://www.academia.edu/94782533/From_Trump_to_Biden_in_Latin_America
 26. Magda, J. J., & Diaz Pabón, F. A. (2019). Trumping the agenda? The continuity and discontinuity in foreign affairs between the U.S. and Colombia. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.21411.60966> URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3429529
 27. Office of the Historian. (n.d.). Venezuela – Countries. U.S. Department of State. Retrieved from <https://history.state.gov/countries/venezuela>
 28. Office of the Historian. (n.d.). Venezuela – Countries. U.S. Department of State. Retrieved from <https://history.state.gov/countries/venezuela> URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-21889-7_11
 29. Oliva Campos, C., & Prevost, G. (2019). The Trump Administration in Latin America: Continuity and Change. *International Journal of Cuban Studies*, 11(1), 13–28. https://www.researchgate.net/publication/334411661_The_Trump_Administration_in_Latin_America_Continuity_and_Change
 30. Osborn, C. (2024). Election 2024: Latin American leaders wary of Trump 2.0. *Foreign Policy*. Retrieved from <https://foreignpolicy.com/2024/11/01/us-election-trump-latin-america-mexico-brazil-bolsonaro-milei/>
 31. Padilla, G. O. (2018, January 20). Trump's first anniversary: A bewildered Latin America. University of Navarra. Retrieved from <https://www.unav.edu/web/global-affairs/detalle/-/blogs/trump-s-anniversary-bewildered-latin-america>
 32. Parthenay, K. (2020). Trump's US Foreign Policy and Latin American Multilateralism: An Assessment of Words and Deeds. In G. Prevost & C. Oliva Campos (Eds.), *US National Security Concerns in Latin America and the Caribbean: The Concept of Ungoverned Spaces and Failed States* (pp. 17–34). Palgrave Macmillan. https://www.researchgate.net/publication/339621520_Trump's_US_Foreign_Policy_and_Latin_American_Multilateralism_An_Assessment_of_Words_and_Deeds
 33. Pascual Marquina, C. (2025, February 14). What the new Trump era means for Venezuela and Latin America: A conversation with Breno Altman. *Venezuelanalysis*. <https://venezuelanalysis.com/interviews/what-the-new-trump-era-means-for-venezuela-and-latin-america-a-conversation-with-breno-altman/>
 34. Prevost, G., & Campos, C. O. (2019). Trump and Venezuela. *International Journal of Cuban Studies*, 11(1), 29–46. https://www.academia.edu/95192734/Trump_and_Venezuela
 35. Puerta Riera, M. (2022, October 7). The Colombia and Venezuela reset. Australian Institute of International Affairs. Retrieved from <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/colombia-venezuela-reset/>
 36. Shen, K., & Yang, J. (n.d.). Ripple effect: How the Venezuelan crisis is impacting Colombia's economy and foreign relations. *The Huntsman Program in International Studies and Business*. <https://huntsman.upenn.edu/news/ripple-effect-how-the-venezuelan-crisis-is-impacting-colombias-economy-and-foreign-relations/>
 37. WOLA. (2025). What Trump's second term might mean for Latin America. Washington Office on Latin America. URL: <https://www.wola.org/analysis/what-trumps-second-term-might-mean-for-latin-america/>
 38. WOLA. (n.d.). Trump's executive orders and Latin America: Key things to know. Washington Office on Latin America. Retrieved from <https://www.wola.org/analysis/trumps-executive-orders-and-latin-america-key-things-to-know/>
 39. Youvan, D. C. (2024). Trump's Secretary of State Marco Rubio—A Neocon War Hawk. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.18504.74241>

Формирование стратегии Чан Кайши на сближение с СССР против японской агрессии (1931–1937)

Ху Вэньсюй,

аспирант Института Китая и современной Азии РАН
E-mail: 1085430069@QQ.com

До начала китайско-японской войны Чан Кайши считал своими главными врагами Японию и Советский Союз. Статья посвящена изучению причин, по которым китайское национальное правительство под руководством Чан Кайши изменило свою внешнюю политику «с обороны против Советского Союза» на «союз с Советским государством» до и после начала китайско-японской войны. Советская сторона также стремилась облегчить отношения с Чан Кайши и склонить КМТ к созданию единого национального фронта против Японии вместе с КПК. Однако и Чан Кайши, и Советский Союз избегали прямого конфликта с Японией и больше боялись войны на два фронта. Это был один из основных базовых конфликтов между Китаем и Советским Союзом. Однако вторжение в 1931 г. в Китай японского агрессора и усиление японской угрозы для России вызвали крупные изменения в международных отношениях на Дальнем Востоке. Констатируем параллельно развивавшееся улучшение китайско-советских отношений. Китай и Советский Союз создали кратковременный военизированный союз сотрудничества перед лицом общего врага – Японии. Это оказало глубокое влияние на формирование китайско-советских и, более того, китайско-российских отношений. Отметим, что проблемы в сфере дипломатии часто являются весьма деликатными и открытыми для критики, и стороны могут по-разному высказываться по одному и тому же вопросу. Всестороннее изучение исторических источников, характеризующих развитие китайско-советских отношений, поможет лучше прояснить глубинные предпосылки процесса принятия решений и воспроизвести многогранную и сложную природу истории.

Ключевые слова: Китайско-советские отношения, китайско-японская война, Чан Кайши, внешняя политика.

В научных исследованиях, посвященных дипломатической стратегии Чан Кайши в отношении Советского Союза до начала китайско-японской войны, есть свои подробные описания и точки зрения, все они поучительны и информативны [11, С. 63–79; 12, С. 4–19]. Результаты исторических исследований охватывают целый ряд отдельных исторических событий, включают разработку исторических фактов и в значительной степени носят справочный характер. Однако, остается еще много исследовательского пространства, вопросов, которые необходимо изучить, и мнений, которые необходимо прояснить, а также два очевидных недостатка: во-первых, не хватает целостного исследования внешней политики китайского правительства в отношении Советского Союза в начале китайско-японской войны, которая в целом все еще находится на стадии фрагментации; во-вторых, не хватает изучения внешней политики Китая относительно СССР в общей международной ситуации, что препятствует выявлению позитивной стороны деятельности правительства Китайской Республики в отношении СССР под руководством Чан Кайши. В связи с этим в данной статье мы намерены рассмотреть эволюцию внешнеполитического курса Чан Кайши в отношении СССР как основную линию, и влияние этой эволюции на китайско-советские отношения. Ставится задача заново, с учетом обновленной источниковой базы проанализировать все тонкости, достоинства и недостатки внешнеполитического курса Чан Кайши в отношении СССР. Что касается информации, то в статье особое внимание уделено перекрестному подтверждению данных китайских и российских архивов.

Возобновление дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом после инцидента 18 сентября 1931 г.

После инцидента 18 сентября 1931 г. Япония оккупировала три северо-восточные провинции Китая. В то время как Чан Кайши придерживался политики «пресечения внешней агрессии перед внутренней безопасностью» и стремился к международному дипломатическому решению проблемы северо-востока, Соединенные Штаты, Великобритания и Лига Наций проводили политику умиротворения по отношению к японской агрессии [13, С. 519].

Западные державы считали, что главной целью японской агрессии на Дальнем Востоке был Советский Союз и что оккупация Японией северо-восточного Китая должна была использоваться в качестве плацдарма для вторжения в Советский Союз [4, С. 750]. Китайское правительство активно добивалось «международных санкций против Японии» от Великобритании, США и Франции, но получило отказ. В результате Чан Кайши решил возложить последнюю надежду на Советский Союз. 6 июня 1932 г. Китайское правительство решило немедленно провести переговоры с Советским Союзом о восстановлении дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом и заключении пакта о ненападении [14]. Однако в это время Национальное правительство под руководством Чан Кайши находилось в противоречивой ситуации с точки зрения внутренних дел и дипломатии.

Чан Кайши хотел использовать договор для сдерживания японской агрессии, но также хотел использовать договор для того, чтобы помешать Советскому Союзу и Коминтерну поддержать Коммунистическую партию Китая (КПК). Поэтому китайская сторона выдвинула два принципа возобновления дипломатических отношений: во-первых, советская сторона должна прекратить свою помощь КПК; во-вторых, перед возобновлением дипломатических отношений Китай и Советский Союз должны сначала подписать договор о ненападении [15, С. 424]. Со своей стороны Советский Союз заявил, что «как только дипломатические отношения между Китайской Республикой и Советским Союзом будут восстановлены, Советское правительство будет готово начать обсуждение вопроса о заключении пакта о ненападении с Китайской Республикой и что во имя общего дела мира оно готово восстановить такие отношения без всяких условий» [4, С. 99]. Это говорит о том, что позиция Советского Союза совершенно ясна: дипломатические отношения приветствуются, но никакие условия не могут быть к ним приложены.

Окупирав северо-восточные районы Китая, Япония вытеснила все политические и экономические силы Советского Союза на северо-востоке, одновременно проникла в район Внешней Монголии, что напрямую угрожало безопасности Дальнего Востока и Сибири СССР. При этом Советский Союз проводил политику терпимости по отношению к Японии. Причин было три: во-первых, СССР хотел завершить многостороннюю дипломатию и укрепить отношения с соседями; до и после 1933 г. СССР подписал пакты о ненападении с Францией, Италией, Польшей и своими соседями в Восточной Европе, на Ближнем и Среднем Востоке; участвовал во Всемирных экономических конференциях и конференциях по разоружению; вступил в Лигу Наций; Вторая причина – осуществление завершения второй пятилетки, третья – завершение военных приготовлений на Дальнем Востоке [6, С. 256–267]. Это означало, что Советский Союз заменил так называемую политику «мировой революции» на политику обеспечения собственной безопасности. Таким образом, советская дипломатия сосредоточилась на двух основных моментах: во-первых, на развитии отношений с капиталистическими странами и недопущении их присоединения к фашистским странам для выступления против СССР; во-вторых, на объединении с коммунистическими партиями других стран и всеми силами, которые можно было мобилизовать для организации единого антифашистского международного фронта с целью предотвращения фашистской агрессии и формирования дружественного СССР международного общественного мнения [6, С. 256–267]. Япония и фашистская Германия усилили сговор и сколотили антикоммунистический и антисоветский альянс, постепенно формируя два основных фронта войны, чтобы зажать Советский Союз с Востока и Запада. Чтобы обеспечить безопасность Дальнего Востока, в конце 1931 года нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов встретился с находившимся в Москве новым министром иностранных дел Японии Ёсидзавой Кенкити и выдвинул предложение о подписании советско-японского пакта о ненападении. Однако положительного ответа от японской стороны не последовало [7, С. 94]. СССР оказался вынужден агрессивно улучшать отношения с Китаем, менять свою внешнюю политику в отношении Китая и оказывать помощь китайцам в сопротивлении Японии [2, Л.94]. Переговоры о возобновлении дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом велись тайно и в условиях, когда общественное мнение в Китае все еще не было единодушным. Упорные консервато-

ры в Гоминьдане, настроенные резко против возобновления дипломатических отношений Советского Союза и Китайской Республики, сохраняли жесткую антикоммунистическую позицию. Даже после того, как Чан Кайши принял решение о возобновлении дипломатических отношений с СССР, некоторые открыто выражали свое несогласие в прессе, заявляя, что «возобновление дипломатических отношений не благоприятствует национальной ситуации» [13, С. 793]. Затягивание переговорного процесса ссылавалось китайской стороной как с позицией ряда гоминьдановских деятелей, так и с позицией некоторых советских переговорщиков, что вызывало отрицательную реакцию Чан Кайши. Так, в своем дневнике он писал: «В последнее время я обижаюсь на Советы даже больше, чем на японцев» [10, 13 декабря 1932 г.]. В ходе продвижения переговорного процесса японская сторона также узнала о возможности возобновления дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом. Опасаясь, что Япония будет саботировать переговоры и они в итоге сорвутся, китайское правительство приказало Янь Хуэйцину Главному представителю китайской миссии при Лиге Наций как можно скорее провести переговоры с министром иностранных дел СССР, чтобы завершить процедуры по возобновлению дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом. 12 декабря 1932 г. Китай и Советский Союз официально обменялись нотами в Женеве. Было официально объявлено, что две страны безоговорочно возобновили дипломатические отношения [16, С. 1017]. 13 декабря Министерство иностранных дел Национального правительства опубликовало декларацию о возобновлении дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом. Впоследствии Китай назначил Янь Хуэйцина своим послом в СССР, а СССР назначил Д.В. Богомолова, бывшего советника посольства в Великобритании, своим новым послом в Китае [2, Л.31]. Как только эта новость распространилась, она вызвала шок как внутри страны, так и за рубежом. 14 декабря 1932 г. ведущая китайская газета «Шэньбао» сообщила о возобновлении дипломатических отношений между Китаем и Россией в заголовке на первой полосе, назвав это событие «новой эрой в истории дипломатии» [9]. Возобновление дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом имело огромное влияние и далеко идущее значение. Во-первых, оно позволило Китаю выйти из критической ситуации серьезной изоляции, а также позволило ему в дальнейшем опираться на международные силы и систему сдержек и противовесов крупных держав, чтобы замедлить и противостоять японской агрессии. Во-вторых, это заставило Японию быть постоянно начеку в отношении Советского Союза, когда она задумывала агрессивные действия против Китая. В-третьих, дипломатическое устранение препятствий для советской помощи Китаю заложило основу для подписания пакта о ненападении между Китаем и СССР, что дало Советскому Союзу договорную базу и юридические гарантии для оказания помощи антияпонскому Китаю.

Дипломатическая дилемма после возобновления дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом

После возобновления дипломатических связей между Китаем и Советским Союзом содействие дальнейшему развитию китайско-советских отношений столкнулось с множеством сложных проблем. Чжан Чонг, политический деятель гоминьдановского Китая, поднял ряд чрезвычайно важных вопросов, среди них – постановка задачи «понять

двуединую внешнюю политику Советского Союза», уважение «суверенитета Внешней Монголии Китая», выдвигание проблем КВЖД для содействия поиску «успешного решения развития советско-китайских отношений» [17]. Эти задачи в значительной степени были связаны с надеждой китайского национального правительства на прекращение советской стороной помощи Коммунистической партии Китая, с надеждой на уважение советской стороной территориального суверенитета Китая. Задержка в эффективном разрешении этих нерешенных вопросов между Китаем и Советским Союзом затруднила дальнейшее существенное улучшение китайско-советских отношений. Летом и осенью 1933 г. министр иностранных дел Китайской Республики Ло Вэньган и вице-президент Исполнительного юаня и министр финансов Сун Цзывэнь, выступавшие за жесткое отношение к Японии, покинули свои посты, а пост министра иностранных дел занял Ван Цзинвэй [2, С. 238–243]. В то же время Япония, руководствуясь в начале года «Соглашением в Тангу» (31 мая 1933 г.), получила особые права и интересы в Северном Китае. На этапе временного ослабления давления на китайскую сторону китайское правительство и японские силы выдвинули «дипломатию мира и согласия», сделали жест доброй воли [4, С. 185–189].

12 ноября 1933 г. Ван Цзинвэй Председатель Исполнительного Юаня Правительства Китайской Республики) написал письмо Ху Ши один из ведущих китайских мыслителей и философов XX в., в котором утверждал, что Китай неизбежно проиграет войну с Японией, даже если Япония будет побеждена Британией, США и Россией. Как утверждал Ван Цзинвэй, у Китая нет возможности возродиться, поскольку национальная мощь Китая слаба, и продолжение войны может привести лишь к истощению народного богатства и денег, краху правительства, разделению страны, превращению армии в бандитов, наполнению страны кочевым населением, усилению в стране раскола и хаоса. Поэтому единственный выход – опора на дипломатические усилия, использование политики компромисса, переход к мирному строительству, укреплению страны с целью создания основы для будущего возрождения [19, С. 561]. 27 ноября 1933 г. Чан Кайши записал в своем дневнике, что «необходимо срочно воспользоваться возможностью взаимопонимания с японцами, чтобы продвинуть японо-русский конфликт» [10, 27 ноября 1933г]. Внешняя политика китайского национального правительства в отношении Советского Союза часто была подчинена его внешней политике в отношении Японии, то есть прояпонским движениям, которые, в свою очередь, определяли внешнюю политику китайского национального правительства в отношении Советского Союза. Потепление китайско-советских отношений произошло в то время, когда китайско-японские отношения находились в тупике. Возможно, если бы китайско-японские отношения удалось примирить, то у китайского национального правительства не было бы острой необходимости объединяться с Советским Союзом для подавления Японии. Если бы отношения между Японией и Советским Союзом разладились, Китайская Республика смогла бы воспользоваться ситуацией.

В то же время Советский Союз, стремясь облегчить отношения с Японией и обеспечить безопасность Дальнего Востока, продолжал идти на компромиссы с Японией, опасаясь быть втянутым в стратегическую концепцию Чан Кайши, так называемую концепцию «японо-советского конфликта». 23 марта 1935 г. СССР и поддерживаемый Японией марионеточный режим Маньчжоу-го подписали в Токио соглашение о перепродаже марионеточному режиму Маньчжоу-го всех долей в КВЖД [4,

С. 410]. В этих условиях дальнейшее развитие советско-китайских отношений стало затруднительным.

Формирование антияпонского национального фронта и антияпонской стратегии Советского Союза

После возобновления дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом внешняя политика китайского правительства в отношении Японии продолжала колебаться между сопротивлением и компромиссом, а в отношении Советского Союза – между обороной и союзничеством. И Китай, и Советский Союз рассматривали возможность компромисса с Японией, стремясь отвести давление от себя за счет обострения конфликта другой стороны с Японией [15, С. 2–3]. И Китай, и Советский Союз осознавали огромную угрозу японской агрессии как с точки зрения выживания нации, так и с точки зрения выживания собственных режимов. Однако, учитывая недостаток сил и изменения в международной ситуации, компромисс часто становился их реальным выбором. Только когда японская армия продолжала наступать на китайское правительство часто оказывалось в положении, из которого трудно было найти выход.

После начала полномасштабной китайско-японской войны в 1937 г. внешняя политика Германии постепенно сместилась в сторону поддержки Японии и подтягивания ее к противостоянию с Великобританией и США. Крупные державы, такие как Великобритания и Соединенные Штаты, приняли политику компромисса в отношении Японии, чтобы проводить стратегическую политику «сначала Европа, потом Азия». Слабые действия китайского правительства в борьбе с Японией привели советское руководство к мысли, что у Китая нет способностей и решимости противостоять японской агрессии. Эта точка зрения позже была скорректирована, в значительной степени, усилиями группы Зорге – руководителя советской резидентуры в Шанхае. По мнению Зорге, Китай обладал возможностями активизации военных действий при условии перераспределения сил и средств. Усиление военного потенциала Китайской Республики могло быть достаточным для противостояния японской агрессии в случае немедленного завершения гражданской войны и объединения страны как единой нации [5, С. 5]. 12 декабря 1936 г. Чжан Сюэлян, главнокомандующий Северо-Восточной армией, и Ян Хучэн, главнокомандующий 17-й маршрутной армией, устроили в Сиане военный переворот, задержав председателя Военной комиссии Национального правительства и председателя Исполнительного юаня Чан Кайши и потребовав от него немедленно выступить против японцев и прекратить подавление коммунистов. В начале 1937 г. Сианьский инцидент был мирно урегулирован. Гоминьдан и Коммунистическая партия начали сотрудничать во второй раз [3, Л.1–4]. КПК и Гоминьдан создали национальный единый фронт против Японии. Советский Союз решил активно поддержать китайское сопротивление, и внешняя политика сближения Китайской Республики с Советским Союзом против японцев в итоге стала обязательной для китайского правительства [7, С. 633–640].

Перед лицом тотального нападения Японии китайская сторона теряла позиции, и советская сторона предложила подписать китайско-советский договор о ненападении в качестве юридической основы для оказания помощи Китаю. 17 июля 1937 г. Чан Кайши выступил с речью на горе Лушань, призвав китайский народ объединиться, чтобы противостоять японской агрессии [13, С. 343]. 21 августа 1937 г. был заключен Договор о не-

нападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Китаем сроком на 5 лет [16, С. 141]. Вскоре из Синьцзяна на материковую часть Китая по суше хлынул непрерывный поток советского оружия и материалов, которые оказали значительную поддержку войне сопротивления Китая японской агрессии [3, Л.143]. По сути, была сформирована и внесена в практику стратегия Китая как «союза с Советским Союзом против японцев».

Стремление к объективному отражению исторических реалий нашло свое отражение в выявлении сложных стратегических и тактических взаимодействий внешнеполитического и внутривнутриполитического плана. В статье убедительно представлена сложная картина формирования новой антифашистской демократической стратегии борьбы с японским агрессором на базе единого фронта прогрессивных сил. Специфической составляющей исторического полотна можно назвать турбулентность исследуемого периода (1931–1937 гг.) и менее известная в научном мире характеристика деятельности Чан Кайши и Гоминьдана как в значительной степени вынужденная обстоятельствами. Что касается стратегии Советского Союза, то она также находилась в тесном взаимодействии с внешними и внутренними событиями периода поиска советской стороной эффективной внешней политики относительно Китая. Так, большое внимание Советского Союза уделялось содействию участия китайской стороны в антияпонской войне. Оно с полным основанием рассматривалось как гарантия ненападения Японии на Советский Союз, на северо-восточных рубежах которого в полной боевой готовности располагалась миллионная квантунская армия японских вооруженных сил.

После государственного переворота 12 апреля 1927 г. Чан Кайши возглавил Гоминьдан и в 1928 г. взял власть в свои руки. Чан Кайши продолжал проводить антикоммунистическую и антисоветскую политику, что привело к разрыву дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом. После инцидента 18 сентября 1931 г. выработка внешней политики в отношении Японии и Советского Союза стала камнем преткновения и «головной болью» для Китайской Республики. Чан Кайши считал, что Советский Союз и Япония конца 1920-х гг. – начала 1930-х гг. разделяют стремление вторгнуться в Китай [15, С. 18]. По мнению Чан Кайши, если коммунисты не будут уничтожены, то не будет возможности контролировать Россию и «прогнать японцев». Если японцы не будут побеждены, не будет возможности объединиться с японцами для борьбы против Советского Союза. В то же время он считал, что «японская беда срочная, а русская – не срочная медленная, но русская беда большая, а японская – маленькая» [10, 6 июля 1933 г.]. Советский Союз считал необходимым наладить новое взаимное доверие и сотрудничество с правительством Чан Кайши, которое было недружелюбно настроено по отношению к Москве [8, С. 157]. Советский Союз, в интересах стратегической безопасности на Дальнем Востоке. Советская сторона также стремилась облегчить отношения с Чан Кайши и склонить КМТ к созданию единого национального фронта против Японии вместе с КПК. Однако и Чан Кайши, и Советский Союз избегали прямого конфликта с Японией и больше боялись войны на два фронта. Это был один из основных базовых конфликтов между Китаем и Советским Союзом.

Как свидетельствует история, ранее внешняя политика Чан Кайши была направлена на защиту от СССР и Японии, но поскольку Япония насаждала, Китай и СССР

столкнулись с реальной угрозой со стороны Японии. В подобной ситуации появилась возможность дальнейшего улучшения китайско-советских отношений, а Россия и Китай оказались с одной стороны баррикады. В итоге Чан Кайши и Китайская Республика приняли дипломатическую стратегию союза с Советским Союзом против Японии.

В настоящее время, когда китайско-российские отношения достигли исторического максимума, развитие добрососедства, всеобъемлющего стратегического сотрудничества и взаимовыгодных китайско-российских отношений – не временная мера, а долгосрочная перспектива. Китай и Россия должны объединить усилия, исключить вмешательство третьих сторон во внутреннюю и внешнюю политику, опираться на фундаментальные интересы китайского и российского народов и постоянно обогащать современный подтекст сотрудничества между двумя сторонами.

Литература

1. АВПРФ. Ф. 08. Оп. 15. П. 140. Д. 62.
2. АВПРФ. Ф. 08. Оп. 15. П. 62. Д. 140.
3. АВПРФ. Ф. 100. Оп. 21. Д. 11. П. 187.
4. Русско-китайские отношения в XX веке: Материалы и документы. Т.III. Советско-китайские отношения. Сентябрь 1931 г. – сентябрь 1937 г. / ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 861с.
5. Мамаева Н.Л. Советско-китайские отношения и Коминтерн в период обострения международной обстановки (1931–1937) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2022. № 4 (62). С. 5–15. DOI: 10.24866/1997-2857/2022-4/5-15
6. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах и истоки Второй Мировой войны. М.: Родина, 2020. 862с.
7. Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М.: Изд-во ИМО, 1962. 559 с.
8. Барский К.М. Полпредство СССР в Китае в 1933–1937 годах: сильные люди и сложные задачи, которые они решали // Международная жизнь. 2020. № 6. С. 128–157.
9. Шэньбао. 14 декабря 1932 г.
10. Дневник Чан Кайши.
11. Ли Ибинь. Подход национального правительства Нанкина к союзу с Советским Союзом для контроля над Японией // Исторические исследования. 1991. № 1. С. 63–79.
12. Лу Сицзюнь. Взаимодействие Чан Кайши с Советским Союзом и антияпонское решение (1936–1937) // Исследования войны сопротивления против японской агрессии. 2015, № 3. С. 4–19.
13. Лв Фаншань. Длинный сборник хроник Чан Кайши Т. 3. Тайбэй: Национальный исторический музей, 2014. 828 с.
14. Дипломатический вестник Национального правительства Нанкина. Том 5, № 4.
15. Ли Цзягу. Сборник данных по истории отношений Китай и Советского государства (1933–1945). Пекин: Китайское издательство литературы по общественным наукам, 1997. 590 с.
16. Янь Хуэйцин. Дневник Янь Хуэйцина. Т.2. Пекин: Издательство архивов Китая, 1996. 1017 с.
17. Чжан Чун. Несколько вопросов после возобновления дипломатических отношений между Китаем и СССР // Ежемесячник текущих дел, том 8, № 2. Выпуск за февраль 1933 г.

18. Го Тинъи. Исторический журнал Китайской Республики. Т.3. Тайбэй: Институт современной истории. 1984. С. 238–243.
19. Избранная переписка Ху Ши. Т.2. Пекин: Китайское издательство литературы по общественным наукам. 2013. 582 с.

FORMATION OF CHIANG KAI-SHEK'S STRATEGY FOR RAPPROCHEMENT WITH THE USSR AGAINST JAPANESE AGGRESSION (1931–1937)

Hu Wenxu

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Before the Sino-Japanese War, Chiang Kaishi considered Japan and the Soviet Union his main enemies. This article explores why the Chinese national government under Chiang Kai-shek's leadership changed its foreign policy "from defense against the Soviet Union" to "alliance with the Soviet state" before and after the outbreak of the Sino-Japanese War. The Soviets also sought to ease relations with Chiang Kai-shek and to induce the KMT to form a united national front against Japan with the CCP. However, both Chiang Kaishi and the Soviet Union avoided direct conflict with Japan and were more afraid of a two-front war. This was one of the main basic conflicts between China and the Soviet Union. However, the invasion of China by the Japanese aggressor in 1931 and the intensification of the Japanese threat to Russia caused major changes in international relations in the Far East. Let us state a parallel improvement in Sino-Soviet relations that developed in parallel. China and the Soviet Union formed a short-lived paramilitary alliance of cooperation in the face of a common enemy, Japan. This had a profound effect on shaping Sino-Soviet and, indeed, Sino-Russian relations. Note that issues in the field of diplomacy are often highly sensitive and open to criticism, and parties may have different views on the same issue. A comprehensive study of historical sources characterizing the development of Sino-Soviet relations will help to better clarify the underlying assumptions of the decision-making process and reproduce the multifaceted and complex nature of history.

Keywords: Sino-Soviet relations, Sino-Japanese war, Chiang Kai-shek, foreign policy.

References

1. AVPRF. F. 08. Op. 15. P. 140. D. 62. (In Russ.)
2. AVPRF. F. 08. Op. 15. P. 62. D. 140. (In Russ.)
3. AVPRF. F. 100. Op. 21. P. 187. Д. 11. (In Russ.)
4. [Russian-Chinese relations in the XX century: Materials and documents. VOL. III. Soviet-Chinese relations. September 1931–September 1937] / ed. S.L. Tikhvinsky. Moscow: Monuments of Historical Thought, 2010. 861p. (In Russ.)
5. Mamaeva N.L. Soviet-Chinese relations and the Comintern during the period of aggravation of the international situation (1931–1937) // Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East. 2022. No. 4 (62). P. 5–15. DOI: 10.24866/1997-2857/2022-4/5-15. (In Russ.)
6. Ayrapetov O.R. Foreign policy of Soviet Russia and the USSR in 1920–1939 and the origins of the Second World War. M.: Rodina, 2020. 1751p. (In Russ.)
7. Kutakov L.N. History of Soviet-Japanese diplomatic relations, Moscow: IMO Publishing House, 1962. 559p. (In Russ.)
8. Barsky K.M. The USSR Plenipotentiary Mission to China in 1933–1937: Strong People and the Complex Tasks They Solved // International Affairs. 2020. No. 6. P. 128–157. (In Russ.)
9. Shun Pao // December 14, 1932. (In Chin.)
10. Chiang Kai-shek's diary. (In Chin.)
11. Li Yibin. Nanjing National Government's Approach to an Alliance with the Soviet Union to Control Japan // Historical Studies. 1991. № .1. pp. 63–79. (In Chin.)
12. Lu Xijun. Chiang Kaishi's Interaction with the Soviet Union and the Anti-Japanese Solution (1936–1937) // Studies on the war of resistance against Japanese aggression. 2015. № .3. pp. 4–19. (In Chin.)
13. Lv Fangshan. The Long Compilation of Chiang Kaishi's Chronicles Vol.3. Taipei: National History Museum, 2014. 828 p. (In Chin.)
14. Diplomatic Bulletin of the National Government of Nanjing. Vol. 5. № . 4. (In Chin.)
15. Li Jiagu. Compendium of data on the history of relations between China and the Soviet state (1933–1945). Beijing: China Social Science Literature Publishing House, 1997. 590 p. (In Chin.)
16. Yan Huiqing. Diary of Yan Huiqing. Vol.2. Beijing: China Archives Press, 1996. 1017 p. (In Chin.)
17. Zhang Chong. A few questions after the resumption of diplomatic relations between China and the USSR // Current Affairs Monthly, Vol. 8, № . 2. February 1933 issue. (In Chin.)
18. Guo Tingyi. Historical Journal of the Republic of China. Vol.3. Taipei: Institute of Contemporary History. 1984. pp. 238–243. (In Chin.)
19. Selected Correspondence of Hu Shi. T.2. Selected Correspondence of Hu Shi. T.2. Beijing: China Social Science Literature Publishing House. 2013. 582 p. (In Chin.)

Энергетические приоритеты в системе государственной политики саудовской Аравии

Шатохин Михаил Викторович,

д.э.н., профессор Кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: mvshatohin@fa.ru

Агеев Антон Эдуардович,

студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ag1anton1@yandex.ru

Набатова Аделина Марковна,

студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: adelinanabatova@gmail.com

В последние годы Саудовская Аравия активно присоединяется к глобальным тенденциям в области перехода на зеленую энергетику, несмотря на свою традиционную зависимость от углеводородов. В обзорной статье представлены текущие действия королевства по диверсификации энергетического сектора и сокращению углеродного следа в свете своей роли крупнейшего экспортера нефти. Обсуждается стратегический курс на повышение доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в общем энергобалансе страны до 50% к 2030 году, а также инвестиции Saudi Aramco в альтернативные энергетические проекты, включая солнечные и ветряные электростанции. Однако авторы отмечают неоднозначность политики: официальные заявления о необходимости энергоперехода часто противоречивы с реальными действиями, направленными на сохранение нефтяной индустрии. Приводятся примеры успешных проектов в области возобновляемых источников энергии (ВИЭ), а также указываются потенциальные риски, связанные с зависимостью от нефтяных доходов и необходимостью развития соответствующей инфраструктуры. В заключение подчеркивается, что Саудовская Аравия стремится занять лидирующие позиции в новой энергетической реальности, балансируя между обеспечением доходов от углеводородов и развитием устойчивых энергетических решений.

Ключевые слова: энергоресурсы, мировая энергетика, альтернативные источники энергии, низкоуглеродная экономика, технологические инновации, климатические изменения.

Энергетические приоритеты в системе государственной политики Саудовской Аравии становятся все более актуальной темой в свете глобальных изменений климата и стремления к устойчивому развитию. Ведущая роль страны в мировом энергетическом секторе, основанная на крупных запасах углеводородов, создает уникальную ситуацию, в которой необходимость диверсификации энергетических источников и переход к возобновляемым источникам энергии (ВИЭ) становятся приоритетами государственной стратегии. В последние годы правительство Саудовской Аравии активизировало усилия по внедрению возобновляемых источников энергии (ВИЭ), что заявлено в рамках амбициозной программы «VISION 2030».

Существует множество исследований, посвященных энергетической политике Саудовской Аравии. Например, работы таких ученых, как К. Аль-Омари и А. Аль-Харби, исследуют текущие тенденции в области энергетической политики и реформы, в то время как работы Л.С. Эль-Гариб подчеркивают важность перехода на ВИЭ и его влияние на устойчивое развитие. Эти исследования подчеркивают необходимость комплексного подхода к разработке энергетической политики, который учитывает, как экономические, так и экологические аспекты, что делает тему данной обзорной статьи особенно значимой в современном контексте.

В последние несколько лет наблюдается особое внимание среди крупных игроков на международно-политической арене к вопросам развития зеленой энергетики. Так, страны Евросоюза и США заявляют в своих официальных риториках, что взяли курс на энергетический переход. Саудовская Аравия, будучи самым крупным экспортером нефти за последние несколько лет (по данным ОПЕК в 2021 году Саудовская Аравия экспортировала 14,5% мирового объема нефти [Юшков, Набатова, Агеев 2023: 102]. В августе 2023 года экспорт сырой нефти в Саудовской Аравии составлял 5584 тысяч баррелей в сутки, а уже в 2024 году страна экспортирует 7,363 млн баррелей в сутки [12]. Экспорт в основном направлен в Китай (около 25%), Японию (около 15%) и 14% – в Южную Корею. Саудовская Аравия также обладает большими запасами природного газа, а ВВП Королевства Саудовская Аравия (КСА), по данным на 2023 год, Суверенный фонд Саудовской Аравии составляет около триллиона долларов, являясь одним из крупнейших в мире с активным балансом 500 млрд долларов. Главная нефтяная компания Саудовской Аравии Saudi Aramco стабильно несколько лет подряд входит в ТОП-3 самых дорогих компаний в мире по рыночной капитализации. Капитализация Saudi Aramco в 1,7 раза превысила ВВП Саудовской Аравии, составив около 2 трлн долларов [13]. Сама компания полностью контролируется государством, являясь представителем интересов королевства в мировой энергетике [Каррон де Каррьер 2003: 168].

В 2021 г. Саудовская Аравия вошла в ТОП-10 стран-лидеров по выбросам двуокси углерода (парниковых газов). В связи с этим, в последние несколько лет наблюдается, что Саудовская Аравия увеличила свое внимание к экологическим и климатическим проблемам

связанных с энергетикой. Королевство прогнозирует, что к 2030 г. возобновляемые источники энергии (ВИЭ), а именно ветряная и солнечная энергии, должны быть на уровне 50% от общей генерирующей мощности государства. Кроме того, с 2022 г. совокупная доля возобновляемых источники энергии (ВИЭ) в производстве электроэнергии выросла, хотя энергетический сектор по-прежнему зависит от ископаемого топлива [Андрианов В.В. 2022: 125]. При этом стоит понимать, что официальные власти Саудовской Аравии и главная нефтяная компания королевства Saudi Aramco в своем дискурсе дают разные оценки необходимости энергоперехода [Попадьюко, Рожнятовский, Дауди 2021: 61]. В марте 2024 года глава государственной нефтяной компании Saudi Aramco Амин Нассер, представляя интересы своей компании, заявил о несостоятельности концепции энергетического перехода на данный момент. Он считает, что пик потребления нефти не произойдет ни в 2030 году, ни в каком-то более отдаленном обозримом будущем. По мнению Нассера, государства и корпорации вместо «фантазий» об отказе от углеводородов должны сосредоточиться на инвестициях в нефть и газ вместе с вложениями в альтернативную энергетику [14]. При этом Амин Нассер как глава крупнейшей нефтяной компании является одним из самых главных инвесторов в альтернативную энергетику в мире. Амин Нассер выделил 10% капитальных расходов компании, и данное инвестирование привлекательных проектов со стороны топ-менеджмента Saudi Aramco длится уже несколько лет, что доказывает реальную заинтересованность в развитии ВИЭ не только для представителей государственной власти Королевства Саудовской Аравии (КСА), но и главного гиганта индустрии.

Aramco New Energies – новое подразделение Saudi Aramco, которое было создано по личной инициативе Амина Нассера с поддержкой государства, в этом году завершило проект Sudair: установка солнечных батарей мощностью 1,5 ГВт. Строительство солнечной станции Shuaibah мощностью 2,7 ГВт будет завершено в следующем году. К 2030 году компания обещает добавить еще больше солнечных и ветряных станций мощностью 12 ГВт электроэнергии.

Saudi Aramco, несмотря на многолетний опыт в добывающей отрасли, стремится к глобальной диверсификации. Среди крупных приобретений компании в странах АТР можно выделить инвестиции в 6 млрд долларов в нефтехимический завод в Китае, покупку со стороны Aramco 40% акций Gas & Oil Pakistan, приобретение чилийской сети автозаправочных станций Esmax за 370 млн долларов и вложение средств в австралийского разработчика проектов СПГ MidOcean Energy [15]. Из этого следует, что Саудовская Аравия не отказывается от планов по переходу на низкоуглеродные источники и возобновляемые источники энергии (ВИЭ). Стратегия перехода Эр-Рияда к энергетике состоит из трёх основных компонентов: повышение энергоэффективности, преобразование структуры энергопотребления и управление выбросами. Энергетическая политика Саудовской Аравии неоднородная, с одной стороны государство не отрицает необходимости в диверсификации энергогенерации, но с другой стороны топ-менеджмент главной нефтяной компании неоднократно заявляет, что они не готовы в ближайшей перспективе полностью отказаться от углеводородов, как минимум потому что от их экспорта и переработки страна получают большие доходы, которые в последствии перенаправляются на разработку государственной политики Королевства Саудовская Аравия (КСА) [Абрамов 2022: 26]. В связи с чем Саудовская Аравия активно продвигает идеи ВИЭ,

одновременно поддерживая и нефтегазовую отрасль для наиболее планомерного развития их главной компании, а также инвестирует крупные финансовые средства в проекты, связанные с ними. Так для дальнейшего извлечения выгоды из экспорта энергоресурсов Саудовской Аравии необходимо диверсифицировать структуру выработки электроэнергии и развивать ВИЭ, поскольку текущий курс, нацеленный на развитие промышленности и диверсификации экономики, в ближайшем будущем приведет к кратному увеличению энергопотребления и возможной нехватки внутренних энергоресурсов даже на внутреннем рынке. В связи с чем Саудовская Аравия активно продвигает идеи ВИЭ, а также инвестирует крупные финансовые средства в проекты, связанные с ними.

Также среди заметных проектов Саудовской Аравии по развитию новой политики в области энергоперехода, можно выделить деятельность Саудовская энергетическая закупочная компания (SPPC) [16]. Данная структура занимается закупками оборудования для нужд электроэнергетики, планирует ввод накопителей в трех регионах, расположенных в западной (Мекка), северной (Хаиль) и центральной частях страны (Эль-Касим). Комплексы накопителей должны будут единовременно хранить 8 гигаваатт-часов (ГВт*ч) электроэнергии, что эквивалентно 15% часового электропотребления в Саудовской Аравии.

Стоит отметить, что потребление продуктов из переработанной нефти постепенно снижается, в 2018 году оно составило 3,505 млн баррелей в сутки (б/с), а в 2021 уже 3,351 млн б/с. Специалисты полагают, что это следствие национальной программы Саудовской Аравии «VISION 2030», которая предполагает не только масштабное развитие разных секторов экономики, но и постепенный переход к возобновляемым источникам энергии (ВИЭ). Также важно отметить деятельность Саудовской Аравии в рамках ОПЕК+: осенью 2022 г. Саудовская Аравия и другие страны-участницы договора ОПЕК+ пришли к консенсусу о сокращении объемов добычи нефти [Иванов 2019: 63]. Цель данного решения сводится к достижению баланса на мировом рынке нефти для того, чтобы застраховать государства от эвентуальных рисков снижения спроса на углеводороды, и чтобы повысить снижающиеся цены на них. Весной 2023 г. Саудовская Аравия и другие государства-члены ОПЕК+ договорились увеличить объем сокращения добычи нефти, а также приняли решение о продлении данного сокращения до 2024 г. Так, Саудовская Аравия уменьшила свою добычу на 1 млн баррелей в сутки (б/с) в период июль-декабрь 2023 г. и заявила о возможности продления сокращения добычи сырой нефти, которое непосредственно зависит от состояния мирового рынка нефти.

Помимо этого, Саудовская Аравия взяла курс на масштабирование развития ВИЭ и отдельно на поддержку использования природного газа в государстве, а также на сокращение использования электроэнергии, работа которой основана на углеводородах, сделав выбор в пользу электроэнергии на базе возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Saudi Aramco сделала акцент на то, что именно Джафура, крупнейшее месторождение нетрадиционного природного газа в Саудовской Аравии, начнет добычу в 2025 году. При этом Saudi Aramco планирует увеличить свою максимальную устойчивую мощность по добыче углеводородов на 1 млн б/с (в 2022 г. – заявленная мощность 12 млн б/с, а к 2027 г. – до 13 млн б/с. Для увеличения мощностей запланированы крупные проекты расширения нефтяных месторождений Сафания, Зулуф, Марьян и Берри [Михеев 2018: 45]. По состоянию на 2023 год, все три объекта находятся в стадии

строительства или на стадии проектирования. Переработка нефти в Саудовской Аравии осуществляется внутри страны и в других странах либо на полностью принадлежащих Saudi Aramco нефтеперерабатывающих заводах, либо на кооперативных/аффилированных с ней. Национальная нефтяная компания Саудовской Аравии заявила, что в 2020 г. ее внутреннее производство нефтепродуктов составило порядка 1,6 млн б/с – это 58% мирового производства Saudi Aramco. Также позднее Saudi Aramco заявила о внутренних перерабатывающих мощностях, в 2020 г. составивших порядка 3 млн б/с – это 45% от мировых мощностей, находящихся во владении у национальной нефтяной компании Саудовской Аравии до открытия нефтеперерабатывающей инфраструктуры в Джазане, который позволил в 2021 г. нарастить внутренние мощности на 400.000 б/с, при этом пропускная способность осталась на уровне 50% (находится на юго-западе Саудовской Аравии) [17].

Риторика официальных лиц государства также направлена на поддержание прямого контакта со своей главной компанией – Aramco, где 90% акций компании принадлежит непосредственно государству. Так, в феврале 2022 г. наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед ибн Салман Аль Сауд передал 4% акций компании на сумму около 80 млрд \$ в фонд диверсификации экономики (Neom), который известен своими крупными проектами такими как: Охагон (инновационная промышленность) и The Line (линейный мегаполис будущего). В данном случае это иллюстрирует подлинное желание арабских инвесторов и первых лиц государства в создании «зеленых» зон, где будут использоваться только возобновляемые источники энергии (ВИЭ). Оба проекта по своей сути являются частью нового плана развития Саудовской Аравии, который не предполагает масштабной модернизации экономики и перехода от нефтегазовых доходов к развитию инновационных проектов самого разного уровня [Макаров 2022: 42]. Оба проекта делают особый акцент на экологии и окружающей среде, так как в последние годы забота об окружающей среде и минимизация выбросов углекислого газа (CO₂) – это ключевые темы глобального дискурса.

Однако Саудовская Аравия в ближайшем будущем может столкнуться с сильной зависимостью от нефтяных доходов, что делает переход к новой экономической модели сложным [Казаков 2021: 23]. Помимо этого необходимо вливать огромные средства в развитие релевантной инфраструктуры, способной поддерживать политику энергоперехода к возобновляемым источникам энергии (ВИЭ), а также подготавливать специалистов в данной сфере, чтобы впоследствии их проекты стали успешными в плоскости практической реализации, например, проект The Line, требующий не только финансовых вложений, но и четко структурированной системы поддержания данной «зеленой» зоны [Смирнова 2023: 83].

Таким образом, современная Саудовская Аравия, во-первых, понимает ограниченность такого природного ресурса как нефть, из-за чего реструктуризирует экономику и развивает инновационные технологии, а во-вторых, старается использовать имеющиеся финансовые ресурсы для создания инновационной площадки для инвесторов со всего мира, а в особенности из США и Европы, делая особый акцент на экологии и возобновляемых источниках энергии, создавая и финансируя проекты развития водородной энергетики, в последние годы Саудовская Аравия инвестирует в исследования и разработки в области водородной энергетики, что может стать важным источником энергии в будущем, вместе с тем явные инвестиции в развитие солнечной и ветро-

вой энергетики, чтобы снизить зависимость от ископаемых топлив [Соловьев 2023: 16]. При этом четко прослеживается желание Саудовской Аравии поддерживать двойственную позицию, однако это обусловлено ярким желанием стать одной из самых передовых стран в области энергетики, одновременно владея самым крупным нефтяным гигантом Aramco и вливая большие финансовые средства для поддержания национальной программы возобновляемой энергетики Королевства Саудовская Аравия (NREP).

Литература

1. Абрамов А.А. 2022. Энергетическая политика Саудовской Аравии в контексте глобального энергетического перехода. Вестник Московского университета. Международные отношения. № 1. С. 15–32.
2. Андрианов В.В. 2022. Хеджирование нефтяных цен как инструмента международного энергетической политики. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. № 1. С. 124–132.
3. Иванов А.А. 2019. Саудовская Аравия и ОПЕК: история и современность. Международная жизнь. № 6. С. 56–71.
4. Казаков В.В. 2021. Влияние энергетической политики Саудовской Аравии на мировой рынок нефти. Нефть и газ. № 1. С. 20–25.
5. Каррон де Каррьер Г. 2003. Экономическая дипломатия. Дипломат и рынок. М.: РОССПЭН. 214 с.
6. Макаров А.В. 2022. Саудовская Аравия и «зеленый» переход: вызовы и возможности. Международная энергетика. № 5. С. 34–49.
7. Михеев В.В. 2018. Саудовская Аравия в XXI веке: от нефтяной державы к диверсификации экономики. Современная Европа. № 4. С. 42–58.
8. Попадько Н.В., Рожнятовский Г.И., Дауди Д.И. 2021. Водородная энергетика и мировой энергопереход. Инновации и инвестиции. № 4. С. 59–64.
9. Смирнова Е.А. 2023. Энергетическая политика Саудовской Аравии в контексте изменения климата. Вестник Российской академии наук. № 3. С. 78–87.
10. Соловьев В.И. 2023. Влияние технологических инноваций на энергетическую политику Саудовской Аравии. Технологии и инновации. № 1. С. 12–21.
11. Юшков И.В., Набатова А.М., Агеев А.Э. 2024. Энергетические ресурсы как фактор геополитической напряженности. Власть. Том 32. № 4. С. 101–107.
12. Экспорт Саудовской Аравии [Электронный источник]. – URL: <https://ru.tradingeconomics.com/saudi-arabia/exports> (дата обращения: 21.08.2024).
13. Saudi Aramco несколько лет подряд входит в топ 3 самых дорогих компаний [Электронный источник]. – URL: <https://www.forbes.com/lists/global2000/> (дата обращения: 21.08.2024).
14. Медленное «озеленение»: как нефтяной гигант делает свой бизнес безопасным для климата [Электронный источник]. – URL: <https://www.forbes.ru/sustainability/516920-medlennoe-ozelenenie-kak-neftanoj-gigant-delaet-svoj-biznes-bezopasnym-dla-klimata> (дата обращения: 21.08.2024).
15. Saudi Aramco направит \$4 млрд на венчурные инвестиции в энергопереход [Электронный источник]. – URL: <https://oilcapital.ru/news/2024-01-17/saudi-aramco-napravit-4-mlrd-na-venchurnye-investitsii-v-energoperehod-3154855> (дата обращения: 21.08.2024).
16. Саудовская Аравия будет наращивать мощности ВИЭ [Электронный источник]. – URL: <https://globalenergyprize.org/ru/2024/11/09/saudovskaja-aravija>

budet-narashhivat-moshhnosti-vije/ (дата обращения: 22.08.2024).

17. Энергетические приоритеты климатической дипломатии Эр-Рияда [Электронный источник]. – URL: https://www.ng.ru/ng_energiya/2023-02-13/14_8659_priorities.html (дата обращения: 22.08.2024).

ENERGY PRIORITIES IN THE STATE POLICY OF SAUDI ARABIA

Shatokhin M.V., Ageev A.E., Nabatova A.M.

Financial University under the Government of the Russian Federation

In recent years, Saudi Arabia has been actively engaging with global trends concerning the transition to green energy, despite its traditional reliance on hydrocarbons. This review article presents the current actions of the Kingdom to diversify its energy sector and reduce its carbon footprint, particularly in light of its role as the largest exporter of oil. It discusses the strategic goal of increasing the share of renewable energy sources (RES) in the country's overall energy mix to 50% by 2030, as well as the investments made by Saudi Aramco in alternative energy projects, including solar and wind power plants. However, the authors note the ambiguity in the policy landscape: official statements regarding the necessity of the energy transition often contradict actual actions aimed at preserving the oil industry. The article cites examples of successful projects in the field of renewable energy, while also highlighting potential risks associated with dependence on oil revenues and the need for developing appropriate infrastructure. In conclusion, it emphasizes that Saudi Arabia aims to position itself as a leader in the new energy reality, balancing the generation of revenue from hydrocarbons with the development of sustainable energy solutions.

Keywords: energy resources, global energy, alternative energy sources, low-carbon economy, technological innovations, climate change.

References

1. Abramov A.A. 2022. Saudi Arabia's Energy Policy in the Context of the Global Energy Transition. *Vestnik Moskovskogo universiteta. International relations.* № 1. Pp. 15–32.
2. Andrianov V.V. 2022. Hedging oil prices as an instrument of international energy policy. *Humanities. Bulletin of the Financial University.* № 1. Pp. 124–132.
3. Ivanov A.A. 2019. Saudi Arabia and OPEC: History and Modernity. *International Affairs.* № 6. Pp. 56–71.
4. Kazakov V.V. 2021. The impact of Saudi Arabia's energy policy on the world oil market. *Oil and Gas.* No 1. Pp. 20–25.
5. Carron de Carrierere, G. 2003. *Economic diplomacy. The Diplomat and the Market.* Moscow: ROSSPEN. 214 c.
6. Makarov A.V. 2022. Saudi Arabia and the Green Transition: Challenges and Opportunities. *International Energy.* № 5. Pp. 34–49.
7. Mikheev V.V. 2018. Saudi Arabia in the 21st Century: From Oil Power to Economic Diversification. *Modern Europe.* № 4. Pp. 42–58.
8. Popadko N.V., Rozhnyatovsky G.I., Daudi D.I. 2021. Hydrogen Energy and the Global Energy Transition. *Innovations and investments.* № 4. Pp. 59–64.
9. Smirnova E.A. 2023. Saudi Arabia's Energy Policy in the Context of Climate Change. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences.* № 3. Pp. 78–87.
10. Soloviev V.I. 2023. The Impact of Technological Innovation on Saudi Arabia's Energy Policy. *Technologies and innovations.* № 1. Pp. 12–21.
11. Yushkov I.V., Nabatova A.M., Ageev A.E. 2024. Energy Resources as a Factor of Geopolitical Tension. *Power.* Volume 32. № 4. Pp. 101–107.
12. Export of Saudi Arabia [Electronic source]. – URL: <https://ru.tradingeconomics.com/saudi-arabia/exports> (accessed: 21.08.2024).
13. Saudi Aramco has been in the top 3 most expensive companies for several years in a row [Electronic source]. – URL: <https://www.forbes.com/lists/global2000/> (accessed: 21.08.2024).
14. Slow «greening»: how an oil giant makes its business safe for the climate [Electronic source]. – URL: <https://www.forbes.ru/sustainability/516920-medlennoe-ozelenenie-kak-neftanoj-gigant-delaet-svoj-biznes-bezopasnym-dla-klimata> (accessed: 21.08.2024).
15. Saudi Aramco will send \$4 billion to venture investments in the energy transition [Electronic source]. – URL: <https://oilcapital.ru/news/2024-01-17/saudi-aramco-napravit-4-mlrd-navenchurnye-investitsii-v-energoperehod-3154855> (accessed: 21.08.2024).
16. Saudi Arabia will increase the capacity of renewable energy sources [Electronic source]. – URL: <https://globalenergyprize.org/ru/2024/11/09/saudovskaja-aravija-budet-narashhivat-moshhnosti-vije/> (accessed: 22.08.2024).
17. Energy Priorities of Riyadh's Climate Diplomacy [Electronic source]. – URL: https://www.ng.ru/ng_energiya/2023-02-13/14_8659_priorities.html (accessed: 22.08.2024).

ШОС объединяется с «глобальным Югом» для укрепления нового мирового порядка

Сюй Чанг,

доцент, Российский университет дружбы народов (РУДН),
профессионально-технический колледж Суньюань
E-mail: 1042238134@pfur.ru

Шахид Ян Африди,

Российский университет дружбы народов (РУДН),
Университет Абдул Вали Хана Мардан
E-mail: 1042235364@pfur.ru

Расширение ШОС не только еще больше усилит ее потенциал развития и влияние, но и станет важной силой в содействии развитию «глобального Юга». В последние годы коллективный подъем «Глобального Юга» стал новой силой в содействии построению нового мирового порядка, и ШОС имеет тесные отношения с «Глобальным Югом». Взаимосвязь между ними поможет построить новый мировой порядок. Конечно, следует провести рациональный анализ расширения ШОС и полностью признать огромные проблемы, с которыми пришлось столкнуться после расширения. Поэтому эффективное управление разногласиями, поиск общей почвы при сохранении разногласий и построение сообщества общего будущего для ШОС на основе марксистской теории являются неизбежными выборами для решения различных проблем. Только таким образом ШОС и взаимосвязанность «Глобального Юга» смогут и дальше играть свою должную международную роль и миссию и стать важной силой в содействии построению нового мирового порядка.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества; Сообщество с общим будущим; Глобальный Юг; Новый мировой порядок.

Introduction

In the wave of globalization, the international community's connections are becoming increasingly close, and cooperation and competition among countries are becoming more intense. As an important representative of regional international organizations, the SCO has made significant achievements in promoting economic cooperation, security cooperation, and cultural exchanges among member states since its establishment. Especially under the guidance of the concept of building a community with a shared future, the cooperation among the member states of the SCO has become closer, and their ability to jointly address global challenges has also been significantly improved.

At the same time, the rise of global Southern powers on the international stage has become one of the important features of the changes in the international political landscape in recent years. These countries have made significant progress in economy, politics, and culture, and their influence on the international order is also increasing. The rise of global Southern powers not only provides new impetus for the diversified development of the international community, but also offers new opportunities to promote changes in the international order.

There are still many drawbacks and challenges in the current international order, such as hegemonism, unilateralism, and trade protectionism. These issues not only hinder the peace and development of the international community, but also pose a threat to the rise and cooperation of global Southern powers. Therefore, how to promote the transformation of the international order and build a more just, reasonable, and inclusive new world order has become a major issue faced by the international community. This article will explore the construction of a community with a shared future for the SCO from the perspective of Marxist theory, and work together with the "Global South" to empower a new world order.

Theoretical basis for building a community with a shared future for the SCO

In today's deepening globalization wave, the SCO as an important intergovernmental international organization in the Asia Pacific region, plays a crucial role in regional stability. Facing the complex and ever-changing international situation and regional challenges, building a community with a shared future for the SCO has become a common goal and pursuit of all countries. The proposal of this idea is not only based on a profound understanding of the common interests of the member states of the SCO, but also deeply rooted in the theoretical soil of Marxism.

Marxism, as a scientific worldview and methodology, provides us with a powerful ideological weapon to understand and transform the world. In the process of building a community with a shared future for the SCO, Marxist theory plays an important guiding role. It reveals the laws of human social development, points out the direction of proletarian revolution and socialist construction, and provides theoretical support for building a more just and reasonable new international order.

This article will conduct an in-depth analysis of the theoretical support for building a community with a shared future

for the SCO from multiple aspects, including Marxist international strategic thinking, Marxist philosophy, Marxist political economy, and scientific socialist theory.

Marxist International Strategic Thought

In the view of Marxism, the relationship between countries is no longer a zero sum game, but can achieve win-win through cooperation. This ideology provides a theoretical basis for economic cooperation, security cooperation, and cultural exchanges among the member states of the SCO, and promotes the construction of a community with a shared future for the organization.

Foundations of Marxist Philosophy

Class philosophy theory. Marxist class philosophy emphasizes the dialectical unity of “human liberation” and “community consciousness”, providing a value anchor for the SCO to build a “development security civilization” trinity community.

The theory of universal communication. Marx believed that universal communication broke down barriers between regions and civilizations, and promoted the development of productive forces worldwide. This theory provides a direct driving force for building a community with a shared future for the SCO. The member states of the SCO should strengthen economic cooperation and cultural exchanges, promote trade liberalization and investment facilitation, and facilitate the rapid development of regional productivity.

World History Theory. Marx’s theory of world history points out that the form of human society will inevitably evolve towards higher level development. This theory provides a historical materialist foundation for building a community with a shared future for the SCO. SCO member states should follow the historical trend, promote regional integration, and achieve common development and prosperity.

Foundations of Marxist Political Economy

Marxist political economy studies the economic relations and laws of capitalist society, revealing the essence of the capitalist mode of production and the laws of capitalist economic development. This theory provides economic analysis tools and methods for building a community with a shared future for the SCO. In the construction of the SCO’s community of shared future, member states should strengthen economic cooperation, promote trade and investment liberalization and facilitation, and promote rapid economic development and prosperity within the region. At the same time, member states should also pay attention to optimizing their economic structure and upgrading their industries to enhance their economic competitiveness.

Scientific Socialist Theory

The theory of scientific socialism elucidates the nature, organizational principles, struggle strategies, and goals of proletarian political parties, providing theoretical guidance for proletarian revolution and socialist construction. This theory provides political guarantees and ideological foundations for building a community with a shared future for the SCO. In the construction of the SCO community of shared future, member states should strengthen political mutual trust and security cooperation, and jointly address regional and international challenges. At the same time, member states should also adhere to the socialist direction, promote social equity and justice, and achieve common development and prosperity.

Marxist International Cooperation Theory

The Marxist theory of international cooperation is based on historical materialism and dialectical materialism, revealing the origin, development, and ultimate direction of international cooperation. This theory holds that international cooperation

is the result of the contradictory movement between productive forces and production relations, and is a demand for the overall interests of the world that transcends the interests of individual countries. In the global capitalist system, international cooperation has become the fundamental principle for handling frictions and contradictions between countries, ultimately promoting the establishment of a union of free people and achieving the complete liberation of humanity.

Research Methods

This study adopts multiple research methods.

Literature research method. Widely collect academic literature, policy documents, research reports, news and information related to the Shanghai Cooperation Organization, the Global South, and the world order.

Data collection method. From official websites of international organizations, academic databases, and government sources obtain information through channels such as publications and professional media platforms.

Case analysis method. Revealing the cooperation mode, effectiveness, and impact of the SCO’s partnership with the “Global South” in specific fields, providing empirical support for overall research.

Comparative research method: Compare and analyze the cooperation models, areas, and effectiveness between different member states of the SCO and countries in the “Global South”, identify their respective advantages and characteristics, as well as differences and problems.

The SCO collaborates with the “Global South” to empower the development momentum, foundation, and path of the new world order

With the acceleration of globalization and the collective rise of emerging market countries, the position of the “Global South” countries in the world economy, politics, and security landscape is increasingly prominent. However, the current global governance system still has many drawbacks, making it difficult to effectively respond to the concerns and needs of countries in the “global South”. In this context, the SCO with its unique membership, value pursuit, and cooperation philosophy, has become an important platform for countries in the “global South” to seek independence, development, and revitalization.

SCO joins hands with the “Global South” to empower the development of a new world order

The global governance system urgently needs to be reformed. The current global governance system has many drawbacks and is dominated by developed Western countries, making it difficult to address issues such as peace deficit, development deficit, security deficit, and governance deficit, as well as the concerns of emerging market countries and developing countries. Therefore, the countries of the “Global South” have a strong desire to reform the current global governance system, and the Shanghai Cooperation Organization is actively promoting this change, becoming a vital force in improving global governance.

The demand for the development and revitalization of the “Global South”. Under the wave of globalization, the collective rise of countries in the “Global South” has strengthened their economic strength, and the center of gravity of the world economy is gradually shifting towards the “Global South”. At the same time, countries in the “global South” generally pay attention to their own economic and social development issues, and are committed to consolidating the material foundation for responding to changes in the interna-

tional situation through economic reforms and other means. The SCO provides a platform for dialogue and cooperation among countries in the “global South”, which helps to promote their sustained economic and social development.

Expanding the membership of the SCO enhances confidence in cooperation. Since 2023, Iran and Belarus have successively joined the organization, injecting new momentum into its efforts to promote the development of the “Global South”. The addition of new members has expanded the coverage of the SCO, laid a geopolitical foundation for strengthening cooperation between the organization and Middle Eastern and European countries, and further expanded the space for cooperation among member states as well as between the organization and other “global south” countries.

SCO joins hands with the “Global South” to empower the development foundation of the new world order

Member composition and value pursuit alignment. All member states of the SCO are members of the “Global South”, and the organization is highly aligned with the “Global South” in terms of value pursuit, committed to upholding multilateralism, promoting economic globalization, and regional integration processes. This provides a solid political foundation for the SCO to work together for the development of the “Global South”.

Material and conceptual foundations. The SCO has the material foundation to promote the development of the “Global South”, such as economic cooperation projects and trade exchanges among member states. At the same time, the SCO upholds the “Shanghai Spirit” of mutual trust, mutual benefit, equality, consultation, respect for diverse civilizations, and pursuit of common development, which provides a conceptual foundation for strengthening cooperation in the “Global South”.

SCO collaborates with the “Global South” to empower the development path of a new world order

Strengthening internal collaboration and cohesion. The SCO needs to focus on addressing heterogeneity issues, further strengthen collaboration, and enhance organizational cohesion. By strengthening policy communication, infrastructure connectivity, trade facilitation, financial integration, and people to people exchanges among member states, we aim to promote deep integration and development within the SCO.

Promoting the process of regional integration. The SCO should actively promote the process of regional integration and strengthen economic cooperation and trade exchanges among member states. By signing free trade agreements and establishing regional economic cooperation mechanisms, we can reduce trade barriers, promote the free flow of goods, capital, technology, personnel and other factors, and promote the integrated development of regional economy.

Participate in the global governance system reform. The SCO should actively participate in the global governance system reform, promote the democratization, fairness, and rationalization of the global governance system. By strengthening cooperation and exchanges with other international organizations and countries, we can jointly address global challenges and issues and promote the construction of a new world order.

Implementing the “Three Major Global Initiatives”. The SCO can strengthen dialogue and cooperation with countries in the “Global South” by implementing the Global Development Initiative, Global Security Initiative, and Global Civilization Initiative, actively respond to the common concerns of the “Global South”, and focus on solving the development and security issues faced by the “Global South”.

Enhancing cultural exchange and mutual learning.

The SCO should cherish the diversity of cultural civilization, support the expansion of cultural and artistic cooperation, and inherit rich historical and cultural heritage as well as indigenous language and culture.

By organizing cultural forums, art exhibitions, and other activities, we aim to enhance cultural understanding and friendship among member countries. Promote communication, dialogue, and mutual learning among different civilizations, and promote the diversity and prosperous development of world civilizations.

Addressing global challenges. The SCO should jointly tackle global challenges such as climate change, food security, and major public health events, and strengthen cooperation in environmental protection and sustainable development. Promote technological cooperation and innovative development among member states, and jointly address the challenges and opportunities brought by the new technological revolution. Strengthen cooperation in the field of security and jointly combat factors that threaten regional peace and stability, such as terrorism and transnational crime.

Give full play to the leading role of China and Russia.

As important members of the SCO and representatives of the “Global South”, China and Russia should actively play a leading role in promoting the implementation and landing of the concept of a community with a shared future in the SCO. Support the SCO to play a greater role in regional and international affairs, promote the transformation of the global governance system, and build a new world order.

In summary, the SCO has a strong driving force, solid foundation, and clear path in joining hands with the development of the “Global South”. By strengthening internal cooperation, promoting regional integration, participating in the reform of the global governance system, and implementing the “Three Major Global Initiatives”, the SCO will inject new vitality and momentum into the development of countries in the “Global South”.

Conclusion

The construction of the SCO’s community of shared future is not only an innovation and development of the traditional regional cooperation model, but also an important way to join hands with the “Global South” to empower the new world order. By strengthening internal cooperation and solidarity, SCO member states can jointly address global challenges, promote regional peace and stability, and achieve economic prosperity and development. At the same time, the SCO actively promotes the transformation of the global governance system, advocates multilateralism and a new type of international relations, and contributes to the construction of a more just and reasonable international order.

More importantly, the concept of a community with a shared future in the SCO is highly aligned with the common interests and aspirations of countries in the “global South”. As representatives of emerging market countries and developing countries, the “Global South” countries are playing an increasingly important role in international affairs. The SCO has provided a platform for countries in the “Global South” to showcase their own strength, enhance mutual understanding, and promote common development by strengthening cooperation and exchanges among member states.

In addition, as important member states of the SCO, China and Russia play a leading role in promoting the construction of a community with a shared future for the organization. China and Russia actively advocate the diplomatic concept of peace, development, cooperation, and win-win, promote mutually beneficial cooperation among SCO member states,

and make important contributions to regional peace and stability, economic development, and prosperity.

In summary, the construction of the SCO Community of Shared Future provides an important platform for empowering the countries of the “Global South” to establish a new world order. By strengthening internal cooperation and solidarity, promoting changes in the global governance system, enhancing cultural exchanges and mutual learning, and leveraging the leading role of member states such as China and Russia, the SCO will make greater contributions to achieving regional peace and stability, economic development and prosperity, and the transformation and improvement of the international order. This process not only conforms to the common interests and aspirations of the member states of the SCO, but also injects new vitality and momentum into promoting the construction of a new world order.

Литература

1. Liu Debin; Li Dongqi (2023) The Rise and Significance of Research on the Global South, Ideological and Theoretical Frontline
2. Wang Youran (2021) The ‘Global South’ carries academic and political values, China Social Sciences Journal
3. In the ocean; He Kang (2023) Research on the Development Path of New South South Cooperation from the Perspective of New International Relations, Journal of Social Sciences, Jilin University
4. Zhang Chuanhong; Lin Haisen (2021) Assessing South South Cooperation: Challenges, Experiences, and Opportunities, Fudan Public Administration Review
5. Li Xiaotian (2021) Regional positioning and cooperation pattern after the expansion of the Shanghai Cooperation Organization, international outlook
6. Komilov, I. I. (2022). Shanghai Cooperation Organization: Prerequisites for Creation and Current State. Oriental Journal of History, Politics and Law
7. Fan, X. (2021). Existing Mechanisms of the Shanghai Cooperation Organization and Their Problems Dealing with Non-Traditional Security Challenges. International Organizations Research Journal

SCO JOINS HANDS WITH THE “GLOBAL SOUTH” TO EMPOWER A NEW WORLD ORDER

Xu Chang, Shahid Yan Afridi

Peoples' Friendship University of Russia, Songyuan Vocational College, Abdul Wali Khan University Mardan

The expansion of the SCO will not only further enhance its development potential and influence, but also become an important force in promoting the development of the “Global South”. In recent years, the collective rise of the “Global South” has become an emerging force in promoting the construction of a new world order, and the SCO has a close relationship with the “Global South”. The interconnection between the two will help build a new world order. Of course, a rational analysis of the expansion of the SCO should be conducted, and the enormous challenges faced after the expansion should be fully recognized. Therefore, effectively managing differences, seeking common ground while reserving differences, and building a community of shared future for the SCO based on the perspective of Marxist theory are inevitable choices to address various challenges. Only in this way can the SCO and the interconnectivity of the “Global South” further play their due international role and mission, and become an important force in promoting the construction of a new world order.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization; Community with a shared future; Global South; New World Order.

References

1. Liu Debin; Li Dongqi (2023) The Rise and Significance of Research on the Global South, Ideological and Theoretical Frontline
2. Wang Youran (2021) The ‘Global South’ carries academic and political values, China Social Sciences Journal
3. In the ocean; He Kang (2023) Research on the Development Path of New South South Cooperation from the Perspective of New International Relations, Journal of Social Sciences, Jilin University
4. Zhang Chuanhong; Lin Haisen (2021) Assessing South South Cooperation: Challenges, Experiences, and Opportunities, Fudan Public Administration Review
5. Li Xiaotian (2021) Regional positioning and cooperation pattern after the expansion of the Shanghai Cooperation Organization, international outlook
6. Komilov, I. I. (2022). Shanghai Cooperation Organization: Prerequisites for Creation and Current State. Oriental Journal of History, Politics and Law
7. Fan, X. (2021). Existing Mechanisms of the Shanghai Cooperation Organization and Their Problems Dealing with Non-Traditional Security Challenges. International Organizations Research Journal

Сравнительный анализ миграционной политики РФ для создания условий технологического лидерства

Мамаева Юлия Александровна,

к.и.н., доцент, доцент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: yamamaeva@fa.ru

Вавилов Дмитрий Сергеевич,

студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: dmitri86vav@gmail.com

Гунько Алексей Максимович,

студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: gunko.al@bk.ru

Диденко Алексей Сергеевич,

студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: aleksei.didenko@outlook.com

В статье рассматривается миграционная политика с точки зрения обеспечения технологического лидерства РФ. На основании анализа демографической структуры, уровня образования и квалификации рабочей силы выделяются ключевые проблемы и вызовы, стоящие перед отечественным рынком труда. Для определения эффективной стратегии использования зарубежных трудовых ресурсов проводится сравнительный анализ миграционной политики основных технологических держав: США, Великобритании, Южной Кореи. Данный анализ необходим для выполнения двух задач: формирования адекватного представления об актуальном состоянии отечественного рынка рабочей силы и выявления его уязвимых мест и потребностей.

Ключевые слова: технологическое лидерство, рынок труда, трудовые ресурсы, демография, миграция, миграционная политика.

Актуальность работы обусловлена тем, что в современном мире, в котором конкуренция за мировое лидерство, главным образом, ведется в сфере технологий, а мерилом экономического, политического и социального успеха выступают интеллектуальные ресурсы, РФ необходимо укреплять свои позиции в области технологического лидерства.

Эта проблема поднимается в Указе Президента Российской Федерации от 07 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 и на перспективу до 2036 года».

На основании приведенного документа выделим следующие области экономики, отслеживание динамики которых свидетельствует о достижении технологического лидерства:

- промышленность;
- научная сфера и НИОКР;
- бизнес;
- сфера космоса;
- сельское хозяйство;
- информационные технологии.

Опираясь на данные Росстат¹, констатируем, что российский рынок труда вмещает в собственной рабочей силе около 76 млн человек. Для начала сформируем ее возрастной портрет. В процентном соотношении она представлена следующими группами:

- 15–29 лет – 15%;
- 30–49 лет – 56%;
- 50–64 лет – 27%;
- 65 лет и старше – около 2%.

Как видно из приведенных данных, возрастное распределение неравномерно и смещено в сторону старшего поколения: более 80% рабочей силы занимает категория 30–64 лет. Соответственно, группа людей до 30 лет не составляет основу внутреннего рынка труда, что, с одной стороны, естественно для регрессивной демографической ситуации, а с другой – по ряду причин противостоит для осуществления политики технологического лидерства. Так, доминирование в структуре рабочей силы населения старшего возраста снижает квалификационную гибкость и адаптивность рынка труда в условиях модернизации: здесь имеют место быть как психологические, так и институциональные (устаревание полученных знаний и hard-навыков) факторы. В психологии существует такое понятие как «открытость опыту» – черта личности, характеризующаяся готовностью к рискам и неординарным решениям. По данным ВЦИОМ, больше всего современным технологиям доверяет молодежь с возрастным распределением 18–24 лет (84% от числа опрошенных), а увеличение возраста коррелирует со снижением уровня доверия².

¹ Рабочая сила, занятость и безработица в России // Федеральная служба государственной статистики Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (дата обращения: 05.03.2025).

² Технологии будущего и будущее технологий // ВЦИОМ: сайт. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologii-budushchego-i-budushchee-tekhnologii?ysclid=m1z3gfm363409779319> (дата обращения: 10.07.2024).

Отдельно стоит поговорить об уровне образования рабочей силы. По данным российской аудиторско-консалтинговой компании FinExpertiza, российская рабочая сила выделяется достаточно высоким уровнем образования: 34,9% работников в первом полугодии 2022 года имели высшее образование¹. При этом 45,2% обладали средним профессиональным образованием². Суммируя вышесказанное, получаем чуть более 80% занятых в отечественном рынке труда, которые имеют специализированное образование. Таким образом, нельзя сказать, что недостаток образования является проблемой российского рынка и, соответственно, преградой для технологического лидерства РФ.

Демографический потенциал является одним из стратегических условий обеспечения технологического лидерства, о чем также упомянуто и в Указе Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Постиндустриальная модернизация, столь необходимая для современного технологического лидерства, характеризуется не только ускорением научно-технического прогресса, но и быстрым устареванием знаний и компетенций в парадигме трансформирующейся экономики. Доминирование в отечественной рабочей силе категорий населения, фундаментальное образование и компетенции которого были получены преимущественно в период, когда не ставились задачи достижения технологического лидерства, создает структурную проблему для модернизации экономики, вызывая незакрытую потребность в областях, обретших актуальность в рассматриваемый период.

Следующим этапом стоит очертить область привлекаемой рабочей силы. Как следует из работы Банка России «Влияние миграционных потоков на экономическую активность и рынок труда России в целом и региональном аспекте», большинство мигрантов прибывают из стран постсоветского пространства: Узбекистана, Таджикистана и Казахстана.

По данным Росстат, количество высококвалифицированных мигрантов в период с 2018 по 2022 г. не превышало 70 тыс. человек [7, с. 182]. Доминирующая группа среди мигрантов по уровню образования – люди со средним общим образованием (39% от общего числа). Хотя совокупное количество мигрантов уменьшается в связи с неопределенной внешнеполитической ситуацией и ужесточением миграционной политики, долевое соотношение по уровню образования остается равномерно распределенным.

Группы с высшим (11%) и незаконченным высшим образованием (0,08%) являются самыми малочисленными. Это позволяет утверждать, что миграционная политика в настоящее время не вполне способствует обеспечению технологического лидерства РФ. Разумеется, этот факт не отменяет важности низкоквалифицированного труда, который необходим для стабильного выполнения повседневных задач в сферах, обеспечивающих фундаментальные бизнес-процессы.

На основании договора об осуществлении трудовой деятельности на территории РФ, заключенного в рамках ЕАЭС, лидирующими сферами являются строительная (27,9% в 2024 г.), торговая, ремонт и работа гостиниц и общественного питания (24,9% в 2024 г.). С 2020 года доля мигрантов, занятая в приведенных сферах, растет,

что свидетельствует о повышенном спросе на рабочую силу в этих областях.

В то же время рост доли привлеченной рабочей силы в профессиональной, научной, технической и административной сферах вырос на 7% с 2020 по 2024 г.

Оптимизация миграционных потоков, выступая актуальным вопросом технологического лидерства, создает необходимость в обращении к опыту других стран, занимающих лидирующие позиции по приведенному критерию. Для более детального анализа были выбраны следующие страны: США, Южная Корея и Великобритания.

Рассмотрим миграционную политику Соединенных Штатов. Иммигранты делятся на следующие группы: рабочие, студенты, инвесторы, родственники, беженцы, – все они неразрывно связаны с институтом, на основании которого они осуществляют деятельность. Существует два вида виз: временные и постоянные. Временные обязывают иммигранта покинуть страну после окончания срока, постоянные позволяют претендовать на ВНЖ и даже гражданство. Такого рода политика позволяет избежать обвинений в национализме и сохранить наибольшее перспективных иммигрантов в стране.

По данным исследования Pew Research Centre, направленного на выявление общественного мнения, доля иммигрантов, имеющих высшее образование, преобладает над остальными [12]. Таким образом, процедура получения визы выстроена так, чтобы пропускать тех специалистов, которые обладают практическими навыками и отвечают задачам технологического лидерства, поставленным Правительством США.

Теперь обратимся к миграционной политике Соединенного Королевства. За последние несколько лет рынок труда Великобритании столкнулся с кризисом – неэффективность госуслуг, длительные болезни населения и его ранний выход на пенсию [11]. В результате встал вопрос привлечения иностранных специалистов.

В соответствии с исследованием Офиса национальной статистики Великобритании основными причинами иммиграции в страну в 2024 г. являлись: работа (417 000 тысяч человек); учеба (375 000 тысяч человек); убежище (84 000 человек) [9]. За первый квартал 2024 г. уже более 1/5 от общего числа рабочих страны составляли люди, родившиеся за границей. Чаще всего мигранты задействованы в таких сферах как здравоохранение и медицинский уход, а также розничная торговля, однако есть исключения. Так, 53% мигрантов из Индии заняты в высокопрофильных сферах против 33% от местного населения [10].

Успеху Великобритании способствуют следующие аспекты миграционной политики:

- достаточно строгие критерии отбора для получения рабочей визы;
- отдельные программы поддержки приезжих работников (Displaced Talent Mobility);
- специальные визовые программы для приезжих из определенных стран (программа молодых специалистов Индии, программа мобильности молодежи из Гонконга и Тайваня).

Таким образом, технологическое лидерство Великобритании обусловлено не экстрактивным наращиванием рабочей силы за счет миграции, а наличием специализированных миграционных каналов, позволяющих иностранным специалистам трудоустроиться в сферах технологического лидерства Великобритании. Существование отдельных программ поддержки для мигрантов, которые реализуются в сотрудничестве с частными предприятиями с целью преодоления кадрового голода, отличает Британию от других технологических держав, и потому данный опыт выглядит перспективным и потенциально применимым для российских условий.

¹ Доля российских работников с высшим образованием превысила треть // FinExpertiza [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2022/rabvysh-obraz/> (дата обращения: 02.03.2025).

² Там же.

Республика Корея, будучи одним из мировых лидеров в сфере технологий, также является релевантным примером для рассмотрения. Более того, в вопросе миграции можно провести определенные параллели между Кореей и Россией, о чем будет упомянуто далее.

Особенностью миграционной политики Южной Кореи является то, что она направлена, главным образом, на привлечение трудовых ресурсов. В условиях нарастающего демографического кризиса в 2004–2007 гг. была разработана и внедрена единая программа Employment Permit System, упростившая процесс найма иностранных рабочих. Что характерно, приоритет был отдан привлечению неквалифицированных трудовых мигрантов из развивающихся стран. Так, на веб-сайте EPS помимо корейского и китайского доступен выбор исключительно из языков развивающихся стран азиатского региона: Лаоса, Вьетнама, Узбекистана и др. [8].

Однако нельзя сказать, что выбранный Кореей путь в отношении привлечения иностранной рабочей силы стал фактором ее технологического лидерства. Эти процессы необходимо рассматривать как независимые, поскольку подавляющая часть прибывающих в Южную Корею мигрантов не задействована в сферах, определяющих технологическое лидерство страны (электроника, автомобилестроение и т.д.). В то же время перекося в сторону экстрактивного удовлетворения потребностей рутинного труда зафиксировал проблему дефицита ученых и высококвалифицированных кадров на малых и средних предприятиях.

В заключение, проанализировав состояние отечественной рабочей силы и структуру миграции в РФ, рассмотрев перспективы оптимизации миграционного потока и проведя компаративный анализ миграционной политики зарубежных стран из парадигмы технологического лидерства, можно сделать следующие выводы. Количественное наращивание рабочей силы за счет привлечения неквалифицированных зарубежных специалистов не способствует модернизации страны. Напротив, избирательная миграционная политика, нацеленная на точечное привлечение необходимых высококвалифицированных кадров, служит эффективным инструментом достижения технологического лидерства.

Литература

1. Антонова Г.В. Квалифицированные трудовые мигранты на российском рынке труда / Г.В. Антонова, Ф.И. Мирзабалаева, Л.Н. Кураева // Экономика труда. 2020. Т. 7, № 2. С. 155–172.
2. Гребенюк А.А. Потребность российской экономики в иностранных трудовых ресурсах в условиях внедрения новых технологий // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 2. С. 507–521.
3. Кудяева М., Редозубов И. Влияние миграционных потоков на экономическую активность и рынок труда России в целом и региональном аспекте // Банк России // 2021: [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cbr.ru/ec_research/ser/wp_khab_dec (дата обращения: 03.02.2025).
4. Иммиграционная политика США: история развития вопроса // МГИМО [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mgimo.ru/upload/2017/10/apanovich-parenkov.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 05.03.2025).
5. Самсонова Виктория Георгиевна. О некоторых аспектах иммиграционной политики Республики Корея // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоко-

ведение и африканистика: Реферативный журнал. 2022. № 3. С. 105.

6. Тавокин Е.П. Дефицит кадров в современной России: причины и направления решений // Гуманитарий Юга России. 2024. № 4. С. 104–120.
7. Труд и занятость в России. 2023 // Стат.сб./Росстат – Т78 М., 2023. – 182 с.
8. Employment Permit System // Employment Permit System [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.eps.go.kr/eo/langMain.eo?langCD=uz> (дата обращения: 05.03.2025).
9. Long-term international migration, provisional: year ending June 2024 // Office for National Statistics [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/bulletins/longterminternationalmigrationprovisional/yearendingjune2024> (date of circulation: 04.03.2025)
10. Migrants in the UK Labour Market: An Overview // The Migration Observatory at the University of Oxford [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/migrants-in-the-uk-labour-market-an-overview/> (дата обращения: 04.03.2025).
11. UK Labour Market: October 2022 // Office for National Statistics [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ons.gov.uk/releases/uklabourmarketoctober2022> (дата обращения: 04.03.2025).
12. What the data says about immigrants in the U.S. // PewResearchCentre [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/09/27/key-findings-about-us-immigrants/> (дата обращения: 05.03.2025).

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE MIGRATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION TO CREATE CONDITIONS FOR TECHNOLOGICAL LEADERSHIP

Mamaeva Yu.A., Vavilov D.S., Gunko A.M., Didenko A.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article considers migration policy from the point of view of ensuring technological leadership of the Russian Federation. Based on the analysis of the demographic structure, education level and qualifications of the labour force, the key problems and challenges facing the domestic labour market are highlighted. A comparative analysis of the migration policy of major technological powers: the USA, the UK, and South Korea is carried out to determine an effective strategy for the use of foreign workforce. This analysis is necessary to perform two tasks: to form an adequate picture of the current state of the domestic labour market and to identify its vulnerabilities and needs.

Keywords: technological leadership, labor market, labor resources, demography, migration, migration policy.

References

1. Antonova G.V. Qualified labor migrants in the Russian labor market / G.V. Antonova, F.I. Mirzabalaeva, L.N. Kuraeva // Labor Economics. 2020. Т. 7, № 2. С. 155–172.
2. Grebenyuk A.A. The need of the Russian economy in foreign labor resources in the conditions of the introduction of new technologies // Regional Economics. 2020. Т. 16, vol. 2. P. 507–521.
3. Kudaeva M., Redozubov I. Influence of migration flows on economic activity and labor market of Russia as a whole and regional aspect // Bank of Russia // 2021: [Electronic resource]. Access mode: https://www.cbr.ru/ec_research/ser/wp_khab_dec (date of access: 03.02.2025).
4. U.S. immigration policy: history of the development of the issue // MGIMO [Electronic resource]. Access mode: https://mgimo.ru/upload/2017/10/apanovich-parenkov.pdf?utm_source=

google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (date of access: 05.03.2025).

5. Samsonova Victoria Georgievna. About some aspects of immigration policy of the Republic of Korea // Social and Humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 9, Oriental Studies and African Studies: Abstract Journal. 2022. № 3. С. 105.
6. Tavokin E.P. Personnel deficit in modern Russia: reasons and directions of solutions // Humanitarian of the South of Russia. 2024. № 4. С. 104–120.
7. Labor and employment in Russia. 2023 // Stat.sb./Rosstat – T78 M., 2023. – 182 с.
8. Employment Permit System // Employment Permit System [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.eps.go.kr/eo/langMain.eo?langCD=uz> (дата обращения: 05.03.2025).
9. Long-term international migration, provisional: year ending June 2024 // Office for National Statistics [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/bulletins/longterminternationalmigrationprovisional/yearendingjune2024> (date of circulation: 04.03.2025).
10. Migrants in the UK Labour Market: An Overview // The Migration Observatory at the University of Oxford [Electronic resource]. Mode of access: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/migrants-in-the-uk-labour-market-an-overview/> (дата обращения: 04.03.2025).
11. UK Labour Market: October 2022 // Office for National Statistics [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.ons.gov.uk/releases/uklabourmarketoctober2022> (дата обращения: 04.03.2025).
12. What the data says about immigrants in the U.S. // PewResearchCentre [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/09/27/key-findings-about-us-immigrants/> (дата обращения: 05.03.2025).

Метафора лоскутного одеяла

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор, заместитель
главного редактора журнала «Социология»

E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Лоскутное одеяло – традиционная постельная принадлежность крестьянского быта, символизирующая скромный материальный достаток, ибо покрывало для постели приходилось сшивать из остатков и отходов материи, экономное отношение к вещам (не выбрасывать, не покупать всякий раз новое, а реанимировать старое, дать ему новую жизнь в новом качестве), эстетическое отношение к повседневной реальности (художественный подбор лоскутков и заплаток нередко с символическим и мифологическим смыслом), сегодня стало платформой самого модного тренда в любительском искусстве и любительском досуге во всех странах мира.

Ключевые слова: культура, метафора, лоскутное одеяло, лоскутизм, плавильный котел, наука, система понятий, социальные сети.

Поскольку лоскутное одеяло всегда на виду, всегда под руками и постоянно присутствует в народном сознании, нет ничего удивительного в том, что эта вещь повседневного пользования стала метафорой огромного числа явлений в искусстве, социальной сфере, политике, экономике, истории, например, империя как лоскутное одеяло¹, мировоззрение как лоскутное одеяло, феодальная раздробленность – образец лоскутной метафоры. ЕС – пример национальных суверенитетов при внешнем сходстве интересов и ценностей, внешней соединенных Шенгенской системой. Лоскутное одеяло служит метафорой и образом множества самых разных явлений – швейных, строительных, технических, культурных, социальных, политических и даже экономических, и географических. С лоскутным одеялом сравнивают вывешенные на улицах города праздничные флаги, транспаранты манифестантов на многолюдной улице, флажки, которыми обкладывают волка, огороженное место преступления, флажную ленту (флажные гирлянды) на мачте корабля.

Смысл таких метафор – целое, скроенное из разномастных частей, может оставаться гетерономной, чужеродной средой жизни, а может превратиться в гармоничное мультикультурное образование. Если городские дома уподобить лоскутам одеяла, то их серые фасады не доставят радости ни самим жителям, ни туристам. На помощь приходят граффити-художники – они расцвечивают улицы в радугу. Многоквартирный дом – лоскутное одеяло с жесткими границами, разномастными бытовыми культурами, разными семьями – но под одной крышей, ибо сшиты жесткими «нитями». По иронии судьбы, бесконечные числа, цифры и величины, подобно густому и бесконечному лесу, загораживают маленькие миры – локальные концентрации маленьких людей, малые родины, которые можно уподобить кустам, перелескам, рощицам, подлескам. Так большие данные, охватывающие планетарные миры, загораживают солнечный свет для лоскутной этнографии, оставляя ее в тени.

Метафора **плавильного котла**, где разношерстные народы сливаются в единое целое, применялась гласно в США и негласно в СССР в понятии «единого советского народа». Сегодня эта метафора в обеих странах устарела – социальный проект оказался утопичным. На смену пришла новая метафора – салата, винегрета, лоскутного одеяла, где каждый народ, объединяясь в рамках общих государственных границ, сохраняет свою самобытность и оригинальность. Термин «плавильный котел» пришел из пьесы «Плавильный Котел» (1908) еврея-иммигранта из России Израэля Цангвилля, который приспособил драму Ромео и Джульетту к обстановке в городе Нью-Йорка. В пьесе иммигрант Давид Кихано, русский еврей, полюбил Веру, русскую иммигрантку, которая была христианка. Брак и стал тем самым «плавильным котлом». Более широкий смысл заключался в том, что американцы, выходцы из разных странах, становятся в США единым целым (рис. 1).

¹ У К.Г. Паустовского в книге «Повесть о жизни» есть такие строчки: «В то время Австрию насмешливо называли «лоскутной империей», а австрийскую армию – «цыганским базаром»».

Рис. 1. Метафора плавильного котла не столько пищевая или вещевая, сколько политическая и культурная

Плавильный котел образуется в стране через межнациональные браки и появления нескольких поколений метисов. Салат создается простым соседством, проживанием рядышком, сотрудничеством на работе, общим гражданством. А лоскутное одеяло? Оно не требует и этого, ибо каждый лоскуток существует сам по себе в собственном цвете и со своим рисунком, но кто их сшил в некое целое вовсе не для их блага, а для того, чтобы укрыть свое собственное тело. Плавильный котел – не единственная метафора пэчворка. Лоскутное одеяло очень похоже на салат, где каждый ингредиент сохраняет культурную самобытность. Метафора салата или салатницы (salad bowl) преподносится как контраст понятию плавильного котла, но не альтернатива лоскутному одеялу. Мультикультурное рагу (multicultural stew) представляет собой смесь метафор плавильного котла и салатницы: все элементы сохраняют целостность, но теряют свой вкус, приобретая некий общий. А еще есть метафора культурной мозаики (cultural mosaic), где все нетронуто и неподвижно, но целое приобретает неповторимую красоту. Так и с лоскутным одеялом.

Лоскутный или лоскутковый мир доставляет нашим глазам не просто радость и восхищение. Он выполняет много важных психофизиологических функций. Почему нашим глазам не доставляет радость однообразное городское пространство, серое и безликое, например стандартные хрущевки, и иго приходится разукрашивать при помощи граффити или домов разного цвета. Все однообразное для человека – это смерть. Не физическая, а когнитивная, психофизиологическая и даже социальная, ибо оно, помимо всего прочего, снижает социальную активность, давит в зародыше всякую мотивацию и достижительность, всякое желание что-либо желать и с чем-то бороться. Монотонность сродни безысходности. Невыносимо находится долго в одноликих больничных стенах палат и коридоров.

Концептуальные аналоги лоскутного одеяла как процесса и как результата: соби́рание земель, консолидированные ресурсы или бюджет, мультикультурализм, многомыслие, разномыслие, разномастность, гетерогенность, разношерстность, соединение несоединимого, скроенность, сшитость, бриколаж, симфония, цитация, энциклопедизм, сборка, монтаж, установка, компоновка, ассемблирование, соединение, складчина, агрегатирование, склеивание, созвездие, ассамбляж, карта, чересполосица, методологический индивидуализм в смычке с онтологическим холизмом, смычка города и деревни, каталогизация, классификация, составное целое, феодальная раздробленность, федеральное государство,

множественность, модель социальной онтологии, картотека. В лоскутном одеяле каждый кусок может быть уникальным, тем не менее, все они объединяются так, что возникает связанное целое. Лоскутное одеяло (Patchwork Quilt) – метафора культурного разнообразия и политического единства.

Лоскутное одеяло – это сборная мира, отовсюду по-немногу: от старых станов, обветшалой занавески, дырявой простыни, ненужных трусов и т.д. Иначе такую ситуацию можно назвать «с миру по нитке». Переиначив ее, получим «с миру по лоскутку». Какого мира? Бытового, вещевого, повседневного. Старые вещи – вот источник сырье для лоскутного одеяла. Оно дает им новую жизнь, второе рождение, ренессанс, второй шанс заиграть всеми цветами радуги в сообществе новых друзей, таких же отбросов и маргиналов, как и они. Остатки – так еще можно назвать кусочки старых вещей, старой одежды и обстановки. Остатки или останки? А еще их можно уподобить живому трупу – вроде бы уже трусы умерли и годны только на свалку, а с другой руки жалостливой бабушкой перешли их, пустив на лоскутки для одеяла.

Лоскутность в науке. Лоскутное одеяло – метафора **системы понятий** в каждой дисциплине. В системе научного знания – в междисциплинарной матрице и концептуальном аппарате одной науки – фигуры имеют разные размеры, формы, пересечения, накладывание и т.д., отражая реальный ход вещей. Такие гиганты как физика в своем составе имеют сотни поддисциплин и областей знания самой разной направленности, которые пересекаются между собой, взаимодействуют, используют понятия и методы. Также происходит и в рамках общей социологии, которая подразделяется на десятки направлений, внутри которых идет дальнейшее разветвление знаний. Что касается понятий внутри одной науки, то некоторые становятся объектом общего пользования, например, понятие социальной структуры, статуса и мобильности употребляют всё множество социологических поддисциплин. Вот почему на схеме фигуры пересекаются, накладываются, сотрудничают самым непредсказуемым и неожиданным образом (что выражено кривыми линиями), рождая новые области знания (рис. 2).

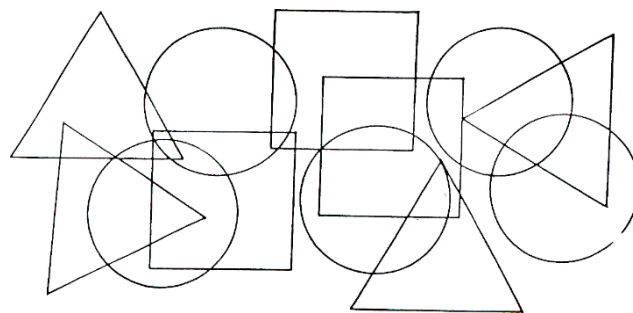

Рис. 2. Лоскутное одеяло – метафора системы научного знания: если каждую науку изобразить квадратом, прямоугольником или кружком, разместить на одной плоскости, подписать каждую и покрасить в разный цвет, то мы получим научный квилт или пэчворк

Социальные науки – это лоскутные одеяла, скроенные из социальных текстов, способных общаться друг с другом не только внутри, но и через дисциплинарные границы. Использование междисциплинарных понятий, методов и полученных знаний крепко сшивает разные науки, создавая единый, пусть и лоскутный, массив научных знаний, отражающих такой же лоскутный мир. Иначе понять разношерстную онтологию социальной реальности нельзя, как только рассматривая каждый фрагмент более детально и более глубоко наиболее адекват-

ными для него средствами. Так врачи разных специальностей анализируют единое тело человека с помощью разных знаний, разными инструментами и приемами, дают разные рекомендации и выписывают разные рецепты. Неправильно задачи хирургии решать методами офтальмологии.

Лоскуты – это всегда части целого, фрагменты, куски чего-то – не обязательно из ткани. Это могут быть отдельные высказывания или цитаты. Так строятся многие диссертации, которым в рецензии указывается на отсутствии целостности, логической последовательности. Диссертация как лоскутное одеяло, как сумма цитат. Учебник по обществознанию – красноречивый пример лоскутного одеяла: под одной крышей поселил семь наук, каждая наука занимает свой этаж, где квартиры-параграфы так краткие и так на разные темы, что никакого единства не прослеживается. Но они – разноцветные лоскутки – все же сшиты в пестренькое одеяльце.

Multi-sited ethnography переводится по-разному: многоместная, многосекторальная, многоуровневая, многолокальная, многоплощадная, многофасетная, многосайтовая, многопрофильная, многоплановая как комбинация множества разных методов исследования, категорий локаций, респондентов, источников информации, приемов интерпретации. Но можно предложить буквальный перевод – мульти-лоскутная этнография, этакий научный пэчворк.

А каков опросный метод – столбовой остов социологии? Красавец, да и только! Он возник во времена оные – его пользовал Сократ 2500 лет тому назад, перепись населения как первый массовый опрос населения, известен со времен Христа. Перепись населения упоминается только в Евангелии от Луки. «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квириния Сирию. И пошли все записываться, каждый в свой город» (Лк. 2:1–3). Сегодня без него не может никто обойтись – маркетологи, политики, учителя и даже врачи с журналистами. Быстро, просто и дешево. Что может быть более современным в наш прагматический век? А ведь опрос – форменное лоскутное одеяло. К тому же многослойное.

Во-первых, социологи опрашивают самые разные и весьма крупные категории населения – по возрасту, полу, достатку, национальности, интересам, месту жительства и т.д. Выборочная совокупность – первый слой лоскутного одеяла.

Во-вторых, за один обход социолог стремится охватить как можно больше самых разных тем, часто ну никак между собой не смыкающихся – от социально-демографических данных, интереса к чтению газет, политических предпочтений, оценки правительства до вопросов смысла жизни, уровня счастья и склонности к нетрадиционным ориентациям. Это второй и не менее цветастый слой лоскутного одеяла.

В-третьих, существуют самые разные, часто противоречивые, интерпретации одних и тех же фактов как самими учеными, так их заказчиками и многомиллионной публикой. Этот слой одеяла вообще не поддается никакому обзору.

И ведь весь научный хаос социологу и его команде удастся как-то «простегать», как швее соединить швами, стежками, выстроить общую композицию, убирая лишнее и дополняя отчет новой информацией.

Лоскутность в культуре. Лоскутное одеяло – кандидат в культурные универсалии. Есть у всех народов, во все эпохи, начиная с доземледельческой, миллионы людей заняты этим по всему миру, созданы многочисленные клубы, ассоциации, мастер-классы, журналы,

индустрии, магазины, фестивали и т.д. Самые популярные направления в ремесленном искусстве вышивки – *пэчворк* (лоскутное шитье) и *квилтинг* (создание орнаментов и целых картин).

Лоскутное шитье, лоскутная техника, лоскутная мозаика, текстильная мозаика – вид рукоделия, в котором по принципу мозаики сшивается цельное изделие из кусочков ткани. Лоскутная мозаика – одно из направлений в технике лоскутного шитья. Близкие к нему метафоры – плавильный котел наций, салат мультикультурализма, гетерогенное образование, разношерстность.

На всех квилтах лежит печать неповторимого домашнего ремесла, хотя не все они смогли подняться до произведения искусства или художественного шедевра. Однако каждый квилтер берется за работу лишь с намерением заняться творчеством, а не товаропроизводством. Женщины-мастерицы трудятся в рамках определенной художественной традиции, наследуя и продолжая ее. А лоскутные традиции в каждой стране особые, их корни лежат в античности, если не в первобытных временах.

При любом переносе образа лоскутного одеяла, использования его в той или иной области общества, там возникает ощущение праздничности и карнавальности. Например, демонстрация на улице города или ее украшение к празднику флагами, флажная гирлянда на корабле похожи на карнавал – игра цветов, форм и размеров, яркость света и т.д.

Лоскутное одеяло – *социальная матрица культуры*, где в художественных узорах закодированы расовые и гендерные отношения, феминистские ценности, механизмы обучения, общения и социализации, следы господства и угнетения, неравенства и жажда справедливости, романтические сантименты и глубокие личные переживания, социальный заказ и социокультурная адресность одеяла (подарок, наследство, репрезентация, товар), фольклорные и мифологические мотивы, предания и исторические тренды своей эпохи, матрица семейных ролей и ценностей, традиций и интересов.

Лоскутное одеяло – метафора многокультурности (не путать с мультикультурностью): каждый лоскуток-страна сохраняет свою самобытность, попав в единое целое, швы-границы хранят незыблемость границ каждой страны и сцепку общего союза. Функция целого – сохранять тепло накрытого тела, повышать эстетический статус человека или комнаты. Полезна и сама работа над одеялом, она имеет терапевтический эффект. Составление мозаики из фрагментов ткани отвлекает, расслабляет, улучшает настроение. Пэчворк – красота, фитнес, труд, изготовление новой продукции из старого сырья (рис. 3).

Рис. 3. Лоскутное одеяло надо считать прекрасной визуальной метафорой для уютного тихого быта мещанина: мирный труд, идиллия обстановки, неспешный ход времени, цветное пространство

Лоскутное одеяло и картины абстракционизма – у них много общего. Первые делаю тканями то, что другие изображают красками. Там и здесь – геометрические фигуры разных цветов и размеров. Но есть и существенная разница. Художники ничем не ограничены, композиции составляют, исходя из своего воображаемого геометрического и цветового пространства. Цветами можно выразить то, что нельзя изобразить лоскутами ткани. Различие между ними еще и в том, что одеяла могут иметь сюжетную графику, а картины – только геометрическую абстракцию. Вторые уже готовы, уже кем-то сделаны. Здесь нельзя смешивать цвета и подбирать нужный тон. Ткань задает форму и цвет, а воображение швеи – образ одеяльной мозаики. Одеяло – трехмерное, а картина – двухмерная. Сходство у них только в цветной поверхности, только в визуальном ряде. Но картиной укрыться нельзя, на диван не постелешь, на пол не положишь, не передашь по наследству как память бабушки и т.п.

Постмодернизм, допускающий смешение всего со всем, полную свободу творчества в сочетании несочетаемого – это суть лоскутное одеяло и лоскутизма как мышления.

Лоскутизм – тип мировоззрения, который 1) считает, что весь мир состоит не из гармоничного целого, а из разрозненных лоскутов, имеют собственные интересы и не очень дружелюбно настроенных друг к другу; 2) любую красивую и гармоничную вещь, не только одеяло, можно сшить из разноцветных лоскутков; 3) нельзя выбрасывать отходы и обрезки, их можно пустить в дело, сотворить что-нибудь полезное, будь экономичным и пользуйся безотходными технологиями; 4) лоскутизм как психологическая болезнь, зависимость, постоянное желание что-то делать из лоскутков; 5) лоскутизм – одеяние нищего; 6) разновидность эклектики и дурного вкуса.

Квилтинг можно трактовать – в психологическом плане – как склейку себя, самосшивку, самосборку. Сделай сам себя – это искусство сшивать вместе маленькие кусочки себя – своего сердца, души, таланта, видения – с помощью нитей любви.

Наша память – лоскутное одеяло, сшитое из разношерстных кусочков прошлого. А разве семейный альбом не лоскутное одеяло. Или тот же интернет.

Метафора лоскутного одеяла выводит на **метафору паутины** и плетения. Это связанные метафорические поля. Мир и наука как лоскутное одеяло столь же значимые метафоры и столь же глобальны, как космическая паутина или общество как паутина зависимостей (webs of significance). Жить в обществе и быть... Ленин прав, а после него был прав Клиффорд Гирц, сказавший, что человек – это существо, висящее в сетях зависимости. А сети зависимости – это все человеческие отношения. Барахтанье в этих сетях – социальные взаимодействия. Вырвать из сетей или паутина зависимостей нельзя, как нельзя жить в обществе и быть свободным от него.

Социальные сети – это крэизи-пэчворк, крейзи-квилт (англ. crazy quilt) или безумные (сумасшедшие) лоскутки, помойка, раздробленный медиа-ландшафт, онлайн-контент, каждый говорит, что хочет, никаких правил и цензуры. На каждом сайте и в блоге свои правила, свои темы, аудитория

Всемирная паутина (World Wide Web) – распределённая система информации – пример бытовой метафоры. Паутина образуется в заброшенных местах, темных углах и в нехоженных кустах – некое искривленное пространство, ловушка для слабых и малых, признак бытовой заброшенности, неповседневности. Этакое не-место в местах отдаленных и почти ненаселенных. Стиву

Джобсу на глаза попался как-то подсолнух, и он предложил сделать iMac второго поколения похожим на него. Pinterest, завоевавший 10 миллионов пользователей за рекордное для социальной платформы время, построен на метафоре доски для заметок. Метафора облака также задействована в Паутине. Если подумать, то облако в паутине – совершенной невероятный для повседневной жизни образ (рис. 4).

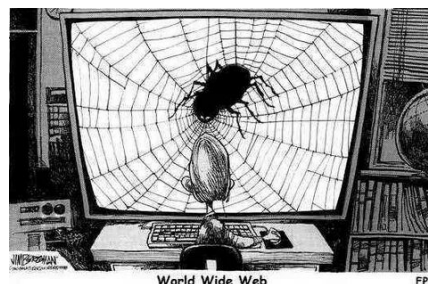

Рис. 4. Паутина – всемирная или комнатная – тоже лоскутное одеяло или его метафора

Сплетать паутину социальных норм или заплетать человеческие отношения, замечать или путать следы, плести сети заговора – сколько еще паутячих движений в социальной жизни.

Лоскутное одеяло – метафора тихого быта мещанина, как по технике изготовления, так и по результату. Техника – домашнее ремесло, материал, остатки одежды, одеяло напоминает разноцветный, в теплых пастельных тонах, интерьер городской квартиры или деревенской избы. Ковер близок лоскутному одеялу.

Раньше лоскуты свидетельствовали о бедности и отражали экономику бедных, которым некуда было деваться, как только перешивать старье. Лоскутное ремесло было распространено у всех бедняков по всему свету, особенно во время кризисов, неурожая, голода и войн. Старую одежду обновляли с помощью заплаток, перешивали ее, кроили и составляли предметы домашнего обихода и одежду из кусочков разномастной ткани. Возникла своего рода *лоскутная экономика*.

А сегодня? Сегодня это развлечение богатых либо обеспеченных, ибо не тряпье идет в ход, а высококачественные материалы, нередко искусственного происхождения, из специализированных магазинов с использованием современных швейных машинок, лазерной резки и выкроек из престижных журналов. На такое развлечение, которым в только в США занято от 11 до 17 млн человек, работает целая индустрия.

Экономика бедных построена на принципах безотходных технологий: съешь все до конца, в тарелке ничего не оставляй, отходы свиньям, сорняк в компост, сломанную мебель отремонтируем, вещи передадим по наследству или позаимствуем у родственников. Вряд ли у одной хозяйки раньше могло найтись много разноцветных лоскутков – не вся одежда разом обветшала. Значит, существовал некий фонд обмена, где швеи могли держать двойные лоскутки и обмениваться: на тебе синенький, а мне дай красненький, синеньких у меня два. Так коллекционеры обмениваются дубликатами, а то и одним экземпляром, если у коллеги марка больше подходит по теме.

Когда всю домашнюю одежду женщины ткали вручную, то лоскутков быть не могло. Но с появлением машинного ткачества появились дешевые ситцевые отходы, которые шли на повторное использование. *Пэчворк* – вторая жизнь умерших в первой, но не до конца истлевших и в мусор попасть не умевших.

В лоскутном одеяле каждый **лоскуток**, который был в период своей молодости частью единого целого и ценился вместе со всеми, теперь одинокий остаток погибшей империи и в новом целом он Другой, он чужой. Но все лоскутки чужие друг другу, каждый выхвачен, выдернут, брошен в совершенно чужую среду. Гетерогенное единство – новая родина для тех, кто когда-то существовал совсем в другом, гомогенном, мире.

В лоскутном одеяле – как вещи, так и в метафоре – швы выполняют не менее важную роль, чем куски ткани. **Швы** – это границы между государствами, которые могут обозначить чисто символически, или колючей проволокой. Шито белыми нитками – это примерка, как бы пилотажное исследование. Если все в порядке, то белые нитки на одежде прошивают нитками другого цвета уже не наскоро, а навсегда. Белыми нитками портниха пользуется для того, чтобы безошибочно определить, где пройдет шов. Когда одежда была готова полностью, белые нитки просто удалялись.

Эквивалент «шито белыми нитками» – выражение «на живую нитку» в значении «наскоро», в науке – пилотажное исследование, пробный эксперимент, в технике – пробны продукт. Шито белыми нитками, значит у него уши торчат: налицо недостатки, недоделки; работа сделана недобросовестно, неквалифицированно; как ни прячь, рано или поздно все вылезет наружу – так и скелеты в шкафу, когда-нибудь их обнаружат.

Лоскутное одеяло как метафора чего-то другого – предмета, явления, практики, науки, конференции, на-

писания статьи, риторики, вышивания – служит пользу в двух видах, а именно горизонтальном и вертикальном. В *горизонтальном* она демонстрирует разнообразие мира, скроенность его и каждого региона мира из пестрых кусочков, в *вертикальном* показывает многослойность чего-либо, чередование не одинаковых, а разных слоев, при этом каждый слой – верхний, средний и нижний – выполняют разные функции, а не просто являются напластованием полок и ящиков. Если изобразить типичный фермерский пейзаж в Британии, США или России, то он напомнит знакомое лоскутное одеяло из небольших полей с посевами и загонами, окруженных живой изгородью, заборами или каменными стенами.

METAPHOR OF A PATCHWORK QUILT

Kravchenko A.I.

A patchwork quilt is a traditional bedding item of peasant life, symbolizing modest material wealth, because the bedspread had to be sewn from the remains and waste of material, an economical attitude to things (not to throw away, not to buy a new one every time, but to revive the old, to give it a new life in a new quality), an aesthetic attitude to everyday reality (artistic selection of scraps and patches often with symbolic and mythological meaning), today has become the platform for the most fashionable trend in amateur art and amateur leisure in all countries of the world.

Keywords: culture, metaphor, patchwork quilt, patchworkism, melting pot, science, conceptual system, social networks.

Адаптация SMM-стратегии для продвижения прикладной литературы (опыт издательства «АСТ»)

Микрюков Владимир Олегович,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: vomikryukov@fa.ru

Кострюкова Арина Михайловна,

студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: kostryukova.a@gmail.com

Рыжкова Арина Максимовна,

студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: arina.ryzhkova.2005@inbox.ru

Амерьянц Анна Дмитриевна,

студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: annyameryants@gmail.com

Кочергина Ульяна Дмитриевна,

студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: uliana65412@gmail.com

В статье анализируются особенности адаптации стратегий SMM (маркетинга в социальных сетях) для продвижения прикладной литературы на российском книжном рынке. В условиях цифровизации и роста конкуренции традиционные методы маркетинга, такие как реклама в печатных СМИ, теряют свою актуальность, уступая место более интерактивным и гибким подходам. Исследование основано на глубинных интервью с 19 респондентами, активно использующими социальные сети для поиска информации о книгах. Выявлены ключевые аспекты, влияющие на выбор литературы, такие как доверие к отзывам экспертов и лидеров мнений, а также предпочтение визуально привлекательного контента. Рекомендуются акцентировать внимание на платформах ВКонтакте, Дзен и Телеграм, а также использовать современные форматы контента, включая видеоролики и инфографику. Статья подчеркивает важность создания сообщества вокруг бренда и активного взаимодействия с читателями для повышения эффективности SMM-стратегий издательства «АСТ», что позволит укрепить его позиции на рынке и увеличить продажи прикладной литературы.

Ключевые слова: SMM-стратегия, адаптация, аудитория, контент, маркетинг, прикладная литература, продвижение, социальные сети, издательство «АСТ».

В современном мире цифровизация и развитие социальных медиа существенно изменили подходы к маркетингу в различных отраслях, включая книгоиздание [1]. Традиционные методы продвижения книг, такие как реклама в печатных СМИ или участие в выставках, постепенно уступают место более гибким и интерактивным инструментам. Особенно это касается сегмента прикладной литературы, которая ориентирована на решение конкретных задач читателя: от самообразования до профессионального роста.

Актуальность научного анализа SMM-продвижения в книжном бизнесе заключается, во-первых, в том, что прикладная литература требует особого подхода к продвижению. Её целевая аудитория – это люди, которые ищут практические решения, реже развлечение. Поэтому SMM-стратегия должна быть адаптирована под их потребности, чтобы эффективно транслировать ценность продукта.

Во-вторых, существует значительная конкуренция на российском рынке книг. Крупные издательства, такие как «АСТ», сталкиваются с необходимостью не только сохранить свои позиции, но и постоянно находить новые способы привлечения внимания читателей. Социальные сети становятся ключевым каналом взаимодействия с аудиторией, где можно не только рекламировать продукты, но и создавать сообщества вокруг бренда.

В-третьих, SMM – это возможность использования данных аналитики социальных сетей для оптимизации маркетинговых решений. Издательство «АСТ» уже имеет успешный опыт внедрения SMM-стратегий, однако их адаптация под специфику прикладной литературы остаётся недостаточно изученной в научной литературе. Данное исследование направлено на заполнение этого пробела.

Обзор литературы

Исследование вопросов, связанных с продвижением литературы через социальные сети, активно развивается как в российской, так и в зарубежной науке. Рассмотрим основные работы, которые легли в основу нашего исследования.

В.А. Левченко выявил, что «одним из изменений в технологическом укладе, влияние которого на развитие современного книжного бизнеса существенно, является переход в эпоху «поисковых систем», который породил значительное усиление роли так называемого длинного хвоста в линейке потребляемых продуктов» [2]. Этот аспект важно учитывать при продвижении в социальных сетях издательства «АСТ», поскольку поведение потребителей в социальных сетях иное, чем в реальной жизни. В условиях, когда пользователи все чаще обращаются к поисковым системам и социальным медиа для нахождения нужной литературы, издательства должны адаптировать свои стратегии продвижения, чтобы эффективно использовать этот новый контекст. Таким образом, важно понимать, что «длинный хвост» подразумевает наличие множества нишевых продуктов, которые могут не иметь массового спроса, но в совокупности составляют значительную долю рынка. Издательскому

дому «АСТ» необходимо расширить фокус своей деятельности, уделяя внимание не только изданиям массового спроса, но и узкопрофильной литературе, способной привлечь внимание определенных групп читателей.

Международное научное сообщество проявляет значительный интерес к исследованию эффективности продвижения в социальных сетях для издательской индустрии. В своем фундаментальном исследовании «Social Media Marketing in the Publishing Industry: Strategies and Best Practices» исследователи Дж. Смит и А. Джонсон подробно рассматривают методы, позволяющие издательствам формировать читательские сообщества вокруг своих авторов и произведений посредством социальных платформ. Ученые подчеркивают, что постоянное общение с аудиторией через различные каналы коммуникации способствует не только успешному продвижению новых книг, но и развитию устойчивой приверженности к издательскому бренду [3]. Исследование включает детальный разбор результативных рекламных кампаний, где издательства успешно использовали материалы, созданные читателями, и их отзывы для укрепления репутации своей продукции.

М. Гарсия и Т. Ли провели глубокий анализ того, как социальные сети влияют на продвижение книг небольших издательств [4]. Их работа демонстрирует, что продвижение в социальных сетях открывает перед независимыми издателями особые возможности для взаимодействия с читателями, недостижимые при использовании классических методов распространения. Результаты исследования убедительно показывают, что применение точечной рекламы и взаимодействия с создателями контента существенно расширяет читательскую аудиторию и увеличивает объемы продаж.

Изучение представленных научных работ позволяет заключить, что продвижение в социальных сетях превратилось в ключевой элемент издательского маркетинга. Издательские дома любого масштаба могут значительно усилить свои позиции на рынке, используя социальные платформы для выстраивания диалога с читателями, создания вовлеченных сообществ и оптимизации маркетинговых подходов в соответствии с запросами целевых групп. Для сохранения конкурентоспособности на современном книжном рынке издательству «АСТ» критически важно учитывать эти направления при разработке стратегии продвижения в социальных сетях.

Проведенный анализ научной литературы свидетельствует о пристальном внимании исследователей к стратегиям продвижения в социальных сетях для книгоиздательской отрасли, однако вопрос применения этих стратегий к специализированной литературе нуждается в дополнительном исследовании.

Методология исследования

Настоящее исследование направлено на всестороннее изучение специфики применения методов продвижения в социальных сетях, в частности, для распространения специализированной и практической литературы. Для получения максимально точных и развернутых сведений о читательских предпочтениях и моделях взаимодействия пользователей с контентом в социальных сетях был применен метод глубинного интервью.

На протяжении периода с 3 ноября по 9 декабря 2024 года были проведены онлайн-опросы с девятнадцатью участниками исследования, представляющими разнообразные категории потенциальных читателей. Важно отметить, что все респонденты являются активными пользователями различных социальных платформ, регулярно использующими их как для информационного

поиска, так и для совершения покупок. В ходе глубинных интервью участникам предлагалось подробно рассказать о своих предпочтениях относительно содержания публикаций, поделиться информацией об основных каналах получения сведений о книжных новинках, а также описать ключевые факторы, оказывающие влияние на принятие решения о приобретении книг.

Результаты проведенного исследования имеют прикладную ценность, поскольку полученные материалы могут послужить основой для формирования конкретных предложений по совершенствованию стратегии продвижения издательства «АСТ» в социальных сетях. Внедрение этих рекомендаций позволит значительно повысить результативность маркетинговых усилий в сегменте практической литературы и обеспечит укрепление рыночных позиций издательства.

Авторский анализ полученных данных

Анализ результатов авторского глубинного интервью позволил выделить несколько ключевых аспектов, которые необходимо учитывать при адаптации SMM-стратегии для продвижения прикладной литературы.

Во-первых, авторы данной статьи зафиксировали, что выбор книги во многом зависит от наличия интересного отзыва о ней и четких описаний того, как именно книга может помочь решить конкретную задачу. Это подтверждает выводы О.Н. Ивановой о важности демонстрации пользы продукта [5]. В связи с этим рекомендуется активнее использовать формат видеороликов и постов с реальными историями пользователей.

Во-вторых, отметим, что подписчики при просмотре поста в социальной сети о какой-то прикладной книге доверяют рекомендациям экспертов и лидеров мнений. Поэтому сотрудничество с блогерами и экспертами в области прикладной литературы может стать эффективным инструментом продвижения.

В-третьих, опрошенные нами читатели отметили, что предпочитают контент, который легко воспринимается и не перегружен текстом. Это говорит о необходимости создания визуально привлекательного контента, например, инфографики или коротких видео.

Кроме того, анализ показал, что российская аудитория активно использует ВКонтакте, Дзен и Телеграмм как основные платформы для поиска информации о книгах [6]. Таким образом, акцент на эти платформы может стать ключевым элементом SMM-стратегии.

Заключение и общие выводы по исследованию

Формирование и реализация эффективной SMM-стратегии для продвижения прикладной литературы издательства «АСТ» является ключевым фактором укрепления его позиций на книжном рынке и оптимизации взаимодействия с целевой аудиторией. Учитывая специфику прикладных изданий, которые ориентированы на решение практических задач читателей, стратегия должна быть направлена на создание контента, демонстрирующего реальную пользу книг, активное вовлечение пользователей и использование современных digital-платформ.

Проведенный анализ позволил выделить основные направления совершенствования текущей SMM-стратегии: детальное изучение потребностей целевой аудитории, разработку персонализированного контента, выбор наиболее подходящих каналов коммуникации и внедрение системы мониторинга результатов. Подчеркнем также необходимость создания каждой единицы контента, чтобы в нем было как можно более наглядно продемонстрирована ценность материала через реаль-

ные примеры. Такой подход не только повысит доверие к бренду «АСТ», но и увеличит конверсию в продажи.

Особое внимание следует уделить роли экспертов и лидеров мнений, которым доверяют подавляющее большинство интервьюеров, которых мы опросили. Участие в продвижении литературы известных экспертов, публичных личностей, лидеров мнений может стать мощным инструментом формирования лояльности аудитории. Например, привлечение практикующих специалистов для обзоров книг по бизнесу или психологии позволит усилить доверие потенциальных покупателей и расширить охват за счет подписчиков экспертов. Кроме того, важно адаптировать контент под предпочтения аудитории. Это делает актуальным использование визуально привлекательных форматов, таких как инфографика, карусели и короткие видео.

Выбор социальных платформ также играет ключевую роль в успешности стратегии. Рекомендуется сосредоточиться на создании эстетичного контента, рассказывающего о книгах через фотографии, истории и короткие вертикальные видео. В Дзен и ВКонтакте при этом стоит делать акцент на развлекательный и интерактивный формат: например, запуск челленджей или создание коротких обучающих роликов, связанных с тематикой книг. Такой подход позволит максимально эффективно использовать специфику каждой платформы и увеличить охват аудитории.

Интеграция передовых технологий, таких как аналитика данных и машинное обучение, может стать дополнительным преимуществом в оптимизации SMM-стратегии. Например, использование инструментов аналитики для отслеживания поведения аудитории позволит выявить наиболее эффективные форматы контента и оперативно корректировать маркетинговые решения. Кроме того, углубленное изучение успешного опыта других участников рынка поможет адаптировать лучшие практики под специфику издательства «АСТ», обеспечивая максимальную результативность продвижения.

Мы полагаем, что реализация предложенных направлений позволит не только повысить уровень пользовательской вовлеченности и сформировать устойчивую приверженность бренду, но и обеспечить значительный рост продаж прикладной литературы. Стратегия, основанная на глубоком понимании потребностей аудитории, грамотном использовании digital-инструментов и постоянном анализе результатов, станет ключевым фактором успеха издательства «АСТ» в условиях цифровизации книжного рынка.

Литература

1. Микрюков В.О. Эффективная SMM-стратегии для продвижения прикладной литературы: опыт и рекомендации для издательства «АСТ» / В.О. Микрюков // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 1. – С. 333–336.
2. Левченко В.А. Перспективы развития малотиражной цифровой печати и on-demand-технологии в книгоиздании. Преимущества, проблемы и факторы роста / В.А. Левченко // Вестник Академии медиаиндустрии. – 2023. – № 3(35). – С. 48–57.
3. Smith J., Johnson A. Social Media Marketing in the Publishing Industry: Strategies and Best Practices // Journal of Publishing Studies. – 2021. – Vol. 15, – no. 3. – P. 45–67. – DOI: 10.1234/jps.2021.15.3.45.

4. Garcia M., Lee T. The Impact of Social Media on Book Marketing: A Case Study of Independent Publishers // International Journal of Book Marketing. – 2020. – Vol. 12, – no. 2. – P. 78–92. – DOI: 10.5678/ijbm.2020.12.2.78.
5. Иванова О.Н. Прикладная литература в цифровую эпоху: особенности продвижения // Культурные исследования. – 2023. – № 2. – С. 112–120.
6. Восканян М.М. Разработка стратегии продвижения в социальных сетях для бизнеса по фреймворку SOSTAC / М.М. Восканян, С.Э. Галаванова, В.О. Микрюков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 12, № 10–1. – С. 481–489. – DOI 10.34670/AR.2022.60.38.062.

ADAPTATION OF SMM STRATEGIES FOR PROMOTING APPLIED LITERATURE (EXPERIENCE OF THE AST PUBLISHING HOUSE)

Mikryukov V.O., Kostryukova A.M., Ryzhkova A.M., Ameryants A.D., Kochergina U.D.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article analyzes the peculiarities of adapting SMM (Social Media Marketing) strategies for promoting applied literature in the Russian book market. In the context of digitalization and increasing competition, traditional marketing methods, such as advertising in print media, are losing relevance, giving way to more interactive and flexible approaches. The research is based on in-depth interviews with 19 respondents who actively use social networks to seek information about books. Key aspects influencing literature selection have been identified, such as trust in expert and influencer reviews, as well as a preference for visually appealing content. It is recommended to focus on platforms like VKontakte, Zen, and Telegram, and to utilize modern content formats, including videos and infographics. The article emphasizes the importance of building a community around the brand and actively engaging with readers to enhance the effectiveness of SMM strategies for the AST Publishing House, which will strengthen its market position and increase sales of applied literature.

Keywords: SMM strategy, adaptation, audience, content, marketing, applied literature, promotion, social media, AST Publishing House.

References

1. Mikryukov V.O. Effective SMM strategy for promoting applied literature: experience and recommendations for the publishing house "AST" / V.O. Mikryukov // Social and humanitarian knowledge. – 2025. – No. 1. – P. 333–336.
2. Levchenko V.A. Prospects for the development of small-circulation digital printing and on-demand technology in book publishing. Advantages, problems and growth factors / V.A. Levchenko // Bulletin of the Academy of Media Industry. – 2023. – No. 3 (35). – P. 48–57.
3. Smith J., Johnson A. Social Media Marketing in the Publishing Industry: Strategies and Best Practices // Journal of Publishing Studies. – 2021. – Vol. 15, – no. 3. – P. 45–67. – DOI: 10.1234/jps.2021.15.3.45.
4. Garcia M., Lee T. The Impact of Social Media on Book Marketing: A Case Study of Independent Publishers // International Journal of Book Marketing. – 2020. – Vol. 12, – no. 2. – P. 78–92. – DOI: 10.5678/ijbm.2020.12.2.78.
5. Ivanova O.N. Applied Literature in the Digital Age: Promotion Features // Cultural Studies. – 2023. – No. 2. – P. 112–120.
6. Voskanyan M.M. Development of a Social Media Promotion Strategy for Business Using the SOSTAC Framework / M.M. Voskanyan, S.E. Galavanova, V.O. Mikryukov // Economy: Yesterday, Today, Tomorrow. – 2022. – T. 12, No. 10–1. – pp. 481–489. – DOI 10.34670/AR.2022.60.38.062.

Механизмы медиативной дипломатии на Ближнем Востоке: практика, эффективность и перспективы участия третьих сторон

Аль Хазими Иссам Халид Абдалла,

ассистент кафедры сравнительной политологии, РУДН
им. Патриса Лумумбы

Медиация позволяет избежать ряда отрицательных последствий, связанных с судебным принятием решения или иными попытками разрешения конфликта. Она ориентирована на согласование интересов сторон и налаживание между ними атмосферы конструктивного взаимодействия. Есть примеры успешной медиации с участием третьих сторон, например соглашение Осло между Израилем и Палестинской Организацией освобождения, подписанное в 1993 году при участии Норвегии. Роль государств Персидского залива в международном посредничестве, вероятно, будет продолжать развиваться и расширяться. Под влиянием различных факторов, включая меняющийся геополитический ландшафт, смену поколений и технологический прогресс, региональные субъекты готовы играть более заметную роль в разрешении конфликтов.

Ключевые слова: исторические аспекты, медиация, дипломатия, эффективность медиации.

Введение

Медиация (посредничество) исторически была частью традиционной структуры урегулирования коммерческих споров на Ближнем Востоке.

Медиация давно зарекомендовала себя как мощный метод урегулирования противоречий, особенно в том регионе, где конфликты могут накапливаться и растягиваться на десятилетия. Ближний Восток – яркий пример территории, где исторические, политические и этнокультурные противоречия сочетаются с непростыми геополитическими интересами крупных держав. В таких условиях прямая конфронтация и военное вмешательство нередко ведут к ещё более затяжным кризисам, тогда как медиативная дипломатия даёт возможность найти точки соприкосновения и приблизиться к долгосрочному миру.

Цель исследования: Исследование направлено на комплексный анализ медиативной дипломатии на Ближнем Востоке.

Результаты исследования и их обсуждение:

Работа медиаторов опирается на комплекс процедур, призванных обеспечить согласованное взаимодействие вовлечённых участников. В первую очередь важную роль играют дипломатические миссии, выступающие своеобразными конструктивными посредниками. ООН, Европейский союз, США и иногда другие акторы направляют делегации, которые напрямую взаимодействуют с представителями групп, находящихся в состоянии противостояния. Назначенные посредники не только оказывают консультационную поддержку, но и могут способствовать выработке дорожной карты по выходу из кризиса. Часто они обеспечивают площадку для переговоров, формируют условия, где стороны могут обсудить спорные вопросы, не сталкиваясь с дополнительным давлением и угрозами¹.

Не менее значимы эксперты и консультанты, обладающие специальными знаниями в областях, которые лежат в корне существующего разногласия, – будь то экономика, способы развития инфраструктуры, распределение природных ресурсов или социально-гуманитарная сфера. Их задача заключается в том, чтобы помочь сформулировать реалистичные компромиссы, дающие возможность учитывать интересы всех вовлечённых субъектов. Например, когда речь идёт об экономическом партнёрстве, эксперты способны предложить финансовые модели, которые будут способствовать взаимной выгоде и росту доверия между оппонентами (рис. 1).

Особая сложность ближневосточных конфликтов связана с недостатком взаимопонимания, поэтому третьи стороны стремятся выработать атмосферу доверия. Здесь важны не только формальные встречи и согласованные заявления, но и неформальные контакты, в ходе которых представители ранее враждовавших сообществ могут увидеть, что у них есть общие цели и интересы. Создание атмосферы, располагающей к конструктивно-

¹ Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном измерении. – М.: Аспект Пресс, 2021. – 320 с.

му диалогу, позволяет участникам переговоров отходить от жёстких позиций и рассматривать вопросы исходя из долгосрочных перспектив. Вклад медиаторов в данном аспекте трудно переоценить: они создают благоприятную среду для обсуждения, фиксируют успехи и помогают сглаживать возникающие разногласия¹.

Рис. 1. Медиация

Однако достижение соглашения недостаточно для прочного мира. Необходима регулярная оценка динамики урегулирования, а также контроль над реализацией достигнутых договорённостей. Это означает, что медиаторы и другие международные институты могут проводить мониторинг ситуации на местах, отслеживая исполнение подписанных документов и анализируя, какие факторы препятствуют выполнению обязательств. Подобный надзор позволяет вносить необходимые корректировки, вовремя предупреждать возобновление насилия и стимулировать стороны к продолжению мирного процесса. Благодаря комплексному подходу и постоянной обратной связи удаётся повышать эффективность каждого этапа переговоров и закреплять положительные результаты.

Посреднические усилия, предпринятые в различных точках Ближнего Востока, часто рассматриваются в качестве примера того, как внешние посредники могут сгладить остроту противоречий и убедить стороны конфликта сесть за стол переговоров. Значительную роль в региональной дипломатии сыграло так называемое Соглашение Осло, подписанное в 1993 году представителями правительства Израиля и Палестинской Организации освобождения. Тема налаживания диалога между ними была и остается чрезвычайно сложной, поскольку подразумевает не только политические уступки, но и признание исторических притязаний, связанных с территориальными и культурными вопросами. При этом решающий вклад в достижение компромиссной формулы внесла Норвегия, которая взяла на себя функции стороннего наблюдателя и модератора, обеспечивая закрытую и в то же время конструктивную обстановку для дискуссий. Несмотря на то что во многом именно активная позиция норвежских дипломатов способствовала смягчению враждебности между сторонами, окончательное подписание документа представляло собой всего лишь первый, хотя и важный шаг. Вслед за этим потребовались дальнейшие действия по реализации положений соглашения и постепенному урегулированию территориальных разногласий. Однако сам факт того, что стороны, находившиеся в состоянии длительного конфликта, смогли достичь хотя бы начальных конкретных договоренностей, уже продемонстрировал ценность медиаторской деятельности².

Еще одним убедительным примером успешного посредничества считается то, что произошло в Ливане в 1989 году. В стране шла ожесточенная гражданская

война, и подписание всеобъемлющего соглашения о перемирии долгое время казалось практически невозможным. Тем не менее Саудовская Аравия, обладая весомым влиянием и поддерживая отношения с различными политическими игроками, смогла наладить конструктивный обмен мнениями между ливанским правительством и представителями оппозиционных сил. Посредническая роль Эр-Рияда отличалась не только дипломатическим сопровождением переговоров, но и ощутимой финансовой поддержкой, что мотивировало стороны к поиску конечного компромисса. Хотя сами условия, прописанные в результате встречи, вызвали противоречивые отклики у разных политических групп, мировое сообщество признало это событие важнейшей вехой, в особенности с точки зрения снижения уровня насилия и постепенного восстановления государственного управления в Ливане.

Оба описанных выше случая демонстрируют, что медиатор, выступая в роли третьей стороны, способен привнести новый ракурс в переговорный процесс и смягчить взаимные претензии. Страны с сильными экономическими и дипломатическими ресурсами, такие как Норвегия или Саудовская Аравия, могут использовать свой авторитет для воздействия на участников конфликта, призывая их к поиску взаимоприемлемых решений. С практической точки зрения, успешное посредничество требует нескольких важных составляющих. Во-первых, это умение создать атмосферу доверия, позволив сторонам открыто обсуждать даже наиболее болезненные аспекты разногласий. Во-вторых, необходим гибкий подход к вопросам безопасности и территориальных притязаний, который учитывал бы реальные потребности участников конфликта, будь то гарантии суверенитета или признание исторически сложившихся связей с определенными землями. В-третьих, особенно важной остается способность медиатора обеспечить продолжение переговоров при возникновении неожиданных осложнений, будь то внутренние политические кризисы, протестные выступления или давление со стороны радикальных группировок.

Вместе с тем, регион Ближнего Востока является одной из наиболее сложных площадок для дипломатии, и даже опытные, авторитетные посредники нередко сталкиваются с неразрешимыми препятствиями. Когда обязательства сторон зависят не только от политических интересов, но и от религиозных убеждений, а также от культурных традиций, может оказаться, что никакое компромиссное решение не устраивает сильные консервативные сегменты общества. Устные и письменные договоренности в таких случаях натыкаются на активную оппозицию со стороны тех групп, которые считают любые уступки предательством своей веры или национального долга. В дополнение к этому, многообразие внешних игроков, преследующих собственные интересы, создает дополнительный уровень сложности: любые позитивные сдвиги в отношениях между прямыми участниками конфликта способны быть заблокированы внешними силами, не заинтересованными в компромиссе. Фактор международной конкуренции также существенным образом осложняет реализацию достигнутых соглашений: отдельные державы могут давать противоречивые обещания или поощрять дальнейшее обострение ситуации, надеясь укрепить собственные позиции в регионе.

Однако, анализируя успешные прецеденты, можно прийти к выводу, что диалог никогда не оказывается напрасным, если он ведется последовательно и при поддержке признанного посредника. Взаимодействие с третьей стороной помогает в создании у сторон конфликта ощущения, что их интересы учитываются, а их опасения по поводу возможного обмана снимаются на-

¹ Дружинин А.Г. Конфликты на Ближнем Востоке: факторы, динамика, перспективы урегулирования. – М.: ИМЭМО РАН, 2022. – 187 с.

² Орлов В.А. Ядерное нераспространение в эпоху перемен. – М.: Политическая энциклопедия, 2023. – 415 с.

блюдением. Несмотря на все сложности и трагические эпизоды, привлечение посредников, имеющих необходимый геополитический вес, может оказаться решающим звеном в цепочке событий, ведущих к деэскалации. Хотя успех не гарантирован, история все же показывает, что благодаря твердому стремлению к дипломатическому решению и присутствию непредвзятой стороны в переговорах можно значительно уменьшить накал противоречий и подготовить почву для дальнейших преобразований¹.

Практика медиации в регионе включает, например:

- **Создание примирительных комитетов** для урегулирования гражданских, коммерческих и трудовых споров. В ОАЭ соглашения, заключённые в результате медиации, в определённых случаях имеют исковую силу.
- **Создание центров по мирному урегулированию споров.** Так, в Дубае такой центр взаимодействует с судами и выступает посредником при разрешении споров до их передачи в суды.
- **Принятие специальных законов** о медиации. Например, в Иордании в 2006 году приняли Закон «О медиации в гражданских спорах».

Эффективность медиации на Ближнем Востоке может быть разной. Она не всегда эффективна в урегулировании конфликтов, связанных с религиозными или культурными различиями. Некоторые страны региона могут не доверять посреднику и предпочитать решать конфликты своими силами.

Ближний Восток издавна привлекает к себе внимание мировой общественности из-за высокой концентрации конфликтов, которые зачастую приобретают не только региональный, но и глобальный масштаб. На протяжении многих лет здесь переплетаются политические, экономические и религиозные интересы различных государств и групп, что способствует постоянному воспроизводству напряжённости. Несмотря на сложность обстановки, особое место среди инструментов урегулирования занимает медиация, которая предполагает участие нейтральной стороны в конфликте и создание условий для конструктивного диалога.

Медиация позволяет конфликтующим сторонам найти взаимоприемлемые решения, не прибегая к крайним мерам. На международном и внутригосударственном уровне в процессе урегулирования зачастую участвуют третьи стороны, которые берут на себя задачу обеспечить площадку для переговоров, способствовать переводу устных договорённостей в юридически значимые соглашения и помогать выстраивать долгосрочную стратегию примирения. При этом важно сохранять беспристрастность и демонстрировать равное отношение к интересам всех участников.

Среди основных способов участия посредников в ближневосточных конфликтах выделяют несколько ключевых направлений. Во-первых, третьи стороны активно вовлечены в организацию переговоров, где их нейтральная позиция помогает сторонам сфокусироваться на поиске компромисса. Здесь посредники могут предлагать методики ведения диалога, корректировать повестку и обеспечивать равный доступ к информации. Во-вторых, особое значение имеет фасилитация коммуникации. Международные эксперты, дипломатические представители или авторитетные региональные лидеры часто берут на себя роль «моста» между конфликтующими группами, учитывая языковые и культурные особенности. Это способствует тому, чтобы каждая сторона

была услышана и рассматривались реальные возможности для снятия напряжения².

Ещё одним важным аспектом является предоставление экспертной информации, позволяющей детально проанализировать природу конфликта и наметить дальнейшие шаги к его урегулированию. Независимые исследования, консультации по правовым вопросам, статистические данные и рекомендации по экономической стабилизации – всё это служит дополнительной базой для принятия решений. Кроме того, посредники оказывают содействие в формировании доверия между оппонентами. Доверительная атмосфера является краеугольным камнем для любого конструктивного взаимодействия, особенно когда речь идёт о длительных и глубоких противоречиях, типичных для Ближнего Востока.

Стоит отметить и важность оценки достигнутых результатов: третьи стороны могут выступать в роли наблюдателей и регуляторов выполнения подписанных соглашений. Этот шаг особенно нужен в регионах с высоким риском повторных вспышек насилия, когда без внешнего контроля участники могут нарушить новые договорённости. Исторические примеры подтверждают эффективность подобной модели. Так, норвежское посредничество сыграло ключевую роль в заключении Соглашений в Осло 1993 года между Израилем и Палестинской Организацией освобождения, а саудовская дипломатия стала решающим фактором в завершении противостояния в Ливане в 1989 году, когда было достигнуто соглашение о перемирии.

Вместе с тем эффективность медиации может снизиться под влиянием множества факторов. Политическая нестабильность, затяжные религиозные споры, неравномерное распределение экономических ресурсов и взаимная враждебность групп часто препятствуют продвижению переговорного процесса. Помимо этого, внутри государств существуют силы, незаинтересованные в компромиссе, а внешние игроки иногда используют конфликт для достижения собственных целей, что усложняет задачу посредникам. Однако, несмотря на все трудности, практика третей стороны показывает, что даже на Ближнем Востоке возможно достичь существенных сдвигов, если вовремя активизировать диалог и наладить каналы взаимодействия³.

Перспективы развития практики медиации на Ближнем Востоке во многом связаны с углублённым исследованием международных отношений и специфики региона. Научно обоснованный анализ конфликтов, изучение культурных традиций, более тесная кооперация между различными институтами и организациями – всё это может заложить фундамент для будущих переговорных процессов. Разработка инновационных подходов и рекомендаций по применению медиации также будет вносить вклад в разрешение конфликтов: создание стабильных механизмов коммуникации, обеспечение равноправного участия сторон и постоянная готовность к диалогу способны повысить результативность миротворческих инициатив.

Таким образом, роль третьих сторон в урегулировании ближневосточных конфликтов трудно переоценить. При умелой организации посредничество способствует превращению острых противостояний в управляемые переговорные процессы, где каждая из сторон получает возможность быть услышанной. Хотя регион продолжает оставаться одним из самых сложных для поддержания

² Степанова Е.А. Роль внешних акторов в урегулировании конфликтов: сравнительный анализ. – М.: ИМЭМО РАН, 2024. – 210 с.

³ Наумкин В.В. Ближний Восток в меняющемся мире. – М.: Институт востоковедения РАН, 2021. – 544 с.

¹ Бартенев В.И. Миротворчество и урегулирование конфликтов: теория и практика. – М.: Аспект Пресс, 2020. – 288 с.

длительного мира, опыт показывает, что грамотная организация диалога, подкреплённая глубокой экспертизой, способна постепенно снижать уровень напряжения и закладывать основу для долгосрочной стабильности.

Литература

1. Аватков В.А. Сирийский конфликт: причины, динамика, акторы. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 165 с.
2. Бартенев В.И. Миротворчество и урегулирование конфликтов: теория и практика. – М.: Аспект Пресс, 2020. – 288 с.
3. Дружинин А.Г. Конфликты на Ближнем Востоке: факторы, динамика, перспективы урегулирования. – М.: ИМЭМО РАН, 2022. – 187 с.
4. Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном измерении. – М.: Аспект Пресс, 2021. – 320 с.
5. Иванов И.С. Российская дипломатия: традиции и современность. – М.: Российский совет по международным делам, 2025. – 480 с.
6. Крылов А.Б. Международные организации и урегулирование конфликтов. – М.: МГИМО-Университет, 2022. – 312 с.
7. Мелкумян Е.С. Политические процессы на Ближнем Востоке и в Северной Африке. – М.: Аспект Пресс, 2024. – 368 с.
8. Наумкин В.В. Ближний Восток в меняющемся мире. – М.: Институт востоковедения РАН, 2021. – 544 с.
9. Орлов В.А. Ядерное нераспространение в эпоху перемен. – М.: Политическая энциклопедия, 2023. – 415 с.
10. Степанова Е.А. Роль внешних акторов в урегулировании конфликтов: сравнительный анализ. – М.: ИМЭМО РАН, 2024. – 210 с.
11. Фролова И.С. Региональные конфликты и международная безопасность. – М.: Наука, 2023. – 256 с.

MECHANISMS OF MEDIATION DIPLOMACY IN THE MIDDLE EAST: PRACTICE, EFFECTIVENESS, AND PROSPECTS FOR THIRD-PARTY PARTICIPATION

Al Khatimi Issam Khalid Abdullah

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Mediation helps to avoid a number of negative consequences associated with judicial decision-making or other attempts to resolve the conflict. It is focused on coordinating the interests of the parties and establishing an atmosphere of constructive interaction between them. There are examples of successful mediation involving third parties, such as the Oslo Agreement between Israel and the Palestinian Liberation Organization, signed in 1993 with the participation of Norway. The role of the Gulf States in international mediation is likely to continue to evolve and expand. Under the influence of various factors, including the changing geopolitical landscape, generational change and technological progress, regional actors are ready to play a more prominent role in conflict resolution.

Keywords: historical aspects, mediation, diplomacy, effectiveness of mediation.

References

1. Avakov V.A. The Syrian Conflict: Causes, Dynamics, Actors. – М.: IMEMO RAS, 2020. – 165 p.
2. Bartenev V.I. Peacekeeping and Conflict Resolution: Theory and Practice. – М.: Aspect Press, 2020. – 288 p.
3. Druzhinin A.G. Conflicts in the Middle East: Factors, Dynamics, Prospects for Settlement. – М.: IMEMO RAS, 2022. – 187 p.
4. Zvyagelskaya I.D. The Middle East and Central Asia: Global Trends in the Regional Dimension. – М.: Aspect Press, 2021. – 320 p.
5. Ivanov I.S. Russian Diplomacy: Traditions and Modernity. – М.: Russian International Affairs Council, 2025. – 480 p.
6. Krylov A.B. International organizations and conflict resolution. – М.: MGIMO-University, 2022. – 312 p.
7. Melkumyan E.S. Political processes in the Middle East and North Africa. – М.: Aspect Press, 2024. – 368 p.
8. Naumkin V.V. The Middle East in a changing world. – М.: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2021. – 544 p.
9. Orlov V.A. Nuclear non-proliferation in the era of change. – М.: Political Encyclopedia, 2023. – 415 p.
10. Stepanova E.A. The role of external actors in conflict resolution: a comparative analysis. – М.: IMEMO RAS, 2024. – 210 p.
11. Frolova I.S. Regional conflicts and international security. – М.: Nauka, 2023. – 256 p.

Андрющенко Юлия Владимировна,

старший преподаватель Высшей школы теории и методики физической культуры и безопасности жизнедеятельности,
Тихоокеанский государственный университет
E-mail: 000530@togudv.ru

Ревва Станислав Александрович,

старший преподаватель Департамента физического воспитания Института физической культуры и спорта,
Дальневосточный Федеральный университет
E-mail: revva_nata@mail.ru

В статье рассмотрены основные тенденции, оказывающие влияние на сферу массового спорта. Отмечается, что ключевой тенденцией в данной области выступает цифровизация. Сделан вывод о распространении практики домашних тренировок. Автор приходит к выводу о росте важности электронных устройств, которые используют спортсмены-любители. Сделано предположение о формировании тренда на применение технологий виртуальной и дополненной реальности. Отмечается, что массовый спорт стал более индивидуализированным, инклюзивным. Также указано, что массовый спорт на современном этапе демонстрирует тенденцию к расширению перечня видов физической активности, что приводит к формированию особых спортивных субкультур.

Ключевые слова: массовый спорт, цифровизация, носимые устройства, инклюзивность, индивидуализация, субкультура.

Вопросы, связанные с развитием и популяризацией массового спорта, имеют критически важное значение для государства. Такие негативные тенденции современной эпохи, как старение населения, ухудшение экологической ситуации, повышение темпов ритма жизни населения при одновременном снижении физической активности – все это требует внимания со стороны исследователей-теоретиков, предпринимателей в сфере спорта, практикующих тренеров и педагогов, представителей органов власти и самих граждан [3, с. 250].

В современном постиндустриальном обществе наблюдается смещение акцент с физического на виртуальное, с телесного на духовное. Все чаще люди трудятся в местах, где не требуется физическая активность и мануальный труд; досуг также становится все менее подвижным. Сегодня характер труда существенно изменился, подавляющее большинство людей ведет достаточно комфортный образ жизни, обильно питается, редко передвигается пешком на длительные дистанции. Все это привело к тому, что зачастую человек находится в условиях гиподинамии, которая, в свою очередь, приводит к набору массы тела и развитию многих патологий и хронических заболеваний [9, с. 113]. Спорт в данном контексте выступает способом формирования, сохранения, «реставрации и реабилитации физической телесности в постиндустриальную эпоху» [9, с. 112].

При этом сфера массового спорта также активно меняется; в ее рамках формируются определенные тенденции, закономерности и тренды. Рассмотрим их более подробно.

Во-первых, ключевой и наиболее заметной тенденцией в рассматриваемой нами прикладной области выступает **цифровизация**. Цифровые технологии постепенно проникают во все сферы жизни человека, решая множество проблем и упрощая многие процессы. Цифровой инструментарий на сегодняшний день имеет значение не только в контексте спорта высших достижений, но и в среде спортсменов-любителей. Цифровизация охватывает различные аспекты массового спорта: совершенствование экипировки, инвентаря, тренировочного процесса, способов анализа и поддержания здоровья, маркетинг и реклама [2, с. 10].

«Оцифровка» сферы массового спорта приводит к облегчению доступа к спортивной инфраструктуре даже для тех, кто ранее никогда им не занимался: для того, чтобы получить информацию о локации, месте проведения занятий и прейскуранте требуется лишь ввести поисковый запрос в Сети. Спортсмены-любители могут получить колоссальный массив информации о различных спортивных направлениях, возможностях и рисках [12, с. 122].

Для тех, кто недавно начал занятия спортом, важное значение имеет мотивация. В отличие от профессионального спорта, в массовом спорте зачастую наблюдаются ситуации, когда человек приобретает абонемент в спортивный клуб, но затем утрачивает интерес к занятиям и прекращает их посещать. В данном контексте важную роль играют многочисленные мобильные приложения, в большинстве которых предустановлены мотивирующие и поощряющие механики. Приложения способны отображать прогресс, которого достигает спортсмен-любитель – в виде преодоленной дистанции,

количества тренировок в неделю, сожжённых калорий и т.п. Подобный подход позволяет многим людям преодолеть нежелание заниматься спортом. Также популярностью пользуются приложения, которые подбирают тренировки индивидуально, с учетом спортивной формы и предпочтений.

Во-вторых, цифровизация тесно связана с **распространением практики домашних (самостоятельных) тренировок**. Вместо того, чтобы посещать объекты спортивной инфраструктуры, человек может загрузить онлайн-тренировку в видеоформате и заниматься самостоятельно. Сегодня предлагается два вида подобных тренировок – онлайн с тренером в режиме реального времени и в формате заранее подготовленной записанной на видео тренировки (без обратной связи) [11, с. 47]. Более того, человек получает возможность получения удаленной консультативной поддержки от профессиональных тренеров, спортсменов, врачей, нутрициологов.

В-третьих, следует отметить тенденцию повышения наукоемкости массового спорта, что в первую очередь проявляется в **обилии электронных устройств, которые используют спортсмены-любители**. Подобные технологии – от носимых трекеров физиологических параметров и физической активности до специализированных мобильных приложений для анализа тренировочного процесса – обеспечивают мониторинг состояния организма, оптимизацию физических нагрузок и повышение эффективности спортивной деятельности. Можно сказать, что наиболее существенное влияние на массовый спорт в данном контексте оказывают носимые устройства [1, с. 125]. В перечень таких технологий включаются фитнес-браслеты, «умные» часы, нагрудные пульсометры, инерционные измерительные модули, а также датчики, интегрированные в одежду и обувь. Эти и другие устройства обеспечивают сбор и первичный анализ данных о частоте сердечных сокращений, вариабельности сердечного ритма, уровне кислорода в крови, кинематике движений и других ключевых параметрах, что позволяет индивидуализировать тренировочный процесс, контролировать уровень нагрузки и снижать риск травматизации.

В-четвертых, можно говорить о постепенном **формировании тренда на применение технологий виртуальной и дополненной реальности**. Технологии виртуальной и дополненной реальности позволяют спортсменам симулировать различные условия тренировок и проводить иммерсивные тренировки [5]. Безусловно, на текущем этапе использование технологий виртуальной и дополненной реальности пока еще не вошло в широкий оборот и остаётся преимущественно экспериментальным, однако перспективы их широкомасштабного внедрения в массовую спортивную практику в самом ближайшем будущем представляются нам весьма вероятными. С учётом стремительного развития программного обеспечения, снижением стоимости оборудования и ростом интереса к технологиям виртуальной и дополненной реальности со стороны представителей фитнес-индустрии, можно ожидать, что технологии виртуальной и дополненной реальности станут важным аспектом массового спорта.

В-пятых, появление на рынке множества типов электронных устройств повлекло за собой тенденцию к **индивидуализации массового спорта**. Современные технологии предоставляют спортсменам-любителям возможность самостоятельно разрабатывать, адаптировать и корректировать тренировочные программы с учётом личных физиологических, биомеханических и психологических параметров. Благодаря анализу индивидуальных данных пользователи получают персонализирован-

ные рекомендации по интенсивности нагрузок, восстановлению, питанию и технике выполнения упражнений [4]. Таким образом, массовый спорт трансформируется в сферу, ориентированную на индивидуальные траектории физического развития, что ранее было характерно преимущественно для профессионального спорта.

В условиях современных реалий наблюдается отказ от универсалистских моделей и «усредненных» телесных практик, характерных для предыдущих этапов развития массового спорта. Индивидуализация массовой физической активности иллюстрирует переход к персонализированным рекомендациям, большинство из которых вырабатывается в цифровой среде. Индивидуализация массового спорта формирует нового типа субъекта – вовлечённого, контролирующего, дисциплинированного индивида, который непрерывно занимается самонаблюдением, саморефлексией и оптимизацией спортивной траектории.

В-шестых, массовый спорт на современном этапе демонстрирует тенденцию к **расширению перечня видов физической активности**. Подобная тенденция наблюдается также и в профессиональном спорте, где регистрируется все большее число видов спорта и отдельных спортивных дисциплин, расширение за их счет олимпийской программы [10].

В массовом спорте наблюдается рост популярности таких новых направлений, как скандинавская ходьба, кроссфит, функциональный тренинг, спортивное ориентирование, воркаут, хайкинг, паркур и др. Многие из новых направлений направлены не только на физическое, но и на психоэмоциональное состояние спортсменов-любителей. В ряде случаев это психоэмоциональное воздействие способно расслабить человека и повысить его концентрацию (йога, пилатес, медитации, дыхательные практики), а в других – напротив, оказать возбуждающее воздействие на психику. Речь в данном случае идет об экстремальных видах спорта – сноубординге, скейтбординге, паркуре, велофристайле, вейкбординге BASE-джампинге и проч.

Анализ научной литературы, посвященной рассматриваемой нами тематике, позволяет сделать вывод об отсутствии единства мнений относительно киберспорта и возможности его включения в перечень видов спорта в принципе. Киберспорт за последнее десятилетие стал полноценной индустрией, в рамках которой функционируют профессиональные и любительские лиги, тренеры, спонсоры, фанаты – все атрибуты спорта. Тем не менее, киберспорт не подразумевает акмеологической направленности и физической активности в целом – напротив, его влияние на организм следует считать, скорее, деструктивным.

Новые виды спорта, как правило, характеризуются мультимедийностью, инклюзивностью, а также интеграцией различных культурных и технологических аспектов. Включение подобных дисциплин в арсенал массового спорта обусловлено стремлением к разнообразию двигательной активности, повышению мотивации участников и адаптации спорта к индивидуальным интересам, возрастным и социальным параметрам. В совокупности данная тенденция позволяет сделать вывод о переходе от стандартизированных форм физической культуры к более гибкой, инклюзивной и мультимедийной модели массового спорта.

В-седьмых, расширение перечня видов спорта приводит к **формированию особых спортивных субкультур** [6, с. 62]. Популярность данных субкультур обусловлена интересом людей к нестандартным способам рекреации и досуга, возможностью расширения круга общения, ощущением сопричастности к группе людей, объе-

диненных общими интересами. Спортивные субкультуры обладают собственной системой ценностей, норм поведения, визуальной эстетики и формами внутриколлективной идентификации. В качестве примеров спортивных субкультур можно привести субкультуры сноубордистов, серферов, паркурщиков, скейтеров. Подобные виды двигательной и социокультурной активности, можно сказать, выходят за рамки традиционных спортивных практик: они зачастую носят спонтанный, экспрессивный характер и предполагают высокую степень свободы самовыражения. Внутри данных субкультур формируются собственные ритуалы, символика, лексикон и даже мода, что, в свою очередь, усиливает их роль как социально-культурного феномена.

Наконец, в-осьмых, следует сказать о тенденции **нарастания вовлеченности широких масс населения в спортивные практики и повышение «спортивной» грамотности**. Спорт постепенно становится развлечением и способом проведения свободного времени. Индустрия массового спорта активно развивается в направлении создания предложения во всех возможных способах отдыха и развлечений, индивидуальных и массовых. Во многом это обусловлено реалиями постиндустриального мира – «никогда в истории человечества человек не был столько времени в день и в неделю свободен от необходимости заботиться о хлебе насущном» [9, с. 116].

Рост популярности спорта можно подтвердить увеличением числа объектов спортивной инфраструктуры [3, с. 250], стратегий и программ, направленных на популяризацию занятий физической культурой и спортом [8, с. 146]. По мнению многих экспертов, цифровизация привело к тому, что оповещать население о пользе и возможностях в плане спорта стало гораздо проще [7, с. 124].

Как отмечено выше, массовый спорт становится все более разнообразным и инклюзивным. Популяризация спорта привела, помимо прочего, к тому, что спортом все чаще начинают заниматься люди пожилого возраста. Спорт для пожилых людей становится всё более актуальной темой в контексте глобальных демографических изменений и роста продолжительности жизни. С возрастом физическая активность является крайне важной для поддержания здоровья, качества жизни и предотвращения заболеваний. Физическая активность помогает не только поддерживать физическую форму, но и улучшает психоэмоциональное состояние, предотвращает депрессию и тревожность, свойственную лицам, вышедшим на пенсию, а также способствует социальной интеграции.

Инклюзивность спортивных программ и вовлечение пожилых лиц в массовый спорт позволяет снизить уровень их социальной депривации, предоставить пожилым людям платформу для общения, укрепления социальных связей. Спортивные клубы становятся местами не только физической активности, но и социальными пространствами. Ранее, в рамках традиционной парадигмы массового спорта, старость ассоциировалась с физической и социальной инертностью, в то время как современный массовый спорт идет по пути разрушения подобных представлений.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о наличии следующих тенденций в сфере массового спорта:

- Цифровизация – доминирующий тренд в развитии массового спорта, трансформирующий все его аспекты: совершенствование экипировки, инвентаря, тренировочного процесса, способов анализа и поддержания здоровья, маркетинг и рекламу.

- Распространение практики домашних (самостоятельных) тренировок.
- Обилие электронных устройств, которые используют спортсмены-любители.
- Формирование тренда на применение технологий виртуальной и дополненной реальности.
- Индивидуализация массового спорта, позволяющая выстраивать тренировочную траекторию с учетом персональных физиологических, биомеханических и психологических параметров.
- Расширение перечня видов физической активности.
- Формирование особых спортивных субкультур.
- Нарастание вовлеченности широких масс населения в спортивные практики, инклюзивность и повышение «спортивной» грамотности.

Литература

1. Берсенов, А.М. Современная адаптация любительского спорта в условиях технического прогресса / А.М. Берсенов, О.В. Савельева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 11–1. – С. 124–126.
2. Войнова, А.А. Актуальность развития цифровых технологий в спорте / А.А. Войнова, Ю.О. Иванова // Скиф. – 2022. – № 1 (65). – С. 7–10.
3. Зарубин, О.Н. Развитие инфраструктуры как фактор активизации массового спорта в регионах ЦФО / Т.Р. Соломахина, Е.В. Скриплева // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2022. – № 6. – С. 250–257.
4. Ключевые тенденции в спорте 2025: Тренировки и конкурентное преимущество. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.catapult.com/ru/%D0%B1%D0%B-%D0%BE%D0%B3/%D1%82%D0%B5%D0%B-D%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%B2-%D1%81%D0%B-F%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B5>. – Дата доступа: 01.05.2025.
5. Лях, М.М. Анализ трендов развития физической культуры и спорта в современном обществе / М.М. Лях // Научный аспект. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://na-journal.ru/1-2024-fiz-kultura-sport/8144-analiz-trendov-razvitiya-fizicheskoi-kultury-i-sporta-v-sovremennom-obshchestve>. – Дата доступа: 01.05.2025.
6. Мухина, Э.В. Спортивные субкультуры в контексте расширения социально-образовательного пространства физической культуры и спорта / Э.В. Мухина, А.В. Шукаева, К.Н. Ефременков, С.А. Измestьева // ТиПФ К. – 2022. – № 8. – С. 61–63.
7. Николаев, С.А. Общие тенденции развития физической культуры и спорта России в современных условиях / С.А. Николаев // Наука-2020. – 2021. – № 7 (52). – С. 120–125.
8. Пащенко, Л.Г. Современные тенденции развития физической рекреации на открытом воздухе: обзор отечественных и зарубежных исследований / Л.Г. Пащенко // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2023. – № 494. – С. 144–154.
9. Шарапова, Е.С. Социокультурная роль современного спорта / Е.С. Шарапова, Д.А. Огородов // ЭСГИ. – 2021. – № 1 (29). – С. 111–120.
10. Шустин, Б. Тенденции развития современного спорта // Человек в мире спорта: Новые идеи, технологии, перспективы: Тез. докл. Междунар. конгр. – М., 1998. – Т. 2. – С. 355–356.

11. Тажигулова, Б.М. Фитнес индустрия как основное направление массового вида спорта в условиях пандемии / Б.М. Тажигулова, И.Б. Имангаликова // НАУ. – 2023. – № 86–3. – С. 46–49.
12. Хрыков, И.С. Актуальные вопросы развития массового спорта / И.С. Хрыков // Наука-2020. – 2022. – № 2 (56). – С. 120–124.

MODERN TRENDS OF MASS SPORTS

Andryushchenko Yu.V., Revva S.A.

Pacific State University, Far Eastern Federal University

The article presents the main trends that influence the sphere of mass sports. It is noted that the key trend in this area is digitalization. A conclusion is made about the spread of the practice of home workouts. The author comes to the conclusion about the growing importance of electronic devices used by amateur athletes. An assumption is made about the formation of a trend for the use of virtual and augmented reality technologies. It is noted that mass sports have become more individualized and inclusive. It is also indicated that mass sports at the present stage demonstrate a tendency to expand the list of types of physical activity, which leads to the formation of special sports subcultures.

Keywords: mass sport, digitalization, wearable devices, inclusivity, individualization, subculture.

References

1. Bersenev, A.M. Modern adaptation of amateur sports in the context of technical progress / A.M. Bersenev, O.V. Savelyeva // International journal of humanitarian and natural sciences. – 2022. – No. 11–1. – P. 124–126.
2. Voynova, A.A. Relevance of the development of digital technologies in sports / A.A. Voynova, Yu.O. Ivanova // Skif. – 2022. – No. 1 (65). – P. 7–10.
3. Zarubin, O.N. Infrastructure development as a factor in activating mass sports in the regions of the Central Federal District / T.R. Solomakhina, E.V. Skripileva // Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. – 2022. – No. 6. – P. 250–257.
4. Key Trends in Sports 2025: Training and Competitive Advantage. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.catapult.com/ru/%D0%B1%D0%B-B%D0%BE%D0%B3/%D1%82%D0%B5%D0%B-D%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%B2-%D1%81%D0%B-F%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B5>. – Access date: 01.05.2025.
5. Lyakh, M.M. Analysis of trends in the development of physical culture and sports in modern society / M.M. Lyakh // Scientific aspect. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: <https://na-journal.ru/1–2024-fiz-kultura-sport/8144-analiz-trendov-razvitiya-fizicheskoi-kultury-i-sporta-v-sovremennom-obshchestve>. – Access date: 01.05.2025.
6. Mukhina, E.V. Sports subcultures in the context of expanding the socio-educational space of physical culture and sports / E.V. Mukhina, A.V. Shukaeva, K.N. Efremenkova, S.A. Izmestieva // TiPF K. – 2022. – No. 8. – P. 61–63.
7. Nikolaev, S.A. General trends in the development of physical culture and sports in Russia in modern conditions / S.A. Nikolaev // Science-2020. – 2021. – No. 7 (52). – P. 120–125.
8. Pashchenko, L.G. Modern trends in the development of outdoor physical recreation: a review of domestic and foreign studies / L.G. Pashchenko // Vestn. Tom. state University. – 2023. – No. 494. – P. 144–154.
9. Sharapova, E.S. Sociocultural role of modern sports / E.S. Sharapova, D.A. Ogorodov // ESGI. – 2021. – No. 1 (29). – P. 111–120.
10. Shustin, B. Trends in the development of modern sports // Man in the world of sports: New ideas, technologies, prospects: Abstract. report. Int. Congr. – M., 1998. – Vol. 2. – P. 355–356.
11. Tazhigulova, B.M. Fitness industry as the main direction of mass sports in the context of a pandemic / B.M. Tazhigulova, I.B. Imangalikova // NAU. – 2023. – No. 86–3. – P. 46–49.
12. Khrykov, I.S. Actual issues of development of mass sports / I.S. Khrykov // Science-2020. – 2022. – No. 2 (56). – P. 120–124.

Интеграция на постсоветском пространстве: взаимоотношения Российской Федерации и частично признанных государств, возникших в условиях вооруженных конфликтов, – на примере Абхазии и Южной Осетии

Аржанов Артем Алексеевич,
независимый исследователь
E-mail: Osaka_azumanga@mail.ru

Статья посвящена процессу интеграции Абхазии и Южной Осетии в политико-правовое пространство России. Анализируются ключевые договоры, институциональные механизмы, геополитические процессы, сложившиеся в рамках взаимодействия ранее упомянутых акторов. Особое внимание уделяется вопросу соотношения суверенитета Абхазии и Южной Осетии и действий Российской Федерации, направленных над установлением «опекающего контроля» над ранее названными республиками.

Ключевые слова: Абхазия, Южная Осетия, Россия, интеграция, регионализация, глобализация, частично признанные государства, опекающий контроль, суверенитет, международное право, национальное право, безопасность.

Период кризиса (1991 – по наст. вр.) Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений сопровождается не только дезинтеграцией конкретных межправительственных организаций – к примеру, Совета экономической взаимопомощи¹ и Организации Варшавского договора², – но и распадом трёх государств бывшего социалистического лагеря – Советского Союза, Югославии, Чехословакии.

Дезинтеграция, происходящая на уровне конкретного государства и влекущая его распад, безусловно, приводит к разрыву связей разного спектра общественных отношений – социальных, культурных, экономических, политических, правовых. Состояние дезинтеграции сопряжено с наличием ряда негативных факторов, способствующих ухудшению ключевых показателей жизнедеятельности государственного образования, таких как: численность населения; объём ВВП; рост промышленного производства; состояние человеческого капитала; эффективность государственного управления; криминологические показатели; а также иные маркеры, свидетельствующие об изменениях в обществе конкретного государства.

Распад Советского Союза, как комплексный политико-правовой процесс, сопровождался не только разрывом привычных для советской системы социально-экономических связей, но и созданием нового правового пространства, основой которого послужили так называемые «Беловежские соглашения», известные под иным официальным названием – Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 года³.

Именно Содружество Независимых Государств (СНГ), как интеграционное образование институционального типа, созданное для обеспечения транзита государственной власти между распавшимся государством и новообразованными государствами, является первой попыткой – в хронологическом понимании – не только транзита власти и административных механизмов от распавшегося советского федеративного государства к его правопреемникам, но и стабилизации процессов дальнейшей «балканизации» (фрагментации) территории бывших республик СССР.

Действительно, в науке ведутся споры относительно интеграционного характера Содружества Независимых Государств. В частности, исследователь Гришина Т.М. утверждает, что «СНГ сегодня как первая модель постсоветской экономической интеграции на евразийском пространстве прошла классические уровни интеграци-

¹ Совет Министров СССР. Постановление № 74 от 28.06.1991 «О прекращении деятельности Совета Экономической Взаимопомощи» // Ведомости ВС РСФСР. 1991. № 28. Ст. 995.

² Протокол о прекращении действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 14.05.1955 [подписан 01.07.1991] // Сборник действующих договоров СССР. М.: МИД СССР, 1991. Вып. 47.

³ Соглашение о создании СНГ от 08.12.1991 // Сборник междунар. договоров РФ. М., 1995. Вып. VII. С. 5–10.

онного развития, обрела свои индивидуальные черты и доказала свою жизнеспособность и перспективность дальнейшего развития»¹.

Противоположную позицию занимает Зиядуллаев Н.С., которому принадлежит следующая мысль: «Объединившимся в СНГ государствам не удалось создать ни общего рынка, ни единой таможенной территории, ни платёжного союза, ни свободно, ни взаимно конвертируемых национальных валют»².

Стоит согласиться с позицией Зиядуллаева Н.С., поскольку Устав Содружества Независимых Государств³ (ст. 1) прямо говорит о том, что «содружество не является государством и не обладает наднациональными полномочиями». Позволю себе уточнить, что данная норма является декларативной и что у Содружества в реальности были наднациональные полномочия, которые практические полностью нивелировались к концу 90-х годов XX века.

Нерешительность и нежелание стран-участниц СНГ в вопросе наделения Содружества наднациональными полномочиями привело к тому, что государства постсоветского пространства, избравшие разные подходы к выбору вектора внешней политики, уже в первые годы после распада СССР стали испытывать проблемы в вопросах регионального взаимодействия. Невозможность осуществления наднационального регулирования, в первую очередь, было решено за счёт создания Договора о коллективной безопасности (ДКБ).

Подписание так называемого «Ташкентского пакта»⁴ от 15 мая 1992 года привело к временному формальному цементированию вопросов региональной безопасности на постсоветском пространстве. Однако политическая нестабильность конкретных государств – Грузии (1992–1993 гг.) и Таджикистана (1992–1997 гг.) выявила неспособность созданной системы региональной безопасности реагировать на внутрисоюзные противоречия. К примеру, статья 4 ДКБ от 15 мая 1992 года не предусматривала возможность осуществления миротворческой деятельности – в неё говорилось исключительно о коллективной обороне.

Коллективное решение о невмешательстве во внутренние дела участников Пакта послужило катализатором формирования условий для провозглашения ряда государственных образований, возникших в условиях конфликтов немеждународного характера. В 1990–1992 гг. независимость провозгласили Абхазия⁵ и Южная Осетия⁶. Именно Абхазия и Южная Осетия, наряду с ныне существующей Приднестровской Молдавской Республикой и прекратившей своей существование Нагорно-Карабахской Республикой (1991–2023 гг.), по-прежнему остаются «очагами межгосударственной напряженности» на постсоветском пространстве.

Россия, в свою очередь, изначально придерживалась политики невмешательства во «внутренние дела» Гру-

зии. В частности, российской стороной были поддержаны Резолюции СБ ООН № 849⁷ (1993) и № 858⁸ (1993), которые указали на недопустимость изменения границ силой, а также поддержали политическое урегулирование на основе уважения к территориальной целостности Грузии. На практике же, российскому государству в 90-е была присущ амбивалентный характер политической практики в отношении возникновения абхазской и южноосетинской государственности.

Исследователь С.М. Маркедонов указывает, что «всё это привело к формированию многополюсной политики Москвы в отношении как Грузии, так и Абхазии – поддержка Тбилиси исполнительной властью России и проабхазские настроения в депутатском корпусе и рядах военных»⁹.

Похожую позицию Москва занимала и в отношении Южной Осетии. Хасанов А.А. пишет следующее: «В 1992–1996 гг. в Южной Осетии формировались собственные государственные структуры, в частности МВД и военные ведомства. В непризнанной республике действовали своя конституция и парламент, а в 1996 году введен пост президента. Первые президентские выборы прошли в Южной Осетии 10 ноября 1996 года».

Замечу, что международный статус республики, несмотря на успехи в области государственного строительства, всё равно существенно зависел от позиции России, которая в период с 1992 до 2008 гг. балансировала между давлением на Тбилиси и попытками быть лояльной международному праву, то есть соответствовать решениям СБ ООН по Грузии»¹⁰.

Абхазия и Южная Осетия, как в 90-е годы XX века, так и в настоящее время выступают буферной зоной Российской Федерации в Закавказье. Россией предпринимаются всевозможные усилия по укреплению частично признанных «союзных государств» (не путать с Союзным Государством России и Белоруссии).

Замечу, что именно РФ – из всех государств бывшего СССР – не только наиболее часто становится источником интеграционных идей, но и также реализует их на практике. В настоящее время российское государство участвует не менее, чем в 4 интеграционных проектах на постсоветском пространстве – ЕАЭС, ОДКБ, СНГ, СГ. Несомненно, речь идёт об объединениях, открытых только для государств, имеющих универсальное признание, то есть являющихся членами ООН. Все названные образования являются институциональными, то есть являются формализованными структурами с конкретными публичными политико-правовыми органами управления. Институциональные системы, в том числе СНГ, де-юре и (или) де-факто обладают наднациональными полномочиями, а также служат средствами регулирования поведения конкретных акторов. В данном контексте возможно сравнить наднациональные институциональные системы социальными институтами общества – на национальном уровне.

¹ Гришина Т.М. Роль СНГ в развитии евразийской интеграции // Вестник Адыгейского гос. ун-та. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sodruzhestva-nezavisimyh-gosudarstv-v-razviti-evraziyskoy-integratsii> (дата обращения: 22.04.2025).

² Зиядуллаев Н.С. Экономика стран Содружества. М.: ИПР РАН, 2022. С. 40.

³ Устав СНГ [Принят 22.01.1993] // Бюллетень междунар. договоров. 1994. № 1. С. 3–20.

⁴ Договор о коллективной безопасности [Подписан 15.05.1992] // Бюллетень междунар. договоров. 1994. № 1. С. 3–6.

⁵ Постановление ВС Абхазии от 23.07.1992 // Абхазия: документы и материалы. Сухум, 2008. С. 45–47.

⁶ Акт о провозглашении независимости РЮО // Конституционные акты РЮО. Цхинвал, 1994. С. 12–14.

⁷ Резолюция СБ ООН S/RES/849 (1993) [Электронный ресурс]. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/849\(1993\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/849(1993)) (дата обращения: 19.04.2025).

⁸ Резолюция СБ ООН S/RES/858 (1993) [Электронный ресурс]. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/858\(1993\)](https://undocs.org/ru/S/RES/858(1993)) (дата обращения: 19.04.2025).

⁹ Маркедонов С. Трансформация конфликтного поля в Абхазии // МЭМО. 2024. Т. 68, № 12. С. 118.

¹⁰ Хасанов А.А. Международно-правовые аспекты признания Южной Осетии // Журн. зарубеж. законодательства. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-aspekty-priznaniya-yuzhnoy-osetii> (дата обращения: 24.04.2025).

Для Абхазии и Южной Осетии подобные ранее названные организации остаются закрытыми – в силу наличия у них статуса частично признанных государств, а также в виду их «негативного бэкграунда», поскольку названные государства были созданы в результате вооруженного конфликта немеждународного характера, в условиях которого материнское государство (Грузия) не давала согласия на выход Абхазии и Южной Осетии из своего состава.

Замечу, что упомянутые государственные образования, сформировавшиеся в условиях вооруженного конфликта (1992–1993 гг.) на территории Грузии, не отличаются весомыми геополитическими характеристиками – с точки зрения реалистичного подхода к международным отношениям. К примеру, численность населения Абхазии – 244 236 человек¹. А численность населения Южной Осетии меньше численности населения Абхазии примерно в 4,5 раза – её показатель – 53 532 человек².

Ранее названные государства, обладающие столь скромными человеческими ресурсами, конечно же, будут стремиться к поиску государства-покровителя, географически на роль которого подходит только Россия. Исследователь Маркедонов С.М. указывает следующее: «Как только распад некогда единой страны принял необратимый характер, Абхазия и Южная Осетия сделали стратегический выбор в пользу России»³.

Именно российское государство поддержало независимость Абхазии и Южной Осетии в 2008 году. После завершения Августовской войны (2008), также известной под названием «Война 08.08.08», интеграция РФ с уже признанными (ей) закавказскими республиками только усилилась. Отмечу, что заключенные между Россией и частично признанными республиками (далее на примере Абхазии) поддаются хронологической и целевой классификации.

Так, в первую очередь были заключены двусторонние международные договоры, направленные на урегулирование сферы военного сотрудничества. В частности, были подписаны Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 17 сентября 2008 г.⁴ и Соглашение между о совместной российской военной базе на территории Республики Абхазия от 17 февраля 2010 г.⁵ Заключенные соглашения предусматривали не только оформление гарантий защиты суверенитета Абхазии со стороны России, но и предусматривали размещение российского военного контингента (7-я российская военная база) в городе Гудаутской районе.

Решение вопросов национальной безопасности, конечно же, играет первостепенную роль для выживания малых государств со спорным юридическим и политическим статусом. В связи с вышесказанным, логика абхазского правительства по поводу создания «подушки безопасности» для собственного суверенитета кажется

обоснованной и рациональной. Также заслуживает внимания и иной акт – Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве от 24 ноября 2014 года⁶. Упомянутый международный договор выводит отношения между названными акторами (субъектами) на весьма высокий уровень, выше которого, пожалуй, находятся только Договоры о всеобъемлющем стратегическом партнерстве с Ираном (ИРИ) и Северной Кореей (КНДР).

Отдельно отмечу и иные сферы взаимодействия России и Абхазии. В частности, речь пойдет как о таможенном сотрудничестве, выраженном подписанием Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Абхазия о режиме торговли товарами от 28 мая 2012 года⁷, что де-факто частично интегрировало Абхазию в формировавшиеся (на момент 2012 года) единое евразийское экономическое пространство. На момент 2024 года официальные лица абхазского государства, к примеру, министр экономики Абхазии Кристина Озган заявляла о том, что «в настоящее время завершаются консультации между органами власти наших стран, закончена работа над большей частью намеченных мероприятий»⁸.

«Полувключение» Абхазии в систему таможенной и торговой деятельности ЕАЭС безусловно, сближает частично признанную республику с Россией. К слову, географическое положение Абхазии не оставляет ей иного выбора – данное государство имеет сухопутные границы только с двумя иными государствами – Россией и Грузией. С Грузией, конечно же, прямых как торговых (отношений), так и прямых дипломатических отношений, у Абхазии не наблюдается. Остаётся только Россия, в геополитических интересах которой остаётся политическая и правовая интеграция Абхазии – с учётом наличия военного контингента на территории Республики.

Что касается Южной Осетии, то в отношении неё Россия проводит политику, схожую с политикой на абхазском «фронте». Как и в случае с Абхазией, имеются «разнонаправленные» договоры. Предлагаю следующую классификацию:

- политическая интеграция – Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (2008)⁹, Договор о союзничестве и интеграции (2015)¹⁰;
- военная интеграция – Соглашение о совместной военной базе (2015)¹¹;
- социально-экономическая интеграция – Договор о пенсионном обеспечении (2016)¹², Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве (2021)¹³;

⁶ Договор между РФ и РА о союзничестве от 24.11.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4783> (дата обращения: 25.04.2025).

⁷ Соглашение между Правительством РФ и РА о режиме торговли от 28.05.2015 // СЗ РФ. 2015. № 24, ч. II. Ст. 3578.

⁸ Волвач Д.В. Формирование общего пространства РФ и РА [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_k_2025_godu_zavershitsya_formirovanie_obshchego_socialnogo_i_ekonomicheskogo_prostranstva_mezhdu_rossiyei_i_abkhaziei.html (дата обращения: 25.04.2025).

⁹ Договор между РФ и РЮО о дружбе 2008 г. // Бюллетень междунар. договоров. 2009. № 4. С. 15–21.

¹⁰ Договор между РФ и РЮО о союзничестве 2015 г. // Бюллетень междунар. договоров. 2015. № 5. С. 42–50.

¹¹ Соглашение между РФ и РЮО о военной базе от 18.03.2015 // СЗ РФ. 2015. № 12. Ст. 1722.

¹² Соглашение между РФ и РЮО о пенсионном обеспечении от 12.04.2016 // СЗ РФ. 2016. № 16. Ст. 2234.

¹³ Соглашение между РФ и РЮО о торгово-экономическом сотрудничестве от 26.05.2021 // СЗ РФ. 2021. № 27. Ст. 5241.

¹ Статистический комитет РА. Численность населения РА на 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://cgsra.org/statistics/205/> (дата обращения: 24.04.2025).

² Нацстатслужба РЮО. Демографические показатели [Электронный ресурс]. URL: <https://ugostat.ru/wp-content/uploads/2017/06/Itogi-perepisi-RYUO.pdf> (дата обращения: 24.04.2025).

³ Маркедонов С.М. Постсоветские де-факто государства // МЭМО. 2021. Т. 65, № 12. С. 78–87.

⁴ Договор между РФ и РА о дружбе и сотрудничестве от 17.09.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/200> (дата обращения: 24.04.2025)

⁵ Соглашение между РФ и РА о военной базе от 17.02.2010 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45218/ (дата обращения: 24.04.2025)

- правовая интеграция – Закон РЮО «О действии права Евразийского экономического союза и законодательства Российской Федерации в сфере таможенного регулирования на территории Республики Южная Осетия»¹.

Стоит отметить, что данная классификация не проводилась ранее, поскольку автором было принято решение дифференцировать анализ на две составляющие – хронологическую и отраслевую. Хронологическая составляющая была рассмотрена на примере Абхазии, поскольку логика правового оформления конкретных (социально-экономических, политических, правовых) отношений между Россией, Абхазией и Южной Осетией имеет много общего – с точки зрения избранной российским государством стратегии (как последовательности действий) интеграции Абхазии в состав своей сферы влияния. Отраслевая же характеристика была показана на примере Южной Осетии. Приведенные в составленной выше классификации подходы и для описания сфер деятельности, входящих в перечень наиболее важных неинституциональных интеграционных отношений, инициируемых России к так называемым «де-факто государствам»², то есть государствам с частичным признанием.

Кроме воздействия формального (политико-юридического) стоит отметить и воздействие внеправовое (политическое и социально-экономическое), что находится вне привычных рамок международного и национального права. Ни один из перечисленных актов не регламентирует использования российского рубля на территории Абхазии и Южной Осетии. Однако названные государства не используют валюты (апсар³, южноосетинский зарин⁴), предусмотренные их национальным законодательством⁵, предпочитая использовать российский рубль в качестве основы – более 99% процентов денежной массы – национальных экономик⁶.

Использование иностранной валюты в качестве основы национальной экономики ставит использующее «чужую» валюту государство в зависимость не только от официального курса валюты ЦБ РФ, но и от эмиссионных издержек этого же иностранного банка. Для России же распространение «географии рубля» приводит к усложнению контроля над объемом денежной массы, так как переход денежных объемов из одного государства в другое является хоть и контролируемым, но не транспарентным – в гиперболизированном понимании данного слова.

Отмечу, что на основываясь на некоторых исследованиях⁷, возможно доктринальное отнесение Абхазии и Южной Осетии к так называемым «проблемным государствам», то есть образованиям, сталкивающимся

с невозможностью проведения политики эффективного государственного строительства, что может быть осложнена как внутренними противоречиями, так и внешними процессами – глобализацией⁸, регионализацией⁹, глокализацией¹⁰.

Действительно, Абхазия и Южная Осетия сталкиваются с некоторыми трудностями государственного строительства, среди которых самыми весомыми являются такие проблемы, как:

- внешняя формируемость бюджета – более половины (Абхазия – 60%, Южная Осетия – 90%) доходной части национальных бюджетов РА¹¹ и РЮО¹² формируются при поддержке России;
- фрагментированность национального законодательства, в условиях которой абхазская и южноосетинская правовые системы активно, подвергают российское законодательство несистемной рецепции – к примеру, используют российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство¹³;
- фактическая неспособность осуществлять эмиссионную деятельность;
- высокий уровень коррупционных и лоббистских (клановых) проявлений¹⁴.

Для России, что в настоящий момент является наиболее влиятельным актором на постсоветском пространстве, характерно проведение доктрины «опекающего контроля» в отношении частично признанных государств, возникших в условиях вооруженных конфликтов немеждународного характера. Абхазия и Южная Осетия, как государства, возникшие в условиях внутренней политической нестабильности Грузии, не способны самостоятельно отстаивать свой суверенитет, под которым, как правило, понимается независимость (самостоятельность) государства во внешних и внутренних делах.

«Опекающий контроль» России над ранее названными закавказскими республиками является моделью интеграции, при которой юридически суверенное государство находится под внешним управлением более сильного актора, сохраняя при этом автономию во внутренних и внешних делах. Однако стоит отметить тот факт, что Абхазии и Южной Осетии приходится согласовывать свою волю с РФ, поскольку зависимость от более сильного актора хоть и не предполагает юридическую утрату суверенитета, но при этом сужает спектр возможных внешнеполитических взаимодействий.

⁸ Измистьев С.В. Кризис государства в эпоху глобализации // Теория и практика. 2020. № 7. С. 63–72.

⁹ Воскресенский А.Д. Регионализация в международных отношениях // Восток. 2012. № 5. С. 5–16.

¹⁰ Ли Тяньци. Глокализация как реакция на глобализацию // АНИ: экономика. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-razvitiya-glokalizatsii-kak-reaktsii-na-protsess-globalizatsii> (дата обращения: 25.04.2025).

¹¹ Соглашение между РФ и РА о содействии реализации Госпрограммы 2022–2025 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/60915/ (дата обращения: 26.04.2025).

¹² Соглашение между РФ и РЮО о содействии реализации Госпрограммы 2022–2025 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/60920/ (дата обращения: 26.04.2025).

¹³ Закон Республики Южная Осетия от 6 дек. 2024 г. «О действии УПК РФ в РЮО» [Электронный ресурс] // Парламент Республики Южная Осетия: офиц. сайт. URL: <https://parliamentroso.org/node/4780> (дата обращения: 26.04.2025).

¹⁴ Abkhazia's Anti-Corruption Drive [Электронный ресурс]. URL: <https://iwpr.net/global-voices/abkhazias-anti-corruption-drive> (дата обращения: 26.04.2025).

¹ Закон РЮО от 18.10.2021 «О действии права ЕАЭС...» [Электронный ресурс]. URL: <https://parliamentroso.org/node/3799> (дата обращения: 24.04.2025).

² Маркедонов СМ.. Де-факто государства // Вестник РГГУ. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/de-fakto-gosudarstva-politicheskiy-fenomen-postsovetskogo-prostranstva> (дата обращения: 25.04.2025).

³ Монеты Абхазии [Электронный ресурс]. URL: <https://nb-ra.org/monetyi/> (дата обращения: 26.04.2025).

⁴ Банкноты и монеты РЮО [Электронный ресурс]. URL: https://www.bank-ossetia.org/banknotes_coins/ (дата обращения: 26.04.2025).

⁵ О памятных монетах РЮО [Электронный ресурс]. URL: <https://parliamentroso.org/node/4778> (дата обращения: 26.04.2025).

⁶ Подмаркова И.П. Банковские системы непризнанных государств // Актуальные проблемы. 2017. С. 158–163.

⁷ Белашенко Д.А. ДНР и ЛНР как «де-факто» государства // Журн. ист. и полит. исслед. 2020. № 1–2. С. 125–131.

Литература

1. Совет Министров СССР. Постановление № 74 от 28.06.1991 «О прекращении деятельности Совета Экономической Взаимопомощи» // Ведомости ВС РСФСР. 1991. № 28. Ст. 995.
2. Протокол о прекращении действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 14.05.1955 [подписан 01.07.1991] // Сборник действующих договоров СССР. М.: МИД СССР, 1991. Вып. 47.
3. Соглашение о создании СНГ от 08.12.1991 // Сборник междунар. договоров РФ. М., 1995. Вып. VII. С. 5–10.
4. Гришина Т.М. Роль СНГ в развитии евразийской интеграции // Вестник Адыгейского гос. ун-та. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sodruzhestva-nezavisimyh-gosudarstv-v-razvitiievrziyskoj-integratsii> (дата обращения: 22.04.2025).
5. Зиядуллаев Н.С. Экономика стран Содружества. М.: ИПР РАН, 2022. С. 40.
6. Устав СНГ [Принят 22.01.1993] // Бюллетень междунар. договоров. 1994. № 1. С. 3–20.
7. Договор о коллективной безопасности [Подписан 15.05.1992] // Бюллетень междунар. договоров. 1994. № 1. С. 3–6.
8. Постановление ВС Абхазии от 23.07.1992 // Абхазия: документы и материалы. Сухум, 2008. С. 45–47.
9. Акт о провозглашении независимости РЮО // Конституционные акты РЮО. Цхинвал, 1994. С. 12–14.
10. Резолюция СБ ООН S/RES/849 (1993) [Электронный ресурс]. URL: [https://docs.un.org/r/S/RES/849\(1993\)](https://docs.un.org/r/S/RES/849(1993)) (дата обращения: 19.04.2025).
11. Резолюция СБ ООН S/RES/858 (1993) [Электронный ресурс]. URL: [https://undocs.org/r/S/RES/858\(1993\)](https://undocs.org/r/S/RES/858(1993)) (дата обращения: 19.04.2025).
12. Маркедонов С. Трансформация конфликтного поля в Абхазии // МЭиМО. 2024. Т. 68, № 12. С. 118.
13. Хасанов А.А. Международно-правовые аспекты признания Южной Осетии // Журн. зарубеж. законодательства. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-aspekty-priznaniya-yuzhnoy-osetii> (дата обращения: 24.04.2025).
14. Статистический комитет РА. Численность населения РА на 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://cgsra.org/statistics/205/> (дата обращения: 24.04.2025).
15. Нацстатслужба РЮО. Демографические показатели [Электронный ресурс]. URL: <https://ugosstat.ru/wp-content/uploads/2017/06/togi-perepisi-RYUO.pdf> (дата обращения: 24.04.2025).
16. Маркедонов С.М. Постсоветские де-факто государства // МЭиМО. 2021. Т. 65, № 12. С. 78–87.
17. Договор между РФ и РА о дружбе и сотрудничестве от 17.09.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/200> (дата обращения: 24.04.2025).
18. Соглашение между РФ и РА о военной базе от 17.02.2010 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45218/ (дата обращения: 24.04.2025).
19. Договор между РФ и РА о союзничестве от 24.11.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4783> (дата обращения: 25.04.2025).
20. Соглашение между Правительством РФ и РА о режиме торговли от 28.05.2015 // СЗ РФ. 2015. № 24, ч. II. Ст. 3578.
21. Волвач Д.В. Формирование общего пространства РФ и РА [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_k_2025_godu_zavershitsya_formirovanie_obshchego_socialnogo_i_ekonomicheskogo_prostranstva_mezhdu_rossiy_i_abhaziyey.html (дата обращения: 25.04.2025).
22. Договор между РФ и РЮО о дружбе 2008 г. // Бюллетень междунар. договоров. 2009. № 4. С. 15–21.
23. Договор между РФ и РЮО о союзничестве 2015 г. // Бюллетень междунар. договоров. 2015. № 5. С. 42–50.
24. Соглашение между РФ и РЮО о военной базе от 18.03.2015 // СЗ РФ. 2015. № 12. Ст. 1722.
25. Соглашение между РФ и РЮО о пенсионном обеспечении от 12.04.2016 // СЗ РФ. 2016. № 16. Ст. 2234.
26. Соглашение между РФ и РЮО о торгово-экономическом сотрудничестве от 26.05.2021 // СЗ РФ. 2021. № 27. Ст. 5241.
27. Закон РЮО от 18.10.2021 «О действии права ЕА-ЭС...» [Электронный ресурс]. URL: <https://parliamentso.org/node/3799> (дата обращения: 24.04.2025).
28. Маркедонов С.М. Де-факто государства // Вестник РГГУ. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/de-fakto-gosudarstva-politicheskii-fenomen-postsovetskogo-prostranstva> (дата обращения: 25.04.2025).
29. Монеты Абхазии [Электронный ресурс]. URL: <https://nb-ra.org/monetyi/> (дата обращения: 26.04.2025).
30. Банкноты и монеты РЮО [Электронный ресурс]. URL: https://www.bank-ossetia.org/banknotes_coins/ (дата обращения: 26.04.2025).
31. О памятных монетах РЮО [Электронный ресурс]. URL: <https://parliamentso.org/node/4778> (дата обращения: 26.04.2025).
32. Подмаркова И.П. Банковские системы непризнанных государств // Актуальные проблемы. 2017. С. 158–163.
33. Белашенко Д.А. ДНР и ЛНР как «де-факто» государства // Журн. ист. и полит. исслед. 2020. № 1–2. С. 125–131.
34. Измestьев С.В. Кризис государства в эпоху глобализации // Теория и практика. 2020. № 7. С. 63–72.
35. Воскресенский А.Д. Регионализация в международных отношениях // Восток. 2012. № 5. С. 5–16.
36. Ли Тяньци. Глокализация как реакция на глобализацию // АНИ: экономика. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-razvitiya-glokalizatsii-kak-reaktsii-na-protsess-globalizatsii> (дата обращения: 25.04.2025).
37. Соглашение между РФ и РА о содействии реализации Госпрограммы 2022–2025 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/60915/ (дата обращения: 26.04.2025).
38. Соглашение между РФ и РЮО о содействии реализации Госпрограммы 2022–2025 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/60920/ (дата обращения: 26.04.2025).
39. Закон Республики Южная Осетия от 6 дек. 2024 г. «О действии УПК РФ в РЮО» [Электронный ресурс] // Парламент Республики Южная Осетия: офиц. сайт. URL: <https://parliamentso.org/node/4780> (дата обращения: 26.04.2025).
40. Abkhazia's Anti-Corruption Drive [Электронный ресурс]. URL: <https://iwpr.net/global-voices/abkhazias-anti-corruption-drive> (дата обращения: 26.04.2025).

INTEGRATION IN THE POST-SOVIET SPACE: THE RELATIONSHIP BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND PARTIALLY RECOGNIZED STATES THAT AROSE IN THE CONTEXT OF ARMED CONFLICTS, USING THE EXAMPLE OF ABKHAZIA AND SOUTH OSSETIA

Arzhanov A.A.

The article is devoted to the process of integration of Abkhazia and South Ossetia into the political and legal space of Russia. The key agreements, institutional mechanisms, geopolitical processes that have developed within the framework of interaction of the previously mentioned actors are analyzed. Particular attention is paid to the issue of the relationship between the sovereignty of Abkhazia and South Ossetia and the actions of the Russian Federation aimed at establishing "custodial control" over the previously named republics.

Keywords: Abkhazia, South Ossetia, Russia, integration, regionalization, globalization, partially recognized states, custodial control, sovereignty, international law, national law, security.

References

1. Council of Ministers of the USSR. Resolution No. 74 of 28.06.1991 "On the termination of the activities of the Council for Mutual Economic Assistance" // Vedomosti of the Supreme Council of the RSFSR. 1991. No. 28. Art. 995.
2. Protocol on the termination of the Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance of 14.05.1955 [signed 01.07.1991] // Collection of current treaties of the USSR. Moscow: USSR Ministry of Foreign Affairs, 1991. Issue 47.
3. Agreement on the establishment of the CIS of 08.12.1991 // Collection of international treaties of the Russian Federation. Moscow, 1995. Issue VII. Pp. 5–10.
4. Grishina T.M. The role of the CIS in the development of Eurasian integration // Bulletin of the Adyghe State University. 2023. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sodruzhestva-nezavisimyh-gosudarstv-v-razviti-evraziyskoy-integratsii> (date of access: 22.04.2025).
5. Ziyadullaev N.S. Economy of the Commonwealth Countries. Moscow: IPR RAS, 2022. P. 40.
6. CIS Charter [Adopted on 22.01.1993] // Bulletin of international treaties. 1994. No. 1. P. 3–20.
7. Collective Security Treaty [Signed on 15.05.1992] // Bulletin of international treaties. 1994. No. 1. P. 3–6.
8. Resolution of the Supreme Council of Abkhazia of 23.07.1992 // Abkhazia: documents and materials. Sukhum, 2008. Pp. 45–47.
9. Act on the declaration of independence of the RSO // Constitutional acts of the RSO. Tskhinvali, 1994. Pp. 12–14.
10. UN Security Council Resolution S/RES/849 (1993) [Electronic resource]. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/849\(1993\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/849(1993)) (date accessed: 19.04.2025).
11. UN Security Council Resolution S/RES/858 (1993) [Electronic resource]. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/858\(1993\)](https://undocs.org/ru/S/RES/858(1993)) (date of access: 19.04.2025).
12. Markedonov S. Transformation of the conflict field in Abkhazia // MEIMO. 2024. Vol. 68, No. 12. P. 118.
13. Khasanov A.A. International legal aspects of the recognition of South Ossetia // Journal of Foreign Legislation. 2018. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-aspekty-priznaniya-yuzhnoy-osetii> (date of access: 24.04.2025).
14. Statistical Committee of the Republic of Abkhazia. Population of the Republic of Abkhazia for 2023 [Electronic resource]. URL: <https://cgsra.org/statistics/205/> (date of access: 24.04.2025).
15. National Statistical Service of the Republic of South Ossetia. Demographic indicators [Electronic resource]. URL: <https://ugostat.ru/wp-content/uploads/2017/06/Itoogi-perepisi-RYUO.pdf> (date of access: 24.04.2025).
16. Markedonov S.M. post-Soviet de facto states // MEIMO. 2021. Vol. 65, No. 12. Pp. 78–87.
17. Treaty between the Russian Federation and the Republic of Armenia on friendship and cooperation dated 17.09.2008 [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/200> (date of access: 24.04.2025).
18. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Armenia on the military base of 17.02.2010 [Electronic resource]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45218/ (date of access: 24.04.2025).

19. Treaty between the Russian Federation and the Republic of Armenia on alliance of 24.11.2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4783> (date of access: 25.04.2025).
20. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Republic of Armenia on the trade regime of 28.05.2015 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 24, Part II. Art. 3578.
21. Volvach D.V. Formation of a common space of the Russian Federation and the Republic of Abkhazia [Electronic resource]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_k_2025_godu_zavershitsya_formirovanie_obshchego_socialnogo_i_ekonomicheskogo_prostranstva_mezhdu_rossiei_i_abkhaziei.html (date of access: 25.04.2025).
22. Treaty between the Russian Federation and the Republic of South Ossetia on friendship of 2008 // Bulletin of international treaties. 2009. No. 4. P. 15–21.
23. Treaty between the Russian Federation and the Republic of South Ossetia on alliance of 2015 // Bulletin of international treaties. 2015. No. 5. P. 42–50.
24. Agreement between the Russian Federation and the Republic of South Ossetia on the military base of 18.03.2015 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 12. Art. 1722.
25. Agreement between the Russian Federation and the Republic of South Ossetia on pension provision of 12.04.2016 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 16. Art. 2234.
26. Agreement between the Russian Federation and the Republic of South Ossetia on trade and economic cooperation of 26.05.2021 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27. Art. 5241.
27. Law of the Republic of South Ossetia of 18.10.2021 "On the application of the EAEU law..." [Electronic resource]. URL: <https://parliamentso.org/node/3799> (date of access: 24.04.2025).
28. Markedonov S.M. De facto states // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. 2018. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/de-fakto-gosudarstva-politicheskiy-fenomen-postsovetetskogo-prostranstva> (date of access: 25.04.2025).
29. Coins of Abkhazia [Electronic resource]. URL: <https://nb-ra.org/money/> (date of access: 26.04.2025).
30. Banknotes and coins of the RSO [Electronic resource]. URL: https://www.bank-ossetia.org/banknotes_coins/ (date of access: 26.04.2025).
31. On commemorative coins of the RSO [Electronic resource]. URL: <https://parliamentso.org/node/4778> (date of access: 26.04.2025).
32. Podmarkova I.P. Banking systems of unrecognized states // Current issues. 2017. Pp. 158–163.
33. Belashchenko D.A. DPR and LPR as "de facto" states // J. hist. and polit. research. 2020. No. 1–2. Pp. 125–131.
34. Izmetiev S.V. Crisis of the state in the era of globalization // Theory and practice. 2020. No. 7. P. 63–72.
35. Voskresensky A.D. Regionalization in International Relations // Vostok. 2012. No. 5. P. 5–16.
36. Li Tianqi. Globalization as a Reaction to Globalization // ANI: Economica. 2017. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-razvitiya-glokalizatsii-kak-reaktsii-na-protsess-globalizatsii> (date of access: 25.04.2025).
37. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Armenia on facilitating the implementation of the State Program 2022–2025 [Electronic resource]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/60915/ (date of access: 26.04.2025).
38. Agreement between the Russian Federation and the Republic of South Ossetia on facilitating the implementation of the State Program 2022–2025 [Electronic resource]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/60920/ (date of access: 26.04.2025).
39. Law of the Republic of South Ossetia of December 6, 2024 "On the application of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in the Republic of South Ossetia" [Electronic resource] // Parliament of the Republic of South Ossetia: official website. URL: <https://parliamentso.org/node/4780> (date accessed: 04/26/2025).
40. Abkhazia's Anti-Corruption Drive [Electronic resource]. URL: <https://iwpr.net/global-voices/abkhazias-anti-corruption-drive> (date of access: 26.04.2025).

Механизмы интеграции предметных областей фармацевтических дисциплин: горизонтальные и вертикальные подходы к качеству образовательного процесса

Бидарова Фатима Николаевна,

канд. фарм. наук., доцент, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения
E-mail: Archi4717@yandex.ru

Гугкаева Маргарита Казбековна,

сотрудник, Общество с ограниченной ответственностью «МедФармКонсалтинг и Экспертиза»

Актуальность: Горизонтальные и вертикальные подходы к качеству образовательного процесса позволяют улучшить взаимодействие между различными дисциплинами, что способствует формированию у будущих специалистов комплексного подхода к решению практических задач. В условиях растущей конкуренции на рынке труда важность интеграции образовательных компонентов становится ключевым фактором для повышения конкурентоспособности выпускников и обеспечения высокого уровня их профессиональной подготовки. Цели исследования: Изучение вертикальной и горизонтальной взаимосвязи дисциплин для разработки рекомендаций по оптимизации учебных планов и программ. Материалы и методы исследования: Для идентификации ресурсов межпредметной интеграции была проведена оценка степени интеграции дисциплин по фармацевтической специальности, включая различные блоки обязательных и факультативных курсов. Исследование включало анализ учебного плана, опросы студентов и работодателей, а также оценку отчета внешней экспертной комиссии. В методах исследования использовались наблюдение, опрос 98 работодателей (руководителей фармацевтических организаций) и документальный анализ.

Результаты: Комплексная оценка основной профессиональной образовательной программы (ОПОП) на соответствие стандартам международной аккредитации в области базового медицинского и фармацевтического образования внешней экспертной комиссией, которая отметила, что Вуз не имеет четкой схемы межпредметной интеграции дисциплин и рекомендовали внести усовершенствования в данный аспект. Предложена оригинальная интегративная матрица, связывающая результаты обучения по образовательной программе с формируемыми профессиональными компетенциями. Эта матрица позволяет визуализировать, какие конкретные результаты обучения были достигнуты, а также выявить те компетенции, которые не были должным образом реализованы. В рамках исследования также были сгруппированы три модуля, в которых первая дисциплина закладывает основы определенного результата обучения, а последующие дисциплины углубляют подготовку обучающихся. Опрос работодателей подтвердил, что программа обеспечивает высокий уровень подготовки фармацевтических кадров благодаря межпредметной интеграции и усиливает практическую составляющую подготовки специалистов. Заключение: Интеграция фармацевтических дисциплин с помощью горизонтальных и вертикальных подходов улучшает качество образования. Сгруппированные дисциплины ОПОП по фармации в модули для более глубокого освоения знаний и практических навыков позволили обучающимся эффективно связывать теоретические и практические аспекты, формируя целостное восприятие информации. Работодатели положительно оценивают компетенции, приобретенные выпускниками фармацевтического факультета СОГМА, что подтверждает успешность разработанной нами модели интеграции.

Ключевые слова: фармацевтическое образование, вертикальная и горизонтальная межпредметная интеграция дисциплин, матрица интеграции

Введение

В современных условиях образовательный процесс требует обновления традиционных методов преподавания, чтобы соответствовать быстро меняющимся требованиям общества и экономики. Интеграция предметных областей и взаимосвязь дисциплин становятся ключевыми аспектами в создании современного образовательного контента, способствующего развитию критического мышления, междисциплинарного подхода и практических навыков у студентов. Адаптация образовательных программ к требованиям рынка труда необходима, так как комплексные знания и умения становятся важнейшим параметром для успешной профессиональной деятельности [1.2].

Актуальные требования к результатам освоения образовательных программ требуют пересмотра и разработки новых принципов организации учебного процесса. Важным аспектом этого процесса является строгое соблюдение принципа единства и взаимосвязи различных дисциплин, входящих в основную образовательную программу. Это подразумевает необходимость интеграции знаний, обеспечивающей более глубокое понимание обучающимися учебного материала. [3.4].

Основательное освоение общепрофессиональных дисциплин служит базой для изучения специализированных предметов в рамках профессиональной подготовки. Этот процесс обеспечивает переход с общих компетенций на изучение профессиональных дисциплин, а также позволяет осуществлять интеграцию как в пределах одной дисциплины (горизонтальная интеграция), так и на всех этапах образовательного процесса, на разных курсах, разных семестров (вертикальная интеграция), что способствует целостному обучению студентов [5.6].

Цели исследования

Изучение вертикальной и горизонтальной взаимосвязи дисциплин для разработки рекомендаций по оптимизации учебных планов и программ.

Материалы и методы исследования

С целью идентификации ресурсов межпредметной интеграции было проведено эмпирическое исследование степени интеграции дисциплин по фармацевтической специальности, включающих блок 1 – дисциплины (модули) обязательной части – в количестве 36, блок 1-часть, формируемая участниками образовательных отношений – в количестве 19, блок 2 – практики. обязательная часть в количестве 13, ФТД. Факультативные дисциплины – в количестве 5.

Реализация ОПОП по специальности фармация (специалитет) представляет логическую последовательность дисциплин в учебном плане с прогрессивным усложнением теоретической информации и практических навыков.

Выявляли степень интеграции по горизонтали, которая осуществляется посредством связей между темати-

кой, преподаваемой в рамках различных профильных дисциплин. Интеграция по вертикали определяет степень сложности практических навыков и уровень независимости студента с закреплением во время практики, от «преимущественно наблюдатель» (первый курс), «действия под руководством» (второй, третий курс), «действия под надзором» (четвертый – пятый курсы) до «самостоятельной работы» во время практической подготовки и последующего обучения в ординатуре.

Кроме того проводили анализ отчета о результатах работы внешней экспертной комиссии по оценке на соответствие требованиям стандартов НААР по международной аккредитации базового медицинского и фармацевтического образования за рубежом (на основе стандартов WFME/ AMSE) 33.05.01 Фармация Северо-Осетинской государственной медицинской академии в период с 1 по 3 марта 2023 г. Детально изучен Учебный план специалитета « Фармация» 2024 г., код специальности 33.05.01, год начала подготовки 2024.

В качестве методов исследования использовали: наблюдение, анкетирование студентов 1–5 курсов фармацевтического факультета СОГМА – всего 72 студента; опрос работодателей (руководителей фармацевтических организаций) – всего 98, а также методы документального, системного анализов.

Результаты и их обсуждение

В результате исследования установлено, что дисциплины, относящиеся к обязательной части и части, формируемой участниками образовательных отношений, условно можно разделить по блокам (биомедицинские, поведенческие, социальные и профильные дисциплины).

Блок биомедицинских дисциплин представлен 17 предметами, что составляет 90 ЗЕТ – 35,29% объема учебного плана (ОПОП). Блок поведенческих и социальных дисциплин (в том числе биоэтика и право) представлен 10 дисциплинами и составляет 32 ЗЕТ-12,55% от общего объема учебного плана.

Блок клинических (профильных) дисциплин представлен 22 дисциплинами, в том числе 10 дисциплин, что составляет 99 ЗЕТ-38,82% от общего объема учебного плана и 12 дисциплин части, формируемой участниками образовательных отношений – 29 ЗЕТ-11,37% от общего объема учебного плана (обязательные 16 ЗЕТ-6,27% и элективные дисциплины 13 ЗЕТ-5,10%). В Блок 2 «Практика» 42 ЗЕТ-18,6% входят учебная и производственная практики, позволяющий планомерно проходить практическую подготовку по специальности с 1 по 5 курс.

Анализ показал, что образовательная программа логично выстроена и понятна для обучающихся, содержит полную информацию в требуемых объемах и последовательности изучения дисциплин различных блоков. Перечень дисциплин и практик позволяет сформировать все установленные ФГОС ВО универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции и отражена в матрице компетенций ОПОП.

Оценка эффективности реализации образовательной программы может быть проведена независимыми экспертными организациями на соответствие стандартов, в том числе стандартам независимого международного агентства аккредитации и рейтинга НААР. Кроме того, по оценке удовлетворенности работодателей выпускниками фармацевтического факультета СОГМА можно также судить об эффективности реализации образовательной программы.

Так в марте 2023 года проведена оценка ОПОП на соответствие требованиям стандартов международной ак-

кредитации базового медицинского и фармацевтического образования внешней экспертной комиссией НААР для улучшения качества образования на фармацевтическом факультете СОГМА и по ее итогам предложено:

1. Разработать в рамках реализуемой ОПОП модульную учебную программу, позволяющую обеспечить интегрированное освоение дисциплин по каждому выделенному модулю.
2. Обеспечить интегрированное освоение смежных дисциплин по горизонтали и базовых, элективных дисциплин по вертикали.

Как выяснилось, данная рекомендация была отмечена во всех Вузах РФ, которые проходили международную аккредитацию за период с 2018–2023 гг. Эксперты ВЭК считают, что ни один Вуз не представил конкретное краткое описание такой интеграции и этот критерий у всех отмечен как требующий улучшения.

Все российские Вузы сегодня строят образовательный процесс с учетом межпредметной интеграции. Тем не менее, при более глубоком изучении ресурсов вертикальной и горизонтальной межпредметной интеграции, и по результатам самообследования, работы над планом реализации рекомендаций экспертной комиссии выявлено рассогласование между глубиной теоретической проработки проблемы и недостаточной успешностью их практического воплощения в условиях современного образования.

Используя принципы интеграции по горизонтали, осуществляющиеся в рамках одной дисциплины, интеграции по вертикали, обеспечивающие взаимосвязь образовательного процесса на всех этапах обучения студентов в вузе проведено единение дисциплин профессиональных модулей в рамках формируемого конечного результата обучения[7,8]. Для этого сгруппированы дисциплины, практики в три модуля «Технология лекарственных средств» «Управление и экономика фармации», «Фармацевтическая химия», кроме того для обеспечения вертикальной интеграции Блок поведенческих и социальных дисциплин усилен профильными дисциплинами части, формируемой участниками образовательных отношений Блока 1 (таблица 1)

Таблица 1. Профильные дисциплины части, формируемой участниками образовательных отношений Блока 1, усиливающие Блок поведенческих и социальных дисциплин

№№	Наименование дисциплин	Семестр	ЗЕТ
1.	Правовая база фармацевтической деятельности (обязательные дисциплины)	3	3
2.	Правовые основы предпринимательской деятельности (элективные дисциплины)	4	2
3.	Основы организации фармацевтического бизнеса (элективные дисциплины)	3	2
4.	Экономические основы фармацевтической деятельности (обязательные дисциплины)	3	2
5.	Фармацевтический маркетинг(элективные дисциплины)	3	2
6.	Основы нормативной базы фармацевтической деятельности» (элективные дисциплины)		

В процессе освоения перечисленных дисциплин формируют у обучающихся на начальных этапах обучения способности использовать основы правовых знаний, знаний прав потребителей в своей профессиональной деятельности, умения анализировать результаты собственной деятельности для предотвращения профессиональных ошибок.

Совместно с комплексом поведенческих и социальных наук данные дисциплины позволяют реализовать существующие потребности в сфере здравоохранения, общественного здоровья, медицинских/фармацевтических сообществ и общества в целом, осуществлять эффективную профессиональную коммуникацию, прини-

мать верные решения, соблюдать этические и правовые нормы в профессиональной деятельности.

В результате исследования разработана авторская интегративная матрица, которая приведена в качестве дополнительного приложения к ОПОП. Матрица соотнесения результатов обучения по образовательной программе с формируемыми профессиональными компетенциями действенный инструмент, который позволяет выявить, каким образом достигаемые результаты обучения соотносятся с профессиональными компетенциями, необходимыми для успешной деятельности выпускников в выбранной области. (таблица 2)

Таблица 2. Матрица соотнесения результатов обучения по образовательной программе в целом с формируемыми профессиональными компетенциями

Компетенции	Результаты обучения (трудовые функции)*										
	PO ₁	PO ₂	PO ₃	PO ₄	PO ₅	PO ₆	PO ₇	PO ₈	PO ₉	PO ₁₀	PO ₁₁
ПК-1.					+				+	+	
ПК-2.					+					+	
ПК-3.			+		+	+				+	
ПК-4.								+	+		
ПК-5.									+		
ПК-6.	+		+								
ПК-7.	+	+		+							
ПК-8.	+										
ПК-9.						+	+				
ПК-10.	+			+							
ПК-11.	+								+		
ПК-12.	+										
ПК-13.											+
ПК-14.											+
ПК-15.										+	
ПК-16.	+	+	+	+		+	+				
ПК-17.						+					

* Расшифровка результатов обучения PO (трудовые функции)*

PO ₁	Оптовая, розничная торговля, отпуск лекарственных препаратов и других товаров аптечного ассортимента
PO ₂	Проведение приемочного контроля поступающих в организацию лекарственных средств и других товаров аптечного ассортимента
PO ₃	Обеспечение хранения лекарственных средств и других товаров аптечного ассортимента
PO ₄	Информирование населения и медицинских работников о лекарственных препаратах и других товарах аптечного ассортимента
PO ₅	Изготовление лекарственных препаратов в условиях аптечных организаций
PO ₆	Планирование деятельности фармацевтической организации
PO ₇	Организация ресурсного обеспечения фармацевтической организации
PO ₈	Обеспечение наличия запасов реактивов в аптечной организации
PO ₉	Проведение внутриаптечного контроля качества лекарственных препаратов, изготовленных в аптечных организациях, и фармацевтических субстанций, химико-токсикологического анализа ядов
PO ₁₀	Ведение технологического процесса при промышленном производстве лекарственных средств
PO ₁₁	Участие в проведении и представлении научно-исследовательской работы (проектов)

В матрице каждая строка представляет конкретный результат обучения, а каждый столбец определенную профессиональную компетенцию. Такая матрица позволяет наглядно увидеть, какие результаты обучения были достигнуты, а также какие компетенции не обеспечивают заявленный результат обучения. Таким образом, матри-

ца является мощным инструментом для систематизации, анализа и управления профессиональным обучением.

В качестве примера приводим первый модуль по «Технологии лекарственных средств», который включает шесть дисциплин и две практики. При освоении модуля начиная с 3 по 10 семестры прослеживается ин-

теграция освоения указанных дисциплин, обеспечивающих формирование предусмотренного для данного мо-

дуля набора результатов обучения (РО) составленных на основе трудовых функций провизора. (таблица 3)

Таблица 3. Интегрированное освоение дисциплин (по вертикали и горизонтали) профессиональных модулей в рамках формируемого конечного результата обучения

№№ п/п	Название профессионального модуля	Название дисциплины/практики, семестр(ы), объем (з.е) (форма контроля)	Профессиональные компетенции и индикаторы достижения	Ожидаемые результаты обучения/трудовые функции проф. стандарта
	Технология лекарственных средств	Фармацевтическая технология (обязательная часть), 5–8с, 16зе (экзамен)	ПК-1: ИДПК-1–1, ИДПК-1–2, ИДПК-1–3, ИДПК-1–4, ИДПК-1–5, ИДПК-1–6 ИДПК-1–7 ПК-2: ИДПК-2–1, ИДПК-2–2 ИДПК-2–3, ИДПК-2–4 ПК-3: ИДПК-3–1, ИДПК-3–2 ИДПК-3–3	РО₃ РО₅ РО₆ РО₉ РО₁₀ РО₁₁
		Биотехнология (обязательная часть), 9с, 5зе (экзамен)	ПК-1: ИДПК-1–6, ИДПК-1–7 ПК-2: ИДПК-2–1, ИДПК-2–2 ИДПК-2–3, ИДПК-2–4 ИДПК-2–5 ПК-3: ИДПК-3–1, ИДПК-3–2 ИДПК-3–3	
		Фармацевтическая экология (обязательная дисциплина части, формируемой участниками образовательных отношений), 7с, 3зе (зачет)	ПК-15: ИДПК-15–1 ИДПК-15–2 ИДПК-15–3 ИДПК-15–4	
		Гомеопатия (элективная дисциплина), 3с, 2зе (зачет)	ПК-1: ИДПК-1–1, ИДПК-1–2 ИДПК-1–3, ИДПК-1–4	
		Технология парфюмерно-косметических средств (элективная дисциплина), 9с, 2зе (зачет)	ПК-2: ИДПК-2–1, ИДПК-2–2 ИДПК-2–3	
		Производство лекарственных средств по GMP (элективная дисциплина), 9с, 2зе (зачет)	ПК-2: ИДПК-2–2, ИДПК-2–3 ИДПК-2–4 ПК-3: ИДПК-3–1, ИДПК-3–2 ИДПК-3–3	
		Учебная практика по общей фармацевтической технологии (обязательная часть), 6с, 3зе (зачет)	ПК-1: ИДПК-1–1 ИДПК-1–2 ИДПК-1–3 ИДПК-1–4	
		Производственная практика по фармацевтической технологии (обязательная часть), 10с, 3зе (экзамен, ОСПЭ)	ПК-1: ИДПК-1–1, ИДПК-1–2 ИДПК-1–3, ИДПК-1–4 ИДПК-1–5, ИДПК-1–6 ИДПК-1–7 ПК-2: ИДПК-2–1, ИДПК-2–2 ИДПК-2–3, ИДПК-2–4 ИДПК-2–5 ПК-3: ИДПК-3–1, ИДПК-3–2 ИДПК-3–3 ПК-13: ИДПК-13–1, ИДПК-13–2 ИДПК-13–3 ПК-14: ИДПК-14–1, ИДПК-14–2, ИДПК-14–3 ИДПК-14–4	

В этом фрагменте модульной образовательной программы, вместе с результатами обучения (РО) и профессиональными компетенциями (ПК) и их индикаторов можно увидеть, что дисциплины 1-го модуля, изучаемые в одном семестре, обеспечивают горизонтальную интеграцию, отражают связи взаимопроникновения внутри одного цикла, а дисциплины, осваиваемые в разных семестрах (или даже на разных курсах), представляют вертикальную интеграцию. В модуле одна дисциплина закладывает основы какого-нибудь результата обучения (РО), вторая дисциплина – закрепляет этот результат РО, а 3-я, и последующие дисциплины углубляют заявленный результата обучения (РО), для решения будущих профессиональных задач.

Блок профильных дисциплин построен таким образом, чтобы обеспечить приобретение достаточных знаний, формирование и развитие необходимых профессиональных компетенций в конкретных направлениях практической деятельности, характеризуется последовательностью, логической связью между темами и их очередностью, научным характером и практическими навыками.

Содержание программ отличается информативностью, и дает возможность развития, включает набор компетенций для обучения в соответствии с целями и задачами академического фармацевтического образования.

Эффективность модернизации ОПОП оценивали по результатам изучения мнения работодателей качеством подготовки выпускников СОГМА (руководителей аптечных организаций и двух оптовых складов). Получение эмпирической информации было основано на методе анкетного опроса руководителей фармацевтических организаций Северной Осетии. Итоговый объем выборки составил – 98 человек. Для сбора необходимых данных был разработан специальный модуль анкетных вопросов.

Рис. 1. Шкала индивидуальных качеств выпускника наиболее значимых для приема на работу.

Первостепенной задачей исследования было выявление того факта, насколько руководители субъектов фармацевтического обращения (СФО) удовлетворены качеством подготовки выпускников СОГМА. Для выявления общего отношения руководителей организаций к качеству подготовки фармацевтических кадров был задан вопрос, предполагающий ранжирование значимых критериев состоящий из 10 позиций. Все опрошенные респонденты – 100% – в качестве основных показателей,

оказывающих доминирующее влияние на качество подготовки выпускников отметили уровень практической подготовки и базовые знания 62,2%по профессии. Ответы на последующие позиции, предложенного вопроса, распределились следующим образом:

Если переходить к оценке индивидуальных качеств выпускника, которые являются наиболее значимыми при приеме на работу, то лидирующая позиция принадлежит дисциплинированности и ответственности – 86,7%. (рисунок 1) При оценивании полученных данных анкетирования обозначается достаточный уровень развития практических компетенций у выпускников СОГМА. Об этом заявили большинство опрошенных руководителей СФО – 62,2%, при этом они считают, что хороший уровень практических знаний и умений, один из наиболее значимых критериев для приема на работу

Респонденты отметили также индивидуальные качества, которые не хватает современным выпускникам СОГМА (рисунок 2)

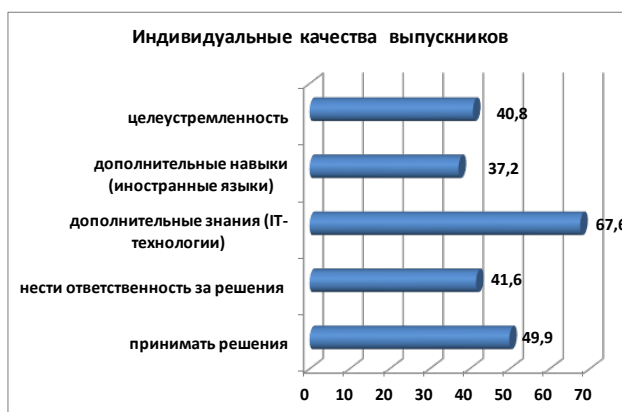

Рис. 2. Шкала индивидуальных качеств, которых не хватает современным выпускникам СОГМА

Из данных рисунка 2 следует, что основными проблемами, с точки зрения респондентов являются недостаточное владение ИТ-технологиями – 67,6%. А способность находить решения 49,9% и готовностью нести за них ответственность у выпускников отметили только 41,6% руководителей.

Однако, оценивая уровень подготовки СОГМА, в зависимости от предъявляемых требований и пожеланий, эксперты, в лице руководителей СФО РСО-Алания считают этот уровень подготовки «высоким» – 36,26%; «выше среднего» – 43,12%; «средним» – 16,66%.

Общая картина владения выпускниками СОГМА различными видами компетенций выглядит следующим образом: в среднем большинство респондентов достаточно позитивно оценивают уровень типичных компетенций, характерных для фармацевтической деятельности, которыми владеют выпускники СОГМА. Отмечен высокий уровень профессиональной общетеоретической подготовки – 71,4%; уровень базовых знаний и навыков – 62,2%; высокий уровень социально-личностных и общекультурных компетенций. Показатели овладения компетенциями практической направленности характеризуются гораздо на достаточном уровне, больше половины респондентов – 62,2% – считают, что уровень практических знаний и умений выпускников СОГМА находится на удовлетворительном и хорошем уровне.

В рамках данного исследования, проведенного на фармацевтическом факультете СОГМА, был сделан упор на оценку качества подготовки фармацевтических кадров. Основываясь на полученные эмпирические данные можно заключить, что благодаря интегрированному

подходу в обучении фармацевтический факультет СОГ-МА обеспечил за счет инновационной компоненты и благодаря совершенствованию учебного процесса, усиления практической компоненты подготовки фармацевтических кадров, в том числе с использованием цифровых технологий.

Заключение

Механизмы интеграции предметных областей фармацевтических дисциплин через горизонтальные и вертикальные подходы представляют собой важный инструмент для повышения качества образовательного процесса. Проведенная нами горизонтальная и вертикальная интеграция позволила сгруппировать дисциплины, практики в модули, в которых одна дисциплина закладывает основы какого-нибудь результата обучения, вторая дисциплина закрепляет этот результат, а последующие дисциплины углубляют заявленный результата обучения, что способствует формированию целостного восприятия знаний и повышает их актуальность для практики. В свою очередь, вертикальная интеграция обеспечивает последовательное и ступенчатое освоение материала, углубляя понимание и связывая теоретические и практические аспекты обучения. В итоге, интеграция дисциплин становится ключевым фактором в формировании высококвалифицированных специалистов, способных эффективно справляться с вызовами современной фармацевтической практики. Работодатели позитивно оценили уровень сформированности компетенций, характерных для фармацевтической деятельности у выпускников фармацевтического факультета СОГМА.

Литература

1. Авдеева АП, Сафонова ЮА. Междисциплинарная интеграция дисциплин гуманитарного и управленческого цикла. Вестник университета. 2022;(10):231–240. doi: 10.26425/1816-4277-2022-10-231-240.
2. Хавроничев ВИ. Интеграция и взаимосвязь дисциплин образовательной программы «менеджмент». В: Магруппова ЗМ, редактор. Инновационное развитие территорий: Материалы III Международной научно-практической конференции, Череповец, 25–27 февраля 2015 года. Череповец: Череповецкий государственный университет; 2015. с. 142–143.
3. Ландарь ЛН, Жежа ВВ, Кузьмин ОБ. Междисциплинарная интеграция в учебном процессе медицинского вуза. В: Абрамова ЛА и др, редакторы. Педагогические и социологические аспекты образования: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары; 2018. с. 89–90.
4. Отвагин ИВ, Козырев ОА, Матусков МА. Междисциплинарный подход в высшем медицинском и фармацевтическом образовании. Смоленский медицинский альманах. 2017;(2):7–10.
5. Костенко НЛ, Щерба МП, Пушкарский СВ и др. Анализ нормативного правового регулирования интеграции фармацевтического образования и науки в системе подготовки обучающихся по специальности «фармация». Фармакоэкономика: теория и практика. 2023;11(2):27–28. doi: 10.30809/phe.2.2023.15.
6. Pearson ML, Hubball HT. Curricular integration in pharmacy education. Am J Pharm Educ. 2012 Dec 12;76(10):204. doi: 10.5688/ajpe7610204. PMID: 23275669; PMCID: PMC3530066.
7. Nikanmehr M, Kouti L, Eslami K. A Review of Integrated Courses in Pharmacy Education and Impact of Integration

in Pharm D Curricula. Journal of Pharmaceutical Care (Quarterly). 2015;3(3–4).

8. Бидарова ФН, Гергиева ИВ, Дзампаева АМ. Модернизация высшего фармацевтического образования в условиях реформирования контрольно-надзорной деятельности. Медико-фармацевтический журнал Пульс. 2021;23(5):52–58. doi: 10.26787/ny-dha-2686-6838-2021-23-5-52-58.

MECHANISMS OF INTEGRATION OF SUBJECT AREAS IN PHARMACEUTICAL DISCIPLINES: HORIZONTAL AND VERTICAL APPROACHES TO THE QUALITY OF THE EDUCATIONAL PROCESS

Bidarova F.N., Gugkaeva M.K.

North Ossetian State Medical Academy, Limited Liability Company
“MedPharmConsulting and Expertise”

Background: Horizontal and vertical approaches to the quality of the educational process allow for improved interaction between various disciplines, which contributes to the development of a comprehensive approach to solving practical problems by future specialists. In the context of increasing competition in the labor market, the importance of integrating educational components becomes a key factor in enhancing the competitiveness of graduates and ensuring a high level of their professional training. The aim of the study: The study aims to investigate the vertical and horizontal interconnection of disciplines to develop recommendations for optimizing curricula and programs. Materials and Methods: To identify resources for interdisciplinary integration, an assessment was conducted on the degree of integration of disciplines in the pharmaceutical specialty, including various blocks of mandatory and elective courses. The study included an analysis of the curriculum, surveys of students and employers, and an assessment of the report by an external expert commission. Research methods used included observation, surveys of 98 employers (heads of pharmaceutical organizations), and document analysis. Results: A comprehensive assessment of the main professional educational program (MPEP) for compliance with international accreditation standards in basic medical and pharmaceutical education was carried out by an external expert commission, which noted that the university lacks a clear scheme for interdisciplinary integration of disciplines and recommended improvements in this aspect. An original integrative matrix was proposed, linking the learning outcomes of the educational program with the professional competencies being formed. This matrix allows for visualization of which specific learning outcomes were achieved and also identifies competencies that were not properly realized. As part of the study, three modules were grouped, in which the first discipline lays the foundation for a specific learning outcome, and subsequent disciplines deepen the students' training. Employer surveys confirmed that the program ensures a high level of pharmaceutical workforce preparation through interdisciplinary integration and strengthens the practical component of specialist training. Conclusion: The integration of pharmaceutical disciplines through horizontal and vertical approaches improves the quality of education. Grouping the disciplines of the MPEP in pharmacy into modules for deeper mastery of knowledge and practical skills allowed students to effectively link theoretical and practical aspects, forming a holistic perception of information. Employers positively evaluate the competencies acquired by graduates of the pharmaceutical faculty of NOSMA, confirming the success of the developed integration model.

Keywords: Pharmaceutical education, vertical and horizontal interdisciplinary integration of disciplines, integration matrix.

References

1. Avdeeva AP, Safonova Yu A. Interdisciplinary integration of humanitarian and management disciplines. Vestnik Universiteta. 2022;(10):231–240. Russian. doi: 10.26425/1816-4277-2022-10-231-240.
2. Khavronichev VI. Integration and interrelation of disciplines of the educational program “management”. In: Magrupova ZM, editor. Innovative development of territories: Materials of the III International Scientific and Practical Conference, Cherepovets, February 25–27, 2015. Cherepovets: Cherepovets State University; 2015. p. 142–143. Russian.

3. Landar' LN, Zhezha VV, Kuz'min OB. Interdisciplinary integration in the educational process of a medical university. In: Abramova LA, et al, editors. Pedagogical and sociological aspects of education: Materials of the International Scientific and Practical Conference. Cheboksary; 2018. p. 89–90. Russian.
4. Otvagin IV, Kozyrev OA, Matuskov MA. Interdisciplinary approach in higher medical and pharmaceutical education. Smolenskii Meditsinskii Al'manakh. 2017;(2):7–10. Russian.
5. Kostenko NL, Shcherba MP, Pushkarskii SV, et al. Analysis of the regulatory legal regulation of the integration of pharmaceutical education and science in the training system for students in the specialty "pharmacy". Farmakoeconomika: teoriya i praktika. 2023;11(2):27–28. Russian. doi: 10.30809/phe.2.2023.15.
6. Pearson ML, Hubball HT. Curricular integration in pharmacy education. Am J Pharm Educ. 2012 Dec 12;76(10):204. doi: 10.5688/ajpe7610204. PMID: 23275669; PMCID: PMC3530066.
7. Nikanmehr M, Kouti L, Eslami K. A Review of Integrated Courses in Pharmacy Education and Impact of Integration in Pharm D Curricula. Journal of Pharmaceutical Care (Quarterly). 2015;3(3–4).
8. Bidarova FN, Gergieva IV, Dzampaeva AM. Modernization of higher pharmaceutical education in the context of reforming control and supervision activities. Mediko-farmatsevticheskii zhurnal Pul's. 2021;23(5):52–58. Russian. doi: 10.26787/nydha-2686-6838-2021-23-5-52-58.

Синтаксические особенности реализации каузальной цепи «Одна причина порождает несколько взаимосвязанных следствий» (на материале американских предвыборных теледебатов)

Бутенко Татьяна Анатольевна,

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Высшей школы социальных наук Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова
E-mail: TatianaButenko@mail.ru

Лукашенко Елена Сергеевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Высшей школы социальных наук Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова
E-mail: lena0512@mail.ru

Смирнова Ирина Юрьевна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков Высшей школы социальных наук Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова
E-mail: www.glasha@yandex.ru

вых экспонентов, что позволит определять тип каузальных отношений на основании лингвистического признака.

Ключевые слова: английский язык, синтаксис, каузальные отношения, причинно-следственные отношения, синсемантизм, автосемантизм, повторы, расшифровывающие конструкции, изолированные конструкции, инверсия.

Объектом исследования выступает линейная каузальная цепь «Одна причина (П) вызывает несколько следствий (С). Предметом исследования выступают синсемантические трансформации ядерного каузального предложения, репрезентирующие нелинейную цепь «Одна П – несколько С». Несмотря на большое количество работ, посвященных исследованию причинно-следственных отношений (ПСО), корреляционная классификация количественно-качественных характеристик и их синсемантических экспонентов отсутствует, что обуславливает новизну данного исследования. Цель исследования – выявить синсемантические репрезентаты каузальной цепи «Несколько С, вытекающих из одной П» и трансформации ядерного автосемантического каузального предложения. Материалом послужили каузальные синсемантические высказывания кандидатов на пост президента и вице-президента США [8], полученные методом сплошной выборки. Теоретико-методологическую базу составляют: теория синсемантики Л.Г. Фридман [7], теория коллоквиального синтаксиса Ю.М. Скребнева [6], теория эмоционального синтаксиса Т.Н. Синеоковой [5], теория парадигматического синтаксиса М.Я. Блоха [1]. Методы исследования включают конституентный, сравнительно-сопоставительный, категориальный, трансформационный анализ каузальных синсемантических конструкций. В результате были выявлены синсемантические репрезентаты каузальной цепи «Одна П – несколько С», а именно фокусирующий повтор (полный повтор предложений, модифицирующий повтор), предваряющий ориентир, вопросно-ответная конструкция, потенциально-сочиненные предложения, каузальное асиндетичное присоединение и инверсия. Каузальные высказывания, репрезентирующие цепь «Одна П – несколько С», строятся по следующим моделям: 1) П, выраженная одним синсемантическим предложением, и последовательность синсемантических предложений, репрезентирующих несколько взаимосвязанных С; 2) П, выраженная несколькими синсемантическими предложениями, и последовательность синсемантических предложений, репрезентирующих несколько взаимосвязанных С; 3) П, выраженная придаточной частью сложноподчиненного предложения, а также главная часть сложноподчиненного предложения, и последовательность синсемантических предложений, репрезентирующих несколько взаимосвязанных С. Объем и компонентный состав каузальных синсемантических конструкций произвольны. Полученные результаты могут быть использованы для построения корреляционной классификации количественно-качественных характеристик причинно-следственных отношений и их рече-

Каузальные синсемантические конструкции (КСК) как языковой знак имеют план содержания и план выражения. План содержания КСК – это собственно причинно-следственные связи, существующие в объективной действительности. План выражения КСК – средства их языковой репрезентации [2]. В экстралингвистической реальности ПСО дифференцируются по признаку количественно-качественных характеристик, которые представлены в языке различными трансформациями автосемантического ядерного каузального предложения

(перечень типов каузальных отношений, а также трансформаций ядерного каузального предложения и синсемантических конструкций представлен в [2–4]). Построение корреляционной классификации лингвистических и экстралингвистических признаков каузальных отношений будет иметь высокий прогностический потенциал, поскольку позволит по языковой форме определить экстралингвистическую специфику причинно-следственных отношений. Результаты исследования, полученные на данный момент, приведены в таблице 1.

Таблица 1. Гипотетическая корреляционная классификация количественно-качественных характеристик ПСО и их синсемантических экспонентов

Количественно-качественные характеристики ПСО	Схема	Трансформации ядерного каузального предложения	Каузальные синсемантические конструкции
одна П – одно С	$P \rightarrow C$	1) П и С – два синсемантических предложения, безотносительно порядка следования П и С 2) одна П, представленная несколькими синсемантическими предложениями, и С 3) П и одно С, представленное несколькими синсемантическими предложениями	1) предваряющий ориентир 2) антиципационные конструкции 3) вопросно-ответные конструкции 4) смешанный повтор 5) изолированные придаточные 6) потенциально-сочиненные предложения 7) каузальные асиндетичные присоединения 8) вопрос-побуждение 9) риторический вопрос [4]
одна П вызывает С, которое становится П для другого С	$P_1 \rightarrow C_1 = P_2 \rightarrow C_2$	Два и более синсемантических предложения	1) полный повтор предложений 2) смешанный фокусирующий повтор 3) предваряющий ориентир 4) антиципационная расшифровывающая конструкция 5) вопросно-ответная конструкция 6) изолированное придаточное предложение 7) потенциально-сочиненные предложения 8) каузальное асиндетичное присоединение 9) предложения-эмфазаторы
одна П – несколько С	$P \downarrow \downarrow \downarrow C_1 C_2 C_3$	Несколько взаимосвязанных С, представленных синсемантическими предложениями и вытекающих из одной П	
несколько П – одно С	$P_1 P_2 P_3 \downarrow C$	Несколько взаимосвязанных П, представленных синсемантическими предложениями и являющихся достаточным основанием для одного С	
несколько П – несколько С	$P_1 P_2 \downarrow \downarrow C_1 C_2$	Несколько взаимосвязанных П и несколько взаимосвязанных С, представленных синсемантическими предложениями	
смешанные цепи			
многомерные цепи			

Предметом данной статьи являются каузальные синсемантические конструкции, реализующие цепь «Одна П – несколько С». В американских предвыборных теледебатах синсемантическими экспонентами данной цепи являются:

I. Фокусирующий повтор, выполняющий функцию акцентуации [2, с. 143]:

1. Полный повтор предложений, фокусирующий внимание слушателя на важных компонентах высказывания:

TRUMP: (C₁) «*It's not my fault that it came here.* (C₂) *It's China's fault.* (C₃) *And you know what, it's not Joe's fault*

that it came here either. (C₄) *It's China's fault.* (П) *They kept it from going into the rest of China, for the most part, but they didn't keep it from coming out to the world including Europe and ourselves»* [8].

В приведенном высказывании полный повтор предложений представлен в C₂ и C₄, являющихся полностью идентичными предложениями. Данная трансформация ядерного каузального предложения имеет следующий вид: П, выраженное 1 синсемантическим предложением, и последовательность из 4 синсемантических предложений, репрезентирующих C_{1,2,3,4}.

2. Модифицирующий повтор, допускающий структурные и семантические изменения повторяющегося фрагмента. Подробнее о видах модифицирующего повтора см. в [2, с. 148]:

ОВАМА: (П) «*I want high wage, high skill jobs. (C₁) That's why we have to emphasize manufacturing. (C₂) That's why we have to invest in advanced manufacturing. (C₃) That's why we've got to make sure that we've got the best science and research in the world*» [8].

В этом высказывании фокусирующий повтор, сопровождающийся анафорой и синтаксическим параллелизмом, представлен в C₁, C₂ и C₃. Приведенная трансформация ядерного каузного предложения состоит из 4 компонентов: П – 1 синсемантическое предложение, и последовательность из 3 синсемантических предложений, репрезентирующих C_{1,2,3}.

3. Смешанный фокусирующий повтор, в котором сочетаются несколько видов фокусирующего повтора [2, с. 153]:

СЕНАТОР КЕННЕДИ: (П) «*I don't believe in big government, but I believe in effective governmental action. (C₁) And I think that's the only way that the United States is going to maintain its freedom. (C₂) It's the only way that we're going to move ahead*» [8].

В анализируемом высказывании смешанный повтор, характеризующийся наложением сужающего и модифицирующего повтора, репрезентирует C₁ и C₂: при повторе оратор опустил главную часть сложного предложения *I think*, применил анафору и синонимическую замену (*that's the only way – it's the only way*). Трансформационная модель трехкомпонентна и имеет вид: П – 1 синсемантическое предложение, и последовательность из 2 синсемантических предложений, репрезентирующих C_{1,2}.

II. Расшифровывающие конструкции:

1. Предваряющий ориентир, образованный, как минимум, двумя синсемантическими предложениями; первое из которых содержит элементарную языковую идентификацию образа, а второе – раскрывает его значение [6, с. 146]:

МР. КЕННЕДИ: (П) «*Uh – Mr. McGee, there are about a hundred and four commodities that have some kind of depletion allowance – different kind of minerals, including oil. I believe all of those should be gone over in detail to make sure that no one is getting a tax break; (C₁) to make sure that no one is getting away from paying the taxes he ought to pay. That includes oil; it includes all kinds of minerals; it includes everything within the range of taxation. (C₂) We want to be sure it's fair and equitable. It includes oil abroad*» [8].

Здесь предваряющий ориентир представлен дважды в П и C₁ и выражен соответственно осложненным предложением, коррелирующим с указательным местоимением *those* в следующем за ним предложении, а также обстоятельством цели, коррелирующим с указательным местоимением *that* в смежном предложении. Трансформационная модель имеет следующий вид: П – 1 формально самостоятельное предложение и часть осложненного предложения, а также часть осложненного предложения и последовательность из 4 синсемантических предложений, репрезентирующих C_{1,2}.

2. Вопросно-ответная конструкция, состоящая из 2 компонентов: первый – вопрос оратора, обращенный к самому себе, второй – ответ-расшифровка [6, с. 156]:

РОМНЕЙ: (C₁) «*We have every two years tests that look at how well our kids are doing. Fourth graders and eighth graders are tested in English and math. While I was governor, I was proud that our fourth graders came out number one of all 50 states in English, and then also in math. (C₂) And our*

eighth graders number one in English and also in math. (C₃) First time one state had been number one in all four measures. (П) How did we do that? Well, Republicans and Democrats came together on a bipartisan basis to put in place education principles that focused on having great teachers in the classroom» [8].

В приведенном высказывании, построенном по модели: П – 2 синсемантических предложения и последовательность из 5 синсемантических предложений, репрезентирующих C_{1,2,3}, вопросно-ответная конструкция представлена в П.

III. Изолированные конструкции

1. Потенциально сочиненные предложения – это синсемантические предложения, вводимые сочинительными союзами [6, с. 182–183]:

РОМНЕЙ: (П) «*It's absolutely the right thing to do, to have crippling sanctions. (C₁) I would have put them in place earlier. (C₂) But it's good that we have them*» [8].

В анализируемом высказывании, построенном по модели П – 1 синсемантическое предложение, и последовательность из 2 синсемантических предложений, репрезентирующих C_{1,2}. C₂ вводится противительным союзом *but*, что указывает на его структурно-смысловую зависимость от предыдущего предложения.

2. Каузальное асиндетичное присоединение, в котором компоненты КСК соединены без использования союзов. Маркеры синтаксической связи отсутствуют [4, с. 16]:

ТРАМП: (П) «*If he gets in, (C₁) you will have a depression, the likes of which you've never seen. (C₂) Your 401K's will go to hell (C₃) and it'll be a very, very sad day for this country*» [8].

В рассматриваемом высказывании C₁ и C₂ соединены асиндетично. Трансформационная модель ядерного каузного предложения имеет следующий вид: П – придаточная часть сложноподчиненного предложения, а также часть сложноподчиненного предложения и сложносочиненное предложение, репрезентирующие C_{1,2}.

IV. Инверсия

1. Эмфатизирующая инверсия

БУШ: *As to Ferdinand Marcos, he isn't there any more. It was under our administration that Mrs. Aquino came in. But I'll tell you what I was thinking of. I flew a combat mission, my last one was over Manila. (C₁) And he was down there fighting against imperialism. And he had just–*

ЛЕХРЕР: *Mr. Vice President*

БУШ: (C₂) *And he just lifted martial law. (C₃) And he just called for new elections. (C₄) And all of those things happened (П) because the Philippines do crave democracy. (C₅) And out he goes.*

Здесь эмфатизирующая инверсия представлена в C₅. Трансформация ядерного каузного предложения имеет следующий вид: П – придаточная часть сложноподчиненного предложения, а также главная часть сложноподчиненного предложения и последовательность из 4 синсемантических предложений, репрезентирующих C_{1,2,3,4}.

Заключение

Анализ эмпирической базы данных позволил выявить номенклатуру КСК, выражающих цепь «Одна П – несколько С» в американских политических теледебатах, которая включает полный повтор предложений, модифицирую-

щий повтор, смешанный фокусирующий повтор, пред-
варяющий ориентир, вопросно-ответную конструкцию,
потенциально сочиненные предложения, каузальное асин-
детичное присоединение, эмфатизирующую инверсию.

В американских политических теледебатах каузаль-
ная цепь «Одна П – несколько С» представлена следую-
щими трансформациями автосемантического ядерного ка-
узального предложения: 1) П, выраженная одним синсе-
мантическим предложением, и последовательность синсе-
мантических предложений, репрезентирующих несколько
взаимосвязанных С; 2) П, выраженная несколькими синсе-
мантическими предложениями, и последовательность
синсемантических предложений, репрезентирующих не-
сколько взаимосвязанных С; 3) П, выраженная придаточ-
ной частью сложноподчиненного предложения, а также
главная часть сложноподчиненного предложения, и по-
следовательность синсемантических предложений, репре-
зентирующих несколько взаимосвязанных С. Членение
каузального высказывания на синсемантические отрезки
произвольно. Объем каузального высказывания и коли-
чественный состав каузальной цепи произвольны.

Литература

1. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: учеб.
4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2004. – 239 с.
2. Бутенко Т.А. Каузально-синсемантические конструк-
ции в американском политическом дискурсе (на ма-
териале предвыборных теледебатов): дисс. ... канд.
филол. наук. – Нижний Новгород, 2024. – 362 с.
3. Бутенко Т. А., Синеокова Т.Н. Некоторые особен-
ности реализации причинно-следственных отношений
в политической речи (на материале американских
предвыборных теледебатов) // Актуальные про-
блемы филологии и педагогической деятельности:
Ежеквартальный научный журнал. – Владикавказ,
2015. – Вып. 1 (17). – С. 7–15.
4. Бутенко Т.А. Особенности синсемантических кон-
струкций, реализующих линейную каузальную
связь «Причина-следствие» // Теоретические и при-
кладные аспекты изучения речевой деятельности. –
Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2015. – Вып.
10. – С. 12–18.
5. Синеокова Т.Н. Парадигматика эмоционального
синтаксиса: монография. – Н. Новгород: Изд-во НН-
ГУ им. Н.И. Лобачевского, 2003. – 244 с.
6. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. – Са-
ратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985. – 210 с.
7. Фридман Л.Г. Грамматические проблемы лингви-
стики текста. – Ростов-на-Дону, 1984. – 133 с.
8. Debate Transcript // URL: <http://www.debates.org/> (дата
обращения: 20.04.2025)

SYNTACTIC FEATURES OF REALIZATION OF THE CAUSAL CHAIN «ONE CAUSE CAUSES SEVERAL INTERCONNECTED CONSEQUENCES» (ON THE MATERIAL OF AMERICAN ELECTION TV DEBATES)

Butenko T.A., Lukashenko E.S., Smirnova I.Yu.

Nizhny Novgorod State Linguistics University named after N.A. Dobrolubov

The object of study is a linear causal chain One reason (R) causes
several consequences (C). The object of research are synsemanti-
cal transformations of nuclear causal proposition, representing the
non-linear chain «One R – several C». Despite the large number of
studies devoted to the study of causal relations (K&S), there is no
correlation classification of quantitative and qualitative characteris-
tics and their synergistic agents, which makes this study novel. The
aim of the study is to identify the synsematic representations of the
causal chain «Several C, caused by one P» and the transforma-
tion of the nuclear autosemantic causal proposition. The material
was based on a continuous sample of the Caucasian synsematic
statements made by candidates for the office of US president and
vice president [8]. The theoretical and methodological basis are the
theory of synsematism by L.G. Friedman [7], the theory of colloqui-
alistic syntax by Y.M. Skrebneva [6], the theory of emotional syn-
tax by T.N. Sineokova [5] and the theory of paradigmatic syntax
by M.Y. Bloch [1]. The research methods include a constitutional,
comparative, categorical, transformational analysis of causal syner-
gistic structures. As a result, the synsematic representations of the
causal chain «One P – several C» were identified, namely focusing
repetition (full repetition of sentences, modifying repetition), pre-ori-
entation, question-and-answer construction, potentially-composed
sentences, Causal asseptoting and inversion.

Keywords: the English language, syntax, causal relations, cause-
effect relations, synsematism, autosematism, repetitions, deci-
phering constructions, isolated construction, inversion.

References

1. Blokh M. Ya. Theoretical Foundations of Grammar: textbook.
4th ed., corrected. – M.: Higher. school, 2004. – 239 p.
2. Butenko T.A. Causal-synsemantic constructions in American
political discourse (based on pre-election television debates):
diss. ... Cand. Philological sciences. – Nizhny Novgorod,
2024. – 362 p.
3. Butenko T. A., Sineokova T.N. Some features of the implemen-
tation of cause-and-effect relations in political speech (based on
American pre-election television debates) // Actual problems of
philology and pedagogical activity: Quarterly scientific journal. –
Vladikavkaz, 2015. – Issue. 1 (17). – P. 7–15.
4. Butenko T.A. Features of synsemantic constructions implement-
ing the linear causal connection "Cause-effect" // Theoretical
and applied aspects of the study of speech activity. – N. Novgo-
rod: FGBOU HPE "NGLU", 2015. – Issue. 10. – P. 12–18.
5. Sineokova T.N. Paradigmatics of emotional syntax: mono-
graph. – N. Novgorod: Publishing house of Nizhny Novgorod
State University named after N.I. Lobachevsky, 2003. – 244 p.
6. Skrebnev Yu.M. Introduction to colloquialisms. – Saratov: Pub-
lishing house of Saratov University, 1985. – 210 p.
7. Friedman L.G. Grammatical problems of text linguistics. –
Rostov-on-Don, 1984. – 133 p.
8. Debate Transcript // URL: <http://www.debates.org/> (date ac-
cessed: 20.04.2025)

Медиация и проблемы межкультурного взаимодействия в сфере образования

Деревянченко Елена Анатольевна,

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка и межкультурной коммуникации, ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет»
E-mail: barlen@yandex.ru

В статье рассматривается потенциал медиации как инструмента преодоления социальных конфликтов, особое внимание уделяется сфере образования как источнику социальных новаций. Исторический опыт применения медиации – от античных практик до современных правовых механизмов – позволяет автору рассмотреть эволюцию этого метода урегулирования споров. Современные вызовы – миграция и межпоколенческий разрыв – расширяют сферу применения медиации. Миграционные процессы актуализируют межкультурное посредничество, что отражено в современном дополнении к «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: обучение, преподавание, оценка (CEFR)», где медиация трактуется как языковое и когнитивное посредничество. Расширенное понимание медиации в образовании поможет преодолевать конфликты между поколениями, трансформируя традиционную культурную трансмиссию в диалог равных. Автор обосновывает необходимость разработки новых медиативных технологий, способных снизить социальную напряженность и обеспечить сохранение культуры в условиях быстро меняющегося общества.

Ключевые слова: медиация, межкультурное взаимодействие, когнитивное посредничество, миграция, межпоколенческий разрыв.

Современный этап развития общества характеризуется напряженностью, проявляющейся в многочисленных конфликтах разного уровня и вида: от глобальных до межличностных. Их разрешение часто возможно благодаря применению ненасильственных способов примирения, к числу которых, в первую очередь, относится медиация. Данный вид посредничества за последние более чем полвека лет сыграл немаловажную роль в разрешении ряда международных конфликтов: например, при содействии СССР и ООН в 1953 году было заключено Пханмунджомское перемирие между КНДР и Республикой Корея, а в 2018 благодаря медиативной деятельности Саудовской Аравии и ОАЭ был подписан мирный договор между Эфиопией и Эритреей. Общество накопило также значительный опыт в ненасильственном устранении внутригосударственных политических и экономических разногласий.

Медиация как вид посредничества известна людям на протяжении многих веков: идеи и практики достижения консенсуса появились еще в античности на территории современной Европы, широко применялись в Древнем Китае и Древней Японии. Ренессанс медиации происходит в XX веке в США в сфере права в качестве альтернативы длительному и затратному судебному разбирательству, а в некоторых случаях, как единственно доступный способ разрешения конфликта в связи с коллизиями в законодательстве [2, 5]. В 90-х годах XX века практики улаживания споров с помощью медиаторов получили широкое распространение в Западной Европе, в частности, в Германии и Австрии (Ch. Besemer, K. Hopf, F. Steffek и др.) и России (Д.Л. Давыденко, О.В. Аллахвердова, Н.И. Распопова и др.). В работах названных исследователей и практиков оформились принципы взаимодействия сторон и деятельности медиатора с учетом сложившейся правовой сферы и культурного контекста.

В российском законодательстве под медиацией понимается «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» [10]. Процедуры посредничества в нашей стране применяются чаще в семейных, трудовых и коммерческих спорах, они построены на принципах конфиденциальности процесса, добровольности обеих сторон и нейтральности самого посредника, к задачам которого относится приведение сторон к соглашению-консенсусу, но не внесение готового решения. Интеракция всех участников основывается на взаимном уважении и свободном непринужденном принятии шагов по урегулированию конфликта [1, 2, 4, 11].

Длительный опыт использования медиации делает это явление многоаспектным, а вызовы современности расширяют его, давая возможности для применения приемов медиации в сферах, ранее не использовавших такого рода практики. Так, изменения общества, связанные с миграционными процессами в конце XX – начале XXI века, привели к необходимости более широкого взгляда на медиацию, включив в нее аспект межкультурного посредничества. Анализ статистических данных, опубликованных Eurostat за период с 2015 по 2018 гг., свидетельствует о значительном притоке

беженцев, более миллиона человек, из Сирии, Ирака, Афганистана и других арабских государств в такие европейские страны, как: Германия, Венгрия, Швеция, Австрия, Франция, Италия. На январь 2022 г. по сведениям Eurostat в Германии уже проживало 10,9 миллионов мигрантов, в Испании – 5,4 миллиона человек, во Франции – 5,3 миллиона человек, в Италии – 5 миллионов человек. При этом из них только около 29% являются гражданами государств ЕС, 71% от общего числа мигрантов прибыли из государств, не входящих в содружество [13]. Это обстоятельство актуализирует работу в социальной и образовательной сферах, задавая новые требования к аккультурации мигрантов, в первую очередь, к их социальной интеграции [9]. Последнее невозможно без создания коммуникативного пространства, в котором каждый член общества, в том числе, новоприбывший, имеет возможность сформулировать и удовлетворить свои повседневные потребности: найти жилье и работу, устроить своего ребенка в образовательное учреждение, получить медицинскую помощь и пр. Каждая из названных ситуаций потенциально конфликтна и психологически дискомфортна, так как связана с реализацией потребностей в ином культурном и языковом контекстах на фоне попыток сохранения своего «я».

Посредничество выступает во всех вышеназванных случаях как средство оказания поддержки. Именно поэтому медиации посвящено значимое дополнение к документу «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: обучение, преподавание, оценка (CEFR)» [14], опубликованное в 2020 году и содержащее новое понимание медиации как языкового посредничества наряду с переводом. Р. Камерер и Ю. Кетц утверждают, что «и в рецептивном, и в продуктивном использовании языка устная и/или письменная деятельность языкового посредничества позволяет коммуницировать людям, которые по какой-то причине не могут общаться друг с другом напрямую или испытывают затруднения и дискомфорт в процессе взаимодействия» [14, с.8]. В связи с этим дискурс медиации сегодня активно исследуется в прагматике, лингводидактике и др. [6, 16]

Параметры «коммуникативное сотрудничество», «ориентация на речевого партнера», «интерпретация смыслов», «понимание концепта/культурного кода», ранее только обозначенные в CERF, раскрываются подробно с присвоением соответствующих шкал по уровням от A1 до C2 и, что также немаловажно, ориентированы не только на иностранный, но и на родной язык, а также на жестовый язык.

Авторы концепции медиации как языкового посредничества предлагают систему из четырех основных социальных ролей в соответствии со сферами деятельности: личной, публичной, профессиональной и образовательной, реализуемых в коммуникативных ситуациях различного характера.

Одна из групп коммуникативных ситуаций отражает специфику онлайн взаимодействия, для успешности в котором индивиду необходимо овладеть не только ИКТ-компетенциями, но и умениями поддерживать сотрудничество между коммуникантами в цифровой среде в процессе дискуссий, обсуждений, в также умениями способствовать самораскрытию сторон.

Решение задач текстовой коммуникации находится в фокусе другой группы ситуаций, в которой подчеркивается важность овладения самым широким спектром умений: от элементарных уровня А, обеспечивающих передачу содержания прочитанного/увиденного/услышанного/случившегося на родном, иностранном, при необходимости, жестовом языке, до более сложных уровня В, предполагающих готовность письменно и устно пе-

рерабатывать и передавать разнообразно представленную информацию, например, в диаграммах, графиках, таблицах, поликодовых текстах и пр., достигая в итоге умений уровня С. Об овладении последними свидетельствует готовность коммуниканта-медиатора интерпретировать тексты-сообщения с учетом особенностей собеседника, в том числе культурных, например, мигранту помимо сообщения о необходимости выполнить действия может понадобиться развернутый комментарий по правилам речевого и неречевого поведения в ситуации, ранее ему неизвестной из опыта взаимодействия в его родной культуре. Так, даже в самой элементарной, как кажется, на первый взгляд, ситуации прощания с собеседником в Германии может возникнуть недопонимание, и приезжий может восприниматься как навязчивый, если после соответствующей реплики он продолжит разговор, что часто бывает в русской лингвокультуре. Процесс прощания в немецкой культуре, как правило, не имеет послесловия, о чем следует сообщить иностранцу в корректной форме.

Важное значение для адекватной реализации речевого намерения на уровне свободного профессионального владения языком как средством коммуникации приобретает также умение раскрывать подтекст, скрытый смысл, иронию и сарказм, завуалированную критику. Понимание и интерпретация произведений искусства различных видов и жанров является содержанием медиативной деятельности самого высокого уровня и требует существенных усилий, в первую очередь, на родном языке в рамках родной лингвокультуры.

Третья группа ситуаций затрагивает проблемы межкультурного взаимодействия на уровне ценностей и смыслов, их понимания, интерпретации культурных сходств и различий. Основными задачами медиатора являются как содействие созданию новых идей и концепций в сотрудничестве, так и помощь в некомфортных и даже конфликтных ситуациях общения [14].

Таким образом, медиация в контексте межкультурного взаимодействия – это, скорее, когнитивное посредничество, нежели посредничество в отношениях для достижения правового консенсуса. Медиативная деятельность сопровождает межязыковое и межкультурное взаимодействие индивидов в ходе их повседневной жизнедеятельности и необходима в современном мультикультурном обществе, так как каждый из его членов обладает своим набором ценностей, установок и мотивов, индивидуальными особенностями. Кроме того, в качестве продукта коммуникации важно рассматривать не только результат, но и сохранение своего «я» обеими сторонами, что делает возможным и благоприятным дальнейшее взаимодействие между представителями разных культур.

Достижение результативности в процессе повседневной коммуникации представителей различных лингвокультур наряду с работой с некомфортными и конфликтными ситуациями – одна из задач современной школы в Германии еще с конца 90-х гг. – начала 2000-х гг. [15], решаемая не только во внеучебном процессе специальными комиссиями, но, в первую очередь, на занятиях по немецкому языку, иностранному языкам, литературе, истории, искусству, музыке и др. На уроках обсуждаются как глобальные проблемы (например, расизм, дискриминация этнических групп), выявляются особенности культур, сравниваются традиции и нормы поведения, так и ведется поиск решений в практических жизненных ситуациях с учетом норм законодательства страны [12].

В российских школах медиативная деятельность также осуществляется, ее основанием являются «Рекомендации по организации служб школьной медиации

в образовательных организациях», утвержденные приказом Министерством образования и науки РФ 18 ноября 2013 г. и нацеленные на «создание благоприятной, гуманной и безопасной среды для развития и социализации детей» [8]. Понимание медиации в отечественной сфере образования традиционно и подразумевает процедуру улаживания межличностных конфликтов субъектов образовательного процесса с помощью посредника, т.е. остается в рамках посредничества в отношениях. Однако сегодня уже складываются ситуации, в которых необходимо обращение к медиации как к когнитивному посредничеству на уровне межкультурного взаимодействия. Обозначим две современные социальные тенденции, актуализирующие медиативную деятельность в сфере образования.

Во-первых, в России, как и за рубежом, происходит усиление миграционных процессов, ведущих к изменению этнического состава нашего общества извне. Россия в течение многих веков была и есть полиэтническая, многокультурная и многоконфессиональная страна, имеющая опыт улаживания подобного рода конфликтов, однако, приток трудовых мигрантов [3] – людей, выросших в иных, как правило, моноэтнических культурах, не имеющих межкультурного опыта общения, может вызвать изменения в сложившихся практиках межкультурного взаимодействия в конкретных локальных социумах, не готовых к нарушениям сложившегося баланса. Школа как институт социализации становится проводником медиации как социальной инновации, закладывая основы для развития умений сотрудничества и позитивного межкультурного взаимодействия: «Если гуманный инструментальный решения трудных ситуаций будет успешно внедрен в сфере образования, он будет быстрее распространен и на другие социальные сферы, и на все общество в целом» [8].

Во-вторых, увеличивается скорость изменений, касающихся технологического прогресса общества, социально-экономической жизни людей, культурных сдвигов в отношении социальных, гендерных ролей, моделей профессиональной деятельности, религиозных, политических и пр. убеждений, что, в конечном итоге, приводит к значительной трансформации российской культуры, которая становится все менее однородной [7]. В первую очередь, речь идет о так называемом межпоколенческом культурном разрыве, отражающем различия в ценностях, нормах, убеждениях, стилях жизни и способах коммуникации между представителями разных поколений. Эти различия могут приводить к непониманию, конфликтам, социальной напряженности. Разрыв между поколениями вызывает особую обеспокоенность в российском обществе, так как затрудняет сложившиеся практики культурной трансмиссии, ранее обеспечивавшие воспроизводство и сохранение культурных ценностей, концептов, кодов, повседневных практик.

По нашему мнению, в сложившейся ситуации потенциал медиации как межкультурного посредничества между поколениями не раскрыт еще в достаточной мере и может быть реализован именно в сфере образования. Но не только как практика по улаживанию межличностных конфликтов субъектов образовательного процесса, но как один из вариантов реализации содержания образования. Понимая вслед за В.С. Библером, Д.С. Лихачевым, И.Я. Лернером содержание образования как передачу культуры подрастающему поколению, мы сталкиваемся с затруднениями в традиционных способах культурной трансмиссии в системе образования. Причиной этого выступает межпоколенческий разрыв, делающий практически невозможным традиционный диалог поколений, в котором старшие играли значитель-

ную роль: определяли духовно-нравственные ценности, предлагали интерпретацию культурных кодов, выбирали фрагменты социального опыта. Медиация может помочь выстроить несколько иной диалог в процессе культурной трансмиссии как взаимодействие равноправных партнеров, дать ключи к раскрытию культурных кодов поколений, снизить конфликтность и напряженность в современном обществе.

Медиативные технологии в образовании как основа межкультурного межпоколенческого взаимодействия, несомненно, облегчат движение культуры к префигуративному типу (по М. Мид), когда повседневные практики старшего поколения не совсем успешны в новых технологических, социально-экономических условиях, а для развития общества необходимы новые образцы поведения.

Литература

1. Аллаhverдова О.В. Школа посредничества (медиации) // Третейский суд. 2006. № 2. С. 177–203.
2. Аллаhverдова О.В., Иванова Е.Н. История развития медиации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2007. № 2–2. С. 73–77.
3. Гусенко М. Россия заняла четвертое место в мире по числу принятых мигрантов // Российская газета. 18.09.2019 URL: <https://rg.ru/2019/09/18/rossiia-zaniala-chetvertoe-mesto-v-mire-po-chislu-priniatyh-migrantov.html> (дата обращения: 03.04.2025)
4. Давыденко Д.Л. К вопросу о мировом соглашении // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 4. С. 47–56.
5. Коломытцева В.В. Этапы становления медиации в зарубежных странах // Вестник ТГУ: Гуманитарные науки. Право. 2013. № 2 (118). С. 268–272.
6. Куликова Л.В. Дискурс межкультурной медиации: концептуальная модель исследования // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2019. № 2. С. 245–258.
7. Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 328 с.
8. Письмо Минобрнауки России от 18.11.2013 N BK-844/07 «О направлении методических рекомендаций по организации служб школьной медиации» (вместе с «Рекомендациями по организации служб школьной медиации в образовательных организациях», утв. Минобрнауки России 18.11.2013 N BK-54/07вн) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155557/ (дата обращения: 01.04.2025)
9. Суворова В.А. Миграционный кризис в Европе: Проблемы вынужденной миграции // Власть. 2018. № 1. С. 176–179.
10. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 N 193-ФЗ (последняя редакция) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 01.04.2025)
11. Besemer Ch. Mediation: Die Kunst der Vermittlung in Konflikten. Softcover/Paperback WfGA-Buchversand – Gewaltfrei Leben Lernen. 2016. 233 S.
12. Deutscher Kulturrat Interkulturelle Bildung eine Chance für unsere Gesellschaft/ Deutscher Kulturrat. Berlin, 2007. 6 S.
13. Eurostat: Population change – Demographic balance and crude rates at national level. URL: <https://ec.europa>

eu/eurostat/databrowser/view/demo_gind/default/table?lang=en (дата обращения: 03.04.2025)

14. Gemeinsamer europäischer Referenzrahmen für Sprachen (GER): Niveau A1·A2·B1·B2·C1·C2 lernen, lehren, beurteilen Gemeinsamer europäischer Referenzrahmen für Sprachen. Begleitband Nr.5: Beispiele für den Gebrauch der Deskriptoren für Online-Interaktion und Mediationsaktivitäten. Ernst Klett Sprachen GmbH, Stuttgart. 2020. P. 52.
15. Kulturministerium Interkulturelle Bildung und Erziehung in der Schule // Kulturministerkonferenz: Ständige Konferenz der Kultusminister der Länder in der Bundesrepublik Deutschland. Berlin, 1996. 12 S.
16. North B. and Piccardo E. Mediation and the social and linguistic integration of migrants: updating the CEFR descriptors. In: Beacco, J., Krumm, H., Little, D. and Thalgott, P. ed. *The Linguistic Integration of Adult Migrants / L'intégration linguistique des migrants adultes: Some lessons from research / Les enseignements de la recherche*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2017. pp. 83–90. <https://doi.org/10.1515/9783110477498-011>
3. Gusenko M. Russia Ranks Fourth in the World in the Number of Accepted Migrants // *Rossiyskaya Gazeta*. 18.09.2019 URL: <https://rg.ru/2019/09/18/rossia-zaniata-chetvertoe-mestov-mire-po-chislu-priniatyh-migrantov.html> (date of access: 03.04.2025)
4. Davydenko D.L. On the issue of a settlement agreement // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2004. No. 4. P. 47–56.
5. Kolomytseva V.V. Stages of formation of mediation in foreign countries // *Bulletin of TSU: Humanities. Law*. 2013. No. 2 (118). P. 268–272.
6. Kulikova L.V. Discourse of intercultural mediation: conceptual research model // *Bulletin of St. Petersburg State University. Language and Literature*. 2019. No. 2. P. 245–258.
7. Fathers and Sons: Generational Analysis of Modern Russia / Comp. Yu. Levada, T. Shanin. Moscow: New Literary Review, 2005. 328 p.
8. Letter of the Ministry of Education and Science of Russia dated 18.11.2013 N VK-844/07 “On the submission of methodological recommendations for the organization of school mediation services” (together with “Recommendations for the organization of school mediation services in educational organizations”, approved. Ministry of Education and Science of Russia on 18.11.2013 N VK-54/07vn) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155557/ (date of access: 01.04.2025)
9. Suvorova V.A. Migration crisis in Europe: Problems of forced migration // *Power*. 2018. No. 1. P. 176–179.
10. Federal Law “On an Alternative Dispute Resolution Procedure with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)” dated July 27, 2010 N 193-FZ (latest revision) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (date accessed: April 1, 2025)
11. Besemer Ch. *Mediation: The Art of Conflict Mediation*. Softcover/Paperback WfGA-Buchversand – Learning to Live Violently. 2016. 233 pp.
12. German Cultural Council: *Intercultural Education: An Opportunity for Our Society*/German Cultural Council. Berlin, 2007. 6 pp.
13. Eurostat: *Population Change – Demographic Balance and Crude Rates at National Level*. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/demo_gind/default/table?lang=en (date of access: 03.04.2025)
14. Common European Framework of Reference for Languages (CEFR): Levels A1, A2, B1, B2, C1, C2: Learning, Teaching, Assessing. *Common European Framework of Reference for Languages. Companion Volume No. 5: Examples for the Use of Descriptors for Online Interaction and Mediation Activities*. Ernst Klett Sprachen GmbH, Stuttgart. 2020. P. 52.
15. Ministry of Culture: *Intercultural Education and Upbringing in Schools* // Conference of Ministers of Culture: Standing Conference of the Ministers of Education and Cultural Affairs of the States in the Federal Republic of Germany. Berlin, 1996. 12 pp.
16. North B. and Piccardo E. Mediation and the social and linguistic integration of migrants: updating the CEFR descriptors. In: Beacco, J., Krumm, H., Little, D. and Thalgott, P. ed. *The Linguistic Integration of Adult Migrants / L'intégration linguistique des migrants adultes: Some lessons from research / Les enseignements de la recherche*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2017. pp. 83–90. <https://doi.org/10.1515/9783110477498-011>

MEDIATION AND PROBLEMS OF INTERCULTURAL INTERACTION IN THE EDUCATION

Derevianchenko E.A.

Omsk State Pedagogical University

The article examines the potential of mediation as a tool for overcoming social conflicts, with special attention to the field of education as a source of social innovation. Drawing on the historical experience of using mediation – from ancient practices to modern legal mechanisms – the author demonstrates the evolution of this method of dispute resolution. Modern challenges – migration and intergenerational gap – expand the scope of mediation. Migration processes actualize intercultural mediation, which is reflected in the modern supplement to the “Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching and Assessment (CEFR)”, where mediation is interpreted as linguistic and cognitive mediation. An expanded understanding of mediation in education will help to overcome conflicts between generations, transforming traditional cultural transmission into a dialogue of equals. The author substantiates the need to develop new mediation technologies that can reduce social tensions and ensure the preservation of culture in a rapidly changing society.

Keywords: mediation, intercultural interaction, cognitive mediation, migration, intergenerational gap.

References

1. Allahverdova O.V. School of Mediation // *Arbitration Court*. 2006. No. 2. Pp. 177–203.
2. Allahverdova O.V., Ivanova E.N. History of Mediation Development // *Bulletin of St. Petersburg University. International Relations*. 2007. No. 2–2. Pp. 73–77.

Инякина Алена Дмитриевна,

аспирант Северо-Западного института управления – филиал РАНХиГС

E-mail: iniakina.aliona@yandex.ru

Статья посвящена анализу участия Индии в международном научном сотрудничестве в Арктическом регионе. Рассматриваются исторические этапы, современные инициативы и перспективы развития, включая создание исследовательских станций, получение статуса наблюдателя в Арктическом совете и переход от научных к экономическим и геополитическим интересам. Особое внимание уделено сотрудничеству Индии с Норвегией, Швецией, Россией и другими странами в области климатических исследований, энергетики и логистики. Статья основана на анализе документов, международных соглашений и научных публикаций.

Ключевые слова: Арктика, Индия, научное сотрудничество, климатические изменения, международные отношения.

Введение

Арктический регион приобретает всё большее значение в контексте глобальных климатических изменений, экономических возможностей и геополитических интересов. Среди неарктических государств Индия выделяется своей активной научно-исследовательской деятельностью в регионе. Несмотря на позднее включение в арктические исследования по сравнению с другими странами, Индия демонстрирует устойчивый рост интереса к Арктике, что отражается в её политике, международных соглашениях и научных инициативах.

Целью статьи является анализ научного сотрудничества Индии в Арктическом регионе, включая его исторические аспекты, современные инициативы и перспективы развития.

Задачи исследования:

- Изучить историю и эволюцию научного участия Индии в Арктике, включая ключевые этапы и институциональные изменения;
- Проанализировать современные направления и форматы сотрудничества Индии с другими государствами в рамках арктической тематики.

Методология исследования

В статье использованы методы анализа документов, включая официальные стратегии Индии в Арктике, международные соглашения и научные публикации. Также применён сравнительный анализ для оценки позиций Индии и других стран, таких как Китай, в арктическом регионе. Источники включают материалы правительственных ведомств, научных институтов и международных организаций.

Результаты исследования

Условно можно сказать, что арктическая история Индии началась в 1920 году, когда был подписан Шпицбергенский трактат. Документ был подписан Эдвардом Стенли, послом Британской империи в Париже, выступавшего в качестве полномочного представителя Короля Великобритании и Ирландии и британских владений за морями, императора Индии. Однако независимой страна стала лишь в 1947 году.[26]

В 1981 году по инициативе премьер-министра уже суверенной Индии Индиры Ганди был учреждён Департамент океанических исследований, впоследствии реорганизованный в Министерство наук о земле, что ознаменовало начало систематического изучения полярных регионов Индией. Последующее создание в 1999 году Национального центра антарктических и океанических исследований (NCAOR) в Гоа (сейчас – Национальный центр полярных и океанических исследований (NCPOR)) стало ключевым этапом институционализации полярных исследований, обеспечив координацию научной деятельности и международное сотрудничество [2] Индия первоначально концентрировалась на исследованиях Антарктики, и лишь в 2007 году инициировала собственную арктическую программу. Научно-исследовательская

направленность индийской политики в Арктике подтверждается открытием в 2008 году постоянной исследовательской станции «Химадри» [20] в Нью-Олесунне и развёртыванием в 2014 году подводной обсерватории в Конгс-фьорде, ориентированной на мониторинг климатических изменений [10], что отражает стратегический акцент Индии на фундаментальные исследования в противовес ресурсно-экономической стратегии других азиатских игроков.

В 2013 году, одновременно с Китаем, Индия получила статус постоянного наблюдателя Арктического совета [29, 32]. Главной мотивацией для участия в жизни Арктики, индийские представители называют, как и их коллеги-наблюдатели, влияние климатических изменений на страну. По мнению индийской стороны арктические процессы влияют на муссоны и количество выпадающих осадков. А муссоны в Индии оказывают воздействие практически на всё: экономику, сельское хозяйство, продовольственную безопасность, транспорт. Кроме того, Дели активно апеллирует тем, что страна находится на так называемом третьем полюсе – Гималаях, которые в определённой степени связаны с Северным полюсом. [37, 33, 40, 23, 22]

Присутствие Индии в регионе по большей части ограничивалось научными исследованиями, включая гляциологические, биологические, атмосферные и морские исследования. Среди основных тенденций исследовательской деятельности выделяются климатические, в первую очередь направленные на понимание роли Арктики в глобальных изменениях климата и их влияние непосредственно на Индию. [35, 17, 5]

В последнее время картина присутствия Индии в высоких широтах стала меняться. Вероятно, Дели не могут более позволять себе ограничиваться таким пассивным присутствием в регионе, которому его партнеры и соперники по мировой политической арене уделяют так много внимания. В подходе Индии к Арктике произошел неизбежный поворот с конца 2017 года, когда она отказалась от своего преимущественно научного подхода и приняла более всесторонний взгляд на регион. Индия стремится использовать коммерческие преимущества более короткого морского маршрута через Северный морской путь и подпитывать свою экономику арктической нефтью и газом, стремясь диверсифицировать маршруты поставок. Такие намерения были четко продемонстрированы во время пятого Восточного экономического форума во Владивостоке в 2019 году, когда Москва пригласила Индию к участию в своих арктических проектах, а тогдашний министр нефти и природного газа Индии Дхармендра Прадхан выразил заинтересованность своей страны в том, чтобы стать «энергетическим мостом» с Россией. Более того, с 2021 года Индия взяла на себя обязательства по развитию инфраструктуры Северного морского пути с целью превратить его в основной маршрут для поставок российских энергоресурсов в Индию. [28]

Эксперты уже давно отмечали заинтересованность Нью-Дели в арктических минеральных ресурсах (Шаумян Т.Л., Журавель В.П. Лексютин Я.В.). С недавних пор официальные региональные интересы страны нашли своё отражение в официальной Арктической политике Индии.

Политика Индии в отношении Арктики была обнародована правительством Индии 17 марта 2022 года. [10] Основными целями в регионе названы:

- Расширение сотрудничества Индии с арктическим регионом;
- Гармонизация полярных исследований с третьим полюсом – Гималаями;

- Повышение международных усилий по борьбе с изменением климата и защите окружающей среды;
- Содействие изучению и пониманию Арктики в Индии.

Согласно новому документу политика Дели покоится на шести столпах:

- Наука и исследования;
- Климат и защита окружающей среды;
- Сотрудничество в сфере экономики и человеческого развития;
- Транспорт и связь;
- Управление и международное сотрудничество;
- Наращивание национального потенциала.

В Документе однако отчетливо прослеживается стремление Индии позиционировать себя в качестве «исследователя» региона – именно научной деятельности и развитию своих возможности на данном поприще Дели планирует уделять основное внимание.

В документе содержится призыв укрепить существующую исследовательскую базу «Химадри» на архипелаге Шпицберген в Норвегии и наладить партнерские отношения с научно-исследовательскими институтами по всему миру, чтобы согласовать исследовательскую деятельность с деятельностью Арктического совета и другими международными организациями, занимающихся вопросами Арктики. Кроме того, в нем упоминается, что Индии необходимо приобрести специальное полярное исследовательское судно ледового класса в целях повышения эффективности научной деятельности и создать собственные возможности для строительства таких судов. Опираясь на успехи Индии в космической отрасли.

Реализация «арктических» амбиций Индии как вне-регионального актора напрямую зависит от сотрудничества с арктическими державами. Большое внимание Нью-Дели уделяет двустороннему научному сотрудничеству с северными странами, что обеспечивает возможность проведения полевых исследований в Арктике индийским ученым.

В качестве примера взаимодействия можно привести подписание в 2019 году Меморандума о взаимопонимании между Индией и Норвегией по вопросам индийско-норвежского морского диалога, который предусматривает сотрудничество исследователей в изучении экосистемы океана, в том числе в контексте арктического региона. [18]

Примером взаимодействия научных организаций является подписание меморандума о взаимопонимании для укрепления сотрудничества в области полярных исследований и операций между Национальным центром полярных и океанических исследований в Гоа и Норвежский полярным институтом в 2024 году. Документ призван способствовать расширению сотрудничества между Индией и Норвегией в полярных регионах, особенно в области совместного использования операционных платформ и научных объектов, обмена информацией в первую очередь в исследованиях связанных с таянием полярных льдов, изменением полярного климата и его влияния на тропические погодные системы.

Одним из результатов сотрудничества Национального центра полярных и океанических исследований в Гоа и Норвежского полярного института стало учреждение аспирантских программ по арктической и антарктической гляциологии, исследования в рамках которых проводятся на базе вышеуказанного норвежского института в г. Тромсё. [3]

В феврале 2013 года шведский исследовательский совет Formas заключил соглашение с индийским Департаментом науки и технологий о совместной програм-

ме исследований в области экологических технологий, «зеленой» химии и устойчивого развития. Дальнейшее развитие сотрудничества произошло в 2015 году, когда Шведский секретариат полярных исследований подписал меморандум о взаимопонимании с Организацией по изучению системы Земли (правительственное агентство Индии). Этот документ заложил основу для двустороннего сотрудничества в сфере изучения полярных регионов и океанографических исследований. [1]

Данные соглашения демонстрируют последовательное углубление научно-технического партнерства между Швецией и Индией, особенно в приоритетных для обеих стран областях экологии и полярных исследований. Подобные инициативы способствуют обмену знаниями и технологиями между северными и азиатскими государствами в решении глобальных экологических проблем.

Набирает обороты и российско-индийское научное сотрудничество.

В ходе официального визита Премьер-министра Республики Индии Н.Моди в Российскую Федерацию 8–9 июля 2024 года был подписан ряд соответствующих документов. [30]

В первую очередь стоит отметить Программы российско-индийского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке РФ на 2024–2029 годы, а также о принципах сотрудничества в Арктической зоне РФ. Документ подписали глава Минвостокразвития России Алексей Чекунков и Министр иностранных дел Республики Индия Субраманьям Джайшанкар. [39]

Вторым документом стал Меморандум о взаимопонимании между Арктическим и Антарктическим научно-исследовательским институтом (ААНИИ) и Национальным Центром полярных и океанских исследований Министерства наук о земле Правительства Индии (НЦПОИ) о сотрудничестве в области научных исследований и логистики в полярных районах.

Целью нового сотрудничества станет развитие взаимоотношений крупнейших государственных организаций двух стран в области изучения полярной природной среды и ее изменчивости, а также оказание взаимного содействия в вопросах логистики, что является очень важным в суровых полярных условиях. Стороны также намереваются обмениваться научными данными и проводить совместные исследовательские программы. [27]

В том же году начал свою работу Российско-Азиатский консорциум арктических исследований, созданный по инициативе Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова и международной организации Северный Форум. В рамках развития диалога между северными регионами и странами Азии консорциум организовал серию выездных мероприятий – сначала в индийский Дели, а затем в китайский Циндао. Эти встречи стали важным шагом в укреплении научно-го и экономического партнерства.

Продолжением данного российско-индийского взаимодействия стал деловой и научный форум «Северный форум – Индия: Объединяя север и юг для устойчивого развития», организаторами которого стали Северный форум и Международный фонд Вивекананда. Мероприятие состоялось в марте 2025 года. Основная цель форума – обсудить перспективы взаимодействия между северными территориями, входящими в Северный Форум, и индийскими регионами, научными центрами, а также бизнес-структурами. Кроме того, к диалогу планируется привлечь и другие страны, заинтересованные в развитии арктического сотрудничества. В фокусе внимания – вопросы устойчивого развития, климатические изменения, новые технологии и логистические проекты, кото-

рые могут стать основой для долгосрочного партнерства между Севером и Югом. [36, 38]

В рамках того же форума было обозначено дальнейшее сотрудничество Индии и субъекта РФ – Красноярского края. В рамках мероприятия с научным докладом выступил Ю.А. Захаринский, заместитель председателя комитета по природным ресурсам и экологии Законодательного Собрания Красноярского края, старший научный сотрудник Сибирского федерального университета, аккредитованный в качестве Посла доброй воли Северного форума.

В ходе выступления были обозначены потенциальные направления научно-технического сотрудничества между Красноярским краем и Индией, в частности:

- Совместные исследования климатических трансформаций в арктическом регионе;
- Мониторинг динамики ледового покрова с применением космических технологий;
- Разработка адаптивных строительных решений для арктических территорий.

Особое внимание было уделено организационным аспектам сотрудничества, включая предложение о создании российско-индийского проектного офиса на базе Сибирского федерального университета. Подчеркивалась важность подготовки квалифицированных кадров, способных работать в условиях как российского Севера, так и индийского климата. Также обсуждались перспективы развития арктического туризма в Красноярском крае и возможности совместного освоения ресурсного потенциала Красноярской Арктики. Представленные инициативы соответствуют современным трендам международного научно-технического сотрудничества в области изучения и освоения арктических территорий. [34]

В апреле 2025 года директор ААНИИ А.Макаров провел переговоры с руководством Национального центра полярных и океанических исследований в Гоа, что стало толчком к планированию рабочих встреч серия рабочих встреч с представителями индийских научных институтов, «на которых будут обсуждаться возможные направления и темы для изучения природной среды Арктического региона». [31]

Ещё одним направлением, где Индия старается себя проявить является экология. В данном направлении Нью-Дели активно развивает сотрудничество со странами Северной Европы.

Экологическое сотрудничество Индии и стран Северной Европы (Данией, Финляндией, Исландией, Норвегией и Швецией) развивается в рамках общих целей устойчивого развития и борьбы с изменением климата, что отражает взаимодополняемость их экологических стратегий. [6, 21, 25, 24, 7, 8] Одним из ключевых институциональных механизмов развития сотрудничества между данными странами является India-Nordic Summit (регулярные встречи на уровне глав правительств, которые проходят с 2018 года).

India-Nordic Summit представляет собой ключевую дипломатическую платформу, направленную на углубление многостороннего сотрудничества между Индией и странами Северной Европы. В рамках саммита обсуждаются стратегические вопросы в сферах устойчивого развития, возобновляемой энергетики, торговли и инвестиций, а также совместные инициативы в контексте глобальных вызовов, таких как изменение климата и энергетическая безопасность.

Арктическая тематика стала предметом диалога уже в рамках первой встречи лидеров стран в 2018 году. В совместном заявлении лидеры Индии, Швеции, Финляндии, Дании, Исландии и Норвегии подчеркнули важность устойчивого развития Арктики и необходимость

международного сотрудничества в области климатических исследований, судоходства и энергетики. [15]

Саммит 2022 года значительно углубил это сотрудничество, закрепив в совместном заявлении обязательства сторон по защите арктических экосистем в рамках Парижского соглашения, а также предусмотрев создание совместных научных станций на Шпицбергене и реализацию проектов в области зеленой энергетики, включая ветровые электростанции с участием норвежской Equinor и индийских компаний. Особое внимание уделялось развитию устойчивого судоходства, в том числе через внедрение норвежских технологий для экологических ледоколов и альтернативных видов топлива. [16, 14, 11]

К 2023 году, в рамках празднования 75-летия дипломатических отношений Индии и Финляндии, сотрудничество расширилось до цифровизации Арктики, включая использование спутниковых данных для мониторинга ледовой обстановки. [4]

В преддверии саммита 2024 года Индия и Норвегия также проводили подготовку к мероприятию в рамках двусторонних консульских встреч. Ключевыми направлениями деятельности стали расширение и диверсификация двустороннего сотрудничества в том числе в таких областях, как «голубая экономика», возобновляемые источники энергии, климат и окружающая среда, CCUS (улавливание, использование и хранение углерода), «зелёный» водород, проекты в области солнечной и ветряной энергетики, «зелёное» судоходство, рыболовство, управление водными ресурсами и арктическое сотрудничество в целом. Поскольку Индия и Норвегия продолжают укреплять свое партнерство, создаются условия для более тесного взаимодействия и сотрудничества в широком спектре стратегических областей. [12, 13]

Заключение

Участие Индии в арктических исследованиях прошло значительную эволюцию – от формального присоединения к Шпицбергенскому трактату в 1920 году до формирования комплексной Арктической политики в 2022 году. Ключевыми этапами этого пути стали: институционализация полярных исследований через создание NCPOR, открытие станции «Химадри» на Шпицбергене, получение статуса наблюдателя в Арктическом совете (2013) и переход от сугубо научных интересов к экономическим и геополитическим приоритетам, включая сотрудничество в области энергетики и логистики Северного морского пути.

Современное взаимодействие Индии в Арктике характеризуется многосторонним форматом. Научное партнерство с Норвегией (гляциология, мониторинг климата), Швецией («зелёные» технологии) и Россией (совместные экспедиции, инфраструктурные проекты) дополняется участием в платформах типа India-Nordic Summit, где обсуждаются устойчивое судоходство и возобновляемая энергетика. Особое значение имеет акцент Индии на климатические исследования, обусловленный влиянием арктических процессов на муссоны и экосистему Гималаев.

Перспективы индийского присутствия в Арктике связаны с реализацией шести «столпов» её официальной политики: наука, климат, экономика, транспорт, управление и наращивание потенциала.

Если первоначально фокус сводился к климатическим и гляциологическим исследованиям, то к 2020-м годам Индия расширила вовлечённость, включив экономические интересы (Северный морской путь, энергоресурсы) и технологическое партнерство, особенно с Норвегией (совместные программы мониторинга льдов) и Россией (проекты по логистике и устойчивому развитию).

Научное сотрудничество Индии в Арктике эволюционировало от ограниченного участия в XX веке до комплексной стратегии, сочетающей исследовательские, экономические и геополитические интересы. Ключевыми факторами стали:

- Институциональное развитие.
- Международная интеграция.
- Расширение повестки – от климатических исследований к энергетике и логистике.

Таким образом, Арктика становится для Индии не только площадкой для научных открытий, но и пространством стратегического взаимодействия, где её роль будет определяться способностью сочетать национальные интересы с вкладом в глобальное устойчивое развитие.

Литература

1. 4 Examples of Indo– Swedish Cooperation in Science and Technology // Make in India: [сайт]. – URL: <https://www.makeinindia.com/4-examples-indo-swedish-cooperation-science-and-technology> (дата обращения: 15.04.2025).
2. About NCPOR // The National Centre for Polar and Ocean Research: [сайт]. – URL: <https://www.ncpor.res.in/pages/display/275-organisation> (дата обращения: 09.04.2025).
3. Arctic/Antarctic Glaciology PhD Studentship in Norway for Indian nationals // National Centre for Polar and Ocean Research: [сайт]. – URL: <https://www.ncpor.res.in/news/view/176> (дата обращения: 10.04.2025).
4. Celebrating 75 years of India-Finland diplomatic ties: A foundation for a dynamic future at the India-NORDIC summit. – Текст: электронный // Financial Express: [сайт]. – URL: <https://www.financialexpress.com/india-news/celebrating-75-years-of-india-finland-diplomatic-ties-a-foundation-for-a-dynamic-future-at-the-india-nordic-summit/3608129/> (дата обращения: 12.04.2025).
5. Chatterjee S., Ravichandran M., Murukesh N., Roshin P. Raj, Johannessen O. A possible relation between Arctic sea ice and late season Indian Summer Monsoon Rainfall extremes // Climate and Atmospheric Science. – 2021. – № 4.: [сайт]. – URL: <https://www.nature.com/articles/s41612-021-00191-w>
6. Climate Change Programme. – Текст: электронный // Ministry of science and technology of India: [сайт]. – URL: <https://dst.gov.in/climate-change-programme> (дата обращения: 12.04.2025).
7. Climate Programme 2020. Denmark's Mid-century, Long-term Low Greenhouse Gas Emission Development Strategy. – Текст: электронный // UN Climate Change: [сайт]. – URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/ClimateProgramme2020-Denmarks-LTS-under-the%20ParisAgreement_December2020_.pdf (дата обращения: 12.04.2025).
8. Finland's climate action strategy. – Текст: электронный // European Parliament: [сайт]. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/767180/EPRS_BRI\(2024\)767180_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/767180/EPRS_BRI(2024)767180_EN.pdf) (дата обращения: 22.04.2025).
9. IndARC multisensor mooring // National Centre For Polar And Ocean Research: [сайт]. – URL: <https://ncpor.res.in/arctics/display/398-indarc>
10. India's Arctic Policy: Building a Partnership for Sustainable Development // Ministry of Earth Sciences, Government of India, 2022.: [сайт]. – URL: <https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022-03/compressed-SINGLE-PAGE-ENGLISH.pdf>

11. India-NORDIC summit – Major Diplomatic gain. – Текст: электронный // SP's MAI Magazine: [сайт]. – URL: <https://www.spsmai.com/features/?id=383&q=India-NORDIC-summit-Major-Diplomatic-gain> (дата обращения: 22.04.2025).
12. India-Norway consultations strengthen cooperation ahead of India-Nordic Summit. – Текст: электронный // Ministry of External Affairs of India: [сайт]. – URL: <https://indbiz.gov.in/india-norway-consultations-strengthen-cooperation-ahead-of-india-nordic-summit/> (дата обращения: 22.04.2025).
13. India-Norway consultations: Expanding bilateral cooperation. – Текст: электронный // Financial Express: [сайт]. – URL: <https://www.financialexpress.com/business/defence-india-norway-consultations-expanding-bilateral-cooperation-3488063/#:~:text=on%20the%20agenda%3F-,Key%20areas%20of%20focus%20included%20the%20expansion%20and%20diversification%20of,%2C%20Water%20Management%2C%20Space%20Cooperation%2C> (дата обращения: 22.04.2025).
14. India-Norway Ties Set to Soar at the India-Nordic Summit: A Partnership for a Sustainable Future. – Текст: электронный // EQ: [сайт]. – URL: <https://www.eqmagpro.com/india-norway-ties-set-to-soar-at-the-india-nordic-summit-a-partnership-for-a-sustainable-future-eq/> (дата обращения: 12.04.2025).
15. Joint Press Statement from the Summit between India and the Nordic Countries. – Текст: электронный // Ministry of External Affairs of India: [сайт]. – URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/29828/Joint+Press+Statement+from+the+Summit+between+India+and+the+Nordic+Countries> (дата обращения: 12.04.2025).
16. Joint Statement: 2nd India-Nordic Summit. – Текст: электронный // Ministry of External Affairs of India: [сайт]. – URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/35276/joint+statement++2nd+india+nordic+summit> (дата обращения: 12.04.2025).
17. Kakade S. B., Kulkarni A. Association between Arctic Circulation and Indian Summer Monsoon Rainfall // Journal of Climatology & Weather Forecasting. – 2017. – № 05(02). DOI:10.4172/2332-2594.1000208
18. MoU between India and Norway on India-Norway Ocean Dialogue // Indian Journal of Diplomacy: [сайт]. – URL: <https://www.indiandiplomacy.org/2019/02/07/mou-between-india-and-norway-on-india-norway-ocean-dialogue/> (дата обращения: 10.04.2025).
19. NCPOR and Norwegian institute sign MoU for cooperation in polar science // The Times of India: [сайт]. – URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/city/goa/ncpor-and-norwegian-institute-sign-mou-for-cooperation-in-polar-science/articleshow/110677139.cms> (дата обращения: 10.04.2025).
20. New Indian research station at the Arctic // The Hindu: [сайт]. – URL: <https://web.archive.org/web/20080705020933/http://www.hindu.com/2008/07/02/stories/2008070253572000.htm>
21. Norway's Climate Action Plan for 2021–2030. – Текст: электронный // Norwegian Ministry of Climate and Environment: [сайт]. – URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/a78ecf5ad2344fa5ae4a394412ef8975/en-gb/pdfs/stm202020210013000engpdfs.pdf> (дата обращения: 12.04.2025).
22. Ramesh R. India's Role in the Arctic: Reviving the Momentum Through a Policy // The Arctic Institute: [сайт]. – URL: <https://www.thearcticinstitute.org/india-role-arctic-reviving-momentum-through-policy/> (дата обращения: 13.04.2025).
23. Sveinbjörnsson D. The Arctic and Third Pole – Himalaya: Science and Collaboration // Arctic Circle: [сайт]. – URL: <https://www.arcticcircle.org/journal/the-arctic-and-third-pole-himalaya> (дата обращения: 14.04.2025).
24. Sweden's Climate Act and Climate Policy Framework. – Текст: электронный // Swedish Environmental Protection Agency: [сайт]. – URL: <https://www.naturvardsverket.se/en/topics/climate-transition/sveriges-klimatarbete/swedens-climate-act-and-climate-policy-framework/> (дата обращения: 12.04.2025).
25. Swedish environmental objectives. – Текст: электронный // Swedish Environmental Protection Agency: [сайт]. – URL: <https://www.naturvardsverket.se/en/om-miljoarbetet/swedish-environmental-objectives/> (дата обращения: 12.04.2025).
26. Treaty between Norway, The United States of America, Denmark, France, Italy, Japan, the Netherlands, Great Britain and Ireland and the British overseas Dominions and Sweden concerning Spitsbergen signed in Paris 9th February 1920.: [сайт]. – URL: http://library.arcticportal.org/1909/1/The_Svalbard_Treaty_9ssFy.pdf
27. ААНИИ развивает научное сотрудничество с Индией // Официальный сайт ФГБУ «ААНИИ»: [сайт]. – URL: <https://www.aari.ru/press-center/news/novosti-aari/aanii-razvivaet-nauchnoe-sotrudnichestvo-s-indiei> (дата обращения: 11.04.2025).
28. Бродт Л. Активизация азиатских стран в Арктике и российско-индийское сотрудничество в регионе // Российский совет по международным делам. – 27.03.2023.: [сайт]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/arcticpolicy/aktivizatsiya-aziatskikh-stran-v-arktike-i-rossiysko-indiyskoe-sotrudnichestvo-v-regione/> (дата обращения: 13.04.2025).
29. В Арктическом совете появились новые государства-наблюдатели // ТАСС: [сайт]. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/546972> (дата обращения: 11.04.2025).
30. Документы, принятые и подписанные в ходе официального визита Премьер-министра Республики Индии Н.Моди в Российскую Федерацию 8–9 июля 2024 года // Официальный сайт Президента России.: [сайт]. – URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/6167> (дата обращения: 10.04.2025).
31. Индия и РФ обсуждают совместный проект в Арктике, сравнимый по значимости с МКС // ТАСС. Наука: [сайт]. – URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/20677679> (дата обращения: 11.04.2025).
32. Индия переизбрала наблюдателем в Арктическом совете // ИА REGNUM.: [сайт]. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/2625982.html>
33. Интересы Индии в Арктике // Проектный офис развития Арктики.: [сайт]. – URL: <https://goarctic.ru/news/interes-y-indii-v-arktike/> (дата обращения: 11.04.2025).
34. На Северном форуме в Индии рассказали об изменении климата в Красноярской Арктике // Сетевое издание «НИА-Красноярск»: [сайт]. – URL: https://24rus.ru/news/economy/229237.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzhen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 11.04.2025).
35. Николаев Н.А. Индийский интерес к Арктике в контексте арктической политики Китая // Проблемы постсоветского пространства. 2017 4(4):321–335 DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-321-335 (дата обращения: 11.04.2025).
36. О нас // СЕВЕРНЫЙ ФОРУМ – ИНДИЯ: ОБЪЕДИНЯЯ СЕВЕР И ЮГ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗ-

- ВИТИЯ: [сайт]. – URL: <https://www.nf-indiaforum.ru/#rec852093077> (дата обращения: 11.04.2025).
37. Политика Индии в арктическом регионе // Российская Арктика: [сайт]. – URL: <https://russian-arctic.info/info/articles/redaktsionnye-statii/politika-indii-v-arkticheskom-regione/> (дата обращения: 11.04.2025)
 38. Программа // СЕВЕРНЫЙ ФОРУМ – ИНДИЯ: ОБЪЕДИНЯЯ СЕВЕР И ЮГ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: [сайт]. – URL: <https://www.nf-indiaforum.ru/#rec852093077> (дата обращения: 11.04.2025).
 39. Россия и Индия договорились о сотрудничестве на Дальнем Востоке и в Арктике // Официальный сайт Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики.: [сайт]. – URL: https://minvr.gov.ru/press-center/news/rossiya_i_indiya_dogovorilis_o_sotrudnichestve_na_dalнем_vostoke_i_v_arktike_/?sphrase_id=2667445 (дата обращения: 11.04.2025)
 40. Шаумян, Т.Л. Индия и Арктика: охрана окружающей среды, экономика и политика / Т.Л. Шаумян, В.П. Журавель // Арктика и Север. – 2016. – № 24. – С. 175–184. – DOI 10.17238/issn2221–2698.2016.24.175. – EDN WJKLHZ.

INDIA IN INTERNATIONAL SCIENTIFIC COOPERATION IN THE ARCTIC REGION

Inyakina A.D.

North-West Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines India's involvement in international scientific cooperation in the Arctic region. It explores historical milestones, current initiatives, and future prospects, including the establishment of research stations, observer status in the Arctic Council, and the shift from scientific to economic and geopolitical interests. Special focus is given to India's collaboration with Norway, Sweden, Russia, and other countries in climate research, energy, and logistics. The study is based on the analysis of documents, international agreements, and scientific publications.

Keywords: Arctic, India, scientific cooperation, climate change, international relations.

References

1. 4 Examples of Indo– Swedish Cooperation in Science and Technology // Make in India: [website]. – URL: <https://www.makeinindia.com/4-examples-indo-swedish-cooperation-science-and-technology> (accessed: 15.04.2025).
2. About NCPOR // The National Centre for Polar and Ocean Research: [website]. – URL: <https://www.ncpor.res.in/pages/display/275-organisation> (accessed: 09.04.2025).
3. Arctic/Antarctic Glaciology PhD Studentship in Norway for Indian nationals // National Centre for Polar and Ocean Research: [website]. – URL: <https://www.ncpor.res.in/news/view/176> (accessed: 10.04.2025).
4. Celebrating 75 years of India-Finland diplomatic ties: A foundation for a dynamic future at the India-NORDIC summit. – Text: electronic // Financial Express: [website]. – URL: <https://www.financialexpress.com/india-news/celebrating-75-years-of-india-finland-diplomatic-ties-a-foundation-for-a-dynamic-future-at-the-india-nordic-summit/3608129/> (access date: 04/12/2025).
5. Chatterjee S., Ravichandran M., Murukesh N., Roshin P. Raj, Johannessen O. A possible relation between Arctic sea ice and late season Indian Summer Monsoon Rainfall extremes // Climate and Atmospheric Science. – 2021. – No. 4.: [website]. – URL: <https://www.nature.com/articles/s41612–021–00191-w>
6. Climate Change Programme. – Text: electronic // Ministry of science and technology of India: [site]. – URL: <https://dst.gov.in/climate-change-programme> (date of access: 12.04.2025).
7. Climate Programme 2020. Denmark's Mid-century, Long-term Low Greenhouse Gas Emission Development Strategy. – Text: electronic // UN Climate Change: [site]. – URL: <https://unfccc.int/sites/default/files/resource/ClimateProgramme2020-Denmarks->

- LTS-under-the%20ParisAgreement_December2020_.pdf (date of access: 12.04.2025).
8. Finland's climate action strategy. – Text: electronic // European Parliament: [site]. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/767180/EPRS_BRI\(2024\)767180_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/767180/EPRS_BRI(2024)767180_EN.pdf) (date of access: 22.04.2025).
 9. IndARC multisensor mooring // National Centre For Polar And Ocean Research: [site]. – URL: <https://ncpor.res.in/arctics/display/398-indarc>
 10. India's Arctic Policy: Building a Partnership for Sustainable Development // Ministry of Earth Sciences, Government of India, 2022.: [site]. – URL: <https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022–03/compressed-SINGLE-PAGE-ENGLISH.pdf>
 11. India-NORDIC summit – Major Diplomatic gain. – Text: electronic // SP's MAI Magazine: [site]. – URL: <https://www.spsmai.com/features/?id=383&q=India-NORDIC-summit-Major-Diplomatic-gain> (date of access: 22.04.2025).
 12. India-Norway consultations strengthen cooperation ahead of India-Nordic Summit. – Text: electronic // Ministry of External Affairs of India: [site]. – URL: <https://indbiz.gov.in/india-norway-consultations-strengthen-cooperation-ahead-of-india-nordic-summit/> (accessed: 22.04.2025).
 13. India-Norway consultations: Expanding bilateral cooperation. – Text: electronic // Financial Express: [website]. – URL: <https://www.financialexpress.com/business/defence-india-norway-consultations-expanding-bilateral-cooperation-3488063/#:~:text=on%20the%20agenda%3F-,Key%20areas%20of%20focus%20included%20the%20expansion%20and%20diversification%20of,%2C%20Water%20Management%2C%20Space%20Cooperation%2C> (accessed: 22.04.2025).
 14. India-Norway Ties Set to Soar at the India-Nordic Summit: A Partnership for a Sustainable Future. – Text: electronic // EQ: [site]. – URL: <https://www.eqmagpro.com/india-norway-ties-set-to-soar-at-the-india-nordic-summit-a-partnership-for-a-sustainable-future-eq/> (accessed: 12.04.2025).
 15. Joint Press Statement from the Summit between India and the Nordic Countries. – Text: electronic // Ministry of External Affairs of India: [website]. – URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/29828/Joint+Press+Statement+from+the+Summit+between+India+and+the+Nordic+Countries> (accessed: 12.04.2025).
 16. Joint Statement: 2nd India-Nordic Summit. – Text: electronic // Ministry of External Affairs of India: [website]. – URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/35276/joint+statement++2nd+indianordic+summit> (access date: 04/12/2025).
 17. Kakade S. B., Kulkarni A. Association between Arctic Circulation and Indian Summer Monsoon Rainfall // Journal of Climatology & Weather Forecasting. – 2017. – No. 05(02). DOI:10.4172/2332-2594.1000208
 18. MoU between India and Norway on India-Norway Ocean Dialogue // Indian Journal of Diplomacy: [website]. – URL: <https://www.indiandiplomacy.org/2019/02/07/mou-between-india-and-norway-on-india-norway-ocean-dialogue/> (Accessed: 10.04.2025).
 19. NCPOR and Norwegian institute sign MoU for cooperation in polar science // The Times of India: [website]. – URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/city/goa/ncpor-and-norwegian-institute-sign-mou-for-cooperation-in-polar-science/article-show/110677139.cms> (Accessed: 10.04.2025).
 20. New Indian research station at the Arctic // The Hindu: [site]. – URL: <https://web.archive.org/web/20080705020933/http://www.hindu.com/2008/07/02/stories/200807053572000.htm>
 21. Norway's Climate Action Plan for 2021–2030. – Text: electronic // Norwegian Ministry of Climate and Environment: [site]. – URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/a78ecf5ad2344fa5ae4a394412ef8975/en-gb/pdfs/stm202020210013000engpdfs.pdf> (date of access: 12.04.2025).
 22. Ramesh R. India's Role in the Arctic: Reviving the Momentum Through a Policy // The Arctic Institute: [site]. – URL: <https://www.thearcticinstitute.org/india-role-arctic-reviving-momentum-through-policy/> (date of access: 13.04.2025)
 23. Sveinbjörnsson D. The Arctic and Third Pole – Himalaya: Science and Collaboration // Arctic Circle: [site]. – URL: <https://www.arcticcircle.org/journal/the-arctic-and-third-pole-himalaya> (date of access: 14.04.2025)

24. Sweden's Climate Act and Climate Policy Framework. – Text: electronic // Swedish Environmental Protection Agency: [site]. – URL: <https://www.naturvardsverket.se/en/topics/climate-transition/sveriges-klimatarbete/swedens-climate-act-and-climate-policy-framework/> (accessed: 12.04.2025).
25. Swedish environmental objectives. – Text: electronic // Swedish Environmental Protection Agency: [website]. – URL: <https://www.naturvardsverket.se/en/om-miljoarbetet/swedish-environmental-objectives/> (accessed: 12.04.2025).
26. Treaty between Norway, the United States of America, Denmark, France, Italy, Japan, the Netherlands, Great Britain and Ireland and the British overseas Dominions and Sweden concerning Spitsbergen signed in Paris on 9th February 1920.: [website]. – URL: http://library.arcticportal.org/1909/1/The_Svalbard_Treaty_9ssFy.pdf
27. AARI develops scientific cooperation with India // Official website of the Federal State Budgetary Institution "AARI": [site]. – URL: <https://www.aari.ru/press-center/news/novosti-aari/aanii-razvivaet-nauchnoe-sotrudnichestvo-s-indiei> (date of access: 11.04.2025).
28. Brodt L. Activation of Asian countries in the Arctic and Russian-Indian cooperation in the region // Russian International Affairs Council. – 27.03.2023.: [site]. – URL: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/columns/arcticpolicy/aktivizatsiya-aziatskikh-stran-v-arktike-i-rossiysko-indiyskoe-sotrudnichestvo-v-regione/> (date of access: 13.04.2025)
29. New observer states have appeared in the Arctic Council // TASS: [website]. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/546972> (date of access: 11.04.2025)
30. Documents adopted and signed during the official visit of the Prime Minister of the Republic of India N.Modi to the Russian Federation on July 8–9, 2024 // Official website of the President of Russia.: [website]. – URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/6167> (date of access: 10.04.2025)
31. India and Russia discuss joint project in the Arctic comparable in importance to the ISS // TASS. Science: [website]. – URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/20677679> (date of access: 11.04.2025).
32. India re-elected as observer in the Arctic Council // IA REGNUM.: [website]. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/2625982.html>
33. India's interests in the Arctic // Arctic Development Project Office.: [website]. – URL: <https://goarctic.ru/news/interes-indii-v-arktike/> (date of access: 11.04.2025)
34. At the Northern Forum in India they talked about climate change in the Krasnoyarsk Arctic // Online publication "NIA-Krasnoyarsk": [website]. – URL: https://24rus.ru/news/economy/229237.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (date of access: 11.04.2025).
35. Nikolaev N.A. Indian interest in the Arctic in the context of China's Arctic policy // Problems of the post-Soviet space. 2017 4(4):321–335 DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-321-335 (accessed: 11.04.2025)
36. About us // NORTHERN FORUM–INDIA: UNITING NORTH AND SOUTH FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT: [site]. – URL: <https://www.nf-indiaforum.ru/#rec852093077> (accessed: 11.04.2025).
37. India's policy in the Arctic region // Russian Arctic: [site]. – URL: <https://russian-arctic.info/info/articles/redaktsionnye-statii/politika-indii-v-arkticheskom-regione/> (date of access: 11.04.2025)
38. Program // NORTHERN FORUM–INDIA: UNITING NORTH AND SOUTH FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT: [site]. – URL: <https://www.nf-indiaforum.ru/#rec852093077> (date of access: 11.04.2025).
39. Russia and India agreed on cooperation in the Far East and the Arctic // Official website of the Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East and the Arctic.: [site]. – URL: https://minvr.gov.ru/press-center/news/rossiya_i_indiya_dogovorilis_o_sotrudnichestve_na_dalнем_vostoke_i_v_arktike_/?sphrase_id=2667445 (date of access: 11.04.2025)
40. Shaumyan, T.L. India and the Arctic: environmental protection, economics and politics / T.L. Shaumyan, V.P. Zhuravel // Arctic and North. – 2016. – No. 24. – P. 175–184. – DOI 10.17238/issn2221–2698.2016.24.175. – EDN WJKLHZ.

Социокультурные адаптации и инновационные стратегии управления в банковской сфере России в условиях санкционного давления: вызовы и перспективы

Косарев Иван Владимирович,

аспирант, Институт технологий управления Московского государственного технического университета радиотехники, электроники и автоматики
E-mail: rector@mirea.ru

В статье исследуются процессы социокультурной адаптации и формирования инновационных стратегий управления в банковской сфере России, вызванные международным санкционным давлением. Анализируются преобразования в ценностных установках, организационной культуре и технологических практиках банковского сектора в условиях ограничений. Особое внимание уделяется роли социокультурных факторов в успешном внедрении инновационных решений, направленных на обеспечение устойчивости, независимости и конкурентоспособности российской банковской системы в контексте глобальных вызовов. В статье также освещаются проблемы и трудности, возникающие в процессе внедрения новых стратегий и технологий, и предлагаются рекомендации по устойчивому социокультурному и технологическому развитию банковской сферы в сложившихся обстоятельствах.

Ключевые слова: санкции, банковский сектор, социокультурная адаптация, инновации, стратегии управления, финансовая устойчивость, цифровая трансформация, организационная культура, ценностные установки, межкультурное взаимодействие.

Введение

Современная российская экономика функционирует в условиях повышенной нестабильности, обусловленной геополитическими факторами и международными экономическими санкциями. Эти санкции, направленные на ограничение взаимодействия с глобальными финансовыми и технологическими рынками, создали уникальный контекст для трансформации банковской сферы, активизируя процессы адаптации не только на техническом, но и на социокультурном уровне. Возникла необходимость переосмысления ценностных установок, организационной культуры и управленческих практик, что требует глубокого анализа и понимания социокультурных механизмов адаптации и инноваций.

Влияние санкций проявляется в ограничении доступа к международным рынкам капитала, современным технологиям и ключевым финансовым инструментам. Ограничения, такие как запрет на участие в международных платежных системах, блокировка активов за рубежом и закрытие доступа к SWIFT, требуют от банков ускоренного поиска альтернативных решений и внедрения инновационных технологий для поддержания функционирования и обеспечения устойчивости [1, 2]. В этих условиях социокультурные факторы приобретают особое значение, определяя успешность адаптации, восприятие инноваций и готовность банковских сотрудников к изменениям.

Активизация развития отечественных технологических решений и укрепление партнерств с новыми экономическими центрами также подразумевают необходимость адаптации к новым социокультурным контекстам, требуя понимания норм, ценностей и деловой этики партнеров из стран Азии, Ближнего Востока и Африки.

Целью данной статьи является анализ влияния социокультурных факторов на адаптацию и внедрение инновационных стратегий управления в банковской сфере России в условиях санкционного давления. Исследование акцентирует внимание на роли социокультурных аспектов в обеспечении устойчивого развития финансового сектора и выработке рекомендаций для успешной адаптации и инноваций.

Литературный обзор

Настоящее исследование опирается на широкий спектр научных работ и аналитических материалов, посвященных влиянию санкций на экономику России, трансформации банковской сферы, развитию инноваций и социокультурным аспектам управления. Фундаментальные исследования С.Ю. Глазьева [1] и М.В. Ершова [3] закладывают основу для понимания макроэкономических последствий санкций и их влияния на финансовую систему страны. Работы С.Е. Болониной и А.А. Орловой [2] акцентируют внимание на специфике трансформации банковской системы России в условиях санкционного давления. Анализ развития национальной платежной системы представлен в трудах М.В. Тарасовой [4] и Н.В. Коротаевой [8], которые раскрывают аспекты создания независимой финансовой

инфраструктуры. Теоретические основы цифровой трансформации банковской деятельности рассматриваются в работе Е.А. Ягуповой [6]. В обзоре также учитываются современные исследования по управлению инновациями, организационной культуре и социокультурным аспектам ведения бизнеса в условиях глобальных изменений, представленные в трудах Г.Б. Клейнера [9] и Л.М. Гохберга [10], а также работы зарубежных авторов (Sundararajan, A., Turban, E., et al., Laudon, K.C., & Traver, C.G. и др.) [13–27], посвященные цифровой экономике, инновационным моделям и факторам успешной адаптации к новым технологическим реалиям. Кроме того, использовались данные, представленные на официальных сайтах Банка России и Национальной системы платежных карт [11, 12], а также аналитические отчеты международных организаций и экспертные оценки, освещающие текущие тенденции и вызовы в банковской сфере [28].

Результаты

Международные экономические санкции, наложенные на финансовый сектор России, представляют собой комплекс мер, направленных на ограничение взаимодействия отечественных банков с глобальной финансовой системой и доступа к внешним источникам капитала [3]. Эти ограничения вызвали глубокий пересмотр стратегий управления, в которых социокультурные факторы играют определяющую роль.

Одним из последствий санкционного давления стало сокращение возможностей для привлечения дешевого заемного капитала за рубежом, что повысило стоимость кредитных ресурсов внутри страны и замедлило инвестиционную активность. Этот факт вызвал пересмотр ценностных ориентиров и стратегий управления рисками, ориентированных на внутренние ресурсы и возможности.

Ограничение на использование системы SWIFT стимулировало внедрение отечественной системы передачи финансовых сообщений (СПФС) и увеличение доли расчетов в национальных валютах. Успешность этого процесса во многом зависит от восприятия СПФС и поддержки перехода на новые системы сотрудниками банков и клиентами, что требует эффективной коммуникации и формирования позитивного отношения к отечественным решениям.

Технологический аспект также претерпел значительные изменения. Запрет на доступ к западным программным продуктам потребовал создания собственных технологических альтернатив. Форсированное развитие отечественных ИТ-решений подразумевает изменение организационной культуры, стимулирование инноваций и готовность к экспериментам, а также создание условий для привлечения и удержания талантливых специалистов [4].

Расширение сотрудничества с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, в первую очередь с Китаем, требует учета социокультурных особенностей этих стран, включая понимание деловой этики, традиций и управленческих стилей. Успешное межкультурное взаимодействие становится ключевым фактором эффективного партнерства и адаптации успешных практик управления.

Санкции создали риски для устойчивости банковской системы, включая угрозу ликвидности и снижение доверия со стороны клиентов. В этих условиях российские банки усилили внутренние механизмы управления рисками и диверсифицировали операции, что требует изменения организационной культуры, повышения ответ-

ственности сотрудников и усиления контроля за исполнением регулятивных требований [5].

Международные экономические санкции, ограничивая возможности и стимулируя трансформацию финансового сектора, усилили роль социокультурных факторов в формировании новых стратегий управления. В этих условиях российские банки ориентируются на инновационные технологии, укрепляют партнерства с новыми экономическими центрами и развивают внутреннюю инфраструктуру, учитывая особенности национальной культуры, ценностные ориентации и социокультурные аспекты международного сотрудничества.

В ответ на введенные международные санкции, ограничение доступа к иностранным технологиям и платформам, российская банковская система активизировала развитие отечественных решений [6]. Этот процесс, направленный на создание независимой и устойчивой финансовой инфраструктуры, тесно связан с социокультурными аспектами, определяющими успешность внедрения и адаптации новых технологий.

Система передачи финансовых сообщений (СПФС), разработанная как альтернатива SWIFT, требует социокультурной адаптации для успешного международного использования. Подключение зарубежных финансовых организаций зависит не только от технической совместимости, но и от восприятия СПФС как надежного и безопасного инструмента. Эффективная коммуникация, формирование доверия и учет культурных особенностей стран-партнеров являются ключевыми факторами успешного международного внедрения [7].

Национальная платежная система (НСПК) и карта «Мир» стали важным элементом финансовой независимости. Их успешное внедрение и широкое использование во многом зависят от доверия населения к национальной платежной системе, восприятия «Мир» как удобной и безопасной альтернативы Visa и MasterCard. Программы повышения финансовой грамотности и популяризации использования карты «Мир» играют важную роль в формировании позитивного отношения к отечественному платежному инструменту [8].

Разработка и внедрение отечественного программного обеспечения для автоматизации банковских операций и обеспечения кибербезопасности требуют создания инновационной организационной культуры, поддерживающей творчество, эксперименты и готовность к риску. Необходимо формирование команд, способных разрабатывать конкурентоспособные решения, учитывающие особенности российского рынка и потребности клиентов [9].

Развитие финтех-сектора требует создания экосистемы, поддерживающей технологические стартапы и стимулирующей инновации в банковской сфере. Важно формирование культуры сотрудничества между банками, стартапами и научными организациями, создание площадок для обмена опытом и знаниями. Социокультурные факторы, такие как поддержка предпринимательства, готовность к сотрудничеству и открытость к новым идеям, определяют успешность развития финтех-сектора [10].

Резюмируя [11, 12], переход на внутренние технологические решения и создание независимой финансовой инфраструктуры, хоть и является вынужденной, но стратегически важной мерой, зависит не только от технических аспектов, но и от социокультурных факторов, таких как доверие, инновационная культура, межкультурное сотрудничество и поддержка ценностей технологического суверенитета.

Инновации в области платежных решений оказали значительное влияние на управление банковской сфе-

рой, изменив подходы к взаимодействию с клиентами и повысив качество предоставляемых услуг. Внедрение мобильных приложений и супераппов создало удобную и многофункциональную цифровую среду, но их успешное использование во многом зависит от социокультурных аспектов восприятия и пользования новыми технологиями [13].

Развитие мобильных приложений требует понимания потребностей и предпочтений различных групп пользователей. Успешное внедрение мобильных банковских услуг зависит от учета возрастных, социальных и культурных особенностей клиентов, а также от предоставления удобного и понятного интерфейса [14]. Программы обучения и поддержки для пожилых клиентов, мало знакомых с технологиями, способствуют расширению использования мобильных банковских услуг.

Активное развитие цифровых экосистем и супераппов требует формирования новых моделей взаимодействия с клиентами, основанных на персонализации и учете индивидуальных потребностей. Важно создание удобного и интуитивно понятного интерфейса, адаптированного к потребностям различных групп пользователей [15].

Интеграция технологий искусственного интеллекта и анализа больших данных открывает возможности для персонализации услуг, но также вызывает вопросы конфиденциальности и защиты данных. Важно формирование культуры доверия к технологиям искусственного интеллекта и предоставление клиентам информации о способах использования их данных и мерах по их защите [16].

Социокультурные факторы также оказывают влияние на распространение безналичных расчетов и уменьшение доли наличного оборота. Внедрение инновационных платежных решений требует изменения потребительских привычек и формирования культуры безналичных расчетов. Программы стимулирования использования карт и мобильных платежей, а также повышение финансовой грамотности способствуют переходу к безналичной экономике [17, 18].

Таким образом [19], инновации в области платежных решений изменяют не только техническую сторону банковской сферы, но и социокультурные аспекты взаимодействия с клиентами. Успешное внедрение новых технологий требует учета потребностей и предпочтений различных групп пользователей, формирования культуры доверия и стимулирования перехода к безналичной экономике.

Внедрение новых технологий и стратегий в условиях санкций сталкивается с рядом социокультурных проблем и вызовов. Ограничение доступа к международным технологическим платформам и уход зарубежных компаний вызвали необходимость разработки отечественных решений, но этот процесс требует преодоления ряда социокультурных барьеров [20, 21, 22].

Одной из основных проблем является сопротивление изменениям со стороны сотрудников банков, привыкших к использованию западных технологий. Внедрение новых решений требует переподготовки персонала, изменения организационной культуры и преодоления стереотипов в отношении отечественного программного обеспечения. Важно создание позитивной атмосферы, поддерживающей инновации, и стимулирование сотрудников к освоению новых технологий [23].

Дефицит высококвалифицированных специалистов в области разработки и внедрения финтех-решений также является социокультурной проблемой. Привлечение и удержание талантливых специалистов требует создания привлекательной рабочей среды, предлагаю-

щей возможности для профессионального роста и развития, а также признание и поощрение инновационной деятельности.

Необходимость интеграции новых отечественных решений в существующую инфраструктуру также вызывает социокультурные трудности. Важно преодоление стереотипов о несовместимости отечественного и зарубежного оборудования, формирование культуры сотрудничества между различными подразделениями банка и создание команд, способных решать проблемы интеграции [24].

Проблема стандартизации и совместимости новых систем с международными требованиями также имеет социокультурный аспект. Необходимо формирование единого подхода к стандартизации, учитывающего особенности российского рынка и международные требования, а также стимулирование сотрудничества с зарубежными партнерами для достижения совместимости и признания отечественных решений [25, 26].

Ограниченный доступ к зарубежным технологиям и высококвалифицированным специалистам оказывает влияние на развитие инноваций, но также стимулирует творческий подход и поиск альтернативных решений. Важно формирование культуры изобретательства и стимулирование инициатив, направленных на разработку уникальных решений, учитывающих особенности российского рынка [27].

Таким образом, внедрение новых технологий и стратегий в условиях санкций требует учета социокультурных аспектов, связанных с сопротивлением изменениям, дефицитом кадров, интеграцией систем и распространением инновационной культуры и межкультурного сотрудничества.

Заключение

Оценка долгосрочных последствий санкций для развития технологий и управления в банковской сфере позволяет выделить как серьезные вызовы, так и перспективные возможности, которые могут способствовать устойчивому развитию отрасли [28]. Санкции стали катализатором структурных изменений, что потребовало пересмотра стратегий управления, модернизации инфраструктуры и ускоренного внедрения собственных технологических решений, но этот процесс требует учета социокультурных факторов, определяющих успешность адаптации и восприятия инноваций.

Необходимо формирование ценностей технологического суверенитета, поддержки отечественных разработок и стимулирования инноваций. Повышение мотивации сотрудников для адаптации к новым технологиям, например, через систему премирования за освоение и внедрение нового ПО. Поддержка открытого диалога с пользователями (клиентами) для сбора обратной связи и улучшения внедряемых решений.

Успешное сочетание технологического прогресса и социокультурной адаптации является залогом устойчивого развития и процветания банковской сферы России в условиях глобальных вызовов.

Литература

1. Глазьев С.Ю. Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике. Вопросы экономики. 2014. № 9. С. 13–29.
2. Болонина Светлана Евгениевна, Орлова А.А. Трансформация платёжной сферы России в условиях цифровизации экономики и санкционных ограниче-

- ний // Имущественные отношения в РФ. 2023. № 5. С. 21–31.
3. Ершов М.В. Какая экономическая политика нужна России в условиях санкций? // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 37–53.
 4. Тарасова Мария Владимировна, Шмырева Александра Ивановна Развитие платежных систем России и Китая в условиях нестабильности экономики // Идеи и идеалы. 2015. № 2 С. 16–21.
 5. Белоглазова, Г.Н. Банковское дело. Организация деятельности коммерческого банка: учебник и практикум для академического бакалавриата, учебник. Москва: Юрайт, 2016. 472 с.
 6. Ягупова Екатерина Анатольевна Цифровая трансформация банковской системы России // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2021. № 2 С. 49–54.
 7. Головин Владимир Николаевич, Комольцева Анна Павловна, Баянова Дарья Сергеевна СПФС как отечественный аналог SWIFT – европейской системы передачи финансовых сообщений // Московский экономический журнал. 2022. № 1. С. 119–132.
 8. Коротаева Наталья Владимировна Проблемы и перспективы развития в России безналичных розничных платежей // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 12 С. 43–55.
 9. Клейнер Г.Б. От теории предприятия к теории стратегического управления // Российский журнал менеджмента. 2003. № 1. С. 5–28.
 10. Гохберг Л. М., Кузнецова Т.Е. Стратегия 2020: новые контуры российской инновационной политики // Форсайт. 2011. № 4. С. 30–42.
 11. Официальный сайт Банка России. Обзор финансовой стабильности. [Электронный ресурс]. URL: www.cbr.ru
 12. Официальный сайт Национальной системы платежных карт. [Электронный ресурс]. URL: www.nspk.ru
 13. Sundararajan, A. The Sharing Economy: The End of Employment and the Rise of Crowd-Based Capitalism. MIT Press, 2016.
 14. Turban, E., et al. Electronic Commerce: A Managerial and Social Networks Perspective. Springer, 2018.
 15. Laudon, K.C., & Traver, C.G. E-commerce: Business, Technology, Society. Pearson, 2019.
 16. O'Reilly, T. What is Web 2.0: Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software. Communications & Strategies, 2007, no. 1, pp. 17–37.
 17. Rogers, E.M. Diffusion of Innovations. Free Press, 2003.
 18. Tapscott, D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. McGraw-Hill, 1996.
 19. Schwab, K. The Fourth Industrial Revolution. World Economic Forum, 2016.
 20. Baldwin, R. The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization. Harvard University Press, 2016.
 21. Brynjolfsson, E., & McAfee, A. The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. W.W. Norton & Company, 2014.
 22. Rifkin, J. The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons, and the Eclipse of Capitalism. Palgrave Macmillan, 2014.
 23. Castells, M. The Rise of the Network Society. Blackwell Publishers, 2010.
 24. Negroponte, N. Being Digital. Vintage Books, 1996.
 25. Shapiro, C., & Varian, H.R. Information Rules: A Strategic Guide to the Network Economy. Harvard Business School Press, 1998.
 26. Kelly, K. New Rules for the New Economy: 10 Radical Strategies for a Connected World. Viking Penguin, 1998.
 27. Moore, G.A. Crossing the Chasm: Marketing and Selling High-Tech Products to Mainstream Customers. HarperBusiness, 1991.
 28. Christensen, C.M. The Innovator's Dilemma: When New Technologies Cause Great

SOCIOCULTURAL ADAPTATIONS AND INNOVATIVE MANAGEMENT STRATEGIES IN THE RUSSIAN BANKING SECTOR UNDER SANCTIONS PRESSURE: CHALLENGES AND PROSPECTS

Kosarev I.V.

Moscow State Technical University of Radio Engineering

The article examines the processes of sociocultural adaptation and the formation of innovative management strategies in the Russian banking sector caused by international sanctions pressure. The article analyzes the transformations in value systems, organizational culture and technological practices of the banking sector under restrictions. Particular attention is paid to the role of sociocultural factors in the successful implementation of innovative solutions aimed at ensuring the sustainability, independence and competitiveness of the Russian banking system in the context of global challenges. The article also highlights the problems and difficulties that arise in the process of implementing new strategies and technologies, and offers recommendations for sustainable socio-cultural and technological development of the banking sector in the current circumstances.

Keywords: sanctions, banking sector, socio-cultural adaptation, innovation, management strategies, financial sustainability, digital transformation, organizational culture, value systems, intercultural interaction.

References

1. Glazyev S.Yu. US sanctions and the policy of the Bank of Russia: a double blow to the national economy. Voprosy Ekonomiki. 2014. No. 9. Pp. 13–29.
2. Bolonina Svetlana Evgenievna, Orlova A.A. Transformation of the payment sphere of Russia in the context of digitalization of the economy and sanctions restrictions // Property relations in the Russian Federation. 2023. No. 5. Pp. 21–31.
3. Ershov M.V. What economic policy does Russia need in the context of sanctions? // Voprosy Ekonomiki. 2014. No. 12. Pp. 37–53.
4. Tarasova Maria Vladimirovna, Shmyreva Alexandra Ivanovna Development of payment systems of Russia and China in the context of economic instability // Ideas and ideals. 2015. No. 2 Pp. 16–21.
5. Beloglazova, G.N. Banking. Organization of commercial bank activities: textbook and practical training for the academic bachelor's degree, textbook. Moscow: Yurait, 2016. 472 p.
6. Yagubova Ekaterina Anatolyevna Digital transformation of the banking system of Russia // Scientific Bulletin: finance, banks, investments. 2021. No. 2 P. 49–54.
7. Golovin Vladimir Nikolaevich, Komoltseva Anna Pavlovna, Bayanova Daria Sergeevna SPFS as a domestic analogue of SWIFT – the European system for transmitting financial messages // Moscow Economic Journal. 2022. No. 1. P. 119–132.
8. Korotaeva Natalia Vladimirovna Problems and Prospects for the Development of Non-cash Retail Payments in Russia // Socio-economic Phenomena and Processes. 2012. No. 12 P. 43–55.
9. Kleiner G.B. From Enterprise Theory to Strategic Management Theory // Russian Management Journal. 2003. No. 1. P. 5–28.
10. Gokhberg L. M., Kuznetsova T.E. Strategy 2020: New Contours of Russian Innovation Policy // Foresight. 2011. No. 4. P. 30–42.
11. Official website of the Bank of Russia. Financial Stability Review. [Electronic resource]. URL: www.cbr.ru
12. Official website of the National Payment Card System. [Electronic resource]. URL: www.nspk.ru
13. Sundararajan, A. The Sharing Economy: The End of Employment and the Rise of Crowd-Based Capitalism. MIT Press, 2016.
14. Turban, E., et al. Electronic Commerce: A Managerial and Social Networks Perspective. Springer, 2018.

15. Laudon, K.C., & Traver, C.G. E-commerce: Business, Technology, Society. Pearson, 2019.
16. O'Reilly, T. What is Web 2.0: Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software. Communications & Strategies, 2007, no. 1, pp. 17–37.
17. Rogers, E.M. Diffusion of Innovations. Free Press, 2003.
18. Tapscott, D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. McGraw-Hill, 1996.
19. Schwab, K. The Fourth Industrial Revolution. World Economic Forum, 2016.
20. Baldwin, R. The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization. Harvard University Press, 2016.
21. Brynjolfsson, E., & McAfee, A. The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. W.W. Norton & Company, 2014.
22. Rifkin, J. The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons, and the Eclipse of Capitalism. Palgrave Macmillan, 2014.
23. Castells, M. The Rise of the Network Society. Blackwell Publishers, 2010.
24. Negroponte, N. Being Digital. Vintage Books, 1996.
25. Shapiro, C., & Varian, H.R. Information Rules: A Strategic Guide to the Network Economy. Harvard Business School Press, 1998.
26. Kelly, K. New Rules for the New Economy: 10 Radical Strategies for a Connected World. Viking Penguin, 1998.
27. Moore, G.A. Crossing the Chasm: Marketing and Selling High-Tech Products to Mainstream Customers. HarperBusiness, 1991.
28. Christensen, C.M. The Innovator's Dilemma: When New Technologies Cause Great

Мирошниченко Максим Алексеевич,

аспирант, РТУ МИРЭА «Институт технологий управления
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«МИРЭА – Российский технологический университет»»

Петрова Татьяна Эдурдовна,

д.соц.н., профессор, РТУ МИРЭА «Институт технологий
управления федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«МИРЭА – Российский технологический университет»»

Киберспорт представляет собой уникальное культурное явление, формирующее идентичность участников и аудитории, несмотря на существующую стигматизацию. В современных обществах, особенно в странах Азии, таких как Китай, киберспорт становится источником как новых социальных возможностей, так и психологических вызовов для молодежи. В условиях, когда киберспорт набирает популярность, социальные и культурные нормы оказывают значительное влияние на то, как воспринимается профессиональная игровая деятельность, а также самоощущение участников. Одним из центральных аспектов формирования идентичности профессиональных игроков в киберспорте является противоречие между общественными ожиданиями и внутренним самоощущением участников. Исследования, проведенные среди профессиональных киберспортсменов в Китае, показывают, что многие из них сталкиваются с социальной стигмой и негативной реакцией, поскольку общественное мнение часто рассматривает киберспорт, как ненадежное и несерьезное занятие. Эти представления подпитываются убеждением, что профессиональные игроки не могут достичь стабильности, что особенно актуально для традиционных китайских культурных норм, ориентированных на традиционные виды работ.

Ключевые слова: Киберспорт, киберспортивные мероприятия, Китай, Южная Корея, иностранный опыт,

Современная практика управления киберспортивными мероприятиями в различных странах позволяет выделить успешные модели и подходы, которые могут служить основой для дальнейшего развития киберспорта на глобальном уровне. Ведущими странами в данной сфере на данный момент являются Китай и Южная Корея, где сложились разнообразные подходы к управлению и развитию индустрии, обусловленные особенностями национальных рынков, уровнем технологической инфраструктуры и культурными предпочтениями аудитории. Эти различия позволяют лучше понять факторы, способствующие развитию киберспорта и создающие условия для его интеграции в массовую культуру.

Южная Корея стала одной из первых стран, признавших киберспорт, как официальную спортивную дисциплину и разработавшей национальные программы для его поддержки. Ключевым фактором успеха в южной Корее стала поддержка со стороны государства и бизнеса. На основе этой кооперации была создана первая в мире киберспортивная ассоциация KeSPA (Korea e-Sports Association), которая играет центральную роль в организации и регуляции киберспортивных мероприятий на государственном уровне. Деятельность KeSPA включает организацию национальных и международных турниров, разработку стандартов и лицензирование команд, что способствует созданию профессиональной структуры в индустрии киберспорта. В работе Peichi Chung «South Korea's Esports Industry in Northeast Asia: History, Ecosystem and Digital Labour» (2021), рассматривается и исследуется формирование сети киберспортивных игр в Северо-Восточной Азии на примере Южной Кореи с целью анализа роли, которую играет правительство страны в развитии региональной киберспортивной культуры¹. Так, например, в Южной Корее функционирует более 80 профессиональных команд, зарегистрировано более 500 профессиональных участников и, что самое важное, в более чем 90 официальных образовательных учреждениях, включая колледжи и профессиональные училища, введены образовательные программы, связанные с игровой индустрией и киберспортом в частности². Особенно в Южной Корее популярны так называемые PC-bangs, у нас это называется компьютерным клубом. Так же, как и у нас, в Корее под конец 90-х годов домашним персональным компьютером обладало достаточно небольшое количество людей, поэтому успех и популярность PC-bangs не заставила себя долго ждать³.

Также, киберспорт активно развивается в еще одной азиатской стране, Китае, и осуществление развития данного направления так же произошло благодаря массовым инвестициям со стороны частного бизнеса и государственного участия в стратегическом регулировании. Крупные китайские компании, такие как Alibaba и Tencent играют значительную роль в финансировании и продвижении киберспорта. Tencent, в частности, выступает не только в роли спонсора, но и в качестве организатора крупнейших мировых турниров, таких как чемпионат

¹ https://bristoluniversitypressdigital.com/edcollchap/book/9781529213386/ch008.xml?tab_body=abstract

² https://www.jstage.jst.go.jp/article/sposun/31/2/31_2_197/_article/-char/ja/

³ <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/13795/3149>

по League of Legends. Китайское правительство поддерживает данное направление, рассматривая киберспорт как инструмент культурной экспансии и укрепления мягкой силы на международной арене. Это государственно-частное партнерство позволяет Китаю успешно интегрировать киберспорт в систему массовой культуры, делая его доступным и популярным среди молодежи. В работе Yupei Zhao и Zhongxuan Lin (2020), описывается действия Китая, после решения радикально трансформировать индустрии онлайн и мобильных игр, по причине объявления своих амбиций о становлении глобальной спортивной державой. Исследование Жао и Лин рассматривает китайскую индустрию киберспорта в контексте управления платформами и платформенным капитализмом на примере платформизации Tencent, одного из крупнейших медиа-конгломератов Китая¹.

В исследуемом аспекте киберспортивных мероприятий центральными становятся вопросы не только корректного и правильного управления организационными аспектами, но и учет и корректировки уже совершившихся и возможных ошибок. Эти ошибки включают недооценку уникальных особенностей киберспорта, расхождение в стратегиях и недооценку важности взаимодействия с сообществом. Каждая из них может иметь серьезные последствия для организации, стремящейся занять прочное положение на конкурентном рынке киберспорта. Одной из наиболее распространенных ошибок является восприятие киберспорта как самоцели, а не как средства. При объеме рынка киберспорта около 4,3 миллиарда долларов США на фоне общего объема индустрии видеоигр в 282,30 миллиарда долларов США, киберспорт охватывает всего около 1% рынка. Это указывает на необходимость более широкого подхода, в рамках которого киберспорт становится частью общей стратегии, ориентированной на всю игровую индустрию. Часто организации, привлеченные текущим ажиотажем вокруг киберспорта, ограничиваются его узкими рамками, тогда как более целесообразным решением было бы включение в стратегию широкого спектра игровых активностей, таких как лицензирование интеллектуальной собственности, геймификация, создание фэнтези-лиг и другие формы участия. Такой подход позволяет спортивным организациям присутствовать сразу на двух крупных рынках, что повышает их прибыльность и устойчивость. Еще одной достаточно распространенной ошибкой является восприятие киберспорта, как один рынок. На деле же, киберспортивный рынок чрезвычайно разнообразен: различные жанры и игровые направления привлекают разные группы пользователей и предоставляют уникальные игровые возможности. Например, спортивные видеоигры и такие популярные игры, как League of Legends, различаются по характеристикам аудитории. Спортивные игры, как правило, имеют более широкую привлекательность для массового зрителя, включая как заядлых геймеров, так и случайных поклонников спорта, но при этом привлекают меньшую активную базу пользователей по сравнению с такими играми, как League of Legends, чья аудитория глубже вовлечена в игровую процесс и соревнования. Одна из типичных ошибок — это неспособность распознать эти различия, что приводит к ошибочным стратегиям маркетинга, разработки продукта и взаимодействия с сообществом, не соответствующим потребностям целевой аудитории. Право собственности на игровые продукты в киберспорте часто принадлежит организациям, чьи интересы отличаются от целей традиционных спортивных организа-

ций. Например, Riot Games, разработчик League of Legends, устанавливает собственные приоритеты, которые могут не совпадать с ожиданиями спортивных организаций. Поэтому компании, стремящиеся выйти на рынок киберспорта, должны учитывать, что партнерство и лицензионные соглашения с такими разработчиками играют ключевую роль в их стратегии. Спортивные организации, полагаясь на узнаваемость своего бренда, часто недооценивают этот аспект, что приводит к конфликтам с существующей аудиторией и затрудняет интеграцию. Признание и уважение существующих рыночных структур и партнерских отношений позволяет новым участникам адаптироваться к специфике индустрии, одновременно предлагая инновации и дифференциацию, что повышает их шансы на успех. Несмотря на то, что киберспорт и игровые индустрии предоставляют уникальные возможности для взаимодействия с поколениями Z и альфа, способ распространения контента играет решающую роль в эффективной стратегии присутствия на этом рынке. Важно понимать, что каналы распространения и коммуникации в игровой индустрии отличаются от традиционных методов. В киберспорте и играх преобладает модель «сначала цифровые», при которой распространение игр осуществляется через интернет-магазины, такие как Steam и Epic Games Store, а также через игровые платформы. В то же время традиционные спортивные события в основном полагаются на физические носители, такие как билеты, товары, и на телевизионные трансляции. Цифровая среда киберспорта и игр диктует необходимость адаптации маркетинговых стратегий. В отличие от традиционных средств массовой информации, где преобладает телевизионная и печатная реклама, аудитория киберспорта сосредоточена на цифровых платформах, социальных сетях, стриминговых сервисах и специализированных игровых форумах. Неспособность спортивных организаций адаптировать свои стратегии под эти уникальные каналы ограничивает их доступ к целевой аудитории. Поэтому маркетинговые и дистрибьюторские стратегии должны быть ориентированы на цифровые каналы, обеспечивая эффективное взаимодействие и вовлечение целевой аудитории. Механизмы генерации дохода в индустриях киберспорта и игр часто неправильно интерпретируются или недооцениваются. Важно понимать различия между киберспортом и игровой индустрией с точки зрения моделей дохода. Киберспорт в первую очередь работает по модели «бизнес для бизнеса» (B2B), и значительная часть его дохода поступает от спонсорства, продажи прав на трансляцию и партнерства с брендами. Согласно оценкам Mercer Capital, около 74% доходов в киберспорте поступает именно от спонсорства и рекламы. В то же время игровая индустрия, хотя и включает B2B-взаимодействия, в большей степени ориентирована на модель «бизнес для потребителя» (B2C), обеспечивая доходы через продажи игр, внутриигровые покупки и подписки на игровые сервисы.

Для развития нашего исследования очень поможет работа С.В. Алтухова и В.М. Вережкина, «Модель управления киберспортом в Китае, как основа стимулирования здорового образа жизни и защиты национальных интересов». Несмотря на наименование работы, главными целями авторов являются, изучение комплексной структуры государственного и спортивного регулирования в киберспорте в КНР, профессионализация молодой индустрии, принципов и механизмов баланса экономической эффективности и спортивных результатов. В работе приведена статистическая корреляция роста количества интернет-пользователей и роста количества геймеров в Китае. Также, авторы разработали таблицу

¹ <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/13675494241304257?journalCode=ecsa>

с распределением полномочий государственных органов в процессе комплексного регулирования игровой индустрии Китая, что, в свою очередь, поможет нам в распределении ролей нашего государственного аппарата в управлении киберспортом и киберспортивного мероприятия для развития данной сферы. Также, авторы отмечают, что на момент 2019 года в Китае, из-за большой заинтересованности государства в профессионализации данной сферы, была обнаружена большая нехватка квалифицированных кадров, управленцев, разработчиков, аналитиков, в количестве 1 миллиона рабочих кадров, и это несмотря на то, что начиная с 2016 года Министерство образования Китая включило киберспорт в список образовательных дисциплин в колледжах, а в дальнейшем уже высшие образовательные учреждения начали подготовку именно что менеджеров, а не киберспортсменов. Подчеркивается также негативное отношение к киберспорту, как к виду спорта. В работе авторы упоминают Джима Перри, который подчеркивает, что в киберспорте не хватает не только атлетизма, но и единых органов управления в киберспорте. По его мнению, «именно институционализация и соревнование на основе физических способностей являются ключевыми факторами в вопросе отнесения любой деятельности к спортивной»¹.

Любое развитие какого-либо продукта на любом рынке включает в себя большие риски, которые производители, в нашем случае организаторы, могут не учесть или посчитать их несостоящими внимания. Так, например, в работе Nur Afiqah Ahmad Kamaruddin, Masrur Mohd Khir & Hazira Mohd Nasir «Risk Issues in Esports Events: A Proposal for a Research Framework», авторы упоминают достаточно большое количество ситуаций, влекущих за собой риск срыва всего мероприятия или крупные репутационные риски, как организатора, так и всех причастных лиц (спонсоров, инвесторов, партнеров). Конечно же, в традиционных видах спорта так же имеются непредвиденные ситуации, как, например, произошедший недавно случай, где виновником оказался известный футболист Поль Погба. В его крови обнаружили препарат, повышающий уровень тестостерона, то есть, футболист уже не выдерживал физических нагрузок. И подобную проблему поднимает автор, но в случае с киберспортивным соревнованием допингом выступает вспомогательная программа, которая может быть использована во время матча, если организаторы тщательно не подойдут к проверке всего оборудования, принесенного профессиональными игроками на турнир. Также, учитывая тот фактор, что киберспорт всегда был нацелен на интернет-платформу, то при организации мероприятия очень большое внимание должно уделяться кибербезопасности². Подобного рода риски всегда не должны игнорироваться, а как максимум организаторы должны вводить меры для предотвращения и сведения шансов возникновения данных ситуаций к нулю.

Литература

1. Peichi Chung, South Korea's Esports Industry in Northeast Asia: History, Ecosystem and Digital Labour // Media Technologies for Work and Play in East Asia, Critical Perspectives on Japan and the Two Koreas. – 2021 – С. 229–248. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bristoluniversitypressdigital.com/>.

¹ <https://cyberleninka.ru/article/n/model-upravleniya-kibersportom-v-kitae-kak-osnova-stimulirovaniya-zdorovogo-obraza-zhizni-i-zaschity-natsionalnyh-interesov>

² <https://ojs.amhinternational.com/index.php/imbr/article/view/3496>

[com/edcollchap/book/9781529213386/ch008.xml?tab_body=abstract](https://ojs.amhinternational.com/index.php/imbr/article/view/3496)

2. Park Myung Hee, Keigo Hatano, Haruo Nogawa, Hirokazu Ohtake, The development process and current status of e-sports in Korea // Sports Industry Research. – 2021 – № 2(31) – С. 197–209. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.jstage.jst.go.jp/article/sposun/31/2/31_2_197/article-char/ja/
3. DAL YONG JIN, Historiography of Korean Esports: Perspectives on Spectatorship // International Journal of Communication – 2020 – № 14 – С. 3727–3745 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/13795/3149/>
4. Zhongxuan Lin, Yifan Zhong, Yupei Zhao, Technologies of the self(–deception): Confidence, optimism and effort of Chinese esports players // European Journal of Cultural Studies – 2024 – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/13675494241304257?journalCode=ecsa>
5. Сергей Витальевич Алтухов, Вадим Михайлович Вережкин, Модель управления киберспортом в Китае как основа стимулирования здорового образа жизни и защиты национальных интересов // Теория и практика управления – 2020 – С. 22–30 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-upravleniya-kibersportom-v-kitae-kak-osnova-stimulirovaniya-zdorovogo-obraza-zhizni-i-zaschity-natsionalnyh-interesov>
6. Nur Afiqah Ahmad Kamaruddin, Masrur Mohd Khir, Hazira Mohd Nasir, Risk Issues in Esports Events: A Proposal for a Research Framework // Information Management and Business Review – 2023 – № 3 (15) – С. 396–409. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ojs.amhinternational.com/index.php/imbr/article/view/3496>

GLOBAL EXPERIENCE IN MANAGING ESPORTS EVENTS

Miroshnichenko M., Petrova T.

Russian Technological University

Esports is a unique cultural phenomenon that shapes the identity of its participants and audiences despite the existing stigma. In modern societies, especially in Asian countries such as China, esports are becoming a source of both new social opportunities and psychological challenges for young people. As esports gain popularity, social and cultural norms have a significant impact on how professional gaming activity is perceived, as well as the participants' sense of self. One of the central aspects of the formation of the identity of professional players in esports is the contradiction between societal expectations and the participants' internal sense of self. Research conducted among professional esports athletes in China shows that many of them face social stigma and backlash, as public opinion often views esports as an unreliable and frivolous activity. These perceptions are fueled by the belief that professional players cannot achieve stability, which is especially true in traditional Chinese cultural norms focused on traditional types of work.

Keywords: eSports, eSports events, China, South Korea, foreign experience.

References

1. Peichi Chung, South Korea's Esports Industry in Northeast Asia: History, Ecosystem and Digital Labor // Media Technologies for Work and Play in East Asia, Critical Perspectives on Japan and the Two Koreas. – 2021 – pp. 229–248. [Electronic resource]. Access mode: https://bristoluniversitypressdigital.com/edcollchap/book/9781529213386/ch008.xml?tab_body=abstract
2. Park Myung Hee, Keigo Hatano, Haruo Nogawa, Hirokazu Ohtake, The development process and current status of e-sports in Korea // Sports Industry Research. – 2021 – No. 2 (31) – pp.

- 197–209. [Electronic resource]. Access mode: https://www.jstage.jst.go.jp/article/sposun/31/2/31_2_197/_article/-char/ja/
3. DAL YONG JIN, Historiography of Korean Esports: Perspectives on Spectatorship // *International Journal of Communication* – 2020 – No. 14 – P. 3727–3745 [Electronic resource]. Access mode: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/13795/3149/>
 4. Zhongxuan Lin, Yifan Zhong, Yupei Zhao, Technologies of the self(–deception): Confidence, optimism and effort of Chinese esports players // *European Journal of Cultural Studies* – 2024 – [Electronic resource]. Access mode: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/13675494241304257?journalCode=ecsa>
 5. Sergey Vitalievich Altukhov, Vadim Mikhailovich Verevkin, The eSports management model in China as a basis for stimulating a healthy lifestyle and protecting national interests // *Theory and practice of management* – 2020 – P. 22–30 [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-upravleniya-kibersportom-v-kitae-kak-osnova-stimulirovaniya-zdorovogo-obraza-zhizni-i-zaschity-natsionalnyh-interesov>
 6. Nur Afqah Ahmad Kamaruddin, Masrur Mohd Khir, Hazira Mohd Nasir, Risk Issues in Esports Events: A Proposal for a Research Framework // *Information Management and Business Review* – 2023 – No. 3 (15) – P. 396–409. [Electronic resource]. Access mode: <https://ojs.amhinternational.com/index.php/imbr/article/view/3496>

Синтаксические особенности реализации каузальной цепи «Одна причина вызывает следствие, которое становится причиной для другого следствия» в американских политических теледебатах

Бутенко Татьяна Анатольевна,

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Высшей школы социальных наук Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

Лукашенко Елена Сергеевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры и иностранных языков Высшей школы социальных наук Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

Смирнова Ирина Юрьевна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков Высшей школы социальных наук Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

Объектом исследования выступает линейная каузальная цепь «Одна причина (П) порождает одно следствие (С), которое становится причиной для другого С ($P_1 \rightarrow C_1 = P_2 \rightarrow C_2$)». Предметом исследования выступают синсемантические трансформации ядерного каузального предложения, репрезентирующие линейную цепь $P_1 \rightarrow C_1 = P_2 \rightarrow C_2$.

Несмотря на большое количество работ, посвященных исследованию каузальных отношений, корреляционная классификация типов каузальных цепей и их синсемантических репрезентатов отсутствует, что обуславливает новизну данного исследования. Цель исследования – выявить синсемантические экспоненты каузальной цепи $P_1 \rightarrow C_1 = P_2 \rightarrow C_2$ и модификации автосемантического ядерного каузального предложения. Материалом послужили каузальные синсемантические высказывания кандидатов на пост президента и вице-президента США [7]. Теоретико-методологическую базу составляют теория коллоквиального синтаксиса Ю.М. Скребнева [6], теория эмоционального синтаксиса Т.Н. Синеоковой [5], теория парадигматического синтаксиса М.Я. Блоха [1]. Методы исследования включают конституентный и категориальный анализ каузальных синсемантических конструкций. Управление базой данных осуществлялось с помощью приложения Microsoft access. В результате были выявлены синсемантические репрезентаты каузальной цепи $P_1 \rightarrow C_1 = P_2 \rightarrow C_2$, а именно фокусирующий повтор (полный повтор предложений, смешанный повтор), предваряющий ориентир, антиципационная расшифровывающая конструкция, вопросно-ответная конструкция, изолированное придаточное предложение, потенциально-сочиненные предложения, каузальное асиндетичное присоединение и предложения-эмфатизаторы. Анализ эмпирической базы данных показал, что специфическая модель построения каузального высказывания, выражающая рассматриваемый тип каузальных отношений, отсутствует. Компонентный состав цепи и членение высказывания на синсемантические отрезки произвольны. Строгая корреляция между типом каузальной цепи и модификацией базового каузального суждения не была установлена. Полученные результаты могут быть использованы для построения корреляционной классификации экстралингвистических признаков каузальных отношений и их синсемантических репрезентатов, а также для дальнейшего исследования экстралингвистических и лингвистических свойств каузальных (причинно-следственных) отношений.

Ключевые слова: английский язык, синтаксис, каузальные отношения, причинно-следственные отношения, политический дискурс, синсемантизм, повторы, расшифровывающие конструкции, изолированные конструкции, эллипсис.

Цепи причинения могут быть классифицированы на несколько типов, представленных в языке различными модификациями базового каузального суждения, неполный перечень которых был предложен в [3, 4]. Составление цепей причинно-следственных отношений (ПСО) и модификаций выявляет ряд соответствий, которые в дальнейшем могут быть положены в основу построения корреляционной классификации, дополненной списком характерных для каждой пары коррелятов каузальных синсемантических конструкций (инвентарный список каузальных синсемантических конструкций представлен в [2]). Гипотетически данную корреляционную классификацию можно представить следующим образом (табл. 1).

Предметом данной статьи являются каузальные синсемантические конструкции, реализующие цепь « $P \rightarrow C_1 = P_2 \rightarrow C_2$ ». В зависимости от количества элементов-участников ПСО указанная цепь подразумевает наличие минимум трех шагов – компонентов ПСО, реализованных одним или несколькими семантически зависимыми предложениями каждый. Анализ зарегистрированных случаев употребления цепи показал, что в американских политических теледебатах языковые средства ее реализации включают:

1. **Фокусирующий повтор** выполняет эмфатизирующую функцию [2, с. 143]:

1. **Полный повтор предложений** выделяет значимые для оратора элементы высказывания:

TRUMP: «(C₄) Yeah. I think I'm counting on them [the Supreme Court and Justice Barrett – прим. автора] to look at the ballots, definitely. I don't think—I hope we don't need them, in terms of the election itself. But for the ballots, I think so, (C₃=P₄) because what's happening is incredible. (C₂=P₃) I just heard, I read today where at least 1% of the ballots for 2016 were invalidated. (P₁) They take 'em. We don't like 'em. We don't like 'em. (C₁=P₂) They throw 'em out» [7].

В приведенном примере полный повтор предложений заключен в P₁. Корреляция между типом каузальной цепи и его языковой моделью отсутствует: цепь причинения, образованная пятью звеньями ($P_1 \rightarrow C_1 = P_2 \rightarrow C_2 = P_3 \rightarrow C_3 = P_4 \rightarrow C_4$), выражена восемью предложениями: P₁₋₁ предложение, C₁=P₂₋₁ предложение, C₂=P₃₋₁ предложение, C₃=P₄₋₁ придаточная часть сложноподчиненного предложения; C₄₋₂ предложение и главная часть сложноподчиненного предложения.

2. **Смешанный фокусирующий повтор** объединяет несколько видов повтора [2, с. 153]:

BIDEN: «(C₂) He went on record and said to one of your colleagues, recorded, that in fact he knew how dangerous it was but he didn't want to tell us, didn't want to tell us (C₁=P₂) because he didn't want us to panic. He didn't want us – Americans don't panic. (P₁) He panicked» [7].

Данная трехкомпонентная каузальная цепь реализована тремя предложениями. Членение высказывания на предложения не соответствует экстралингвистической структуре причинно-следственных отношений: P₁→C₁=P₂→C₂; P₁-1 предложение, C₁=P₂- придаточная часть сложноподчиненного предложения и 1 формаль-

но самостоятельное предложение; C_2 часть сложного предложения. Второй и третий компоненты образованы смешанным повтором: в звене $C_1=P_2$ наблюдается уточняющий повтор (местоимение *us* заменено на имя существительное *Americans*), кроме того, имеет место замена инфинитива *to panic* на личную форму глагола *don't*

panic. Грамматические трансформации относятся к типу модифицирующего фокусирующего повтора. P_1 также реализована смешанным повтором, где на эпифору накладывается изменение видовременной формы глагола (*panic-panicked*.)

Таблица 1. Корреляционная классификация типов каузальных цепей и их речевых экспонентов

Тип цепи причинения	Схема	Модификация базового каузального суждения	Каузальные синсемантические конструкции
одна П – одно С	$P \rightarrow C$	1) П и С – два синсемантических предложения, безотносительно порядка следования П и С 2) одна П, представленная несколькими синсемантическими предложениями, и С 3) П и одно С, представленное несколькими синсемантическими предложениями	предваряющий ориентир; антиципационные конструкции; вопросно-ответные конструкции; смешанный повтор; изолированные придаточные; потенциально сочиненные предложения; каузальные асиндетичные присоединения; вопрос-побуждение; риторический вопрос [4]
одна П вызывает С, которое становится П для другого	$P_1 \rightarrow C_1 = P_2 \rightarrow C_2$		
несколько П – одно С	$P_1 P_2 P_3$ ↓ С	Несколько взаимосвязанных П, представленных синсемантическими предложениями и являющихся достаточным основанием для одного С	
несколько С – одно П	П ↓ ↓ ↓ $C_1 C_2 C_3$	Несколько взаимосвязанных С, представленных синсемантическими предложениями и вытекающих из одной П	
несколько П – несколько С	$P_1 P_2$ ↓ ↓ $C_1 C_2$	Несколько взаимосвязанных П и несколько взаимосвязанных С, представленных синсемантическими предложениями	
смешанные цепи			
многомерные цепи			

II. Расшифровывающие конструкции:

1. Предваряющий ориентир представляет собой элементарную языковую идентификацию объекта без уточнения его связей с действительностью, которые раскрываются в последующем предложении [6, с. 146]:

GOVERNOR ROMNEY: «(П₁) You say we were giving mortgages to people who weren't qualified. That's exactly right. (C₁=P₂) It's one of the reasons for the great financial calamity we had. (C₂) And so Dodd-Frank correctly says we need to have qualified mortgages» [7].

В приведенном примере предваряющий ориентир представлен на первом шаге (П) в виде придаточной части сложноподчиненного предложения, которая коррелирует с указательным местоимением *that* во втором предложении и расшифровывает его значение. Каузальная цепь состоит из трех шагов, реализованных в четырех предложениях ($P_1 \rightarrow C_1 = P_2 \rightarrow C_2$), где P_1-2 формально самостоятельных предложения; $C_1 = P_{2-1}$ предложение, C_2-1 предложение, что указывает на несоответствие структуры плана выражения и плана содержания рассматриваемого каузального высказывания.

Иную языковую модель имеет следующий пример с предваряющим ориентиром:

DUKAKIS: «(C₃) *Mr. Bush says we are going to put the IRS [Internal Revenue Service – прим. авторов] on every taxpayer. That's not what we are going to do. (C₂=P₂) I'm for the taxpayer bill of rights. (C₁=P₁) But I think it's unconscionable, Ann, that we should be talking or thinking about imposing new taxes on average Americans (П) when there are billions out there, over \$100 billion, in taxes owed that aren't being paid*» [7].

В данном случае каузальная связь включает четыре шага, представленные в четырех предложениях, и имеет вид $P \rightarrow C_1 = P_1 \rightarrow C_2 = P_2 \rightarrow C_3$. Однако и здесь членение отрезка речи на предложения не соответствует схематическому изображению типа ПСО: П – часть сложного предложения; $C_1 = P_{1-1}$ сложноподчиненное предложение; $C_2 = P_{2-1}$ предложение, C_3-2 предложения. Предваряющий ориентир образует четвертый шаг C_3 и по своей синтаксической структуре аналогичен предваряющему ориентир, рассмотренному выше.

2. Антиципационная конструкция представляет собой двучастное высказывание, где первый компонент

содержит слово обобщенной семантики, а второй расшифровывает его значение [6, с. 152].

MR. NIXON: «(C₄) *I would say further that to blame the President in his veto power for the inability of the Senator and his colleagues to get action in this special session uh – misses the mark. (C₃=П₃) When the president exercises his veto power, he has to have the people up– behind him, not just a third of the Congress. (C₂=П₂) Because let's consider it. If the majority of the members of the Congress felt that these particular proposals were good issues – the majority of those who were Democrats – why didn't they pass them and send to the President and get a veto and have an issue? (C₁=П₁) The reason why these particular bills in these various fields that have been mentioned were not passed was not because the President was against them; it was because the people were against them. (П) It was because they were too extreme» [7].*

Каузальная цепь разворачивается в 5 шагах (П→C₁=П₁→C₂=П₂→C₃=П₃→C₄), состоящих из 6 предложений: П – 1 предложение, C₁=П₁ – 1 предложение, C₂=П₂ – 2 предложения, C₃=П₃ – 1 предложение, C₄ – 1 предложение. Антиципационная конструкция реализует элемент цепи C₂=П₂: в первом компоненте присутствует местоимение *it*, которое коррелирует со следующим за ним сложноподчиненным предложением.

3. Вопросно-ответная конструкция состоит из вопроса, который говорящий задает себе, и ответа-расшифровки [6, с. 156]:

TRUMP: «(C₁=П₁) *By the end of the first term, I'll have approximately 300 Federal judges and Court of Appeals judges, 300, and hopefully three great Supreme Court judges, justices. (C₂) That is a record the likes of which very few people. . . and you know, one of the reasons I'll have so many judges? (П) Because President Obama and him left me 128 judges to fill» [7].*

Здесь также отсутствует корреляция между компонентным составом каузальной цепи и членением высказывания на предложения: рассматриваемую каузальную цепь, выраженную четырьмя предложениями, можно схематично изобразить как П→C₁=П₁→C₂, где П – 1 предложение, C₁=П₁ – 1 предложение, C₂ – 2 предложения. Вопросно-ответная конструкция представлена во втором и третьем синсемантических предложениях, репрезентирующих C₂ и П соответственно, где C₂ – вопрос, а П – ответ-расшифровка.

III. Изолированные конструкции

1. Изолированные придаточные – это предложения, которые начинаются с подчинительных союзов, что не позволяет квалифицировать их как автосемантические [6, с. 182]:

TRUMP: «(C₃) *I don't think you have any law enforcement. (C₂=П₂) You can't even say the word law enforcement. (П) Because if you say those words, (C₁=П₁) you're going to lose all of your radical left supporters» [7].*

Здесь изолированное придаточное, вводимое союзом *because*, представлено на третьем шаге каузальной цепи (П→C₁=П₁→C₂=П₂→C₃), реализующем причину. Четырехкомпонентные причинно-следственные отношения выражены тремя синсемантическими предложениями, экстралингвистическая и лингвистическая модель не совпадают: П – придаточная часть сложноподчиненного предложения, C₁=П₁ – главная часть сложноподчиненного предложения, C₂=П₂ – 1 предложение, C₃ – 1 предложение.

2. Потенциально сочиненные предложения вводятся сочинительными союзами и не могут считаться автосемантическими отрезками речи, поскольку сочинитель-

ный союз сигнализирует о несамостоятельности следующего за ним предложения [6, с. 182–183]:

ROMNEY: «(П) *On day one, I will label China a currency manipulator, (C₁=П₁) which will allow me as president to be able to put in place, if necessary, tariffs where I believe that they are taking unfair advantage of our manufacturers. (C₂) So we're going to make sure that people we trade with around the world play by the rules» [7].*

Цепь ПСО состоит из 3 шагов (П→C₁=П₁→C₂), реализованных двумя предложениями: П – придаточная часть сложного предложения, C₁=П₁ – придаточная часть сложного предложения, C₂ – 1 предложение. Потенциально сочиненные предложения реализуют шаги 2 и 3. Фрагменты каузальной цепи соединены с помощью следственного союза *so*.

3. Каузальное асиндетичное присоединение, в котором причина и следствие соединены без использования союзов. ПСО, связывающие смежные предложения, не выражены эксплицитно, однако легко восстанавливаются при трансформации объединения с участием подчинительных союзов со следственной семантикой [4, с. 16]:

BIDEN: «(C₁=П₁) *He's been totally irresponsible the way in which he has handled the social distancing and people wearing masks, (П) basically encouraged them not to. (C₂) He's a fool on this» [7].*

Здесь каузальное асиндетичное присоединение представлено на третьем шаге данной трехкомпонентной каузальной цепи (П→C₁=П₁→C₂), выраженной двумя предложениями. Каузальное асиндетичное присоединение реализует C₂. Компонентный состав каузальной цепи не соответствует делению высказывания на предложения: П – часть сложного предложения, C₁=П₁ – часть сложного предложения, C₂ – 1 предложение.

IV. Эллипсис

1. Предложения-эмфатизаторы характеризуются элиминацией строевых элементов с целью эмфатизации их семантики [5, с. 134]:

BIDEN: «(П) *These 500 plus kids came with parents. They separated them at the border (C₁=П₁ to make it a disincentive to come to begin with. (C₂) Big, real tough, we're really strong» [7].*

Данное каузальное высказывание состоит из трех предложений, реализующих трехкомпонентную каузальную цепь (П→C₁=П₁→C₂), что указывает на отсутствие корреляции между типом цепи и языковой моделью: П – 1 предложение и часть осложненного предложения, C₁=П₁ – 1 предложение и часть осложненного предложения, C₂ – 1 предложение. Эмфатизирующий эллипсис представлен на третьем шаге, реализующем C₂.

Заключение

Перечень синсемантических конструкций, репрезентирующих каузальную цепь П→C₁=П₁→C₂ в американских предвыборных теледебатах, включает: полный повтор предложений, смешанный фокусирующий повтор, предваряющий ориентир, антиципационная конструкция, вопросно-ответная конструкция, изолированное придаточное предложение, потенциально-сочиненные предложения, каузальное асиндетичное присоединение, предложения-эмфатизаторы. Допускаются любые варианты членения каузального высказывания на синсемантические предложения. Следовательно, количество предложений не является релевантным признаком для определения модификации базового каузального суждения. Выявление четкой языковой модели также не представляется возможным.

Порядок появления элементов каузальной цепи произволен. Объем каузального высказывания и количество шагов в каузальной цепи не лимитированы.

Литература

1. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: учеб. 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2004. – 239 с.
2. Бутенко Т.А. Каузально-синсемантические конструкции в американском политическом дискурсе (на материале предвыборных теледебатов): дисс. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2024. – 362 с.
3. Бутенко Т. А., Синеокова Т.Н. Некоторые особенности реализации причинно-следственных отношений в политической речи (на материале американских предвыборных теледебатов) // Актуальные проблемы филологии и педагогической деятельности: Ежеквартальный научный журнал. – Владикавказ, 2015. – Вып. 1 (17). – С. 7–15.
4. Бутенко Т.А. Особенности синсемантических конструкций, реализующих линейную каузальную связь «Причина-следствие» // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2015. – Вып. 10. – С. 12–18.
5. Синеокова Т.Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса: монография. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2003. – 244 с.
6. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985. – 210 с.
7. Debate Transcript // URL: <http://www.debates.org/> (дата обращения: 20.04.2025)

SYNTACTIC FEATURES OF THE REALIZATION OF THE CAUSAL CHAIN “ONE CAUSE CAUSES AN EFFECT, WHICH BECOMES A CAUSE FOR ANOTHER EFFECT” IN AMERICAN POLITICAL TV DEBATES

Butenko T.A., Lukashenka E.S., Smirnova I.Yu.

Nizhny Novgorod State Linguistics University Named after N.A. Dobrolubov

The object of study is a linear causal chain «One reason (R) produces one consequence (C), which becomes the cause for another C ($R_1 \rightarrow C_1 = R_2 \rightarrow C_2$). The object of research is synsemantic transformations of nuclear causal proposition, representing the linear chain $R_1 \rightarrow C_1 = R_2 \rightarrow C_2$. Despite the large number of studies devoted to causal relations, there is no correlation classification of the types of causal chains and their synsemantic representatives, which makes this study novel. The aim of the study is to identify the synsemantic exponents of the causal chain $R_1 \rightarrow C_1 = R_2 \rightarrow C_2$ and modification

of the autosemantic nuclear causal proposition. The material was based on the causal synsemantic statements of the candidates for the position of US president and vice president [7]. The theoretical and methodological basis are the theory of colloquial syntax by Y.M. Skrebnev [6], the theory of emotional syntax by T.N. Sineokova [5], the theory of paradigmatic syntax by M.I. Bloch [1]. The methods of investigation include constitution and categorical analysis of the causal synsemantic structures. The database was managed with the Microsoft access application. As a result, the synsemantic representations of the causal chain $R_1 \rightarrow C_1 = R_2 \rightarrow C_2$ were identified, namely focusing repetition (full repetition of sentences, mixed repetition), preceding orientation, anticipative decoding structure, question-and-answer structure, an isolated subordinate clause, potentially-composed sentences, causal asyndetic joining, and emphatic elliptical sentences. An analysis of the empirical database showed that a specific model for constructing causal utterances, expressing the type of causal relations in question, is lacking. The component composition of the chain and the division of the sentence into synsemantic segments are arbitrary. A strict correlation between the type of causal chain and the modification of the basic causal judgment has not been established. The results obtained can be used to construct a correlation classification of extralinguistic features of causal relations and their synsemantic representatives, as well as for further investigation of extralinguistic and linguistic properties of causal relations.

Keywords: the English language, syntax, causal relations, cause-effect relations, political discourse, synsemanticism, repetitions, deciphering constructions, isolated construction, ellipsis.

References

1. Blokh M. Ya. Theoretical Foundations of Grammar: textbook. 4th ed., corrected. – M.: Higher. school, 2004. – 239 p.
2. Butenko T.A. Causal-synsemantic constructions in American political discourse (based on pre-election television debates): diss. ... Cand. Philological sciences. – Nizhny Novgorod, 2024. – 362 p.
3. Butenko T. A., Sineokova T.N. Some features of the implementation of cause-and-effect relations in political speech (based on American pre-election television debates) // Actual problems of philology and pedagogical activity: Quarterly scientific journal. – Vladikavkaz, 2015. – Issue. 1 (17). – P. 7–15.
4. Butenko T.A. Features of synsemantic constructions implementing the linear causal connection “Cause-effect” // Theoretical and applied aspects of the study of speech activity. – N. Novgorod: FGBOU HPE “NGLU”, 2015. – Issue. 10. – P. 12–18.
5. Sineokova T.N. Paradigmatics of emotional syntax: monograph. – N. Novgorod: Publishing house of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2003. – 244 p.
6. Skrebnev Yu.M. Introduction to colloquialisms. – Saratov: Publishing house of Saratov University, 1985. – 210 p.
7. Debate Transcript // URL: <http://www.debates.org/> (accessed: 20.04.2025)

Социокультурные особенности становления строительного образования в Москве в XVII – первой половине XIX вв.

Посвятенко Юлия Викторовна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и технологий, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ)
E-mail: Posviat@mail.ru

В статье анализируются факты, связанные с условиями появления инженерно-строительного обучения и образования в Москве. Прослеживается организация строительного обучения и образования в период с XVII до середины XIX вв. Подчеркивается связь складывающейся системы образования с социокультурными изменениями, связанными с научно-техническим прогрессом, решением проблем обороноспособности страны, государственными концепциями модернизации. Показана и зависимость обучения от масштабов финансирования и поставленных заказчиками задач, влияния европейского опыта и деятельности архитекторов, в обязанности которых входила подготовка помощников. Рассмотрены предшественники первого профессионального учебного заведения, занимавшегося архитектурно-строительным образованием.

Ключевые слова: инженер, архитектор, гезель, муроль, строитель, Д.В. Ухтомский, В.И. Баженов, М.Ф. Казаков, Московское Дворцовое архитектурное училище.

Введение

Рассматривая исторические аспекты становления строительного образования, мы сталкиваемся с тем, что в России на протяжении долгого времени специализированные учебные заведения такого типа практически отсутствовали. Вместе с тем, архитектурное образование развивалось с XVIII в. Но здесь следует отметить, что вплоть до конца XIX-начала XX вв. привычные современному человеку дефиниции «архитектор» и «строитель» практически четко не разделялись, а все выпускники зарождающихся, прежде всего, в столице учреждений с присвоенным званием архитектор, гражданский инженер, инженер-строитель обучались проектированию, изучали особенности строительных материалов, составлению смет, начертательной геометрии и геодезии, их обучение было плотно связано с организацией различных строительных работ и контролем за ними и другими практическими аспектами строительной деятельности. С одной стороны, это было связано с этимологией терминов, которая определяет архитектора как главного строителя (с греч. ἀρχιτέκτων –; ρχη – главный, τέκτων – строитель; лат. architector), с другой – с постепенным усложнением архитектурно-строительной деятельности. Дискуссиям о разграничении архитектурной и инженерно-строительной составляющих данной деятельности, которые активно шли на рубеже XIX–XX вв. не только в России, но и в других европейских странах посвящен исследование [1].

На существование данной проблемы повлияли достижения научно-технического прогресса в области огнестрельного оружия, строительных технологий и материалов, которые постепенно повысили роль инженерной составляющей в подготовке архитекторов (при сохранении высокой роли художественной). Не менее важными были процессы постепенного перехода к фабричному производству, расширения типового строительства, индустриализации, урбанизации, стремительного увеличения масштабов архитектурно-строительной деятельности. К тому же, развитие железнодорожного строительства (в России с 1837 г.), с его потребностью в возведении не только зданий вокзалов, но и дорог с мостами все больше способствовало усилению специализации и появлению гражданских инженеров, занимающихся решением утилитарных задач в области строительства, основанных на более глубоких инженерных знаниях. Немалую роль в существовании неоднозначной трактовки указанных дефиниций в истории России играли и различные статусы школ, училищ, вузов, академий, время их возникновения и программы обучения, традиции присваемого выпускникам статуса, разнообразие меняющихся правовых норм, регулирующих не только образовательные традиции, но и численность и наименования архитектурно-строительных должностей в разные времена. Поэтому, характеризуя строительное образование до XX в., необходимо понимать, что оно еще было неразрывно связано с архитектурным, но являлось его неотъемлемой частью.

Данные о развитии строительного дела в отдельные исторические эпохи представлены работами ряда иссле-

дователей, а также материалами «Словаря архитекторов и мастеров строительного дела Москвы», в котором собраны интересные факты об деятельности мастеров и их ученичестве [2]. Различные аспекты подготовки инженеров-фортификаторов и история инженерного образования в Москве затрагиваются в статьях Бенда В.Н. [3], сравнение исторических этапов и особенностей развития инженерно-строительного образования в разных странах рассматривает Шаламова Е.А. [4]. Истории архитектурного образования в Москве посвящены работы Ивановой-Вэен Л.И., Бориса Д.Г., Залеснова В.Г. и др., акцентирующие внимание на архитектурно-художественной составляющей подготовки выпускников [5]. Анализ развития строительного образования в Москве посвящен ряд работ, как правило, рассматривающий его сквозь призму изучения истории конкретных вузов и их предшественников [6]. Кроме того, сведения о существовавших образовательных институциях имеются в исследованиях, связанных с рассмотрением деятельности выдающихся архитекторов, а также сохранившихся нормативных актах, регулирующих их деятельность. Вместе с тем, данные о развитии инженерно-строительного образования в Москве не получили обобщенного отражения в научной литературе и нуждаются в дальнейшем изучении.

Результаты и обсуждения

Вплоть до начала XX в. мы можем рассматривать как общую историю архитектурно-строительного образования, в ходе которого постепенно в деле строительства сложилась своеобразная иерархия, начинающаяся с заказчика объекта-сооружения, в качестве которого часто выступало государство или частные лица, которые одобряли проекты. Сами зодчие-архитекторы занимали следующую позицию, при этом они в разные времена разными путями могли получить свой статус (зодчего, архитектора или гражданского инженера, инженера-строителя), позволивший занять высшие профессиональные позиции в данной сфере. Следующий уровень строителей, относился к их среднему звену и составляли их главные помощники (гезели) или техники по постоянному руководству работами на строительной площадке. Последние позиции занимали мастера и десятники, которые были практическими исполнителями разнообразных работ, возглавляя группы рабочих.

Долгий период, в Европе и в России при отсутствии специальных учебных заведений, существовали традиции обучения мастерству строителя. В исследованиях упоминается, что в Средневековье на Руси строительство городских укреплений осуществлялось из дерева с помощью дружинников князя, а позже – артелями во главе с мастерами-зодчими [5]. Развитие каменного строительства в этот период было связано с византийским влиянием и мастерами, которые передали свои знания и умения местным умельцам. В западноевропейской истории развитие обучения строительному искусству развивалось сходно, но в рамках сформировавшихся правил цеховых организаций со свойственным романской культуре нормативным закреплением их в уставах.

В русской истории известны княжеские, монастырские, епископские артели, которые действовали на основе полученных указаний по возведению технически сложных, деревянных или каменных объектов, будь то княжеский дом с дворцовыми постройками, храм или крепость и т.п. Внутри таких артелей знания и умения передавались в процессе производства работ из поколения в поколение, а также через ученичество, родственные связи членов артели. Об этом свидетельствуют ука-

зания на отцов и детей, братьев в немногочисленных сохранившихся документах, а также характерные элементы построек, несущие на себе отчетливый «почерк» команды зодчего, применяемый в конструкциях и декоре. Исследователи отмечают, что уже на ранних этапах среди артелей появляется специализация: городники, кирпичники, мостники, подвязчики лесов, порочные мастера по устройству разных приспособлений и т.д. [7].

По мере усложнения задач строительства, развитии техники и технологий возникали потребности и в новых знаниях, большем числе подготовленных работников. Возникающие затруднения разрешались приглашением зодчих и их артелей из других регионов или даже стран. Иностранные специалисты, приглашаемые в Москву с XV в. для каменного строительства, именовались по-разному: каменных, палатных, стенных дел мастера или муроли [8, 255]. Хорошо известны факты, связанные с посольством Юрия Траханиотова в европейские страны с заданием московского князя искать не только союзников в борьбе против Польши и Литвы, но и людей, умеющих строить каменные палаты, а также приглашением итальянских мастеров-инженеров из-за рубежа для возведения построек Московского Кремля и Китай-городской стены в XV–XVI вв. [9]. При Иване IV в летописях упоминается «немчин розмысл» – иностранный строитель, участвовавший при осаде Казани [8, 258]. В процессе совместной работы происходил обмен мастерством, появлялась возможность для совершенствования строительного искусства и обучения артельщиков.

В условиях централизации государства и расширения потребностей в возведении различных объектов в Москве с конца XVI в. (1580-е гг.) был создан Приказ Каменных дел (ПКД), ведавший всеми масштабными постройками и организацией контроля над этими работами по всей стране. Расширение каменного строительства, расширение подрядов способствовало росту числа артельщиков и росту спроса на организаторов работ-каменных дел подрядчиков или «дозорщиков»-посредников между заказчиками и производителями работ, контролеров, закупщиков материалов и т.п. В качестве таковых выступали разные люди, даже не руководящие артелями строителей, скорее доверенные лица заказчиков. В XVII в. практиковались подрядные работы, получаемые уже «записными государевыми мастерами» с братьями, детьми и племянниками со всех дворцовых территорий. Опора на записных мастеров демонстрирует нам роль родственных отношений в обучении строительному мастерству. При этом повышался статус ряда государевых строителей, так, по одним сведениям, каменщики и кирпичники [10], а по другим-все рабочие строительных специальностей [2, 672] освобождались от тягла, получали право на мелкую торговлю, варение пива для своего обихода, подсудность ПКД, но выполняли работы в строительные сезоны по всей стране [11].

Смутное время заметно повлияло на развитие архитектурно-строительной деятельности. Усилилось влияние на получение знаний традиций, пришедших с западных территорий, сначала, например, через приезжих известных мастеров Мещанской слободы Петра Заборского, Степана Полубеса и Ивана Зарудного, а также «командировку» живописца Карпа Золотарева в малороссийские города за чертежами церковными в 1681 г. Влияние шло и через постройки и обитателей Немецкой слободы, которые оказали неизгладимое впечатление на молодого царя Петра I [2, 191, 676].

Новое время внесло ряд существенных изменений в требования к подготовке строителей и самому строительству во всех странах Европы. Они были связаны с масштабными войнами, миграциями, бурным развити-

ем торговых отношений, ростом городов, увеличением численности населения и секуляризацией культуры. Постепенно сформировалось понятие «инженер» (в России их называли «розмыслы»), понимаемое как военный специалист по фортификации, а также гражданский инженер-архитектор, инженер-строитель, специализирующихся на постройке мостов и дорог, других утилитарных объектов.

Новые тенденции в практике обучения стали появляться в конце XVII в., например, в связи с указом Петра 22.11.1696 г. об отправке молодежи в заграничные страны для обучения всяким наукам, в том числе инженерным, связанным с фортификацией. С этого времени активнее чем прежде привлекались иностранные мастера, называемые архитекторами. При Петре I ПКД будет преобразован в подразделение Приказа Большого Дворца, ведавшего царскими землями. При нем же начнется бурное развитие и децентрализация строительной деятельности, появление *штатных должностей архитекторов и гезелей*, требующих наличия разного уровня образования или итогов комиссионного решения об уровне подготовленности.

При Московской полицмейстерской канцелярии, ведавшей строительством, в штате были созданы *архитекторские команды* (по аналогии было и при других ведомствах в разные периоды), в которых проходили обучение как ученики, так и совершенствовали свои умения и знания гезели [2, 682]. «Архитекторская команда» в Москве будет своеобразной школой строительного образования на практике на протяжении долгого времени. Показательным примером такого сотрудничества может служить Меньшикова башня (церковь архангела Гавриила на Чистых прудах, 1707), которую, как известно, поручено было строить команде архитектора И.П. Зарудного при участии приглашенных иностранных «архитектонских начальников»: Д. Трезини, Ф. Фонтана, Г. Пандо и Б. Скала, а также артельщиков из ярославских и костромских земель [12]. Таким образом, организация обучения строительному искусству на артельных началах, непосредственно на объекте безраздельно доминировала в России вплоть до XVIII вв., а позже в Москве ее дополняют архитектурные команды во главе с мастером (архитектором).

Петровское время стало важным рубежом в институциональном развитии инженерного образования. Помимо отправки молодых дворян за границу на обучение, в том числе, и архитектурно-строительным искусствам, и фортификации, Петр I, начав Северную войну, осознал необходимость и теоретической подготовки инженерных кадров в России. Царь организовал в Москве в 1701 г. Школу математических и навигацких наук Пушкарского приказа, которую со временем расположил в Сухаревой башне. Были приглашены иностранные специалисты, закуплена литература, инструменты. Немаловажную роль в этот период сыграли, к примеру, Патрик Леопольд Гордон, известный как военный инженер, который не только знакомил Петра с книгами своей библиотеки, но и выписывал их для Школы из-за границы.

Среди изучаемых в течение 2 лет наук были инженерные, в том числе, геодезия, фортификационное искусство, напрямую связанное со строительством укреплений, переправ и других технически сложных объектов: «...Инженеры зело потребны суть при атаке или обороне, какова места... Дело инженерам есть при строении городов и осадах, чинить подкопы, вести сапы, и во время нужды с прочими подкопщиками путь и мост армейскому ходу починивать...» [13].

Предшествующая эпоха уже способствовала появлению небольшого числа молодежи, обладающих началь-

ным уровнем образования из среды дворян, посадских людей и семей разного рода строителей. Однако их было мало, поэтому для расширения контингента учащихся она имела два отделения, первое из которых готовило учеников к восприятию более сложного материала и давала общее образование. Уже в 1702 г. царь стремился усилить инженерную подготовку и увеличил не только время на изучение этих наук, но и численность учащихся в 4 раза. Принимали в нее детей 12–17 лет «дворянских, дьячих, подьячих, из домов боярских и других чинов», а потом двадцатилетних, в результате к 1711 г. в ней насчитывалось около 500 учеников, часть из которых получала «кормовые деньги» от государства. Среди учителей, кроме иностранцев (А. Фарварсон, Р. Грейс, Ст. Грин), были и выдающиеся отечественные деятели, например, автор оригинального учебника математики—««Арифметика, сиречь наука числительная» Л.Ф. Магницкий и другие энтузиасты образования из окружения Петра. При этом длительность образования не ограничивалась, много времени занимали практические работы, т.к. в ходе них и были видны успехи обучающихся [14].

Выпускников Школы Петр велел отправлять в команды действующих архитекторов в качестве помощников для продолжения обучения. В командах архитекторам предписывалось проводить обучение арифметике, черчению, рисованию и другим наукам, а также практическим навыкам как архитектурного, так и строительного характера: по обмеру зданий, составлению смет, ремонту и строительству зданий.

Наряду с Школой при Петре еще с 1709 г. при Приказе Артиллерии существовала инженерная школа с 70 учащихся в 1711 г. Ученики ее, как и математической Школы, привлекались под руководством специалистов фортификации к проведению инструментальной съемке местности, расчетам, и всякого рода работ по инженерному обеспечению обороны Москвы от возможного нападения армии Карла XII в условиях Северной войны. Часть обучающихся была направлена к полковнику инженеру П.С. Лямкину для обучения долговременной фортификации, которую не преподавали в ней. На основе опыта этой подготовки инженеров для армии и практики обучения учеников Лямкина будет создана новая школа.

По указу царя с 24 января 1712 г. и решения Сената в Москве сформируется инженерная Артиллерийская школа (1712–1759) с программой обучения и постоянным бюджетом, нацеленная на общую подготовку и специалистов по фортификации при Военной канцелярии. Первоначально в нее были присланы и бывшие ученики математической Школы и «цесарской школы» по обучению немецкому языку. Действовала она на артиллерийском дворе близ Сухаревой башни. Численность обучающихся в ближайшие годы была доведена до 100 человек, набираемая первоначально на 2/3 из детей дворянских. Но уже в ближайшие годы из-за снижения численного состава обучающихся царский указ разрешил принимать в нее людей всяких чинов. В школе было три отделения с учебными программами: арифметики, геометрии и тригонометрии и фортификации. Ученики в зависимости от отделения, получали деньги на прокорм, выделяемые Военной канцелярией. Преподавали в школе иностранцы [3]. Однако в итоге инженерная школа не сыграла большой роли в развитии строительного образования в Москве так как была нацелена больше на задачи артиллерийского ведомства, потребности которого после окончания Северной войны сократились, хотя выпускники ее служили на разных должностях в армии и были связаны со сферой строительства. В 1759 г. она будет объединена со столичной

артиллерийской школой и прекратит свое существование в Москве [15].

При Петре I постепенно сложилась своеобразная профессиональная иерархия в архитектурно-строительном деле, с соответствующими должностями на государственной службе, в которой высшую позицию занимал сам архитектор, ниже стояли его помощники (подмастерья или гезели), которых архитектору надлежало учить, далее шли ученики, состоящие в этой же команде и работающие совместно. Представители рабочих специальностей, представленные государевыми мастерами, а также иные артельщики находились на более низких позициях. При этом само понятие «архитектор» первоначально в XVIII в. применяемое преимущественно к приглашенным иностранным специалистам, позже применялось и к тем россиянам, кто получил зарубежное образование в этой сфере. Посланные в Голландию выпускники Школы – И.К. Коробов, И.А. Мордвинов и другие вернувшиеся ученики получали знания с упором на устройство фундаментов и шлюзов, экзаменовались комиссионно и производились в звания гезеля или архитектора в зависимости от решения комиссии. Но некоторые не доучивались, тем не менее устраивались на работы и без звания [16].

Указ 1714 г. о запрете каменного строения во всем государстве, привел к тому, что все, кто был связан со строительством должны были трудиться над сооружением зданий в новой столице. Не случайно Петр перевел в 1715 г. второе отделение Школы со всеми учениками в Санкт-Петербург. Столичные учебные заведения отныне будут развиваться на основе постоянного влияния актуального западноевропейского опыта и на них будут ориентироваться архитекторы, соотносить и подтверждать свой статус и получать назначения на должности, в том числе, выпускники учебных заведений [5]. В Москве же для обучения архитектурно-строительному искусству останутся архитектурные команды, государственные мастера и традиционные артели, сохранявшие свое значение вплоть до XX в.

Дальнейшее развитие московского архитектурно-строительного обучения будет связано с именем выпускника 1733 г. столичной петровской Школы Д.В. Ухтомского, которого направили в Москву в архитектурную команду И. Мичурину (ученик Н. Микетти, автор плана Москвы 1739 г.), а позже – И.К. Коробову, прошедших подготовку в Голландии. В этот период в Москве случился большой разрушительный пожар 1737 г., который создал спрос на реставрацию и строительство зданий и подготовку новых учеников. Поэтому неудивительно, что в эпоху Елизаветы Петровны с 1744 г. Дмитрий Васильевич Ухтомский, еще будучи учеником И.К. Коробова получил своих учеников, а позже уже сам возглавил одну из таких команд. В 1745 г. по статусу он стал фактически главным архитектором Москвы, сменив умершего начальника Московской полицмейстерской канцелярии И. Бланка (получил «в наследство» 9 учеников). В 1748 г. в его команде обучалось 11 учеников. Действуя в своей должности Д.В. Ухтомский организовал школу, по поводу которой Сенатом был издан известный указ 19 октября 1749 г., повелевавший выделить команде помещение в палатах XVII в. на Охотном ряду (на месте нынешней гостиницы «Москва», не сохранились), материалы и инструменты для осуществления обучения. Именно эту дату принято считать началом архитектурного образования в России.

В отличие от существовавших ранее команд архитекторов, в школе проводились ежедневные утренние занятия, преподавались науки с учетом современных достижений европейских стран, была библиотека пре-

имущественно на иностранных языках, собрание чертежей и увражей с иллюстрациями, макетов, здесь же проводились экзамены. Но, практические работы, связанные со службой Ухтомского и прикреплением учеников к какой-либо стройке, оставались, как и прежде-первостепенными.

Школа Д.В. Ухтомского, формально организованная первоначально при Московской полицмейстерской канцелярии (ранее-полиция, позже-управа благочиния, отслеживала соблюдение правил «регулярности» застройки), а позже действовавшая при Сенатской конторе, просуществовала до 1764 г. Помогали архитектору в преподавании его опытные помощники – П.Р. Никитин и так называемые «архитектурные прапорщики» И. Парфентьев, А. Алапыкин, В. Яковлев, которые являлись успешными старшими учениками школы. Принимали в нее преимущественно детей дворян и людей, связанных с архитектурно-строительной деятельностью (братья И. и Н. Коробовы, И. и Н. Бартеневы, И. Мичурин, Б. Яковлев). Численность учеников определялась объемом выделяемых средств, однако, наличие «своєкоштных» учащихся позволяло расширить число обучаемых. Среди поступающих были разновозрастные люди с разным уровнем подготовки. В 1750 г. в школе состояли 25 учеников, 6 гезелей и 1 архитектор. К 1760 г. численность обучающихся достигла 80 человек. По мере совершенствования ученикам присваивались соответствующие звания и военные чины, выплачивалось вознаграждение. Первый профессиональный уровень отмечался чином прапорщика, более высокое звание «гезель» соответствовало рангу помощника архитектора и чину поручика, несоблюдение правил школы вело к штрафам и сложностям в получении чинов. Из среды талантливых учеников находили и тех, кто мог по представлению комиссии продолжить обучение в столичной Академии художеств (В.И. Баженов) и выполнять функции преподавателей (одним из них был М.Ф. Казаков и преподавал рисование) [17, 244–254]. После успешного окончания уже столичной Академии выпускники могли получить звание архитектора с правом проведения самостоятельных работ по постройке объектов.

Уход Д.В. Ухтомского от руководства школой в 1760 г. (из-за обвинений в растрате, которые позже судом были сняты) в сочетании со сменой заказчиков-императоров и планов по застройке Москвы, стали причинами ее угасания. Но процессы, связанные с развитием архитектурно-строительного образования, не будут стоять на месте.

В то же время, на фоне смены российских правителей, в Москве, куда на время с конца 1765 г. переехал весь двор, появляется новая архитектурная институция – Экспедиция кремлевского строения, учрежденная Екатериной II, для реконструкции Московского Кремля с главным архитектором В.И. Баженовым. Знания и опыт, полученные в Академии художеств и зарубежных поездках Баженовым во Францию и другие европейские страны (Рим, Флоренция, Болонья, 1760–1765), легли в основу подготовки архитекторов-строителей в Москве. Несмотря на то, что Василий Иванович руководил своей командой, располагавшейся в Потешном дворце Кремля недолго – с 1767 до 1775 г., т.к. планы Екатерины II по масштабному изменению облика Кремля на основе его проекта сменились, а ученики баженовской школы были переданы М.Ф. Казакову. Но некоторые ученики влились в его архитектурскую команду и были с ним позже при работе над экзотическими потешными крепостями на Ходынке в честь победы над Турцией, в Царицыно, а также весь период при выполнении частных заказов, поэтому активно впитывали ос-

новы архитектурно-строительной теории и практики [18]. В период до 1775 г. Василий Иванович организовал при Экспедиции чертежную с моделями, библиотеку и архив команды, включавшей казенных и своекоштных учеников. Помогал ему соратник по заграничной поездке Ф.В. Каржавин, преподававший историю архитектуры и «разсуждения математических и физических правил» и другие преподаватели. Переводились важные для образования учеников книги. Баженов отмечал, что «... до пятидесяти человек учил учеников без всякой корысти, из коих много таких, которые изрядными успехами оказались в службе... и получили равные со мною чины, а другие превзошли меня». Примерно половина выпускников получила чины архитекторских помощников и запомощников, а впоследствии архитекторов. Иерархия архитектурных чинов соответствовала военным чинам Табели о рангах. Первоначально ученики служили без чина, затем получали чин «архитектурии капралов и сержантов». Чин архитекторского помощника соответствовал младшему XIV классу Табели – чину прапорщика и означал завершение процесса ученичества [19]. Сам В.И. Баженов, будучи еще и вице-президентом столичной Академии художеств, как отмечают исследователи, предлагал внести существенные изменения в процесс образования по упорядочиванию учебного процесса, усилению теоретической подготовки, снабжения учеников книгами на русском языке и т. п. [20].

Как известно, освобождение дворян от обязательной службы с 1761 г. активизировало строительство. Екатерина II оценивала ситуацию так: «...страсть к строительству у нас сильна как никогда. Ни одно землетрясение еще не разрушило столько зданий, сколько у нас возводится: Строительство – просто дьявольщина; оно пожирает деньги, чем больше строишь, тем больше хочется; это прямо болезнь какая-то вроде пьянства или своего рода мания» [21].

Европейские новации эпохи Просвещения в благоустройстве городов и их архитектурном облике все больше проникали в Россию. Для регламентации этих процессов застройки в Москве Екатериной II был создан Каменный приказ (1775–1782) под руководством П.Н. Кожина с архитектурной командой и школой со старшим (главным) архитектором приказа Н.Н. Леграном (1775). Первоначально сам приказ разместился в Потешном дворце Кремля, позже – в здании купца Сверчкова (Сверчков переулоч, д. 8 стр.3) [22]. Обучающиеся в школе представляли разные слои населения, преимущественно разночинцев до 40 человек. Существовало два класса-подготовительный и архитектурный. От поступающих требовались таланты к рисованию и минимальная общеобразовательная подготовка, которую они могли получить при домашнем образовании либо в имевшихся заведениях. В школе изучали не только необходимые при строительстве ремесла, но и рисование с черчением, геометрию, тригонометрию, начальную архитектуру, географию, историю, русскую грамматику, Закон Божий, латинский и французский языки. Последний имел особое употребление при образовании того времени, т.к. литература, привозимая из-за рубежа, не часто переводилась. При наличии богатой библиотеки книг, уважей и пособий по архитектуре и связанным с ней наукам, школа давала большие возможности как ученикам, так и самим преподавателям-практикам.

Учеников школы привлекали к обмеру зданий и разных сооружений, составлению планов, различным работам на кирпичных заводах, находящихся в ведении приказа. На место исключенных за «неприлежность», «худые поступки» или «тупость в понятии» принимались новые [23]. В отличие от школы Ухтомского, архитектурно-

строительная школа Каменного приказа имела отдельное помещение, организационную структуру, программу обучения, плотный режим обучения и регулярное финансирование, что делало ее более высокоорганизованным учреждением. Учителями школы были архитекторы Н. Легран, Х. Розберг, А. Крылов, художник И. Мерцалов. Выпускники школы имели звание помощников архитектора, но, как отмечают исследователи пройти полный курс обучения почти никому не удалось из-за реорганизации и закрытия Каменного приказа в 1782 г. Но все же многие из тех, кто получал здесь знания были устроены на разные должности и в другие архитектурные команды [24].

В то же время, в 1786 г. архитектурная команда Баженова была передана М.Ф. Казакову (тоже ученику Д. Ухтомского), который еще с 1768 г. работал под руководством Баженова в Экспедиции, занимался созданием в Москве многих известных частных и публичных построек, о чем существует много исследований. На должности придворного архитектора, М.Ф. Казаков не только активно занимался архитектурной деятельностью (в этот период возводилось специальное здание для университета на Моховой), но руководил обучением своей команды, активно привлекая к практическим заданиям на строящихся объектах и наблюдениями за состоянием памятников архитектуры Москвы, прежде всего, Кремля. Ученики должны были следить за процессами, вовремя выявлять ошибки, ухудшение состояния памятников и сообщать о них, составляя рапорты.

Еще в 1782 г. Матвей Федорович стал владельцем усадьбы в Златоустинском переулочке (д.1/11.) и построил там не только дом для своей семьи, но и здание чертежной школы, в которой с помощниками обучал, в том числе, и своих троих сыновей. Возобновление работы архитектурной школы, которая ранее не была формально оформлена и финансируема государством, относится исследователями к 1786 г., когда к Казакову перешли не только некоторые баженовские, но и ученики из закрытой школы Каменного приказа. Сам архитектор руководил ей, вел занятия, привлекал своих помощников, активно принимал участие в ее работе и после своей отставки с должности (по болезни) с 1801 г. до 1806 г.

Исследователи отмечают, что М.Ф. Казаков предлагал открыть еще школу производителей строительных работ: «Назначаемым ученикам весьма способнее будет обучаться и заимствовать на первый случай от товарищества архитектурных помощников и учеников, имеющих в теории, а некоторые и в практике довольные знания» [25]. Борис А.Г. отмечал большое внимание М.Ф. Казакова к усвоению учениками строительного мастерства [26]. Он хотел создать «училище каменных, плотничьих и столярных мастеров из российского юношества». Кроме того, он обращал внимание на необходимость лучших знаний местных материалов и климата, которые плохо известны иностранным архитекторам, приглашаемым для выполнения заказов [27]. Это демонстрирует понимание Матвеем Федоровичем роли институционального развития среднего уровня строительного образования, которое исторически формировалось в артелях. Однако, это предложение не нашло поддержки.

При новом руководителе Экспедиции П.С. Валуеве, в 1801 г. школа М.Ф. Казакова станет базой для «Архитекторской школы Кремлевской экспедиции» расположившейся в здании Сената (арх. М.Ф. Казаков). С 1804 г. она будет преобразована в Кремлевское архитектурное училище, которое, как и раньше будет активно использовать отечественный и иностранный передовой опыт при обучении, так как было создано «...чтобы готовить архитекторов для казенной службы, совершенно

сведущих в теоретической и практической части архитектуры» [28].

После войны 1812 г. училище реорганизуют структурно и в нем будут организованы низшее архитектурное, а также высшее-чертежное отделение, в котором продолжалось обучение и на практике [29]. После пожара в Москве 1812 г. и организации «Комиссии для строений в Москве» (1813–1843), занимавшейся планами восстановления города и их реализацией, обучающиеся и выпускники училища были очень востребованы как на работах, связанных с деятельностью ведомства, так и у частных заказчиков. Они, как и прежде, получали звание помощника архитектора. Помимо Москвы училище готовило выпускников и для разных районов страны, а потому средства на его содержание складывались и из взносов, поступающих из региональных бюджетов.

После очередного преобразования училище стало именоваться Дворцовым архитектурным училищем (МДАУ). С 1831 г. в МДАУ было организовано уже 4 теоретических отделения и одно-практическое. После успешного окончания теоретического отделения, обучающиеся получали звание архитекторских помощников с правом на XIV чин по Табели о рангах при вступлении на государственную службу, а прочие, не выдержав испытаний, выпускались из училища без классного чина. Архитекторские помощники после строгого испытания переводились в практическое отделение и по Уставу училища 1831 г. могли «употребляться при производстве всех построений...» под руководством архитекторов: производить земельные съемки, нивелировку, принимать строительные материалы и заниматься сочинениями по заданным программам. Практическое отделение представляло из себя архитекторскую чертежную. По Уставу курс их учения должен был состоять из предметов, которые входят в состав полных сведений архитектора и каменных дел мастеров, для чего в училище имеются кабинеты моделей, материалов и инструментов, а также библиотека. Училище имело собственную «...Конференцию для испытаний», состоящую из 4 архитекторов и преподавателей разных наук. Выпускники МДАУ, получая по окончании полного курса аттестат архитектора, производились в течение всей их службы по выслуге лет в чины без особых экзаменов в университетах, предусмотренных для чиновников указом 1809 г. [28] Из материалов устава видно, что практическое отделение имело большое отношение к занятиям инженера-строителя на производстве.

В период с 1836 по 1842 гг. МДАУ возглавлял известный архитектор, обособывавший необходимость развития национальной русской архитектуры М.Д. Быковский. Со сменой руководства, появился и новый устав МДАУ. В 1842 г. при архитекторе Ф.Ф. Рихтере (с 1842–1865) увеличился срок учебы (6+2), а после учебы в практическом отделении, необходимо было проработать 4 года и только после успешного отчета и получения хороших рекомендаций присваивали звание архитектора с правом на свободную практику.

Таким образом, в условиях промышленного переворота, усиления строительной деятельности в городах, в том числе железнодорожного строительства, требования к обучающимся повысили, но и получаемое теперь звание архитектора демонстрировало повышение статуса учебного заведения, формально равного Санкт-Петербургской Академии художеств. В 1865 г. МДАУ было объединено с Училищем живописи и ваяния (с 1838 г. Мясницкая, д.21), организованным ранее в 1843 г. при Московском художественном обществе директором МДАУ, архитектором М.Д. Быковским.

Объединенное учебное заведение стало называться Училище живописи, ваяния и зодчества, сохранив возможность давать успешным выпускникам высокий статус [28]. Дальнейшее развитие этого Училища сыграет большую роль в подготовке архитектурно-строительных кадров.

Заключение

Таким образом, организация строительного обучения и образования с XVIII в. была связана с решением государственных идей модернизации и зависела в первую очередь от масштабов финансирования и поставленных задач, влияния европейского опыта и деятельности архитекторов, в обязанности которых входила подготовка помощников. Частное обучение строительному делу традиционно продолжало осуществляться внутри артелей в ходе совместных работ и в рассматриваемый период. Формирование в Москве учебных заведений зависело от задач, которые ставили руководители государства и чиновники разных ведомств перед архитекторами-должностными лицами государственных учреждений и финансировалось в основном из их бюджета. В результате с начала и до середины XIX в. в Москве существовало единственное профессиональное учебное заведение, занимавшееся архитектурно-строительным образованием, выпускавшее архитекторов и их помощников, обладающих одновременно и инженерными знаниями. Подготовка же других работников строительного дела, как и прежде, велась традиционными методами артелями, архитекторскими командами.

Литература

1. Богданова О.В. К семантике слова «архитектор»// Вестник ТГАСУ. –2008. – № 3. –С.23–34.; Волчок Ю.П. Архитектор и инженер: в поисках новых взаимоотношений//Известия КГАСУ. –2015. –№ 2(32). –С.29–40.
2. Бондаренко И.А. Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV — середины XVI-II века. –М., 2008.
3. Бенда В.Н. Создание и деятельность московской инженерной школы в начале XVIII в.//Вестник Санкт-Петербургского университета. –Сер.2. –2008. – Вып.2. –С.29–35.
4. Шаламова Е.А. Эволюция концепции инженерно-строительного образования в России в контексте международного исторического опыта// Вестник ПНИПУ. Строительство и архитектура. –Т. 7. –№ 3 (2016). –С. 66–77.
5. Залесов В.Г. Школы архитектурно-строительного образования в России во второй половине XVIII в.// Вестник ТГАСУ. –№ 4. –2009. – С. 9–17.
6. Московский государственный строительный университет: история и современность. К 80-летию МИСИ-МГСУ. –М., 2001.
7. Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. СПб., 1994. –С.109–135.
8. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1858. –Ч.1. – С. 255.
9. Правители России и развитие строительства. – М., 2012. –С.91.
10. Варенцова, Л.Ю. Пути минимизации риска по царским жалованным грамотам XVII века о городской повинности дворовых крестьян и посадских людей // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 126–129. – EDN YZORNJ.

11. Сперанский А.Н. Очерки истории Приказа каменных дел Московского государства. – М., 1930. – С. 48–52.
12. Памятники архитектуры Москвы. Белый город. – М., 1989. – С. 245–249.
13. Фабрициус И.А. Военно-инженерное ведомство в царствование императора Александра I. СПб., 1903. – С. 111.
14. Прудников В.Е. Русские педагоги математики XVIII–XIX вв. – М., 1956. – С. 15–18.
15. Бенда В.Н. Московская артиллерийская школа (1712–1759) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 110. – С. 7–15. – EDN KUICZT
16. Примером, по данным «Словаря...» может служить биография И.А. Молодцова, выходца из крестьян, который после окончания Школы с 1733 г. был в разных архитектурных командах, к 1748 г. был представлен на звание старшего ученика, но представление было отклонено Сенатской канторой, хотя он знал теорию, умел чертить планы и делать обмеры, но не владел практикой. – С. 414, 418–419.
17. Михайлов, А.И. Архитектор Д.В. Ухтомский и его школа. – М., 1951. Только в 1757 г. Казаков получил звание прапорщика архитектуры. О прапорщике А. Дашкове Ухтомский сообщал, что тот не был прилежен в учебе, на учебу не являлся, подавал ложные рапорты о возведении мостов, а потому не получил следующий чин.
18. Баженов Василий Иванович (1737–1799). Письма. Пояснения к проектам. Свидетельства современников. Биографические документы /Сост. Ю.Я. Герчук. – М., 2001. – С. 14–15, 22.
19. Андреева Л.В. Архитектурная команда В.И. Баженова// [https://tsaritsyno-museum.ru/the_museum/tsaritsynskaya-entsiklopediya/administrativnoe-ustrojstvo-i-uchrezhdeniya/\(дата обращения 24.03.2025\)](https://tsaritsyno-museum.ru/the_museum/tsaritsynskaya-entsiklopediya/administrativnoe-ustrojstvo-i-uchrezhdeniya/(дата обращения 24.03.2025))
20. Лисовский В.Г. Леонтий Бенуа и петербургская школа художников-архитекторов. – СПб., 2006. – С. 14.
21. Письма Екатерины II к Гримму. 23 августа 1779 г./ Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1878. – Т. 23. – С. 231.
22. Клименко Ю.Г. Творчество архитектора Николая Лёграна («Архитектор многих строений в Москве в лучших и почитаемых пропорциях разными Академиями») // Архитектурное наследие. М., 2001. – Вып. 44. – С. 147–160.
23. Будылина М.В. Архитектурное образование в Каменном приказе (1775–1782) // Архитектурное наследие. – № 15. – М., 1963. – С. 111–120.
24. Архитектурные школы Москвы. Сб. 2: Учителя и ученики. 1749–1918 / отв. ред. Л.И. Иванова-Везн. – М., 1999. – С. 20–22.
25. Дом, который хотел бы стать музеем/Archi.ru. URL: <https://archi.ru/press/russia/2940/dom-kotoryi-hotel-by-stat-muzeem> (дата обращения 10.02.2024)
26. Борис А.Г. Архитекторская школа М. Казакова при экспедиции Кремлевского строения: 1768–1803 // Архитектурные школы Москвы: Исторические данные. 1749–1995. – М., 1995. – Сб. 1. – С. 25–26.
27. Уханова П.С. Архитектурное наследие К.М. Быковского в Москве. – М., 2011. – С. 23.
28. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. второе. – Т. VI. – № 4956, 20 ноября 1831 г.
29. Залесов В.Г. Российское архитектурно-строительное образование в XIX-начале XX вв. // Вестник ТГАСУ. – № 2. – 2010. – С. 24–34.

SOCIOCULTURAL PECULIARITIES OF THE FORMATION OF CONSTRUCTION EDUCATION IN MOSCOW IN THE XVII-FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES

Posvyatenko Y.V.

National Research Moscow State Construction University

The article analyzes the facts related to the conditions of the emergence of engineering and construction training and education in Moscow. It traces the organization of construction training and education in the period from the 17th to the mid-19th centuries. It emphasizes the connection between the emerging education system and socio-cultural changes associated with scientific and technological progress, solving the problems of the country's defense capability, and state concepts of modernization. It also shows the dependence of training on the scale of funding and the tasks set by customers, the influence of European experience and the activities of architects whose responsibilities included training assistants. The predecessors of the first professional educational institution engaged in architectural and construction education are considered.

Keywords: engineer, architect, gesell, mural, builder, D.V. Ukhtomsky, V.I. Bazhenov, M.F. Kazakov, Moscow Palace Architectural School.

References

1. Bogdanova O.V. On the semantics of the word “architect”// Bulletin of TSUACE. – 2008. – № 3. – P. 23–34.; Volchok Yu.P. Architect and engineer: in search of new relationships// Bulletin of KSUACE. – 2015. – № 2(32). – P. 29–40.
2. Bondarenko I.A. Dictionary of architects and construction masters of Moscow from the 15th to the middle of the 18th century. – М., 2008.
3. Benda V.N. Creation and activities of the Moscow engineering school at the beginning of the 18th century// Bulletin of St. Petersburg University. – Ser. 2. – 2008. – Issue. 2. – P. 29–40.
4. Shalamova E.A. Evolution of the concept of civil engineering education in Russia in the context of international historical experience// Bulletin of PNRPU. Construction and architecture. – V. 7. – № 3 (2016). – P. 66–77.
5. Zalesov V.G. Schools of architectural and civil engineering education in Russia in the second half of the 18th century// Bulletin of TGASU. – № 4. – 2009. – P. 9–17.
6. Moscow State University of Civil Engineering: history and modernity. On the 80th anniversary of MISI-MGSU. – М., 2001.
7. Rappoport P.A. Construction production of Ancient Rus' in the 10th-13th centuries. SPb., 1994. – P. 109–135.
8. Laskovsky F. Materials for the history of engineering art in Russia. SPb., 1858. – Part 1. – P. 255.
9. Rulers of Russia and the development of construction. – М., 2012. – P. 91.
10. Varentsova, L. Yu. Ways to minimize the risk under the royal charters of the 17th century on the city duty of palace peasants and townspeople // Legal technique. – 2019. – No. 13. – P. 126–129. – EDN YZORNJ.
11. Speransky A.N. Essays on the history of the Order of Stone Affairs of the Moscow State. – М., 1930. – P. 48–52.
12. Architectural monuments of Moscow. White City. – М., 1989. – P. 245–249.
13. Fabricius I.A. Military Engineering Department during the reign of Emperor Alexander I. St. Petersburg, 1903. – P. 111.
14. Prudnikov V.E. Russian Mathematics Teachers of the 18th-19th Centuries. – Moscow, 1956. – P. 15–18.
15. Benda V.N. Moscow Artillery School (1712–1759) // Bulletin of the A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia. – 2009. – No. 110. – P. 7–15. – EDN KUICZT
16. An example, according to the “Dictionary...” is the biography of I.A. Molodtsov, who came from peasant stock and after graduating from the School in 1733 was in various architectural teams, was nominated for the rank of senior student by 1748, but the nomination was rejected by the Senate Office, although he knew the theory, could draw plans and take measurements, but did not have practical experience. – P. 414, 418–419.
17. Mikhailov, A.I. Architect D.V. Ukhtomsky and his school. – М., 1951. Only in 1757 did Kazakov receive the rank of ensign of architecture. Ukhtomsky reported about ensign A. Dashkov that

- he was not diligent in his studies, did not show up for classes, submitted false reports on the construction of bridges, and therefore did not receive the next rank.
18. Bazhenov Vasily Ivanovich (1737–1799). Letters. Explanations of the projects. Testimonies of contemporaries. Biographical documents / Comp. Yu.Ya. Gerchuk. – M., 2001. – P. 14–15, 22.
 19. Andreeva L.V. Architectural team of V.I. Bazhenov// https://tsaritsyno-museum.ru/the_museum/tsaritsynskaya-entsiklopediya/administrativnoe-ustroystvo-i-uchrezhdeniya/ (date of access 03/24/2025)
 20. Lisovsky V.G. Leonty Benois and the St. Petersburg school of artist-architects. – St. Petersburg, 2006. – P. 14.
 21. Letters of Catherine II to Grimm. 23 August 23, 1779 / Collection of the Imperial Russian Historical Society. – SPb., 1878. –Vol. 23. –P. 231.
 22. Klimenko Yu.G. The Work of the Architect Nicolas Legrand ("The Architect of Many Buildings in Moscow in the Best and Revered Proportions by Different Academies") // Architectural Heritage. M., 2001. – Issue. 44. –P. 147–160.
 23. Budylnina M.V. Architectural Education in the Stone Order (1775–1782) // Architectural Heritage. – No. 15. – M., 1963. – P. 111–120.
 24. Architectural Schools of Moscow. Collection 2: Teachers and Students. 1749–1918 / ed. L.I. Ivanova-Veen. – M., 1999. – P. 20–22.
 25. The House That Would Like to Become a Museum/Archi.ru. URL: <https://archi.ru/press/russia/2940/dom-kotoryi-hotel-by-stat-muzeem> (date of access 10.02.2024)
 26. Boris A.G. Architectural School of M. Kazakov during the Expedition of the Kremlin Building: 1768–1803 // Architectural Schools of Moscow: Historical Data. 1749–1995. – M., 1995. – Collection 1. – P. 25–26.
 27. Ukhanova P.S. Architectural Heritage of K.M. Bykovsky in Moscow. – M., 2011. –P.23.
 28. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. second. –V. VI. – No. 4956, November 20, 1831
 29. Zalesov V.G. Russian architectural and construction education in the 19th – early 20th centuries//TSUACE Bulletin. –No. 2. –2010. –P. 24–34.

Традиционные ценности как вызов аксиополитической монополии «Западного универсализма»

Садовников Никита Алексеевич,

аспирант Санкт-Петербургского государственного университета

Активный курс на сохранение традиционных ценностей в современном российском обществе, предзнаменованный многократными ссылками на нормативные документы, их настойчивая пропаганда в медиапространстве, проникающая во все сферы общественной жизни при достаточно неоднородном понимании этого явления среди народных масс, его различное восприятие со стороны политического истеблишмента и населения, не имеющего прямого доступа к принятию политических решений, говорит не столько об «институционализации» воззрений народного большинства и закреплении на государственном уровне «аксиополитического портрета» для решения конкретных геополитических задач России, сколько об инструментальной его функции. В данной работе автор рассмотрит декларативное традиционных ценностей в качестве аксиополитического инструмента внешней политики и вынужденного маркера политической социализации, постепенно складывающегося политического конструкта, направленного на достижение определённых целей на международной арене.

Ключевые слова: традиционные ценности, аксиополитика, симулякр, духовно-нравственные ценности, политическая социализация, аксиополитическая монополия.

Спустя более чем полгода после начала Специальной Военной Операции (далее по тексту – СВО) фактически десятилетнее присутствие повестки традиционных ценностей в отечественном политическом дискурсе пришло к логическому завершению сначала на внутри-, а затем и на внешнеполитическом уровне. Программные документы в виде Указа Президента РФ № 209 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ № 209) от 9 ноября 2022 [10] года и в значительной мере дублировавшая его Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждённая 31 марта 2023 года, соответственно выделяют в качестве означенной аксиополитической основы *патриотизм, гражданственность, коллективизм, служение отечеству и ответственность за его судьбу, приоритет духовного над материальным, крепкую семью и созидательный труд* [9, с. 2]. Это был финальный акт закрепления «традиционалистского вектора» в российском политическом поле. Крепкое основание «аксиополитического портрета» современной России было заложено и принятой Конституцией, а точнее её статьёй 114, согласно которой *сохранение традиционных семейных ценностей* напрямую подчёркивалось одной из задач Правительства Российской Федерации [8]. В свою очередь, сами ценности, как наполнение и Указа, и Концепции 2022 года, появлялись в инфополе ещё в 2016 году в предыдущей Концепции внешней политики, подчёркнувшей истоки аксиополитического противостояния России и «Коллективного Запада», в которой различные векторы ценностей и смыслов, сопровождающие соперничество между государствами на мировой арене *приобретали цивилизационный характер* и форму *соперничества ценностных ориентиров*, как и губительность навязывания собственного аксиополитического видения мира, ведущего к конфликтам [18, с. 4], впоследствии вылившихся в открытое противостояние, и, таким образом, выражая претензии на базовую неискоренимость противостояния двух аксиополитических концепций. В свою очередь, сам «традиционалистский» дискурс являлся продолжением возникшего в 2012 в одной из программных статей В. Путина году ещё в пока ещё лейтмотива сохранения традиционных ценностей, впоследствии нашедшего отклик в двух Посланиях Федеральному Собранию от 2013 и 2014 годов, содержащих пока тогда ещё лишь только общие фразы о значимости традиционных ценностей [12] и их защите от «разрушения сверху» через пересмотр моральных норм [13], появившийся в последний день 2015 года Указ Президента Российской Федерации № 683 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, ставящий целью их развитие и сохранение [17]. Наконец, СВО стала «катализатором» институционализации этого «аксиополитического портрета», вызвав резкое неприятие действий России и её дальнейшую «отмену» со стороны «Коллективного Запада» как равноценного партнёра, также вызвавшуюся в массовую акцию противопоставления аксиополитических портретов двух «центров силы». Таким образом, аксиополитический портрет России как «бастина традиционных ценностей» был окончательно консо-

лидирован через конфликт, де-факто ставший точкой невозврата, и таким образом, был завершён и процесс политической социализации России как актора на международной арене.

В «традиционности» данных ценностей сомнений не возникает – в качестве таковых их признаёт и Всемирный Фонд Ценностей WVS, определяющий традиционные ценности как «подчёркивающие значимость религии, почтительное отношение к верховной власти и традиционной семье, патернализм», в противовес ценностям секулярно-рациональным [29]. Тем не менее, об их фактической традиционности в связи с единого мнения у отечественных исследователей нет. Так, Г. Борщевский напрямую заявляет о том, что данные ценности являются традиционными в не первоначальном смысле, а в том, что их высокая выраженность объективно фиксируется и имеет тенденцию к усилению в последние десятилетия, в то время как высокую приверженность духовно-нравственным ценностям со стороны россиян ещё только предстоит сформировать [4, с. 58], справедливо оставляя «за скобками» проблему их как социального конструкта. Коллектив исследователей под руководством Г. Илларионова также выявляет противоречие между научным понятием традиционных ценностей и политическим проектом, считая их социальным конструктом, введённым в качестве способа консолидации российского общества в условиях крайней нужды в определённых ценностных ориентирах для самого функционирования российского социума [6, с. 73]. Л. Баева, также признавая за традиционными ценностями важность в консолидации общества и создании его органического единства, а также выражения стремления к устойчивому сохранению единства человека и общества, связис его историческим прошлым, национальными и культурными особенностями, приоритетом классических духовных-принципов и добродетелей, допускает их существование в качестве конструкта, созданного с целью сохранения социальной безопасности и устойчивости [2, с. 16–17]. Таким образом, актуален вопрос соотношения концепта «традиционных ценностей» с «изобретённой традицией» и феноменом социального конструкта. Справедливо ли это утверждение?

Курс на «традиционализм» как ядро аксиополитического портрета современной России, несмотря на то, что является разделяемым большинством населения на настоящий момент, действительно также может являться не столько выражением истинных народных воззрений, сколько грамотным социальным конструктом, а сама «традиция» – «изобретённой». Э. Хобсбаум ссылаясь на «изобретение традиции» как на способ внедрения определённых ценностей и смыслов в общество путём повторения социальных практик ритуального и символического характера [19, с. 48]. Авторы концепции социального конструирования Т. Лукман и П. Бергер, в свою очередь, также описывают рождение новой социальной реальности через её *хабитуализацию* – вхождение определённых норм, ценностей и смыслов в обиход через их повторение. К тому же, важным психологическим последствием *хабитуализации* оказывается «уменьшение различных выборов», сокращающее за индивидом стабильную основу протекания деятельности с минимумом затрат на принятие решений в течение большей части времени и освобождая энергию для принятия решений в тех случаях, когда это действительно необходимо [3, с. 89–91]. Сама же *хабитуализация* предшествует институционализации коммуникативных практик, за которыми следует уже их легитимация как способы «объяснения» и «оправдания» сложившейся институциональной картины мира [3, с. 103]. Если оценивать отражение «хабитуа-

лизации», «институционализации», а затем самой и «легитимации» приверженности традиционным ценностям как краеугольного камня современной политической повестки и «аксиополитического портрета» России, то наполнение различных программных документов, связанных с внешней политикой, не говоря уже о постоянном присутствии дискурса традиционных ценностей в инфополе, подходят под её определение. С каждым годом «традиционалистская повестка» постоянно расширялась, однако, вместе с тем, и видоизменялась. Так, помимо более полного набора «традиционных ценностей» в каждом из программных документов уменьшался акцент на ценностях универсальных, и наоборот, возрастала критика противоположной аксиологической модели. Так, в более ранних более ранних документах – таких, как, к примеру, ныне утратившем силу Указа «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015, с традиционными ценностями (единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм) соседствуют гуманизм, межнациональный мир и согласие [17]. В Концепции внешней политики 2016 года, несмотря на подчёркнуто цивилизационный характер противостояния ценностей и дополнение «традиционалистского набора» опорой на потенциал мировых религий, также соседствуют со стремлением к миру и справедливости, достоинством, свободой, ответственностью, честностью, милосердием и трудолюбием, что ближе всё-таки к универсальным ценностям, а также с целями курса на обеспечение всеобщей безопасности и стабильности в целях утверждения справедливой демократической международной системы, основанной на коллективных началах в решении международных проблем, на верховенстве международного права, прежде всего на положениях Устава Организации Объединённых Наций [18]. Столь же осторожной была и Конституция 2020 года, также согласно букве универсализма провозгласившая высшей ценностью человека и его права, и свободы, несмотря на прямое возложение на Правительство роли по защите традиционных семейных ценностей без прямого их упоминания, и единственным изменением – приматом Конституции над нормами международного права при их взаимном противоречии [8], что в моменте времени скорее являлось абсолютно нейтральным решением, однако заложившим базу для дальнейшей «традиционализации» ввиду дальнейших неконтролируемых событий.

Совершенно иную картину же даёт Указ № 809, помимо полного перечня данных ценностей выделяющий их как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, указана проблема в виде угрозы идеологического и психологического воздействия на граждан в виде насаждения чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, и её источник – деятельность Соединённых Штатов Америки и ряда недружественных стран [10]. Наконец, максимальный выход даёт Концепция-2023 напрямую называя вышеупомянутые деструктивные нелиберальные идеологические установки, противоречащие традиционным духовно-нравственным ценностям «псевдогуманистическими», а их навязывание – формой вмешательства

во внутренние дела суверенных государств, а «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия многонационального народа Российской Федерации» – как одну из приоритетных целей. Иными словами, мы видим упоминание ценностей как инструмент внешней политики. Помимо данного факта на примере данных документов мы видим и обратное направление хабиутализации «традиционалистской» повестке вектор наблюдался с ценностями *универсальными*, изрядно представленными секулярно-рациональной аксиополитической группой: с одной стороны, они ещё дополняли полный список ценностей традиционных, однако, однако, отношение к ним выражено куда более критично, нежели ранее.

Что интересно, эмпирические данные по вопросу ценностного соответствия демонстрируют также определённые противоречия вместе с преимущественно «традиционалистической» ориентацией большинства россиян. Так, исследования Фонда «Общественное Мнение» от 6 сентября 2024 года приверженность традиционным ценностям 85% выразили респондентов [15]. Годом ранее исследование «Традиции в эпоху перемен» от 28 декабря 2023 года, проведённое ВЦИОМ, демонстрирует схожее значение: базовая формулировка «*Важно всегда следовать традиционным духовным принципам, даже если они противоречат современной реальности*» получила поддержку 65% участников опроса – на 2% больше, нежели три года назад, причём аналогичный показатель несогласных с этим тезисом сократился на 5% [16]. Чуть менее, чем месяцем ранее, на схожую формулировку – «*важно ли видеть Россию будущего страной, сохранившей традиционные моральные, национальные и религиозные ценности*» – утвердительно ответил 81% респондентов [14]. Схожую же роль – поддержание и укрепление традиций и традиционных ценностей – двумя годами ранее 83% участников исследования с формулировкой «*Государство и общество: цели, приоритеты, императивы*» возлагали на правительство [7], имеющее таковую роль согласно Конституции. Иными словами, приверженность и, что важно, необходимость поддержания традиционных ценностей многие граждане видят одной из основополагающих частей жизни.

Однако, если мы сопоставим суть самих традиционных ценностей с поставленными в Указе № 209, то мы заметим, что главную приоритетность большинство респондентов проявляют в сторону традиционной семьи, в то время как остальные ценности имеют куда более низкое значение. Так, абсолютное большинство респондентов исследования ВЦИОМ (45%) выделяет в качестве главного признака собственной приверженности традиционным ценностям именно традиционную же семью, за ней следует патриотизм (23%), гуманность (17%) с «взаимопомощью и взаимоуважением» как проявлением «коллективизма» (6%) и национальную культуру и религию (16%), где в «религиозности» (8%) можно увидеть более чёткое проявление «приоритета духовного над материальным», созидательный труд (2%) находят куда меньший отклик []. То же самое можно сказать и об исследовании ФОМ: 38% респондентов отдают приоритет в качестве основы своей приверженности традиционных ценностей также традиционной семье, в то время как остальные – культурное наследие, традиции и уклад (10%), патриотизм (7%), приоритет духовного над материальным (близкое соответствие – формулировка «Вера в Бога», 5%), гуманность (близкое соответствие – формулировка «Воспитание, уважение к людям», 3% + «Нравственные ценности, любовь» – 3%), куда менее популярны в качестве призна-

ка принадлежности к данной аксиологической модели [14]. Уделивший внимание пониманию самих традиционных ценностей В. Борщевский также обратил внимание на факт, что среди населения многие составляющие традиционных ценностей – например, вышеупомянутая духовность и гражданственность – больше популярны как не модель мировоззрения, на которую опираются, но *самоидентификации* [4, с. 64], к тому же, подверженной значительным колебаниям и неоднозначной трактовке многих смыслов, например, таких, как справедливость и гуманность [4, с. 69]. Даже некоторые сторонники неизменности и «исконности» традиционных ценностей, как например, Л. Багреева, напротив, поддерживая их идею как «векового непрерывного феномена», всё-таки соглашается с необходимостью внешнего воздействия (в этом случае – участия государства) в укреплении данного аксиологического феномена и «мобилизации граждан по сохранению расширенного перечня духовно-нравственных ценностей государства» «сверху», [1, с. 94], что также говорит о лишь частичном разделении традиционных ценностей со стороны народа и их понимании, а также тем, что они воспринимаются как способ его консолидации, в которой наблюдается потребность. Тем не менее, сам процесс «хабиутализации» традиционалистского политического вектора, какими бы конструктом эти традиции ни были, намекает и сам характер проявления традиционных ценностей на протяжении десяти лет, как и постепенный отход ценностей универсальных и секулярно-рациональных на второй план, являясь и маркером такого процесса, как *политическая социализация России на мировой арене*.

Концепция-2023 красноречиво и верно подчёркивает тот факт, что вектор противостояния с Западом (а значит, и социальный конструкт традиционных ценностей) не был выбором Российской Федерации, но реакцией на антироссийскую политику Западных стран [9]. Сложившаяся после 1991 года аксиополитическая монополия Запада как доминирование либеральных ценностей и т.н. «Миропорядок, основанный на правилах», стала для постсоветского Российского государства же во время попытки «встроиться» в «Семью Западного миропорядка» и, следовательно, в существующую аксиополитическую модель среди как западных исследователей (например, Х. Хейкки и Х. Смит), так и политического истеблишмента, присутствовал значительный скепсис о возможности России встроиться в него как у «чуждого» элемента «непредсказуемости», носителя «пост-имперского мышления» [25, 67–70], а то и прямым выставлением русских как «нации, чуждой демократизма» [21, 14–15]. В период 2014–2020, когда геополитические противоречия на постсоветском пространстве вылились в конфронтацию Запада и России начался «переходный период» в выборе аксиополитического портрета страны. Поначалу его можно охарактеризовать попытками выстроить свой вектор аксиополитического универсализма, альтернативный Западнему. Отсюда мы можем наблюдать на первых порах и уделение существенного внимания секулярно-рациональным ценностям, присутствовавшим в программных документах и соседствовавших с традиционными, в то время как перечень последних лишь возрастал от абстрактного упоминания до объявления ими определённых смыслов и аксиологических ориентиров. Тем не менее, выстроить на них определённый аксиополитический портрет в условиях конфронтации не было возможности. Во-первых, исторически Запад претендовал на монополию среди носителей секулярно-рациональных ценностей уже к моменту распада СССР, не говоря уже о том, что в момент «конца истории» не было силы, способной оспорить эту монополию, что

можно сказать и о России как о субъекте внешней политики, не претендующему на роль определённого «центра силы» за пределами постсоветского пространства [23, р. 12]. Во-вторых, идеал либеральной демократии с соответствующим набором ценностей сам был выбран Россией как путь политической социализации, заключающийся не в создании альтернативной аксиополитической линии, но в дистанцировании от коммунистического прошлого, в том числе и от «советской» ценностной модели.

Все подобные процессы политической социализации во многом подчинены «логике уместности», ограничивающей модель поведения актора на международной арене. Эта логика отсылает к концепции «самопомощи» А. Вендта, как способа государства контролировать собственную идентичность (в том числе, построенную на определённом наборе ценностей и смыслов – *прим. авт.*) в виде определённой «социальной роли» среди других участников международного процесса и сделать международный порядок куда более предсказуемым и исключить пересмотр «социальных ролей», связанных с *обязательствами* перед другими акторами и уже сформированной ролью в социальных практиках, что будет вызывать действия актора, сводящиеся к «самоподдержанию» идентичностного статус-кво, дабы международные отношения выглядели более предсказуемо [28, 406–407]. Логика эта также вводит пределы действия самой «самопомощи», и пределы эти продиктованы исполнением актором обязательств в рамках социальной роли, предписанной ему той или иной ситуацией, ограничена попытка определить императивы, связанные с занятием той или иной позиции на международной арене. Таким образом, действие даже в рамках идентичности актора *вытекает из концепции необходимости, а не предпочтения* [24, с. 363–364]. Переноса данную логику на поведение России и её «партнёров» по политическому процессу на международной арене, можно проследить и эти «пределы», которые изначально были определены изначально присущей «социальной ролью» «чуждого» субъекта международных отношений, способом «обойти» которые (а стало быть, и сменить саму «социальную роль»), помимо поддержания аксиополитической картины мира стран Запада также были определённые геополитические уступки на постсоветском пространстве. Отказ от этих уступок, а, следовательно, и от позиции «ведомого» партнёра, стал точкой невозврата для попытки «влииться» в аксиополитический универсализм «Западного образца» и необходимость выстроить иную аксиополитическую модель для того, чтобы претендовать на роль одного из «центров силы». Помимо невозможности оспорить аксиополитическую монополию «Коллективного Запада» на универсальные ценности, стоит принимать во внимание и тот факт, что «экологическая ниша» же апологета декларируемых традиционных ценностей в их современном исполнении среди близких по международному статусу игроков, оставалась *свободной*. В конкретном для России случае этот факт исключал и «ведомый» статус при попытке стать полюсом противодействия аксиополитической модели Запада, и статус «маргинала», стремящегося выстроить аналогичную «Западной» аксиополитическую модель при очевидной монополии на неё со стороны потенциального геополитического противника. Явившаяся реакцией на позицию «Коллективного запада» хабикуализация международной позиции «защитницы традиционных ценностей» стала лишь «катализатором» этой модели. Это отмечают и некоторые зарубежные исследователи, которые также видят в «традиционалистской позиции» России исключительно внешнеполитический инструмент. Ещё в самом начале конфронтации между Россией и Западом, в 2014 году, специалист

по внешней политике России Т. Вихавайнен подвергал сомнению такие аксиополитические показатели, как *коллективизм* и *жертвенность*, ещё задолго до вхождения их в Концепцию-2023, как «практически нереализованные» по причине господствующего в России «мелкобуржуазного мещанского духа», более характерного для обществ, построенных на индивидуализме [26, с. 167], несмотря на декларируемый коллективизм. Он же считал поворот в сторону «традиционных ценностей» в современной российской аксиополитике целенаправленной попыткой «*провозгласить собственную культурную независимость от Европы и Запада в целом*», в то время как сам «особый цивилизационный путь» развития подвергал сомнению [25, с. 170]. Помимо относительно нейтральной позиции того же Вихавайнена, существует более критическая, если не «обличающая» позиция, напрямую объявляющая традиционные ценности «геополитическим оружием» России, как, к примеру К. Ховорун, называющий «традиционалистский» дискурс «*инструментальной религией*», как способ краткосрочного использования традиционных ценностей в качестве «идеологического обоснования экспансионизма» [22]. Мысль о том, что декларативная «традиционность» может быть лишь конструктом, высказывает Э. Файола, считающий, что жёсткая консервативная риторика не мешает российским властям «стремиться оставить пространство для сотрудничества с «загнивающим Западом» тогда, когда это выгодно» [20]. Иными словами, западные исследователи видят в позиции России также тот же внешнеполитический инструмент, с единственным отличием в виде объявления этого инструмента не способом отстаивания своего «аксиополитического суверенитета» в условиях геополитического противостояния, но агрессии против «Свободного мира» и «Миропорядка, основанного на правилах».

Напротив, со стороны же той части народа России, не участвующей в принятии политических решений, роль традиционных ценностей как инструмента международной политики признаётся «на низовом уровне» крайне неохотно. Так, в более раннем исследовании ФОМ от 9 февраля 2024 года об образе России в мире лишь 1% респондентов связывал приверженность традиционным ценностям с ростом уважения к России в мире, также всего 1% респондентов считает приверженность традициям ещё и *способом улучшения отношения к России* в мире [11].

Если абстрагироваться от явно ангажированных противоборствующих взглядов, то можно обратиться к диаграмме Р. Инглхарта, позволяющей «стандартизировать» подход к природе ценностей, декларируемых официальными представителями Российской Федерации на международной арене можно воспринимать как сочетание вектора «традиционные – витальные», в противовес «эмансипативные – секулярно-рациональные». Последний цикл исследований, окончившийся в 2023 году, демонстрирует, что Россия, несмотря на декларативную приверженность традиционным ценностям, хоть и явно однозначно «традиционнее» своих аксиополитических оппонентов в лице государств Европы, но при этом и находится на куда более «эмансипативном» векторе, нежели США, общепризнанное ядро «Коллективного Запада» [27], что также может являться маркером использования аксиополитического портрета и как инструмента создания альтернативного Западному Универсализму «полюса ценностей».

Таким образом, автор данной работы выражает убеждение в том, что позиция России как антагонизм в отношении ценностей «Коллективного Запада», оказалась не более чем своевременным политическим инструментом на основе «изобретённой традиции» и её

хабитуализации с целью занятия «пустующей» аксиополитической ниши, нежели выразителем «исконных» традиционных взглядов и «устоев» народа. Хорошо ли это? С точки зрения политики на том уровне, на котором производится принятие политических решений, фактор «традиционалистского симулякра» не играет существенной роли. Просто такова логика аксиополитического противостояния в условиях необходимости других акторов, стремящихся утвердить себя в качестве глобальных игроков, не только предлагать определённый набор привлекаемых идей и моделей развития, но и продуцировать иную аксиополитическую реальность [5, с. 549]. Попытка продуцировать её в рамках универсальных/либеральных ценностей не увенчалась успехом – какой бы кризисной ситуация для «Западного универсализма» не была, он всё ещё представляет собой господствующий аксиополитический базис на планете. Важна другая особенность – следование в его русле автоматически превращало Россию в «ведомого» партнёра «Коллективного Запада», который не мог претендовать на роль очередного аксиополитического полюса и «центра силы», даже при успешной попытке «встроиться» в систему «либеральных ценностей». Заняв пусть и недостаточно соответствующую реальным чаяниям большинства населения в момент своего появления и весьма расплывчатую аксиополитическую «экологическую нишу», Россия была выведена из-под риска стать «ведомым» партнёром, который никогда не станет «своим» в лице аксиополитической картины западного мира. Является ли такой инструмент катализатором антагонизма между Россией и «Коллективным Западом»? Несомненно. Тем не менее, все условия для существующего антагонизма постепенно складывались вне измерения аксиополитического противостояния, в его разгар уже оформившись в «критическую массу». Именно поэтому окончательный аксиополитический разрыв и прямой антагонизм России с «Коллективным Западом» не являлся «прихотью», «справедливой расплатой» за которую стала сначала геополитическая поляризация, а затем и прямой антагонизм с последующими попытками изоляции, но вынужденной мерой, призванной сохранить ценностный суверенитет России как игрока на международной арене, и логическим итогом её политической социализации в фактически безвыходных условиях.

Литература

- Багреева Л. К вопросу о мобилизации граждан по сохранению традиционных ценностей. Евразийская адвокатура. 2023, № 4 (63). С. 92–95;
- Баева Л. Традиционные ценности: понятия и смыслы. Традиционные ценности: понятие и смыслы. Patria. 2024, Т. 1. № 3. С. 8–22;
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Пер. с нем. Руткевич Е.М.; Медиум. 1995, 325 с.;
- Борщевский Г. Традиционные Российские ценности и социальные практики: опыт эмпирической проверки. Социологические исследования. 2024, № 3. С. 57–70;
- Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание под ред. Семененко И.М.; Весь Мир. 2017, 992 с.;
- Илларионов Г., Грицков Ю, Морозова О., Рахинский Д. Традиционные ценности: соотношение научного понятия и политического проекта. Социально-гуманитарные знания. 2023, № 10. С. 71–74;
- Государство и общество: цели, приоритеты, императивы. ВЦИОМ. 2021–12 февраля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativy> (26. 09. 2024);
- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/> (дата обращения: 12. 12. 2024);
- Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 14. 04. 2023);
- Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Утверждены указом президента Российской Федерации 9 Ноября 2022 № 809 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 13. 04. 2023);
- Образ России в представлении Россиян. Фонд «Общественное мнение», 2024–9 февраля. URL: <https://fom.ru/Mir/14978> (дата обращения: 25. 09. 2024);
- Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 2013–12 декабря. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 02. 02. 2025);
- Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 2014–4 декабря [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения: 02. 02. 2025);
- Традиционные ценности, современные цели. ВЦИОМ, 2023–30 ноября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi> (дата обращения: 26. 09. 2024);
- Традиционные ценности в российском обществе. Фонд «Общественное мнение». 2024–6 сентября. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15068> (дата обращения: 26. 09. 2024);
- Традиции в эпоху перемен. ВЦИОМ. 28 декабря 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen?clkid=4c1bfb98&cHash=32fd0581bf9e345dc7372cbb7d7b2deb> (дата обращения: 29.05.2024)
- Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 о Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 12. 31. 2024);
- Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 11. 08. 2023);
- Хобсбаум Э. Изобретение традиции. Пер. с англ. Панарина С. Вестник Евразии, № 1. 2000, сс. 47–62;
- How Putin is weaponizing 'traditional values' to defend Russian aggression in Ukraine. Washington Post, 2022 – March, 23 [Digital source]. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/23/putin-russia-ukraine-orthodox/> (access date: 12. 12. 2024);
- Heikki H. Russia and Europe: A Finnish View. Russia's European Choice Conference, Helsinki, 2004 – November, 12 [Digital source]. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/14447/WP51.pdf> (access date: 03. 08. 2024);
- Hovorun C. "Traditional Values" Are Russia's Geopolitical Weapons. Public Discourse, 2023 – July, 26 [Digital

source]. Available at: <https://www.thepublicdiscourse.com/2023/07/90088/> (access date: 09. 08. 2023)

23. Mearshimer J. The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. Yale University Press, 2018, 288 p.;
24. Neumann I., Williams M. From Alliance to Security Community: NATO, Russia, and the Power of Identity. Millennium Journal of International Studies, Vol. 29, No. 2. 2000, pp. 357–387;
25. Kuusi O., Smith H., Tiihonen P. Venäjä 2017: kolme scenarioita. Tulevaisuusvaliokunta, eduskunta. 2007, S. 92
26. Vihavainen T. Vanhan Venäjän paluu: Esseitä vanhasta ja uudesta historiasta. Otava Ulkoasu. 2014, S. 253;
27. WVS Cultural Map: 2023 Version Released [Digital source]. Available at: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSNewsShow.jsp? ID=467> (access date: 23. 03. 2023);
28. Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics. Cambridge: Cambridge University Press. International Organization, Vol. 46, No. 2. 1992, pp. 391–425;
29. World Values Survey 2nd – 4th Waves [Digital source]. Available at: <https://www.scrs.se/world-values-survey> (access date: 30. 12. 2022);

TRADITIONAL VALUES AS A CHALLENGE TO THE AXIOPOLITICAL MONOPOLY OF “WESTERN UNIVERSALISM”

Sadovnikov N.A.

St. Petersburg State University

The active course for the preservation of traditional spiritual values in modern Russian society marked by numerous references to normative documents, the persistent traditionalist propaganda in media space, permeating all spheres of society, with a rather ambiguous understanding of this phenomenon among the masses, the difference in its perception by both the political establishment and the populace not having direct access to political decision-making, all these factors point not so much on the “institutionalization” of the views of the people’s majority and the consolidation of the traditional values as an “axiopolitical portrait” for the achievement of Russia’s specific geopolitical goals at the government level, but rather about its instrumental function. In this paper, the author will examine the declarative traditional values as an axiopolitical foreign policy instrument and a forced marker of political socialization, a gradually emerging political construct aimed at achievement of certain goals in the international arena.

Keywords: traditional values, axiopolitics, simulacre, spiritistic values, political socialization, axiopolitical monopoly.

References

1. Bagreeva L. On the issue of mobilizing citizens to preserve traditional values. Eurasian Advocacy. 2023, No. 4 (63). P. 92–95;
2. Baeva L. Traditional Values: Concepts and Meanings. Traditional Values: Concept and Meanings. Patria. 2024, Vol. 1, No. 3. P. 8–22;
3. Berger P., Lukman T. Social Construction of Reality. Transl. from Germ. Rutkevich E.M.; Medium. 1995, 325 p.;
4. Borshchevsky G. Traditional Russian Values and Social Practices: An Empirical Test. Sociological Research. 2024, No. 3. P. 57–70;
5. Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition edited by Semenenko I.M.; Ves’ Mir. 2017, 992 p.;
6. Illarionov G., Gritskov Yu., Morozova O., Rakhinsky D. Traditional Values: the Relationship between Scientific Concept and Political Project. Social and Humanitarian Knowledge. 2023, No. 10. Pp. 71–74;
7. State and Society: Goals, Priorities, Imperatives. VTsIOM. 2021 – February 12. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativy> (26. 09. 2024);
8. The Constitution of the Russian Federation (adopted by a nationwide vote on December 12, 1993, with amendments ap-

proved during the all-Russian vote on July 1, 2020) [Electronic resource]. URL: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/> (date of access: 12. 12. 2024);

9. The Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023) [Electronic resource]. URL: <https://www.mid.ru/detail-material-page/1860586/> (date of access: 14. 04. 2023);
10. On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values. Approved by the decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 [Electronic resource]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (date of access: 13. 04. 2023);
11. The Image of Russia in the Minds of Russians. Public Opinion Foundation, 2024 – February 9. URL: <https://fom.ru/Mir/14978> (date of access: 25. 09. 2024);
12. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. 2013 – December 12. [Electronic resource]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (date of access: 02. 02. 2025);
13. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. 2014 – December 4 [Electronic resource]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (accessed on 02. 02. 2025);
14. Traditional Values, Modern Goals. VTsIOM, 2023 – November 30. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi> (accessed on 26. 09. 2024);
15. Traditional Values in Russian Society. Public Opinion Foundation. 2024 – September 6. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15068> (accessed on 26. 09. 2024);
16. Traditions in the Era of Change. VTsIOM. December 28, 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen?clckid=4c1bfb98&cHash=32fd0581bf9e345dc7372cbb7d7b2deb> (date of access: 05/29/2024)
17. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 on the National Security Strategy of the Russian Federation [Electronic resource] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (date of access: 12. 31. 2024);
18. Decree of the President of the Russian Federation of 30.11.2016 No. 640 on approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (access date: 11. 08. 2023);
19. Hobsbawm E. The Invention of Tradition. Trans. from English by Panarina S. Vestnik Evrazi, No. 1. 2000, pp. 47–62;
20. How Putin is weaponizing ‘traditional values’ to defend Russian aggression in Ukraine. Washington Post, 2022 – March, 23 [Digital source]. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/23/putin-russia-ukraine-orthodox/> (access date: 12. 12. 2024);
21. Heikki H. Russia and Europe: A Finnish View. Russia’s European Choice Conference, Helsinki, 2004 – November, 12 [Digital source]. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/14447/WP51.pdf> (access date: 08/03/2024);
22. Hovorun C. “Traditional Values” Are Russia’s Geopolitical Weapons. Public Discourse, 2023 – July, 26 [Digital source]. Available at: <https://www.thepublicdiscourse.com/2023/07/90088/> (access date: 09.08.2023)
23. Mearshimer J. The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. Yale University Press, 2018, 288 p.;
24. Neumann I., Williams M. From Alliance to Security Community: NATO, Russia, and the Power of Identity. Millennium Journal of International Studies, Vol. 29, No. 2. 2000, pp. 357–387;
25. Kuusi O., Smith H., Tiihonen P. Venäjä 2017: cool scenarioita. Tulevaisuusvaliokunta, eduskunta. 2007, S. 92
26. Vihavainen T. Vanhan Venäjän paluu: Esseitä vanhasta ja uudesta historiasta. Otava Ulkoasu. 2014, S. 253;
27. WVS Cultural Map: 2023 Version Released [Digital source]. Available at: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSNewsShow.jsp? ID=467> (access date: 03/23/2023);
28. Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics. Cambridge: Cambridge University Press. International Organization, Vol. 46, No. 2. 1992, pp. 391–425;
29. World Values Survey 2nd – 4th Waves [Digital source]. Available at: <https://www.scrs.se/world-values-survey> (access date: 30.12.2022);

Роль социогуманитарных проектов в формировании политического имиджа России в странах ЕАЭС: медиадискурс и стратегии интеграции

Данилова Елена Александровна,

доктор политических наук, доцент, Финансовый Университет при Правительстве РФ
E-mail: eadanilova@fa.ru

Сухарев Михаил Александрович,

аспирант, Финансовый Университет при Правительстве РФ
E-mail: sukharew.mihail@yandex.ru

Статья посвящена исследованию особенностей формирования медиаобраза России в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС). На основе контент-анализа публикаций ведущих средств массовой информации Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана, а также дискурс-анализа публичных выступлений высших государственных деятелей, выявлены основные тенденции репрезентации России в медиaprостранстве стран ЕАЭС. В центре внимания исследования находятся характер тональности публикаций, механизмы дискурсивного конструирования российского образа, а также динамика изменения восприятия страны на фоне текущих внешнеполитических событий. Внимание в статье также уделено роли и воздействию медиаполитики на возможности продвижения интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, их взаимосвязи. В статье сформулированы практические рекомендации по совершенствованию медиастратегии России на пространстве ЕАЭС и определены наиболее приоритетные направления гуманитарного и цифрового сотрудничества в целях укрепления позитивного политического имиджа России в странах-партнерах по евразийской интеграции.

Ключевые слова: Россия, медиаобраз, ЕАЭС, медиадискурс, информационная политика, гуманитарное сотрудничество, евразийская интеграция, медиатизация политики, контент-анализ, дискурс-анализ.

Введение

В условиях стремительного роста влияния средств массовой информации на общественное сознание СМИ перестают быть лишь источниками передачи новостей, превращаясь в ключевые коммуникативные инструменты, способные формировать устойчивые представления об имидже государства на международной арене. В современном мире подавляющее большинство государств осознает необходимость целенаправленного конструирования позитивного образа, поскольку он становится неотъемлемым ресурсом повышения их конкурентоспособности и облегчения взаимодействия с другими участниками международных отношений [Шестопал, Смутькина, 2018: 31].

Формирование устойчивого и привлекательного восприятия страны оказывает прямое влияние на развитие ее внешнеполитических и экономических связей, приобретая особую значимость в современных условиях для России, особенно на фоне активизации интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Данное направление традиционно занимает центральное место в системе внешнеполитических приоритетов России, направленных на укрепление стабильных политико-экономических связей с государствами ближнего зарубежья и реализацию концепции Большого Евразийского партнерства¹. Одним из весомых инструментов укрепления политического имиджа России в государствах ЕАЭС являются социогуманитарные проекты, интегрирующие элементы культурной дипломатии, грамотной медиастратегии и развития научно-образовательных инициатив. Среди них особую значимость приобретает медиадискурс как фактор конструирования образа России, способный укреплять близость между акторами евразийского интеграционного процесса [Савельева, 2020: 223].

Настоящее исследование направлено на выявление ключевых факторов, определяющих эффективность медиадискурса и социогуманитарных инициатив в формировании позитивного имиджа России в странах ЕАЭС, а также в укреплении интеграционных процессов на евразийском пространстве.

Научная новизна исследования заключается в следующих положениях. Во-первых, проведено комплексное сопоставление данных контент-анализа медиаматериалов с реализуемыми социогуманитарными проектами России в странах ЕАЭС, что позволило выявить связи между информационными нарративами и формами социо-культурного влияния. Во-вторых, сопоставлены результаты контент-анализа медиаматериалов с практиками культурного влияния, с учетом особенностей медиапотребления и политической специфики стран ЕАЭС. В-третьих, раскрыта роль медийного дискурса как инструмента институционализации интеграционных инициатив в гуманитарной сфере, а также как фактора фор-

¹Послание Президента Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 20.04.2025)

мирования политической лояльности к проекту евразийской интеграции.

Объектом данного исследования является медиаобраз России и динамика интеграционных процессов в странах ЕАЭС в период с 2015 по 2024 гг. Предмет исследования составляет анализ механизмов конструирования образа России посредством медиадискурса и социогуманитарных инициатив в евразийском пространстве. Данное исследование основано на гипотезе, согласно которой эффективность социогуманитарных инициатив России на пространстве ЕАЭС определяется уровнем согласованности медиастратегий и способности адаптировать дискурсивные практики к национальной специфике медиапотребления и политической среды стран ЕАЭС. Существенное значение при этом приобретает не только транслирование официальных внешнеполитических нарративов, но и органичная интеграция социогуманитарных проектов в локальное пространство ЕАЭС, что способствует формированию точек ценностной идентификации с российским дискурсом.

Методология исследования

Особое внимание уделено применению концепции медиатизации политики, в рамках которой акцентируется трансформация политических коммуникаций под влиянием цифровых технологий, радикально изменяющих характер восприятия политических акторов в информационной среде.

Эмпирическую основу исследования составили результаты контент-анализа ведущих средств массовой информации Армении, Белоруссии, Казахстана и Кыргызстана. Также используется дискурс-анализ публичных выступлений высших государственных деятелей стран ЕАЭС, реализованный на основе методологических положений политико-психологического подхода, разработанного в рамках современной школы политической психологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова [Николайчук, Янглева, Якова, 2018]. Он позволяет осуществлять комплексный анализ репрезентации России в медиапространстве стран ЕАЭС с акцентом на изучение механизмов формирования устойчивых образов страны как политического актора, а также на выявление глубинных структур восприятия, закрепляющихся на рациональном и бессознательном уровнях массового сознания. Одним из ключевых преимуществ данного подхода является возможность анализа как когнитивных (логико-содержательных), так и аффективных (эмоционально-ценностных) компонентов политического восприятия [Николайчук, Янглева, Якова, 2020]. Это дает возможность оценить не только то, как Россия представлена в публичной коммуникации и социогуманитарных проектах ЕАЭС, но и каким образом эта репрезентация влияет на формирование образа страны.

В рамках контент-анализа оценке подвергались следующие параметры: тональность публикаций (позитивная, нейтральная, негативная) и стратегии репрезентации образа страны, включая оценочные суждения, эмоционализацию и прогнозирование развития событий [Дубровская, 2014: 94].

Дискурсивный анализ позволил выявить специфические механизмы конструирования образа «иного», а также способы включения или исключения акторов из позитивных или негативных нарративов, что обеспечило более глубокое понимание особенностей медиаконструирования образа России в информационном пространстве стран ЕАЭС. Выбор указанных стран обусловлен их принадлежностью к единому информационному полю ЕАЭС и существующими различиями в уровне медийной

открытости, а также в динамике развития их отношений с Российской Федерацией.

Результаты

Медиаобраз России в странах ЕАЭС

Анализ медиаобраза России в информационном пространстве стран ЕАЭС позволяет выявить специфику восприятия Российской Федерации в контексте интеграционных процессов и внешнеполитического взаимодействия на постсоветском пространстве. Результаты исследования базируются на сопоставлении контент-анализа публикаций ведущих национальных СМИ и дискурсивных стратегий репрезентации России в публичных выступлениях высших государственных должностных лиц Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана. Особое внимание уделено оценке тональности медиаотражения России, выявлению ключевых репрезентативных стратегий, а также фиксации динамики изменений восприятия в зависимости от политических событий и трансформаций в отношениях с Россией. Представленные кейсы стран позволяют проследить общие тенденции и региональные особенности в формировании образа России в медиапространстве ЕАЭС, а также определить факторы, способствующие либо укреплению, либо ослаблению интеграционного сотрудничества.

Кейс Армении

Исследование медиаобраза России в медиапространстве Армении за период 2015–2024 гг. осуществлялось на основе контент-анализа публикаций ведущих информационных ресурсов страны (*Panorama.am*, *Aravot.am* и *News.am*).

Анализ материалов показал, что в медиапространстве информационного ресурса *Panorama.am* преобладает негативная тональность в отношении России. Нейтральная репрезентация России наблюдается в публикации, где отношения между двумя странами описываются как находящиеся в периоде адаптации с ожиданием постепенной стабилизации без выраженной эмоциональной или аксиологической окраски: «Взаимоотношения между Россией и Арменией переживают период адаптации ... ожидается, что политический диалог постепенно стабилизируется»¹. Прогноз развития двусторонних отношений здесь представлен в рациональной, нейтральной форме.

В другой статье данного издания явно реализуется стратегия негативной оценки и прогнозирования отношений с РФ. Подчеркивается акцент на следующем нарративе: «Россия, к сожалению, больше не воспринимается в Армении как надежный партнер ... пришло время пересмотреть основы наших союзнических обязательств»². Эмоционально окрашенное выражение «к сожалению» указывает на обострение кризиса доверия, а конструкция «пришло время пересмотреть» маркирует негативный прогноз относительно будущего дружественных связей.

Позитивная репрезентация России зафиксирована в материале издания, где Россия названа единственным

¹ Теван Погосян назвал главный прозвучавший на встрече лидеров Армении и России в Москве меседж. *Panorama.am*. 08.09.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://panorama.am/ru/news/2018/09/08/Теван-Погосян-Путин-Пашинян/2001291> (дата обращения: 21.04.2025)

² Гагик Арутюнян – «ГА»: для восстановления союзнических отношений Армении и России нужно приложить усилия. *Panorama.am*. 09.03.2024. [Электронный ресурс] URL: <https://panorama.am/ru/news/2024/03/09/Гагик-Арутюнян/2974654> (дата обращения: 22.04.2025)

реальным гарантом безопасности Армении. Стратегия положительной оценки здесь подкрепляется абсолютной категоричностью высказывания, усиливая образ России как надежного защитника Армении: «Россия остается единственным реальным гарантом безопасности Армении, несмотря на трудности последних лет»¹.

В то же время в публикации от 11 декабря 2024 г. негативная оценка России акцентируется через эмоционализацию: «в отношениях с Россией все чаще чувствуется дефицит взаимного уважения и честности, что вызывает разочарование среди политиков и граждан Армении»². В данном контексте стратегию эмоционализации усиливают метафорические выражения («дефицит взаимного уважения»), направленные на создание образа ухудшающихся отношений.

Преобладающая тональность практически всех публикаций характеризуется выраженной негативной окраской, демонстрируя доминирование установок, формирующих образ России как ненадежного партнера. Преобладающие дискурсивные стратегии включают негативную оценку действий России, эмоционализацию через выражение недовольства и беспокойности, а также прогнозирование негативных сценариев развития отношений России и Армении.

В некоторых публикациях подчеркивается следующее: «в Армении растет разочарование в России, которая, несмотря на союзнические обязательства, фактически проигнорировала интересы Арцаха и Армении в целом»³. Выражение «растет разочарование» указывает на использование стратегии отрицательной эмоционализации. Россия здесь репрезентируется как ненадежный партнер, нарушающий моральные ожидания общества Армении.

В иных публикациях данного медиа стратегия негативной оценки усилена постановкой риторического вопроса: «на протяжении многих лет Армения напрасно ждала помощи от ОДКБ и России, которые либо не могли, либо не хотели выполнить свои обязательства»⁴. Стоит обратить внимание на использование конструкции «либо не могли, либо не хотели», которая служит для демонстрации недовольства.

Другой источник демонстрирует стратегию негативного прогнозирования развития отношений, в основном контекст затрагивает урегулирование конфликта в Нагорном Карабахе: «отношение к российским миротворцам в Армении меняется и растет убежденность в том, что Москва не способна обеспечить стабильность в регионе»⁵. Репрезентация образа России строится на прогнозе дальнейшего ухудшения ситуации и недоверии

к ее способности выполнять посреднические функции в урегулировании армяно-азербайджанского конфликта.

Анализ публикаций медиапортала *News.am* демонстрирует, что восприятие России в медиaprостранстве Армении претерпевает изменения и сдвиг от сдержанной нейтральной репрезентации ее образа к более акцентированному выражению недовольства и скептицизма. В рамках контент-анализа были изучены восемь публикаций, в которых отражаются различные аспекты отношений РФ и Армении.

В медиадискурсе издания преобладает негативная тональность публикаций, хотя наряду с нейтральными сообщениями о дипломатических контактах России и Армении встречаются и критические высказывания, усиливающие эмоциональный фон недовольства. Например, можно встретить подобную риторику: «Ереван активно ищет пути снижения зависимости от Москвы в сфере безопасности и экономики, осознавая риск односторонней ориентации»⁶. Россия представлена как актер, от которого Армения стремится дистанцироваться ради защиты собственных интересов. Фраза «риск односторонней ориентации» усиливает восприятие зависимости от России якобы как «угрозы национальной безопасности» Армении.

В некоторых материалах содержится призыв к переосмыслению партнерских связей Армении с РФ: «нам необходимо трезво оценить, что наша безопасность не может полностью зависеть от одного актора»⁷. Использование метафоры «одного актора» в адрес России отражает стремление к критической рефлексии существующих стратегий безопасности и свидетельствует о нарастающем дискурсе необходимости диверсификации внешнеполитических ориентиров. Для российской стороны подобная тональность медиадискурса служит индикатором необходимости усиления коммуникативного сопровождения интеграционной повестки. Особую актуальность приобретает развитие целостной стратегии позиционирования, основанной символическом капитале гуманитарного присутствия и системной репрезентации культурно-цивилизационной общности, способной укреплять доверие и формировать восприятие России как надежного, культурно близкого интеграционного партнера.

Анализ публикаций информационных ресурсов Армении позволил выявить следующие устойчивые тенденции репрезентации образа России в информационной картине Армении. Так в общей совокупности проанализированных материалов доля публикаций с негативной тональностью составила 72,7% от общего числа, нейтральных – 18,2%, позитивных – 9,1%. Результаты анализа публикаций свидетельствуют о выраженной трансформации медиаобраза России в информационном поле Армении. В отличие от более раннего периода, когда Россия репрезентировалась преимущественно как стратегический партнер и гарант безопасности, в рассматриваемый временной интервал в медиадискурсе фиксируется устойчивая тенденция к переосмыслению роли России, преимущественно, в негативном ключе. Контент-анализ показал преобладание негативной тональности материалов. Основные дискурсивные стратегии репрезентации включают отрицательную оценку

¹ Андраник Теванян: «SOS: бьют по России, растоптан будет Армения». Panorama.am. 16.01.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://panorama.am/ru/news/2021/01/16/Андраник-Теванян-Россия-Армения/2436739> (дата обращения: 22.04.2025)

² Ара Айвазян: Стратегический диалог между Арменией и РФ уступил место взаимным обвинительным риторическим дуэлям. Panorama.am. 11.12.2024. [Электронный ресурс] URL: <https://panorama.am/ru/news/2024/12/11/Ара-Айвазян/3089172> (дата обращения: 22.04.2025)

³ Армяно-американские отношения и контакты никогда не были на таком уровне, как сейчас: Артур Ованнисян. Aravot.am. 25.05.2023. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.aravot.am/2023/05/25/411393/> (дата обращения: 22.04.2025)

⁴ Вследствие войны на Украине Россия вступила в ситуативное партнерство с Азербайджаном. Aravot.am. 28.05.2023. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.aravot.am/2023/05/28/411502/> (дата обращения: 22.04.2025)

⁵ Россия давно не является эксклюзивным игроком в регионе. Aravot.am. 19.04.2023. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.aravot.am/2023/04/19/408473/> (дата обращения: 22.04.2025)

⁶ Депутат от оппозиции: Армяно-российские отношения очень напряженные. News.am. 27.11.2023. [Электронный ресурс] URL: <https://news.am/rus/news/794636.html> (дата обращения: 23.04.2025)

⁷ Вице-премьер обсудил с российскими и армянскими экспертами армяно-российские отношения. News.am. 07.09.2023. [Электронный ресурс] URL: <https://news.am/rus/news/779443.html> (дата обращения: 23.04.2025)

действий России, коллективное недовольство и тревогу, а также негативное прогнозирование дальнейшего развития российско-армянских отношений. В ряде публикаций выражается недоверие к способности России выполнять свои союзнические обязательства, отмечается ощущение «брошенности» Армении в кризисных ситуациях, а также констатируется необходимость поиска альтернативных внешнеполитических опор (уклон в сторону партнерства на Западе).

Превалирование негативной тональности отмечено на всех трех рассмотренных медиаплощадках. Особенно заметным сдвиг в сторону негативной тональности в отношении РФ стал после 2020 г., на фоне итогов Второй карабахской войны. До 2020 г. Россия воспринималась в Армении преимущественно как гарант регионального статус-кво на Южном Кавказе, способствующий балансированию сил между Арменией и Азербайджаном без необходимости прямого вовлечения. Именно поэтому в годы Второй карабахской войны в Армении ожидали более активного участия России в обеспечении безопасности. Несбывшиеся ожидания стали одним из ключевых факторов роста антироссийских настроений в медиапространстве Армении. Стратегия эмоционализации проявляется через использование метатекстовых конструкций по типу «к сожалению», «разочарование», «ощущение брошенности», что усиливает восприятие России как актора, не оправдавшего ожиданий общества Армении.

Прямая персонификация образа Президента РФ в проанализированных материалах встречается ограниченно. Лишь в 15% публикаций можно зафиксировать упоминания, в которых политика России связывается непосредственно с персоной российского президента. При этом большинство таких упоминаний носит негативный оттенок, акцентируя внимание на ответственности высшего руководства России за неоправданные ожидания Армении в вопросах безопасности.

Также контент-анализ показал крайне ограниченное внимание СМИ Армении к освещению процессов интеграции в рамках ЕАЭС. Публикации, посвященные ЕАЭС, составили менее 6% от общего числа исследованных материалов. При этом освещение носит в основном нейтральный и формальный характер освещения. Акцент делается на сообщениях о встречах на уровне глав государств или министров без глубокой аналитики достигнутых результатов или перспектив развития интеграционных процессов. Тематика внутренней политики Армении доминирует в публикациях, а вопрос развития связей со странами ЕАЭС практически выпадает из освещения, позволяя утверждать о недостаточной репрезентации интеграционных аспектов в медиапространстве Армении.

Кейс Казахстана

Анализ публикаций казахских информационных ресурсов *REZONANS*, *Kokshetau Asia* и *BAQ.KZ* позволяет проследить особенности репрезентации образа России в информационной картине Казахстана. Контент-анализ материалов выявил преобладание позитивной тональности в освещении российско-казахстанских отношений. Стратегии репрезентации строятся преимущественно вокруг положительной оценки сотрудничества и интеграционных процессов, сопровождаясь эмоционализацией через выражение взаимного уважения и стратегической важности сотрудничества. Например, в материале агентства *REZONANS* от 17 ноября 2020 г. репрезентация России осуществляется в рамках позитивной оценки: «стороны договорились активизировать сотрудничество в борьбе с пандемией коронавируса, включая планы по органи-

зации совместного производства вакцин на территории Казахстана»¹.

Фокус на совместных проектах в области здравоохранения формирует образ России как стратегического партнера, готового к совместной ответственности за безопасность населения Казахстана. Стратегия эмоционализации проявляется в положительной коннотации сотрудничества в условиях глобального кризиса.

Другим примером освещения образа РФ в работе информационного агентства *Kokshetau Asia*. Так, в материале от 2 ноября 2022 г., исследуется вопрос миграции граждан РФ в Казахстан. В рамках анализа делается вывод о том, что приток граждан РФ в Казахстан «может положительно сказаться на казахской экономике», главным образом – за счет притока квалифицированных кадров, «занимающих пустующие рабочие места»². Также в материале утверждается, что качественное развитие взаимодействия Казахстана с РФ предполагает разработку новых каналов поставок продукции, что обусловлено тяжелой ситуацией в связи с «украинским кризисом» и последствиями пандемии коронавируса. Дискурсивная стратегия строится на подчеркивании выгод для Казахстана, связанных с усилением человеческого капитала. Одновременно эмоционализация усиливается упоминанием культурной близости народов, что призвано поддерживать позитивное восприятие взаимодействия.

В материалах агентства *BAQ.KZ* приводится позиция президента РК Ж. Токаева, по оценкам которого «преemptивность дружбы и союзничества между Казахстаном и Россией будет полностью сохранена»³. Также отмечено, что на современном этапе развития российско-казахских отношений формируется «Новый Казахстан», унаследовавший фактически все гарантии, полученные от России в Договоре о дружбе. В другом материале *BAQ.KZ* представлена деятельность интеграционных объединений: «организации, интеграционные объединения развиваются поступательно, что обуславливает искреннюю приверженность Казахстана деятельности на базе интеграционных объединений Евразии»⁴. Контекст публикации акцентирует важность участия Казахстана в ЕАЭС и свидетельствует о позитивной репрезентации интеграционных процессов. Отдельно подчеркивается, что распространенный нарратив о «спасении Казахстана Россией» в январе 2022 г. некорректен и «беспочвенен», что указывает на стремление Казахстана сохранить равноправный статус в партнерских отношениях с РФ.

В то же время анализ информационного пространства Казахстана после 24 февраля 2022 г. выявил зна-

¹ В Казахстане построят завод по производству российской вакцины от коронавируса. *REZONANS*. 17.11.2020. [Электронный ресурс] URL: <https://rezonans.kz/v-kazahstane-postroyat-zavod-po-proizvodstvu-rossijskoj-vakciny-ot-koronavirusa/> (дата обращения: 23.04.2025)

² Какую выгоду получит Казахстан от миграции россиян. *ИА Кокшетау Азия*. 02.11.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://kokshetau.asia/news/kakuyu-vygodu-polychit-kazahstan-ot-migracii-rossiian-02-noiabria-2022-06-15/> (дата обращения: 23.04.2025)

³ Преемственность дружбы и союзничества между Казахстаном и Россией будет полностью сохранена – Глава государства (на казах.) *BAQ.KZ*. 15.06.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://baq.kz/qazaqstan-men-resey-arasyndagy-dostyq-odaqtastyq-sabaqtastygy-tolyq-kolemde-saqtalady-memleket-bashshysy-280871/> (дата обращения: 23.04.2025)

⁴ Токаев прокомментировал помощь войск ОДКБ во время январского инцидента (на казах.) *BAQ.KZ*. 15.06.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://baq.kz/toqayev-uqshu-askerinin-qantar-oqigasy-kezinde-komekke-kelgenine-qatysty-pikir-bildirdi-280881/> (дата обращения: 23.04.2025)

чительное увеличение распространения фейковых новостей и дезинформации, ставшей частью широкой информационной войны, которая вышла за рамки исключительно конфликта на Украине и затронула соседние государства. В частности, в казахском сегменте медиа активно циркулировали т.н. дипфейки, связанные с В.В. Путиным и ситуацией на Украине¹, а также недостоверные сообщения о якобы отправке казахской военной техники в зону конфликта². Появлялись слухи о «карте раздела России», якобы показанной на китайском телевидении и пр. Мониторинг казахской прессы в этот период подтвердил выводы ряда исследований о том, что многовекторная медиасреда способствует многократному тиражированию ложной информации, формированию «сетей лжи», в которых современному человеку становится все сложнее ориентироваться в различении достоверных и искаженных фактов [Калинина, 2020: 122].

Проведенный анализ публикаций казахских информационных ресурсов позволяет выявить следующие устойчивые особенности репрезентации образа России в информационной картине Казахстана. В общей совокупности проанализированных материалов преобладает доля публикаций с позитивной и нейтральной тональностью. Результаты анализа свидетельствуют о стабильном формировании в казахстанском медиапространстве позитивного образа России как стратегического партнера, надежного в условиях социально-экономических кризисов. В отличие от медиадискурса Армении, для казахской информационной среды характерно закрепление партнерского восприятия России при сохранении акцента на равноправности и взаимной выгоде отношений.

Персонализация образа Президента Российской Федерации в проанализированных публикациях отсутствует. Внимание казахстанских СМИ сосредоточено преимущественно на институциональном уровне взаимодействия и акцентируется на государственно-официальных инициативах без прямой привязки к персоналиям.

Также контент-анализ показал высокую представленность интеграционных нарративов. Публикации, освещающие участие Казахстана в ЕАЭС и других евразийских интеграционных объединениях, имеют позитивную окраску. Подчеркивается поступательное развитие ЕАЭС как одного из ключевых форматов укрепления внешнеэкономических связей Казахстана. При этом казахстанские СМИ акцентируют необходимость равноправного партнерства и осознанного участия в интеграционных процессах, дистанцируясь от нарратива о «зависимости» от России: распространенные интерпретации о «спасении Казахстана Россией» в январе 2022 г. оцениваются как «ложные» и «беспочвенные».

Тем не менее несмотря на количественное преобладание публикаций с нейтральной или позитивной тональностью в медиапространстве Казахстана по отношению к России, детальный анализ качественных характеристик медиадискурса свидетельствует о наличии устойчивых тенденций формирования критически окрашенного информационного поля. В последние годы наблюдается активизация деятельности западных неправительственных организаций на территории стран Цен-

тральной Азии, включая и Казахстан, с акцентом на поддержку медийных платформ, декларирующих независимость, но фактически транслирующих информационные установки, коррелирующие с внешнеполитическими интересами западных стран. Особую озабоченность в этом контексте вызывает снижение присутствия российских медиаресурсов в информационном пространстве Казахстана на фоне роста институционального и финансового влияния зарубежных акторов.

Медиаэкосистема Казахстана включает как англоязычные транснациональные издания, так и ресурсы, адаптированные под русскоязычную аудиторию. Последние же (например, Euronews или проекты, реализуемые при участии Internews), демонстрируют более высокий уровень воздействия на общественное мнение, в том числе за счет системной работы с локальными журналистскими сообществами Казахстана и активного участия в грантовых инициативах. Примечательно, что ряд этих медиа-платформ формально зарегистрированы на территории республики, что затрудняет их правовое отделение от национального медиаполя, несмотря на их иностранное финансирование.

Существенное влияние подобных СМИ обеспечивается несколькими факторами: исторической продолжительностью присутствия в регионе (с 1990-х гг.), институциональными связями с профильными государственными структурами Казахстана, а также активным участием в гуманитарных, образовательных и культурных проектах. При этом в рамках распространяемых ими нарративов фиксируются системные искажения образа России, включая репрезентацию советского наследия как исключительно колониального, а современных интеграционных процессов (ЕАЭС) как навязываемых Россией Казахстану и неэффективных. Изменение нарративов и односторонняя интерпретация событий формируют предпосылки для трансформации общественного сознания Казахстана в сторону дистанцирования от евразийской интеграционной модели и нивелирования символического капитала России как культурно близкого и стратегически значимого партнера.

Особое беспокойство вызывает применение тактики так называемой «дозированной правды» – селективного представления информации, при котором значимые для поддержания позитивного образа России факты либо не получают отражения, либо сознательно изменены. Позитивные результаты сотрудничества в рамках ЕАЭС, достижения в сфере торгово-экономического взаимодействия в евразийской интеграции зачастую остаются вне внимания или представлены в маргинализированном контексте. Одновременно акцентируется внимание на отдельных эпизодах напряженности отношений с Россией, способствуя формированию асимметричного восприятия роли страны.

Таким образом, несмотря на количественное преобладание публикаций с формально нейтральной или позитивной окраской, в содержательном и аксиологическом плане в информационном поле Казахстана фиксируются устойчивые элементы негативной репрезентации РФ, что требует от российской стороны более активной и системной информационной стратегии, направленной на укрепление позиций в медиапространстве стран ЕАЭС и развитие инструментов гуманитарного брендинга, способных противостоять внешним деструктивным нарративам и формировать устойчивый позитивный имидж России на пространстве Евразии.

Кейс Белоруссии

Анализ публикаций белорусских информационных агентств на примере *БелТА* и *Белновости* позволил вы-

¹ Дипфейк Владимира Путина «с итогами украинско-российской встречи» расходится в Сети. Factcheck.kz. 28.02.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://factcheck.kz/fastcheck/dipfejk-vladimira-putina-s-itogami-ukrainsko-rossijskoj-vstrechi-rasxoditsya-v-seti/> (дата обращения: 24.04.2025)

² Фейк: «Казахстанскую военную технику отправляют на территорию Украины» Stopfake.kz. 20.03.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://stopfake.kz/ru/archives/11804> (дата обращения: 24.04.2025)

явить особенности репрезентации России в информационном пространстве Республики Беларусь, а также представить, каким образом в белорусском медиадискурсе освещаются процессы евразийской интеграции.

Что касается тональности публикаций, то проанализированные материалы последних нескольких лет характеризуются позитивной тональностью. Доля современных публикаций с позитивной окраской составила 100% от общего числа. Нейтральные или негативные публикации в исследуемой выборке отсутствовали.

Основными факторами репрезентации выступают положительная оценка белорусско-российских отношений, позитивная эмоционализация и прогнозирование дальнейшего углубления стратегического партнерства между двумя странами. Например, в аналитическом материале БелТА от 1 апреля 2023 г. акцент сделан на стратегическом характере белорусско-российского взаимодействия: «сотрудничество на уровне двух стран просто неосценимо, союзное строительство создает условия для решения сложных социально-экономических вопросов»¹.

В материалах издания «Беларусь сегодня» от 13 марта 2025 г. продвигается тезис о том, что белорусско-российское взаимодействие обладает чертами стратегического взаимодействия, что способствует закреплению за РФ роли одного из ключевых государств, деятельность которого создает условия для комплексного развития Беларуси – как на основе совпадению их интересов, так и на основе общей истории, культур, морально-ценностных, духовных, мировоззренческих ориентиров².

В публикации сайта Белновости позитивная репрезентация российской культуры осуществляется через освещение культурного события – «Славянского базара». Особое внимание уделяется эмоциональной реакции публики: «особо душевно зрители встречали появление на сцене наших музыкантов»³. Используется стратегия эмоционализации восприятия российской культуры как близкой и родственной белорусскому обществу.

В начале 2025 г. было объявлено о создании медиахолдинга Союзного государства, что свидетельствует о стремлении к укреплению информационного пространства и продвижению общих ценностей России и Беларуси⁴. Данный шаг направлен на усиление гуманитарного сотрудничества и формирование единого медиадискурса в рамках наднационального объединения Союзного государства.

Персонализация российского лидера в проанализированных материалах отсутствует. Внимание сосредото-

чено на институциональном взаимодействии между государствами и на коллективных инициативах в рамках двустороннего сотрудничества.

Важной составляющей белорусского медиадискурса является активное и позитивное освещение процессов евразийской интеграции, что подтверждается рядом публикаций. В материалах БелТА акцент сделан на начале председательства Беларуси в ЕАЭС (с 2025 г.) и обозначении основных приоритетов на предстоящий год, которые «всецело поддерживаются нашими партнерами: это развитие технологического потенциала, продовольственная безопасность и цифровая трансформация в рамках ЕАЭС»⁵.

Освещение интеграционных процессов встречается в большинстве публикаций, затрагивающих тематику ЕАЭС, что подчеркивает стратегическую заинтересованность Беларуси в эффективной работе интеграционного объединения. Интеграционные нарративы в белорусских СМИ носят ярко выраженный позитивный характер. ЕАЭС представлен как успешная, экономически эффективная структура, а евразийская интеграция интерпретируется как необходимое условие устойчивого развития Беларуси. Соответственно, в белорусских СМИ наблюдается устойчивая позитивная репрезентация России как стратегического партнера по Союзному государству и ЕАЭС. Через использование стратегий положительной оценки, эмоционализации культурной близости и акцента на успехах интеграции в рамках ЕАЭС формируется образ России как гаранта стабильности и развития, глубоко интегрированного в социально-экономическое и культурное пространство белорусского общества. Информационная поддержка евразийской интеграции усиливает восприятие ЕАЭС как успешного интеграционного проекта.

Кейс Кыргызстана

В медиадискурсе Кыргызстана в целом констатируется стабильная роль России в гуманитарном пространстве Киргизии. В частности, в материалах изданий *Kaktus.kg* и *24.kg* даются позитивные оценки российско-киргизского проекта «Открой Евразию» реализация которого предполагает выделение Киргизии грантов на образовательные, культурные и гуманитарные проекты, школьный транспорт, ремонт образовательной инфраструктуры. Также в материалах подчеркивается, что «помощь России в интеграционных устремлениях нашей страны является неосценимой»⁶.

Результаты контент-анализа свидетельствуют о формировании в кыргызском медиадискурсе устойчивого позитивного образа России как стратегического гуманитарного партнера. Особенностью репрезентации является акцент на культурно-образовательных и социальных инициативах, направленных на укрепление культурно-гуманитарных связей между двумя странами, а также на поддержку сотрудничества в сферах образования, науки и культуры, что можно соотносить с приверженностью развития предложенной В.В. Путиным «пятой свободы»

¹ «С Россией стоим спиной к спине и в экономике, и в обороне». Эксперт о тезисах Президента в Послании. БелТА: Новости Беларуси. 01.04.2023. [Электронный ресурс] URL: <https://belta.by/society/view/s-rossiej-stoim-spinoj-k-spine-i-v-ekonomike-i-v-oborone-ekspert-o-tezisah-prezidenta-v-poslanii-558789-2023/> (дата обращения: 25.04.2025)

² Евразийская безопасность, интеграция, многополярный мир: Александр Лукашенко и Владимир Путин приняли совместное заявление. Беларусь сегодня. 13 марта 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sb.by/articles/evraziyskaya-bezopasnost-integratsiya-mnogopolyarnyy-mir-aleksandr-lukashenko-i-vladimir-putin-prinya.html> (дата обращения: 01.05.2025)

³ Он растопил сердца дам, она вызвала небывалый восторг. Так закрывался «Славянский базар». Белновости. 15.07.2024. [Электронный ресурс] URL: <https://www.belnovosti.by/kultura/rastopil-serdca-dam-ona-vyzvala-nebyvalyy-vostorg-tak-zakryvalsya-slavyanskiy-bazar> (дата обращения: 25.04.2025)

⁴ Запуск работы медиакомпания Союзного государства ожидается в 2025 году. Союзное Вече. 18 февраля 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://www.souzveche.ru/news/90818/> (дата обращения: 01.05.2025)

⁵ Беларусь председательствует в ЕАЭС. Лукашенко обозначил приоритеты на предстоящий год. БелТА: Новости Беларуси. 01.01.2025. [Электронный ресурс] URL: <https://belta.by/president/view/belarus-predsedatelstvuet-v-eaes-lukashenko-oboznachil-prioritety-na-predstojaschij-god-686336-2025> (дата обращения: 25.04.2025)

⁶ Россия направит в Киргизию учителей-волонтеров (на кырг.). Кактус – новости Кыргызстана и Бишкека. 30.09.2024. [Электронный ресурс] URL: https://kaktus.kg/doc/17516_rossiya_kyrgyzstanga_yktyiarchy_mygalimderdi_jonotot.html (дата обращения: 26.04.2025)

ЕАЭС – «свободы знаний», как гуманитарного столпа интеграции¹.

Стратегия эмоционализации проявляется в использовании положительно окрашенных оценок усилий России: «неоценимая помощь», «укрепление дружбы между народами», «обеспечение приоритета развития стран». Нарративы подчеркивают культурную близость, общие ценности и духовные ориентиры, что усиливает образ России как дружественной и стратегически важной страны для Кыргызстана.

Персонафикация образа Президента Российской Федерации в проанализированных материалах практически отсутствует. Основной акцент сделан на коллективных инициативах и институциональных форматах взаимодействия. Репрезентация России строится через образ государства как близкого Кыргызстану.

Важной составляющей медиадискурса является также учет внешнеполитического контекста. В ряде публикаций издания *24.kg*, подчеркивается приверженность Кыргызстана развитию отношений с Россией на основе собственных национальных интересов, несмотря на внешнее давление и геополитические вызовы. Особо акцентируется недопустимость вовлечения Кыргызстана в «геополитические игры» в ущерб партнерским отношениям с Россией².

Проведенный анализ публикаций киргизских информационных ресурсов *Kaktus.kg* и *24.kg* позволяет выявить следующие устойчивые особенности репрезентации образа России в информационной картине Кыргызстана. В общей совокупности проанализированных материалов доля публикаций с позитивной тональностью составила 83%, нейтральной – 17%. Негативной тональности в исследованных источниках зафиксировано не было. Как результат, в медиадискурсе Киргизии наблюдается ярко выраженный акцент на позитивном восприятии образа и имиджа РФ в умах киргизских целевых аудиторий. В рамках проанализированных материалов основной акцент делается на гуманитарной составляющей российско-киргизского взаимодействия, а также системной помощи РФ Киргизии в части гуманитарного, социального, научного, образовательного сотрудничества и диалога. В то же время, в рамках информационного сегмента Киргизии наблюдается и учет геополитических факторов, которые могут ситуативно ограничивать темпы и потенциал российско-киргизских отношений. Тем не менее, акцент на данном факторе также осуществляется в разрезе приверженности Киргизии развитию отношений с РФ на основе общих интересов, а также сходных морально-ценностных, духовных ориентиров двух стран.

Обсуждение

Анализ результатов исследования показал, что медиапространство стран ЕАЭС демонстрирует различия в репрезентации образа России, что отражает внутренние политические предпочтения государств-членов, особенности их внешнеполитической ориентации и степень вовлеченности в евразийские интеграционные процессы.

¹ Путин предложил добавить к «четырем свободам» в ЕАЭС свободу знаний. Известия. 25 мая 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://iz.ru/1518455/2023-05-25/putin-predlozhit-dobavit-k-chetyrem-svobodam-v-eaes-svobodu-znaniy> (дата обращения: 26.04.2025)

² Кыргызстан не будет втянут в геополитические игры, не позволим – Эдиль Байсалов. 08.09.2024. [Электронный ресурс] URL: https://24.kg/vlast/304378_kyrgyzstan_nebudet_vtyanut_vgeopoliticheskie_igryi_nepozvolim_edil_baysalov/ (дата обращения: 27.04.2025)

Наибольшую долю негативных публикаций по отношению к России зафиксировано в информационной среде Армении, где наблюдается устойчивая тенденция к трансформации образа России из стратегического партнера и гаранта безопасности в сторону актора, воспринимаемого с недоверием и скепсисом. Усилилась стратегия негативной эмоционализации через риторику «разочарования» и «ощущения брошенности».

На противоположной стороне находится Кыргызстан. В киргизском медиадискурсе Россия стабильно воспринимается как стратегический партнер, доминирует акцент на гуманитарной, образовательной и культурной помощи России. Публикации подчеркивают роль России в укреплении связей между двумя народами через проекты в сфере образования, социальную поддержку. Белорусские СМИ за последние годы также демонстрируют устойчивую позитивную репрезентацию России. В современном медиадискурсе Беларуси Россия последовательно представляется как стратегический союзник, а освещение процессов евразийской интеграции носит ярко выраженный позитивный характер. Акцент делается на союзнических отношениях, общих культурно-исторических корнях и успехах сотрудничества в развитии Союзного государства и ЕАЭС.

Медиапространство Казахстана характеризуется преобладанием позитивной репрезентации России, однако с определенными особенностями. Яркое выражение негативной тональности зафиксировано не было. При этом с 2022 г. в информационной среде Казахстана периодически наблюдалось увеличение количества фейков, связанных с Россией. В целом же, важной чертой казахского медиадискурса является акцент на сохранении равноправного характера партнерства с Россией и отказ от нарратива о «зависимости» в отношениях. Интеграционные процессы в рамках ЕАЭС освещаются в позитивном ключе, с акцентом на прагматические выгоды для Казахстана. Анализ структуры и содержания информационного потока показывает наличие устойчивых элементов избирательного освещения событий. Позитивные аспекты сотрудничества с Россией, включая гуманитарные и экономические достижения, нередко оказываются вытесненными на периферию медиаповестки, тогда как эпизоды напряженности или разногласий получают гипертрофированное внимание. Стратегия «дозированной правды» способствует трансформации образа России в сторону негативного, снижая уровень символического капитала страны в публичном восприятии аудитории Казахстана.

Выводы

Одной из наиболее существенных проблем, выявленных в ходе анализа, стала несогласованность между реальными интеграционными инициативами России и их отражением в медийной среде партнерских государств. В особенности это проявляется через недостаточное или искаженное освещение российской политики в области евразийской интеграции. Представляется возможным очертить ряд проблем и наметить практические рекомендации, направленные на формирование более устойчивого и позитивного медиаобраза России в пространстве ЕАЭС.

Прежде всего, важнейшим направлением является необходимость формирования нового концептуального образа России, который бы акцентировал внимание не на ностальгии по советскому прошлому, а на ориентированном в будущее проекте интеграции. В условиях, когда внешняя политика России в некоторых странах ЕАЭС все еще интерпретируется сквозь призму

исторических ассоциаций, требуется смена акцентов на ценности мира, социальной справедливости, равноправия, уважения к суверенитету каждого народа и совместного развития. Последовательная интеграция нового нарратива в официальные выступления, культурно-образовательные инициативы, их освещение и публичные коммуникации будет способствовать корректной восприятия России как перспективного партнера для сотрудничества.

Важным направлением видится развитие межнационального культурно-гуманитарного обмена. Результаты анализа медиапространства Кыргызстана и Белоруссии свидетельствуют о том, что именно гуманитарная составляющая российско-евразийских отношений вызывает наиболее устойчивую позитивную реакцию. На этой основе целесообразно запускать совместные культурные проекты, способные укреплять эмоциональные связи молодого поколения с Россией через современные форматы искусства, кино, музыки и творческого самовыражения. Акцент на гуманитарное сотрудничество должен сопровождаться активным вовлечением талантливой молодежи из стран ЕАЭС и формированием межкультурных сетей общения, развитием устойчивых механизмов образовательных обменов.

Отдельное внимание в процессе формирования устойчивого положительного образа России требует проблема сокращения русскоязычного поля влияния. Снижение интереса к русскому языку в таких странах, как Армения и частично Казахстан, определяет необходимость целенаправленного продвижения русскоязычных инициатив. Оптимальной стратегией видится создание гибридных форматов бесплатного обучения русскому языку с интеграцией онлайн-платформ и офлайн-центров при университетах. Дополнительно целесообразно развивать совместные образовательные проекты, связанные со STEM-образованием, для того чтобы обеспечить притягательность русскоязычного пространства для целевых аудиторий, ориентированных на высокотехнологичные отрасли.

Ключевым направлением гуманитарного сотрудничества должна стать активизация студенческого и академического обмена в рамках ЕАЭС. Развитие стипендиальных программ, организация краткосрочных стажировок и поддержка совместных исследовательских инициатив будут способствовать укреплению горизонтальных связей между молодыми представителями стран-партнеров, способствуя закладыванию основ устойчивых межличностных отношений в будущем.

В условиях стремительного развития цифровых технологий и расширения альтернативных источников информации становится критически важным усиление цифрового присутствия России в медиапространстве стран ЕАЭС. Для этого может потребоваться использование цифровых платформ (Telegram, YouTube, VK, Rutube), с фокусом на создание локализованного контента, ориентированного на освещение реальных выгод евразийской интеграции для целевых аудиторий каждой страны ЕАЭС (развитие торговли, образовательных возможностей, упрощения миграционных процедур). Положительный нарратив должен выстраиваться на реальных историях успеха, подчеркивая конкретные достижения, осуществляемые в процессе развития евразийской интеграции.

Важной задачей видится институционализация сотрудничества в области регулирования цифрового пространства. Разработка общих принципов информационной безопасности и противодействия распространению фейковой информации в рамках ЕАЭС на уровне ЕЭК могла бы способствовать укреплению доверия в циф-

ровой среде и созданию благоприятных условий для продвижения соответствующих интеграционных нарративов. В этом контексте целесообразно инициировать согласование совместных нормативных актов, направленных на регулирование противодействия дипфейкам и деструктивных информационных практик.

Анализ медийной повестки в Армении выявил серьезную проблему – недостаточную представленность позитивного освещения процессов евразийской интеграции. Формальное освещение мероприятий и отсутствие акцента на практическую пользу для граждан ограничивают восприятие ЕАЭС как эффективного проекта. Следовательно, требуется разработка единой медиастратегии, в рамках которой освещение процессов евразийской интеграции будет сопровождаться демонстрацией реальных выгод и практических достижений для каждой страны-участницы, используя современные мультимедийные форматы (по аналогии с сетевым изданием «Каспий-Медиа» или «Каспийский вестник»).

Дополнительным направлением видится активизация профессионального взаимодействия между журналистами, экспертами и академическим сообществом стран ЕАЭС. Создание устойчивых сетей сотрудничества, проведение совместных образовательных программ, исследовательских проектов, ежегодных форумов журналистов стран ЕАЭС позволит укрепить горизонтальные связи между представителями СМИ и создать предпосылки для формирования единого профессионального сообщества, способного объективно освещать процессы евразийской интеграции.

Наконец, наиболее перспективным проектом видится создание единой евразийской медиа-платформы, которая может стать шагом на пути к построению глобальной сети информационного сотрудничества. Наличие единого информационного ядра существенно повышает контроль над информационной повесткой и снижает зависимость от внешних акторов, что крайне важно для устойчивого развития интеграционного проекта. Только гибкая и многомерная стратегия, учитывающая реальную специфику медиапространств стран-партнеров, способна эффективно ответить на современные проблемы и обеспечить укрепление позитивного образа России в странах евразийской интеграции.

Литература

1. Дубровская Т.В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. 272 с.
2. Дубровская Т.В. Конструирование Запада в российском внешнеполитическом дискурсе: политические акторы и стратегии репрезентации // Дискурс-Пи. 2017. № 1. С. 10–21.
3. Калинина Н.В. Фактчекинг в работе современного журналиста и СМИ. // Вестник АмГ У. 2020. № 88. С. 122–124.
4. Николайчук И.А. Янгляева М.М., Якова Т.С. Крылья хаоса. Масс-медиа, мировая политика и безопасность государства. М.: Икар, 2018. 352 с.
5. Николайчук И.А. Янгляева М.М., Якова Т.С. Управление прошлым. Массмедиа. Мифотворчество. Идентичность. М.: Икар, 2020. 340 с.
6. Савельева М.А. Образ России в СМИ стран ЕАЭС: медиаметрический анализ. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. № 2. С. 222–230.
7. Шестопал Е.Б., Смулькина Н.В. Факторы восприятия постсоветских стран в современном российском обществе. Полис. 2018. № 1. С. 26–44.

8. Bodrunova S.S. Social Media and Political Dissent in Russia and Belarus: An Introduction to the Special Issue. *Social Media + Society*. 2021. № 7. DOI: 10.1177/20563051211063470
9. Leeuwen T. van. The representation of social actors. // *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*; R. Carmen (ed.). London: Routledge, 2003. P. 32–70.

THE ROLE OF SOCIO-HUMANITARIAN PROJECTS IN THE FORMATION OF RUSSIA'S POLITICAL IMAGE IN THE EAEU COUNTRIES: MEDIA DISCOURSE AND INTEGRATION STRATEGIES

Danilova E.A., Sukharev M.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article is devoted to an analysis of the idiosyncrasies inherent to the formation of Russia's media image within the geographical confines of the Eurasian Economic Union (EAEU). This paper sets out the main trends of Russia's representation in the media space of the EAEU countries. These trends have been revealed on the basis of content analysis of publications of the leading mass media of Armenia, Belarus, Kazakhstan and Kyrgyzstan, as well as discourse analysis of public speeches of top government officials. The study focuses on the tone of publications, mechanisms of discursive construction of the Russian image, as well as the dynamics of changes in the perception of the country against the background of current foreign policy events. The article also focuses on the role and impact of media policy on the possibilities of promoting integration processes within the EAEU and their interconnection. The article puts forward a series of pragmatic recommendations for enhancing Russia's media strategy within the EAEU framework, and it identifies the most pressing domains for humanitarian and digital collaboration,

with the objective of consolidating Russia's favorable political image in the Eurasian integration partner countries.

Keywords: Russia, media image, EAEU, media discourse, information policy, humanitarian cooperation, Eurasian integration, mediation of politics, content analysis, discourse analysis.

References

1. Dubrovskaya T.V. Speech genres "condemnation" and "accusation" in Russian and English linguocultures. Penza: Publishing house of PSU, 2014. 272 p.
2. Dubrovskaya T.V. Construction of the West in Russian foreign policy discourse: political actors and strategies of representation // *Discourse-Pi*. 2017. No. 1. Pp. 10–21.
3. Kalinina N.V. Fact-checking in the work of a modern journalist and the media. // *Bulletin of Amur State University*. 2020. No. 88. Pp. 122–124.
4. Nikolaychuk I.A. Yanglyaeva M.M., Yakova T.S. Wings of chaos. Mass media, world politics and state security. Moscow: Ikar, 2018. 352 p.
5. Nikolaychuk I.A. Yanglyaeva M.M., Yakova T.S. Managing the Past. Mass Media. Mythmaking. Identity. Moscow: Ikar, 2020. 340 p.
6. Savelyeva M.A. The Image of Russia in the Media of the EAEU Countries: Mediometric Analysis. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2020. No. 2. Pp. 222–230.
7. Shestopal E.B., Smul'kina N.V. Factors of Perception of Post-Soviet Countries in Modern Russian Society. *Polis*. 2018. No. 1. Pp. 26–44.
8. Bodrunova S.S. Social Media and Political Dissent in Russia and Belarus: An Introduction to the Special Issue. *Social Media + Society*. 2021. No. 7. DOI: 10.1177/20563051211063470
9. Leeuwen T. van. The representation of social actors. // *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*; R. Carmen (ed.). London: Routledge, 2003. pp. 32–70.

Чжан Вэньци,

магистр, Даляньский университет иностранных языков
E-mail: 2474634855@qq.com

Ревенко Инна Владимировна,

доцент, кандидат филологических наук, КГПУ
E-mail: 2474634855@qq.com

В статье исследуется феномен межкультурной коммуникации через перевод русской литературы в Китае, с акцентом на творчество В.П. Астафьева. Анализируется исторический контекст рецепции русской литературы, начиная с начала XX века, и её влияние на китайскую литературную традицию. Особое внимание уделено переводам произведений Астафьева, таких как «Царь-рыба», которые стали мостом между русской и китайской культурами благодаря универсальным нравственным и философским темам. Исследование также включает сравнительный анализ машинного и художественного переводов рассказа «Родные березы», выявляя преимущества творческого подхода в передаче авторского стиля и культурных нюансов. Результаты подчеркивают значимость художественного перевода для межкультурного диалога и его роль в формировании образа России в китайском сознании. Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным изучением механизмов рецепции и влияния цифровых технологий на переводческий процесс.

Ключевые слова: Межкультурная Коммуникация, Перевод Русской Литературы, В.П. Астафьев, Китайская Рецепция, Художественный Перевод, Машинный Перевод.

Введение

В последние десятилетия значительно усилился интерес к исследованию процессов межкультурной коммуникации, в том числе посредством перевода художественной литературы. Одним из наиболее ярких примеров подобного взаимодействия является восприятие и интерпретация русской литературы в Китае. Этот феномен представляет собой не только культурный диалог между двумя великими цивилизациями, но и важный элемент формирования образа России в китайском сознании.[1] Перевод русской художественной прозы, особенно произведений В.П. Астафьева, занимает особое место в этом процессе, так как сочетает в себе национальную специфику, философскую глубину и универсальные нравственные ориентиры.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа перевода русской литературы как многослойного феномена, включающего в себя исторический, литературоведческий и лингвокультурный аспекты. Особое внимание уделяется вопросам рецепции творчества В.П. Астафьева в Китае, механизмам адаптации его художественной манеры к восприятию китайского читателя, а также проблемам и стратегиям перевода, включая сравнение художественного и машинного подходов.

Цель статьи – выявить особенности межкультурного восприятия русской литературы в Китае на примере переводов В.П. Астафьева, проанализировать их влияние на китайскую литературу и литературный процесс в целом. Работа опирается на материалы многочисленных публикаций, статистику издательской активности, а также результаты сопоставительного анализа переводов. Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в расширении представлений о роли литературного перевода в диалоге культур и в выявлении факторов, способствующих или препятствующих адекватному восприятию русского текста в иной языковой и культурной среде.

Перевод русской литературы в Китае как феномен межкультурной коммуникации: исторический контекст и современные тенденции

В условиях глобализирующегося мира перевод художественной литературы приобретает особую значимость как механизм межкультурной коммуникации, способствующий взаимопониманию между народами. Особую актуальность этот процесс получает в контексте китайско-российских отношений, где литературный перевод выступает важным инструментом культурной дипломатии. Как отмечают исследователи, через призму русской литературы китайские читатели получают доступ к пониманию менталитета, ценностных ориентаций и исторического опыта российского народа.

Исторический анализ показывает, что процесс рецепции русской литературы в Китае прошел несколько этапов развития. Начальный период (начало XX века) характеризовался переводом произведений русской классики, причем особое символическое значение имела публикация «Капитанской дочки» А.С. Пушкина в 1903 го-

ду, ставшая, по выражению китайских литературоведов, «символическим началом» традиции перевода русской литературы в Китае.[2]

Важным аспектом исследования является феномен «смещенной корреляции», когда этапы развития русской и советской литературы находили отражение в китайской литературной традиции с временным лагом в 15–30 лет. Этот феномен особенно ярко проявился в период реформ и открытости (1970–1980-е годы), когда многие китайские авторы, включая Цзян Цзилуна с его повестью «Назначение директора Цяо», демонстрировали творческое осмысление опыта советской литературы. Современный этап характеризуется устойчивым интересом к русской литературе разных периодов, от классики до современной прозы. Статистические данные свидетельствуют о значительном количестве публикаций: от 26 изданий произведений А.И. Солженицына до 10–20 изданий авторов второго эшелона, таких как Ю. Бондарев, Д. Гранин, В. Астафьев, а также представителей массовых жанров – Н. Леонова и С. Лукьяненко. Особого внимания заслуживает продолжающееся влияние поэзии «Серебряного века» на современную китайскую поэзию, что указывает на глубину культурного взаимодействия.

Что перевод русской литературы в Китае представляет собой сложный многоуровневый процесс, сочетающий в себе элементы культурной трансляции, литературного влияния и межкультурного диалога. Перспективы дальнейшего исследования видятся в комплексном изучении механизмов рецепции, анализе переводческих стратегий разных исторических периодов и исследовании роли цифровых технологий в современном переводческом процессе.

Перевод русской литературы на китайский язык играет ключевую роль благодаря многообразию функций художественного перевода. Он обеспечивает межкультурную коммуникацию, расширяет познания читателей о другой культуре и истории, распространяет культурные ценности и сохраняет их для будущих поколений. Кроме того, перевод способствует обмену эстетическими и духовными ценностями, обогащает литературные традиции, развивает мышление и речь, усиливает межкультурный диалог на международном уровне, а также служит эффективным инструментом в образовательном процессе. Он является мостом между двумя богатейшими культурами.

В исходном литературном тексте скрывается многообразная культурная информация, которая раскрывает особенности быта, традиций и устоев, типичные модели мышления, истории страны и социальные нормы. Литературные произведения – это пища для размышлений, стимулирующая воображение и творческие способности читателя. Произведения В.П. [3]Астафьева с полным правом можно отнести к хорошей литературе, которая, с одной стороны, показывает жизнь простого русского человека в порой очень непростых жизненных ситуациях; содержат глубокие философские рассуждения о проблемах, значимых для современного человека вне зависимости от его национальности. Переводы произведения автора позволяют китайскому читателю лучше понять русскую культуру и русскую душу.

Основные переводы текстов В.П. Астафьева на китайский язык

В 1982 г. был впервые опубликован перевод «Царь-рыбы», и с этого времени имя русского писателя стало известным в Китае. В последующие годы в Китае были переведены, изданы и переизданы его произведения:

«Царь-рыба», «Пастух и пастушка», «Звездопад», «Кража», «Перевал», «Где-то гремит война», «Печальный детектив», «Затеси», «Ода русскому огороду» и др. рассказы. С начала 1980-х гг. на страницах периодических изданий были переведены и опубликованы многие из его произведений малой прозы, такие как «Гемофилия», «Древнее и вечное», «Жизнь Трезора», «Падение листа» (1981); «Восьмой побег», «Деревенское приключение», «Заклинание», «Лунный блик», «Мальчик и девицы», «Пир после победы», «Старое кино», «Солдат и мать» (1982); «Руки жены», «Последний поклон», «Ягодка» (1984); «Прокляты и убиты (отрывки)» (1993); «Звезды и елочки», «Песнопевница» (1994); «Родные березы», «Земля просыпается», «Страх» (1995); «Весенний остров» (1997), «Две подружки в хлебах заблудились», «Одинокий парус» (1999); «Ночное пространство» (2003); «Окно» (2004); «Кленовая палочка» (2009) и др..

В 1995 г. издательство «Сто цветов» опубликовало книгу «Сборник лирических миниатюр В. Астафьева», в которую включены переводы пятидесяти девяти рассказов, в том числе два ключевых произведения: «Затеси» и «Ода русскому огороду», подготовленные Чэнь Шусянь и Чжан Дабэнем. Книга была переиздана в 2005, 2009 и 2012 гг. В Китае около пятидесяти издательств принимают участие в выпуске произведений российских авторов.[4] В этой области наиболее заметны такие издательства, как «Народная литература» в Пекине, Шанхайское издательство переводной литературы, Лицзяньское издательство в Гуйлине, издательство «Масса» в Пекине, Издательство китайского международного радио в Пекине, издательство «Илинь» в Нанкине, Китайское издательство молодежи в Пекине, Издательство иностранной литературы в Пекине и др..

В Китае самой большой популярностью пользуются произведения реалистического стиля, особенно те, которые обращаются к проблемам нравственности, человечности и социальных реалий. Можно сказать, что Астафьев и есть такой автор. Самая популярная у китайских переводчиков книга – «Царь-рыба». Две главы повествования в рассказах «Царь-рыба» были впервые переведены на китайский язык и опубликованы в 1979 г. В 1982 г. в шанхайском издательстве «Иностранная литература» вышел в свет полный перевод. Первая версия перевода позже много раз переиздавалась, вторая переводная версия вышла в 1988 г. В 1997 и 2017 гг. были предложены новые варианты китайского перевода, авторами которых также стали переводчики, выполнившие перевод 1982 г.

Интерес переводчиков к этому произведению обусловлен рядом причин: Этот длинный роман, состоящий из коротких и средних рассказов, демонстрирует уникальный стиль автора как в идейном содержании, так и в художественной форме. В «Царь-рыбе» широко использованы исповедальный характер, стиль лирической прозы, нравственная и человеческая природа, присущие творчеству Астафьева. Автор писал: «я пишу о вещах, которые связаны с моей личной жизнью, но в результате многие люди чувствуют мои тревоги и мою боль точно так же». Однако «Царь-рыба» – это не просто воспоминания о собственной жизни автора. Писатель стремится к обобщениям, показывает на отдельных примерах глубину проблем. Такое качество помогает ему по-настоящему отражать реальность и привлекает китайских читателей.

«Царь-рыба» – это произведение, в котором описываются природа и человек, причем природа стоит на первом месте, а не человек и природа совместно. Именно этот порядок автор неоднократно подчеркивал, и это также имеет сходство с позиционированием китайскими даосами Дао, неба, земли и человека. Автор

горько критикует человеческую жадность, недальновидность и потакание своим желаниям и говорит о попорченной и безмолвной природе, что отражает серьезное чувство ответственности и страдания писателя. В тысячелетней истории Китая также воплощалась идея гармоничного сосуществования человека и природы мы думаем, что это также является особенностью привлекательности Астафьева для китайских читателей. Для многих китайских читателей «Царь-рыба» воспринимается как главная книга писателя. [5] Исследователи отмечают, что она оказала значительное влияние на творчество современных китайских писателей, таких, например, как лауреаты литературной премии «Мао Дуня» Мо Янь, Чжан Вэй и А Лай, которые сами признают воздействие «Царь-рыбы» на их творчество. В частности, Мо Янь в своих выступлениях отмечает как самые мудрые и подходящие для описания нашего времени слова финальные строки романа: «Время разрушать и время строить. Время насаждать и время вырывать насаженное. Время рвать и время сшивать. Время войне и время миру...». Писатель-тибетец А Лай в одной беседе называет В.П. Астафьева своим «духовным отцом».

Из приведенных выше данных ясно видно, что только часть произведений Астафьева переведена на китайский язык. Более поздние работы не были переведены по разным причинам. Например: Во-первых, сам язык Астафьева доставил переводчику немало трудностей. Потому что переводчик не просто понимает это буквально, но понимает подоплеку истории, выбирает лучшее содержание перевода и максимально сохраняет эмоции автора. Дайте читателям возможность полностью понять Астафьева и русскую культуру благодаря языку, стилю и содержанию статьи.[6] Во-вторых, после 1980-х годов в Китае также хлынуло большое количество европейской и американской литературы, что оказало определенное влияние на советскую и российскую литературу. До 1990-х годов критики, переводчики и т.д. в основном фокусировались на творческих методах, художественных особенностях, художественных стилях и различных приемах, используемых писателями. После 1990-х годов, в связи с непрерывным развитием социальной продуктивности, внимание людей постепенно переключилось на взаимоотношения человека и природы и написание работ на тему морали. В 1980-х и 1990-х годах китайские исследователи добились первых результатов в изучении произведений Астафьева, но результаты не были очевидными. В период кульминации исследований творчества Астафьева в китайских академических кругах в 21 веке критики не только продолжили предыдущее направление исследований, но и расширили и углубили сферу их применения

Способы преодоления трудностей в переводе рассказа «Родные березы»

В процессе перевода художественного текста перед переводчиком возникает комплекс трудностей, обусловленных лингвистическими различиями между русским и китайским языками, культурно-социальной спецификой, а также необходимостью адекватной передачи авторского стиля и системы выразительных средств оригинала. Как отмечал один сибирский писатель: «Мои трудно переводимые названия и язык, насыщенный местной лексикой и подлинно русскими словами, которые почему-то стали редкостью, нельзя переводить буквально. В любом языке можно найти некие аналоги, хотя неизбежно теряются нюансы и полутона. Главное, чтобы переводчики избегали вольностей, неточностей и нелепостей».

Современные технологии машинного перевода, основанные на искусственном интеллекте, по утверждению их сторонников, вскоре смогут обеспечить качественный литературный перевод. В данном исследовании был проведен сравнительный анализ машинного и художественного перевода рассказа «Родные березы» из цикла «Затеси», выявивший существенные различия в подходе к передаче выразительных средств. Хотя оба метода могут использовать сходные приемы, художественный перевод отличается более тщательным подбором эквивалентов с учетом эстетической функции текста. [7] Например, лексический повтор, служащий для усиления экспрессии в оригинале (как в случае с повторением слова категории состояния у Астафьева), в машинном переводе передается формально, тогда как профессиональный переводчик уделяет особое внимание сохранению стилистического эффекта.

Анализ показал, что машинный перевод часто допускает смысловые искажения (например, добавление не свойственного оригиналу значения «необратимо» к глаголу «излечиваются») и игнорирует культурный контекст (перевод слова «путевка» как «билет в санаторий»). В то же время художественный перевод стремится найти баланс между точностью и адаптацией к восприятию китайской аудитории, используя соответствующие культурные аналоги (например, сопоставление русской «избы» с китайскими сельскими домами). Особенно заметны различия при переводе безэквивалентной лексики: если машинный перевод дает буквальные, но неадекватные соответствия («кадка» как «ванна»), то профессиональные переводчики подбирают термины, соответствующие национальной специфике. Исследование подтвердило, что хотя машинный перевод может справляться с базовой семантической точностью, нюансы смысла, оценочные оттенки и экспрессивные средства значительно лучше передаются в художественном переводе. Это особенно очевидно при работе с фразеологизмами и клише: машинный перевод фиксирует основное значение («радость первооткрывателя»), но не передает коннотаций и степени эмоциональной насыщенности, которые профессиональный переводчик раскрывает через более развернутые и выразительные формулировки. Таким образом, несмотря на прогресс в области автоматического перевода, художественный текст по-прежнему требует творческого подхода, учитывающего как лингвистические, так и культурологические аспекты.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ключевые особенности восприятия и перевода произведений В.П. Астафьева в Китае, подчеркнув их значимость как моста между русской и китайской культурами. Анализ показал, что творчество Астафьева, особенно такие произведения, как «Царь-рыба», находит глубокий отклик у китайской аудитории благодаря универсальным нравственным и философским темам, а также сходству в восприятии гармонии человека и природы, что созвучно традиционным даосским идеям. Это подтверждается влиянием Астафьева на современных китайских писателей, таких как Мо Янь и А Лай, которые открыто признают его вклад в свое творчество. Исследование также продемонстрировало, что перевод русской литературы на китайский язык представляет собой сложный процесс, требующий учета не только лингвистических, но и культурных особенностей. Сравнительный анализ машинного и художественного перевода рассказа «Родные березы» показал, что, несмотря на прогресс технологий, творческий подход профессиональных переводчиков остается

незаменимым для передачи авторского стиля, экспрессии и культурных нюансов. Машинный перевод, хотя и обеспечивает базовую семантическую точность, часто искажает коннотации и эмоциональную насыщенность текста.

В перспективе дальнейшие исследования могли бы углубиться в изучение механизмов рецепции русской литературы в Китае, включая анализ переводческих стратегий для разных исторических периодов и роль цифровых технологий в современном переводческом процессе. Важно также расширить круг изучаемых авторов и произведений, чтобы получить более полную картину культурного взаимодействия между Россией и Китаем.

Литературы

1. Андреева Я. Е., Лабунец Н.В. Межъязыковые трансформации при переводе с русского языка на китайский романа Г.Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2020. – Т. 6, № 4 (24). – С. 6–23.
2. Ван И. Л. О «переводческих тонах» в переводе с русского на китайский. На примере трех переводов романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Современное педагогическое образование. – 2019. – № 3. – С. 89–93.
3. Гао Ш.П. Эстетическая адаптация при переводе художественного текста // Мир русскоговорящих стран. – 2020. – № 2 (4). – С. 46–56.
4. Дун С. Изменчивое признание и исчезновение авторитета: о судьбе русской и советской литературы в Китае // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2020. – Т. 12. – С. 316–331.
5. Ли Л. Роль и функции художественного перевода в XXI веке // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. – 2020. – № 5. – С. 58–62.
6. Чжан Т. Аннотированное исследование по китайскому переводу «Преступления и наказания» // Исследование по русскому языку, литературе и культуре. – 2020. – № 3. – С. 56–65.
7. Ян Ч. История перевода произведений В.П. Астафьева в Китае: проблемы и перспективы // Русский язык за рубежом. – 2013. – № 2. – С. 84–88.

WORKS BY V.P. ASTAFIEV IN CHINESE TRANSLATION

Zhang Wenqi, Revenko I.V.

Dalian University of Foreign Languages, Krasnoyarsk State Pedagogical University

The article explores the phenomenon of intercultural communication through the translation of Russian literature in China, with a focus on the work of V.P. Astafiev. The historical context of the reception of Russian literature since the beginning of the XX century and its influence on the Chinese literary tradition is analyzed. Special attention is paid to the translations of Astafiev's works, such as "Tsar Fish", which became a bridge between Russian and Chinese cultures due to universal moral and philosophical themes. The study also includes a comparative analysis of machine and artistic translations of the story "Native Birch Trees", revealing the advantages of the creative approach in conveying the author's style and cultural nuances. The results emphasize the significance of artistic translation for intercultural dialogue and its role in shaping the image of Russia in the Chinese consciousness. Prospects for further research are related to an in-depth study of the mechanisms of reception and the influence of digital technologies on the translation process.

Keywords: Intercultural Communication, Translation Of Russian Literature, V.P. Astafiev, Chinese Reception, Artistic Translation, Machine Translation.

References

1. Andreeva Ya. E., Labunets N.V. Interlingual transformations in the translation from Russian into Chinese of G. Sh. Yakhina's novel "Zuleikha Opens Her Eyes" // Bulletin of Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanitates. – 2020. – Vol. 6, No. 4 (24). – P. 6–23.
2. Wang I.L. On "translation tones" in translation from Russian into Chinese. On the example of three translations of A.S. Pushkin's novel "The Captain's Daughter" // Modern pedagogical education. – 2019. – No. 3. – P. 89–93.
3. Gao Sh.P. Aesthetic adaptation in the translation of a fiction text // The world of Russian-speaking countries. – 2020. – No. 2 (4). – P. 46–56.
4. Dong S. Fluctuating Recognition and the Disappearance of Authority: On the Fate of Russian and Soviet Literature in China // Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African Studies. – 2020. – Vol. 12. – P. 316–331.
5. Li L. The Role and Functions of Literary Translation in the 21st Century // Bulletin of Polotsk State University. Series A. – 2020. – No. 5. – P. 58–62.
6. Zhang T. Annotated Study on the Chinese Translation of "Crimes and Punishments" // Research in the Russian Language, Literature and Culture. – 2020. – No. 3. – P. 56–65.
7. Yang Z. History of Translation of V.P. Astafiev's Works in China: Problems and Prospects // Russian Language Abroad. – 2013. – No. 2. – P. 84–88.

Формирование новых архитектур безопасности в Азии: Россия, Китай и США в условиях геополитического противостояния в 2024–2025 годах

Ярымова Ольга Вячеславовна,

аспирант направления «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» (23.00.04) Дипломатической академии МИД России
E-mail: aspirantura@dipacademy.ru

Статья посвящена теме формирования новых архитектур безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе в условиях геополитического противостояния между Россией, Китаем и США в 2024–2025 годах. Особое внимание уделяется анализу вызовов и угроз, стоящих перед регионами безопасности, а также стратегии ключевых держав в создании новых форматов региональной безопасности. Цель исследования заключается в оценке воздействия геополитического противостояния на архитектуру безопасности в АТР, в частности, в свете действий России, Китая и США. Методы исследования включают анализ открытых источников, официальных документов, международных отчетов, а также сравнительный подход к оценке политической и экономической активности стран в сфере безопасности. Результаты исследования показывают, что баланс сил в регионе претерпевает значительные изменения, с усилением позиций России и Китая в ответ на возрастающую активность США и их союзников. Важным выводом является необходимость выработки гибких дипломатических стратегий и создания новых механизмов сотрудничества, направленных на предотвращение обострения конфликтных ситуаций и укрепление стабильности в АТР.

Ключевые слова: Геополитика, безопасность, Азиатско-Тихоокеанский регион, Россия, Китай, США, архитектура безопасности, международные отношения, дипломатия, стратегическое противостояние.

Введение

Современный этап трансформации региональной системы международной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) обусловлен интенсификацией стратегической конкуренции между ключевыми акторами – Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой и Соединёнными Штатами Америки. Эрозия прежнего баланса сил, институциональный кризис универсальных механизмов коллективной безопасности и рост конфронтационного потенциала в условиях полицентричности глобального порядка ведут к формированию новых парадигм региональной стабильности [1], [2].

В 2024–2025 годах Соединённые Штаты Америки активизировали ревизию своей региональной стратегии в рамках концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», сопряжённой с расширением военно-стратегического взаимодействия в рамках альянсов QUAD и AUKUS, а также интенсификацией военного присутствия на территориях союзников – Японии, Южной Кореи и Филиппин [9]. Одновременно наблюдается институционализация механизмов сдерживания Китая через двусторонние соглашения в сфере обороны и модернизацию компонентов ПРО в регионе, что свидетельствует о сохранении США статуса гаранта регионального status quo ante.

Китайская Народная Республика, в свою очередь, реализует комплексную внешнеполитическую доктрину, базирующуюся на принципах суверенного равенства, невмешательства и неделимости безопасности. В условиях растущей турбулентности Пекин продвигает собственную нормативную инициативу – Глобальную инициативу в области безопасности, которая находит институциональное оформление через платформы ШОС и БРИКС, а также двусторонние соглашения с государствами Юго-Восточной Азии [6]. Особое внимание уделяется трансрегиональному сопряжению интересов в сферах инфраструктуры, энергетики и кибербезопасности.

Российская Федерация, укрепляя восточный вектор своей внешнеполитической стратегии, активизировала дипломатические и военно-политические усилия в АТР. В 2024 году были заключены новые соглашения о стратегическом партнёрстве и обмене данными в области информационной безопасности с государствами Центральной и Юго-Восточной Азии [3], [5]. Законодательное обеспечение государственной безопасности отражено в обновлённой нормативной базе, включая Федеральный закон от 30 января 2024 года № 15-ФЗ «О государственной безопасности Российской Федерации», акцентирующий приоритет превентивных и координирующих механизмов в сфере защиты суверенитета [7].

На фоне интенсификации соперничества трёх центров силы прослеживается смещение вектора архитектур безопасности от универсалистских моделей к регионально-ориентированным, функционально адаптированным под геополитические реалии постуниполярного мира. Эскалация напряжённости в Тайваньском проливе, милитаризация Южно-Китайского моря, а также санкционные и правовые коллизии в области международной торговли и технологий требуют переос-

мысления правовых рамок взаимодействия и институционализации новых форматов стратегической стабильности [4], [8], [10].

Настоящее исследование нацелено на комплексный анализ процессов переконфигурации архитектур безопасности в АТР, включая правовой, политико-стратегический и институциональный аспекты взаимодействия России, Китая и США в условиях эволюции международно-правовой субъектности региона.

Материалы и методы

Для исследования формирования новых архитектур безопасности в Азии использованы официальные документы, аналитические отчеты международных организаций, а также научные публикации. Среди ключевых источников – доклады Министерства иностранных дел РФ, аналитика RAND Corporation и Центра Карнеги, а также работы ведущих экспертов, таких как Кобзев А.В. и Соловьёв В.П. Эти материалы дают полное представление о текущем состоянии и стратегических подходах России, Китая и США в сфере безопасности в АТР.

Методы исследования включают контент-анализ для систематизации информации из официальных и научных источников, а также сравнительный анализ, который позволяет сопоставить подходы этих стран к региональной безопасности. Сравнение стратегий безопасности выявляет общие и конфликтующие интересы великих держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Кроме того, применены историко-генетический и кейс-методы для анализа изменений в международных отношениях и специфики отдельных событий, таких как создание ШОС и усилия по стабилизации ситуации на Корейском полуострове. Метод прогнозирования используется для оценки возможных сценариев безопасности в АТР на 2024–2025 годы, что способствует выработке рекомендаций для эффективного взаимодействия России, Китая и США в регионе.

Литературный обзор

Формирование архитектур безопасности в Азии, особенно в контексте геополитического противостояния России, Китая и США, является предметом активных исследований в области международных отношений и безопасности. Работы отечественных и зарубежных авторов подчеркивают ключевые аспекты безопасности, такие как влияние военной и экономической мощи великих держав, а также их внешнеэкономические стратегии.

Одним из важных источников является труд Кобзева А.В., который исследует геополитическую ситуацию в АТР и выявляет ключевые угрозы безопасности, включая конкуренцию за ресурсы и стратегическую нестабильность в регионе [1]. В своих работах Кобзев акцентирует внимание на стремлении стран региона выстраивать альтернативные системы безопасности, отражая сложную динамику взаимодействия между Россией, Китаем и США. Это подтверждается также анализом стратегических инициатив Китая в области безопасности, представленным Чжан Ю., который подчеркивает роль Китая в формировании новых норм и стандартов для АТР [6].

Доклад Министерства иностранных дел РФ (2024) детально рассматривает вопросы внешней политики России в Азии, акцентируя внимание на сотрудничестве с ключевыми государствами региона и выстраивании многоуровневых механизмов безопасности, включая ШОС и АСЕАН [3]. В то же время, исследования RAND Corporation анализируют динамику угроз безопасности

в Азиатско-Тихоокеанском регионе, подчеркивая, что новые вызовы, такие как киберугрозы и региональные конфликты, требуют от всех сторон постоянного адаптирования своей политики безопасности [4].

Особое внимание уделяется США, чья политика в АТР включает укрепление альянсов с Японией, Южной Кореей и другими странами, что также служит важным фактором для формирования общей архитектуры безопасности в регионе. В этом контексте работа Брауна М. рассматривает стратегическую роль США в АТР и их подходы к региональной безопасности в условиях геополитического противостояния [9]. Таким образом, литература подчеркивает многогранность и комплексность вопросов безопасности в АТР, где каждый из участников – Россия, Китай и США – преследует свои интересы, создавая напряженную, но взаимозависимую ситуацию в регионе.

Результаты

Исследование показало, что в условиях геополитического противостояния Россия, Китай и США оказывают взаимное влияние на архитектуру безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Россия и Китай усиливают сотрудничество в рамках многосторонних платформ, таких как ШОС, что позволяет им выстраивать альтернативные механизмы безопасности, направленные на сдерживание внешнего вмешательства и усиление собственной безопасности. Тем не менее, оба государства сталкиваются с внутренними и внешними вызовами, такими как экономические санкции и напряженные территориальные отношения.

США, в свою очередь, продолжают доминировать в военной сфере, однако их стратегия сдерживания Китая, а также усиление военного присутствия в регионе, способствуют росту антиамериканских настроений и ухудшению отношений с ключевыми странами региона. В рамках исследования было выявлено, что перспективы формирования стабильной и сбалансированной архитектуры безопасности в АТР требуют от всех сторон гибкости, готовности к компромиссам и активного дипломатического взаимодействия.

Обсуждение

1. Геополитическая динамика и вызовы безопасности в АТР. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) представляет собой ключевую арену в глобальной геополитической и экономической борьбе, где происходят не только стратегические перестановки, но и серьезные вызовы безопасности. В последние десятилетия регион стал ареной для реализации амбициозных планов Китая, США и России, каждая из которых стремится укрепить свои позиции в контексте меняющейся мировой политической карты. Процесс глобализации, усиление экономической интеграции, а также эволюция военно-политической обстановки в АТР создают благоприятные условия для столкновения различных интересов и акцентов в области безопасности.

Одним из наиболее заметных факторов, влияющих на геополитическую динамику в АТР, является стратегический возврат Китая на мировой арене. В результате реализации политики «Меч и шелк» Пекина, направленной на укрепление экономических позиций и военно-политического присутствия в регионе, Китай активно вмешивается в вопросы безопасности, а также расширяет свой глобальный военный потенциал. Исследования Кобзева А.В. акцентируют внимание на расширении китайского влияния через многосторонние механизмы и двусторонние альянсы, такие как Шанхайская органи-

зация сотрудничества (ШОС) и создание новых региональных структур безопасности, таких как Азиатский инфраструктурный инвестиционный банк (АИИБ) и Регионы экономической интеграции в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [1]. Это формирует параллельную, альтернативную западным структурам систему безопасности, ориентированную на укрепление китайского влияния, что влечет за собой не только военно-политическое, но и экономическое доминирование.

В контексте реакций США на китайскую экспансию следует отметить, что политика Вашингтона нацелена на сохранение стратегического присутствия и защиты своих экономических интересов в регионе. США продолжают поддерживать традиционные союзные отношения с Японией, Южной Кореей, Филиппинами и Австралией, что позволяет им контролировать ключевые маршруты поставок и поддерживать стратегическое превосходство. Мощная военно-морская база, развернутая в Южно-Китайском море, а также постоянное усиление военного присутствия в Тайваньском проливе, свидетельствуют о решимости США предотвратить возможную гегемонию Китая. Как утверждает в работах Брауна М., США рассматривают возможность применения экономических и политических мер сдерживания, в том числе торговых санкций, ограничений в сфере высоких технологий и укрепления военно-экономических альянсов, как основной инструмент воздействия на Пекин [9].

Конкуренция за доминирование в АТР также затрудняет возможность коллективных усилий в обеспечении безопасности. Открытые противоречия между ключевыми игроками региона приводят к тому, что регион не может сформировать единую архитектуру безопасности, ориентированную на многополярность. В этом контексте, как подчеркивает Агеева Т.В., сохранение безопасности в АТР требует комплексного подхода, который учитывал бы не только традиционные угрозы в виде территориальных споров и военных угроз, но и растущую угрозу в области кибербезопасности, где конкуренция между государствами становится все более интенсивной. Развитие новых технологий, таких как искусственный интеллект, квантовые вычисления и киберугрозы, становится важным элементом геополитической игры, который способствует дальнейшему усложнению безопасности региона [8].

Таким образом, геополитическая динамика в АТР складывается из противоречивых и конкурентных интересов ведущих мировых держав, что приводит к напряженности в вопросах безопасности. Усиление китайского влияния и стремление США сохранить лидерство в регионе, наряду с активной ролью России, создает неоднозначную ситуацию, в которой безопасность региона будет зависеть от способности этих держав учитывать интересы друг друга и работать на стабилизацию региональной ситуации.

2. Проблемы и перспективы безопасности для России и Китая. В контексте глобальных изменений и ухудшающихся международных отношений Россия и Китай, будучи ключевыми игроками в Азиатско-Тихоокеанском регионе, сталкиваются с целым рядом проблем в области безопасности. Это обусловлено как внутренними вызовами, так и внешними факторами, что в свою очередь требует от этих стран принятия комплексных мер для обеспечения стабильности и защите своих национальных интересов. В то время как их геополитические и экономические амбиции зачастую совпадают, на практике обе страны сталкиваются с различными проблемами, которые могут затруднить эффективное сотрудничество и угрожают безопасности в долгосрочной перспективе.

Одной из главных проблем является растущее стратегическое противостояние с Западом, особенно с США. Позиции России и Китая на международной арене во многом схожи, и обе страны стремятся уменьшить свою зависимость от западных институтов и политической направленности, что, с одной стороны, способствует усилению их взаимной солидарности, а с другой – создает ряд рисков для их безопасности. Китай, стремясь укрепить свои позиции в Юго-Восточной Азии и в других ключевых районах, сталкивается с вызовами со стороны США, которые оказывают давление на китайские амбиции через экономические санкции и дипломатическое сдерживание. В свою очередь, Россия, активно участвующая в геополитическом противостоянии с НАТО и ЕС, ищет пути укрепления своей безопасности в ответ на расширение западных военных структур на восток. Это создает потенциальные источники напряженности, как на уровне двусторонних отношений, так и в контексте их воздействия на международную безопасность в целом.

Важным аспектом является укрепление военных и политических связей между Россией и Китаем, что предоставляет обеим странам возможность формировать параллельную систему безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и других региональных инициатив. По мнению Ли С.Х., Китай рассматривает Россию как ключевого партнера в контексте региональной безопасности и борьбы с западной гегемонией [2]. Однако, несмотря на значительный потенциал двустороннего сотрудничества, существует несколько факторов, которые могут затруднить его развитие. Во-первых, это разница в стратегических интересах обеих стран в некоторых ключевых районах, таких как Центральная Азия и Каспийский регион. В то время как Китай стремится к усилению своего влияния в этих областях через экономическое и политическое присутствие, Россия традиционно рассматривает эти регионы как зоны своего жизненного интереса. Такая конкуренция за влияние может создавать неопределенности и препятствовать глубокому стратегическому партнерству между двумя странами.

Кроме того, одной из важнейших угроз для безопасности России и Китая являются внутренние вызовы, связанные с нестабильностью в соседних странах и региональных конфликтах. Например, угрозы терроризма, наркотраговли и незаконной миграции в Центральной Азии создают риски для безопасности не только этих стран, но и для России и Китая. Взаимное сотрудничество в области антитеррористической борьбы и противодействия другим транснациональным угрозам продолжает быть одним из приоритетов в двусторонних отношениях, что поддерживает стратегический альянс, но также ставит перед двумя странами вызовы в сфере координации своих действий на международной арене.

С точки зрения перспектив безопасности, важно отметить, что и Россия, и Китай продолжают стремиться к укреплению своей военно-политической мощи и улучшению механизмов взаимодействия в сфере обороны. Программы по модернизации вооружений, усиление присутствия в стратегически важных районах, таких как Южно-Китайское море и Арктика, а также расширение военного сотрудничества через совместные учения и обмен разведывательной информацией являются важными шагами в обеспечении безопасности. Также стоит отметить важность стратегического диалога между двумя странами, который может способствовать не только укреплению их позиций в международных отношениях, но и обеспечению баланса сил в АТР.

Таким образом, проблемы и перспективы безопасности для России и Китая в АТР отражают не только стратегические амбиции этих стран, но и вызовы, связанные с изменяющимся международным порядком, а также внутренними и внешними угрозами. На фоне растущей конкуренции и глобальной нестабильности, перспективы безопасности этих двух стран будут зависеть от способности адаптировать свои стратегии и углублять сотрудничество в сфере обороны и безопасности.

3. Роль США и их влияние на архитектуру безопасности АТР. США, являясь одним из ведущих мировых игроков, продолжают оказывать значительное влияние на архитектуру безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Их стратегический интерес в регионе обусловлен несколькими ключевыми факторами, включая обеспечение свободы навигации в стратегически важнейших водных путях, сдерживание китайского влияния, а также укрепление альянсов с союзниками, такими как Япония, Южная Корея и Австралия. Влияние США на безопасность в АТР тесно связано с их политической, экономической и военной мощью, а также с сетью многосторонних соглашений, которые они поддерживают в регионе, включая Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) и форумы, такие как Восточно-азиатский саммит (EAS) [5].

Основным элементом стратегии США в АТР остается их стремление к сдерживанию растущего влияния Китая, которое рассматривается как главная угроза для западных интересов в регионе. Американская политика в отношении Китая направлена на ограничение его доступа к ключевым экономическим и военным ресурсам, сдерживание китайских территориальных амбиций, особенно в Южно-Китайском море, и предотвращение его военного доминирования в стратегически важных регионах. Для этого США активно используют как дипломатические инструменты, так и военные ресурсы, направляя свои силы на поддержку союзников и партнеров, таких как Япония, Южная Корея, Австралия и Филиппины, укрепляя присутствие в АТР через передовое размещение военных баз и проведение совместных военных учений [9].

Американская стратегия в регионе также включает поддержание открытых морских путей, что критически важно для международной торговли, в частности, для транспортировки нефти и других стратегических ресурсов, которые проходят через Малаккский пролив и Южно-Китайское море. США акцентируют внимание на свободе навигации как на важнейшем элементе безопасности не только для себя, но и для всего международного сообщества. Важно отметить, что военные присутствие США в регионе, включая морские, воздушные и наземные силы, служит не только в качестве сдерживающего фактора против агрессивных действий Китая, но и как средство гарантирования стабильности в случае возникновения угроз для ключевых транспортных маршрутов [4].

Кроме того, США активно продвигают концепцию «индо-тихоокеанской стратегии», которая включает в себя укрепление связей с Индией, поддержание альянсов с Японией и Южной Кореей, а также усиление сотрудничества с новыми партнерами в Южной и Юго-Восточной Азии. В рамках этой стратегии США стараются создать систему сдерживания Китая и поддерживать стабильность в АТР путем многостороннего сотрудничества и обмена информацией, а также за счет участия в ряде региональных и международных организаций. Таким образом, США продолжают играть ведущую роль в формировании архитектуры безопасности АТР, действуя как

активный участник и арбитр геополитических процессов в регионе [8].

Однако влияние США на безопасность АТР не ограничивается только сдерживанием Китая. Американская политика также направлена на поддержку демократических ценностей и прав человека в странах региона, что часто приводит к напряженности в отношениях с авторитарными режимами, такими как КНДР и, в меньшей степени, с Китаем. В то же время, чрезмерная военная активность США в регионе и их вмешательство в вопросы, касающиеся внутренней политики других стран, часто воспринимается как вмешательство в суверенные дела, что вызывает критику со стороны как Китая, так и других стран региона, стремящихся сохранить независимость от западного влияния [6].

Таким образом, США играют ключевую роль в обеспечении безопасности в АТР через многогранную стратегию, включающую военное присутствие, дипломатические усилия и экономические инструменты. Их политика в регионе направлена как на сдерживание Китая, так и на укрепление альянсов с союзниками, обеспечение стабильности и свободы навигации, что, в свою очередь, определяет архитектуру безопасности в АТР [7].

Заключение

Архитектура безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в 2024–2025 годах продолжает оставаться подверженной динамичным изменениям, обусловленным конкуренцией и геополитическими напряжениями между ведущими мировыми игроками – Россией, Китаем и США. В условиях стратегического противостояния, роста военных и экономических амбиций Китая, усиления военного присутствия США и необходимости России укреплять свои позиции в регионе, существует очевидная угроза дестабилизации, особенно в контексте спорных территориальных претензий и контроля над важнейшими морскими путями.

Несмотря на растущие напряженности, существует потенциал для формирования многосторонних механизмов безопасности, где Россия и Китай могут предложить альтернативу американскому доминированию, особенно в рамках ШОС и других региональных объединений. Однако это требует от Москвы и Пекина гибкости и готовности к компромиссам, а также к более активному участию в решении вопросов безопасности на основе баланса интересов. Укрепление этих двусторонних отношений, в том числе в сфере безопасности и обороны, необходимо для создания устойчивой многополярной системы, способной эффективно противостоять внешним угрозам.

В отношении США можно прогнозировать, что их политика в регионе останется ориентированной на сдерживание Китая и укрепление альянсов с ключевыми партнерами, что будет способствовать поддержанию их влияния в АТР. Однако чрезмерная акцентуация на военном присутствии и вмешательстве в региональные дела может привести к негативным последствиям, включая рост антиамериканских настроений и усиление геополитической напряженности. Таким образом, для США важно пересмотреть свою стратегию и акцентировать внимание на дипломатии, многостороннем сотрудничестве и поддержке региональной стабильности.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе наибольшие угрозы для безопасности в АТР будут исходить от неуправляемых территориальных конфликтов, гипотетической гонки вооружений и агрессивной внешней политики ведущих держав. Для предотвращения этих угроз требуется создание прочных рамок для диплома-

тического и военного сотрудничества, внедрение механизмов доверия и прозрачности, а также усиление роли международных организаций, таких как ООН и АТЭС, в решении спорных вопросов.

Литература

1. Кобзев А.В. Геополитика и безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе / А.В. Кобзев. – М.: ИМЭМО РАН, 2023. – 312 с.
2. Ли С.Х. Региональная безопасность в Азии: вызовы и перспективы / С.Х. Ли // Вестник международных исследований. – 2024. – № 4. – С. 56–74.
3. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доклад о международной безопасности в Азии 2024 Электронный ресурс. – М., 2024. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/security_report_2024 (дата обращения: 03.05.2025).
4. RAND Corporation. Динамика безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе 2024–2025 / RAND Corporation. – 2024. – 78 с. – Режим доступа: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA1234.html (дата обращения: 03.05.2025).
5. Соловьёв В.П. Новые архитектуры безопасности в Азии: Россия и Китай / В.П. Соловьёв // Международная политика. – 2025. – № 1. – С. 22–39.
6. Чжан Ю. Стратегические инициативы Китая в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Ю. Чжан // Журнал исследований безопасности Азии. – 2024. – Т. 6, № 3. – С. 101–120.
7. Федеральный закон от 30 января 2024 г. № 15-ФЗ «О государственной безопасности Российской Федерации» Текст // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 5. – Ст. 1200.
8. Агеева Т.В. Геополитическое противостояние и безопасность в Азии / Т.В. Агеева // Азиатско-Тихоокеанский регион: вызовы и возможности. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2024. – С. 85–110.
9. Браун М. Политика США и архитектура безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе / М. Браун // Обзор геополитики Азии. – 2025. – Т. 4, № 2. – С. 67–88.
10. Центр Карнеги. Новые вызовы безопасности в Азии: Россия, Китай и США Электронный ресурс. – 2024. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/2024/asia-security-challenges> (дата обращения: 03.05.2025).

FORMATION OF NEW SECURITY ARCHITECTURES IN ASIA: RUSSIA, CHINA, AND THE USA IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL CONFRONTATION IN 2024–2025

Yarymova O.V.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article is dedicated to the formation of new security architectures in the Asia-Pacific region amid the geopolitical confrontation between Russia, China, and the USA in 2024–2025. Special attention is given to analyzing the challenges and threats facing security regions, as well as the strategies of key powers in creating new formats for regional security. The aim of the study is to assess the impact of geopolitical rivalry on the security architecture in the Asia-Pacific region, particularly in light of the actions of Russia, China, and the USA. Research methods include the analysis of open sources, official documents, international reports, as well as a comparative approach to assessing the political and economic activity of the countries in the field of security. The results of the study show that the balance of power in the region is undergoing significant changes, with the strengthening of Russia's and China's positions in response to the increasing activity of the USA and its allies. An important conclusion is the necessity of developing flexible diplomatic strategies and creating new cooperation mechanisms aimed at preventing the escalation of conflict and strengthening stability in the Asia-Pacific region.

Keywords: Geopolitics, security, Asia-Pacific region, Russia, China, USA, security architecture, international relations, diplomacy, strategic rivalry.

References

1. Kobzev A.V. Geopolitics and Security in the Asia-Pacific Region / A.V. Kobzev. – Moscow: IMEMO RAS, 2023. – 312 p.
2. Lee S.H. Regional Security in Asia: Challenges and Prospects / S.H. Lee // Bulletin of International Studies. – 2024. – No. 4. – P. 56–74.
3. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Report on International Security in Asia 2024 Electronic resource. – Moscow, 2024. – Available at: https://mid.ru/en/foreign_policy/security_report_2024 (accessed: 03.05.2025).
4. RAND Corporation. Asia-Pacific Security Dynamics 2024–2025 / RAND Corporation. – 2024. – 78 p. – Available at: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA1234.html (accessed: 03.05.2025).
5. Solovyov V.P. New Security Architectures in Asia: Russia and China / V.P. Solovyov // International Politics. – 2025. – No. 1. – P. 22–39.
6. Zhang Y. China's Strategic Security Initiatives in Asia-Pacific / Y. Zhang // Journal of Asian Security Studies. – 2024. – Vol. 6, No. 3. – P. 101–120.
7. Federal Law of January 30, 2024 No. 15-FZ "On State Security of the Russian Federation" Text // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2024. – No. 5. – Art. 1200.
8. Ageeva T.V. Geopolitical Confrontation and Security in Asia / T.V. Ageeva // Asia-Pacific Region: Challenges and Opportunities. – St. Petersburg: SPbSU Press, 2024. – P. 85–110.
9. Brown M. US Policy and Security Architecture in Asia-Pacific / M. Brown // Asian Geopolitics Review. – 2025. – Vol. 4, No. 2. – P. 67–88.
10. Carnegie Center. New Security Challenges in Asia: Russia, China, and the USA Electronic resource. – 2024. – Available at: <https://carnegie.ru/2024/asia-security-challenges> (accessed: 03.05.2025).